THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

BUILDING USE ONLY

DK1
.M672
1874
kn. 1

This book must not be taken from the Library building.

Ан
С
v. 88.

DK 1
.m672
1874
кн. 1

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1874

Генварь — Мартъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

Не играно

Помѣщаемыя статьи въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» ни кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть перепечатываемы ни прямо, ни, такъ называемымъ, перифразомъ, вполнѣ, или отрывочно, безъ согласія Общества и Редакціи оныхъ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/chteniiavimperat01impe

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ІЕРЕЙ

СИЛЬВЕСТРЪ

и

ЕГО ПИСАНІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ,

НАЧАТОЕ Д. П. ГОЛОХВАСТОВЫМЪ ВЪ 1849 ГОДУ,
И ДОКОНЧЕННОЕ АРХИМАНДРИТОМЪ ЛЕОНИДОМЪ ВЪ 1873 ГОДУ.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ІЕРЕЙ СИЛЬВЕСТРЪ

и

ЕГО ПИСАНІЯ.*

Одинаковы источники, изъ которыхъ историки наши почерпали извѣстіе о Сильвестрѣ, но не одинаковъ взглядъ ихъ на него.

Д. П. Голохвастовъ.

Изданіе книги, глаголемой «Домострой,» и въ особенности послѣдней ея главы: «Наказаніе и посланіе» Благовѣщенскаго Попа Сильвестра, «къ сыну его Анѳиму,» повело къ другимъ розысканіямъ и открытіямъ, которыя должны пролить новый свѣтъ на жизнь и дѣйствія лица, занявшаго столь значительное, и притомъ такое спорное, мѣсто въ нашей Исторіи.

Изслѣдованія о Сильвестрѣ, здѣсь представляемыя, мы начнемъ взглядомъ на необыкновенную, можно сказать исключительную, какъ по себѣ самой, такъ и по обстоятельствамъ, коими была обставлена, личность Іоанна IV, до кончины первой супруги его, Анастасіи, и до прекращенія взаимныхъ отношеній между нимъ и Сильвестромъ; обозримъ сказанія о Сильвестрѣ современниковъ его и позднѣйшихъ писателей; сличимъ эти немногія, но разнообразныя, сказанія съ фактами неоспоримыми и прежде извѣстными; обратимся къ вновь открытому, и заключимъ выводомъ, который, безъ всякой натяжки и пристрастія, свободно вытекаетъ изъ сличенія вновь узнаннаго съ прежде извѣстнымъ.

Іоаннъ IV, Грозный для своихъ подданныхъ и для потомства, родился 25 Августа, 1530. Безчадіе, о которомъ Великій Князь

---

* Это изслѣдованіе покойнаго Д. П. Голохвастова находилось въ черновыхъ бумагахъ, обязательно сообщенныхъ намъ, для просмотра, сыномъ его, Д. Д. Голохвастовымъ, приведено въ порядокъ и докончено, по плану самаго изслѣдователя, Архимандритомъ Леонидомъ.

Василій Іоанновичъ такъ сокрушался, что не вмѣнилъ себѣ въ грѣхъ уполномочить Дворецкаго Шигону съ насиліемъ постричь добродѣтельную супругу, съ которой Государь провелъ въ мирѣ и согласіи болѣе двадцати лѣтъ, продолжалось слишкомъ три года, и послѣ второго брака Василія съ Еленой Глинскою. Тщетны были и молитвы, и подвиги благочестія, и хожденія по святымъ обителямъ. Правосудіе небесное какъ будто не благословляло брака, который боголюбивые мужи, прежде спрошенные Василіемъ, представляли ему прелюбодѣйствомъ. Можно себѣ представить, какъ обрадованъ былъ рожденіемъ первенца-сына пожилой родитель, видѣвшій въ этомъ исполненіе многолѣтнихъ желаній и прекращеніе гнѣва Божія.

Такъ говоритъ Степенная Книга, оффиціальная хроника того времени. Легко вообразить себѣ какой любви, какихъ попеченій и какого потворства предметомъ былъ давно желанный наслѣдникъ. Это видно изъ писемъ Василія Іоанновича, сохранившихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. [2] Едва исполнилось Іоанну три года отъ рожденія, какъ онъ смертію отца, Декабря 3, 1533, унаслѣдовалъ престолъ Великокняжескій, подъ опекою матери Правительницы. Не могло улучшиться воспитаніе его при этой матери, которая, скоро забывши торжественный вопль свой при смерти и погребеніи супруга, запятнала четырехлѣтнее вдовство и правленіе свое всѣмъ явной любовной связью съ однимъ изъ знатныхъ подданныхъ, [3] умерщвленіемъ ближайшихъ родственниковъ сына, казнію многихъ заслуженныхъ вельможъ и какими-то ругательными жестокостями, какъ, на пр., во время замятни, происшедшей между ею, какъ Правительницею Государства, и Княземъ Андреемъ Старицкимъ (1537 г.), кромѣ опалы и казни, постигшей, по поимкѣ самаго Князя, и взятія ею подъ стражу всѣхъ приближенныхъ Бояръ его: она приказала Дѣтей Боярскихъ, помѣщиковъ Новгородскихъ, которые пріѣхали въ ту пору къ Князю Андрею въ Старицу и было пошли съ нимъ къ Новгороду, 30 человѣкъ, поймавши, бить кнутомъ, казнить смертною казнію, вѣшать по Новгородской дорогѣ, но не вмѣстѣ, а порознь, до самаго Новгорода. [4]

---

[2] Карамзина И. Г. Р., т. VII, стр. 334.

[3] Княземъ Иваномъ Овчиною Телепневымъ-Оболенскимъ.

[4] См. Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1848 г., Отд. II, № 9, стр. 233.

На осьмомъ году Іоаннъ внезапно лишился матери. Царственный сирота, послѣ смерти матери, прямо бросился въ объятія ея любовника. Лучшаго и надежнѣйшаго покровителя для него не было приготовлено, но и этотъ, съ ея послѣднимъ дыханіемъ, потерялъ значеніе свое и силу. Сынъ не кроткой Соломоніи, а пылкой Елены, отъ которой унаслѣдовалъ умъ и хитрость и вмѣстѣ любострастный темпераментъ, раздражительность и жестокость нрава, остался подъ надзоромъ и попеченіемъ Царедворцевъ. Властолюбивые и вмѣстѣ неосторожные, они съ самаго начала огорчили, а можетъ быть и озлобили его тѣмъ, что любимца матери уморили черезъ нѣсколько дней, приставницу его, Боярыню Челяднину, удалили въ ссылку и велѣли постричъ, а въ послѣдствіи, явно оказывая неуваженіе Великому Князю, потворствовали ему въ преждевременномъ развратѣ и жестокостяхъ надъ людьми и домашними животными, какъ будто забывая, что отрокъ не всегда будетъ отрокомъ, что чувство оскорбленнаго величія, мести, можетъ быть и справедливой, и привычка лить кровь, прольютъ рѣки и ихъ собственной крови.

Въ нашествіе Крымскаго Хана, десятилѣтній Государь, при видѣ близкой опасности, не явилъ ни дѣтскаго страха, ни ранняго самовластія. Въ виду народа, въ Успенскомъ Соборѣ, призвавъ Бога на помощь сиротству своему, онъ пошелъ съ Митрополитомъ въ Думу и предоставилъ Боярамъ рѣшить, оставаться ли ему съ меньшимъ братомъ въ Москвѣ, или удалиться?

Оставшись, по ихъ приговору, въ столицѣ, онъ изустно и письменно давалъ уже повелѣнія относительно военныхъ дѣйствій, и, по благополучномъ изгнаніи врага, получилъ отъ Воеводъ такое привѣтствіе: «Государь! Мы побѣдили твоими ангельскими молитвами и твоимъ счастіемъ.»

Но уже не на молитву и счастіе свое, а, видно, на державную власть и силу воли надѣялся юный Государь, когда тринадцати лѣтъ отъ роду, онъ вдругъ, по возвращеніи съ богомолья и охоты, созвалъ Бояръ и, грозно упрекнувъ ихъ въ беззаконіяхъ и земскомъ разореніи, объявилъ, что изъ многихъ казнитъ только одного болѣе виноватаго и болѣе всѣхъ самовластнаго, Князя Андрея Шуйскаго, котораго Княжескіе псари тутъ же и умертвили на улицѣ. «И отъ тѣхъ мѣстъ начали Бояре отъ Государя страхъ имѣсти и послушаніе [5] Немного позднѣе, Сентября 3, 1546,

[5] Царственная Книга стр. 114.

велѣлъ Великій Князь казнити Аѳанасія Бутурлина: «урѣзаша языка ему у тюрьмѣ, за его вину, за невѣжливыя слова.» [6]

На семнадцатомъ году своего возраста, Генваря 16, 1547, Іоаннъ, уже царствовавшій, вѣнчался въ Успенскомъ Соборѣ и принялъ титулъ Царя. Не болѣе мѣсяца спустя онъ вступилъ въ бракъ съ Анастасіей, дочерью умершаго Окольничаго, Романа Юрьевича Захарьина. И бракъ этотъ не былъ послѣдствіемъ какой ни будь юношеской страсти. Это было дѣйствіе зрѣло обдуманное и въ политическомъ отношеніи и въ отношеніи къ будущему счастію юныхъ супруговъ. Вообще съ нѣкоторымъ поръ начиналась перемѣна въ образѣ жизни и дѣйствіяхъ юнаго Государя. Странно, что только одинъ изъ нашихъ историковъ, менѣе всѣхъ уважаемый, Князь Щербатовъ, принялъ во вниманіе, что въ это время всѣ важныя перемѣны въ государственномъ правленіи совершались Іоанномъ по возвращеніи изъ временныхъ отлучекъ для богомоленія, или для охоты. [7] Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что, передъ всякимъ важнымъ подвигомъ (coup d'état) онъ какъ будто находилъ нужнымъ удалиться отъ сонма царедворцевъ, постоянно его окружавшихъ, и это заставляетъ думать, что была какая-то таинственная власть, искусно себя скрывавшая, которая невидимо направляла къ лучшему намѣренія и дѣйствія Іоанна. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ того же 1547 года, столь замѣчательнаго и въ жизни Іоанна и въ исторіи Россіи, былъ въ Москвѣ необыкновенный пожаръ, не пощадившій не только города, но и храмовъ Кремлевскихъ съ ихъ святыней и сокровищами, и Царскаго жилища. Два года послѣ этого бѣдствія совершилось дѣло великое, умилителтное и дотолѣ неслыханное. Юный Самодержецъ, приготовившись Христіанской исповѣдью и причащеніемъ къ другому торжественному исповѣданію грѣховъ своихъ передъ Церковью и народомъ, отслушавъ литургію, вышелъ, предшествуемый крестами, послѣдуемый воинской дружиной, на Лобное Мѣсто, и тутъ, послѣ сѣтованія о раннемъ сиротствѣ своемъ, какъ источникѣ всѣхъ золъ, упрекнувши крамольниковъ въ пролитыхъ отъ нихъ слезахъ и крови, сказалъ: «Я чистъ отъ сея крови, а вы ждите суда Небеснаго!» Однако жъ поклонился на всѣ стороны, какъ будто прося у народа проще-

---

[6] Никон. Лѣт. ч. VII, стр. 45.

[7] Ист. Рос. Кн. Щербатова, т. V, ч. 1, стр. 185 – 194.

нія въ невольномъ попущеніи зла, просилъ забыть то, чего уже нѣтъ и не будетъ, и обѣщался быть судьей и защитникомъ подданныхъ.

Съ этой достопамятной эпохи начался рядъ знаменательныхъ происшествій въ государственномъ и церковномъ управленіи: лучшее образованіе войска, трудные, но побѣдоносные, походы. Объявивъ себя «Царемъ правды,» двадцатилѣтній Іоаннъ, въ 1550 году, издалъ «Судебникъ,» въ слѣдующемъ году собралъ для дѣлъ Церковныхъ «Соборъ слугъ Божіихъ,» названный «Стоглавнымъ;» въ 1552 открылъ первыя торговыя сношенія съ Англіей; въ 1556 покорилъ Царство Астраханское, потомъ велъ войны Ливонскую и Крымскую; однимъ словомъ, съ перемѣны въ Царѣ начался этотъ счастливый для него и для государства періодъ, которому предѣлъ безвозвратно положила кончина Анастасіи, 7 Августа, 1560 г.

Велика и важна была эта перемѣна, сдѣлавшая Государя преданнаго съ ранней юности грубымъ наслажденіямъ и порокамъ, супругомъ не только вѣрнымъ, но цѣломудреннымъ и благочестивымъ, строптиваго и до свирѣпости жестокаго милосердымъ, празднолюбиваго настоящимъ Царемъ правды и вмѣстѣ Царемъ воинственнымъ и побѣдоноснымъ. Кого же должно почитать виновникомъ этой перемѣны, доставившей Іоанну столько славы и Россіи семнадцать счастливыхъ лѣтъ, о томъ молчатъ всѣ современники и близкіе къ самой эпохѣ лѣтописцы, кромѣ одного воина и вельможи, бѣглеца Князя Курбскаго, который первою причиной этой перемѣны поставляетъ Новогородскаго Священника Сильвестра, прибывшаго къ Іоанну во время Московскаго пожара.

Хотя въ другихъ лѣтописяхъ упоминается о томъ, что «предобрая Анастасія наставляла и приводила Іоанна на всякія добродѣтели,»[8] хотя Алексѣй Адашевъ при свадьбѣ Іоанна былъ уже къ нему близокъ, по тому что показанъ въ числѣ «славшихъ постелю,» также спальниковъ и мовниковъ,[9] но бракъ Царя съ Анастасіей былъ въ Февралѣ 1547, а нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, въ Петровъ постъ, по свидѣтельству Псковской лѣтописи, именно Іюня 3-го, по Царственной Книгѣ, Іоаннъ, въ подмосковномъ

---

[8] Карамз. Ист. Гос. Рос. т. VIII, пр. 165.

[9] Древн. Вивліоѳ. ч. XIII, стр. 29.

селѣ Островѣ (Островкѣ), 70 человѣкъ Псковитянъ, пришедшихъ къ нему съ жалобой на тамошняго Намѣстника, Князя Турунтая Пронскаго, не выслушавъ ихъ, обливалъ горячимъ виномъ, палилъ имъ волосы и бороды, и если не истерялъ ихъ, то по тому только, что внезапная вѣсть о паденіи большаго колокола заставила его поспѣшить въ Москву. По этому благую перемѣну въ Царѣ должно отнести къ эпохѣ Московскаго пожара. «Тогда убо, тогда, глаголю, пріиде къ нему одинъ мужъ, Пресвитеръ чиномъ, именемъ Сильвестръ, пришлецъ отъ Новгорода Великаго.» [10] Такъ выражается единственный современный историкъ, говорившій о Сильвестрѣ, Князь Курбскій, въ своей исторіи. Но, кромѣ этой исторіи, писанной уже въ 1578 году, много говорится о Сильвестрѣ въ знаменитой перепискѣ Курбскаго съ Іоанномъ, воспріявшей свое начало вскорѣ послѣ смерти Анастасіи, по удаленіи Сильвестра, въ 1560 году, но еще при жизни его († около 1566 г.). Наконецъ о Сильвестрѣ говоритъ, такъ называемая, «Царственная Книга,» Никакихъ иныхъ источниковъ не указываютъ не только прежніе историки наши, но даже Карамзинъ, Митрополитъ Евгеній и писавшіе послѣ ихъ. Что же такое Царственная Книга, которая присвоиваетъ Священнику Сильвестру такую огромную власть и вліяніе на Государя и Государство, когда и кѣмъ она писана и какой степени вѣроятія заслуживаетъ?

Князь М. М. Щербатовъ, въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, нашелъ въ Московской Патріаршей Библіотекѣ подъ № 70 «книгу въ листахъ, подъ титуломъ: «Лѣтописецъ старинный о Великихъ Князьяхъ,» писана на цѣлыхъ листахъ съ рисовальными фигурами, безъ переплета, писана на листахъ (отдѣльныхъ) уставомъ, съ фигурами, рисованными перомъ, противъ всякаго приключенія, изъ коихъ многія раскрашены, другія въ концѣ книги только нарисованы карандашомъ, а для иныхъ, которыя въ заголовкахъ, оставлены мѣса. Многіе листы были двойные и тройные. Многіе, а паче въ новѣйшее время, промежки

---

[10] Сказ. Кн. Курб. Изд. 2, стр. 9.

[11] Симъ оканчивается та часть изслѣдованія Д. П. Голохвастова, которая оказалась переписанною на бѣло; слѣдующее же за симъ писано на отдѣльныхъ листкахъ на черно мягкимъ карандашомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно стершимся, и возстановлено нами не безъ труда, лишь по многолѣтней привычкѣ къ занятіямъ сего рода. Архимандритъ Леонидъ.

находились. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поляхъ сдѣланы поправки скорописью, а во многихъ мѣстахъ по листамъ старинной рукою подписано: «Царственная.»

Собравши, на сколько могъ, эти листы (7042=1534 до 7061=1553) Князь Щербатовъ, переплетя ихъ, поднесъ Государынѣ печаталъ, въ 1769 году, подъ названіемъ «Царственной Книги.»

Не высказывая никакихъ данныхъ о сочинителѣ, онъ относитъ время ея написанія къ началу царствованія Ѳедора Іоанновича, по тому что, въ числѣ перемѣшанныхъ, но не затерянныхъ, листовъ, нашелъ коронацію сего Государя.

Потомъ, тотъ же историкъ, Князь Щербатовъ, издалъ, найденную имъ въ Библіотекѣ Князя Алексѣя Дмитріевича Голицына, другую лѣтопись, писанную уставомъ и съ такими же рисованными и раскрашенными рисунками, заключающую въ себѣ происшествія отъ 6622 (1114) до 6980 (1472) года и съ подписью по листамъ, что она, въ 1728 году, Іюля 3, была продана Провіантскаго Приказа Подьячимъ Семеномъ Ивановымъ гостиной сотни Алексѣю Ѳедорову сыну Коробейщикову.

При этомъ изданіи, полагая послѣдне найденную имъ лѣтонись первою частью Царственной Книги, Князь Щербатовъ изъявилъ догадку свою, что она могла быть составлена по при казанію Зотова, для обученія юнаго Царевича Петра Алексѣевича отечественной исторіи. Онъ это основалъ на «Книгѣ о мятежахъ,» гдѣ, между прочимъ, сказано: «Зотовъ приказалъ, списать между прочимъ и «исторіи лицевыя прописми, для своего царственнаго ученика.»

По содержанію своему обѣ книги, видимымъ образомъ и во многихъ мѣстахъ, буквально выписаны изъ другихъ извѣстныхъ лѣтописей.

Въ 1774 году изданъ еще «Древній лѣтописецъ», въ двухъ частяхъ котораго подлинникъ тоже съ картинами.

Оба предположенія Князя Щербатова, отдѣльно взятыя, можно бы допустить, но, будучи сопоставлены вмѣстѣ, они одно другое разрушаютъ. Если бы трудолюбивый изыскатель обратилъ вниманіе на то, въ которомъ году составлена опись Патріаршей Библіотекѣ, то увидалъ бы на вѣрно, до какой степени Лѣтопись,

писанная при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, могла быть названа: «Лѣтописцемъ старинным.» Если бы при второмъ открытіи онъ размыслилъ, что многіе листы Царственной Книги были двойные и тройные, то не столь бы легко допустилъ, что такое роскошное и многотрудное изданіе и при томъ видимымъ образомъ неконченное, было дѣлано для одного извѣстнаго случая, т. е., для преподаванія Зотовымъ юному Царевичу Петру Алексѣевичу отечественной исторіи. Тогда бы нуженъ былъ одинъ экземпляръ, имъ бы занялись прилежнѣе, за то онъ былъ бы въ свое время конченъ и взятъ отъ переписчиковъ.

Не станемъ пускаться въ безъисходныя для насъ догадки о томъ, не были ли эти листы частями спискомъ и продолженіемъ тѣхъ лѣтописей царственныхъ, на которыя указывается въ Описи Царскаго Архива 1575—1584: «Ящикъ 224-й, а въ ономъ списки, что писати въ лѣтописецъ, лѣта новыя прибраны отъ лѣта 7062 (1560) до лѣта 7074 (1566) и до 76,» [11] или Патріаршихъ, о коихъ говоритъ Патріархъ Гермогенъ: «и то чюдо въ лѣтописцѣхъ записали мы,» и проч. [12] Не станемъ выводить сравненія этихъ листовъ съ поступившими изъ Посольскаго Приказа въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ книгами съ изображеніемъ избранія и вѣнчанія на Царство Михаила Ѳедоровича и о первомъ его бракосочетаніи. Остановимся на той мысли, во первыхъ, что такой огромный и многоцѣнный трудъ не могъ быть дѣломъ одного или даже нѣсколькихъ частныхъ лицъ (обществъ и компаній тогда не было); во вторыхъ что тѣ, о которыхъ говорится, что Зотовъ приказалъ «чистымъ мастерствомъ и драгими краски грады и полаты, зданія и исторіи лицевыя съ прописми списать, были не иное что, какъ борзые доброписцы, часто упоминаемые въ нашихъ лѣтописяхъ; разумѣется, не слѣдуетъ изъ этого заключать, что тогда исторія у насъ была мастерствомъ, дѣломъ мастеровыхъ. Такими были только тѣ, на которыхъ возлагался механическій трудъ письма съ украшеніями; настоящими же нашими лѣтописцами (chroniquers) были тѣ, чьи поправки скорописью на поляхъ, совершенно сходныя по тону и слогу, мы видимъ и въ Никоновой Лѣтописи, и въ Царственной

[11] Акты Археогр. Эксп. т. I, стр. 354.

[12] Акты Археогр. Эксп. т. II, стр. 290.

Книгѣ и въ Филаретовой рукописи, изданной Мухановымъ. Имъ-то мы можемъ рѣшиться приписать, согласно съ М. П. Погодинымъ,[13] хотя не всегда безусловно, сверхъ оффиціальности, «правдивость, безпристрастіе, благочестіе, любовь къ отечеству, нравоучительность.» И эти свойства почти безразлично можно присвоить лѣтописцамъ духовнымъ, у коихъ встрѣчаемъ болѣе описаній перемѣнъ въ духовномъ управленіи, чудесъ, явленій, рѣчи, похвальныя слова (Святымъ), и вообще болѣе притязаній на краснорѣчіе, и свѣтскимъ (вѣроятно, Дьякамъ), коихъ разсказъ суше, короче, отрывается и вмѣщаетъ въ себѣ иногда выписки изъ разрядовъ судебныхъ и другихъ дѣлъ свѣтской власти. Изъ этого естественно выводится заключеніе, что мы не безъ разсмотрѣнія должны повѣритъ Царственной Книгѣ, когда она одна изъ всѣхъ лѣтописцевъ говоритъ о Священникѣ Сильвестрѣ и огромной, необыкновенной его власти, будто бы Царской и Святительской. Устранимъ все, что тутъ кажется преувеличеннымъ и несбыточнымъ, и съ самой осторожной критикою примемъ свидѣтельство Курбскаго, пристрастное какъ лица, принадлежавшаго партіи Сильвестра, по словамъ Іоанна (другого обвинителя нѣтъ), и свидѣтельство самаго Іоанна, также пристрастное, по тому что злоба къ прежнимъ его совѣтникамъ заставляетъ его отрекаться отъ лучшей эпохи его царствованія, и все таки должны будемъ признать Благовѣщенскаго попа Сильвестра однимъ изъ благодѣтелей Русскаго народа, виновникомъ славныхъ и счастливыхъ дней царствованія Іоанна IV.

Но должны ли мы признавать его какимъ-то вдохновеннымъ таинственнымъ лицомъ, котораго слушался самъ Митрополитъ, не думаю.

Прекрасная картина, гдѣ Карамзинъ изобразилъ намъ Сильвестра являющимся передъ Іоанномъ во время самаго Московскаго пожара, съ подъятымъ, угожающимъ перстомъ, съ видомъ Пророка,[14] частію взята изъ Курбскаго, очень усилена въ колоритѣ и едва ли исторически вѣрна. Мнѣніе Преосвященнаго Митрополита Евгенія, что Сильвестръ, въ 1547 году, вызванъ былъ Московскимъ

---

[13] См. Погодина, Источники для удѣльнаго періода Русской исторіи. Одесса 1848 года.

[14] Истор. Госуд. Росс VIII, стр. 99.

Митрополитомъ Макаріемъ въ Москву [15] простѣе ея и, кажется, ближе къ истинѣ. Во 1-хъ, исправленіе Іоанна по убѣжденію Сильвестра послѣдовало не такъ внезапно, какъ повѣствуетъ Карамзинъ. Пожаръ Московскій былъ въ Апрѣлѣ, а въ Петровъ постъ, по свидѣтельству Псковской лѣтописи, именно Іюня 3, по Царственной Книгѣ, Іоаннъ [16] еще мучилъ безвинно выборныхъ людей Псковитянъ, посланныхъ къ нему съ жалобой на притѣсненія его Намѣстника. Въ 2-хъ, можно ли допустить, по тогдашнимъ отношеніямъ высшихъ духовныхъ властей къ духовенству, чтобъ простой Новгородскій Священникъ осмѣлился явиться изъ прежней Епархіи Макарія въ новую его область—Митрополію Московскую, не только безъ его вѣдома, но и безъ его приказанія? Не простѣе ли думать, что Митрополитъ Макарій, бывши 16 лѣтъ Архіепископомъ Новогородскимъ и Псковскимъ, [17] хорошо зналъ Сильвестра, долго бывшаго священникомъ въ Новгородѣ, вызвалъ его въ Москву, опредѣлилъ къ Благовѣщенской церкви, иже на сѣнехъ (нынѣшнему Благовѣщенскому собору), также какъ и Псковскаго Священника Симеона, и, какъ книжнаго, благочестиваго, приблизилъ къ Іоанну, съ намѣреніемъ дѣйствовать посредственно и непосредственно на исправленіе юнаго Государя.

И это совлеченіе не бывалой таинственности съ появленія Сильвестра на его историческомъ поприщѣ нимало не умаляетъ заслугъ Сильвестра.

Въ 3-хъ, если дать вѣру показанію Царственной Книги, что Князь Владиміръ Андреевичъ [18]

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О СИЛЬВЕСТРѢ ПО ПЛАНУ СОХРАНИВШЕМУСЯ ВЪ БУМАГАХЪ Д. П ГОЛОХВАСТОВА.

Въ 3-хъ, если вѣрить показанію Царственной Книги, что

---

[15] Словарь истор. о писателяхъ духовнаго чина, изд. П. Спб. 1827 г., т. II стр. 201.

[16] Ист. Гос. Рос. VIII, 95, прим. 167.

[17] Ист. Гос. Рос. VIII, стр, 77.

[18] На этихъ словахъ прерывается изслѣдованіе покойнаго Д. П. Голохвастова, находящееся въ его бумагахъ вмѣстѣ съ письмами и черновыми набросками по изданію Домостроя.

Князь Владиміръ Андреевичъ и его мать, Княгиня Евфросинія, обязаны своимъ освобожденіемъ изъ заключенія ходатайству Іерея Сильвестра, что, какъ извѣстно, случилось въ правленіе Князя Бѣльскаго при Митрополитѣ Іоасафѣ въ 1541 году, то изъ этого слѣдовало бы заключить, что Сильвестръ былъ извѣстенъ Іоанну еще за 6 лѣтъ до большаго Московскаго пожара (1547 г.), и тѣмъ самымъ свидѣтельство Курбскаго о внезапномъ его появленіи во время этого пожара предъ Іоанномъ, въ качествѣ обличителя и пророка, должно считаться не болѣе, какъ піитическимъ вымысломъ. Но выше упомянутое показаніе Царственной Книги тоже нельзя признать безусловно вѣрнымъ: извѣстіе о вторичномъ заключеніи двоюроднаго брата Царскаго мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ лѣтописцевъ, а слѣдовательно должны предположить, что и въ Царственной Книгѣ рѣчь идетъ о заключеніи 1541 года при Бѣльскомъ и Митрополитѣ Іоасафѣ; лѣтописцы же, говоря о семъ происшествіи, согласно приписываютъ освобожденіе Князя Владиміра печалованію Митрополита Іоасафа и Бояръ, не упоминая вовсе о Сильвестрѣ, который, какъ вѣроятно, по справедливой догадкѣ Митрополита Евгенія, прибылъ въ Москву по вызову Митрополита Макарія, и если даже вмѣстѣ съ нимъ, то не ранѣе 1543 года, а слѣдовательно за четыре года до Московскаго пожара; время достаточное для устраненія выводимаго нѣкоторыми изъ словъ Курбскаго о Сильвестрѣ, но невѣроятнаго по существу дѣла, внезапнаго его появленія предъ Іоанномъ во время самаго пожара, въ роли обличителя и пророка, безъ предварительнаго приближенія къ молодому Царю. Таково было бы, какъ полагаемъ, заключеніе Д. П. Голохвастова въ начатомъ имъ разборѣ втораго свидѣтельства Царственной Книги о Сильвестрѣ, если бы онъ успѣлъ окончить свое изслѣдованіе.

Прибавимъ къ этому, что имѣя предъ глазами точную копію Сборника Сильвестрова (ниже будетъ указано, что Сборникъ этотъ, если не открытъ, то впервые изслѣдованъ подробно сотрудникомъ Д. П. Голохвастова по изданію Домостроя, Г-мъ Коншинымъ), [19] и прочитывая со вниманіемъ, заключающееся въ немъ «Посланіе попа Сильвестра къ Іоанну Васильевичу,» мы находимъ въ этомъ Посланіи полную разгадку того событія, которому въ извѣстномъ

[19] Рукопись, принадлежавшая прежде Библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго Собора (№ 1281), а нынѣ Библіотекѣ Петербургской Духовной Академіи.

Посланіи Курбскаго къ Іоанну, приданъ въ ущербъ истинѣ какой-то мистическій характеръ. Для насъ очевидно, что Курбскій въ то время, какъ описывалъ это событіе (начало нравственнаго вліянія Сильвестра на Іоанна) имѣлъ въ своихъ мысляхъ извѣстное Библейское событіе: явленіе Пророка Наѳана къ Царю Давиду, и не зная, или не помня всѣхъ подробностей дѣла, для придания герою своего разсказа, Сильвестру, большаго сходства съ Библейскимъ Пророкомъ, вставилъ сказаніе о томъ, что будто бы Сильвестръ, представъ предъ Іоанномъ, смущеннымъ великимъ бѣдствіемъ (пожаромъ, истребившимъ почти всю его столицу), кромѣ того, что заклиналъ его страшнымъ Божіимъ именемъ, еще къ тому и чудеса и аки бы явленія отъ Бога повѣдующе ему (т. е. Іоанну); не вѣмъ, прибавляетъ Курбскій, аще истинныя або (или) такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе. Яко многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхи, и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ удержавати; сице и сей, мню, блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, ею же великое зло цѣлити умыслилъ.[20] Самъ Іоаннъ, по видимому, не отрицаетъ показанія Курбскаго по сему предмету, говоря въ одномъ изъ своихъ къ нему писемъ: «ниже мните мя дѣтскими страшилы устрашати, яко прежде сего съ попомъ Селивестромъ и со Алексѣемъ, лукавымъ совѣтомъ прельстисте.[21] Курбскій же, возражая Іоанну, на сей разъ, прямо называетъ это клеветою: «яко ласкатели твои, пишетъ онъ, клеветали на онаго Пресвитера (Сильвестра) иже бы тя устрашалъ не истинными, но льстивыми видѣніи, льстецъ онъ былъ и коваренъ и благокозненъ (вопстинну), понеже ялъ тя, исторгнувши отъ сѣтей діавольскихъ и отъ челюстей мысленнаго льва и привелъ было тя ко Христу Богу нашему.»[22]

Дѣло, значитъ, въ томъ, о какихъ чудесахъ и явленіяхъ Божіихъ повѣдалъ (по точному выраженію Курбскаго) Іерей Сильвестръ, устрашая благокозненнѣ юнаго Царя на пользу души его? Кто внимательно прочтетъ (печатаемое впервые при настоящемъ изслѣ-

---

[20] Сказ. Курб. ч. I. стр. 9.

[21] Сказ. Курб. ч. II. ст. 94.

[22] Сказ. Курб. ч. II ст. 112.

дованіи) Посланіе Сильвестра къ Іоанну, гдѣ, по справедливому замѣчанію Коншина, изображеніе Божества разгнѣваннаго, карающаго грѣшниковъ, такъ живо и грозно; мѣста изъ Ветхаго и Новаго завѣта такъ сильны и разительны, краски разврата, окружавшаго юнаго Царя, лежатъ такими яркими, безобразными пятнами, въ гнусной наготѣ своей, тотъ ни мало не усомнится признать вмѣстѣ съ нами, что такія «страшила» легче всякихъ привидѣній могли устрашить и остановить юношу Царя, указавъ ему на великій, священный санъ его: «помаза тя, боже, Богъ твой.» А что Курбскій могъ не знать (не вѣмъ, говоритъ онъ) въ точности средства, которое употребилъ Сильвестръ для того, дабы подѣйствовать на душу Іоанна, и повторить въ своемъ письмѣ современныя догадки, основанныя на такомъ же невѣдѣніи сущности дѣла, это, кажется, можно объяснить замѣткой, сдѣланной Сильвестромъ въ самомъ концѣ своего Посланія: «сіе убо писаніе прочетъ, и разсуди о себѣ, и умолчи до времяни. Благоволитъ Богъ въ духовнѣ совѣтѣ о Бозѣ, откровенно ти будетъ (сіе) на радость души твоей (по списку Коншина, находящемуся въ бумагахъ Д. П. Голохвастова.). Изъ этой замѣтки можно съ большою вѣроятностію заключить, что сіе Посланіе осталось тайной для всѣхъ кромѣ Іоанна и Сильвестра, а какъ послѣдствія сего, т. е. спасительная перемѣна въ характерѣ Іоанна, были видимы для всѣхъ, равно какъ и орудіе, или виновникъ этой перемѣны сталъ извѣстенъ, то и легко могла сложиться молва, что такое мудреное дѣло не обошлось безъ особыхъ чудесъ и явленій, только неизвѣстно какихъ, истинныхъ, или вымышленныхъ, самъ же Сильвестръ, по своему смиренію, помня сказанное въ Писаніи: «тайну Пареву добро хранити», не хотѣлъ обнаруживать того, какимъ способомъ онъ подѣйствовалъ на сердце Царево, и не оставь онъ списка съ этого Посланія въ своемъ домашнемъ Сборникѣ, потомство бы и не узнало о существованіи этого, драгоцѣннаго для характеристики того времени, документа.

Но какъ время написанія сего Посланія въ точности, неизвѣстно, то остается еще доказать, что оно написано именно въ пору Московскаго пожара и имѣетъ къ нему непосредственное отношеніе. Такое доказательство мы усматриваемъ въ томъ мѣстѣ сего Посланія, гдѣ Сильвестръ, послѣ устрашенія Царя прещеніями Божіими черезъ Пророковъ и Апостоловъ, примѣрами изъ Исторіи Царствъ Израильскаго, Византійскаго и Отечественной, обращаясь

къ современному ему состоянію Россіи, говоритъ Іоанну: «не збышалися вся сіа гнѣва Божіа наказанія надъ нами, и надъ грады твоими, и надъ имѣніемъ твоимъ (которое, какъ извѣстно, все погибло въ Московскомъ пожарѣ, 1547 г.) грѣхъ ради нашихъ».Сего довольно для доказательства, что Посланіе это не только писано въ эпоху Московскихъ пожаровъ, но, такъ сказать, по поводу этихъ самыхъ пожаровъ, призывая юнаго Царя къ покаянію и исправленію себя и подданныхъ, для отвращенія праведнаго гнѣва Божія.

Въ бумагахъ Д. П. Голохвастова нашелся и листокъ, на которомъ набросанъ планъ продолженія начатаго имъ изслѣдованія о Сильвестрѣ: снимая покровъ таинственности, наброшенный нѣкоторыми изъ современниковъ (въ особенности Курбскимъ) на причины сильнаго вліянія Сильвестра на Іоанна, Д. П. Голохвастовъ спѣшитъ оговориться, что все это онъ говоритъ не для того, чтобы умалить значеніе заслугъ Сильвестра предъ своимъ отечествомъ, а лишь для того, прибавимъ мы, чтобы очистить память любезной ему исторической личности отъ несправедливыхъ нареканій въ употребленіи средствъ, хотя и дѣтскихъ (по выраженію современника), но не соотвѣтствующихъ ни высокому нравственному характеру Сильвестра, ни сущности самаго дѣла. По счастію, съ открытіемъ Посланія Сильвестра къ Іоанну, вся эта напускная таинственность исчезаетъ сама собою и истина открывается во всемъ своемъ величіи и вмѣстѣ простотѣ.

Далѣе,въ черновыхъ наброскахъ Д. П. Голохвастова слѣдуетъ небольшая замѣтка: «излишне было бы разсматривать, пишетъ онъ, должно-ли безусловно вѣрить Курбскому, когда онъ называетъ Сильвестра блаженнымъ (стр. 229—230), и можно-ли сколько нибудь вѣрить Іоанну, когда онъ незадолго до своей смерти и много лѣтъ спустя послѣ смерти Сильвестра говоритъ Курбскому: вы убо, яко діаволъ, съ Сильверстомъ попомъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ рекосте, якоже онъ во Іовѣ хвалялся: обыдохъ землю и прошедъ поднебесную, еся подъ ногами учинилъ... тако убо и вы мнѣ хотѣсте подъ ногами у васъ быти и всю Русскую землю». [23] «Замѣчу только слѣдующее (о Сильвестрѣ):

1. Исповѣдникъ Іоанна.
2. Исповѣдь Іоанна предъ народомъ—его дѣло.

---

[23] Сказ. Курбск. ч. , Истр.113.

3. Болѣзнь Іоанна. Князь Владиміръ Андреевичъ. Заступничество Сильвестра за него предъ Боярами. Остуда Царя къ Сильвестру и Адашеву.

4. Отношеніе Сильвестра къ ереси Башкина. Его жалобница на Соборъ.

5. Отношеніе Сильвестра къ Пр. Максиму Греку.

6. Удаленіе Сильвестра въ Кирилловъ, постриженіе. Его заточеніе въ Соловки, смерть.

7. Сочиненія Сильвестра.

И такъ, вотъ планъ, по которому почтенный Д. П. Голохвастовъ намѣревался продолжать свое изслѣдованіе о Сильвестрѣ, придерживаясь хронологическаго порядка тѣхъ историческихъ событій, въ которыхъ онъ является дѣйствующимъ лицомъ, и той замѣтки, которую мы поставили въ эпиграфъ начатому имъ изслѣдованію, что «одинаковы источники, изъ которыхъ историки наши почерпали извѣстія о Сильвестрѣ, но не одинаковы взгляды ихъ на него.»

а) Сильвестръ—исповѣдникъ Іоанна.

Названіе Сильвестра исповѣдникомъ Іоанна Д. П. Голохвастовъ очевидно взялъ изъ Исторіи Іоанна Курбскаго, въ которой онъ между прочимъ говоритъ: «заточенъ бываетъ отъ него Селивестръ Презвитеръ, исповѣдникъ его...» Но если понимать это слово въ его настоящемъ значеніи,—исповѣдникъ тотъ, кто исповѣдуетъ—духовникъ, то есть доказательства, что Сильвестръ не былъ, по крайней мѣрѣ оффиціально, духовникомъ Царскимъ. Во первыхъ, извѣстно, что званіе Царскаго духовника обыкновенно принадлежало Протопопу Благовѣщенскаго, что на Сѣняхъ, собора, а Сильвестръ былъ и остался до конца лишь простымъ Священникомъ этого собора. Во вторыхъ, духовники Царскіе того времени, когда Сильвестръ былъ приближеннымъ къ Царю, извѣстны и по лѣтописямъ, а именно: 1. Благовѣщенскій Протопопъ Ѳедоръ Барминъ, который, будучи обвиненъ въ неосторожномъ поведеніи во время бунта народнаго по поводу Московскаго пожара, 1547 г., въ 1549 г., какъ замѣчено въ лѣтописи, разнеможеся, и пріиде на него страхованіе; онъ же отпросился у Государя въ черницы, а пострижеся у Михайлова Чуда, то есть въ Чудовѣ монастырѣ. [24]

---

[24] Карамз. Ист. Гос. Рос. т. VIII пр. 188 изъ Царств. Книги 146.

Благовѣщескій Протопопъ Андрей, по званію Царскаго духовника, совершалъ таинство св. крещенія надъ новорожденнымъ Царевичемъ Димитріемъ 15 Апрѣля 1554 года, потомъ сопровождалъ Царя въ его извѣстной поѣздкѣ въ Кирилловъ монастырь (послѣ выздоровленія),при чемъ въ пребываніе Царя въ Троицкой Лаврѣ, по разсказу Курбскаго, былъ посланъ отъ Пр. Максима Грека вмѣстѣ съ Княземъ Мстиславскимъ, Адашевымъ и Курбскимъ, для увѣщанія Царя отмѣнить свою поѣздку въ Кирилловъ. Андрей Протопопъ постригся въ Чудовѣ монастырѣ съ именемъ Афанасія, потомъ въ санѣ Архимандрита былъ Настоятелемъ Новоспасскаго монастыря, въ 1565 году, по смерти Митрополита Макарія, поставленъ Митрополитомъ Московскимъ; и по 2-хъ лѣтнемъ управленіи,оставивъ Митрополію, возвратился въ Новоспасскій монастырь на покой, гдѣ и скончался о Господѣ. 3) Послѣ Андрея Царскимъ духовникомъ былъ товарищъ Сильвестра Благовѣщенскій Протопопъ Симеонъ, о которомъ имѣются свѣдѣнія, что Симеонъ окончилъ жизнь свою въ Волоколамскомъ монастырѣ. Тамъ хранится его Служебникъ № 28, съ надписью: «Служебникъ Симеоновъ Протопопа Московскаго, духовника Государскаго, во иноцѣхъ Симона, родомъ Псковитина, вѣрою же и любовію и добрыми дѣлами украшена, паче же милостынею славна и дивна бывша паче всѣхъ, постриженника пречистой обители Іосифова монастыря при Игуменѣ Евфиміи худомъ, а данъ по душѣ его на свидѣтельство.... помянути священника Симона. Подпись руки Игумена Евфимія (1575—1581).[25]

И такъ, въ какомъ же смыслѣ и по какому поводу употреблено Курбскимъ слово исповѣдникъ? Отвѣтомъ на это служитъ намъ слѣдующее мѣсто изъ его Посланія къ Іоанну: укоряя Іоанна въ разныхъ неправдахъ, въ отвѣтъ на обвиненія, расточаемыя Іоанномъ противу Сильвестра во властолюбіи и злоумышленіяхъ противъ его Царской особы, Курбскій между прочимъ пишетъ: и къ тому еще,.что наигнушательнѣйшаго и пресквернѣйшаго, еже исповѣдника твоего Сильвестра потворяти (клеветати) и сикованціи (лжесшиванія) на негоумышляти, который душу твою Царскую къ покаянію привелъ, грѣхи твои на своей выи носилъ, и взявши тя отъ преявственнѣйшихъ скверъ, яко чиста предъ наичистѣйшимъ Царемъ Христомъ Богомъ нашимъ, исчистя покаяніемъ по-

[25] Исторія Русской Церкви Филарета Арх. Черниг. періодъ III стр 199.

ставилъ» [26] И такъ, вотъ въ какомъ смыслѣ и значеніи Князь Курбскій называетъ Сильвестра исповѣдникомъ Іоанна, разумѣя ту обдержительную исповѣдь, въ слѣдствіе которой произошло благое исправленіе его нравовъ.

б) Исповѣдь Іоанна предъ народомъ.

Упоминая объ этомъ событіи по отношенію къ Сильвестру, Д. П. Голохвастовъ, конечно, имѣлъ въ виду сказать, что и самая мысль о таковомъ неслыханномъ дѣлѣ могла быть внушена юному Царю ни кѣмъ другимъ, какъ Сильвестромъ, очевидно съ тою высокою цѣлью, чтобы сдѣлать его благое намѣреніе къ исправленію себя, черезъ торжественное заявленіе народу, болѣе твердымъ и рѣшительнымъ, не дать ему остынуть и остановиться на одномъ безплодномъ обѣщаніи, всенароднымъ объявленіемъ всепрощенія и забвенія всего прошлаго,—въ отношеніи Бояръ и служилыхъ людей—вырвать изъ сердца, еще не въ конецъ испорченнаго, корень злобы и подозрѣнія, насадить на мѣсто его сѣмена Евангельскихъ добродѣтелей, а наипаче Христіянскаго милосердія и любви къ своимъ подданнымъ. Все это показываетъ въ Сильвестрѣ глубокаго знатока человѣческаго сердца, истиннаго мужа благихъ желаній, разума и совѣта, дѣйствовавшаго такъ, а не иначе, съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности за послѣдствія своихъ дѣйствій предъ Богомъ, церковью и отечествомъ, и грустно становится, видя, какъ въ послѣдствіи подозрительность Іоанна, взявшая верхъ надъ его разсудкомъ, съумѣла перетолковать всѣ эти, безспорно высокія и чистыя, побужденія, и даже придать имъ названіе злобныхъ ухищреній, сѣтей коварно разставленныхъ его молодости и неопытности, какъ это видно изъ его переписки съ Курбскимъ.

Нельзя сомнѣваться, что и самая рѣчь, которую Іоаннъ говорилъ при семъ торжественномъ случаѣ къ народу, была вложена въ уста его тѣмъ же Сильвестромъ, и потому выписываемъ ее изъ Степенной Книги, гдѣ это событіе разсказывается такъ: «повелѣ Іоаннъ собрати свое Государство изъ городовъ всякаго чина, и въ день недѣльный (1547 г.) изыде со кресты на Лоб-

---

[26] Сказ. Курбск. ч. II. стр. 121.

ное мѣсто и совершивъ молебная, нача рѣчь говорити сперва къ Митрополиту: «Молю тя, святый Владыко, да будеши помощникъ намъ и любви поборникъ. Вѣмъ (яко) блага дѣла и любви желатель еси. Азъ, Владыко, и самъ ты вѣси, яко азъ остался отца своего четырехъ лѣтъ, а матери своей восьми лѣтъ. Родители о мнѣ небрегоша, а сильніи мои Бояре и Вельможи о мнѣ нерадѣша и самовластни быша, и сами себѣ саны и чести похитиша моимъ именемъ, имъ же нѣсть возбраняющаго, и во многія корысти и въ хищенія и въ обиды упражняхуся. Азъ же яко глухъ, и не слышахъ, и не имый во устѣхъ своихъ обличенія, юности ради моея и пустоты. Они же властвоваху.... О неправедніи лихоимцы и хищницы и неправедный судъ по себѣ творяще! Что нынѣ намъ отвѣтъ даете, иже многія слезы на ся воздвигосте? Азъ же чистъ отъ крови сея. Ожидайте воздаянія своего.» И всѣмъ поклонися на всѣ страны и глагола: «Людіе Божіе и намъ дарованніи Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь! нынѣ вашихъ обидъ и разореній и налогъ исправити невозможно замедленія ради юности моея и пустоты и безпомощства, и неправдъ ради Бояръ моихъ и властей, и безстудства неправеднаго и лихоиманія и сребролюбія. Молю васъ, оставите другъ другу вражды и тяготы свои, развѣ елико чего большаго дѣля невмѣстно; и въ томъ и въ иныхъ вновь я вамъ, елико вмѣстно намъ, самъ буду судія и оборона, и неправды разоряти и хищенія возвращати.» [27]

в) Участіе Сильвестра въ вопросѣ о престолонаслѣдіи во время болѣзни Царя. Слово за Князя Владиміра Андреевича Старицкаго. Остуда Іоанна къ Сильвестру.

Изъ самаго оглавленія предметовъ видно, что Д. П. Голохвастовъ имѣлъ намѣреніе въ этой главѣ, разказавъ то, что извѣстно о несчастномъ событіи во время болѣзни Царя (1553 г.), войти въ обсужденіе объ участіи, какое принималъ въ этомъ дѣлѣ Сильвестръ, или, вѣрнѣе сказать, объ его безъучастіи въ началѣ, а потомъ неосторожномъ заступничествѣ за Князя Владиміра передъ присягнувшими Царевичу Димитрію Боярами, что и повело на него со стороны Царя подозрѣніе въ согласіи съ партіею желавшею возвести, въ случаѣ смерти Іоанна, на престолъ Князя

---

[27] Карамз. Ист. Гос. Рос. т. VIII пр. 182 стр. 41.

Владиміра Андреевича, помимо Царевича младенца Димитрія. Отсюда начало остуды Царя къ Сильвестру и Адашеву, развившейся путемъ подозрительности и наговоровъ въ открытую вражду и ковчившейся въ 1560 году полнымъ разрывомъ съ своими прежними любимцами и совѣтниками. Считая фактическую сторону произшествія достаточно извѣстной, мы не будемъ долго останавливать на ней вниманіе читателей, скажемъ лишь сокращенно, что когда Царь, подписавъ завѣщаніе, велѣлъ прочесть его и привести своихъ приближенныхъ Бояръ къ присягѣ сыну своему младенцу и его матери Царицѣ, то между Боярами поднялись споры и ссоры по вопросу о престолонаслѣдіи. При этомъ Сильвестръ и Адашевъ, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, сперва хранили глубокое молчаніе, то есть, говоря современнымъ языкомъ, желали и надѣялись сохранить нейтралитетъ; когда же присягнувшіе Царевичу Димитрію Бояре, видя упорство Князя Владиміра Андреевича, отказавшагося на отрѣзъ отъ присяги своему малолѣтнему племяннику, стали его остерегаться и не пускать на глаза къ больному Царю, тогда Сильвестръ, дружелюбное расположеніе котораго къ Князю Владиміру было общеизвѣстно, по своему обычному миролюбію сталъ заступаться за него предъ Боярами, увлекся и обмолвился при томъ такимъ словомъ: «за что вы не пускаете брата къ брату, вѣдь Князь Владиміръ хочетъ Царю добра!» И одно это неосторожное слово, можно сказать, погубило его. Послѣ этого прясягнувшіе Бояре стали остерегаться и самого Сильвестра, какъ высказавшаго, по ихъ мнѣнію, этими словами свое, если не соучастіе, то сочувствіе противной имъ партіи, въ рядахъ которой, замѣтимъ, по сказанію лѣтописцевъ, находились всѣ друзья Сильвестра, начиная съ отца любимца Царева, Алексѣя Адашева,—окольничаго Ѳедора Адашева, который во время споровъ о присягѣ въ присутствіи больнаго Царя выразился откровеннѣе всѣхъ своихъ товарищей, сказавъ то, что было у всѣхъ на душѣ: «тебѣ, Государю, и сыну твоему Царевичу Князю Димитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ, Данилѣ съ братьею, намъ не служить; сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣть нами будутъ Захарьины, Данило съ братьею; а мы ужъ отъ Бояръ въ твое малолѣтство бѣды видали многія.» Такія рѣчи окончательно поссорили Адашевыхъ и всю ихъ партію съ братьями Царицы. Съ этихъ поръ, по словамъ лѣтописи, «пошла вражда между Боярами, смута, а Царству во всемъ скудость.» Отсюда же и начало внутренней остуды Іоанна къ своимъ прежнимъ

любимцамъ и совѣтникамъ, Сильвестру и Адашеву, о чемъ самъ Царь неоднократно и настоятельно свидѣтельствуетъ въ своихъ письмахъ къ Курбскому, отождествляя съ ихъ именами всѣ настоящія и мнимыя вины партіи, оказавшейся ему противною по вопросу о престолонаслѣдіи въ 1553 г.; считая Сильвестра и Адашева ея вождями, онъ приписываетъ имъ все, въ чемъ онъ подозрѣвалъ эту партію. Такъ, на пр. обуреваемый гнѣвомъ въ своемъ отвѣтѣ Курбскому на его первое письмо (въ 1563 г.) Царь о бывшемъ во время его болѣзни смятеніи повѣдаетъ слѣдующее: «егда же случися намъ немощію одержиму быти и зѣлнѣ изнемогшу, тогда убо, еже отъ тебе нарицаеміи доброхоты возшаташася, яко пьяніи, съ попомъ Селивестромъ и съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ, мнѣвше насъ въ небытіи быти, забывше благодѣяній нашихъ и еже и своихъ душъ, еже отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, еже кромѣ нашихъ дѣтей, иного Государя себѣ не искати; они же хотѣша воцарити, еже отъ насъ растоящася въ колѣнѣ, Князя Володиміра; младенца жъ нашего, еже отъ Бога даннаго намъ, хотѣша подобно Ироду погубити, воцаривъ Князя Володиміра.» Отстраняя отъ разсказа Іоаннова всѣ внушенныя подозрительностію и раздраженіемъ обвиненія на Сильвестра въ его властолюбіи и честолюбивыхъ замыслахъ, въ оправданіе его поведенія въ этомъ несчастномъ событіи, мы можемъ лишь сказать, что положеніе обоихъ совѣтниковъ Царскихъ, и въ особенности Сильвестра, въ этомъ дѣлѣ было такъ щекотливо, что ему почти невозможно было дѣйствовать иначе: принять ревностное участіе въ спорѣ о престолонаслѣдіи и стать прямо на сторону малолѣтняго Царевича, значило пойти противъ всѣхъ своихъ пріятелей, начиная съ Князя Владиміра Андреевича и Адашева, а поступить такъ, значило бы оказаться неблагодарнымъ за ту поддержку, которую Адашевъ и его сторонники оказывали ему въ дорогомъ для него дѣлѣ,—перевоспитаніи молодаго Царя,—а на такой поступокъ не былъ способенъ Сильвестръ по извѣстному благородству своего характера. Примкнуть явно къ сторонникамъ избранія Князя Владиміра Андреевича онъ не хотѣлъ, конечно, не по одному опасенію Царской опалы, а потому, что не желалъ упреждать ходъ событій. Оставалось одно: молчать, и Сильвестръ молчалъ пока могъ, желая сохранить нейтралитетъ, или удержать слово до развязки событія. Дѣло, какъ извѣстно, на время остановилось на томъ, что Бояре раздѣлились на двѣ партіи: одна присягнула Царевичу Димитрію и его матери, дру-

гая отказалась отъ присяги. Сильвестръ по своему миролюбію обмолвился неосторожнымъ словомъ за Князя Владиміра Андреевича, и тѣмъ навелъ на себя подозрѣніе въ сочувствіи видамъ его и его сторонниковъ, но, повторяемъ, не будь сказано и этого не осторожнаго слова, ходъ событій ясно показываетъ, что Сильвестру все таки нельзя было бы сохранить желаемый нейтралитетъ, и не подпасть подозрѣнію въ сочувствіи Князю Владиміру Андреевичу, — въ потаковкѣ ему, въ чемъ позже обвинялъ его Іоаннъ въ своемъ письмѣ къ Курбскому. Въ послѣдствіи, когда, по выздоровленіи Царя, по видимому, все уладилось, всѣ остались до времени на своихъ мѣстахъ и при своемъ значеніи, печалованіе Сильвестра за семейство опальнаго Князя Никиты Борисовича Ростовскаго Пріимкова (какъ оказывается по особой просьбѣ о семъ Пр. Максима Грека, см. о семъ ниже) усилило еще подозрительность Іоанна и растолковано было вообще сочувствіемъ къ людямъ ему непріязненнымъ.... Однимъ словомъ, 6 лѣтъ протекшихъ со времени начала остуды (въ 1553 г.) до удаленія Сильвестра отъ Двора (въ 1560 г.) были лишь медленнымъ развитіемъ этой остуды, или постепеннымъ переходомъ отъ прежней любви Іоанна къ своимъ совѣтникамъ ко враждѣ и ненависти противъ нихъ, вина которыхъ, по его собственному признанію, заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что Сильвестръ и Адашевъ со всѣми преданными ихъ благимъ намѣреніямъ Боярами, были заподозрѣны, будто бы они, «подобно Ироду, грудnаго младенца. хотѣли погубить, смертію свѣта сего лишить, и воцарить вмѣсто его чужаго. Такъ то вы, восклицаетъ Іоаннъ,обращаясь къ Курбскому, за меня душу полагаете и доброхотствуете?» Излишне было бы оправдывать въ этихъ подозрѣніяхъ Сильвестра. При болѣе спокойномъ взглядѣ достаточно было бы винить его развѣ въ томъ, что онъ не возвысилъ своего голоса въ пользу этого младенца, но мы уже показали, могъ ли онъ сдѣлать это въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда смуты боярскія, волновавшія Россію въ малолѣтство Іоанна, были еще у всѣхъ въ свѣжей памяти, и потому вопросъ о порядкѣ престолонаслѣдія не могъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ въ умахъ лучшихъ людей, каковыми безспорно были друзья Сильвестра. Да если бы онъ и возвысилъ свой голосъ въ пользу младенца Димитрія, то можно навѣрное утверждать, что онъ этимъ только бы уронилъ то дѣло, которому посвятилъ себя съ такимъ самоотверженіемъ, и при томъ остался бы одинъ, то есть былъ бы навсегда покинутъ своими прежними пособниками, не най-

дя и новыхъ въ противной имъ партіи. Словомъ, все случилось такъ, какъ должно было случиться, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія въ историческихъ событіяхъ, и какъ бы кто ни разсматривалъ поведеніе Сильвестра во время болѣзни Іоанна, его нельзя обвинить ни въ чемъ, кромѣ неосторожнаго заступничества за Князя Владиміра Андреевича, по миролюбію и своей старинной къ нему дружбѣ, и всего менѣе въ томъ, въ чемъ обвиняетъ его самъ Іоаннъ: что будто бы Сильвестръ «восхитился властію». Для подтвержденія этого обвиненія нѣтъ никакихъ фактическихъ доказательствъ. Довольно будетъ напомнить, что Сильвестръ во все время своего приближенія къ Царю оставался тѣмъ же простымъ «Благовѣщенскимъ Іереемъ», какъ и былъ до того, и увидавъ, что совѣты его стали не нужны, добровольно удалился въ монастырское уединеніе, завѣщавъ своему сыну честное имя и тѣ высокія правила Христіанской жизни и нравственности, которымъ неуклонно слѣдовалъ самъ. Можно-ли, спрашиваемъ, обвинять въ восхищеніи (увлеченіи) властію того, кто, поучая своего сына, могъ съ спокойною совѣстію указать ему на свой собственный примѣръ, говоря: «видѣлъ еси, чадо, како въ житіи семъ жихомъ, во всякомъ благоговѣніи и страсѣ Божіи, и въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи со страхомъ, и Божественнымъ Писаніемъ ползуючися всегда; и како были Божіею милостію отъ всѣхъ почитаемъ, и всѣми любимъ, и всякому и въ потребныхъ уноровилъ: и рукодѣліемъ и службою и покореніемъ, а не гордынею, ни прекословіемъ; не осужахъ никого, не просмѣивалъ, ни укаривалъ никого, ни бранивался ни съ кѣмъ; и пришла отъ кого обида, и мы, Бога ради, терпѣли, и на себя вину полагали, и тѣмъ враги други быша..... Аще что и неповинно, и не по дѣлу, молва или поношеніе, или посмѣхъ каковъ, или укоризна, или удареніе,—во всемъ въ томъ винихся, и не оправдахся предъ человѣки; Богъ сіе праведнымъ своимъ милосердіемъ исправитъ. Воспоминахъ Евангельское слово: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кленущія вы, молите за творящая вамъ пакости, изгонящая вы..... И еще вспоминая причастную молитву: Господи, даждь милость ненавидящимъ мя и враждущимъ ми, и поношающимъ ми, тако же и оклеветающимъ мя; да ни кто же никакоже отъ нихъ, мене ради, нечистаго и грѣшнаго, зло нѣкако постраждетъ, ни въ нынѣшнемъ, ни въ будущемъ вѣцѣ; но очисти ихъ милостію Своею, и покрый ихъ благодатію Своею, Благій! и тѣмъ всегда утѣшахъ себя.

«Ни нища, ни странна, ни убога, ни скорбна, ни печальна, никогда же презрѣхъ, кромѣ невѣденія.»

«И въ темницѣ больна и плѣнена, и изъ работы должьна, и во всякихъ нужахъ, по силѣ окупихъ, и гладныхъ, по силѣ, кормихъ. Работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ; и ины окупихъ изъ работы, и на свободу попущахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны, и добрыми домами живутъ, якоже видиши, и молятъ за ны Бога, и доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его да проститъ во всѣмъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей воли (а не по кабаламъ).»

Таковъ-то былъ этотъ мнимый властолюбецъ XVI вѣка, умѣвшій на столько возвыситься надъ понятіями своего времени, что, считая рабство позорнымъ для христіанскаго общества и семьи, отпустилъ на волю своихъ кабальныхъ людей съ наградою за ихъ прежнюю службу, и, окруживъ себя свободными домочадцами, всячески старался о томъ, чтобы сдѣлать ихъ довольными и счастливыми. Не ограничиваясь милостынею въ тѣсномъ значеніи этого слова, онъ заботился о милостынѣ душевной, какъ высшей: бралъ къ себѣ въ домъ пустошныхъ (праздныхъ) сиротъ работныхъ мужеска пола, и женска, обучалъ ихъ, при пособіи своей жены, ремесламъ и рукодѣлью, держа у себя до совершеннаго возраста, и потомъ устроивалъ ихъ дальнѣйшую судьбу.... «И всѣ тѣ, говоритъ онъ сыну въ своемъ Поученіи ему, далъ Богъ свободны (т. е. онъ дѣлалъ это не изъ корысти, не пользовался ихъ трудами, не закабалялъ себѣ въ рабство), своими добрыми домами живутъ; многіе во священническомъ чину и во дьяцѣхъ, и въ подъячихъ, и во всякихъ чинехъ....»

Основательно-ли заподозрить въ злоумышленіи и коварствѣ того, кто, поучая сына вѣрности Царю, между прочимъ, внушалъ ему: «Чадо мое единородное и любимое, Анфиме! Произволилъ Богъ и благочестивый и Православный Царь Государь велѣлъ послужити тебѣ въ своей Царской казнѣ, у таможенныхъ дѣлъ. И нынѣ молю тя, чадо, и со слезами глаголю: Господа ради памятуй Царское наказаніе (наставленіе), прося у Бога помощи и разума отъ всея души и отъ всего помышленія, служа вѣрою, да правдою, безо всякія хитрости и безо всякаго лукавства. Во всемъ Государскомъ другу не дружи, недругу

не мсти, и волокита бы людемъ ни въ чемъ не была;..... душевредною бы твоя служба не была Государю ни въ чемъ, а самъ благословеннымъ Государскимъ урокомъ сытъ буди, и т. д.» [29]

Нѣтъ, воля ваша, а такія правила не могъ внушить тотъ, кто самъ не слѣдовалъ имъ, будучи готовъ положить за нихъ душу свою. А таковъ именно и былъ Сильвестръ, говоря словами Писанія: «мужъ сильный словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людьми!»

г) Отношенія Сильвестра къ дѣлу объ Висковатовѣ и къ ереси Башкина; жалобница Сильвестра Митрополиту Макарію.

Сказаніе объ этомъ хотя и составляетъ, такъ сказать, частный случай въ жизни Сильвестра, но любопытно для насъ потому, что показываетъ ясно, въ какихъ правильныхъ и добрыхъ отношеніяхъ находился онъ къ Митрополиту Макарію, вопреки сказанію Царственной Книги, будто бы власть Сильвестра простиралась на Царство и Святительство, затмѣвая, или заслоняя собою власть Митрополита и Освященнаго Собора: «указываше бо и Митрополиту и Освященному Собору».... Предлагаемый ниже актъ свидѣтельствуетъ совершенно иное—это Жалобница Сильвестра, поданная имъ Митрополиту Макарію въ 1553 году по поводу извѣта на него и на его товарища, Благовѣщенскаго Священника Симеона, со стороны государственнаго дьяка Ивана Висковатаго, который прикрывалъ свой извѣтъ ревностію по вѣрѣ: «ужасаяся и бояся лести и всякаго злокознства», онъ доносилъ Митрополиту и Собору, что будто бы «Селиверстъ совѣтенъ съ прикосновеннымъ

---

[29] Домострой Сильвестра. Гл. послѣдняя: Поученіе сыну.—

[30] Бысть у Благовѣщенія, иже на сѣнехъ (во дворцѣ), нѣкій священникъ Селиверстъ, родомъ Новгородецъ: бысть же у Государя въ великомъ жалованіи и совѣтѣ въ духовномъ и въ думномъ, и бысть яко все мога, и вся его послушаху.... указываше бо и Митрополиту.... и приказнымъ людемъ и Воеводамъ ... и спроста реши, всякія дѣла святительскія и Царскія правяше, и ни кто же смѣяше реши, ни сотворити не по его велѣнію.... Точію имени и образа и сѣдалища не имѣяше Святительскаго и Царскаго... чтимъ добрѣ всѣми и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтники» (Царств. Книги 342).

къ ереси Матвѣя Башкина Артеміемъ (бывшимъ Троицкимъ Игуменомъ); онъ же совѣтенъ съ Семеномъ, а попъ Семенъ совѣтенъ съ Артеміемъ и Башкинымъ, которому онъ духовный отецъ, и ихъ дѣла хвалитъ. Что будто бы Сильвестръ повыносилъ изъ Благовѣщенья старинные образа, а вмѣсто ихъ поставилъ новые своего мудрованія; что иные иконы писаны не по существу, и въ Полатѣ (во дворцѣ) притчи писаны не по подобію» и т. д. Всѣ эти обвиненія были подробно разсмотрѣны на Соборѣ 1554 года. Висковатый былъ обличенъ въ неправильныхъ мудрованіяхъ, покаялся, и получилъ епитимью. Современное свидѣтельство о семъ слѣдующее: «На томъ же Соборѣ (1554 г.) Благовѣщенскіе священницы Сильвестръ и Симеонъ били челомъ Митрополиту Макарію и всему Священному Собору на дьяка Ивана Михайлова (Висковатаго), а Иванъ Михайловъ тутo жъ стоитъ, а сказали: «слышали есмя, Государь, что предъ вами на Соборѣ Иванъ Михайловъ челъ и писалъ на насъ не по нашимъ дѣламъ; и вы бъ о томъ пожаловали обыскали, да подали жалобницы за своими руками». [31]

ЖАЛОБНИЦА БЛАГОВѢЩЕНСКАГО ПОПА СЕЛИВЕСТРА.

«Государю, Преосвященному Макарію, Митрополиту всеа Русіи, и всему Освященному Собору Благовѣщенскій попъ Селивестришко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ, Государю, Иванъ Висковатый въ своемъ рукописаніи: «Башкинъ со Артемьемъ и съ Семіономъ совѣтенъ, а я Селивестръ со Артемьемъ и со Семіономъ совѣтенъ же; а попъ Семенъ Башкину отецъ духовной, а ихъ дѣла хвалитъ; да писалъ, что язъ изъ Благовѣщенья образы старинныя выносилъ, а новыя своего мудрованія поставилъ, да въ жертовникѣ отъ своего же умышленія престолъ здѣлалъ, сказываетъ, нигдѣ того нѣтъ; да иные иконы писаны не по существу, какъ въ его грамотѣ писано, да и въ Полатѣ притчи писаны не по подобію». Ино, Государь, святый Митрополитъ, священникъ Симіонъ про Матюшу (Башкина) мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутрени: «Пришелъ, деи, на меня сынъ духовной необыченъ и великими клятвами меня умолилъ собя поновити въ Великій постъ, и многіе вопросы мнѣ простираетъ, всѣ жь недоумѣнны; у меня, де, поученія требуетъ, а иное и меня самъ поучаетъ; и язъ тому

[31] Чтенія въ И. Об. Ист. и Др. Рос. 1847. № 3. Матер. Отечест стр. 17.

удивился и недоумѣюся, и вельми усумнѣхся о семъ». И отвѣчалъ есми Семіону: «каковъ то сынъ тотъ у тебя будетъ, а слава про него носится не добрая». И какъ Государь изъ Кирилова пріѣхалъ, и язъ съ Симеономъ то Царю Государю Великому Князю все сказалъ про Башкина, а Ондрей Протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали жъ. Да Симеонъ же сказывалъ, что Матюша многихъ вещей спрашиваетъ во Апостолѣ толкованія, а самъ толкуетъ, толко не по существу, а развратно. И Симіонъ ему молвилъ: «И язъ и самъ того не вѣдалъ, чего ты спрашиваешъ». И онъ молвилъ: «Спроси, де, у Селивестра, и онъ тебѣ скажетъ». И мы то Государю сказали жъ, что онъ говорилъ, и Государь велѣлъ Симіону Матюшѣ говорить, чтобъ Матюша всѣ свои рѣчи во Апостолѣ измѣтилъ; и Матюша весь Апостолъ воскомъ измѣтилъ, и Симіонъ Апостолъ принесъ къ церкви, и Царь Государь то видѣлъ, и всѣ во Апостолѣ и рѣчь и мудрованіе Матюшино слышали; и тогды Царь и Государь скоро къ Коломнѣ поѣхалъ, и то дѣло позаляглося. И похочешь, Государь, о томъ дѣлѣ спросить Симіона, и онъ что помнитъ, и самъ тебѣ все скажетъ; а я съ Матюшею никакоже не ссылался и совѣтъ мнѣ съ нимъ отнюдь не бывалъ никаковъ.

А про Артемья, бывшаго Троицкаго Игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ; ино, Государь, до Троицкаго Игуменства никакожъ я его не зналъ; и какъ избирали къ Живоначальной Троицѣ Игумена на Серапіоново мѣсто, и того Артемья привезли изъ пустыни, и Государь Артемью велѣлъ пробыти въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходити, и къ себѣ велѣлъ его призывати, и смотрѣти въ немъ всякаго нрава и духовныя пользы; и тогды отъ устъ Артемьевыхъ ученья книжнова доволно ми показалось, и добраго нрава и смиренія исполненъ бысть, и тако всѣми людми видимъ бысть, и ближными и далными; и язъ его тогды позналъ, когды по братцкому прошенію и по Государеву велѣнію, Игуменъ къ Троицы поставленъ бысть. В тажъ времена ученикъ его Перфирій, приходилъ къ Благовѣщенскому Священнику Симіону, страннолюбія ради и духовныя ради бесѣды, и простиралъ съ нимъ многія бесѣды, ползы ради, и приходя Семенъ мнѣ извѣщалъ все, еже глаголалъ съ нимъ, и язъ таковыя бесѣды усумнѣлся, и позвалъ Перфирія къ себѣ, покоя ради за страннолюбіе, и дважды и трижды бесѣдовалъ съ нимъ доволно о ползѣ душевнѣй и вся отъ него слышахъ такова жъ, еже Симіонъ

повѣда мнѣ; и вся та предреченная Царю и Государю сказахомъ. Тогда же и Царь Государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и богоразсуднымъ смысломъ, вся Перфирьева ученія слабостная и во учителѣ его Артемьи начя примѣчати по нарѣчю. Не по мнозѣ же времени Артемей и игуменство оставилъ, за свою совѣсть, и отъиде въ пустыню; и какъ нынѣ началося Матюшки Башкина ереси взысканіе, и тогдажъ приведенъ изъ пустыни Артемей и со ученикомъ Перфирьемъ, и иные старцы: и мы съ Симіономъ Перфирьевы рѣчи, что отъ него слышали, написавъ, и выдали тебѣ, Государю, и всему святому Собору; и ты, Государь, Перфирія самъ спрашивалъ предъ всѣмъ Соборомъ по нашей памяти, и Перфирей предъ вами, Государь, тожъ говорилъ, и къ своимъ рѣчемъ, а къ вашему списку, руку приложилъ.

А что о иконахъ Иванъ писалъ, ино, Государь, святый Митрополитъ и весь Священный Соборъ, вѣдомо, былъ, по грѣхомъ, великій пожаръ въ семъ царствующемъ градѣ Москвѣ, и всѣ освященныя церкви и честныя иконы, и Царскій дворъ, и Полаты, и многое стяжаніе, и посады всѣ огнемъ погорѣли; Государь, Православный Царь, самъ жилъ въ Воробьевѣ, а разослалъ по городомъ по святыя и честныя иконы, въ Великій Новгородъ, и въ Смоленскъ и въ Дмитровъ, и въ Звенигородъ, и изъ иныхъ многихъ городовъ многіе чюдныя святыя иконы свозили и въ Благовѣщеньѣ поставили на поклоненіе Царево и всѣмъ Христіяномъ, доколѣ новыя иконы напишутъ. И послалъ Государь по иконописцевъ въ Великій Новгородъ, и во Псковъ, и въ иные городы, и иконники съѣхались, и Царь Государь велѣлъ имъ иконы писати, кому что приказано, а инымъ велѣлъ полаты подписывати, и у града надъ враты святыхъ образы писати. И я, доложа Государя Царя, велѣлъ есми Новгородцкимъ иконникомъ написати Святую Троицу Живоначалную въ Дѣяніихъ, да Вѣрую во единаго Бога Отца, да Хвалите Господа съ небесъ, да Софію, Премудрость Божію, да Достойно есть; а переводъ у Троицы имали иконы, съ чего писати, да на Симоновѣ. А Псковскіе иконники, Останя, да Яковъ, да Михаило, да Якушко, да Семенъ Высокой Глаголь, съ товарищи, отпросилися во Псковъ и ялись тамо написать четыре большія иконы: 1) Страшной Судъ, 2) Обновленіе храма Христа Бога нашего Воскресенія, 3) Страсти Господни во Евангельскихъ притчахъ, 4) икона, на ней четыре праздника: «И почи Богъ въ день седьмый отъ дѣлъ своихъ», да «Единородный Сынъ, Слово

Божіе», да «Пріидите людіе, трисоставному Божеству поклонимся», да «Во гробѣ плотски». И какъ иконописцы иконы написали, Деисусъ, и праздники, и пророки, и мѣстныя большія иконы, и тѣ иконы, которыя во Псковѣ писаны, привезли жъ на Москву, и Царь и Государь тѣ старыя привозныя иконы честно проводилъ со честными кресты, и молебная совершалъ Митрополитъ со всѣмъ Священнымъ Соборомъ, а иныя привозныя иконы и еще здѣ; а въ Благовѣщеньѣ, и во Архангелѣ, и у Вознесенья новыя иконы Царь и Государь велѣлъ поставляти. И о которыхъ святыхъ иконахъ Иванъ соблажняется, да что и въ Полатѣ притчи писаны, ино, святый Митрополитъ Государь, и святые Владыки, и Архимандриты, и Игумены, и Протопопы и весь Священный Соборъ, вѣдаете и знаете по Божественному Писанію и правиломъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, на которомъ святомъ Вселенскомъ Соборѣ «Достойно есть» проповѣдано, тогда и на иконахъ пишутъ иконописцы; когда же «Вѣрую во единаго Бога» на Соборѣ проповѣдано, тогда и на иконахъ пишутъ. Какъ благочестивый Православный и Великій Князь Владимеръ самъ крестился во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ Корсунѣ, и пріѣхавъ въ Кіевъ, заповѣда всѣмъ креститися, и тогда вся Русская страна крестися; а въ началѣ изъ Царяграда въ Кіевъ присланъ Митрополитъ, а въ Великій Новградъ Владыка Іоакимъ; и Князь Великій Владимеръ Ярославичь повелѣ въ Новѣградѣ поставить церковь каменну Святую Софію, Премудрость Божію, по Цареградскому обычаю, и икона Софія, Премудрость Божія, тогды жъ написана, Греческой переводъ. А во Псковѣ Троицу Живоначальную, а въ Юрьевѣ монастырь Георгіи Святый, а на Городищѣ Благовѣщеніе Святыя Богородицы, а на Торговой сторонѣ Иванъ Святый на Опокахъ, а на Ярославлѣ дворищѣ Никола Чюдотворецъ, а всѣ тѣ церкви на подписѣхъ; а всѣ тѣ церкви ставили Великія Князи, а по иконописцевъ посылали по Греческихъ, церквей подписывати и святые иконы писати; да во многихъ монастырѣхъ Владыки Новгородскіе церкви строили и съ подписми каменыя, и честными иконами украшали; и во всѣхъ тѣхъ Св. Божіихъ церквахъ на стѣнахъ писме и на честныхъ иконахъ, на Москвѣ у Пречистой Соборней, и у иныхъ святыхъ церквахъ, и во всѣхъ Московскихъ пригородѣхъ и въ монастырѣхъ, и въ Великомъ Новѣгородѣ, и въ Володимерѣ и во Псковѣ, и въ Твери, и въ Суздалѣ и въ Смоленску, и во всей Царя Государя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи, дрьжавѣ, писано на стѣнахъ и на иконахъ Греческое и Кор-

сунское письмо, и жертвенники, тако жъ въ Святой Софіи, и въ предреченныхъ церквахъ, въ Новѣгородѣ, и въ Смоленску, по Цареградски и по правиломъ. И ты, Государь, святый Митрополитъ, и весь Освященный Соборъ, обыщите и разсудите, аще едину черту язъ приложилъ своего разума: всѣ отъ древняго преданія, какъ иконники пишутъ по образцомъ, каковы будутъ у нихъ есть святыя и честныя иконы, и бытейская Дѣянія, и иныя многія притчи; неприкосновенъ есми самъ ни которому дѣлу; писали иконники все со старыхъ образцовъ своихъ. Обыскивайте, Государи, и свидѣтельствуйте ихъ Божественнымъ Писаніемъ, по правиломъ Святыхъ Отецъ; что ли въ нихъ будетъ не по существу, или образцы непрямы будутъ, тѣ честные иконы, которые въ Благовѣщенье писаны, а не по чину, и съ которыхъ тѣ честные иконы писаны, и тѣ каковы будутъ; да что на стѣнахъ бытейское старинное письмо и притчи, и о томъ, Государи, прилѣжно разсудите, чтобъ были святыя и честныя иконы и бытейское писмо не на соблазнъ міру, но во утвержденіе Православію, и въ просвѣщеніе, и въ умиленіе, и въ богатую милость, и въ животъ вѣчный молящимся вѣрою, да безъ сумнѣнія бы Православные Христіане съ теплою вѣрою покланялися имъ во вѣки, аминь.

И какъ прочли жалобницы (вышеприведенную и другую попа Симеона, съ ней сходную), и Иванъ Михайловъ на Соборѣ говорилъ: «Какъ есми про васъ тогды говорилъ, такъ и нынѣ о томъ писалъ есми въ своей исповѣди о своемъ сомнѣніи, и язъ нынѣ о томъ у васъ и прощаюся». Да тутъ же на Соборѣ билъ челомъ и прощался съ попами Селиверстомъ и Симеономъ.»

Имѣя въ виду, что дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ былъ извѣстный Дьякъ Висковатовъ и зная при томъ, что онъ же игралъ важную роль и въ спорѣ за престолонаслѣдіе во время болѣзни Царя, держа сторону Царевича Димитрія, противу сторонниковъ Князя Владиміра Андреевича, которые всѣ были въ тоже время друзьями Сильвестра, и что остуда Царя къ Сильвестру и друзьямъ его, начавшаяся съ этого злополучнаго событія, не могла ускользнуть отъ вниманія Висковатаго, мы въ правѣ предположить, что доносъ на Сильвестра былъ не личнымъ дѣломъ Висковатаго, а дѣломъ цѣлой партіи, искавшей случая ускорить паденіе знаменитаго мужа. Случай казался весьма благопріятной: если бы удалось заподозрить «духовнаго совѣтника» въ уклоненіи отъ Православія, и черезъ то усилить начавшуюся уже къ нему осту-

ду Царя, да еще поссорить Сильвестра съ Митрополитомъ, и вообще съ духовными властями, то это было бы начало конца, столь вожделѣннаго для партіи, желавшей какъ можно скорѣе покончить съ благимъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева для своихъ личныхъ цѣлей. Но защита, оказанная въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ обоимъ Благовѣщенскимъ священникамъ, Селивестру (Новгородцу) и Семену (Псковитину) Митрополитомъ Макаріемъ, подтверждаетъ мнѣніе Д. П. Голохвастова, что оба эти лица, и въ особенности Сильвестръ, опирались въ своихъ дѣйствіяхъ на Митрополита Макарія, какъ на своего ближайшаго покровителя, и что Сильвестръ приблизился къ Царю съ помощію Митрополита и вліялъ на исправленіе Іоанна, руководясь совѣтомъ и благословеніемъ мудраго Архипастыря, почему и дѣйствовалъ съ чистою совѣстію, зная, что употребляетъ свое вліяніе на благо Церкви и Государства. Поведеніе Митрополита Макарія на Соборѣ 1561 года, собранномъ нарочито для обвиненія и осужденія уже удалившагося отъ Двора Сильвестра, во иноцѣхъ Спиридона, и его друга Алексѣя Адашева, гдѣ одинъ только Митрополитъ Макарій и дерзнулъ заступиться за невинныхъ, требуя, во имя справедливости, чтобы они лично предстали на судъ, и были выслушаны во взведенныхъ на нихъ клеветахъ, еще болѣе и яснѣе подтверждаетъ вышеупомянутое предположеніе, что Митрополитъ Макарій былъ совершенно единомысленъ съ Сильвестромъ и Адашевымъ въ дѣлахъ Царства и Святительства. Могло-ли бы кончиться благополучно для Сильвестра такое щекотливое дѣло, если бы сказаніе Царственной Книги о восхищеніи Сильвестромъ власти по дѣламъ Царства и Святительства было справедливо хотя отчасти? Доносъ Висковатаго, при начавшейся остудѣ Царя, по тогдашнему подавалъ такой удобной поводъ не только для смиренія, но и для совершеннаго уничиженія Сильвестра, какъ уничижителя Святительской власти, — что будь онъ дѣйствительнымъ противникомъ оной, остуда не замедлила бы обратиться въ грозную опалу. Но ходъ и послѣдствія этого дѣла лишь удостовѣряютъ насъ въ томъ, что Сильвестръ пользовался полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ Митрополита Макарія и состоялъ въ полномъ единомысліи съ нимъ въ дѣлѣ своего благого вліянія на пылкаго Царя, направляя свои дѣйствія къ истинному благу Церкви и народа.

д) Отношеніе Сильвестра къ Пр. Максиму Греку († 1556 г.).

Сильвестръ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и къ другому

своему современнику — Пр. Максиму Греку, который, «пострадавъ за истину радуяся» въ предшествовавшее царствованіе, доживалъ свои страдальческіе дни въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ, тщетно умоляя отпустить его «на свое обѣщаніе» во Св. Аѳонскую гору — въ Ватопедскую обитель. Памятникомъ дружелюбныхъ отношеній сихъ знаменитыхъ мужей служитъ письмо Максима Грека къ Сильвестру, съ просьбою о ходатайствѣ предъ Царемъ за семейство одного изъ опальныхъ Бояръ—«Никиты Борисовича». Сколько можно догадываться, это былъ Князь Ростовскій—Пріимковъ, родственникъ опальнаго Князя Семена Ростовскаго, умыслившаго отъѣхать въ Литву, за что подвергся Царской опалѣ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ родомъ. Печалованіе за нихъ со стороны Сильвестра не обошлось ему даромъ. Въ послѣдствіи, въ своей перепискѣ съ Курбскимъ, Іоаннъ укоряетъ Сильвестра за это печалованіе, какъ за явное сочувствіе «измѣнникамъ», говоря: «когда Князь Семенъ Ростовскій измѣнилъ и мы наказали его съ милостію, то Сильвестръ съ вами, злыми совѣтниками своими, началъ его держать въ великомъ береженіи и помогать ему всякимъ добромъ, и не только ему, но и всему роду его». [32] Такъ мрачная подозрительность больной души умѣетъ приписывать худыя побужденія самому доброму дѣлу! Письмо Пр. Максима Грека сохранилось, въ рукописномъ Сборникѣ его сочиненій, въ библіотекѣ Троицкой Лавры.» [33]

ПОСЛАНІЕ ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА КЪ СЕЛИВЕСТРУ ПОПУ.

«Честнѣйшему во Іереяхъ Вышняго, и всякими цвѣты добродѣтельными преукрашенному, и во искуствѣ и разумѣ Богодухновенныхъ Писаній изящному разсудителю, Господину Селивестру и благодѣтелю моему, неключимый чернецъ онъ сице, смѣя и не смѣя много челомъ бью до земли. Велико осужденіе мню себѣ, аще утаю отъ тебе словеса нѣкая вдохновенна мнѣ отъ Всесвятаго Духа на утвержденіе истины, сирѣчь Православныя вѣры нашея Христіанскія; и сіе дерзаю, послушая стихъ глаголющаго: скрывшаго талантъ осужденіе уразумѣвше душа моя, не скрый слово Божіе, возвѣщай чудесная его и проч. Также послушая восхи-

[32] Сказ. Курб. Ч. II стр. 61.

[33] Въ бумагахъ Д. П. Голохвастова есть два списка съ сего письма.

щеннаго до третьяго небесе глаголющаго Тайноглагольника: ты убо, чадо, возмогай о благости, яже о Христѣ Іисусѣ, и яже слышалъ еси многими свидѣтели отъ мене, сихъ положи у вѣрныхъ человѣцехъ иже довольни будутъ и иныхъ научити. Пріими убо словеса сицева отъ мене съ любовію и прочетъ сихъ, аще убо достохвальна явятся твоему велеумію, воздаждь хвалу Просвѣтившему мя. Аще же негдѣ храмлютъ, исправимо исправи, молю твое велеуміе, и ты мене. Аще бо Павелъ сосудъ избранный возложи Петру и Іакову благовѣствованіе, еже проповѣдаше во языцѣхъ, хотя извѣститися аще пряме проповѣдуютъ: да не тако, рече, всуе теку или текохъ. Множае паче азъ неученый и худоумный долженъ есмь сицево искати разсужденіе у тебе столь многоученаго суща и милосердію удобь преклоняема требующимъ помощи, якоже слышу отъ всѣхъ. Сего ради и азъ съ добрымъ упованіемъ смѣю и бью челомъ твоему благоутробію, дабы еси пожаловалъ поминалъ благовѣрному Царю и Самодержцу всея Русіи о дѣтяхъ покойника Никиты Борисовича, чтобы Государь умилосердился, и показалъ милость къ нимъ, въ велицей скудости и нуждѣ живущимъ. Се долгъ многъ, се три сестры, да нечимъ отдати ихъ. Умилосердися Бога ради, простри руку помощи, по твоему обычному Богоугодному милосердію. Ей, молю тя, честнѣйшій Іерей! помози многоскорбной вдовѣ и сиротамъ ея, угаси росою благоутробія твоего горькія слезы безпрестани изливаеми. Буди вдовамъ предстатель и сиротамъ отецъ, по оному праведному многострададьцу. Да не забываемъ глаголющаго Тайноглагольника: вѣра бо чиста и непорочна предъ Богомъ и Отцемъ еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ, и пр. Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ да сохраняетъ тя всегда въ благодати Своей».

Какого еще лучшаго свидѣтеля надобно для оцѣнки свойствъ великой души Сильвестра, какъ Пр. Максима Грека? Его отзывъ о Сильвестрѣ вполнѣ подтверждаетъ намъ то, что самъ, похваляемый достойно, свидѣтельствовалъ о себѣ въ назиданіе своему сыну, то есть, что вся жизнь его была посвящена служенію правдѣ и добру, что онъ, говоря словами Пр. Максима Грека, былъ удобь преклоняемъ на милосердіе ко всѣмъ требующимъ его помощи и заступленія, что Богоугодное милосердіе было для него дѣломъ обычнымъ и всѣмъ общеизвѣстнымъ, что онъ, по Іову, былъ точно «вдовамъ предстатель и сирымъ отецъ», и что современники, по-

добные даже Пр. Максиму Греку и Князю Курбскому, не знали чему болѣе удивляться въ Сильвестрѣ: его духовной мудрости и опытности, или милосердію и любви къ ближнимъ, запечатлѣвавшей всѣ дѣла его. И такой-то добродѣтельный мужъ вмѣненъ со беззаконными (какъ чародѣй и отравитель), оклеветанъ, осужденъ и поруганъ, претерпѣвъ всё сіе, радуяся за любовь къ правдѣ и добру. Такой исходъ не можетъ удивлять того, кто знаетъ Исторію Христіанства; онъ знаетъ, что завѣщалъ Своимъ послѣдователямъ «Солнце правды» Христосъ Богъ нашъ: «многи скорби праведнымъ, но отъ всѣхъ ихъ избавитъ Господь. Блаженни изгнанніи правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное.»

е) Опала Сильвестра, его удаленіе отъ Двора въ Кирилловъ монастырь, постриженіе въ ономъ, заочное осужденіе и ссылка въ Соловки. Кончина Сильвестра.

Остуда Іоанна къ Сильвестру и Адашеву, начавшаяся, какъ выше было замѣчено, со времени его болѣзни (въ 1553 г.) таилась довольно долго, скрываясь, какъ искра подъ пепломъ, раздуваемая медленно подозрѣніями и наговорами противной имъ партіи; во главѣ ея, по свидѣтельству Курбскаго, были сильные своимъ вліяніемъ братья Царицы, постаравшіеся прежде всего поссорить ее самое съ тѣми, которымъ она до тѣхъ поръ была пособницею въ ихъ благомъ вліяніи на Царя. «Іоаннъ, пишетъ Карамзинъ, всталъ съ одра, исполненный (по видимому) милости ко всѣмъ Боярамъ, благоволенія и довѣренности къ прежнимъ друзьямъ и совѣтникамъ; далъ санъ Боярской отцу Адашева, который смѣлѣе другихъ опровергалъ Царское завѣщаніе; честилъ, ласкалъ Князя Владиміра Андреевича; однимъ словомъ, не хотѣлъ помнить, что случилось въ болѣзнь его, и казался только признательнымъ Богу за свое чудное исцѣленіе. Такова была наружность, но въ сердцѣ осталась рана опасная. Іоанну внушали (партія противная), что не только Сильвестръ, но и юный Адашевъ тайно держалъ сторону Князя Владиміра. Не сомнѣваясь въ ихъ усердіи къ благу Россіи, онъ началъ сомнѣваться въ ихъ личной привязанности къ нему; уважая того и другого, простылъ къ нимъ въ любви; обязанный имъ главными успѣхами своего царствованія, страшился быть неблагодарнымъ и соблюдалъ единственно пристойность; шесть лѣтъ усердно служивъ добродѣтели, и вкусивъ всю ея сладость, не хотѣлъ (вдругъ) измѣнить ей, не

мстилъ (въ началѣ) никому явно, но съ усиліемъ, которое (очевидно) могло (должно было) ослабѣть въ продолженіи времени. Всего хуже было то, что супруга Іоаннова, дотолѣ согласно съ Адашевымъ и Сильвестромъ, питавъ въ немъ любовь къ святой нравственности, отдѣлилась отъ нихъ тайною непріязнію, думая, что они имѣли намѣреніе пожертвовать ею, сыномъ ея и братьями выгодамъ своего собственнаго честолюбія. Анастасія способствовала, какъ вѣроятно, остудѣ Іоаннова сердца къ друзьямъ. Съ сего времени онъ непріятнымъ образомъ почувствовалъ свою онъ нихъ зависимость [34] и находилъ иногда удовольствіе не соглашаться съ ними, дѣлать по своему, въ чемъ, какъ пишутъ (Курбскій), еще болѣе утверждало Царя свиданіе съ бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ, во время поѣздки въ Кирилловъ послѣ выздоровленія» [35] Все вышесказанное здѣсь нашимъ исторіографомъ находитъ полнѣйшее подтвержденіе въ извѣстной перепискѣ Іоанна съ Княземъ Курбскимъ и дѣлаетъ совершенно излишнимъ приведеніе и разборъ подлинныхъ мѣстъ изъ оной, относящихся къ этому предмету. Любопытно замѣтить что на переходъ отъ полнаго довѣрія и любви къ полной непріязни и ненависти, съ 1553 по 1559 г., понадобилось ровно столько же лѣтъ, сколько протекло отъ начала благого вліянія Сильвестра и Адашева на Іоанна до начала тайной къ нимъ остуды (съ 1547 по 1553 г.), а именно шесть лѣтъ.

Теперь разсмотримъ мнимыя вины Сильвестра предъ Іоанномъ. Главными винами его Іоаннъ считалъ: а) намѣреніе возвести на престолъ Князя Владиміра Андреевича, помимо сына Іоаннова, младенца Димитрія; б) утѣсненіе его воли; в) нерасположеніе къ Царицѣ Анастасіи, которому приписывалъ и неблагопріятной ходъ ея болѣзни. Остальныя вины и въ глазахъ самого обвинителя составляли лишь послѣдствія трехъ главныхъ, а потому мы и ограничимся лишь разсмотрѣніемъ этихъ трехъ Первая уже отчасти разсмотрѣна нами. Князь Курбской, возражая на это обвиненіе Іоанна, въ одномъ изъ своихъ посланій къ нему, говоритъ кратко, очевидно не придавая сему той важности, какую придавалъ самъ Царь, и отвѣчая лишь за одного себя: «а о Володимерѣ

---

[34] Намъ оздравившимъ, пишетъ Іоаннъ, попу же Сильвестру и Алексѣю отъ злѣ не престающе, вся злая совѣтующе, и утѣсненіе горчайшее (намъ) сотвориши... (Ск. Курб. ч. II, стр. 60).

[35] Карамз. Ист. Госуд. Рос. т. VIII, стр. 210—212.

братѣ вспоминаешь, аки бы мы его хотѣ и на Царство: воистину о семъ не мыслихъ; понеже и не достоинъ былъ того. А тогдыжъ есмь угадалъ грядущее мнѣніе твое на мя, когда еще сестру мою насиліемъ отъ меня взялъ еси за того-то брата твоего» [36] Карамзинъ, разбирая поведеніе Сильвестра во время болѣзни Іоанна (въ 1553 г.), и его заступничество за Князя Владиміра, навлекшее на него вышеупомянутое подозрѣніе, выразилъ такое мнѣніе: «всѣми уважаемый, не всѣми любимый, Сильвестръ терялъ съ Іоанномъ (въ случаѣ его смерти) политическое бытіе свое, и соглашая личное властолюбіе съ пользою Государственною, можетъ быть тайно доброхотствовалъ сторонѣ Князя Владиміра Андреевича, связаннаго съ нимъ дружбою,» [37] прибавимъ, старинною, по свидѣтельству Царственной Книги. И одного этого обстоятельства было уже достаточно, чтобы дать пищу мрачной подозрительности Іоанна, послѣ его болѣзни, обнаружившей замыслы Князя Владиміра, а Сильвестръ, какъ мы видѣли, еще имѣлъ неосторожность проронить передъ противною партіею нѣсколько словъ въ защиту сего Князя.

Можно полагать, что Іоаннъ тогда уже рѣшилъ въ умѣ своемъ искоренить всѣхъ, кто были, или кого считалъ онъ единомышленными съ своимъ двоюроднымъ братомъ, и исполнилъ это позже, готовясь ко мщенію тайно и медленно въ теченіи цѣлыхъ 6-т. лѣтъ. Но, повторяемъ, никакихъ фактическихъ доказательствъ виновности въ этомъ дѣлѣ Сильвестра не обнаружилось и не прибавилось, и какъ бы мы ни разбирали это обвиненіе, приходится довольствоваться лишь однимъ бездоказательнымъ «можетъ быть» Карамзина.

Второе обвиненіе Сильвестра (и Адашева) Іоанномъ заключалось въ томъ, что будто они вовсе не давали ему никакой воли не только во внѣшнихъ дѣлахъ управленія, но и во внутренней, домашней его жизни. Курбскій, отвѣчая на это обвиненіе, не отвергаетъ его вовсе, но обращаетъ лишь вниманіе разгнѣваннаго Царя на то, что все сдѣланное имъ въ томъ періодѣ не по своей волѣ, а съ совѣтомъ своихъ приближенныхъ Сильвестра и Адашева,—составляетъ истинную славу его царствованія, а все то, что

---

[36] Сказ. Курб. ч. II стр. 127.

[37] Карамз. Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 207.

онъ сдѣлалъ послѣ по своей волѣ, безъ всякаго совѣта,—составляетъ напротивъ позоръ его собственный и государственный: «таковъ, восклицаетъ онъ въ заключеніи своего разсказа, былъ Царь нашъ, доколѣ любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ!» Карамзинъ, разбирая рѣчь Іоанна, при учрежденіи Опричнины, рѣчь, въ которой онъ (какъ и въ перепискѣ съ Курбскимъ) говоритъ о себѣ: «я былъ невольникомъ на тронѣ, попъ Сильвестръ и Адашевъ не давалъ мнѣ ни какой воли».... справедливо замѣчаетъ, что «въ семъ случаѣ, обуреваемый злобою, Іоаннъ клевещетъ на самого себя,» а г. Соловьевъ, разбирая дѣянія Іоанна изъ того періода, когда у него были совѣтниками Сильвестръ и Адашевъ, доказываетъ самостоятельность его въ дѣйствіяхъ фактическими доказательствами и справедливо замѣчаетъ: «всего страннѣе предположить, чтобы человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ» [38]. Это относительно дѣлъ внѣшнихъ. Распространяясь о дѣлахъ этого періода, Курбскій между прочимъ доказываетъ пользу уничтоженія гибельнаго обычая мѣстничества, къ чему стремились умные совѣтники Іоанна и на что жаловался онъ, говоря: «отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъяша, еже вамъ бояромъ нашимъ по нашему жалованью честію предсѣданія почтенымъ быти».... Такъ точно были извращены его подозрительностію и всѣ прочія благія ихъ начинанія и совѣты. Таково, напримѣръ, его странное отреченіе отъ славы Казанскаго похода, вспоминая о которомъ Іоаннъ говоритъ, будто его везли туда и оттуда почти насильно, какъ плѣнника какого..... Надобно ли еще и это обвиненіе считать заслуживающимъ серьознаго опроверженія? Чтоже касается стѣсненія воли Іоанна, въ его внутренней, домашней жизни, то Курбскій, отвѣчая на это, напоминаетъ Царю, что онъ самъ взялъ къ себѣ Сильвестра «пользы ради и совѣта духовнаго», еще юнъ бывъ сый, и нравомъ необузданный, почему тотъ, какъ искусный врачъ, и дѣйствовалъ, употребляя лѣкарства цѣлесообразныя болѣзнямъ и ихъ застарѣлости (См. ниже подлинныя о семъ слова Курбскаго). Третье обвиненіе противъ Сильвестра и Адашева заключается въ ихъ нерасположеніи къ Царицѣ Анастасіи и небреженіи о ея здравіи; изъ чего въ послѣд-

---

[38] Истор. Россіи съ древн. временъ т. VI стр. 389 и 390.

ствіи противники ихъ и сложили гнусную клевету, будто бы они погубили Царицу отравою; обвиненіе, о которомъ хотя и не упоминаетъ ясно самъ Іоаннъ, но которое, какъ видно, часто обращаясь въ умѣ его, сдѣлалось наконецъ и для него вѣроятнымъ. Мы уже замѣтили выше, что послѣ несчастнаго спора о престолонаслѣдіи Сильвестръ и Адашевъ лишились въ Царицѣ доброй союзницы въ своемъ благомъ вліяніи на Царя. Карамзинъ справедливо замѣчаетъ, что подозрѣніе, возбуждавшееся въ ней дѣйствіями друзей Сильвестра и Адашева, сдѣлали и ихъ самихъ подозрительными въ глазахъ ея, и что она при пособіи братьевъ много способствовала охлажденію къ нимъ Царя. Естественно, что и они не могли, или не хотѣли скрывать своего нерасположенія къ ней, чувствуя, что имѣютъ въ ней тайнаго врага. Въ чемъ состояла ихъ вина во время болѣзни, приключившейся Царицѣ, въ Ноябрѣ 1559 года, на пути изъ Можайска въ Москву, мы не знаемъ. Іоаннъ упоминаетъ о семъ въ слѣдующихъ словахъ: «како убо воспомяну еже во царствующій градъ съ нашею Царицею Анастасіею съ немощною отъ Можайска немилостивное путное прехожденіе? Единаго ради малаго слова непотребна. Молитвы же убо и прехожденія по святымъ мѣстамъ; и еже убо приношенія и обѣты ко святынѣ о душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи, и о своемъ (о всемъ?) благомъ пребываніи нашемъ и о Царицѣ нашей и чадъ нашихъ,— и сія вся лукавымъ умышленіемъ вашимъ отъ насъ отнюдь взяшася (т. е. остались напрасны); о врачевствѣй же хитрости, своего ради здравія, ниже помянути тогда бяше (т. е. не было тогда и помину). [89] По лѣтописямъ видно лишь, что путешествіе это было весьма затруднительно: «безпута (распутица) была кромѣ обычая на много время». Но чѣмъ провинились въ семъ случаѣ ближніе Бояре, и въ особенности Сильвестръ и Адашевъ, остается неизвѣстнымъ, а самъ Іоаннъ не выразился о семъ яснѣе, хотя изъ слѣдующихъ за симъ разсказомъ его словъ: «и сице убо намъ въ таковыхъ зѣлныхъ скорбѣхъ пребывающимъ, и понеже убо такова отягченія не могохомъ понести, еже не человѣчески сотвористе, и сего ради сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтники, милостивный свой гнѣвъ учинили: смертныя казни не положили, но по разнымъ мѣстомъ разослали», — слѣдуетъ заключить, что во время этой поѣздки произошло какое

[89] Сказ. Курбск. ч. II, стр. 61 и 62.

нибудь серьозное столкновеніе между родными Царицы и друзьями Сильвестра и Адашева, а можетъ быть и съ участіемъ ихъ самихъ. Но за неимѣніемъ положительныхъ фактовъ ни винить, ни оправдывать ихъ въ этомъ случаѣ не можемъ. Всего ближе предположить, что «немилостивное путное прехожденіе» съ больной Царицей, упоминаемое Іоанномъ, могло значить ускореніе по чьему либо совѣту «путнаго прехожденія», для скорѣйшаго достиженія царствующаго града, а какъ болѣзнь Царицы черезъ то усилилась, то злонамѣренность и могла растолковать, что это поспѣшеніе было слѣдствіемъ злаго умысла и т. д. Другаго болѣе подходящаго толкованія слову «немилостивное», употребленному Іоанномъ въ своемъ разсказѣ придумать трудно. Что же онъ говоритъ касательно «врачевстѣй хитрости,» что объ ней не было и помину, то надобно было бы знать, сопровождалъ ли его въ этомъ походѣ какой либо врачъ, а если, какъ видится, нѣтъ, то кажется ясно, что было проще спѣшить въ Москву для обращенія ко «врачевстѣй хитрости», чѣмъ останавливаться въ распутицу на дорогѣ и посылать въ Москву за врачемъ. Какъ бы то ни было, но на этихъ то случайностяхъ и недоразумѣніяхъ очевидно была построена та гнусная клевета, которая послужила къ окончательному осужденію обоихъ любимцевъ, будто они своими чарованіями и отравой извели Царицу, имъ ненавистную..... Отвѣчая Іоанну заразъ на всѣ клеветы, такъ щедро расточаемыя въ его письмахъ на Сильвестра и Адашева, какъ почитаемыхъ имъ за начальниковъ ненавистной ему партіи, уже тогда большею частію имъ истребленной лютыми казнями, кромѣ бѣжавшихъ (подоб. Курбскому) за границу, Курбской напоминаетъ Іоанну, что напрасно онъ «клевещетъ на мертвыхъ (Адашевъ † 1560, а Сильвестръ не ранѣе 1566 г.), послушая отца лжи діавола, который подучаетъ его не только гордится своими безчисленными беззаконіями и кровопролитіями, но и нарочитыхъ святыхъ мужей не только проклинать, но и порицать ихъ діаволами, и духомъ Божіимъ водимыхъ духомъ бѣсовкимъ не срамляешися потваряти (клеветати). А кто Христіанина правовѣрнаго оклеветуетъ, не его оклеветуетъ, но самаго Духа Святаго, пребывающаго въ немъ, и грѣхъ неисцѣлимый на главу свою привлачитъ. И къ тому еще, что наигнушательнѣйшаго и пресквернѣйшаго, еже исповѣдника твоего потваряти и сикованціи (лжесшиванія) на него умышляти, который душу твою Царскую къ покаянію привелъ, грѣхи твои на своей выи носилъ, и взявши тя отъ преявственнѣйшихъ скверпъ, яко чиста предъ наи-

чистѣйшимъ Царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, исчистя покаяніемъ, поставилъ! Се тако ли воздаешь ему и по смерти (пис. въ 1579 году)? О чудо! яко зависть отъ презлыхъ и прелукавыхъ маньяковъ (безумныхъ ласкателей) твоихъ сшитая, и по смерти на святыхъ и преподобныхъ мужей не угаснетъ! Не ужасаешилися, о Царю! притчи Хамовы, иже насмѣвался наготѣ отчей? Како снесено бысть о томъ на исчадія его проклятіе! И аще таковая притча отъ тѣлесныхъ отцѣхъ случилась, кольми паче отъ духовныхъ должны есмя покрывати, аще бы нѣчто и случилося, человѣческія ради немощи, яко то и ласкатели твои клеветали на онаго Презвитера, иже бы тя устрашалъ не истинными, но льстивыми видѣніи! Воистинну, и азъ глаголю: льстецъ онъ былъ, коваренъ и благокозненъ: понеже ялъ тя, исторгнувши отъ сѣтей діавольскихъ и отъ челюстей мысленнаго льва, и привелъ было тя ко Христу Богу нашему. Тоже воистинну и врачеве премудрые творятъ, дикія мяса и неудобь цѣлимыя гагрины бритвами рѣжутъ, ажъ до живаго тѣла, и потомъ наводятъ по малу и исцѣляютъ недужныхъ: такожъ и онъ творилъ Презвитеръ блаженный Селивестръ, видяще недуги твои душевные, многими лѣты застарѣвшіеся и неудобные ко исцѣленію. Яко нѣцы премудрые глаголютъ: «застарѣвшіеся, рече, злые обычаи въ душахъ человѣческихъ многими лѣты во естество прелагаются и неудобь исцѣльны бываютъ;» такожъ и онъ, преподобный, неудобь исцѣльнаго ради твоего недуга, прилагалъ пластыри, ово кусательными словесы нападающе на тя и порицающе, яко бритвою непреподобные нравы наказаніемъ жестокимъ рѣжуще, ово, яко уздою крѣпкою со браздами, невоздержаніе и преизлишную похоть и ярость твою востязающе. Но сбысться на немъ Соломоново слово: «накажи, рече, праведника и приложитъ со благодареніемъ пріимати», и паки: «обличай премудра, и возлюбитъ тя,» прочіе же послѣдующіе стихи умолчу, возлагающе ихъ царской совѣсти твоей, вѣдуще тя Священнаго Писанія искуснаго».... [40] Послѣ возвращенія Царя изъ поѣздки въ Можайскъ, въ Москву, въ концѣ 1559, или въ началѣ 1560 году, всѣ друзья Сильвестра, подверглись рѣшительной опалѣ и удалены отъ Двора. Алексѣй Адашевъ весною 1560 г. былъ уже въ почетной ссылкѣ при войскѣ, отправившемся въ Ливонію. Тогда же Сильвестръ, видя, что ему болѣе нечего

[40] Сказ. Курбск. ч. II, стр. 121—123.

дѣлать при Іоаннѣ, добровольно удалился на жительство въ Кирилловъ монастырь, гдѣ и принялъ иноческое постриженіе съ именемъ Спиридона. Іоаннъ разсказываетъ о его добровольномъ удаленіи такъ: «попу же Селивестру, видѣвше своихъ совѣтниковъ ни во что же бывше, сего рода своею волею отъиде, намъ же его благословиѣ (благозаконнѣ) отпустившу, не яко устыдившися, но яко не хотѣвши судити здѣсь, но въ будущемъ вѣцѣ, предъ Агнцемъ Божіимъ.... тамо хощу судъ пріяти, елико отъ него пострадахъ душевнѣ и тѣлеснѣ. Того ради и чаду его сотворихъ и по се время во благоденствіи пребывати, точію убо лица нашего не зря.» [41] Нельзя оставить безъ замѣчанія, что эпистолія, въ которой Іоаннъ пишетъ объ удаленіи Сильвестра отъ Двора писана въ 1563 году, когда добродѣтельный Сильвестръ, обвиненный въ чародѣйствѣ и отравѣ Царицы, уже находился (какъ свидѣтельствуетъ Курбскій въ своей Исторіи Царств. Іоанна) въ заточеніи въ Соловецкомъ монастырѣ, а между тѣмъ Іоаннъ проходитъ это обстотельство совершеннымъ молчаніемъ, увѣряя, что онъ не сдѣлалъ Сильвестру никакого зла. Курбскій же въ своей «Исторіи Іоанна Грознаго» подробно описываетъ и добровольное удаленіе Сильвестра отъ Двора и его заточеніе въ Соловки, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшее, хотя и перемѣшалъ въ своемъ разсказѣ порядокъ событій, поставивъ извѣстіе о первомъ не на своемъ мѣстѣ, то есть, не въ началѣ, а въ самомъ концѣ разсказа, коснувшись сего обстоятельства, какъ бы побочнаго, мимоходомъ. О добровольномъ удаленіи Сильвестра въ Кирилловъ монастырь и его тамъ кратковременномъ пребываніи, мы узнаемъ отъ Курбскаго слѣдующее: «Презвитеръ Сильвестръ, видѣвъ его (Іоанна), еже не по Бозѣ всякія вещи начинаетъ, противъ ему и наказуя много, да во страсѣ Божіи пребываетъ и въ воздержаніи жительствуетъ и иными множайшими словесы Божественными поучая и наказуя много,— онъ же (Іоаннъ) отнюдъ того не внимаше и ко ласкателемъ умъ свой и уши приклонилъ. Разсмотрѣвъ же вся сія Презвитеръ, иже уже лицо свое отъ него отвратилъ, отшелъ бысть въ Монастырь, сто миль отъ Москвы лежащь, [42] и тамо во мнишествѣ

[41] Сказ. Курбск. ч. II стр. 62.

[42] Въ другомъ мѣстѣ Курбскій, говоря о поѣздкѣ Іоанна въ Кирилловъ монастырь, опредѣляетъ положеніе его тѣми же самыми словами: «на 100 миль отъ Москвы лежащь.»

будуще, нарочитое и чистое свое жительство препровожалъ. Клеветницы же, слышавше, иже тамо въ чести имѣютъ оные мниси его, сего ради, завистію разсѣдаеми, ово завидяще мужу славы, ово боящеся, да не услышитъ Царь о семъ и паки да не возвратитъ его къ себѣ, и да не обличатся ихъ неправды и превращеніе судовъ, и много взимательные, любимые издавна обыкновенія ихъ, посулы, и новоначалныя піянства и нечистоты паки да не пресѣкутся отъ онаго свѣтлаго (святаго); и оттуда (изъ Кириллова) похватиша его и заведоша на Соловки, яже прежъ рѣхомъ (см. въ нашей выпискѣ ниже сего), идѣже бы и слухъ его не обрѣлся, похваляющись, аки бы то соборнѣ осудиша его, мужа нарочитаго и готоваго отвѣщати на клеветы.» Выше же сего въ той же «Исторіи Іоанна» Курбскій, повѣствуя «о началѣ злу,» разсказываетъ подробно объ удаленіи отъ Іоанна обоихъ его прежнихъ любимцевъ и совѣтниковъ, Сильвестра и Адашева, и о ссылкѣ перваго въ Соловки: «отгоняетъ, пишетъ онъ, дву мужей оныхъ отъ себя, Селивестра, глаголю, Презвитера, и Алексѣя Адашева туне (напрасно) и ни въ чемъ же предъ нимъ согрѣшившихъ, отворивши оба ухи своимъ презлымъ ласкателемъ, яже ему уже клеветаша и сикованціи (лжесшиванія) во уши шептаху заочно на оныхъ святыхъ мужей, паче же шурья его (братья Царицы) и другіе съ ними нечестивые губители всего тамошняго Царства. Чего же ради сія твориху? Того ради воистину: да не будетъ обличена злость ихъ и да невозбранно будетъ имъ всѣми нами владѣти, и судъ превращающе, посулы грабити и другія злости плодити скверныя, пожитки свои умножающе. Что же клевещутъ и шепчутъ во ухо? Тогда Цареви жена умре (7 Августа 1560 года): они же рѣша, аки бы счаровали ее оные мужи. Царь же буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ. Услышавъ же сіе Селивестръ и Алексѣй (Адашевъ) начаша молити, ово эпистоліями посылающе, ово чрезъ Митрополита Русскаго да будетъ очевистное глаголаніе съ ними. [43] «Не отрицаемся, рече, аще повинни будемъ смерти; но да будетъ судъ явственный предъ тобою и предъ всѣмъ сенатомъ твоимъ.»

---

[43] Посланіе эпистоліями и просьба объ очевистномъ глаголаніи съ клеветниками указываетъ ясно на то, что во время сего обвиненія обоихъ оклеветанныхъ уже не было при Дворѣ и въ Москвѣ. Сильвестръ добровольно удалился въ Кириловъ, гдѣ и постригся въ монашество, а Алексѣй Адашевъ находился съ весны 1560 г. въ почетной ссылкѣ при войскахъ въ Ливоніи.

Презлые же къ сему что умышляютъ? Эпистоліи не допущаютъ до Царя; Епископу (Митрополиту?) старому запрещаютъ и грозятъ, Цареви же глаголютъ: «Аще, рече, припустишь ихъ къ себѣ на очи, очарують тебя и дѣтей твоихъ, а къ тому, любяще ихъ все твое воинство и народъ, (болѣе) нежели тебя самого, побіютъ тебя и насъ каменіемъ. Аще ли и сего не будетъ, обвяжутъ тебя паки и покорятъ тя аки въ неволю себѣ. Такъ худые люди и ни къ чему годные чаровницы тебя, Государя, такъ великаго и славнаго и мудраго.... И иными таковыми множайшими и безчисленными лжесшиванцы, согласясь со отцемъ своимъ діаволомъ, сице подходятъ ласкательными глаголы мужа, и сице опровергаютъ Царя Христіанскаго душу, добрѣ живущаго и въ покаяніи сущаго, и сице растерзаютъ пленицу (связь, цѣпь) оную, Богомъ сплетенную въ любовь духовную, якоже самъ Господь рече: «идѣже собрани два или тріе во имя Мое, ту Азъ посреди ихъ,» изъ сей-то среды Бога отгоняютъ оные, проклятые, и паки реку: сицевыми прелестными глаголы Царя Христіанскаго губяще, добраго бывшаго много лѣтъ, покаяніемъ украшеннаго и къ Богу усвоеннаго, въ воздержаніи всякомъ и въ чистотѣ пребывающа. О злые и всякія презлости и лукавства исполненные, своего отечества губители, паче же рещи, всего Свято-Русскаго Царства! Что вамъ принесетъ сіе за полезное? Въ малѣ узрите надъ собою дѣломъ исполняемо и надъ чады своими, и услышите отъ грядущихъ родовъ проклятіе всегдашно!

Царь же, напився отъ окаянныхъ, со сладостнымъ ласканіемъ смѣшаннаго, смертоноснаго яду, и самъ, лукавства, паче же глупости, наполнився, похваляетъ совѣтъ, и любитъ и усвояетъ ихъ въ дружбу и присягами себя и ихъ обвязуетъ, вооружающесь на святыхъ неповинныхъ, къ тому и на всѣхъ добрыхъ и добро хотящихъ ему и душу за него полагающихъ, аки на враговъ своихъ, и собравъ и учинивъ уже окрестъ себя яко пресильный и великій полкъ сатанинскій (опричнину). И что жъ еще къ тому первѣе начинаетъ и дѣлаетъ? Собираетъ соборище не токмо весь сенатъ свой мірскій, но и духовныхъ всѣхъ, сирѣчь Митрополита (Макарія) и градскихъ Епископовъ призываетъ, и къ тому присовокупляетъ прелукавыхъ нѣкоторыхъ миховъ: Мисаила, глаголемаго Сукина, издавна преславнаго въ злостяхъ, и Васьяна Бѣснаго, по истинѣ реченнаго, неистоваго, и другихъ съ ними таковыхъ же тѣмъ подобныхъ, исполненныхъ лице-

мѣрія и всякаго безстыдія діаволя и дерзости; и посаждаетъ ихъ близу себя, благодаритъ послушающе ихъ, вѣщающихъ и клевещущихъ ложное на святыхъ и глаголющихъ на праведныхъ беззаконіе, со премногою гордынею и уничиженіемъ. Что же на томъ соборищѣ производятъ? Чтутъ понисавши вины оныхъ мужей (Сильвестра и Адашева) заочнѣ, яко и Митрополитъ (Макарій) тогда предъ всѣми рекъ: «подобаетъ, рече, приведеннымъ имъ быти здѣ предъ нами, да очевистѣ на нихъ клеветы будутъ, и намъ убо слышати воистинну достоитъ, что они на то отвѣщаютъ».

И всѣмъ ему добрымъ согласующе такоже рекшимъ: губительнѣйшіе же ласкатели вкупѣ со Царемъ возопиша: «не подобаетъ, рече, о Епископе! Понеже свѣдомые сіи злодѣи и чаровницы велицы, очарують Царя, и насъ погубятъ, аще пріидутъ!» И тако осудиша ихъ заочнѣ. О смѣху достойное, паче же бѣды исполненное, осужденіе прельщеннаго отъ ласкателей Царя!...

Заточенъ бываетъ отъ него Селивестръ Презвитеръ, исповѣдникъ его, ажъ на островъ, иже на Студеномъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, край Корелска языка, въ Лопи дикой лежащь. А Алексѣй отгоняется отъ очей его, безъ суда, въ нововзятый градъ отъ насъ, Феллинъ, и тамо анонпатъ бываетъ на мало время. Егда же услышали презлые, яко и тамо Богъ помогаетъ ему.... они жъ паки клеветы къ клеветамъ, шептаніе къ шептанію, лжесшиваніе ко лжесшиваніямъ Цареви прилагаютъ, на мужа онаго и праведнаго и добраго. И абіе повелѣлъ оттуду свести его въ Дерптъ, и держать быти подъ стражею: и по дву мѣсяцѣхъ потомъ, въ недугъ огненный впалъ; исповѣдався и взявъ святыя Христа Бога нашего тайны, къ Нему отъиде. Егда же о смерти его услышавше, клеветницы возопиша Цареви: «се твой измѣнникъ самъ себѣ задалъ ядъ смертоносный и умре». Зри здѣ исполнися Златоустомъ реченное, яко онъ индѣ глаголетъ: «иже всѣ страсти и злости человѣческіе житіемъ разрушаются, а зависть и ненависть и по смерти не угасаетъ». [44]

Мы видѣли, что это замѣчаніе Курбскаго совершенно оправдалось въ отношеніи Сильвестра и Адашева. Въ отвѣтахъ своихъ

---

[44] Исторія Іоанна, Ск. Курбск. ч. I стр. 100—105.

на Посланія Курбскаго, уже спустя нѣсколько лѣтъ по смерти обоихъ (Адашевъ † 1561, Сильвестръ предполаг. † 1566 г.), Іоаннъ не перестаетъ отзываться объ нихъ съ ненавистію и ожесточеніемъ, отождествляя съ ихъ памятью все, что онъ имѣлъ противъ ненавистной ему той боярской партіи, къ которой, по его мнѣнію, принадлежали и они.

Неужели Іоаннъ вѣрилъ серьезно и той гнусной клеветѣ, которая послужила предлогомъ къ окончательному, да еще и соборному осужденію его прежнихъ совѣтниковъ? Во второмъ своемъ Посланіи Курбскому, отвѣчая на упрекъ въ потерѣ нравственной чистоты, Іоаннъ говоритъ: «а зачѣмъ вы разлучили меня съ женою? Если бы вы не отняли у меня мою юницу, то Кроновы жертвы и не было бы: все учинилось отъ вашего самовольства.» Послѣ такого признанія, странно защищать Іоанна (какъ это дѣлаетъ сочинитель «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»), будто бы онъ не вѣрилъ обвиненію въ чарованіи и отравѣ Царицы. Но развѣ не по его повелѣнію собирался Соборъ и произнесено имъ заочное осужденіе на Сильвестра и Адашева, именно по этимъ самымъ нелѣпымъ обвиненіямъ, хотя конечно обвиненіе это было лишь предлогомъ, а главныя ихъ вины предъ Іоанномъ заключались, какъ видно изъ его переписки съ Курбскимъ, въ томъ, что онъ считалъ ихъ начальниками и руководителями цѣлой ненавистной ему боярской партіи, приписывалъ имъ и всѣ тѣ дѣйствительныя и мнимыя вины, о которыхъ было упомянуто нами выше. Но уже одно то, что вины эти не были поставлены на видъ Собору, собранному нарочито для осужденія этихъ двухъ мужей (покрайней мѣрѣ, главное намѣреніе—возвести на Царство Князя Владиміра Андреевича, который въ то время продолжалъ еще пользоваться наружной благосклонностію Іоанна), показываетъ, что вины ихъ были именно мнимыя, а не дѣйствительныя, плодъ мрачной подозрительности, питаемой въ теченіи цѣлыхъ шести лѣтъ наговорами и клеветами ласкателей, о которыхъ упоминаетъ Курбскій.

Безпристрастные изслѣдователи лѣтописныхъ сказаній о жизни и дѣяніяхъ Сильвестра и Адашева, и во главѣ ихъ нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ, пришли къ тому же самому заключенію, и мы съ удовольствіемъ готовы повторить объ Сильвестрѣ тоже самое, что сказалъ Карамзинъ объ его другѣ Адашевѣ (второстепенномъ, а не главномъ дѣятелѣ въ отношеніи бла-

гэго вліянія на Царя): «мужъ незабвенный въ нашей Исторіи, краса вѣка и человѣчества, ибо сей знаменитый временщикъ явился вмѣстѣ съ добродѣтелью Царя и погибъ съ нею». Д. П. Голохвастовъ выразилъ ту же мысль, назвавъ Сильвестра «благодѣтелемъ Русскаго народа, [45] виновникомъ славныхъ и счастливыхъ дней царствованія Іоанна IV.»

Мы не можемъ не обвинять Сильвестра, вмѣстѣ съ Іоанномъ, въ томъ, въ чемъ онъ обвиняетъ неповиннаго въ своемъ страстномъ увлеченіи, навязывая ему названіе начальника ненавистной ему боярской партіи, въ которой, замѣтимъ, считались лучшіе люди того времени, виновники всѣхъ славныхъ дѣлъ Іоаннова царствованія до 1560 года; не можемъ и оправдывать Сильвестра вполнѣ, за одно съ очевидно пристрастнымъ къ нему Курбскимъ, который, оправляя Сильвестра въ нареканіяхъ на него Іоанна, обходитъ молчаніемъ то, что всячески требовало бы, если не оправданія, то объясненія, и даже прямо называетъ Сильвестра святымъ. Довольно будетъ сказать, что ошибки Сильвестра, какія видятся въ его оффиціальной дѣятельности, какъ «Царскаго совѣтника», были отнюдь не злонамѣренныя: онѣ вытекали изъ главной, и, прибавимъ, высоконравственной черты его характера: миролюбія, желанія, по Апостолу, «быть всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасетъ». Отсюда замѣченныя и позднѣйшими изслѣдователями для характеристики Сильвестра его свойства: милосердіе, кротость, общительность, ласковость, услужливость, готовность и желаніе всѣмъ угодить въ потребныхъ. Эти свойства сдѣлали то, что Сильвестръ во время своего пребыванія въ Новгородѣ и въ Москвѣ былъ «всѣми любимъ и почитаемъ» (какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ о семъ въ своемъ Поученіи сыну), но съ приближеніемъ ко Двору это измѣнилось. По замѣчанію Карамзина, тогда Сильвестръ былъ всѣми почитаемъ, но не всѣми любимъ, а во время болѣзни Царя (1553 г.), стараясь, по возможности, устраниться отъ ссоры, возникшей между ближними боярами по вопросу о престолонаслѣдіи, но вступившись, по чувству миролюбія, за Князя Владиміра, съ которымъ былъ къ тому же и дру-

---

[45] Припомнимъ, высказанное на осудившемъ Сильвестра и Адашева Соборѣ 1561 г. ихъ врагами, признаніе, что войско и народъ любятъ ихъ паче Царя, и если они будутъ призваны въ столицу, то можно опасаться народнаго возстанія въ ихъ защиту.

женъ, нажилъ себѣ черезъ то опасныхъ враговъ въ партіи Царицы, и за тѣмъ сдѣлался подозрительнымъ и въ глазахъ самаго Царя. Остальное, какъ обычно бываетъ, довершили интриги, зависть и клевета; но сойдя добровольно съ своего историческаго поприща, Сильвестръ до конца пребылъ вѣрнымъ самому себѣ, остался, какъ и былъ, во всю свою жизнь человѣкомъ благороднымъ, неподкупнымъ, милостивымъ, въ самомъ широкомъ значеніи сего слова, боголюбцемъ и народолюбцемъ, преданнымъ всецѣло Церкви, Государю и Отечеству. Послѣдніе годы его жизни, протекшіе въ ссылкѣ, несомнѣнно были посвящены молитвѣ и дѣламъ покаянія, словомъ, приготовленію себя къ жизни вѣчной, и какъ человѣкъ, который, по свидѣтельству Пр. Максима Грека, во дни своего могущества «быть удобь преклоняемь къ милосердію требующимъ помощи, какъ сіе слышно отъ всѣхъ», отходя отъ сего свѣта, очищенный покаяніемъ и слезами, украшенный дѣлами милосердія и любви къ ближнимъ, пострадавшій за истину, если не радуясь, подобно Іоанну Предтечѣ, то съ терпѣніемъ, подобно Іову, Сильвестръ по истинѣ достоинъ вѣчной памяти и ублаженія отъ потомства; въ этомъ то смыслѣ, мы справедливо можемъ, согласно съ Курбскимъ, почтить его наименованіемъ блаженнаго, вѣря, что по не ложному обѣтованію Евангельскому, воистинну «Блаженни милостивіи, яко тіи помиловани будуть. Блаженни изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. Блаженни есте, егда поносять вамъ, и изженуть, и рекуть всякъ золь глаголъ на вы лжуще мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ».

Ни обстоятельства, касающіяся послѣднихъ лѣтъ жизни знаменитаго заточника—Пресвитера Сильвестра, ни годъ его кончины въ точности неизвѣстны. Мы уже видѣли, что въ своемъ пространномъ отвѣтѣ, писанномъ въ 1564 году, на первое, сравнительно весьма краткое, Посланіе Курбскаго (1563 г.) Іоаннъ, говоря подробно о своихъ отношеніяхъ къ Сильвестру и упоминая о его добровольномъ удаленіи отъ Двора, умалчиваетъ вовсе о его ссылкѣ въ Соловки и о предшествовавшемъ тому Соборѣ, собранномъ по повелѣнію Іоанна для суда надъ своими прежними любимцами, и напротивъ двукратно повторяетъ, что онъ не мстилъ Сильвестру за его вины, но отпустилъ его отъ себя благословивъ, не сдѣлавъ никакого зла, ни ему самому, ни его сыну, который, говоритъ онъ, «и по сіе время пребываетъ въ благодействіи, точію лица нашего

не зря.» Въ отвѣтѣ на это Посланіе Курбскій не касается ни однимъ словомъ Сильвестра, тогда какъ, кажется, представлялся бы удобный случай обличить Іоанна въ умолчаніи о судьбѣ Сильвестра, который (какъ видно изъ «Исторіи Іоанна» того же писателя) долженъ былъ въ то время (отвѣтное Посланіе Іоанна къ Курбскому писано въ 1564 году) уже томиться въ заточеніи на Соловецкомъ островѣ. Для объясненія этихъ недоумѣній, невольно раждающихся при внимательномъ чтеніи и сличеніи всего, что служитъ матеріаломъ для жизнеописанія Сильвестра, къ сожалѣнію, время не открыло еще никакихъ новыхъ данныхъ. Трудно предположить, чтобы весь подробный разсказъ Курбскаго (въ его «Исторіи Іоанна») о ссылкѣ Сильвестра въ Соловки, и о предшествовавшемъ сему Соборѣ, былъ плодомъ его собственной фантазіи; не менѣе странно, что Іоаннъ въ своемъ первомъ Посланіи Курбскому, разсказывая подробно о своихъ отношеніяхъ къ Сильвестру, упоминаетъ лишь о добровольномъ его удаленіи отъ Двора въ Кирилловъ, налегая притомъ въ особенности на то, что онъ «не сдѣлалъ ему никакого зла,» тогда, какъ судя по времени, означенному въ «Исторіи Іоанна,» Соборъ, послѣдствіемъ котораго была ссылка Сильвестра въ Соловки, долженъ былъ собраться вскорѣ за кончиною Царицы Анастасіи, во второй половинѣ 1560 и не позже какъ въ началѣ 1561 года. А если такъ, то остается загадочнымъ, отъ чего Курбскій не упомянулъ о семъ ничего въ своемъ отвѣтномъ письмѣ на «широко вѣщательное и много шумящее» Посланіе къ нему Іоанна, такъ подробно повѣдавшаго ему о своихъ отношеніяхъ къ Сильвестру и Адашеву и о ихъ винахъ предъ нимъ. Въ отвѣтѣ же Курбскаго на второе Посланіе къ нему Іоанна, писанномъ въ 1579 году, Курбскій хотя и не говоритъ ни слова о ссылкѣ Сильвестра въ Соловки (о чемъ писалъ въ послѣдствіи подробно въ своей «Исторіи Іоанна»), но за то ясно упоминаетъ о смерти Сильвестра, говоря: «се тако ли воздаешь ему и по смерти.» [45] А отсюда слѣдуетъ, что въ то время, какъ Іоаннъ писалъ свое 2-е Посланіе къ Курбскому (въ 1577 году), продолжая въ ономъ осыпать упреками и клеветами своего бывшаго духовнаго наставника и совѣтника, сего послѣдняго уже не было въ живыхъ: такимъ образомъ время его кончины заключается между двумя годами, коими означены первое и второе Посланіе Іоанна

[45] Сказ. Курб. ч. II. стр. 121—122.

къ Курбскому, а именно: между 1564 и 1577 годами. Д. П. Голохвастовъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ относитъ кончину Сильвестра къ 1566 г. («не ранѣе 1566 г.»), основываясь, по видимому, на томъ, что имя Сильвестра въ Исторіи Карамзина упоминается въ послѣдній разъ подъ 1566 годамъ, хотя въ примѣчаніи, относящемся къ этому мѣсту текста, именно сказано, что годъ кончины Сильвестра въ точности неизвѣстенъ. Поищемъ для сего данныхъ въ сочиненіяхъ самаго Сильвестра. Такъ, въ Поученіи къ сыну, Сильвестръ, между прочимъ, говоритъ, что со всѣми мастерами, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ теченіи сорока лѣтъ, «далъ Богъ розлезеноса (разошлись) безъ остуды, безъ пристава, и безъ всякіе кручины.» Изъ этого слѣдуетъ, что въ то время, когда онъ писалъ это, уже минуло 40 лѣтъ его общественной дѣятельности. Предполагая, что общественная, самостоятельная дѣятельность Сильвестра началася съ 20 лѣтняго возраста, выходитъ, что во время написанія Посланія ему было не менѣе 60 лѣтъ отъ роду. Посланіе это, судя по тому, что въ немъ говорится о жалованьи сына Сильвестрова Анфима не только отъ Царя, но и отъ Царицы, писано не позже 1552 года, такъ какъ извѣстно, что съ 1553 г. началась остуда Царицы и ея партіи къ Сильвестру. Если же Посланіе писано въ 1552 году, когда Сильвестру, по вышесказанному, было уже не менѣе 60 лѣтъ отъ роду, то въ 1560 году (при удаленіи его въ Кирилловъ) ему было 68 лѣтъ, а въ 1566 г. (къ которому Д. П. Голохвастовъ относитъ кончину Сильвестра) 74 года, а посему и слѣдуетъ заключить, что судя по возрасту, время кончины Сильвестра, заключающееся между 1564 и 1577 годами, опредѣлено достаточно вѣрно Г-мъ Голохвастовымъ. Во вкладной книгѣ Кириллова монастыря (1580 г.) находимъ любопытное извѣстіе о двухъ вкладахъ во оной монастырь Сильвестра и его сына Анѳима: «Благовѣщенской священникъ Селиверстъ вкладу далъ 25 гривенокъ перцу, да бр....цу 2 пуда да ладану 2 пуда безъ 10-ти гривенокъ, 5 стопъ бумаги, да колоколъ 8 пудъ, да старые колоколы переливъ зазвонные, прибавилъ своей мѣди 4 пуда, да ларь стеколъ 13 рублевъ. Да священникъ Сильвестръ далъ 2 пуда ладану безъ четверти.» Этотъ вкладъ, по всей вѣроятности, относится ко времени его прибытія въ Кирилловъ на жительство въ 1560 году.

А вотъ и посмертный ихъ вкладъ въ Кирилловъ: «Дали прикащики по священникѣ Сильвестрѣ и по сынѣ его Анфимѣ 30

рублевъ, да 10 образовъ пядницъ, да 23 золотника жемчугу, да шубу кунью подъ камкою, ношена, да иная рухлядь на 50 рублевъ, всего обоихъ даянія на 142 рубли съ полтиною. И за то ихъ даяніе и за прежнее написали ихъ въ оба Сенодика въ всегдневной и въ вѣчной, а на ихъ преставленіе въ году двѣ панихиды пѣти и обѣдни служити на Москве на Ѳѳонасьевскомъ монастырѣ, и на братію кормъ давати въ тѣ дни.» [46] Дача для того времени богатая! Эта запись наводитъ на многія заключенія: если Сильвестръ умеръ въ заточеніи въ Соловкахъ, то отъ чего тамъ не сохранилось такого же вклада? Какъ рухлядь его и даже поношенная кунья шуба могли попасть изъ Соловковъ въ Кирилловъ, тогда какъ обычно рухлядь послѣ умершихъ старцевъ всегда поступала (и до нынѣ поступаетъ) въ казну того монастыря, гдѣ онъ скончался? И такъ, не слѣдуетъ ли, на основаніи этого вклада, заключить, что Сильвестръ скончался и погребенъ въ Кирилловѣ, а не въ Соловецкомъ? Это, впрочемъ, могло случиться и по тому, что, по времени, онъ могъ быть перемѣщенъ обратно въ Кирилловъ монастырь, «на свое обѣщаніе» (гдѣ давалъ иноческіе обѣты) по чьему ни будь печалованію предъ Царемъ. Далѣе: одновременный вкладъ по душѣ его и сына не ведетъ ли къ заключенію, что оба они умерли одновременно; а если такъ, то своею ли смертію умерли, или умерщевлены тайно, подобно Митрополиту Филиппу? Кто были ихъ душеприкащики, о которыхъ вспоминаетъ «Вкладная книга?» Вотъ вопросы, на которые, по чему-то, нѣтъ отвѣта въ современныхъ извѣстіяхъ, ниже у Курбскаго, который писалъ свою «Исторію Іоанна» какъ разъ въ то время (около 1580 г.). [47] Что же касается до замѣтки: «поминать въ Офонасьевскомъ монастырѣ на Москвѣ,» то это по тому, что Офонасьевской монастырь, существовавшій въ Москвѣ, въ Кремлѣ,

---

[46] См. Путевыя записки по нѣкоторымъ внутреннимъ Губерніямъ М. П. Погодина. Москвитянинъ 1843 г. Внутр. Извѣстія, стр. 258.

[47] Для нѣкотораго объясненія сихъ недоумѣній остается предположить, что рѣчь идетъ о той рухляди, которая была въ домѣ сына Сильвестрова, Анфима, и дана по душѣ обоихъ, по случаю смерти Анфима, приключившейся около 1580 года, и оставшагося безъ потомства, по чему и рухлядь его (въ томъ числѣ и кунья шуба), или часть ея, поступили вкладомъ въ Кирилловъ, а равно и деньги, вырученныя отъ продажи остальнаго имущества и наличныя какія оказались, или часть ихъ, даны въ Кирилловъ, по душѣ Анфима и отца его, Сильвестра.

между Фроловскихъ (нынѣ Спаскихъ) воротъ и Крутицкимъ подворьемъ, былъ въ то время (въ XVI стол.) Московскимъ подворьемъ Кирилловскаго монастыря.

ж) Любовь Сильвестра къ просвѣщенію. Его рукописи и сочиненія.

Преп. Максимъ Грекъ, ученѣйшій мужъ своего времени, конечно, не даромъ называетъ Пресвитера Сильвестра «многоученымъ.» Онъ заслужилъ это названіе, какъ собственною своею любовію къ просвѣщенію, такъ и въ особенности стараніемъ распространить просвѣщеніе въ народѣ, о чемъ находимъ свидѣтельство въ его «Поученіи къ сыну.» Памятью любви къ книжному дѣлу служатъ, между прочимъ, его рукописи, часть которыхъ уцѣлѣла доселѣ въ бывшихъ Библіотекахъ монастырей Кирилловскаго и Соловецкаго. Мы полагаемъ, что первоначально забота его о книжномъ дѣлѣ, то есть, объ умноженіи списковъ съ богослужебныхъ и учительныхъ книгъ составляла часть его офиціяльныхъ обязанностей, вызванная тою же самою причиною, какъ и попеченіе объ написаніи новыхъ иконъ, то есть, по причинѣ истребленія книгъ и иконъ, погибшихъ въ страшномъ Московскомъ пожарѣ 1547 года. Этимъ объясняется, замѣченное нѣкоторыми любителями старины, обстоятельство, что рукописи XVI вѣка носятъ на себѣ печать какого-то особеннаго типа, большей правильности и внѣшняго изящества, нежели въ предыдущемъ и послѣдующемъ вѣкѣ; словомъ, съ разу замѣтно, что работа книжныхъ писцовъ была направляема чьимъ-то особеннымъ и къ тому же просвѣщеннымъ и опытнымъ вниманіемъ. И мы не ошибемся, если, по нѣкоторымъ даннымъ, отнесемъ это къ личной заботѣ двухъ просвѣщенныхъ мужей XVI вѣка, Митрополита Макарія и Пресвитера Сильвестра, какъ его пособника. Указываемъ въ особенности на то мѣсто изъ Посланія Сильвестра къ своему сыну, гдѣ онъ самъ свидѣтельствуетъ о таковой заботѣ, говоря: «видѣлъ еси, чадо мое, многихъ пустошныхъ (праздныхъ) сиротъ и работныхъ убогихъ.... и въ Новгородѣ и здѣ на Москвѣ вскормихъ и вспоихъ до совершена возраста; изучихъ, хто чево достоинъ: многихъ грамотѣ, и писати и пѣти, иныхъ иконнаго письма, инѣхъ книжнаго рукодѣлія,» подъ чѣмъ очевидно разумѣется искуство уставнаго и полууставнаго письма, дававшее въ то время занимавшимся онымъ доброписцамъ изрядный доходъ. Это видно изъ другого мѣста того же Посланія: «а видѣлъ еси

самъ въ рукодѣяхъ, и во многихъ во всякихъ вещехъ (т. е., дѣлахъ, занятіяхъ) мастеровъ (у насъ) всякихъ было много: иконники, книжные писцы». И такъ ясно, что Сильвестръ не только заботился о наученіи искуству иконописанія воспитываемыхъ имъ сиротъ, съ цѣлью доставить имъ хлѣбъ обученіемъ выгодному мастерству, но и содержалъ у себя мастеровъ: иконниковъ и книжныхъ писцовъ, для усовершенія обоихъ этихъ искуствъ, на общую церковно-народную пользу. [47] Своими рукописями онъ снабжалъ церкви и монастыри: такъ, въ 1552 году, даны имъ въ Соловецкой монастырь нѣсколько рукописей, изъ числа коихъ шесть сохранилось и понынѣ (въ Библіотекѣ Казанской Дух. Академіи). Эти рукописи слѣдующія: 1) Евангеліе въ листъ № 159; 2) Евангеліе въ 4 д. л. № 130; 3) Евангеліе въ листъ № 760; 4) Псалтырь въ 4 д. № 161; 5) Тол ковая Псалтырь (Брунона, Епископа Вюрцбургскаго) въ листъ, № 1039, и 6) Златоструй въ листъ, № 259. Кромѣ двухъ рукописей (подъ № 160, на которой означено: «дачи старца Селивестра да сына его, Аѳоима,» и подъ № 1039-мъ, на первомъ листѣ которой внизу подписано: «Іерей Силивестръ;» внизу подписано подъ нимъ другою рукою: «а во иноцѣхъ Спиридонъ, да сынъ его, Аѳоимъ»), на которыхъ не означено время пожертвованія, на всѣхъ прочихъ рукописяхъ выставленъ 1552 годъ, и на всѣхъ находится совершенно одинаковая, написанная при томъ одной рукой, надпись слѣдующаго содержанія: «Лѣта 7060 (1552) сию святую, великую книгу Евангеліе (въ другихъ измѣняется только названіе: Псалтырь, Златоструй) въ домъ Боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистой Богородицы и Преподобныхъ Чюдотворцевъ Изосимы и Саватія далъ Благовѣщенскій Священникъ Селивестръ, да сынъ его Аѳоимъ, и доколѣ они живы, ино за нихъ Бога молить, а Богъ пошлетъ по душу, ино ихъ поминати и записати ихъ и родъ ихъ въ Сенаникъ.» Надобно полагать, что надпись эта сдѣлана самимъ

---

[47] Радуемся, что примѣръ Сильвестра нашелъ подражаніе въ наше время: разумѣемъ основаніе въ Москвѣ въ прошломъ 1873 г. «Епархіяльнаго Училища иконописанія и прочихъ ремеслъ, относящихся къ украшенію церквей, для обученія дѣтей духовенства». Желаемъ отъ души, чтобъ это Училище принесло въ наше время тѣже плоды, какіе дала для XVI вѣка «домашняя школа» Сильвестра. Впрочемъ, ручательствомъ за успѣхъ этого Училища служитъ то, что оно поручено надзору одного изъ достойнѣйшихъ церковныхъ Настоятелей Москвы.

Сильвестромъ. Въ надписи на Псалтири подъ № 761 сверху, подъ именемъ Сильвестра, надписано другою рукою: «а во иноцѣхъ Спиридонъ.» Можно полагать, что двѣ изъ этихъ рукописей, на которыхъ не означенъ годъ ихъ дачи въ монастырь, а именно: Евангеліе въ листъ № 160 и Псалтырь Толковая въ листъ № 1039, поступили въ собственность монастыря уже по смерти Сильвестра, во иноцѣхъ Спиридона, если, согласно свидѣтельству Курбскаго, онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни въ ссылкѣ въ этомъ монастырѣ.

Въ бывшей Библіотекѣ Кириллова монастыря, какъ мѣстѣ постриженія Сильвестра, было еще болѣе книгъ, ему принадлежавшихъ. Такъ по Описи 1635 года тамъ значилось: Апостолъ на Греческомъ языкѣ, Псалтырь на Греческомъ языкѣ, книга Іисуса Навина, книга Преп. Іосифа Волоцкаго противъ Новгородскихъ еретиковъ, Лѣствица Іоанна, Поученія Аввы Доѳеея, Маргаритъ. [48] Гдѣ нынѣ находятся эти книги, не извѣстно; но еще цѣлы въ бывшей монастырской (нынѣ въ Петерб. Академической) Библіотекѣ: а) Псалтырь съ надписью: «книга Государево данье», [49] Псалтырь толковая, Благовѣщенскаго Попа Сильвестра, въ иноцѣхъ Спиридона, и сына его, Аѳоима, толкованіе Ираклійское; б) Требникъ, съ надписью: «Сильверстовская Потребная: Иванъ сказалъ Михайловичъ (Дьякъ Висковатый), что тотъ Потребникъ Благовѣщенскій.» Послѣдняя надпись приводитъ къ догадкѣ, что во время ссылки Сильвестра, по соборному приговору, изъ Кириллова въ Соловки, по всей вѣроятности, противники его посылали въ Кирилловъ для исполненія своего приговора надъ старцемъ Дьяка И. М. Висковатаго, особенно враждебно къ нему расположеннаго (см. выше дѣло о Висковатомъ: Жалобница Сильвестра по сему случаю) при описи имущества опальнаго, и сдѣлана со словъ Висковатаго вышеписанная замѣтка на книгѣ Сильвестра, что будто бы она не его, а Благовѣщенская (Благовѣщенскаго собора), то есть, присвоена имъ изъ книгъ Благовѣщенскаго собора, при которомъ онъ состо-

---

[48] Опись книгъ Степенныхъ монастырей. М., 1848 г., № 731, 752, 812, 825, 826, 978, 1001, 1124.

[49] «Государево данье» означаетъ лишь почтеніе къ владчику... «Дана Государемъ Благовѣщенскимъ Попомъ Селивестромъ....» Вспомнимъ при этомъ свидѣтельство Курбскаго, что почтеніе, которымъ пользовался Сильвестръ въ Кириловѣ возбудило зависть его Дворскихъ враговъ.

ялъ Священникомъ. Въ Московской Синодальной Библіотекѣ есть рукопись по надписи: «Сборникъ Селиверстовскій,» которая прежде также принадлежала Библіотекѣ Кириллова монастыря, какъ видно сіе изъ слѣдующей на ней помѣты: «Книга Кирилова монастыря Бѣлозерскаго.» Изъ этого-то Сборника напечатано, въ 1860 г., Академикомъ И. И. Срезневскимъ: «Сказание о Св. страстотерпцахъ Борисѣ и Глѣбѣ», съ рисунками.

Въ Библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго Собора (нынѣ въ Петерб. Академической) сохранилась рукопись Сильвестра, также принадлежавшая прежде Кириллову монастырю; на рукописи надпись: «Книга Зерцало, Государское данье, попа Селивестра Благовѣщенскаго, въ иноцѣхъ Спиридона, и сына его, Аѳоима.» [50]

Остается сказать о собственныхъ сочиненіяхъ Сильвестра:

а. Домострой и поученіе отца къ сыну.

Домострой, въ коемъ несомнѣнно принадлежитъ Сильвестру лишь «Наказаніе или Поученіе отца къ сыну», напечатанъ впервые Д. П. Голохвастовымъ во Временникѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1849 г., книга I. *

По справедливому замѣчанію Г. Забѣлина, находящійся въ одномъ изъ списковъ Домостроя весьма важный варіантъ, надпись: «Благословляю я, грѣшный Сильвестръ, и поучаю, и наказую, и вразумляю единочадаго сына своего, Аѳоима, и его жену, Пелагею, и ихъ домочадцевъ» и проч., составляетъ драгоцѣнное свидѣтельство, не оставляющее не малѣйшаго сомнѣнія, что составителемъ (если ни сочинителемъ) Домостроя былъ знаменитый Сильвестръ. [51] Новѣйшій изслѣдователь Домостроя, И. С. Некрасовъ, [52] пришелъ къ заключенію, что списокъ Домостроя Коншина, изданный Д. П. Голохвастовымъ, принадлежитъ къ особой редакціи, названной изслѣдователемъ Сильвестровской; однако же Г. Некрасовъ не признаетъ Сильвестра ни сочинителемъ,

---

[50] Сказ. Князя Курб. ч. II., пр. 272.

* Исторія изданія этого памятника, довольно любопытная, будетъ вполнѣ сообщена мною при напечатаніи «Домостроя» по списку Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ скоромъ времени. О. Б.

[51] Временникъ, 1850 г. кн. 6, статья: Дополненіе къ Домострою Сильвестра, стр. IV.

[52] Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс. 1872 г., кн. III.

ни составителемъ Домостроя, а доказываетъ, что онъ лишь старался отуземить Домострой въ Москвѣ, нѣсколько измѣнивъ, а больше сокративъ его, и прибавивъ къ нему «Поученіе» своему сыну. Отечествомъ же Домостроя Некрасовъ считаетъ Новгородъ.

Приступая къ изслѣдованію о Сильвестрѣ, Д. П. Голохвастовъ замѣтилъ: «и весь Домострой важенъ, но особенно драгоцѣнно для характеристики Сильвестра: «Наказаніе отца къ сыну», которое все состоитъ изъ превосходныхъ нравственныхъ наставленій, и дышетъ любовію добраго, умнаго отца къ сыну» (Замѣтка эта сохранилась въ черновыхъ наброскахъ Д. П. Голохвастова, служившихъ чертежемъ неоконченнаго труда). Дѣйствительно, для исторіи семейнаго, домашняго быта древней, допетровской Руси Домострой представляетъ драгоцѣнный матеріялъ: «Для историка Русскаго народа и его литературы, замѣчаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, Домострой рисуетъ предъ нами картину семейнаго счастія, тотъ идеалъ, къ которому сочинитель думаетъ возвести дѣйствительность естественно уклонившуюся отъ составленнаго имъ идеала. По тому, сверхъ интереса бытовыхъ подробностей, это сочиненіе уже само по себѣ, какъ литературное произведеніе, отразившее въ себѣ то, какъ понимали и сознавали свою жизнь люди грамотные XVI и XVII столѣтій, заслуживаетъ почетное мѣсто въ Исторіи Русской Словесности», (Моск. Вѣдом. 1852 г. № 52). [53] Тѣ, которые отрицаютъ существованіе Русскаго цѣльнаго, самобытнаго характера, пусть прочтутъ со вниманіемъ и безъ предвзятой мысли «Поученіе отца къ сыну», и уразумѣютъ, кѣмъ не только могъ быть (въ идеалѣ), но и былъ на самомъ дѣлѣ, истый Русской человѣкъ древней Руси; говоримъ, былъ на самомъ дѣлѣ, по тому что Сильвестръ, поучая своего сына, указываетъ ему чаще всего на собственный примѣръ: «видѣлъ еси, чадо мое...;» слѣдовательно, говоритъ ему о томъ, чему этотъ сынъ

[53] Въ дополненіе къ Домострою, изданному Д. П. Голохватовымъ, напечатаны а) Указъ Свадебному чину И. П. Сахаровымъ (Сказ. Русск. народа 1849 г. т. II. кн. 6. стр. 107), и Книги во весь столъ ѣствы подавати И. Е. Забѣлинымъ (Временникъ кн. 6, 1850 г.). Въ бумагахъ Д. П. Голохвастова находится 90 глава «Домостройца пріятнаго» (по рукописи Патріяршей Библіотеки), которая здѣсь и печатается, какъ замѣчательное разночтеніе выше помянутаго «Указа Свадебному чину», напеч. у Сахарова не исправно. Никакихъ же изслѣдованій о Домостроѣ въ бумагахъ Д. П. Голохватова не нашлось, и, послѣ всесторонняго изслѣдованія онаго И. С. Некрасовымъ (Чтенія 1872 г. кн. III), можно считать эту матерію почти исчерпанною.

самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ; весь разсказъ дышетъ святою правдою и составляетъ лучшую біографію добродѣтельнаго мужа, хотя и имъ самимъ написанную, но не допускающую и тѣни подозрѣнія о самохвальствѣ, по своей простотѣ и естественности.

«Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну», присоединенное къ Домострою (по изданію Д. П. Голохвастова), въ видѣ послѣдней главы онаго, составляетъ, какъ извѣстно, отдѣльное произведеніе, несомнѣнно принадлежащее перу самого Сильвестра. Но такое совершенно случайное соединеніе «Поученія» съ «Домостроемъ», тогда какъ противъ послѣдняго существуетъ у нашихъ Западниковъ предвзятое понятіе, повліяло и на оцѣнку «Поученія», какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: Сочинитель «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», разбирая «Поученіе» въ связи съ «Домостроемъ», сдѣлалъ, на основаніи его», такую характеристику Сильвестра: «Въ этомъ наставленіи, въ этомъ указаніи на свой образъ мыслей и жизни, Сильвестръ обнаруживается предъ нами вполнѣ. Мы понимаемъ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на современниковъ подобный человѣкъ: благочестивый, трезвый, кроткій, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господинъ, любившій устроивать судьбу своихъ домочадцевъ, человѣкъ, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло, вотъ Сильвестръ!» (Т. VII, стр. 227), а на слѣдующей страницѣ, вдругъ, какъ бы испугавшись самъ такой похвалы «составителю Домостроя», поспѣшилъ прибавить къ этой похвалѣ такую охулку, которая не только совершенно уничтожаетъ все сказанное выше въ похвалу Сильвестра, но и выставляетъ эту высоконравственную личность въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ: «Не смотря на то, пишетъ онъ, что наставленіе Сильвестра сыну носитъ, по видимому, религіозный характеръ, нельзя не замѣтить, что цѣль его—научить житейской мудрости: кротость, терпѣніе и другія Христіанскія добродѣтели предписываются какъ средства для пріобрѣтенія выгодъ житейскихъ, для пріобрѣтенія людской благосклонности, предписывается доброе дѣло, и сейчасъ же выставляется на видъ матеріальная польза отъ него» (т. VII, стр. 228). Всего замѣчательнѣе здѣсь безцеремонное обращеніе съ подлиннымъ актомъ, изъ котораго будто бы такое непреложное заключеніе вытекаетъ, какъ слѣдствіе изъ причины, тогда какъ безпристрастное чтеніе того же самого акта вовсе не оправдываетъ заключенія, выводимаго изъ него сочинителемъ «Исторіи Россіи», и

если подъ написанною имъ же характеристикой Сильвестра, на стр. 227, охотно подписались всѣ современные ему почитатели и друзья этого истиннаго друга человѣчества, то заключенію о Сильвестрѣ, сдѣланному на страницѣ 228, позавидовалъ бы самъ злѣйшій врагъ его, Іоаннъ, со клевреты своими.

Сопоставленіе двухъ, столь противоположныхъ, отзывовъ объ одномъ и томъ же лицѣ есть по истиннѣ ножъ, омоченный въ медъ: въ первомъ отзывѣ Сильвестръ является такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: благочестивый, добродѣтельный, милостивый, кроткій, Боголюбецъ, старающійся о исполненіи Св. Христовыхъ заповѣдей, со смиреніемъ готовый перенести всякую обиду скорѣе, чѣмъ обидѣть кого либо, потерпѣть всякой ущербъ, нежели нанести его другому, старающійся имѣть, по заповѣди Христовой, сколько то возможно, миръ и любовь со всѣми. Съ такимъ человѣкомъ естественно дѣло имѣть было пріятно и выгодно всякому. А во второмъ отзывѣ тотъ же самый Сильвестръ является себялюбцемъ и лицемѣромъ, употребляющимъ Христіянскія добродѣтели, какъ средства для пріобрѣтенія себѣ житейскихъ выгодъ и, что всего удивительнѣе, предписывающій то же и своему сыну, тогда какъ всякому извѣстно, что и «зли суще умѣютъ даянія блага даяти чадомъ своимъ». Можетъ ли быть равно пріятно и выгодно имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, какимъ является Сильвестръ во второмъ отзывѣ о немъ сочинителя» «Исторіи Россіи», въ отзывѣ діаметрально противоположномъ первому? А вѣдь въ обоихъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же лицѣ. Чѣмъ объяснить такія противорѣчія? Но разсмотримъ ближе «Поученіе» Сильвестра, чтобы показать, ни чѣмъ не предубѣжденнымъ противъ него читателямъ, имѣлъ ли дѣйствительное право сочинитель «Исторіи Россіи» сдѣлать такой пристрастной выводъ изъ этого акта? Въ изданіи Домостроя (Д. П. Голохвастова) «Поученіе» Сильвестра къ сыну занимаетъ 10 печатныхъ страницъ. По своему содержанію, оно можетъ быть раздѣлено на три, почти равныхъ, отдѣла: въ первомъ, состоящемъ преимущественно изъ духовныхъ совѣтовъ (занимаетъ 4 страницы), послѣ обращенія къ сыну, Сильвестръ поучаетъ его, говоря объ отношеніяхъ къ Богу, къ Церкви, къ священническому и монашескому чину, учитъ, какъ устроить свой домашній бытъ такимъ образомъ, чтобы домъ его былъ «домашнею церквію». Во всемъ этомъ отдѣлѣ нѣтъ вовсе указанія на матеріяльную пользу, могущую проистекать отъ вы-

полненія этихъ совѣтовъ, тогда какъ, если повѣрить на слово сочинителю «Исторіи Россіи,» въ «Поученіи» Сильвестра «предписывается доброе дѣло (дается совѣтъ?), и сей часъ же выставляется на видъ матеріяльная польза отъ него.» Напротивъ, весь этотъ отдѣлъ оканчивается слѣдующимъ нравственнымъ выводомъ: «Аще по нашему наказанію и по сему ученію учнете жити, велію благодать отъ Бога обрящете и жизнь вѣчную наслѣдите и съ домочадцы своими.» И такъ, на 4-хъ страницахъ, составляющихъ болѣе $^1/_3$ всего «Поученія» Сильвестра, нѣтъ ничего, оправдывающаго отзывъ о немъ сочинителя «Исторіи Россіи.»

Второй отдѣлъ «Поученія» (занимающій 3 страницы), можно назвать повѣствовательнымъ, по тому что въ немъ Сильвестръ лишь повѣствуетъ о своемъ собственномъ житіи, предоставляя сыну самому извлечь себѣ поученіе изъ его искренняго сказанія. Въ этомъ отдѣлѣ если и есть нѣсколько выраженій, по видимому, благопріятныхъ заключенію сочинителя «Исторіи Россіи», по дѣйствительно лишь по видимому: такъ, на примѣръ, Сильвестръ, повѣствуя о себѣ, говоритъ: «пришла отъ кого обида, и мы Бога ради (а не себя ради!) терпѣли, и на себя вину полагали, и тѣмъ враги други быша;» то можно ли, спрашиваемъ, безъ предубѣжденія сказать, что въ этомъ повѣствованіи итогъ терпѣнія обидъ Бога ради (мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ глаголетъ Господь, вы же любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ) поставленъ на видъ, какъ средство для пріобрѣтенія матеріяльныхъ выгодъ? Судить такъ значило бы присвоивать себѣ право судить не одни слова и дѣла, но и самые совѣты сердечные, чего не предоставлено ограниченному человѣческому разуму и составляетъ пріемъ вовсе не историчсскій. Въ этомъ же отдѣлѣ Сильвестръ, повѣдаетъ сыну своему о томъ, что онъ «работныхъ своихъ освободилъ и надѣлилъ, и что всѣ они свободны и добрыми домами живутъ, яко же видиши, прибавляетъ, и молятъ за ны Бога, и доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во всемъ.» Здѣсь если и упоминается повѣствовательно о томъ, что нѣкоторые изъ отпущенныхъ на волю работныхъ людей доброхотствуютъ своему прежнему господину, а другіе позабыли, то очевидно говорится сіе повѣствовательно, безъ всякаго отношенія къ матеріяльной выгодѣ; ибо легко понять, что доброхотство по свободной волѣ и работа по обязанности, въ отношеніи матеріяльномъ, сравниваемы

быть не могутъ. Далѣе Сильвестръ, повѣствуя сыну о возращеніи въ своемъ домѣ пустошныхъ (праздныхъ) и убогихъ сиротъ мужеска и женска пола, какъ онъ ихъ возращалъ, обучая ремесламъ и рукодѣліямъ, пристраивалъ къ разнымъ мѣстамъ (а женска полу выдавалъ замужъ), говоритъ: «и всѣ они свободны», живутъ своими домами, многіе въ Священникахъ, и въ Діяконахъ, и въ Дьякахъ, и въ Подъячихъ, и во всякихъ чинахъ.» Кажется, не можетъ быть спору, что это дѣло есть одно изъ самыхъ крупныхъ добрыхъ дѣлъ, которое Сильвестръ въ своемъ «Поученіи» сыну, передаетъ ему очевидно въ подражаніе. А какъ, по отзыву сочинителя «Исторіи Россіи» въ «Поученіи» Сильвестра «предписывается доброе дѣло, и сей часъ же выставляется на видъ матерьяльная польза отъ него, то и любопытно послушать, какая именно матерьяльная польза указуется въ важнѣйшемъ изъ добрыхъ дѣлъ Сильвестра? Изъ того же «Поученія» узнаемъ, что всѣ эти вскормленники Сильвестра остались, «далъ Богъ, свободны», то есть, не закабалены ни ему, ни другимъ. Далѣе читаемъ: «а Божіею милостію, во всѣхъ тѣхъ нашихъ скормленникахъ и послуживцехъ, ни соромота, ни убытокъ, ни продажа отъ людей, ни людемъ отъ насъ, ни тяжа, ни съ кѣмъ не бывала: во всемъ Богъ соблюлъ по ся мѣста; а отъ кого намъ отъ своихъ скормленниковъ досада и убытки многи велики бывали, ино то на себѣ понесено, нихто того не слыхалъ, а намъ то Богъ исполнилъ.» И такъ, не о матеріяльной пользѣ идетъ рѣчь, какъ видитъ читатель, а, напротивъ, говорится повѣствовательно, что отъ сего добраго дѣла «досада и убытки многи, да еще и велики, бывали, но все то на себѣ понесено, никто не слыхалъ на то жалобы, а милосердый Богъ все то восполнилъ своею благодатію, по сказанному въ Евангеліи: «Ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся (все потребное для сей жизни) приложатся вамъ.» Но указаніе на такое обѣтованіе, вѣдь, нельзя назвать указаніемъ на матерьяльную пользу? Оно существенно лишь для искренно вѣрующихъ, каковы были и поучающій и поучаемый: надобно прежде повѣрить, потомъ явить свою вѣру отъ дѣлъ, а остальное предоставить волѣ Всемогущаго и Всеисполняющаго; для имѣющихъ же въ виду главнымъ образомъ «выгоды житейскія» путь долгій, невѣрный, ищущему оныхъ «жестоко слово сіе.» Но Сильвестръ зналъ что говоритъ и кого поучаетъ, и не о матеріяльной, а о душевной пользѣ шла сія рѣчь! Наконецъ третій отдѣлъ «Поученія» (изъ 3 страницъ) посвященъ исключительно совѣтамъ

житейской мудрости, для правильной оцѣнки которыхъ необходимо принимать въ соображеніе нравы и состояніе общества того времени (XVI столѣтія), а не обсуживать эти совѣты исключительно съ современно либеральной точки зрѣнія, для удобнѣйшаго ихъ подведенія подъ безусловное охужденіе, какъ дѣлаетъ это сочинитель «Исторіи Россіи». Въ этомъ отдѣлѣ Сильвестръ, между прочимъ, повѣствуетъ въ назиданіе сыну, какъ онъ обращался съ людьми всякаго рода, съ которыми имѣлъ сношеніе по разнымъ житейскимъ дѣламъ, при чемъ «на поруку не давалъ никого, ни меня не давывалъ никто, во всякихъ вещехъ, и на судѣ не бывалъ ни съ кѣмъ, ни искивалъ, ни отвѣчивалъ.» Замѣчаетъ, что изъ числа мастеровъ, съ которыми случалось имѣть дѣло, «были смуты и бражники», но со всѣми тѣми мастеры, въ сорокъ лѣтъ, далъ Богъ, разлезеносся (разошлись) безъ осуды, и безъ Пристава, и безо всякія кручины. Все то мирено хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею, и всякою добродѣтелью, да своимъ терпѣніемъ. А самъ у кого што купливалъ, ино ему отъ мене милая розласка: безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ да соль сверхъ. А кому что продавывалъ, все въ любовь, а не въ оманъ; а о купли и о продажи ни съ кѣмъ брань и тяжба не бывала. Никому ни въ чемъ не сълыгивано, ни мзено, ни пересрочено, ни въ рукодѣльи, ни въ торговли. Ни кабалы, ни записи на себя ни въ чемъ не давывалъ, а ложь никому ни въ чемъ не бывала: видѣлъ еси самъ, какіе великіе сплетки со многими людьми были, да все, далъ Богъ, безъ вражды кончалося. А вѣдаешь и самъ, что не богатствомъ жито съ добрыми людьми, а правдою да ласкою, да любовію, а не гордостію, и безо всякія лжи.» Ищущему одной матеріяльной пользы примѣръ этотъ тоже едва ли покажется удобнымъ къ подражанію. Отдѣлъ сей заключается увѣщаніемъ, въ которомъ Сильвестръ обращался къ сыну, говоря ему: «Аще самъ вся сія (то есть, все, о чемъ говорится ему въ назиданіе и поученіе) сотвориши, и жену и дѣтей, и рабъ и рабынь, и всѣхъ ближнихъ своихъ и знаемыхъ научиши, и домъ свой добре устроивши (такъ чтобъ онъ составлялъ домашнюю церковь), вся благая отъ Бога обрящеши, и жизнь вѣчную наслѣдиши, со всѣми одержимыми тобою.» А за симъ слѣдуетъ прощеніе, гдѣ рѣчь идетъ вовсе не о матеріяльномъ ущербѣ, а о томъ, что за неисполненіе «отвѣтъ даси въ день Страшнаго суда»...

Все «Поученіе» оканчивается краткимъ наставленіемъ сыну, находившемуся тогда на Царской службѣ у таможенныхъ дѣлъ.

относительно служебныхъ обязанностей: Сильвестръ умоляетъ его, служить вѣрою и правдою, безо всякія хитрости и безо всякаго лукавства. Во всемъ Государскомъ другу не дружить, и недругу не мстить, и волокита бы людемъ ни въ чемъ не была.... быть довольну Государскимъ урокомъ.... все Государское было бы всегда въ счетѣ и въ смѣтѣ, и въ письмѣ, и приходъ и расходъ. Къ казначеемъ буди послушенъ, съ товарищами совѣтенъ, а къ Подъячимъ, и мастерамъ, и къ сторожемъ грозенъ и любовенъ, и ко всѣмъ людемъ привѣтенъ, а скорбныхъ, и нужныхъ, и полоненниковъ отнюдь безъ волокитъ управь, и отъ собя, по силѣ, накорми и напой, и милостыню дай, по человѣку смотря; а случится судъ.... твори по Евангельскому словеси: «не на лица судите, сынове человѣчестіи, но праведенъ судъ судите: имъ же судите судомъ, судится вамъ, и въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится.»

Весьма понятно, что съ человѣкомъ такихъ высокихъ правилъ, каковъ писатель этого «Поученія,» каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло, какъ замѣтилъ это сочинитель «Исторіи Россіи». Но гдѣ же тутъ рѣчь о матеріяльной пользѣ и пріятности такого образа дѣйствій для самого себя? Гдѣ въ этихъ совѣтахъ оправданіе замѣчанію критика, будто бы Сильвестръ предписывалъ кротость, терпѣніе и другія Христіянскія добродѣтели, какъ средство для пріобрѣтенія житейскихъ выгодъ? Будто бы указывается доброе дѣло, и сей часъ же слѣдуетъ указаніе на его матеріяльную пользу? Не очевидно ли, напротивъ, что такой образъ дѣйствій, которому поучалъ Сильвестръ своего сына, съ указаніемъ на свой личный примѣръ, выгоденъ и пріятенъ лишь только вѣрою а не видѣніемъ, упованіемъ на непреложность Евангельскаго обѣтованія: «Ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся (потребная для сей жизни) приложатся вамъ,» а не на осязательныя матерьяльныя выгоды, и если бы этотъ путь къ достиженію оныхъ не казался многимъ длиннымъ и невѣрнымъ то поменьше было бы на свѣтѣ всякой неправды, какъ несовмѣстной съ исканіемъ Царствія Божія и правды его. Что же сказать объ упрекѣ, дѣлаемомъ Сильвестру сочинителемъ «Исторіи Россіи», по поводу того мѣста его «Поученія», въ которомъ Сильвестръ говоритъ, что онъ, слѣдуя заповѣди: быть, сколько то возможно, мирну со всѣми (даже и съ ненавидящими мира), старался всѣмъ упоровить въ потребныхъ? Разбирая это мѣсто, сочинитель «Исторіи Россіи» съ

какимъ-то удовольствіемъ замѣчаетъ: «а подъ конецъ вышло что не всѣмъ уноровилъ!» разумѣя, конечно, то, что Сильвестръ не уноровилъ Іоанну и дворской партіи, желавшей властвовать безраздѣльно, и по тому завидовавшей благому вліянію на Царя Сильвестра. Но такой упрекъ: «а вотъ подъ конецъ и не уноровилъ!» можно сдѣлать, пожалуй, и всѣмъ Новозавѣтнымъ праведникамъ, начиная съ Іоанна Крестителя, котораго тоже Иродъ сперва «сладцѣ послушаше», а подъ конецъ, за обличеніе своихъ неправдъ, возненавидѣлъ и повелѣлъ «во главу мечемъ усѣкнути.» Подобный оборотъ дѣла лишь доказываетъ, что Сильвестръ, готовый всѣмъ уноровить въ вещахъ среднихъ, всегда былъ далекъ отъ мысли уноровить неправдѣ и беззаконію, и когда убѣдился, что не можетъ быть болѣе полезенъ своими совѣтами на пользу Церкви и Государства, то, памятуя, что двумъ господамъ служить нельзя, тотчасъ же оставилъ столицу и, жертвуя всѣмъ житейскимъ, ушелъ въ пустыню служить единому Богу, котораго возлюбилъ всѣмъ сердцемъ отъ юности своея! Таковъ былъ Сильвестръ: зане былъ мужъ прведенъ и бояйся Бога, а не таковъ, какимъ изобразилъ его сочинитель «Исторіи Россіи» въ своемъ пристрастномъ и несправедливомъ отзывѣ (т. VII, стр. 228), въ чемъ легко можетъ убѣдиться, послѣ нашего разбора, и самъ читатель, прочтя, со вниманіемъ и безъ всякой предвзятой мысли «подлинное» Поученіе Сильвестра, пожалуй хоть въ той же «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», перефразированное.

По нашему мнѣнію, «Поученіе» Сильвестра, какъ не отвлеченное и книжное, но живое по своему содержанію и языку, составляетъ одно изъ лучшихъ произведеній древней Русской письменности: въ немъ, какъ въ чистомъ, ясномъ, зеркалѣ, вполнѣ отразился высоконравственный образъ знаменитаго мужа, представляющій намъ типъ истиннаго, цѣльнаго (какова вѣра, такова и жизнь) Русскаго человѣка допетровской Руси, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ въ жизни церковной, семейной, общественной и государственной (такой порядокъ изложенія въ «Посланіи»); предъ нами мастерская картина жизни дѣятельно-Христіянской, трудолюбивой, общеполезной и многоплодной. Одна, много двѣ лишнихъ черты, и то замѣтныя лишь съ либерально напускной точки зрѣнія(т. VII, стр. 229), не вредятъ достоинству этого по истинѣ художественнаго произведенія Русской старины.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

УКАЗЪ СВАДЕБНОМУ ЧИНУ. [1]

(У Сахарова въ «Сказаніи» напечатанъ, но по другому неисправному списку.)

Поставити мѣсто, да обити ковромъ; а на мѣсто положити подушка отласная, или бархатъ золотной; да у мѣста держать, двумъ человѣкомъ, по сороку соболей. Да у мѣста жъ поставити столъ; а на столъ наслати двѣ скатерти; да поставити на столъ судки столовые; и перепечи, калачи, положити на блюдѣ; да поставити сыръ; да перепеча положити, которая рѣзати. Да на другомъ блюдѣ поставити осыпало, хмель; да деньги золотые и новгородки [2] золоченые. Да положити 9 соболей; да камокъ и тавтъ всякихъ. Да на третьемъ блюдѣ положити ширинка. Да на четвертомъ блюдѣ положити кика; да подъ кикою положити подзатыльникъ, да подубрусникъ, да волосникъ, да покрывало. Да поставити чарка золотая, или серебряная; а въ чаркѣ поставити медку немножко, да хмельку, да двѣ маковицы. Да гребешокъ положити у кики на блюдѣ.

Да по сторону мѣста поставити двѣ скамейки маленькія: на одной скамейкѣ сидѣти Тысяцкому, а на другой Свахѣ.

Да у мѣста стояти двумъ человѣкамъ: держати носилы съ кораваемъ да съ сыромъ, покрывши отласомъ, или бархатомъ золотнымъ; а руковязи у носилъ опушити, у шлейки, камкою, или отласомъ золотнымъ. Да третьему человѣку держати свѣчю въ кошелькѣ: а кошелекъ отласный или бархатной, золотной. Да двумъ человѣкомъ держати фонарь.

А тѣ всѣ люди въ кавтанехъ и въ терликахъ бархатныхъ, и

---

[1] Эта статья составляетъ послѣднюю, 90-ю главу «Домостройца Пріятнаго,» находящагося въ рукописи Московской Патріаршей (Синодальной) Библіотеки. Въ прочихъ рукописяхъ ея нѣтъ. Правописаніе подлинника Д. П. Г.

[2] «Новгородки:» этого слова я иначе прочитать не умѣю. Д. П. Г.

въ камчатыхъ и въ отласныхъ, золотныхъ; да въ шапкахъ лисьихъ черныхъ.

И какъ новобрачной князь пріѣдетъ съ поѣздомъ: и коровайники и свѣщники съ ѳонаремъ придутъ, по тому же; и какъ, дастъ Богъ, новобрачный князь сядетъ на мѣсто и, посидѣвъ немного, сваха станетъ, да благословляеця у отца да у матери: новобрачному князю и княгинѣ головы чесати. Возметъ соболи которые держатъ, и обноситъ тѣми собольми около головъ новобрачнаго князя и княгини, по трижды. А Дружка въ тѣ поры благословляется перепечи и сыръ рѣзати; и подноситъ сыръ и перепечи ко всѣмъ: къ отцу и матери, и къ новобрачному князю и княгинѣ, и ко всѣму поѣзду, и къ сидячимъ къ всѣмъ, хто будетъ въ избѣ. Да послати съ перепечею и съ сыромъ къ отцу и къ матери; хто будетъ сидячихъ у новобрачнаго князя, и къ тѣмъ, по тому жъ, посылати съ сыромъ и перепечею.

И какъ, Богъ дастъ, на новобрашнюю княгиню положитъ кику и покроютъ покрываломъ, и вставъ сваха, благословляется у отца и у матери: осыпати новобрашнаго князя и княгиню, а дружка, въ тѣ поры понесетъ къ новобрачному князю и ко всѣму поѣзду, ширинки на блюдѣ. Ко отцу и къ матери его, отъ новобрачные княгини, послать съ ширинками жъ.

И какъ, дастъ Богъ, новобрашный князь и княгиня встанутъ съ мѣста и выступятъ въ сѣни, и въ тѣ поры стелютъ камки и таѳты: по чему ити новобрашному князю до аргамака, а новобрашной княгинѣ до саней.

Ѣхати къ венчанію въ санехъ. А сани поволочи отласомъ, или таѳтою. А въ сани положить подушка бархатная, или отласъ золотноі и аминдеръ. А въ сани послати коверъ. Аминдеръ обшити сукномъ червчатымъ. Да у саней держати сорокъ соболей: какъ новобрашная княгиня поѣдетъ къ вѣнчанію, и тѣ соболи держати на мѣстѣ, въ санехъ.

И какъ новобрашный князь, у церкви сойдетъ со аргамака, а новобрашная княгиня выйдетъ изъ саней, и стелютъ имъ подъ ноги камки и таѳты до церковныхъ дверей по тому жъ.

А у венчанія подложити подъ ноги новобрашному князю и княгинѣ камки или отласъ золотной, да по соболю. Какъ пойдетъ новобрашный князь отъ венчанія до аргамака, а новобрашная княгиня до

саней, ино подъ ноги слать по тому жъ. А сойдетъ новобрашный князь со аргамака, а новобрашная княгиня выйдетъ изъ саней, и пойдутъ на мѣсто, за столъ, и подъ новобрашнаго князя и подъ княгиню постилати по тому жъ. А какъ станутъ изъ за стола и выступятъ изъ горницы, ино постилати подъ ноги по тому жъ, до сенника. [3]

II.

СБОРНИКЪ СИЛЬВЕСТРОВСКОЙ.

Объ этой рукописи, какъ заключающей въ себѣ нѣсколько сочиненій самаго Сильвестра и составлявшей собственность Новгородской Софійской Библіотеки (№ 1281), впервые было упомянуто въ «Историческомъ словарѣ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійскія Церкви» (изд. 2-е, Спб. 1727 г., т. II, стр. 203). Открытіе же принадлежности этого Сборника самому знаменитому Благовѣщенскому Іерею, и отсюда усвоеніе рукописи, принадлежащаго ей по праву, названія «Сильвестрова Сборника» сдѣлано сотрудникомъ Д. П. Голохвастова по изданію Домостроя, Н. П. Коншинымъ, какъ доказываетъ это прилагаемая ниже сего записка Коншина, составленная имъ для Д. П. Голохвастова въ 1848 году въ Твери и находящаяся въ его черновыхъ бумагахъ.

Сильвестровъ Сборникъ заключаетъ въ себѣ три статьи, принадлежащія перу знаменитаго Іерея: а) Посланіе къ Царю Іоанну Васильевичу, писанное въ годину большаго Московскаго пожара 1547 г. и, какъ можно догадываться, послужившее началомъ обращенія юнаго Царя на стезю добродѣтели; б) Посланіе въ Казань къ Князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатому, писанное вскорѣ по назначеніи его Воеводою въ Казань (6 Октября, 1552 года); в) Посланіе утѣшительное къ нѣкоему любимцу, надобно полагать къ тому же самому Князю, А. Б. Шуйскому-Горбатому, по случаю Царской опалы, постигшей его въ 1553 году, когда онъ былъ смѣненъ съ Воеводства и замѣненъ своимъ родичемъ, Княземъ Петромъ Ивановичемъ Шуйскимъ.

Изъ этихъ «Посланій Сильвестра» лишь два послѣднія напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1871 г. (Мартов. книжка) подъ заглавіемъ

---

[3] За симъ въ рукописи Патр. Библіотеки написано: «Конецъ тѣмъ главамъ и Домостройцу».

«Объ неизданныхъ памятникахъ церковнаго учительства древней Руси». Мы печатаемъ здѣсь всѣ три произведенія Сильвестра по точному списку Коншина съ «Селивестровскаго Сборника», которой въ его время (1848 г.) еще принадлежалъ Библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго Собора Вотъ эта

ЗАПИСКА О НОВГОРОДСКОЙ РУКОПИСИ, УПОМИНАЕМОЙ ВЪ „СЛОВАРѢ ИСТОРИЧЕСКОМЪ О БЫВШИХЪ ВЪ РОССІИ ПИСАТЕЛЯХЪ ДУХОВНАГО ЧИНА ГРЕКОРОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ, ИЗД. II. СПБ. 1827, Т. II., СТР. 203," СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРЕХЪ АКТОВЪ, ВЫПИСАННЫХЪ ИЗЪ СБОРНИКА СИЛИВЕСТРОВСКАГО, И ПРОЧ.

«По порученію Вашего Превосходительства я разсматривалъ рукопись, хранящуюся въ Новгородской Семинарской Библіотекѣ, состоящую подъ названіемъ: «Ѳотія Митрополита поученіе. Это названіе написано на первомъ листѣ стариннымъ, нетвердымъ и небрежнымъ почеркомъ, и на обрѣзѣ, сверху, повторено, крупными Славянскими буквами: «Ѳотїя Митрополита.»

Рукопись эта составляетъ толстую книгу въ листъ, гладко обрѣзанную. Листовъ помѣченныхъ 410, не помѣченныхъ 3; корешокъ кожанный, нѣкогда красный, совершенно твердый; вмѣсто корочекъ деревянныя дощечки, толщиною въ палецъ, безъ всякой оклейки и отдѣлки; доски обрѣзаны въ уровень съ бумагой, и къ нимъ приклеена, въ ладонь шириной, кожа корешка; листы всѣ цѣлы; переплетъ древній, но и доселѣ прочный.

Въ давнее время книга эта пострадала отъ мокроты, обильно проникнувшей и въѣдшейся широкими кофейными разводами въ прекрасную, бѣлую съ лоскомъ, бумагу, на которой она писана; однако же тлѣніе не тронуло листовъ.

Въ сей книгѣ бумага одного достоинства, но двухъ клеймъ: въ первой половинѣ, подъ Поученіями Митрополита Фотія, кувшинчикъ коронованный; во второй небольшое сердечко подъ вѣнчикомъ съ тремя жемчужинами.

Вся книга писана четко, уставомъ, по видимому, одной рукой; ибо сложныя фигурныя буквы вездѣ одинаковаго рисунка, но твердости и единства почерка несравненно болѣе во второй половинѣ. Надстрочныхъ знаковъ ударенія почти нѣтъ. Чернила отмѣнно черны; заглавія писаны киноварью.

Очевидно, что первая половина писана была отдѣльно отъ второй и не имѣла предназначенія быть въ одной книгѣ; ибо:

1) Вся первая половина писана по 25 строкъ на страницѣ, во второй половинѣ по 22.

2) Чрезъ каждые 8 листковъ помѣчены, внизу, листы: на первомъ 1-й, на девятомъ 2-й, на 17-мъ 3-й, и т. д.; первая половина имѣетъ свой счетъ, а вторая свой; въ первой такихъ листовъ 28. во второй 24 не сполна (Номерація листовъ, идущая постранично чрезъ всю книгу, отъ корки до корки, положена въ наше время).

3) Послѣдній листокъ первой половины замѣтно желтъ, и по сему ясно, что эта половина было прежде отдѣльною.

4) Оглавленіе, имѣющееся въ началѣ рукописи, явнымъ образомъ принадлежитъ къ первой половинѣ; ибо только однѣ Поученія М. Фотія внесены, уставомъ, въ томъ же форматѣ, какъ и рукопись, по 25 строкъ на страницѣ; заглавіе, начальныя буквы и номерація писаны киноварью; статьи же, заключающіяся во второй половинѣ книги, на томъ же оглавленіи подписаны скорописью нашего времени, съ помарками и небрежно.

Содержаніе книги:

1) Всю первую половину занимаютъ Поученія М. Фотія, числомъ 16, листовъ 218.

2) Вторая половина, отъ 221 до 358 листа, заключаетъ въ себѣ Посланія Митрополита Даніила, числомъ 13.

3) Отъ 358 до 382, на 24-хъ листахъ, находится предметъ величайшаго любопытства для современности, безъ всякаго заглавія и неразкрашенный (отсюда киновари не является уже до конца книги), прямо съ текста, съ начала страницы, на оборотѣ 358 листа начинающійся: Посланіе къ Царю Ивану Васильевичу, въ коемъ изложено бѣдственное растлѣніе нравовъ Двора, и онъ, угрожаемый Богомъ-мстителемъ, умоляется искоренить развратъ.

4) Тотчасъ за нимъ, на 382 листѣ, слѣдуетъ: Посланіе къ Воеводѣ Казанскому, Князю Александру Борисовичу, отъ Благовѣщенскаго Попа Сильвестра, съ припискою, къ нему же; число листовъ 16.

5) Трогательная, дружеская епистолія къ лицу неизвѣстному. Сочинитель укрѣпляетъ своего «любимца» въ несчастіи, приводя сильные и краснорѣчивые доводы о милости Божіей, очищающей душу карами въ жизни временной, для достиженія блаженной вѣчности. Число листовъ 10.

Величественное достоинство Посланія къ Іоанну поразитъ каждаго. Не объ немъ ли говоритъ ожесточенный Царь, въ отвѣтъ Князю Курбскому: «Ниже мните мя дѣтскими страшилы устрашати, яко прежде сего съ попомъ Селивестромъ, и со Алексѣемъ, лукавымъ совѣтомъ прельстисте» (Курб. ч. 2, изд. 1, стр, 94?)? Въ этомъ Посланіи изображеніе Божества разгнѣваннаго, карающаго грѣшниковъ, такъ живо и грозно; мѣста изъ Библіи и изъ Новаго Завѣта, такъ сильны и разительны; краски разврата, окружавшаго Царя, лежатъ такими яркими, безобразными пятнами, въ гнусной наготѣ, что сердце наполняется ужасомъ, слѣдя листы Посланія. Такія «страшила» легче всякихъ привидѣній устрашить могли и остановить юношу Царя, указавъ ему на великій, священный санъ его, вдохновдно восклицая: «Помаза Тя, боже, Богъ Твой!»

Въ слогѣ этого Посланія я не усомнился: это слогъ Сильвестра, одинъ и тотъ же и въ Посланіи къ сыну Анфиму, уцѣлѣвшемъ при Домостроѣ, и въ Посланіи къ Князю Александру Борисовичу, и въ послѣднемъ, въ концѣ прописанномъ.

Одно удивляло: какъ могло попасть въ Сборники, современные Грозному, письмо толикой тайны и важности, во время опалъ и казней, наполненное укоромъ, и угрожающее Царю и погибелью царства, и пресѣченіемъ рода, и проклятіемъ небеснымъ? Пустить такое посланіе въ народъ было бы предательствомъ, недостойнымъ характера Сильвестра, и могло повредить цѣли его.

Это удивленіе разсѣялось, когда, разсматривая тщательно рукопись, я нашелъ на первомъ отъ верхней доски листѣ, на которомъ лежитъ грубая, выше помянутая, надпись: «Ѳотія Митрополита Поученіе,» надпись другую, блѣдную и перечеркнутую: «Сборникъ Селиверстовской.»

Яркимъ свѣтомъ озарилась для меня святыня сей древней рукописи по усмотрѣніи надписи этой. Итакъ она принадлежала самому Сильвестру!

Тутъ хранилъ онъ Поученія Митрополита Ѳотія, потомъ

различныя посланія современнаго себѣ Даніила; на оставшихся же бѣлыхъ листахъ вписывалъ, для себя, собственно свое, не удостоивая разцвѣчивать то краскою, не дѣлая никакихъ заглавій, и не ставя при началѣ очередной цифры: послѣдняя цифра стоитъ при послѣднемъ Посланіи Даніиловскомъ.

За симъ, съ любовію разсматривая малѣйшія пятна и замѣтки въ фоліантѣ, я, въ дополненіе къ прежнему, только одно еще открылъ, что начальные три бѣлые листа, коими отдѣлена доска отъ текста, и изъ коихъ на первомъ лежитъ знаменитая надпись, не принадлежатъ по клейму своему къ обоимъ сортамъ бумаги, вшедшей въ составъ рукописи: на одномъ изъ этихъ трехъ листовъ уцѣлѣло для насъ особое клеймо, не повторяющееся въ книгѣ и доселѣ мной нигдѣ не замѣченное: очень высокій вѣнецъ, осѣненный крестомъ. Листы эти ветхи, очевидно современны рукописи и прибавлены, конечно, къ ней при отдачѣ въ переплетъ.

Списавъ, буква въ букву, Посланіе къ Іоанну, къ Князю Александру Борисовичу (безъ сомнѣнія «Горбатого») и къ неизвѣстному «Любимцу», снявъ fac simile надписи и почерка разсмотрѣнной мною рукописи, представляю все это Вашему Превосходительству на благоугодное Вамъ распоряженіе.

Николай Коншинъ.

29 Сентября, 1848.
Тверь.

I.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЦАРЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ.

Царю и Государю Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русии Самодержца вѣчна, православныя вѣры истиннаго наставника, на Божиа враги крѣпкаго борителя, Христови Церкви столпа непоколебимаго и ѡснованіе недвижимо и стена непобедимая, и градъ воистинну непленяемый, и воинъ крѣпкаго Бога и Царя всѣхъ, и потребителя вражіа, и светилница премирна, ижъ повелѣніемъ Бога, и званіемъ Божія строеніа. Тѣмъ же подобаетъ рещи: Богомъ возвышенный Царю, Государь Князь Великій Иванъ Васильевичь всеа Русии! Напрязи и спѣй, царьствуй истинны ради и кротости и правды: наставитъ тя чюднѣ десница Вышнаго. Престолъ твой правдою и крѣпостію и судомъ истиннымъ утвержденъ есть, жезлъ правды, жезлъ царствія твоего. Возлюбилъ еси правду и возненавидѣ беззаконіе: сего ради помаза тя, боже, Богъ твой, елѣомъ радости паче причастникъ твоихъ. Яко жъ малый юнѣйшій Давидъ въ дому отца своего помазанъ пророкомъ Самоиломъ, тако жъ и ты во юности на царствіи Богомъ утвержденъ еси, Царь Великій, Самодержецъ Христіанстей области, скипетры царьствіа великаго державу по закону пріемъ крестною силою Царя Царемъ и Господа Господемъ. Царь еси предобръ и умилителенъ всему, на супротивныя храбръ, яко да покорени будутъ врази твои подъ ногами твоими, и поклонятъ ти ся Цари и Князи, и послужатъ ти языцы, и будеши благословенъ, и одолѣеши посреди врагъ твоихъ. Да разсыплютца страны поганскіа, ижъ хотящихъ брани, и не созиждутца во вѣки, отъ Божіа молоніа помрачатца и будутъ яко пси гладніи, языки своими полижютъ землю, ангилъ Господенъ буди погоняяй; и поможетъ ти Господь Богъ твой, послетъ ти помощъ на супротивныя твоя. Обладаеши отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ до конець вселенныя—твоя, и поклонятца тебѣ всѣ Царіе земстіи и вси языцы поработаютъ тебѣ. И честно будетъ имя твое предъ всѣми языки, и помолятца тобѣ всегда, и весь день предстоятъ предъ тобою. И будетъ утверженье твоему царствію, яко во веки не подвижитца, и превознесетца паче Ливана плодъ его, и будетъ благословенно сѣмя твое во веки, и всѣ языцы возвеличаютъ тя. Умножитца слава державѣ твоей, и будеши благословенъ на престоле царьствіа твоего: судити людемъ своимъ въ правду и нищимъ твоимъ истинною и судомъ праведнымъ. Тако глаголетъ Господь, сотворивый небо и утвердивый землю и яжъ на ней, дая дыханіе ходя-

щимъ по ней, и въ мори утвержая путіе безсоблазно; тако глаголеть Господь Вседержитель: Азъ воздвигохъ тя Царя правде, и призвахъ тя правдою, пріяхъ тя за руку и укрепихъ тя; изводяй оружіе на супротивныя, и изсеку отъ лица твоего враги твоя и кони крѣпкыи. Тако глаголеть Господь, яко азъ есмь Богъ, и нѣсть Богъ развіе мене; азъ убію, и жити сотворю; поражу азъ, и изцелю, и нѣсть, ижъ изметъ отъ руку моею; пріимутъ во градущее лѣто и разумѣютъ, како единъ поженетъ тысещу, а два двигнета тмы; и поострю, яко молныи, мечъ мой; и пріиметъ судъ рука моя, и воздамъ есть врагомъ твоимъ, и ненавидящимъ тя воздамъ; упою стрѣлы моя отъ крови, и мечъ мой снѣсть мяса отъ крови язвленыхъ и плененыхъ, отъ главъ Царей и Князей языческихъ. И Пророкъ възгласи, яко кто Богъ, развие Господа, или Богъ, развіе Бога нашего? Богъ препояшетъ мя силою и положитъ непороченъ путь твой, и совершитъ нози твои на камени, и на высокихъ поставитъ тя, и научитъ руцы твои на ополченіе и персты твоя на брань, и положытъ лукъ мѣдянъ мыщцамъ твоимъ, и дастъ ти Господъ защеніе спасенія твоего, изправитъ въ конець и научитъ тя, и уширитъ стопы твоя предъ тобою, и не изнемогутъ вси оружніи твои, и поженеши враги твоя, и победиши ихъ пагубою, и не возвратишися, дондежъ скончаютца, оскорбиши ихъ и не възмогутъ стати, падутъ подъ ногама твоима, препояшетъ тя Господь силою на враги, твоя и покориши вся супротивныя твоя, и востающая на тя постыдятца; ты жъ возрадуешися о спасеніи Господа Бога твоего, и дастъ ти Господь хребетъ врагъ твоихъ, и ненавидящихъ тя потребитъ Господь, и помолятся выну ко Господу, и не услышитъ ихъ Господь, и не будетъ помогающаго имъ, и истнитъ ихъ яко прахъ предъ лицемъ вѣтру; и избавитъ тя отъ пререканіа языкъ, и поставитъ тя Господь во главу языкомъ. Тако глаголетъ Господь Богъ Вседержитель: азъ помогъ ти, изымахъ тя за руку десную твою, и разрушу крѣпость Царемъ поганымъ, и предамъ ихъ тебѣ въ плѣнъ, и отверзу ти двери правды, и грады поганыхъ тебѣ не затворятца: азъ предахъ ти, и предъиду предъ тобою, и горы поравнаю, и вся роги невѣрныхъ сломлю, и вознесетца и рогъ праведнаго, а гордыхъ държаву сокрушу, двери мѣдная и верея желѣзныя сломлю, и дамъ тебѣ сокровища тайныя, и невидимыя отверзу ти. И рѣхъ безаконующимъ: не возносите рога и не воздвижте на высоту рога вашего, и не глаголите на Бога неправду; яко ни отъ востокъ, ни отъ западъ, и ни отъ пустыхъ горъ; яко Богъ судіа есть: сего смиряетъ, а сего возноситъ, и сокрушитъ крѣпостъ и лукъ и щитъ, оружие и брань. Яко жъ пишетъ о Сен-

нахеримѣ, ижъ посла Рапсака воеводу на Езекѣя Царя, и помолися Езекѣя къ Богу, и услыша Господь молитву его, и посла Господь аггела своего, и уби отъ полка ратныхъ 180 и 5000 (р҃и и ҂є҃). И второе при Цари Констянтинѣ Погонатаи Агаряне, безчислено воинство, нападоша на Констянтинъ градъ, и предстояніемъ Пречистыя Божіа Матере всѣ потопишися. И при Царѣ Львѣ Исаврѣ Агаряне паки жъ паче темъ числа ополчишася на Царьградъ: съ небеси убо градъ спаде, и море воскипѣше, и у кораблей смолу возвари, и вси пучине морстей предани быша; и тако безчисленое множество кораблей погибе, и все воинство погрузися, токмо тремъ кораблемъ оставшимъ на возвещеніе. Четвертое знаменіе, иже бывшее преславьныхъ Божіихъ чюдесъ, при нашихъ Великихъ Государехъ, и проувидѣся въ великомъ православіи Рускіа земли въ лѣто Благовѣрнаго и Христолюбиваго Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца: гордый царь Ахматъ Болшие Орды воздвигъ помыслъ лукавъ на Рускую землю, со многими орды, съ великими похвалами во многихъ силахъ вооружився, пришелъ на Рускую землю со множствомъ многимъ воинствомъ, великою гордостію дышюще, помысливъ высокоумиемъ своимъ и рече: избию вси Князи Руские, и буду единъ властецъ на лицы всея земля, а не вѣдый, яко мечъ Божій острица на нь. И восхотѣ пленити всю Рускую землю, яко было сперва посещеніемъ Божіимъ гнѣва за нѣкия наши великіа неправды, нашему православію всея Рускія земля, православнымъ Великимъ Государемъ отъ тѣхъ нечестивыхъ гордыхъ Царей Болшие Орды великое было гоненіе. И Божиею благодатию и пречистыя Богородица помощию Великій Православный Государь Князь Великій Иванъ Васильевичъ всеа Русіи Самодеръжецъ, исправися предъ Богомъ, и смиривъ себе, и воздохнувъ крѣпко отъ всего сердца своего со многими слезами, якожъ преже Езекѣиль Царь, услыша Господь молитву его, вда плещи, и побѣже гонимъ бысть, но, не дошедше своего отечества, животъ свой сконча, и все воинъство его Божіимъ гнѣвомъ разсыпася, и погибоша за безаконіе свое, а того самаго нечестиваго и гордаго Царя Богъ своимъ копьемъ порази, и все царьствіе его погрузи, и родъ его и сыны сыновъ его изкорени, и храмы ихъ раскопа, а дубровы * ихъ посече, и мѣста ихъ лежатъ и до нынѣ пусты, и память ихъ погибе съ шумомъ, и имя ихъ потребилъ есть Господь въ вѣки, и не помянути ихъ ни въ коихъ земляхъ, безъ памяти разсыпашася и погибоша. А Православныхъ Великихъ Князей Господь Богъ рогъ возвыси и отъ нечестивыхъ поганыхъ Царей свободи, а самыхъ Царей нечестивыхъ вся державы ихъ разруши и всю славу

ихъ помрачи. И ты, боголюбивый Царю, видиши славу Бога твоего, къ добродѣтели прилежи, благоразумиемъ себе удобри и радостию украси, и разумомъ буди просвещенъ, и смирениемъ сердца украшенъ, и къ мысленымъ предъиди дворомъ, и возвеселитца твое сердце въ крѣпости и въ чистей совѣсти и правой вѣре къ Богу. Тако глаголетъ Господь Богъ Вседержитель: Азъ есмь Богъ твой: аще хто призоветъ имя мое, спасетца и о имяни моемъ возрадуетца зило; вразумлю тя и наставлю тя на путь сей, въ онь пойдеши; утвержю на тя очи мои, и будеши благословенъ, наслѣдникъ своего прародителя благороднаго и равнаго Апостоломъ, Великого Князя Владимера. Онъ бо отъ невѣрія родися, и силенъ въ крѣпости показася; прежъ бо всѣхъ Бога позна, и не изнемогъ вѣрою, и не усумнѣся невѣрованиемъ, но возмогъ вѣрою, давъ славу Богови, и вся младенческая мудрованія оставль, и мужъ свершенъ явися, украсися божественнаго крещеніа багряницею, и до нынѣ въ веселіи предстоя у престола Величествія на высокихъ. Прежде бо испытуя, посла къ Царскому граду, хотя увѣдати православную вѣру, и обрѣте безцѣнный бисеръ Христа, и во вселенную посла, и всѣхъ призва, и просвети банею святаго крещенія, оттрясще слепоту во святѣй купилѣ, душевную въкупе и телесную, и всѣхъ научи вѣровати единому Богу, и вѣру утверди, языки укроти и миръ умири, и святые обители и Божіа храмы добрѣ соблюде и прослави Святую Троицу во единомъ Божествѣ: пѣти и славити пречестное и великолѣпое имя Отца и Сына и Святаго Духа. И кто доволенъ о семъ изрещи, или разумѣти, яко толь велико добродѣтельное тщаніе и по Христѣ ревность, основаніе вѣре, крестною непобедимою божественою силою недвижимо утвѣрди? И по Евангильскому словеси, яко самъ Господь рече: Всякъ убо, слышавъ словеса моя, и творитъ, уподобитца мужу мудру, иже созда храмину свою на камени, и сниде дожжь, и пріидоша реки, и возвѣяша вѣтри, и нападоша на храмину ту,—не паде: основана бо бѣ на камени. И той благовѣрный и боголюбивый прародитель твой, ревнуя поревнова по Господѣ Бозѣ Вседержителе, то великое православие, яко на камени, непоколебимо утверди, яко ни прежъ не бысть тако, и толь свѣтло утверженіе вѣре изложи, и крѣпкое основаніе Божественому Писанію по всей земли изъясни. И нынѣ малымъ нѣкоимъ небреженіемъ поколебася, и всяко ослабе и разпадеся, велико нѣкое безаконіе внезапу восташе, и мнози помрачишася безуміемъ и объюродѣша пьянствомъ и всякими грехи. И изнемогоша совестию, житіе свинское улучиша, прелюбодѣяніе Содомъское постигоша, и таково прелюбодѣяніе, яко ни

въ языцехъ именуетца, ни во всей поднебесней, ни въ поганыхъ вѣрехъ нигдѣ того не чинятъ. То и шутка, тѣмъ и поношаютца безстудно, вооружившеся и возшаташа на Бога, и хотяща имъ утаити сія, а не ведый, яко Пророкъ возгласи, яко Господь съ небесе приниче на сыны человѣческія видѣти, аще есть разумѣвая, или взыская Бога; и сіи мнози уклонишася вкупѣ и непотребни быша; нѣсть творяй благое, нѣсть до единого, ни ли разумѣваяй, и вси, дѣлающе безаконіе, снедающе люди моя въ хлѣба мѣсто, нѣсть въ устѣхъ ихъ истинны, сердце ихъ суетно, гробъ отверзтъ гортань ихъ, языки своими льщаху, ядъ аспиденъ подъ устнами ихъ; нѣсть бо страха Божіа предъ очима ихъ; извлекоша скверныя своя, яко оружіе, на Бога, и напрягоша луки своя, и внезапу состреляютъ его въ тайныхъ. И Пророкъ возгласи: Оружіе ихъ вниде въ сердца ихъ, и лупы ихъ сокрушатца, и обратятца болѣзни ихъ на главы ихъ, и на верхъ ихъ неправда ихъ снидетъ, яко жъ засвидѣтелствуетъ Павелъ: Яко не искусиша Бога имѣти въ разумѣ, тѣмъ же предасть ихъ въ неискусенъ умъ творити неподобная, исполнены всякоя неправды и любодѣянія, лукавства, лихоиманія, злобы, исполнены зависти и убійства, рвенія, льсти, шепотники, клеветники, богомерски досадители, величавы, горды, обретатели злымъ, родителемъ непокоривы, неразумны, невѣтохранителя, немилостивы, ижъ оправданіе Божіе разумѣвше и такова творящимъ, зане всяко, яжъ не отъ вѣры, грѣхъ есть; они жъ убо мудрьствуютъ паче, хотяще превратити истинну Господню во лжу. И не подобаетъ ли тобѣ, Великому Государю, праведную добродѣтель исполнити, и осквернившееся очистити и заблудившееся на рамо взяти и ко Христу привести, яко пять талантъ приемый отъ него, а десять вдаси ему; яко жъ Павелъ засвидѣтельствуетъ: Не обидливъ бо Богъ, не забыти дѣла вашего и труда и любви, яже показасте во имя его, и послужити святымъ его служаще. Желаемъ же кождо васъ являти то жъ тщаніе ко извещенію, упованіе до конца: да немощни не будете, подобницы наслѣдъствующимъ вѣрою и долготерпѣніемъ обетованіа. И по сему не ложному словеси Господню подобаетъ Великому Государю, ежъ подъ его великою областію о многихъ прилежати и въ разумъ истинный привести, понеже Государь—глава всемъ людемъ своимъ, избранъ Божіею благодатію, яко жъ и великій въ Царѣхъ Давыдъ, яже о немъ пишетъ: Избрахъ Давыда раба своего, сына Иесѣева, мужа по сердцу моему, яжъ сотворити вся хотѣніа моя, понеже отъ естества бяше незлобивъ, простъ, и кротокъ, и благоразуменъ, и чистъ

сердцемъ, и сего ради увирися * ему благочестіа величество, и многими дарованіи, невидимыми таинъствы вверенъ бысть; воспріятъ же его отъ стадъ отъ овчиихъ, и отъ доилицъ поятъ его пасти Иякова, раба своего и Израиля въ достояніе себѣ, упасе ихъ въ незлобіи сердца своего, и разумѣхъ, рукою своею наставилъ ихъ есть Божіею благодатію, и тѣмъ благоразуміемъ милости Божіи сподоби, и оба царствія отъ Христа получи, небесное и земное, понеже Богу противу единого погибшаго не бѣ достоинъ весь миръ 99 (ѵ҃ѳ) оставляетъ на горахъ, и идетъ въ слѣдъ взыскати погибшаго, нежели о 90 (ѵ҃) и 9 (ѳ҃) праведникъ не согрешившихъ. Множество аггелъ на небесѣхъ радуютца о единомъ грѣшницѣ кающемся; такоже и діаволъ веселіа полънъ бываетъ, егда погибнетъ человѣкъ; о семъ бо и самому Спасу свидѣтельствующу въ Благовестованіи: Яко нѣсть воля Отца моего, да погибнетъ единъ малыхъ сихъ; пріидетъ бо Сынъ человѣческий взыскати и спасти погибшаго и душу свою избаву за многихъ. Не пріидохъ бо, рече, призвати праведники, но грѣшныя на покаяніе; ибо не требуютъ здравіи врача, но болящіи; не придетъ сынъ человѣческъ душъ человѣческыхъ погубити, но спасти; понеже бо Отець безначаленъ, неописаненъ, необыменъ, нероженъ, непостижимъ, незримъ, недоведомъ, но присносоущенъ, самъ объдержа, самъ ничимъ же обдержимъ; аще бо и не вѣде, сей невидимъ бысть, яко же безтелесенъ, и безвещественъ, и неосяжимъ, и безъ количства, и безмѣренъ величъствомъ; но яко же по Богослову Ивану: Слово плоть быстъ, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу его, яко единочадаго отъ Отца, Сынъ родивыйся отъ Отца прежде вѣкъ, безъ тля, напослѣдокъ же воплотивыйся, по смотренію, отъ Дѣвы Матере непреложно, и насъ ради, человѣкъ, на земли явися и со человѣки поживе, нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплощшася отъ Духа Свята, изъ Марія Дѣвы вочеловѣчивыйся, себе смиривъ, образъ рабій пріимъ и въ подобіи человѣчестѣ бывъ, напослѣдокъ временъ, ни мало отступль Отчихъ нѣдръ, приклони небеса, и безъ шума сниде на землю, благоволеніемъ отъ Отца, воплотися отъ Богородица, содѣяніемъ Святаго Духа рождейся безъ сѣмени, яко жъ самъ единъ вѣсть, сугубъ естествомъ: яко же бѣ и есть свершена Бога и свершена человѣка; яко же восприятъ страшнымъ симъ смотрениемъ и восхотѣ отъяти поношеніе человѣческо по своему человѣколюбію, и не въсхотѣвъ погубити своего созданіа, иже

Вмѣсто увѣрися (по Новгородски, *и* вм. *ѣ*, какъ и више и ниже коегдѣ). О. Б.

видѣвъ родъ человѣчь, порабощенъ мучителемъ грехолюбнымъ, и пострадати изъволи своимъ самовластіемъ за человѣколюбіе, волею пострадавъ своею плотію, избавити возхотѣвъ отъ истлѣнія человѣчество, яко же засвидѣтельствуетъ Павелъ: Егда же пріиде кончина лѣту, посла Богъ Сына своего единороднаго, раждающагося отъ жены, бывающа подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ, да всыненіе пріиметъ, да яко же есте сынове. Посла Богъ духомъ Сына своего единороднаго въ сердца наша, вопіа: Авва Отецъ! Тѣмъ же убо нѣси рабъ, но сынъ и наслѣдникъ Божій и съ Христомъ; понеже бо великое се дѣло, человѣкъ у Бога всея твари честнѣйшій; не стыдитца бо Христосъ и братію нарицати насъ, глаголя: Возвещу имя твое братіи моей, и посреди церкви воспою тя. Яко же засвидѣтельствуетъ Павелъ, глаголя: Что есть человѣкъ, яко помниши, ли сынъ человѣчь, яко посещаеши? и: Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ аггелъ, славою и честію венчалъ еси его, и поставилъ еси надъ дѣлы руку твоею, вся покорилъ еси подъ нози его, и ничто же не остави ему не покорено, яко же индѣ свидѣтельствуетъ о человѣце; пишетъ его церковь Божию, и жилище, и домъ Божій, и храмъ Святаго Духа; ибо изперва Господь за благо созда человѣка, по образу Божію сотвори его; внутрь бо имать въ собѣ Отца, внутрь же и Сына - Архиерѣя, внутрь же и Духъ Святый истинный, животворящій, внутрь жертвеника честную совесть, внутрь оцыстилище грѣховъ, духовную слезу, внутрь же вышній Ерусалимъ, радостную душу, прочее же яко духовне духовныма очима духовныя жертвы приноситъ. О семъ бо навыкнемъ, яко правые вѣры ради, добрыми дѣлы съ любовію строитца домъ душевный, яко же о семъ и самому Спасу свидѣтельствующу о насъ: Се есть заповедь моя: любите другъ друга, яко же азъ возлюбихъ вы; больши сея любви никто же имать, аще кто положитъ душу свою за други своя; вы друзи мои есте, аще творите, елико жъ азъ заповедахъ вамъ; не къ тому васъ глаголю рабы; рабъ бо не вѣсть въ дому, что творитъ господинъ его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ; не вы мене избрасте, но азъ избрахъ васъ, и положихъ, да вы идѣте, и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ; да, его же аще просите отъ Отца моего во имя мое, дасть вамъ. Глаголеть же Святый Василей отъ Постныхъ: Понеже учимы есми такову любовь имѣти, яко и душу свою положити о друзѣхъ, молимся навыкнути, о таковыхъ друзѣхъ душа полагати должни есмя; се же убо еже до смерти любовь показовати о праведныхъ же и о грѣшныхъ научихомся, ничто же разсужающе; составляетъ бо, рече, свою любовь въ

насъ Богъ, яко же и свою душу Христосъ не отрекъся положити за насъ. О семъ бо свидѣтельствуетъ Петръ отъ Соборнаго Посланія: Христу убо пострадавшу за ны плотію, и въ ту жъ мысль вооружистеся, зане Христосъ пострада по насъ, вамъ оставль образъ, да послѣдуйте стопамъ его. Сій не сотвори грѣха, ни обрѣтеся лесть во устѣхъ его, и укоряемъ не укоряше, стража не прещаще, предаяшежеся судящему неправедно, иже грехи наша самъ възнесе на телѣ своемъ, на древѣ пригвозди, да, грѣхъ избывше, съ правдою поживемъ, его же язвою вы всѣ исцелисте. О семъ бо свидѣльствуетъ Иванъ отъ Соборнаго Посланія: Возлюбленніи возлюбимъ другъ друга, яко любы отъ Бога есть, и всякъ любяй, отъ Бога рожденъ есть, и разумѣетъ Бога, яко любы есть; о семъ явися любы Божія въ насъ, яко Сына своего единороднаго посла Богъ въ миръ, да живемъ о немъ; о семъ есть любы, не яко мы возлюбихомъ Бога, яко той возлюби насъ, и посла Сына своего оцыщеніе о гресѣхъ нашихъ. Возлюбленіи, аще сице возлюби насъ, и мы должни есмы другъ друга любити. Возлюбленніи, Бога никто жъ нигдѣ жъ видѣ; аще любимъ другъ друга — Богъ въ насъ пребываетъ, и любы его свершена есть въ насъ. О семъ бо разумѣемъ, яко въ немъ пребываемъ, и той въ насъ. И Павелъ засвидѣтельствуетъ: Тѣмъ же убо отметаяйся, не отъ человѣка отметаетца, но отъ Бога, иже давшаго Духъ свой Святый въ васъ, о братолюбіи, иже не требуете, да пишетца къ вамъ; сами бо вы Богомъ учими есте, ежъ любите другъ друга. Любяй друга законъ скончаетъ, яко жъ пишетъ: Возлюби ближнего своего, яко самъ себе; любы ближнему своему зла не содѣваетъ; исполненіе бо закону любы; ибо весь законъ во единомъ словеси скончеваетца: возлюби ближняго своего, яко самъ себе Аще языки человѣчески глаголетъ и ангельски, любви жъ не иматъ яко мѣдь звѣняща, или яко кимвалъ звяцая. И еще: имамъ пророчество и тайны вся и весь разумъ, и еще: имамъ всю вѣру, яко горы переставляти, любви жъ не имамъ, ничто жъ есмы; и аще ухлебаю вся имѣніа, и аще предамъ тѣло мое, да сожгутъ мя, любве же не имамъ, кая польза ми есть? Законникъ нѣкій вопроси Исуса: Учителю, кая заповедь больши есть всѣхъ въ законѣ? Исусъ же рече ему: Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслью твоею: се есть первая болшая заповедь; вторая жъ подобна еѣ: возлюби ближняго своего, яко и самъ себе: въ сію обою заповедию весь законъ и пророцы висятъ; болши сія ины заповеди нѣсть. И самому Спасу во Благовѣстованіи свидѣтельствующу: Слышасте, яко реченно есть: Возлюбиши

искренняго своего, и возненавидиши врага своего; азъ же глаголю вамъ: любите враги, благословите кленущая вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящая вамъ пакость и изгоняющая вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и на благія, и одождитъ на праведныя и на неправедныя. Аще любите любящая вы, кую мзду имате: не и мытари ли жъ тожъ творятъ? И аще целуете други ваша токмо, что лишше творите? Не язычницы ли то жъ творятъ? Будите убо свершени, яко Отець вашь Небесный свершенъ есть. Яко жъ Иванъ засвидѣтельствуетъ отъ Соборнаго Посланія, пишетъ о гресе смертне и о гресе несмертне, и о коемъ греси не подобаетъ молитися: яко не любяй ближняго своего нѣсть достоинъ званію, и не можетъ глаголати Христовъ; яко да вѣра ваша упованіе будетъ на Бога, душу вашу оцыстивши въ послушаніе. истиннымъ духомъ, братолюбие нелицемѣрно, отъ чиста сердца другъ друга любите прилѣжно, яко Моисѣй вѣрою великъ бывъ во Египте, отрекъ нарицатися сынъ дщери Ѳараоновы, паче жъ изволи страдати съ людми Божими, нежли имѣти временнаго греха сладость. Яко жъ великій во Пророцехъ Премудрый Соломонъ великъ разумъ улучи и чюдъне сотвори, единаго проси у Христа, той взыска и прилѣжно молися о семъ, ежъ въ своемъ царствіи разсудити люди своя въ правду, и напослѣдокъ милости Божіи насладися, и воспріятъ Царския престолы, и образъ обильнѣйшій чести получи, и отъ паденіа воста, и отъ согрешеніа исправися; яко жъ бо Христово стадо упасе, доброму пастырю Христу послѣдова, пастырь Христовъ наречеся. Яко жъ самъ Господь рече: Азъ есми пастырь добрый, пастырь добрый полагаетъ душу свою за овца, а наимникъ, иже нѣстъ пастырь, ему жъ не сутъ своя овца, видитъ волка градуща, и оставляетъ овца и бѣгаетъ, и волкъ расхититъ и распудитъ овца; а наимникъ бежитъ, яко наимникъ есть, не радитъ о овцахъ; азъ есмь пастырь добрый, знаю моя, и знаютъ имя мое; яко жъ знаетъ мя Отець, и азъ знаю Отца, и душу мою полагаю за овца; и иныя овца имамъ, яжъ не суть отъ двора сего, и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ: и будетъ едино стадо и единъ пастырь. Сего ради мя любитъ Отецъ, яко азъ душу мою полагаю за овца, да паки пріиму ѝ, и никто жъ возметъ ю отъ мене. Яко жъ пишетъ: добро и красно еже жити съ Богомъ. И сего ради подобаетъ Великому Государю свидѣтельство добро имѣти, яко же пишетъ: твердою вѣрою пріимати освященная словеса и разумѣвати о Бозѣ, и разсудити добру и злу. Яко же Анна, мати Самоилова, пророчествуетъ: Не хвались силный силою своею, ни богатый

богатствомъ своимъ, но о семъ да хвалитца хваляйся, еже разумѣти и знати Господа, и творити судъ и правду посреди земля. И симъ образомъ творя, много поживеши лѣтъ, и приложатътися лѣта животу, и воздасть ти Господь Богъ плодъ животный, и отъ чрева твоего истекутъ реки воды живы, и отъ чреслъ твоихъ изыдутъ сѣмяна плодовита, яко Пророкъ рече: Блаженъ еси, добро тебѣ будетъ, жена твоя, яко лоза плодовита, въ странахъ дому твоего сынове твои, яко новосажденна окрестъ трапезы твоея: се тако благословитца человѣкъ, бояйся Господа. Благословитъ тя Господь отъ Сиона, сотворивый небо и землю, и узриши сыны сыновъ твоихъ, и будеши благословенъ наслѣдникъ отечеству своему, и скипетръ царьствія удержиши, и небесное царьствіе получиши, по неложному словеси Господню, яко жъ самъ рече: Просите, дастся вамъ, ища, и обращете, и толкущему отверзетца; аще что просите во имя Мое, азъ сотворю, вѣруйте, яко восприемлете. И аще бысте вѣровали, и рекли бысте ягодичине сей: восторгнися и всадися въ море, и послушалъ бы васъ, яко жъ Самъ рече: Имѣйте вѣру Божію; аще кто въ мя вѣруетъ, дѣла, я жъ азъ творю, и той сотворитъ, и болша сихъ сотворитъ; аще кто отъ васъ и Царіе языкомъ изъ нея изыдутъ, молитеся, молитеся, глаголеть Господь людемъ своимъ, яко не словомъ токмо, но и дѣломъ показати вѣра; не послушницы бо закона, но творцы оправдаютца, иже не на лице зряще, имѣйте вѣру Господа нашего Исуса Христа славы; аще на лица зрите, то грѣхъ скончаете, обличаеми отъ закона, яко преступницы: желаете—не имате, убиваете, завидите—и не можете улучити, сваряетежеся и борите, и не имате; зане не просите; просите — и не приемлете, зане жъ влѣ просите. Любодѣйца и прелюбодѣйца, не вѣсте ли, яко любы—мирская вражда; иже бо восхощетъ другъ быти мира, то врагъ Божій бываетъ. И кая польза тебѣ, Великому Государю, и которая честь и твоему царству, который санъ, и которое величество, и которая корысть, развие гнѣвъ Божій воздвизаютъ, при твоей области, Православнаго Государя таковъ студъ содевающе: прелюбодѣяніе Содомское посреди многихъ людей и рабъ твоихъ; понежъ, въ которомъ царствіи ни буди таково безстудіе явитца, не можетъ вѣчно быти то царьствіе, и не можетъ крѣпко стати противъ недруга, и мнози недрузи о томъ возрадуютца. Яко же самъ Господь рече во Благовѣстіи: Иже нѣсть со мною, но на мя есть; иже не собираетъ со мною, расточающему уподобися. Понеже ближніи твои, Государски люди, Бояре и Воеводы ратные и изъбнѣ люди въ таково безстудіе уклонятца, и начнутъ таковъ неподобный студъ содевати, и съ нимъ начнутъ о

всемъ прилѣжно любовь держати; и въ такомъ лихомъ безстудіи подобаетъ всякому злу изъявитися, и великому твоему Государскому удѣлу не крепку быти, и тайны твоимъ рѣчемъ въ поношеніе быти, и во иныхъ земляхъ обнажатца; понеже нынѣ стоиши со многими, изымався за руку. И тебѣ, Государю Великому, которая похвала въ такихъ чюжыхъ неразумныхъ совѣтехъ, Бога прогневати, и которы надежды отъ Бога ждати, не сотворивый по воли его? Яко самъ Господь рече: Той же рабъ, видѣвый волю господина своего, и не сотворивый по воли его, бьенъ будетъ много. О семъ бо засвидѣтельствуеть великій во Апостолехъ Павелъ: Открываетъ бо ся гнѣвъ Божій съ небеси на всяко нечестіе и неправду, человѣкомъ держащимъ истинну въ неправду. Жены же убо измѣниша естественную подобу въ презъестественую; тако жъ и мужие, оставивши естественную подобу женьскаго полу, и разжегошася похотіею своею другъ на друга, мужи на мужи, и студъ содевающи и возмиздие, яко жъ пишетъ: Сѣдоша людіе ясти и пити, и восташа играти, и соблудиша. Сіа же образъ намъ бысть, еже не быти намъ похотникомъ злымъ, яко жъ и онѣ восхотѣша, и не соблюдоша, и падоша во единъ денъ гнѣвомъ Божіимъ 20 (к҃) тысячъ и 4 (д҃). И: не искушаемъ Бога, яко жъ ницы отъ нихъ искусиша, и отъ змій погибоша. И не ропщете тако же, яко жъ ницыи отъ нихъ поропташа, и погибоша отъ всегубителя. Сіа же вси образи прилучающихся онѣхъ написашася въ наученіе наше. И тебѣ, Великому Государю, которая похвала: въ твоей области, Православнаго Царя, поношеніе безстудное. И которой похвалѣ быти твоему Величеству. Ты о всемъ надежду и упованіе полагаеши на Бога, а людие твои, раби мнози, дерзновеніемъ, и небреженіемъ, и безстудными сквернами, удаляются отъ Бога, и раздражаютъ его, и нигдѣ сотворивый по волѣ его. Тако же пишетъ въ книзе Исаиа Пророка: Тако глаголетъ Господь: егда руцы ваши протягнете ко мнѣ, отвращю лице мое отъ васъ, и аще умножите молву, не услышу васъ. Отъ Притчей: Понеже звахъ, и не послушасте, и простирахъ словеса моя, и не внимасте, моимъ же обличеніемъ не вѣровасте; убо и азъ вашей погибели посмѣюся и возрадуюся, внегда аще придетъ вамъ пагуба. Яко аще придетъ вамъ внезапу мятежъ, и егда придетъ вамъ скорбь, и граду разрушеніе будетъ; егда бо призовете мя, и не услышу васъ. Поищутъ мя злія, и не обрящутъ; возненавидѣша бо премудрость, страха же Господня не вняша, ни восхотѣша моимъ внимати совѣтомъ, поругаша моя обличаніа; тѣмъ же убо снедаютъ своего ихъ плоды, и своихъ безчестій насытятца.

Не збыша ли ся вся сіа гнѣва Божіа наказанія надъ нами, и надъ

грады Твоими, и надъ имѣніемъ Твоимъ, грѣхъ ради нашихъ? И тебѣ, Великому Государю, которая похвала въ таковыхъ чюжихъ мерзостѣхъ? Въ гнилыхъ совѣтехъ неразумныхъ людей, рабъ своихъ, самъ себе хощеши обесчестити предъ враги своими. О семъ бо пишетъ въ Книзѣ Псаломстей: Аще бо быша людіе мои послушали мене, и Израиль аще бы въ пути моя ходилъ, ни о чесомъ же убо враги его смирилъ бы, и на стужающаа имъ возложилъ бы руку мою.

И Божіею благодатію, и Пречистыя Богородицы помощію, ты, Великій Государь, Боголюбовый Царю, всякаго зла ненавидяще татей и всякихъ лихихъ обличаеши, и всякую неправду изводиши и не щадиши во всемъ, а сихъ студоложныхъ попущаеши, отъ чего всей земли погибнути, яко и прежде Вселенскій потопъ и Содомское горѣніе; чего ради Ниневгитскій градъ и Вивсаидъ не стоитъ, и чего Іерусалимское нестроеніе и окрестные ихъ грады? О семъ бо засвидѣтельствуетъ Петръ отъ Соборнаго Посланіа: Аще бо Богъ аггелъ согрешившая не пощадѣ, но пленицами мрака связавъ, предастъ я̀ въ судъ, мучимыи блюсти, и перваго мира не пощаде, но осмаго Ноя, правдѣ проповѣдника, сохрани, и грады Содомскіе и Гоморскіе сожже, разореніемъ осуди, образъ хотящимъ нечествовати положи, и праведнаго Лота обидимаго, отъ нечистоты скверна житія избави: о семъ бо отъ Бытейскія Книги изъяви: Бысть, егда начаша человѣцы мнози быти на земли, и сынове Сиѳовы и дщери, сынове Божіи наречени суть, а Каиновы сынове и дщери сынове человѣчи суть, и положи Господь нарочита времяна и предѣлы житіа ихъ, и завѣща Господь не соединятися сыномъ Божіимъ со человѣческими сыны и дщерми, ни свататися съ ними, ни дружбы держати, ни сына своего женити отъ нихъ, ни дщери дати. Видѣвше же сынове Божіи дщери человѣчи, яко добри суть, и пояша собѣ жены отъ нихъ, яже избраша. И рече Господь Богъ: Не имать пребыти духъ мой въ человѣцехъ сихъ во вѣки, зане плоть суть; и потомъ: Яко вхождаху сынове Божіи ко дщеремъ человѣческимъ, и рождаху себѣ; видѣвъ же Господь Богъ, яко умножишась злобы человѣкомъ на земли, и помысли Господь Богъ, яко сотворю человѣка на земли; и размысли, и рече Богъ: да потреблю человѣка отъ земля, его жъ сотворихъ, отъ человѣка даждъ и до скота, отъ гадъ даждъ и до птицъ небесныхъ; Ное же обрѣте благодать предъ Богомъ, еже сый въ родѣхъ праведенъ, яко же пишетъ: Праведенъ Господь, правду возлюби, правая видѣ лице его; и инде пишетъ: Любяй неправду, ненавидитъ свою душу.

И тебѣ, Великому Гогударю, которая похвала? То ли великое твое Царство гнѣвомъ Божіимъ коснетца, за немощь сердца людей, рабъ твоихъ? Кое бо причастіе правдѣ къ безаконію, или кое пріобщеніе свѣту ко тмѣ? Во твоемъ Православіи великіа твоея области таково безаконіе Содомское вѣдая и разумѣвая, и совѣстію помрачишась, свинское житіе улучиша, явьно погибель собѣ составляютъ, яко жъ пишетъ: Горе будетъ привлачающимъ грехи своя, яко ужемъ долгомъ и яко стягнутомъ; горе глаголющимъ доброе зло, а злое доброе, полагающихъ свѣтъ тму, и тму свѣтъ, и помышляющимъ горькое слатко, а слаткое горько; горе премудръ о себѣ: не сама ли совесть ихъ обличаетъ, и не отъ своихъ ли устъ обличаютца и осужаютца? доброе хулятъ: женитву, а злое хвалятъ: прелюбодѣяніе, Содомскій грѣхъ; тмою зоветъ жену, а свѣтомъ зоветъ детину; горькое помышляетъ жену, а сладкое зоветъ прелюбодѣяніе, Содомскій грѣхъ. О семъ то самъ Господь рече: Мните ли, яко Галелѣянинъ сей грешнѣйшій паче всѣхъ Галелѣянъ бѣяше, яко пострадаше? Ни, глаголю вамъ; но аще не покаетеся, вси тако жъ погибнете, на нихъ же паде столпъ Силуамскій, и поби ихъ. Тогда Исусъ начатъ поношати градовомъ, въ нихъ же быша множайша силы его, зане не покаешася: Горе тебѣ, Хоразинъ, горе тебѣ, Вивсаидъ, яко аще въ Тире и Сидонѣ быша силы были, бывшая въ васъ, древле убо во вретище и попеле покаялись быша. Обаче глаголю вамъ: Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный, неже вамъ. И ты, Капернаумъ, еже до небесъ вознесешись, и до ада снидеши, зане, аще въ Содомехъ быша силы были, бывшая въ тебѣ, пребыли убо быша до днешняго дне. Обаче глаголю вамъ: яко земли Содомстей отраднѣе будетъ въ день судный, неже тебѣ. О семъ бо Исаия пророчествуетъ.*

И бѣяху старейшины Собору Леонтій Папа Римскій, Анатолій Патріархъ Константинаграда, Ивеналій Патріархъ Іерусалимскій, Максимъ Антіохѣйскій, Анастасій Митрополитъ Селунскій, и Стефанъ Ефесскій, на Діоскора и Евтихѣя жъ, еже Архимандритъ Константинаграда, и въ то жъ время во градѣ и въ окрестныхъ странахъ явися беззаконіе Содомское, яко блудъ творяще съ мужскими полы. Царь же повелѣніе таково испусти, и всѣмъ комуждо, обрѣтшимся въ таковой винѣ, повели ихъ срамно и люте истязати: многимъ повели и срамныя ихъ уда концы отрѣзати, а инымъ повели трости по-

---

* Такъ въ подлинникѣ. По видимому, за симъ есть пропускъ. Не умѣвъ связать смысла, я началъ въ новую строку.

остривше, влагати въ срамныя уды, во истеченіе водное, и тако срамотующе ихъ, позороваху; тако жъ инымъ на торгу нагимъ посмѣянымъ быти. Тѣмъ же и вельможи мнози обрѣтошася въ таковой винѣ, и Архіерѣй множство, и тако водима, позорующе, и злѣ умроша. И быше страхъ великъ на многихъ, и прочіи умудришась, и престаша отъ греха, и тако уставися сіи преестественый грѣхъ, яко и божественый Златоустъ во своемъ писаніи изъяви, зане же, кромѣ естества, беззаконное сочетаніе покрыло есть землю; проклятое и лютое желаніе прелюбы, вредоуміе творяще имъ; убо и скотины неразумнѣйшіи и псовъ безстуднѣйшіи; нѣсть бо свершенія въ нихъ и не сметаютъ своего естества. Сіи убо мужи убійцовъ злѣйши суть, и кой наречеши грѣхъ равенъ сему безаконію? Мужъ убійца душу отъ тела разлучаетъ, сей же душу съ тѣломъ погубитъ.

И тебѣ, Великому Государю, которая похвала: въ твоей великой области множество Божіихъ людей заблудиша? На комъ то ся взыщетъ? О семъ бо самъ Господь изъяви во Благовѣстіи: И всякому, ему жъ дано будетъ много, много и взыщетца отъ него, и ему же предаша множайша, множайша и спросятъ отъ него. Понеже Государь еси въ православной своей области, Богомъ поставленъ, и вѣрою утвержденъ, и ограженъ святостію, глава всѣмъ людемъ своимъ, и Государь своему царствію, и наставникъ крѣпокъ людемъ своимъ, и учитель, и ходатай къ Богу, и теплъ предстатель; понеже многое множество даровалъ ти Господь Богъ, и нарекъ тя пастыремъ, начальника, судью и пророка, и дивна совѣтника, вождя и учителя всемирна, и заблужшимъ наставника, и, аще упасеши, безъ труда спасешися, яко жъ пишетъ: Насытилъ еси насъ земныхъ твоихъ благъ, не лиши насъ и небеснаго ти царствія. Тамошное бо житіе, яко же пишетъ: единъ день паче тысяща лѣтъ здѣшнихъ; а мало и много здѣ поживши, и никако избыти смерти. И вѣрую Богу моему, по неложному словеси Господню: аще сотвориши се, искорениши злое се беззаконіе, прелюбодѣаніе, Содомскій грѣхъ, и любовниковъ отлучиши, безъ труда спасешися, и прежній свой грѣхъ оцыстиши, и великій даръ отъ Бога получиши, яко жъ разбойникъ при крестѣ Господни, малъ гласъ испусти, и великую вѣру обрѣте, единымъ часомъ спасеся; и, Божіею благодатію, все царствіе свое изнова просвѣтиши, и твое царствіе славою превознесетца, и во вѣки не подвижитца; и аще исправиши сія, вси врази твои падутъ подъ ногами твоими, и не возмогутъ возстати. Господь силъ съ тобою будетъ на всяко время, и дастъ же ти Господь по сердцу твоему, и весь совѣтъ твой испол-

нитъ, и возрадуешься о спасеніи Господа Бога твоего, и во имя Господа Бога своего возвеличишися; исполнитъ Господь вся прошенія твоя; понежъ престолъ твой правдою и кротостію и судомъ истиннымъ совершенъ есть. Сего смиряеши, а сего возносиши, яко же пишетъ: Боже, судъ Твой Цареви даждь, правду твою сыну Цареву, судити людемъ твоимъ въ правду и нищимъ твоимъ въ судъ. Царскимъ бо судомъ вся смиряетца.

Аще бы прародитель твой, Владимиръ Кіевскій, не обладалъ царскимъ судомъ, и не возмоглъ бы крестити Рускіе земли, и не бы равенъ былъ Апостоломъ. И сего ради Апостоломъ вѣренъ бысть, и великому Константину Царю, вѣрою и сродствомъ уподобися, и оба царствія отъ Христа получи, небесное и земное. Тако и ты не лишенъ будеши царствія: небесное и земное царствіе со славою держиши, и великій даръ получиши отъ Бога, и наслѣдникъ будеши своему прародителю, по неложному словеси Господню, яко жъ Господь рече во Благовѣстіи: Аще кто сотворитъ и научитъ, сей великій наречетца во царствіи небеснемъ; и, сія слышавъ прародитель твой, и возхотѣ разумѣти, по Евангильскому слову, и Божіею благодатію, и Пречистыя Богородица помощію, препоясався невидимою божественною силою, и оградився Духомъ Святымъ и силою крестною, вземше щитъ вѣры и мечь духовный, еже есть глаголъ Божій, и побѣди дьявола, и вся отъ сѣти непріязнены избави, и заблудившаясь обрѣтъ, и на раме вземъ, и ко Христу приведе, и Божіе знаменіе, человѣки, на всей землѣ своея области, отъ дьяволъ возхити, и всѣхъ просвети святымъ крещеніемъ, и діяволю радостъ помрачи, и въ плачь ему премени, и Божія люди изнова породи, и о Христѣ имъ радоватися повелѣ, и весь законъ исполни, по Апостолу, и написавъ положи, и укрепи, и заповѣда честно и крепко непоколебимо соблюсти; и донынѣ тѣ его книги всѣ Божественаго писанія, по святыхъ отецъ изложенью, еже они списавъ отъ всѣхъ странъ, со всего свѣта, по Евангильскому словеси, лучшія избраша, а злыя извергоша вонъ, и здѣ положиша, избранная та вся, посредѣ святыхъ церквей православныя вѣры, въ твоемъ царствіи и великіа твоея области: понеже и невѣренъ бывъ, и не учився отъ философъ, и множество закона исполни, и невѣрныхъ въ вѣру обрати, и всяку скверну человѣкомъ очисти, и всю землю свою чистотою просвети.-

А тебѣ, Великому, Православному Государю, истинному согласнику своего прародителя, по уставленному закону и по готовымъ книгамъ Св. Апостолъ, и по Св. Отецъ изложенію, и по исправленію

святыхъ божественныхъ правилъ, мощно тебѣ учинити и укрепити, и дьявола побѣдити, и вѣру совершити, неизправленное исправити и радость діавола искоренити, и о надежди Господа Бога веселитися; духовныя жертвы приносити ему во его волю, яко же пишетъ въ книзѣ животной псаломстей: Пожри Богови жертву хвалѣ, вздаждь Вышнему молитвы твоя, душею сокрушенною и духомъ смиренномъ, да пріати будемъ: всесожженіе не благоволиши, жертва Богу духъ сокрушенъ. И самъ Господь въ Благовѣстіи изъяви: Истинніи поклонницы поклоняютца Отцу духомъ и истинною: таковыхъ Отецъ ищетъ поклоняющихся ему; духъ есть Богъ: достоитъ ему духомъ и истинною поклонятися, яко жъ пишетъ: Милость мира жертва; и пѣніе: со духомъ твоимъ; имамъ ко Господу. И аще заповѣдаеши, сотворити и утвердити сіа, по Господню словеси, безъ труда спасешися, и прежній свой грѣхъ оцыстиши, и все царствіе изнова породиши, и къ Богу приведеши, да безъ срама речеши: Пройдохомъ сквозѣ огнь и воду, и изведе насъ въ покой.

А се тебѣ, Великому Государю, которая похвала? Въ твоей области православныя вѣры толико множество Божіихъ людей заблудиша, и Господню зданію діяволъ посмехаетца; они бо небреженіемъ заблудиша и неволею стражютъ, яко при Моисеѣ древле, яко же пишетъ: Обиташетъ же Ізраиль въ Саттимѣ, и осквернишася людіе блуженіемъ съ дщери Моавли, и послужи Ізраиль Всельѳегору, и разгнѣвася Господь яростію на Ізраиля, и се человѣкъ отъ сыновъ Ізраилевъ, и пришедъ, легъ съ Мадіанитынею, предъ братьею своею, предъ Моисѣемъ и предъ всемъ сонмомъ Ізральевыхъ сыновъ; сія же плакахуся предъ дверьми сѣни свидѣнія. Сіе жъ видя Ѳинеесъ, сынъ Елеазаровъ, внукъ Арона жерца, вставъ отъ среды сонма, и вземъ сулицу свою въ руцѣ, влѣзъ въ слѣдъ человѣка Ізраильтянина въ пещницу, и прободе оба человѣка, Ізраильтянина и жену Мадіанытску, сквозѣ утробы ихъ, и вмѣнися ему въ правду, и ста въ рядъ сыновъ Ізраилевыхъ. И быша тогда умроша вредомъ тѣмъ 24000. Имя жъ женѣ Мадіанитыни прободеней Хазви, дщери Ссуры, князя страны Сомохове, отъ дому и отечества его; имя же человѣку, его же уби Ѳинеесъ, Замбрій, сынъ Саломонь, князь дому отечества его сыновъ Семень. О семъ бо засвидѣтельствуетъ Павелъ: Не причащайтеся къ дѣламъ неподобнымъ, тмѣ, паче жь обличайте бывающая во отай, о нихъ же срамъ есть глаголати; вся же обличаемая отъ свѣта, являются. Сего ради не бывайте безумніи, но разумѣвающе, что есть воля Божія. Честна женитва и ложе нескверно, а лю-

бодѣмъ и прелюбодѣмъ судитъ Богъ; егда бо кто любодѣй, или сквернитель, яко же Исавъ, иже за ядь едину большинство сотвори, и по томъ, хотя наслѣдити благословеніе, и отриновенъ бысть, и покаянію мѣста не обрете, и со слезами поискавъ его, и не обрете. Отъ Коринѳскаго перваго посланія засвидѣтельствуетъ: тѣло же не любодіанію, но Господеви, и Господь тѣлу. Не вѣсте ли, яко телеса ваша удовѣ Христови суть? тѣмъ же убо уды Христовы сотворю уды любодѣица; или не вѣсте, яко прилепляяся любодѣицѣ, едино бо тѣло еста; будета бо, рече, въ плоть едину. Бѣгайте любодѣяніа: всякъ бо грѣхъ, иже сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть, а блудяй, въ свое тѣло согрѣшаетъ; или не вѣсте, яко телеса ваша храмъ, иже въ васъ, Святому Духу, есть, иже имате отъ Бога; и нѣсте себѣ; куплени бо есте цѣною. И индѣ засвидѣтельствуетъ: Братіе, не бывайте инако, яремъ носяще, яко же невѣрніи. Кое бо причастіе правдѣ къ безаконію, кое же общеніе свѣту ко тмѣ, кое жъ согласіе Христови къ Веліару, или кая часть вѣрну съ невѣрными, или кое служеніе церкви Божіи со идолы? Вы бо есте церкви Бога жива, яко же рече Богъ: вселюсь въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и ти будутъ мнѣ людіе. Тѣмъ же изыдите отъ среды ихъ и отлучитеся, глаголетъ Господь Богъ, и нечистотѣ не прикасайтеся; и Азъ пріиму вы, и буду вамъ Отецъ, и вы будите мнѣ сынове и дщери, глаголетъ Господь Богъ Вседержитель; то и пожнетъ, яко сѣявый въ плоть свою, отъ плоти своея пожнетъ истлѣніе, а сѣявый въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный. Мудрость бо плотцкая,—смерть, а мудрость духовная—животъ и миръ; понеже мудрость плотцкая вражда на Бога, закону Божію не повинуетца; тако жъ: похоть заченши раждаетъ грѣхъ, а грѣхъ скончався, раждаетъ смерть; аще по плоти живете, хощете умрети; аще духомъ плотцкая мудрованія умерщвляете, оживите; вы жъ нѣсте во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ. Аще ли кто духа Христова не иматъ, сей нѣсть Еговъ. Аще ли Христосъ въ васъ, плоть убо мертва, грѣха ради, духъ живъ, правды ради. Аще ли духъ воскресившаго Исуса изъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ, оживотворитъ и мертвыя телеса ваша, ради живуща его духа въ васъ. Глаголю же: духомъ ходите, и похоти плотскіе не совершайте; плоть бо воюетъ на духъ, а духъ на плоть. Братіе, боюжесь васъ, егда како мя, пришедши, смиритъ Богъ мой въ васъ, и восплачютца многи прежде согрѣшшихъ и не покаявшихся отъ нечистоты, и любодѣаніа, и студоложства, и содѣяша третицею. Се гряду къ вамъ: при устѣхъ же двою, или трехъ, свидѣтелей, станетъ всякъ

глаголъ. Прежде рѣхъ, и прежде глаголю, яко вы второе, и нынѣ сый, пишу прежде согрѣшившимъ и прочимъ всѣмъ: аще пріиду паки, не пощажу. И отъ Еврейскаго посланія пишетъ: Братіе, его же любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякого сына, его же пріемлетъ; аще наказаніе терпите, яко сыномъ вамъ обрѣтаетца Богъ; который убо есть сынъ, его же не наказаетъ отецъ? Аще ли же безъ наказаніа есте, убо любодѣйчища есте, а не сынове. Братіе, искушайте себе, яко же есте въ вѣрѣ, или не знаете себе, яко Исусъ Христосъ въ васъ есть? Аще кто растлитъ храмъ Божій, растли его Богъ; храмъ бо Божій святъ есть, еже есте вы. Братіе, запрещаемъ вамъ о имени Господа нашего Исуса Христа, отлучатися вамъ отъ всякого брата, безъ чину ходящаго, не по преданію, яже пріаша отъ насъ. Добро человѣку женѣ не прикасатися, прелюбодѣянія же ради кождо свою жену да имать, и каяждо свой мужъ да имать. Женѣ мужъ должную любовъ да воздастъ, тако же и жена мужу. Жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ; тако же и мужъ своими тѣломъ не владѣетъ, но жена; не лишайтесь другъ друга, точію отъ согласіа, ко времени; да празнуете въ постѣ и въ молитвѣ, и вкупѣ соберайтесь, да не искуситъ васъ сатана, за неудержаніе ваше.

Внимай убо себѣ, Благовѣрный Царю, какову Господь Богъ даруетъ крѣпость и помощь рабомъ своимъ, творящимъ волю его, а согрешающимъ, некающимся, каково наказаніе и великіе скорби посылаетъ на грѣшники, прещенія своего. Сбыстся вся сіа на насъ, грѣхъ ради нашихъ. Возста убо въ насъ ненависть, и гордость, и вражда, и маловѣріе къ Богу, и лихоимство, и грабленіе, и насиліе, и лжа, и клевета, и лукавое умышленіе на всяко зло, паче же всего блудъ, и любодѣяніе, и прелюбодѣяніе, и Содомскій грѣхъ, и всякая скверна и нечистота. Преступихомъ заповѣдь Божію, возненавидѣхомъ, по созданію Божію, свой образъ, и строимся женскою подобою, на прелесть блудникомъ, главу и браду и усѣ бреемъ, ни по чему не обрящемся крестьяне: ни по образу, ни по одіянію, ни по дѣломъ, кленемся именемъ Божіимъ во лжу, къ церквамъ Божіимъ не на молитву сходимся, паче на гнѣвъ Бога воздвизаемъ, блудники прельщаемъ, не очищаемся отъ грѣхъ, только стоящимъ со страхомъ на соблазнъ, ни прощенія во всякихъ злобахъ не творимъ, ни молитвы теплыя къ Богу не всылаемъ о своихъ гресѣхъ, нѣсть на насъ истиннаго крестнаго знаменія, по существу, персты управити по чину, вообразити Господне древо и животворящій крестъ, и Троица: Отца, и Сына, и Святаго Духа, и показати божество и человѣчество, и кре-

щеніе, покаяніе, Ердань, и Спасъ, и Предтеча, и вся сія святолѣпно въ руцѣ устроивъ, назнаменовати крестъ Христовъ: первіе на челѣ, потомъ на персехъ, на сердцы, тажь на правую плещу и на лѣвую, ино, по существу крестъ воображенъ, тѣлу на здравіе, а души на спасеніе, рукою себя перекрестити, а тѣломъ поклонитися Господу Богу, а умомъ молитися отъ всея душа и отъ всего помышленія: близъ Господь боящихся его, и уповающихъ на милость его. Мы жъ вся сіа презрѣхомъ, и суда Божіи не воспомянухомъ, ни часа смертнаго не убояхомся, и страшныхъ и неизглаголанныхъ мукъ, уготованныхъ діаволу и аггеломъ его и творящимъ волю ихъ. Вся сія забыхомъ, писанію божественому и ученію отъ Святыхъ Отецъ не внимахомъ. Какіи казни и всякіа наказаніа Господь наведе, грѣхъ ради нашихъ: ово плененіе поганыхъ, безпрестани сѣча и кровопролитіе, и церквамъ Божіимъ разореніе, и всякіе святыни пропраніе, и истопленіе, и пожженіе, и всякіе священническіе, и иноческіе, и Христіанскіе души, и Князей, и Бояръ, и всякаго возраста человѣческаго плениша, и поругаша, и осквернища: нѣсть имъ помилующаго, ни заступающаго, а оставльшихся сильніи сами своихъ плѣниша и поругаша, и всякими насиліи, лукавыми коварствы мучиша. Слезы, и стенаніе, и вопль ихъ Господь услыша, и посла гладъ на землю и моръ, и всякому богатеству и плоду земному, и скоту, и звѣремъ, и птицамъ, и рыбамъ, всему оскудѣніе дарова, и пожары великіе и межъусобныя брани.

Вся сія законопреступленіа хощетъ Богъ тобою исправити, и отъ грѣха всѣхъ свободити. Ты жъ убо, Благоутробный Царю, пролей слезы теплыя къ Создателю своему, и воздай молитву отъ всея душа и помышленія, яко да наставитъ тя исправити сіе, и заблужшихъ души на покаяніе привести, и отъ вѣчныя муки избавити, и Божію милость получити, со всѣми рабы своими, о Христѣ Исусѣ и о Господѣ нашемъ, ему же слава и держава со Отцемъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ. Аминь.

Сіе убо писаніе прочетъ, и разсуди себѣ, и умолчи до времени. Благоволитъ Богъ въ духовнѣ совѣте, о Бозѣ откровенно ти будетъ, на радость души твоей.

II.

ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ БОРИСОВИЧУ.

Благовѣрнаго Царя, Государя нашего, Великаго Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, Боярину и Намѣстнику и Воеводе Казаньскому, Государю моему, Князю Александру Борисовичю, Благовѣщенъской Попъ, послѣдная нищета, грѣшный, неключимый, непотребный рабъ Селивестришко, многое метаніе до лица земли простираю общему Владыцѣ всѣхъ, Христу Богу нашему, своимъ недостоинствомъ, еже о полезныхъ ти. Дивлюся великому твоему неизреченному милосердію, и великой твоей о Христѣ духовной любви, еже бысть ми отъ тебе, Великого Господина; и паки удивляюся о семъ, како въ таковѣ велицей славѣ и неизреченней благодати, Богомъ почтену ти сущу, и благочестивымъ Царемъ прославлену, и всѣми людми удивляему по достоинству праотечества вашея чти, наипаче же лѣпо тако тому тебѣ быти по твоему богодарованному разуму и мудрому смиренію, како, не возгнушась нашею худостію, и въ воспомяновеніе пріидохъ ти, посетилъ еси убожество мое святымъ своимъ честнымъ писаніемъ, и известилъ еси свое душевное спасеніе и телесное здравіе, велми о семъ порадовахся, и сердечныя слезы проліахъ, еже збыстьмися отъ тебѣ сіа. Достоитъ тебѣ тако творити по Евангильскому словеси, яко же рече Господь: Нага одѣсте мя, алъчна напитасте, гладна накормисте, болна и въ темницы посетисте мя. Тако же язъ, грѣшный, нагъ добрыхъ дѣлъ, алченъ и жаденъ духовныя пищы, боленъ душею, въ темницы неразуміа поверженъ быхъ. Ты убо призря на мое смиреніе, хощеши вѣчней славе отъ Бога возмездія сподобитися. А еже желаеши отъ мене писанія, коея ползы чаеши отъ мене? Отъ грѣшнаго спасеніе не бываетъ, а отъ болнаго здравіе, а отъ ненаказаннаго—полезнаго слова. А духовная польза, еже дарова тебѣ Господь, всегда во устнѣхъ твоихъ, и въ души, и въ разумѣ твоемъ. И насъ ненаказанныхъ пользуй, спасенія ради душа своея.

А еже убо издалека зрѣхъ и овогда слышахъ благоразумное твое и премудрое писаніе къ Царю, и къ ближнимъ твоимъ, наслаждихся сего и порадовахся, и всячески удивихся многимъ твоимъ трудомъ и великимъ подвигомъ, иже строиши и утвержаеши градъ и живущихъ въ немъ, по Царьскому наказу, и по своему, Богомъ дарованному, разуму. Велми о семъ Государь и вси ближніи благодарятъ твоего разума дѣлу о всемъ. И о воинствѣ тако жъ устраяеши.

Настоящее да глаголетца, еже вручено ти есть, по Бозѣ, отъ Государя. Глаголю сице о томъ, и прилагая древнее Божіе благодѣяніе къ нынешнему настоящему, Богомъ чюдодѣйственному дѣлу, яко же, по Божественемъ Господни на небеса вознесеньи, ученики его святыми Апостолы, яко жъ молніа, всю землю обыде ученіе ихъ, потомъ же, многимъ лѣтомъ прешедшимъ, царіе и мучителіе землю содержаше, и возбраняюще проповѣдати о православной вѣре, и содержащихъ, зѣло мучаху Христіаны, аки злодѣя, во юзилищихъ водяще, и мнози мученицы тогда процветоша: сія жъ бысть область темная, дажъ и до лѣтъ Великого Царя Констянтина. Егда жъ возсія благодатный свѣтъ въ сердцы блаженнаго и великаго Царя Констянтина, и воспріатъ святое крещеніе отъ божественаго Силивестра, тогда многое и безчисленое множество Еллинъ обрати ко Господу Богу, и просвети святымъ крещеніемъ, и сицеваго ради благочестіа великому Царю Констянтину, въ мѣсто копія, крестъ бысть держава и утверженіе; тѣмъ бо утвержаяся царьствовалъ, противныя же и невѣрныя языки симъ побѣжалъ: таковою жъ виною «богомудрый» наречеся. Той бо великій Царь Констянтинъ егда на брань исхождаше, Бога на помощь съ сокрушеніемъ сердца призываше; и егда побѣждаше, наипаче смиреніе показоваше, но паче умиленно и со смиреніемъ всяцымъ, глаголя, и на листѣхъ пиша: «Азъ, благочестивый Царь, Констянтинъ, силою крестною, и иже на немъ пригвожденнаго Христа Бога нашего, поганскій градъ разорихъ, и жителя его святымъ крещеніемъ просветихъ.» Не о семъ бо, доблій онъ, прославляшеся, еже грады подъ ся покорая, но о семъ паче, еже живущая въ нихъ святымъ крещеніемъ просвети: едино бо единаго высъше есть. Аще градъ взя, отъ человѣкъ славу воспрія; крещеніемъ же просвети, отъ Небеснаго Царя славы сподобися, со Ангелы вѣнчася, со Апостолы причтеся. И что есть сего честнѣе, еже отъ Христа славу воспріати и толицыхъ Святыхъ ликовомъ сочетатися? Ни что же бо тако пользуетъ православныхъ Царей, яко же се, еже невѣрныхъ въ вѣру обращати, аще и не восхотятъ; не ложъ бо есть Господне слово, глаголющее: Аще кто произведетъ отъ недостойнаго достойное, яко уста моя будетъ; зѣло бо хощетъ сего Богъ, дабы вся вселенная наполнилася православіа; но ожидаетъ отъ коегождо въ человѣцехъ добраго произволенія; исполняющимъ бо заповѣди его щадитца венецъ правды. Мы же паки выспре возведемъ слово; пѣснописецъ бо похвалу Кресту слагая, Констянтину же венецъ плетый, глаголеть сице: Зарями нетлѣющами явлься божественный крестъ сумрачнымъ языкомъ; сіи рече: еще тогда Констянтину не спо-

добльшуся святаго крещеніа; зара жъ нетлѣнны зоветъ крестный образъ, иже явися на небеси, паче солнца, побѣду показуя ему, глаголя: «Симъ побѣжай!» и яко же рече: «Ты победиши, тако и по тебѣ держащеи благовѣріе сице победятъ!» О семъ бо пѣснописецъ онъ, пророчествуя, изрече о Христолюбивомъ Російскомъ царствіи, хотящемъ быти въ послѣдная лѣта, измѣновая жъ, рече, глаголя: «Превзыдутъ бо людіе, Христа Бога во обновленіи, вопіаху, крестомъ ограждаеми.» И не збыстъ ли ся пророчество пѣснописца онаго? По истиннѣ збыстся во дни наша. Нынѣ убо Христолюбецъ, державный Государь нашь, Самодержецъ всея Росіа, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, Божіею благодатію уподобися Царю Констянтину: тою жъ Царьскою багряницою обложенъ есть, то жъ правовѣрія хоругви въ руку своею благочестно содержитъ; отъ начала бо и до нынѣ та же благодать способствуетъ; въоружибося всесильно божественною силою и всеоружествомъ Жывотворящаго Креста, и безчисленая варварьская нахожденіа и противъ ополченіа крѣпце победи, и градъ Казань разори своимъ благородіемъ и вашимъ храбрѣствомъ, и враговъ своихъ до конца погуби; самъ бо безлѣностно воинѣствуя, и озлобляемъ, самовольнѣ многія скорби по своемъ православномъ царьствіи доблественѣ претерпѣвая, купно же и вашимъ подвигомъ, мужественѣ пособствующу ему, сугубы добродѣтели сотвористе своимъ воинствованіемъ, ово супостатомъ страшни показастеся, ово мудрованіа всего воинства своего бодренѣйше и зело храбрствено сотвористе; и аще убо Констянтина Царя воспомянухомъ, подобаетъ же намъ здѣ и Царя Давыда на среду привести: колико пострада, отъ Саула гонимъ; что послѣди сотвори? Еда мало лукавствова о сихъ, или возмездіе воздасть? Никако же! Скончавшуся убо Саулу, не точію не уби никого жъ отъ рода его, но и множае, о кіихъждо сповѣдаша ему сродницехъ его, вящшее милованье преподастъ; внука бо его, хрома суща и вредна ногама, въ храмину свою введъ, и единотрапезна сотвори, и велицей сподоби чести, и не стыдяшеся, ниже закрывашеся, ниже трапезу мняше посрамляти царскою вредомъ отрока, но красяшеся и величаше паче; ибо и кождо отъ створяющихъ ему, веліе, любомудрствова, учительство пріемля, отхождяху; зряху бо во внука Саулова, ижъ толика зла содѣлавшаго Давыду, толики воспріемлюща отъ него чести, и зело благодарствено нѣкое хваленіе Давыду привношаше; аще бо, рече, и отъинуду ему пищу повелѣлъ бы пріимати, и жытомѣреніе уставилъ уряждено, много и веліе было бъ ему благо и се; а еже и на самую свою того возвести трапезу, премножство имать любомудріа. Видѣ-

хомъ же и въ новей благодати подобно древнему содѣвающееся, еже сотвори Благочестивый Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи: каково навѣтованіе отъ враговъ своихъ подъятъ, и како ратоваша много лѣта на царство его Крымскій Царь и Казанскій, и Нагаи, и колики неизчетны проліяша крови Христіанскія: и что творяше благочестивый онъ Самодержецъ? Егда живымъ сущимъ врагомъ его, мнозими дарми добле сихъ утоляше, аки ничто жъ отъ нихъ стража; умершимъ же онимъ, гнѣвомъ Божіимъ, различными казньми, на дѣтехъ ихъ благодательство показуетъ; не сына ли Сафа-Киреева, Царя Атигиреа, нареченнаго во святомъ крещеніи Александра, въ полату свою введь, не единотрапезна ли того у себе сотвори? Не отъ руку ли своея Царскія по вся дни того питаетъ и, что есть трапезы оного святѣйше, южъ враговъ его сынове обступаютъ! И не токмо трапезы своея того сподоби, но и святымъ крещеніемъ его просвети, и въ разумъ истинный приведе поклонятися и почитати Христа Бога нашего, и Пречистую Богородицу, и всѣхъ Святыхъ, и утвержатися въ Православной вѣре истиннаго, праведнаго закона. Что жъ благословеніа оного честнѣйши, въ немъ же толика кипяху благотвореніа! Ангела паче, нежели человѣка споспѣшествующаго бѣ; еже бо лобзати и любити сыновы враговъ своихъ, иже тмами того ратовати начинающихъ, во ангильскомъ ономъ лицѣ того приготовляетъ пребывати; многу привлачитъ на ся отъ Бога пріятность, и венцемъ увязеніе тмами пріемлетъ, отъ всѣхъ молитвы, не отъ благопріемлющихъ точію, но и отъ зрящихъ. По истиннѣ велико дѣло содѣла Благочестивый Великій Царь, еже любити сыны враговъ своихъ. Сіе же ему благодательство во ономъ дни предстанетъ пришествія Христова, и многа разрешитъ отъ согрѣшеній его; совершилъ бо заповѣдь реченную самѣмъ Богомъ Господемъ нашимъ: Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ; и паки иныхъ многихъ злолютыхъ своихъ врагъ, кровопивецъ Христіаньскихъ: Царя Казанского Едигенаря, нареченнаго во святомъ крещеніи Семіона, и съ нимъ Крымскихъ, и Казанскихъ, и Нагайскихъ Князей и Мурзъ, и ихъ детей плененыхъ, святымъ крещеніемъ освятилъ, и во благочестивой вѣре наказуетъ, и въ духовнѣ разумѣ просвѣщаетъ, враги въ раби претворяетъ, волки овцамъ, стаду Христову, присовокупляетъ. И кто не почюдитца, кто не похвалитъ, кто не испуститъ слезъ, Бога благодарствуя, видя такова преславная содѣвающася во дни сія? И по толикихъ великихъ чюдесѣхъ, и по велицей Божіей милости, еже соверши граду сему Казанскому Царскимъ повелѣніемъ, а вашимъ храбрьствомъ и мужествомъ, наипаче твоимъ крѣпкимъ воеводствомъ и сподручными ти.

Егда же многажды приходяху Татаровѣ и Черемиса, безчисленое многое множество, съ лѣсу, на Христіаньское воинство, близъ Царскихъ и вашихъ воеводцкихъ становъ, и много пакости дѣющимъ, дарова тебѣ Господь великую побѣду сотворити надъ ними: безчислено сихъ множество побіени быша, и многіе Татарове и Черемиса живы пойманы быша: яко же во второй пѣсни пишетъ: Единъ поженетъ тысещу, и два двигнета тмы; аще не Богъ отдасть ихъ, и Господь предасть ихъ на Арскомъ поле; и Арскій острогъ уподобися граду, разорену ему бывшу; и многіе мѣста попленены быша; и многіе Татарове побіени быша, и овіи въ плѣнъ приведени вами. И што много глаголати о семъ? на передная возвратимся. Древняя злоба вся низвержеся и безъ вести бысть. Нынѣ убо собнови Православный Царь градъ сей, Казань, Христіанскимъ закономъ, а Огорянскій попра, и согради святыя церкви, и украси святыми иконами и святыми книгами, и всякою лѣпотою по чину церковному, и устрои священническій чинъ, славити въ Троицы единаго Бога, Отца, и Сына, и Святаго Духа, и Пречистую Богородицу, и Честнаго и Животворящаго Креста Господня, и святыхъ небесныхъ силъ, безплотныхъ, и всѣхъ Святыхъ, отъ вѣка Богу угодившихъ, и приносити безкровная жертва, и божественная литоргія совершати, и молебная всегда пѣти за Православнаго Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, и за его Царицу, Благовѣрную Великую Княгиню Анастасѣю, и за ихъ Богомъ дарованное чадо, и за братію его, и Бояре и доброхоты, и за все Христолюбивое воинъство, и за весь священническій, иноческій чинъ, и за вся крестьяне, и о еже сохранитись граду сему, и всякому граду и странѣ, и окрестнымъ мѣстамъ града сего, отъ глада, губительства, труса, и потопа, огня, и меча, и нашествіа иноплеменникъ, и межъусобныя брани, и напрасные смерти, и смертоносныя язвы, и отъ всякого зла, и о еже милостиву и кротку, и благопремѣнну быти человѣколюбцу Богу о гресѣхъ нашихъ, и отвратити праведный свой гнѣвъ, и избавити насъ належащаго праведнаго его прещенія, и помиловати насъ. И сій, новонасажденный виноградъ, и великій градъ, и пресловущее Царьство Казаньское, и со всѣми окрестными веси, и со всѣми людми, и все Христолюбивое воинство, и всю Царьскую казну, и все стяжаніе во граде семъ и въ селехъ, Православный, Благочестивый Царь вручи тебѣ, вѣрному своему рабу и доброхоту, и строити, и блюсти, и хранити отъ супостатныхъ врагъ, яко же Господь преда Моисѣю Израилтянъ. Ты жъ, благодарне, и велемудре, и благопослушне, проси у Бога помощи и разума, и смиренныя мудрости; и даровалъ бы ти Господь храб-

рость Исуса Наввина, кротость Давыдову, мудрость Соломоню, терпѣніе Іевле, страннолюбіе Аврамово, смиреніе самого Христа. Аще волю его сътвориши, и животъ вѣчный получишь, и преданное ти Государемъ Царство сіе мудре устроиши, и добре соблюдеши. Яко же Александръ Македонскій, тезоименитъ ти, храбрѣ воинъствова, тако и тебѣ дарова Господь; ты жъ, благоразумне, о семъ ни разгордися, ни развеличайсь, ни превознесися мыслью, но имѣй смиренную мудрость, яко же рече Господь: На кого призрю? На смиреннаго и покорливаго и трепещущаго моихъ словесъ; и паки рече: Господь гордивымъ противитца, а смиреннымъ даетъ благодать. Смиряяйся вознесетца, а возносяйся смиритца. Приточьникъ рече: Буди при славѣ смиренъ, а при печали мудръ. Великое богатество человѣку умъ. Сматряй въ себѣ. Извѣстно, яко всѣхъ человѣкъ мудрость есть честнѣйшы: всѣ убо, яко благу, похваляютъ ю; не всѣ убо стяжати тую тружаютца; его жъ убо, вмалѣ обрящеши тую стяжавшаго, не токмо убо самъ, Господине, тщися мудрость жительницу имѣти, но тую стяжавшаго съ любовію всякою почитай; таковый бо тя можетъ пользовати. Слыши, что глаголетъ Димокритъ философъ: первыи князю подобаетъ имѣти умъ ко всѣмъ временнымъ, а на супостаты крѣпость, и мужество, и храбрость, а къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ; добродѣтель есть лутчы всякого сана Царскаго. Ничто жъ тако пользуетъ человѣка, яко жъ самому себе розсужати; аще ли не тако, то далече есть таковый благаго разума. Не поноси, Господине, человѣку, но преже разумевай, потомъ обличай, да не частымъ болѣзнемъ впадеши. Не тако мирская красная, яко же добродѣтелное богатство Князя украшаетъ. Красота и украшеніе или лѣты, или болѣзнью увядаетъ, богатество же—унынія, сластемъ есть отецъ; сребролюбивый бо Князь ни Бога боитца, ни Святителя чтитъ, ни чадъ жалуетъ, ни челядь свою милуетъ, ни наказанія требуетъ, ни своего живота управитъ. Таковый не можетъ накормити и напоити алъчна и жадна, и нага не одежетъ, и нужнаго ни чимъ не упокоитъ. Уне богату мясъ своихъ урѣзати, нежели, видя нужна, помиловати, и милостива къ себѣ Бога имѣти. Аще хощеши о себѣ Бога милостива, милостивъ буди о послушныхъ ти самъ. Аще убо и владатель уставленъ еси Богомъ, но и срабенъ еси; единаго бо Владыку всѣхъ точію имѣемъ вси человѣцы: перстъ нашего рода единъ есть праотецъ.

Чиста, Господине, себе соблюдай не токмо тѣломъ, но и самую мысль и душу. Яко жъ разтлѣнное житіе разлучаетъ отъ Бога, тако и въ чистотѣ житіе приближаетъ къ Богу. Да будетъ убо свѣтъ твой

сіяя предъ человѣки, иже подъ рукою ти. Аще ли же имаши прилежати сей мудрости и симъ словесемъ, то не токмо чище явишися, но истинной столникъ будешь честнымъ и благочестивымъ Княземъ. Яко же цѣломудрый Іосиѳъ, Царь Египетцкій, сынъ Іяковль, таковъ же и ты буди.

Еще воспомяну ти, любимиче: вручи тебѣ Благочестивый Царь сіе Казанское Царьство великое, и все Христолюбивое воинъство, и многоименитый народъ, вѣрніи и невѣрніи, тако жъ и градъ Казань, со окрестными веси, въ немъ же святыя, божественныя церквы и освященный соборъ, и все Христоименитое исполненіе Христіанскаго праведнаго закона утвердити и укрепити во благочестіи, и во исправленіи, по преданію Святыхъ Отецъ и по праотеческимъ закономъ устава Православныхъ Царей: и тебѣ убо достоитъ, прося у Бога разума и крѣпости, священническому чину возвещати, чтобы у нихъ было церковное благочиніе по уставу, и свое жительство по святительскому наказанію и по преданію, что имъ предана херотѣнѣя отъ святителя: взирая въ ню, всегда исправляти себе и духовныхъ детей и вся Христіане поучати, и наказывати по правиломъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, по Божественному Писанію, яко жъ Святыми отцы предано, и по Соборному Уложенью; а та книжка Соборная есть списана въ новомъ городѣ въ Свіяжскомъ, у Протопопа. Наипаче священническому чину во всемъ собою образъ показати всякому благочинію. Исусъ преже нача творити, та же и учити: а намъ тако жъ подобаетъ творити, да не о насъ речено будетъ: Горе вамъ, книжницы и фарисѣи, яко вскладаете убо бремена тяшка и неудобь носима, и сами ни единымъ перстомъ касаетеся двигнути бремянемъ тѣмъ: сіе убо нѣсть учительски. Апостолъ Павелъ рече: Таковъ убо намъ подобаше первосвященникъ: преподобенъ, беззлобивъ, безскверненъ и отлученъ отъ грѣшникъ, иже не имать по вся дни нужа; подобаетъ ему преже о своихъ гресѣхъ жертва Богу приносити, тако жъ и о людскіихъ; и паки рече: Подобаетъ бо Епископу безъ порока быти, яко Божью приставнику: не напрасливу, не гнѣвливу, не піаницы, не бійцы, не скверностяжательну, не ризоимцу, не сребролюбиву, не завистливу, говѣйну, страннолюбиву, учительну, боголюбиву, цѣломудрену, праведну, преподобну, воздержательну, пособствующу по вѣрнемъ словеси ученіа своего, дома добре правящу, чада имуще въ покорені, со всякою чистотою: аще бо кто своего дома не умѣетъ правити, како о церкви Божіи прилежати возможетъ? Подобаетъ убо намъ преже себе исправити, тако жъ иныхъ научати, да

силенъ будетъ и утѣшити въ здравемъ ученіи, и противящась обличати; суть бо мнози непокориви, суесловцы и умолестцы. И паки рече Апостолъ: Яко въ послѣдняя времена настанутъ времена люта; будутъ убо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, облазиви, горди, хульницы, родителемъ противящеся, неблагодарни, непреподобни, нелюбиви, невѣтохранители, продерзливи, вознесливи, сластолюбцы, паче же не боголюбцы, имуще только образъ благочестіа, силы же его отвергъшеся; сихъ бо непокорныхъ подобаетъ отвращатися; сіи убо, насилницы, попирающе домы вдовицъ и пленяющи нищихъ; паче же Христіанъ насилуютъ всякимъ немилосердьемъ. Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотемъ изберутъ себѣ учителя, и отъ истинныхъ слухъ отвратятъ и къ баснемъ же уклонятца. И собывается въ нихъ пророчество Исаино, глаголющее: Слухомъ услышите, и не имате разумѣти, и зряще узрите, и не имате видѣти; отолстѣ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежиша: еда когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ разумѣютъ, и обратятца, и исцелю ихъ. Ваша же блаженная очеса яко видятъ, и уши ваши яко слышатъ: таковымъ проповѣдай слово, настой, понуди, во благо время и безвременне, обличи, запрети, умоли, во всякомъ долготерпѣніи. Рече Господь: Иже убо аще разоритъ едину заповедей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній наречетца во царствіи небеснемъ; а иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречетца во царствіи небеснемъ. И паки рече: Аще бо отпущаете человѣкомъ согрешенія ихъ, и отпуститъ и вамъ Отецъ вашь небесный; аще не отпущаете человѣкомъ согрешенія ихъ, ни Отецъ вашъ оставитъ вамъ согрешеній вашихъ. Аминь глаголю вамъ: Елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будутъ разрешена на небеси. Тогда приступль къ Нему Петръ, и рече: Господи, колькраты согрешитъ въ мя братъ мой, и отпущу ему: до седмь кратъ ли? Глагола ему Исусъ: не глаголю тебѣ до седмъ кратъ, но до седмьдесять кратъ седмицею. Будите убо щедри, яко жъ Отецъ вашъ небесный милосердъ есть.

Господь же да исправитъ ваша сердца въ любовь Божію, и въ терпѣніи Христовѣ; должно бо есть Ереомъ, отъ Бога порученное имъ Христово стадо словесныхъ овецъ, истинному пути учити безъ лѣности; а учимымъ отъ нихъ со вниманіемъ, благоговѣйно послушаніе имѣти, и дѣломъ творити заповѣди Божіа. Аще кто умѣетъ божественнаго писанія, довлѣетъ къ спасенію, прочитая Евангилскія заповѣди, и Апостольскаа преданія, и Отеческая ученія, и прилежно у

Бога прося разума къ полезному, можетъ обрести путь спасенія, и жизнь вѣчную наслѣдитъ, юже получиша отъ вѣка вси, угодивши Богу мужіе и жены благими дѣлы. А о се обще Господомъ моимъ молю, и челомъ бью всему священническому чину, и Княземъ, и Бояромъ, и всѣмъ Христіаномъ. Священницы убо блази должни суть быти, милосердни, братолюбиви, нищелюби, и страннолюбни, благосерди ко всѣмъ, и милостивни, обращающая заблужъшая, посещающе немощныя, не презирающе вдовъ, и сиротъ, и нищихъ, добромысляще присно предъ Богомъ и человѣки, уклоняющеся отъ всякого гнева и лицемѣрія, отъ суда неправедна и отъ сребролюбія, не пріемля скоро суетнаго слышанія, ниже на судѣ жестоцѣмъ быти, вѣдущи, яко повинни есмы греху. Аще убо молишися Господеви, да оставляетъ намъ, должны есмы и мы оставляти: предъ очима Господа Бога нашего есмы. Преже бо о себѣ должни суть Священницы умолити Бога, потомъ же о людехъ. Яко жъ убо Священницы имѣютъ дерзновеніе къ Богу молити за согрешеніе людско, тако жъ имъ достоитъ печаловати и молити и всячески увещати земныхъ властей о побѣдныхъ, и о повинныхъ, и о обидящихъ. Аще не послушаютъ, ино обличити и запретити, яко же Златоустый Иванъ пострада за вдовицу, и въ заточеніи бысть; яко же рече Господь: Ты еси пастырь добрый, душу свою полагаеши за овца, и прочая; вы же не токмо бѣдному, но и властельску душу спасете, и сами отъ Бога милость получите. Не послуша моленія Златоустова Евдоксія Царица: что пострада? Властели, внимайте убо себѣ сіе! И паки рече Господь: Не сотворшимъ милости, нѣсть милости; хвалитца милость на судѣ, и прочая.

Тако жъ, Господіе мои, Князи и Властели, милованіе, и заступленіе, и правду покажите на нищихъ людехъ, яко жъ о нихъ промышленіе пріемше отъ Бога дарованнаго Государя и зблюданіе имѣйте о покореніи, благоразумно строяще и отъ сердца подающа любовь, Благовѣрному Царю нашему воздающе должное покореніе, и послушаніе, и благодареніе, и работающи ему по всей воли его, и по повелѣнью его, еже о людехъ общіа пользы, яко Господеви работающе, а не человѣкомъ, и промышляйте о богодарованномъ градѣ семъ, и о прочихъ градехъ. Печалуйтесь о общемъ народѣ, печалуйтесь о странахъ и селехъ, Господняго ради страха, всякимъ събъщеніемъ, и миромъ, и любовью, и совѣщаніемъ; понеже бо мнози суть борющіи, и спротивляющіися, и обидящыи насъ.

Сице жъ, Господине мой, и воини опасно и безъ лѣности работайте, и никого жъ обидяще, ниже облыгающе, но доволитеся Царскими

дарми, уроки своими, отъ нихъ же притяженье имате, и промышленіе ваше буди отъ вашихъ праведныхъ трудовъ и стяжаній. Симъ живите, наипаче же въ нынешнее настоящее время; о всемъ многое долготерпѣніе покажите, и сугубы труды великихъ подвигъ полагайте, да сугубу мзду отъ Бога и отъ Благочестиваго Царя воспріати сподобитеся, и чистоту телесную вельми храните; чистотою бо воини на ратехъ храбри показуютца и съпротивнымъ страшни.

Хотящіи же праведно судити, преже убо должни суть просить отъ Бога мудрости и разума, тажъ и отъ питія удерьжатися: Отверзай, рече, уста своя словесомъ Божіимъ, и суди о всѣхъ здраво; и паки: Сильніи и властедержцы вина да не піютъ и да не забудуть премудрости, и право судити худыхъ возмогутъ, и егда кто разрѣшити хощетъ вещь сплетену, взыщетъ прежъ себе, что есть угодно Богу, и обрящетъ разрѣшеніе полезно о семъ. Не сотворите, рече, неправды въ судѣ, и не приложитца множество народа уклонитись суда, и не развратиши суда нищаго, не пріимеши лица нищаго, ниже удивишися лицу сильнаго. Правдою судиши ближнему своему, и судіи твои судъ праведенъ судятъ, и не познаютъ лица сильнаго, и не пріимутъ мзды, и праведно правду поженете, и сотворите судъ и правду, и избавите обидимаго отъ рукъ обидящаго, и аще кто оправдаетъ неправеднаго, праведнаго же неправедна судитъ быти, мерзокъ есть предъ Господемъ, иже егда обрящетъ разумъ съ правдою, и сердце мужа, да мыслитъ праведная, дажъ отъ Бога исправлены будутъ стопы его. Праведенъ вѣдаетъ судити убогимъ, нечестивый же не умыслитъ разумѣти; мужъ мудръ изправляя ходитъ, и начало пути благому творити правды. Внимайте и сіе, яко жъ рече Господь: Не на лица убо зряще судите, сынове человѣчестіи, но праведенъ судъ судите: имъ же судите, судитца вамъ, и въ ню же мѣру мѣрите, возмѣритца вамъ. Накажитеся убо, рече, вси судящіи земли; работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся ему съ трепетомъ; пріимите наказаніа, егда когда прогнѣваетца Господь, и погибнете отъ пути праведнаго; блажени хранящеи судъ, и творящеи правду на всяко время. И паки: Аще убо во истинну правду глаголете, право судите, сыновѣ человѣчестіи; вся убо елика суть праведна, та суть любезна Богу и угодна, и яко же правое суженіе любитъ Господь, тако и правыя мѣры; праведенъ съспечалуетца о правомъ вѣсу, и о равнокупленіи, и равномѣреніи; неподобно бо есть и паче всякія неправды прегорше двоя мѣрила имѣти, малыя и велія, и ближнихъ лишати, сокрушати лукавно. Горе убо, рече,

желающему день Господень, онъ же есть тма; понеже сотвористе малу мѣру и куплю неправедну. Не оправдитца куплею беззаконный, и въ бремени мѣрила льсти. Лживи сынове человѣчестіи, и въ мѣрилехъ неправдовати отъ суета вкупѣ; не уповайте на неправды, и на восхищеніе не желайте; богатство аще течетъ, не прилагайте сердца; мѣры, и купли, и мѣрила права да будутъ вамъ; не преступите предѣла, ихъ же положиша отцы наша. Судъ дѣлайте и правду ищите, яко да покрыетца въ день гнѣва Господня. Судъ и правду створите, мѣрило право и мѣру праву, и мѣра права будетъ вамъ; понеже мѣрила лукава мерзка суть предъ Богомъ, и купля права пріятна ему есть. Изтязающіи людцкіа дани, ничто же паче повелѣннаго вамъ творите, ниже возхощите обидѣти, или отъимати братіи своей что; неправедницы бо и грѣшницы царства небеснаго не наслѣдятъ. Вси же, Христоименитыи, народи нарочитіи града, промышляйте о исправленіи и чину прибытка вашего и жытіа, благодаряще Господа, наставляюще и другія на правое и доброе теченіе благочинія и благолѣпія, и о смиреніи другъ со другомъ, и любви, и совокупленію. Простіи людіе повинованіе и послушаніе къ начальникомъ имѣйте, и ко обретающимся властемъ, поставленымъ отъ богодарованнаго нашего Царя: они бо имѣють о васъ попеченіе и промышленіе, и о нашемъ утвержены и исправленіи слово должни суть Богу воздати; и ко духовнымъ же началомъ и властемъ послушаніе и повиновеніе показайте: ти бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще, яко да съ радостію се творятъ, а не воздыхающе; богатіи милостыню и человѣколюбіе стяжите, и къ нищимъ изобильно и богатно подаванье; нищій, благодареніе, благоразумно терпѣніе приношайте и вѣру несумѣнну Богу: той бо есть убожай и богатый, и смиряй и возношай, и воздвизая отъ земля нища, и отъ гноища устрабляяй богата. Елицы въ браце суще нетлѣнною ризою облеченни и брачною одежею одѣяни, да не осквернитеся нечистотами прегрешенія, Содомскимъ блудомъ со отроки и разтлѣніемъ дѣвицъ и чюжихъ женъ, и всякаго любодѣяніа и прелюбодѣяніа. За сіи убо грехи Господь грады потребляетъ, и напрасныя смерти и злы казни посылаетъ на люди; но сохраните, мужи и жены, постеля несквернены, дажъ и бракъ честенъ соблюдетца, и чистъ, вездѣ безъ зазора будетъ. Вся жъ благая, елико можете творити, творите, никого жъ уничижите, ни кого жъ украдите, никому жъ не солжите, ни на кого же превозноситеся, никого жъ возненавидите, собора церковнаго не отлучайтеся, требующихъ милуйте, чюжіа части не вжелѣйте; доволитеся, мужіе, своими женами, чистою любовью, тако жъ и жены доволитеся

своими мужы, со страхомъ и правою вѣрою, и повинуйтеся имъ о всемъ; се бо есть благоугодно Богу, и, аще тако творите, не далече будете царьства небеснаго. Апостолъ Павелъ глаголетъ: Тако ли нѣсть ни единъ въ васъ мудръ, иже можетъ разсудити межу брата своего, но братъ съ братомъ судитца, и се отъ невѣрныхъ, се бо отнюдъ срамъ вамъ есть, яко тяжбы имате межъ собою; почто не паче обидими есте, почто паче лишени бываете? но вы обидите и лишаете, и се брата! Или не вѣсте, яко неправедницы царствіа Божія не наслѣдятъ? Не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужителе, ни прелюбодѣи, ни сквернителе, ни малакѣя, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадителе, ни хищницы, царствія Божіа не наслѣдятъ. И, тогда что бѣсте: но отмыстеся, но освятистеся, но оправдистеся имянемъ Господа нашего Исуса Христа, и духомъ Бога нашего. Вси убо, братіе, вся исправити потщитеся; бывайте другъ ко другу блази, милосерди и благонравни, кротцы, исполнены милости и плоды благими. Смиримъ себе предъ Богомъ, братіе, и обратимся, отъ всего сердца нашего воскликнемъ къ могущему спасти насъ, Господу, съ мольбами прилѣжными и теплыми слезами, дажъ отвратитъ еже на насъ уготованный гнѣвъ его, и не яростію своею обличитъ насъ, но призритъ милостивнымъ окомъ на наслѣдіе свое, и свободитъ насъ отъ врагъ нашихъ, томленіа, и плѣна, и скорби, и наставитъ сердца наша на послушаніе божественныхъ его повелѣній; и убежимъ отъ всякія злобы, и неправды, и грѣхъ, дѣломъ, и словомъ, и помышленіемъ дѣемая въ насъ, и обрящемся предъ Богомъ благоугодно живуще.

Азъ же убо написахъ сія вся, любве ради твоея, отъ божественаго писаніа, ово убо на утвержденіе Христоименитымъ Господнимъ людемъ, ово жъ на соединеніе святыя Божія Церкви и на обращеніе заблужщихъ Агарянъ. Тебѣ же убо, Благовѣрный Князе Александре, тако же и всему священническому чину, и всѣмъ Христіаномъ, достоитъ вамъ всѣмъ единомудрено, вседушно молитися о соединеніи святыя Божія Церкве и о спасеніи своемъ, тако жъ и о поспѣшеніи, и о укрепленіи, и о пособленіи еже на враги побѣду, и на вся иноплеменники, бранемъ хотящая; наипаче молитеся вкупѣ о заблужшихъ онѣхъ всѣхъ Агарянъ и Черемисы, преданныхъ намъ отъ Бога, во еже просветити ихъ святымъ крещеніемъ, яко да единомышлено вкупѣ будемъ въ праведномъ законе, едино стадо и едина паства Христу Богу нашему, ему же слава со Отцемъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

Благовѣрный Княже Александре!

Аще угодно ти будетъ отъ нашего скуднаго разума божественное сіе писаніе, еже, по твоему прошенію, писахъ ти, ты жъ себѣ внимай разумно о всемъ, и пользуйся душевне, и аще благоугодно ти будетъ, не скрый сего святаго писаніа и прочимъ Государьскимъ Воеводамъ, совѣтнымъ ти о Государевѣ дѣле, и священному чину, и Христоимянитому стаду, да со вниманіемъ прочетше на пользу душамъ своимъ, и начнутъ вся сіа творити, и учити, яже есть писано, Господу поспѣшествующу и слово утвержающю, и велію благодать обрящете отъ Бога вкупѣ, и многимъ душамъ спасеніе получите, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную.

III.

ОТПИСКА УТѢШИТЕЛЬНАЯ КЪ ЛИЦУ НЕИМЯНОВАННОМУ.

Пишешь, Господине, ко мнѣ о своей великой, неутолимой скорби, и требуеши помощи отъ моея худости, и язъ, грубый, не уразумѣю, что отвещати тебѣ, или чѣмъ пользовати тебѣ, или даровати тебѣ какову помощъ. Божимъ смотрѣніемъ, еже къ ползѣ душамъ нашимъ, посетила тебя скорбь велия, въ прежніи времена и великое страшное Царьское наказаніе было: отлученіе Царьскихъ очей и всякого ближнего совѣта, и отнятіе дому, и взятіе всякого стяжанія, и отосланіе въ далечныя страны. Тебѣ же, любимиче, впадшему въ такая великая неизреченныя скорби, ни единою жъ, ни дважды, но и у смертного часу въ наказаніи у казни бывающу, но и потомъ наипаче въ благочестивыхъ сіяющу и въ велицей славе всѣми обладающу, и ныне приде на тебя великое искушеніе отъ Бога и Царьское великое страшное наказаніе: отлученіе дому и праотеческаго стяжанія и всякого имѣніа восхищеніе. Дивное и предивное великое Божіе милосердие! Яко жъ чадолюбивый отецъ, наказая чадъ своихъ, показуя и наказая Господь, смерти жъ не предасть насъ, приводяй ны на истинное покаяніе; и паки рече Господь: Не хощу смерти грѣшничи, но еже обратитися и живу быти ему. И въ толицей въ велицей скорби и во мнозе сѣтованіи, паки писалъ ми еси многажды моей худости, со многимъ моленіемъ и умиленіемъ выше моея мѣры, и помощи требуеши отъ мене, отъ недостойнаго и многогрѣшнаго, отягченному

мнѣ многими бремяны греховными; азъ же, окаянный, поправъ всю свою совесть и забывъ свои тяжкие грехи, и къ словохотной сласти приплетохся, не токмо о тебѣ болѣзновахъ, но и свою душу преобидихъ безстрашиемъ, и нерадѣніемъ, и словохотиемъ мира сего, и аще Господь человѣколюбецъ, не хотя смерти грѣшничи, но обратитъ мя на покаяние, ты жъ, любимиче, отъ мене, грѣшника и тлѣнна человѣка, помощи ищеши, самому мнѣ въ кале греховне валяющуся. Аще не Господь о семъ подасть целбу, хто можетъ помощи? Не отчаятися своего спасенія достоитъ, и не отпадати надежи: просити у Бога милости: Онъ, человѣколюбецъ, многихъ погибшихъ и заблужшихъ наставляетъ на путь спасенія и богатую милость даруетъ, аще кто истиннѣ каетца и плачетца греха своего, а впередъ ото всѣхъ золъ удалятися учнетъ, и Богъ таковымъ вскоре не токмо отпущеніе грѣховъ подаетъ, но и великую милость даруетъ, яко жъ Манасѣю Царю и Новходъносору Царю и Тиридату. Каково зло предъ Богомъ сотвориша и много и тяшко согрешиша, и Господь Богъ какіи тяжкіи казни на нихъ посла и злолютое великое наказаніе: онѣ же уцеломудришася, и вниде страхъ въ душу и трепетъ въ кости ихъ. Новходъносоръ Царь въ скотъ претворенъ бысть и на полѣ со звѣрми питашеся 7 (ѯ) лѣтъ, душею и умомъ возопи къ Богу, и Господь услыша, и помилова, и паки на царствѣ бысть. А Тиридать Царь свиньею претворенъ бысть, Бога призва, и помилованъ бысть. Манасѣя въ волъ въ мѣдянъ всяженъ бысть, гнѣвомъ Божіимъ, понеже пятьдесять и два лѣта идоломъ покланяшеся, и весь миръ преврати своея области на идолопоклоненіе, и о семъ каяся и молитвою Господа умоли, и помилованъ бысть, его же Церькви Божія поетъ и до сего дни: «Господи Вседержителю, Боже отецъ нашихъ!» Тако жъ и себѣ внимай, какіи наказанія быша Божіи Царьскимъ гнѣвомъ, и паки въ предню честь и наипаче почтенъ былъ еси. И ныне скорбь свою утоляй молитвою, и постомъ, и слезами, и истиннымъ покаяниемъ и престатиемъ отъ всякихъ золъ, что Богу неугодно: близъ Господь боящихся его, молитву ихъ услышитъ и Царскій гнѣвъ утолитъ. Ныне же прошение твое, Господине мой, и рѣчь отъ тебе пріиде ко мнѣ: за скорбь, нашедшую тебѣ, хощеши отъ мене нѣкия помощи и ходатайства, и нѣкимъ, имущимъ ко Государю дерзновеніе, еже о твоей скорби къ Государю печаловатися. Но, Господине, не имѣю о тебѣ къ кому о семъ ходатайствомъ что сотворити, токмо долженъ у Бога полезныхъ о тебѣ просити, аще и не достоинъ есмь. А къ тобѣ мало нѣкое воспоминание творю отъ Божественаго писанія: вся бо приходящая скорбная человѣкомъ не безъ Божіа промысла бы-

ваютъ, или грѣхъ ради къ Богу согрешаемъ, или попущенію Божію за приложеніе правды, яко же праведному Иеву и всѣмъ Святымъ, да прославитца отъ Бога, или во отмщеніе, еже кто самъ кому что зло сотворилъ есть, яко же и отъ святыхъ писаній предложу ти о Божіихъ судбахъ. Никто жъ бо сихъ убѣгнути можетъ, яко вся Богъ зритъ: аще минетца на время не отдаяти, но егда время пріидетъ къ возданію, отмѣститца всяко. Яко жъ и Святый Ефрѣмъ глаголетъ о себѣ: Вь юности моей, рече, внегда бѣхъ на селѣ, по злобе у нѣкоего странна убогаго юницу въ полунощи отгнахъ отъ стоянія изъ ограды, юже растерза звѣрь, и по времени мнозе пріиде ми отмщеніе отъ Бога оного ради: идшу ми, рече, нѣгде во отхоженіе, обнощевахъ у нѣкоего пастыря; въ полунощи же волцы, пришедше, овцы растерзаша, пастырю заспавшу отъ пьянства; пришедше же господие овецъ онѣхъ, емъше мя, и предаша судьи, и въ темницы быхъ 70 (о̄) дней, и раны подъяхъ. Аще хощеши повѣстъ сію прочести велми чюдну во Ефрѣме, на пользу скорби твоей. И другое повѣди Авва Агаѳоникъ Кастелійскій, и рече: идохъ въ Руву ко отцу Пимину пастовному; яко убо бысть вечеръ, остави мя во единой пещере, онъ же отъиде въ другую пещеру, бѣ жъ зима. И бысть во ону нощъ студень велика, и зело зима ми бысть. На утріа жъ ми приде старецъ и глагола ми: Како еси чадо? И глаголахъ ему: Прости мя, отче: люто преидохъ нощъ сию отъ студени. Глагола ми онъ: естествомъ, чадо, не бысть ми зима. Почюдивъ же ся азъ, слышавъ бѣ онаго, глаголахъ ему: Сотвори любовь и рцы ми, како не бысть ти зима? Онъ же глагола ми: Левъ пришедъ, лютѣйшій звѣрь, и спа близъ мене, и той греяше мя; обаче глаголю ти, брате, яко отъ звѣрей хощу снеденъ быти. Глаголахъ ему: По что, отче? Онъ же рече ми: Въ странѣ нашей, егда бѣхъ пастырь овцамъ, и презрѣхъ страннаго путника, и изъядоша его пси мои: ибо могий оборонити его, и не обороних, и вѣмъ, яко и азъ сице хощу умрети. И по трехъ лѣтехъ снеденъ бысть отъ звѣрей дивный онъ старецъ. Видиши ли, о возлюбленне, и судбы Божіа, яко и Святымъ его не оставляетъ Богъ, еже не отмещенномъ быти, кольми паче намъ, много согрешающимъ къ нему и къ братіямъ нашимъ, сирѣчь, ко всѣмъ человѣкомъ. Многа убо иная наказанія отъ Святыхъ въ Божественномъ Писаніи писана суть, но азъ отъ многа мало написахъ тебѣ, на увидѣніе о семъ, да не продолжу слово въ долготу. Тѣмъ же и мы сами себе испытаемъ со истинною и, разумѣвше, аще буде сотворихомъ что по злобе кому, и того ради намъ приходятъ скорбная и напасти отъ Бога и отъ человѣкъ, яко же и самъ Господь рече: Имъ же судомъ

судите, судитца вамъ, и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣритца вамъ; и Пророкъ глаголаше: Имъ же образомъ, рече, кому сотворилъ еси, тако и тебѣ будетъ. Тако и о согрѣшеніихъ нашихъ, имъ же къ Богу согрѣшаемъ, наказаеми есми отъ него. Достоитъ убо впадшему въ скорбь испытывати себе, вину своихъ согрешеній, коихъ ради грѣхъ оставленъ бысть отъ Бога, и приде прещеніе и гнѣвъ отъ Владящего, или отъ силныхъ насилованіе, и отъ враговъ, и отъ друговъ навѣты и оклеветаніе, или отъ меншихъ и безродныхъ уничиженіе и безчестіе, и въ скорби, и въ недуги и въ страсти безчетныя и въ срамоту предаемъ есть хто. Ты жъ, о любимиче, о семъ не скруподушъствуй, и внимай свои совести. На носящихъ ти злая, и злословящихъ, и поносящихъ, не враждуй на нихъ, ни злослови, да не погубиши мъзды отъ Бога о своемъ великомъ терпѣніи, но моли о нихъ, яко же Господь рече во святомъ Евангельи: Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ, и молитеся о творящихъ вамъ обиду и напасти, но вся сія, на тебя находящия, скорби, и обиды, и поношенія, съ благодареніемъ терпи, по праведному суду Божію. Аще кто со истинною себе испытаетъ о своихъ согрешеніихъ, еже къ Богу согрешилъ есть, или человѣкомъ, егда убо самъ зло кому никако створи, или неправдова кого въ чемъ, или обиду содѣя кому, или чюжая имѣнія себѣ лихоимствомъ и всякою неправдою восхитилъ, или срамоту и уничиженіе содѣла кому, или зло дѣло на кого наведе, и проданъ бысть отъ него человѣкъ, или неправедно судя, или по враждѣ, или по дружбе, или по мъздѣ права виновата сотвори, или нужныхъ не помилова, или вопля нужныхъ не слыша, не управя, или дани тяжкие и уроки всякие налоги немилосердо и неправедно возлагая, и къ своимъ повиннымъ немилосердъ бѣ, или нужныхъ отъемляемъ и инѣмъ даемъ, или порадовася дружни скорби и бедѣ, или зло совѣтуя на кого, или Государю неправдова и не повинуяся, или злословя, и таковыхъ ради согрешеній и сами предаемъся отъ Бога въ душевныя и телесныя страсти и въ срамоту. И считаютъ бо ся наша, яже по времяни, согрешенія до количества нѣкоего, и тогда казни наводитъ праведный судья Богъ; ничто жъ убо отъ случающихся намъ скорбныхъ, съгрѣшающимъ намъ, безъ правды находитъ, но вся по праведному суду Божію. И неправды наша ходатайствуютъ намъ злая отъ Господа всеправеднаго; ими же бо хто согрешаетъ, тѣми и мучитца. Разумный убо человѣкъ Божіа судбы, яко врачеваніе и исцеленіе съгрешенію отъ Бога посылаемо помышляетъ и благодарьно терпитъ, яже сихъ ради бывающая ему скорби и беды, и никого жъ иного симъ повин-

на творитъ, разве своя грехи помышляетъ. Несмысленный же человѣкъ, Божій премудрый промыслъ не вѣдый, о гресѣхъ его нашедшая ему скорби, или Бога, или человѣки, своихъ ради золъ, виновны творитъ, и тѣхъ укоряетъ и злословитъ, и скорби убо и напасти стражетъ, и избавленія же отъ сего не приемлетъ и мъзды лишается. Ты жъ, о Господе возлюбленне, со благоразуміемъ потерпи нашедшую на тебя скорбь и печаль, чающе, надѣяся отъ Господа избавленія и помощи, наипаче жъ утвержай себя, да не внидетъ въ сердце твое всяко слово и помышленіе лукаво, или къ Богу неблагодареніе, или на Государя хуленъ помыслъ и глаголъ неблагочестивъ сердце бо Царево въ рущѣ Божіи, и слуга бо есть Божій въ наказаніе согрешающимъ, а поставленъ есть отъ Бога на всѣхъ творящихъ обиду и содевающихъ неправду, яко же и Апостолъ пишетъ: Бога чтите, а Царя бойтеся; не туне бо мечъ носитъ: въ похвалу добродѣемъ, а во отмщеніе злодѣемъ. Инде писано: Аще не хощеши боятися власти, твори благое, и похвалу начнеши имѣти велию отъ него; се бо есть благоугодно предъ Господемъ, и тѣмъ избавленіе скорбемъ бываетъ и отъ Бога оставленіе греховъ приемлемъ. Многажды бо согрешающаго и не кающагося влагаетъ Богъ въ напасти и скорби, и тѣхъ ради напастей приходитъ въ покаяніе. И отъ Бога убо наказаніе и искушеніе, на пользу приходящее человѣку. И блаженъ, его же наказуетъ Господь; вмещаетъ бо его въ покаяніе. Нѣсть праведенъ, иже не иматъ согрешенія, и нѣстъ грѣшникъ, иже не иматъ что благо, яко же есть писано. Аще бо видиши праведна кого впадша въ великіи скорби и напасти и въ болѣзненыя недуги, да не смутишися, но помысли о немъ и рцы: сей праведный зло нѣчто мало сотворилъ есть, якоь человѣкъ, и воспріемлетъ здѣ отомщеніе, яко да не тамо мучитца. Паки, аще видиши грѣшника грабяща, лихоимъствующа, тьмами творящая злая, а въ житейскихъ же пребываніихъ изобилующа и славно живуща, яко жъ азъ, окаянный, и во здравіи пребывающа, и въ веселіи безскорбно провожающа дни своя, не чюдесно; рцы: сей грѣшный, иже тьмами творя злая, и ничто жъ люто стража, благо, что всяко сотворилъ есть, и воспріемлетъ здѣ, яко да тамо мученъ будетъ люте. Аще же напрасно и безъ болѣзни умретъ, злѣ и умретъ, зло погребеніе нося грѣхъ; смерть бо грѣшникомъ люта. Ибо Лазарь убогій праведенъ бѣ и вся дни своя въ скорбѣхъ и въ недузѣхъ изжитъ; богатый же онъ, въ чести и здравіи, и обоихъ конецъ показа: сей убо блаженный отъ ангелъ несомъ бысть въ царьствіе Божіе и въ радость неизреченную; окаянный же онъ, занеже пострада здѣ ничто жъ люто и упитався въ настоящемъ

житіи, отъиде тамо о всемъ ономъ отвѣтъ воздати, и отъ огня зло палимъ, взыска перста, омоченна въ водѣ, да прохладитъ мало поне языкъ, и того не обрете, и утушенія злу не бысть ему. Благо есть, брате, человѣку, еже здѣ наказаніе пріиметъ отъ Бога, и оставленіе грѣхомъ своимъ сподобитца. Ты же, возлюбленне, аще кромѣ сѣхъ всѣхъ винъ, еже не сотворилъ еси кому зла и ничто же, и къ Богу же не согрешилъ еси ни въ чемъ же, и прииде на тя скорбь безъ правды: и се бо благодать Божіа, и любя тя Господь послалъ есть, да аще со благоразумиемъ претерпиши, блаженъство отъ Бога приимеши, яко же и вси Святіи претерпѣвше и многія страсти, Богу благоволившу, яко да явитца правда и крѣпость ихъ, да прославятца отъ Бога. И божественный убо верховный Апостолъ Петръ пиша глаголетъ: Се бо есть благодать, аще совести ради Божія терпитъ кто скорби, стража безъ правды. И паки: возлюбленне, не дивися, иже на тебѣ, скорбемъ, ко искушенію твоему бываемомъ, яко безъ правды тебѣ случающуся, но яко же приобщаешися Христовымъ страстемъ, радуйся, яко да и въ явленіе славы его возрадуешися, веселящеся. Аще убо обидимъ и укоряемъ еси о имени Христове, блаженъ еси, яко славы и силы Божіи духъ на тебѣ да почіетъ; онѣми убо хулитца, а тобою прославляетца; да не кто убо отъ тебя постражетъ, яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй, или чюжъ посетитель; аще ли яко крестьянинъ, да не стыдитца, да прославляется Богъ въ части сей; яко время научати суда Божіа отъ дому его; и Господь рече: Въ мире скорбни будете, и скорбь ваша на радость преложитца; и: Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ вы, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на васъ, лжуще мене ради: радуйтеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Но аще что о имѣніи постражши отъ Государя, аще взято будетъ, или инако лишенъ будеши, не впади въ злохуленія, но поминай блаженнаго Павла Апостола, глаголюща: Ни что жъ бо внесохомъ въ миръ сей, ни изнести что можемъ, но нази родихомъся, и нази отъити имамы. Іевъ праведенъ и лишенъ бысть богатства, и имѣнія, и чадъ, и не изыде глаголъ хуленъ отъ него, но благодарно рече къ Богу: Господь далъ есть, Господь взятъ, буди имя Господне благословенно въ вѣки! И въ гноіи лежа, отъ червей снедаемъ, жена же его, пришедъ, бѣсу поучающу, рече къ нему: Рцы глаголъ хуленъ ко Господу, и умри; праведный же воспрети ей, рекъ: Едина еси отъ безумныхъ; благая, рече, восприяхомъ, злыхъ ли не притерпимъ? И не согреши Іевъ ни въ устнахъ предъ Господемъ. Тако и ты, боголюбезне, егда скорбію врагу згнетающу тебе, или отъ человѣкъ, мнящихъ тебѣ добрая совѣтующихъ, и взущающе

тебя злословие и укореніе износити на Государя, или на творящихъ тебѣ злая, утвержайся благочестіемъ, и всегда глаголъ сей праведнаго да будетъ въ сердцы твоемъ и во устнахъ: Благая, рече, восприяхомъ, злыхъ ли не претерпимъ? и: Господь далъ есть, Господь же и взятъ: буди имя Господне благословенно во вѣки! ибо льстецъ душъ нашихъ, діаволъ, не сего ради отъятъ имѣния Иеву и зло наведе, дабы Иевъ убогъ былъ и во злостраданіи, но хотя его отъ благочестія низложити и въ грѣхъ низвести, но не возможе, и праведный Иевъ отъ Бога больши прославися. Въ богатстве бо мнозе живуще и въ беспечалии, и Бога забываютъ, и къ человѣкомъ не блази и не милостиви и горды, и во многая согрешенія и въ безуміе впадаютъ; печали жъ нашедши, къ Богу прибегаемъ, и къ человѣкомъ смирени бываемъ, и о согрешеніи своемъ каемся, и яко же и пророкъ: Господи, въ печале помянухомъ тя, и въ печале наказаніе твое намъ есть. Буди же и тебѣ, о Христолюбиве, и скорби терпѣти со благодареніемъ и доброразуміемъ, яко да со Святыми прославшися, и мъзду на небесехъ многу пріимеши, по Господню слову: и радость не вѣчная, и скорбь не безъ конца; все вскоре отъ Бога свершаетца, благая же и злая. Наказа тя Господь своимъ милосердіемъ, и ты убо, плачася греха своего, и у Бога милости просиши и о своемъ грешеніи каешися, и видя Богъ слезы твои и горькое стенаніе и истинное покаяніе, и умилостивилася душа Царская, и за нужу помѣстейцомъ устроилъ тя и вотчинку отдалъ, а и впередъ не оставитъ Богъ слезъ твоихъ. Ты же, о боголюбезне, но и паче плачи, и моли, и прибѣгай къ Господу Богу нашему и Пресвятѣй Богородицы, и великимъ чудотворцомъ отъ всея душа и помышленія со истиннымъ покаяніемъ, и съ постомъ, и молитвою, и съ милостынею, отгребаяся отъ всихъ злыхъ дѣлъ, и душетлѣнныхъ страстей, и всякаго лукавьства. Обѣтъ полагай предъ Господемъ: волю его творити и заповеди его хранити во всемъ. А Государю тъщися вѣрою служити и правдою и покореніемъ, чтобъ и впередъ самому въ конецъ не погибнути въ семъ вѣце и въ будущемъ, и Царьской бы души не на вредъ: близъ Господь боящимся его и уповающимъ на милость его; Господь волю боящихся его творитъ, и молитву ихъ услышитъ, и спасетъ ихъ, яко же уповаша на нь. Аще кто заблудитъ отъ пути праваго и покаяніа преступитъ, гнѣвъ Господенъ неутолимъ бываетъ и ярость велия: смерть грѣшникомъ люта. Мы жъ, аще и грѣшни, но обаче должни есмя Бога молити, твоея ради добродѣтели и нелицемѣрныя любве, и союза духовнаго, еже къ намъ. Да сотворитъ Господь Богъ на тебѣ милость свою и утвердитъ въ благочестіи и правдѣ. Да избавитъ отъ

всѣхъ скорбей твойхъ й наставитъ въ разумъ истинный и на путь спасеніа и на истинное покаяніе своею благодатію, и Государю да возложитъ на сердце добрая о тебѣ. О семъ же молимъ твое боголюбіе, да не негодовательно будетъ тебѣ неудобренное наше и грубое писаніе; таковыми бо довольствуемъ. Аще бо и просто, но отъ Святаго Писаніа, а не наше; мы бо ничто же есмы. Ты же, Господине мой, не мудрости словесемъ взыскуй, но разумъ благочестіа достовѣрно дѣлательствуй; Господь же, молитвами Пречистыя его Матери и всѣхъ Святыхъ, помощникъ и покровитель и избавленіе во всѣхъ купно тебѣ же и намъ да будетъ!

ВЗГЛЯДЪ НА РУКОПИСЬ «ЖИТІЕ СВ. ОЛЬГИ. *

Рукопись «Житіе Св. Ольги» писана уставомъ, въ четвертку, по 17 строкъ на страницѣ. Листы не растеряны, письмо разгонисто и буквы особенно крупны. Къ «Житію Св. Ольги» присоединено «Слово Похвальное,» на память ея.

Уставный почеркъ этой рукописи принадлежитъ къ той же школѣ, что и всѣ почти памятники XVI столѣтія, отличающіеся взаимнымъ подобіемъ.

Сильвестръ, въ Посланіи къ сыну Аѳониму, говоритъ:

«Видѣлъ еси, чадо мое, многихъ пустошныхъ сиротъ и работныхъ и убогихъ, мужеска полу и женска, и въ Повѣгородѣ и здѣ на Москвѣ, вскормихъ и вспоихъ до совершенна возраста, изучихъ, кто чего достоитъ: многихъ грамотѣ и писати, и пѣти, иныхъ иконнаго письма, иныхъ книжнаго рукодѣлья..... И всѣ тѣ далъ Богъ свободны, своими добрыми домами живутъ: многи во священническомъ и во дьяконскомъ чину, и въ дьяцѣхъ и въ подъячихъ, и во всякихъ чинехъ..... А видѣлъ еси самъ: въ рукодѣяхъ, и во многихъ во всякихъ вещахъ, мастеровъ всякихъ было много: иконники, книжные писцы... И со всѣми тѣми мастеры, въ сорокъ лѣтъ далъ Богъ «разлезенося безъ остуды.»

Не объясняютъ ли намъ эти достопамятныя подробности, по чему лучшія рукописи принадлежатъ именно къ XVI столѣтію, и по чему въ нихъ много общаго, родственнаго, какъ въ обрисовкѣ буквъ, такъ и въ правописаніи? 40 лѣтъ дѣятельнаго труда должны были принести искуству книжному великую пользу, утвердить форму и единство.

Житіе Св. Ольги несомнѣнно принадлежитъ къ тому же семейству рукописей; но буде оно и дѣйствительно «списано Сильвестромъ,» какъ говоритъ подпись, положенная киноварью на первой страницѣ: «Списано любомудрецемъ Селивестромъ, Прозвитеромъ

---

* Тотъ же Н. П. Коншинъ составилъ для Д. П. Голохвастова въ 1848 году записку о рукописи «Житіе Св. Ольги» (изъ собранія М. П. Погодина), которое, по находящейся въ ней надписи, «списано любомудрецомъ Селивестромъ, Прозвитеромъ царствующаго града Москвы,» хотя, по замѣчанію Коншина, рукопись эта лишь копія съ первоначальнаго извода.

царствующаго града Москвы», то все же не эта именно рукопись, принадлежащая нынѣ М. П. Погодину, но вѣроятно древнѣйшая, съ которой списана уже сія; ибо въ ней есть молитва за «Благочестиваго Самодержца Царя и Великаго Князя Ѳеодора и со благопрѣбытнымъ супружествомъ его, и со благороднѣйшими чады его, и со благовѣрными ему братіами» (см. Житіе, послѣдній листъ).

Заключеніе, что могла быть древнѣйшая, я вывожу изъ того, что обстановка Царя Ѳеодора невѣрна: у него не было ни чадъ, ни братьевъ; по моему мнѣнію, позднѣйшій переписчикъ вставилъ имя новаго Царя, вмѣсто умершаго, какъ и слѣдовало для молитвы, но не сообразилъ о прочемъ.

Что касается до слога, особенно въ «Словѣ,» приписанномъ къ «Житію Св. Ольги,» то хотя онъ и отзывается ученостію, строгостью и нѣкоторой остротой Сильвестровской, но не имѣетъ, по моему мнѣнію, той силы, того помазанія, коими отличается сей писатель, и той сердечной теплоты, какая дышетъ въ его посланіяхъ.

Впрочемъ, если, убѣждаясь буквальнымъ смысломъ подписи, приведенной выше согласиться, что рукопись эта списана самимъ Сильвестромъ, то это было бы для насъ радостнѣйшимъ открытіемъ; это убѣдило бы насъ, что гнѣвъ Іоанна не ускорилъ его кончины, что онъ дожилъ не только до смерти Грознаго, но и до царствованія добродѣтельнаго сына его. Хотя изъ одной уцѣлѣвшей надписи на книгѣ намъ извѣстно, что въ послѣдствіи Сильвестръ былъ инокомъ и назывался Спиридономъ, * но это не противорѣчитъ подписи, видимой на «Житіи Св. Ольги:» писавшій, для достопамятности знаменитаго лица, который нѣкогда «всякія дѣла и власти Святительскія и Царскія правяше,» ** могъ назвать его «Пресвитеромъ царствующаго града Москвы, и «Сильвестромъ,» точно также, какъ и въ приведенной выше надписи на книгѣ написано: «Попа Селивестра Благовѣщенскаго, во иноцѣхъ Спиридона.» Мірское имя, и прежній санъ, и тамъ упомянуты.

Ежели допустить это, весьма возможное, предположеніе, то невѣрную обстановку Царя Ѳеодора легко можно допустить Сильвестру:

---

* Курбскій. Изд. I, т. II, стр. 273, прим. 60.

** Царственная Книга. Изд. 1769, стр. 342.

старецъ, уже удалившійся отъ свѣта и суеты его, живя въ уединенной своей кельѣ, довольствовался, при перепискѣ книги, перемѣнить имя Царя умершаго на имя царствовавшаго, а остальное могъ списать какъ было прежде.

Актовъ о времени смерти Сильвестровой мнѣ не встрѣчалось: только они были бы прямымъ указателемъ возможности, или невозможности предположенія, и утвердить, или отвергнуть, замѣчательную подпись.

Правда, Курбскій пишетъ къ Іоанну: «Се тако ли воздаешь ему и по смерти?» (см. 3 Посланіе). Но сей писатель, живя въ Полышѣ, легко могъ имѣть вѣсти о кончинѣ Сильвестровой и невѣрныя: кажется, уже доказано, что онъ ошибался и въ нѣкоторыхъ другихъ лицахъ.

Остается сказать, что рукопись «Житіе Св. Ольги,» и «Слово похвальное» ей, писаны исправно, безъ пропусковъ и ошибокъ, и съ надстрочными знаками, что, по большей части, рѣдко только въ принадлежащемъ мнѣ спискѣ Домостроя строго соблюденъ этотъ законъ, прочія рукописи, мною прочитанныя, не отличаются на этотъ счетъ точностію. Можно замѣтить и то, что, по видимому, «Житіе» и «Слово» писалъ старецъ; ибо письмо разгонисто и буквы необыкновенно крупны.

Во всей рукописи бумага одна: въ ней просвѣчиваетъ щитъ подъ короною. Снимокъ первой страницы, съ замѣчательной надписью и клеймомъ, въ бумагѣ усмотрѣннымъ, прилагаются при семъ.

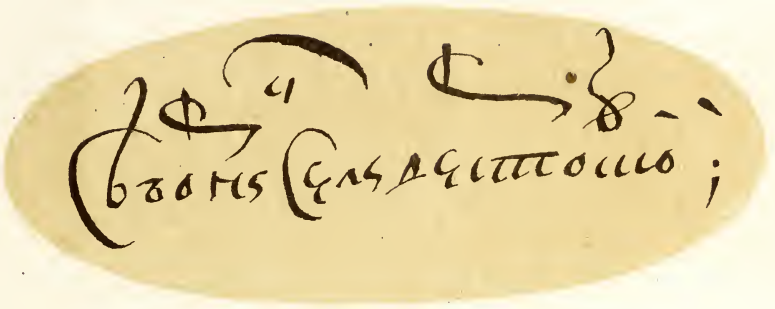
И. Коншинъ.

29 Сентября, 1848.

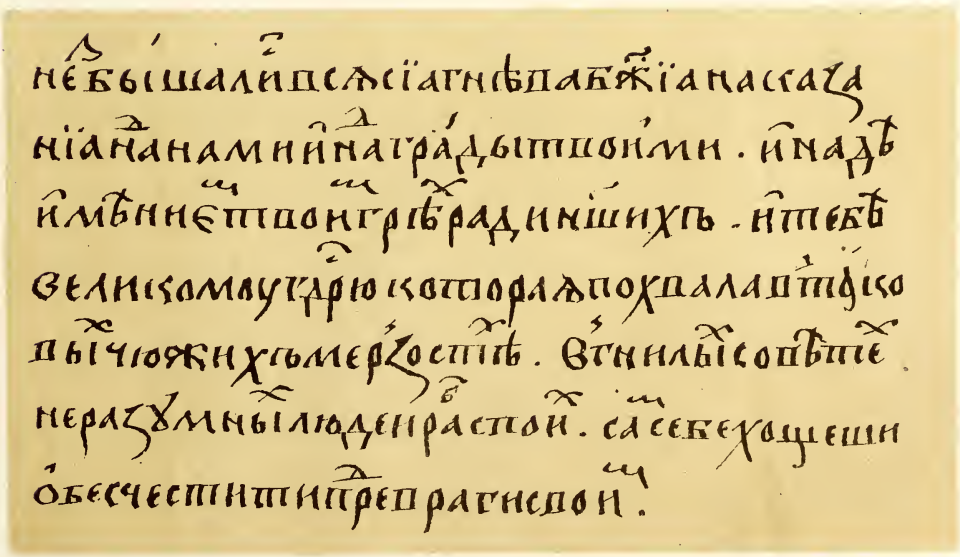
Тверь.

V V.

СЬБОРНИКЪ СЕЛИВЕСТРОВСКОЙ;



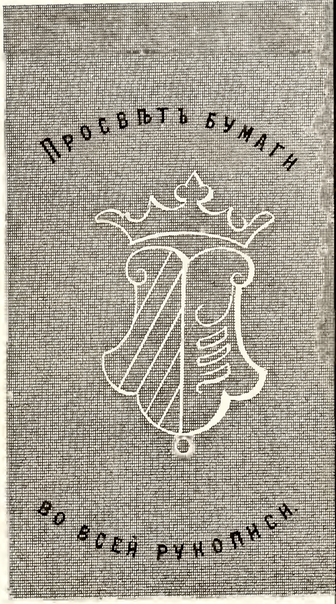
1. Посланіе къ Царю Ивану Васильевичу.
2. Посланіе къ Князю Александру, Борисовичу.
3. Отписка утѣшительная, къ лицу ненаименованному.



Снималъ съ подлинника Пашкинъ. Листъ Рукописи 372.

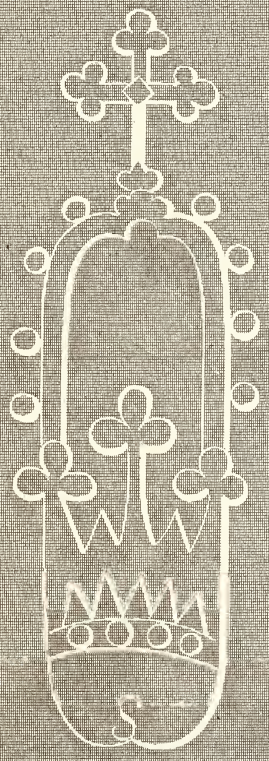
Лит. І. Шелковник. въ Москвѣ.

Мца июля въ . аі . житие стыя и
блаженныя . и равноапльныя
и по премудрости преслоущия ро
ссийскиа кнагини ольги . нареченныя во стомъ
крщении елены . иже бы при царь
скаго города по благочтие к богу . ю
мужествено еа подлинъ . и како
по црьствующе граде получи стое
крщение . и з преставлении ея .
и о пренесении многочюдесныи и нетле
нныи мощей ея и о участи похвала :·
Прииде те все и правовернии . все
а руская земля собори весяко до
стоание . и всяк возрастъ
возрадуемся гои . и поклонимся
и припадемъ . поюще ей пение весе
лии . хвалащей благоадщей пртое
Списано любомудрецем селиверстом ... града москвы .



ПРОСВѢТЪ БУМАГИ ВЪ СБОРНИКѢ СЕЛИВЕСТРОВСКОМЪ.

Въ первой половинѣ.



Во второй половинѣ.

Въ одномъ изъ первыхъ трехъ листковъ.

Рисовалъ Пашкинъ. Лит. Г. Шелковник. въ Москвѣ

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

СБОРНИКЪ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ЗАКЛИНАНІЙ.

СОСТАВИЛЪ

П. ЕФИМЕНКО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1858 г., приготовляя, для помѣщенія въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, небольшое собраніе Малороссійскихъ заклинаній, я, между прочимъ, писалъ въ предисловіи къ нему: „Нельзя не пожалѣть, что на этотъ, столь интересный для исторіи, этнографіи и миѳологіи, предметъ до сихъ поръ не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Люди, которые близки къ народу, смотрятъ на знахарей, какъ на обманщиковъ, не стоющихъ никакого вниманія, а люди, знающіе цѣну народности, по большей части не имѣютъ къ народу доступу; отъ того сколько драгоцѣнныхъ памятниковъ съ каждымъ поколѣніемъ гибнетъ не собранными!“

Послѣ написаннаго мною прошло уже почти 15 лѣтъ, а между тѣмъ дѣло собранія Малороссійскихъ заклинаній находится почти въ прежнемъ положеніи. Правда, послѣ того появилось въ нѣкоторыхъ Губернскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ этнографическаго содержанія нѣсколько заклинаній, но мы все таки до сихъ поръ не имѣемъ ни одного сборника этого рода произведеній народнаго слова. Такимъ образомъ, и теперь смѣло можно сказать, что на настоящій предметъ доселѣ не обращено никакого вниманія.

Въ этомъ отношеніи изслѣдователи Малороссійскаго народнаго быта далеко отстали отъ Великороссійскихъ изслѣдователей. Послѣдніе напечатали въ разнаго рода повременныхъ изданіяхъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ значительныя собранія заклинаній; они издали даже цѣлые сборники такихъ произведеній народнаго творчества. Я разумѣю сборникъ Великороссійскихъ заклинаній И. П. Сахарова, занимающій 2-ю книгу 1-го тома Сказаній Русскаго народа. и сборникъ Л. Н. Майкова, помѣщенный во 2-мъ томѣ Записокъ Русскаго Географическаго Общества, по отдѣленію этнографіи. Сборникъ Г. Майкова заключаетъ въ себѣ 376 заклинаній.

Появленіе въ свѣтъ значительнаго числа собраній Великорусскихъ заклинаній, въ сравненіи съ Малороссійскими, можетъ быть отчасти объяснено и тѣмъ, что Великороссіяне гораздо богаче Малороссіянъ такого рода памятниками народной словесности. Это, вѣроятно, обусловливается, съ одной стороны, болѣе сильнымъ распространеніемъ суевѣрія между Великороссійскимъ простонародіемъ, съ другой стороны, значительнымъ числомъ грамотниковъ въ народѣ, которые до позднѣйшаго времени слагали во множествѣ заклинанія и записывали существовавшія уже въ народѣ, и такимъ образомъ сильно способствовали ихъ сохраненію и распространенію. Въ особенности сказанное мною относится къ мѣстностямъ крайняго сѣвера Европейской Россіи. Здѣсь, среди крестьянскаго населенія, можно встрѣтить, и безъ особыхъ усилій собрать, множество тетрадокъ съ заклинаніями, носящими многоразличныя названія: „обереговъ, отказовъ, подходовъ, щепотокъ, словъ, прикосовъ и т. п., и служащихъ руководителями во всѣхъ почти обстоятельствахъ жизни. При томъ многія изъ здѣшнихъ заклинаній отличаются значительнымъ объемомъ, иногда занимая цѣлые листы, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя сложены въ болѣе позднее время.

Въ Малороссіи, напротивъ, заклинанія составляютъ почти исключительно достояніе знахарей, которые держатъ ихъ въ большой тайнѣ, передавая устно своимъ преемникамъ, такъ что доступъ къ этого рода произведеніямъ весьма труденъ. Правда, и въ Малороссіи можно встрѣтить старинныя тетрадки съ заклинаніями, но несравненно рѣже, нежели въ Сѣверной Россіи, и при томъ ими обладаютъ собственно мелкопомѣстные помѣщики, мѣщане, козаки, а не крестьяне.

Какъ передаваемыя главнымъ образомъ устно, Малороссійскія заклинанія отличаются краткостію, отъ чего часто бываютъ даже непонятны; ясно, что въ нихъ народная память измѣняетъ самой себѣ.

Не смотря на свою краткость, а иногда и замѣтное искаженіе, Малороссійскія заклинанія все таки представляютъ важный источникъ для ознакомленія съ народными суевѣрія-

ми и для изученія древнихъ языческихъ представленій нашихъ предковъ. Не распространяясь много о важности Малороссійскихъ заклинаній, я скажу только то, что многія изъ нихъ поражаютъ сходствомъ своимъ, въ цѣломъ, или въ частяхъ, съ языческими молитвами древнихъ Литовцевъ. *

Въ виду важнаго научнаго значенія Малорусскихъ заклинаній, я давно уже занимаюсь ихъ собираніемъ. Какъ уже сказано выше, мною помѣщено нѣсколько заклинаній въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1859 годъ, въ №№ 25 и 49, подъ заглавіемъ: „Украинскія шептання и замовляння.“ Помѣщенные тамъ заговоры записаны мною въ гг. Мелитополѣ, Таврической Губ., и Харьковѣ. Одно заклинаніе, записанное въ г. Черниговѣ, напечатано въ № 13 тѣхъ же Вѣдомостей, въ моей статьѣ: „О волкахъ и волчьемъ богѣ Полѣсунѣ.“ Въ послѣдствіи, къ этому собранію я присоединилъ еще нѣсколько заклинаній, записанныхъ мною въ Таврической и Полтавской Губ., а также доставленныя мнѣ изъ Малороссіи нѣкоторыми лицами, и обнародованныя уже въ нѣкоторыхъ доступныхъ мнѣ сочиненіяхъ и повременныхъ изданіяхъ. Все это я соединилъ вмѣстѣ, и такимъ образомъ составился настоящій сборникъ.

Ненапечатанныя еще заклинанія доставили мнѣ слѣдующія лица: К. И. Кибальчичъ изъ Житомира, М. М. Левченко изъ Ананьина, Херсонской Губ., Т. Дмитрашко-Райче изъ Переяславскаго Уѣзда Полтавской Губ., и А. А. Тищинскій изъ Чернигова. Первый, кромѣ того, сообщилъ еще Черноморскую рукопись съ заклинаніями, а послѣдній—старинный рукописный лѣчебникъ.

Черноморская рукопись, заключающая въ себѣ 18 заговоровъ, принесена была изъ Черноморіи однимъ Козакомъ

---

* Сравни Малоросс. закл. №№ 48, 52, 151, 153, 210 и Литовск: Litwa, Jucewicza. W. 1846, стр. 344.—Litwa, Kraszew. т. I, стр. 344.—Журн. Мин. Нар. Просв. Бѣлорусск. повѣрья. 1846 г., 4-я, № 33, и особенно Русское Слово 1860 г., № 5.—Литовское племя, Н. Костомарова.

Полтавской Губ. На ней есть надпись, указывающая на время, когда она составлена, и на лицо, которому она принадлежала, именно: „1843 г., мѣсяца Марта 28 дня, войска Черноморскаго военнаго округа Старожеремѣева курня Тарасъ Мамай.“ Рукописный лѣчебникъ, заключающій въ себѣ разнаго рода медицинскіе и хозяйственные совѣты съ 9 заклинаніями, переписанъ, какъ значится на немъ, въ 1793 году; онъ принадлежалъ дѣду лица, доставившаго лѣчебникъ, мелкопомѣстному помѣщику Городницкаго Уѣзда, Черниговской Губерніи.

Перечисляю печатныя изданія, изъ которыхъ извлечены для моего сборника заклинанія:

Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1853 г. № 19, ст. П. Огіевскаго: „Столѣтній старецъ, Іоаннъ Андреевичъ Тарасевичъ.“ Послѣ этого старца, мелкаго помѣщика, осталась рукопись съ заклинаніями, подъ названіемъ: „Наука о пчеловодствѣ,“ къ сожалѣнію, безъ начальнаго и послѣдняго листковъ.

Тѣ же Вѣдомости 1855 г. № 21: „Описаніе села Юриновки, Новгородсѣверскаго Уѣзда.“ Тѣже Вѣдомости 1858 г. № 17 „О заговорахъ,“ ст. А. Шишацкаго-Иллича.

Этнографическія свѣдѣнія о Подольской Губерніе, записанныя въ Литинскомъ Уѣздѣ Мировымъ Посредникомъ Н. Данильченкомъ. Вып. I-й. Изд. Подольской Губерніи Стат. Комитета. Каменецъ Подольскъ, 1869 г.

Украински приказки, прислѣвья и таке инше. Спорядивъ М. Номисъ. С.-Петербургъ, 1864.

Lud Ukrainski, jego pieśni, bajki, podania, klechdy, zabobony i t. d. zebrał i stosownemi uwagami objasnił Antoni Nowosielski. 2 t. Wilno, 1857.

Обычаи, повѣрья, кухня и напитки Малороссіянъ, Н. Маркевича. Кіевъ, 1860.

Бытъ Русскаго народа, А. Терещенка. С.-Петерб., 1848, ч. V, VI.

Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony. Przez L. Gołębiowskiego. Warszawa, 1830.

Опытъ Южно-Русскаго словаря, К. Шейковскаго, вып. I. Кіевъ, 1861.

Erheiterungen (Лейпцигскій журналъ) 1861 г., № 22, ст. „Die Gebirgsbewohner in Galizien."

Ученыя записки Профессоровъ Московскаго Университета 1836, года; статья Срезневскаго: „Взглядъ на памятники Украинской народной словесности."

Основа 1861 г. № 11 и 12., статья, А. Свидницкаго: „Великденъ у Подолянъ."

Записки Русскаго Географическаго Общества, 1847. г кн. 2: „Объ этнографическомъ изученіи Русской народности, Надеждина."

Записки о Полтавской Губерніи, Арендаренка. Полтава 1819 г., часть 2-я.

Пантеонъ 1855 г. кн. 5: „Гупули, Вагилевича."

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1864 г, Іюль: „Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ, Срезневскаго."

Современникъ 1853 г. № 9. Критика (Этногр. Сборн. Изд. Геогр. Общества).

Вотъ всѣ источники. Я знаю, что нѣсколько Малороссійскихъ заклинаній было помѣщено въ нѣкоторыхъ сборникахъ, на прим. въ изданномъ въ Галиціи „Вѣнкѣ Русинамъ на обжинки", и въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ—Волынскихъ и Кіевскихъ. Но мнѣ не представилось возможности воспользоваться упомянутыми источниками. Вѣроятно, и рукописныя собранія заклинаній имѣются у лицъ, занимающихся изученіемъ Южно-Русскаго края. По крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно о существованіи занимательнаго собранія заклинаній, записанныхъ „отъ Кіевскихъ вѣдьмъ" бывшимъ Профессоровъ Кіевскаго Университета Н. Д. Иванишевымъ.

Въ настоящемъ моемъ Сборникѣ, кромѣ собственно заклинаній, помѣщено нѣсколько дѣтскихъ приговорокъ и другихъ произведеній народнаго слова, имѣющихъ характеръ загово-

ровъ. Самые же заговоры сообщаются со всѣми ихъ разночтеніями, что весьма необходимо для указанія того, какимъ образомъ они развивались и искажались. Относительно разночтеній и объясненій заклинаній, я придерживался подлинныхъ словъ лицъ, записавшихъ заклинанія, въ особенности словъ старинныхъ рукописей; отъ этого произошло то, что одни заговоры явились съ объясненіями на Великорусскомъ языкѣ, другія же на Малорусскомъ.

Что касается до распредѣленія, то я въ этомъ отношеніи придерживался Сборника Великороссійскихъ заклинаній Л. Майкова, собственно для болѣе удобнаго сравненія тѣхъ и другихъ заклинаній между собою. Порядокъ отдѣловъ, въ которыхъ заклинанія расположены, слѣдующій:

I. Любовь.
II. Бракъ.
III. Здоровье и болѣзни.
IV. Частный бытъ.
V. Промыслы и занятія.
VI. Отношенія общественныя.
VII. Отношенія къ природѣ.
VIII. Отношенія къ сверхъестественнымъ существамъ.

П. Ефименко.

г. Холмогоры.

МАЛОРОССІЙСКІЯ ЗАКЛИНАНІЯ.

I. Любовь.

1.

Присушныя слова.

Старыя дѣвушки, желающія возбудить къ себѣ любовь мужчинъ, стараются наскоблить подошву сапога чаруемаго, или утащить изъ шапки его нитку, или что ни будь другое, и все это, залѣпивши къ комокъ воску, бросаютъ въ огонь, приговаривая:

«Шчобъ тебе за мною такъ пекло, якъ пече вôгонь той вôскъ! Щобъ твоє серце за мною такъ топылось, якъ топыця той вôскъ, и щобъ ты мене тогди покинувъ, коли найдешъ той вôскъ!»

Утверждаютъ, что послѣ этого чаруемый мужчина непремѣнно пристрастится къ чарующей его дѣвушкѣ; въ противномъ же случаѣ будетъ чахнуть, сохнуть и наконецъ покончитъ смертію.

(**Данильчеко. Этнограф. свѣд. о Подольск Губ., вып. 1-й, стр. 6**)

2.

Щобъ милый прêлстивъ.

Варючи терличъ— приворотне зêлья, примовляютъ:

«Терличъ, терличъ! десятыхъ прикличъ, а зъ десятёхъ девьятёхъ, а зъ девьятёхъ восьмерёхъ, а зъ восьмерехъ семерёхъ, а зъ семерёхъ пъятерёхъ, а зъ пъятерёхъ чотырёхъ, азъ чотырёхъ трёхъ, а зъ трёхъ двохъ, а зъ двохъ одного та доброго. Якъ дуже зêлья кипить,—милый поверхъ дерева летить; якъ не дуже, о половинѣ дерева, и такъ побѣгыця.

(**Украин. приказки, Номиса, стр. 5. и Сочин. Квитки, изд. Кулиша, II, стр. 121**)

II. Бракъ.

3.

Дѣвичья молитва, чтобы выйти замужъ.

Въ день Покрова Пресв. Богородицы молятся особенно дѣвушки, желающія выйти замужъ; молитвы ихъ всегда почти сопровождаются приговоромъ:

«Свята Покровонько, покрой мѣнѣ головоньку, хочъ ганчиркою, абы не зоставалась дѣвкою!»

(Данильченко. Этногр. свѣд. о Подольск. Губ. вып. 1-й, стр. 37)

4.

Щобъ сватали дѣвчину.

Примовляютъ дѣвчата, мыкчись зеленымъ лёномъ зъ тыхъ зернятъ, що птиця упустила зъ рота на перехрестѣ:

«Якъ сей лёнъ изыходить, такъ щобъ до мене усѣ люде изыходилися та мене сватали!»

(Украин. приказки, Номиса, стр. 5)

5.

Щобъ побачить суженаго.

На канунѣ дня Св. Андрея дѣвица, проснувшись утромъ, подвязывется поясомъ и, во весь день не снимая его, постится и молится, а ложась спать, снимаетъ и кладетъ подъ подушками, въ видѣ креста. Послѣ этого громко произноситъ:

«Живу въ Кіевѣ на горахъ, кладу хрестъ въ головахъ; зъ кымъ вѣнчацьця, зъ кымъ заручацьця, зъ тымъ и за руки держацьця!» Во снѣ непремѣнно привидится суженый, или судьба.

(Записки о Полтавск. Губ. Арандаренка. 1849 г., II , стр. 227)

6.

Щобы свекровь умерла.

Вышедшая замужъ женщина, пріѣдя въ домъ мужа въ первый разъ въ день свадьбы, бросаетъ подъ печь курицу, подаренную ей матерью ея. Часто молода при этомъ случаѣ, боясь злости свекрови, бросая курицу подъ печь, заглядываетъ незамѣтно въ печку и шепчетъ: «А чы глыбока въ печи яма, чы умре до року мама?» Если выговоритъ эти слова, то свекровь до конца года непремѣнно умретъ.

(Lud Ukrain. I, 227)

III. Здоровье и болѣзни.

7.

Вôдъ криксивъ.

Якъ дѣтя довго плаче, треба ёго вынести у таке мѣсце, вôткôль видно лѣсъ такый, де есть дубы и березы.

Якъ хлопець, треба примовляти такъ: «Дубе, дубе! ты чорный: у тебе, дубе, бѣлая береза, у тебе дубочки сыночки, а у березочки дочки. Тобѣ, дубъ и береза, шумѣть та густи, а рожденому, хрещеному рабу Божію № спать та рости!»

Якъ дѣвчина маѣ криксы, то начинають такъ:

«Березо, березо! ты бѣла: у тебе, березо, чорный дубъ,» и такъ далѣе.

(Опытъ Южнор. словаря, Шейковскаго, вып. I, стр. 49)

8.

Вôдъ ночницёвъ.

Ночницѝ, то же что и криксы, т. е., безсонница младенца, сопровождаемая плачемъ.

«Курѝ, курѝ рябенькѝ! въ васъ головы маленькѝ, а у рожденого и хрещеного раба Божого № велика голова. Скрикнить вы сонъ изъ усѣхъ сторонъ на рожденого, хрещеного раба Божого №!»

(Украин. присказки, Номиса, стр. 161)

Вôдъ вôдмѣны.

Вôдмѣною называется Англійская болѣзнь, а дѣтя, страждущее Англійскою болѣзнью, зовутъ одмѣнча. Народъ думаетъ, что такіе уроды суть дѣти чертей, подброшенныя въ замѣнъ украденныхъ ими ночью настоящихъ дѣтей. Чтобы заставить чортиху возвратить дѣтя, оставленнаго ею урода сѣкутъ на кучѣ сора вѣникомъ и приговариваютъ:

«На тобѣ твоє, оддай мѣнѣ моє!»

(Жур. Erheiterungen 1861 г. № 22: Горные обитатели Галиціи. Ср. Lud Ukrainski, II, 161)

10.

Замовка одъ болѣзни зубнои.

«Господи Іисусе Христе, благослови мнѣ, рабу Божію №, сіе слово говорити и въ добрый конець привести:

«Первый княжичъ мѣсяць на небѣ Адавьевичъ, другой червякъ у дубѣ, третій медвѣдь у логвѣ, четвертый камень у полѣ, пъятый щука у водѣ. Коли тіи пять братôвъ, до купы изышовшись, будуть за однимъ столомъ сидѣти, пыти, ѣсти, гуляти, добрыи мысли мати, суды судити, пересуды брати, тодй и въ раба Божого № зубная кость, жовтая и бѣлая, будеть болѣти, и моєму слову ключъ и замокъ. Аминь, Аминь, Аминь!» (говорить трычи)

(Рукопис. лѣчебникъ 1793 г.)

11.

Вôдъ зубôвъ.

Каждый мѣсяцъ говорить при первомъ свиданьи мѣсяца. Скоро выйдешь, стань неподвижно, не сходя съ мѣста, и говори:

«Мѣсяцю князю! васъ три въ свѣтъ: одинъ на небѣ, другôй на землѣ, а третій въ морѣ, камень бѣлый. Якъ вони всѣ не можуть до купы зôйтитьця, такъ не можуть въ мене, раба Божого №, зубы болѣти!»

И сіе прочитать три раза, потомъ: «Отче нашъ» и «Богородице

Дѣво,» по разу, а потомъ сказать: «Нехай тобѣ золота корона, а мѣнѣ счастья и здоровья.

(Доставилъ Т. Дмитрашко-Райче)

12.

Одъ зубнои боли.

Заговоръ излѣчивающій. Говорится къ молодому мѣсяцу, увидѣвши его въ первый разъ, и съ правой стороны:

«Мѣсяць у небѣ, мертвець у гробѣ, камень у морѣ: якъ три браты до купы зберутся и будуть банкетъ робити, тоди у мене зубы будуть болѣти.»

(Обычаи, повѣрья и кухня Малоросс., Н. Маркевича, стр. 91)

13.

Одъ зубнои боли.

«Мѣсяцю, молодій княже! Чы бувавъ ты въ старого? Чы питавъ ты ёго, чи болѣли въ ёго зубы? Щобъ у мене вѣкъ вѣкомъ и судъ судомъ зубы не болѣли. Заѣць въ полѣ, а рыба въ морѣ, мѣсяць на небѣ: коли будуть три браты вкупѣ гуляти, то тодѝ у мене будуть зубы болѣти.»

(Зап. П. Ефименко въ Харьковѣ. Черн. Губ. Вѣд. 1859 г. № 49)

14.

Одъ зубнои боли.

Шепчутъ, обращаясь къ молодому мѣсяцу:

«Мѣсяцю молодый, на тобѣ хрестъ золотый! Питаєтця сынъ батька: «Чы болять зубы у неживого?»—«Нѣ, не болять!»—«Нехай же и у хрещеного, рожденого раба Божого № не болять!»

(Зап. П. Ефименко въ г. Мелитополѣ, Таврич. Губ.—Черн. Губ. Вѣд. 1859 г. № 49)

15.

Одъ зубнои боли.

«Мѣсяцю, мѣсяцю! у тебе роги золотыи: чы бувъ ты на тôмъ свѣтѣ? Чы бачивъ ты мертвыхъ людей?»—«Бачывъ!»—«Чувъ же ты, чы болять у мертвыхъ людей зубы?»—«Хто скаже, щобъ мертвыхъ людей зубы болѣли!»—«Дай же, Боже, щобъ и въ мене, раба Божого №, хрещеного, нароженого и молитвяного, зубы николи не болѣли! Тобѣ на пôдповня, а мѣнѣ на здоровья!»

(Доставилъ Дмитрашко-Райче)

16.

Одъ зубнои боли.

«Мѣсяцю Маю, чогось я тебе спитаю: чы болять въ мерцьвя зубы?»—Нѣ, ни болять ни щемлять.»—«Щобъ же не болѣли и не щемѣли у рожденого, хрещеного раба Божого №!»

(Зап. П. Ефименко въ г. Харьковѣ. Черн. Губ. Вѣд. 1859, № 49)

17.

Одъ зубнои боли.

«Ты, мѣсяцю, Адаме, молодикъ: Питай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертвого зубы не болять?»—«У мертвого зубы николи не болять: кости задубѣли, зубы занѣмѣли, николи не будуть болѣть.»—«Даруй, Господи, щобъ и у мене, раба Божого нароженого, молитвяного, хрещеного № зубы занѣмѣли, николи не болѣли!» (три раза повторить)

(Обычаи, повѣрья, кухня Малоросс., Н. Маркевича, стр. 91)

18.

Одъ зубôвъ.

Архангелъ Михаилъ, мѣсяць праведный, бувъ на тôмъ свѣтѣ?»—«Бувъ!»—«Бачивъ мертвыхъ людей?»—«Бачивъ.»—«Не болять ихъ зубы, не болить ихъ жовта кость?»—«Не болить и чорная кровь (имярекъ) раба

Божого: щобъ же зубы не болѣли и не щемѣли у хрещеного, нароженого, молитвяного!»

(Зап. А. Шишацкій Илличъ. Черн. Губ. Вѣдом. 1858 г., № 17)

19.

Одъ зубʼной боли.

Святый Антонію, зубовый цѣлителю, поможи мѣнѣ, молодиче, молодиче! Питаюся старого, чы болять зубы у мертвого?» — «Нѣ, не болять.» — «Щобъ же вѣкъ вѣкомъ и судъ судомъ и у хрещеного, роженого, раба Божого № не болѣли!»

(Зап. П. Ефименко въ г. Харьковѣ. Черн. Губ. Вѣд. 1859, № 49)

20.

Одъ зубнои боли.

Заговоръ предостерегательный:

«Тобѣ, мѣсяцю, сповнѣ, мѣнѣ на здоровьи. Тобѣ, мѣсяцю, насвѣтитися, мѣнѣ по свѣту надивитися, добре находитися!»

(Обыч., повѣр. и кухня Малоросс., стр. 91)

21.

Щобъ зубы не болѣли.

«Молодикъ гвоздикъ, тобѣ роги красни, мѣнѣ очи ясни!»

(Украинскія приказки, Номиса, стр. 5)

22.

«Молодикъ гвоздикъ, тобѣ на уповня, мѣнѣ на здоровья; тобѣ круты роги, мѣнѣ чорны бровы!»

(Тамъ же).

23.

Щобъ зубы були моцнѣйши.

«Мѣсяцевѣ золотыи роги, а намъ счастя и здоровья; мѣсяцевѣ на пôдповня, намъ на счастя и на здоровья!»

(Тамъ же)

24.

Щобъ зубы не болѣли.

«Молодикъ, молодикъ! Въ тебе роги золоты: твоимъ рогамъ не стоять, моимъ зубамъ не болѣть!»

(Украин. присказки, Номиса, стр. 5)

25.

Если у кого выпадетъ зубъ, то для того, чтобы новый зубъ былъ крѣпче выпавшаго, выпавшій зубъ бросаютъ черезъ голову, на чердакъ, со словами:

«Мышка, мышка, на тобѣ зубъ костяный, а мѣнѣ дай зализный!»

(Черниг. Губ. Вѣд. 1859, № 49. Ср. Lud Ukrain. t. II, стр. 153)

26.

Вôдъ волоса.

Волосомъ называется нарывъ на пальцѣ и другихъ частяхъ тѣла, происходящій, по мнѣнію народа, отъ потоптаннаго человѣческаго волоса, который оживаетъ и впивается въ тѣло. Знахарки заговариваютъ рану, заставляя волосъ выйти изъ нея и обвиться на палецъ знахаркѣ. Знахарка держитъ тридевьять колосьевъ ржаныхъ ниже раны, касается головы большаго ладонью 4 раза, потомъ креститъ его ножомъ, погружая ножъ въ миску съ водой, и шепчетъ:

Звôдкиля ты взялося, звôдкиль прилѣзло, я тебе выганяю, выклинаю, проклинаю, иди прôчъ, та йди на лѣсы, на очереты, та на лугы, та на пущи, та на трепезы, та влѣзь въ гадюку, та влѣзь въ жабу! Прôчъ, прôчъ!»

(Lud Ukrain., Nowosielskiego. 1857 г., t. II, стр. 150)

27.

Вôдъ волосу.

Берутъ нѣсколько пустыхъ ржаныхъ колосьевъ, связываютъ ихъ въ пучокъ, поливаютъ теплою непочатою водой и, прикладывая колосья эти къ больному мѣсту, приговариваютъ: «Волосъ, волосъ, выйди на колосъ!»

Вѣрятъ, что послѣ этого волосъ выйдетъ изъ больнаго мѣста и обматывается вокругъ колосьевъ.

(Данильченко. Этногр. свѣд. о Подол. Губ. вып. 1, стр. 5)

28.

Вôдъ бѣльма.

«Помощъ моя отъ Господа, сотворшого небо и землю. Ѣхавъ Св. Юрій на вороныхъ коняхъ, на чотырёхъ колесахъ: кони розбѣглись, колеса роскотылись по синёму морю, по чистому полю. № я изгоняю бѣльмо отъ хрещеного раба Божого №, выговорую зъ костей, зъ мощей, зъ тѣсныхъ плечей, зъ синихъ печеней, изъ буйной головы, зъ чуткихъ ушей, изъ щирого живота, изъ ретивого серця, зъ горячои кровй, зъ жовтыхъ костей, зъ солодкого мозгу: у раба Божого № слёза изъ ока, и бѣльмо изъ ока!»

(Опытъ Южнорусскаго Словаря, Шейковсскаго, вып. 1-й, стр. 60)

29.

Вôдъ бѣльма въ коня, або такъ у якои скотины.

Вранцѣ на Юрья зôбрати небесну роску, щобъ хустка добре змокла, и унесши ои въ хату, выдавити зъ неи и ту роску у шклянку. Коли жъ зробитьця бѣльмо въ якои скотины, то, стоячи передъ нею, треба казати:

«Ѣхавъ Юрій на бѣлôмъ коню, бѣлы губы, бѣлы зубы, самъ бѣлый, въ бѣле одягся, бѣлымъ пôдперезався, веде за собою три

хорты: одинъ бѣлый, другôй сѣрый, третій червоный. Бѣлый бѣльмо злиже, сѣрый слёзу, а червоный кровь.»

Сказавши сеє, узяти воды, що брана на Юрія, зъ шклянкы у ротъ и пирскнути ею тричи на бѣльмо.

(Достав. Дмитрашко-Райче. См. также Украин. приказки, Номиса, 161)

30.

Вôдъ ячменьцю.

Одно каже: «Ячмѐнець!» а въ кого ячмѐнець на оцѣ, одказує: «Брешешъ!» Такъ тричи, потôмъ, хто каже «Ячмѐнець», тричи плює.

(Украинскія приказки, Номиса стр. 161)

31.

Якъ зробытыця на оцѣ ячмѐнь, то тычуть у око дулю, приговарю ючи: «Ячмѐнь, ячмѐнь, на тобѣ дулю!»

(Сообщ. М. М. Левченко)

32.

Якъ запорошитьця око.

Примовляють, взявши за вѣко и пôднявши въ сей способъ вѣку:

«Выплынь, бабко, дамъ тобѣ ябко!»

(Украинскія приказки, Номиса стр. 161)

33.

Наука вôдъ трясця.

ИШовъ Св. Аврамъ путемъ, зострѣчає вôнъ 77 трясовыць: «Куды вы идете, 77 трясовыць?»—«Идемо жъ мы на Бѣлу Русь людей мордувати, и тѣломъ труждати, и кости ломати, и кровь морити.» —«Сыну

мôй, Самсоне, побѣжи, вôзьми залѣзную шину, та розпечи и розжени тѣхъ 77 трясовыць, нехай вони тѣла не труждають, костей не ламають, кровь не морять.»—«Св. Авраме, не бій насъ, не лай насъ и не печи насъ, нехай же мы будемъ кровь морити, тѣло труждати, кости ламати, людей мордувати; а хто буде твою святую заповѣдь знати, то мы ёго не будемъ нападати и двôръ ёго будемо минати.»—«Я вôдъ васъ знаю, одо всѣхъ одмовляю, молитву читаю, не мучте бѣдныхъ Христьянъ; трясить купами, очеретами и болотами; я одмовляю одъ раба Божого (або рабыни) №!»

(Доставилъ Кибальчичъ)

34.

Молитва одъ трясовицѝ.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Ишовъ Святый Пахнутій путемъ, и на встрѣчу ёму дванадцять дѣвиць-красавиць, Царя Ирода дочери, и воспросилъ ихъ Святый Пахнутій: «Что вы за дѣвицѝ?» Отвѣщали они ёму: «Мы Царя Ирода дочери.»—«Куда идете?»—«Мы идемъ людей мучить, сушить, знобить, рожжигать, именемъ звать насъ: перва огненая, друга то же, третя легчае, четверта гнутная, пята ломотная, шеста жовтая, седмая скорпія, осьмая сухая, девята знобая, десята сыняя, одинадесята пухлая, дванадцятая глыхота и дневная, сестра ихъ старѣйшая, моторнѣйшая и проклятѣйшая. И взявъ Святый Пахнутій жезлъ свой, и взявъ, по одной парѣ бравъ, и кожной дѣвицѣ по семидесяты ранъ давалъ. Тогда онѣ просились: «Святый Пахнутій, помилуй насъ! Куда ити одъ тебе жъ?»—«Одбѣжите, проклятіи, отъ сего раба больного на сухый лѣсъ, на жовты пѣскы, къ своёму Царю, Ироду!»—«Отъидемъ, и хто твою святую молитву читать будеть, и того, раба Божого, повѣчно убѣгать будемъ.»—«Одбѣжите, прокляты, одъ сёго раба Божого!» Аминь.

(Черноморская рукопись)

35.

Вôдъ лихорадки.

У недѣлю рано, якъ сонце сходило, Христа до Ратуша приведено. Стали ёго вязати и въ стовпа мордовати. Стоить Жидъ, тря-

сетьця. «Чого ты, Жиде, боисься?»—«Я не боюсь, тôлькô въ мене руки и ноги трясутьця. Царь Давыдъ позаганявъ Иродовы дочки въ каменнй горы, ставъ ихъ каменовати и печатовати. Хто те можеть знати, одъ нынѣ и до вѣку у него не можеть вона бувати.»

Прочитать сіе 12 разъ, и прочитать всѣ женскія имена одинъ разъ, и говорить: «Чы ты такая! Чы ты такая?» по именамъ: тутъ тобѣ не стояти, червонои кровй не пити, жовтои кости не ломити, пазурами не драти, тѣломъ не трясти: тряси лугами и очеретами!»

И сіе разъ проговорить.

(Доставилъ Дмитрашко-Райче)

36.

Вôдъ пропасныцй.

Во время лихорадки варятъ круто яйцо, раздробляютъ его на 77 частей и вручаютъ больному, который долженъ ити съ нимъ къ рѣчкѣ, или пруду и, бросая яйцо въ воду, проговорить:

«Є васъ сёмдёсять сёмъ,
Даю вамъ снѣданя всѣмъ.»

За тѣмъ всякій разъ, якъ больной пьє воду, вôнъ довженъ приговаривать:

«Въ имя Отца, Сына, и Святого Духа, щобъ покинула мене тётуха! Бо въ (такой-то день) Рôздво було.»

(Данильченко. Этнографическія свѣдѣнія о Подольской Губерніи, стр. 45)

37.

Одъ бородавокъ.

Навязать на нитку столько узловъ, сколько бородавокъ, и закопать ее подъ стрѣхою. Борадавки при этомъ считаютъ отъ найбольшаго числа ихъ къ одному. Если, на примѣръ, пять бородавокъ, то, завязавъ 1-й узелъ, говорятъ: «Пять!» завязывая другой: «Четыре!», при третьемъ: «Три!» и пр.

(Доставилъ Т. Дмитрашко-Райче)

38.

Водъ кровь.

«Тамъ на горѣ туры орали, красну рожу сіяли; красна рожа не зошла; тамъ стояла дѣвка; коло синяго моря безребра овечка стояла; кры чѣрвоного моря чѣрвоній камень лежить. Де сонце ходить, тамъ кровь знимаєтьця; де сонце заходить, тамъ кровь запикаєтьця.

(Доставилъ Дмитрашко-Райче)

39.

Кровь замовлять.

«Ишли лѣки черезъ три рѣки, и лозу рубали, и рожу сажали, и рожа не принялась, и кровь унялась; пускали водяную, пускали молочную и кровавую замовлю, и порубану прибитую и порѣзану: своимъ духомъ обнимаю, Святого Бога упоминаю, Святого Миколая чудотворца; такъ же я сеи кровѣ не пускаю, такъ же я греблю, гачу и уденно и полуденно, и ночную, и зорочну, и мѣсячну: чоловѣкъ зъ духомъ, а Богъ зъ помоччю!»

(Записалъ Шишацкій-Ильичъ. Черн. Губ. Вѣдом. 1858 г., № 17)

40.

Кровь замовляти.

Воспоминаніе Господне: Господи, помилуй!» (3 раза) Господь помощъ и я зъ рукою. Ишла костяна баба съ камянои горы, съ камяною дойницею до костянои коровы. Коли съ камянои коровы молоко потече, тодѣ раба Божого кровь потече.»

(Доставилъ Кибальчичъ)

41.

На остановленіе крови.

Ѣхавъ Илья на конѣ, тягъ ноги по землѣ, ноги поднявъ, кровь унявъ. Ишла Пречиста: одна зъ Кіева, друга зъ Чернигова, третя

зъ Нижина, несли срёбну голочку, шовкову ниточку, рану зашивали, кровь замовляли: «Кровь зъ буйнои головы, зъ румяного лиця, зъ ретивого серця, зъ живота, зъ костей, зъ мозгóвъ, зъ чорнихъ кôсъ, зъ карихъ очей!»

(Зап. П. Ефименко. Черниг. Губ. Вѣд. 1859 г., № 49)

42.

Кровь замовляти.

«Ишовъ Христосъ, ступивъ на трость, трость уламалась, кровь угамовалась, цвѣто цвѣтаєтьця, кровь угамовуєтця.»

Тричи переговорити и дунуть. Пальцями стискать правою рукою вздовжъ зарѣзаного.

(Доставилъ Кибальчичъ)

43.

Вôдъ крови.

Ишовъ Христосъ до Ордани рѣки, и Ангелъ ишовъ; Христосъ ставъ, и Ангелъ ставъ, и Ордань рѣка стала, а котора не стала, не благословенна стала; кровь правои (або лѣвои) руки (або що врубаєть) я одъ отоку не впыняю, ятрость и кровь замовляю. Господи, поможи мѣнѣ сіи дѣла творити!»

Сію рѣчъ девять разъ прочитати.

(Доставилъ Дмитрашко-Райче)

44.

На остановленіе крови.

Для того, чтобы удержать теченіе крови изъ раны, придавливаютъ рану пальцемъ и приговариваютъ:

«Ѣхавъ Святый Петро на бѣлôмъ конѣ: кôнь бѣжить, ажъ камѐнь сѣче; да буде проклята кровь, котра потече!»

При этомъ 3 раза дуютъ на рану и сплевываютъ.

(Зап. П. Ефименко въ г. Харьковѣ. Черниг. Губ. Вѣдом. 1859, № 49)

45.

На остановленіе крови.

«Іоанне Хрестителю, хрестившій Духомъ Святымъ и водою, святую воду несешъ вёдрами: вода розливается, кровь унимается вôдъ раба Божого №. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь!»

(Запис. П. Ефименко въ Мелитополѣ. Черниг. Губ. Вѣд. 1859, № 49)

46.

Одъ крови у коней.

«Йшовъ красный панъ, нёсъ воды збанъ, панъ повалився, збанъ розбився, вода розлилася, у сѣрого коня кровь унялася. Текло три рѣки пôдъ калиновый листъ: перва водяна, друга молочна, третя кровава; я водяну изопью, а молочну споживу, а кроваву испиню, изъ сѣрого коня кровь изгоню. Летѣвъ чорнъ воронъ изъ за крутои горы, сѣвъ у сѣрого коня на крижѣ, зъ крижа на спину, а зъ спины на гриву, зъ гривы до долу.»

47.

Одъ стѐклизны.

Стѐклизна—водобоязнь. При этой болѣзни больному даютъ пить непочату воду; сваренную съ зельемъ Матери Божои (коса) и приговариваютъ:

Шло собѣ трёхъ братôвъ,
Балакали, встѐклого собаки питали:
«Иди правою дорогою,
Черезъ Орданску рѣку,

На высолянску гору:
Тамъ ходить баранъ
Зъ великими рогами,
И выстрижи ёму вовну
Межѣ рогами,
И вернысь назадъ:
Орданьскои воды набери,
Бѣлого камня зъ скалы вдупи,
И да поможать мнѣ всѣ Святіи хранители
Замовляти, заклѣнати,
Вôдъ встѣклото собаки!»

Послѣ этого приговора нужно прочитать: 7 разъ: «Отче нашъ» и 7 разъ: «Богородице Дѣво.»

(Данильченко. Этнограф. свѣдѣнія о Подольской Губ., стр. 4)

48.

Наука отъ гадюки.

«Воспоминаніе Господа Бога нашего», «Богородице Дѣво» и «Господи,помилуй!» (3 разы). «Господь помощь,» и я зъ рукою. По синёму морѣ озыраємна, на озыраємнѣ грушевина, на грушевинѣ гнѣздѣще, на гнѣздыщѣ Царыця Ляга. «Царыце Лягище! Собирай своє вôйсько гадюцьке и гадимеке, собирай и спинай зубы, губы и вуста одъ звѣрняго лиця, одъ бѣлои костѝ, одъ чѣрвонои кровѝ раба Божого №!» (А коли скотина, то по мастѝ, яка масть однакова.)

(Доставилъ Кибальчичъ)

49.

Одъ гадюки.

«Господи, благослови мнѣ рабу Божію № сіє слово говорити и въ добрый кôнець привести. На полѣ полѣ, на степѣ степѣ, стоить грушка, пôдъ тоею грушкою стоить золотая коровать, и на тôй короватѣ лежить змія. «Прійшовъ я до тебе, змія, кропиня, Бога прохати и твои милости: сталася мнѣ шкода въ коня (чы въ кобылы, чы въ вола, чы въ коровы) гнѣдого (или якои шерсти, точно назвати), жовтой костѝ, въ чѣрвоной кровѝ, въ рыжôмъ мясѣ, въ воронôй шерсти.

Избери ты всѣхъ своихъ царѣвъ, генералѣвъ, князѣвъ, гетманѣвъ, полковникѣвъ, сотникѣвъ, атаманѣвъ, асавулѣвъ, хоружихъ, рядовыхъ всѣхъ козакѣвъ, и всѣхъ домовыхъ служителей, земляныхъ, гноєвыхъ, травяныхъ, камянныхъ, водяныхъ, погребныхъ, подкупныхъ, и покарай вынного дубовымъ кіемъ, и зажени ёго на тридесять саженей въ сырую землю, въ жовтый пѣсокъ (трижды говорити, зелѣзомъ по тому листу водячи, где вкусить!»

(Рукописный лѣчебникъ 1793 г.)

50.

Якъ яка гадина укусить.

Въ первѣмъ разѣ лучшѣмъ часѣ. Надъ муковымъ полемъ, тамъ стояла груша, а въ тѣй грушѣ Царица Елына. Царице Елыне, закажи своимъ тридевять дванадцятымъ сестрицямъ по колющому и по болющому; а якъ не закажешъ, то мы тому чоловѣку скажемъ, що въ недѣлю возы маже и дрова рубає; то вѣнъ васъ посѣче и порубає!»

Якъ укусить, тричи переговорити и дмухнуть по разу, и плюнуть.

(Доставилъ Кибалчичъ)

51.

Молитва одъ гадины.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Стоить груша на полѣ, на тѣй грушѣ сидить аспидница. «Посылай, аспиднице, до тридесяти гадей, да и тіи имуть ядъ свой, до четвертой поджарой, сѣрой, половой, чорной и ужаки, да имуть зубы!» Ишовъ Святый Емеліянъ въ чистое поле, стрѣла ёго дѣвиця Марія: «Куды ты идешъ, Святый Емеліянъ?»—«Пѣйду въ чистое поле; и въ чистѣмъ полѣ стоить груша, на тѣй грушѣ соколево гнѣздо висить, а въ тѣмъ гнѣзду лежить гадина Ладина, царей цариця. Пѣйду скажу, нехай вона скаже и закаже своёму роду и народу: вкусила гадина раба Божія №; на синёмъ морѣ

лежить бѣлый камѣнь, а пôдъ тѣмъ каменемъ лежать щучіи зубы: «Вонъ зубы, вонъ зубы, вонъ зубы!»

(Черноморская рукопись)

52.

Одъ гадюки.

Помолимся Богу и Матери Божôй, Пречистôй, Святôй, и всѣмъ Святымъ, Преподобнымъ. «Пôдъ сонцемъ пôдъ жорстокимъ, и пôдъ лѣсомъ, пôдъ чорнымъ, пôдъ высокимъ, тамъ стоить верба; пôдъ тоею вербою сѣмъ сотъ коренêвъ, и на тôй вербѣ сѣмъ сотъ канатôвъ, и на тѣхъ канатахъ сидить Царь Ханъ и Цариця Ханиця; и прошу я Царя Хана и Царицѝ Ханицѝ, и властникôвъ ихъ, и да поможите, и вымите три зубы лихихъ зъ рижого коня (или зъ раба Божого) зъ кровѝ чорнои, зъ костѝ жовтои, зъ шерстѝ рижои!»

И такъ тричи говорить и плёвать, кажучи: «Дай, Боже, помочъ!» отливъ рукою мацать.

(Зап. Шишацкій-Илличъ. Черниг. Губ. Вѣдом. 1858, № 17)

53.

Коли гадюка вкусить.

«Ѣхавъ черезъ поле Михайло Рыхайло на бѣлôмъ конѣ и зъ гострымъ мечемъ, черезъ афтытыне поле, и на афтытыному полѣ, и тамъ бѣлый камень лежить, и пôдъ тѣмъ камêнемъ Агыпа Цариця лêжить, и ввесь гадъ и шчувае, и тамъ ставъ Михайло Рыхайло, ставъ еê сѣкти, рубати и по тôмъ камêни кровь еи мазати.»

И сіе прочитать 12 разъ и говорить: «Одмовляю и выкликаю одной масты №№ (скотины, або чоловѣка, также до волосъ).»

(Доставилъ Дмитрашко-Райче)

54.

Якъ гадюка вкусить.

Заклѣнаю васъ, гадюки, именемъ Господа Нашого І. Хр. и Св. Великомученика Побѣдоносця Георгія и всѣми небесными силами заклѣнаю три Цариці: Куфію, Невію и Полію, щобъ не вредили (старцу, или младенцу №) волосомъ такому-то (смотря по цвѣту волосъ)!»

Потомъ читаютъ молитву:«Пресвятая Тройце» 5 разъ, и Молитву Господню 7 разъ. Если змѣя очень ядовита, то читаютъ заговоръ 3 раза.

(Обычаи, повѣрья и кухня Малоросс., Маркевича, стр. 91)

55.

Якъ гадюка вкусить.

Во первыхъ три раза: «Отче нашъ» прочитать, потомъ, наступя правою ногою на первый порогъ, говорить:

«На морѣ на лукоморьи стоить купа, а на тôй купѣ лежить гадюка: я тую гадюку посѣчу, порубаю и щиреє серце №№ замовляю.»

(Доставилъ Дмитрашко-Райче)

56

Вôдъ гадюки.

«Ой чы не въ того лукоморья зелена лоза! Зелену лозу вѣтеръ сушить, вѣтеръ сушить, листы розносить: одинъ листочокъ у море впавъ; другôй листочокъ до сердечка припавъ, третёму листочку рану лѣчити, рану кѣровати!»

(Ученыя Записки Проф. Моск. Унив. Взглядъ на памятники Украинской народной словесности, Срезневскаго)

57.

Выговарювать червы.

«Святый Миколай, угодникъ Божій, ходи ко мнѣ на помочь!... Кôнь рыжôй, а въ коня рана, а въ ранѣ десять червякôвъ: одинъ другого ѣсть, другôй третёго, третій четвертого, четвертый пятого, пятый шестого, шестый сёмого, сёмый восьмого, восьмый девятого, девятый усѣхъ поѣсть!» И все ёще говорить однимъ духомъ.

(Зап. А. Шишацкій-Иллічъ. Черниг. Губ. Вѣдом. 1858, № 17).

58.

Наука одъ червôвъ.

Говорити «Отче нашъ», «Господи, помилуй,» три разы. «Господь помощь, и я зъ рукою. Ѣхавъ Св. Юрій на бѣлому конѣ черезъ лѣсъ, а за нимъ бѣгло три псы: первый чорный, другôй червоный, третій бѣлый: чорный кровь облизавъ, червоный бѣле тяга, а бѣлый червы вылизавъ, на языкъ забравъ. «Червы, тутъ васъ десять, изъ десяты девять, изъ девяты вôсемъ, изъ вôсьмы сёмъ, и т. д. изъ одного ни одного!»

И сплюнуть на вуглы три разы.

(Доставилъ Кибальчичъ)

59.

Молитва одъ червей.

«Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Не одни, не два, не три, не чотыри, не пять, не шёсть, не сёмь, не вôсемь, не девять Вонъ червь, вонъ робакъ, изъ сёго ноги, изъ сёго рôгъ, изъ сёго масты, изъ сёго костй, изъ сёго кровй, изъ сёго тѣла, изъ чотырьдесяты суставôвъ!»

(Черноморская рукопись)

60.

Вôдъ червей.

Скрутить на впакы, т. е., отъ себе, суровую нитку, а потôмъ прійти, взять жовтый коровьякъ (verbascum tapsus), и вôзьми за самый вершокъ и привяжи воколо землѝ и говори:

«Поты тебе не одпущу, покы (у такой-то скотины масты) №№ червы не высыпляться!» А потôмъ вранцѣ на другôй день одвяжи.

(Доставилъ Дмитрашко Райче)

61.

Одъ перелогôвъ.

Перелоги—болѣзнь скота зъ судорогами.

«За лѣсомъ, перелѣсомъ, тамъ хатка стоить, а въ хатцѣ престолъ стоить, на престолѣ рукавицѝ гаманицѝ: мѐнѣ перелогы, дѝдьку въ рогы; идить собѣ на мха, на сухіи очерета и на болота, и на болота и на ниціи лозы, де пѣвни не спѣвають, и пѣвнячій голосъ не заходить; тамъ вамъ питиньня и ѣдиньня, и роскоши ваши, а сюды щобъ не вникали!»

Прочитать одинъ разъ, або и бôльшъ, и пôтомъ тричи перевести черезъ шляхъ скотину, и тричи обвести коло могилокъ противъ сонця, а де могилокъ нема, то буде сёго щобъ тричи перевести черезъ дорогу.

(Записалъ Дмитрашко-Райче)

62.

Одъ перелогôвъ.

Ишовъ Свѝтій Авраамъ по крутыхъ горахъ, по мохахъ, болотахъ, по ницихъ лозахъ, замочився, заросився, нѐгде ёму спочить; пришовъ, сѣвъ, спочивъ на сѣрôмъ конѣ, уставъ и пошôвъ, за собою перелогы, урокы, примовкы понѐсъ.

(Зап. А. Шишацкій-Илличъ. Черн. Губ. Вѣд. 1858 г., № 17)

63.

Молитва отъ перелогôвъ.

«Було въ насъ дванадцять злодѣёвъ лютыхъ, дванадцять перелогъ. Я васъ не насылаю, но изсылаю, не насылаю на Христіянскій скотъ, а на мха, на болота, на крутыи берега, на жовтыи пѣскы: тамъ кури не спѣвали, гуси не кричали, собаки не брехали, вѣтеръ не вѣє, и Христіянскій голосъ не заходить.»

(Черноморская рукопись)

64.

Замовка перелогôвъ.

Господи, благослови мѣнѣ рабу Божому №. сіє слово говорити и въ добрый конець привести! Первымъ разомъ, добрымъ часомъ: «Ишла Святая Пречистая золотымъ мостомъ, и стрѣла на золотомъ мостѣ тридевять пахолôвъ; стала ихъ стрѣкати, стала ихъ питати: «Тридевять пахолôвъ, де бувалы? Що вы чували?»—«Мы бували за синѣмъ моремъ, и тамъ чували и видали: кôнь коня законивъ, вôлъ вола заволивъ, баранъ барана забаранивъ, козелъ козла закозивъ, гусакъ гусака загусивъ, пѣвень пѣвня запѣвнивъ, селехъ селеха заселихивъ.»—«Брешете вы, тридевять пахолôвъ! Неправда се єсть ваша!» (говорити тричи)

(Рукописный лѣчебникъ 1793 г.)

65.

Наука вôдъ перологôвъ.

Воспоминаніе Господа нашого, «Богородице Дѣво,» «Господи помылуй,» 3 раза.

«Господь помощь и я зъ рукою. «Въ бору на ганку сидить Богородиця Дѣва, рукавыця иного валу: «Повѣй, вѣтре буйный, изжени зъ сёго быдла логы и перелогы вѣтряны, буйваны, подуманы, погаданы, помысляны!»

Та вôзьми поясъ, або шапку, по здуховынахъ прокинь пôдъ

черевомъ, прокинь промѣжъ ногы, за вуха, по спинѣ, за хвосты, перевьяжи здуховыны тѣмъ поясомъ, або шапкою.

(Доставилъ Кибальчичъ)

66.

Благословеніе или величаніе горѣлки.

Въ Галиціи разгулявшаяся бесѣда поетъ хоромъ:

«О великая мученица паленица! Прошла есь скрозь огонь и воду, проходишь нашу немощну утробу, и приводишь насъ у бѣду и невзгоду: якъ тя взяли съ пивницѣ, взяли такъ до склянициѣ, посадили съ тобовь за столъ на лавицѣ, почали накланяти и такъ далѣ тебе величати: О славная великая мученице горѣлице! Сама у золотѣ ходишъ, а насъ по болотѣ водишъ; умныхъ дурными, багатыхъ убогими, всѣхъ подданными Жидовъ чинишъ! Придаешъ ты ся попомъ, паномъ, та и намъ, неборакомъ простакомъ. Якъ мы тебе напиваемся, за волося тягаемся, бигарями махаемъ на ся, у конець по болотамъ валаемся, и такъ тебе, великую мученицю, величаемъ!

За тѣмъ собирающійся пить произноситъ заклинаніе: «Угу на тя! фуй тю (дуетъ на чарку), проклятнице, изводнице! Пекъ бы тѣ (плюетъ на землю), паскуда проклята, кривуле нездатна! Иди у пустыню за лѣдове море, де ни дерева, ни травы, но самое поле и скала на скалѣ, а сѣмь колодиць равныхъ головѣ! Заклинаю (крестъ), проклинаю (крестъ), запрещаю (крестъ), тя кизякомъ, майдакомъ, гайдукомъ и псымъ хвостомъ, якъ воротиломъ. Не йди до головы, не задавай намъ бѣды, а йди до брюха, и ужень зъ нёго нечистого духа!»

Въ заключеніе старшій въ бесѣдѣ прибавляетъ: «Покашли, плюнь и упій, и дай тѣ, Боже, на здоровля!» Съ такими обрядами чарка обходитъ всю бесѣду.

(Записки Русскаго Геогр. Общества 1847 г. кн. 2-я: Объ этнограф. изученіи Русской народности, Надеждина, стр. III)

67.

Чоловѣку щобъ не упиваться.

Найти на путѝ верёвку, завязавши концями въ середину, палить на сковородѣ, и якъ верёвка загориться, говори трижды: «Такъ якъ ся верёвка завъязана, такъ бы мѣнѣ, рабу Божому, завъязало вôдъ всякого пьянства мысленого!» Якъ та верёвка згорить, то давати пить въ чѣмъ ни будь

(Списалъ П. Ефименко въ Полтавской Губерніи съ тетрадки)

68.

Молитва одъ напою.

«Єсть Господь на небѣ живъ, Орданъ рѣка крыщанця, земля маты, вода Уліяна! Плюну я на землю: якъ слына на землѣ пропадає, такъ все злелихе въ водѣ потопає. Сохрани, Господи, одъ напою, одъ перелоги, одъ кровѝ!»

(Черноморская рукопись)

69.

Вôдъ икавки.

«Икавко, икавко, де була?»—«У Кіевѣ!»—«Що ѣла?»—«Кобилину!»—Де дѣла?»—«Покинула!»—«Покинь и мене!» Такъ приказують, не перехоплюючи духу.

(Украинскія приказки, стр. 262)

70.

Вôдъ икавки.

Ишло черезъ дванадцять ланôвъ, и одинъ каже: «Ланъ, ланъ!» другôй каже: «Ланъ, ланъ!» третій каже: «Ланъ, ланъ!» и т. д.

(Украинскія приказки, стр. 262)

71.

Вôдъ урокôвъ.

Предохранительныя слова: «Côль тобѣ та панна зъ лихыма очима.

(Lud. Pol. 173)

72.

Вôдъ урокôвъ.

Если дитя заболѣетъ, то мать, чтобы узнать родъ болѣзни, призываетъ бабу, которая поступаетъ такъ: наливаетъ воды въ миску и, приступивши къ печкѣ, гдѣ лежатъ уголья, спускетъ въ воду ножомъ три раза по девять углей, съ величайшимъ стараніемъ считая куски углей, и прибавляя къ каждому числу слово «н е,» именно: «н е разъ, не два, не три, не чотыри,» и т. д. п., смотритъ, тонутъ ли угли, или плаваютъ въ водѣ. Въ первомъ случаѣ ясно, что дитя имѣетъ другую болѣзнь, а не уроки, въ послѣднемъ—уроки. Тогда обмывши дитя водой, въ которой гасимы были угли, баба начинаетъ шептать.

(Lud. Pol. 152)

73.

Одъ урока.

«Иду мѣжъ міръ, муромъ мурованая а зорями одягненая, мѣсяцёмъ пôдперезаная, пречистая моя тварь, щобъ мѣнѣ, рабѣ Божôй №, ввесь міръ радъ. Я до васъ иду зъ перцемъ та зъ паскою, а вы до мене зъ щирымъ серцемъ та зъ ласкою, до нароженои, молитвянои, хрещенои рабы Божои №, щобъ вы не задумали, не загадали лихого слова сказать и подумать!»

(Зап. П. Ефименко въ г. Мелитополѣ. Черниг. Губ. Вѣд. 1859 г., № 25)

74.

Одъ урока.

У моря калина, подъ калиною дѣвчина, вона не знала ни шити, ни прясти, ни золотомъ гантовати; только умѣла и знала одъ раба Божія № урокы и презоры выкликати й вызывати, на сухыи лѣса посылати. «Уроки, урочища, чоловѣчи й жоночи, дѣтячи, вамъ, урокы, урочища, у раба Божія № не стояти, жовтои костй не ламати, червоной кровй не пити, серця ёго не нудити, бѣлого тѣла не сушити; вамъ ити на мха, на темны луга, на густы очерета, на сухы лѣса!»

(Обычаи, повѣрья и кухня Малорос., стр. 89)

75.

Одъ урокôвъ.

Ишовъ Святый Петро и Павелъ зъ Пресвятою Богородицею высокыхъ гôръ ворочати, внизъ воды спускати, зъ раба Божого (чы рабы), урокôвъ, примовокъ знимати, чоловѣчихъ и жиночихъ, парубочихъ, дѣвочихъ, дитячихъ, вѣтряныхъ, водяныхъ, подуманыхъ и примовленыхъ, зъ очей карыхъ, очей синйхъ, зъ очей красныхъ, зъ очей бѣлыхъ. Вы, зори, зоряницй, Божіи помощницй, я речью, а вы помоччю!»

(Зап. А. Шишацкій-Ильичъ. Черн. Губ. Вѣд. 1858 г., № 17)

76.

Одъ урока.

Берутъ воду, находящуюся въ сосудѣ, и переливаютъ ее въ другой со словами: «Добры вечёръ, або добры день! Водице улянце, дай мѣнѣ урокы, урочища вôдшептати, вôдôгнати! Пресвятая Мати Божа, стань мѣнѣ на помочи и поможи мѣнѣ урокы, урочища-вôдôгнати, вôдшептати пристрѣтельны, насыланы, вѣтряны, вôгняни, уроки, урочища батьковы, матерёны, чоловѣчи, жёночи, па-

рубочи, дитячи, хлопчачи, дѣвочи. Урокы, урочища вызываю, выклинаю изъ ёго рукъ, изъ ёго нôгъ, очей, плечей, изъ семидесяти суставôвъ. Тутъ вамъ не сидѣти, жовтои костй не ломити, червонои кровй не вьялити, коло серця не нудити. Изôйдите на крутыи береги, на жовтыи пѣски, вôдъ хрещеного, рожденого, молитвяного раба Божого №!»

Послѣ этого знахарка креститъ три раза себя и больного; даетъ ему напиться той воды, надъ которой происходило шептаніе, сбрызгиваетъ ему этой же водою лице и продолжаетъ:

«Не я то шептала, Пречиста у головахъ стояла, урокы, урочища шептала, вôдшептувала, вôдъ хрещеною, рожденого молитвяного, раба Божого №.»

Послѣ сихъ словъ знахарка смачиваетъ водою три раза лице, руки, грудь, спину и ноги больного, и наконецъ выливаетъ воду за двери, въ глухую сторону.

(За п. П. Ефименко въ г. Мелитополѣ. Черн. Губ. Вѣд. 1859, № 25).

77.

Одъ урока

«Помагаёшъ ты, вода явленая, очищаешъ ты, вода явленая, и луга, берега, и середину! Очищай ты, вода явленая, парожденого вôдъ призору подуманого, погаданого, встрѣчного, водяного, вѣтряного, жёноцького, мужицького, парубоцького, дѣвоцького. Пôдите, урокы, на сорокы, на луга, на очерета, на болота, за моря!»

Прошептавши это, даютъ больному напиться святой воды, преимущественно Крещенской.

(Обычаи, повѣрья и кухня Малорос., Маркевича, 1860 г., стр. 89).

78.

Одъ урока.

«День добрый тобѣ! У тебе дѣвка, у мене парубокъ; посватаймось, побратаймось! Тутъ тобѣ не стояти, жовтой костй не ламати, червонои кровй не томити, щирого серця не нудити. Дубе, дубе нелыне, я тебе зъѣмъ зъ гиллямъ зо всѣмъ! Гамъ, гамъ, гамъ!»

Слова эти приговариваютъ, бросая навзничъ въ сосудъ, наполненный «непочатою водою,» тридевять жаринъ. Потомъ надъ головою больного приговариваютъ:

«Урокы, урочища, пôдить собѣ на яры, на лѣсы дремучи, на степы степучи, де гласъ чоловѣчій не заходить, де пѣвни не спѣвають; пôди собѣ, болѣсть очная!»

(Зап. П. Ефименко въ гор. Харьковѣ. Черн. Губ. Вѣд. 1859 г., № 25)

79.

Одъ урока.

«Якъ навôдлôгъ рукою не робити, такъ моёму лицю й тѣлу вôдъ никого не болѣти. Якъ неба й земли намъ не мѣряти, такъ и мене не наврокувати!»

(Запис, П. Ефименко въ г. Мелитополѣ. Черн. Губ. Вѣд. 1859 г., № 25)

80.

Якъ хто урече.

«Урокы на сорокы, а пристрѣты на ихъ диты!»

(Украинскія приказки, стр. 161)

81.

«Пхю, пхю! Урокы на сорокы, а помыслы на коромыслы!»

(Тамъ же)

82.

«На пса урокы, на кота помыслы!»

(Тамъ же)

83.

«Цураха поганымъ очамъ!»

(Тамъ же)

84.

Вôдъ пристрѣту.

«Не я говорю, самъ Господь говорить, я зъ словами, а Бôгъ зъ помочьчю!»

(Украинскія приказки, стр. 160)

85.

Приговоръ при употребленіи воды Елены отъ разныхъ болѣзней.

Еленою называется, какъ утверждаютъ селяне, по имени изобрѣтательницы, особый родъ непочатой воды. Для того, чтобы имѣть воду Елену, нужно, чтобы зачерпывавшій эту воду былъ на тощахъ, и чтобы, идя за водой, равнымъ образомъ и возвращаясь съ нею, не смѣлъ бы проговорить ни къ кому ни слова. Вода эта употребляется какъ лѣкарство особенно въ слѣдующихъ болѣзняхъ: отъ перестрѣту, отъ пôдвѣя, вихра, отъ курочки, отъ стéклызны и пр. При употребленіи ея говорятъ слѣдующій приговоръ:

«Водо Елено, очищаєшь лугы и берегы, очисть мене вôдъ всёго злого, вôдъ болéсти и слабости!»

(Даниленко. Этнограф. свѣдѣнія о Подольской Губ. выпускъ, 1, стр. 4)

86.

Щобъ наслать коросту.

Баба, которая желаетъ напустить на молодую чесотку, приговариваетъ во время свадьбы: «Дарую тебе додôльною (безъ пôдточни) сорочкою!»

(Украинскія приказки, стр. 263)

87.

Одъ свиху.

«Звихъ, звихище, навихъ, навихище въ суставахъ (имярекъ), раба Божого, тобѣ тутъ не стоять, не болѣть, жовтои костй не ламать, горячои кровй не смоктать, румяного тѣла не пушить, вонъ, пора тобѣ выступить на ницй лозы, на быстрыи воды, на сухыи лѣса и на крутыи горы; и тамъ собѣ гуляй и буяй лозы, суши быстрыи воды, смычь сухыи лѣса, ламни, и съ такого-то раба выступи, румяного тѣла не пушъ и не пали!»

(Зап. А. Шищацкій Илличъ. Черн. Губ. Вѣд. 1858 г., № 17)

88.

Вôдъ ластовиньня

Ластовиньня значитъ веснушки.

Побачывши вперше весною ластôвку, такъ примовляють, а потôмъ умываютьця: «Ластôвко, ластôвко! На тобѣ веснянки, дай мênѣ бѣлянки!»

(Украин. приказки, стр. 5.—Lud Ukr. II, 129)

89

Вôдъ плѣснявки.

Болѣзнію плѣснявкою страдаютъ преимущественно дѣти. Она проявляется бѣлою болящею плевой на языкѣ и подъ языкомъ дѣтяти. Когда случится плѣснявка, матери намазываютъ больное мѣсто мокротами изъ женскихъ дѣторолныхъ частей, приговаривая:

«Тѣмъ родила,
Тѣмъ й вôдходила!»

(Даниленко. Этнограф. свѣдѣнія о Подольской Губерніи, стр. 46)

90.

Вôдъ пôдвѣю.

Болѣзнь, называемая подвѣемъ (параличъ) происходитъ, по народному вѣрованію, отъ подвѣянія заболѣвшаго вѣтромъ, а въ особенности вихремъ. Отъ нея можетъ пособить только баба, выкачивая больного яйцомъ. Приступая къ этому дѣлу, баба нашептываетъ такъ:

«Стань мѣнѣ першимъ разомъ,
Лѣпшимъ часомъ,
Стань мѣнѣ, Господи,
До помощи!»

Выкачивая же больного яйцомъ, баба нашептываетъ: «Препавъ нôчный, пôвнôчный, препавъ зъ роботы, зъ сухоты, зъ ядяня, зъ питя, зъ гулянья, зъ буяня, зъ поклыку, зъ помыслу, зъ погляду, препавъ зъ хмары, зъ вѣтру и зъ сонця. Нôчный, пôвнôчный, полуднёвый, сходовый, нудяный и сердешный: яжъ тебе вымовляю, водою выливаю, яйцемъ выкачую, на пущи, и на сухый лѣсъ вôдсылаю. Тамъ тобѣ гуляти и буяти, гнилы колоды вывертати, жовты пѣскы пожирати, сине море попивати. Щобъ тутъ тобѣ червонои кровй̂ не спивати, синйхъ жилъ не потягати, жовтой̂ костй̂ не ламати. Птфу, птфу, птфу!» Три раза баба плюетъ, за тѣмъ яйцо, которымъ выкачивался больной, должно отдать собакамъ.

(**Даниленко . Этнограф. свѣднія о Подолькой Губ., стр. 45**)

91.

Вôдъ жовтяниць.

Жовтяницй̂—желтуха.

Узяти морковь и выколупати у неи середину. Недужому треба туды у морковь насцяти, а потôмъ почепити ту морковь зъ сциклинами у трубу. Тому, хто буде вѣшати ту морковь, треба казати сю прыказку:

«Нехай зôйде жовтаница зъ № скорѣйшъ, нѣжъ сй̂ сциклины высохнуть!»

(**Доставилъ Дмирашко-Райче**)

92.

Вôдъ переляку.

Бабка выкачиваетъ тѣло заболѣвшаго отъ испугу яйцомъ и нашептываетъ при этомъ: «Перелякъ, перелячище! Я жъ тебе яйцемъ выкачую, а водою выливаю, на пущи и на сухый лѣсъ вôдсылаю; тутъ тобѣ не бувати, червонои кровй не спивати, синйхъ жилъ не потягати, жовтои костй не ламати!»

За тѣмъ бабка три раза плюетъ, раздираетъ пазуху у рубашки больного, а яйцо бросаетъ собакѣ.

(Даниленко. Этнограф. свѣдѣнія о Подольской Губ., стр. 45)

93.

Вôдъ переляку.

Каже переляканый тому, хто перелякавъ: «Изъ тебе духъ, а зъ мене переполохъ!»

(Украинскія приказки, стр. 267)

94.

Вôдъ переполоху.

«Ой гулькъ, вода! бусь, вода! Креши огню, жени бѣду!»

(Опытъ Южно-Русск. Словаря, Шейковскаго, выпускъ 1-й, стр. 144)

95.

При болѣзни мочевого пузыря.

Если кто часто ночью мочится, тому совѣтуютъ ити когда ни будь въ церковь и при входѣ приговаривать:

«Добрый день!
Всыкаюсь,
Зарêкаюсь!»

(Даниленко. Этногр. свѣдѣнія о Подольской Губ., стр. 45)

96.

Молитва отъ паскудника. *

«Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. На морѣ на окіянѣ, на чѐрвонôмъ камѐнѣ, тамъ сидѣли два браты: снѣдали, обѣдали, медъ, вино пили, а ты, чорте, гôвно!»

(Черноморская рукопись)

97.

Молитва отъ сплѣшника. **

«Добрыдень, вода Уліяна!»—«Здоровъ, рожденый, молитвеный, крещеный рабъ Божій (имя рекъ)!» — «Дай воды на помочь отлякать всякого сопротивника и сплѣшника!»—«Дай Богъ стôлки помочи, якъ Попамъ на Великдень добычи!»

(Черноморская рукопись)

IV. Частный бытъ.

98.

Собирая зѐлье.

При собираніи зелья Bryonia alba (переступень бѣлый), прежде нежели выкопаютъ его, кладутъ три гроша и кусокъ хлѣба, чтобы умолить духовъ, приговаривая: «Пріймы одъ мене, що даю для тебе!» Выкопавши растеніе, въ этомъ мѣстѣ закапываютъ въ землю свой даръ.

(Lud Po'sk., стр. 151.—Ср. Lud Ukrain. II, 145)

99.

Собирая терлычъ.

Терличъ надобно срывать на поволуніе; при собираніи гово-

* Это, кажется, болѣзнь, приписываемая чорту.

** Это также болѣзнь, приписываемая чорту.

рятъ: «Терлычъ, прикличь!» Сорванное растеніе надобно носить при себѣ для привлеченія любви.

(Lud Ukrain. II, 147)

100.

Сонъ топтати.

Топчучи весною сонъ-траву говорятъ:

«Щобъ на той рôкъ дождати сону топтати!»

(Украин. приказки, стр. 7.—Lud Ukrain. II, 146)

101.

Рястъ топчуть.

Примовляють, топчучи рястъ:

«Топчу, топчу рястъ: дай, Боже, потоптати и того року дôждати.»

(Украинскія приказки 7)

102.

Шукаючи грибы.

Молодець выгукує:

«Гайку, гайку! Дай гриба и бабку, сыроѣжку зъ добру дѣжку, красного ловця зъ доброго молодця!»

(Украинскія приказки 8)

103.

Тежъ.

«Помагайби, гаечку! Дай гриба и бабочку, сыроѣжку зъ дѣжку, хрящика зъ ящика, красноголовця зъ хлопця!»

(Тамъ же, стр. 282)

104.

Жукôвъ выгонять.

Найлучше люшню, коли найдешъ на дорозѣ, принеси до дому; до свѣта або, у вечерѣ, розберись голый, уѣдь на люшнѣ въ хату, и, взявши деркачъ, ѣдучи по хатѣ, гони деркачемъ и приговорюй:

«Вонъ у болото, жучище, цвиркунище, клопыще, стоножище, ѣде люшнище! Цуръ вамъ, пекъ вамъ! (тричи по хатѣ обôйди и приказуй).

(Рукописный лѣчебникъ 1793 г.)

105.

Жукôвъ, цвиркунôвъ и блощиць выганяти.

Якъ почуєшъ першый разъ на веснѣ бугая, якъ рыкне и зареве, пришовши, не озыраючись, до хаты, кажи: «Добрыдень вамъ!» Якъ скажуть: «Здоровъ!»—«Чы! дома вашъ тараканище, цвиркунище, блощище? Кличе васъ бугаище на свадьбу и на весêлье: идѣть скоро у болотище! Цуръ вамъ, пекъ вамъ!» (тричи, увишовши въ хату выгонять, приказуючи.)

(Рукописный лѣчебникъ 1793 г.)

106.

Цвиркунôвъ выганяти.

Придавивъ пальцемъ до сучка (цвиркуна), говóрять:

«Сей сукъ коли буде розвыватись, листямъ сюю хату покрывать, тогдй буде въ сêй хатѣ цвиркунище кричати. Цуръ тебе, пекъ тебе! Идѣть до гончарôвъ!»

(Рукописный лѣчебникъ 1793 г.)

107.

Вôдъ тараканôвъ и другои нечисти.

Де єсть тараканы и друга нечесть, то пышуть сй слова на всѣхъ деревахъ:

«Сёгодня Святого Спиридона, выбирайся вся нечесть зъ дома!»

(Записалъ А. А. Тищинскій)

108.

Сорокамъ.

Якъ сорока скрегоче, то кажуть:

«Якъ кажешъ добру вѣсть, то нехай тобѣ золотый хвôстъ, а якъ злу вѣсть, то щобъ и той облизъ!»

(Записалъ П. Ефименко въ Харьк. Губ.)

109.

До журавлёвъ.

Щобъ журавлѝ закрутились на однôмъ мѣсяцѣ и спустились до долу, говóрять:

«Журавлѝ, журавлѝ, колесомъ, колесомъ! Ваши дѣти за лѣсомъ, за лѣсомъ!»

(Украинскія приказки, стр. 212. — Lud Ukrain. II, 127)

110.

Гусямъ.

Побачивши весною вперше дикихъ гусей и кидаючи имъ соломку, або що, говóрять:

«Гуси, гуси, нате вамъ на гнѣздечко, а намъ на здоровячко!»

(Украинскія приказки стр. 7)

111.

Тѣмъ же.

«Гуси, гуси, вамъ на гнѣздо, а намъ на тепло!» (або на добро)

(Тамъ же.—Lud Ukrain. II, 128)

112.

Тѣмъ же.

Дѣтвора на летучихъ дикихъ гусей, щобъ, почувши, й закрутилися на однôмъ мѣстѣ, кричать:

«Гуси, гуси, колесомъ, колесомъ, червонымъ поясомъ!»

(Украинскія приказки, стр. 7.—Lud Ukrain II, 128)

113.

Ластôвкамъ.

Кидаючи землею ластôвцѣ, якъ побачуть вперше весною, говóряють:

«На тобѣ, ластôвко, на гнѣздо!»

(Украинскія приказки 7)

114.

Для сохраненія циплятъ отъ ястреба.

Съ этою цѣлью всякая женщина, выносящая въ первый разъ на дворъ своихъ циплятъ, непремѣнно должна завязать свои глаза и, выпуская циплятъ на землю, говорить:

«Якъ я не бачу, де выпускаю курчатъ, такъ щобъ не бачивъ ихъ шулякъ!»

(Даниленко. Этнограф. свѣдѣнія о Подол. Губ. 16)

115.

Вôдъ шулйки.

«Гай, гай! не до насъ, до людей, де багато курей!» кричать, вôдганяючи шулйкъ.

(Записалъ П. Ефименко въ Таврич. Губ.)

116.

Одъ того жъ.

«Шуги, на Поповы куры, а на нашй не лети, тобѣ очи заслѣпи!»

(Украинскія, приказки, стр. 268)

117.

Буслевѣ,

Примовляє дѣтвора, на Благовѣщеньня, показуючи буслевѣ свячены хлѣбцй: «Бусень, бусень! на тобѣ голвоту, а ты мѣнѣ жита копу!»

(Украинскія приказки, стр. 7)

118.

Вôдъ вовкôвъ.

Якъ здыбає само у лѣсѣ вовкôвъ, каже: «А де вы тодй були, якъ Исусъ Христосъ на Орданѣ христивсь?» то вовкы й повтѣкають.

(Украинскія приказки, стр. 5)

119.

Одъ себе заговарювати вовкôвъ.

«На морѣ, на лукоморѣ, стоить дубъ, пôдъ тѣмъ дубомъ камѣнь, на камѣнѣ лежить кровь: хто тую кровь лизатиме, той мене, раба Божія (имя рекъ), скушатиме!

(Записалъ А. Шишацкій-Иллічъ. Черниг. Губ. Вѣд. 1858, № 17)

120.

Якъ собаки нападуть.

Примовляють: «Слѣпый уродився, слѣпый и згынешь!»

(Украинскія приказки, стр. 5)

121.

Якъ ночною добою у пущъ йде само.

«Самъ Исусъ Христосъ йде попереду, а я за Исусомъ Христомъ позаду: що Исусу Христу попереду, то мѣнѣ позаду!»

Кажуть сю молитву, якъ куды йдуть, щобъ ничого не бояться.

(Украинскія приказки, стр. 6)

122.

Для отвращенія бѣды.

Бѣду предвѣщаетъ то, если курица запоетъ пѣтухомъ, или если собака воетъ. Для отвращенія несчастья, въ первомъ случаѣ говорятъ: «Кукурѣку, на свою голову!» Во второмъ случаѣ говорятъ просто: «На свою голову!»

(Украин. приказки—7.—Lud Ukraiń. II, 133)

123.

Загубивши що.

«Чорте, чорте, на твоє, вôддай моє!»

(Украинскія приказки, стр. 6)

124.

Про тожъ.

«Чорте, чорте, верни моє, вôзьми своє!»

(Тамъ же.—Lud Ukraiń. II, 161)

125.

Если хлѣбъ упадетъ на землю.

Если даже случайно хлѣбъ упадетъ на землю, что считаютъ за

большое согрѣшеніе, тотчасъ подымаютъ и цѣлуютъ три раза, приговаривая: «Боже, даруй мѣнѣ!» т. е., прости, Господи!

(Lud Ukrain. II, 154)

126.

Щобъ кваша була краща.

Затерши квашу, кажуть:

«Нехай же йде Грекъ зъ винами, зъ пивами, та въ нашу квашу!»

(Украинскія приказки, стр. 5)

127.

Якъ золять платья.

«Золись, золись! на бо́льше не надѣйсь!»

(Украинскія приказки, 262)

128.

Тожъ.

Якъ золять платья, то выходять на дво́ръ и кличуть: «Цуцу, бѣлый!» щобъ бѣле було.

(Тамъ же)

129.

Щобъ мѣнѣ бѣлья не нѣвичили.

Ежели беременная женщина прійдетъ въ хату чего ни будь просить, и не дать ей того, то мыши поѣдатъ одежду. Для предохраненія, какъ только женщина выйдетъ изъ комнаты, говорятъ: «Мое бѣлье въ твоёй скрынѣ!»

(Lud Ukrain. II, 157)

130.

Заклинаніе кладовъ.

При закапываніи произносятъ: «Чыя рука загребуе, нехай тая й одгребуе!»

(Lud iUkran. II, 71)

131.

Про то жъ.

«Щобъ цѝ гроши таки руки вôдкопали, яки закопали!»

(Даниленко, стр. 12)

132.

При закапываніи кладовъ.

Сыпля деньги въ яму, закапывающій приговариваетъ: «Чорте, чорте, на тобѣ грошѝ!)

(Lud Ukrain. II, 65)

133.

На завитьтє.

Завитьтє или закрутка—завитые и завязанные колосья на нивѣ, что считается дѣломъ колдуна, который завиваетъ закрутку для причиненія гибели тому, кто къ ней прикоснется. Для уничтоженія закрутокъ приглашаютъ знахарей.

«Господу Богу помолимся! Пречиста Матерь Божая, ходи къ мѐнѣ на помочъ, святою ризою беззаконного Юду (або Юдиху), мѣсячного вѣдьмача, або вѣдьму, вырвать и въ ростанѣ однести, осиновымъ колôмъ пробить, що ты думаєшъ, злая вѣдьмо, у живо, и въ живôтъ твôй!»

(Зап. А. Шишацкій-Ильичъ. Черн. Губ. Вѣд. 1858 г., № 17)

134.

На вырванне завитьте.

Узять кій осиновый, сухый берестъ зъ пустои ямы и вышовши сказать: «Не я тебе палю, а осиновый кій, пустои ямы берестъ, палить. Якъ берестъ одъ огню корчитця, такъ беззаконного Юду (або Юдиху), мѣсячного вѣдьмача, або вѣдьму, щобъ корчило и ламало; якъ по осицѣ Юда вѣшався, такъ сей вѣдмачъ, або вѣдьма, щобъ вѣшались безъ перестанй!»

(Запис. А. Шишацкій-Иллічъ. Черн. Губ. Вѣд. 1858 г., № 17)

V. Промыслы и занятія.

135.

На Рождественскихъ святкахъ.

Щобъ урожай бувъ.

На канунѣ Новаго Года, на, такъ называемый, багатый, или щедрый вечѣръ, хозяйка ставитъ на столѣ все съѣстное, засвѣтитъ свѣчу передъ образами, накуритъ ладаномъ и попроситъ мужа исполнить законъ. Мужъ садится въ красномъ углу (на покутьтѣ), въ самомъ почетномъ мѣстѣ; передъ нимъ куча пироговъ. Зовутъ дѣтей, они входятъ, молятся и спрашиваютъ: «Де жъ нашъ батько?» не видя будто бы его за пирогами.—«Хыба вы мене не бачите?» Спрашиваетъ отецъ.—«Не бачимо, тату!» — Дай же, Боже, щобъ и на той рѣкъ не бачили!» При этомъ онъ раздаетъ мальчикамъ пироги.

(Обычаи, повѣрья и кухня Малоросс., стр. 65.—Ср. Бытъ Болгар., стр. 13)

136.

При посѣвѣ.

Выходя на посѣвъ, хозяинъ беретъ съ собою хлѣбъ, соль и рюмку водки; прійдя на поле, ставитъ ихъ въ томъ мѣстѣ, съ кото-

раго хочетъ начать сѣять. Прежде нежели броситъ въ землю первую горсть зерна, обращаетъ глаза къ небу и говоритъ: «Роди, Боже, на всякого долю!»

(Lud Ukrain. II, 159)

137.

При посѣвѣ же.

«Роди, Боже, овесъ, ячмѣнь и гречку, хочь всёго потрошечку; роди, Боже, лёнъ и коноплю на весь Христіянскій міръ!»

(Терещенко. Бытъ Русскаго народа, V, 35)

138.

На зажинкахъ.

При началѣ жатвы, какъ только хозяинъ придетъ на поле съ жнецами, то прежде всего дѣлаетъ крестное знаменіе, обратясь къ востоку лицомъ, и говоритъ: «Поможи, Боже, зжати жито, пшеницю и всяку пашницю!» При этомъ первый захватываетъ серпомъ рожь; за нимъ начинаютъ жать и всѣ прочія.

(Терещенко. Бытъ Русскаго народа V, 120)

139.

По окончаніи жатвы.

Сжавши рожь, часть ея оставляютъ Спасу на бороду. Часть эту, съ горсть, перевязываютъ по поламъ красной ниткой изъ пояса и приклоняютъ колосья къ землѣ, срѣзываютъ кусокъ съ хлѣба, посыпаютъ его солью и зерномъ изъ колосьевъ, и кладутъ въ связанную горсть ржи, приговаривая:

«Спасиби Богу за помогу!» Дай, Боже, дождати и на той рôкъ жати!»

(Lud Ukrain. II, 159)

140.

Наука одъ горобцёвъ.

«Пôйти до гробу въ вечёръ, якъ сонце заходить, щобъ знавъ хто лежить; набери земл҃и три разы и мовъ: «Воспоминаніе Господа нашого,» «Богородыце Дѣво,» и «Господи, помилуй» 3 разы. Господь помощь, и я зъ рукою.

До пашн҃и стань одъ першого краю и молися Богу, та скинути сорочку, та кинути трохы горобцямъ земл҃и, назначить одежу и покинуть тамъ. Оббѣгти разъ зъ тоею землею и стать, де сорочка лежить, прокинути навхрестъ землею: «А гу, горобець, и я, молодець!» сказати, обôйти ще два разы и земли кинуть три разы.

(**Доставилъ Кибальчикъ**)

141.

Щобъ горобц҃и на просо не лѣтали.

Вбываючи горобця, кажи:

«Такъ васъ всѣхъ буду драти, якъ будете на просо лѣтати!»

(**Украинскія приказки, стр. 5**)

142.

Щобъ горобц҃и соняшникôвъ не ѣли.

Треба зъ сією примовкою оббѣгти голому у ноч҃и грядкы, тримаючи въ рукахъ паляницю забудьку, що зъ усёго печева сама ôсталася въ печ҃и забута:

«Якъ не може по свѣту голе ходити, щобъ такъ не могли горобц҃и соняшникôвъ пити!»

(**Украинскія приказки, стр. 5**)

143.

Чтобы неплодныя фруктовыя деревья приносили плоды.

На канунѣ Р. Хр. у Малороссіянъ кто ни будь изъ мущинъ беретъ топоръ и зоветъ кого либо съ собою въ садъ. Тамъ, тотъ, кто вышелъ безъ топора, садится за дерево, не приносящее плода, а вышедшій съ топоромъ, показываетъ видъ, будто хочетъ рубить дерево, и слегка опуститъ топоръ (цюкне): «Не рубай мене: буду вже родити! (говоритъ сидящій за деревомъ, вмѣсто дерева).—«Нѝ, зрубаю: чомусь не родила?» (говоритъ рубающій, и снова опуститъ топоръ на дерево)—«Не рубай: буду вже родити» (снова упрашиваетъ сидящій за деревомъ). — «Нѝ, зрубаю таки: чомусь не родила» (и третій разъ ударитъ топоромъ).—«Бо́йся Бога, не рубай: буду родити лучче за всѣхъ.» (Отвѣтъ изъ за дерева): «Гляди жъ!» произноситъ тотъ, и удаляется. Сидѣвшій за деревомъ перевязываетъ дерево соломенной веревкой (перевесломъ) и идетъ къ другому дереву. Это повторяется возлѣ каждаго безплоднаго фруктоваго дерева.

(Основа 1861 № 11 и 12-й: Великдень у Подолянъ, Свидницкаго, стр. 66.—Ср. Lud Pol. 142 и 154 стр.—Терещенко, Бытъ Русскаго народа, VII, 6)

144.

Чтобы садовыя деревья были плодородны.

На канунѣ Новаго Года вечеромъ хозяинъ сада перевязываетъ всѣ деревья, а особенно неплодородныя, соломенными перевязками, и, подходя къ каждому такому дереву, ударяетъ его обухомъ топора, приговаривая: «Якъ не будешъ родити, то буду рубати.» Въ это время жена хозяина, стоящая сзади, отвѣчаетъ: «Ай, не рубай: послухаю, и буду родити.»

На Новый же Годъ выметенный изъ комнаты соръ выбрасываютъ подъ неплодородныя деревья, приговаривая: «Непотрѐбному непотрѐбне!» Этимъ желаютъ какъ будто бы устыдить неродящее дерево.

(Даниленко. Этнографич. свѣдѣнія о Подольской Губерніи, стр. 10)

145.

Щобъ огурки густо въязались въ огудынѣ.

На Царя Констянтина и Олены (21-го Мая), побачивши первый цвѣтъ на огуркахъ, або на гарбузахъ, примовляють такъ, перевъязуючи червоною жичкою, зъ пояса высмыкненою: «Якъ густо сей поясъ въязався, щобъ такъ и мои огурочки густо въязались въ огудинѣ!»

(Украинскія приказки, Номиса, стр. 5)

140.

Тожъ.

Коли йде пустоцвѣтъ, то шукають Литовьского лычака, волочуть ногою на горо́дъ и шнуряють на грядку, примовляючи:

«Якъ густо сей лычакъ плѣвся, щобъ такъ и мои огурки густо въязались въ огудинѣ.

(Тамъ же)

147.

При посѣвѣ маку.

Мужчина, или женщина, сѣя макъ, должны предварительно почесать рукою свою голову, приговаривая: «Щобъ головки въ моёмъ маковѣ були таки велики, якъ моя голова, и щобъ маку було такъ багацько, къ богацько на головѣ волося!»

(Даниленко Этнограф. свѣдѣнія о Подол. Губ. 12

148.

При посѣвѣ моркови.

Женщина, сѣющая морковь, должна предварительно схватиться руками за какой ни будь колъ, или за свою ляжку, и приговаривать:

«Роди, моя морква, така, якъ той кій (или моя лытка)!»

(Даниленко. Этнограф. свѣдѣнія о Подол. Губ., стр. 12)

149.

При посадкѣ огурцовъ.

Огурцы слѣдуетъ сѣять преимущественно въ день Іоанна Богослова (на Йвана Довгого), и сѣющая женщина должна непремѣнно приговаривать:

«Щобъ мои огурки були таки довги, якъ Довгій Иванъ, и щобъ ихъ було такъ багацько, якъ багацько въ мѣсцѣ Жидкôвъ!»

(**Даниленко. Этнограф. свѣдѣнія о Подольской Губ. 12**)

150.

Щобъ капуста росла добре.

На Йвана Головатого (29 Августа), держучи першу росадину въ руцѣ, примовляють: «Дай же, Боже, часъ добрый, щобъ моя капусточка пріймалась и въ головки складалась!» Голову собѣ обймаючи и бъючись у полы: «Щобъ моя капусточка була изъ кореня коренистая, а изъ листу головыстая!» Присѣдаючи: «Щобъ не росла высоко, а росла широко!» Посидѣвши и придавивши колѣномъ: «Щобъ була туга, якъ колѣно!» Посадивши вже росаду, покрывши ёи горшкомъ, на горшокъ поклавши камѣньця, а поверхъ бѣлу хустку: «Щобъ була туга якъ камѣнець, головата якъ горщокъ, а бѣла якъ платокъ!»

(**Украинскія приказки, стр. 5**)

151.

Щобъ кропъ выросъ.

Якъ побачять весною вперше ластôвку, то примовляють, кидаючи на грядку жменьку земли: «Тамъ выросте крôпъ. Крôпъ сѣю!»

(**Украинскія приказки, 7**)

152.

При первомъ выгонѣ скота.

Хозяйки выгоняютъ въ первый разъ скотъ на пастбища, имѣя въ лѣвой рукѣ крестъ изъ тѣста и артосъ, а въ правой рукѣ непремѣнно держатъ вербу, полученную въ Вербную Недѣлю въ церкви отъ Священникз и, подгоняя ею скотъ, говорятъ: «Иди собѣ зъ Богомъ!» Передъ выгономъ хозяйки окропляютъ скотъ святою водою.

(Современникъ 1855 г. № 9: Критика (Этногр. Сборн., изд. Геогр. Общ.)

153.

Пускаючи скотину всяку на пашу въ пущу.

«О тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь, Ангельскій соборъ и человѣческій родъ,» и т. д.

(Рукописный лѣчебникъ 1793 г.)

154.

Вôдъ вовкôвъ.

Для предохраненія отъ нападенія волковъ, въ теченіи цѣлаго года, поступаютъ такимъ образомъ: въ первый день выгона скота на пастбища, берутъ сукъ дерева, однимъ концомъ его прикасаются къ затылку, а другимъ упираются въ какой ни будь предметъ: въ дерево, въ избу и пр., и приговариваютъ:

«Молюся Богу, Матери Божôй, всѣмъ Святымъ ёго, Св. Георгію, хортôвъ припынающому: * якъ сймъ сучкамъ не розвыватися, такъ и хортамъ моеи скотины (такой-то масти) не чѣпати!»

(Записалъ П. Ефименко въ Черниговѣ. Черн. Губ. Вѣд. 1859, № 23)

---

* Хортами (борзыми собаками) Святаго Юрія называютъ волковъ.

155.

Скотину одъ звѣра заговарювати.

«Господу Богу помолюся, и Святому Духу, и Святому Миколаю, Святому Михаилу, и Святôй Пречистѣй, Святому Вознесенію, Святôй Покровѣ, и Святому Юрью, и тебе прошу, краснее сонце, и тебе прошу, ясный мѣсяцю, и васъ прошу, зорй зорениць, Божіи помошниць, и тебе прошу, галочко, и одверни злыхъ собакъ одъ мого скота, и тебе прошу, Царя Давыда и кротости твоеи: стань ты мѣнѣ въ помощи!»

(Записалъ А. Шишацкій-Илличъ. Черн. Губ. Вѣд. 1858. № 17)

156.

Молитва одъ звѣра.

«Святіи Архангели и Ангели, Михаилъ, Гавріилъ, Уріилъ и Сарафаилъ, изидѣте на святую гору и затрубѣте во святую трубу изберѣте своя слуги и замовте имъ губы и зубы, щоки и пащоки, льву и львицѣ, медвѣдю и медвѣдицѣ, вовку и вовчицѣ, росомаху и росомасѣ. Якъ боятця льва и львиць тѣ звѣри, такъ щобъ боялись моего скоту (мастью такою-то)!»

(Черноморская рукопись)

157.

Перетовкувати животныхъ.

Если волкъ поранилъ, или покусалъ, какое ни будь животное, то это животное притягиваютъ къ ступѣ, въ которой толкутъ сѣме на, наливаютъ въ нее воды, нарочно для этого приготовленной, освященной въ день Срѣтенія Господня, бьютъ слегка по головѣ толкачомъ изъ ступы, вливаютъ въ ротъ три раза ложкою той воды, и приговариваютъ—къ свиньѣ: «Вôдъ вовка утечи, а хазяину поросятъ наведи!» къ гусямъ: «Вôдъ вовка утечи, а хазяину гусинятъ наведи и пр.!» Перетовкуютъ животныхъ раненыхъ, или напуганныхъ волками, для того, чтобы съ тѣхъ животныхъ не было разводу.

(Черн. Губ. Вѣд. 1853 г., № 19)

При рожденіи ягненка, хозяинъ, поглаживая его по спинѣ, приговариваетъ:

«Здорова знеси, вôдъ вовка втечи, рунце принеси!»

Говóрять также при стрижкѣ овець, розмотузовавши вôвцю и бъючи ёи тёмъ мотузомъ:

«Пôдъ кущъ по руно! Одъ вовка втечи, а руно принеси!»

(Украинскіе приказки, стр. 200)

158.

Засѣкать.

«Господу Богу помялюся, Пречистёй Святôй поклонюся... Засѣкаю одъ Юръевыхъ, одъ Григорьевыхъ собакъ и одъ сукъ, и одъ прасукъ, и одъ дѣтей, засѣкаю губы, зубы, щелепы, языкъ и очи семи пядей, семи ступеней, семи саженей, семи верстей, закачую вискы еддемъ колодцемъ и залѣзнымъ тыномъ загорожую одъ неба до земли!»

(Записалъ Шишацкій-Илличъ. Черн. Губ. Вѣд. 1848 г., № 17)

159.

При покупкѣ скота.

Окончивши торгъ, покупатель беретъ немного земли изъ подъ копытъ скотины и посыпаетъ ею спину ея. Когда пьютъ могоричъ, покупатель предварительно выливаетъ немного водки на землю, или нѣсколько капель ея спускаетъ на руку, промываетъ ею глаза и говоритъ громко: «Якъ горѣлка не шкодить очамъ моимъ, такъ щобъ не шкодило все зле лихе моёй товарынѣ!»

(Lud Polsk. 144)

160.

Молитва быкôвъ.

«Царю Сêкритарю, сêкритивъ небо и землю, сыкрити мои волы, во вѣки вѣкôвъ! Аминь!»

Въ другой рукописи, вмѣсто «во вѣки вѣкôвъ,» написано: «Що я налыгавъ.»

(Черноморская рукопись)

161.

То же.

«Царю Давыде, пріими моление мое, присмиривъ свои кротости. Помяни, Господи, Царя Давыда и всю кротость ёго. Яко ты присмиряешь войска, тако присмири мѣнѣ врожденому, молитвяному и хрещеному рабу Божію (имя рекъ) быкы (мастю такою-то)!»

(Черноморская рукопись)

162.

То же.

«На морѣ на буянѣ, на островѣ на камѣнѣ, тамъ лежить змѣя коло тѣи змѣи языкъ бризіякотовій (?), хто може, черезъ той языкъ переволоче, той мене, раба Божого (имя рекъ), зъ быками врече. Аминь

(Чероморская рукопись)

163.

Гарячого коня поить.

«Пѣй, коню (отакôй-то) Ордань воду святую, елей святый (такôй-то), день противъ святого (такого-то) дня, а не въ хомутѣ!»

(Зап. А. Шищацкій-Илличъ. Черн. Губ. Вѣд. 1858 г., № 17)

134.

Надежную кобылу поить.

«Тынъ залѣзный, гора камяна, моя рука святая, жди, кобыла (такая-то) до поры!»

Оиндіяно, медіяно, фирноняно, тамъ же камяно, свирно и свидро, свирса и свирку, и ты, араво!

(Записалъ А. Шишацкій -Илличъ. Черн. Губ. Вѣд. 1858, № 17)

165.

Чтобы овцы были плодовиты.

Желающій плодовитости овцамъ, долженъ, по острижкѣ каждой изъ нихъ, приговорить:

«Скачи по ягницю и по молоко дôйницю!»

(Даниленко. Этнограф. свѣдѣнія о Подолькой Губ., стр. 11)

166.

Молитва къ ружу.

«Добрывечêръ луга, берега, и ты, вода бѣлуха, банышъ зêлє и корѣне, бань мою ружныцю царицю! Добрыдень, вода Уляна, и ты, земле, Тетяна! Дай воды бѣлухи, бань ружницю царицю! Яко єсть братъ А. (?) вôлъ держить мѣсяць, такъ щобъ держала моя ружница царица звѣры и птицъ!»

(Черноморская рукопись)

167.

Молитва къ ружу.

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, Луки, Марка. Благословите, Святіи отцй, ручницю царицю избанить одъ чинця, одъ чêрницй, одъ колдуна, одъ колдуницй, одъ єретика, одъ єретицй, одъ бѣлои бѣлицй. Спереду иду сострѣчаючи, и ззаду прислухаючи, изъ боку приглядаючи, одъ чорного волосу, одъ бѣлого волосу, одъ рудого волосу, одъ гнѣдого волосу, одъ бурого волосу, одъ сивого волосу. Примовляє рабъ Божій (имя рекъ): къ тому слову замóкъ у ротъ, ключъ у воду. Аминь!»

(Черноморская рукопись)

168.

Молитва одъ сострѣчанія съ народомъ (зъ ружомъ).

«Святый вечêръ, святый вечêръ! Замыкаются городы и замки, щобъ замкнулись моимъ ворогамъ языки одъ черныхъ очей, одъ

карыхъ очей, одъ бѣлыхъ очей! Хто свôй языкъ прикусить, тодѝ моє ружо искусить; хто свои руки и ноги поѣсть, тодѝ моє ружо изъѣсть; хто всю землю пожире, той моє ружо врече!»

(Черноморская рукопись)

169.

Молитва къ ружу.

«Не Пôпъ стрѣляє, не вѣнчаючи благословляє, стрѣлець кладе ружо пôдъ колоду, ключъ у воду и замóкъ. Аминь сёму слову!»

(Черноморская рукопись)

170.

То жъ.

«Самъ Господь Богъ судъ судить, Ангели пересудя беруть, а лукавый зъ моєи ружницѝ царицѝ и зъ мене пристритъ, врокы и наговоры, вамъ вѣру отдають!»

(Черноморская рукопись)

171.

Наука о пасѣцѣ на Зачатіе Святія Анны.

«Пришовши ко пчеламъ поторкай и мовъ: «Свидро и видро, починается день, не самъ одъ себе, а одъ Отца, и Сына, и Святого Духа, и одъ Святои Богородицѝ и Присно-Дѣвы Маріи, и всѣхъ Святыхъ; а вы зачинайте свое дѣло: дѣйте частыи рои, густыи меды, жовтыи воски, Господу Богу на хвалу, а мнѣ, господаревѣ своему, къ пожитку, — б. п. и. в. с. н. с. и. д. с. з. (т. е.: Божью помощію и всѣми Святыми небесными силами и дѣйствомъ Св. Зосима)!»

(Черн. Губ. Вѣд. 1853 г., № 19)

172.

Наука въ навечеріи Рождества Христова.

«Доставши рыбы щуки, або якой можешъ достати, тôлько абы жива була, росплатай ѐи и отрѣжь голову, изсуши и зховай, а

икру такъ тежъ изсуши и зъ тою головою изховай, а якъ будешъ загодувовати бджолы, то зотри тую икру и змѣшай изъ медомъ и зъ перцемъ и зъ бурсуковымъ саломъ и ледовой солью, и давай бджоламъ, и мовъ такъ: «Якъ тая рыба въ морѣ и въ рѣкахъ плодная, и рôдная, и роскошная була, и веселилася, не сама собою, но Отцемъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ, и Пресвятою Богородицею, такъ бы мои бджолы свирки и видри плоднѝ и роднѝ були, Божіею помощію и всѣми Святыми небесными силами и дѣйствомъ Святого Зосима!»

(Тамъ же)

173.

Того жъ Святаго вечера Рождества Христова.

«Вари пшеницю, и урѣжь старыхъ бджолъ меду, измѣшай и закопай посредѣ пасѣки, и мовъ такъ: «Якъ пшеница и той медъ не можеть выйти изъ той землѝ, такъ бы мои бджолы не могли утечи зъ моеи пасѣки, одъ мене, раба Божія (имя рекъ), Божіею помощію и всѣми Святыми небесными силами и дѣйствомъ Святого Зосима!»

(Тамъ же)

174.

Наука въ навечеріи Богоявленія Господня.

Когда воду освятятъ, возми воды той напередъ, и принеси до пасѣки, и мовъ такъ: «Якъ ся того святого вечера люди тиснуть и радуются, до той води йдучи, такъ бы мои бджолы тиснулисъ и радовались, до моеѝ пасѣки лѣтючи, и якъ ся міръ Христіянскій не можеть обôйтись безъ тои воды такъ бы ся не могли бджолы безъ моеи пасѣки обôйтись, Божіею помощію и всѣми небесными силами и дѣйствомъ Святого Зосима!» и держи тую воду до року у пасѣцѣ, и кропи кождои недѣлѝ новои рано.

(Тамъ же)

175.

Наука, коли будешъ выпускати бджолы на Святаго Олексѣя.

Посредѣ пасѣки вирѣжъ дернину по четыри углы, й обнеси нею пасѣку три разы, а за третьêмъ разомъ, пришедши до пасѣки, мовъ такъ: «Якъ ся тая земля не можеть рушити зъ грунту своёго, и ми-

слити не маєть.... И вложи той дерванъ, где его выкопавъ, и прибôй прикольнемъ, що коня припинають, а коли будешъ бджолы выпускати скрозь щупакову голову, що єси наготовавъ Святого вечера, и мовъ такъ: «Господи, стань ми ся на помощь, рабу Божію (имя рекъ), якъ тая въ морю и въ рѣкахъ буяла и гуляла, и рôдная и плодная буда, и якъ ся той щуки боится всякая рыба, пужается и порхается, такъ бы моихъ бджолъ чужіи лякались, пуждались и порхали одъ нихъ, на всякомъ стрѣтѣ и на всѣхъ дорогахъ, Божією помощію и всѣми Святыми небесными силами и дѣйствомъ Святаго Зосима!»

(Тамъ же)

176.

То жъ.

Возьми огню на покрышку и вложи ладану, и тое вари, що єси наготовивъ Святого Вечера, и трохи укрôй и покади каждый улêй изъ бджолами, имовъ такъ: «Господи, стань ся на помощъ рабу Божому (имя рекъ), вси Святыи небесныи силы: Ангели, Архангели, Херувимы и Серафимы; я васъ пускаю на бѣлыи цвѣты, и на всякіи цвѣты, на чотыре части свѣта сёго: на востокъ и западъ, на югъ и на сѣверъ, по всёму свѣту, по густіи меды, по часты рои, по жовтыи воскы, Господу Богу на хвалу, господаревѣ вашому ку пожитковѣ. Я васъ нынѣ, бджолы, выпускаю и благословляю именемъ Господнимъ на всякіи цвѣты, и на всякіи травы, и на всякіи древа цвѣтущіи, и на всякіи росы травныи, по жовтыи воскы, по частіи рои, по густыи меды, не самъ собою, но со Отцемъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ, и Пречистою Богородицею, и со всѣми Святыми, идѣте съ радостію и навертайтеся скоростію!»

(Тамъ же)

177.

Наука, коли буде зимно выпускати бджолы на Святого Олексѣя.

Прійди ко бджоламъ, порушъ всѣхъ, и мовъ: «Нуте жъ, мои бджолы и Божіи роботницѝ, готуйтеся: вашъ часъ приходить; идѣте, роботницѝ Божіи, роботайте густыи меды, жовтыи восцы, частіи рои,

Господу Богу на хвалу, а мнѣ, господаревѣ вашому, ку пожитку: я васъ, бджолы, благословлю именемъ Господнимъ и в. с. н. с. и д. с. з.!»

(Тамъ же)

178.

Наука на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы.

Доставши проскуры, принеси до своєй пасѣки и першого дня вытерай нею ульи, кождый зъ миромъ, въ которомъ суть бджолы, и мовъ такъ: «Господи, Творче небу и земли и всѣхъ тварей видимыхъ и невидимыхъ, яко послалъ єси Архангела своєго Гавріила благовѣстити Дѣвѣ Маріи зачатіе, и Духомъ Святымъ въ чревѣ Господа нашого, Исуса Христа, и полни суть небеса и земля славы ёго; Господи, пошли бджоламъ моимъ зачати густыи меды, жовтыи воскы, частыи рои, Господу Богу на хвалу, а мнѣ, господаревѣ вашому, на пожитокъ, манну одъ росы небесныя, и одъ влаги земныя, и одъ всѣхъ зелій цвѣтущихъ и деревъ по земли, б. п. и. в. н. с. и. д. з.!» и держи тую проскуру у пасѣцѣ; а коли будешъ загодовувати бджолы, або пускати, учини имъ оцту и съ перцемъ и зъ борсуковымъ саломъ, и ледовои соли трохи вкинь, тоє вари и зшумуй красно; нехай тоє ядять бджолы. То для того, щобъ здоровы були бджолы, б. п. и. в. с. н. и. д. с. з.

(Тамъ же)

179.

Наука на Воскресеніє Христово.

Ставши у церквѣ, пилнуй, абы напередъ узявъ дары, и мовъ такъ: «Якъ до Священника люде тиснутся и радуются, до той дары йдучи, такъ бы ся мои бджолы тиснулися и радовалися матки, и роєве до моєи пасѣки, йдучи до мене, раба Божія (имя рекъ), Божіею помощію и всѣми святыми небесными силами и дѣйствомъ Святого Зосима!» возми тую дару, и принеси до пасѣки, и потирай нею усѣ ульи на Воскресеніе самое, изъ миромъ, и пасхи трохи укрой, и до тои дары прилѣпи!

(Тамъ же)

180.

Молитва на Воскресеніе Христово.

Обôйди пасѣку. три раза и глаголи сіе: «Якъ народъ ся зъ Божого дому радуется и веселить, по благословеніи Іерейскомъ, возметь паску кождыій свою, и бѣжать всѣ Христіяне до домовъ своихъ, такъ бы мои бджолы радовалиея и веселилися, и умножилися у моихъ боджолъ роёве, Божіею помощіею и всѣми святыми небесными силами и дѣйствомъ Святого Зосима!» Возьми древо у церковъ подъ пахы и обôйди скоро три разы, и древо закопай посредѣ пасѣки, и мовъ такъ: «Господи Исусе Христе, Боже нашъ, яко же отъ земли всякое древо множается, и коренится, и родится, такъ мои бджолы у моёй пасѣцѣ родилися бъ и умножалися, Господу Богу на хвалу, а мнѣ, господаревѣ вашому, на пожитокъ, б. п. и. в. с н. с. и. д. с. з!»

(Тамъ же)

181.

Наука, когда зобачишъ першый разъ квѣтъ на житѣ.

Набери того жита и цвѣту, и мовъ такъ: «Якъ тое жито наполняется одъ влаги земной и отъ росы небесной, и якъ той цвѣтъ во время свое доброволно не одпадаѣть на своёй нивѣ, при своёмъ корѣнѣ, такъ бы одъ моихъ бджолъ во время свое доброволне рои одходили и садилися въ моёй пасѣцѣ, раба Божого (имя рекъ), при своёмъ корѣнѣ садилися, у свои уліи, и зъ новыми матками и зо всѣми пожитками, Божіею помощію и всѣми Святыми небесными силами и дѣйствомъ святого Зосима!»

(Тамъ же)

182.

Наука коли ховати бджолы.

Третёго дня по Покровѣ, и затыкати ихъ вовною, а втыкати на средопостную недѣлю у середу, а коли будеть студено, то тôлькô порушъ улыи назадъ, а на Святого Олексѣя человѣка Божія пообтикай добре и пробёй коломъ посредѣ пасѣки, и вложи тую вовну, и мовъ такъ: «Якъ тая вовна не можеть выйти зъ моеи пасѣки

и зъ тоей земли, такъ бы мои бджолы не могли выйти зъ моеи пасѣки одъ мене, раба Божія (имя рекъ), не самъ собою, но Божіею помощію и всѣми святыми небесными силами и дѣйствомъ Святого Зосима!»

(Тамъ же)

183.

Наука, коли зобочишъ першій разъ лѣдъ.

Возьми кусень хлѣба священного, и вложи въ лѣдъ, а кусень беручи такъ мовъ: «Якъ замерзають рѣки, болота и всяка вода, такъ бы ся стиналъ плодъ и дѣло моихъ бджолъ, у мене, раба Божія (имя рекъ, б. п. и. в. с. н. и. д. с. з., а тому чоловѣку и женѣ, которыи бы мѣли злую мысль чинити на мою пасѣку, нехай ёму замерзаєть серце лукавое, и мысль, и языкъ!» Потомъ лѣдъ роспусти, и въ той хлѣбъ упусти, а коли будешъ бджолы загодовувати, то его впусти въ ситу!

(Тамъ же)

184.

Наука, щобъ матки не втѣкали.

Найди приколень, що коня припинають, и выйми ёго изъ земли, и мовъ такъ: «Якъ тое быдло було припятое, не могло пойти одъ того мѣсьця нигде, такъ бы мои матки не могли выйти зъ моей пасѣки одъ мене, раба Божія (имя рекъ), Божіею помощію и всѣми святыми небесными силами и дѣйствомъ Святого Зосима!»

(Тамъ же)

185.

Наука на Рождество Іоанна Предтечи.

Обнеси пасѣку тѣмъ приколнемъ тры разы, и мовъ такъ: «Якъ ся обращаєть слонце, и мѣсяць, и звѣзды повелѣніемъ Твоимъ, Господнимъ, и якъ ся навернулъ голубъ до ковчега, такъ бы ся

мои бджолы навернули, и радовалися до моєй пасѣки йдучи, до мене, раба Божія (имя рекъ), Божією помощію и всѣми святыми небесными силами и дѣйствомъ Святого Зосима!» и внеси той приколень у пасѣку, и ховай ёго добре у пасѣцѣ.

(Тамъ же)

186.

Наука, щобъ бджолы були медны.

Глаголи сіе: «Господи, яко же послалъ єси бджолного роя въ пащоку льва, и исхитилъ єси, Господи, Самсона, отрока твоєго, и яко же послалъ єси воду изъ камене угоднику своёму Мойсею, и яко же послалъ єси росу отроку твоёму Самсону, празнучому отъ кости сухія, и насытилъ єси Самсона, такожде посли, Господи, влагу земную и росу небесную, и насити, Господи, бджолы мои своєю сиою, и всѣ Святіи!»

(Тамъ же)

187.

Наука о помысляхъ злыхъ.

На першую недѣлю нового мѣсяця, по осмыхъ днехъ, пойди на воду текучую, и нахилися на воду, и мовъ такъ: «Якъ тоєй воды не можеть уречи и обернути на свôй обычай, такъ же бы мои бджолы не могъ нйхто уречи!»

(Тамъ же)

188.

Молитва одъ кулй и шаблй.

Исшедъ самъ Исусъ Христосъ зъ небесъ на тридевять на три землй, и износилъ самъ Исусъ Христосъ зъ небесъ тридевять ризы и животворящій крестъ, и скрывавъ самъ Исусъ Христосъ съ небесъ тридевять три землй тридевять трема рызами, животворящимъ крестомъ, именемъ рожденного, молитвяного и крещеного раба Божія (имя рекъ), и вкрывъ тридевять трема ризами и животво-

рящимъ крестомъ одъ тридевяти вѣдуновъ, одъ тридевяти знаниковъ, одъ тридевяти еретиковъ, одъ тридевяти еретницъ, одъ стрѣлы летящей, одъ искры ясной, одъ кулки частой, отъ копіи острой, одъ шаблѝ стальной, одъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, за присуства Святыхъ непріятеля побѣждати, Господи, трижды пошли Архангела Гавріила съ небесъ на соблюденіе души моея. Аминь!»

Сію молитву, коли йдешь на сраженіе, читай, и 30 поклонôвъ въ землю вдарь!

Отъ кули и шабли постъ Пятницъ: 1) На первой недѣли поста; 2) Страстная; 3) предъ Побѣдоносцемъ Георгіемъ; 4) предъ Иваномъ; 5) предъ Гавріиломъ Архангеломъ; 6) Предъ Усѣкновеніемъ главы Ивана; 7) предъ Архангеломъ Михаиломъ.

Идучи на сраженіе, або въ походъ, або жъ такъ где не будь къ непріятелямъ, то вдарь 30 поклонôвъ, або 7, а коли нужно, то вдарь 5, и ходи скрозь, не бôйсь, тôлькô всегда вѣрь молитвѣ!

(Черноморская рукопись)

VI. Отношенія общественныя.

189.

Идучи до Начальства.

«Я до Начальства (громады) йду по Божому слѣду, Господнѝми стопами, нехаї Начальству стануть очи стовпами, щобъ на мене, на рожденого, на хрещеного, на молитвяного, рота не роззявляли, очей не вытрыщали, языка не пôднимали. Якъ радуютьця паны лисицямъ та куницямъ, щобъ такъ радувались моими словами. Якъ тихо та смирно лежать мертви во гробѣ, щобъ такъ тихо та смирно до мене Начальство говорило. Якъ радуетьця весь міръ хрещеный по даръ Божій йдучи, щобъ такъ радувалось мною все Начальство!»

(Доставилъ Кибальчичъ)

190.

Помощъ икъ панамъ.

«Воспоминаніе Господа нашого,» «Богородице Дѣво, «Господи, помилуй!»

Господь помощь, и я зъ рукою. Каменія вамъ на языкъ, каменія вамъ на языкъ, каменія вамъ на губы, зубы и уста, каменѣйте вы сами!»

(Доставилъ Кибалчикъ)

191.

Щобъ Начальство на кого сердилось.

Не пѣшкомъ йде (мôй ворогъ), а на вовку ѣде, жабою осѣдлався, а гадиною поганявся; не дорогою йде, а здвижжемъ та болотомъ. Здвижже та болото обходять, а на вовка тюкають, а на жабу плюють, а гадину бьютъ: щобъ такъ на ёго весь міръ хрякавъ и плювавъ, и до своєи ласки не пріймавъ!»

Тричы переговорити и плюнуть на лѣвый бôкъ.

(Доставилъ Кибалчичъ)

VII. Отношенія къ природѣ.

192.

Щобъ морозъ пересѣвся.

Якъ великый морозъ, треба наличити 12 лысыхъ, примовляючи за кожнымъ:

«Пересядься, морозе!»

На дванадцятого лѣсной морозъ и пересядетьця.

(Украинскія приказки, стр. 5)

193.

Кличуть мороза.

На кутю: «Морозе, морозе, йди кутю ѣсти!»

(Украин. приказки, стр. 8 и 282)

194.

Щобъ морозъ не йшовъ на хлѣбъ.

«Не йди, морозе, ни на жито, ни на пшеницю, ни на яку пашнию!»

(Украинскія приказки, стр. 5)

195.

Щобъ хмара розойшлась.

«Бѣй, дзвоне, бѣй, хмару розбѣй! Нехай хмара на Татаре, сонечко на Хрестяне! Бѣй, дзвоне, бѣй, хмару розбѣй!»

(Украинскія приказки, стр. 7)

196.

Щобъ дощъ ишовъ.

«Иди, иди, дощику, зварю тобѣ борщику! Чы на дощъ, чы на сонечко, одчини, Боже, оконечко! Дай, Боже, дощикъ цебромъ, вѣдромъ, дойницею!»

(Украинскія приказки, стр. 7)

197.

Тежъ.

«Дощику, дощику, зварю тобѣ борщику въ зеленому горщику; сѣкни, рубни, дойницею, холодною водицею!»

(Тамъ же)

198.

Тежъ.

«Ой дощичку, накрапайчику, накрапай, чорну хмару на Нехаєвку наганяй, наганяй!» (Нехаєвка село за Коропомъ, икъ Сейму).

(Украинскія приказки, стр. 262)

199.

Якъ дощъ иде.

«Дощику, дощику, зварю тобѣ борщику, въ новенькому горщику, поставлю на дубочку: дубочокъ схитнувся, а дощикъ лынувся цебромъ, вѣдромъ, дойничкою, надъ нашою пашничкою!»

(Украинскія приказки, стр 7).

200.

Тежъ.

«Дощику, дощику, зварю тобѣ борщику, въ маленькому горщику: тобѣ борщъ, менѣ каша!»

(Тамъ же)

201.

Тежъ.

«Дощику, дощику, наварю я борщику: будемъ борщикъ ѣсти, перестанемъ кисти!»

(Тамъ же)

202.

«Дощику, дощику,
Милый дощику!
Кропи жутко,
Щобъ було чутко,
Во вѣкъ здорово,
Безъ позору,
Якъ та осина,
Що гнетця, та стоить!
Подай, дощику,
На дѣдову рôжь,
Дѣвчачій лёнъ,
Батькôвъ овесъ,
И на все добро,
Поливай вѣдромъ,
Гони хмару
И всяку мару,
А очи молодицѣ,
Якъ чарêвницѣ,
Нехай одъ тебе
Ще краще буде,
Лице бѣле,
Косу довгу,
Шêю и нôжку
Нехай умôе!

(Терещенко. Бытъ Русскаго народа, т. V, стр. 12)

203.

Щобъ дощъ не йшовъ.

«Не йди, дощику, дамъ тѣ борщику, поставлю на дубонцѣ, прилетять три голубоньцй, та вôзьмуть тя на крылонька, занесуть тя въ чужиноньку!»

(Украинскія приказки, стр. 7)

204.

Тежъ.

«Дощику, дощику, зварю тобѣ борщику въ зеленому горщику, тôлько не йди!»

(Тамъ же)

205.

Щобъ дощъ переставъ.

«Дощъ, дощъ, перестань: я пôду на Раштань (або въ Харастань), Богу молитьця, Христу поклонитьця!

(Украинскія приказки, стр. 7)

206.

До сонця.

Во время дождя дѣти взываютъ солнце:

«Зôйди, зôйди, сонечко, на Попове полечко, на бабыне зѣльячко, на наше пôдвôрьячко!»

(Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ, соч. Срезневскаго, въ Ж. М. Н. Пр. 1846 г., Іюль)

207.

До сонечка.

«Сонечко, сонечко, выглянь у вôконечко: твои дѣточьки плачуть, ѣстоньки хочуть.»

Цй слова примовляє дѣтвора, якъ почнуть хмарки набѣгать, поймавши сонечко (божья коровка), перепускаючи ёго зъ руки на руку. Якъ що воно скоро зниметьця и полетить — незабаромъ сояшно буде; якъ же высове тôлькô крыльця, а не знимаєтьця, погода буде така, що засталитьця ёще на сояшно, та и знову хмарка.

(Украинскія приказки, стр. 7)

208.

Призываніе весны.

«Ой вылынь, вылынь, гоголю! вынеси лѣто зъ собою, вынеси лѣто, лѣтечко и зеленеє житечко, хрещатенькій барвѝночокъ и запашненькій василёчокъ!»

(Lud Ukrain. I, 122)

209.

До воды.

«Мати вода, мати вода, мати водица!... ухъ, ухъ, мати водица!» Якъ купають дѣтей, а вода холодновата, то щобъ вони не боялись, ци слова примовляють, або й само якъ купаєтьця.

(Украинскія приказки, стр. 262)

210.

Одъ пожара.

Замовка, коли въ кого пожаръ станеться, заговорить такъ, щобъ бо̀льше не росходився: «Благообразный Іосифъ съ древа снемъ Пречистоє тѣло Твоє, плащаницею чистою обвивъ, й благоуханьми во гробѣ новѣ покрывъ, положи.» (Тропарь). Ишовъ Христосъ Седрою рѣкою, Христосъ ставъ, вода стала, на тѣмъ мѣстѣ огонь ставъ: Святый Власій, прійми свои власы!»

(Рукописный лѣчебникъ 1793 г.)

211.

Одъ пожара.

Ходя около огня:

«Помагайбу, Митре брате!»—«Здорова (такъ!) була, моя мати!»—«Не я твоя мати: твоя мати у вогнѣ, по̀дъ сковородою скваріться и пря-

жетьця, да не розширяється: и ты, Дмитре брате, и скварись, и пряжись, да зъ пôдъ сковороды не разширяйсь; якъ орелъ у полѣ лѣтаєть, крылами поломя потушаєть.»

(Изъ Рукописи Лѣчебника, переписаннаго 1793 г.)

VIII. Отношенія къ сверхъестественнымъ существамъ.

212.

Вôдъ вихоря.

Въ вихрѣ обыкновенно признаютъ и видятъ діявола, и по тому всякій, подвергшійся дѣйствію сильнаго вѣтра, обыкновенно садится на землю и крестится, желая тѣмъ отогнать отъ себя разгулявшагося діявола Вѣрятъ, что если вихрь подвѣетъ человѣка, то ему причинится неминуемая болѣзнь, отъ которой можетъ спасти только Іорданская вода. Такое понятіе о вихрѣ породило между дѣтьми особеннаго рода шалость, состоящую въ томъ, что они, замѣчая наступленіе вихря, какъ бы передразниваютъ его пальцемъ и кричатъ: «Куцый сала, куцый, сала!» Дѣти думаютъ, что чортъ не любитъ сала, также какъ и Евреи, его подчиненные.

(Даниленко. Этнограф. свѣдѣнія о Подол. Губ. 16)

213.

Дѣтвора лѣзучи въ воду.

«Чортокъ, чортокъ, не ламай кôстокъ! Ты зъ воды, а я въ воду!»

(Украинскія приказки, стр. 6)

214.

Тежъ.

«Чортокъ, чортокъ, не полѝчи моихъ кôстокъ!»

(Тамъ же)

215.

Потерчя хрестити.

Коли потерчя (загублена не хрещена дѣтина) має сѣмь лѣтъ, то воно лѣта, и кричить: «Хрести мя, хрести мя!» Коли хто се почує, то треба що не будь позадъ себе кинути, хустку, чи що, и примовити: «Хреститьця Иванъ, Марія, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!» то потерчя схопить ту хустку и полетить собѣ. Якъ же до сѣми лѣтъ нихто потерчяти не охрестить, то, коли воно дѣвча, становитьця русалкою, а коли хлопча, то перелесникомъ.

(Записалъ М. Левченко.)

216.

Вôдъ Русалокъ.

Русалка пыта у дѣвчины, зъ которою стрѣтиться: «А що мати варила?» А дѣвчина одкаже: «Борщъ та полынь! Отъ вамъ полынь!» то Русалка не займе ѣи, а тôлькô скаже: «Сама ты сгинь!» Якъ же дѣвчина одкаже: «Отъ вамъ петрушка!» и кине петрушку у воду Русалкамъ, то вони, промовивши слова: «Ты жъ наша душка!» почнуть заразъ ѣи лоскотати. А якъ скаже: «Отъ вамъ мъята!» то вони одкажуть: «Ты жъ наша мати!» або: «Тутъ тобѣ и хата,» и залоскочуть!

(Украинскія приказки, стр. 6)

217.

Тежъ.

Русалка, бросаясь на дѣвушку, спрашиваетъ у ней: «Полынь, чы петрушка?» Если та отвѣтитъ: «Полынь!» Русалка убѣжитъ со словами: «Сама ты сгинь!» а мущинѣ: «Самъ ты сгинь, ты не мôй!» На слово «Петрушка!» Русалка говоритъ: «Ты моя душка!» и потомъ щекочетъ.

(Обыч., повѣрья и кухня Малороссійская, стр. 80)

218.

Одъ Русалокъ.

«Кали будь, будь! Дайте мѣнѣ волосинку зарѣзати ту дѣтиньку!»

(Украинскія приказки, стр. 6)

219.

Для отогнанія Русалокъ.

Ау, ау шихарда кавда!
Шивда, вноза, митта, миногамъ,
Каланди, инди, якуташма биташъ,
Окутоми ми нуффанъ, зидима,
Коноцамъ, коноца, даррарра,
Тидулъ, кадаланъ, авдалъ, майда,
Ябудалъ, мейда, викзигь, гизи,
Коно-то-цо, іо-ія, іо-іо, іоцокъ, мацахъ, я-ца,
Іо-пи-ни-паццо, за окотомъ, за оцамъ, никамъ,
Шолда, колда, кафъ, пафъ, пафъ, пацц.
Кинцо, пинцо, тинцо, дыньоцонъ.
Цонъ-цанъ-ценъ! щоннъ,
Щондъ, дынзо!
Кудинъ-то Іоль, чиходамъ, шамъ,
Болдо ро-ко, булдарамъ, ганемъ, кондырь,
Ау, ау—шихарда, кавда!
Руку, куру-ту! киръ—дынь,
Тырь, щарь, кордоко, ау!
Коно-то-цо-іо, ія, іо, іо-цокъ, цокъ,
Русалокъ, Русалокъ, корто-то бухъ, бухъ,
Ну ппуду, голтолъ, боято, когда,
Шаррахъ, коффундо, шаррахъ, слоцалъ, цолкъ,
Щонъ, щонъ, щонъ—пинцъ,
Донъ-дуръ-торъ-щонъ,
Куцу-тонцъ, мяукоръ-пфи.

(Терещенко Бытъ Русскаго народа, VI, 130)

220.

Вôдъ перелестника, або летавицй.

Летавица у Гуцуловъ злой духъ, въ видѣ летящей звѣзды, но на землѣ принимаетъ образъ человѣка, который чаруетъ волшебными прелестями. Бываютъ женскаго и мужескаго пола. Въ послѣднемъ видѣ въ Малороссіи называются перелестниками. Гуцули вѣрятъ, что эти существа являются дѣвушкамъ и юношамъ въ уединеніи. Когда падаетъ звѣзда, говорятъ: «Баранъ третякъ голову зломивъ, да й ты!» Кромѣ того, отъ нихъ носятъ при себѣ лукъ. Заболѣвъ отъ чаръ летавицй лѣчатся сокомъ травъ: тояда, деляна и трояна.

Въ Малороссіи дѣвушка, которую полюбилъ перелестникъ, носитъ при себѣ зѣлье терлычъ и тою. Тогда перелестникъ не пристанетъ, говоря: «Коли бъ не терлычь, бувъ бы я твôй паничъ; коли бъ не тоя, була бъ ты моя!»

(Пантеонъ, 1855 г.: Повѣрья Гуцуловъ, и Lud Ukrain. II, 146)

221.

Одъ упырей.

Макомъ видюкомъ обсыпаютъ внутри гроба умершаго человѣка, котораго подозрѣваютъ въ томъ, что онъ можетъ сдѣлаться упыремъ и приговариваютъ: «Тоди будешъ ходити, якъ сей макъ переличишъ!»

(Lud Ukrain. II, 148)

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

СОСѢДИ СЛАВЯНЪ

СОЧИНЕНІЕ

Фр. Б. К.

—

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО

П. П. ДУБРОВСКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ новѣйшее время разносторонее изученіе Славянскихъ народовъ заняло въ нашей словесности довольно видное мѣсто. Мы стали болѣе прежняго знакомиться не только съ ихъ словесностью, но и съ современною политическою жизнію. Появляются большія отдѣльныя сочиненія и статьи въ журналахъ и газетахъ, посвященныя исключительно Славянамъ. Но до сихъ поръ еще мы не имѣемъ такого сочиненія, которое, въ одномъ сжатомъ очеркѣ, представило бы намъ, какъ жили и какъ живутъ теперь наши соплеменники въ сношеніяхъ съ своими инородными сосѣдями. Между тѣмъ подобный трудъ могъ бы дать ясное понятіе о настоящемъ состояніи Славянскаго міра. Съ этой цѣлью мы вознамѣрились познакомить Русскихъ читателей съ общедоступнымъ изданіемъ Чешской „Народной Матицы“ (Matice Lidu), вышедшимъ въ Прагѣ, въ 1868 г. (уже вторымъ изданіемъ), подъ заглавіемъ: „Obraz světa Slovanského s hlediště politicko-národního. Sepsal prof. Fr. B. K.„ (Картина Славянскаго міра съ точки зрѣнія политико-народной. Соч. професс. Фр. Б. К.). До сихъ поръ вышли только два отдѣла этого сочиненія: „I. Sousedé Slovanův“ (Сосѣди Славянъ) и „II. Stat Rakouský“ (Австрійское Государство). Мы представляемъ въ Русскомъ переводѣ первый отдѣлъ, т. е., „Сосѣди Славянъ.“ Вторымъ отдѣломъ мы займемся тогда, когда, въ слѣдъ за описаніемъ Австрійскаго Государства, издано будетъ такое же описаніе и прочихъ Государствъ, гдѣ живутъ Славяне.

Этотъ второй отдѣлъ, разумѣется, будетъ служить поясненіемъ перваго. Для полнѣйшаго изображенія Славянскаго

міра съ точки зрѣнія политико-народной, по замѣчанію автора этого сочиненія, необходимо имѣть въ виду тѣ Государства, въ которыхъ живутъ Славяне. Каждая другая точка зрѣнія, не основанная на дѣловыхъ соотношеніяхъ, неизбѣжно должна вести къ ложнымъ выводамъ.

Что касается до статистическихъ чиселъ, заключающихся въ этомъ сочиненіи, то сочинитель, желая придать, по его словамъ, большую степень вѣроятности своимъ политическимъ соображеніямъ, принимаетъ вездѣ меньшее число, говоря о Славянахъ, и большее, упоминая объ ихъ сосѣдяхъ. Это можетъ всего скорѣе устранить превратныя сужденія по настоящему предмету, какъ говоритъ Г. Професс. Фр. Б. К.

Переводчикъ.

СОСѢДИ СЛАВЯНЪ.

§ 1. Главные Европейскіе народы и жилища ихъ.

Главные Европейскіе народы суть: Романе, Германцы и Славяне, языки которыхъ родственны между собою. Романское племя расположилось на западѣ и югѣ нашей части свѣта, именно въ тѣхъ благословенныхъ странахъ, которыя нѣкогда находились подъ всемірнымъ владычествомъ Римскихъ Императоровъ. Германское племя заняло сѣверъ и средину Европы, въ сосѣдствѣ съ Славянскими народами, главное мѣстопребываніе которыхъ находится въ восточной части Европы.

Населеніе Романское простирается вообще до 93,000,000 душъ, Германское (въ Европѣ) до 77,500,000, Славянское до 80,862,000.

§ 2. Славяне.

Столь могущественный и громадный народъ, какъ народъ Славянскій, необходимо долженъ былъ распасться на многія вѣтви, особенно когда его отдѣльныя части удалились изъ своего первобытнаго отечества (нынѣшней Руси) и переселились въ другія страны. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, Славяне развѣтвились на нѣсколько народовъ, отличающихся одинъ отъ другого не только историческимъ особымъ развитіемъ, но и языкомъ. Впрочемъ, различіе между отдѣльными Славянскими народами и ихъ языками не столь велико, какъ, на примѣръ, у народовъ Романскихъ и Германскихъ.

Славяне вообще распадаются на три большія вѣтви: западную, восточную и южную.

Западные Славяне суть: 1. Поляки въ Россіи, Австріи и Пруссіи, которыя, въ концѣ прошлаго вѣка, подѣлили между собою прежнее Польское Королевство; ихъ считается до 9 милліоновъ.

2. Чехославяне въ Чехіи, Моравіи, Силезіи и Словацкихъ краяхъ Угріи; ихъ считается до 7,167,000 душъ.

3. Лужичане или Лужицкіе Сербы въ Королевствахъ Саксонскомъ и Прусскомъ: 142,000.

Въ нынѣшней Нѣмецкой землѣ, до XIV столѣтія, начиная отъ устья рѣки Салы по Балтійское море, въ краяхъ, нынѣ принадлежащихъ Пруссіи, и въ Мекленбургѣ, жили еще Полабскіе Славяне, ближайшіе соплеменники Поляковъ. Они совершенно исчезли въ слѣдствіе Нѣмецкаго давленія.

Къ Восточнымъ Славянамъ принадлежатъ Русскіе. Кромѣ собственной Россіи, они обитаютъ такъ же въ Галиціи и въ сѣверной Угріи, и распадаются на Великоруссовъ въ сѣверовосточной части, на Малоруссовъ въ южной, и на Бѣлоруссовъ въ западной части Русскаго Государства. Великоруссовъ считается до 35,314,000, Малоруссовъ 13,144,000, Бѣлоруссовъ 2,726,000; всѣхъ же 51, 184,000.

Къ Южнымъ Славянамъ принадлежатъ: 1. Булгары, 2. Сербы и Хорваты, и 3. Словенцы.

Булгары большею частію живутъ въ Турціи, а именно: въ Булгаріи, Ѳракіи и Македоніи, частію также въ Румуніи и Русской Бессарабіи. Ихъ считается 5 — 6 милліоновъ.

Словенцы живутъ въ Хорутаніи, Штиріи, Крайнѣ, Истріи, Горицѣ, въ Видемскомъ Венеціянскомъ округѣ и въ югозападной Угріи, въ числѣ 1,274,000.

Хорваты и Сербы населяютъ Тріединое Королевство (Хорватію, Славонію и Далматію), часть Истріи, Черногорію, Герцеговину, Боснію, Старую Сербію (Турецкую), Княжество Сербское, Военную Границу и часть юговосточной Угріи, которая называется Банатомъ и Сербской Воеводиной. Хорваты и Сербы теперь уже образуютъ одну и ту же народность, различаясь только тѣмъ, что Хорваты употребляютъ Латинское письмо и принадлежатъ къ Католической Церкви, между тѣмъ какъ Сербы употребляютъ Кириллицу и исповѣдуютъ Православную Вѣру. Всѣхъ ихъ считается 6,095,000.

Мы, Славяне, не достигли еще народнаго единства, чему, какъ намъ кажется, главною причиной были Мадьяры, Печенѣги, Половцы (Куманы) и Монголы, которые, вторгнувшись въ Славянскій міръ, разрознили его и сдѣлали невозможнымъ соединеніе его сѣверныхъ

и южныхъ отраслей. Такъ какъ въ слѣдствіе этого жизнь отдѣльныхъ Славянскихъ племенъ развивалась своеобразно, то и возникло нѣсколько письменныхъ языковъ, изъ которыхъ Русскій, Польскій, Чешскій и Сербо-Хорватскій успѣли образовать у себя весьма богатую словесность. Письменность Лужицкихъ Сербовъ, Словенцовъ, Русскихъ Галичанъ, Булгаровъ и, съ недавняго времени, Словаковъ, не столь важна и удовлетворяетъ пока однѣмъ мѣстнымъ потребностямъ.

Въ политическомъ отношеніи Славяне менѣе счастливы, нежели Романскіе и Германскіе народы. Правда, они имѣютъ два самостоятельныя государства: одного исполина, и одного карлика—Русскую Монархію и малую Черногорскую область, но большая часть изъ нихъ подчинена сосѣднимъ и чуждымъ народамъ, которые до сего времени господствуютъ надъ ними безъ Христіянскаго снисхожденія. Часть Славянъ живетъ въ Прусскомъ государствѣ (незначительная горсть въ Саксоніи), часть въ Австрійскомъ и Турецкомъ. Между Турецкими Славянами Сербы въ Княжествѣ Сербскомъ пользуются полною независимостію во внутреннемъ управленіи, признавая надъ собою только верховную власть Турецкаго Султана и платя ему ежегодную дань. Ими управляетъ особый ихъ собственный Князь.

§ 3. Романскіе народы.

Къ могущественному, даровитому и въ высшей степени образованному Романскому племени принадлежатъ: 1. Португальцы и Испанцы на благословенномъ Пиринейскомъ полуостровѣ, 2. Французы, 3. Италіянцы, 4. Румуны или Валахи, и 5. Греки.

Число Португальцевъ и Испанцевъ простирается до 19,000,000, Французовъ до 38,500,000, Италіянцевъ до 25,200,000, Румуновъ до 8,000,000, и, наконецъ, Грековъ до 3,301,000 душъ.

Между Романскими племенами Французы занимаютъ самое видное мѣсто. Они нѣсколько столѣтій уже стоятъ во главѣ своихъ сопленнениковъ, но имѣютъ, можно сказать, самое рѣшительное вліяніе также и на разрѣшеніе важнѣйшихъ Европейскихъ вопросовъ. Въ слѣдствіе этого и языкъ Французскій сдѣлался языкомъ всесвѣтнымъ и дипломатическимъ въ международныхъ сношеніяхъ.

Французы снискали себѣ безсмертную заслугу у всей вообще Европы, въ особенности же у отдѣльныхъ Романскихъ племенъ. Въ первомъ отношеніи Французы стоятъ во главѣ Европейскаго движе-

нія впередъ, по тому что почти всѣ перемѣны въ общественномъ, народномъ и государственномъ мірѣ, полученныя Европой въ новѣйшее время къ величайшей пользѣ своей, получили начало свое во Франціи.

Кромѣ того Французы могутъ сказать, что Европа нашего времени начинаетъ слагаться въ политическомъ отношеніи совершенно иначе, чѣмъ прежде, т. е., обращается главное вниманіе въ политическомъ свѣтѣ на народности, а меньше на тотъ, или другой, владѣтельный домъ. Это направленіе послужило уже во благо Романскому и Нѣмецкому племенамъ; можно надѣяться, что, съ теченіемъ времени, произойдетъ оттуда польза и для насъ, Славянъ.

Италіянцы обязаны благодарностью Французамъ за свое политическое соединеніе, а за ними и Румуны.

Дѣйствительно, Итальянцы съ теченіемъ времени сдѣлались было игрушкой своихъ сосѣдей, которые частью покорили себѣ нѣкоторые края Италіи, а частью навязали Итальянцамъ чуждыя имъ владѣтельные домы, отъ чего одинъ и тотъ же народъ былъ раздробленъ въ государственномъ отношеніи. Такъ, часть Италіи: Ломбардія и Венеціянская область достались Австріи; въ остальной же части владѣли Король Сардинскій, а возлѣ него Герцоги: Пармскій, Моденскій, Великій Герцогъ Тосканскій, Король Неаполитанскій и Папа Римскій, который тоже имѣлъ было свою церковную область. Итальянцы живо сознавали такое политическое раздробленіе свое и безпрестанно стремились къ народному и государственному соединенію въ одно цѣлое, не щадя никакихъ жертвъ деньгами и кровью, но всѣ ихъ попытки были напрасны. Только Французскій Императоръ Наполеонъ III вступился за Итальянцевъ, стараясь о томъ, чтобы Романскіе народы, подъ предводительствомъ Франціи, тѣснѣе прильнули другъ къ другу для охраненія и защиты своихъ интересовъ. По этому онъ, въ 1859 году, объявилъ Австріи войну и отнялъ у нея Ломбардію, послѣ чего въ скорости вся Италія соединились въ одно государство подъ жезломъ прежняго Короля Сардинскаго, который теперь называется Королемъ Италіянскимъ.

Слѣдуя тѣмъ же мыслямъ, Наполеонъ III доставилъ соединеніе въ одно цѣлое и Румунамъ въ Подунайскихъ Княжествахъ, которые, состоя подъ двумя Господарями, Молдавскимъ и Валашскимъ, тоже долго и напрасно трудились надъ своимъ соединеніемъ. Вліяніемъ Французскаго Императора оба Княжества составили одно государ-

ство Румунское, съ 1859 года, подъ однимъ Княземъ, хотя и подъ верховенствомъ Порты Турецкой, но верховенство это весьма слабо и, конечно, въ ближайшемъ будущемъ исчезнетъ.

§ 4. Романскіе народы, какъ сосѣди Славянъ.

Чтобы изобразить, по возможности, настоящую картину Славянскаго міра, съ точки зрѣнія политической, прежде всего мы должны обратить вниманіе на тѣ Европейскіе народы, которые, находясь въ сосѣдствѣ съ Славянами, или господствуютъ надъ ними, или же имѣютъ большое вліяніе на ихъ нынѣшнее положеніе.

Начнемъ съ Романскихъ народовъ. Изъ нихъ въ сосѣдствѣ съ Славянами находятся слѣдующіе: 1. Италіянцы, 2. Румыны или Валахи, и 3. Греки.

а) Италіянцы.

Въ Австрійскомъ Государствѣ Италіянцы живутъ въ числѣ 513,800 душъ. Они соприкасаются съ Славянами въ городахъ и на побережьяхъ Горицы, Тріеста и Истріи, также въ городахъ Далматскихъ.

Въ Горицѣ, Тріестѣ и Истріи, въ числѣ 521,000 жителей, ихъ находится около 162,100, въ Далматіи ихъ считается до 45,000 (всѣхъ же жителей тамъ 404,000). Они перемѣшиваются съ вѣтвями Словенскаго и Хорватскаго племени такимъ образомъ, что въ Горицѣ, Тріестѣ и Истріи соприкасаются и съ Словенцами и съ Хорватами, въ Далматіи же исключительно съ Хорватами, оставаясь и тутъ и тамъ господствующимъ народомъ, не смотря на свое рѣшительное меньшинство (преимущественно въ Далматіи), такъ какъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ Италіянскій языкъ не только пользуется почти исключительнымъ преимуществомъ въ училищахъ и управленіи, но даже повсемѣстно употребляется въ общественной и частной жизни.

Италіянское населеніе на восточномъ берегу Адріятическаго моря столь же древне, какъ и самые Романскіе народы вообще. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ заключеніе, будто бы нынѣшніе Италіянцы на Далматскихъ берегахъ могли выводить свой родъ отъ прежнихъ Римлянъ; тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что жители плодородной Италіи, съ незапамятныхъ временъ, селились на берегахъ Истрійскихъ, Хорватскихъ и Далматскихъ; по тому что

Италія всегда стремилась къ тому, чтобы завладѣть восточными берегами Адріятическаго моря.

Нужно имѣть въ виду, что Италія на противоположной сторонѣ Истріи, Хорватіи и Далматіи, не имѣетъ ни одной хорошей пристани, между тѣмъ какъ восточные берега Адріятическаго моря изобилуютъ множествомъ прекрасныхъ, глубокихъ и безопасныхъ пристаней, по чему Италія въ торговомъ и военномъ отношеніяхъ не можетъ обойтись безъ Славянскаго приморья, нынѣ принадлежащаго Австріи. Это было главною причиной уже въ древности, не менѣе также въ среднихъ и новыхъ вѣкахъ, что Италія домагалась овладѣть восточными берегами Адріятическаго моря. Дѣйствительно, могущество Венеціянской Республики никогда не достигло бы столь высокой степени, даже не могло бы долго удержаться на ней, если бы Венеціянцы заблаговременно не овладѣли берегами Истрійскими и Хорвато-Далматскими.

И такъ, по этимъ причинамъ для южныхъ Славянъ, Словенцевъ и Хорватовъ, въ упомянутыхъ земляхъ Италіянская стихія очень опасна.

Впрочемъ, надо сознаться, что у Славянъ нѣтъ такихъ мрачныхъ воспоминаній, какъ о другихъ сосѣдяхъ. Италіянцы никогда не вырѣзывали языка Славянскимъ жителямъ, никогда жестокимъ образомъ не изгоняли ихъ изъ ихъ жилищъ, никогда не лишали ихъ зрѣнія за языкъ и народность; можно даже сказать, что Венеціянское владычество, хотя и не благопріятствовало Славянамъ, однако жь не причинило имъ въ этихъ странахъ столько гибельныхъ ранъ, сколько причинило ихъ безразсудство Вѣнскихъ Правителей съ того времени, какъ эти земли перешли во владѣніе Австріи (1797 и 1813 г.).

Нынѣ, когда Италія объединилась, оказывается необходимость не только для Австріи, но и для пользы Южнаго Славянства, чтобы восточные берега Адріятическаго моря были сильно защищены противъ завоевательной политики Италіи.

Италія уже теперь употребляетъ усиліе, чтобы упомянутое приморье подчинить своему вліянію. Съ этой цѣлью всѣми средствами она старается поддерживать изъ Италіи свою народность, особенно въ Рѣкѣ (Fiume) и въ Далматіи. Для Италіи важно то, чтобы все приморье, или, по крайней мѣрѣ, главныя его части, сохранили искуственный Италіянскій характеръ; по этой-то причинѣ горсть Ита-

льянцевъ въ Далматскихъ городахъ препятствуетъ естественному и справедливому соединенію Славянскаго населенія съ Хорватіею, зная очень хорошо, что такимъ образомъ восточное побережье Адріятики утратило бы искуственную Итальянскую наружность, и Италія лишилась бы своихъ будущихъ выгодъ.

Въ этомъ отношеніи выгоды Австрійскаго государства совпадаютъ съ выгодами Южныхъ Славянъ, но, къ сожалѣнію, въ Вѣнѣ не хотятъ видѣть за своими деревьями цѣлаго лѣса.

Южные Славяне преимущественно должны заботиться о томъ, чтобы важныя ошибки прошедшихъ столѣтій, въ этомъ отношеніи, были исправлены. Древніе Хорваты и Сербы мало обращали вниманія на восточное побережье Адріятическаго моря; ибо все, что только въ разное время они здѣсь предприняли, было непрочно, неудачно, не было проведено съ твердою и хорошо понятою послѣдовательностію, по этому и не принесло никакихъ хорошихъ послѣдствій. Будущность Южнаго Славянства тогда только будетъ обезпечена, когда .Славянская народность сдолѣетъ Итальянскую стихію на восточныхъ берегахъ Адріятическаго моря.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на будущую участь Славянскаго и Итальянскаго населенія на восточныхъ берегахъ Адріятическаго моря найбольшее вліяніе будетъ имѣть будущая судьба Австріи и разрѣшеніе, такъ называемаго, Восточнаго вопроса. Австрія, сама собою, едва ли будетъ въ состояніи защитить свои Адріятическіе берега отъ завоевательныхъ домагательствъ Италіи. Съ другой же стороны нельзя не ожидать, что Итальянцы, со временемъ, будутъ значительно содѣйствовать коренному преобразованію Турецкаго государства, и въ этомъ отношеніи Россія можетъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ друзей. Само собою разумѣется, что Итальянцы «даромъ» ничего не сдѣлаютъ въ пользу Христіянскаго населенія въ нынѣшней Турціи. Съ точки зрѣнія Славянской остается желать, чтобы Италія обратила свой взоръ на противолежащую Албанію.

б) Румуны.

Народъ этотъ во многихъ отношеніяхъ очень замѣчателенъ. Удивительно, что онъ, при своей относительной малочисленности (всего 8 мил. душъ), послѣ всѣхъ переворотовъ въ разныя времена, сохранилъ свою природныя свойства, не смотря на то, что удаленъ отъ всѣхъ прочихъ Романскихъ языковъ, живетъ въ странахъ по своему поло-

женію подверженныхъ величайшей опасности и вмѣстѣ нападеніямъ со стороны завоевательныхъ чужеязычныхъ сосѣдей, и наконецъ до сихъ поръ не отличается ни тѣлесною силою, ни воинственностію, ни даже нравственнымъ и общественнымъ образованіемъ.

Главная осѣдлость Румуновъ находится въ Придунайскихъ Княжествахъ, гдѣ они распоряжаются какъ въ собственномъ краѣ. Большая часть (1,104, 322) ихъ живетъ въ Семиградіи; восточная часть Угріи (1,171,676), южная половина Буковины (175,679) и часть Границы (140,826) тоже заселены ими. Изъ этого видно, что большая часть Румунскаго народа граничитъ съ Славянскимъ міромъ, и что положеніе его сходно съ положеніемъ Мадьяровъ; словомъ, онъ находится посреди Славянскаго племени, входя въ него клиномъ. Только съ западной стороны Румуны соприкасаются съ Мадьярами, которые, сверхъ того, на подобіе небольшихъ острововъ, поселились между ними въ Семиградіи, вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ Саксовъ. Въ Австріи Румуновъ считается 2,642,293, изъ которыхъ на Неугорскія земли приходится 178,579 душъ.

Устойчивость этого народа чрезвычайно замѣчательна и можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для другихъ народовъ. Онъ усердно заботится о сохраненіи своихъ обычаевъ и своего языка, мужественно сопротивляясь Мадьярамъ, которые, въ народномъ отношеніи, не могутъ нанести имъ никакого значительнаго вреда, хотя они до нашего времени и держали ихъ въ рабствѣ. Напротивъ того на Славянъ Румуны ни сколько не могутъ жаловаться; они даже обязаны имъ, именно Русскимъ, неизмѣнной благодарностію, такъ какъ Россія, вмѣстѣ съ Франціей, заставила Турцію признать ихъ самостоятельность, на основаніи которой они могли устроить свое полунезависимое государство.

Румуны, какъ народъ, чрезвычайно живучи и, сверхъ того, замѣчательны необыкновенною плодовитостію. Число ихъ, такъ сказать, увеличивается осязательно, даже есть поговорка, что одна Румунка, обыкновенно очень пригожая и въ семейной жизни необыкновенно нѣжная, можетъ «орумунить» цѣлую Мадьярскую и въ особенности Славянскую деревню. Румуны вообще не учатся чужимъ языкамъ, но за то заставляютъ своихъ сосѣдей учиться ихъ языку. Если бы и мы, Славяне, могли похвалиться такою важною народною особенностію! Въ этомъ нельзя дѣлать Румунамъ никакого упрека; напротивъ, они заслуживаютъ за то всякой похвалы и подражанія.

Явленіе замѣчательное, что Сербская народность, именно въ Банатѣ, изглаживается, уступая сосѣдней Румунщинѣ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что Румунская стихія мало по малу переходитъ даже на правый берегъ Дуная. И на Булгарскомъ правомъ берегу Дуная отчасти замѣтно то же явленіе.

Опредѣлительно можно сказать, что только на западной сторонѣ Угріи Румуны опасны для Славянъ своею плодовитостію и живучестію; на сѣверѣ напираетъ на нихъ могучая Русская народность, тогда какъ на южной границѣ одинъ только величественный Дунай отдѣляетъ ихъ отъ Сербовъ и Булгаръ.

Нужно отличать Румуновъ Австрійскихъ отъ Турецкихъ (Русскіе, Румуны 730,000 душъ, не представляютъ большой важности). Въ Австріи они населяютъ преимущественно Угорскія земли, гдѣ они служатъ сильнымъ орудіемъ въ народномъ и политическомъ смыслѣ. Такъ какъ ихъ положеніе одинаково съ положеніемъ Угорскихъ Славянъ, то господствующіе Мадьяры считаютъ ихъ важнымъ матеріяломъ для созданія великой Мадьярской державы; по этому они ихъ угнетаютъ и всякими способами преслѣдуютъ. Ихъ перевѣсъ въ Семиградіи (1,104,322 на 1,927,173 жителей) не даватъ Мадьярамъ спокойствія до тѣхъ поръ, пока они не добились полнаго соединенія упомянутой страны съ Угріею, и такимъ образомъ лишили Румуновъ всякой самостоятельности, отнявши у нихъ даже возможность избавиться ихъ опеки. Не смотря на то, народное сознаніе Румуновъ уже такъ велико и ненависть ихъ къ Мадьярамъ такъ сильна, что имъ нечего бояться омадьяренія. По этимъ причинамъ Австрійскихъ Румуновъ можно считать естественными союзниками Угорскихъ Славянъ въ общей борьбѣ съ господствующей Мадьярской народностію. Изъ числа всѣхъ не Нѣмецкихъ и не Мадьярскихъ народовъ они одни только присоединились къ союзнической (федеративной) программѣ Чеховъ.

Мадьяры очень хорошо сознаютъ опасность, которая грозитъ ихъ преобладанію въ Румунскихъ земляхъ. И дѣйствительно, Румуны имѣютъ сильную поддержку въ Православной Вѣрѣ, общей имъ съ Русскими, Булгарами, Сербами и Греками и, кромѣ того, въ сосѣднихъ Румунскихъ Княжествахъ, недавно (1859 г.) соединенныхъ между собою подъ знаменательнымъ именемъ «Румуніи.» Мадьяры, чувствуя свою несостоятельность передъ Румунскою народностію, стали враждовать противъ Румуновъ также точно, какъ противъ Угорскихъ Славянъ. Румуны мужественно стоятъ за себя, мощно защищая на

Пештскомъ сеймѣ равноправность съ Мадьярами. Мадьяры, однако, не хотятъ допустить, чтобы Румуны сознавали себя Романами, и продолжаютъ домагаться, чтобы они сдѣлались Мадьярами.

Турецкіе Румуны имѣютъ свое полусамостоятельное государство, «Румунію,» состоящее изъ прежнихъ Дунайскихъ Княжествъ, Молдавіи и Валахіи. Оба эти соединенныя Княжества обязаны своимъ положеніемъ Россіи и Франціи. Въ недавнее время призванъ туда въ Князи Принцъ Гогенцоллернскій, родичъ Прусскаго Короля, что слѣдуетъ приписать тѣсному союзу Россіи съ Пруссіей.

До сихъ поръ Дунайскія Княжества играли въ Восточномъ вопросѣ почти исключительно страдательную роль, будучи, большею частію, театромъ кровавыхъ войнъ между Россіею и Турціею. Было бы большимъ шагомъ впередъ, если бы нынѣшняя Румунія дѣятельно могла слѣдовать Русской политикѣ, стремящейся къ облегченію участи Турецкихъ Христіянъ. Не менѣе было бы важно, если бы внутренее состояніе Румуніи улучшилось до такой степени, чтобы она, когда будетъ нужно, могла дѣятельно поддерживать и своихъ соотечественниковъ въ Угорскихъ земляхъ противъ Мадьярскаго гнета. Нельзя ни утверждать, ни отрицать, совершится ли то въ самомъ ближайшемъ времени, или Румунскій народъ въ Турціи и на будущее время останется слабымъ, бездѣйствующимъ.

в) Греки.

Грековъ обыкновенно считаютъ до 3,301,000 душъ, изъ которыхъ въ Греческомъ Королевствѣ живетъ 1,250,000, въ Европейской Турціи 990,000, и въ Азіятской 1 мил., въ Россіи 60,000, и въ Австріи 650. Почти всѣ они исповѣдуютъ Православную Вѣру; только малая часть ихъ слѣдуетъ Магометанству и другимъ религіямъ.

Вообще о Грекахъ можно сказать то же самое, что и о насъ: гдѣ въ древности Греки жили, тамъ они, большею частью, и теперь живутъ.

Греки замѣчательны для насъ, какъ южные сосѣди Булгаръ. Положеніе Греческаго народа можетъ улучшиться и въ политическомъ отношеніи имѣть важное значеніе, такъ что, при возможномъ паденіи Турецкаго государства, онъ легко можетъ возстановить въ нѣкоторой степени свое прежнее вліяніе и возобновить свою дѣятельность.

Нужно имѣть въ виду слѣдующее:

Половину народонаселенія Цареграда составляютъ Турки и четвертую часть Греки. Главное средоточіе ихъ — часть города, называемая «Фанаръ», населенная богатою и чрезвычайно дѣятельною Греческою, такъ сказать, знатью (Фанаріоты).

Въ Турецкой области, которая нѣкогда называлась Ѳракіею и въ которой лежитъ великолѣпный Цареградъ, разсѣяны Греки отъ Адріянополя до самаго Цареграда, а на сѣверъ до древней знаменитой Варны.

Греческій народъ между всѣми народами Востока самый образованный и вмѣстѣ самый испорченный въ нравственномъ отношеніи. Объ его хорошихъ свойствахъ мы упомянули уже выше; къ сожалѣнію, въ Греческомъ характерѣ замѣтно болѣе дурныхъ, нежели хорошихъ, сторонъ. Было бы ошибочно думать, что виною этому продолжительное Турецкое иго; ибо Греки были уже прежде испорчены. Къ дурнымъ ихъ качествамъ принадлежитъ: суетность, хвастовство, безосновательная подозрительность къ чужестранцамъ, склонность ко лжи, чрезмѣрное корыстолюбіе, лукавство, сплетничество и плутовство; при всемъ томъ сердечное влеченіе къ праздности. Не говоримъ уже объ извѣстной искаженности ихъ нравовъ.

Греки, въ нѣкоторомъ отношеніи, были для южныхъ Славянъ тѣмъ же, чѣмъ Нѣмцы для сѣверо-западныхъ. Большая часть Славянъ (Русскіе Сербы, Булгары), приняла отъ Грековъ Вѣру и вмѣстѣ съ нею Восточную образованность. И къ западнымъ Славянамъ, именно къ Чехамъ, перешла Христіянская Вѣра также отъ Грековъ, хотя Чехи послѣ и соединились съ Римскою Церковью.

Съ другой стороны Греки искоренили Славянскую народность во многихъ частяхъ нынѣшняго Балканскаго полуострова, точно такимъ же образомъ, какъ то же самое сдѣлали Нѣмцы въ Залабскихъ земляхъ. Было время, когда Славянскій языкъ раздавался въ большей части нынѣшняго Греческаго Королевства.

Сосѣдство съ Греками не принесло Славянамъ большой пользы ни въ политическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи; оно даже было причиною, что политическая гнилость и нравственная испорченность изъ Цареграда перешли въ югославянскія земли. Причиною внутренняго упадка южныхъ Славянъ была испорченная Греческая образованность еще до прихода Турковъ. Но время Турецкаго владычества

Греки соединились съ Турками для совершеннаго уничтоженія южныхъ Славянъ, какъ въ матеріяльномъ, такъ и въ духовномъ, отношеніи.

Эту цѣль Греки до сихъ поръ преслѣдуютъ въ Турецкомъ государствѣ.

Сравнительно всего болѣе отъ Грековъ пострадали Булгары. Собственно вся Булгарская исторія есть не что иное, какъ длинный рядъ кровавыхъ битвъ между ними и Греками. Ихъ битвы, во многихъ отношеніяхъ, напоминаютъ битвы Полабскихъ Славянъ съ Нѣмцами, въ среднихъ вѣкахъ.

Западъ Европы имѣетъ чрезвычайно ложное понятіе о Грекахъ. Относя историческія воспоминанія о древнихъ Грекахъ къ Грекамъ нынѣшнимъ, въ этихъ послѣднихъ воображаютъ видѣть только героевъ, художниковъ и мудрецовъ.

Даже въ самомъ Славянскомъ мірѣ нѣтъ ясныхъ взглядовъ на этотъ предметъ.

Конечно, Славянскій міръ по справедливости можетъ пріязненно относиться къ Грекамъ, живущимъ въ нынѣшнемъ Королевствѣ, и желать имъ всѣхъ успѣховъ на островахъ, до сихъ поръ принадлежащихъ Туркамъ, также какъ и въ нынѣшней Турецкой области Ѳессаліи; но желать имъ успѣха въ Македоніи и Ѳракіи, даже въ самомъ Цареградѣ, значило бы то же самое, что желать вреда Булгарамъ. И точно, въ этихъ областяхъ, не менѣе чѣмъ въ самой Булгаріи, у Булгаровъ нѣтъ болѣе жестокихъ враговъ, какъ Греки, не исключая даже Турковъ.

Гдѣ только Грекъ сталкивается съ Булгаромъ (во Ѳракіи, Македоніи и Булгаріи), онъ дѣлается его величайшимъ гонителемъ, грабителемъ и мучителемъ, какъ упиръ губитъ его тѣло и душу. Подъ исключительнымъ Турецкимъ господствомъ Булгары, конечно, никогда такъ низко не упали бы, если бы къ Туркамъ не присоединились Греки, которые превышаютъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Самъ народъ Булгарскій объясняетъ себѣ упадокъ своей независимости тѣмъ, что ему измѣнилъ Греческій Патріархъ во время рѣшительной битвы. Опустошеніе роднаго края Булгары также приписываютъ Греческому Патріарху, который будто бы присовѣтовалъ Султану «послать войско въ Булгарію, изрубить всѣхъ Священниковъ, повѣсить Епископовъ, потуречить малыхъ дѣтей, разрушить церкви, и обратить ихъ въ мечети.»

Хотя все это не было выполнено въ точности, тѣмъ не менѣе Булгарскій народъ правъ, въ томъ смыслѣ, что въ его нравственномъ паденіи болѣе всего виноваты Греки.

Это легко объяснить. Булгарскія дѣла находятся въ слѣдующемъ положеніи:

Нѣтъ большаго различія, какъ между Турецкими имамами (духовными) и Булгарско-Греческими Епископами: одни бѣдны и необразованны, другіе богаты и живутъ въ роскоши. Едва ли какой ни будь Турецкій Папа сравняется въ пышности съ Греко-Булгарскимъ Епископомъ. Если спросить, откуда высшее духовенство въ Булгаріи получаетъ свои доходы, можемъ отвѣтить: но ни одинъ изъ Папшей не превзойдетъ послѣднихъ: оно обираетъ бѣдный Булгарскій народъ.

Въ Цареградѣ, какъ сказано, есть Греческій кварталъ, называемый «Фанаръ». Оттуда присылаются въ Булгарію Епископы на незанятыя Епископскія каѳедры, которыя просто продаются Цареградскимъ Патріархомъ: кто дастъ больше, тотъ и получитъ каѳедру. Тутъ не обращается вниманіе на высшую образованность, на большее благочестіе, или на другія качества, необходимыя духовному сану; тутъ не берется въ разсчетъ зрѣлый возрастъ, или знаменитыя заслуги въ вертоградѣ Господнемъ. Кто заплатитъ дороже, тотъ и Епископъ.

Уже въ 1573 г. за Патріаршую каѳедру нужно было заплатить 6,000 червонцевъ, теперь же она въ двадцать пять разъ дороже; при чемъ, однако, нужно имѣть въ виду, что почти столько же дается при заключеніи торга, а именно: на расходы для подкупа высшихъ сановниковъ Порты. Не смотря на то случается, что для полученія этого достоинства всегда является множество желающихъ имѣть его.

Такія огромныя деньги могли, и могутъ, представить только духовные изъ богатыхъ Греческихъ семействъ въ Цареградѣ, которые такимъ образомъ какъ бы получили наслѣдственное право на Патріаршество, понимаемое ими какъ источникъ обогащенія себя и своихъ родственниковъ.

Когда, съ теченіемъ времени, дѣло дошло до того, что Турки стали продавать Патріаршество, очень понятно, что они, съ своей стороны, старались быть полезны Греческимъ Патріархамъ и помогали имъ, по старой пословицѣ: рука руку моетъ.

Слѣдуетъ припомнить, что, при вторженіи Турковъ въ Европу, было четыре самостоятельные Патріарха на Балканскомъ полуостровѣ:

Сербскій въ Печи, два Булгарскихъ, въ Терновѣ и Охридѣ, и Греческій въ Цареградѣ; послѣдній считался между ними знатнѣйшимъ, хотя завѣдывалъ только меньшей частью полуострова.

Помощію Турковъ, неблагородными средствами и насиліемъ, Греческіе Патріярхи добились того, что всѣ три Славянскіе Патріяршества были уничтожены и обращены въ обыкновенныя Епископіи, какъ-то: въ Печи около 1766 г., въ Охридѣ и Терновѣ 1767 г. Послѣ этого власть Цареградскаго Патріярха снова распространилась во всѣхъ земляхъ Европейской Турціи. Съ тѣхъ поръ все высшее (часто и низшее) духовенство исключительно состояло изъ Грековъ, или Фанаріотовъ. Ниже мы опишемъ, какъ поступали въ Славянскихъ земляхъ эти Греческіе духовные.

Первый ударъ Фанаріотамъ нанесло возстаніе Сербовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Сербы, освободившись отъ Турецкаго ига, изгнали изъ своей страны всѣхъ Фанаріотовъ и установили свое собственное духовенство. Въ Черногорію уже издавна не смѣютъ проникнуть ни одинъ Греческій Священникъ, подъ карою смерти; но Боснійскіе, Герцеговинскіе и Булгарскіе Христіяне еще и до сихъ поръ стонутъ подъ игомъ Греческаго духовенства, всего же болѣе Булгары, что объясняется положеніемъ страны и другими обстоятельствами.

Какъ Цареградскій Патріярхъ покупаетъ свою каѳедру, такъ точно прочіе Епископы покупаютъ свои мѣста, а въ слѣдъ за ними и низшее духовенство свои приходы. Разница только въ томъ, что Патріярхъ покупаетъ у Турковъ, Епископы у Патріярховъ, а приходскіе Священники у Епископовъ. За Епископію обыкновенно платится 4,000 червонцевъ, которые потомъ насильственно собираются съ Христіянъ.

Греческое духовенство въ Булгаріи (также въ Босніи и Герцеговинѣ) не заботится вовсе о духовномъ и нравственномъ образованіи народа; не беретъ его подъ свое покровительство и защиту, какъ бы обязано было то дѣлать, но заботится только о своемъ обогащеніи; наконецъ это же Греческое духовенство совершенно открыто дѣйствуетъ въ пользу «великой Еллинской идеи,» т. е., уничтоженія народности ненавистныхъ «варваровъ» (Славянъ), что должно служить приготовленіемъ къ возобновленію древняго Византійскаго государства. Гдѣ они не могутъ вытѣснить Славянства изъ церкви и изъ училищъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, стараются о томъ, чтобы Славянскій

народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ и въ нравственной и духовной слѣпотѣ.

Подобно Езуитамъ въ Чехіи, Греческое духовенство въ Булгаріи отыскивало, и до сихъ поръ отыскиваетъ, древнія Славянскія рукописи, уничтожая и сожигая ихъ. Лѣтъ двадцать или болѣе тому назадъ въ этомъ дѣлѣ отличился Неофитъ, Архіепископъ Терновскій. Въ этомъ древнемъ знаменитомъ мѣстопребываніи Булгарскихъ Патріярховъ (съ 1186 г.) и въ прежней столицѣ Булгарскихъ Царей, этотъ образованный Греческій варваръ приказалъ сжечь огромное множество, ни чѣмъ незамѣнимыхъ и драгоцѣнныхъ, Славянскихъ рукописей, хранившихся въ церковномъ архивѣ. Когда же образованные Булгары пожаловались Цареградскому Патріярху на такое варварство, то верховный пастырь принялъ сторону своего друга, и въ слѣдствіе этого принесшіе жалобу были заключены въ темницу. Такимъ точно образомъ Греки поступаютъ и въ другихъ случаяхъ. Булгары, по ихъ выраженію, Всеслависты (Панслависты) и бунтовщики противъ Высокой Порты. Себя же они выдаютъ за образецъ людей благонамѣренныхъ, и Европа думаетъ, что Греки мужественные защитники Святой Христіянской Вѣры противъ Магометанскаго изувѣрства.

Эта картина не была бы еще полна, если бы мы не упомянули о томъ, какую жизнь ведутъ Греческіе Священники, и какъ они противятся всему, что могло бы вести къ образованію простого Славянскаго народа. Оказывается, что Греки хуже самихъ Турковъ.

Греческое духовенство, въ полномъ смыслѣ слова, ведетъ жизнь развратную и безпорядочную. Христіянское Славянское населеніе никогда не упускало случая приносить жалобы Высокой Портѣ. Послѣдняя, въ 1850 г., была принуждена даже послать Патріярху особое предписаніе, въ которомъ, выставляя на видъ безчинства, производимыя Фанаріотами, приглашала его принять мѣры къ устраненію зла. «Такъ какъ (говорится въ предписаніи) многіе Митрополиты и Епископы совершаютъ такія дѣла, на которыя не рѣшились бы самые развратные люди; между тѣмъ Христіянскіе народы, подвергающіеся подобнаго рода притѣсненіямъ, безпрестанно обращаются къ правительству съ жалобами и просятъ его, чтобы имъ была оказана помощь и защита: по этому правительство требуетъ...., чтобы всѣ такія преступныя дѣйствія прекратились на вѣки.»

Въ Парижскомъ договорѣ 1856 г. находится статья, на основаніи которой Патріярхъ долженъ быть назначаемъ пожизненно, Епи-

скопы получать постоянное содержаніе, церковныя же десятины должны быть уничтожены. Высокая Порта уже въ 1857 г. дала приказаніе Греческому Патріярху созвать Синодъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ которомъ это дѣло должно было рѣшиться; но извѣстно, что Греческое духовенство и до сихъ поръ не думаетъ исполнить этого.

Такимъ же образомъ Греческое духовенство противится и устройству училищъ для Булгаръ и прочихъ Турецкихъ Славянъ, хотя Порта время отъ времени напоминаетъ ему объ этомъ. Турки въ этомъ отношеніи сдѣлали гораздо болѣе для себя, нежели Греческое духовенство для своей паствы. «Къ чему вамъ лучшія училища?» спрашивалъ, на примѣръ, Греческій Епископъ у Булгаръ въ Нишѣ (Ниссѣ). «Развѣ вы хотите, чтобы изъ вашихъ дѣтей сдѣлались невѣрующіе еретики? Лучше будетъ, когда мы станемъ собирать деньги на построеніе церквей!»

Само собою разумѣется, что свѣтскіе Греки, большею частію живущіе между Булгарами по торговымъ дѣламъ, ни сколько не лучше Греческаго духовенства, какъ высшаго, такъ и низшаго.

Изъ этого становится ясно, по чему Булгары считаютъ «сосѣдей» Грековъ своими величайшими мучителями и гонителями. Для Булгаръ было бы величайшимъ бѣдствіемъ, если бы когда либо возстановилось Греческое государство съ столицею въ Цареградѣ; даже было бы для нихъ большимъ несчастіемъ, если бы Греки добились хоть какого ни будь политическаго вліянія въ Македоніи и Ѳракіи, прежде нежели Булгарамъ было бы дана самостоятельность.

§ 5. Германцы.

Изъ числа Германскихъ племенъ только Нѣмцы и Шведы живутъ по сосѣдству съ Славянами; Шведы населяютъ преимущественно Чудскую и отчасти Эстонскую земли; въ Россіи ихъ считается всего 100,000. Такъ какъ число это невелико, то мы на нихъ не остановимся и прямо перейдемъ къ Нѣмцамъ.

Нѣмецкій народъ, какъ мы сказали, составляетъ могущественную отрасль Германскаго племени, которая, сверхъ того, еще раздѣляется на вѣтвь Англо-Саксонскую и Скандинавскую.

Къ Англо-Саксонской вѣтви принадлежатъ Англичане, народъ, занимающій необширное пространство въ Европѣ, но за то распространенный въ безчисленныхъ поселеніяхъ во всѣхъ частяхъ свѣта.

Къ Скандинавской вѣтви принадлежатъ: Датчане, Норвежцы, Исландцы и Шведы.

Для насъ важны собственно Нѣмцы, которые живутъ въ срединѣ Европы между Романскимъ и Славянскимъ племенами, и занимаютъ въ ряду образованныхъ народовъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Нѣмецкая стихія къ сѣверу почти вездѣ достигаетъ Балтійскаго и Нѣмецкаго (Сѣвернаго) морей, а именно: идя широкою полосою отъ Лабявы въ Восточной Пруссіи вплоть до Гревелинга, въ самой сѣверной окраинѣ Франціи (причисляя къ Нѣмцамъ также Голландцевъ и Фламандцевъ). Эта полоса только въ Западной Пруссіи и въ Поморьи, начиная отъ Гданска, пересѣкается на незначительное пространство Славянскимъ (Польскимъ) племенемъ, которое, впрочемъ, постепенно вымираетъ и, безъ сомнѣнія, чрезъ нѣкоторое время совершенно уступитъ мѣсто Нѣмецкой стихіи. На западѣ Европы Нѣмцы соприкасаются съ Французами, на югѣ съ Итальянцами, на востокѣ, въ Австрійскомъ государствѣ, граничатъ съ Славянами и Мадьярами, въ Пруссіи съ Поляками и Литовцами.

До новѣйшаго времени (1866) существовалъ, такъ называвшійся, Нѣмецкій союзъ, т. е., союзъ разныхъ Нѣмецкихъ государствъ въ Средней Европѣ. Этотъ союзъ распался, въ слѣдствіе войны Австріи съ Пруссіею. Въ настоящее время политическое устройство Германіи слѣдующее: *

Сѣверо-Нѣмецкій союзъ на сѣверѣ отъ рѣки Майна; во главѣ основаніе его — Пруссія. Къ этому Сѣверо-Нѣмецкому союзу, сверхъ Пруссіи, принадлежатъ:

1. Саксонія; 2. Тюрингскія земли, а именно: а) Саксенъ-Веймаръ, б) Саксенъ-Мейнингенъ, в) Саксенъ-Альтенбургъ, г) Саксенъ-Кобургъ-Гота, д) Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, е) Шварцбургъ-Рудольштадтъ, ж) Рейссъ-Грейцъ, з) Рейссъ-Шлейцъ; 3. Ангальтъ; 4. Брауншвейгъ; 5. Вальдекъ; 6 и 7. Липпе-Детмольдъ и Л.-Шаумбургъ; 8. Ольденбургъ; 9 и 10. Мекленбургъ-Шверинъ и М.-Стрѣлицъ; 11, 12 и 13. вольные города: Бременъ, Гамбургъ и Любекъ, и 14. часть Великаго Герцогства Гессенскаго (Oberhessen).

Властители всѣхъ этихъ государствъ и малыхъ владѣній суть

* Писано до послѣднихъ происшествій 1870 г.

намѣстники Прусскіе; ибо военная сила въ Сѣверо-Нѣмецкомъ союзѣ находится исключительно въ рукахъ Пруссіи. Жителей во всѣхъ земляхъ этого союза считается около 29 милліоновъ, изъ которыхъ 24 милліона приходится на часть самой Пруссіи.

На всемъ пространствѣ этихъ земель господствуетъ исключительно народность Нѣмецкая (Германская), кромѣ 50,000, Лужицкихъ Сербовъ въ Саксоніи и 2,500,000 не Нѣмецкаго происхожденія въ Пруссіи, преимущественно Поляковъ и Литовцевъ.

Рядомъ съ Сѣверо-Нѣмецкимъ союзомъ, въ южной Германіи существуютъ еще государства, которыя такъ же стремятся къ тому, чтобы присоединиться къ сѣверному союзу. * Эти государства суть: а) Баварія, в) Вюртембергъ, с) Баденъ, д) Великое Герцогство Гессенское, и наконецъ е) небольшое Княжество Лихтенштеинъ съ 7,000 жителей.

Въ южной Германіи всѣхъ жителей, исключительно Нѣмцевъ, насчитывается до 8 милліоновъ.

Изъ этого обозрѣнія видно, что на всемъ пространствѣ, которое мы называемъ собственно Германіею, отъ Рейна до Одры и Вислы, отъ границъ Швейцаріи и Австріи до морей Сѣвернаго и Балтійскаго, живетъ 37 милліоновъ душъ, изъ которыхъ не менѣе 34 милліоновъ принадлежитъ къ Нѣмецкой народности и нѣсколько болѣе 2 милліоновъ къ Славянской.

Нѣмцы внѣ собственной Германіи.

Къ Нѣмцамъ мы должны причислить также Голландцевъ, хотя они и говорятъ на своемъ собственномъ нарѣчіи, которое есть не что иное, какъ отрасль Нижне-Нѣмецкаго. То же самое относится и къ Фламандцамъ въ Бельгіи. Здѣсь Романо-Валонская стихія (2,700,000 Фламандцевъ, 2 мил. Валоновъ) тѣснятъ Нѣмецкую (Фламандскую) народность далѣе на востокъ; Французскій языкъ и его словесность господствуютъ въ свободной Бельгіи, хотя тамошнимъ Фламандцамъ предоставлена полная свобода воздѣлывать свой родной языкъ.

Во Франціи, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, находится 200,000 Фламандцевъ въ самой сѣверной части Франціи (departament Pas de

---

* Эти стремленія уже осуществились, образовавъ съ прочими «Нѣмецкую Имперію.»

Calais au Nord), и 1,100,000 Нѣмцевъ въ самой сѣверной узкой полосѣ старой Лотарингіи (нынѣшній департаментъ Мозельскій) и въ большей части стараго Альзаса. *

Въ Швейцаріи, въ 1861 г., было около 1,800,000 Нѣмцевъ на 2,510,494 жителями (Нѣмецкой, Французской и Итальянской народности). Въ Швейцаріи всѣ народности пользуются полною равноправностію, между тѣмъ какъ во Франціи, стремящейся къ сосредоточенію, Нѣмецкій языкъ въ значительной степени уступаетъ передъ господствующимъ Французскимъ.

Въ Австрійскомъ государствѣ, въ 1857 г., Нѣмцевъ считалось 7,889,925, слѣдовательно, почти $^1/_5$ всего народонаселенія. Къ чисто-Нѣмецкимъ землямъ принадлежатъ: Верхняя Австрія и Зальцбургъ; но Нѣмцы, исключая Далматіи, разсѣяны во всѣхъ земляхъ Австріи, то въ значительномъ большинствѣ, какъ то въ Нижней Австріи, въ Тиролѣ, Штиріи и Хорутатіи, то въ меньшемъ числѣ. Въ Австріи находится также очень много разныхъ Нѣмецкихъ поселеній, именно въ восточной половинѣ государства, какъ то въ Угріи и Семиградской области, гдѣ живетъ особый Саксонскій народъ уже съ XII столѣтія. Но Нѣмецкій языкъ пріобрѣлъ въ Австріи величайшую силу и значеніе, будучи языкомъ правительственнымъ и соединяя между собою разноплеменные народы; кромѣ того его употребляетъ въ домашнемъ быту многочисленное Еврейское племя (1,049,000) во всемъ Австрійскомъ государствѣ.

Въ Россіи считается 717,000 Нѣмцевъ, которые частію живутъ въ ней уже нѣсколько столѣтій (въ Балтійскихъ Губерніяхъ: въ Лифоніи 60,000, въ Куроніи 40,000, и въ Эстоніи 18,000, уже съ XIII столѣтія), частію разсѣяны поселеніями во многихъ Губерніяхъ, преимущественно южныхъ и въ Царствѣ Польскомъ. Русско-Польскіе Евреи также употребляютъ между собою Нѣмецкій языкъ.

Въ прочихъ Европейскихъ земляхъ встрѣчается только небольшое число осѣдлыхъ Нѣмцевъ, внѣ же Европы наиболѣе находится Нѣмцевъ въ Америкѣ (около 2 милліоновъ).

Число всѣхъ Нѣмцевъ, присоединяя къ нимъ Голландцевъ и Фламандцевъ, доходитъ до 54 милліоновъ. По этому, между образованными народами, по своей численности, они занимаютъ третье

---

* Но и эти Нѣмцы Лотарингіи и Альзаса теперь составляютъ уже часть Нѣмецкой Имперіи по послѣдней войнѣ Нѣмцевъ съ Французами.

сто; ибо Англичанъ считается 76 — 80 мил., Русскихъ 56 мил. и Французовъ 42 мил. (въ Европѣ же 38,500,000).

Нѣмцы имѣютъ то преимущество передъ прочими Европейскими народами, что они поселились въ самомъ сердцѣ Европы, гдѣ живутъ одни, не будучи разрознены по народностямъ, какъ Славяне. Только на восточной ихъ окраинѣ осталось нѣсколько Славянскаго народонаселенія, именно въ Саксонской Лужицѣ (Lausitz) и въ Прусско-Польскихъ земляхъ. Такимъ образомъ собственная Германія, съ незначительными исключеніями, есть чисто Нѣмецкая земля.

Не менѣе важное преимущество собственной Германіи состоитъ въ томъ, что Нѣмецкое населеніе, въ неразрывной связи, пробивается даже въ сосѣднія земли и государства: на сѣверо-западѣ въ Нидерланды, на западѣ во Францію, на югѣ въ Швейцарію, на востокѣ въ Австрію, даже и въ Россіи Нѣмецкое племя забѣгаетъ, вдоль всего Балтійскаго моря, отъ крайняго восточнаго угла Пруссіи почти подъ самый Петербургъ. Это обстоятельство имѣетъ хорошія, политическія и народныя, стороны: въ политическомъ отношеніи, въ важныхъ случаяхъ собственная Германія дѣйствительно можетъ расчитывать на пріязнь Нидерландовъ, Швейцаріи и въ особенности Австріи, въ западной половинѣ которой Нѣмецкая стихія имѣетъ рѣшительный перевѣсъ. Въ самой Россіи, такъ какъ столица ея, Петербургъ, находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ поселившимися Нѣмцами, Нѣмецкое вліяніе при Дворѣ не безъ значенія и имѣетъ мощныхъ покровителей и требователей. Въ народномъ отношеніи Нѣмецкому племени въ собственной Германіи нечего опасаться ни малѣйшаго ослабленія своей народности отъ вліянія сосѣднихъ стихій; напротивъ того, послѣдніе скорѣе должны оберегать себя отъ Нѣмецкихъ отпрысковъ, которые на всѣхъ окраинахъ Германіи развѣтвляются по сосѣднимъ государствамъ.

Нѣмецкая стихія внѣ собственной Германіи, въ Нидерландахъ, во Франціи, въ Швейцаріи и въ Австріи, уподобляется естественнымъ укрѣпленіямъ, охраняющимъ Нѣмцевъ въ ихъ собственномъ отечествѣ.

Взглянувъ съ другой стороны, мы убѣдимся, что это же самое обстоятельство и побуждаетъ Нѣмцевъ къ распространенію своего вліянія во всѣ стороны. Историческія воспоминанія и народныя требованія не менѣе побуждаютъ Нѣмцевъ къ захватамъ, какъ и географическое ихъ положеніе земли.

Отечество Нѣмцевъ представляетъ для нихъ величайшія удобства. На Сѣверѣ, сѣверное и Балтійское моря открываютъ имъ водный путь къ близкимъ и отдаленнымъ землямъ. Съ этой стороны они могутъ расчитывать на значительныя выгоды, такъ какъ Англичане, Датчане, Норвежцы, Шведы, — ихъ ближайшіе соплеменники. Въ такомъ же точно отношеніи они находятся къ Голландцамъ и къ половинѣ народонаселенія Бельгіи. Множество прекрасныхъ и судоходныхъ рѣкъ, соединяютъ внутреннія земли Германіи съ выше упомянутыми морями, способствуя торговлѣ и возбуждая промышленность. Рейнъ, Везеръ и Лаба (Эльба) впадаютъ въ Сѣверное, Одра и Висла въ Балтійское море. На югѣ протекаетъ черезъ Германію Дунай. Надъ этими рѣками и надъ ихъ притоками расположены славные промышленностію и торговлею города, которые соединены между собою желѣзными дорогами, разбѣгающимися во всѣ стороны. Климатъ умѣренный, земля очень плодородная, доставляющая жителямъ все, необходимое для удобной жизни. Что же удивительнаго, что Нѣмецкій народъ отличается высокой образованностью и значительнымъ благосостояніемъ.

Положеніе Германіи въ отношеніи къ прочимъ государствамъ таково, что, при народномъ объединеніи, котораго достигли Нѣмцы, при удобствахъ страны и при народномъ характерѣ, который отличается настойчивостію, предпріимчивостію и завоевательностію, словомъ, при всѣхъ этихъ свойствахъ Германія можетъ играть весьма важную и для сосѣдей очень опасную роль, особенно когда къ его народному единству присоединится еще сильный государственный строй. Нѣмецкій народъ, находясь въ сердцѣ Европы, можетъ во всѣ стороны распространять политическую диктатуру, такъ же точно какъ и свою народность.

Нѣмецкій народъ уже однажды владычествовалъ въ Европѣ, во времена Оттоновъ, Императоровъ Франкскихъ и Гогенштауфеновъ, въ среднихъ вѣкахъ. Въ то время всѣ его сосѣди чувствовали его могущество, а именно Италіянцы и Славяне, частію же Французы; ни одно сколько ни будь сильное государство не могло утвердиться рядомъ съ Германіею: оно немедленно вовлекалось въ войну съ Нѣмцами, и обыкновенно должно было признать надъ собою верховную власть ихъ Государей. Но хуже всѣхъ было Славянамъ, которыхъ одна вѣтвь (Прибалтійскіе Славяне) отстаивала свою самостоятельность въ продолжительныхъ кровавыхъ битвахъ и наконецъ погибла.

Были времена, что къ Германіи принадлежали всѣ нынѣшніе Нидерланды вмѣстѣ съ Бельгіею, восточная часть Франціи (Альзасъ и Лотарингія), Швейцарія, Италія и вся западная половина Австріи (Цислейталія). Чешскіе Короли также были Курфирстами Священной Нѣмецкой Имперіи. Нѣмецкій Императоръ имѣлъ тогда въ своемъ титулѣ названіе «распространителя Царства» и считался верховнымъ властителемъ всего свѣта, какъ наслѣдникъ Римскихъ Императоровъ. Прочіе владѣтели, по тогдашнему понятію Нѣмцевъ о государствѣ, считались подчиненными Нѣмецкаго Императора, и должны были повиноваться ему.

Такое отношеніе Германіи къ сосѣднимъ землямъ и народамъ, съ теченіемъ времени, прекратилось, но это стоило многихъ битвъ и кровопролитія, прежде нежели имъ удалось вырвать власть изъ рукъ Нѣмцевъ. Прежде другихъ народовъ Итальянцы уничтожили преобладаніе Нѣмецкихъ государей на своемъ прекрасномъ полуостровѣ. Франція также содѣйствовала сверженію Нѣмецкой диктатуры. Она употребляла всѣ усилія для этой цѣли, въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Между тѣмъ Германія, въ качествѣ имперіи, просуществовала до 1806 г.; но уже за долго до этого времени, она перестала быть государствомъ единичнымъ и могущественнымъ, такъ какъ оно слагалось изъ многочисленныхъ, малыхъ и большихъ, владѣній, государи которыхъ въ своихъ земляхъ были вполнѣ самостоятельными и часто руководились политикою не Нѣмецкою и себялюбивою. Они повиновались Императорамъ въ такой только степени, въ какой возможно было ихъ къ тому принудить, но большею частію это имъ не удавалось. Единство Нѣмецкаго государства, въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ до своего паденія, существовало только въ смыслѣ народномъ и подъ властію одного общаго верховнаго государя; въ сущности же это былъ очень слабый союзъ многихъ владѣтелей, изъ которыхъ каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію и изъ временныхъ выгодъ.

Соединенная и сильная Германія, въ среднихъ вѣкахъ, не допускала въ своемъ сосѣдствѣ образованія самостоятельныхъ государствъ; только съ ея паденіемъ сдѣлалось возможнымъ усиленіе Франціи и Австріи.

Послѣ низверженія Наполеона I образовался новый Нѣмецкій союзъ, къ которому принадлежало 38 Нѣмецкихъ владѣній, признанныхъ самостоятельными и независимыми. Цѣлью этого союза было охранять внутреннюю и внѣшнюю безопасность Германіи, которой

общіе дѣла обсуждались и рѣшались въ засѣданіяхъ союзныхъ представителей во Франкфуртѣ, подъ предсѣдательствомъ Австріи. Изъ постороннихъ государей считались членами Нѣмецкаго союза Короли: Датскій по Гольштиніи, и Нидерландскій по Великому Герцогству Люксембургскому; всѣ прочіе члены были Нѣмецкіе владѣтельные Князья и вольные города.

Союзъ этотъ продолжался до 1866 года, когда, въ слѣдствіе войны между Австріею и Пруссіею, онъ распался, какъ распадается и все противоестественное на свѣтѣ.

Германія, такимъ образомъ устроенная, не была опасна для сосѣднихъ государствъ. Заключая въ себѣ двѣ первостепенныя державы, Австрію и Пруссію, она въ сущности лишена была твердаго единства; ибо выгоды этихъ обоихъ государствъ расходятся между собою. Дѣйствительная сила Германіи основываась единственно на добровольномъ соглашеніи двухъ главныхъ государствъ; когда же этого соглашенія не было, тогда союзъ не могъ ничего важнаго ни рѣшить ни исполнить. Германія оказалась также неспособною имѣть какое ни будь сильное вліяніе ina международныя отношенія въ Европѣ; равнымъ образомъ она не могла дѣйствовать завоевательно, и была принуждена только охранять себя.

Нѣмецкій союзъ не имѣлъ никакой политической важности; но этотъ недостатокъ ни сколько не препятствовалъ духовному, нравственному, промышленному и вообще хозяйственному, развитію и преуспѣянію Нѣмецкаго народа. Особенно въ Пруссіи народное образованіе достигло высочайшей степени, и ея благосостояніе чрезвычайно увеличилось. Правда, Нѣмецкій народъ не довольствовался этимъ; его озабочивала политическая разрозненность; народная гордость возбуждала въ немъ сильное стремленіе къ политическому единству, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ пріобрѣтенію сильнаго вліянія на дѣла Европы. Всего болѣе не нравилось Нѣмцамъ, что въ союзѣ находились только представители правительствъ, а не избранные отъ народа.

Стремленіе Нѣмцевъ къ политическому единству было совершенно основательно. Дѣло шло только о томъ, какимъ образомъ устроить его. Двѣ стороны трудились для достиженія этой цѣли. Мы называемъ ихъ Великонѣмцами и Малонѣмцами. Эти послѣдніе требовали соединенія Германіи подъ главнымъ предводительствомъ Пруссіи, какъ государства по преимуществу Нѣмецкаго; Австрію они желали исключить изъ Германіи, зная очень хорошо, что эта жертва

должна быть принесена для достиженія главной цѣли. Великонѣмцы же не хотѣли потерять ни одной Нѣмецкой деревни; по этому желали и Австрію удержать въ Германіи. Ясно, которая сторона была практичнѣе и благоразумнѣе.

Такое великое предпріятіе, какъ уничтоженіе Нѣмецкаго союза, защищаемаго Австріею, и устройство политическаго объединенія Германіи, не могли осуществиться безъ упорной войны. Пруссія быстро сообразила, что все это дѣло можетъ рѣшиться только остріемъ меча. Видя свое призваніе выполнить желаніе Нѣмецкаго народа, она работала въ этомъ направленіи съ большею послѣдовательностію и хитростію. Сочувствуя Россіи въ важныхъ ея стремленіяхъ, она умѣла снискать для своихъ плановъ эту сильную державу. При этомъ ея главною заботою было увеличеніе своего внутренняго благосостоянія, улучшеніе народнаго образованія, устройство финансовъ и усовершенствованіе военныхъ силъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Пруссія ввела у себя новую военную систему, начала которой она положила еще во времена Наполеона I. Эта система состоитъ въ военномъ обученіи всего мужескаго народонаселенія, годнаго къ военной службѣ. Европа, къ счастію, или несчастію, не обратила вниманія на то, какъ весь Прусскій народъ безпрестанно упражнялся въ употребленіи оружія. Кромѣ того, Пруссія внимательно слѣдила за всѣми изобрѣтеніями на военномъ поприщѣ: она прежде всѣхъ ввела новый родъ ружей, такъ названныхъ, игольчатыхъ, важность которыхъ оказалась столь роковою для Австріи.

Пруссія, будучи совершенно приготовлена, въ 1866 г. начала съ Австріею войну, рѣшившую судьбу Германіи. Исторія не представляетъ примѣра подобнаго военнаго торжества. Въ семь дней было совершенно разгромлено отборное Австрійское войско въ сраженіяхъ у Чешской Скалицы, Трутнова, Краловедвора, Свиништянъ, Мнихова Градишта, Ичина и наконецъ у Краловеградца. Авангардъ побѣдоносной Прусской арміи въ короткое время очутился близъ самой Вѣны и Пресбурга. Не имѣя ни денегъ, ни войска, побѣжденная Австрія была принуждена заключить съ Пруссіею въ Прагѣ тягостный миръ, столь важный для Европы по своимъ послѣдствіямъ.

Австрія совершенно оставила Германію, допустивъ образованіе Сѣверо-Нѣмецкаго союза, подъ главнымъ предводительствомъ Пруссіи, которая при этомъ случаѣ немедленно присвоила себѣ Шлезвигъ, Ганноверъ, Гессенъ-Кассель, Гессенъ-Гомбургъ, Нассау и Франкфуртъ. Оставшіеся въ Сѣверной Германіи Князья и города

подчинились Пруссіи въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Пруссія, сдѣлавшись исключительно военною и дипломатическою распорядительницею во всей Сѣверной Германіи, уже не имѣетъ тамъ самостоятельныхъ государей, но только наслѣдственныхъ намѣстниковъ, которые хотя и пользуются бо́льшими выгодами, нежели обыкновенные намѣстники, однако въ главныхъ дѣлахъ вполнѣ зависятъ отъ распоряженій Прусскаго Короля.

Выше мы объяснили, въ какомъ положеніи находится нѣнѣшняя Германія. Хотя политическое единство тамъ еще не вполнѣ образовалось, однако жь большая часть Германіи уже дѣйствительно объединилась. Южная Германія, во многихъ отношеніяхъ, уже вошла въ связь съ Пруссіей (съ Сѣверной Германіей) и, безъ сомнѣнія, не далеко то время, когда, и Нѣмецкій Югъ будетъ находиться (да и находится уже) въ такой же зависимости отъ Пруссіи, въ какой Нѣмецкій Сѣверъ.

Очевидно, такое измѣненіе отношеній Германіи имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели соединеніе въ одно цѣлое Италіи; да оно будетъ имѣть далеко важнѣйшія послѣдствія для Европы, чѣмъ какой либо другой переворотъ въ ней.

Извѣстный, Чешскій народный дѣятель, Ригеръ, въ Чешскомъ сеймѣ сказалъ объ этомъ слѣдующее:

«Въ прошедшемъ году (1866), на нашей свѣжей памяти, свершилось міровое событіе, подобнаго которому наше столѣтіе еще не знало.

«На злополучныхъ поляхъ подъ Садовой осуществилось то, чего Нѣмецкій народъ желалъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, о чемъ мечталъ и поэтизировалъ, къ чему пламенно стремился, о чемъ бредилъ. Это—объединеніе Нѣмецкаго народа.

«Великія Наполеоновскія войны, такъ сказать, были подавлены во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ вступленіемъ союзныхъ войскъ въ Парижъ.

«Объединеніе Италіи, которое совершилось въ наши дни, конечно, не имѣетъ столь важнаго значенія, какъ объединеніе всего Нѣмецкаго народа, въ отношеніи матеріяльномъ и нравственномъ.

«Господа, я готовъ смотрѣть на это предметно и безпристрастно, и даже охотно признаю многосторонее величіе Нѣмецкаго народа. Я признаю его хорошія качества: его высокую образованность,

его величіе, даже, можно сказать, громаднѣйшіе успѣхи въ наукѣ, которые также подвинули впередъ и военное искуство, столь блистательно выказанное Прусаками въ послѣднюю съ Австріей войну.

«Изъ этого я вывожу заключеніе, что объединеніе столь великаго народа и съ такою чрезвычайной военной силой народа, который открыто говоритъ о себѣ, что онъ народъ вооруженный, не можетъ называться маловажнымъ, и я думаю, что объединеніе его не должно остаться безъ важныхъ и рѣшительныхъ послѣдствій для всѣхъ сосѣднихъ народовъ и государствъ. Мнѣ кажется, что Нѣмецкая Имперія, послѣ битвы подъ Садовой, уже осуществилась.

«Когда именно Императорская корона возсіяетъ на челѣ Гогенцоллерновъ, чрезъ нѣсколько ли недѣль, или чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ (или лѣтъ), разница не велика, но ни одинъ разумный человѣкъ уже не можетъ сомнѣваться, что это непремѣнно сбудется.

«И такая военная сила составитъ вмѣстѣ 40 милліоновъ.

«Но также вѣрно и то, что эта военная сила не останется въ тѣхъ границахъ, которыя теперь она уже пріобрѣла, но, по необходимости и по тому инстинкту, который свойственъ Нѣмецкому народу, она будетъ стремиться далѣе.

Господа, я припоминаю лишь одни событія, которыя дѣйствительно не имѣютъ въ Исторіи народовъ ничего, похожаго на себя.

Я не знаю ни одного государства, ни одного народа, коего властитель могъ бы сказать о себѣ: «Alle zeit mehrer des reiches!»

Господа, это важное мгновеніе. Говорю, ни одинъ народъ не употреблялъ такого названія. Я бы полагалъ, что Государю-Христіянину приличнѣе было бы называться: «Каждому пусть будетъ его,» отнюдь же не «распространителемъ» его. «Всегдашній распространитель государства» то же самое, что: «каждаго сосѣда похититель.»

Господа, если это наименованіе (титулъ) Императора обновится съ новообразовавшейся Имперіей, судите, что ожидаетъ Австрійскую Имперію, а также что ожидаетъ тогда и всѣхъ насъ.»

Какъ видно, ораторъ въ этой рѣчи преимущественно имѣлъ въ виду Австрію, въ которой живетъ слишкомъ 7 милліоновъ Нѣмцевъ, сочувствующихъ народному и политическому объединенію Германіи. Дѣйствительно, найбольшая опасность отъ «объединенной Германіи» грозитъ Австріи; ибо большая часть ея западной половины занята Нѣмецкимъ народомъ, о которомъ нельзя сказать, захочетъ ли онъ

по прежнему принадлежать къ Австріи, чтобы занимать въ ней то же мѣсто, какое Нѣмцы занимаютъ въ Швейцаріи, или захочетъ содѣйствовать объединенію Германіи, въ полномъ смыслѣ слова, т. е., отречется отъ, такъ названной, политической «Австрійской народности,» изберетъ единственной цѣлью полное соединеніе съ своимъ великимъ народомъ въ Нѣмецкой Имперіи.

Но допустимъ, что Австрійскіе Нѣмцы захотѣли бы по прежнему принадлежать Австріи, то и въ такомъ случаѣ опасность для этого государства не уменьшается; ибо мы не знаемъ, согласится ли Германія отказаться отъ всѣхъ своихъ притязаній на западныя Австрійскія земли, которыя нѣкогда принадлежали уже къ Нѣмецкой Имперіи.

Нѣмцы по преимуществу народъ наступательный. Въ этомъ ихъ свойствѣ нужно искать источникъ всего, что они сдѣлали хорошаго и дурнаго; изъ этого же свойства проистекаютъ также хорошія и дурныя стороны ихъ характера. Находясь въ срединѣ Европы, они тѣмъ самымъ дѣлаются очень опасными для своихъ сосѣдей.

До сихъ поръ они найболѣе были вредны для Славянъ.

Припомнимъ, что все пространство между Лабою (Эльбою), Одрой и Вислой нѣкогда населено было Славянами, отъ которыхъ сохранились только незначительные остатки Лужицкихъ Сербовъ. Для Славянскаго міра утрачены, по крайней мѣрѣ, 7 — 8000 квадрат. миль на этомъ пространствѣ; здѣсь истреблена Славянская народность послѣ ужасныхъ и жестокихъ битвъ, продолжавшихся пять столѣтій (отъ VIII до XII); погибли Поморяне (отъ Вислы до Одры вдоль моря), Лютичи или Велеты, Бодричи въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ и Голштиніи; исчезла большая часть Саксонскихъ Сербовъ. Словомъ, утрачена обширная земля, чрезвычайно удобная для торговли и промышленности; въ настоящее время тамъ средоточіе могущественной Прусской державы.

Истребленіе Полабскихъ Славянъ открыло путь Нѣмецкой стихіи и въ Чехію и въ Польскія земли. Правда, Чешскій народъ обнаруживаетъ великую жизненную силу противъ напирающей на него Нѣмецкой стихіи, хотя онъ и не могъ воспрепятствовать, чтобы значительныя части пограничныхъ окраинъ не отошли къ Нѣмцамъ. Въ наше время въ Чехіи считается на 2,925,980 Чеховъ уже 1,766,372 Нѣмцевъ; въ Моравіи на 1,351,980 Славянъ—483,518 Нѣмцевъ, въ Австрійской же Силезіи 234,840 Нѣмцевъ на 92,326 Чеховъ, и 131,602 Поляковъ. Въ Прусской Силезіи изъ числа

3,600,000 жителей осталось только 719,000 Поляковъ, 58,880 Чеховъ, и 32,350 Сербовъ. По этому Силезію уже можно считать почти утраченною для Славянъ.

Наиболѣе теряетъ свою почву Польская народность въ соприкосновеніи съ Нѣмецкой. Троякій раздѣлъ Польши причинилъ Польской народности сильный вредъ, особенно въ тѣхъ земляхъ, которыя, по раздѣлу, достались Пруссіи. Онѣмеченіе Познанскаго Великаго Княжества, Пруссіи и Силезіи совершается систематически Прусскимъ правительствомъ, съ большимъ постоянствомъ и успѣхомъ. Напрасно протестуютъ противъ этого Польскіе представители на сеймѣ въ Берлинѣ: Пруссіи весьма важно, чтобы какъ можно скорѣе народонаселеніе цѣлаго государства было однородно. Какъ въ собственной Пруссіи, такъ и въ Силезіи, Польская стихія ограничивается только сельскимъ народонаселеніемъ. Въ Прусской области, между 3,014,600 жителей, находится только 690,400 Поляковъ. Самое сильное онѣмеченіе происходитъ между Прусскими Кашубами (отраслью Поляковъ), языкъ которыхъ быстро истребляется и, вѣроятно, лѣтъ черезъ 20 — 30 совершенно замолкнетъ. Во многихъ мѣстахъ по Кашубски говорятъ только старики, и нарѣчіе Кашубское вмѣстѣ съ ними сойдетъ въ могилу; ибо нынѣшнее молодое поколѣніе уже совершенно онѣмечено: Священники, учители и чиновники изъ Нѣмцевъ систематически работаютъ для достиженія этой цѣли.

Славянская (Польская) стихія наиболѣе сохранилась въ Княжествѣ Познанскомъ, но и здѣсь она постоянно слабѣетъ, уступая Нѣмецкому давленію. Нѣмецкіе спекулянты и дворянство то и дѣло скупаютъ помѣстья болѣе и болѣе бѣднѣющей Польской шляхты; пограничные окраины частью уже совсѣмъ онѣмечены, а частью онѣмечиваются. Въ 1824 г. въ Княж. Познанскомъ было 640,000 Поляковъ, 270,000 Нѣмцевъ и 70,000 Евреевъ; въ 1838 г. 756,642 Поляка, 327,768 Нѣмцевъ и 74,198 Евреевъ, теперь же это отношеніе измѣнилось далеко не въ пользу Польской народности. Именно въ 1861 г. тамъ было 801,366 Поляковъ, 609,705 Нѣмцевъ и 74,369 Евреевъ. Тамъ же въ 1815 г. Поляки относились къ Нѣмцамъ, какъ 100: 25; теперь же какъ 100: 75. Что касается земли, то 2,529,559 десятинъ въ Княжествѣ Познанскомъ принадлежатъ Нѣмцамъ, и только 2,863,310 Полякамъ. Въ движеніе 1848 года Познанское Великое Княжество показало себя вовсе не какъ чисто Польской край, но какъ край смѣшанный, и тамошніе Нѣмцы крѣпко противодѣйствовали стремленію Поляковъ.

До новѣйшаго времени Прусская область съ Кн. Познанскимъ не принадлежала къ Нѣмецкому союзу; но послѣ войны 1866 г. она включена въ составъ Сѣвернаго Нѣмецкаго союза (а теперь и Имперіи).

Полабскихъ вымершихъ Славянъ и Поляковъ, по многимъ причинамъ, мы должны считать отраслью одного и того же племени, которое нѣкоторыя ученые называютъ Ляшскимъ, Лехитскимъ. Стало быть, Польско-Ляшское Славянское племя подверглось большому погрому со стороны Нѣмецкой народности, отъ которой и нынѣ находится въ величайшей опасности.

Изъ числа Западныхъ Славянъ, сравнительно наименѣе пострадало Чешско-Славянское племя, къ которому очень близки по языку и Лужицкіе Сербы.

Несравненно болѣе пострадали отъ Нѣмцевъ Словенцы (1,151,000). Они занимали, съ VII до XI столѣтія, болѣе обширныя пространства на западѣ и на сѣверѣ, а именно: всю Хорутанію, Штирію, Австрію на правомъ берегу Дуная, часть Зальцбурга и часть Тироля. Нынѣ въ Хорутаніи ихъ осталось только 92,000 (Нѣмцевъ считается 231,558), въ Штиріи третья часть (369,246 (Нѣмцевъ 640,806): въ Австріи они совсѣмъ исчезли, равно какъ въ Зальцбургѣ и Тиролѣ.

Въ Австріи также точно, какъ въ Пруссіи, стараются всѣми средствами онѣмечить Славянскую народность, только съ меньшимъ успѣхомъ; ибо Австрію нельзя назвать Нѣмецкимъ государствомъ, т. е., такимъ, гдѣ бы Нѣмецкая стихія имѣла рѣшительный перевѣсъ, какъ въ Пруссіи. По этому Австрійскіе Славяне успѣшно могутъ противиться стремленію онѣмечить ихъ со стороны правительства и Нѣмецкаго населенія, находя естественную и сильнѣйшую опору для себя въ характерѣ и устройствѣ самаго государства. Но такъ какъ Славяне вынуждены вести безпрерывную борьбу противъ онѣмеченія, то очевидно, что они должны ненавидѣть то стремленіе Нѣмцевъ къ преобладанію, которое скрывается подъ личиною образованности и уложенія (конституціи). Понятно также и то, что Западно-Австрійскіе Славяне съ опасеніемъ смотрятъ на возрастающую силу Пруссіи, ожидая оттуда дурныхъ послѣдствій для себя, но это равно касается и самого Австрійскаго государства вообще. А по тому Славяне, имѣя въ виду сохраненіе своей народности, суть естественные союзники и защитники Австріи, требуя за такое содѣйствіе свое отъ нея признанія и неприкосновенности своего существованія.

Вѣковая борьба между Славянами и Нѣмцами, въ которой погибли Полабскіе народы въ среднихъ вѣкахъ и которая угрожаетъ такою же гибелью Прусскимъ и Австрійскимъ Западнымъ Славянамъ, возбудила между обѣими народностями глубоко вкоренившуюся ненависть. «Никогда Нѣмецъ не будетъ другомъ Славянину,» говоритъ наша пословица.

Эта борьба велась въ среднихъ вѣкахъ преимущественно подъ видомъ распространенія Христіянства. Театромъ этой борьбы большею частію были страны нынѣшней Сѣверной Германіи на востокъ отъ Лабы (Эльбы).

Согласно съ характеромъ Нѣмецкаго народа, само собою разумѣется, что Нѣмцы заботились не столько о Вѣрѣ, сколько о свѣтской власти подъ видомъ Христіянской религіи. Въ слѣдствіе Нѣмецкаго себялюбія и жадности къ преобладанію, Христіянство, вмѣсто драгоцѣнной свободы, принесло Полабскимъ Славянамъ позорное рабство, вмѣсто благосостоянія—нужду и бѣдствія. Славяне, не могши различить благотворнаго вліянія Христіянства отъ того бѣдствія, которое, вмѣстѣ съ нимъ, распространялось подъ гнетомъ Нѣмцевъ, видѣли въ немъ главный источникъ несчастій, на нихъ обрушившихся. Это было причиной, что борьба Полабскихъ Славянъ обратилась противъ введенія Христіянской религіи, и борьба эта, по винѣ Нѣмцевъ, иначе не могла окончиться, какъ только совершеннымъ уничтоженіемъ Славянской свободы и народности.

Кто только безъ предубѣжденія заглянетъ въ исторію Славянскихъ народовъ, того, конечно, поразитъ изумительное явленіе, что только Полабскіе Славяне упорно боролись противъ Христіянской религіи. За то какъ легко обращены были въ Христіянскую Вѣру Южные Славяне (Словенцы, Сербы, Булгары и Хорваты)! Съ такою же невѣроятной быстротой распространилось ученіе нашего Спасителя на Руси, въ Моравіи и Чехіи. То же самое было и въ Польшѣ: тутъ сильнымъ побужденіемъ было то, что Чешская Княжна Дубравка сдѣлалась супругой Польскаго Государя. Правда, сопротивленіе было вездѣ, но, въ сравненіи съ другими народами, сопротивленіе Славянъ представляется столь незначительнымъ, что дѣйствительно возбуждаетъ удивленіе.

Славяне очень охотно принимали Христіянскую Вѣру повсюду, гдѣ только она проповѣдовалась имъ безъ насилія, а не какъ средство къ господству и пребладанію надъ ними. Въ такомъ случаѣ они охотно

принимали ее и тогда, когда она предлагалась имъ чужеземными Священниками; туземные же проповѣдники, знающіе Славянскій языкъ, вездѣ имѣли величайшій успѣхъ. Всего лучше доказываютъ это Славянскіе Апостолы: Св. Кириллъ и Меѳодій.

Они обратили въ Христіянскую Вѣру Булгаръ и утвердили въ ней Сербовъ. Моравы, услышавъ объ ихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ, сами пригласили ихъ въ свою землю. Тогда Славянскія страны, отъ Татръ (Карпатъ) до Альпъ и береговъ Адріятическаго моря, отъ Дуная, Матры до Чехіи, сдѣлались широкимъ поприщемъ ихъ благодатной дѣятельности. Священные обряды и богослуженіе, совершаемыя ими на Славянскомъ языкѣ, ихъ живое слово и неисчерпаемая Апостольская любовь, ускоряли обращеніе добродушнаго Чехо-Славянскаго народа. Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ Христіянство побѣдило языческія заблужденія и обычаи. Моравія и Чехія сдѣлались Христіянскими землями.

Столь успѣшныя дѣйствія нашихъ Святыхъ Апостоловъ не замедлили возбудить яростный гнѣвъ сосѣднихъ Нѣмцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, что за дерзость проповѣдывать Евангеліе по Славянски! Какое вѣроломство желать стать Христіянами, и вмѣстѣ съ этимъ не сдѣлаться Нѣмцами! При томъ, какое значеніе могло имѣть Христіянство, распространяемое Славянскими Апостолами въ Моравіи и Чехіи? Развѣ ему пролагалъ путь огненный мечъ? Развѣ оно шло отъ привилегированныхъ Епископствъ Зальцбургскаго и Майнцкаго? Развѣ не было извѣстно, что эти Нѣмецкія Епископіи должны были лишиться выгодъ отъ обращенія Моравовъ и Чеховъ безъ ихъ содѣйствія?

Нѣмецкіе Епископы обвиняли Славянскихъ Апостоловъ въ Римѣ въ ереси; такъ какъ они, по ихъ словамъ, учили неправильно, вводя въ богослуженіе новости, и при томъ на языкѣ варварскомъ. Римская Курія не согласилась съ этѣмъ, объявила обоихъ братьевъ правовѣрными, Меѳодія посвятила въ Архіепископа Моравскаго; но Нѣмецкая нетерпимость не допустила того, и Вихингъ, Епископъ Нѣмецкій, до того былъ дерзокъ, что безбоязненно могъ мучить и изгонять Славянскихъ Священниковъ. Напрасно Папа усиливался примирить, напрасно просилъ быть милосердными. Дѣло шло тутъ не о Католической, но о Нѣмецкой, Вѣрѣ. «Хотятъ ли, не хотятъ,» писалъ изъ Майнца Като Папѣ, «а все таки должны подклонить свои выи Нѣмецкимъ Князьямъ.»

Хищническая Нѣмецкая политика не допускала, чтобы между сосѣдними Славянскими народами Христіянство распространялось един-

ственно само собою: оно должно было сверхъ того доставить Нѣмцамъ существенныя выгоды и власть. Тамъ, гдѣ не было этого, Христіянство было подозрѣваемо; его очерняли и преслѣдовали. По этому можно считать величайшимъ счастіемъ для Славянскаго міра то обстоятельство, что онъ обращенъ въ Христіянскую Вѣру или прямо своими Славянскими Апостолами, или при содѣйствіи ихъ (посредственно обращены были Русскіе и Поляки). Одни только Полабскіе Славяне не были такъ счастливы.

Исторія представляетъ намъ довольно примѣровъ, съ какимъ ужаснымъ безстыдствомъ обращались Нѣмецкіе проповѣдники съ Полабскими Славянами. Первый такой примѣръ относится къ 736 году; онъ очень поучителенъ и знаменателенъ.

Св. Стурми, родомъ Баварецъ, одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ Святаго Евангелія въ Германіи, случайно ѣхалъ на ослѣ по пути, ведущему изъ Тюрингіи въ Майнцъ. Подъѣзжая къ берегу рѣки Фульды, онъ увидѣлъ множество купавшихся Славянъ (поселенія ихъ простирались за Лабою далеко во внутрь средней и даже южной Германіи). «Передъ такимъ множествомъ нагихъ людей, говоритъ жизнеописатель Св. Стурма, оселъ, на которомъ сидѣлъ мужъ Божій, попятился отъ испуга; смрадъ отъ людей въ самомъ проповѣдникѣ возбудилъ омерзѣніе. Они же, будучи язычниками, начали смѣяться надъ рабомъ Божіимъ и хотѣли прибить его, но сила Вышняго отвратила ихъ отъ этой мысли. Одинъ изъ нихъ, который былъ между ними переводчикъ, спросилъ Святаго, куда онъ ѣдетъ, и тотъ отвѣчалъ ему, что отправляется въ уединенную пустыню. И онъ поѣхалъ далѣе.»

Хотя Стурми былъ ревностный проповѣдникъ Христіянской Вѣры и человѣкъ безукоризненный, однако все же Нѣмецъ. Впервыхъ встрѣтившись съ Славянами, онъ сейчасъ же почувствовалъ къ нимъ отвращеніе, и забылъ заповѣдь Спасителя, примѣръ Апостоловъ и долгъ Христіянскаго проповѣдника. Каждый Апостолъ въ мирныхъ купающихся инородцахъ увидѣлъ бы своихъ братьевъ, ждущихъ слова Божія, и легко обратилъ бы это ихъ купанье въ крещеніе; но Нѣмецкій проповѣдникъ отвратился отъ нихъ, такъ какъ его обоняніе поражено было непріятнымъ запахомъ. Равнымъ образомъ Апостолъ воспользовался бы переводчикомъ, понимавшимъ его, и доказалъ бы этѣмъ людямъ заблужденіе ихъ вѣры, и такимъ образомъ приготовилъ бы ихъ къ разумѣнію слова Божія; но Стурми ничего подобнаго не учинилъ: отвратился отъ нихъ и направился въ пустыню.

Такъ точно и Св. Бонифатій, величайшій и усерднѣйшій проповѣдникъ Христіянской Вѣры въ Германіи, и онъ не лучше былъ расположенъ къ Славянамъ. Онъ называлъ ихъ «самымъ отвратительнымъ и жалкимъ человѣческимъ племенемъ,» и употреблялъ Славянъ для работъ въ церковныхъ имѣніяхъ въ Германіи, не заботясь объ обращеніи ихъ въ Христіянство. Такимъ образомъ пропущенъ былъ случай тамъ, гдѣ это было нужно, приготовить изъ Славянъ, живущихъ въ Германіи, проповѣдниковъ Христіянской религіи, которые могли бы передать слово Божіе своимъ роднымъ братьямъ за Лабою. Впрочемъ, Св. Бонифатій не пропускалъ собирать десятину со всѣхъ языческихъ Славянъ, поселившихся въ его церковныхъ владѣніяхъ.

Къ сожалѣнію, къ Полабскимъ племенамъ не пришелъ ни одинъ проводникъ отъ другихъ Славянъ, знакомый съ ихъ языкомъ и обычаями. Нѣмцамъ, конечно, всего естественнѣе было бы образовать природныхъ Славянъ для Евангельской проповѣди, но Церковь Нѣмецкая не заботилась объ этомъ. Христіянство проникало къ Полабскимъ Славянамъ единственно черезъ Нѣмцевъ; Нѣмецкіе же проповѣдники (Епископы) обыкновенно являлись съ мечомъ въ рукѣ. У Полабскихъ Славянъ не было не только Епископа, но даже ни одного Священника изъ ихъ среды; въ послѣдствіи времени, статься можетъ, это и было, когда Славянская народность большею частію уже была искоренена и туземные Священники были онѣмечены. Нѣмецкіе Священники, поселявшіеся между Полабскими Славянами, будучи чужеземцами, не имѣли никакого сочувствія къ нуждамъ бѣднаго населенія. Принимая ввѣренную имъ паству, они помышляли преимущественно о мірскихъ дѣлахъ — о выгодахъ своихъ и своего народа, поддерживали онѣмеченіе и притѣсняли мѣстную Славянскую народность. Безъ сомнѣнія, коегдѣ встрѣчались и Нѣмецкіе духовные, которые истинно заботились о просвѣщеніи несчастнаго Полабскаго народа, охотно учились его природному языку съ единственной цѣлью успѣшнѣе исполнять свою обязанность. Но это были только исключенія.

Мы имѣемъ множество доказательствъ тому, что Полабскіе Славяне, по своей природѣ, не были упорны и охотно приняли бы Христіянскую Вѣру, если бы она не предлагалась имъ вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ господствомъ. Древній Нѣмецкій лѣтописецъ, Адамъ Бременскій, выражается по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Я слышалъ говоритъ онъ, что Славяне, безъ всякаго сомнѣнія, давно бы приняли уже Христіянскую Вѣру, если бы не жадность Саксовъ, которые

охотнѣе собираютъ подати, нежели обращаютъ народъ въ Христіянство. Между тѣмъ эти низкіе люди не замѣчаютъ, въ какое бѣдствіе повергла ихъ жадность. Уже въ самомъ началѣ они исказили Христіянскую Вѣру своимъ корыстолюбіемъ. Покоривши силою Славянъ, они принудили ихъ къ бѣгству, а теперь пренебрегаютъ благомъ тѣхъ, которые хотѣли бы вѣрить, и принуждаютъ ихъ только платить деньги. Если бы мы требовали отъ нихъ одной Вѣры, то они были бы счастливы, а мы спокойны.»

Здѣсь нужно напомнить, что Саксы не иначе называли Славянъ, какъ «псами.»

Другой Нѣмецкій лѣтописецъ, Гельмольдъ, разсказываетъ о Саксонскомъ Князѣ Бернгардѣ, который, поработивъ сосѣднихъ Славянъ, то войной, то посредствомъ договоровъ, налагалъ на нихъ такія подати, что они позабыли Бога и отшатнулись отъ Священниковъ. Слава Христіянства, прибавляетъ лѣтописецъ, давно бы, при усиліи Священниковъ, распространилась между Славянами, если бы этому не препятствовала жадность Нѣмцевъ. «Нѣмецкіе Князья, жалуются Славяне у того же лѣтописца, обращаются съ нами такъ жестоко, что, обремененные податями и невыносимымъ рабствомъ, мы предпочитаемъ лучше умереть, нежели жить. Ежедневно мы бываемъ обмануты и притѣсняемы до послѣдняго издыханія. Какъ же намъ присоединиться къ этой новой религіи? Можемъ ли мы строить храмы и принимать крещеніе, когда насъ безпрестанно ожидаетъ изгнаніе?... Что же намъ остается, какъ не покинуть свою землю, и разъѣзжать по морю и жить въ пещерахъ?»

Не менѣе знаменательно слѣдующее событіе: въ 1155 г. Нѣмецкій Епископъ Герольдъ объѣзжалъ свою Епархію въ Вагріи и прибылъ въ Любицу, гдѣ онъ укорялъ собравшійся тамъ Славянскій народъ въ склонности къ язычеству и въ ограбленіи Христіянъ. Противъ него, съ сильною рѣчью, выступилъ Прибыславъ, бывшій Князь Вагріи, уже Христіянинъ, и, въ числѣ причинъ, по чему Бодричи противятся, принять Христіянство, прямо указывалъ на постоянныя притѣсненія и несправедливости со стороны Нѣмцевъ, которые не дозволяютъ имъ строить храмы, ни помышлять о Вѣрѣ, но ежедневно принуждаютъ ихъ перебѣгать изъ одного мѣста въ другое. Когда же Епископъ сталъ оправдывать насилія Нѣмцевъ, говоря, что они не совершаютъ грѣха, поступая такимъ образомъ съ идолопоклонниками и людьми, не признающими Бога, тогда Прибыславъ предложилъ ему, чтобъ Бодричамъ были даны равныя права съ Саксами на владѣніе

землею и на пользованіе доходами, послѣ чего они охотно сдѣлаются Христіянами, будутъ строить храмы и платить десятину. На это Герольдъ ничего не отвѣчалъ, и оставилъ городъ.

Какъ видно, Нѣмцы не хотѣли признавать равными себѣ даже крещеныхъ Славянъ.

Можно ли послѣ этого удивляться отчаянному сопротивленію Полабскихъ Славянъ? Такое варварское распространеніе Евангелія любви, посредствомъ меча и огня, надъ могилою народной свободы и на почвѣ, не подготовленной образованіемъ, далѣе пренебреженіе къ народнымъ нуждамъ, духовнымъ и нравственнымъ, изъ низкихъ и корыстныхъ видовъ, все это было причиною, что большая часть Славянскаго народа коснѣла въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи между язычествомъ и Христіянствомъ. По этому самому случалось, что Славянскій народъ, какъ только собирался съ силами то свергалъ себя Нѣмецкое иго и отказывался отъ Христіянской религіи. За жестокость, имъ испытанную, онъ платилъ равною же жестокостію, и не прежде вновь склонялъ свою выю подъ ярмо, пока не пролилъ послѣдней капли крови за отечество и за свою народность.

Полабскіе Славяне сдѣлались закоренѣлыми противниками Христіянства единственно по причинѣ Нѣмецкой жадности и страсти къ завоеваніемъ. Послѣдствія этого были прискорбны. Пять сотъ лѣтъ продолжалась борьба обѣихъ сторонъ съ необычайнымъ и страшнымъ ожесточеніямъ; на Полабской землѣ возможно было строить церковь, только на кладбищѣ убитыхъ Славянъ. Наконецъ Славянская народность погибла совершенно.

Залабскіе Сербы, иногда (въ позднѣйшей Лужацѣ) были нѣсколько счастливѣе. Они пользовались полною независимостію, особенно какъ было при Святополкѣ В., а иногда принадлежали къ Чехіи, потомъ, при Болеславѣ Храбромъ, къ Польшѣ. Когда же утвердилось у нихъ Нѣмецкое владычество, то съ ними обходились нѣсколько мирнѣе, нежели съ прочими Славянами, частію по тому, что, принявши Христіянство во время Польскаго и Чешскаго господства надъ ними, они были усердными исполнителями возложенныхъ на нихъ обязанностей, частію же по тому, что Нѣмцы постоянно опасались ихъ присоединенія къ сосѣднимъ Полякамъ и Чехамъ. Въ слѣдствіе всего этого, переждавъ первый гибельный натискъ на Славянство въ Сѣверной Германіи, въ XII-мъ столѣтіи, они сохранили до нашихъ временъ бѣдные остатки своего языка и народности.

Теперь Залабскихъ Сербовъ считается до 142,000, но, къ сожалѣнію, ихъ раздѣляютъ два Вѣроисповѣданія, сверхъ того они имѣютъ два письменные языка, и живутъ въ двухъ государствахъ: въ Пруссіи и Саксоніи. Въ Саксоніи ихъ считается 50,000. Пока Лужица принадлежала къ Чешской Коронѣ, народности Сербовъ прямо не угрожала опасность. Впрочемъ, Саксонское правительство не употребляетъ никакихъ насильственныхъ мѣръ, которыя клонились бы къ ихъ истребленію; напротивъ того оно даже покровительствуетъ имъ. Но Прусское правительство систематически продолжаетъ ихъ нѣмечить.

Очевидно, что эти остатки Полабскихъ Славянъ, въ обѣихъ Лужицахъ, не избѣгнутъ со временемъ ожидающей ихъ участи.

Разсказъ нашъ не былъ бы полонъ, если бы мы не отвѣтили на вопросъ: отъ чего жестокая борьба Нѣмцевъ съ Полабскими Славянами окончилась совершенно истребленіемъ этого сильнаго и отважнаго Славянскаго племени?

Были и другіе народы, которыхъ такъ со всѣхъ сторонъ окружали враждебные сосѣди, которые, однако жь, избѣжали окончательнаго истребленія. Погибли и Поморяне, самая восточная отрасль Полабскихъ Славянъ, удаленная отъ мѣста кровавыхъ стычекъ, но они не были ни покорены, ни насильно истреблены Нѣмцами.

Перевѣсъ Нѣмцевъ былъ только внѣшнею, но не внутреннею, причиною окончательнаго истребленія Полабскихъ Славянъ. Если бы въ Славянахъ глубоко не коренились существенные жалкіе недостатки, то они, конечно, соединились бы между собою и защитили бы себя отъ враговъ; людей, способствующихъ этому соединенію, нашлось бы довольно на огромномъ пространствѣ между Лабою и Вислою, между Голштиніей и Силезіей. Поморяне еще легче могли бы сохранить свою народность, такъ какъ они не подвергались прямымъ завоевательнымъ нападеніямъ со стороны Нѣмцевъ; но и у нихъ недоставало жизненной силы.

Полабскіе Славяне имѣли въ необыкновенной мѣрѣ всѣ добрыя качества и всѣ недостатки, свойственные Славянамъ. Сначала и они также были народомъ мирнымъ, и только въ слѣдствіе безпрерывныхъ битвъ съ Нѣмцами и Датчанами сдѣлались народомъ воинственнымъ. Они были дѣятельны и трудолюбивы, что ясно свидѣтельствуетъ ихъ обширная торговля; были добросердечны и простодушны, и соблюдали гостепріимство черезъ чуръ даже, съ плѣнниками и чуже-

земцами обходились гораздо человѣколюбивѣе, нежели въ другихъ странахъ того времени. Только въ позднѣйшее время они сдѣлались упорными, злобными и жестокими, когда имъ пришлось отплачивать обидой за обиду.

Съ другой стороны Полабскіе Славяне чрезвычайно были несогласны между собою и самовольны.

«Ненависть, говоритъ Шафарикъ, вкоренившаяся между Бодричами и Лютичами, въ слѣдствіе ихъ давнихъ столкновеній между собою, побуждала эти два племени къ кровавымъ ссорамъ, въ которыхъ, по ихъ приглашенію, принимали участіе и Нѣмцы. Тотъ же злой духъ раздѣлялъ Сербовъ съ Лютичами и Чехами, и нѣтъ сомнѣнія, что, подобнымъ же образомъ, между этими Славянами и сосѣдями ихъ на востокѣ, т. е., Поляками, много разъ происходили ссоры и битвы, хотя въ исторіи давно уже изгладилась память о томъ. Политика этихъ народовъ, не направленная къ одной и той же цѣли, металась то туда, то сюда, смотря по обстоятельствамъ, или слѣдуя минутному увлеченію. Постоянства въ ней не было, развѣ только въ ненависти къ своимъ сосѣдямъ.»

Намъ приходитъ на мысль историческая жизнь Чешскаго народа. И въ Чехіи въ древности было нѣсколько племенъ, однако жь ея жители всегда стремились къ сосредоточенію, къ общественной жизни, и поддерживали духъ единства. Естественное положеніе Чешской земли вообще имѣло большое вліяніе на политическія отношенія Чеховъ; Полабскимъ же Славянамъ явная грозила опасность отъ сосѣдняго Нѣмецкаго міра, и это обстоятельство, по видимому, должно было бы побудить ихъ еще сильнѣе къ политическому единству.

Мы знаетъ, какъ Русь достигла политическаго единства въ IX-мъ столѣтіи (862 г.). Изгнавши Варяговъ за море, и отказавшись платить имъ дань, Русскіе Славяне стали управляться сами собою, но не было между ними правды, и возсталъ родъ на родъ, и они начали враждовать между собою. И сказали они: «Поищемъ себѣ Князя, который бы владѣлъ нами и судилъ насъ по правдѣ.» И послали они за море къ Варяго-Руссамъ сказать имъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; пріидите княжити и володѣти нами!»

Такъ на Руси основалось государство, которое стоитъ донынѣ.

И Полабскіе Славяне въ глубокой древности были покорены Нѣмецкими дружинами, родными братьями Варяговъ; они также из-

гнали ихъ, перестали платить имъ дань, и начали управляться сами; и между ними также не было «правды,» и возсталъ родъ на родъ, и они стали воевать между собою. Но не было у нихъ столько твердости и разума, чтобы сказать себѣ, что они не способны сами управляться, и что имъ необходимо найти вождя, который управлялъ бы ими и судилъ имъ по правдѣ. Полабскіе Славяне никогда политически не объединились; оставались всегда раздѣленными на племена и жупы, что и было причиною ихъ внутренняго безсилія, которое всѣмъ имъ приготовило окончательную гибель со стороны политически объединенныхъ и воинственныхъ Нѣмцевъ.

Развитіе внутренней политической жизни у Полабскихъ Славянъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ Польскую исторію. Первоначальное устройство Полабцевъ въ сущности было одинаково съ устройствомъ прочихъ Славянъ, съ тѣмъ только различіемъ, что у нихъ не было средоточной власти. Между тѣмъ какъ другія племена (какъ-то: Русскіе, Чехи и, въ среднихъ вѣкахъ, Поляки) старались укрѣпить у себя средоточную власть, у Полабскихъ Славянъ происходило то же самое, что у Поляковъ въ новѣйшее время. У Лютичей Княжеская власть, уже по происхожденію слабая, была со всѣмъ устранена. Общественныя дѣла разсматривались на сеймахъ, гдѣ первенствовала знать («владыки,» по Чешскому выраженію), которая въ своихъ рѣшеніяхъ поступала также точно, какъ въ позднѣйшее время Поляки, то есть, для законности сеймовыхъ рѣшеній требовалось единство голосовъ! Ненавидящіе Нѣмцевъ, Лютичи заимствовали у нихъ учрежденіе знати, но оно на Славянской почвѣ не принесло того плода, какой принесло Нѣмцамъ на Нѣмецкой!

Естественно, что знать Лютичей, устроившись на языческой почвѣ, была принуждена упорно защищать существовавшій порядокъ, который былъ основаніемъ ея преимуществъ и правъ. Этимъ можно объяснять упорное сопротивленіе Лютичей Польскому вліянію, котораго они опасались, по политическимъ причинамъ не желая имѣть у себя Князей. Знать Лютичей всегда и во всемъ мѣшала внутреннему преуспѣянію, которое способствовало бы уничтоженію несвойственныхъ имъ преимуществъ.

У Бодричей усилилась Княжеская власть относительно въ большей степени, но она вполнѣ зависѣла отъ знати, которая также рано у нихъ взяла силу. Простой народъ утратилъ у нихъ всякое значеніе и важность, между тѣмъ какъ знать тѣсно сбли-

зилась съ язычествомъ, упрямо сопротивляясь разумному и быстрому введенію Христіянскаго исповѣданія.

Относительно лучше было у Поморянъ, всегда находившихся подъ властію Князя, права котораго были ограничены. И здѣсь, подъ вліяніемъ Нѣмецкимъ, образовалась шляхта, пользовавшаяся различными преимуществами въ политическихъ дѣлахъ. Но народъ, лично свободный, управлялся сходками, на которыхъ обыкновенно происходили совѣщанія шляхты и народныхъ старшинъ, въ важныхъ же случаяхъ Князь созывалъ общій сеймъ всего Поморья, и тогда дѣла рѣшались единогласно. Прямымъ послѣдствіемъ введенія здѣсь Христіянства было то, что шляхта спѣшила онѣмечиваться, чтобы получить всѣ преимущества, которыми пользовалась Нѣмецкая знать; Князья же, отъ опасенія, чтобы шляхта вовсе не лишила ихъ вліянія, принуждены были приглашать въ свою сторону чуждыхъ имъ Нѣмецкихъ поселенцевъ, такъ какъ простой народъ, у котораго шляхта отняла все его значеніе, не представлялъ ему надежной опоры. При такомъ переходѣ къ Нѣмецкимъ порядкамъ, который произошелъ со стороны шляхты добровольно, а со стороны Князей по принужденію, Поморье въ скоромъ времени совершенно онѣмечилось.

И такъ, навѣрное можно сказать, что учрежденіе у Полабскихъ Славянъ шляхетскаго сословія, прежде чѣмъ у другихъ Славянъ, было главною причиной ихъ погибели. Шляхта, опасаясь за свои преимущества, которыя она получила благодаря языческимъ установленіямъ, упорно отстаивала существовавшій порядокъ. Простой народъ, исключая Поморянъ, не имѣлъ никакого вліянія на преобразованія и улучшенія, Княжеская же власть существовала только по названію, и даже совершенно исчезла у Лютичей.

Если не ошибаеися, Полабская шляхта поступала такимъ же точно образомъ, какъи Польская въ позднѣйшее-время. Она была неспособна быстро понять великую важность Христіянской религіи. Ея политическій взглядъ не былъ на столько проницателенъ, чтобы она могла убѣдиться, что упорная защита язычества съ ея стороны постоянно доставляла алчному Нѣмецкому міру самый удобный поводъ къ опустошительнымъ завоеваніямъ. Она не знала, что съ теченіемъ времени возстановитъ противъ себя весь Христіянскій міръ.

Полабскіе Славяне не поняли своего вѣка и его идеи. Они не догадались, что могли бы сохранить свою языческую страну въ такомъ только случаѣ, если бы ихъ окружали такіе же язычники. Оста-

ваясь одинокими при старой вѣрѣ своихъ отцовъ, они составляли исключеніе въ Европѣ, и по этой причинѣ нигдѣ не имѣли ни друзей, ни защитниковъ, ни союзниковъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ, отношеніи.

Полабскіе Славяне, при такой одинокости, не могли приготовить для себя лучшей будущности. Народное и политическое единство, по крайней мѣрѣ, сохранило бы имъ народность; но ихъ самостоятельность не могла продолжаться въ сосѣдствѣ столь сильнаго государства, какимъ въ то время было Нѣмецкое.

Чешскій народъ уцѣлѣлъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, онъ рано принялъ Христіянскую Вѣру, и во вторыхъ, рано такъ же подчинился господству Нѣмецкой Имперіи, чего въ то время нельзя было избѣжать. Въ слѣдствіе этихъ причинъ Чешскій народъ лишилъ Нѣмцевъ повода къ завоевательнымъ противъ него дѣйствіямъ, и чрезъ это успѣлъ вполнѣ сохранить свою народную самобытность. Его покорность считали добровольною.

Полабскіе Славяне (шляхта) не поняли политическихъ требованій своего времени. Они напрягли всѣ свои усилія на защиту такого положенія, котораго ни какъ нельзя было отстоять. Ихъ храбрость была изумительна, не менѣе ихъ любви къ отечеству и свободѣ. Всѣ это, однако, не могло пособить имъ. Безпрерывныя войны губили народъ и повергали край въ безконечныя бѣдствія и нищету. Хуже всего было то, что ни одна попытка ихъ къ освобожденію не имѣла счастливыхъ и прочныхъ послѣдствій. Весь успѣхъ состоялъ лишь въ томъ, что прогнали Нѣмцевъ изъ Полабскихъ краевъ, Христіянство искоренено, золотая свобода на время возвратилась было. Полабскіе Словяне не могли перенести войну за Лабу, по тому что принуждены были только оборонять себя; и едва имъ удавалось отразить непріятеля, какъ онъ вскорѣ снова нападалъ на нихъ.

Полабскіе Словяне пропустили удобное время, когда они могли принять Христіянскую Вѣру безъ большаго ущерба для своего внутренняго устройства, своей свободы и народности. Потомъ уже было поздно; ибо имъ не хотѣли дать одинаковыхъ съ Нѣмцами правъ, даже послѣ принятія Христіянской Вѣры.

Съ теченіемъ времени, благодаря Нѣмцамъ, мирный характеръ Полабскихъ Славянъ во многомъ измѣнился: война обратилась для нихъ въ самое пріятное занятіе, врожденное же имъ добродушіе замѣнилось суровостію и жестокостію. Для этого племени, столь привѣтли-

ваго, честнаго и гостепріимнаго, притворство сдѣлалось добродѣтелью, хитрость и лесть единственнымъ средствомъ къ самосохраненію, ненависть къ чужеземцамъ стала священною обязанностію. Кто болѣе всего нѣкогда любилъ свободу, тотъ самъ теперь вводилъ у себя, или переносилъ, столько позорное рабство. Полабскій Славянинъ, языческая вѣра котораго подходила къ Христіянству, отклонилъ отъ себя Евангеліе любви и такъ долго и такъ упорно не покидалъ своихъ идоловъ. Онъ хранилъ въ себѣ столько драгоцѣнныхъ зародышей гражданственности и одичалъ, сдѣлавшись варваромъ своего времени. Отъ чего же это? Отъ того, что ему подавали Евангеліе на концѣ меча, а свободу предлагали въ награду уничтоженія его народности!

Славянская исторія описываетъ два весьма важныя событія, которымъ подобныхъ не найти у другихъ народовъ: истребленіе Полабскихъ Славянъ и паденіе Польши. Несчастныя послѣдствія перваго событія до сихъ поръ чувствуются Чехами; паденіе Польши тоже туда же относится: то и другое заслужено сими Славянскими племенами.

Борьба между Славянствомъ и Нѣмечиной продолжается до сихъ поръ. Но времена перемѣнились, по тому что теперь уже не употребляются кровавыя средства для истребленія Славянства, какъ было въ средніе вѣка, когда бѣдные Полабскіе Славяне, нагіе, были изгоняемы сосѣдями изъ своихъ жилищъ; когда они продавали имъ въ рабство своихъ дѣтей и женъ; когда вырѣзывали имъ языкъ, запрещали говорить на родномъ нарѣчіи и, наконецъ, отказали имъ въ названіи людей: и все это подъ предлогомъ, что нужно распространять и утверждать Вѣру нашего Спасителя.

Борьба противъ Славянства ведется теперь во имя образованія: она направлена противъ Австрійскихъ Славянъ, именно противъ Чеховъ и Словенцевъ, такъ же противъ Славянъ Прусскихъ, большею частію Поляковъ. Для этого употребляются слѣдующія средства: съ матеріяльной стороны дѣйствуютъ такимъ образомъ, чтобы Славянское населеніе обѣднѣло; въ умственномъ отношеніи Славянскій языкъ исключается изъ общественной жизни и юношество воспитывается на Нѣмецкомъ языкѣ. А такъ какъ въ наше время многія Европейскія государства опираются на народномъ представительствѣ, то Славянамъ навязываютъ такую форму уложенія, которая совершенно предоставляетъ ихъ произволу враждебнаго Нѣмецкаго меньшинства. Славянъ превращаютъ въ изгоевъ въ духовномъ, вещественномъ и государственномъ отношеніяхъ.

Враждебный характеръ Нѣмцевъ не измѣнился ни въ чемъ. Какъ въ среднихъ вѣкахъ считалось богоугоднымъ дѣломъ, когда, подъ видомъ Христіянства, истреблялась Славянская народность, такъ точно и въ наше время считается не меньшею заслугою, когда, въ видахъ гражданственности и образованія, искусно подавляется Славянская народность. Въ этомъ случаѣ Нѣмецкій народъ остается вѣренъ своему властолюбивому призванію.

«Мы народъ, призванный къ тому, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ просвѣтителей» (Kulturträger), чтобы господствовать не только въ большей части Европы, но и въ другомъ полушаріи, въ Америкѣ, въ Австраліи и въ Восточной Индіи, обнимать глубочайшіе вопросы духа и многіе изъ нихъ рѣшать, земли посѣщать и себѣ ихъ покорять, разоблачать таинства природы, превышать всѣ народы численностію и великими изобрѣтеніями, наконецъ вводить повсюду свободу и порядокъ въ политическую жизнь. Мы — народъ благородный, великій, возвышенный, на челѣ котораго Богъ положилъ печать своего духа и даровалъ самую продолжительную жизнь между всѣми народами, до нынѣ существующими на свѣтѣ.»

Такъ какъ образованность въ средней Европѣ теперь найболѣе развита у Нѣмцевъ, то они считаютъ себя выше другихъ народовъ, въ особенности Славянъ, которые въ ихъ глазахъ — невѣжды, холопы, щетинщики, Индійцы, Эскимосы и т. д., и по тому должны принять ихъ языкъ, т. е., образованность, и такимъ образомъ, мало по малу, уничтожиться. Нѣмцы вбили себѣ въ голову мысль, что они призваны распространять образованость тамъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, нѣтъ ея, или гдѣ случайно существуетъ другая, не Нѣмецкая.

Вотъ какіе замыслы лелѣетъ Нѣмецкій народъ, котораго каждый членъ дружно и въ одномъ и томъ же духѣ дѣйствуетъ въ Славянскихъ земляхъ.

Чехи и Поляки должны переносить теперь тяжелое бремя за политическіе грѣхи своихъ предковъ, которые не только не умѣли сохранить свое государство, но даже легкомысленно лишились своихъ преимуществъ и правъ, тогда какъ ихъ можно было сохранить при большемъ благоразуміи.

Теперь уже поздно съ нашимъ заднимъ умомъ. «Мы уже хорошо знаемъ свой характеръ, который обнаруживается въ легкомысліи, безпечности, несохранности и непостоянствѣ. Отстаивая свою народность, мы стараемся по возможности сохранить послѣдствія пре-

жнихъ ошибокъ, хотя и нельзя предвидѣть, куда наконецъ приведетъ все это.»

Положеніе Прусскихъ Славянъ представляется еще въ худшемъ видѣ, нежели положеніе Славянъ Австрійскихъ. Пруское Государство, судя по человѣчески, будетъ распространяться и крѣпнуть; по чему освобожденіе Польскаго населенія отъ зависимости его рѣшительно немыслимо. Да если бы случайно и получило оно ограниченіе съ которой ни есть стороны, то это скорѣе возможно на западѣ, нежели на востокѣ. По этому Прусскіе Славяне должны отказаться отъ всякой мысли на улучшеніе своего положенія. Было бы заблужденіемъ думать, что Пруссія когда либо откажется отъ своего систематическаго онѣмеченія, которое вошло въ кровь и плоть Нѣмецкаго народа. Впрочемъ, очевидно, два милліона Прускихъ Славянъ, втянутыхъ въ Нѣмецкое море, не въ состояніи будутъ долго противиться огромному давленію непріятельской народности.

Подобно тому, какъ Полабскіе Славяне служили естественной оградой Чешскимъ и Польскимъ Славянамъ, такъ въ нынѣшнее время такую ограду составляютъ Прусскіе Поляки для своихъ братій Русскихъ и самихъ Руссовъ. Въ самомъ дѣлѣ, естественное слѣдствіе полнаго онѣмеченія Прусскихъ Поляковъ будетъ то, что Нѣмецкая стихія станетъ проникать мирнымъ путемъ въ Королевство Польское, приготовившее, въ многочисленныхъ своихъ Жидахъ, прекрасный и богатый матеріялъ для будущихъ замѣшательствъ. Кажется, для Прусскихъ Славянъ было бы далеко благопріятнѣе нѣсколько иное отношеніе Россіи къ Пруссіи. Это остановило бы, по крайней мѣрѣ, такое быстрое и сильное возрастаніе Пруссіи. Но въ нынѣшнее время нельзя ожидать полной перемѣны, по тому что безграничная вражда Польскаго населенія къ Русскимъ заставляетъ Петербурскій Дворъ сохранять дружескія отношенія къ Берлинскому. Разумѣется, по неволѣ отъ этого ничего иного нельзя ожидать, какъ только одного умноженія крѣпкихъ мѣръ, отъ которыхъ Польская стихія должна ослабѣвать болѣе и болѣе.

Будущность Австрійскихъ Славянъ зависитъ отъ будущности Австрійскаго государства. Въ настоящее время Австрія распалась на двѣ половины: въ первой господствуютъ Мадьяры, во второй Нѣмцы.

Между Западными Славянами Чехи и Словенцы подвержены сильному давленію Нѣмецкой образованности. Лучше всего въ наше время живется Полякамъ въ Галиціи. Это вовсе не изъ любви къ нимъ Нѣмцевъ, такъ какъ пока свѣтъ свѣтомъ не будетъ Нѣмецъ

Поляку братомъ; но это дѣется по той, всѣмъ извѣстной, причинѣ, чтобы Поляки не соединились съ Чехами болѣе тѣснымъ образомъ.

Всю Австрію онѣмечить не возможно; однако жь, онѣмеченіе продолжается. Величайшею помѣхой для Австрійскихъ Нѣмцевъ служатъ народныя стремленія Чеховъ и Словенцевъ на югѣ. Для дальнѣйшаго распространенія онѣмеченія между сими послѣдними, Вѣнское правительство приступило къ соглашенію съ Мадьярами, и уступило имъ для этого всю восточную половину государства. Въ западной же его половинѣ изобрѣтены для Чеховъ такія конституціонныя формы, которыя отдаютъ ихъ на произволъ враждебнаго Нѣмецкаго меньшинства.

Чешскій народъ еще не упалъ до такой степени, чтобы малодушно покориться. Въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано, какіе виды онъ имѣетъ въ будущемъ, отстаивая свою народность.

Нынѣ Нѣмецкій народъ, съ малыми исключеніями, уже политически объединенъ, и не слишкомъ далеко то время, когда уничтожатся и эти исключенія. Нѣтъ сомнѣнія, что исторія Европы разовьется нѣсколько иначе, нежели развивалась въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Впрочемъ, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что Франція и Россія въ свое время пойдутъ по одному и тому же пути для приведенія Нѣмецкаго объединенія въ приличные предѣлы. Можно надѣяться крѣпко на эти великія державы, что онѣ не допустятъ Нѣмецкому дубу подняться подъ самые облака.

Мы должны обратить вниманіе еще на одинъ предметъ. Тѣ изъ Чеховъ, которые, въ 1866 году, были свѣдѣтелями кровавой борьбы Австрійскихъ войскъ съ Прусскими, утверждаютъ, что были поражены изумительной тѣлесной силой Прусскихъ солдатъ. Замѣчаніе это не основывается на ложномъ показаніи и не смѣшиваетъ военныхъ успѣховъ армій съ физическими силами отдѣльныхъ личностей. Народъ Нѣмецкій, вмѣстѣ съ хорошимъ домашнимъ хозяйствомъ, достигъ цвѣтущаго благосостоянія. Когда, на примѣръ, въ Австріи житель безъ земскихъ, общинныхъ и др. прибавокъ, среднимъ числомъ платитъ въ годъ податей 10 гульд., въ Пруссіи онъ платитъ только 7 гульд. 94 кр., въ Баваріи 7 гульд. 67 кр., въ Саксоніи 7 гульд. 50 кр. и т. д. Въ 1861 г. Австрія имѣла слишкомъ 2,400 мил. государственнаго долга (теперь слишкомъ 3,000 мил.); Пруссія же не болѣе 426 мил. Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ процвѣтаютъ торговля и промышленность, въ Австріи, по причинѣ дурного управленія, они находятся въ упадкѣ, и нѣтъ даже надежды и средствъ

для ихъ улучшенія. Сельское населеніе въ Австріи, которое, какъ извѣстно, наиболѣе поставляетъ рекрутъ, очень рѣдко употребляетъ мясную пищу и физически изнурено. Нельзя отрицать, что такое положеніе, съ теченіемъ времени, должно имѣть вредныя послѣдствія на счетъ крѣпости силъ жителей и вмѣстѣ съ ними войска.

Прусское правительство, кромѣ того, обращаетъ большое вниманіе на физическое укрѣпленіе жителей, особенно гимнастикою, которая тамъ занимаетъ важное мѣсто при воспитаніи. Въ Прусскихъ войскахъ также весьма прилежно занимаются гимнастикою, что вообще было замѣтно въ войну 1866 г., при видѣ ихъ солдатъ, плотныхъ, ловкихъ, здоровыхъ, крѣпкихъ и при томъ привыкшихъ къ хорошей пищѣ.

Эти замѣчанія не относятся, конечно, къ предметамъ, имѣющимъ рѣшительный вѣсъ въ политическомъ мірѣ; не мѣшаетъ, однако жь, иногда ближе ознакомиться и съ такими дѣятелями.

Однимъ словомъ Германія, изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ, можетъ быть, имѣетъ найлучше устроенные финансы и народъ ея пользуется полнымъ благосостояніемъ. И это важный успѣхъ, котораго не слѣдуетъ упускать изъ виду.

§ 6. Менѣе значительные Европейскіе народы, какъ сосѣди Славянъ.

Русскіе Славяне единственный народъ, который основалъ самостоятельное, могущественное государство, имѣющее рѣшительное вліяніе на Европейскія дѣла, вмѣстѣ съ другими державами: Англіею, Франціею, Пруссіею и Австріею. Всѣ остальные Славянскіе народы сдѣлались подданными чужихъ государствъ: Прусскаго, Австрійскаго и Турецкаго. Такимъ образомъ Славяне очутились въ сосѣдствѣ разныхъ народовъ, болѣе, или менѣе, значительныхъ, изъ которыхъ Романскіе и Германскіе описаны нами выше. Приступимъ теперь къ обозрѣнію, не столь сильныхъ Европейскихъ народовъ, которые находятся въ близкомъ сосѣдствѣ съ Славянами, имѣя при томъ, въ извѣстной степени, вѣсъ въ политико-народномъ отношеніи. Это — Мадьяры въ Австріи, за тѣмъ Турки и Албанцы на Балканскомъ полуостровѣ. Албанцы считаются первобытными жителями своего края и близко подходятъ къ Греческому племени, Мадьяры же и Турки, будучи Азіятскаго происхожденія, принадлежатъ къ пришельцамъ въ Европѣ.

Мадьяръ считается 5 милл., Турковъ до 4 милл. (вмѣстѣ съ другими племенами, исповѣдающими Магометанство въ Европейской Турціи), и Албанцевъ до 1,600,000 душъ.

а) Мадьяры.

Мадьяры—народъ Азіятскій, который случайно проникъ въ среднюю Европу около тысячи лѣтъ тому назадъ (съ 895 г.), и съ тѣхъ поръ, образуя какъ бы островъ въ морѣ, утвердилъ свое господство въ Угорскомъ Королевствѣ и въ Семиградіи. Мадьяры занимаютъ равнины въ срединѣ Угорскаго Королевства и со всѣхъ сторонъ окружены разнородными племенами: на сѣверѣ и на югѣ Славянами, на востокѣ Румунами, на западѣ Нѣмцами, которые (въ Штиріи и Эрцгерцогствѣ Австрійскомъ) доходятъ до самыхъ границъ Угріи.

Въ Семиградіи Мадьяры преимущественно живутъ внутри страны и на востокѣ. Семиградскіе Секулы — тѣ же Мадьяры.

Мадьярскія поселенія въ Буковинѣ, въ Дунайскихъ Княжествахъ, въ Славоніи и на Военной Границѣ немногочисленны и неважны.

Въ собственной Угріи Мадьяръ считается 4,333,767, общее же число жителей—9,815,767; но на сторонѣ Мадьяръ та чрезвычайная выгода, что прочее населеніе, которое могло бы подавить ихъ, не составляетъ однороднаго и цѣльнаго племени, но распадается на Нѣмцевъ, Словаковъ, Карпато-Руссовъ, Румуновъ, Сербовъ; сюда же относится небольшое число Словенцевъ, Хорватовъ, Цыганъ и Жидовъ. Изъ Славянъ самые многочисленные Словаки (болѣе $1\frac{1}{2}$ милл.), живущіе на сѣверѣ Угріи, и Карпато-Руссы (423,000), также на сѣверѣ. Южные Славяне, а именно Хорваты и Сербы (тѣхъ и другихъ въ Угріи 518,000), сплошно распространяются отъ Угріи до Тріединаго Королевства, Военной Границы и Турціи. Изъ народовъ не Славянскихъ, къ самымъ многочисленнымъ и наиболѣе важнымъ по своему положенію (въ будущемъ) принадлежатъ Румуны (1,171,000). За ними слѣдуютъ Нѣмцы (1,200,000), которые, однако, не живутъ сплошь да рядомъ, но разбросаны по всему краю, преимущественно по городамъ.

Въ Семиградской области стоитъ замѣтить число жителей Мадьярскаго племени въ сравненіи съ другими народами: Нѣмцами и Румунами. Мадьяръ считается тамъ 517,000, Румуновъ 1,100,000, и Нѣмцевъ 200,000.

Оставляя въ сторонѣ всѣ прочія соображенія, господство Мадьярскаго племени въ Угріи можно легко объяснить тѣмъ, что оно занимаетъ средину страны сплошь; также тѣмъ, что прочіе, не Мадьярскіе, народы, раздроблены въ народописномъ отношеніи и, кромѣ того, никакое другое племя не можетъ равняться съ Мадьярами ни по числу своему, ни по значительности.

Положеніе Семиградіи совершенно иное. Мадьяры, такъ сказать, имѣютъ здѣсь превосходную военную позицію, занимая средину края и востокъ, откуда они удобно могутъ повелѣвать другими; но такъ какъ они числомъ на половину слабѣе Румуновъ, то это господство сопряжено для нихъ съ большими затрудненіями. До тѣхъ поръ, пока въ Угорскихъ земляхъ преобладали средневѣковые порядки, пока политическими правами пользовалась только шляхта, господство Мадьяръ Семиградской области встрѣчало препятствія. Но когда оказалась необходимость уничтожить шляхетскія преимущество и провозгласить политическую равноправность всего населенія, тогда хитрые Мадьяры рѣшились удержать за собою преобладаніе въ Семиградіи надъ значительнымъ большинствомъ Румунскаго племени, употребляя всѣ усилія къ безусловному соединенію Семиградской области съ Угріею, что, послѣ упорнаго сопротивленія, и удалось имъ въ 1848 и, въ ближайшее къ намъ время, въ 1866 году.

По этому Мадьяры, вмѣстѣ съ Румунами, могутъ быть названы, такъ сказать, крѣпкимъ клиномъ, вбитымъ въ Славянскую народность, которая на сѣверѣ и югѣ плотно ихъ облегаетъ. На западѣ прикасается къ Мадьярамъ міръ Нѣмецкій, на востокѣ—Румунскій. Всѣ эти народности совершенно имъ чужды.

«Вторжерніе Мадьярскаго народа въ Угрію и его тамъ поселеніе (895 г.), говоритъ Чешскій исторіографъ Палацкій, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ событій во всеобщей исторіи, и въ теченіе многихъ вѣковъ не разразилось болѣе роковой бури надъ Славянскимъ міромъ. Въ девятомъ столѣтіи Славяне разселились отъ границъ Гольштиніи до Пелопониса, и хотя они, по причинѣ своей давнишней разрозненности, не соединялись вмѣстѣ, однако жь вездѣ отличались мужествомъ, радушіемъ и предпріимчивостію. Въ самой срединѣ обширнаго пространства, которое они занимали, Ростиславъ и Святополкъ (Моравскіе) положили начало разсаднику, успѣшные всходы котораго со временемъ обѣщали принести богатые плоды Христіянской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, народной образованности. Дружеское расположеніе

какъ Рима, такъ и Цареграда, которое они могли бы пріобрѣсти, ручалось имъ почти за несомнѣнный успѣхъ. Къ этому разсаднику, при нутреннихъ и внѣшнихъ усиліяхъ, мало по малу примкнули бы всѣ Славянскія поколѣнія, и тогда, вмѣстѣ съ Христіянствомъ, они усвоили бы себѣ, если не новыя политическія учрежденія, то, по крайней мѣрѣ, ново-европейское и народное просвѣщеніе, искуства и промышленность, также единство языка, письмена и словесность. Какъ на Западѣ, подъ Римскимъ вліяніемъ, возникла Франкская монархія, такъ точно на Востокѣ, не безъ вліянія Византійскаго духа, возникло бы великое Славянское государство, и Восточная Европа въ продолженіи тысячи лѣтъ получила бы вообще иной видъ, нежели какой она имѣетъ теперь. Но всѣ эти предположенія на всегда рушились; по тому что Мадьяры, проникнувъ въ самое сердце возникающаго строя, уничтожили его. Члены великаго тѣла, еще не сросшіеся, снова распались, между тѣмъ какъ чуждая стихія насильственно ворвалась между ними; каждый изъ этихъ членовъ отдѣльно отъ другихъ, не сознавая необходимости общаго всѣмъ направленія, заботился только о себѣ самомъ, истощалъ свои силы въ безпрерывныхъ распряхъ съ сосѣдями, и по этой самой причинѣ не могъ устоять противъ чужеземцевъ, тѣсно соединенныхъ между собою сильною сосредоточенностью, основанною съ цѣлью ихъ общаго преуспѣянія.»

Здѣсь намъ необходимо подробнѣе объяснить эти мысли знаменитаго историка.

Въ девятомъ вѣкѣ по Р. Х. положеніе нынѣшней Угріи, до вторженія въ нее Мадьяръ, было слѣдующее: Угрія въ то время была вполнѣ подъ властію Славянскихъ народовъ. Булгарское государство занимало юго-востокъ (съ Семиградію), Моравское — сѣверную часть, между тѣмъ какъ на юго-западѣ возникло особое Славянское Княжество, названное отъ озера Блатна (Нѣм. Plattensee) «Блатненскимъ.» Такимъ образомъ Придунайскія равнины въ Угріи были средоточіемъ всего Славянства. Здѣсь поселенія Булгарскихъ Славянъ соприкасались съ поселеніями Славянъ Сѣверныхъ, и по тому, съ теченіемъ времени, здѣсь удобнѣе могла бы утвердиться крѣпкая государственная основа, на которой, можетъ быть, возникло бы въ послѣдствіи объединеніе народностей Славянскаго міра. Съ достовѣрностію извѣстно, что Славянское богослуженіе именно отсюда, изъ Великой Моравіи, начало распространяться во всѣ стороны (въ Чехію, Польшу), а, вмѣстѣ съ нимъ, и письменный Старо-Булгарскій языкъ. Народное единеніе, конечно, не осталось бы безъ вліянія и на по-

литическое устройство Славянскаго міра (по крайней мѣрѣ, Западнаго).

Занятіе Мадьярами средней полосы по Дунаю имѣло безчисленныя послѣдствія для Славянъ. Совершенно чуждое Азіятское племя разрѣзало Славянскій міръ на двѣ половины, насильственно вторгнувшись между ними. Съ тѣхъ поръ сѣверные и южные Славяне, отдѣлившись другъ отъ друга, принуждены были развиваться разными путями. Одинъ письменный языкъ (народное единство) сдѣлался съ тѣхъ поръ совершенно невозможнымъ для Славянъ.

Географическая рознь Славянъ, съ теченіемъ времени, перешла также на поприще религіозное и народно-политическое. Славянскій міръ и въ религіозномъ отношеніи рано уже распался на двѣ половины, изъ которыхъ одна присоединилась къ Римской Церкви, другая къ Греко-Православной. Въ политико-народномъ отношеніи послѣдствія были еще хуже.

Западные Славяне, лишившись, черезъ вторженіе Мадьяръ въ Угрію, своего природнаго средоточія, уже не нашли его ни въ своей сѣверной части, ни въ земляхъ юго-западнаго Славянства. Послѣ этого сѣверо и юго-западные Славяне начали устраиваться и раздѣляться, въ политическомъ и народномъ отношеніи, на особые народы и государства; такимъ образомъ изъ первоначальныхъ племенъ западнаго Славянства образовались, съ теченіемъ времени, особые Славянскіе народы—на сѣверо-западѣ: Чехи съ Словаками, Лужицкіе Сербы, потомъ Поляки и Балтійскіе Славяне, изъ которыхъ послѣдніе потонули въ Нѣмецкомъ морѣ; изъ юго-западнаго Славянства выдѣлились: Булгары, Сербы, Хорваты и Словенцы. Совершенно иное явленіе представляетъ Славянскій востокъ. И тамъ были разныя первобытныя племена: Поляне, Вятичи, Новгородцы и т. д., но всѣ они слились въ одинъ могущественный Русскій народъ.

Изъ того, что здѣсь сказано, вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли причины питать гнѣвъ и вражду противъ Мадьяръ. Сами Славяне много виноваты въ томъ, что Мадьяры поселились въ Угріи, такъ какъ они своими внутренними раздорами сами содѣйствовали ихъ вторженію и побѣдамъ (по смерти Святополковой). Но, съ другой стороны, къ ихъ оправданію можетъ служить то обстоятельство, что они на самомъ дѣлѣ были обезсилены кровавыми войнами уже до того съ Нѣмцами.

Славяне, которыхъ не касались эти событія, конечно, не имѣли понятія о томъ, какія пагубныя слѣдствія произойдутъ для нихъ, съ теченіемъ времени, отъ такого положенія дѣлъ.

Все это необходимо было объяснить, чтобы показать, въ надлежащемъ свѣтѣ, то сильное вліяніе, какое имѣли Мадьяры на Славянскій міръ.

Прежде всего мы должны спросить, какимъ образомъ произошло, что народъ, относительно столь слабый, немногочисленный и при томъ чуждый всѣмъ прочимъ племенамъ, могъ удержаться посреди сильнѣйшихъ и гораздо многочисленнѣйшихъ народовъ; могъ не только сохранить свою народность и политическую самостоятельность, но даже стать господствующимъ въ занятомъ имъ краѣ? На сѣверѣ и югѣ онъ имѣетъ сосѣдями Славянъ, на западѣ Нѣмцевъ, а на востокѣ Румуновъ. Не уже ли каждый изъ этихъ народовъ самъ по себѣ, не на столько былъ силенъ, чтобы могъ приготовить Мадьярамъ ту же участь, какой подверглись Гунны, Авары, Татары, и какая, кажется, въ настоящемъ вѣкѣ, угрожаетъ и Турецкимъ Османамъ?

Въ наше время мы имѣемъ прекрасный случай убѣдиться, что Мадьяры, не смотря на всю свою грубость, народъ смѣтливый, предусмотрительный и умный. Они представляютъ очевидное доказательство тому, что политическая способность не зависитъ отъ болѣе, или менѣе, высокой степени народнаго образованія. Народъ съ высокимъ умственнымъ образованіемъ можетъ быть весьма не искуснымъ въ политическихъ дѣлахъ, и на оборотъ. Въ этомъ отношеніи вся Европа можетъ громко засвидѣтельствовать, что Мадьяры—чрезвычайно ловкіе политики.

Мадьяры обладаютъ удивительнымъ политическимъ тактомъ. Скажемъ другими словами: нѣтъ народа, который отличался бы въ равной степени стремленіемъ къ самосохраненію, и который умѣлъ бы пользоваться всѣми соотвѣтственными средствами, чтобъ вполнѣ сохранить себя. Это стремленіе врожденно Мадьярамъ и, какъ красная нить, проходитъ черезъ всю ихъ исторію.

Взглянемъ на то, какъ они утвердились въ Угріи. Прежде всего Славянскіе жители въ средней части края были истреблены ими, либо изгнаны. На ихъ мѣстѣ плотною стѣной поселились Мадьяры, ежеминутно готовые къ защитѣ и къ нападенію. По этому первобытные обитатели Угріи были угнетены и отодвинуты къ окраинамъ своего отечества.

Немедленно и съ изумительной предусмотрительностью Мадьяры очертили границы для своего государства, отмежевавши себѣ извѣ-

стное пространство, въ которомъ располагали остаться. Все, что было за этими предѣлами (которые составляютъ и нынѣшніе) долгое время служило Мадьярамъ только поприщемъ для опустошеній и грабительства; но они остерегались раздвигать ихъ, или селиться на сосѣднихъ земляхъ, а чрезъ это и раздробляться. Они скоро поняли, что для нихъ выгоднѣе ограничить свои владѣнія пространствомъ отъ Татръ (Карпатъ) до Дуная и Дравы, отъ границъ нынѣшней Штиріи до горъ, которыя на востокѣ окружаютъ Семиградію; то есть, они овладѣли только тѣмъ, что могли удержать за собою.

Ихъ опустошительные наѣзды, прекратились какъ разъ во время. Будучи нѣсколько разъ разбиты въ Германіи, они отказались отъ подобныхъ подвиговъ, даже признали крайнюю необходимость принять Христіянскую Вѣру, и чрезъ это отнять у сосѣднихъ Нѣмцевъ всякій поводъ къ завоеваніямъ. Св. Стефанъ, первый ихъ Христіянскій Государь (997 — 1038), сохранилъ Мадьяръ отъ той участи, какая постигла Аваровъ и Прибалтійскихъ Славянъ. Принявъ Христіянство, Мадьяры вступили въ семью Европейскихъ народовъ.

Св. Стефанъ, обезопасивъ свой народъ отъ сосѣдей, въ отношеніи религіозномъ и также въ народно-политическомъ (важное обстоятельство въ средніе вѣка), предпринялъ не менѣе трудное дѣло — утвердить внутреннее устройство своего государства и обезпечить существованіе своего народа на Угорской землѣ.

Нужно замѣтить, что государственное уложеніе Угріи, которому прочное начало, думаютъ, положилъ Св. Стефанъ, сохранило Мадьяровъ до нашего времени. Угорское уложеніе происхожденія Славянскаго: (Comes palatinus=nádor ispan, дворецкій; komornik=kamarás; pohárnik = pohárnok; stolnik=asztalnok; dvornik=udvarnok; zupan=ispán; vojvoda = vajda; pečet' =pecsét; přistav = pristaldus, и т. д.). Славянскія жупы также были усвоены Мадьярами, которые примѣнили ихъ къ своимъ цѣлямъ и нуждамъ.

Дѣло ясное. Съ одной стороны, имъ было нужно, чтобы государственное устройство доставило имъ господство во всей Угріи, а съ другой, чтобы побѣжденные народы въ нѣкоторомъ отношеніи также были подчинены этому устройству. Мадьяры и не Мадьяры имѣли довольно причинъ защищать новый порядокъ, созданный побѣдителями. Безусловное сосредоточеніе повредило бы Мадьярскому госу-

дарству, будучи исключительно основано на преобладаніи Мадьярской народности, излишнее же разъединеніе (децентрализація) равномѣрно привело бы его въ упадокъ. По этому нѣкоторыя уступки необходимо должны были сдѣлать Мадьяры; въ противномъ случаѣ они могли бы погибнуть и выродиться въ Славянъ, либо Румуновъ; но, съ другой стороны, имъ нельзя было и думать о совершенномъ поглощеніи всего Славянскаго и Румунскаго населенія, которые, въ крайнемъ случаѣ, призвали бы къ себѣ на помощь своихъ соплеменниковъ на сѣверъ, югъ и востокъ.

Для этой же цѣли Королевская власть у Мадьяръ усилилась на столько, на сколько то было необходимо, чтобы государственное единство не распалось. Далѣе, Мадьяры воспользовались Славянскимъ учрежденіемъ жупъ, которое должно было не только сохранить Мадьярскую народность, но и содѣйствовать тому, чтобы не Мадьярское населеніе осталось довольно и даже дорожило Угорскимъ государствомъ. Вмѣстѣ съ областными сеймами возникли также сеймики «жупанскіе,» и на нихъ-то предоставлено было всей шляхтѣ, т. е., всему свободному сословію, право открыто предъявлять свои политическія преимущества, которыми не свободные жители по закону не могли пользоваться. Собственно, это-то жупное устройство и сохранило до нашего времени Угорское государство и Мадьярскую народность.

Шляхтѣ даны были всѣ политическія права въ жупахъ и государствѣ. Будучи освобождена отъ всякихъ податей, она была обязана, по требованію Короля, защищать государство. Съ самаго начала шляхта, конечно, исключительно состояла изъ однихъ Мадьяровъ, но вскорѣ Мадьяры почувствовали необходимость принять въ свою среду также знатнѣйшіе роды изъ населенія не Мадьярскаго. Славяне и Румуны немедленно стали присоединяться къ сословію свободныхъ людей, между тѣмъ какъ многіе изъ Мадьяръ, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, дѣлались людьми не свободными, т. е., рабами. Присоединеніе Славянъ предложено было въ жупахъ, въ которыхъ не было Мадьярскаго населенія. Рѣшительнымъ послѣдствіемъ всего этого было то, что Мадьяры и не Мадьяры видѣли въ Угорскомъ уложеніи источникъ своей свободы и огражденіе своихъ правъ. Уложенія вовсе не требовало, чтобы, для пріобрѣтенія политическихъ правъ, т. е., шляхетскаго достоинства, необходимо слѣдовало отречься отъ своей народности, т. е., принять Мадьярскій языкъ; напротивъ, для этого необходимы были другія условія, которыми могъ воспользоваться каждый житель Угріи, безъ различія народности.

Св. Стефанъ не имѣлъ намѣренія омадьярить Угорское населеніе. Въ противномъ случаѣ онъ не достигъ бы того, чего желалъ въ дѣйствительности. Мы имѣемъ его письмо къ сыну своему, Емерику: «Помни, говоритъ онъ, что государство, опирающееся на одинъ языкъ и одни и тѣже нравы, бываетъ слабо и непрочно.» Придерживаясь этой мысли, Св. Стефанъ ввелъ Латинскій языкъ не только въ церковь, но и въ общественную жизнь, какъ языкъ общественный, судебный и правительственный. Для разныхъ Угорскихъ народовъ это былъ языкъ нейтральный, который соединялъ образованное сословіе всѣхъ этихъ народовъ, устраняя рознь ихъ языковъ. Знаніе Латинскаго языка облегчало всѣмъ, кому было нужно, пользованіе политическими правами во всемъ государствѣ вообще, и въ каждой жупѣ въ особенности.

Между тѣмъ какъ прочимъ народамъ Западной Европы, въ средніе вѣка Латинскій языкъ приносилъ много вреда, задерживая свободное развитіе народной образованности и уничтожая много живыхъ народныхъ силъ, въ Угріи, вмѣстѣ съ государственнымъ учрежденіемъ Св. Стефана, онъ предохранилъ Мадьяръ отъ народной борьбы съ Славянами и Румунами, и принесъ имъ чрезвычайную пользу. Его вліяніе оказалось въ Угріи столь очевиднымъ и полезнымъ, что онъ вскорѣ сдѣлался языкомъ, такъ сказать, живымъ, общественнымъ, правительственнымъ и всенароднымъ, между тѣмъ какъ совершенно противное тому мы видимъ въ другихъ Европейскихъ земляхъ. Кто хотѣлъ образоваться, тотъ прежде всего учился Латинскому языку, и ему учились мужчины и женщины высшаго сословія, такъ какъ безъ него нельзя было обойтись въ общественной жизни. Извѣстно, что Латинскій языкъ повсемѣстно былъ господствующимъ въ Угорскихъ земляхъ до самаго 1848 года; но извѣстно также до какихъ распрей и даже кровавыхъ схватокъ доведена была Угіря, когда мѣсто Латинскаго языка занялъ языкъ Мадьярскій.

Будемъ справедливы и сознаемся, что этому мудрому распоряженію, какъ относительно уложенія, такъ, и языка, Угорскіе Славяне обязаны сохраненіемъ своего народнаго существованія.

Порядокъ, введенный первымъ Христіанскимъ государемъ въ Угріи, доставилъ Мадьярамъ цѣлое Хорватское государство, простирающееся отъ рѣки Дравы вплоть до нынѣшней Турціи и на западъ до Адріятическаго моря. Хорваты, лишенные своего народнаго владѣнія и утомленные внутренними раздорами, добровольно присоединились къ

Угріи, видя, что господствующій въ ней народъ, къ изумленію, радушно относился къ Славянскому населенію.

Наступательными мѣрами Мадьяры, конечно, никогда не пріобрѣли бы всей Хорватіи. Мы знаемъ изъ исторіи, что Угорскій Король, Коломанъ, справедливо сомнѣвался въ возможности совершенно покорить Хорватію и Далматію, и предпочелъ избрать для этого мирный путь. И дѣйствительно, въ 1102 году Хорваты добровольно подчинились ему, когда онъ торжественнымъ договоромъ утвердилъ за ними внутреннее самоуправленіе. Съ тѣхъ поръ Хорватія дружно раздѣляла участь Угріи.

Это согласіе разстроилось только въ новѣйшія времена, къ несчастію однихъ и другихъ, по причинѣ ослѣпленія и надменнаго безразсудства Мадьяръ.

Правда, Латинскій языкъ въ Угорскихъ земляхъ не могъ на всегда остаться языкомъ живымъ и общественнымъ. Это значеніе отняли у него требованія и стремленія нашего времени, которое сильно побуждаетъ Европейскіе народы къ развитію природныхъ языковъ. Было очень естественно, что Мадьяры стали заботиться о своемъ собственномъ языкѣ Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они задумали доставить ему всѣ тѣ преимущества, которыми прежде пользовался Латинскій языкъ. Мадьярщина должна была сдѣлаться въ Угорскихъ земляхъ, не только языкомъ общимъ, правительственнымъ и учебнымъ, но даже вытѣснить и истребить всѣ прочіе областные языки.

Это покушеніе Мадьяръ встрѣтило всеобщій отпоръ. Тогда они прибѣгнули къ крутымъ, несправедливымъ, незаконнымъ и насильственнымъ мѣрамъ. Почти съ 1830 г. они стали употреблять грубыя средства для омадьярскія Угорскаго населенія; извѣстно, что Мадьяры употребляли при этомъ гусаръ, палки, особенно не жалѣли ихъ для Словаковъ, темницы и тому подобныя средства. Угорская страна должна была преобразоваться въ государство, основанное на исключительномъ преобладаніи Мадьярской народности и Мадьярскаго языка.

Съ такими стремленіями Мадьяръ противъ народностей вполнѣ согласовались, въ политическомъ отношеніи, и явныя ихъ попытки совершенно отдѣлиться отъ Австріи. Послѣ этого Австрійскимъ Славянамъ ничего болѣе не оставалось, какъ только искать у Австрійскаго правительства поддержки и защиты противъ Мадьярскаго давленія. Когда же Мадьяры, въ 1848 г., добились у того же прави-

тельства признанія своихъ извѣстныхъ законовъ, которые дали имъ возможность образовать особое министерство, тогда вспыхнуло народное возстаніе, которое началось въ Хорватіи и между Сербами, и распространилось по всѣмъ Угорскимъ землямъ въ ужасающихъ размѣрахъ. Противъ Мадьяръ съ страшнымъ ожесточеніемъ возстало все не Мадьярское населеніе: Словаки, Сербы, Румуны, Хорваты и Нѣмцы, послѣдствіемъ чего была война, коей Исторія подобной не знаетъ. Окончилось тѣмъ, что Австрія, при великодушной помощи Россіи, одержала верхъ. Мадьяры положили оружіе и сдались подъ Вилагошемъ.

Въ новѣйшее время они совершенно измѣнили своей древней исторіи и своимъ восьмисотлѣтнимъ учрежденіямъ, на основаніи которыхъ они были обязаны щадить прочіе Угорскіе народы и быть къ нимъ снисходительными. Вопреки мудрому правилу Св. Стефана, они порѣшили, что въ Угріи нѣтъ никакой другой народности, кромѣ Мадьярской. Рѣзче всѣхъ возставалъ и дѣйствовалъ въ этомъ духѣ ихъ диктаторъ Кошутъ. Послѣдствія обнаружились въ самомъ скоромъ времени. Зданіе, воздвигнутое Св. Стефаномъ, продолжалось восемьсотъ лѣтъ, слава же Кошута только немногимъ болѣе полутора года.

Нельзя, впрочемъ, отрицать, что Мадьяры еще до 1848 года, по своему природному политическому инстинкту, совершенно поняли духъ нашего вѣка. Они хорошо видѣли, что средневѣковыя шляхетскія преимущества, на которыхъ въ сущности опиралось ихъ уложеніе, не могутъ долѣе держаться Изъ всѣхъ Австрійскихъ народовъ, они первые всѣми силами стали заботиться о томъ, чтобы феодальные порядки были устранены.

И такъ, уничтоженіе шляхетскихъ преимуществъ въ Угорскихъ земляхъ давно уже, то есть, до 1848 г., было признано необходимымъ и неизбѣжнымъ. По этому Мадьяры заблаговременно старались все устроить безъ потрясеній. При всемъ томъ имъ казалось дѣломъ отечественнымъ не допустить, чтобы уничтоженіе шляхетскихъ преимуществъ не нанесло вреда ихъ собственному племени. Напротивъ того, они воспользовались этимъ случаемъ для утвержденія небывалаго преобладанія Мадьярской народности въ Угорскихъ земляхъ. Такимъ образомъ Мадьяры очутились въ такомъ же ложномъ положеніи, какое устранить старались. Уничтоживъ господство шляхетскаго сословія, они ввели преобладаніе своего племени въ дѣлахъ политическихъ и народныхъ.

Мадьяры поняли, что, съ провозглашеніемъ политической равно-

правности всего населенія и съ освобожденіемъ простого народа отъ средневѣковаго рабства, всѣ немадьярскія племена въ Угріи, ранѣе, или позже, должны прійти къ народному самосознанію. Однако, ихъ Азіятская надменность не хотѣла допустить, чтобы, при измѣненныхъ порядкахъ, Угорскій Славянинъ и Румунъ могли пользоваться тѣми же самыми правами, какъ и они.

По этой причинѣ они позаботились, чтобы устраненіе феодальныхъ порядковъ въ Угорскихъ земляхъ не повело къ политическому и народному усиленію немадьярскаго населенія. Тогда-то были составлены Угорскіе законы 1848 г.

Цѣль этихъ законовъ понятна. Угрія еще болѣе, нежели въ прежнее время, должна была отдѣлиться отъ остальной Австріи, чтобы немадьярское населеніе не имѣло никакой возможности опереться на какое бы то ни было сродственное племя внѣ Угріи.

Самоуправленіе отдѣльныхъ жупъ, при дарованіи политическихъ правъ всему населенію, необходимо вело бы къ усиленію немадьярскихъ народностей. Въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ: Угрія получила средоточное Мадьярское правительство, которое въ самоуправленіи жупъ надѣялось удержать только то, что казалось ему безвреднымъ относительно преобладанія Мадьярской народности; все же, что могло способствовать усиленію не Мадьярскихъ народностей, устранялось бы и уничтожалась.

Въ слѣдствіе признанія Мадьярскаго языка правительственнымъ, отъ общественной дѣятельности въ Угріи устраняются всѣ, кто не знаетъ этого языка. Такимъ образомъ каждый Угринъ, если не желаетъ навсегда удалиться отъ общественной дѣятельности, прежде всего долженъ стараться основательно выучиться Мадьярскому языку, который введенъ также во всѣ школы (исключая низшихъ), какъ языкъ учебный. По этому въ Угріи не иначе возможно образовать себя, какъ только при помощи Мадьярскаго языка.

Въ томъ же духѣ составленъ законъ о выборахъ въ Угорской сеймъ, а подобныя крутыя мѣры замѣтны даже въ мелочахъ. Мадьяры были столь предусмотрительны, что не забыли и журналистику, которая въ нашемъ вѣкѣ имѣетъ чрезвычайное вліяніе на общественное мнѣніе. Требованіе большихъ залоговъ отъ издателей газетъ представляетъ непреодолимыя препятствія для очень бѣднаго вообще не Мадьярскаго населенія, лишая его возможности издавать столько газетъ, сколько бы оно желало.

Найбольшія затрудненія для Мадьяръ представляли Семиградія

и Хорватія. Въ первой изъ нихъ Мадьяры находятся въ значительномъ меньшинствѣ, въ другой же ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Преслѣдуя свои цѣли, Мадьяры задумали соединить Семиградію съ Угріею, чтобы лишить ее всякой самостоятельности и раздробить на нѣсколько жупъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Мадьярскаго Министерства въ Пештѣ. Живущіе въ ней Нѣмцы и Румуны, не имѣя своихъ областныхъ сеймовъ, лишены всякой возможности достигнуть законнымъ путемъ какого бы то ни было вѣса и значенія, какъ политическаго, такъ и народнаго.

Хорватія до 1848 г. тоже пользовалась полною внутреннею самостоятельностью и во многихъ отношеніяхъ стояла наравнѣ съ Угріею. На Угорскій сеймъ она высылала своихъ представителей какъ Королевство, имѣя неоспоримое право иногда отвергать рѣшеніе сейма, которое, по ея мнѣнію, могло нарушать ея самостоятельность. И вотъ Угорскіе законы 1848 г. чуть было не уничтожили такое положеніе Хорватіи. Славонія и Рѣка (Fiume) были отдѣлены отъ нея, остававшіяся же три Хорватскія жупы должны были высылать въ Угорскій сеймъ нѣсколькихъ уполномоченныхъ, одинаково съ прочими Угорскими жупами. Хорватскіе представители могли подавать на сеймѣ только отдѣльные голоса за свои жупы, но не считались представителями самостоятельнаго Королевства, съ правомъ отвергать такія рѣшенія сейма, которыя были бы несогласны съ выгодами и преимуществами ихъ страны.

Мадьяры, для скорѣйшаго достиженія своей цѣли, принялись съ грубымъ насиліемъ мадьярить иноплеменное населеніе. Главная забота ихъ была о томъ, чтобы уничтожить народность Угорскихъ Славянъ; безумцы думали, что они въ своемъ отечествѣ не могутъ быть спокойны до тѣхъ поръ, пока послѣдній человѣкъ не превратится изъ Славянина въ Мадьяра.

Мадьяры ошибались и ошибаются въ этомъ случаѣ. Насильственное омадьяренье не можетъ совершиться ни такъ быстро, ни такъ рѣшительно и повсемѣстно, какъ бы они того желали.

Если Мадьяры сознаютъ свою народность, то, конечно, сознаютъ ее и иноплеменные Угорскіе народы, преимущественно Хорваты, Румуны, Нѣмцы и Сербы, въ меньшей степени Словаки и наконецъ Карпато-Руссы; по этому сомнительно, чтобы Мадьярамъ удалось воспрепятствовать развитію народнаго самосознанія и у этихъ племенъ. Собственно о Славянахъ утвердительно можно сказать, что весь Славянскій міръ, по крайней мѣрѣ, на столько пробудился, что наконецъ

понялъ, чѣмъ онъ былъ, что онъ такое нынѣ, и чѣмъ еще можетъ быть. Нѣтъ сомнѣнія, что Славянская народность вездѣ, гдѣ представится только необходимость, собственными силами съумѣетъ ити впередъ, укрѣпляться и защищаться. Всѣ Славяне уже сознали, они составляютъ одну семью, могущественную и призванную для обширной дѣятельности. Славяне въ наше время уже не тѣ, какими они были въ минувшія времени. Это показалъ 1848 годъ.

Едва только началось общее движеніе въ Европѣ, и Мадьярское правительство, съ неслыханной дерзостью и отвагой, захватило въ свои руки государственное кормило, сейчасъ же обнаружилось всеобщее раздраженіе противъ Мадьяръ). Сдерживаемое до того времени, оно разразилось военною грозой, какъ слѣдствіе злосчастныхъ Угорскихъ законовъ. Славянское населеніе, рядомъ съ Румунами и Нѣмцами, возстало противъ своихъ жестокихъ гонителей. Хорваты, предводимые (покойнымъ уже) Баномъ Елачичемъ, первые объявили Мадьярамъ войну, Сербы послѣдовали за ними, да и Словаки зашевелились. Въ первый еще разъ мы видимъ въ исторіи Угорскихъ Славянъ, что они единодушно соединились противъ Мадьяръ. Но это неожиданнее движеніе не ограничилось одними Угорскими Славянами. Исключая Поляковъ, всѣ Австрійскіе Славяне оаъявили себя противъ Мадьярскаго тиранства, особенно Чехи, которые, по возможности, старались поддерживать своихъ Угорскихъ братьевъ въ кровавой борьбѣ.

Можно сказать, что весь Славянскій міръ, отъ Петербурга даже за Балканскихъ горъ, находился въ необыкновенномъ напряженіи, сознавая свое общее родство. На помощь Придунайскимъ братьямъ пришли изъ Сербскаго Княжества Сербскіе ополченцы подъ предводительствомъ храбраго Кничанина; Черногорцы предложили свою помощь Хорватамъ; даже Боснійскіе Турки какъ бы впервые сознали въ себѣ чувство народности и изъявили готовность помогать Елачичу. Положеніе дѣлъ было таково, что представлялась возможность вооружить противъ гордыхъ Мадьяръ все Юготурецкое Славянство, не исключая и Славянъ отуреченныхъ. Когда же, въ продолженіе войны, Австрійское государство начало слабѣть, тогда появилось Русское войско, передъ которымъ военныя Мадьярскія силы, конечно, не могли устоять. То, чего тогда ни кто не ожидалъ, и надъ чѣмъ прежде Мадьяры презрительно смѣялись, дѣйствительно совершилось въ 1848 году. Все Славянство заявило о себѣ, что оно имѣетъ плоть и кровь и опирается на твердыхъ началахъ. Исклю-

чая Поляковъ (и отдаленныхъ Булгаръ), не было ни одного Славянскаго племени, которое не приняло бы участія въ борьбѣ съ Мадьярами. Южные Угорскіе Славяне начали борьбу, а Сѣверные Славяне, не Угорскіе, не Австрійскіе, но Русскіе, довели ее до конца. Мадьяры окончательно были побѣждены.

Это былъ кровавый урокъ для Мадьяръ. Они сами подняли сильную бурю въ Славянскомъ мірѣ, и не въ состояніи были одолѣть ее. Но Мадьяры народъ очень предпріимчивый и находчивый. Видя, что гроза со всѣхъ сторонъ готова разразиться надъ ними, они хотѣли отвратить свое паденіе, и ухватились за средство, которое могло бы удалить отъ нихъ погромъ, если бы они употребили его ранѣе. Извѣстно, что Угорскій сеймъ, перенесенный изъ Пешта въ Сегединъ, отмѣнилъ (1849) всѣ законы и постановленія, которые должны были уничтожить и изгладить остальное немадьярское населеніе; въ особенности, они хотѣли наиболѣе раздраженныхъ Славянъ снискать себѣ. Прежній величайшій Мадьярскій фанатикъ сталъ во главѣ новаго движенія. Въ своемъ изгнаніи, въ Малой Азіи, этотъ бывшій диктаторъ очень хорошо понялъ причины, по которымъ замыслы Мадьяръ въ 1848 и 1849 г. не осуществились; онъ очень хорошо понялъ положеніе Угріи и тѣ средства, какими могло бы утвердиться Угорское государство на свободныхъ началахъ нашего вѣка. Тогда-то Кошутъ обнародовалъ проектъ будущаго устройства Угорскаго государства. Въ немъ онъ совершенно измѣнилъ своимъ прежнимъ основаніямъ, обѣщая Славянскимъ и другимъ народностямъ бо́льшую свободу и равноправность съ Мадьярами, предоставлялъ Сербамъ право избирать своего собственнаго Воеводу, отказывался отъ всякаго намѣренія поработить Хорватію и Славонію, Тріединое Королевство желалъ соединить съ Угріею на союзническихъ (федеративныхъ), началахъ. Сегединскіе законы и этотъ проектъ Кошута были со стороны Мадьяръ народною, торжественною исповѣдью въ тѣхъ грѣхахъ, какіе были совершены Мадьярами относительно Славянъ, къ немалому вреду для самихъ себя.

Нынѣшніе Мадьяры предпочитаютъ называть народную борьбу 1848 и 1849 г. борьбою реакціи съ либерализмомъ, и при томъ чернятъ Славянъ всяческой клеветой. Славяне, по ихъ мнѣнію, въ то время были только слѣпымъ орудіемъ Вѣнскихъ попятниковъ (ретроградовъ). А такъ какъ усмиреніемъ Угорскаго возстанія на самомъ дѣлѣ воспользовалась въ Австріи только реакція, то Мадьярская клевета нашла за границей довольно много легковѣрныхъ людей, которые приняли ее за правду.

Угорскіе Славяне, съ своей стороны, сдѣлали все для отвращенія народной борьбы съ Мадьярами; они даже не затруднились своевременно предостеречь ихъ отъ опасности. Угорскіе Славяне неохотно взялись за оружіе; они сдѣлали это только тогда, когда уже не оставалось никакого другого средства. Если они искали помощи у Австрійскаго правительства, то можно ли ихъ упрекать въ этомъ? Утопающій хватается и за бритву.

Уже за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Угорскіе Славяне предупреждали и заклинали Мадьяръ, и даже требовали (именно такъ дѣйствовали Хорваты), чтобы они избрали другой путь. Каждому безпристрастному наблюдателю было ясно, что насиліе и надменное пренебреженіе всѣми божескими и человѣческими правами со стороны Мадьяръ, должны были встрѣтить въ не Мадьярскомъ населеніи всеобщій отпоръ. Можно даже было предвидѣть, что дѣло не окончится такъ, какъ желали и Мадьяры и не Мадьяры; каждаго обнималъ ужасъ при мысли, что могла погибнуть свобода всѣхъ. Подобныхъ предостереженій со стороны Угорскихъ Славянъ было множество. Не ихъ вина, что всякое мирное соглашеніе съ Мадьярами оказалось совершенно не возможнымъ.

Славяне требовали для себя равноправности, но у Мадьяръ была поговорка: «Tóth nem ember» (Словакъ — не человѣкъ). Кошутъ обнаружилъ въ высшей степени низкіе взгляды Мадьяръ. Сказавши Сербамъ, что онъ признаетъ въ Угріи только одинъ народъ, всѣ же прочія народности суть только племена, а о Хорватіи выразился, что не можетъ найти ее на картѣ. При такихъ взглядахъ всѣ попытки къ соглашенію были напрасны. Здѣсь могла рѣшить только одна грубая сила.

Мадьярамъ слѣдовало бы подумать, что отношенія между ними и Славянами совершенно иныя, нежели между Нѣмцами и Славянами. Не смотря на всю надменность, которою отличаются Мадьяры, не смотря на неслыханныя несправедливости, которыя они оказывали и оказываютъ Угро-Славянскимъ народамъ, не смотря на ихъ иступленную нетерпимость и властолюбіе, Славяне, однако жь, не питаютъ къ нимъ вражды. Извѣстно, что Угорскіе Славяне въ 1848 г. неохотно начали съ ними борьбу и, рѣшившись на нее тогда только, когда всѣ средства къ соглашенію совершенно были исчерпаны; извѣстно также, что они искренно жалѣли Мадьяръ во время собравшейся надъ ними грозы, и что, наконецъ, Русское войско обходилось очень человѣколюбиво съ побѣжденнымъ врагомъ. Изъ всего этого

слѣдуетъ заключить, что ненависть Мадьяръ къ Славянскому міру рѣшительно основательна, равно какъ смѣшонъ и не извинителенъ и ихъ страхъ передъ Славянскимъ міромъ.

Славянскій міръ не питаетъ гнѣва противъ Мадьяръ и, конечно, между Европейскими народами скорѣе всѣхъ забываетъ оказанныя ему несправедливости и притѣсненія. Мы уважаемъ и Мадьяръ за ихъ прекрасныя свойства: любовь къ отечеству и свободѣ, необыкновенное самопожертвованіе, политическую стойкость и основательность, крѣпкое стояніе за права свои, достойную удивленія народную мощь и нерасположеніе къ бюрократіи и самовластью. Мы знаемъ, что Мадьяры имѣютъ много прекрасныхъ, такъ сказать, рыцарскихъ добродѣтелей, которыхъ, вѣроятно, нѣтъ ни у одного народа въ Европѣ; знаемъ и то, что мы, по своему народному характеру, могли бы легко сблизиться съ ними, такъ же какъ и они съ нами, если бы только они захотѣли этого, оставаясь вѣрными мурдымъ правиламъ своего перваго Христіянскаго Государя. Но этому мы вдвойнѣ сожалѣемъ, что Мадьяры желаютъ свободы только для себя, и что, въ народномъ отношеніи, они непреклоннѣе самихъ Нѣмцевъ.

И дѣйствительно, по усмиреніи Угорскаго возстанія, наступившій въ Австріи абсолютизмъ чрезвычайно сблизилъ Мадьяръ съ Славянами. Уже въ 1859, а еще болѣе въ слѣдующемъ, году явно и торжественно праздновалось ихъ примиреніе во всѣхъ Угорскихъ земляхъ. Добродушные Славяне, обольщаясь сладкою надеждой, не могли допустить, чтобы Мадьяры, въ тяжкія времена, наступившія послѣ 1849 г., ни чему не научились и все позабыли. И хотя они, къ сожалѣнію, вскорѣ убѣдились, что нынѣшніе Мадьяры остались тѣми же, какими были и до 1848 г., однако жь ихъ дружеское расположеніе къ нимъ продолжалось до 1868 г., т. е., до самыхъ послѣднихъ дней.

Неразумныя распоряженія Вѣнскаго правительства послѣ 1848 года снова возвратили Мадьярамъ внутреннюю самостоятельность и преобладаніе въ Угорскихъ земляхъ. Послѣдствія разгрома у Вилагоша и подавленія Угорскаго возстанія въ 1849 г., совершенно заглажены; даже смѣло можно сказать, что Мадьяры въ наше время еще болѣе усилились нежели до 1848 г.

Все это иначе и быть нѣ могло. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться побѣдой надъ Мадьярами и приступить къ благоразумному устройству Австрійскаго государства, на основаніи равноправности

и самоуправленія отдѣльныхъ областей и земель, вездѣ введенъ былъ абсолютизмъ, въ самомъ худшемъ его смыслѣ, и съ его-то помощію предпринято насильственное онѣмеченіе всего не Нѣмецкаго населенія Австріи. Вмѣстѣ съ этимъ неимовѣрно растрачивалась государственная казна.

Не такъ скоро оказались плоды такого ложнаго направленія; по тому что послѣ волненій 1848 года во всей Европѣ насталъ продолжительный миръ, въ которомъ нуждались народы, испытавъ столько переворотовъ. Но это мнимое спокойствіе обмануло Австрійскихъ государственныхъ мужей до такой степени, что они не замѣчали страшной пропасти, готовой разверзнуться подъ ними. Необузданный абсолютизмъ, вмѣстѣ съ насильственнымъ онѣмеченіемъ, произвелъ всеобщій ропотъ, который распространялся и усиливался еще болѣе въ слѣдствіе чрезмѣрнаго увеличенія податей и быстраго упадка народнаго благосостоянія. Особенно въ Угріи послѣ этого поколебалось прежнее довѣріе къ Австрійскому правительству: всѣ не Мадьярскіе народы, которые въ 1848 и 1849 г., содѣйствовали сохраненію цѣлости государства, совершенно разочаровались въ своихъ справедливыхъ надеждахъ и, перенося нужду и разныя бѣдствія, стали горько сожалѣть о прежнихъ временахъ, когда, по крайней мѣрѣ, обыденная жизнь была для нихъ сноснѣе.

Абсолютизмъ возбудилъ также большое неудовольствіе и между Нѣмецкимъ населеніемъ Австріи.

Такимъ образомъ Вѣнское правительство оттолкнуло отъ себя всѣ Австрійскіе народы.

Жалкая внутренняя политика Австріи вполнѣ соотвѣтствовала внѣшней ея политикѣ. «Гордость предшествуетъ паденію», по словамъ старой поговорки; тогдашніе Австрійскіе правители затѣяли очень опасную игру во внѣшнихъ своихъ дѣлахъ, думая, что мнимо объединенная Австрія не имѣетъ надобности обращать вниманіе во всѣ стороны. Въ Крымскую войну Австрія воображала, что воспользуется удобнымъ случаемъ открытъ свободный доступъ своему Нѣмецкому патріотизму на счетъ Россіи. Россія, видя, что Австрія съ большою любовію присоединилась къ ея отъявленнымъ врагамъ, поспѣшила окончить войну. Въ слѣдъ за тѣмъ Россія вступила въ тѣсную связь съ Франціей, ко вреду Австріи.

1859 годъ разрушилъ всю эту искуственную и ложную политику Австріи, сперва внѣшнюю, потомъ и внутреннюю. Австрія поте-

ряла Ломбардію, въ несчастной войнѣ съ Франціею, и была вынуждена отказаться отъ своего абсолютическаго и германизаторскаго гнета.

Настала пора странныхъ опытовъ во внутреннихъ дѣлахъ Австріи. Сперва былъ изданъ Октябрскій дипломъ 1860 г., который отчасти возобновлялъ прежнее уложеніе (конституцію) въ Угорскихъ земляхъ. Западно-Австрійскимъ краямъ дипломъ этотъ не принесъ ничего; населенію же Угорскихъ земель, вмѣстѣ съ возобновленіемъ жупъ, данъ прекрасный способъ потребовать, съ теченіемъ времени, и того, въ чемъ теперь ему отказывали.

Австрійскіе государственные люди не съумѣли вникнуть въ духъ переходной поры, основанной на Октябрскомъ дипломѣ: съ самаго же начала доказали это своими дѣйствіями государственные Министры: Графъ Голуховскій и Шмерлингъ.

Дѣло касалось новаго преобразованія Австріи. Въ основаніе положено добровольное отреченіе правителей отъ самовольнаго господства и раздѣленіе законодательной власти между правителями и народомъ на томъ условіи, чтобы ни правитель не долженъ показывать ее безъ согласія народа, ни народъ безъ согласія правителя. Однако же, въ дипломѣ ничего не было сказано, какъ бы конституціонное устройство Австріи можно было согласить съ единствомъ и силой государства.

Голуховскій прежде всего принялся за введеніе уложенія въ Западно-Австрійскихъ земляхъ, но онъ исполнилъ это такъ неудачно, возобновивъ старые, феодальные, государственные сеймы съ представителями на нихъ въ красныхъ фракахъ, что вскорѣ всеобщее неудовольствіе принудило его оставить Министерство.

Его преемникъ, Шмерлингъ, такъ же, посредствомъ уложенія, хотѣлъ доставить Нѣмцамъ господство въ Австріи, придумавши, такъ названные, Февральскіе патенты, которымъ должны были подчиниться Угры и Хорваты.

Февральскіе патенты произвели тревогу между не Нѣмецкимъ населеніемъ въ Западныхъ земляхъ, по ту же сторону Литавы (Лейты) они встрѣтили всеобщее сопротивленіе. Все не Нѣмецкое населеніе, по сю и по ту сторону Литавы, снова вооружилось, противъ правительства. Только Румуны и Семиградскіе Саксы подчинились патентамъ. Но такъ какъ въ Угорскихъ земляхъ дипломъ отчасти возстановлялъ прежнее уложеніе, то сопротивленіе Мадьяръ было самое сильное и явное. На нихъ устремлено было вниманіе не только въ

Австріи, но и въ другихъ мѣстахъ, и они умѣли прекрасно воспользоваться этимъ.

Къ несчастію, финансовое положеніе Государства при Шмерлингѣ ни сколько не улучшилось.

Управленіе Шмерлинга продолжалось отъ начала 1861 до половины 1865 года. Внутреннее положеніе Австріи постоянно запутывалось и ухудшалось; заграничное довѣріе (кредитъ) совершенно упало; народное благосостояніе замѣнилось всеобщимъ бѣдствіемъ и нуждой; въ добавокъ къ этому не было никакой надежды, чтобъ въ Угорскихъ земляхъ имѣли успѣхъ патенты, которымъ постоянно сопротивлялось и Славянское населеніе за Литавою. Всѣ эти причины заставили Министерство Шмерлинга удалиться. Имперская дума (рейхсратъ), которую удалось Шмерлингу составить изъ представителей нѣкоторыхъ областей, не только оказалась вовсе неудобною для правительства, но, своею парламентарною безплодностію и неумѣньемъ взяться за дѣло, потеряла всякое довѣріе къ себѣ и у Нѣмецкаго населенія. По этому Имперская дума была распущена. Февральскіе патенты были отмѣнены; вмѣстѣ съ этимъ на новое Министерство, во главѣ котораго былъ поставленъ Графъ Белькреди, возложено было озаботиться новымъ устройствомъ Австріи на основаніяхъ диплома.

Новому Министерству предстояла задача весьма трудная, такъ какъ прежнія власти совершенно разстроили государственный механизмъ Австріи. Министерство Белькреди продержалось очень недолго, отъ половины 1865 до начала 1867 г. При искреннемъ желаніи вывести Австрію изъ внутреннихъ затрудненій, оно не могло достигнуть этой цѣли, частію по причинѣ своего кратковременнаго существованія, частію по недостатку силы въ самомъ Министерствѣ и, наконецъ, въ слѣдствіе войны съ Пруссіею въ 1866 г. Эта война нанесла ему рѣшительный ударъ. Послѣ разгрома въ Чехіи, придворныя сферы до того перепугались внутренняго разстройства Имперіи, что рѣшились немедленно прибѣгнуть къ крайнему средству, которое имъ казалось самымъ лучшимъ, а именно: къ соглашенію съ упорными Мадьярами. Позабывъ о государственномъ единствѣ, о прежнихъ своихъ несогласіяхъ съ Мадьярами, и не думая о неизбѣжныхъ, печальныхъ послѣдствіяхъ въ будущемъ, Вѣнское правительство дало Мадьярамъ все, чего они желали. Такимъ образомъ Мадьяры одержали блистательную побѣду: имѣютъ свое Министерство, свое полное управленіе, Хорватія и Семиградская область перешли подъ ихъ управленіе, Западныя же Австрійскія области долж-

ны зависѣть отъ ихъ милости. Угорскія земли составили отдѣльное государство, котораго связь съ западными областями очень слаба. Австрія распалась на двѣ половины.

Какъ Мадьяры пользуются своею побѣдою надъ Славянами?

Послѣ назначенія Графа Андраси Предсѣдателемъ Угорскаго Министерства, первыя его слова, съ которыми онъ обратился къ Бейсту, Предсѣдателю Вѣнскаго Министерства, были слѣдующія: «Слава Богу, что мы согласились: теперь намъ нетрудно будетъ держать Славянъ на уздѣ: вы легко расправитесь съ ними въ своей овчарнѣ, а мы покончимъ съ ними въ нашей.» Дуализмъ начался съ знаменитаго «прижатія Славянъ къ стѣнкѣ.»

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, какія притѣсненія и несправедливости съ тѣхъ поръ переносятъ Угорскіе Славяне со стороны Мадьяровъ, такъ какъ это всѣмъ извѣстно. Славянскій языкъ совершенно исключенъ изъ училищъ; въ правительственныхъ мѣстахъ не обращаютъ на него никакого вниманія; гоненіе со стороны Мадьяръ простирается даже на частную жизнь гражданъ. Горе каждому, о комъ извѣстно, или кого только подозрѣваютъ, что онъ не чувствуетъ по Мадьярски; но еще болѣе горе тому, кто чувствуетъ по Славянски. Противъ такихъ людей прибѣгаютъ къ всякому самоуправству, чтобъ ихъ запугать и прижать. Славянскій образъ мыслей въ Угріи считается государственною измѣной.

Не говоримъ уже ни о Словакахъ, ни о Русскихъ, ни о Сербахъ въ Угрскомъ Королевствѣ, которымъ Мадьяры прямо отказываютъ въ какомъ бы то ни было правѣ на народную самостоятельность. Но что сказать о распоряженіяхъ Мадьярскаго правительства въ Хорватіи, въ той Хорватіи, которую Деакъ, передъ цѣлымъ міромъ и отъ имени всего Мадьярскаго народа, всегда торжественно увѣрялъ, что Угорскій сеймъ признаетъ ея самостоятельность, и что онъ не хочетъ насильно принуждать ее къ соединенію съ Угріею?

Какъ до 1848 г., такъ и теперь, каждый ревностный Славянскій патріотъ въ Угріи считается всеславистомъ и преслѣдуется. Пламенная фантазія Мадьяровъ видитъ во всей Угріи тьму Русскихъ агентовъ, которые затѣваютъ огромный заговоръ между тамошними Славянами, имѣющій цѣлью распаденіе Австріи и распространеніе Русскаго владычества. У страха глаза велики, и Мадьяры боятся не за одну только свою родину. Они видятъ мнимыхъ Русскихъ агентовъ даже въ Цислейтаніи и на Балканскомъ полуостровѣ. По этому они

постоянно побуждаютъ правительства Цислейтанское и Турецкое къ преслѣдованію Славянъ, представляя, что всѣмъ имъ грозитъ одинаковая опасность отъ завоевательныхъ стремленій Россіи.

Преслѣдуя Славянъ въ собственномъ государствѣ, Мадьяры принуждены держать сторону и враждебныхъ имъ сосѣдей. Такъ, они постоянно подстрекаютъ Нѣмецкое правительство къ преслѣдованію Славянъ въ Западно-Австрійскихъ областяхъ, и по этой же причинѣ они вѣрнѣйшіе друзья Турокъ; кромѣ того, внушаютъ Вѣнскому правитедьству слѣдовать такой внѣшней политикѣ, которая прямо направлена противъ Славянской Россіи. Особенно Чехи составляютъ главный предметъ ненависти Мадьяръ, за ихъ преданность Славянской народности и за сильно развитую у нихъ народную образованность. Мадьяры считаютъ Чеховъ Славянскими просвѣтителями (культуртрегерами), которые руководятъ другихъ Славянъ. По этому въ угнетеніи Чеховъ они видятъ вѣрнѣйшій способъ къ подавленію Славянскаго движенія также и въ Угріи.

Болѣе глубокую причину такой безразсудной и свирѣпой вражды Мадьяръ противъ Славянскаго міра слѣдуетъ искать въ тягостномъ сознаніи ими своей уединенности посреди Европейскихъ народовъ. Судьба загнала ихъ въ средину Славяно-Нѣмецкаго міра: Нѣмцы—ихъ сосѣди на западѣ, Славяне же окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Соплеменниковъ у нихъ нѣтъ нигдѣ; сродственники ихъ Башкиры, Вогуличи и т. д., слишкомъ слабы, да и далеко отъ нихъ. Послѣ того, какъ знаменитый Нѣмецкій писатель, Гердеръ, предсказалъ, что они со временемъ потонутъ въ морѣ Европейскихъ народовъ, и Австрійскій Императоръ Іосифъ II готовъ былъ осуществить на дѣлѣ это предсказаніе, а Русскій Царь, по ихъ мнѣнію, тоже не расположенъ къ нимъ, съ этой поры Мадьяры пробудились къ новой жизни и, съ врожденной имъ мощью, начали приготовлять оборонительныя средства противъ грозящаго имъ разгрома.

Какое-то отчаяніе, какая-то глубокая печаль, и какое-то тяжелое предчувствіе страшной будущности проникаютъ мысли Мадьяръ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ лучшихъ ихъ поэтовъ:

«Прошедшее—безъ радости,
Въ будущемъ—никакой надежды;
О прекрасное гибнущее отечество,
Сердце за тебя страдаетъ!»

Опасеніе утонуть въ морѣ сосѣднихъ народовъ постоянно

побуждаетъ ихъ къ омадьяренію, либо къ преслѣдованію другихъ народностей.

Мадьяры впадаютъ въ ошибку, видя опасность только съ одной стороны; стремясь отвратить ее, они не замѣчаютъ, что не приготовили никакихъ средствъ для огражденія себя отъ опасности съ другой стороны.

Очевидно, что Нѣмецкая народность въ Австріи очень опасна для Мадьяръ, стремясь къ уничтоженію всѣхъ прочихъ народностей. Правда, эти Нѣмецкія усилія въ настоящую минуту неопасны для Мадьяръ; но кто можетъ поручиться, что они останутся безуспѣшны и на будущее время? Не значитъ ли это готовить пораженіе для самихъ себя, защищая, какъ дѣлаютъ Мадьяры, и поддерживая Нѣмецкое преобладаніе въ Западной половинѣ Австріи?

Но Мадьяры видятъ передъ собою только Славянское море. Ихъ страхъ, въ особенности передъ Россіею, такъ внезапно охватившій ихъ съ 1849 г., по истинѣ чрезвычайно смѣшонъ. Въ угоду имъ вся Европа должна бы была немедленно объявить Россіи войну и уничтожить ее.

Притѣсненіе Угорскихъ и Предлитавскихъ Славянъ Мадьярами, конечно, живо должно отзываться и въ Россіи, которая не можетъ же отказаться отъ своей Славянской народности и своего историческаго призванія—охранительницы Славянскаго міра. Отсюда естественно слѣдуетъ, что Мадьяре совершенно напрасно жалуются на гнѣвъ Русскаго народа на нихъ, равно какъ и правительства Русскаго, которое всѣми способами явно, дерзко и безстыдно обижаютъ и возбуждаютъ противъ себя.

Между Славянами одни только Поляки сближаются съ Мадьярами. Это старая шляхетская дружба у обоихъ народовъ. Въ 1848 году Поляки дружно помогали Мадьярамъ, да и теперь идутъ съ ними рука объ руку. Дѣло естественное: оба враги Русскихъ — одни съ отчаянія, а другіе отъ страха.

Ближайшая будущность Славянъ и Румуновъ въ Угорскихъ земляхъ не обѣщаетъ ничего хорошаго, если судить по мнѣнію Мадьяръ о народной равноправности.

Баронъ Ётвёшъ очень ясно высказалъ Мадьярскія понятія по этому предмету. Угорское правительство никому не запрещаетъ въ Угріи, кромѣ Мадьярскаго, знать еще и другой языкъ. Всѣ языки

въ Угріи равны между собою; языкъ Словаковъ и Карпато-Руссовъ имѣетъ одинаковыя права съ языкомъ Сербовъ и Румуновъ; но языкъ Мадьярскій долженъ быть господствующимъ во всѣхъ сферахъ: въ училищахъ, въ судахъ, въ дѣлахъ управленія и т. д., даже въ высшихъ слояхъ общества, какъ языкъ исключительный и единственный. Всѣ Мадьярскіе Университеты и Гимназіи, равно какъ и вопросы о преподавательномъ языкѣ, зависятъ отъ рѣшенія Мадьярскаго Министра. Въ сношеніяхъ съ правительствомъ всѣ должны объясняться и писать только по Мадьярски; въ засѣданіяхъ жупъ и общинъ имѣетъ важность только Мадьярскій текстъ. Угорское правительство даетъ отвѣты только на Мадьярскомъ языкѣ. И такъ, за исключеніемъ Мадьярскаго языка, всѣ прочіе въ Угріи одинаково узаконены, то есть, одинаково угнетаются!

Языки не Мадьярскіе снова изгнаны на улицу, или замыкаются въ домашнемъ кругу. Правительственная Мадьярщина не допускаетъ ихъ въ общественную жизнь.

Мадьяры слышатъ, какъ Нѣмцы постоянно говорятъ объ образованности и о своемъ призваніи распространять ее на Востокѣ, преимущественно между Славянами, которыхъ они называютъ варварами. Примѣръ Нѣмцевъ соблазнилъ и Мадьяръ, которые говорятъ и пишутъ, что они также образовательный народъ, предназначенный Богомъ для того, чтобы воспрепятствовать распространенію Славянскаго варварства.

По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ никто на свѣтѣ ничего еще не знаетъ о Мадьярской образованности. До настоящаго времени нѣтъ ни Мадьярской науки, ни Мадьярскаго искуства и тому подобныхъ предметовъ, входящихъ въ понятіе объ образованности; Мадьярская Словесность еще очень молода и не можетъ сравниться даже съ Чешскою, не говоря уже о Славянской вообще.

Смотря на прошлое Мадьярскаго народа, мы не иначе можемъ назвать его образовательныя стремленія, какъ безплодными. Дѣйствительно, было время, когда на Мадьярахъ лежала обязанность защищать Европу отъ Азіятскихъ варваровъ; но они не выполнили этой обязанности. Во время Чингисхана они побѣждены были Татарами, которые чуть было совсѣмъ не уничтожили ихъ, если бы имъ не помогли Чехи подъ Оломуцемъ (Olmütz) и Хорваты на Гробницкомъ полѣ. То же самое было и по отношенію къ Туркамъ. Мадьяры проиграли битву подъ Мухачемъ, и народный ихъ вождь, Иванъ Запольи-

скій, самъ призвалъ Турокъ въ Угрію и Семиградію. На бастіонахъ Будина (Нѣм. Offen) развѣвался Турецкій бунчукъ; большая часть Угріи досталась во власть Турокъ; Семиградія сдѣлалась ихъ достояніемъ. Только Хорваты и отчасти Сербы успѣли защитить себя отъ нихъ и спасли часть Угріи.

И теперь Мадьяры поддерживаютъ Турокъ противъ Славянъ. Только безумецъ можетъ повѣрить, что Турки народъ образованный, а Славяне варвары! Поддерживая Турокъ, Мадьяры дѣйствуютъ совершенно вопреки того, что́ бы желали дѣлать, о чемъ проповѣдуютъ съ такимъ самохвальствомъ.

«Великій Мадьяръ,» покойный Графъ Стефанъ Сечени, зналъ очень хорошо свой народъ и предчувствовалъ тѣ ошибки, въ которыя впадутъ они, оставшись побѣдителями; по этому, съ благороднымъ увлеченіемъ, въ собраніи Мадьярской Академіи, въ 1842 г., онъ сказалъ:

«Народное сознаніе, которое составляетъ нашу силу, дѣйствительно есть сокровище, но сокровище опасное. Какимъ образомъ мы можемъ сообщить это чувство различнымъ народамъ, которые населяютъ Угорскую землю? Только наше болѣе обширное образованіе могло бы привлечь ихъ къ Мадьярской народности.... Постараемся же развивать въ себѣ наши личныя, добрыя качества, и улучшать нашу нравственность; отъ этого, и только отъ этого, зависитъ наше спасеніе. Но кто принуждаетъ другіе народы въ Угріи учиться Мадьярскому языку, кто навязываетъ имъ Мядьярскую одежду, кто созываетъ ихъ подъ Мадьярское знамя, тотъ не пріобрѣтетъ ихъ любви къ себѣ, не породнится съ ними духомъ. Не думаетъ ли кто повелѣвать тѣми, къ кому станетъ съ презрѣніемъ относиться, а также и къ тому, что́ онъ требуетъ уважать въ самомъ себѣ?»

Благородный Сечени не исправилъ своихъ себялюбивыхъ соотечественниковъ, которые шли по тому же ложному пути, по какому и теперь идутъ.

До 1848 г. у Мадьяръ были три замѣчательные человѣка, которые возвышали свой голосъ противъ преслѣдованія иноплеменныхъ языковъ въ Угріи. О покойномъ Графѣ Сечени мы уже говорили; другой былъ Графъ Майлатъ (историкъ), третій же поэтъ Гавріилъ Казинци. Всѣ эти три знаменитости были убѣждены, что Мадьяры не должны слѣдовать насильственной политикѣ относительно народностей, напротивъ того обязаны искать дружды всѣхъ Угорскихъ народовъ.

Престарѣлый поэтъ Казинци, проводивъ лѣто въ верхней Угріи, имѣлъ удобный случай сравнить тамошній Славянскій народъ съ народомъ чисто Мадьярскимъ въ нижней Угріи: Славянскій народъ показался ему «таинственною книгой,» которую Мадьяры получили въ наслѣдство отъ своихъ предковъ, и оставили ее потомкамъ «неразрѣзанной.» Изобразивъ Словака, котораго Мадьяръ не признаетъ не только равнымъ себѣ, но даже и «человѣкомъ,» онъ описываетъ потомъ обширныя степи нижней Угріи и ихъ утомительное однообразіе. Все это пространство представляется взору, какъ бы дикая, огромная пустыня, въ которой обитаетъ Мадьярскій народъ: вѣрное отраженіе этого однообразія—народъ, который въ страшной лѣности проводитъ свои невеселые дни, предоставляя труды и заботы на волю Божью. Въ заключеніе поэтъ выражается слѣдующимъ образомъ:

«И такой-то народъ, который не въ состояніи осуществить, въ строгомъ смыслѣ, идею о семьѣ, осмѣливается говорить о возвышенной идеѣ народнаго единства! По моему мнѣнію, мы несчастный народъ: мы беззаботно спимъ на самомъ краю высокой стѣны, какъ лунатики, и грезимъ... Люблю свой народъ, даже въ его упадкѣ; люблю его сильнѣе, нежели кто ни будь; но любовь эта не ослѣпляетъ меня до такой степени, чтобы я не видѣлъ въ немъ ничего дурного; при всемъ томъ мое чувство такъ глубоко и чисто, что близкое знаніе моего народа не можетъ подавить во мнѣ любви къ нему. Спрашиваю: что намъ даетъ право съ такой смѣшной гордостію смотрѣть на нашихъ согражданъ Славянъ? Въ чемъ мы превышаемъ ихъ? Не въ политическомъ ли значеніи? Или, можетъ быть, въ литературѣ, въ общественномъ образованіи, въ свободѣ? Отвѣтъ коротокъ: «Ни въ чемъ!» Но государство, вѣдь, это домъ Божій, въ которомъ всѣ, находящіеся въ немъ, ровня, и тотъ по праву изгоняется изъ него, кто присвояетъ себѣ какое либо премущество передъ прочими. Всѣ мы братья, нѣтъ въ немъ раба, и одинаковыя имѣемъ права на наслѣдство.»

Такъ, назадъ тому слишкомъ 28 лѣтъ, говорилъ вдохновенный поэтъ Мадьярскаго народа, и послѣ него, въ томъ же смыслѣ, предостерегалъ своихъ соотечественниковъ самый замѣчательный Мадьярскій политикъ, Графъ Сечени. Голосъ ихъ, однако же, былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Теперь, послѣ 28 лѣтъ, хотятъ дѣйствовать въ Угорскихъ земляхъ въ томъ же духѣ.

Куда это поведетъ? Развѣ и въ наше время весь Славянскій и

Румунскій міръ не возбужденъ противъ Мадьяръ такъ же, какъ было 1848 г. и въ самый этотъ годъ? И не уже ли все это такъ должно быть?

Но если сравнимъ нынѣшнее время съ прошлымъ, то замѣтимъ нѣкоторый успѣхъ. Мы видимъ, что въ Угріи начинаетъ усиливаться та политическая сторона, которой уже надоѣло такое бѣсованіе народа. Правда, мы не можемъ еще сказать, что сдѣлаетъ эта сторона по народному вопросу, если займетъ высшее положеніе въ правительствѣ? Но къ ней принадлежитъ столько почтенныхъ лицъ, которые уже съ 1849 г. дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, и которыхъ мы не можемъ подозрѣвать во лжи. Эти лица: Генералъ Туръ и поэтъ Іокай. Ихъ политика заключается въ слѣдующей программѣ: «Соглашеніе съ Славянскимъ и Румунскимъ населеніемъ въ Угріи.»

Намъ кажется большимъ успѣхомъ уже и то, что между Мадьярами вообще есть люди, которые рѣшаются отклонить своихъ соотечественниковъ отъ враждебной политики въ отношеніи къ Россіи.

б) Турки.

Приступая къ Турціи, мы предварительно должны бросить на нее общій взглядъ въ главныхъ чертахъ.

Турецкое государство лежитъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ.

Въ Европейской Турціи, подъ неограниченной властью Султана, находятся слѣдующія области: 1. Ѳракія, 2. Булгарія, 3. Боснія съ Герцеговиной, 4. Албанія, 5. Македонія, 6. Ѳессалія и 7: нѣкоторые острова въ Архипелагѣ, отъ Самоѳраки до самаго Родоса. Турки могутъ сказать объ этихъ областяхъ, что онѣ дѣйствительно принадлежатъ имъ. Ихъ населеніе простирается до 11 милліоновъ, между которыми исповѣдывающихъ Магометанскую Вѣру можно насчитать до 3,970,000; прочее населеніе, съ незначительными исключеніями, Православное. Изъ 3,970,000 Магометанъ строгіе статистики признаютъ, однако, не болѣе 1,055,000 настоящихъ Азіятскихъ Турокъ или Османовъ.

Къ Турціи причисляютъ еще слѣдующія Европейскія земли: 1, Молдавію съ Валахіею или Румунію (жителей слишкомъ 4 мил.), и 2. Сербіею (1,080,000 душъ), которыя платятъ Султану ежегодную дань, признавая надъ собою его верховенство. Но, кромѣ этой

дани и предоставленнаго Султану права утверждать государей этихъ земель, Турція не имѣетъ на нихъ никакого вліянія. Но такъ какъ эти земли находятся, сверхъ того, подъ покровительствомъ главнѣйшихъ Европейскихъ державъ, то мы и не причисляемъ ихъ собственно къ Турціи. Становясь на точку зрѣнія политико-народную, мы не дѣлаемъ ошибки въ этомъ случаѣ.

Къ Турецкому государству въ Азіи принадлежатъ земли: Малая Азія, Сирія, часть Арменіи, Месопотамія, Курдистанъ, Ирак-Араби и нѣкоторыя части Аравіи. Жителей считается здѣсь до 16 милліоновъ.

Въ Африкѣ Египетъ, Тунисъ и Триполи платятъ дань Турецкому Султану. Прямое же владычество Турокъ не простирается на Африку.

И такъ, Турція есть особаго рода государство, которое снаружи представляется совершенно инымъ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Обратимъ вниманіе на Европейскую Турцію. Магометанъ считается въ ней, какъ мы уже сказали, только 3,970,000 душъ.

Въ числѣ ихъ природныхъ Турокъ только 1,055,000. Прочіе Магометане происходятъ изъ разныхъ отуреченныхъ племенъ, наиболѣе изъ Булгарскаго, Сербо-Хорватскаго, Албанскаго и немного Греческаго. Къ отуреченнымъ племенамъ и настоящимъ Османамъ, въ Европейской Турціи, примыкаетъ еще кое-какой Азіятско-Магометанскій сбродъ, въ которомъ Татары и Черкесы, сравнительно, самые многочисленные. Отуреченные Славяне и Албанцы (число сихъ послѣднихъ также очень велико) составляютъ самую твердую опору Турецкаго владычества въ Европѣ, наряду съ настоящими Азіятскими Османами.

Чтобы яснѣе представить, съ политической точки зрѣнія, положеніе Турецкаго государства въ Европѣ, мы должны разсмотрѣть слѣдующія обстоятельства:

Въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Туркамъ находятся: 1. Румуны, около 4,200,00 душъ (найбольшая часть ихъ живетъ въ Дунайскихъ Княжествахъ). 2. Сербы, 955,000 душъ (въ Сербскомъ Княжествѣ). 3. Черногорцы, около 196,000 душъ. 4. Греки, около 1,250,000 д. (въ Греческомъ Королевствѣ, вмѣстѣ съ Іоническими островами). И того 6,600,000 душъ на Балканскомъ полуостровѣ. Всѣ они пользуются вполнѣ независимымъ политическимъ положеніемъ, какъ, напримѣръ, Греки въ Королевствѣ Греческомъ, и Черногорцы въ Чер-

ногоріи; или же почти вполнѣ независимы (по крайней мѣрѣ, ихъ внутреннее управленіе совершенно свободно и самостоятельно), а именно: Румуны въ Дунайскихъ Княжествахъ и Сербы въ Сербіи, которые находятся подъ общимъ покровительствомъ Европейскихъ державъ. Всѣ эти народы стремятся къ тому, чтобы Турецкое владычество въ Европѣ перестало существовать.

Такимъ образомъ Турки, въ своемъ сосѣдствѣ на полуостровѣ, имѣютъ болѣе шести милліоновъ съ половиною политическихъ, народныхъ и вѣроисповѣдныхъ, враговъ, которые ожидаютъ только случая, чтобы, съ дозволенія и, можетъ быть, отчасти при помощи Европейскихъ державъ, нанести послѣдній ударъ Турецкому владычеству въ Европѣ.

Оказывается, что Турецкое государство въ Европѣ поддерживало бы не болѣе четырехъ милліоновъ людей, между тѣмъ какъ для его уничтоженія возстало бы до семи милліоновъ, не считая шести съ половиной освобожденныхъ уже Грековъ, Сербовъ, Черногорцевъ и Румуновъ. Стало быть, противъ Турецкой державы враждуютъ тринадцать съ половиной милліоновъ, болѣе, или менѣе, непріязненныхъ Турціи; къ первымъ принадлежатъ: Румуны, Сербы, Черногорцы и Греки; ко вторымъ вообще: Булгары, Албанцы и Греки Христіянскаго Исповѣданія.

Очевидно, что такое государство, какъ въ высшей степени противуестественное, не можетъ долго существовать. Оно можетъ сохраниться только на время двумя способами: во первыхъ, желѣзною рукою Азіятскаго деспотизма, и, во вторыхъ, несогласіемъ и завистью другихъ великихъ державъ.

Турки происходятъ изъ нынѣшняго Азіятскаго Туркестана, который въ наше время сдѣлался въ большей части зависимымъ отъ Русскаго Царя. Предки ихъ въ первой половинѣ XIII столѣтія, выселились въ Малую Азію, гдѣ вскорѣ удалось имъ основать самостоятельное государство. Это былъ народъ кочующій (покойный Графъ Сечени сказалъ бы «гусарскій»), предназначенный Божіимъ Провидѣніемъ для великихъ дѣлъ. Турки славились своею алчностію, вѣроломствомъ, храбростію, фанатизмомъ, властолюбіемъ, свирѣпостію и деспотизмомъ, такъ что рано сложилась уже про нихъ поговорка, что «подъ копытами ихъ коней не растетъ трава и не цвѣтетъ ни одна былинка.»

Туркамъ, во многихъ отношеніяхъ, благопріятствовало необыкновенное счастье. Ихъ первые вожди и повелители одарены были вообще чрезвычайно творческимъ и проницательнымъ духомъ, и умѣли воспитать свой народъ для великихъ дѣлъ. На нихъ подтвердилась старая истина, что «варваръ можетъ имѣть больше политической проницательности, нежели самый образованный человѣкъ.»

Первые Турецкіе государи обладали высокимъ политическимъ тактомъ, умѣя искусно пользоваться временемъ. Основши независимое государство въ Малой Азіи, они сейчасъ же поняли, что ихъ вдадычество не можетъ быть прочно, если не будетъ перенесено также и на Европейскую почву. Берега Егейскаго моря съ обѣихъ сторонъ, Европейской и Азіятской, самою природой тѣсно связаны между собою, такъ что здѣсь не можетъ утвердиться ни одно государство, которому не будутъ принадлежать оба приморья.

Эта политическая истина давно уже была понята Турками. Избравши для себя опредѣленную цѣль, они неуклонно стали трудиться для достиженія ея, и образъ ихъ дѣйствій въ этомъ случаѣ былъ такъ правиленъ, что, при тогдашнихъ отношеніяхъ на Европейскомъ Востокѣ, желаніе ихъ наконецъ должно было осуществиться.

Турецкіе государи не скрывали того, что ихъ немногочисленный и дикій народъ долженъ имѣть хорошее военное устройство и образованіе. По этому и учрежденіе постояннаго войска обѣщало имъ принести величайшую пользу. Осуществивши это предпріятіе, они сдѣлались, въ военномъ отношеніи, чрезвычайно опасными для всѣхъ своихъ сосѣдей. Турецкіе государи были первые, которые устроили и содержали постоянное войско. Европѣ нужно было много времени, прежде нежели она сознала потребность и пользу такого учрежденія, между тѣмъ Турецкіе бунчуки уже развѣвались на укрѣпленіяхъ Цареградскихъ, Бѣлградскихъ и Будинскихъ (Будинъ, Нѣм. Offen). Турки своими необыкновенными успѣхами обязаны единственно постоянному войску.

Разсказываютъ, что Турки хотѣли завести и свою пѣхоту, но они вскорѣ отказались отъ этого намѣренія, несогласнаго съ ихъ народнымъ характеромъ. Турки, какъ и Мадьяры, отличаются свойствами кочующаго народа и, какъ наѣздники, не имѣютъ себѣ равныхъ. По этой причинѣ Урханъ (1326 — 1359) постановилъ устроить постоянное пѣшее войско изъ Христіянъ, т. е., изъ Христіянскихъ молодыхъ людей, которые насильно были вырываемы изъ се-

мействъ, обращались въ Магометанство и готовились для военной службы. Таково было начало знаменитыхъ янычаръ, непобѣдимой Турецкой пѣхоты, которая, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, наводила ужасъ на всю Европу.

Надо еще указать на быструю сообразительность Турецкихъ государей, относительно утвержденія своего владычества въ покоряемыхъ ими земляхъ. Они дѣйствовали въ этомъ случаѣ очень ловко и постепенно. При каждой новой войнѣ они рѣшали впередъ, дѣлать ли имъ новыя завоеванія, или нѣтъ, а также что именно слѣдовало удержать изъ завоеванныхъ странъ и что оставить. Удерживалось только то, что могло быть хорошо защищено на будущее время, и для этой послѣдней цѣли они употребляли всевозможныя варварскія средства.

Въ завоеванной странѣ, обращаемой въ собственность Турецкихъ государей, поселяемы были Турки, которые обязывались нести, за ленное владѣніе землею, военную службу. Имъ предоставлялись всѣ права надъ покореннымъ народомъ, чтобы они тѣмъ легче могли удерживать его въ подчиненіи. Чтобы завоеванные жители не могли усиливаться, Турки, по варварскому обычаю, не давали имъ долго обживаться: часть ихъ совсѣмъ истребляли, другую переселяли въ другія страны, оставшихся же несчастныхъ бѣдняковъ обращали въ совершенное рабство.

Такимъ образомъ Турки поступали вездѣ и всегда. Занявши, въ 1357 г., первую пядь земли въ Европѣ, городъ Каллиполь съ пристанью, они съ большимъ успѣхомъ употребили при этомъ выше упомянутыя средства; послѣ уже было не возможно выжить ихъ оттуда. Продолжая дѣйствовать по тому же способу, они вскорѣ основали въ Европѣ сильное государство, овладѣли Цареградомъ (1453), утвердились въ немъ и удержали его до нынѣ.

Первое Турецкое завоеваніе въ Европѣ произошло только въ видѣ опыта и какъ бы украдкой. Въ 1356 г., изъ Кизика (съ Азіятскаго берега) переправилось въ Европу не болѣе 80 Турокъ, подъ предводительствомъ Сулеймана, сына Урханова, на жалкихъ плотахъ, наскоро сдѣланныхъ изъ толстыхъ и связанныхъ ремнями бревенъ. Имъ удалось пристать къ незначительному укрѣпленію на Европейскомъ берегу, «Цимпѣ,» послѣ чего Турки овладѣли городомъ Каллиполемъ съ окрестными мѣстами. Въ захваченныхъ мѣстахъ они тотчасъ оставляли войско, дѣлали въ нихъ сильныя укрѣпленія и поселяли Османскихъ жителей; вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе зажиточную

часть Греческаго народа немедленно переселяли въ средину Малой Азіи, оставляя на мѣстѣ только небольшую горсть бѣдняковъ. Такимъ-то незамѣтнымъ образомъ началось Турецкое владычество въ Европѣ, но Турки не медлили продолжать свои завоеванія. Уже въ 1361 г., Адріанополь, второй городъ въ Византійской Имперіи, сдѣлался ихъ добычей и вскорѣ сталъ мѣстопребываніемъ Турецкихъ государей. Спустя послѣ того десять лѣтъ, Турки сразились съ Сербами надъ берегахъ рѣки Марици, во Ѳракіи, и разбили ихъ.

Между тѣмъ Византійское (Греческое) государство не могло остановить нашествія Турокъ. Царствующій домъ былъ обезсиленъ, народъ нравственно испорченъ и физически разслабленъ, самое государство сгнило въ своихъ основаніяхъ, и не было способно къ сильному отпору. Такой государственный трупъ не могъ не сдѣлаться жертвой побѣдоносныхъ Османовъ.

Съ ними могли бы бороться на Балканскомъ полуостровѣ только прочіе Христіянскіе народы, сосѣди разоренныхъ Грековъ: Славянскіе Сербы, Хорваты и Булгары, Романскіе Валахи и Иллирійскіе Шкипетары (Албанцы). Эти народы крѣпки, сильны и воинственны, но, къ сожалѣнію, имъ недоставало того, что имѣли Турки, именно государственнаго единства. Они сначала и не подозрѣвали, какая опасность грозитъ имъ со стороны Турокъ. У нихъ не было той высокой мысли, что они должны дѣйствовать дружно противъ общаго врага. Каждый изъ этихъ народовъ большею частію дѣйствовалъ самъ по себѣ, и по тому всѣ они покорены были Турками. Битва на Косовомъ полѣ (1389), проигранная Сербами, утвердила существованіе Турецкаго государства на Балканскомъ полуостровѣ.

Не наша цѣль излагать исторію Турокъ, и по тому мы ограничимся только разсказомъ о главныхъ событіяхъ.

Прежде всего была покорена Булгарія, вскорѣ послѣ битвы на Косовомъ полѣ, между 1391 — 1396, и присоединена къ Турецкому государству. Въ то же время Валахія и Сербія сдѣлались данницами Турціи. Съ паденіемъ Цареграда рушилось Византійское государство, 1453. Сербія обратилась въ Турецкій пашалыкъ 1459. Боснійское Королевство покорено въ 1463; большая часть Албаніи въ 1479, Герцеговина въ 1483, Угрія (средняя часть), вмѣстѣ съ Славоніею, обращены въ Турецкій пашалыкъ въ 1541, и тогда же Семиградія стала Турецкой данницей. Въ то же время,

при Сулейманѣ, Молдавія съ Бессарабіей образовали ленное владѣніе, подвластное Турціи.

Слава и могущество Турецкаго государства достигли высочайшей степени во время Сулеймана (1520 — 1566). Оно простиралось отъ Индійскихъ водъ и окраинъ Египетской пустыни до укрѣпленій Комарна (Нѣм. Komorn), отъ береговъ Каспійскаго моря до Гибральтарскаго пролива. Это было одно изъ огромнѣйшихъ государствъ, извѣстныхъ въ исторіи, занимавшее самыя плодородныя, богатыя и прекрасныя земли. Въ то время въ Европѣ владычествовалъ полумѣсяцъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ (включая сюда и Дунайскія Княжества), въ Угріи, Славоніи, Семиградіи и въ большей части Далматіи.

Государство это имѣло довольно силы, чтобы сопротивляться всей Европѣ. Гдѣ только были тогда Христіяне, всѣ они молились, вставая отъ сна и ложась спать, чтобы «Богъ избавилъ ихъ отъ Турецкой Орды.» Но наибольшею опасностью грозила Турція государствамъ: Австрійскому, Русскому, Польскому и Венеціянской республикѣ. Вѣну два раза осаждали Турки и, можно сказать, она спаслась какъ бы чудомъ. Дѣйствительно, можно было опасаться, что вся образованная Христіянская Европа подвергнется страшнымъ нападеніямъ и наѣздамъ этого дикаго племени.

Главное пораженіе нанесли Туркамъ въ Европѣ Русскіе и Австрійскіе Славяне. Польскій Король Собѣйскій, въ 1683 г., принудилъ Турокъ снять осаду Вѣны. Въ 1699 г. Турки потеряли Угрію, Славонію и Семиградію.

Еще болѣе рѣшительный ударъ нанесла Туркамъ Русская Императрица Екатерина Великая знаменитымъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ міромъ 1774 г. Съ тѣхъ поръ начинается быстрое паденіе Турецкаго государства.

Этотъ миръ принадлежитъ къ самимъ замѣчательнымъ во всей исторіи:

Турція отказалась отъ власти своей надъ Татарами въ нынѣшней Россіи, именно въ Крыму (то есть, Татары были объявлены вольными, но Россія вскорѣ покорила ихъ себѣ совершенно); Россія получила себѣ: Азовъ, Кинбурнъ, Керчь, Еникале и Большую и Малую Кабарду. Черезъ это Россія достигла до устьевъ Днѣпра и Дона. Весьма важно было также дозволеніе Высокой Порты Русскимъ купеческимъ кораблямъ свободно плавать по всѣмъ Турецкимъ морямъ и

на Дунаѣ, открыть всѣ свои пристани. Вмѣстѣ съ тѣмъ она согласилась на учрежденіе Русскихъ Консульствъ тамъ, гдѣ то признано нужнымъ.

Прямое вліяніе на Турцію Россія получила особеннымъ договоромъ, по которому Послы ея могли, когда потребно было того, вступаться у Высокой Порты за оба Дунайскія Княжества, Валахію и Молдавію.

Это было въ первый еще разъ со времени основанія Турецкаго владычества въ Европѣ, что Высокая Порта принуждена согласиться на такое дѣло, которое ясно и очевидно клонилось къ пользѣ Христіянскаго народонаселенія и Христіянской Вѣры. Это дозволяло Россіи благовидный предлогъ вступаться за Христіянскую раю въ Турціи вообще и настаивать на ея охраненіи.

Высокая Порта позволила жителямъ Дунайскихъ Княжествъ полную свободу вѣроисповѣданія, равно какъ Грекамъ на островахъ и въ нынѣшнемъ Королевствѣ. Обѣщала также Христіянскую Вѣру и Церковь вообще защищать, дозволивъ Русскимъ поданнымъ свободно въ своей державѣ отправлять свое богослуженіе, паломничать въ Іерусалимъ, построить Русскому Посольству церковь для себя въ Галатѣ, состоящую подъ особенной охраной только его одного.

Опираясь на этомъ мирномъ договорѣ и послѣдующихъ счастливыхъ войнахъ, Россія получила право заступленія за всей Христіянской раей въ Турціи. Въ Петербургѣ очень хорошо знали, къ чему этотъ міръ приведетъ. Уже въ 1778 году основанъ былъ на Крымской границѣ городъ Херсонъ, на однихъ изъ воротъ коего находилась надпись на Греческомъ языкѣ: «Отсюда идетъ путь въ Царьградъ.»

Правда, Парижскій міръ 1856 года ослабилъ (послѣ Крымской войны) вліяніе Россіи на Турцію, такъ какъ Россія должна была обязаться не имѣть на Черномъ морѣ никакихъ военныхъ кораблей, отказаться отъ устья Дуная и исключительнаго покровительства надъ Дунайскими Княжествами и Сербіей, поставленными подъ покровительство всѣхъ великихъ Европейскихъ державъ, которыя поручились за цѣлость Турціи. Напротивъ, Турція должна была обѣщать различныя льготы Христіянамъ своимъ, которыя дѣйствительно уже и до того существовали—на бумагѣ!

Для лучшаго обозрѣнія исчислимъ утраты Турецкаго Царства въ лѣтописномъ порядкѣ. Въ 1699 году потеряны Угрія, Славонія и Семиградія. 1774 Дунайскія Княжества получили охрану Россіи, хотя верховенство Порты и теперь признается еще ими. Тогда же Тур-

ки отказались отъ Крымскихъ Татаръ, вскорѣ за тѣмъ совершенно покоренныхъ Русскими. 1815 года Сербы пріобрѣли полное самоуправленіе во внутреннихъ дѣлахъ, подъ вѣдѣніемъ храбраго Милоша Обреновича. 1821 г. возстаніе Грековъ въ нынѣшнемъ ихъ Королевствѣ и на островахъ, коихъ независимость признана въ 1832 году.

Турецкое Царство очевидно гинетъ. Ему недостаетъ вовсе жизненной силы. Оно давно бы уже рушилось, если бы не поддерживали его Европейскія великія державы, изъ коихъ многія, на примѣръ, Франція, Австрія, въ особенности Англія, дѣлаютъ то изъ за боязни Россіи, полагая, что паденіе Турціи болѣе всѣхъ было бы въ пользу Россіи. Христіянское населеніе Турціи большею частію Славяне и при томъ Православнаго Исповѣданія. Но, вѣдь, и Русскіе тоже Славяне и Православные. Отсюда страхъ Европейскихъ великихъ державъ передъ окончательнымъ рѣшеніямъ Восточнаго вопроса.

Большая часть Европейскихъ великихъ державъ рѣшила сохранить Турцію посредствомъ преобразованій. И Высокая Порта позволила убѣдить себя, что въ ней должны быть предприняты разныя исправленія по требованію новаго времени.

Эти преобразованія начались съ 1839 года, такъ называемымъ, Гюльганейскимъ гаттишерифомъ, по коему: 1, Христіянское населеніе должно было получить право, обезпечивающее ему существованіе, честь и имущество; 2, подати назначаются и собираются надлежащимъ способомъ; 3, наборъ войска и служба въ немъ также установляются. Наконецъ учреждался открытый судъ по Магометанскимъ законамъ; никто не смѣлъ посягать на честь другого; имущество обезпечивалось и наслѣдники его, послѣ смерти преступника, не лишались своихъ правъ, равно какъ и принадлежащее ему не подлежало отнятію въ казну.

Какія же были послѣдствія того?

По объявленіи этого гаттишерифа Паши хозяйничали въ своихъ областяхъ точно также, какъ и прежде, обирая и притѣсняя раю безъ милосердія. Турки преслѣдовали Христіянъ по старому, и бѣда тому изъ нихъ, кто бы осмѣлился пожаловаться на то Турецкому начальству. Ни имущество, ни жизнь, ни честь Христіянскаго населенія не были ограждены. Коротко сказать: касательно внутренняго устройства не произошло въ Турціи ни малѣйшей перемѣны послѣ изданія Гюльганейскаго гаттишерифа.

Послѣ Крымской войны Европейскія великія державы снова

сильно налегали на Порту, требуя, чтобы она сдѣлала необходимыя преобразованія у себя. 18 Февраля, 1856 года, изданъ былъ въ Царьградѣ гатъ-гумаюмъ, который дозволялъ всѣмъ жителямъ, въ особенности Христіянамъ, всѣ права, вольности и преимущества — на бумагѣ! Высокая Порта въ одинъ день съ просвѣщенною щедростью даровала своимъ подданнымъ то, на что прочимъ Европейцамъ потребовалось нѣсколько столѣтій, при томъ большею частью съ огромными препятствіями, безпокойствами и усиліями, да и теперь еще многаго не могутъ получить отъ своихъ Христіянскихъ властей. Отъ этого Турція сдѣлалась самымъ счастливымъ государствотъ, имѣющимъ общественныя учрежденія всевозможнаго рода, равно какъ и въ вѣроисповѣдномъ отношеніи самые мудрые законы и устройство— на бумагѣ! Ни одно государство въ Европѣ не могло съ такою подробностью и справедливостью во всякомъ смыслѣ доставить равноправность своему разнородному населенію, какъ сдѣлало то государство Турецкое — на бумагѣ!

Съ 1856 года ничего не измѣнилось въ Турціи къ лучшему для ея Христіянъ, и по тому все, что ни говорится о томъ коегдѣ—чистѣйшая ложь, распускаемыя либо изъ политическихъ видовъ, либо же по глупости и невѣжеству. Первое утверждаетъ и теперь еще Англійское правительство, которое въ своемъ парламентѣ представляетъ состояніе Турецкихъ Христіянъ въ розовомъ свѣтѣ, хотя само оно имѣетъ свѣдѣнія, совершенно противныя тому. Англійское правительство очень хорошо знаетъ, что происходитъ на Востокѣ, но доказываетъ всѣмъ совершенно противоположное тому, имѣя для того свои политическія причины, т. е., завидуя Россіи и страшась ея, и по тому стараясь, во что бы то ни стало, сохранить Турецкое Царство.

Отношеніе Христіянъ къ господствующему населенію Турковъ опирается на завоеваніи и учрежденіи Магометанскаго исповѣданія: св. писаніе Магометанъ называется Коранъ. Онъ прямо предписываетъ войну съ «невѣрными,» истребленіе язычниковъ и терпѣніе Христіянъ, буде они покорятся «вѣрнымъ» и обовяжутся платить дань (гарачъ, поголовную дань). Христіянинъ вовсе не участвуетъ въ правленіи Магометанскаго государства, общественныхъ учрежденіяхъ, не смѣетъ носить оружіе и служить въ войскѣ, но долженъ сносить все бремя за то, что побѣдители терпятъ его и дозволяютъ ему исповѣдывать тайно свою Вѣру. Его терпятъ для того лишь, чтобы онъ служилъ и платилъ побѣдителямъ. Буде имѣетъ какую тяжбу съ

«вѣрнымъ», долженъ обратиться къ Турецкому судьѣ, который дозволяетъ быть свѣдѣтелемъ Христіянину и судитъ только по Корану и другимъ Турецкимъ законамъ. Христіянину не позволяется ѣздить на неосѣдланномъ конѣ; онъ долженъ имѣть особенную одежду, строить жилище особеннымъ способомъ (поменьше Турецкаго), отправлять богослуженіе тайно, чтобы видно было, что онъ рабъ, а «вѣрный»— его господинъ и побѣдитель. Это противоестественное, жестокое и рабское, отношеніе основывается на Магометанскомъ исповѣданіи, а также и на томъ, какимъ образомъ Турки основали свое господство въ Европѣ—на завоеваніи.

Турки должны были бы собственно принудить, по предписанію ихъ пророка, Христіянское народонаселеніе принять ихъ исповѣданіе; но, какъ Христіянъ было и есть далеко больше Турокъ, то какъ могли то сдѣлать послѣдніе? Турецкая Вѣра не знаетъ другого способа для убѣжденія «невѣрныхъ», какъ только оружіе въ рукахъ; да напослѣдокъ Турки и не могли бы того сдѣлать, по тому что тогда не было бы никого, кто бы имъ служилъ и кого бы можно было обирать. Отъ того они ограничились господствомъ. Христіяне имѣютъ право быть и жить единственно лишь какъ рабы, и за эту милость обязаны платить дань. Турки уничтожили политическую свободу и независимость Христіянъ, покорили ихъ, но оставили имъ Вѣру и церковь. Оставили имъ даже и самоуправленіе во всемъ, касающемся ихъ исключительно, отдавши то въ руки Христіянскаго духовенства (именно Греческаго), имѣвшаго до самаго новѣйшаго времени въ своемъ полномъ распоряженіи всѣ свѣтскія и церковныя дѣла. По этому Христіянское духовенство считалось церковнымъ и полицейскимъ владыкой своихъ «вѣрующихъ.» Черезъ это Христіяне вполнѣ исключались изъ Турецкаго государства, которое терпѣло ихъ только какъ рабовъ («псовъ»); но, оставаясь въ своемъ кругу, оставались и при своемъ управленіи, а черезъ то могли сохранить свое исповѣданіе и народность.

Само собою разумѣется, что въ Турціи, при такомъ отношеніи, не въ состояніи была возникнуть государственная свобода, которая могла бы привести въ болѣе тѣсное цѣлое разные народы. Кромѣ Турокъ всѣ прочіе рабы, да и Турки рабы Султана, который величаетъ себя «тѣнью Божества въ свѣтѣ.» Какъ было въ XV столѣтіи въ Турціи, такъ есть и нынѣ: живутъ другъ возлѣ друга и между собою Валахи, Арнауты, Славяне, Греки, Магометане, Христіяне Греческаго, Армянскаго и Католическаго, вѣроисповѣданія, ненавидятъ

одни другихъ и сожалѣютъ о своей старой государственной, народной и церковной, независимости, постоянно посматривая на сосѣднія государства и ожидая отъ нихъ помощи, необходимой для освобожденія себя отъ тяжскаго ярма Турецкаго.

Турецкое государство основано на завоеваніи, и по тому можетъ уцѣлѣть только при пособіи желѣзной руки. Впрочемъ, Турки утратили въ теченіи времени свой воинственный духъ. Уже нѣтъ болѣе янычаръ, которые отжили и сдѣлались небезопасными самому государству, а противъ внѣшнихъ непріятелей—безсильными и незначительными. Они уничтожены въ 1826 году. Новое же войско, занявшее ихъ мѣсто и устроенное по образцу Европейскому, ничего не имѣетъ въ себѣ изъ духа старыхъ Турковъ: оно способно только грабить и мучить безоружную раю. Султаны роскошничаютъ въ своихъ гаремахъ, совершенно испорченные душой и тѣломъ, ничего не знающіе о какомъ либо просвѣщеніи, совершенствованіи. Турецкое государство, — это орда разбойниковъ, въ которой Христіянское населеніе систематически грабятъ чиновники и знать Турецкая, равно какъ и Греческое духовенство.

Въ Турціи можно все имѣть за деньги: нѣтъ службы, за которую не приходилось бы платить; уже Фридрихъ II, Король Прусскій, говаривалъ, что Турки продали бы даже и своего Пророка. За деньги къ услугамъ каждаго судья и свѣдѣтель; что же до безопасности имущества, личности, чести и свободы, то объ этомъ и малѣйшаго помина нѣтъ.

Свойства истаго Турка слѣдующія: онъ вѣроломенъ, высокомѣренъ, сладострастенъ и лѣнивъ; ненавидитъ торговлю и хозяйство, хотя имѣетъ безъ числа потребностей, на что указываетъ уже его многоженство, а по тому гораздо больше тратитъ, нежели Европеецъ его состоянія. Этимъ объясняется, по чему каждый Турчинъ старается вступить въ государственную службу, составляющую для него единственный прибыточный источникъ хорошей жизни и обогащенія. Турчинъ по тому непремѣнно долженъ имѣть какую ни есть службу, которую и употребляетъ для обиранья Христіянскаго народонаселенія, которое, по его понятію, и существуетъ на свѣтѣ лишь для того, чтобы питать его. Отъ этого происходитъ, что каждый чиновникъ, начиная съ полицейскаго (каваса) до Паши и Великаго Везиря, пользуется службой только для обогащенія себя; дозволенныя и недозволенныя средства равно пріятны ему; а такъ какъ то дѣлаютъ всѣ, по тому и нѣтъ защиты и обезпеенія никому противу такого беззаконія. Чѣмъ

далѣе отъ Царьграда, тѣмъ такое положеніе ужаснѣе. Не было и нѣтъ возмущенія въ Турціи, главная причина коего не заключалась бы въ этомъ обираньи Христіянскаго населенія.

Послѣдствія того—грозныя. Торговля большею частію въ рукахъ чужеземцевъ, промышленность въ пренебреженіи и пахотнаго поля по меньшей мѣрѣ $^{9}/_{10}$ лежитъ безъ всякаго воздѣланія. Самыя богатыя страны въ свѣтѣ, принадлежащія Турецкому государству, представляютъ чрезвычайно печальное зрѣлище. Они обратились въ пустыни, и тамъ, гдѣ могло бы жить въ довольствѣ весьма густое населеніе, рѣдкіе обитатели вѣчно терпятъ голодъ и лишеніе.

О высшемъ образованіи Турокъ и понятія не имѣетъ; что можно было сказать, сказалъ уже Пророкъ ихъ въ Коранѣ, а кромѣ Корана ничего не можетъ и быть болѣе изящнаго, полезнаго и основательнаго. Чужеземцы—«невѣрные,» а по тому и должно ихъ чуждаться. Магометанское исповѣданіе рѣшительно не дозволяетъ никакого совершенствованія. Да и за чѣмъ заботиться о томъ? Что́ должно быть, будетъ, и Аллахъ прежде уже опредѣлилъ, что́ и какъ должно быть, а по тому никто изъ смертныхъ не въ силахъ отмѣнить того. Истый Турчинъ не заботится и о своемъ жилищѣ, да и не имѣетъ никакого смысла для какого бы то ни было улучшенія въ общественной жизни. «Никто не уйдетъ отъ своей судьбы.»

Припомнимъ къ тому и грозныя послѣдствія отъ многоженства и рабства. Турчинъ уже по своей природѣ чрезвычайно сластолюбивъ. Тѣлесныя силы его рано истощеваются, чувства притупляются до того, что онъ и помыслить о чемъ либо иномъ не въ состояніи. Одному лишь религіозному изступленію бываетъ онъ еще доступенъ, но наше время вовсе тому неблагопріятно, и по тому нѣтъ сомнѣнія, что Европа не позволила бы возникновенію религіозной страстности.

Должно замѣтить, что въ новѣйшее время появилась между Турками мысль объ упадкѣ государства, который желалось бы отклонить. Это принадлежитъ тѣмъ, кто воспитывался за границей: такіе хотѣли бы исправить недостатки своего государства при помощи Европейцевъ. Въ этомъ премущественно поддерживаетъ ихъ Англія.

Но какъ преобразованія въ Турціи совершаются, можно видѣть изъ примѣровъ. По гатигумаюму судъ долженъ состоять изъ Турковъ и Христіянъ. Это и произошло; но какъ? Извѣстный Каницъ передаетъ намъ, что онъ встрѣтилъ такой судъ въ Боснійскомъ городѣ Зворникѣ. Въ немъ засѣдали: Мудиръ, Кади, Муфтій и де-

сять Турокъ, а со стороны Христіянъ представителемъ былъ одинъ глухой старецъ, Христіянинъ, сидѣвшій въ уголку.

Христіяне объявлены полноправными, но судятся они по Корану, а въ Коранѣ уже напередъ опредѣлено, что «вѣрный» имѣетъ право, а «невѣрный» — рабъ.

Христіянамъ обѣщана свобода вѣроисповѣданія, но Турецкое исповѣданіе предписываетъ иновѣрца принудить къ Исламу, или онъ остается въ рабствѣ. Христіянамъ обѣщана безопасность имущества, но Турчинъ каждую ниву считаетъ своей, а раю — рабами; рабъ же не можетъ имѣть никакого имущества, такъ какъ онъ самъ есть просто вещь. Рая желаетъ охраны семейной жизни, но, вѣдь, Турки не имѣютъ и понятія о чистотѣ жизни семейной: жена у нихъ — вещь безъ души, предназначенная для удовлетворенія сладострастныхъ чувствъ въ гаремѣ. Гдѣ же тутъ требовать отъ Турка охраны для единоженства, когда у него царитъ многожество? Рая желаетъ усовершенствованій: но какъ требовать того отъ Турчина, когда онъ вполнѣ вѣритъ въ то, что вся мудрость и всякое знаніе—въ одномъ лишь Коронѣ, а чего нѣтъ въ немъ, все то, мимо его, одно заблужденіе, ложь, вредъ и безбожіе? Рая хочетъ имѣть государя справедливаго, къ коему имѣла бы возможность вездѣ и во всемъ обращаться за правомъ: но Султанъ—«тѣнь Божія на землѣ,» выше всѣхъ законовъ, вовсе не источникъ права, но всевозможнаго насилія. Султанъ никогда не можетъ погрѣшить, даже и въ томъ случаѣ, если бы приказалъ умертвить всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ, отца и мать. Цѣлый свѣтъ — его рабъ, въ дѣйствительности же всѣ тѣ, кто имѣлъ несчастіе родиться въ его землѣ.

Преобразованіе и существованіе Турецкаго царства, это двѣ вещи, исключающія одна другую. Турецкое царство покоится на всеобщемъ рабствѣ Христіянскаго народонаселенія, и это Турки также хорошо знаютъ, какъ и мы, по чему и не могутъ искренно желать какого либо преобразованія. Христіянская рая въ Турціи питаетъ величайшую ненависть къ Туркамъ. По этому всякое, самое незначительное, право, данное ей, непремѣнно ведетъ къ ослабленію Турецкаго господства; стало быть, преобразованія могутъ только приблизить паденіе Турціи. Турціи ничего не остается иного, какъ либо остаться въ томъ положеніи, въ какомъ находится она, либо же перестать существовать. Первое не возможно, такъ какъ Христіянское народонаселеніе пробуждается и находитъ, для своихъ политическихъ, народныхъ и вѣроисповѣдныхъ, требованій, сильное заступничество

въ сосѣднихъ государствахъ и народахъ, изъ коихъ самое сильное и замѣчательное — Россія.

Нужно познакомиться поближе съ тою Турецкою новѣйшаго времени образованностью, которую враги Восточныхъ Христіянъ превозносятъ до небесъ съ такимъ удареніемъ.

Путешествующіе не могутъ довольно надивиться той безмѣрной разности, которая существуетъ между Перой, Христіянскимъ предмѣстьемъ, и внутреннимъ Царьградомъ, мѣстопребываніемъ Турецкаго владычества и Турецкихъ обывателей. Пера освѣщается газомъ, домы въ ней подъ числами, улицы широкія, какъ слѣдуетъ вымощенныя, театры, вѣдомости, во всемъ Европейскій видъ и жизнь; но въ Турецкомъ городѣ всюду по старому Востокъ, страшнѣйшая грязь и неслыханная нечистота. Войдете ли вы въ жилище самаго образованнаго Турка, обыкновенно деревяннаго, увидите въ немъ столы, стулья, канапе, и прочія Европейскія вещи. Этотъ Турокъ одѣвается по Европейски: имѣетъ кафтанъ, панталоны, сидитъ (съ скрещеными ногами) на нашей мебели, обыкновенно очень вѣжливъ и большею частію говоритъ, кромѣ своего природнаго языка, также и по Французски. Но кто войдетъ въ жилище женское (гаремъ), куда, впрочемъ, входъ недозволенъ чужимъ, тотчасъ убѣдится, что въ немъ все по старому, и что образованность Турковъ только скользитъ поверху и призрачная.

Воспитаніе юношества совершенно пренебрежено. Сыновья богатыхъ Турокъ когда-то учились, по крайней мѣрѣ, Восточнымъ языкамъ, знали хорошо по Арабски, Персидски и свѣдущи были въ литературѣ Восточной и Магометанской; между государственными чиновниками встрѣчались даже писатели, историки и поэты; въ нынѣшнее же время, какъ введено новое воспитаніе, пропало все хорошее прежнее, а лучшаго ничего не показалось. Обучаютъ поверхносто по Арабски и Персидски, краснописанію и счисленію; объ исторіи же, географіи и естественныхъ наукахъ, нѣтъ и малѣйшаго помина; отъ этого молодые Турки ничего не знаютъ о прошедшемъ своего народа, а о прочемъ свѣтѣ рѣшительно ничего.

Сыновья болѣе зажиточныхъ Турковъ учатся тоже Французскому языку, который, какъ дипломатическій, кажется имъ необходимымъ; успѣетъ ли кто изъ нихъ нѣсколько болтать на немъ, немедленно ищетъ вступить въ государственную службу, стараясь получить назначеніе при какомъ либо Посольствѣ, конечно, не съ цѣлію даль-

нѣйшаго совершенствованія себя въ наукахъ, но съ тѣмъ, чтобы участвовать въ Европейскихъ увеселеніяхъ дипломатическихъ обществъ. Посылаются также богатые сыновья на государственный счетъ въ Берлинъ, Вѣну и Парижъ, учиться, и остаются тамъ по четыре, или шесть, лѣтъ. Но, вмѣсто ученья тамъ, они проводятъ время въ обществѣ горничныхъ, знакомясь со всѣми недостатками высшаго Европейскаго свѣта. Получивъ коекакой Европейскій лоскъ, возвращаются домой, гдѣ на первыхъ порахъ вздыхаютъ по нашимъ развлеченіямъ, но вскорѣ за тѣмъ забываютъ обо всемъ и принимаются за старинный Турецкій образъ жизни. О томъ, чтобы такіе Турки, прожившіе нѣсколько лѣтъ въ Европѣ, сколько ни есть, по возвращеніи, подумали о перемѣнѣ своихъ отечественныхъ отношеній на образецъ Европейскій, никто еще не слыхалъ ни о чемъ подобномъ.

Также и Турецкое духовенство (улемы) обязаны были принимать гражданскую образованность. По крайней мѣрѣ Решидъ Паша думалъ о томъ, отправивъ было нѣсколько муллъ въ Европу поучиться въ ней новѣйшей образованности. Лишь только прибыли они въ Парижъ, тотчасъ же оставили свои Турецкіе обычаи и поспѣшили броситься въ вихрь испорченнаго свѣта. Возвратившись же, обратились въ прежнихъ Турокъ—лѣнивыхъ, фанатиковъ, сдѣлавшись по прежнему всякому совершенствованію враждебными Магометанами. Коротко сказать: Европейское просвѣщеніе не принимается у Турокъ.

Посмотримъ на прекрасный полъ Турковъ. Онъ тоже коечему пріучился; но чему? Вмѣсто плотныхъ покрывалъ носитъ тонкія, прозрачныя; вмѣсто Арабскихъ и Индійскихъ матерій покупаетъ Европейскія издѣлія; вмѣсто ѣзды въ колымагахъ, запряженныхъ волами, катается въ дорогихъ экипажахъ; вмѣсто Ерусалимскаго мыла пріобрѣтаетъ Европейскіе духи, причиняя тѣмъ мужьямъ своимъ безмѣрныя издержки. Но въ гаремахъ все осталось по старому. Красавица Турчанка рѣдко умѣетъ читать и писать; за то по прежнему въ гаремахъ владычествуютъ Аббисинскія, или Черкескія, рабыни. Въ гаремахъ по сю пору и помину нѣтъ объ Европейской рухляди; въ нихъ нѣтъ столовъ, стульевъ и тому подобныхъ предметовъ. Здѣсь царствуетъ прежнее невѣжество, сплетни, нравственная порча. Гаремы составляютъ главное препятствіе всякаго совершенствованія Турковъ.

Но главные враги всякой образованности—это Турецкіе ремесленники (среднее сословіе, эснафъ), купцы, духовные и войско. Ремесленникъ смотритъ съ презрѣніемъ на поступки богатыхъ Турокъ,

которые обезьянничаютъ по Европейски. Онъ вспоминаетъ блаженныя старыя времена, когда существовали еще янычары а Европа боялась Турецкаго могущества и славы, пренебрегаетъ Европейской одеждой, домашними вещами, образомъ жизни и нравами. Даже своихъ орудій разнаго рода не бросилъ, хотя и видитъ ежедневно лучшія Европейскія. Турецкій купецъ тѣхъ же свойствъ. Правда, приходятъ въ Царьградъ пароходы со всѣхъ краевъ свѣта, чужіе купцы спѣшатъ отовсюду въ Турцію; однако же, ни одному еще истому Турку не пришло въ голову отправиться самому для торговли въ Европу, которая отстоитъ отъ него дня на два, на три, пути. Свое правительство, которое то и дѣло проповѣдуетъ преобразованія, онъ ненавидитъ, довѣряя только фанатическому духовенству своему, да своему же войску, одѣтому, правда, по Европейски, но которое, однако, внутри дышетъ старымъ Турецкимъ духомъ.

Турецкіе обитатели считаютъ Стамбулъ (Царьградъ) верхомъ величія, красоты и славы, и тысячи людей со всѣхъ краевъ Царства приходятъ въ него только для того, чтобы видѣть столицу Падишаха. Въ старое время стремились въ него бѣдняки обогатить себя, нынѣ же должно сюда ити съ принесеніемъ денегъ. Турки нашихъ дней чрезвычайно недовольны жизнью Цареграда, какую видятъ въ дворахъ и дворцахъ Пашей и высшихъ сановниковъ. Да и какъ имъ быть довольными, видя, какъ богатые Турецкіе сыновья одѣваются по Европейски, катаются въ дорогихъ экипажахъ, какія огромныя деньги издерживаются, между тѣмъ какъ цѣлыя Турецкія области впадаютъ въ нищету и гибнутъ. Высокая Порта не заботится о провинціи. Губернаторы и другіе сановники управляютъ въ областяхъ по своему и обираютъ жителей самымъ неслыханнымъ образомъ. Они оставляютъ Царьградъ тогда лишь, когда промотаютъ въ немъ свое имущество; въ ту пору отправляются въ провинцію, изъ которой снова возвращаются въ Царьградъ, награбивъ всего вдоволь.

Большая часть Турокъ приписываютъ нынѣшній упадокъ Царства огромному вліянію Европейцевъ, считая всѣ придуманныя преобразованія ядомъ, который былъ присовѣтованъ хитрыми Европейцами Турецкому Государю съ тою цѣлію, чтобы Турція погибла. Старый Турокъ полагаетъ, что Европейцы выдумали столько изобрѣтеній единственно для выманиванія у него денегъ, и совершенно убѣжденъ въ томъ, что вся Европа непремѣнно умерла бы съ голоду, если бы Турція закрыла для нея свои города и пристанища.

Нельзя скрыть того, что Турецкіе государственные люди часто

употребляютъ теперь Европейскіе способы. Крайне ошибся бы тотъ, кто полагалъ бы, что они поступаютъ такъ по убѣжденію. Знаютъ они также хорошо, какъ и мы, что Европейское просвѣщеніе не примется на Турецкой почвѣ, и что, стало быть, этѣмъ нельзя помочь Турціи. Но Турки, подобно Мадьярамъ,—мастера притворяться. Зная въ совершенствѣ, что, на примѣръ, Англія нуждается въ дѣльномъ предлогѣ для своей Восточной политики, обезьянничаютъ по Европейски единственно изъ угожденія этимъ своимъ доброжелателямъ. Отсюда вытекаетъ уже доводъ въ пользу той мысли, что Турція способна къ дальнѣйшему существованію, а по тому нѣтъ причины не заступиться за нея. Дураки и недалекіе вѣрятъ тому, Турки же — смѣются!

Турки основали свое государство въ Европѣ въ теченіи XIV столѣтія. Нетрудно доказать, что Христіянскіе народы, именно Юго-Славяне, большею частію, сами собой виноваты въ томъ, что Турки утвердились, усилились и распространились въ Европѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, и въ наше время это мало уже кого занимаетъ. Потомки, искушенные продолжительнымъ несчастіемъ, простили предкамъ ихъ ошибки, хотя они того и не заслуживали. Еще хуже, что въ девятнадцатомъ столѣтіи политическія мнѣнія на Славянскомъ Югѣ остались столь же незрѣлы, слабы и недальновидны, какими они были въ XIV и XV вѣкахъ.

Мы постараемся доказать и то и другое, полагая, что какъ ни горько, но все таки необходимо высказать истину.

Войны Турокъ съ Юго-Славянами начались во второй половинѣ XIV столѣтія, во время Мурата I (1361 — 1389). Этотъ государь, въ самомъ началѣ своего правленія, овладѣлъ вторымъ городомъ Византійской Имперіи, Адріянополемъ. Это было вовсе не удивительно, такъ какъ Греческое Царство совершенно уже ослабѣло, сгнило, отжило и неспособно стало къ лучшему бытію. Напротивъ, Юго-Славяне были тогда въ полной силѣ, храбры и еще неиспорчены, горячо преданы своей Вѣрѣ и родинѣ, готовые на всевозможныя жертвы. На нихъ возлагала свои надежды вся Западная Европа. Къ несчастію, ими не руководила здравая политика, которая побудила бы ихъ понять важность и опасность той поры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспользоваться всѣми средствами, какія были въ ихъ власти.

Въ 1375 г. Сербскій Царь Лазарь призналъ надъ собою верховную Турецкую власть, обязавшись ежегодно выплачивать 1000 фун-

товъ серебра и доставлять Султану военную помощь. Такъ же точно поступилъ и Булгарскій Государь, Шишманъ. Уже въ то время не было никакого сомнѣнія, что Турки имѣютъ рѣшительный перевѣсъ на Оракійскомъ полуостровѣ, и что Христіянскому населенію грозитъ отъ нихъ величайшая опасность. Каждый разсудительный человѣкъ тогда же могъ понять, что ни одинъ народъ въ Восточной Европѣ самъ по себѣ не одолѣетъ Азіятскихъ варваровъ, а только всѣ вмѣстѣ и общими силами могутъ достигнуть того. Послѣднему Сербскому Царю принадлежитъ честь, что онъ прежде другихъ пришелъ къ такому убѣжденію.

Царь Лазарь составилъ противъ Турокъ сильный союзъ, въ которомъ участвовали: Угорскій Король Сигизмундъ, Булгарскій Шишманъ, Юрій Страшимировичъ Бальшичъ, Владѣтель Зеты, и Боснійскій Король Твердко, съ подручникомъ своимъ Вукомъ Храничемъ, Владѣльцемъ Захлумскимъ (Герцеговинскимъ). Съ Валашскими Князьями такъ же заключенъ былъ договоръ. Большая половина нынѣшняго Турецкаго государства въ Европѣ поднялась противъ Турокъ.

Въ 1387 г., подъ Топлицею и Плочаникомъ, близъ Новаго Пазара, Лазарь истребилъ 15,000 Турокъ. Такъ началась война. Союзники подыскивались уже съ 1382 г. Но были ли они приготовлены, когда страшный Муратъ, съ своимъ огромнымъ войскомъ, въ 1389 году, выступилъ въ походъ, для наказанія мятежныхъ? Ни сколько!

Муратъ прежде всего ударилъ на Булгаръ, какъ и слѣдовало ожидать, но тутъ прочіе союзники не пришли на помощь Шишману! Даже и Лазарь не трогался, и по тому Булгарія сдѣлалась областію Оттоманскаго государства.

За тѣмъ пришла очередь на Сербію. Поспѣшили ли ей на помощь союзники Лазаря хоть теперь?

Да, но только отчасти. Изъ Угріи пришло нѣсколько сотъ ополченцевъ, изъ Булгаріи такое же число бѣглецовъ, изъ Босніи 20,000 человѣкъ, изъ Зеты же войско выступило въ походъ такъ поздно, что не поспѣло во время на Косово поле. Сверхъ того, въ Христіянскомъ станѣ обнаружилась измѣна. Все это было причиной того страшнаго несчастія, которое донынѣ оплакиваютъ всѣ Славяне. Сербское государство пало на вѣки.

Еще плачевнѣе было паденіе Босніи и Герцеговины въ XV столѣтіи.

Народъ Юго-Славянскій перенесъ болѣе страданій, нежели всѣ

Европейскіе народы вмѣстѣ. Прошло ровно четыреста лѣтъ, пока небольшей части Южныхъ Славянъ удалось освободиться отъ позорнаго Турецкаго ига. Съ 1389 г. до настоящаго столѣтія всѣ Турецкіе Славяне, за исключеніемъ небольшой горсти храбрыхъ Черногорцевъ, продолжали томиться подъ кровавыми ударами Азіятскихъ варваровъ. Тогда-то Милошъ явился избавителемъ одной части Сербовъ. Но Булгары, Герцеговинцы и Босняки, остаются и донынѣ рабами Турокъ, напрасно обращая взоры на просвѣщенную Европу. Нѣтъ никого, кто бы помогъ имъ.

Въ нашемъ столѣтіи, на Славянскомъ Югѣ, показались два мнѣнія, которыя уже много разъ были высказываемы и доказываемы. Во первыхъ, предполагаютъ, что для освобожденія Турецкихъ Славянъ должна явиться помощь изъ Сербскаго Княжества, и во вторыхъ, для счастливаго успѣха нужно начать борьбу вдругъ и общими силами.

Все это ни къ чему не повело. Тѣ же политическія ошибки, которыя были допущены предками четыреста лѣтъ назадъ, продолжаютъ и ихъ потомки до сихъ поръ.

Когда, въ 1861 г., Лука Вукáловичъ призвалъ къ оружію нѣсколько Герцеговинскихъ селъ противъ жестокихъ притѣснителей, онъ сдѣлалъ это въ надеждѣ, что за него заступится просвѣщенная Европа, и прежде всего его братья по роду и по крови. Но, къ сожалѣнію, онъ остался одинъ съ горстью своихъ людей, боролся долго, и наконецъ изнемогъ!

Ожидали, что Вукаловичу поможетъ сосѣдняя Черногорія, но она долго раздумывала и колебалась (Правительство, но не народъ). Вы скажете: «Могли ли Черногорцы не колебаться, если ихъ было не болѣе 190,000, съ дѣтьми, женами и старцами, между тѣмъ какъ въ Европейской и Азіятской Турціи считается 27 милліоновъ жителей! Могли ли они слѣпо подвергать опасности свою свободу, которую, въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ, храбро и упорно отстаивали, даже и тогда, когда Турецкіе бунчуки развѣвались на Будинскихъ укрѣпленіяхъ и передъ стѣнами нынѣшней столицы обширнаго Австрійскаго государства?»

Наконецъ Черногорцы надумались. Они обнажили мечи и зарядили свои ружья, но въ самое неблагопріятное для политики время, думая, что было бы позоромъ не поддержать родныхъ братьевъ и единовѣрцевъ, сражающихся за свободу и святой крестъ.

Черногорцы вполнѣ сознавали опасность, которой они подвергались. Но, вмѣстѣ съ Славянскимъ и не Славянскимъ міромъ, они были увѣрены, что ихъ поддержитъ Сербія, гдѣ, въ продолженіи двухъ, или трехъ, лѣтъ безпрерывно дѣлались большія военныя приготовленія. Рѣшимость ихъ броситься въ бой—дѣло было смѣлое и отважное, равно какъ благородное и естественное, по чему потомки наши не перестанутъ ихъ за то прославлять и благословлять.

Напрасно хотѣли бы мы скрыть то, что всѣмъ извѣстно. Неоспоримо также, что въ Бѣлградѣ замышлялось возстаніе изнывающихъ подъ Турецкимъ игомъ Славянъ. Въ Бѣлградѣ напечатано было множество различныхъ объявленій, изъ которыхъ нѣкоторыя попали и въ Нѣмецкія газеты. Изъ Бѣлграда выходили посланцы въ Боснію, Булгарію и Черногорію, возбуждая народъ къ борьбѣ за Вѣру и свободу. Въ самомъ Бѣлградѣ показывали видъ (демонстраціи), поддержать народное волненіе, и даже начали было вооружать всѣхъ жителей.

Между тѣмъ какъ въ Бѣлградѣ раздавались тщетные крики и обнаруживали угрозы, въ это самое время небольшая дружина отчаянныхъ Черногорцевъ сражалась днемъ и ночью съ непріятелемъ въ тысячу разъ сильнѣйшимъ. Она сражалась храбро, очертя голову, безъ хлѣба, безъ денегъ, безъ одежды и часто безъ пороха; сражалась безъ ропота, одна, а съ нею дѣти, жены и старцы.

Вдругъ Телеграфъ извѣстилъ изумленную Европу, что Турки изъ крѣпости начали бомбардировать Бѣлградъ. Гарашанинъ, въ отсутствіи Князя, созвалъ народъ для защиты города, народъ съ простыми, неиспорченными нравами, храбрый, выше всего любящій свою свободу и Вѣру, однимъ словомъ, потомки тѣхъ богатырей, которые на Косовомъ полѣ снискали себѣ вѣчную славу. И этотъ народъ, съ бодрымъ духомъ и съ оружіемъ въ рукахъ, готовый къ кровавой битвѣ и на всѣ жертвы, радостно и охотно собирался со всѣхъ концовъ въ Бѣлградъ, подъ священныя знамена, чтобы довершить то, чего не могъ исполнить покойный Милошъ. Черногорцы горячо благодарили Провидѣніе, покровительствующее угнетеннымъ народамъ и поддерживающее ихъ, когда они обнажаютъ мечъ и проливаютъ свою кровь за свободу и отечество.

Но Сербское правительство? — Долго не принимало съ своей стороны никакихъ мѣръ, пока наконецъ Черногорія истекла кровью...

Когда, въ 1866 г., Греки возстали въ Критѣ (Кандіи), то всѣ думали, что Восточный вопросъ готовъ былъ разрѣшиться; но Критяне, въ свою очередь, были разбиты. Послѣ замѣтно было нѣкоторое движеніе въ Булгаріи, но и ее постигла таже участь. Пока же поднимется Сербія, а за нею Румунія, Турки долго еще будутъ властвовать и распоряжаться въ Европѣ.

Изъ этого ясно видно, что если бы между Христіянскимъ населеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ была взаимность, то Оттоманская Имперія давно бы уже уничтожилась.

Кромѣ народнаго соперничества, господствующаго на Балканскомъ полуостровѣ, нужно имѣть въ виду еще то важное обстоятельство, что тамошніе Христіянскіе народы лишены необходимаго образованія, безъ котораго мысль о соплеменности не только не можетъ между ними утвердиться, но даже и появиться. Арнауты, на примѣръ, ближайшіе сосѣди Итальянцевъ, остаются на той же степени образованія, на которой находились Европейцы за тысячу лѣтъ до Р. Х.; прочее Христіянское населеніе, подвластное Турціи, не имѣетъ никакой возможности ни образовать себя, ни улучшить свой бытъ, по тому что оно въ столѣтнемъ рабствѣ совершенно огрубѣло, и къ тому еще Турки усильно стараются, чтобы между ними не могло появиться образованіе. Одни только Греки находятся въ нѣсколько лучшемъ положеніи, имѣя возможность пользоваться, какъ приморскіе жители, своею древнею образованностью; но за то у нихъ развилась такая безнравственность, какой, можетъ быть, нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; кромѣ того, они употребляютъ свое относительно высшее образованіе только для того, чтобы, подобно Туркамъ, притѣснять Славянское населеніе.

Не слѣдуетъ забывать также и того важнаго обстоятельства, что Балканскій полуостровъ, по характеру страны, очень сходенъ съ Швейцаріей. Разные его края такъ отдѣлены одинъ отъ другого, что сношенія между ними чрезвычайно затруднительны, препятствуя даже внутренней торговлѣ, а тѣмъ болѣе тѣснѣйшему политическому союзу между ними.

Все это показываетъ, что Турецкое государство въ Европѣ не можетъ быть еще такъ скоро уничтожено, и даже нельзя этого достигнуть безъ помощи Европейскихъ державъ.

До сихъ поръ Россія болѣе всѣхъ Европейскихъ государствъ способствовала ослабленію Турецкаго владычества въ Европѣ.

Политика Русскаго правительства относительно Турціи совер-

шенно естественна. Россія государство Славянское и Православное, и по тому обязано вступиться за Славянъ и все Православное населеніе Турціи. Не было еще примѣра, чтобы другое какое государство исполняло свое призваніе такъ прекрасно, какъ Россія, которая съ этой цѣлью предпринимала уже цѣлый рядъ войнъ и готова ежеминутно снова вступить въ войну съ Высокою Портой.

Враги Россіи эту политику ея объясняютъ тѣмъ, что для нея важны не успѣхи Христіянства и образованія, но что она имѣетъ иныя цѣли, менѣе благородныя. Она, будто бы, хочетъ овладѣть Царьградомъ и господствовать въ Турецкихъ земляхъ; работаетъ, де, только для своихъ личныхъ цѣлей, и такіе замыслы ея, будто бы, направлены къ нарушенію Европейскаго равновѣсія и чрезвычайно опасны для гражданской свободы Европейскихъ народовъ.

Эти разсужденія мы можемъ съ спокойной совѣстію оставить безъ вниманія. Всѣ тѣ, которые толкуютъ о себялюбіи Россіи, конечно, еще себялюбивѣе въ гораздо большей степени; а тѣ, кто проповѣдуетъ равновѣсіе, безъ сомнѣнія, первые же готовы нарушить его для увеличенія своей силы.

Весьма легко могло бы вліяніе Россіи на Востокѣ быть ослаблено многочисленными недоброжелателями ея, если бы эти послѣдніе въ самомъ дѣлѣ были благороднѣе ея. Конечно, достаточно было бы Европейскимъ великимъ державамъ вступиться за Христіянское населеніе Турціи лучше, чѣмъ дѣлаетъ то Россія, и тогда бы, безъ сомнѣнія, рая болѣе бы благожелательствовала имъ, чѣмъ Россіи; тогда, какъ говорится, дѣло было бы уже въ шляпѣ. Но къ этому, очевидно, Европейскія великія державы не очень-то расположены, и все, что ни дѣлаютъ онѣ, дѣлаютъ только для виду и односторонне.

Болѣе всѣхъ заботится о Турціи Англія, которая неустанно поддерживаетъ ее точно такъ, какъ, на примѣръ, мы дѣлаемъ то съ старыми болѣзненными людьми, охраняя ихъ отъ вѣтра, тумана, простуды и прочихъ неблагопріятныхъ вліяній. Турція не имѣетъ другого лучшаго заступника, какъ Англія.

Англія имѣетъ свои хорошія побужденія, заставляющія ее заботиться о сохраненіи Европейскаго мира, которыхъ, разумѣется, слѣдуетъ искать далеко не въ нестяжательности и благородствѣ души. Англія—государство торговое. Чѣмъ долѣе просуществуетъ Турецкое хозяйничье, не имѣющее ни своей торговли, ни промысловъ, тѣмъ

больше будетъ сбыту для Англійскихъ произведеній, т. е., тѣмъ больше выгодъ оттуда для Англійскихъ фабрикантовъ и купцовъ. При томъ Англія держава морская. Если бы Турецкое Царство перестало существовать въ Европѣ, легко могло бы ослабѣть и Англійское вліяніе, какъ морской державы, на Средиземномъ морѣ: не подлежитъ сомнѣнію, мѣсто его заступило бы вліяніе на этомъ морѣ Россіи и Франціи.

Англія имѣетъ также большія владѣнія въ Азіи (въ Индіи), отъ коихъ зависитъ нынѣшнія ея сила, значеніе и благосостояніе.

Впрочемъ, вліяніе Россіи съ каждымъ днемъ ростетъ болѣе и болѣе въ Азіи: Персія находится уже подъ ея вліяніемъ, въ Туркестанѣ Русскіе дѣлаютъ неслыханные успѣхи, Кавказъ уже въ ихъ рукахъ, а съ паденіемъ Турецкаго господства распространится вліяніе Россіи и на Малую Азію, сѣверныя берега коей подпадутъ ея власти. По этому Англія побаевается, что съ паденіемъ Турецкаго Царства въ Европѣ сила Россіи непремѣнно увеличится въ Азіи, что рано ли, поздно, а неизбѣжно вызоветъ тамъ столкновеніе Англіи съ Россіей.

Можно сказать, что Англія боится послѣдствій, могущихъ появиться съ совершеннымъ паденіемъ Турецкаго государства. Не зная, что̀ можетъ произойти послѣ того, Англія не желаетъ жертвовать нынѣшними опредѣленными выгодами своими неопредѣленнымъ въ будущемъ. Вотъ по чему Англія охраняетъ Турецкое Царство, хотя въ внутреннемъ гніеніи его столько же убѣждена, сколько и весь остальной свѣтъ.

Еще больше страшится Австрія, т. е., Нѣмецкіе сановники въ Вѣнѣ и Мадьярскіе въ Пештѣ. О, если бы не было хотя столько этѣхъ Славянъ въ Турціи! Кромѣ Славянъ, Мадьяры страшатся также и Румуновъ. Эта политика, столь враждебная Славянамъ, до того пугаетъ тѣхъ и другихъ, что они, если бы Европа и согласилась дозволить имъ присоединить къ себѣ сосѣднія Турецкія земли, не посмѣютъ то сдѣлать. По сему Австрія, конечно, изъ опасенія Славянъ, самый безкорыстнѣйшій другъ Турціи, хотя и не имѣетъ, для заступленія за нея, столь сильныхъ причинъ, какъ Англія. Должно еще сказать, что изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ, Австрійское государство найболѣе нелюбимо Христіянскимъ населеніемъ Турціи.

Политика Франціи и Пруссіи по отношенію къ Турціи менѣе

ясна, очевидна, постоянна, окончательна и опредѣленна, чѣмъ поименованныхъ уже государствъ.

Пруссія доселѣ менѣе прочихъ обращала вниманіе свое на Турцію, по чему и менѣе другихъ препятствовала Россіи, хотя нельзя отвергнуть, что тоже неохотно видитъ возрастающее вліяніе ея на Востокѣ, и что завистливо смотритъ на распространеніе и укрѣпленіе могущества Русскаго въ тѣхъ краяхъ. Франція играетъ роль покровительницы Католическаго населенія въ Турціи, какъ Россія по отношенію къ Православнымъ обитателямъ въ оной.

Франція стоитъ въ челѣ Европейскаго просвѣщенія, имѣя благородную цѣль — распространеніе и улучшеніе всякаго движенія впередъ.

Прочіе Европейскіе народы усвояютъ себѣ новые помыслы и учрежденія отъ нея Европейскаго свѣта, который безъ него Богъ вѣсть какъ обуялъ бы. Эту задачу свою Франція исполняетъ давно уже, но за какую цѣну! Переворотъ за переворотомъ, революція за революціей, государственная политика то и дѣло мѣняется, а съ ними и династіи. Сегодня Франція Республика, завтра Имперія, за тѣмъ опять Республика, и опять Монархія. Какія послѣдствія того? Ничего другого, какъ въ ея внѣшней политикѣ теченіе смѣняется теченіемъ, одно другому противуположнымъ. Непостоянство внутреннихъ отношеній Франціи проявляется въ непостоянствѣ внѣшней политики, въ особенности по отношенію къ Востоку.

Безъ сомнѣнія, Франція, по своему призванію, первая должна бы взять на себя задачу освобожденія Христіянской раи. Да и рѣшеніе Восточнаго вопроса столько же должно быть близко сердцу ея, сколько и Россіи; ибо то предписываетъ имъ польза новѣйшей образованности, которой чрезвычайно вредитъ существованіе Турецкаго господства.

Думаемъ, что Франція совершенно убѣждена въ гнилости Турецкаго государства, вполнѣ благопріятствуетъ Христіянскимъ народамъ, и понимаетъ необходимость полнаго измѣненія отношеній на Востокѣ. Нельзя утверждать, Франція, де, выработала уже себѣ опредѣленную политику по Восточнымъ дѣламъ.

Уже покойный Наполеонъ не зналъ, какой политикѣ слѣдовать ему въ Восточномъ вопросѣ. Не задолго до похода въ Египетъ предполагалъ онъ отправиться въ Царьградъ и стать въ челѣ Турецкой артиллеріи, полагая, что Франція обязана соединиться съ Турціей

противъ Россіи и Австріи, для чего лучше образовать войско Турецкое. Потомъ вскорѣ предпринялъ походъ въ Египетъ и Сирію противъ Турціи. Нынѣшній (бывшій) Французскій Императоръ обнажилъ мечъ противъ Россіи съ цѣлію охранить господство Турціи, о которомъ самъ же отзывается, что хорошо было бы, если бы уже перестала существовать зависть между великими Европейскими державами, не позволяющая Востоку стряхнуть съ себя прахъ двадцати вѣковъ и возстать къ новой жизни и просвѣщенію. Этотъ же Императоръ выступилъ противъ Турціи въ Сиріи, допустилъ соединеніе въ одно цѣлое обоихъ Дунайскихъ Княжествъ, и помогъ Сербамъ изгнать Карагеоргіевича и освободиться отъ Турецкихъ гарнизоновъ. Но, вопреки всему этому, онъ усиливался вновь въ послѣднее время не допустить ни малѣйшей перемѣны въ печальномъ положеніи Турецкаго государства.

Окрѣпни Франція въ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ, безъ сомнѣнія, она совершенно иначе поступала бы: доселѣшнее же ея дѣйствованіе весьма непостоянно, неестественно и неискренне.

Слышали мы тоже, что Франція не столько боится Россіи, сколько послѣдствій паденія Турціи для себя и для Англіи. Не подлежитъ, де, сомнѣнію, что Франція и Англія принуждены будутъ тогда обезопасить свое доселѣшнее вліяніе и торговлю на Средиземномъ морѣ. Паденіе Турціи повлечетъ за собой безъ дальняго столкновеніе Франціи съ Англіей, котораго оба государства желаютъ избѣжать.

Политика Россіи по отношенію къ Турціи совершенно правильна съ Славянской точки зрѣнія.

Конечно, Русская дипломатія столько имѣетъ понятія, чтобы видѣть, что прочія Европейскія великія державы едва ли позволятъ Россіи присоединить къ себѣ хотя малѣйшій кусокъ Турціи. Боязнь Россіи до того велика вообще въ Европѣ, что каждый шагъ ея съ необыкновеннымъ вниманіемъ наблюдаютъ и всѣмъ ея дѣйствіямъ и намѣреніямъ приписываютъ себялюбивыя цѣли. Словомъ, Россія въ глазахъ Европы составляетъ огромнѣйшее бревно, въ особенности Нѣмцы въ страхѣ своемъ доходятъ до смѣшного, и по тому нѣтъ ничего столь общелюбезнаго для Европы, какъ какое либо событіе, направленное къ умаленію значенія Русскаго Царства.

Долгій и непріятный опытъ показалъ, что Россія ничего не въ состояніи сдѣлать на Востокѣ насильственными средствами. Въ этомъ

лучше всего убѣдила ее Крымская война, когда половина Европы поднялась на нее: Англія, Франція, Италія, Турція и Австрія. Если бы же продолжалась война, вѣроятно, тоже поднялись бы Испанцы, Португальцы, Шведы, Норвержцы, а, пожалуй, и другіе еще народы противъ Сѣверныхъ варваровъ, чтобы отстоять «Восточное просвѣщенное Царство—Турецкое!»

Въ Крымской войнѣ Россія самымъ яснымъ образомъ установила политику свою къ Турціи.

Россія отвергла и отвергаетъ теперь всѣ преобразованія въ Турціи, которыми думаютъ достигнуть политической, вѣроисповѣдной и общественной, равноправности всѣхъ подданныхъ великаго и непобѣдимаго Султана. Напротивъ, Россія силится, чтобы всѣ этѣ преобразованія, издаваемыя съ этою цѣлію Турецкимъ правительствомъ, и подкрѣпляемыя прочими Европейскими великими державами, не состоялись, и самое осуществленіе ихъ не сбылось; для этого она употребляетъ свое вліяніе на Христіянское населеніе. *

Такое отношеніе для множества Европейскихъ политикановъ полуобразованныхъ, т. е., глупыхъ и пожирателей Славянъ, достаточно показываетъ себялюбивую политику Россіи, которая, по словамъ ихъ, очевидно не желаетъ улучшенія Христіянскаго населенія безъ всякихъ выгодъ для себя, и скорѣе хочетъ, чтобы рая оставалась въ доселѣшнемъ своемъ положеніи. Нужно ли еще болѣе яснаго доказательства, говорятъ они, что Россія не заботится о благѣ Турецкихъ Христіянъ, но единственно о распространеніи собственныхъ предѣловъ ко вреду Турціи и Европейскаго равновѣсія? Напротивъ, скорѣе стремится она удержать ихъ подъ Турецкимъ игомъ, нежели допустить, чтобы они получили какія либо права, коль скоро оттуда не проистекаетъ никакихъ прямыхъ выгодъ для ея самой? Не уже ли, молъ, не видятъ, что Турецкіе Христіяне, слѣдуя Русской политикѣ, перемѣнили тогда бы только своихъ господъ, т. е., очутились бы изъ одного рабства въ другомъ? И по тому не обязанъ ли образованный міръ противодѣйствовать такой дурной политикѣ Русской, очевидно враждебной нашимъ современнымъ понятіямъ, стремящейся къ порабощенію и вовсе чуждой высшихъ, благороднѣйшихъ и болѣе нравственныхъ, цѣлей?

Европа и Турція стремятся основать равноправность всѣхъ Турецкихъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданія и народности: развѣ это не прекрасная, величественная, благородная, мудрая, без-

---

* Ошибочное предположеніе. О. Б.

корыстная, честная и просвѣщенная цѣль? Но Россія противъ этого, и это развѣ не свѣдѣтельствуетъ о величайшемъ безобразіи, себялюбіи, ужаснѣйшемъ варварствѣ?

Россія отвергаетъ всѣ преобразованія въ Турціи по простой причинѣ: они рѣшительно немыслимы для нея. Россія лучше всѣхъ Европейскихъ государствъ знакома съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ. Пока Турки останутся Турками, т. е., Турецкое населеніе не приметъ Христіянской Вѣры, дотолѣ въ Магометанской Турціи всякаго рода Христіянскія преобразованія не возможны. Это столько же извѣстно и не Русскимъ дипломатамъ, сколько и Русскимъ, и, при всемъ томъ, тѣ дурачатъ Европу, прикрывая дешевыми выраженіями и еще болѣе дешевыми преобразовательными предложеніями свои настоящія стремленія, уже выше упомянутыя нами.

Такимъ образомъ, по тѣмъ планамъ, какія предлагаютъ Европейскія великія державы, до самаго страшнаго суда не дождаться Христіянскому населенію улучшенія своей судьбы.

Еще разъ повторяемъ: Россія отвергаетъ всѣ преобразованія, взятыя для Турціи изъ Европейскихъ учрежденій, такъ какъ они негодятся для нея и не ведутъ къ освобожденію тамошнихъ Христіянъ. Россія пошла совершенно иной дорогой, т. е., желаетъ совершенствованія Турецкому Царству на той основѣ, которая существуетъ въ Турціи. Точка зрѣнія Россіи, какъ говорится у насъ, прямо историческая.

Уже было замѣчено выше, что Турецкая власть предоставила Христіянамъ ихъ вѣроисповѣданіе, даже и внутреннее общественное управленіе, поручивъ оное въ руки ихъ духовенства.

Именно на это-то Русское правительство и обратило свое особенное вниманіе, желая, чтобы на этомъ историческомъ основаніи возводилось зданіе Турціи.

Во время Крымской войны Россія выступила съ полной программой въ этомъ смыслѣ, именно: Всѣ правосудныя и финансовыя дѣла, бывшія доселѣ въ распоряженіи Христіянъ, должны и впередъ оставаться въ завѣдываніи Христіянскихъ общинъ. Равно и преимущества Церкви должны быть сохранены. Это самоуправленіе Христіянскихъ общинъ слѣдуетъ усовершенствовать и оставить подъ охраной Церкви. Пусть общины отправляютъ свои повинности сообща по отношенію къ правительственнымъ учрежденіямъ, безъ вмѣшательства послѣднихъ, которые не имѣли бы права назначать и собирать дани съ

отдѣльныхъ общинъ, да и не отдавалось бы собираніе податей въ откупъ. Подать поголовная (гарачъ) должна прекратиться: ее слѣдуетъ замѣнить другой какой всеобщей, падающей на общины по числу душъ.

Видите, какое большое и существенное различіе между планомъ Русскимъ и Турецкими преобразованіями, предложенными прочими Европейскими великими державами. И они желаютъ отъ Турціи уничтоженія поголовной подати и поставленія на ея мѣсто обыкновенной, платимой безъ различія вѣроисповѣданій и народности всѣми жителями (что и введено уже), но назначеніе и собираніе ея предоставлено чиновникамъ Турецкимъ, чего не слѣдовало по плану Русскому. Послѣдствія того? Раю грабятъ и теперь, какъ грабили прежде.

Россія предлагала, чтобы Христіяне имѣли, по числу своему, надлежащихъ представителей въ правительственныхъ мѣстахъ по областямъ; гдѣ же Христіянъ большее число, имѣли бы послѣдніе право держать таковыхъ и у самой Порты, какъ то дѣлаютъ Дунайскія Княжества и Сербія (называются Капукегаи).

Общины могли бы заботиться, съ своимъ духовенствомъ, о своихъ церквахъ, въ которыхъ богослуженіе отправлялось бы на своемъ народномъ языкѣ, избирали бы Епископовъ и Священниковъ изъ среды своего народа.

То же слѣдуетъ предоставить и училища общинамъ въ исключительное завѣдываніе.

Очевидно, Россія имѣла въ виду настоящія выгоды Христіянскаго населенія, именно Турецкихъ Славянъ, какъ по отношенію ихъ къ Туркамъ, такъ равно и по отношенію къ Греческому Фанарскому духовенству.

Нельзя отрицать, что естественныя послѣдствія всего этого были бы для Турецкаго господства не совсѣмъ хорошія. Со временемъ Христіяне, особенно Славяне, очутились бы совершенно независимыми и самобытными отъ Турковъ.

Въ короткихъ словахъ: различіе между планомъ Русскимъ и Европейскими преобразованіями состоитъ въ томъ, что Россія желаетъ, чтобы Христіянскіе народы усилились, а Европа, наоборотъ, желаетъ того для Турокъ. Послѣдствіемъ плановъ Россіи было бы, что и Турецкіе Христіяне Босніи, Герцеговины, Булгаріи, Албаніи, Македоніи и Ѳессаліи, съ теченіемъ времени, непремѣнно получили бы

такое же положеніе и для себя, въ какомъ находятся въ наши дни Дунайскія княжества и Сербія.

Это вполнѣ показываетъ намъ, что Россія дѣйствительно благопріятствуетъ Турецкимъ Христіянамъ и вправду желаетъ имъ оказать помощь. Стало быть, неправда, будто она хочетъ видѣть ихъ скорѣе подъ ярмомъ Турецкимъ, нежели самостоятельными.

Предположенія Россіи не осуществились; въ самой Турціи были противъ нихъ изъ Христіянскихъ народовъ преимущественно Греки, не видѣвшіе оттуда ничего добраго для замышляемаго ими Византійскаго Царства или Имперіи.

Крымская война кончилась не въ пользу Россіи, которая рѣшилась своего охранительнаго права надъ Турецкими Христіянами. Мѣсто «Бѣлаго Царя» должно было занять покровительство всѣхъ Европейскихъ великихъ державъ, т. е., собственно никакого заступничества, такъ какъ заступленіе пяти великихъ державъ въ сущности то же самое, какъ бы не было никакого.

Говоря о Туркахъ, нельзя умолчать и о Полякахъ. Въ дѣйствительности, Поляки единственный Славянскій народъ, искренно расположенный къ Туркамъ.

Поляки служатъ толпами въ Турецкомъ войскѣ, сильно принимаютъ Магометанство и безпрестанно проповѣдаютъ, что естественнымъ союзникомъ ихъ—Турчинъ.

Въ наши дни потомки Костюшки сражаются въ рядахъ Магометанскихъ варваровъ противъ Булгаръ—противъ народа соплеменнаго, содѣйствуя такимъ образомъ угнетенію самаго добродушнаго Славянскаго племени, которое, въ слѣдствіе жестокихъ притѣсненій, въ порывѣ отчаянія, взялось было за оружіе для своего освобожденія.

Не въ первый разъ Поляки помогаютъ Туркамъ противъ своихъ Юго-Славянскихъ братьевъ и, конечно, не въ послѣдый. Турецкіе Юго-Славяне обыкновенно считаютъ ихъ своими жестокими врагами и неизмѣнными союзниками Турокъ. Какъ Поляки поступали въ недавнее время, такъ они поступали и прежде. Это не были отдѣльныя лица, забывающія свою честь до того, что, за позорную плату, поступаютъ на службу къ Турецкимъ палачамъ противъ своихъ братьевъ. Это были и не исключительно Польскіе выходцы, которые, съ горя и очаянія, бросаются за деньги въ объятія Турокъ. Нѣтъ, тутъ дѣйствовала дружба Поляковъ къ Туркамъ, основанная на политиче-

скихъ отношеніяхъ обоихъ народовъ. Поляки и Турки—естественные союзники между собою.

Исторія Польши и исторія Турціи, съ половины прошлаго столѣтія, не могутъ быть отдѣлены одна отъ другой, такъ какъ одна другую дополняютъ и объясняютъ. Чтобы лучше понять поступки и дѣйствія нынѣшнихъ Поляковъ, должно мимоходомъ оглянуться на ихъ прошедшее, которые лучше всего вразумитъ насъ.

Извѣстно, что Поляки сами погубили свое государство своимъ неразумнымъ хозяйничаньемъ. Не заботясь ни о чемъ въ свѣтѣ, они допустили Польшу до глубокаго паденія.

Обстоятельства въ Польшѣ образовались неожиданно. Прежде всего Россія успѣла до того получить въ ней вліяніе что стала обращаться съ ней, какъ съ краемъ уже завоеваннымъ. Конечно, благодаря Русскому вліянію и войску.

На Польскій престолъ вступилъ Станиславъ Понятовскій (1764 г.), послѣ чего вліяніе Русское еще сильнѣе укрѣпилось въ Польшѣ. Русскій Посолъ при Варшавскомъ Дворѣ, Репнинъ, считалъ свою Царицу (Екатерину II) истинной Государыней Польши, поступая всюду и во всемъ согласно съ этимъ. По этому дѣло естественное, что Польскіе патріоты считали себя сильно обиженными такимъ обхожденіемъ Русскаго Посла и стали подумывать о средствахъ оградить независимость своего отечества. По сему казалось имъ самымъ лучшимъ къ тому средствомъ — возстаніе, которое и вспыхнуло во всей Польшѣ, задачей коего было сопротивленіе Русскимъ, вторгнувшимся въ ихъ землю, и Королю Станиславу Понятовскому, опирающемуся на пособіе Русскихъ. Возстаніе (Барскіе Конфедераты), конечно, было слабѣе Польскаго (Королевскаго) войска и соединенныхъ съ нимъ Русскихъ полковъ. По этому, для осуществленія своихъ замысловъ, т. е., для ниспроверженія порядка, утвержденнаго Русскими, искали помощи у чужихъ народовъ и дворовъ, именно: Австріи, Саксоніи, Франціи, и даже Турціи.

Въ это время во Франціи первымъ министромъ былъ Герцогъ Шуазель. Ненавидя Россію, онъ, прямо и косвенно, помогалъ Полякамъ: въ первомъ отношеніи присылалъ имъ Офицеровъ и деньги, а во второмъ, чтобы отвлечь отъ Польши, старался впутать Россію въ постороннюю войну, и тѣмъ заставить оставить Польшу. Съ такимъ намѣреніемъ онъ дѣйствовалъ и на Турцію.

Сначала Турки не имѣли большой охоты затѣять войну съ Рос-

сіею, въ угоду Полякамъ, но, подстрекаемые Поляками и Французами, они наконецъ согласились, и объявили ей оную.

Поляки торжествовали, ожидая спасенія своего изъ Стамбула и отъ Турокъ. Но эта война, предпринятая Турціею за Поляковъ, была гибельна и для Польши и для Турціи.

Русское оружіе нанесло тогда Турціи рѣшительный ударъ. Побѣжденные въ многочисленныхъ битвахъ морскихъ и сухопутныхъ и потерявъ, кромѣ многихъ крѣпостей, самыя Княжества Дунайскія, Турки отчаявались въ счастливомъ исходѣ своей борьбы. Вся Европа была встревожена неслыханными побѣдами Русскихъ войскъ. Тогда Европейскія великія державы начали совѣщаться о составленіи союза для защищенія равновѣсія, угрожаемаго со стороны Россіи. Эти державы боялись, чтобы Россія не проглотила Польши и Турціи. Въ особенности боялись тогда Австрія и Пруссія, какъ ближайшіе сосѣди Россіи.

Турки, естественнымъ образомъ, прежде всего должны были позаботиться о самихъ себѣ. Видя опасеніе Австріи и Пруссіи передъ возрастающею силою Россіи, они рѣшились этимъ воспользоваться, и поспѣшили предложить Австріи союзъ противъ Россіи. Хитрые Турки знали, однако жь, что Австрія не начнетъ войны съ Россіей безъ явной пользы для себя, и по тому, предлагая Австріи заключить съ ними союзъ, они имѣли въ виду сперва вытѣснить Русскихъ изъ Польши, а потомъ полюбовно съ Австрійцами раздѣлить Польшу.

Это было въ 1770 г. Такимъ образомъ Турки были первые, которые произнесли рѣшительное слово: «Раздѣлить Польшу!» Они сдѣлали это десятью мѣсяцами раньше Пруссіи, предложившей то же самое Россіи, въ вознагражденіе за ея военные расходы въ Польшѣ и Турціи.

Война Польско-Турецкая кончилась по этому самымъ несчастнымъ образомъ для Польши, принесенной въ жертву для сохраненія Турціи. Турція первая поставила Поляковъ, своихъ союзниковъ, въ опасное положеніе, которые, лежа у нея въ ногахъ, умоляли ее о помощи.

Послѣ того Польша была отчасти раздѣлена, чѣмъ была и спасена Турція, хотя по миру въ Кучукъ-Кайнарджи, какъ замѣчено уже выше, потеряла свое прежнее могущество и значеніе и подпала вліянію Россіи, упѣлѣвъ, однако же.

Вознагражденіе за свои издержки воинственная Россія взяла себѣ въ Польшѣ. Но какъ Россія отъ того стала сильнѣе прежняго, то сосѣдніе государства, для сохраненія мнимаго равновѣсія, признали нужнымъ распространить и свои предѣлы и увеличить свое могущество; по тому Австрійцы и Прусаки тоже взяли и себѣ по надлежащей части у несчастной Польши (1772).

Вотъ исторія перваго союза Поляковъ съ Турками противъ Русскихъ. Турки поражены и обезсилены, послѣ чего и наступило быстрое паденіе Турціи; тѣмъ не менѣе Турки, благодаря пособію прочихъ Европейскихъ великихъ державъ, удержали свое господство въ Европѣ, для чего принесена была Польша въ жертву. Польша поплатилась за этотъ противоестественный союзъ.

Съ тѣхъ поръ до нынѣ Поляки — вѣрные союзники Турокъ. Польская политика водится просто одной ненавистью къ Россіи. Такъ какъ Россія стремится прекратить ненавистное господство Турокъ въ Европѣ, то, по этому самому, Поляки на сторонѣ Турціи, полагая, что авось удастся ей оправиться и усилиться какъ ни будь, и тогда она, изъ благодарности, поможемъ имъ возстановить прежнюю Польшу.

Поляки — непріятели Русскихъ, а по тому пріятели Турокъ. Стало, ничего не удивительно, что Поляки спѣшатъ въ Турецкую службу и помогаютъ Туркамъ не только противу Русскихъ, но и противъ прочихъ Турецкихъ Славянъ, стремящяхся освободиться. Это освобожденіе повело бы къ ослабленію Турціи, чего ни какъ не въ состояніи Поляки допустить съ своей точки зрѣнія, видя въ томъ прямое увеличеніе могущества Россіи.

Имя Поляка—самое ненавистное для Турецкихъ Славянъ. Прекрасное доказательство того, къ чему ведетъ политика слѣпой ненависти.

в) Албанское племя.

Албанцы или Арнауты сами себя называютъ Шкипетарами (Горцами); они, всего вѣроятнѣе, потомки древнихъ Илировъ. Страна ихъ простирается на югъ отъ Черногоріи, по берегу Адріятическаго моря, до предѣловъ Греціи.

Внутри своей гористой, едва проходимой и чрезвычайно раздробленной, страны, Арнаутскіе горцы, съ древнѣйшихъ временъ, живутъ въ первобытномъ состояніи. Кромѣ того Албанскія поселенія простираются еще глубже на сѣверъ, въ стра́ны, первоначально

принадлежавшія Сербамъ и Булгарамъ. Всѣхъ Албанцевъ считается до 1,600,000 душъ.

Албанцы, безъ сомнѣнія, теперь самый суровый и дикій народъ въ Европѣ. Они стоятъ на той степени образованія, на какой находились Греки, три тысячи лѣтъ назадъ, во время Троянской войны. Будучи раздѣлены на многочисленныя племена, они до сихъ поръ не ведутъ правильной семейной жизни; жена у нихъ покупается и обыкновенно цѣлый годъ остается на испытаніи въ домѣ мужа, который отсылаетъ ее назадъ, если она ему ненравится. Уваженіе къ престарѣлымъ родителямъ тоже у нихъ очень слабо.

Главный способъ пропитанія Албанцевъ составляютъ грабежъ и военная служба. Раздробленныя племена живутъ въ вѣчной враждѣ между собою; кровавая месть глубоко вкоренилась у нихъ. Права личной неприкосновенности и собственности мало ими уважаются; ночью они не выходятъ въ одиночку изъ своихъ домовъ, построенныхъ изъ камня такимъ образомъ, чтобы въ нихъ легко можно было защищаться отъ непріятелей. Они всегда вооружены длиннымъ ружьемъ, пистолетомъ и большимъ ножомъ за поясомъ.

За хорошую плату Албанцы очень охотно идутъ въ военную службу, и у Турецкаго правительства нѣтъ лучшихъ и болѣе суровыхъ воиновъ, какъ они; иррегулярное Турецкое войско преимущественно состоитъ изъ Арнаутовъ. Послѣ нѣкотораго времени они или возвращаются домой съ богатой добычей, или же поселяются Турецкимъ правительствомъ въ другихъ земляхъ, преимущественно въ Славянскихъ. До сихъ поръ не проникло къ нимъ ничего изъ гражданской жизни Итальянцевъ, Грековъ и Славянъ.

Полагаютъ, что большая часть Албанцевъ исповѣдываетъ Магометанскую Вѣру, но сколько именно изъ нихъ Магометанъ и сколько Христіянъ, съ точностію нельзя опредѣлить. Албанцы имѣютъ очень слабое понятіе о Вѣрѣ: «Гдѣ мечъ, тамъ и вѣра,» говорятъ они, и по тому очень легко переходятъ въ Исламъ.

Впрочемъ, въ Албаніи есть округи чисто Христіянскіе, Православные и Католическіе. Именно на востокъ отъ Скадра (въ сѣверной части Албаніи), въ дикихъ горахъ, живутъ Католическія, пастушескія, самостоятельныя Арнаутскія племена, Мыривиты, Малисы и Климентины, которыя управляются собственными Князьями, и могутъ считаться полусамостоятельными племенами.

Арнауты питаютъ глубокую племенную ненависть къ Славянамъ.

Они сосѣдятъ на востокѣ съ Булгарами, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ съ Сербами, въ Черногоріи, Босніи и Сербіи. Арнауты повсюду служатъ орудіемъ Турокъ для угнетенія Славянъ и Грековъ.

За Албанцевъ не заступается дипломатія; у нихъ нѣтъ ни блестящей исторіи, ни малѣйшей образованности; но, имѣя поддержку въ Туркахъ, они вытѣсняютъ Славянъ остріемъ меча и самыми гнусными насиліями. Въ отношеніи къ нимъ мирный Славянинъ находится безъ всякой подпоры и защиты.

До паденія Сербскаго царства, вся страна между Скадарскимъ озеромъ и Бѣлымъ Дриномъ, большею частію, была заселена Сербами, доказательствомъ чему служатъ, сохранившіяся до сихъ поръ, Славянскія названія тамошнихъ селеній и городовъ. Такъ, на пр., всѣ села отъ Скадра до Жабляка носятъ Сербскія названія, хотя въ нихъ теперь живутъ природные Арнауты. Найдалѣе Албанская стихія проникла туда, гдѣ была Старая Сербія, въ окресности Новаго Пазара, Печи, Приштины и Косова поля. Здѣсь Сербская народность уже очень слаба, и можно опасаться, что, съ теченіемъ времени, Булгарскій народъ будетъ совершенно отдѣленъ отъ Сербскаго поселеніемъ Арнаутовъ и Азіятовъ. Одною изъ главныхъ причинъ такого распространенія Арнаутскаго племени было то, что значительное число Сербскаго народа, подъ предводительствомъ Патріярха Арсенія Черноевича, въ 1690 г., выселилось изъ этихъ мѣстъ въ Угрію. Сперва вышло оттуда 36,000 семействъ, потомъ 80,000 душъ.

Посредствомъ переселенія въ этѣ страны и преимущественно въ Старую Сербію многочисленныхъ Албанскихъ семействъ, нарушено прямое сообщеніе Сербскаго Княжества съ Черногоріею. На самомъ Косовомъ полѣ Русскій ученый, Г. Гальфердингъ, встрѣтилъ Албанцевъ, не понимавшичъ ни слова по Сербски.

Нѣмецкій ученый, Ганъ (Hahn), разсказываетъ, что еще во время войны Грековъ съ Турками, въ нашенъ столѣтіи, въ Греціи (въ самой Аттикѣ) и на ея островахъ находилось множество людей, которые знали только по Албански, но въ настоящее время тамъ мало можно встрѣтить такихъ, которые, сверхъ Албанскаго языка, не знали бы также и по Гречески; чрезъ нѣсколько поколѣній, въ Греціи, можетъ быть, уже никто не будетъ говорить по Албански. Греческій Албанецъ уже и теперь называетъ себя Еллиномъ.

Для большой ясности мы должны прибавить, что число Албан-

цевъ въ нынѣшнемъ Греческомъ Королевствѣ и до сихъ поръ еще довольно значительно (173,000).

Судя по постепенному вымиранію Албанскаго племени въ Греціи, можно предположить, что на распространеніе и усиленіе этого племени, съ одной стороны, и на его измельчаніе, съ другой, главное вліяніе будетъ имѣть будущая судьба Турецкаго государства. Нельзя сомнѣваться, что болѣе благопріятное положеніе Славянскихъ племенъ въ Турціи, а именно Булгаръ и Сербовъ, будетъ имѣть такое же вліяніе на дикихъ Арнаутовъ, какое производитъ на нихъ въ Греціи Еллинская образованность.

§ 7. Евреи.

Описаніе политическаго и народнаго состоянія Славянскаго міра было бы неполно, если бы мы упустили изъ виду Еврейское племя, которое, живя посреди Славянъ, уже по тому самому заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе съ нашей стороны.

Начиная съ Евреевъ въ Прусскомъ государствѣ, мы должны упомянуть преимущественно о Великомъ Княжествѣ Познанскомъ. Въ 1861 г. тамъ считалось 801,366 Поляковъ, 609,705 Нѣмцевъ и 74,369 Евреевъ (во всей же Пруссіи 260,751).

Въ Австріи, въ 1857 г., Евреевъ было 1,049,800. Въ слѣдующихъ ея областяхъ ихъ вовсе нѣтъ, или очень мало: въ Силезіи, въ Верхней и Нижней Австріи, въ Зальцбургѣ, Штиріи, Хорутаніи, Крайнѣ, Истріи, Тиролѣ, Далматіи и на Военной Границѣ. Найболѣе ихъ находится въ Галиціи (448,900), за тѣмъ въ Угріи (393,000), Чехіи (86,300), Моравіи (91,500), Буковинѣ (291,00), Семиградіи (14,000), и въ Хорватіи (5,000).

Въ Русской имперіи, именно: а) Царствѣ Польскомъ, гдѣ живетъ найбольшее число Евреевъ, въ 1855 г., ихъ считалось 565,800 на 245,300 Нѣмцевъ, 3,421,700 Поляковъ и 225,900 Русскихъ; въ Западныхъ Русскихъ Губерніяхъ, бывшихъ прежде подъ Польшею, Поляковъ 1,047,000, Евреевъ 1,140,000, Литовцевъ 1,615,000, Русскихъ 5,952,000. Это Губерніи: Витебская, Могилевская, Минская, Виленская, Ковенская, Городенская, Кіевская, Волынская и Подольская. Въ цѣлой же Россіи, кромѣ Царства Польскаго, Евреевъ около 1,290,000.

Касательно Турецкаго государства мы не имѣемъ достовѣрныхъ чиселъ примѣрно полагаютъ въ немъ Евреевъ до 125,000.

Въ Славянскихъ областяхъ, болѣе, или менѣе, зависящихъ отъ Турціи, число Евреевъ различно. Въ Сербскомъ Княжествѣ Евреевъ 1,800; въ Босніи и Герцеговинѣ ихъ считается 2,300. Объ Евреяхъ, поселившихся между Булгарами, мы не можемъ сказать ничего вѣрнаго; наиболѣе ихъ находится, можетъ быть, въ Филиппополѣ и Солунѣ; въ Черногоріи совсѣмъ нѣтъ.

И такъ, всѣхъ Евреевъ въ Славянскихъ земляхъ живетъ около $2^1/_2$ милліоновъ. Они двоякаго происхожденія: Турецкіе Евреи (кромѣ Молдавскихъ, переселились изъ Испаніи (при Фердинандѣ Католикѣ и Филиппѣ II) и говорятъ старымъ, большею частью испорченнымъ, Испанскимъ нарѣчіемъ; всѣ прочіе Евреи происходятъ изъ Нѣмецкихъ краевъ, по чему и говорятъ по Нѣмецки, какъ на своемъ родномъ языкѣ.

Изъ выше приведенныхъ чиселъ оказывается:

1. Большая часть Евреевъ живетъ между Поляками.

2. Нѣсколько менѣе, но относительно значительное ихъ число находится посреди Чехо-Словацкаго населенія въ Чехіи, Моравіи и въ Словацкомъ краѣ.

3. Всего менѣе мы ихъ встрѣчаемъ между Австрійскими Югославянами.

4. Среди Югославянъ въ Турціи ихъ такъ мало, что они совершенно теряются въ общемъ населеніи; можно даже сказать, что тамъ ихъ почти нѣтъ. То же самое разумѣется

5. О Великорусскомъ племени, среди котораго Евреи до новѣйшаго времени не имѣли права селиться.

Конечно, не избѣжать намъ кривотолковъ, такъ ли, иначе, выразимся мы объ Евреяхъ, но все же выскажемъ откровенно наше мнѣніе о нихъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Евреи, съ общественной точки зрѣнія, причиняютъ только вредъ Христіянскимъ жителямъ; въ этомъ каждаго, сомнѣвающагося въ томъ, отсылаемъ къ положенію Польскаго и Малорусскаго населенія, приведеннаго, по милости Жидовъ, въ крайнее убожество. Еще важнѣе отношеніе Евреевъ къ Славянскому населенію съ точки зрѣнія народно-политической. Съ этой стороны мы уже прямо можемъ отозваться объ Евреяхъ, какъ о стихіи, враждебной Славянскому населенію.

Евреевъ по народности слѣдуетъ причислить къ Нѣмцамъ; по этому нельзя не сожалѣть, что необузданная Польская шляхта и бывшіе Чешскіе Короли такъ много имъ покровительствовали. Послѣдствія этого мы видимъ и теперь въ Познанскомъ Княжествѣ и въ Австрійскихъ владѣніяхъ: за Литавой и въ Угріи они всегда принимаютъ сторону то Нѣмцевъ, то Мадьяръ, но никогда Славянъ.

Въ Россіи Нѣмецкая вражда ихъ не обнаруживается; тутъ они соединяются частью съ Поляками, получая отъ нихъ значительныя выгоды и бо́льшихъ еще ожидая отъ возобновленія Польскаго Королевства; частью же пристаютъ и къ Русскимъ, но лишь въ политическомъ отношеніи. Но на это не слѣдуетъ обращать никакого вниманія, такъ какъ Жиды Польско-Русскіе всегда остаются Нѣмецкимъ населеніемъ.

Мы не питаемъ къ Евреямъ никакой ненависти по тому только, что они Евреи. Что намъ до того, съ нами ли они за одно исповѣдуютъ Господа, или иначе? Напротивъ, въ послѣдствіи времени, мы могли бы сблизиться съ ними и въ общественной жизни; для этого нужно только немного болѣе образованія, какъ съ нашей, такъ и съ ихъ, стороны, и тогда бы они насъ не могли обманывать, а мы не дались бы имъ въ обманъ. Вообще же Евреи вредны только тамъ, гдѣ народъ не отличается воздержностію, предпріимчивостію и смѣтливостію. Великорусса и Серба Жидъ самъ избѣгаетъ, и по тому не нужно его къ тому принуждать, такъ какъ онъ съ ними не въ состояніи состязаться. И точно, Великоруссъ и Сербъ ни въ чемъ не уступятъ Еврею касательно склонности къ торговлѣ.

Но можемъ ли умолчать о томъ, когда видимъ, что Евреи въ Австріи и Германіи рѣшительно становятся въ ряды самыхъ яростныхъ враговъ Славянства? Можно сказать, что народная борьба Австрійскихъ Славянъ съ Нѣмцами и Мадьярами сдѣлалась столь жестокой и упорной только отъ вмѣшательства въ нее Евреевъ. Нѣмецкія газеты въ Австріи, защищающіе интересы дуалистическіе, или централистическіе, большею частію находятся въ распоряженіи Евреевъ: мелкіе писатели изъ Евреевъ самымъ язвительнымъ образомъ клевещутъ на Славянъ и чернятъ ихъ; Еврейскіе ораторы на сеймахъ — отъявленные противники Славянъ; наконецъ всѣ остальные, на сколько они принимаютъ участіе въ политическихъ дѣлахъ, съ величайшимъ упорствомъ вооружаются противъ Славянъ. Что иногда тотъ, или другой, Еврей отзовется за насъ, это рѣдкое явленіе, по пословицѣ: «Одна ласточка не дѣлаетъ еще весны.» Вообще объ Евреяхъ должно сказать: каждый Жидъ—Нѣ-

мецъ, либо Мадьяроманъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непремѣнно нашъ политическій и народный непріятель.

Такое отношеніе Евреевъ къ Славянскому населенію возбуждаетъ грустное чувство, тѣмъ болѣе, что Славяне стоятъ того, чтобы съ ними обходились иначе. Конечно, въ давнопрошедшія времена, въ Чехіи, напримѣръ, происходили жестокія преслѣдованія Евреевъ, какъ это вообще дѣлалось въ среднихъ вѣкахъ, быть можетъ, даже и теперь дѣлается гдѣ либо подобная несправедливость; тѣмъ не менѣе Евреи обязаны благодарностію Славянскому племени за то, что оно изъ состраданія приняло ихъ къ себѣ въ то время, когда они были изгоняемы изъ всѣхъ Европейскихъ странъ, особенно же изъ Германіи. Славянское племя, принявъ къ себѣ Евреевъ, до сихъ поръ терпитъ ихъ въ своей средѣ. По этому не имѣютъ ли Славяне полнаго права требовать, чтобы Еврейство, по крайней мѣрѣ, было имъ признательно, какъ истиннымъ своимъ благодѣтелямъ? А о пріязни ихъ мы уже не говоримъ.

Нынѣшніе Евреи любятъ упрекать Славянъ въ вѣроисповѣдной нетерпимости: но кто же, какъ не Славяне, давно уже подали голосъ за таковую свободу (вспомнимъ Гуса)? Слѣдовательно, упрекъ этотъ составляетъ только величайшее заблужденіе и клевету.

Еврейство отнюдь не входитъ въ политическій Европейскій міръ, какъ самостоятельная стихія. Оно обыкновенно примыкаетъ къ той сторонѣ, въ рукахъ которой находится власть. Въ Австріи оно только поддерживаетъ враждебные Славянамъ станы, будучи не въ состояніи ничего сдѣлать само собою. Но оно поступило бы гораздо лучше, если бы относилось безпристрастно и къ той и къ другой сторонѣ, тѣмъ болѣе, что со всей вѣроятностію можно угадать, какая изъ политическихъ сторонъ, наконецъ, одержитъ побѣду.

Среди Югославянъ Евреи ничего не могутъ ожидать для себя въ будущемъ, тѣмъ менѣе на святой Руси. Русскимъ, конечно, слѣдовало бы обратить гораздо большее вниманіе на непріязненныя дѣйствія Еврейства въ Западно-Славянскомъ мірѣ.

Говоря о Россіи, должны мы еще обратить вниманіе на одно весьма важное обстоятельство. То есть, въ Западныхъ Русскихъ Губерніяхъ, принадлежавшихъ прежде Польской Рѣчи Посполитой, число Евреевъ превышаетъ число Поляковъ, рядомъ съ преобладающимъ Малорусскимъ народонаселеніемъ. Правительственныя сообщенія показываютъ тамъ 1,110,000 Евреевъ на 1,047,000 Поляковъ.

§ 8. Заключеніе.

Главные сосѣди Славянъ суть: Итальянцы, Румуны, Греки, Нѣмцы, Мадьяры, Турки, Албанцы.

Изъ числа этихъ народовъ Нѣмцы найболѣе опасны для Славянъ Прусскихъ и Австрійскихъ вообще, Мадьяры для Славянъ Угорскихъ, Итальянцы для Приморскихъ Хорватовъ, Турки, Греки, Албанцы для Славянъ Турецкихъ. Одни только Румуны въ Угорскихъ земляхъ и въ Турціи относительно довольно пріязненно обходятся съ Славянами.

Между Славянскими народами счастливѣе всѣхъ Русскіе, такъ какъ они имѣютъ свое собственное государство, расположенное въ двухъ частяхъ свѣта, въ Европѣ и Азіи. Будучи неограниченными господами въ своемъ краѣ и имѣя хорошо обезпеченныя границы, вмѣстѣ съ огромною военною силой, они не претерпѣваютъ никакихъ притѣсненій отъ своихъ сосѣдей, которые довольствуются только ненавистью къ нимъ, совершенно для нихъ безвредною. Сравнительно только малая часть Русскихъ живетъ внѣ Русскаго государства, именно въ Австрійской имперіи; это: Галицко-Буковинскіе и Угорскіе Русскіе, числомъ до 2,752,000 душъ. Первые (2,273,700) подвержены Польскому вліянію, другіе (423,870) такому же вліянію и стѣсненію со стороны Мадьяръ. Галицкіе Русскіе достались Австрійскому государству въ силу раздѣла Польши.

Весь прочій Славянскій міръ, не входящій въ составъ Русскаго государства, болѣе, или менѣе, находится въ жалкомъ положеніи, будучи подчиненъ чуждымъ народамъ, которые явно стараются его угнетать и истреблять. Исключеніе составляютъ: Сербы въ своемъ Княжествѣ (955,000) и Черногорцы (196,000), которые имѣютъ самостоятельность и не подчинены ни одному чуждому властителю.

Вообще отношеніе между Славянами политически свободными и несвободными слѣдующее: число первыхъ доходитъ до 49,583,000, послѣднихъ 31,269,000, включая сюда и Поляковъ. Если же не считать Поляковъ въ Россіи зависимыми отъ чужой народности, но родственной Славянской, останется тогда 26,669,000 Славянъ подъ прямой зависимостью чужихъ народовъ.

По этому Славянство находится въ болѣе неблагопріятномъ положеніи, нежели міръ Романскій и Германскій. Изъ Романскаго племени только малая часть Итальянцевъ (въ Австріи), Румуновъ (въ Угорскихъ земляхъ) и Грековъ (въ Турціи) подчинены чуждому

владычеству; Австрійскіе Итальянцы при томъ пользуются покровительствомъ господствующаго правительства. Такимъ же образомъ только небольшое число Нѣмцевъ подчинено Французамъ, Мадьярамъ и Русскимъ. Русскіе Нѣмцы пользуются весьма завиднымъ положеніемъ, между тѣмъ какъ третья часть всѣхъ Славянъ находится подъ господствомъ чуждыхъ народовъ, которые питаютъ къ нимъ непримиримую вражду и неутомимо стремятся къ ихъ уничтоженію.

Нѣмцы въ наше время стараются совершенно истребить Славянскую народность въ Пруссіи, Чехіи, Моравіи, Силезіи, Хорутаніи, Штиріи и Крайнѣ. Все это дѣлается подъ видомъ просвѣщенія Славянъ, которые, по мнѣнію Нѣмцевъ, мало образованы, и только тогда достигнутъ высшей образованности, когда онѣмѣчатся. Эти Славяне, именно Поляки въ Пруссіи и Чехи въ Австріи, терпятъ нынѣ за политическіе грѣхи своихъ предковъ; впрочемъ, Поляки сами похоронили свое Королевство, а наши предки не умѣли отстоять его.

Мадьяры, съ своей стороны, рады бы на развалинахъ Славянской народности въ Угріи поставить и возвеличить свой народъ; ихъ стремленія тождественны съ стремленіями Нѣмцевъ и направлены противъ Словаковъ, тамошнихъ Русскихъ и Угорскихъ Сербовъ. Менѣе всего они могутъ повредить Хорватамъ, которые, оставаясь въ союзѣ съ Уграми, успѣли отстоять свои политическія права, охраняющія ихъ отъ омадьяренія. Хорваты изъ всѣхъ Славянъ, подчиненныхъ чуждымъ народностямъ, въ настоящее время пользуются найболѣе выгоднымъ положеніемъ, но въ самой Угріи ихъ сравнительно очень мало (т. е., Хорватовъ въ Хорватіи и Славоніи). Ихъ особое политическое устройство доставило имъ, въ 1848 г., возможность, съ оружіемъ въ рукахъ, воспротивиться враждебнымъ замысламъ Мадьяръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и нынѣшняя ихъ распря съ Мадьярами окончится въ ихъ пользу, то есть, они сохранятъ свой внутренній распорядокъ и народное политическое устройство.

Италіянцы поселились въ городахъ на восточномъ берегу Адріятическаго моря, гдѣ, начиная отъ Горицы и до Котора, они соприкасаются съ Словенцами и еще болѣе съ Хорватами. Италіянскій языкъ сдѣдался господствующимъ въ городахъ, Славянскій же держится лишь въ селахъ. Какъ Итальянцы, такъ и Славяне, подвластны еще третьему господину — Австрійскому правительству, которое, впрочемъ, щадитъ Итальянцевъ, между тѣмъ какъ Славяне отталкиваются и правительствомъ и Итальянцами. Италіянецъ—господинъ, а Сла-

вянинъ—слуга. При всемъ томъ народная борьба Славянъ съ Итальянцами не имѣетъ тѣхъ обширныхъ размѣровъ и той степени яростнаго озлобленія, какъ борьба Славянъ съ Нѣмцами и Мадьярами; тѣмъ не менѣе съ политической точки зрѣнія она очень важна. Восточные берега Адріятическаго моря—это естественный порогъ, лежащій на пути во внутрь Восточнаго міра. Славянской народности, безъ сомнѣнія, никогда не удастся совершенно вытѣснить оттуда Италіянскій языкъ, хотя бы ей содѣйствовали самыя благопріятныя политическія обстоятельства; по тому что напротивъ лежащая Италія, образованная, богатая, политически объединенная и отличающаяся торговою дѣятельностію, всегда будетъ находиться въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Хорватскимъ прибрежьемъ, къ которому, въ слѣдствіе этого, постоянно будетъ прибывать Италіянская стихія. Славянская народность, однако жь, не лишена надежды на политическое преобладаніе въ большей части упомянутаго прибрежья, а именно въ Далматіи и въ Хорватскомъ Приморьѣ. Объ этомъ нынѣ единственно и идетъ дѣло; исходъ борьбы можно уже предвидѣть. Если одержитъ верхъ Славянство, то Славянскій міръ, въ сосѣднихъ Турецкихъ земляхъ, вовсе ненуждаясь въ содѣйствіи Италіянцевъ, будетъ въ силахъ самъ собою и самостоятельно развиться и устроиться. Въ противномъ случаѣ, Италія будетъ производить на восточный Славянскій міръ сильное вліяніе, о которомъ впередъ можно сказать, что оно будетъ односторонимъ и корыстнымъ. Италія знаетъ цѣну и важность противоположнаго Адріятическаго берега, и по тому всѣми средствами поддерживаетъ тамошнюю Италіянскую стихію. То же самое дѣлаетъ и Австрійское правительство, но только изъ ненависти и вражды къ Славянству. Впрочемъ, его коварная политика касается болѣе Далматіи и Истріи, такъ какъ въ этѣхъ лишь земляхъ оно можетъ дѣйствовать непосредственно; въ Хорватскомъ же Приморьѣ, именно въ Рѣкѣ (Фіуме), дѣйствуютъ Мадьяры. Разсчеты послѣднихъ чрезвычайно смѣлы: имъ желательно было бы сдѣлаться морскою сидой, и для этой цѣли создать Мадьярскій флотъ.

Нѣмцы, Мадьяры и Италіянцы—главные враги Австрійскихъ Славянъ. Подобную враждебную троицу мы встрѣчаемъ и на Балканскомъ полуостровѣ; къ ней принадлежатъ: Турки, Греки и Албанцы.

Турки—кто бы этому повѣрилъ?—менѣе всѣхъ опасны для Славянства, въ сравненіи съ прочими его врагами. Они успѣли покорить себѣ Славянъ, но не исказили ихъ; отняли у нихъ всякую самостоятельность, но не лишили ихъ природнаго языка; оставляютъ ихъ

безъ образованія, но не принуждаютъ отрекаться отъ своей народности; заставляютъ ихъ принимать Магометанскую Вѣру, но не навязываютъ имъ своего языка; отнимаютъ у нихъ деньги, но не касаются ихъ духовной природы. Значительная часть населенія въ Босніи уже издавна перешла въ Турецкую Вѣру, однако жь не измѣнила своей Славянской народности. Турокъ умѣетъ только матеріяльно угнетать жителей и держать ихъ въ рабскомъ состояніи, но онъ не въ силахъ заставить ихъ забыть свое прошедшее и отказаться отъ будущаго. По этому-то между Турецкими Славянами не вымираютъ герои Кралевичи, Карагеоргіевичи, Вука́ловичи, которые постоянно пытаются сбросить рабское иго. Одна попытка слѣдуетъ за другой, и нельзя сказать, чтобы столько неудачъ лишило Славянское населеніе охоты къ новымъ усиліямъ. Турки могутъ истреблять Славянское населеніе, но не въ силахъ лишить его народности.

Греки Турецкіе, въ народномъ отношеніи, для Славянъ гораздо опаснѣе, нежели Турки. Управляя церковными дѣлами, они пользуются ими ко вреду Славянской народности и образованія. Въ дѣйствіяхъ Грековъ замѣтна опредѣленная система. Ихъ тайные замыслы обращены къ возстановленію древняго Византійскаго государства съ столицею въ Цареградѣ. Для успѣшнаго осуществленія своей цѣли, они преимущественно заботятся о томъ, чтобы имъ не помѣшали ихъ сосѣдніе Славяне, и по тому стараются послѣднихъ ослабить. По этой же причинѣ они не хотятъ допустить, чтобы Славянское населеніе (въ Булгаріи, Босніи и Герцеговинѣ) имѣло свое народное, высшее духовенство, которое дѣйствительно заботилось бы объ его матеріяльномъ и духовномъ благѣ. Греческое духовенство, напротивъ, систематически старается разорить Славянское населеніе, отымая у него послѣднюю копѣйку, которую имъ оставили Турки. Въ нравственномъ отношеніи оно не только не заботится объ образованіи Славянъ, но еще препятствуетъ ему и подавляетъ его, объявляя всякія проявленія въ этомъ отношеніи опасными и мятежными. Греческое духовенство насильно вводитъ въ Славянскія училища и церковь Греческій языкъ, чтобы Славянская народность мало по малу исчезала. Не меньшее зло для Турецкаго Славянства происходитъ и отъ того, что Греки нравственно развращены и испорчены такъ, что Греческая образованность отравляетъ чистые нравы Славянъ. По этому Турецкое Славянство, именно Булгары, которыхъ особенно преслѣдуютъ Греки, обязаны поскорѣе избавиться отъ подчиненности Греческому духовенству, послѣ чего имъ уже легко будетъ освободиться и отъ Турокъ. Румуны

въ Дунайскихъ земляхъ, Сербы въ Княжествѣ, Черногорцы въ своихъ горахъ, даже самые Греки въ своемъ Королевствѣ, уже избавились отъ непосредственнаго, вреднаго, вліянія Цареграднаго Патріарха. Ту же цѣль имѣютъ теперь и Булгары.

Албанцы—самые преданные и передовые слуги Турокъ, которымъ они помогаютъ удерживать Славянъ въ рабствѣ. Это самый суровый и дикій народъ въ Европѣ, предпочитающій грабительство всему. Они врываются въ сосѣднія Славянскія земли, или, съ согласія Турокъ, или по своему собственно произволу, сперва отдѣльными толпами, потомъ, когда число такихъ переселенцевъ сдѣлается значительнымъ, вооруженною силой вытѣсняютъ Славянъ изъ ихъ жилищъ и земель. Впрочемъ, подобный способъ распространенія Албанскаго племени не можетъ часто повторяться, и не былъ бы пагубенъ для Славянъ, если бы ихъ населеніе не уменьшалось отъ ихъ постоянныхъ домашнихъ раздоровъ. Такъ точно и въ Старой Сербіи Славянская народность до сихъ поръ оставалась бы господствующей, если бы Сербскіе жители сами не переселились (въ 1699 г.) въ Австрію. Оставленныя ими мѣста заняли Албанцы. Этотъ народъ, по своей страсти къ битвамъ и по своей жестокости, найболѣе причиняетъ вреда Черногорцамъ, которые безпрестанно воюютъ съ ними; да онъ препятствуетъ и всѣмъ прочимъ Славянамъ свергнуть съ себя Турецкое иго; по той именно причинѣ въ Албаніи всегда противъ нихъ набирается войско, которое отличается стойкостію, храбростію и грабительствомъ. Албанцы не имѣютъ никакого образованія; Славянинъ стоитъ выше ихъ въ каждомъ отношеніи, и нѣтъ сомнѣнія, что, при своемъ мирномъ, ровномъ и общительномъ, характерѣ, онъ въ состояніи будетъ заставить Албанцевъ удалиться въ ихъ неприступныя горы, гдѣ, со временемъ, хотя незначительная образованность можетъ укротить и смягчить ихъ.

Народная борьба Славянства съ враждебными сосѣдями найболѣе развилась и получила важное значеніе въ Австріи и Турціи, гдѣ находятся главнѣйшіе противники Славянъ—Нѣмцы, Мадьяры и Турки. Борьба съ Итальянцами, сравнительно, имѣетъ скромные размѣры; борьба съ Греками обусловливается только Турецкимъ владычествомъ; но тамъ, гдѣ оно слабѣетъ, гнусныя притѣсненія Грековъ прекращаются сами собою: Албанцы же не что иное, какъ дикіе прислужники Турокъ, которые перестанутъ вредить Славянамъ вмѣстѣ съ Турками. И такъ главными непріятелями Славянскаго міра остаются: Нѣмцы Предлитавскіе, Мадьяри Залитавскіе и Османскіе

Турки. Изъ нихъ Нѣмцы и Мадьяры очевидно стремятся къ уничтоженію народности Славянъ, а Турки преимущественно къ удержанію ихъ въ рабствѣ, что и позволяетъ Грекамъ, подъ ихъ защитою, искажать Славянскую народность.

Имѣя въ виду одну и ту же цѣль, Австрійскіе Нѣмцы, Мадьяры и Турки суть политическіе враги Славянъ.

Нѣмцы и Мадьяры съ давнихъ временъ заключили между собою сердечный союзъ противъ Славянскаго міра, хотя, въ иныхъ отношеніяхъ, они ненавидятъ и не щадятъ другъ друга. Когда дѣло коснулось Славянъ во времена Арнульфа, Нѣмцы позабыли о своемъ Христіянско-Нѣмецкомъ призваніи и, безъ всякаго угрызенія совѣсти, тѣсно соединились съ Мадьярами язычниками.

Съ Нѣмецкой точки зрѣнія этотъ союзъ совершенно оправдывался; ибо въ то время Мораване впали въ «тяжкій грѣхъ», добровольно принявши Христіянскую Вѣру отъ Славянскихъ апостоловъ, и тѣмъ лишили Нѣмцевъ удобнаго предлога, именемъ Христіянства, размножать рабовъ.

Союзъ Нѣмцевъ съ Мадьярами, съ цѣлью угнетенія Славянъ, былъ возобновленъ и въ 1848 г. Въ это время Нѣмецкіе передовые мужи возсѣли на высокомъ Олимпѣ во Франкфуртѣ, замышляя соединить въ одно государство всю Германію, вмѣстѣ съ западною Австріей. Подобные планы были тогда и у Мадьяръ, которые хотѣли создать великое независимое «Мадьярское Государство (Madyarország)», вмѣстѣ съ Хорватіей и Семиградіей, отъ Татръ до Адріятическаго моря, отъ Савы до Литавы и Русскихъ предѣловъ. Но великая Германія и могущественное Мадьярское государство не иначе могли образоваться, какъ только на развалинахъ Австріи и Австрійскаго Славянства. Въ пользу великой Германіи требовалось принести въ жертву 11 милліоновъ Славянъ, а великому «Мадьярскому государству» до 4½ милліоновъ. Дѣло шло, какъ видно, о бездѣлицѣ!

Франкфуртскій парламентъ очень охотно желалъ присоединить къ Германіи всѣ Австрію; но такъ какъ это было не возможно, то онъ рѣшился удовольствоваться одною ея половиной, другая же половина, «во имя свободы,» великодушно была обѣщана братьямъ Мадьярамъ. Отъ Славянскаго населенія ожидали навѣрное, что оно на все будетъ согласно: какъ будто отъ него не требовалось ничего невозможнаго, ничего несправедливаго! Нѣмцы и Мадьяры предлагали ему свободу, и Славянамъ оставалось только въ одномъ мѣстѣ сдѣлаться Нѣмцами, въ другомъ — Мадьярами!

Нѣмцы и Мадьяры были увѣрены, что Славяне даже не посмѣютъ что либо сказать противъ ихъ плановъ. Вѣнскіе господа прямо утверждали, что Австрія (западная)—страна Нѣмецкая, и что они разсуждаютъ разумно. Такъ точно они не сомнѣвались, что присоединенія западной половины Австріи къ могучей Германіи требуетъ міровое призваніе Нѣмцевъ, ихъ стародавнее и искреннее «стремленіе на Востокъ» (Drang nach Osten), и всепобѣждающая, неодолимая, сила Нѣмецкаго духа. Съ такими же разсужденіями обращались и Мадьяры къ Угорскимъ Славянамъ. Этимъ послѣднимъ открывалась новая будущность въ великомъ «Мадьяръорсагѣ», избавленномъ отъ Австрійскаго правленія и отъ всякихъ феодальныхъ обязанностей. Давались еще и другія обѣщанія Угорскимъ Славянамъ, чтобъ они пожертвовали своей народностью.

Австрійскіе Славяне не хотѣли понять плановъ своихъ великодушныхъ благодѣтелей. Они также желали свободы, но не Нѣмецкой, еще менѣе Мадьярской, а своей собственной, Славянской, т. е., такой, которая бы не отнимала у нихъ народности.

Въ началѣ Апрѣля 1848 г. Палацкій получилъ лестное приглашеніе изъ Франкфурта прибыть туда и, какъ уполномоченный Чешскаго народа, принять участіе въ предварительныхъ совѣщаніяхъ, имѣвшихъ цѣлію созваніе Нѣмецкаго парламента. Палацкій отказался, и его письмо, посланное по этому случаю во Франкфуртъ, сдѣлалось программой Австрійскихъ Славянъ.

Палацкій не хотѣлъ отправиться во Франкфуртъ, по тому что сознавалъ себя Чехомъ и, какъ Чехъ, не имѣлъ надобности искать чего ни будь въ Германіи. И дѣйствительно, Чешскій народъ всегда отвергалъ всякую мысль о тѣснѣйшей связи Чешской земли съ Нѣмецкимъ государствомъ, полагая, что такой союзъ могли бы заключить между собою государи, но что онъ никогда не былъ бы союзомъ Чешскаго народа съ Нѣмецкимъ.

«Другая причина, говорилъ Палацкій, не позволяющая мнѣ участвовать въ самихъ совѣщаніяхъ, это, сколько извѣстно намъ о намѣреніяхъ и цѣляхъ вашихъ, уже объявленныхъ, то, что вы непремѣнно желаете, и будете стараться, навсегда не допустить, а, пожалуй, и сдѣлать невозможнымъ стремленіе Австріи быть самобытнымъ государствомъ, которой существованіе, цѣлость и утвержденіе должно составлять дѣло великое и важное, не только для народа моего, но и для цѣлой Европы, человѣчества и самаго образованія... Въ самомъ дѣлѣ,

если бы не существовало Австрійскаго государства доселѣ, слѣдовало бы, въ интересѣ Европы, даже самаго человѣчества, какъ можно скорѣе создать его.

Право народовъ есть право самой природы: никакой народъ не имѣетъ права желать, чтобы сосѣдній народъ самъ себя принесъ въ жертву; никто не обязанъ, для блага своего сосѣда, отказаться отъ себя, либо заклать себя для него. Природа не знаетъ ни господствующихъ, ни рабствующихъ, народовъ. Союзъ, соединяющій различные народы въ одно политическое тѣло, не долженъ, для своей твердости и продолжительности, подавать никому повода къ опасенію касательно утраты нѣкоторыхъ своихъ имуществъ; наоборотъ, каждый пусть питаетъ надежду, что въ центральной власти найдетъ заступленіе и охрану противъ возможныхъ посягательствъ сосѣдовъ, нарушающихъ равноправность; каждый пусть старается доставить этой власти мощь, необходимую для успѣшнаго осуществленія подобнаго требованія.

Взгляну ли я, продолжалъ Палацкій, за предѣлы Чешскіе, нахожу, что естественныя и историческія причины побуждаютъ меня обращаться не къ Франкфурту, но къ Вѣнѣ, и въ ней только искать этого центра, призваннаго и способнаго доставить и обезпечить спокойствіе, свободу и право моего народа. Ваши усилія, Господа, по моему, направлены нынѣ къ ослабленію, и даже къ совершенному уничтоженію подобнаго центра, отъ силы и крѣпости котораго я единственно ожидаю спасенія моей земли. Или вы полагаете, что Австрійское государство можетъ существовать и тогда, когда прикажете ему не имѣть никакого своего войска въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ, кромѣ того, которое будетъ зависѣть отъ Франкфуртской власти? Не уже ли думаете вы, что Австрійскій Императоръ и послѣ приказанія вашего принимать лишь отъ васъ всѣ важнѣйшіе законы, въ состояніи будетъ сохранить свое значеніе, какъ государь? Вѣдь въ ту пору всѣ постановленія Австрійскаго Императорскаго сейма и природныя земскія учрежденія соединенныхъ Королевствъ сдѣлаются просто тѣнью, лишенныя сущности и силы своей? И когда за тѣмъ Мадьяры, слѣдуя стремленію своему, отторгнутся отъ Имперіи или, что одно и то же, сосредоточатся въ особое цѣлое, будутъ ли эти Мадьяры, ничего не хотящіе знать о равноправности народовъ въ своихъ предѣлахъ, въ состояніи отстоять и въ будущемъ свободу и могущество свое? Одинъ лишь справедливый дѣйствительно свободенъ и могучъ. Нельзя и думать о добровольномъ соединеніи Ду-

найскихъ Славянъ, Валаховъ и даже Поляковъ съ такимъ государствомъ, которое утверждаетъ, что прежде всего слѣдуетъ быть Мадьяромъ, а потомъ уже и человѣкомъ. Для блага Европы Вѣна должна существовать, а не обратиться въ областной городъ. Если же и есть еще въ Вѣнѣ такого рода люди, которые желали бы имѣть столицей своей вашъ Франкфуртъ, то о нихъ можемъ просто сказать одно лишь: «Господи, прости имъ! не вѣдятъ бо, что творятъ.»

Въ заключеніе я долженъ убѣжденіе свое изложить въ слѣдующихъ краткихъ словахъ (кончаетъ Палацкій): Кто требуетъ присоединенія Австріи (а съ нею и Чехіи) къ Нѣмецкому государству, тотъ побуждаетъ ее къ самоубійству, а это не имѣетъ рѣшительно никакого нравственнаго и политическаго смысла. А по тому остается одно лишь то, чтобы обѣ державы, Австрійская и Нѣмецкая, устроились одна возлѣ другой равноправнымъ образомъ.»

Но эти мужественныя и справедливыя слова показались такою же страшною ересью, какою прежде, въ древнее время, Славянское Евангеліе и Славянская гражданственность.

Такимъ же образомъ, какъ Палацкій, отвѣчали тогда и Угорскіе Славяне Мадьярамъ. По этому сыны Тевта и Арпада озлобились на столь дерзкую Славянскую ересь. «Гдѣ лежитъ Хорватія? Я не могу найти ее.» спрашивалъ Славянскій отщепенецъ Кошутъ «Чего хотятъ эти Чехоманы?» восклицали Нѣмецкіе передовые люди во Франкфутрѣ. — «Елачичъ бунтуетъ противъ Угорскаго Короля,» говорилъ первый, а Франкфуртцы кричали: «Чехи бунтуютъ противъ Нѣмцевъ.» —По истинѣ, дѣло было непостижимое, отъ чего Хорваты не хотѣли сдѣлаться Мадьярами, когда имъ предлагалъ это такой демократъ, какъ Кошутъ! Да и со стороны Чеховъ было, де, неблагоразумно, что они воспротивились Франкфуртскому парламенту, который увѣрялъ ихъ, что «оставитъ имъ воспоминанія прошедшаго, даже не лишитъ ихъ возможной надежды на будущее.»

Но Славяне хорошо знали, гдѣ лежитъ Хорватія, и не понимали великодушія Нѣмцевъ, которые не желали лишить ихъ «ни воспоминаній, ни надежды» между прошедшимъ и пріятной будущностью имъ хотѣлось имѣть что ни будь посущественнѣе: они предпочитали оставить другихъ въ покоѣ, но чтобы также и ихъ не трогали; они ни какъ не соглашались быть пищей для многоголовой и ненасытной Германіи и Мадьяріи. Славяне созвали въ Прагѣ Славянскій съѣздъ. Австрійское правительство, казалось, не противилось тому; но когда въ самомъ дѣлѣ приступлено было къ разсужденіямъ

объ устройствѣ Славянъ въ Австріи, тогда милость исчезла, и, разумѣется, при содѣйствіи Мадьяръ и Нѣмцевъ, загремѣли пушки Князя Виндишгреца.

Прага пала. Славянскій съѣздъ былъ разогнанъ, Франкфуртъ и Пештъ торжествовали.

Нѣмецкіе передовые мужи были внѣ себя отъ радости, доставленной имъ охраной Нѣмецкихъ восточныхъ крайнъ (Ostmark), а Нѣмецкій парламентъ поднесъ даже благодарственное письмо вѣчно памятному Нѣмецкому витязю.

Положеніе Австрійскихъ Славянъ было ужасно. Не приготовившись къ борьбѣ и привыкши къ прежнему порабощенію, они не могли имѣть надежды одолѣть столькихъ враговъ. Они должны были покориться, и имъ оставалось только выбирать между Австріею, Нѣмцами и Мадьярами. Естественно, что, при такихъ обстоятельствахъ, слабый непріятель былъ лучше другихъ, и—они выбрали Австрію.

Оказавши помощь Австріи и твердо удержавшись на краю пропасти, Славяне, съ нѣкоторыхъ вѣроятіемъ, могли ожидать, что Австрія будетъ имъ признательна. Если бы Австрійскому правительству предстояло устроиться по большинству народностей, то и Славяне должны были бы получить свои права. Имѣя это въ виду Западно-Австрійскіе Славяне отправились въ Вѣну, чтобы помочь сохраненію государства; по этому же и Банъ Елачичъ перешелъ Драву и смѣло вторгнулся въ Угрію, чтобы сохранить своему Императору престолъ, сказавъ при этомъ случаѣ: «Если бы не было Австріи, я создалъ бы ее.»

Нѣмцы и Мадьяры вздумали еще разъ выказать передъ Славянами свое послѣднее торжество, поднявши неслыханный мятежъ въ Вѣнѣ. Это возстаніе не заключало въ себѣ ничего справедливаго, благороднаго и возвышеннаго. Вѣнская революція вооружилась противъ правды, противъ здраваго смысла, противъ права народности и государства: она хотѣла отстоять дуализмъ, который, во имя свободы, угнетаетъ и, во имя цивилизаціи, искажаетъ.

Славянскія войска овладѣли Вѣной и, черезъ годъ потомъ, принудили Мадьярскихъ мятежниковъ положить оружіе у Вилагоша. То былъ великій и страшный судъ справедливой исторіи! Славянскій міръ побѣдилъ своихъ враговъ, хотѣвшихъ поработить его, и Нѣмецко-Мадьярская революція, отрицавшая права народностей, ис-

текла кровью. Изъ той самой могилы, которую она копала для этихъ народностей, возсталъ мстительный духъ Славы.

Послѣ революціи явилась реакція, которая пошла по тому же пути, какъ и ея предшественница, т. е., она отказывала Славянскимъ народностямъ въ равноправности, намѣреваясь совершенно онѣмечить ихъ. Но чрезъ это Австрійское государство ослабѣло въ высшей степени: его внутреннее благоустройство было надорвано, его воиская слава ясчезла, финансы пришли въ крайній упадокъ, и во внѣшнихъ дѣлахъ оно потеряло прежній вѣсъ и силу. Словомъ, положеніе Австріи стало отчаянное.

Въ 1866 г., послѣ страшнаго разгрома подъ Краловеградцемъ (Königingrätz), Австрія очутилась на краю бездны. Стало ясно, что государство не можетъ быть управляемо прежнимъ порядкомъ, если само не желаетъ добровольно обречь себя на гибель. Здравый разсудокъ говорилъ, что Австрія должна устроить свое внутренее положеніе. Могла ли она это сдѣлать, не признавъ правъ всѣхъ народностей?

Чтобы воспрепятствовать тому, Нѣмцы и Мадьяре возобновили свой прежній союзъ противъ Славянъ. Изъ этого союза возникло нынѣшнее устройство Австріи: появился дуализмъ, который Нѣмцамъ предоставилъ во власть западную половину государства, а Мадьярамъ восточную. Славяне просто «прижаты къ стѣнкѣ.»

Пріобрѣло ли отъ этого государство внутреннюю силу? Ни сколько! Такъ какъ Нѣмцы въ одной его половинѣ, а Мадьяры въ другой, составляютъ меньшинство населенія, то само собою разумѣется, что большинство его остается недовольнымъ. Не нужно быть геніемъ, а просто имѣть лишь здравый разумъ и благонамѣренность, чтобы не видѣть, что, не допуская равноправности, требуемой Славянскими народами, государство само слѣдуетъ политикѣ революціонной, которая, для поддержанія себя, нуждается въ грубыхъ полицейскихъ мѣрахъ и безпрестанномъ насиліи. Не выиграло ли государство чего въ финансовомъ отношеніи? Вовсе ничего! Мадьяре никогда правильно не платили податей, никогда съ готовностію не несли государственныхъ тягостей. Нѣтъ сомнѣнія, что они постоянно будутъ соблюдать свои собственныя выгоды, что, конечно, не принесетъ большой пользы государству. Наконецъ Австрія ни сколько не улучшила и своего внѣшняго положенія. Преслѣдуя своихъ Славянъ, Австрія обижаетъ Русскихъ, какъ прирожденныхъ охранителей Славянъ. Союзъ Нѣмцевъ и Мадьяръ, безнравственный самъ по себѣ и имѣющій такую

же безнравственную цѣль, не въ состояніи слѣдовать естественной политикѣ, но единственно перемѣнчивой, вредной и опасной.

Союзъ Нѣмцевъ съ Мадьярами основанъ на притѣсненіи Австрійскихъ Славянъ; по этому онъ долженъ быть враждебенъ и Россіи; но враждебныя отношенія показывать къ Россіи возможно лишь на востокѣ. По этому необходимо держать сторону Турціи; но кто поддерживаетъ Турокъ, тотъ врагъ Румуновъ, Славянъ и Грековъ въ Турціи, словомъ: всего Восточнаго міра.

Но что говоритъ объ этомъ образованіе, которое Нѣмцы собираются распространить на Востокѣ? Образованіе льетъ слезы: подпора Турецкаго господства просто направлена противъ него. А что говоритъ свобода и либерализмъ, которыя красуются на знаменахъ Мадьярскихъ? И они равномѣрно плачутъ: гдѣ господствуетъ Турокъ, тамъ нѣтъ мѣста свободѣ. Но Нѣмцы и Мадьяры имѣютъ, кажется, совсѣмъ иную совѣсть, чѣмъ остальной свѣтъ: гдѣ дѣло идетъ о Славянахъ, тамъ всякія средства годятся.

Въ слѣдствіе союза Нѣмцевъ съ Мадьярами внѣшняя политика Австріи находится на ложномъ пути. Постоянное влеченіе Австрійскихъ Нѣмцевъ къ Нѣмцамъ Нѣмецкаго государства впутываетъ Австрію въ столкновеніе съ Пруссіею. Мадьяры съ давнихъ поръ поддерживали такую политику Австріи, надѣясь изъ каждаго ея столкновенія съ другимъ государствомъ извлечь для себя какую ни будь пользу.

Исторія союза Нѣмцевъ съ Мадьярами въ 1848 и 1849 г. не слишкомъ радостна и утѣшительна для этихъ обоихъ народовъ, такъ какъ Славяне остались тогда побѣдителями. Оба эти союзника, изъ ненависти къ Славянамъ, присоединили къ себѣ еще Турка: чудная троица! Всего смѣшнѣе, что Мадьяры—главные господа этого союза, такъ какъ вся политика Австріи въ наше время—Мадьярская, Нѣмцы же принуждены играть только второстепенную роль. Будущность покажетъ, что сдѣлаютъ эти три союзника; но можно быть увѣреннымъ, что Турція немного выиграетъ для себя отъ своихъ друзей. Не возможно допустить, чтобы правильное теченіе событій остановилось, или приняло другой оборотъ, въ угоду упорнымъ Мадьярамъ и Австрійскимъ Нѣмцамъ, какъ бы оба эти народа самимъ искреннимъ образомъ ни ненавидѣли Славянскій міръ и ни любезничали съ намѣстникомъ «великаго пророка» въ Цареградѣ.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ИЗДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО

ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

10.

Такое пустое самохвальство тщеславнаго Фразона (Thrasonis), разсердило Царя: вспыливъ отъ негодованія, онъ отвѣчалъ: «Съ чего ты, блудницынъ сынъ (fili meretricis), приписываешь себѣ такую опытность въ военномъ дѣлѣ? Когда это ты набилъ руку на воинскомъ поприщѣ? Спрашиваю тебя: пересчитай свои славные воинскіе подвиги, тогда и мы можемъ надѣяться, что исполнишь свои обѣщанія. Пошелъ къ праху, старикъ, съ своими бреднями!» Тутъ, поднявшись съ мѣста, онъ сперва влѣпилъ ему громозвучную пощечину и, тряся его за бороду, прибавилъ: «Какъ смѣешь ты, негодяй, потѣшаться надо мной такими непристойными шутками? Сейчасъ же вонъ отсюда!» И, говоря это, выгналъ его пинками изъ Думы, и самъ заперъ двери за нимъ. Точно слуга, чтобы за то быть бариномъ, Илья съѣдаетъ и перевариваетъ въ своемъ строусовомъ желудкѣ это, хоть и очень жесткія вещи, только бы сохранить вліяніе, благодаря, которому подаетъ всегда новое, дорогой цѣны, кушанье прожорливости своего ненасытнаго корыстолюбія, проголодавшейся отъ долгаго поста. А этому, глядящему въ гробъ, старику такъ немного нужно денегъ на путевые издержки, чтобы добраться до роковой цѣли своего странствія, которой онъ почти уже и достигъ; при томъ же у него нѣтъ сыновей, а только дочери, которымъ и долженъ передать послѣ себя наслѣдство (точно рѣку въ море). Но такъ ужь устроена самая испорченная природа Москвитянъ. Жадность въ ихъ сердцѣ—не гостья, а коренная обитательница: они не только постоянно поддерживаютъ ее пищею, какъ древнія Весталки священный огонь, но еще любятъ, чтобы она съ каждымъ днемъ и добрѣла отъ этой пищи.

Другой, пользующій милостями государя, считается Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ (Theodorus Michalowicz Ertischew), еще съ отроческихъ лѣтъ Царскій Постельничій (lecti strator), стало быть, сжившійся съ нимъ на дружеской ногѣ, а нынѣ Окольничій, Царскаго Дворца Дворецкій и Управляющій всѣмъ монетнымъ дѣломъ въ Государствѣ. Впрочемъ, по исправленію этой послѣдней должности, онъ нажилъ себѣ жестокую ненависть нѣкоторыхъ, такъ какъ не безъ основанія считается главнымъ виновникомъ чеканки мѣдныхъ денегъ, которыя совершенно вывели изъ обращенія золотыя и серебряныя деньги, съ большимъ убыткомъ для всѣхъ, а по тому Богу извѣстно, какая еще будетъ его участь у народа, расположеннаго къ мятежамъ по своей приро-

дѣ. Между тѣмъ, сильный благоволеніемъ къ себѣ Государя, онъ пренебрегаетъ опасностью и, превосходно зная ослиныя свойства Москвитянъ, подгоняетъ ихъ ударами нести свое ярмо. Впрочемъ, довольно еще ловко скрываетъ бичъ по своему благоразумію, по которому едва, 40-ка лѣтъ отъ роду, станетъ выше многихъ стариковъ. [268]

Послѣ него по справедливости слѣдуетъ въ числѣ любимцевъ Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово (Bogdanus Mattheowicz Hitrow), третіи изъ Царскихъ уполномоченныхъ для разсужденій съ нами. Множествомъ оказанныхъ ему милостей Алексѣй заявляетъ свое уваженіе къ его военной и гражданской извѣстности. [269]

Нельзя также пропустить и Князя Юрія Ивановича Ромодановскаго (Georgius Juanowicz Romodanowski), Царскаго Спальника (a cubiculis), который приходится Царю въ 3-й степени родства по бабкѣ съ материней стороны. Съ этимъ Княземъ, отличающимся болѣе силою легкаго остроумія, нежели сужденія, да и чуть не сверстникомъ Царя, Алексѣй часто бесѣдуетъ по пріятельски, сложивъ съ себя суровую важность Величества. Этотъ, до сихъ поръ благоразумный любимецъ (gratiosus) не распускаетъ большаго паруса по вѣтру Царскаго расположенія къ себѣ, а скромно принимаетъ его малымъ, чтобы этотъ вѣтеръ не умчалъ его въ открытое море зависти и не столкнулъ съ вліяніемъ безпокойнаго Ильи; впрочемъ, не всегда же придерживается и низкихъ песковъ прибережья. Но, по своей бѣдности, онъ жадно падокъ на подарки. [270]

Было время, когда Патріархъ Никонъ, котораго Царь любилъ больше всѣхъ ихъ, казался у него всемогущимъ, но, свергнутый силою, постигшей его судьбы придворныхъ, уже шесть лѣтъ скрывается въ построенномъ имъ монастырѣ, бросивъ всякую надежду на свое возвышеніе при Дворѣ, но возвышаясь благород-

---

[268] См. выше стран. 69 примѣч. 104. О. Б.

[269] См. выше стран. 71 примѣч. 107. О. Б.

[270] Это отецъ извѣстнаго Князя Кесаря Ѳедора Юрьевича, одинъ изъ любимѣйшихъ приближенныхъ Царя Алексѣя Михайловича. Родъ Князей Ромодановскихъ угасъ съ кончиной Князя Ивана Ѳедоровича (1737 г.), женатаго на родной сестрѣ извѣстной Царицы Прасковьи. О. Б.

ствомъ духа. Этотъ монастырь называется (Новымъ) Іерусалимомъ и находится въ 40-ка верстахъ отъ Москвы [271] и только въ 300-хъ шагахъ отъ прежней обители. О паденіи Никона разныя лица говорятъ различно. Вѣрнѣе приписываютъ его тому, что Никонъ очень ужь много давалъ воли своему, жадному до новизны, уму, по чему и впуталъ своимъ опрометчивымъ совѣтомъ въ Шведскую войну Московію, уже замѣшанную, по его же настоянію, въ Польскую. При томъ, для разогнанія Москвитянскаго невѣжества открылъ еще въ Москвѣ училища Латинскаго и Греческаго языковъ, удалилъ изъ церквей висѣвшіе на стѣнѣ противъ алтаря св. образа, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, чтобы не сказывалось неприличное пренебреженіе алтарю, когда молельщики станутъ класть, по обыкновенію, земные поклоны симъ образамъ. Оба пола подняли такъ же сильный шумъ на установленіе, въ видахъ опрятности, весьма частыхъ омовеній, по Турецкому обряду, чѣмъ Никонъ умножилъ довольно явныя доказательства затѣяннаго имъ новшества въ религіозныхъ догматахъ для подозрительныхъ Московскихъ умовъ, державшихся упорно стариннаго обычая. За все это всѣ возненавидѣли Никона, и съ общаго желанія требовали его ссылки. Онъ не нашелъ никакой защиты въ расположеніи къ себѣ Алексѣя, сердце котораго давно уже по немногу отдаляли отъ Патріярха, заронивъ непріязнь въ него, жена Царя и тесть, ненавидѣвшіе Никона по особеннымъ причинамъ. Тѣ придворные любимцы и прочіе первые сановники такъ осѣтили со всѣхъ сторонъ добраго Алексѣя, что никому нельзя было добиться доступа къ нему. А сами эти господа либо совсѣмъ скрываютъ отъ него вопли угнетенныхъ, крайнія нужды государства, несчастные случаи съ войскомъ, либо же представляютъ ихъ ему въ такомъ видѣ, какой выгоденъ для ихъ намѣреній.

Величіе пышно обставленнаго Царскаго сана Алексѣй заявляетъ безчисленнымъ множествомъ придворныхъ, въ числѣ которыхъ многіе славятся своимъ знатнымъ происхожденіемъ. Всѣ Бояре обязаны ежедневно до полудня посѣщать его дворецъ, для засвидѣтельствованія ему почтенія. Какъ муравьи въ свой муравейникъ, такъ и они туда собираются, и главный Кравчій, завѣдывающій поставцемъ съ напитками, и Спальники, Крайчіе, Стольники, и прочее

[271] У заштатнаго города Воскресенска Звенигородскаго Уѣзда при рѣкѣ Истрѣ въ 50 в. отъ Москвы. О. Б.

множество должностныхъ дворянъ, каждый для исправленія своей должности. Царь садится одинъ за свой обѣденный столъ, уставленный великимъ числомъ кушаньевъ. Утоляетъ жажду квасомъ, (aqua fermentata), какъ и многіе. Для укрѣпленія желудка выпиваетъ, однако жь, полную чару Испанскаго вина. Жена и сынъ, хотя уже десятилѣтній, никогда не обѣдаютъ съ нимъ, а тѣмъ менѣе сестры и дочери, и не показываются на глаза посторонихъ (для внушенія къ себѣ большаго уваженія). Между тысячью придворныхъ служителей едва ли найдется одинъ, который могъ бы сказать, что онъ хоть однажды видѣлъ кого ни будь изъ нихъ. Разъ, когда Царица лежала больная въ постелѣ, она пожелала принять приглашеннаго врача въ своей спальнѣ, сумрачной по случаю завѣшенныхъ оконъ, чтобы ему было не видать ее, и подала ему для изслѣдованія правую руку, покрывъ сначала жилу у ней самою тонкою тканью, а то обнаженную онъ могъ бы осквернить своимъ прикосновеніемъ. Когда она пожелаетъ выѣхать пользоваться воздухомъ, ее везутъ въ закрытой каретѣ (rheda), или саняхъ (traha), смотря по времени года. Если случится увидать запряженною многими бѣлыми лошадьми карету Царицы, подражающей Юпитеру, или Солнцу, подумаешь, что видишь четверыхъ Камилловъ,[272] справляющихъ свой тріумфъ. А при выходахъ въ церковь, она ходитъ туда изъ дворца сѣнями, закрытыми со всѣхъ сторонъ, чтобы случайно не осквернилъ ее грубый взглядъ прохожихъ; въ торжественные дни, или въ обыкновенные праздники, идущая позади у ней знатная дѣвица держитъ надъ головой ея круглый зонтъ, привѣшенный на придѣланной къ нему длинной рукояти. Въ самые большіе праздники, когда надѣваетъ вѣнецъ (corona), четыре такихъ же дѣвицы носятъ надъ нею длинный зонтъ (балдахинъ), подъ которымъ между нею и идущими впереди ея Царскими сестрами, мамки, обреченные монастырю въ случаѣ смерти ихъ потомцевъ, несутъ дѣтей ея обоего пола, пока еще они не подросли. Впереди ея всегда идутъ нѣсколько благородныхъ дѣвицъ, держащіе восковыя свѣчи въ темную пору; если она намѣрена служить панихиду по душамъ усопшихъ, вмѣстѣ съ дѣвицами идетъ вдова изъ знатныхъ, несущая въ про-

---

[272] Это тѣмъ болѣе походило на торжественный выѣздъ Римскихъ тріумфаторовъ въ Капитолій, что лошади Царицы запряжены были врядъ; съ вершниками (форрейторами) тогда еще у насъ не ѣздили. На рисункѣ у Майерберга Царицу везутъ 12-ть лошадей.

тянутой впередъ рукѣ небольшой серебряный сосудъ съ медомъ, пшеномъ, смоквами и сахаромъ, называемый кутьею (kutiat), чтобы поставить ее на гробницѣ. Всегда тоже ходитъ въ числѣ провожатыхъ Царицы и вдова Анна, сестра Царскаго Дворецкаго, Ѳедора Михайловича,[273] исправляющая ту же должность при ней, подъ именемъ, однако жь, Кравчей, приставленной при кушаньяхъ, которыя она разрѣзываетъ.

Кладовыя Царскаго дворца полнехоньки всѣмъ, что только Амальтея (Amalthea) придумаетъ излить изъ своего. рога изобилія для роскоши смертныхъ. а винные погреба не только уставлены множествомъ боченковъ съ Критскимъ, Испанскимъ, Французскимъ, Рейнскимъ и Астраханскимъ, винами, но также и бочекъ съ пивомъ, различными медами и водкой, а въ лѣтнее время всегда набиты грудами льда; все это составляетъ немаловажную статью въ счетѣ издержекъ Царскаго расходчика. По тому что это не только должно служить для ежедневнаго содержанія самой многочисленной толпы придворныхъ, но и для весьма частыхъ пирушекъ Бояръ, которые, употребляя во зло снисходительность Алексѣя, безъ его вѣдома просятъ економа и погребщика нацѣживать себѣ вдоволь всего, для угощенія пышными обѣдами своихъ гостей; даже еще самовластно приказываютъ имъ это; однако жь, никто не посмѣетъ доносить на нихъ Великому Князю. Доходы Великаго Княза Московскаго, не только, какъ и всѣхъ прочихъ государей въ мірѣ, состоятъ въ особенныхъ государственныхъ помѣстьяхъ и земляхъ, въ десятинахъ съ пахотныхъ полей, въ оброкахъ съ крестьянъ, въ пошлинахъ и торговыхъ сборахъ, также въ податяхъ съ соли и желѣзныхъ рудниковъ, въ налогахъ и подушныхъ, но даже и съ винныхъ погребовъ, въ которыхъ, по выдумкѣ Царя Годунова, выставляется на продажу, посредствомъ его служителей, пиво, медъ и водка для общественнаго употребленія, подъ строжайшимъ запретомъ, чтобы никто другой не смѣлъ продавать эти напитки. Всѣ эти погреба, ведя широко распространенную торговлю по всѣмъ городамъ его Россіи, каждогодно приносятъ ему одному огромную прибыль отъ различныхъ напитковъ. Не мало также онъ получаетъ съ торговли, которую ведетъ покупкой и продажею товаровъ черезъ своихъ повѣренныхъ

[273] Анна Михайловна Вельяминова, урожденная Ртищева.

и прикащиковъ, по стародавнему обычаю Великихъ Князей. Въ казнѣ его выставлены открыто на продажу разные драгоцѣнные мѣха, которые ежегодно приносятъ ему сѣверныя области, да и почти всѣ другія, каждая въ положенномъ числѣ, подъ неопредѣленнымъ названіемъ дани. На народной площади мясники продаютъ говядину, баранину и свинину, а торговки яблоки, Грецкіе орѣхи и полотна, и громко выкрикиваютъ, что этотъ явный торгъ ведутъ они для прибыли Великаго Князя, чтобы легче заманить такимъ припѣвомъ прохожихъ купить Царскаго мяса, Царскихъ яблокъ, Царскаго полотна. А при продажѣ Великій Князь пользуется гораздо высшею цѣной противъ дешевой цѣны другихъ продавцовъ, по тому что всякой, привезшій въ Москву товары, обязанъ объявить о нихъ таможеннымъ Приставамъ, для назначенія имъ цѣны, и никому не предлагать этихъ товаровъ на продажу, пока Царь не объявитъ о своемъ намѣреніи купить ихъ. А когда пожелаетъ купить что ни будь, никто другой уже не допускается набивать цѣну.

Однако жь, если бы я отважился утверждать что ни буть вѣрное объ его доходахъ, то справедливо подвергнулся бы замѣчанію въ смѣлости. Ни одинъ народъ въ свѣтѣ не скрываетъ своихъ дѣлъ тщательнѣе Московскаго; ни одинъ столько недовѣрчивъ къ другимъ, и ни одинъ не получилъ привычки такъ великолѣпно лгать о своемъ могуществѣ и богатствѣ. Слѣдовательно, если иностранецъ спроситъ о томъ Москвича, этотъ, или по дѣйствительному, или притворному, невѣдѣнію, либо промолчитъ о томъ, либо скажетъ преувеличенно, изъ подозрѣнія, что чужеземецъ хочетъ развѣдать государственныя тайны съ предательскимъ умысломъ. Нѣмецкіе купцы съ торговой пристани у храма Михаила Архангела [274] въ состояніи еще сообщить что ни будь вѣрное о торговыхъ пошлинахъ Москвѣ, но о прочихъ доходахъ и они не могутъ сказать ни одного слова. Стало быть, объ этихъ доходахъ можно болѣе догадываться, нежели знать навѣрное, по великому числу расходовъ, для покрытія которыхъ никогда не истощается его казна.

По тому что къ огромнымъ, уже показаннымъ нами, расходамъ на свой Дворъ, Царь дѣлаетъ еще немаловажную прибавку, давая ежегодно щедрое жалованье Дьякамъ всѣхъ Приказовъ (Prica-

[274] Въ Архангельскѣ. О. Б.

zarum), или Правительственнымъ чиновникамъ, ихъ Поддьякамъ и писцамъ, троимъ Лѣкарямъ, съ которыми почти никогда не совѣтуется, многимъ Спагирикамъ и Аптекарямъ, которыхъ свѣдѣній никогда не испытываетъ, множеству различныхъ мастеровъ, которыхъ, по приглашенію, велитъ приводить съ немалыми издержками изъ разныхъ странъ Европы, и тринадцати главнымъ Переводчикамъ съ разныхъ языковъ, съ 60-ю ихъ несвѣдущими помощниками.

Много тоже тратитъ Царь на пріемъ и содержаніе Пословъ иноземныхъ Государей и на отправку къ нимъ своихъ. По тому что частыя посольства приходятъ отъ Римскихъ Императоровъ, изъ Польши Англіи, Даніи, Швеціи и Царей Персидскихъ, отъ Перекопскихъ и Нагайскикъ Татаръ, рѣже отъ Турецкаго Султана, обратно также и отъ самаго Царя къ нимъ: всѣмъ имъ Великій Князь даетъ достаточное число повозокъ и содержаніе въ своихъ областяхъ (если бы только хищность Приставовъ и низшихъ чиновниковъ не обворовывала гостепріимную щедрость множествомъ тайныхъ кражъ въ свою пользу).

Но пропасть, всегда зіяющая ужасною пастью и поглощающая почти все богатство казны, это—военное жалованье, выдаваемое всегда, какъ въ мирное, такъ и военное, время. Царь имѣетъ подъ знаменами постоянно 40 тысячъ тѣлохранителей, которыхъ Москвитяне называютъ стрѣльцами (Strelitzios); третью часть ихъ назначаетъ для охраненія своей особы, а остальныхъ, раздѣливъ на сторожевые отряды, размѣщаетъ по пограничнымъ мѣстамъ и каждому даетъ пособіе на подъемъ. Ихъ Полковникамъ (tribunis) и Сотникамъ (centurionibus), вмѣсто жалованья, идетъ доходъ, который они получаютъ съ имѣній, назначенныхъ имъ Царемъ для пользованія, въ видѣ временнаго обезпеченія; кромѣ того по щедрости, обратившейся почти въ обязанность отъ долговременнаго употребленія, онъ выдаетъ имъ каждый годъ одежду и деньги. У всякаго Сотника двое подчиненныхъ Пятидесятниковъ, изъ которыхъ каждый начальствуетъ пятидесятью человѣками, десять Десятниковъ и двадцать такихъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ власть надъ четырьмя рядовыми. Пятидесятникамъ (subcenturionibus) Царь платитъ ежегодно 8 рублей, Десятникамъ (decurionibus) по 7-ми рублей, Поддесятникамъ (subdecurionibus) каждому по 6-ти рубей, а рядовому (gregariis) 5 рублей. Сверхъ того каждому безъ различія (кромѣ Сотниковъ,

которымъ дается вдвое) отпускаетъ по двадцати мѣръ овса и ржи, обыкновенная цѣна которыхъ около 18-ти рублей. Всѣмъ, также вмѣстѣ, даетъ одноцвѣтнаго по полкамъ сукна, изъ котораго они сами шьютъ себѣ кафтаны, прикупая на свой счетъ прикладъ; однако жь отставные должны сдавать это платье новобранцамъ, или ихъ наслѣдники послѣ ихъ смерти казначею, для употребленія другихъ, поступившихъ на мѣсто умершихъ, если, по просьбѣ ихъ вдовъ, Царь не подаритъ его этѣмъ послѣднимъ. Впрочемъ, тѣмъ, которые стоятъ у него на караулѣ, а особливо находящимся во временныхъ посылкахъ, нерѣдко дается хлѣбъ, приварокъ и три кружки квасу, да и всѣмъ имъ Царь дѣлаетъ иногда подарки. Такъ мнѣ извѣстно, что, въ бытность мою въ Москвѣ, по случаю торжества рожденія у него сына, Ѳедора, онъ роздалъ по три рубля на каждаго рядового.

Къ этой пѣхотѣ надобно прибавить еще конницу, которой нынѣ немного полковъ служитъ на Царскомъ жалованьѣ. Они поставлены въ пограничныхъ областяхъ, для отраженія нечаянныхъ набѣговъ безпокойныхъ сосѣдей, имѣя передъ собою попеременно одного изъ нихъ на своей стоянкѣ. Каждый полкъ, по своему устройству, долженъ состоять изъ 2,000 конниковъ, раздѣленныхъ на 11-ть отрядовъ (эскадроновъ), а Офицерами въ нихъ нынѣ поставлены почти все иностранцы, по Нѣмецкому обычаю. Жалованья каждому иностранному Полковнику 40 р. въ мѣсяцъ, если оно не отступаетъ отъ обыкновеннаго по выговоренному условію; Подполковнику 18 руб., главному начальнику надъ караулами (Маіору) 16 руб., начальнику коннаго отряда (эскадрона) 13 р., его намѣстнику 8 руб., и корнету 7 руб. Прочимъ же низшимъ должностнымъ лицамъ, которые все Москвитяне, платится наравнѣ съ рядовыми, по 15-ти рублей въ годъ каждому; сверхъ того, при выступленіи противъ непріятеля, на каждаго выдается по два Вѣнскихъ кувшина водки, по 3 четверика пшеничной муки, по одному пшена, по 5-ти полтей свиннаго сала и по 24 фунта сушеной рыбы.

Въ томъ же случаѣ, когда Царь предвидитъ, что предстоитъ ему тяжелая обязанность начинать, или продолжать, войну, онъ обязываетъ къ пѣхотной службѣ и другихъ вольноопредѣляющихся, отребіе своихъ городовъ; въ такомъ числѣ, сколько понадобится, они сбѣгаются по барабанному бою, безъ видовъ на жалованье, а только на одну добычу; въ отличіе отъ стрѣльцовъ, Царь назы-

ваетъ ихъ, какъ и у насъ же, иностраннымъ названіемъ солдатъ (soldatos) и распредѣлить по полкамъ, которыхъ Полковниками иностранцы. Полковнику Царь платитъ жалованья 30 р. въ мѣсяцъ, Подполковнику 15, Маіору 14, Сотнику 11, Пятидесятнику 8 и Прапорщику 5 рублей съ половиной. А рядовому и каждому изъ низшихъ Офицеровъ тоже даетъ шесть копѣекъ (copicorum) въ день на содержаніе.

Это жалованье у нихъ выдается каждому съ такою точностью въ свое время, что если кто изъ получающихъ его не явится за нимъ въ первый день по прошествіи года, или мѣсяца, къ военному казначею, то на другой день оно посылается къ нему сполна и на домъ. Если же кто изъ нихъ падетъ, храбро сражаясь, въ бою, Царь заботится о честномъ пропитаніи его жены, до вступленія ея во второй бракъ, и дѣтей его до ихъ совершеннолѣтія. Взятыхъ въ плѣнъ Царь возвращаетъ назадъ, заплативъ за нихъ непріятелю выкупъ, а женамъ ихъ во все это время даетъ половинное жалованье ихъ мужей, уплачивая остальную половину этимъ послѣднимъ по возвращеніи ихъ изъ плѣна.

Отъ того-то и вышло, что этихъ иноземцевъ набралась такая пропасть въ Москву на Царскую службу изъ Германіи, Батавіи, Англіи, Шотландіи и другихъ странъ: въ 1662 году, кромѣ двухъ полныхъ Генераловъ, и двухъ Генералъ-Маіоровъ, я могъ бы прочитать записанныя въ моей памятной книжкѣ имена болѣе ста иностранныхъ Полковниковъ, многихъ Подполковниковъ и Маіоровъ, и назвалъ бы почти безчисленное множество Капитановъ и Прапорщиковъ. Всѣмъ имъ Алексѣй не тяготится платить жалованье даже и задаромъ въ мирное время, чтобы имѣть ихъ всегда на лицо при неожиданно наставшей войнѣ. Впрочемъ, я зналъ между ними очень много такихъ, которые раскаяваются въ томъ, что забрались въ этотъ лабиринтъ, въ надеждѣ выгодъ, покинувъ отеческихъ боговъ и не подороживъ свободною службой среди своего народа. По тому что Царь жестоко издѣвается надъ условіями, которыми они обезпечили себѣ увольненіе на родину, послѣ опредѣленнаго срока службы, положившись на нихъ, точно на Аріяднину нить: одного онъ останавливаетъ щедростью, другого просьбами, третьяго повышеніемъ, даже, если ему угодно, ссылкою въ излучистые закоулки безвыходныхъ трущобъ; проповѣдуетъ всѣмъ о неприличіи увольненія отъ службы для военныхъ людей въ такое время, когда война въ самомъ разгарѣ, или

когда ея опасаются. Бѣдняки никогда и не отпускаются изъ за этого опасенія, отъ котораго Алексѣй ни на минуту не можетъ освободиться, такъ какъ обширное Московское Государство почти отвсюду опоясано воинственными народами, не терпящими покоя, и окружено ихъ завистью и ненавистью. Впрочемъ, иностранцевъ тревожитъ и другая, да еще самая важная, причина къ раскаянію, которую и надобно сообщить.

Деньги, которыя изстари льютъ въ Московской Россіи для всеобщаго употребленія, состоятъ въ серебряной продолговатой монетѣ, называемой копѣйка (copicus): шестьдесятъ четыре ихъ, по количеству и вѣсу серебра, совершенно равняются рейхсталеру (dalero Imperiali). Другая монета мѣдная деньга (denga), которыхъ четыре, по обще употребительной оцѣнкѣ, равняются цѣнѣ одной копѣйки; но онѣ не въ ходу въ торговлѣ и рѣдко еще трутся въ рукахъ народа на овощныхъ рынкахъ. Три копѣйки составляютъ воображаемый алтынъ (altinum), десять такую же гривну (grivnam), и сто копѣекъ — такой же рубль (rublum). Но по случаю торговыхъ сношеній заѣзжіе купцы привозятъ въ Московію Іоахимс-талеры (daleri Joachimici) и золотые червонцы (solidi aurei), которые въ Германіи мы называемъ дукатами (ducatos); первые цѣнятся въ 50, послѣдніе въ 100 копѣекъ. Мнѣ часто приходилось слышать и прежде, что кто пожелалъ бы размѣнять золотой для исправленія какихъ ни будь мелочныхъ надобностей по хозяйству, тому давали только 94 копѣйки и съ трудомъ 96 копѣекъ. Когда же Алексѣй убѣдился, что казнѣ его не справиться съ нуждами въ поднявшейся войнѣ съ Поляками, и на продолженіе войны съ Шведами, онъ легко далъ уговорить себя, чтобы велѣлъ бить мѣдныя копѣйки и принимать ихъ всѣмъ по равной цѣнѣ съ серебряными, при взаимныхъ торговыхъ сдѣлкахъ. И такъ на 160 копѣекъ выданныхъ для покупки мѣди онъ нажилъ 100 рублей, вылитыхъ на его монетныхъ дворахъ. Отъ того тѣ расходы, которые прежде тратилъ на жалованье одному военному, теперь уже издерживалъ на 60-ть человѣкъ. Никто и не чувствовалъ убытка отъ ухужденія качества монеты до тѣхъ поръ, пока она, смѣшанно съ монетой лучшаго качества, принималась безобидно всѣми, безъ всякой разницы въ цѣнѣ. Но когда Дворъ, не довольствуясь такою выгодой и жадничая перевести въ свои руки все серебро и золото, отрядилъ людей, для обмѣна золотой и сереб-

ряной монеты на мѣдную, который надавалъ имъ, съ прибавкою еще большой платы за обмѣнъ такихъ денегъ, народъ замѣтилъ, что Дворъ недорого цѣнитъ свою монету, да и самъ сталъ цѣнить еще дешевле, такъ что одинъ червонецъ покупалъ за 10 мѣдныхъ рублей. Необходимымъ послѣдствіемъ того была величайшая дороговизна всѣхъ вещей, такъ какъ купцы просили за свои товары, а крестьяне за свой хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, вдесятеро дороже противъ обыкновеннаго; такая дороговизна надоумила наемныхъ военныхъ людей, сколь недостаточно стало на семейныя надобности этихъ мѣдныхъ копѣекъ, которыя хотя на столько ниже были въ цѣнѣ серебряныхъ, однако жь выдавались имъ не въ большемъ количествѣ противъ прежняго. Это-то и заронило въ ихъ душу раскаяніе, хотя и позднее, въ своемъ неосторожномъ переходѣ въ Москву.

Случалось со всѣми государями, что они наказывались бѣдностью за долгое продолженіе войны. А Алексѣй, пока велъ свои войны, нажилъ себѣ половину тѣхъ денегъ. По случаю того, что этѣ мѣдныя деньги широко разошлись по всѣмъ его областямъ, онъ собралъ огромное сокровище въ золотой и серебряной монетѣ, скупленной посланными для того людьми: оно и припрятано, чтобы не возвращаться ему болѣе на свѣтъ Божій, даже и въ случаѣ крайней необходимости. Между тѣмъ для всѣхъ подданныхъ, осужденныхъ къ мѣднымъ деньгамъ, служитъ къ отягощенію не только вся та монета, что чеканится открыто въ литейныхъ ихъ государя, и, въ продолженіи пяти лѣтъ, какъ стали выбиваться, возрасла уже до 20-ти милліоновъ рублей, но, сверхъ того, и другая, которая, въ видахъ большаго прибытка, ввозится, по слухамъ, въ Московію изъ заграничныхъ областей, а коегдѣ чеканится и самими Москвитянами съ подѣльными клеймами. Одинъ Илья Даниловичъ постарался выбить ее для себя на сто двадцать тысячъ рублей. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1661-го года въ Москвѣ содержалось въ темницахъ до сорока тайныхъ литейщиковъ мѣдныхъ копѣекъ. А такъ какъ деревенскіе жители, да и сами дворяне, живущіе въ своихъ деревняхъ и помѣстьяхъ, обыкновенно зарываютъ свои нажитыя деньги въ землю въ лѣсахъ и поляхъ, по обычаю, заимствованному отъ предковъ, то, когда, въ случаѣ надобности, или изъ любопытства, выроютъ ихъ, то съ воемъ находятъ всѣ этѣ мѣдныя деньги изъѣденными ржавчиной отъ сырости земли и больше ужь негодными ни къ какому употребле-

нію. Такъ мы все и боялись, чтобы, вынужденный отчаяніемъ, народъ, всегда и безъ того уже готовый возмутиться, по своей наклонности къ мятежамъ, не поднялъ бунта, съ которымъ не легко будетъ сладить. Особливо, когда этотъ народъ, подъ гнетомъ такой дороговизны хлѣба, что пшеницу долженъ покупать въ 14 разъ дороже, да и все прочее изъ съѣстнаго, и одежды тоже по очень высокой цѣнѣ. Отъ того-то у нѣкоторыхъ вырывались уже угрозы противъ Думныхъ Бояръ, остановленныя на этотъ разъ строгою казнію—лишеніемъ руки и языка, когда виноватые уличены были въ произнесеніи этихъ угрозъ однимъ зажиточнымъ купцомъ.

Къ тому же присоединилась еще тягость войны, такъ несчастливо веденной въ продолженіе двухъ лѣтъ, отъ которой области истощились въ крестьянахъ, по случаю безпрестаннаго пополненія полковъ, а конница измельчала, по тому что безчисленное множество дворянъ или похищено было смертію, или изнурено въ плѣну, или обезсилѣло въ дальнихъ походахъ. Это отъ того, что Московія лишена того облегченія, которымъ пользуются многія государства, нанимающія иноземныхъ солдатъ и берегущія своихъ жителей: все войско Великаго Князя состоитъ изъ жителей его областей, за исключеніемъ иностранныхъ Офицеровъ, о которыхъ мы уже говорили, жертвующихъ своею кровью чуждой власти и чуждому вѣроисповѣданію.

Здѣсь справедливо удивится всякой, что Московскій народъ, привыкшій ставить ни во что иноземные народы, изъ гордаго своенравія, не отказываетъ въ повиновеніи иностраннымъ начальникамъ. Вся сила состоитъ въ дознанной доблести, послѣдствъ которой онъ не находитъ въ своемъ соотечественникѣ. По тому что всѣ граждане хорошо извѣстны другъ другу и ни одинъ изъ нихъ никогда не подчинится другому, о которомъ знаетъ, что и тотъ такъ же какъ и самъ онъ, не храбраго десятка, да и безъ всякихъ свѣдѣній. А заѣзжему воину, въ пользу котораго говоритъ молва объ его храбрости, онъ повинуется безропотно, какъ человѣку, справедливо поставленному выше его.

Встарину Великіе Московскіе Князья обыкновенно вооружали на непріятеля одну только конницу, а нынѣ Алексѣй пользуется совсѣмъ другимъ способомъ: узнавши по опыту, что въ пѣхотѣ больше силы, вводитъ въ сраженіе великое число пѣшихъ

солдатъ изъ стрѣльцовъ и набранныхъ вольноопредѣляющихся, вооруженныхъ ружьями, мечами, или шпагами, и серпообразными сѣкирами. Къ нимъ прибавляетъ гораздо меньшее число конницы, набранной изъ дворянъ, обязанныхъ служить за свои помѣстья, и немногихъ Татаръ изъ Казанскаго и Астраханскаго Царствъ, вооруженныхъ самопалами,[275] пистолетами и кривыми саблями, а иные изъ нихъ имѣютъ брони и шлемы. Въ этомъ войскѣ не бываетъ тоже недостатка и во множествѣ спѣшившихся конниковъ, подобныхъ «димихамъ» Александра Македонскаго, въ родѣ амфибій, называемыхъ у насъ обыкновенно драгунами; почти всѣ они состоятъ изъ самыхъ мелкихъ дворянъ, извѣстныхъ подъ именемъ Дѣтей Боярскихъ (Sin boiarski), также и въ большомъ нарядѣ военныхъ пушекъ, но употребленіе ихъ, по неопытности Москвитянъ, воображающихъ себя артиллеристами (libratores) обыкновенно немного причиняетъ вреда непріятелю. Надъ войскомъ, хотя бы и большимъ, назначается вождь (dux); по ему не придается никакихъ намѣстниковъ (legati), а при немъ находится лишь нѣсколько лицъ, для совѣщаній, а не для дѣйствованія. При самомъ началѣ похода онъ назначаетъ, какимъ полкамъ быть на правомъ крылѣ, какимъ на лѣвомъ, какимъ въ переднемъ и сторожевомъ: такъ и дѣлаетъ походъ, никогда не измѣняя этого порядка.

Пѣхотинцы, подъ начальствомъ храбраго вождя, дерутся превосходно, перестрѣливаясь на мѣстѣ, пока находятся за укрѣпленіемъ, или плотно огорожены переноснымъ заборомъ изъ поперечныхъ брусьевъ, изъ котораго со всѣхъ сторонъ выставлены впередъ заостренныя бревна и пики (lanceolae acuminato vero munitae), такъ что могутъ принять нападающаго непріятеля съ увѣренностью въ самихъ себѣ. Но если не видятъ безопаснаго убѣжища, въ испугѣ они трусливо бѣгутъ. А конники никогда не показываютъ опытовъ такой же военной храбрости, по тому что дворянъ, недостойныхъ этого названія, ни какъ нельзя заставить чтобы отважились напасть на непріятельскій строй, выстрѣливъ, въ него разъ; когда же и выѣдутъ впередъ нѣкоторые изъ нихъ посмѣлѣе, подъ начальствомъ иностранца, то, если непріятель тотчасъ же не обратится въ бѣгство, они сами бѣгутъ, безстыдно покидая пѣхоту на произволъ его и подвергая ее плѣну, или смерти.

---

[275] Rotatus scloppus, вѣроятно, не marteaux d'armes, какъ переводитъ Француз-

Войско не ввѣряютъ никакому другому вождю, кромѣ Москвитянина, а при выборѣ его смотрятъ не на преимущество въ военой опытности, а на знатность происхожденія, будто бы знаменитые предки родители необходимо, вмѣстѣ съ кровью, вливаютъ и доблесть, храбрость и опытность въ своихъ дѣтей и внуковъ. Но людскія дарованія такъ ужь устроены, что тратятъ свой трудъ и свѣдѣнія только тамъ, гдѣ имѣютъ въ виду прибыль и честь, а гдѣ нѣтъ надежды на это, ихъ рвеніе ослабѣваетъ. Случалось въ продолженіе этой войны, что коекому изъ полководцевъ и везло минутное счастье, но, какъ при этомъ случаѣ не распоряжались ни разсудокъ, ни разумъ, то ни благоразуміе, ни знаніе военныхъ наукъ, не проявили себя тутъ никакимъ храбрымъ подвигомъ: причина та, что люди знатнаго происхожденія, получивъ должность главнаго военачальника, присвоиваютъ себѣ ее, какъ слѣдующую ихъ званію и исправляютъ коекакъ. А изъ незнатныхъ, отчаявшихся когда ни будь получить начальство, одни думаютъ, что будетъ съ нихъ и того, если станутъ исправлять свою должность удовлетворительно, другіе съ горя, что доблести ихъ закрытъ доступъ къ званію вождя, добровольно лѣнятся нести лежащую на нихъ служебную обязанность даже и такъ, какъ слѣдуетъ. Оттоманскіе Султаны гораздо разумнѣе заботятся о своемъ Царствѣ: они выбираютъ вождей по ихъ доблести, и если въ которомъ ни будь замѣтятъ храбрость, они даютъ ему награды и повышаютъ въ высшія военныя и придворныя должности. Хотя и есть въ Московскомъ войскѣ немало Полковниковъ изъ иностранцевъ, но какъ они, за немногими исключеніями, едва только ползли у насъ въ низшихъ чинахъ, а пришедши въ Московію, быстрымъ скачкомъ перенеслись черезъ всѣ промежуточныя подчиненныя должности прямо въ высокую должность Полковника, то и не въ состояніи учить другихъ умѣнью начальствовать, которому и сами не учились. А Москвитяне, по врожденной гордости, пренебрегая ихъ наставленіями, не слушаются ихъ совѣтовъ, хотя бы и благоразумныхъ, до тѣхъ поръ, пока, сбившись съ пути, не зайдутъ туда, откуда жь и ноги не вынесешь. Тогда, въ сильномъ переполохѣ, при большой неурядицѣ дѣлъ, поздно переломивъ себя, просятъ они совѣтовъ

скій переводчикъ, а пищали, у которыхъ были замки съ коловоротомъ или колесомъ (Radschlösser); онѣ назывались самопалы, или ручницы. См. «Истор. опис. вооруж. Русс. войскъ, Вейдемейера.

у чужеземцевъ, которые не принесутъ больше никакой пользы, и, пріунывъ со страха, добровольно уступаютъ имъ начальство надъ войскомъ, къ неизбѣжной для него гибели. Отъ того Московскія войска столько разъ и были разбиты; отъ того частыя пораженія, понесенныя Хованскимъ (Gavansky), великій уронъ Трубецкаго въ Сѣверіи, позорный плѣнъ Шереметева въ дальней Волыни, со всѣмъ его 70-тысячнымъ войскомъ, и безполезное усиліе самого Царя предъ Ригою.

Ежели разсмотрѣть ходъ войны его съ Литвою, или съ Ливоніей, ясно будетъ, что Москвитяне какъ будто бы и сдѣлали коечто, когда въ первой странѣ Полякъ, утомленный Козацкимъ возстаніемъ, а въ другой Шведское Королевство, опираясь не на свои силы, а на возмутившихся и измѣнниковъ, слѣдовательно, ослабленныя, останавливаемыя взаимною ненавистью, не спѣшили для обороны своихъ областей. Но тотчасъ же, по заключеніи мира между ними, Поляки вздохнули свободно, и Москвитяне, ослабѣвшіе отъ понесенныхъ ими пораженій, хотя и сбыли съ рукъ тягость одного непріятеля, заключивъ съ Шведами постыдный и опрометчивый миръ, однако жь не могли справиться и съ одними Поляками. Да еще такъ, что, когда Московскіе города не въ силахъ уже были давать охотниковъ въ военную службу, и многіе изъ нихъ, вмѣстѣ съ Москвою, почти совсѣмъ опустѣли, по случаю свирѣпствующей чумы. Москвитяне, для вознагражденія своихъ потерь, по необходимости прибѣгнули къ набору въ войско крестьянъ; но этихъ столько убѣжало изъ стана и вернулось къ отеческому очагу, что Московія никогда не могла выставить надлежащаго войска противъ непріятеля. Охотно соглашаюсь, однако жь, съ справедливостью того мнѣнія, что Московскій народъ при оборонѣ крѣпостей и городовъ показалъ много опытовъ мужества, по тому что это народъ самый привычный къ работѣ, жару, стужѣ и голоду, еще съ пеленокъ закалилъ тѣло и душу отъ невзгодъ жизни. Онъ дерется съ увѣренностью въ себѣ, когда видитъ себя за оградою стѣнъ. Не хочу, впрочемъ, скрывать, что иногда приходитъ мнѣ сомнѣніе, устоитъ ли онъ съ тою же спокойностью и успѣхомъ противъ нашего парода и искуства.

Между тѣмъ замедленія, остановившія ходъ нашего порученія, со дня на день упорнѣе привязывали насъ безъ всякой перемѣны къ Москвѣ, даже въ продолженіи 12 мѣсяцевъ: скука

постояннаго нашего затворничества въ домѣ и уединеніе были для насъ горькимъ доказательствомъ, что у Москвитянъ почти нѣтъ ни какой разницы между посланниками мира и плѣнниками войны, и что перерывъ всякихъ письменныхъ сношеній огорчаетъ пословъ даже еще пуще темницы. Въ Москвѣ мы часто письменно просили позволенія писать къ нашему Августѣйшему Императору, только не получали его никогда. Когда же и приходили къ намъ какія письма изъ Германіи, палачъ Алмазъ принуждалъ ихъ силою открывать сперва ему ввѣренную имъ тайну, а потомъ собственноручно предавалъ ихъ позорной казни. Разъ Герцогъ Курляндскій вздумалъ предупредить этотъ обманъ и передалъ Императорскія письма къ намъ, ввѣренныя его старанію, Воеводѣ осажденнаго Москвитянами Динабурга (Duneburgi), для отправленія въ Москву, потребовавъ отъ него росписки въ ихъ полученіи, но онъ не достигъ цѣли, которой искалъ, а еще болѣе удалился отъ нея. По такой старательной заботливости о вѣрной передачѣ въ наши руки писемъ Москвитяне заподозрили, что въ нихъ содержатся какія ни будь тайны: изъ сильнаго любопытства распечатали ихъ и утаили втихомолку. А чтобы не открылось это на будущее время, когда, 15-го Марта, сошлись мы для совѣщанія съ уполномоченными во дворцѣ въ 1662 году, эти сказали намъ, что къ Великому Князю писалъ Динабурскій Воевода, что въ исходѣ Ноября онъ лично получилъ посланныя къ намъ Императорскія письма отъ Курляндскаго Герцога и хранилъ ихъ у себя по случаю набѣговъ Литовцевъ изъ окрестностей для добычи. Хотя же послѣ того и послалъ ихъ по проселочной дорогѣ, они все таки попали къ нимъ въ руки. Правда гнуснаго дѣла была намъ ясно извѣстна, но такъ какъ заявить ее въ лицо уполномоченнымъ значило бы выдать того, кто сказалъ намъ ее, то, стыдясь такой расплаты съ нимъ и не желая преградить путь дальнѣйшимъ извѣстіямъ, мы молча проглотили обиду. Приличіе предписывало повторить намъ то же и въ Смоленскѣ, когда мы узнали, что письма отъ насъ къ Цесарскому Посольству въ Польшѣ, ввѣренныя Царскому Послу, Князю Одоевскому, для передачи по назначенію, этотъ Посолъ переслалъ въ Москву къ Великому Князю. Одоевскій думалъ, что мы не знаемъ того: онъ хотѣлъ предупредить подозрѣніе, которое наконецъ зародится въ насъ, когда узнаемъ, что гонецъ не подалъ писемъ Цесарскому Послу, и при нашемъ отъѣздѣ изъ Смоленска добровольно солгалъ, сказавъ

намъ, что ихъ отнялъ у гонца Литовскій Канцлеръ Пацъ. Съ такою точностію онъ постарался быть лжецомъ и обманщикомъ.

Въ Москвѣ захворалъ Гонсѣвскій (Gosievius) и, по заявленію расположеннаго къ нему врача, отчаялись въ его жизни; по тому, опасаясь, чтобы смерть не похитила его у нихъ безъ выкупа, Москвитяне надумали предупредить его безприбыльную для себя кончину, и легко сдались на убѣжденіе врача возвратить ему свободу съ условіемъ, что онъ, тотчасъ же по возвращеніи въ Литву, склонитъ Короля, согласно прежнему его предложенію, отпустить изъ Польскаго плѣна пятерыхъ, названныхъ по именно, Московскихъ Бояръ. Въ слѣдъ за нимъ немедленно долженъ былъ ѣхать и извѣстный Нащокинъ (Nasciokinus), въ качествѣ Царскаго Посла къ Королю, для заключенія тайнаго договора между тѣмъ же Гонсѣвскимъ и Царскими Уполномоченными, Княземъ Юріемъ Долгорукимъ (Georgium Dolgoruki) и Царскимъ Дворецкимъ Ртищевымъ (Ertischew), да и самимъ Царемъ, о мирѣ и его условіяхъ, на которыхъ долженъ быть выбранъ сынъ его въ преемнику Іоанна Казимиру. Москвитяне точно забыли, или вовсе не знали, что такая же надежда разлетѣлась въ прахъ, когда Великій Князь ихъ, Иванъ Васильевичъ Старшій, освободилъ своего плѣнника, Ивана Глѣбовича (Hlebowicz) за обѣщаніе хлопотать объ избраніи въ Польскіе Короли сына его, по смерти Сигизмунда Августа.

Между тѣмъ приближилось 27-е Марта, [276] день, посвященный памяти Святаго Алексѣя Римлянина, и Царь, который чтилъ въ этомъ Святомъ своего покровителя (Ангела), по обыкновенію, пожелалъ дать намъ торжественный обѣдъ въ нашемъ помѣщеніи. По тому что у Москвитянъ было въ обычаѣ проводить цѣлый

[276] Юрій и Петръ Алексѣевичи, сыновья Воеводы Алексѣя Григорьевича (ск. 1649 г.). Первый былъ Бояринъ (1648), Дворецкій (1649), Начальникъ Пушкарскаго Праказа (1651—1661) и другихъ, Ближній Бояринъ и Намѣстникъ Суздальскій, Тверской, Новгородскій, Начальникъ Стрѣлецкаго, участвовалъ въ походѣ съ отличіемъ противъ Стеньки Разина и въ войнѣ противъ Поляковъ, былъ вторымъ Полномочнымъ Посломъ на съѣздѣ въ Смоленскѣ съ Поляками Уполномоченными 1664, 30 Марта 1672 и 1674 г., при Царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ подписалъ уничтоженіе Мѣстничества, и умершвленъ, на 80 году, 16 Мая, 1680 г., больной, возмутившимися Стрѣльцами. убившими напередъ сына его, Князя Михайла Юрьевича, любимца Ѳедора Алексѣевича, на Красномъ Крыльцѣ, 15 Мая. Младшій же братъ Юрія Алексѣевича, Петръ, былъ Окольничимъ и сконч. 1669 г. О. Б.

день имени, какимъ кто изъ нихъ называется, въ пирушкахъ и попойкахъ. Этотъ, подверженный суевѣрію, народъ не разстается съ нимъ и въ своихъ именахъ: какъ въ древности таинства богослужебныхъ обрядовъ запрещали произносить по Латыни названіе Рима, по чему Валерій Соранъ (Soranus) и долженъ былъ понесть такія тяжелыя наказанія за его огласку, такъ и многіе изъ Москвитянъ называются не тѣмъ именемъ, какое наречено кому ни будь изъ нихъ при крещеніи, но другимъ, которое даютъ имъ родители, скрывая прежнее, изъ опасенія, чтобы, послѣ огласки его, не употребляли она его во зло колдуньи для какого либо злаго дѣла къ пагубѣ называемаго. Такъ родные братья, Князья Юрій и Петръ Долгорукіе, такъ Канцлеръ Алмазъ, въ крещеніи названы были не Юріемъ, Петромъ, Алмазомъ, а Савономъ (Sawon), [277] Киромъ (Cyrus) и Іероѳеемъ (Jeroffius).

Чрезъ шесть дней потомъ Москвитяне праздновали славный и торжественный входъ Богочеловѣка въ Царскій Іудейскій градъ. По обыкновенію, Алексѣй шелъ въ золотомъ вѣнцѣ, осыпанномъ драгоцѣнными каменьями, изъ Кремлевской крѣпости въ сосѣдній храмъ, во имя Святаго Креста въ Іерусалимѣ, [278] за идущими впереди его хоругвями и святыми образами, которые несло высшее духовенство, и за придворными Боярами: онъ опирался на двоихъ Бояръ Намѣстниковъ, поддерживавшихъ его съ обѣихъ сторонъ подъ руки. Между сопровождавшими его шло нѣсколько Іерарховъ въ шапкахъ (митрахъ) изъ бѣлой шелковой ткани, искусно вышитыхъ крупнымъ жемчугомъ золотошвеями. Оттуда, чрезъ четверть часа, въ томъ же порядкѣ отправился онъ на мѣсто противъ крѣпостныхъ воротъ, которое, въ видѣ полукружія, возвышается съ нижней улицы вровень съ поверхностью обширнѣйшей площади передъ крѣпостью, какъ стѣна изъ тесанаго камня. [279] Онъ остановился тамъ, принявъ видъ самаго глубокаго смиренія, но съ гордымъ высокомѣріемъ попирая подосланные ему драгоцѣннѣйшіе соболи мѣха. Немного погодя,

---

[277] Въ Родословной Книгѣ, составленной Княземъ Петромъ Владимировичемъ, части 1 й, 1855 (Спб.), стр. 88, онъ носитъ имя Юрій-Софроній, а не Sawon, (Самонъ, Савинъ?) О. Б.

[278] Это Покровскій Соборъ, что на Рву, или церковь Василія Блаженнаго. О. Б.

[279] Аделунгъ полагаетъ, что это извѣстное Лобное Мѣсто.

онъ подозвалъ къ себѣ въ одно и то же время Думнаго Дьяка (Dumni Diako) или Государственнаго Канцлера, Иларіона Лопухина (Hilarione Lapoukino), [280] да еще простаго Дьяка: перваго послалъ къ намъ, глядѣвшимъ точно изъ орке стра, съ противоположнаго, немного возвышеннаго, помоста, освѣдомиться отъ имени его, всѣ ли мы въ добромъ здоровьи, а на другого возложилъ такое же порученіе къ Шведскимъ Посламъ, тоже смотрѣвшимъ недалеко отъ насъ съ, построеннаго, также для этого назначенія на скорую руку, помоста (двѣ недѣли назадъ, въ присутствіи этихъ Пословъ, приложившись къ образамъ и приведя ихъ въ свидѣтели, онъ съ клятвою обѣщался соблюдать миръ, заключенный въ Ливоніи между нимъ и Шведскимъ Королемъ). Послѣ того, какъ соборъ духовныхъ, не знаю что-то проговорилъ тихо, Царскій тесть, изъ рабской услужливости, съ почтеніемъ снялъ съ Царя вѣнецъ, и онъ внимательно слушалъ, какъ Протопопъ (Archipopus) читалъ воспоминаніе, переданное Евангелистомъ, Матѳеемъ въ XXI главѣ его Евангелія, о входѣ возсѣдавшаго на осляти Спасителя въ городъ Сіонъ. По окончаніи чтенія, Алексѣй поцѣловалъ съ благоговѣніемъ крестъ, поднесенный къ лицу его Сарскимъ (a Sarkiensi) Митрополитомъ, исправлявшимъ въ то время должность сосланнаго Патріярха, а потомъ и руку самого Митрополита, чтобы пустить пыль въ глаза народу блестящимъ заявленіемъ Христіянскаго смиренія предъ Святителями, по благочестивому обычаю; послѣ того принялъ вѣнецъ, возложенный на него тестемъ. Между тѣмъ двое церковнослужителей, представлявшіе учениковъ Христовыхъ, привели изъ Кремля лошадь. Митрополитъ взлѣзъ и сѣлъ на ней по женски, не выпуская изъ рукъ святаго креста, Царь же, взявъ поводья узды, съ смиреннымъ достоинствомъ повелъ ее съ сѣдокомъ въ Кремль по сукну, которымъ

---

[280] Сынъ Дмитрія Никитича, двоюродный дядя Царицы Евдокіи Ѳедоровны, первой супруги Петра I. Онъ находился во время осады Москвы въ 1610 г. и, за проявленное мужество, получилъ помѣстье въ Ростовскомъ Уѣздѣ сельцо и деревню, въ 1649 опредѣленъ Дьякомъ Посольскаго Приказа, 1651 посыланъ въ Малороссію къ Гетьману, 1653 Думный Дьякъ, вторично посланъ туда же и склонилъ Митрополита Сильвестра Косова признать соединеніе Малороссіи съ Москвою 19 Генваря, 1654, участвовалъ подъ Смоленскомъ, въ третій разъ отправленъ въ Малороссію 1657 съ Ближнимъ Окольничимъ Богданомъ Хитровымъ, для утвержденія Гетьмана Виговскаго, и въ четвертый разъ присутствовалъ тамъ же при переговорахъ 1659 съ Гетьманомъ Юріемъ Хмельницкимъ; Думный Дворянинъ и второй Судья Казанскаго Дворца; умеръ 1671 г. О. Б.

устилали шагъ за шагомъ предъ нимъ дорогу, межъ тѣмъ какъ священнослужители и прочіе пѣвчіе пѣли, повторяя много разъ поперемѣнно Іудейское Осанна, а стрѣльцы, разставленные по обѣимъ сторонамъ во всю площадь, смиреннымъ образомъ отдавали честь крестному ходу, ударивъ челомъ въ землю. Въ этотъ день у насъ не было недостатка въ обыкновенныхъ отъ Царя подачахъ.

Двадцать четвертаго Апрѣля насъ отвели въ Кремль для совѣщанія съ Уполномоченными, которые прочитали намъ Царское рѣшеніе о нашемъ возвращеніи назадъ, по обыкновенію, по бумагѣ, т. е., отправлялись бы мы, согласно нашему желанію, въ Смоленскъ, для исправленія тамъ возложеннаго на насъ порученія, и въ свое время возвратились бы чрезъ Польскія области къ Всемилостивѣйшему нашему Государю. Вручена будетъ намъ Царская грамота съ его отвѣтомъ на всѣ наши предложенія. Но, желая почтить Его Священное Цесарское Величество, какъ своего любезнѣйшаго брата, преимущественно предъ всѣми другими, Царь приметъ насъ не на обѣдѣ у себя, каковая почесть оказывалась до сихъ поръ вообще всѣмъ Цесарскимъ Посламъ при ихъ отпускѣ, но, по особенной благосклонности, никогда и никому еще не оказанной до сего времени, удостоиваетъ насъ сейчасъ же пріятельской бесѣды въ собственныхъ его внутреннихъ покояхъ.

И такъ мы вошли въ верхній ярусъ къ Царю по лѣстницамъ и сѣнямъ, уставленнымъ по обѣимъ сторонамъ густыми рядами стрѣльцовъ въ блестящемъ вооруженіи и вездѣ сплошь устланнымъ коврами такъ тщательно, что нельзя было видѣть даже самаго маленькаго не покрытаго уголка ни на полу, ни на стѣнахъ, ни на потолкѣ. Во второмъ покоѣ его помѣщенія, довольно обширнаго и съ каменнымъ сводомъ, освѣщеннаго восковыми свѣчами и вездѣ обитаго богато вытканными Белгійскими и Персидскими обоями, на очень высокомъ престолѣ, поставленномъ, по обыкновенію, въ углу, у окна, возсѣдалъ самъ Царь въ народной шапочкѣ, которая твердо сидѣла на головѣ отъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, держа въ правой рукѣ скипетръ, украшенный значительной величины алмазами; на лѣво отъ него сидѣло на лавкахъ немало Бояръ. Послѣ того, какъ мы отдали ему почтеніе, онъ велѣлъ намъ сѣсть на лавкѣ противъ себя, у другого окна, возлѣ стѣны, и благоволилъ спросить о нашемъ здоровьи у стоящаго подлѣ насъ Канцлера (Думнаго Дьяка) Лопухина.

Потомъ всталъ и, стоя на ступенькѣ престола, придѣланной къ нему, въ видѣ подножія, положилъ шапочку и скипетръ, взялъ, отъ подавшаго большую хрустальную чашу, налитую медомъ, и, обернувшись ко мнѣ, провозгласилъ здоровье своего любезнѣйшаго брата, Его Священнаго Цесарскаго Величества, изъявляя желаніе свое въ слѣдующихъ словахъ: «Дай, Господи, чтобы Мы, Великіе Государи, могли одолѣть всѣхъ нашихъ недруговъ, и въ три пріема выпилъ чашу. Потомъ, взявъ опять шапочку, сѣлъ и подалъ мнѣ изъ своихъ рукъ большую серебряную чашу съ виномъ, также моему товарищу и троимъ нашимъ чиновникамъ, которыхъ, получивъ на то позволеніе, мы привели съ собою. Когда этѣ чаши были осушены, онъ поднесъ намъ, въ томъ же порядкѣ и такимъ же образомъ, одну за другой, еще пять чашъ; самъ, однако, не пилъ больше. Мы пили ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, по чинамъ: за здоровье его, потомъ первороднаго сына, младшаго и всего его семейства, и за добрый успѣхъ счастливаго мира. Услыхавъ это послѣднее желаніе, Царь сказалъ: «Это было бы великое дѣло!» Исполнивъ все это, мы удалились, замѣчая, однако, что Стольники, приносившіе Царю чаши, для поднесенія намъ, всегда съ накрытыми головами входили въ покой и стояли тутъ, пока не подадутъ ему чашъ, хотя всѣ Бояре сидѣли безъ шапокъ. А когда дожидались чашъ, пока онѣ будутъ выпиты, снимали свои шапки; принявъ же ихъ, опять накрывались при выходѣ. [281]

На другой день привели насъ къ Алексѣю для публичнаго пріема въ то же мѣсто и съ тѣми же обрядами, какіе соблюдались при второмъ нашемъ пріемѣ. Послѣ того какъ Канцлеръ, стоя возлѣ насъ, прочелъ рѣшеніе о возвращеніи нашемъ домой, Царь всталъ съ престола и поручилъ намъ, когда воротимся къ его любезнѣйшему брату, Его Священно-Цесарскому Величеству, сказать ему отъ его имени съ искреннею любовію поклонъ. Потомъ вручилъ намъ свои къ нему грамоты и, удостоивъ поцѣловать его руку, отпустилъ насъ. Въ тотъ же день, по приказу его, въ нашемъ помѣщеніи подали намъ отъ него обѣдъ съ торжественною

---

[281] «Межъ тѣмъ какъ мы сидѣли въ этомъ покоѣ, многіе изъ первыхъ Князей и Царскіе Спальники пригласили въ первую комнату членовъ нашего общества на пріятельскую пирушку, и, старые служаки, чуть не споили съ ногъ новобранцевъ,» говоритъ Майербергъ въ своемъ: «Relatio humillima.» См. «Sammlung v. Wichmann.»

обстановкою во всѣхъ подробностяхъ. [282] Черезъ 4-ре дня онъ подарилъ мнѣ 400 собольихъ мѣховъ различной цѣны, а товарищу моему 240, чтобы отдарить насъ за поднесенные ему дары, прибавивъ, сверхъ того, мнѣ 4 соболя, да товарищу моему два, въ знакъ недавней нашей пріятельской бесѣды съ нимъ. Прислалъ также еще 200 соболей, для раздачи нашимъ служителямъ.

---

[282] Церемоніалъ отпуска бывшимъ у Царя Алексѣя Михайловича Цесарскимъ Посламъ, Майербергу и Калицію, 1662 г. Апрѣля 15-го дня. 170 Апрѣля въ 15 день указалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, быти у себя, Великаго Государя, на дворѣ на отпускѣ Цесаровымъ Посломъ, Августину Фонъ Маерну да Горацыушу Вильгельму Калюцыушу. А пріѣзду ихъ къ Великому Государю быти, и рындамъ при Государѣ стоять, и встрѣчникомъ встрѣчать во всемъ по прежнему. А какъ Цесарскіе Послы войдуть къ Великому Государю въ золотую меньшую подписную палату, и явити ихъ ВеликомуГосударю, челомъ ударить Окольничему.А молыть: «Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ Отчичъ, и Дѣдичъ, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель, брата Нашего, Великаго Государя, Леопольдуса, Божіею милостію Цесаря Римскаго и иныхъ, Великіе Послы, Августинъ Фонъ Маернъ да Горацыушъ Вильгельмъ Калюцыюшъ, Вамъ, Великому Государю, челомъ ударили и на Вашемъ Царскомъ жалованьѣ челомъ бьютъ.» И Цесарскіе Послы бьютъ челомъ на Государевѣ жалованьѣ. И Великій Государь пожалуетъ велитъОсловъ спросить о здоровьѣ Думному Дьяку, Ларіону Лопухину. Да пожалуетъ Великій Государь велитъ Посломъ сѣсти на скамейкѣ, а скамейкѣ быть по прежиему. А послѣ того велитъ Великій Государь Думному Дьяку Ларіону Лопухину говорить Посламъ рѣчь. И Думный Дьякъ Ларіонъ молыть: «Цесарскаго Величества Послы, Августинъ Фонъ Маернъ да Гораціушъ Вильгельмъ Калюцыушъ! Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ Отчичъ, и Дѣдичъ, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель, велѣлъ вамъ говорить: Приходили есте къ Намъ, Великому Государю, къ Нашему Царскому Величеству, брата Нашего Великаго Государя, Леопольдуса, Божіею милостію Цесаря Римскаго, о нашихъ Государскихъ общихъ великихъ дѣлахъ съ грамотою, и Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, васъ, Посло, вѣпожаловали, велѣли принять честно, и Наши, Царскаго Величества, очи видѣть вскорѣ, и грамоту брата Нашего Великаго Государя, у васъ приняли и выслушали любительно. А о которыхъ дѣлахъ къ Намъ, Великому Государю, братъ Нашъ, Великій Государь вашъ, Его Цесарское Величество, въ грамотѣ своей писалъ, и что Нашимъ, Царскаго Величества, Боярамъ и Думнымъ Людемъ какихъ дѣлъ вы, Послы объявили, и о томъ о всемъ Мы, Великій Государь, въ Нашей, Царскаго Величества, грамотѣ писали къ брату, къ Его Цесарскому Величеству, и пожа-

Третьяго числа Мая мы отправились изъ Москвы и, сдѣлавъ 70 верстъ, 8-го числа прибыли въ Можайскъ. Это деревянный городъ, защищаемый сильной каменной крѣпостью, отданный встарину Великимъ Княземъ Московскимъ, Дмитріемъ Ивановичемъ,

---

ловавъ Нашимъ Государскимъ жалованьемъ, отпускаемъ васъ въ Нашу, Царскаго Величества, отчину, въ Смоленскъ, къ Нашимъ, Царскаго Величества Великимъ и Полномочнымъ Посломъ, къ Ближиему Боярину и Намѣстнику Астраханскому, ко Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарыщи, для посредства съ Польскими Коммисары на съѣздъ; а буде Польскіе Коммисары васъ, Царскаго Величества, Пословъ въ посредство примутъ, и вамъ у того посредства быти; а буде Польскіе Коммисары въ посредство васъ Пословъ, не примутъ, и Мы, Великій Государь, указали вамъ, Цесарскаго Величества, Посломъ, ѣхать къ Цесарскому Величеству, и посылаемъ Нашу, Царскаго Величества, грамоту къ брату Нашему, къ Великому Государю, къ Его Цесарскому Величеству, съ вами, Послы.» А изговоря, Думный Дьякъ Ларіонъ Лопухинъ подаетъ Посломъ грамоту близко Государя. А послѣ того прикажетъ Государь къ Цесарю поклонитися, а молыть: «Августинъ, Горацыушъ Какъ будете у брата Нашего, и вы отъ Насъ Брату Нашему, Леподьдусу Цесарю, поклонитеся, и Нашу, Государскую, присную любовь къ нему разскажите!»А послѣ того пожалуетъ Великій Государь Пословъ къ рукѣ. А послѣ Пословъ пожалуетъ Великій Государь къ рукѣ Царевыхъ Дворянъ. И велитъ Великій Государь Посломъ сказать свое, Государево, жалованье, отъ своего, Царскаго, стола ѣству и питье, Думному Дьяку, Ларіону Лопухину. И Ларіонъ молыть: «Августинъ, Горацыушъ! Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ и Сѣверныхъ, отчичъ и Дѣдичъ, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель, жалуетъ васъ своимъ, Государевымъ, жалованьемъ отъ своего Царскаго стола, ѣствою и питьемъ,» и отпуститъ ихъ на подворье. А встрѣчникомъ провожать до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали.»—Церемоніалъ угощенія Царскимъ кушаньемъ и питьемъ Цесарскихъ Пословъ, Майерберга и Калиція 1662 г., Апрѣля 15-го. Лѣта 7170-го, Апрѣля въ 15 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, велѣлъ Стольнику Князю Алексѣю Ивановичу Буйносову Ростовскому ѣхати къ Цесарскимъ Посломъ, къ Августину Фонъ Маерну да къ Горацыошу Вильгельму Калоцыушу, съ своимъ, Государевымъ, жалованьемъ, съ ѣствою и питьемъ. И Стольнику Князю Алексѣю Ивановичу, пріѣхавъ къ Посломъ на дворъ, есѣсти съ лошади у лѣсницы и ити къ Посломъ въ хоромы, а за собою велѣть нести ѣству и питье. А пришедъ къ Посломъ въ хоромы, молыть рѣчь: «Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ, Отчичъ, и Дѣдичъ, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель, любя брата своего, Великаго Государя вашего, Леопольдуса, Божіею милостію Цесаря Римскаго, а васъ, Пословъ его, жалуя, прислалъ,

сыну своему, Андрею, но, спустя недолгое время послѣ того отнятый у внука его, Ивана, другимъ Иваномъ, единодержавнымъ Московскимъ Государемъ, сыномъ Василія Темнаго; сынъ этого Ивана, тоже Василій, часто посѣщалъ это мѣсто для охоты за

къ вамъ съ своимъ Царскимъ жалованьемъ, съ питьемъ, и велѣлъ васъ потчивать;» да взявъ ковшъ питья, пити чашу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца: а молыть: «Чаша Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ Отчича, и Дѣдича, и Наслѣдника, и Государя, и Обладателя: дай, Господи, Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, здоровъ былъ на многія лѣта, и чтобъ межъ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, и Брата его, Великаго Государя вашего, Леопольдуса, Божіею милостію Цесаря Римскаго, Ихъ Государская братская дружба и любовь множилась и прибавлялась!» Да ковшъ выпити напередъ, да поднести къ Посломъ, а Приставомъ и Дворяномъ подать. А будетъ Царскіе Послы учнутъ говорити, чтобъ онъ съ ними вмѣстѣ посидѣлъ и Государева жалованья испилъ, и Стольнику за столъ сѣсти, по конецъ стола, и подносить Посломъ питья, вина и меды. А буде напередъ станутъ пить чашу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, Цесарскіе Послы, и ему то дати имъ на волю. А послѣ того пити чаша Леопольдуса, Цесаря Римскаго, а молыть: «Чаша Великаго Государя вашего, Леопольдуса, Божіею милостію Цесаря Римскаго, Его Цесарскаго Величества здоровья!» А изговоря, чаша выпити жъ и Посломъ, и Приставомъ, и Дворянамъ подать. А послѣ того пити чашу Государя Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, а молыть: «Чаша Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества сына, Благовѣрнаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи: дай, Господи, онъ, Государь нашъ, здоровъ былъ на многія лѣта!» Да ковшъ выпить, и вышедъ изъ за стола, и Посломъ поднести. А послѣ того пити чаша Государская Царевича и Великаго Князя Ѳедора Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, а молыть: «Чаша Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества сына, Благовѣрнаго Государя и Вели каго Князя Ѳеодора Алѣксѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи: дай, Господи, онъ, Государь нашъ, здоровъ былъ на многіе лѣта!» Да ковшъ выпить, и вышедъ изъ за стола и Посломъ поднесть. А буде Послы учнутъ пити чашу Цесаревыхъ дѣтей, и Стольнику тѣхъ Цесаревыхъ дѣтей чаши пити учтиво. А пивъ чаши, ѣхати къ Великому Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцу. А буде Цесаревы Послы учнутъ его дарити, и ему подарки приняти. А буде что поднесутъ обычное, или худое, и ему того не имать, а молыть: «Государскимъ жалованьемъ всего у меня

пестрыми зайцами. Можайскъ, въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ, понапрасну осаждалъ Король Владиславъ и извѣстный Великій Ходкевичъ (Chodkiewiczo). Имъ управляетъ Воевода изъ Московской Великокняжеской области.

11-го того же Мая, проѣхавъ 130 верстъ все лѣсомъ, пустынность котораго охраняется только одною деревней, Царево Займище (Tzarowe Zamiesice), мы прибыли въ Вязьму (Wiesmam). Этотъ городъ весь деревянный, а дома его построены на небольшихъ возвышеніяхъ разбросанно, какъ въ деревнѣ. Въ немъ есть и крѣпость, снабженная 6-ю кирпичными башнями, а промежутки между ними занимаетъ ближняя роща. Вмѣстѣ съ Можайскомъ, городъ находится подъ управленіемъ особеннаго Воеводы его области, тогда какъ въ древности имѣлъ своихъ собственныхъ Князей. По тому что въ 1435 году Михаилъ Львовичъ, сражавшійся за Болеслава Свидригайла, съ Сигизмундомъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ сыномъ Сигизмунда, Михаиломъ.

На другой день, на 15-й верстѣ отъ Вязьмы, намъ попались два земляныхъ возвышенія или кургана, составляющіе рубежъ между Москвитянами и Литовцами, и поставленные по случаю мира, заключеннаго Польскимъ Королемъ, Владиславомъ I-мъ, съ Русскимъ Великимъ Княземъ, Михаиломъ Ѳедоровичемъ, на рѣкѣ Поляновкѣ, въ деревнѣ Деулиной (Diwilina), въ 1634 году. На слѣдующій день пріѣхали мы въ деревню Благовѣщенье (Blogowestine), и тамъ переночевали.

Тутъ въ первый разъ мы увидали рѣку Днѣпръ (Dniepcrum), называемую у древнихъ географовъ Борисѳеномъ. Ея истоки возлѣ деревни Днѣпрявской (Dnyepersko), въ Волконскомъ (Volkonskia) лѣсу, въ 50-ти верстахъ отъ истоковъ Волги.[283] Тихо идя отсель впередъ, она неподалеку оттуда протекаетъ Вязьму и, быстрая больше въ глубинѣ русла, нежели на поверхности, проходитъ потомъ

много, ни чѣмъ не скуденъ.» И вставъ, ѣхать къ Великому Государю. А о чемъ съ нимъ Цесаревы Послы поговорятъ, и ему съ ними, противъ ихъ спросу говорить, что будетъ пригоже, чтобъ Государеву имяни къ чести и къ повышенью и Московскому Государству къ доброй славѣ и похвалѣ.»—Переводчикъ, считая любопытнымъ оба эти Церемоніяла, приводитъ ихъ здѣсь изъ Аделунгова: «Baron. v. Mayerberg und seine Reise», стр. 62—72.

[283] Днѣпръ начинается въ Бѣльскомъ Уѣздѣ, изъ большаго болота Ишакра между деревнями Кленовой и Аксеновой, въ дачахъ села городка, въ нѣсколькихъ

города и городки: Дорогобужъ (Drohobusum),[284] Смоленскъ, Дубровну (Dubrownam), [285] Оршу (Orszam), [286] Копысъ (Kopisium), [287] Шкловъ (Szkloviam), [288] Могилевъ (Mohiloviam), Бракалобовъ (Brakalabowiam), [289] и Быховъ (Bichoviam), и принимаетъ рѣки: Корань (Choranum), Мерейку (Mzeriam), [290] Оршанку (Orszankam) [291] и Баранъ (Baranum).[292] Но вскорѣ, сдѣлавъ изгибъ въ своемъ теченіи, касается городовъ: Рогачева (Rogoczowiam), [293] Рѣчицы (Rzeczicam), [294] Холмеча (Cholmieziam), [295] Лоевой Горы (Loiowagoram), [296] Любеча (Lubeczam), [297] Навоза (Nawosiam), [298] Кіева,

---

верстахъ отъ потоковъ нѣсколькихъ побочныхъ притоковъ Западной Двины. Истоки трехъ рѣчныхъ системъ: Днѣпровской, Западно-Двинской и Волжской отдѣлены гребнемъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Гребень этотъ есть часть покатости Валдайской плоской возвышенности, древнихъ Аланскихъ или Алаунскихъ горъ. О. Б.

[284] Дорогобужъ, Уѣздный городъ Смоленской Губерніи, лежитъ по обѣимъ сторонамъ р. Днѣпра.

[285] Дубровна, мѣстечко Могилевской Губерніи въ Оршанскомъ Уѣздѣ, въ 17-ти верстахъ отъ Орши, на лѣвомъ берегу Днѣпра.

[286] Орша, Уѣздный городъ Могилевской Губерніи, по обѣ стороны р. Оршицы.

[287] Копысъ, Уѣздный городъ Могилевской Губерніи, при рр. Смаркевшѣ и Страшевкѣ.

[288] Шкловъ, мѣстечко Могилевской Губерніи, въ 22 верстахъ отъ Могилева.

[289] Не Бракалабовъ, а Вракалоховъ, которыхъ два: Старый и Новый, оба мѣстечка между городами Могилевымъ и Быховымъ.

[290] Мере, рѣчка, впадающая въ Днѣпръ при мѣстечкѣ Лядахъ, составлявшая нѣкогда границу между Смоленскою Губерніей и Бѣлоруссіей.

[291] Оршанка или Оршица, рѣчка, впадающая въ Днѣпръ при городѣ Оршѣ, Могилевской Губерніи.

[292] «А съ правыя страны Днѣпра, ниже Дубровны, пала въ Днѣпръ рѣчка Баранскъ, выше града Баранска 25 верстъ». Кн. Бол. Чертеж. стр. 80.

[293] Рогачевъ, Уѣздный городъ Могилевской Губерніи, на Днѣпрѣ.

[294] Рѣчица, Уѣздный городъ Минской Губерніи.

[295] Холмечъ, мѣстечко Минской Губ. Рѣчицкаго Уѣзда.

[296] Лоевъ или Лоевогородъ, мѣстечко, замѣчательное битвой въ 1649 году, лежитъ на западномъ берегу Днѣпра.

[297] Любечъ или Любячъ, въ Городницкомъ Уѣздѣ: въ немъ были съѣзды Русскихъ Князей въ 1097 и 1135 годахъ; родина Малка, Малуши, Добрыни и преп. Антонія. О. Б.

[298] Навозъ, мѣстечко Черниговской Губерніи. Щекатовъ упоминаетъ о немъ въ числѣ мѣстъ, гдѣ есть перевозы черезъ Днѣпръ, Т. II, стр. 218.

Трехтимирова (Trethumirowam), [299] отданнаго Королемъ Стефаномъ Козакамъ, Канева (Kaniowiam), [300] Черкасъ (Cirkassios), [301] а за порогами эта рѣка падаетъ уступами внизъ черезъ скалы и камни, Кайдака (Kudacum), [302] построеннаго въ 1637 году Конецпольскимъ, Семьмаяковъ (Simimaiokum), [303] и возлѣ него Рогуткерменя (Rogutkiermen), [304] Тегинки (Teginkam), [305] а напротивъ Татарскаго Остамкирменя (Ostamkirmen) и Турецкаго Очакова (Oczakoviam), въ древности Ольвіополя (Olbiopolim) и Мелитополя (Miletopolim). Въ этомъ пространствѣ своего теченія она увеличивается водами принимаемыхъ ею рѣкъ: Друца (Druco), [306] Бобофры (Bobofra)?, [307] Березины, Ведроши (Wiodrayca), Сожи (Soszia), Брагины (Brahino), [308] При-

---

[299] Мѣстечко Богуславскаго Уѣзда, на правомъ берегу Днѣпра, наискось Переяславля.

[300] Каневъ, мѣстечко, нѣкогда городъ, Кіевской Губерніи въ Богуславскомъ Уѣздѣ, при рѣкѣ Каневкѣ, на правой сторонѣ Днѣпра, пониже Переяславля, уже въ XI столѣтіи извѣстенъ: онъ взятъ былъ Батыемъ, и съ тѣхъ поръ составлялъ долгое время мѣстопребываніе Баскаковъ. О. Б.

[301] Черкасы, Уѣздный городъ Кіевской Губерніи, бывшій нѣкогда главнымъ городомъ Запорожскаго (Малороссійскаго) войска.

[302] Кайдакъ или Койдакъ Екатеринославской Губерніи, близъ Екатеринослава. Въ 1639 году Конецпольскій, построивъ эту крѣпость для обузданія Запорожцевъ, спросилъ ихъ: «Годна ли вамъ, Козакамъ, эта крѣпость, и довольно ли крѣпка будетъ для васъ?»—«Еще нѣтъ такой постройки, дѣланной людьми,» отвѣчалъ ему по Латыни Хмельницкій, «которой бы нельзя было разрушить.» См. Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1847 г.

[303] Кажется, тамъ, гдѣ нынѣ Старая и Новая Маячка. О. Б.

[304] Вѣроятно тамъ, гдѣ рѣчка Рогачикъ, впадающая въ Днѣпръ съ лѣвой стороны его. О. Б.

[305] «А ниже Аигульца 20 верстъ пала въ Днѣпръ рѣчка Тегинка». Кн. Б. Чертежа. Нынѣ рѣчка эта Тягинка на правой сторонѣ Днѣпра, въ Херсонскомъ Уѣздѣ, гдѣ и мѣстечко Тягинка, между городомъ Бериславомъ и рѣкой Ингульцемъ, ниже Берислава. О. Б.

[306] Друцъ, Друецъ, Друть, Друза, Друсха, рѣка Могилевской Губерніи, впадающая въ Днѣпръ подъ городомъ Рогачевымъ.

[307] Сожъ, рѣка, вытекающая изъ Смоленской Губерніи, Смоленскаго же Уѣзда; она входитъ въ Могилевскую черезъ Краснинскій Уѣздъ и впадаетъ въ Днѣпръ, при Лоевѣ.

[308] Брагинка, рѣчка, текущая въ Рѣчицкомъ Уѣздѣ Минской Губерніи.

пети (Pripetio), Ирпеня (Repino), Десны [309] (Dziesna), Стугны (Stuha), [310] Ильтицы (Iczyca), [311] Трубежа (Trubiece), [312] Роси (Rosso), [313] Супоя (Supoio), [314] Сулы (Sula), [315] Хороля (Horolo), [316] Псела (Psezolo), [317] Ворсклы (Worstlo), [318] Тясмина (Taszmino), [319] Ореля (Orelo), [320] Самары (Samara), [321] Конской Воды (Konska woda), [322] у древнихъ Panticape, Ингульца (Ingulleco); въ самомъ своемъ устьѣ Днѣпръ увеличивается еще прибавкою р. Буга (Bugo) или Гипаниса (Hyppani), такъ что послѣ теченія тысячи миль [323] отъ своего истока, впадая въ Черное море, черезъ Каркинитскій заливъ, широчайшимъ устьемъ, кажется моремъ, изливающимся въ другое море. Съ помощію свободной торговли Днѣпръ доставлялъ бы и Русскія богатства, которыя раздѣляли бы между собою Ѳракія и Греція, если бы Татар-

---

[309] Ирпень, рѣка въ Кіевскомъ Уѣздѣ, составлявшая нѣкогда границу Малороссіи съ Польшею.

[310] Стугна, рѣка, впадающая въ Днѣпръ между Васильковымъ и Триполемъ въ Кіевской Губерніи.

[311] Рѣки Ильтица или Альта, впадаетъ въ р. Трубежъ, въ самомъ Переяславлѣ. О. Б.

[312] Трубежъ, рѣка Полтавской Губерніи, впадающая въ 7 верстахъ въ Днѣпръ отъ Переяславля, и беретъ начало въ Уѣздѣ Козелецкомъ Черниг. Губ.

[313] Рось, рѣка Кіевской Губерніи. Въ Книгѣ Бол. Черт. она названа Росаной въ Словарѣ же Щекатова—Розанъ.

[314] Супой, рѣка Полтавской Губерніи Золотоношскаго Уѣзда, подъ мѣстечкомъ Чигринъ-Дубровой впадаетъ въ Днѣпръ.

[315] Сула, рѣка текущая въ Харьковской и Полтавской Губерніяхъ.

[316] Хороль, текущая въ Полтавской Губерніи, впадаетъ съ правой стороны въ р. Пселъ.

[317] Пселъ, рѣка, вытекающая въ 25-ти верстахъ отъ г. Обояна Курской Губерніи; оттуда течетъ она въ Харьковскую, потомъ, чрезъ Черниговскую, входитъ въ Полтавскую, гдѣ и впадаетъ въ Днѣпръ при городѣ Кременчугѣ.

[318] Ворскла вытекаетъ въ Бѣлгородскомъ Уѣздѣ Курской Губерніи, потомъ течетъ въ Харьковскую, а въ Полтавской, при городѣ Переволочнѣ, впадаетъ въ Днѣпръ.

[319] Тясминъ течетъ въ южной части Кіевской Губерніи.

[320] Орель или Ореля, рѣка, служащая границей между Полтавскою и Екатеринославскою Губерніями, и впадающая въ Днѣпръ при мѣстечкѣ Орели или Орликѣ.

[321] Рѣка Самара, въ Екатеринославской Губерніи, впадаетъ въ Днѣпръ въ Ново-Московскомъ Уѣздѣ.

[322] Конскія Воды, степная рѣчка Екатеринославской Губерніи, которую она отдѣляетъ отъ Таврической.

[323] То есть, по нынѣшнему измѣренію, 1600 верстъ. О. Б.

скіе разбои и, еще опаснѣе ихъ, Турки, не заставляли купцовъ удерживаться отъ такой дороги.

Но какъ ни Греческая роскошь, ни Турецкая гордость, не хотятъ лишать себя хорьковыхъ и куньихъ мѣховъ, то и посылаютъ Греческихъ купцовъ въ Московію черезъ Оракію, Нижнюю Мизію, Бессарабію, составлявшія Римское поселеніе подъ завѣдываніемъ Флакка, Подолъ и Черкасовъ,[324] живущихъ на берегахъ Днѣпра. Эти купцы привозятъ сапфиры, рубины и Анкирскую зеленоватую волнистую зуфъ (камлотъ), чтобы потомъ вывезти оттуда въ обмѣнъ мѣха, или на деньги, въ добавокъ вольной съ обѣихъ сторонъ цѣны за привезенные товары.

14-го числа Мая насъ привезли въ Дорогобужъ (Drohobusum), въ Смоленской области, въ одинаковомъ разстояніи, по 90 верстъ между Вязьмою и Смоленскомъ: онъ раскинутъ по отлогости горы, на лѣвомъ берегу Днѣпра, и имѣетъ крѣпость, защищаемую окопомъ изъ кольевъ и брусьевъ. Это былъ нѣкогда наслѣдственный удѣлъ Іереміи [325] и его потомства, правнука Ярослава, перваго Великаго Князя Тверскаго, отъ сына его, Михаила, и внука Константина. 18-го Мая мы пріѣхали въ Смоленскъ, въ Бѣлой Россіи, по весьма небрежно содержимымъ дорогамъ, затруднительнымъ для ѣзды отъ множества древесныхъ пней.

Смоленскъ (Smolenscia) въ старину раздѣлялся на городъ и крѣпость, между коими течетъ рѣка Днѣпръ. Земскій Смоленскій Судья, Іеронимъ Цѣхановичъ (Ciechanowicz), соединилъ ихъ мостомъ на сваяхъ. Нынѣ весь городъ, состоявшій изъ восьми тысячъ зданій, разрушенъ, и въ 1609 году, когда овладѣлъ имъ Сигизмундъ, сожженъ самими жителями: стоитъ одна только крѣпость и, поднимаясь изъ низменныхъ долинъ къ возвышенностямъ, по крутымъ и утесистымъ горнымъ спускамъ, гдѣ, по словамъ Ваповскаго (Vapovius), находились нѣкогда жертвенники Александра, она господствуетъ надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Она обнесена стѣною въ 20-мъ геометрич. футовъ толщины, 21 футъ вышины отъ земли, изъ тесанаго камня, а свыше 28 футовъ изъ кирпича. Эта стѣна построена въ правленіе Великаго Князя Ѳедора Ивановича и его преемника, Бориса Годунова, на про-

[324] Малороссіянъ. О. Б.
[325] Скончался 1352 г О. Б.

странствѣ 3-хъ верстъ и защищена 32-мя башнями, въ равномъ разстояніи одна отъ другой. Валомъ совсѣмъ не ограждена, не защищается и рвомъ отъ непріятельскаго приступа; имѣетъ только окопъ, да и тотъ сдѣланъ не сплошной, на внутренней площади, чтобы служить ея защитникомъ для новой обороны, когда нападеніе осаждающихъ отгонитъ отъ стѣнъ, разрушенныхъ силою военныхъ орудій, или подкопами. Въ окружности ея при домахъ, и то уже рѣдкихъ, встрѣчаются большіе дворы и очень много обширныхъ садовъ, а по тому и жителей въ ней мало. Въ Смоленскѣ былъ и Епископъ истинной Латинской Вѣры, поставленный Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ III и утвержденный Папою Урбаномъ VIII, при Сигмундовомъ сынѣ, Владиславѣ IV, былъ тоже и Архіепископъ Греческой Вѣры, присоединившійся къ Римской Церкви: выгнавъ ихъ, Алексѣй поставилъ Архіепископомъ своего еретика. Кромѣ Аббатства и монастырской обители чина Св. Василія Великаго, подчиненной Римской Церкви, [336] въ этомъ городѣ были: Коллегіумъ Общества Езуитовъ, монастыри Ордена Проповѣдниковъ и Ордена Миноритовъ de observantia, основанные Сигизмундомъ III-мъ. По тому что тамъ много жило приверженцевъ Римской Вѣры; но, въ нарушеніе вѣрности договора, заключеннаго обѣими сторонами при сдачѣ крѣпости, многіе изъ Католиковъ, либо запуганные угрозами, либо осыпанные обѣщаніями, либо захваченные открытой силой, принуждены были Москвитянами вторично креститься по Московскому обряду, благодаря совѣту и стараніямъ Альберта Голимонта (Alberti Golimonti), измѣнившаго Богу и отечеству. А остальныхъ, которыхъ Москвитяне не могли совратить съ недвижимаго камня непоколебимѣйшей Католической Вѣры никакимъ лукавствомъ, ни силою, они осудили къ лишенію храмовъ и таинствъ, въ той надеждѣ, что жалкія овечки, принужденныя блуждать безъ пастырей, внѣ овчарни своего святилища, обращеннаго въ глазахъ ихъ въ судебное мѣсто, должны будутъ наконецъ забрести въ логовище волковъ. Москвитяне никогда не воздерживались отъ всѣхъ несправедливостей и въ другихъ городахъ, которые сдавались имъ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Жестокій властелинъ, Турокъ, хотя считаетъ всѣ Вѣры ниже своей Магометской, однако жъ равно дозволяетъ людямъ какъ Римской, такъ и Греческой, Вѣры,

---

[336] Уніятской. О. Б.

свободное отправленіе ихъ богослуженія. Опуская многія другія мѣста, пользующіяся тою же свободой подъ Оттоманской властію, приведу въ свидѣтели этой истины только одно, Перу, или Галату, нѣкогда Генуезское поселеніе, 200-ти лѣтъ тому назадъ покоренное Магометомъ и отдѣляемое отъ града Константинова узкимъ проливомъ, Ѳракійскимъ Босфоромъ, который носитъ названіе канала. Тамъ монахи, живущіе по уставу Св. Патріярховъ Игнатія, Доминика и Франциска, строжайшаго, или слабаго соблюденія, отправляютъ торжественно богослуженіе для Католиковъ, стекающихся гласно и открыто, безо всякой остановки, въ оттворенныя врата храмовъ. А Москвитяне только что войдутъ въ раскрытыя ворота какого ни будь города, или городка, послѣ сдачи его довѣрчивыми гражданами, тотчасъ же истребляютъ всякое подобіе Католической Вѣры въ пренебреженіе всякихъ договорныхъ условій, скрѣпленныхъ какою бы то ни было клятвой. Пусть же Католики, служащіе у Русскихъ на жалованьи противъ своихъ единовѣрцевъ, вѣдаютъ, какой отчетъ они должны будутъ отдать Божественному Судіи за такую непристойную службу. По тому что ни какъ не примется та пустая отговорка нѣкоторыхъ, что въ этихъ войнахъ сражаются прежде всего за Государство, а не за Вѣру, прочія же несчастія случаются уже потомъ, да и безъ намѣренія, слѣдовательно, въ нихъ они не виноваты. Вѣдь могли же они научиться изъ опыта, подверждаемаго многими вѣками, что эти бѣды слѣдуютъ въ такой неразрывной связи съ первоначальнымъ намѣреніемъ въ Московскихъ войнахъ, что куда бы Москвитяне ни вносили свои военныя знамена по счастливой случайности, вмѣстѣ съ ними всегда они приносили и эти бѣдствія. Между тѣмъ пока Господь не вразумитъ этихъ служащихъ иноземцевъ къ лучшему, надобно восхвалять Его за милость къ Его малому Католическому стаду, за то, что онъ ослѣпляетъ тусклый разумъ Москвитянъ блескомъ самаго ихъ счастія, такъ что они не видятъ, что переходъ отъ величайшей свободы къ самому низкому рабству, безъ чего-то средняго между ними, можетъ совершиться только чрезвычайно насильственнымъ путемъ, и что насильственое положеніе и долговременность ни какъ не вяжутся между собой. Жестокости, какихъ надѣлали они надъ Литовцами, такъ отвратили отъ нихъ сердца этого народа и отпугнули всякую вѣрность къ нимъ, что онъ выгналъ ихъ изъ своихъ областей съ такой же ненавистью, съ какимъ радушіемъ принялъ было ихъ туда.

Между тѣмъ въ бѣшенство обратилось терпѣніе бѣднаго простого народа въ Москвѣ, дознавшаго горькимъ опытомъ, что дешевая цѣна мѣдныхъ денегъ, при великой дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, не даетъ ему никакихъ способовъ къ поддержанію своего убогаго существованія: онъ поднялъ неистовый бунтъ въ Москвѣ, послужившій къ погибели его виновниковъ, какъ обыкновенно бываетъ со всѣми возмущеніями, которымъ недостаетъ вождя.

4-го Августа, 1662 года, [327] 9 тысячъ заговорщиковъ изъ 18-ти тысячъ всѣхъ, принадлежащіе къ подонкамъ черни, вооружясь одними ножами, пришли къ Алексѣю, проживавшему въ шести верстахъ отъ Москвы, [328] для пользованія сельскимъ воздухомъ, и, по обычаю простаго народа, всегда нерасположеннаго къ знати и властямъ, принесли безчисленныя жалобы на Царскаго тестя, Илью Даниловича Милославскаго, дядю Семена Лукьяновича Стрѣшнева, Дворецкаго Ѳедора Михайловича Ртищева, Богдана Матвѣевича Хитрова, и Ивана Андреевича Милославскаго, на ихъ строптивость, нахальство, взяточничество, растрату казны, измѣну, и требовали ихъ смерти.

Алексѣй, еще за день тайно предувѣдомленный объ этомъ заговорѣ, собразилъ, что зараждающееся зло легко истребить и, желая подобно хорошему врачу, лучше исцѣлять зараженные члены, нежели ихъ отсѣкать, запасся ласковыми словами, для услажденія желчности неистовыхъ людей и для смягченія ихъ гнѣва. Но если этотъ мятежъ, только что зародившійся и еще не пришедшій въ зрѣлость, не образумится, то, не давая усилиться злу, когда онъ укоренится, Алексѣй изострилъ и карательный мечъ, чтобы истребить его съ корнемъ, наказавши людей, упорствующихъ въ неповиновеніи. И такъ отвѣчалъ имъ, что несправедливо требовать, чтобы обвиненные выданы были ярости обвинителей. Онъ Государь надо всѣми: онъ разыщетъ виноватыхъ и строго накажетъ уличенныхъ за вину ихъ, безъ всякаго лицепріятія. Онъ предлагалъ въ поруки этого обѣщанія жену и сына, которые были тутъ же. Но мятежники, заподозривъ въ этихъ словахъ трусость Алексѣя, еще смѣлѣе приня-

---

[327] По нашимъ грамотамъ это происходило Іюля 25 и далѣе. О. Б.

[328] Въ Коломенское, при р. Москвѣ, теперь въ 10 верстахъ отъ города. О. Б.

лись за наглости, не воздерживаясь и отъ ругательныхъ словъ на Царицу. Алексѣй вспылилъ: «Избавьте меня отъ этихъ собакъ!» сказалъ онъ, обернувшись къ стрѣльцамъ и своимъ придворнымъ. Эти тотчасъ же бросились на мятежниковъ и перебили почти всѣхъ ихъ; впрочемъ, они погибли не совсѣмъ безъ отмщенія, потому что съ отчаянной смѣлостью вонзили въ грудь многимъ стрѣльцамъ свои ножи и закололи ихъ въ поминокъ по себѣ. Когда три тысячи другихъ вооруженныхъ, которые, по уговору, слѣдовали за первыми имъ въ помощь, увидали ихъ убитыми, они стали осторожнѣе: положили оружіе, упали въ ноги Царю, отмаливались отъ заслуженной ими смерти, прося лучше сослать ихъ въ Сибирь, что и получили отъ Алексѣя, гнѣвъ котораго укрощенъ былъ казнью другихъ. А потомъ висѣлицы, поставленныя на площадяхъ и перекресткахъ въ Москвѣ, приняли 500-тъ человѣкъ изъ тѣхъ, которые остались въ городѣ для ограбленія богатѣйшихъ домовъ.

Наконецъ 8-го числа Сентября мы положили выѣхать изъ Смоленска, и сѣли въ лодки, когда Москвитяне отказали намъ въ повозкахъ, изъ боязни, чтобы не захватили ихъ Литовцы. Такъ и проѣхали по теченію Днѣпра сначала Дубровну (Dubrownam), городъ прежде Мстиславскаго Воеводства, а нынѣ Витебскаго: онъ возвышается на обоихъ берегахъ рѣки въ 80-ти верстахъ отъ Смоленска, и нѣкогда имѣлъ великое множество зданій, а нынѣ бѣдственно разоренъ во время Московской войны, съ огромнымъ убыткомъ въ имуществѣ его владѣльца, Георгія Карла Глѣбовича, послѣдняго мужескаго пола потомка Монтвида, сына Гедимина, Великаго Князя Литовскаго. Оттуда пріѣхали мы 12-го Сентября въ Оршу (Orszam), городъ Витебскаго Воеводства, въ 20-ти верстахъ отъ впаденія рѣки Оршанки (Orszanka) въ Днѣпръ, раскинутый на обоихъ берегахъ этой рѣки.

Только что мы отплыли съ версту оттуда, какъ самое печальное явленіе представилось моимъ глазамъ. Молодой человѣкъ, недавно еще вышедшій изъ отроческихъ лѣтъ и взятый мною въ число служителей въ качествѣ спальника, увидавъ челнокъ изъ древеснаго дупла, плывшій съ гребцомъ возлѣ моей лодки, вздумалъ спрыгнуть въ него, чтобы прокатиться взадъ и впередъ по Днѣпру для забавы. Товарищи его, мои служители, старались разумнымъ предостереженіемъ удержать его, идущаго на явную смерть; но бѣднякъ, увлекаемый силою рока, безразсудно смѣял-

ся надъ разсудительными совѣтниками. Вдругъ челнокъ опрокидывается и выбрасываетъ въ рѣку несчастнаго, вмѣстѣ съ гребцомъ. По природному побужденію, оба они хватаются за ненадежную лодку, ожидая спасенія отъ виновницы своей опасности, но отъ усилія обоихъ взобраться въ лодку, опрокинувшись три раза, она выбросила столько же разъ и ихъ. Между тѣмъ пропиталось водою платье на бѣдномъ юношѣ, узкое и короткое, по Французской модѣ, бывшей тогда въ ходу у молодыхъ людей, и своей тяжестью утащило внизъ съ собою несчастнаго, котораго никто такъ и не видалъ больше. Гребецъ, прикрытый только сорочкою и исподнимъ платьемъ, легче держался на водѣ, ухватился одинъ за лодку, уже свободную отъ другого пловца и, поворачивая ее по своей волѣ, быстрымъ прыжкомъ попалъ въ нее, такъ что растянулся въ ней, выставивши только голову изъ покрывавшей его воды, и отдался на волю теченія рѣки, пока не подплыли и не взяли его другіе наши.

Мы подплыли къ деревянному мосту на рѣку Оршѣ, лежавшему на плоскихъ судахъ, между которыми могли проходить однѣ только рыбачьи лодки: въ то время, какъ мы подъѣзжали, начальникъ моста выѣхалъ къ намъ верхомъ и протянулъ свою палку къ нашимъ лодкамъ, съ угрозой, чтобъ мы не выходили тутъ на берегъ.

Но какъ тутъ было мѣсто, черезъ которое плывущіе изъ Смоленскаго Княжества въ Литву, оставивъ лодки, обыкновенно начинали ѣхать сухимъ путемъ по Одрузскимъ полямъ (per Odrusios campos) Ваповскаго, то мы послали Александра Войскаго (Woieshi), Настоятеля Августинцевъ; освобожденнаго, по нашему ходатайству, изъ Московскаго плѣна и ѣхавшаго съ нами къ своимъ, съ просьбою къ Воеводскому Намѣстнику, Козарскому (Kozariski), чтобы онъ позволилъ намъ нанять тутъ лошадей съ повозками для проложенія нашего пути берегомъ. Этотъ отказалъ наотрѣзъ. Уже не прежде полудня на другой день Настоятель могъ выпросить у него позволеніе тотчасъ же развести мостъ для прохода нашихъ лодокъ, чтобы высадиться ниже этого мѣста.

Съ закатомъ солнца мы прибыли въ Копысъ (Kopisium), деревянный городъ Мстиславскаго Воеводства: онъ обнесенъ деревянной стѣной, которая укрѣплена была башнями, и защищенъ деревяннымъ дѣтинцемъ по срединѣ высокаго холма; построенъ въ 50-ти верстахъ отъ Орши, на лѣвомъ берегу рѣки, и принадлежитъ Князю Богуславу Радивилу (Bogislaum Radivilium).

Сдѣлавъ 20-ть верстъ на другой день мы прибыли въ Шкловъ (Zklowiam), славный городъ Полоцкаго Воеводства, на правомъ берегу рѣки, тоже деревянный, прекрасно укрѣпленъ и со всѣмъ Воеводствомъ принадлежитъ, по смерти Александра Ходкевича, внуку его отъ дочери, Синявскому (Siniavium). Хотя здѣсь мы приняты были гораздо вѣжливѣе Воеводой Андреемъ Дзержановскимъ (Andreas Dzierzanowski), однако жь все же не могли добиться и отъ него позволенія выйти на сушу, изъ опасенія его, чтобы Литовцы не поставили ему, Поляку, въ вину, что, вопреки примѣру Оршанскаго Воеводы дозволилъ, намъ высадиться.

И такъ проѣхали близко Быхова (Bichoviam), прежде деревянной крѣпости, на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Полоцкомъ Воеводствѣ, и, сдѣлавши 20 верстъ, высадились въ Могилевѣ (Mohiloviam), [329] послѣ стучанья во столько воротъ, пока не отворились для насъ хоть одни. Это городъ Витебскаго Воеводства, но вольный Королевскій. Послѣ нашего двухдневнаго пребыванія на берегу, Городской Сенатъ постыдился дольше отказывать намъ въ гостепріимствѣ и, принявши насъ въ городъ, позволилъ отправляться куда угодно.

Названіе Могилева, лежащаго на возвышенномъ правомъ берегу рѣки Днѣпра, означаетъ усыпальницу (sepultura) какого ни будь рода, и долгое время былъ мало извѣстенъ. Но Бѣлорусскіе (Albiae Russiae) купцы, привлеченные удобствомъ мѣста, переселились въ него и, умножавшись въ числѣ, построили тамъ множество домовъ, а сто лѣтъ тому назадъ такъ населили его, что дали ему видъ обширной пристани, знаменитой по всѣмъ Россіямъ (per universas Russias). Онъ исповѣдуетъ Христіянскую Вѣру по еретическому Греческому обряду, хоть и имѣлъ двѣ Римско-Католическія церкви: приходскую, разрушенную Москвитянами, вмѣсто которой мы видѣли часовню, построенную приходскимъ Каноникомъ, Михаиломъ Обринскимъ (Michaelis Obrinski), пока не настанетъ лучшее время, и другую Кармелитскую, совсѣмъ разоренную Москвитянами: мѣсто ея занято теперь однимъ Священникомъ того же Ордена, чтобы не утратить права гражданскаго владѣнія на это

---

[329] Но, вѣдь, Быховъ, Старый и Новый, лежатъ не между Шкловымъ и Могилевымъ, а, на оборотъ, за Шкловомъ Могилевъ, за нимъ же и оба Быхова? Очевидная путница! О. Б.

мѣсто, какъ бы уже покинутое его душею. Отцы Езуитскаго Общества никогда не имѣли тутъ никакого Коллегіума, и Аслекандръ Гонсѣвскій учредилъ его для нихъ въ Витебскѣ, а не въ Могилевѣ, какъ невѣрно утверждаетъ то Пясецкій (Piasecius). Въ 1654 году, когда въ Могилевѣ считалось до 8-ми тысячь домовъ и онъ превосходно былъ укрѣпленъ внутри и внѣ своей окружности стѣной и бастіонами и снабженъ пушками, 17 Августа этотъ городъ добровольно сдался Московскому Великому Князю Алексѣю, при вторженіи въ Литву союзныхъ съ Москвою Запорожскихъ Козаковъ: онъ бросилъ своего законнаго Государя, Польскаго Короля, покинутаго тогда счастьемъ, понадѣявшись на лучшую долю, подъ покровительствомъ единовѣрнаго съ нимъ народа. Когда жь эта надежда рушилась, онъ получилъ урокъ, что перемѣна Государей не прибыль для подданныхъ. И такъ долгое время видя себя въ пренебреженіи у Москвитянъ, обезумѣвшихъ отъ своего счастья, въ униженіи и въ упадкѣ, онъ отеръ свои безполезныя слезы рукою отчаянія и, одушевившись местью, составилъ заговоръ, 11 Февраля, 1661 года: при боѣ въ набатъ перебилъ 960 человѣкъ Московской городской стражи, изъ которой 150 ускользнуло, и тѣмъ возвратилъ себѣ свободу. Нынѣ, гордясь двоякой измѣной, онъ обороняетъ возвращенныя себѣ права съ такимъ своевольствомъ, что хоть Католики и сохраняютъ свою долю въ его Сенатѣ, но онъ едва удостоиваетъ признавать Польскаго Короля своимъ верховнымъ главой, и рѣшительно отказывается принять въ городъ его стражу, ввѣряя охраненіе своихъ воротъ и стѣнъ однимъ своимъ горожанамъ, которыхъ все еще считается до 4,000 способныхъ носить орудіе. Впрочемъ, это народъ грубый, обманчивый и не отличается нравами отъ Москвитянъ, какъ и прочіе Русскіе (если исключить его неумѣренную заботливость о своей свободѣ). Городское хозяйство въ мирное время обыкновенно каждый годъ дастъ 100 тыс. талеровъ на Королевскій столъ. и очень прибыльное управленіе имъ, въ видахъ найбольшой пользы, Король возложилъ на Гонсѣвскаго, по возращеніи его изъ плѣна

Въ деревняхъ, подвласныхъ городу, мы наняли за дорогую цѣну лошадей съ повозками, которыя и повезли насъ съ пожитками до Вильны.

Послѣ того, какъ мы выѣхали изъ Могилева, 27-го Сентября, и покинули р. Днѣпръ, текущую въ Евксинскій Понтъ (Черное

море), болѣе чуждую и негостепріимную для насъ, чѣмъ это темное море, 2-го Октября, въ 120-ти верстахъ отъ Могилева, предсталъ нашимъ глазамъ Борисовъ (Borisovia). Это городъ Минскаго Воеводства, получившій свое названіе отъ построившаго его Полоцкаго Князя, сына Гинвилона (Ginvilonis), Князя Новогородецкаго. [330] Онъ состоитъ изъ двухъ крѣпостей на лѣвомъ берегу Березины, которой воды, умноженныя водами сливающейся съ нею рѣчки Схи (Scha) протекаютъ и окружаютъ его. Строеній въ немъ никакихъ нѣтъ, кромѣ убогаго жилища Воеводы, съ часовнею, назначенною для богослуженія по Греческому обряду. Въ Іюлѣ 1655 г. Москвитяне взяли этѣ крѣпости вооруженною рукой, но черезъ семь лѣтъ, въ томъ же самомъ мѣсяцѣ, должны были возвратить ихъ опять Литовцамъ, изнуренные голодомъ по случаю медленнаго облежанія, а прилежавшій къ крѣпостямъ городъ совсѣмъ разоренъ. Тутъ мы принуждены были промѣшкать довольно долго у построеннаго на сваяхъ моста для перехода черезъ болотистую Сху, пока не склонили Воеводу позволить перевезти и насъ на берегъ Березины, которую иные изъ древнихъ считаютъ за Днѣпръ, слѣдуя не очень основательнымъ извѣстіямъ.

Переночевши тамъ, на другой день мы переправились черезъ рѣку въ лодкѣ. Березина [331] беретъ начало недалеко отъ деревни Докшицы (Doxice), Борисовскаго Уѣзда, протекши сперва большое болото и принявши тамъ малый ручей, она орошаетъ Борисовъ. Принимаетъ потомъ рѣки Бобръ (Bobro), Свислочъ (Swislocza), Волну (Wolana), Бобричъ (Bobricia), Предивину (Predivina), Ушу (Usza), Олу (Olha), Жердь (Zerdzia) и Свѣдь (Swieco), и протекши Горваль [332] (Howolium), впадаетъ въ Днѣпръ между Стрѣшинымъ (Striesnam) и Рѣчицею (Rzeczicam) [333]

Сдѣлавъ еще 70 верстъ по лѣсистой пустынѣ, 5-го Октября

---

[330] По нашимъ лѣтописямъ это былъ Борисъ Всеславичъ, а не Всеволодовичъ, какъ говоритъ Даниловичъ, (Лѣтоп. стр. 122), основавшій его 1102 г., послѣ похода своего на Ятвяговъ О. Б.

[331] Березина беретъ начало въ Минской Губерніи и впадаетъ съ правой стороны въ Днѣпръ, выше Припети. Прежде она была границею Смоленскаго Княжества съ Литвой.

[332] Горваль, мѣстечко Рогачевскаго Уѣзда Могилевской Губ. на р. Днѣпрѣ.

[333] Стрѣшинъ, тоже мѣстечко при Днѣпрѣ той же Губерніи и того же Рогачевскаго Уѣзда.

мы прибыли въ Минскъ (Minscum), главный городъ Минскаго Воеводства, расположенный на холмахъ и рѣкѣ и удостоенный чести имѣть Верховный Судъ для всей Литвы, кромѣ Вильны, каждые три года поочередно съ Новогородецкимъ. Грустнымъ взоромъ мы смотрѣли на разореніе, причиненное этому городу Москвитянами. Присоединенные (Униты) Базиліяне, Доминиканцы, Бернардинцы, начали уже тамъ поправлять свои разрушенныя св. обители и церкви, съ помощію подаяній благочестивыхъ людей. Отцы Езуитскаго Общества тоже готовились положить основаніе учрежденію тамъ своего Коллегіума.

13-го Октября везли насъ 70-ть верстъ трудной дорогой, на которой безпокоило насъ множество неудобствъ: ночевали часто въ лѣсахъ и пустыняхъ, сдѣланныхъ Московскими опустошеніями, подъ открытымъ небомъ, подвергаясь обидамъ разбойниковъ; вездѣ насъ ненавидѣли, гнушались нами. Наконецъ пріѣхали мы въ Вильну, или лучше пожарище Вильны (Vilna).

Въ то время жило тамъ много знатныхъ людей изъ Великаго Княжества Литовскаго, особливо тѣ, которымъ поручено было Королемъ и Рѣчью Посполитой привести, надлежащими мѣрами въ прежнюю покорность войско подъ начальствомъ вождя его, Гонсѣвскаго, но, по извѣстнымъ свѣту причинамъ, оно возмутилось, отказавшись, вопреки воинской подчиненности, отъ должнаго повиновенія своимъ вождямъ, дерзко требовало своего жалованья, отставило этого вождя и на его мѣсто выбрало Жиронскаго (Zeronscium). Эти знатные люди выслали встрѣтить насъ, въ 40-ка шагахъ отъ города, Ошмянскаго Воеводу (Praefectum Osmianensem), Капитана и Члена Военнаго Совѣта, Альберта Константина Цѣхановича (Ciechanowicium), сопровождаемаго многочисленной толпой знатныхъ и дворянъ, который принялъ насъ вѣжливо, изъ уваженія къ Цезарю и, сѣвши съ нами въ присланную на встрѣчу намъ карету Подскарбія (Supremi Thesaurarii) и Вождя Гонсѣвскаго, проводилъ насъ въ гостинницу.

Этотъ городъ орошаетъ рѣка Вилія (Vilia), вытекающая, въ видѣ ручья, изъ небольшаго озера, не далеко отъ истоковъ рѣки Березины, но, увеличившись водами рѣкъ Девиноши (Dewinosii), Сервечи (Serwoczae), Узлы (Uzlae), Нарочи (Naraczae) и Ошмяны (Osmianae), и принявъ рѣку Вильну (Vilnam), отъ которой этотъ городъ получилъ и свое названіе, вмѣстѣ съ рѣчками: Вакою (Vaca),

Бразалой (Brazala) и Литовскою рѣкой Свентою (Swienta), уноситъ ее въ рѣку Нѣманъ (Nemenum), при городѣ Ковнѣ (Caunam). Говорятъ, что основателемъ Вильны былъ Великій Князь Литовскій Гедиминъ, построившій, въ 1305 году, на холмахъ, при сліяніи Виліи и Вильны, двѣ крѣпости: одну, опоясанную рѣкой Вильной, при подошвѣ горы, а другую повыше, на самомъ хребтѣ горы. Въ послѣдствіи тамъ прибыло столько зданій, построенныхъ купцами, собравшимися туда съ разныхъ сторонъ, что Вильна достойно стала считаться въ числѣ большихъ городовъ; а послѣ того, какъ Гедиминъ поставилъ въ ней Воеводу и начальника крѣпостей, она не только поднялась на степень столичнаго города Гедиминовой Литвы, но и всего Великаго Княжества Литовскаго, получивъ право голоса при избраніи Королей. По возрожденіи Св. Крещеніемъ, Ягайло, около 1387 года, укрѣпилъ ее, и даровалъ ей Епископство, котораго судебной власти подчинены Воеводства: Виленское, Троцкое, Новогородецкое, Полоцкое, Витебское, Минское и большая часть Подола и Полѣсья; Викарій же ея—Епископъ Метонскій (Metonensis), обыкновенно избираемый изъ духовнаго клира Соборной церкви. Въ 1506 году она окружена стѣной, только не вездѣ, да и небрежно, и обширными предмѣстьями, умножающимися со дня на день: кажется, что, подобно Спартанскому городу, Вильна хочетъ полагаться больше на силу своихъ гражданъ, для отраженія непріятельскихъ нападеній, нежели на твердость своихъ укрѣпленій. Хотя другіе и говорятъ, что это походитъ на пренебреженіе къ непріятелю, однако жь, оно стоило ей дорого, такъ какъ Москвитяне два раза уже занимали ее, грабили, жгли и разоряли. Кажется, она предусмотрительнѣе позаботилась бы о своей безопасности и презирала бы враговъ благоразумнѣе, если бы пожелала быть менѣе самоувѣренной и болѣе укрѣпленной. По тому что Москвитяне, не только въ 1610 году взяли и жестоко опустошили ее огнемъ и грабежемъ, но еще недавно, въ 1655 году, Августа 6-го, разорили ее послѣ одной небольшой стычки въ открытомъ полѣ съ ея малочисленнымъ войскомъ: тутъ Виленцы не отказались сразиться съ 200-ми тысячь непріятелей, по своему обычаю, презирая близкую опасность, съ безпечною самонадѣянностью, покинутые своимъ Воеводой, Княземъ Яномъ Радивиломъ (Iano Radzivilio), Великимъ Гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго. Москвитяне владѣли этимъ городомъ, скованнымъ собственными цѣпями, жестоко угнетая его рабствомъ даже до 3 Декабря, 1661-го года. Въ бытность ихъ въ несчастномъ

городѣ, они столько совершили въ немъ убійствъ, насилій женщинамъ, грабежей, святотатствъ, разореній и пожаровъ, что если кто вздумалъ бы нынѣ искать Вильны въ городѣ Вильнѣ, тотъ найдетъ только плачевные слѣды одичалаго неистовства въ ея разрушеніи, пеплѣ и развалинахъ. Сколько ни было зданій, священныхъ, или обыкновенныхъ, выстроенныхъ изъ еловаго лѣса, все это распалось въ прахъ отъ огня, подложеннаго подъ нихъ Москвитянами. Каменныя зданія, изъ которыхъ состоялъ весь нижній городъ, составляютъ теперь однѣ лишь закоптѣлыя стѣны безъ кровель, остальное же все истреблено поджогами свирѣпаго побѣдителя. А что пощажено огнемъ, того не пропустило строптивое высокомѣріе обидчиваго гостя: Соборная церковь—зданіе Ягайла Христіянина, Коллегіумъ отцовъ Общества Езуитовъ, съ приписною къ нему церковью Св. Іоанна, воздвигнутый пастырскими заботами Валеріяна Сушковскаго-Проташевича (Valeriani Suszkowski Protaszewicz), четырнадцатаго Епископа Виленскаго, и увеличенный потомъ на денежные вклады непосредственнаго его преемника, въ послѣдствіи Кардинала, Георгія Радивила (Georgii Radivilii), пользующійся правами Академіи, съ разрѣшенія Короля Стефана, 1-го Апрѣля, 1579 года, утвержденными за нимъ Папой Григоріемъ XIII, 3-го числа Ноября, того же года; Езуитскіе домы, какъ для Новиціятовъ, такъ и для Профессовъ, посвященные Св. Казимиру и построенные щедростію Польскаго Принца, Карла Фердинанда; прекрасный монастырь отцовъ Францисканцевъ, живущихъ по правиламъ строгаго Устава Св. Франциска; монастырь Капуциновъ, вполнѣ соблюдающихъ правила Св. Франциска, съ храмомъ Пресвятой Дѣвы Маріи на пескахъ; два монастыря: Доминика, во имя Св. Духа, и Свв. Филиппа и Іякова; больница Братьевъ милосердія, послѣдователей Св. Іоанна Крестителя, подъ именемъ Св. Креста; монастырь Базиліянъ Греческаго обряда, но въ общеніи съ Римскою Церковью (Уніятскій), совершающихъ богослуженіе въ церкви Пресвятой Троицы; два монастыря Св. Георгія и всѣхъ Святыхъ Ордена Пресвятой Дѣвы съ горы Кармельской; монастыри Канониковъ Ордена Св. Августина, во имя главы Апостоловъ (Петра); монастырь Канониковъ Крестоносцевъ «Покаянія блаженныхъ мучениковъ» въ Зарѣцкомъ (Zarzeczano)[334] предмѣстьи, и тамъ же священныя зданія монашествующихъ

[334] Предмѣстье Зарѣчье (Zarzecze) лежитъ на правомъ берегу Вилейки, которая течетъ съ востока на сѣверъ. О. Б.

3-го чина Св. Франциска, женскіе монастыри: соблюдающихъ строгія правила жизни Серафимской дѣвицы Клары, во имя Св. Михаила, Терезы, во имя Св. Іосифа, чина Василія Великаго, во имя Св. Троицы и Святаго Бенедикта, во имя Св. Екатерины, съ ихъ церквами. Всѣ эти зданія либо разорены, либо сожжены, либо же умышленно пробиты и проломаны насквозь молотами и топорами, и свидѣтельствуютъ, съ какою дикой ненавистью исповѣдающіе Московскую Вѣру преслѣдуютъ Христіянъ Римско-КатолическагоИсповѣданія. Чтобъ показать это еще сильнѣе, церковь Русскихъ еретиковъ оставлена ими нетронутой, а вмѣстѣ съ ней и другая, принадлежащая монахамъ, живущихъ по уставу Кармелитокъ Св. Терезіи, по тому что она была отдана имъ Алексѣемъ, ради удобнаго сосѣдства. Колоколъ Сигизмунда III-го и всѣ другіе, кромѣ тѣхъ, въ которые звонятъ на колокольнѣ Русской церкви, расплавлены, либо увезены и оставили грустную тишину при богослуженіи. Москвитяне напрасно надѣялись выкопать также тѣло Св. Казимира, внука Ягайла, отъ втораго его сына, Казимира, обыкновенно почивавшаго въ Соборной церкви, послѣ того, какъ оно увезено было Георгіемъ Бѣлозоромъ (Georgio Bialozoro), ключаремъ этой церкви, нынѣ переведеннымъ съ Смоленской Епископской каѳедры на Виленскую, благочестіе Католиковъ перенесло его въ Рожану (Rozanam). [335] Однако жь Москвитяне ничего не сдѣлали ни Лютеранской киркѣ, ни Кальвинской молельнѣ: послѣдняя удалена лишь была изъ города и переведена въ предмѣстье еще въ 1640 году, въ наказаніе, присужденное Кальвинистамъ общимъ приговоромъ Сейма и Владислава IV, на основаніи отечественныхъ законовъ, за то, что они дерзновенно пускали стрѣлы въ изваянія Ангеловъ на фронтонѣ церкви Св. Михаила.

На третій день нашего пріѣзда въ Вильну Воевода Сапѣга (Sapieha) почтилъ насъ очень пышнымъ обѣдомъ, а на утро этого дня Гонсѣвскій.

Но какъ намъ не было позволено возвращаться въ Вѣну безъ спроса нашего Державнѣйшаго Государя, то мы и послали къ нему гонца, снабженнаго письменными видами отъ насъ и Королевскихъ Коммисаровъ.

Пока мы ждали его возвращенія, въ одинъ день, не извѣстно

[335] Рожана городъ Новогородецкаго Уѣзда Гродненской Губерніи. О. Б.

какой-то шляхтичь (nobilis) изъ членовъ Военнаго Совѣта Конфедеративнаго Литовскаго войска, въ пьяномъ видѣ подошелъ къ нашему дому, чтобы войти въ него; но такъ какъ его не впустили, изъ основательнаго опасенія, чтобы, по случаю распущенности тогдашнихъ нравовъ въ краѣ, не вырвалась у него какая ни будь непристойность, онъ цѣлый часъ осыпалъ насъ и всѣхъ нашихъ множествомъ ругательныхъ словъ (я, однако жь, не зналъ о томъ и ничего изъ нихъ не слыхалъ), три раза вынималъ изъ ноженъ свою Татарскую саблю и грозился убить перваго, появившагося на улицѣ, изъ нашей прислуги. На другой день пришли къ намъ двое его товарищей и, отъ имени кающагося гостя, просили извиненія проступку, сдѣланному въ хмѣлю: это и дали мы безъ труда, зная, что, при той распущенности, какую необузданное своевольство внесло въ то время въ нравы бунтовавшаго солдата, эти люди позволяли себѣ въ хмѣлю дѣлать все, и только отрезвившись изъявляли раскаяніе и просили прощенія въ своей винѣ.

Межъ тѣмъ Конфедераты (vinculati) (какъ они называли себя) пришли въ большое негодованіе на Гонсѣвскаго и Жировскаго (Zeronscium), котораго въ своемъ бунтѣ выбрали себѣ вождемъ, изъ за слуховъ, обвинявшихъ Гонсѣвскаго, что во время его плѣна у Москвитянъ, онъ договорился съ ними, чтобы, заплативъ ему значительную сумму, они удержали за то въ вѣчномъ владѣніи Смоленское и Сѣверское Княжества, на основаніи условій мира, не обезпеченномъ ничьимъ посредничествомъ, и поставили начальникомъ въ этихъ Княжествахъ его же, Гонсѣвскаго, украсивъ его званіемъ Воеводы. Въ тогдашнее время вѣрили тому безъ всякихъ сомнѣній, видя, что мы выѣхали изъ Москвы, по ихъ мнѣнію, въ необыкновенную пору, и слыша, что тотчасъ же послѣ насъ отправленъ Московскій Посолъ Нащокинъ, для окончательнаго заключенія при Королевскомъ Дворѣ того договора, начало которому положено было Гонсѣвскимъ. Между тѣмъ, въ залогъ этого договора, Гонсѣвскій позволилъ Москвитянамъ переправиться черезъ рѣку Двину (Dunam) къ Ригѣ (Rigam), съ 70-ю судами, по грамотамъ, за подписью своей и Жировскаго, какъ тогда говорили, тоже привлеченнаго подкупомъ на его сторону. И такъ эти военные люди, склонные къ гнѣву по своей природѣ, положили отомстить имъ обоимъ, какъ перебѣщикамъ, отступникамъ и измѣнникамъ отечества. Однако жь, чувствуя себя нѣсколько связанными уваженіемъ къ Сенатор-

скому званію одного и сану Гетьмана другого, они еще воздерживались отъ насильственныхъ поступковъ съ ними. Но, сверхъ того, разнесся еще слухъ, что оба они сговорились съ Королевскимъ Дворомъ пригласить, съ одной стороны, Шведовъ, а съ другой, Татаръ съ Козаками, силою оружія которыхъ бунтовщики либо приведены будутъ въ прежнее повиновеніе, либо поплатятся казнію за непокорность: тогда они ужь не могли сдерживать гнѣвнаго расположенія въ душѣ, и разразились местью. 24-го Ноября, въ 8-мь часовъ утра, по приказанію Котовскаго (Kotowicz), заступившаго мѣсто Жировскаго, шляхтичь Хлѣвинскій (Hlewinski), съ 50-ю всадниковъ, вступилъ въ Вильну и, къ изумленію всего города, увелъ Гонсѣвскаго изъ его дома, а Жировскаго изъ Кармелитскаго монастыря. Котовскій велѣлъ ему убить обоихъ, если не позволятъ себя взять, чтобы узы, связующія Конфедеративное войско, окрѣпли съ уменьшеніемъ ихъ надежды на прощеніе. Но какъ ни тотъ, ни другой не противились, Хлѣвинскій не согласился съ тѣми, которые внушали ему угрожать имъ смертію въ тотъ же день. Однако жь, счелъ благоразумнымъ отправить гонца къ Котовскому, разорявшему съ войскомъ тотъ край, который долженъ былъ бы оборонять отъ опустошенія, и находившемуся тогда въ Вильнѣ, съ извѣстіемъ объ исполненіи, и за совѣтомъ, какъ ему дальше распорядиться съ захваченными. Самъ между тѣмъ медленно подвигался къ Вильнѣ, чтобы разстроенное въ то время здоровье Гонсѣвскаго не пострадало отъ болѣе трудной ѣзды.

29-го Ноября, отправивши поспѣшно впередъ болѣе крѣпкаго силами Жировскаго въ Острино (Ostriniam) [336] Хлѣвинскій вдругъ увидѣлъ шляхтича Новашинскаго (Nowaszinski), приближавшагося съ толпою всадниковъ позади его; онъ слѣзъ съ лошади и, подошедши къ каретѣ, гдѣ сидѣлъ Гонсѣвскій съ своимъ духовникомъ, Езуитомъ Самуиломъ Кудеровскимъ (Kuderowio) сказалъ: «Г. Подскарбій! Непремѣнный приговоръ всего войска таковъ, чтобы тебѣ больше не жить.» Потрясенный похороннымъ звукомъ рѣшительнаго голоса, Гонсѣвскій тотчасъ же вышелъ изъ кареты, совсѣмъ растерявшись, и въ этомъ смущеніи духа, захваченнаго врасплохъ, обнажилъ свою шею, вытянулъ ее, будто къ палачу, и отвѣчалъ печальному вѣстнику: «Въ чемъ провинился я когда ни будь предъ войскомъ, что долженъ поплатиться смертью за свою вину? Пусть

---

[336] Небольшое мѣстечко Острино въ Лидскомъ Уѣздѣ. О. Б.

назовутъ преступленіе, въ которомъ винятъ меня. Если не оправдаюсь въ немъ, обнаруживъ клевету, то по дѣломъ пролью свою кровь. Я, Сенаторъ Королевства и Королевскій Уполномоченный, не подлежу никакому другому суду, кромѣ общаго собранія Чиновъ, однако жь не ссылаюсь здѣсь на неприличность моего Суда, не протестую къ законамъ Государства, къ Сеймамъ. Поставьте меня передъ войскомъ. Сознавая свою невинность, я подчиняюсь чуждому мнѣ Суду. Но, выслушавши обвинителей, пусть онъ выслушаетъ и обвиненнаго. А не сдѣлавъ того, онъ очень повредитъ своей доброй славѣ, по тому что если осудитъ кого ни будь безъ допроса, не дозволивши ему защиты, онъ заявитъ его невинность, межъ тѣмъ какъ бы хотѣлъ, чтобы всѣ признавали въ такой личности правосудно казненнаго преступника. Бывши когда-то вашимъ вождемъ, я никогда не осуждалъ, не выслушавши ни маркитанта, но Обознаго, хотя бы и за явное преступленіе (не говорю уже о сослуживцахъ своихъ лучшаго разбора). И ты, Новашинскій, зная коротко правду моихъ словъ, позволяешь, даже дѣлаешь такъ, чтобы я, Сенаторъ Рѣчи Посполитой, честно служившій ей въ такомъ множествѣ должностей, не зная за собою никакой вины, погибъ такъ несправедливо, точно нѣмой, задушенный клеветою!»

Онъ сказалъ бы еще и больше, если бы Новашинскій не прервалъ его: заявляя о необходимости, возложенной на него, казни, ежели самъ онъ не хочетъ подвергнуться такой же судьбѣ, этотъ шляхтичъ склонялъ его немедленно подвегнуться той участи, которой измѣнить нельзя. «Такъ ужь нельзя измѣнить того?» спросилъ тогда Гонсѣвскій. Привожу въ свидѣтели Бога и всѣхъ Святыхъ Его, что погибаю невинно,» прибавилъ онъ. «Я всегда сохранялъ вѣрность и любовь къ своему отечеству. Что́ бы я ни дѣлалъ, все это обратилось бы въ его пользу, по моему доброму разумѣнію, если бы войско не разрушило моею необдуманною казнью вѣрной надежды на плодъ, который принесли бы мои дѣла. Не противлюсь дольше ожидающей меня судьбѣ. Подвергаюсь незаслуженной смерти, какъ ни дурно она присуждена мнѣ. Прошу только позволить мнѣ сперва исповѣдать духовнику мои грѣхи, и потомъ уже отдамъ мою душу примиренному со мною Богу.»

Когда Новашинскій согласился на это, онъ сталъ очищать свою совѣсть, передавая бывшему недалеко Священнику, со вздохами сокрушенной души, прегрѣшенія человѣческой слабости.

Но уже наступала ночь, и Новашинскій много разъ напоминалъ ему окончить свое благочестивое занятіе, однако жь онъ все еще упорно продолжалъ вызывать свои дѣла изъ сердца, терзаемаго скорбію раскаянія въ грѣхахъ. Наконецъ Новашинскій, не терпя дольше медленности, обратился къ духовнику и грозилъ ему общею участью съ Гонсѣвскимъ, если сей же часъ не разстанется съ нимъ. Такъ этотъ по необходимости и отошелъ немного въ сторону, а Новашинскій, приставивши къ головѣ Гонсѣвскаго пистолетъ, пробилъ на вылетъ пулею его виски, межъ тѣмъ какъ въ ту же минуту нѣкоторые изъ всадниковъ, выстрѣливъ разомъ изъ ружей, пронизали уже падавшій его трупъ.

Трупъ, отданный служителямъ Гонсѣвскаго, былъ отвезенъ ими въ Вильну и, положенный въ церкви Св. Казимира при учительскомъ домѣ Общества отцовъ Езуитовъ, долгое время служилъ свѣдѣтельствомъ для видавшихъ его, по какой скользкой стезѣ ходитъ стопа людскаго благоразумія. Этотъ человѣкъ, при всемъ своемъ прозорливомъ умѣ, хоть и не разъ получалъ предостереженія отъ расположенныхъ къ нему людей на счетъ озлобленія и умысловъ на него войска, однако жь лучше хотѣлъ остаться безъ стражи въ томъ несчастномъ мѣстѣ, гдѣ произошло съ нимъ насиліе, полагаясь на свое званіе и законы отечества, нежели, поразсудивъ о раздраженномъ его врагами звѣрствѣ наглыхъ и вышедшихъ изъ повиновенія солдатъ, переѣхать куда ни будь въ другое мѣсто, и подвергнуть опасности нравственную чистоту своей жизни.

Утромъ того же дня Жировскій, изрубленный въ Дубнѣ (Dubni) [337] Персидскими саблями, послужилъ кровію своею вмѣсто пролога къ этой трагической исторіи.

Мы узнали потомъ, что нашего гонца перехватили выѣхавшіе изъ войска Польскихъ Конфедератовъ всадники, отняли у него лошадей, оружіе, платье, деньги и письма, отвели его съ прямой его дороги въ Вольборы (Wolboriam) [338] къ Маршалу Сви-

---

[338] Конечно, не городъ Дубно, Волынской Губерніи, но скорѣе Дубинки (Dubinki), мѣстечко, въ 50 верстахъ отъ Вильны, къ сѣверо-востоку, когда то главный городъ Дубинскаго Уѣзда (districtus Dubinensis), съ замкомъ, по коему одна вѣтвь Князей Радивиловъ писалась Князьями «na Birzach i Dubinkach». О. Б.

[337] Wolborz въ Петроковской Губерніи Царства Польскаго, въ 2-хъ миляхъ (14

дерскому (Widerski) и содержали тамъ, какъ плѣнника, въ противность народному праву. А между тѣмъ одинъ злодѣй,—слуга главнаго начальника Жмуди, Георгія Карла Глѣбовича (Georgii Caroli Hlebowicz), пришелъ въ нашу гостинницу съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ: пренебрегая уваженіемъ, слѣдующимъ Посольскому званію по обычаю всего свѣта, онъ безжалостно умертвилъ привратницу, свалилъ съ ногъ ея мужа, и нанесъ ему 14 ранъ. Самый городъ ежедневно находился въ явной опасности разграбленія, по случаю смуты въ войскѣ: по тому мы и сочли чрезвычайно опаснымъ оставаться долѣе среди народа, который, попирая въ то время всякое право, предавался только порывамъ своего безумнаго звѣрства, и рѣшились уѣхать оттуда.

Въ окрестныхъ деревняхъ Вильны, особливо на берегу рѣки Ваки, живутъ Татары, потомки тѣхъ, которыхъ изъ Заволжскихъ и Нагайскихъ Ордъ вывелъ плѣнниками Ольгердъ въ 1397 году, разбивъ на Дону ихъ войско подъ начальствомъ Великаго Князя Витовта. Они постоянно держатся Магометанскаго суевѣрія, принятаго ими изъ дурныхъ рукъ, и пользуются свободой богослуженія въ своихъ мечетяхъ, которое отправляютъ муллы, присылаемые къ нимъ отъ Крымскихъ Татаръ: шляхтичи ихъ не имѣютъ, однако жь, ни какихъ преимуществъ, такъ что даже обыкновенную судебную власть начальниковъ крѣпостей признаютъ съ гражданскою покорностью. Многіе изъ нихъ служатъ въ войскѣ, не презирая, впрочемъ, почтарскимъ и извощичьимъ промысломъ, который отправляютъ съ прибылью для себя. И такъ, нанявъ у нихъ 30 саней, и не допросившись нѣсколькихъ конниковъ, для безопаснѣйшаго сопровожденія насъ до границы, ни у Королевскихъ Уполномоченныхъ, ни у Конфедератскаго войска, облеченнаго полною властію, 8-го Февраля, незадолго до полудня, мы направили путь въ Пруссію.

Мы не отъѣхали еще и десяти верстъ оттуда, какъ настигъ насъ

верстахъ) отъ Петрокова (Piotrkowa). Въ немъ, 1420 г., Чешскіе послы предлагали корону Ягайлу; въ 1655 г. Янъ Казимиръ искалъ тутъ убѣжища отъ Шведовъ; въ 1662-мъ году, 24 Декабря, Конфедераты, подъ начальствомъ Маршала Самуила Свидерскаго, готовы были взбунтоваться, и едва согласились примириться съ Королемъ 2 Іюня, 1663 года, но тогда лишь, когда уплачено было имъ слѣдуемое жалованье. О. Б.

Литовскій шляхтичъ, Степанъ Марчинскій (Stephanus Marcynski), солдатъ изъ войска Конфедератовъ: онъ спѣшилъ къ своему отряду и ѣхалъ скорѣе нашего, тоже въ саняхъ и съ двумя служителями. Съ надменнымъ пренебреженіемъ не только къ нашему званію, но и къ принятому въ томъ краѣ обычаю между равными людьми, онъ повелительно требовалъ, чтобы мы свернули съ дороги, по которой поѣдетъ самъ онъ. Сидя одинъ позади всѣхъ въ своей каретѣ, положенной на сани и снаружи заставленной со всѣхъ сторонъ, я позаботился отвѣчать ему, чрезъ ближайшаго ко мнѣ моего постельника, довольно свѣдущаго въ Польскомъ языкѣ, что сдѣлать по его просьбѣ 30 санямъ нельзя безъ большихъ затрудненій. Пусть лучше самъ онъ удобнѣе свернетъ съ однѣми своими санями съ дороги, разстилавшейся въ обѣ стороны ровно и широко, какъ обыкновенно въ томъ краю, да и ѣдетъ куда ему годно. Онъ пришелъ въ бѣшенство, услыхавъ эти слова, вылѣзъ изъ саней съ обнаженною саблей и тысячью ругательствъ, и сперва напалъ на слугу, стоявшаго близко меня, чтобы пособить моему постельнику, который, не имѣя оружія, бѣгалъ кругомъ этого служителя и увернулся отъ удара. А потомъ, чтобъ отразить неистовое нападеніе этого съумасшедшаго, онъ прибѣжалъ съ небольшою гражданскою шпагой, немного посражался съ нимъ, но хоть и равнялся ему въ храбрости, да уступалъ въ оружіи, и почувствовалъ себя раненымъ въ обѣ руки, а особливо въ лѣвую, въ которой терпѣлъ отъ того въ послѣдствіи постоянную боль. Другой изъ моихъ слугъ, кравчій, совсѣмъ безоружный, но мускулистый, силился вырвать саблю изъ рукъ солдата и едва уже не сдѣлалъ, чего хотѣлъ, когда другой служитель Поляка нанесъ ему три удара саблей въ голову и принудилъ отстать отъ начатаго дѣла. Между тѣмъ я старался ласковымъ словомъ унять неистовство безумца, хоть и не могъ выйти изъ кареты, заставленной снаружи: только это было напрасно. Вмѣсто того онъ, произнося брань, направилъ въ грудь мнѣ пистолетъ и, безъ сомнѣнія, выстрѣлилъ бы, если бы не былъ остановленъ своими слугами. Все это мы снесли съ благоразумной кротостью на чужой землѣ, подверженной тогда насиліямъ отъ забіячливыхъ отядовъ солдатъ, сторонниковъ этого звѣря, спѣшившихъ одною дорогой съ нами на самую пріятную стоянку въ Жмудь (Samogitiam), не имѣли и въ помышленіи отомщать за себя какъ ни будь, хотя бы это и легко было для насъ. А бѣшеный звѣрь, замѣтивъ, что мы остановились для перевязки нашихъ раненыхъ, хоть и видѣлъ ужь

нашу прислугу вооруженной и готовой отражать силу силой, совсѣмъ тѣмъ, обнаживъ саблю и махая ею въ поднятой рукѣ, въ изступленіи бросился на нашихъ съ такою свирѣпостью, что, кажется, никому бы не уйти цѣлымъ отъ его бѣшенства, если бы, въ видахъ необходимой обороны, не положили его на мѣстѣ, что дѣйствительно и было сдѣлано.

Поспѣшно продолжая наше путешествіе дорогами, постоянно днемъ и ночью, при чемъ очень вѣрно служили намъ Татары, и сдѣлавъ 27 большихъ миль, утромъ мы прибыли, черезъ Ковно (Caunam), въ Юрбургъ (Jurburgum), на рѣкѣ Свентѣ (Swientam), пограничной между Литвой и Пруссіей. А оттуда, все избѣгая, однако жь, Польши, наполненной Конфедератами, черезъ Пруссію, Поморье, Бранденбургскую Мархію, Силезію, Моравію и Австрію, благополучно возратились въ Вѣну, въ самый день Св. Іосифа 1663 года.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ И ДРУГИХЪ НАЗВАНІЙ ВЪ ПУТЕШЕСТВІИ МАЙЕРБЕРГА.

А.

Авары, стр. 148.
Адамъ Кисель, стр. 108.
Адальбертъ, стр. 11, 17.
Адольфъ Голштинскій, стр. 12.
Азовъ, стр. 153.
Аксайскъ городъ, стр. 153.
Албанія древняя, стр. 164.
Александръ Сапѣга, Епископъ, стр. 23.
Александръ Ярославичъ, Великій Князь, стр. 137.
Александръ Литовскій, зять Іоанна III, стр. 1, 151.
Александръ Никитичъ Романовъ, стр. 109.
Александръ, Грузинскій Царь, стр. 163.
Александръ Македонскій, стр. 164, 181.
Алегретъ де Алегретти, Посолъ, стр. 9.
Алексѣй Римлянинъ Святой, стр. 185.
Алексѣй Митрополитъ, стр. 48, 118, 127.
Алексѣй Михайловичъ Царь: подтверждаетъ миръ съ Польшей, стр. 4; посылаетъ въ Польшу съ жалобой на безчестье, стр. 5; опустошаетъ Литву, стр. 9, его кровопусканіе, ст. 55; пріемы Майерберга, стр. 64—65, 70; празднуетъ рожденіе и крестины сына, стр. 77: идетъ на богомолье въ церковь Св. Иліи стр. 93; на поклоненіе къ Троицѣ, стр. 96; родъ его, стр. 109; супружество стр. 112; его цѣти, стр. 113; его наружность, стр. 114; нравъ, стр. 115; титулъ, стр. 116; поступокъ съ тестемъ, стр. 169; обрядъ въ день Входа Господня въ Іерусалимъ, стр. 187; приглашаетъ Майерберга на пріятельскую пирушку, стр. 189; отпускаетъ и даритъ его, стр. 190; укрощаетъ мятежъ, стр. 200—201.
Алексѣй Ивановичъ Вуйносовъ-Ростовскій, Князь, стр. 68, 96.
Алексѣй Никитичъ Трубецкой, Князь, стр. 70, 73.
Алексѣй Царевичъ, стр. 69.
Алмазъ Ивановъ, стр. 7, 65, 71, 74, 90, 184.
Алоиза Шарлотта, стр. 24.
Алла рѣка, стр. 19.
Альбертъ Прелавскій, стр. 7.
Альгимундъ Ольшанскій, стр. 124.
Альгимундъ Семенъ Ольшанскій, стр. 130.
Альбертъ Бранденбургскій, стр. 13.
Альбертъ Голимонтъ, стр. 145, 198.

Амалтея, стр. 173.
Анастасія, стр. 109.
Ангеликъ докторъ, стр. 96.
Ангерапъ рѣка, стр. 19.
Англичанинъ лѣкарь, стр. 87.
Антора городъ, стр. 57.
Андрей Князь, стр. 165.
Андрей Вигундъ, стр. 73, 155.
Андрей Дорогобужскій, стр. 144.
Андрей Штукландъ, стр. 140.
Андрей Князь Можайскій, стр. 191.
Андрей Дзержановскій, стр. 203.
Андрей Ивановичъ Хилковъ, Князь, стр. 63.
Андрей Друкъ, Князь, стр. 125.
Анна, Княжна Византійская, стр. 105.
Анна Вельяминова, стр. 173.
Аннибалъ, стр. 123.
Антикира городъ, стр. 6.
Антоній Посевинъ, стр. 2, 100.
Армленія деревня, стр. 17.
Архаргела Михаила монастырь, стр. 133.
Архангельскъ, стр. 135.
Архіепископы въ Россіи, стр. 48.
Аскула рѣка, стр. 53.
Астраханское Царство, стр. 135.
Астрахань городъ, стр. 54.
Атроба рѣка, стр. 53.
Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, стр. 35, 36, 37, 39, 185, 210.
Аѳанасій Осиповичъ Прончищевъ, стр. 7.

Б.

Балаклай, стр. 150.
Балыклей рѣка, стр. 53.
Балахна городъ, стр. 52.
Бани въ Москвѣ, стр. 85.
Барадей Яковъ, стр. 162.
Баранъ рѣка, стр. 194.
Барбаросса Фридрихъ, стр. 24.
Баторій Стефанъ, стр. 1 и 2, 39, 137, 156, 199.
Баторій Балтазаръ, стр. 29.
Батый, стр. 124, 146, 156.
Бахусъ, стр. 79.
Башмаковъ Дементій, стр. 77, 93.
Баязетъ, стр. 154.
Баусцій, стр. 72.
Бейтма рѣка, стр. 53.
Берда рѣка, стр. 11.
Берди-Гирей, стр. 119.
Березина рѣка, стр. 155, 195, 205.
Битовъ городъ, стр. 14.
Благовѣщенье, деревня, стр. 195.

Бобровскій городъ, стр. 133.
Бобръ рѣка, стр. 205.
Бобричъ рѣка, стр. 205.
Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, стр. 71, 170. 200.
Богданъ Хмельницкій, стр. 127.
Богданъ рѣка, стр. 152.
Богдановъ Григорій Карповичъ, стр. 56.
Болеславъ Храбрый, стр. 193.
Болгарія, стр. 149.
Богуславъ Радивилъ, Князь, стр. 202.
Борисъ Святой, Князь, стр. 97, 98.
Борисъ Князь Полоцкій, стр. 155.
Борисъ Князь Тверской, стр. 146.
Борисовъ городъ, стр. 152.
Борисовъ на Березинѣ, стр. 153.
Борисъ Годуновъ, Царь, стр. 99, 107, 121, 152.
Босфоръ Ѳракійскій, стр. 199.
Бразала рѣка, стр. 207.
Бремсембро городъ, стр. 27.
Брусенецъ городъ, стр. 133.
Бугъ рѣка, стр. 196.
Бургграфъ, стр. 16.
Выдгощъ городъ, стр. 11, 12, 15.
Выховъ городъ, стр. 194.
Бѣлая Церковь, стр. 8.
Бѣлая Русь, стр. 1, 8, 119.
Бѣлое Море, стр. 119.
Бѣлозерское Княжество, стр. 157.
Бѣлое озеро, стр. 157.
Бѣлозоръ Георгій, стр. 209.
Бѣлый городъ, стр. 165.
Бѣльское Княжество, стр. 164.

В.

Вага рѣка, стр. 132, 133.
Вака рѣка, стр. 207, 214.
Валерьянъ Сушковскій-Протасьевичъ, Епископъ, стр. 208.
Вальдемаръ Датскій, стр. 15.
Вандальская рѣка, стр. 17.
Ваповскій, стр. 197.
Варкочъ, стр. 2.
Варминское Епископство, стр. 13.
Варяги, стр. 105.
Васенбергъ, стр. 5.
Василій, Греческій Императоръ, стр. 46, 105, 127.
Василій Ивановичъ, Великій Князь, стр. 1, 117, 134, 137, 145, 150, 192.
Василій Семеновичъ, Князь Кіевскій, стр. 125.
Василій Шуйскій, Царь, стр. 2, 47, 107—8, 131.
Василій Голицынъ, Князь, стр. 110.
Василій Дмитріевичъ, Великій Князь, стр. 100, 121, 144, 149.
Василій Ивановичъ Хилковъ, Князь, стр. 63.

Василій Тверской, стр. 73.
Василій Семеновичъ Кіевскій, стр. 125.
Василій Темный, Великій Князь, стр. 119, 130, 134, 192.
Василій Князь Бѣльскій, стр. 165.
Василь-городъ, стр. 52.
Ведрошь, стр. 151, 195.
Веда рѣка, стр. 28.
Великая Россія, стр. 119.
Великая Польша, стр. 10, 12.
Великая рѣка, стр. 43.
Великія Луки, стр. 165.
Великій Новгородъ, стр. 44, 119.
Венеды, стр. 24.
Верхній Апелляціонный Судъ, стр. 15.
Великій Перевозъ, стр. 153.
Верхотурье городъ, стр. 136.
Ветлуга рѣка, стр. 53.
Вибергъ Яковъ, стр. 56, 72.
Виленское Воеводство, стр. 207.
Виленская Академія, стр. 5.
Вильна городъ, стр. 9, 51, 141, 206—7—8.
Вилія рѣка, стр. 138, 206.
Вильна рѣка, стр. 206.
Вильгельмъ Австрійскій, стр. 142.
Вильгельмъ Герцогъ Куронскій, стр. 28.
Винрихъ Книпроде, стр. 19.
Вирвита рѣка, стр. 23.
Виндава городъ, стр. 29.
Висла рѣка. стр. 12, 15, 16.
Витебское Воеводство, стр. 207.
Витебское Княжество, стр. 157.
Витовтъ, стр. 1, 23, 124, 143, 144.
Витъ Стрейній, стр. 100.
Владиславъ Варнскій, Король, стр. 147.
Владимиръ Святой, Князь, стр. 39, 127, 136, 138, 144, 154.
Владиславъ, Король Польскій, стр. 3, 122, 152, 193.
Владиславъ Локотокъ, Король, стр. 13.
Воеводы въ Московіи, стр. 91.
Волга рѣка, стр. 52, 53.
Волго озеро, стр. 52.
Волна рѣка, стр. 205.
Волквинъ, стр. 25.
Вологда городъ, стр. 132, 138.
Вольборы городъ, стр. 21.
Володимиръ Ольгердовичъ, стр. 124.
Володимирское Княжество, стр. 129.
Володимиръ на Клязьмѣ, городъ, стр. 105, 129.
Володимиръ Волынскій, городъ, стр. 141, 146.
Володимиръ, Князь Волынскій, стр. 141, 146.
Волокъ городъ, стр. 165.
Волховъ рѣка стр. 44.

Волынскій Яковъ, стр. 56.
Волынь, стр. 49, 144.
Вракалобовъ городъ, стр. 194.
Вратиславъ, стр. 10.
Вратислава городъ, стр. 10.
Всеволодъ Князь Кіевскій, стр. 123.
Вѣна городъ, стр. 10, 216.
Вьенъ, стр 25.
Вятка, стр. 149.
Вячеславъ Князь Смоленскій, стр. 144.
Вышера рѣка, стр. 149.

Г.

Гавріилъ (Василій), Князь, стр. 106,
Галата, стр. 199.
Гарпократъ, стр. 161.
Гартвигъ, стр. 25.
Гафъ, стр. 17.
Гауптманства, стр. 27.
Гваньинъ, стр. 15, 117.
Гданскъ городъ, стр. 13, 14, 15, 16.
Гейдель Эрарнъ, стр. 3.
Генрихъ, Императоръ, стр. 13.
Гедиминъ, Князь, стр. 141, 146.
Гейлигава, деревня, стр. 22.
Георгій Гавриловичъ Пушкинъ, стр. 5, 6.
Георгій Вильгельмъ, Курфирстъ, стр. 14.
Георгій Поленцъ, Епископъ, стр. 17.
Георгій Фридрихъ, Маркграфъ Аншпахскій, стр. 28.
Георгій Фарменбахъ, стр. 39.
Георгій, Князь Московскій, стр. 137.
Георгій, Князь Смоленскій, стр. 144.
Георгій Литовскій сынъ Корія́та, стр. 147.
Георгій Глѣбовичъ Литовскій, стр. 201.
Георгій (Юрій) Всеволодовичъ, Великій Князь, стр. 105, 106.
Гераклея Понтійская, стр. 40.
Германъ Майдель, стр. 29.
Гермогенъ Патріяр́хъ, стр. 47.
Геродотъ, стр. 153.
Герцогская Пруссія, стр. 14.
Герберштейнъ Сигизмундъ, Баронъ, стр. 100, 106, 117.
Гинвильонъ, Князь, стр. 205, 155.
Гипанисъ рѣка, стр. 196.
Гирге рѣка, стр. 153.
Гирры, стр. 28.
Гимбутъ, Князь, стр. 139—40.
Глинскій Михаилъ стр. 1, 145, 159.
Глѣбъ Князь, стр. 144.
Глѣбовичъ Иванъ, стр. 185.
Глѣбъ Князь Святой, стр. 97.
Глѣбъ Рогвольдовичъ, стр. 135.

Гнилое Болото, стр. 154.
Гнѣзно городъ, стр. 11.
Годуновъ, см. Борисъ.
Головнинъ Никита стр. 63.
Голицынъ, см. Василій.
Голимонтъ, см. Альбертъ.
Голубь городъ, стр. 14.
Гонсѣвскій Викентій, стр. 74, 88, 185, 211.
Гонсѣвскій Александръ, стр. 158, 204.
Гори городъ, стр. 162.
Горацій Кальвуччи, см. Кальвутчи.
Горцинъ, стр. 5.
Городло, стр. 143.
Городно, стр. 139.
Горскіе Князья, стр. 164.
Гостинскій замокъ, стр. 108.
Готгардъ Кетлеръ, стр. 26, 27.
Греческій обрядъ, стр. 39.
Гришка Отрепьевъ, стр. 2, 147.
Гримъ городъ, стр. 162.
Григорій IX, стр. 162.
Григорій XIII стр. 1, 100, 117.
Гробинъ городъ, стр. 29.
Грузія, стр. 162.
Гунны, стр. 148.
Гургистанія, стр. 161.
Густавъ Адольфъ, Король, стр. 27, 131, 137.

Д.

Давыдъ, Царь Еврейскій, стр. 163.
Давыдъ, Царь Грузинскій, стр. 168.
Дагестаны, стр. 164.
Дакія, стр. 148.
Даніилъ Александровичъ, Кн. Моск., стр. 106, 120, 129.
Данило Ивановичъ Мезецкій Князь, стр. 110.
Даневикъ замокъ, стр. 15.
Дань, стр. 16.
Данковъ городъ, стр. 153.
Двина Западная, рѣка, стр. 30, 32, 35, 154.
Двина Сѣверная, рѣка, стр. 132.
Двина городъ, стр. 133.
Двинская область, стр. 132.
Двинская губа, стр. 133.
Девиноша рѣка, стр. 206.
Де ла Гарди Яковъ, стр. 131.
Дельфійскій Оракулъ, стр. 73.
Деньги Московскія, стр. 178.
Дербентъ городъ, стр. 164.
Дерптъ городъ, стр. 35.
Десна рѣка, стр. 196.

Деулино, стр. 3, 193.
Димитрій Царевичъ, стр. 2.
Димитрій Самозванецъ, стр. 47.
Димитрій Шуйскій, стр. 108.
Димитрій Ивановичъ, Великій Князь Московскій, стр. 151, 165, 166, 191.
Димитрій Корибутъ, стр. 151.
Димитрій Султанъ, стр. 147.
Димихи, стр. 181.
Динабургъ городъ, стр. 31.
Диена рѣка и городъ, стр. 31.
Днѣпръ, стр. 150, 204.
Днѣперская, стр. 193.
Днѣстръ, стр. 119.
Доблинское Воеводство, стр. 29.
Добрыня рѣка, стр. 31.
Довмонтъ, стр. 155.
Долгорукій Юрій, стр. 71, 73, 185.
Долгорукій Петръ, стр. 89.
Донъ рѣка, стр. 152, 153.
Донецъ Сѣверный, стр. 159.
Дорогобужъ, стр. 4, 194.
Доходы Царскіе, стр. 173.
Дрогичинъ, стр. 139.
Дранковичъ Фридрихъ, стр. 29.
Древенца рѣка, стр. 12.
Дриса рѣка, стр. 31.
Друцъ рѣка, стр. 125.
Друя рѣка, стр. 31.
Дубна рѣка, стр. 52.
Дума Боярская, стр. 166.
Дунайскіе Славяне, стр. 130.
Дуета рѣка, стр. 91.
Дѣти Боярскіе, стр. 181.

Е.

Евангелистъ Св. Лука, стр. 51.
Евдокія Стрѣшнева, стр. 55.
Евдокія Царевна, стр. 113.
Евксинскій Понтъ, стр. 204.
Евстъ рѣка, стр. 31.
Едиль рѣка, стр. 32.
Езуитовъ Коллегіумъ, стр. 158, 198.
Елена Княгиня, стр. 51, 82.
Елисавета Пилиція, стр. 124.
Емца рѣка, стр. 133.
Епископы въ Московіи, стр. 48.
Еруславъ рѣка, стр. 53.

Ж.

Желябужскій Иванъ Аѳанасьевичъ, стр. 30, 75.
Женщины въ Московіи, стр. 82, 85.

Живибундъ, стр. 139.
Жировскій стр. 210, 211, 213.
Жмудское Княжество, стр. 22.
Жмудь, стр. 138, 142, 214.

З.

Завихвость городъ, стр. 139.
Заволжскіе Татары, стр. 139.
Задвинскія мѣста, стр. 26.
Зальцъ Фонъ, Германъ, стр. 12.
Запорожцы, стр. 8.
Запорожье, стр. 126.
Заступленіе Святыхъ, стр. 96.
Зборовскій договоръ, стр. 8.
Зельбургскій гауптманъ, стр. 27.
Злодѣйство нищихъ, стр. 92.
Зундъ проливъ, стр. 105.
Зуфъ матерія, стр. 57.

И.

Иберія, стр. 161.
Иванъ Васильевичъ Старшій III-й, стр. 1, 51, 82, 106, 119, 122, 130, 135.
Иванъ Васильевичъ Младшій IV, стр. 1, 83, 107, 109, 135, 138, 149.
Ивань-Озеро, стр. 153.
Иванъ Царевичъ, стр. 109.
Иванъ Всеволодовичъ, Князь Стародубскій, стр. 99.
Иванъ Владимировичъ, Кн. Кіевскій, стр. 125.
Иванъ Михайловачъ Милославскій, стр. 66.
Иванъ Подкова, стр. 126.
Ивань-Городъ, стр. 131.
Игнатій Патріархъ, стр. 47.
Игорь Рюриковичъ, стр. 105, 123.
Ижора, стр. 2.
Измаилъ Царь, стр. 162.
Изяславъ Ярославичъ, стр. 184.
Ильмень озеро, стр. 44, 52, 130.
Ильтицъ, стр. 196.
Илья Даниловичъ Милославскій, стр. 65, 69, 88, 89, 168, 169, 200.
Иммаусъ, стр. 135.
Ингулецъ, стр. 126.
Ингрія, стр. 1, 89.
Индрица рѣка, стр. 31.
Иннокентій III, стр. 11, 25.
Иннокентій IV, стр. 141.
Ипатьевскій монастырь, стр. 109.
Иппократъ, стр. 86.
Ирпень рѣка, стр. 126.
Исидоръ Булгаринъ, стр. 127.
Итальянецъ лѣкарь, стр. 86—87.

I.

Іеремія Патріархъ, стр. 47.
Іеремія Князь, стр. 197.
Іоаннъ Казимиръ, стр. 4—8.
Іоаннъ Ласкій, стр. 11.
Іоаннъ Мюнхгаузенъ, стр. 26, 28.
Іоаннъ, Король Шведскій, стр. 27.
Іоаннъ Фридрихъ Рекъ, стр. 24.
Іоаннъ Сигизмундъ, стр. 29.
Іоаннъ XIII, стр. 111.
Іоахимики или Ефимки, талеры, стр. 32, 178.
Іоасафатъ, стр. 158.
Іоасафъ Патріархъ, стр. 47.
Іона Митрополитъ, стр. 28.
Іосифъ Патріархъ, стр. 47.
Іяковъ Вильгельмъ, стр. 29.
Іяковъ Герцогъ, стр. 27.

K.

Кабардинская область, стр. 163.
Кавказскія горы, стр. 162, 164.
Казань городъ, стр. 52.
Казимиръ Ягайловичъ, стр. 143, 145—47, 151, 153.
Казимиръ III, стр. 130.
Казимиръ IV, стр. 147.
Кайга городъ, стр 162.
Кайдакъ, стр. 195.
Калмыки, стр 149.
Кальвуччи Горацій Вильгельмъ, стр. 9.
Кама рѣка, стр. 53, 149.
Каменецъ, стр. 148.
Каменка рѣка, стр. 111.
Каменка городъ, стр. 110.
Каменный поясъ, стр. 159.
Камышенка рѣка, стр. 53.
Каневъ городъ, стр. 195.
Капуя, стр. 123.
Карамбукъ, стр. 153.
Карачевскіе Князья, стр. 152.
Карлъ V, стр. 100.
Карлъ IX, стр. 131.
Карлъ XI, стр. 131.
Карлъ Густавъ X, стр. 27.
Каркиницкій заливъ, стр. 196.
Карталинія, стр. 163.
Касимъ городъ, стр. 129.
Каспійское море, стр. 162, 164.
Каспля рѣка, стр. 31.
Каттегатъ, стр. 105.
Качибей, стр. 147.

Кекгольмъ, стр. 131.
Кенигсбергъ, стр. 12.
Керно, стр. 139.
Керновъ, стр. 139.
Кесарь, стр. 117.
Кипрейскія Венеры, стр. 82.
Кипріянъ, стр. 98.
Киръ, стр. 186.
Китайское озеро, стр. 159.
Китлицій Генрихъ, стр. 11.
Кіевское Княжество, стр. 105, 111.
Кіевъ городъ, стр. 123—128.
Кій, стр. 122.
Клязьма рѣка, стр. 105, 129.
Ковно городъ, стр. 138.
Кокенгаузенъ, стр. 30, 33.
Кокна рѣка, стр. 53.
Кокшайскъ, стр. 52.
Колоколъ въ Кремлѣ, стр. 67.
Коломна, стр. 138.
Колонна, стр. 138.
Колхида, стр. 164.
Кондинія, стр. 157.
Кондора, стр. 157.
Конецпольскій, стр. 127.
Конская Вода, рѣка, стр. 195.
Константинополь, стр. 154.
Константинъ Коріятовичъ, стр. 147.
Константинъ Острожскій, стр. 145.
Константинъ VIII, стр. 105.
Константинъ, Греческій Императоръ, стр. 105.
Конфедеративное войско, стр. 211, 214.
Копысъ, стр. 202.
Корибутъ, стр. 151.
Кострома рѣка, стр. 52.
Котовскій, стр. 216.
Которосль рѣка, стр. 52.
Крезивина рѣка, стр. 53.
Кремль, стр. 57.
Кривичи, стр. 143.
Крижбургъ, стр. 31.
Кропивна, стр. 145.
Кумыки, стр. 163.
Кунасъ, стр. 138.
Кунопъ, стр. 138.
Куронскій заливъ, стр. 138.
Кутлубукъ, стр. 147.

Л.

Лавенбургъ, стр. 14.
Ладога озеро, стр. 44.
Ласкій, см. Іоаннъ.

Латинская вѣра, стр. 83.
Латринъ островъ, стр. 28.
Лебеникъ городъ, стр. 19.
Левъ, Князь Луцкій, стр. 146.
Левъ VI, стр. 83.
Левъ Романовъ, стр. 109.
Левъ Сашѣга, стр. 2.
Легатъ Папскій, стр. 11.
Лезги, стр. 164.
Леопольдъ I-й, стр. 9, 66.
Лехъ, стр. 11.
Лешко Бѣлый, стр. 139.
Лжедимитрій, стр. 107.
Либава, стр. 27.
Ливонія, стр. 24.
Лизола Баронъ, стр. 33.
Лингвеній Георгъ, стр. 144.
Лициній, стр. 111.
Ловать рѣка, стр. 130.
Лопухинъ, стр. 187, 188.
Лорбахъ, Іоаннъ Ѳеодоръ, стр. 9.
Лошади въ Московіи, стр. 58.
Луговской, стр. 110.
Лукоморія, стр. 159.
Лучоса рѣка, стр. 31.
Люблинскій Съѣздъ, стр. 144.
Любартъ, стр. 150.
Людовика Марія, стр. 8.
Лютеръ, стр. 19.
Люцынъ, стр. 27.

М.

Магнусъ, стр. 26, 28, 82.
Магометъ, Шахъ Персидскій, стр. 162.
Магометъ, Султанъ Турецкій, стр. 154.
Мазовія, стр. 12.
Мазовскій Герцогъ, см. Конрадъ.
Максимиміянъ стр. 100.
Малая Польша, стр. 119.
Малая Россія, стр. 119.
Малое Поморье, стр. 12, 13.
Мамелюки, стр. 164.
Маріенбургъ, стр. 35.
Маріенбургское Воеводство, стр. 13, 14.
Марія Владимировна, стр. 82.
Марія Годунова, стр. 107.
Марія Царевна, стр. 113.
Марія Витебская, стр. 157.
Марья Ильинична Милославская, Царица, 112, 113, 172, 173.
Мартынъ, см. Гастольдъ.
Марчинскій, стр. 215.

Маркоманны, срт. 10.
Марѳа Ивановна, Царица, стр. 109.
Маркія Брандеибургская, стр. 211.
Матѳей Епископъ, стр. 23.
Матѳій Императоръ, стр. 3.
Махеничъ Ѳома, стр. 51.
Махмутъ Багрянородный, стр. 154.
Межа рѣка, стр. 31.
Мейнгардъ, стр. 25.
Мелитополь, стр. 195.
Мемель крѣпость, стр. 20, 22.
Мемель рѣка, стр. 21.
Меотійское болото, стр. 154.
Мерейка рѣка, стр. 194.
Меркурій, стр. 72.
Меркуріи, стр. 73.
Местовинъ, стр. 12.
Местонскій Епископъ, стр. 207.
Меченосцы, стр. 25, 42.
Мечиславъ 1-й, стр. 11.
Мехметъ Гирей, стр. 154.
Мидія Атропатія, стр. 161.
Миличъ городъ, стр. 10.
Мингайло, стр. 139, 154.
Мингрелія, стр. 161.
Миндовгъ, стр. 124, 140, 155.
Минковичъ, стр. 2
Минскъ, стр. 206.
Мараховъ, стр. 14.
Митавское Гауптманство, стр. 27.
Митрофанъ, стр. 47.
Митрополиты въ Московіи, стр. 48.
Михаилъ Тверской Князь, стр. 146.
Михайловъ Ѳедоръ, стр. 63.
Михаилъ Князь Вяземскій, стр 193.
Михаилъ Литовскій, стр. 125, 158.
Михаилъ Смоленскій Князь, стр. 159.
Михаилъ Стародубскій Князь, стр. 151.
Михаилъ Ѳеодоровичъ Царь, стр. 3, 108, 109, 135, 145, 152, 193.
Михаилъ Митрополитъ, стр. 46, 127.
Могилевъ, стр. 194, 208.
Можайскъ городъ, стр. 108, 110, 138, 142.
Мозырь, стр. 139.
Молога рѣка, стр. 52.
Молога городъ, стр. 52.
Монастыри женскіе, стр. 59.
Монастырь Святаго Николая, стр. 55.
Мокрая рѣка, стр. 12.
Мономахъ Владимиръ, стр. 106, 144.
Монтанисты, стр. 40.
Монтвидъ, стр. 139, 201.

Моравія, стр. 216.
Мордвины, стр. 149.
Морозовъ Борисъ, стр. 111—114, 167.
Москва, стр. 120, 121.
Мстиславль городъ, стр. 158.
Мстиславское Воеводство, стр. 202.
Мстиславское Княжество, стр. 158.
Мстиславъ Володимировичъ Великій Князь, стр. 144.
Муромское Княжество, стр. 129.
Муромъ городъ, стр. 129.
Мѣдники городъ, стр. 23.
Мѣсяцословъ Греческій, стр. 97.

Н.

Накбаримъ (?) городъ, стр. 153.
Навозъ мѣстечко, стр. 194.
Нагароль Графъ, стр. 100.
Нагайская степь, стр. 164.
Назаряне, стр. 48.
Нарва, стр. 2.
Натангенскій округъ, стр. 14.
Невѣжа рѣка, стр. 138.
Недѣля Пасхи, стр. 45.
Нейгаузенъ, стр. 64.
Нерида (Вилія), стр. 141.
Неринга полуостровъ, стр. 20.
Неринга островъ, стр. 17.
Нижегородское Княжество, стр. 150.
Нижній Новгородъ, стр. 52, 138.
Нижняя Мизія, стр. 197.
Николай Константинопольскій Патріархъ, стр. 83.
Николай Мирскій Святославъ, стр. 97.
Николай Хризобергъ, стр. 46.
Никонъ Патріархъ стр. 11, 47, 170, 171.
Никонъ Святой, стр. 96.
Новатинскій, стр. 211 — 213.
Новгородъ, см. Великій.
Новогородокъ, стр. 139, 150, 151.
Новолуки деревня, стр. 46.
Нольда, стр. 27.
Норикъ, стр. 148.

О.

Обдорія, стр. 157.
Обринскій Михаилъ, стр. 203.
Оболь рѣка, стр. 31.
Образа въ Москвѣ, стр. 49.
Обскій мысъ, стр. 153.
Обь рѣка, стр. 153.
Обуховичъ, стр. 145.

Одежда Москвитянъ, стр. 57.
Одерборнъ, стр. 83.
Одоевское озеро, стр. 153.
Одоевскій Николай Ивановичъ Князь. стр. 90, 184.
Одрузскія поля, стр. 201.
Ока рѣка, 53, 129.
Окольничіе, стр. 64.
Олеарій, стр. 400, 117, 164.
Олегъ, преемникъ Рюрика, 105, 123, 144.
Олегъ Переяславскій, стр. 141.
Олегъ Святославичъ, стр. 40.
Ола рѣка, стр. 205.
Олелько, стр. 124.
Оливскій договоръ, стр. 27.
Оломуцъ городъ, стр. 10.
Ольвіополь, стр. 115.
Ольга Святая, стр. 105.
Ольгердъ, стр. 44, 73, 141, 147, 151, 157.
Ольшанскій Князь, 124.
Орденъ Крестоносцевъ, стр. 25.
Ордынъ-Нащокинъ, см. Аѳанасій.
Орель рѣка, стр. 196.
Орша городъ, стр 194.
Оршанка рѣка, стр. 194.
Остамкермень, стр. 195.
Острино, стр. 211.
Оттокаръ, стр. 19.
Оттоманская Порта, стр. 47.
Ошмяна рѣка, стр. 206.
Ошмяны городъ, стр. 158.
Очаковъ, стр. 195.

П.

Павлюкъ, стр. 127.
Палемонъ, стр. 138.
Паннонія, стр. 148.
Панчина рѣка, стр. 53.
Певкины, стр. 147.
Переволоцкій хребетъ, стр. 153.
Перекопскіе Татары, 119, 141, 147.
Перемышльская область, стр. 119.
Переяславль городъ, стр. 141.
Переяславль Рязанскій, стр. 152.
Пермія, стр. 149.
Пермяна рѣка, стр. 133.
Печора, стр. 159.
Пинега рѣка, стр. 126.
Пинскъ, стр. 139.
Писсимундъ, стр. 150.
Плано-Карпина Іоаннъ, стр. 165.

Подкова, см. Иванъ,
Подляхія, стр. 144.
Подолъ, стр. 147, 197.
Пожарскій Семенъ, стр. 99.
Полоцкое Княжество, стр. 154.
Полѣсье, стр. 207.
Пороги, стр. 126.
Похороны, стр. 102.
Припеть рѣка, стр. 119.
Причащеніе въ Московіи, стр. 10.
Прядикина рѣка, стр. 205.
Пселъ рѣка, стр. 196.
Путивль, стр. 141.

Р.

Ра рѣка, стр. 52.
Равское Воеводство, стр. 108.
Ратнетъ городъ, стр. 21.
Радивилъ Богуславъ, стр. 203.
Радивилъ Николай Черный, стр. 26.
Радивилъ Янъ, стр. 201.
Рейнъ, стр. 24.
Ржевское Княжество, стр. 165.
Ржевъ городъ, стр. 165.
Рига, стр. 31.
Римнъ рѣка, стр. 149.
Римундъ, стр. 755.
Рингольдъ, стр. 140.
Рогачевъ, стр. 194.
Рогволодъ, стр. 154.
Родіонъ Стрѣшневъ, стр. 55.
Рогнѣда, стр. 154.
Рогуткермень, стр. 195.
Роксоланы, стр. 126.
Романовъ городъ, стр. 111.
Романъ Брянскій, стр. 114.
Ромодановскій Юрій Князь, стр. 60.
Ростиславъ Мстиславичъ, стр. 124.
Ростовское Княжество, стр. 155.
Рось рѣка, стр. 196.
Ртищевъ Ѳедоръ Михайловичъ, стр. 69, 173, 185, 200.
Рубонъ рѣка, стр. 30.
Рудольфъ II, Императоръ, стр. 2.
Руклій, стр. 141.
Руссъ городъ, стр. 120.
Русцида, стр. 162.
Рюрикъ Князь, стр. 136.
Рѣпикъ, стр. 141.

С.

Саломея, стр. 113.
Самбландскій округъ, стр. 14, 17.

Самбійское Герцогство, стр. 1.
Самбія рѣка, стр. 19.
Самара рѣка, стр. 149. 153.
Самоѣдовъ область, стр. 161.
Санокъ, стр. 124.
Сарматскія горы, стр 119.
Сарматы, стр. 12.
Сангушко, стр. 151.
Сарга рѣка, стр. 153.
Сари Гермени, стр. 39.
Сарона рѣка стр. 153.
Сарацыны, стр. 12.
Сарскій Митрополитъ, стр. 48.
Саулъ, стр. 38.
Свевскій заливъ, стр. 17.
Свента рѣка, 207, 216.
Свидригайло Болеславъ, стр. 143, 147—148, 151, 157.
Свирскіе Романовы, стр. 111.
Свислочь рѣка, стр. 205.
Свіяжскъ, стр. 52.
Свѣдь, стр. 205.
Святополкъ, стр. 97, 123.
Святославъ Игоревичъ, стр. 39, 105, 110.
Святославъ Смоленскій, стр. 158.
Святославъ Ярославичъ, стр. 90, 150.
Сегенберскій монахъ, стр. 25.
Семигалія, стр. 23, 26—27, 28, 29.
Селимъ, стр. 154.
Семьмаяковъ, стр. 195.
Сенатъ Польскій, стр. 119.
Сервечъ, стр. 206.
Сенявскій, стр. 203.
Сергій Святой, стр. 26—100.
Сибирь, стр. 135.
Сигизмундъ Старый, стр. 126.
Сигизмундъ I, стр. 1.
Сигизмундъ III, стр. 2, 3, 108.
Сигизмундъ Августъ, стр. 26, 28, 117, 119.
Сигизмундъ Литовскій, стр. 125.
Симеонъ Князь, стр. 125.
Синавъ, стр. 157.
Синеусъ, стр. 105, 136.
Синія Воды, стр. 141, 147.
Сискага рѣка, стр. 109.
Сіонъ городъ, стр. 187.
Скиескій полуостровъ, стр. 40.
Скиеія, стр. 119.
Скопины Шуйскіе, стр. 166.
Скоржевъ, стр. 15.

Скиригайло Казимиръ, стр. 143.
Скирмундъ, стр. 150.
Смоленское Княжество, стр. 4.
Смоленскъ, стр. 1, 3, 89, 197.
Соборъ Тридентскій, стр. 127.
Собѣславъ, стр. 15, 16.
Сожа рѣка, стр. 195.
Солиманъ, стр. 162.
Соломонъ, стр. 29.
Сомка рѣка, стр. 162.
Сонка, стр. 125.
Соранъ Валерій, стр. 186.
Софія Царевна, стр. 106.
Спагирики, стр. 175
Спартанцы, стр. 111.
Спера, стр. 138.
Спягленскій Епископъ, стр. 23.
Станиславъ Владимиръ, стр. 144.
Станиславъ Кіевскій, стр. 124, 141.
Старица рѣка и городъ, стр. 52.
Стародубъ, стр. 139.
Старуха Золотая, стр. 157.
Стефанъ Хранъ, стр. 149.
Столбовскій договоръ, стр. 131.
Стрѣльныя горы, стр. 153.
Стрѣльцы, стр. 49, 175.
Стрѣшневъ Семенъ, стр. 200.
Стрѣшнинъ, стр. 205
Стугна рѣка, стр. 196.
Судинія, стр. 27.
Суздальское Княжество, стр. 52, 165
Сура рѣка, стр. 53.
Суховъ, стр. 14.
Сухона рѣка, стр. 132.
Сѣверія, стр. 144.
Сѣверный Океанъ, стр. 109.
Сѣверское Княжество, стр. 150, 151, 165.
Сха рѣка, стр. 205.
Сызранъ городъ, стр. 53.

Т.

Тавринда, стр. 134.
Тамасъ, стр. 162.
Тамерланъ, стр 124.
Тана городъ, стр 153.
Танаисъ, стр. 153.
Татарскій Океанъ стр. 153.
Татарское иго, стр. 106.
Татарскіе Послы, стр. 106.
Татьяна Царевна, стр. 113.
Тацитъ, стр. 17.

Твардовскій, стр. 5.
Тверца рѣка, стр. 52, 146.
Тверь городъ, стр. 52, 54, 146.
Тевтонскій Орденъ, стр. 18, 21.
Тегинка рѣка, стр. 195.
Темериндское море, стр. 134.
Терки городъ, стр. 164.
Тира рѣка, стр. 119.
Тирангиты, стр. 146.
Тиронецъ, стр. 165.
Тифлисъ, стр. 162.
Тоболъ рѣка, стр. 135.
Тобольскъ, стр. 135.
Томаковка, стр. 126.
Тотьма городъ, стр. 133.
Трамба Николай, стр. 11.
Трехтимировъ городъ, стр. 126, 195
Троки, стр. 141, 143, 158.
Троцкое Воеводство, стр. 23, 207.
Трубежъ, стр. 196.
Трубчевскіе Князья, стр. 152.
Труворъ, стр. 105, 136.
Туккумскій Гауптманъ, стр. 27.
Тула городъ, стр. 136.
Тульскіе Князья, стр. 152.
Тудъ рѣка, стр. 52.
Тура, стр. 136.
Туркоманія, стр. 162.
Туровъ городъ, стр. 139.
Турунтъ, стр. 43.
Тухолъ, стр. 14.
Туя, стр. 153.
Тщева, стр. 14.
Тюмень, стр. 136.

У.

Увара рѣка, стр. 53.
Угличъ, стр. 2, 52.
Угра рѣка, стр. 142.
Угрія, стр. 144.
Удорія, стр. 157.
Узла, стр. 206.
Ула рѣка, стр. 31.
Урбанъ II-й, стр. 97.
Урбанъ VIII, стр. 29.
Усача рѣка, стр. 31.
Уставъ Василія Великаго, стр. 40.
Устройства церквей въ Московіи, стр. 93.
Устюгъ, стр. 133.
Утка рѣка, стр. 53.
Уша рѣка, стр. 205.

Ф.

Фазисъ рѣка, стр. 164.
Фаренготъ Георгій, стр. 39.
Фердинандъ III-й, стр. 9.
Ферса рѣка, стр. 15.
Филаретъ Митрополитъ, стр. 13, 47.
Финляндія, стр. 130.
Фишгаузенъ стр. 17.
Флакъ, стр. 197.
Фразонъ, стр. 169.
Фрейгайнъ, стр. 10.
Фридрихъ, см. Дранковичъ.
Фридрихъ, Герцогъ Куронскій, стр. 28.
Фридрихъ II-й, Датскій Король, стр. 28, 33.
Фряново, стр. 30.

Х.

Хазарскіе берега, стр. 154.
Халкедонскій Соборъ, стр. 47.
Хезинъ рѣка, стр. 44.
Хелменскій округъ, стр. 13.
Херсонъ, стр. 39.
Хилковъ, см. Василій.
Хлѣвинскій, стр. 211.
Хованскій Иванъ Андреевичъ Князь, 42, 183.
Ходкевичъ, стр. 193, 202.
Хойницъ, стр. 15.
Холмечъ, стр. 19.
Холмогоры, стр. 133.
Хоривъ, стр. 122.
Хоривица стр. 122.
Хюръ рѣка, стр. 162.

Ц.

Царево займище, стр. 193.
Царскій градъ, стр. 40.
Цепинъ, стр. 29.
Церемоніялы, 190 — 192.
Циммерманъ Лазарь, стр. 32.
Цѣхановичъ Альбертъ-Константинъ, стр. 206.
Цѣхановичъ Іеронимъ, стр. 197.

Ч.

Чагра рѣка, стр. 53.
Чебоксары городъ, стр. 52
Червента рѣка, стр. 138.
Чердынь рѣка, стр. 53.
Черемисы, стр. 134.
Черкаскіе Князья, стр. 163.
Черкасы народъ, стр. 168, 197.

Черкасы городъ, стр. 2, 125.
Черкаскій Яковъ Куденетовичъ Князь, стр. 65.
Черная Русь, стр. 1.
Черниговское Княжество, стр. 159.
Чернояръ городъ, стр. 54.

Ш.

Шамена рѣка, стр. 153.
Швеція, стр. 2.
Шеинъ Михайло Борисовичъ, стр. 11.
Шереметевъ Василій Борисовичъ, стр. 147, 183.
Ширванія, стр. 161.
Шкловъ, стр. 194, 203.

Щ.

Щековица, стр. 122.
Щекъ, стр. 122.

Э.

Eburum Marcomanorum, стр. 10.
Эдигей, стр. 124.
Эзель островъ, стр. 28.
Эксаполь городъ, стр. 153.
Эльблонгъ городъ стр. 14.
Эрдивилъ, стр. 139.
Эрикъ Король Шведскій, стр. 21.
Эрнфридъ, см. Минковичъ.
Эстонія, стр. 2.

Ю.

Югорія, стр. 148.
Югры, стр. 148.
Югъ рѣка, стр. 132, 133.
Юрбургъ, стр. 216.
Юрьевецъ городъ, стр. 52.

Я.

Ягайло, стр. 124, 125, 142, 143, 147.
Ядвига, стр. 142.
Янтарь, стр. 21.
Ярополкъ Святославичъ, стр. 40, 105.
Ярославъ I, стр. 123, 144.
Ярославъ Всеволодовичъ, стр. 106.
Ярославъ Ярославичъ, стр. 144.
Ярославское Княжество, стр. 156.
Ярославль, стр. 52.

Ѳ.

Ѳедоръ Ивановичъ Царь, стр. 47, 107, 109.
Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, стр. 109.
Ѳедоръ Царевичъ, стр. 77.
Ѳеодосія Царевна, сор. 113.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отношенія Царства Русскаго до воцаренія Алексѣя Михайловича. 1.

По смерти Великаго Князя Московскаго Михаила восходитъ на престолъ сынъ его, Алексѣй. 4.

Посолъ къ Польскому Королю Іоанну Казимиру съ жалобой на неправильный титулъ Царя, которой различно измѣняется и портится въ грамотахъ Польскихъ къ нему. 5.

Другое предложеніе Посла о сочинителяхъ побѣдъ Владислава IV-го надъ Москвитянами. 5.

Удовлетвореніе этой жалобѣ, состоящее въ томъ, чтобы предать сожженію нѣкоторыя страницы въ обжалованныхъ сочиненіяхъ. 6.

Приговоръ Сейма о томъ же. 7.

Москвитяне не удовлетворяются тѣмъ. 7.

Другіе Московскіе Послы въ пользу Козаковъ.

Отказъ имъ въ томъ. 8.

Алексѣй объявляетъ войну. 8.

Іоаннъ Казимиръ съ Королевой Людовикой Маріей удаляется въ Силезію. 8.

Императоръ, по просьбѣ Короля, отправляетъ сочинителя Посломъ въ Московію для склоненія Москвитянъ къ міру съ поляками. 9.

Неудача въ томъ. 9.

По этому Императоръ отправляетъ сочинителя съ товарищемъ въ Московію снова для заключенія мира. 9.

Отъѣздъ изъ Вѣны и прибытіе, черезъ Моравію и Силезію, въ Гнѣзно. 10.

Городъ Гнѣзно. 11.

Малое Поморье. 12.

Пруссія. 12.

Королевская Прусія. 13.

Княжеская Пруссія. 14.

Городъ Гданскъ. 15.

Продолженіе пути сочинителемъ. 16.

Прибытіе въ Пилаву. 17.

Оттуда въ Королевецъ (Кенигсбергъ). 18.

Далѣе на Куронскій полуостровъ и въ Мемель. 20.

Жмудь. 22.

Въ Куроніи принимаютъ сочинителя отъ имени Герцога Іякова и отправляются съ нимъ въ Гробинъ. 24.

Ливонія. 24.

Куронія. 27.

Польтенское Епископство. 28.

Дальнѣйшій путь. 29.

Прибытіе къ Двинѣ. 30.

Описаніе Двины. 31.

Обычный пріемъ Великимъ Княземъ порученій чужестранныхъ Пословъ. 33.

Почетный пріемъ Москвитянами сочинителя при выходѣ на берегъ рѣки. 34.

Пріѣздъ въ Маріенбургъ. 35.

Угощеніе сочинителя Нащокинымъ. 35.

Образъ жизни Москвитянъ и гостепріимство. 36.

Нащокинъ старается коечто вывѣдать у сочинителя объ его порученіяхъ. 38.

Продолжая путь, пріѣзжаетъ въ Печоры. 39.

Объ Исповѣданіи Русскими Христа. 39.

Попытка сочинителя войти въ церковь, и отказъ въ томъ, какъ иновѣрцу. 40.

Русскіе монахи. 40.

Прибытіе въ Псковъ, гдѣ съ честію принимаетъ его Князь Хованскій. 42.

О Русскихъ постахъ. 44.

Увеселенія на Пасхальной (Святой) Недѣлѣ. 45.

О Вѣрѣ и Іерархіи Московскихъ. 46.

Каково иконопочитаніе у Москвитянъ? 49.

Сочинитель впускается въ Тверь съ р. Волги. 52.

Описаніе этой рѣки (Волги). 52.

Пощочина Великаго Князя родственнику своему, Стрѣшневу. 55.

Ночлегъ сочинителя у церкви Св. Николая въ палаткѣ. 55.

Въѣздъ въ городъ Москву. 56.

Вседневная одежда Москвитянъ. 57.

Московскія монахини. 59.

Московскіе дома. 60.

Описаніе перваго представленія. 62.

Колоколъ удивительной величины. 67.

Обѣдъ отъ имени Царя сочинителю въ его помѣщеніи. 68.

Второе представленіе Царю. 69.

Переходъ въ другой покой для сношеній съ Царскими Уполномоченными. 72.

Нечистосердечіе Москвитянъ. 72.

Сочинитель возвращается къ себѣ безъ отвѣта. 75.

Назначеніе другого Пристава, бывшаго уже въ дорогѣ, и причина того. 75.

Во второмъ совѣщаніи Москвитяне объявляютъ, что Царь принимаетъ посредничество Императора. 76.

Въ третьемъ совѣщаніи назначается для будущаго съѣзда Полоцкъ, но время для этого опредѣлить предоставляется Полякамъ. 76.

Рожденіе Алексѣю сына Ѳедора. 77.

О крещеніи у Москвитянъ. 77.

Что за постеля у Москвитянъ? 78.

Неутолимые питухи. 79.

Дурныя послѣдствія того. 79.

Прислуга Москвитянъ. 79.

Безпокойства, испытываемыя сочинителемъ отъ ночныхъ сторожей или караульныхъ. 80.

Обычай Москвитянъ спать послѣ обѣда въ полдень. 81.

Раздѣленіе года и дня у Москвитянъ 81.

Доступъ къ Посламъ никому прямо не запрещенъ, но отсовѣтывается. 81.

Женскій полъ не въ особенномъ уваженіи у Москвитянъ. 82.

Разводъ. 83.

Жены богатыхъ рѣдко появляются въ народѣ. 84.

Но жены простолюдиновъ всегда. 84.

Бани. 85.

Врачей и аптекъ Москвитяне не знаютъ. 85.

Отказъ сочинителю во врачѣ. 86.

Причина того. 88.

Москвитяне — скопидомы. 89.

Купцы и рабочіе не отличаются добросовѣстностію. 90.

Бояре жадны къ деньгамъ. 91.

Они занимаются тоже торговлей, равно какъ и Посланники Русскихъ. 91.

Ужасная жадность самыхъ нищихъ. 92.

Описаніе священныхъ зданій въ Москвѣ. 93.

Какія совершаются въ нихъ Богослуженія? 94.

Походъ Алексѣя къ Св. Троицѣ для поклоненія мощамъ Прен. Сергія. 96.

О заступленіи Святыхъ по мнѣнію Москвитянъ и заблужденіе ихъ въ томъ. 96.

О Сергіи. 99—100.

Исповѣдь. 101.

Пріобщеніе. 101.

Что дѣлаютъ съ больными послѣ причащенія? 101,

Погребеніе умершихъ. 102.

Недозволеніе Католикамъ отправлять свое Богослуженіе, а позволеніе Лютеранамъ и Кальвинистамъ. 102.

Кто царствовалъ въ Россіи до Алексѣя? 105.

Изъ какого рода Алексѣй? 109.

Морозовъ—воспитатель Алексѣя. 111.

Причины отсутствія знаній въ Россіи. 111.

Хитрости Морозова. 112.

Морозовъ роднится съ своимъ Государемъ. 112.

Жена и дѣти Алексѣя. 113.

Кончина Морозова. 114.

Сложеніе Алексѣя. 114.

Способности его. 114.

Титулъ. 115.

По чему онъ называется Государемъ? 115.

Царскій титулъ. 117.

Титулъ Великаго Князя. 118.

Объ имени Алексѣй. 118.

По чему называется Михайловичъ? 119.

Пространство Россіи. 119.

Московія. 120.

Городъ Москва. 121.

Кіевское Княжество. 122.

О Козакахъ. 126.

Володимирское Княжество. 129.

Новгорода Великаго Княжество. 130.

Иванъ-городъ. 131.

Ямы.

Копорье. 131.

Орѣшекъ. 131.

Вологда. 132.

Устюгъ. 132.

Двинская Область. 132.
Рѣка Двина. 132.
Казань. 134.
Астрахань. 135.
Сибирь. 135.
Псковъ. 136.
Ложное увѣреніе Пясецкаго. 138.
Литва. 138.
Княжество Смоленское. 144.
Тверь. 146.
Волынь. 146.
Подолъ. 147.
Югорія. 148.
Пермь. 149.
Вятка. 149.
Болгарія. 149.
Нижній Новгородъ. 150.
Черниговъ. 150.
Рязань. 152.
Рѣка Донъ. 152.
Полоцкъ. 154.
Ростовъ. 156.
Ярославъ. 156.
Бѣлоозеро. 157.
Удорія. 157.
Кондинія. 157.
Витебскъ. 157,
Мстиславль. 158.
Лукоморье. 159.
Печора. 159.
Соколы. 159.
Земля Самоѣдовъ. 161.
Лапонія. 161.
Иверія (Грузія). 161.
Черкасы. 163.
Горцы. 164.
Бѣлый. 165.
Ржевь. 165.
Суздаль. 165.
Дума Великаго Князя. 166.

Приказы. 167.
Любимцы. 167.
Морозовъ. 167.
Тесть Царя. 168.
Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ. 169.
Богданъ Матвѣевичъ Хитрово.
Князь Юрій Ивановичь Ромодановскій. 170.
Патріархъ Никонъ. 170.
Царедворцы. 171.
Царской столъ 172.
Супруга и сынъ не садятся за столъ съ Царемъ. 172.
Царскіе кладовыя и винные погреба. 173.
Царскіе доходы. 173.
Погреба винные во всѣхъ областяхъ считаются Царскими. 173.
Торговля Царя. 173.
Царскіе расходы. 174.
Жалованье пѣхотному войску. 175.
Жалованье конницѣ. 176.
О другихъ войскахъ. 176.
Множество иностранцевъ въ службѣ Царской, которые никогда почти не отпускаются изъ нея. 177.
О Русской монетѣ или деньгахъ. 178.
Ея перечеканка. 178.
Войско Царское набирается со всѣхъ областей. 180.
По чему Русское войско повинуется иностранцамъ? 180.
Составъ Царскаго войска. 180.
Московская пѣхота—храбрая. 181.
Не такова конница. 181.
Полководецъ. 182.
Московскіе воины въ открытомъ полѣ меньше значатъ, чѣмъ въ крѣпости и городахъ. 182.
Недозволеніе сочинителю писать къ своему Цесарю и письма послѣдняго перехватываются. 183.
Освобожденіе Гонсѣвскаго изъ плѣна. 185.
Посылка Царемъ кушанья сочинителю въ день Св. Алексѣя. 185.
Объ именахъ у Москвитянъ. 186.
Крестный ходъ въ Вербную Субботу. 188.
Приглашеніе сочинителя для сношеній съ Царскими Уполномоченными и объявленіе ему о возвращеніи его въ свое отечество. 188.

Пріемъ его и его товарища Царемъ въ отдѣльномъ представленіи. 188.

Публичный пріемъ ихъ, и обѣдъ, посланный потомъ, по приказанію Царя, къ Посламъ въ ихъ мѣстопребываніе, а потомъ самые подарки. 189.

Отъѣздъ изъ Москвы. 191.

Прибытіе въ Можайскъ. 191, и въ Вязьму. 193.

Описаніе Днѣпра (Борисѳена). 193.

Дорогобужъ. 197.

Смоленскъ. 197.

Католики, вопреки договорнымъ статьямъ, принуждаются переходить въ Московскую Вѣру. 198.

Турки терпятъ Католиковъ въ Галатѣ, но Московитяне нигдѣ. 199.

Совѣтъ Католикамъ не сражаться у Москвитянъ противъ Католиковъ. 199.

Возмущеніе Московской черни по причинѣ передѣлки монеты. 200

Жестокое наказаніе возмутившимся. 201.

Отъѣздъ сочинителя съ товарищемъ изъ Смоленска. 201.

Молодой постельникъ утопаетъ въ Днѣпрѣ. 201.

Недопущеніе войти въ Оршу. 202.

Тоже и въ Шкловъ. 203.

Допущеніе въ Могилевъ, и описаніе его. 203.

Отбытіе сочинителя съ товарищемъ изъ Могилева. 204.

Борисовъ. 204.

Рѣка Березина. 205.

Минскъ. 206.

Встрѣчный пріемъ сочинителя и товарища его передъ Вильной Литовцами. 206.

Городъ Вильна. 206.

Обѣдъ сочинителю и товарищу его данный, сперва Воеводой Сапѣгой, а потомъ и Гонсѣвскимъ. 209.

Безразсудный поступокъ одного Литовскаго Шляхтича. 210.

Гонсѣвскій и Жиронскій уводятся изъ Вильны. 210.

Угрозы смертію Гонсѣвскому и его рѣчь. 211.

Исповѣдь Гонсѣвскаго. 212.

Трупъ Гонсѣвскаго хоронится въ храмѣ Св. Казимира. 321.

Смерть Жиронскаго. 213.

Убитіе придверницы въ той гостинницѣ, въ которой сочинитель остановился, какимъ-то прислужникомъ Шляхетскимъ. 214.

Наемъ лошадей у Татаръ и отъѣздъ изъ Вильны. 214.

Шляхтичъ Марчинскій нападаетъ на служителей и ранитъ постельника, при чемъ и его убиваютъ. 215

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Читайтъ:*
VI	— 5	показываетъ	покрываетъ
9	— 5	сдѣлавшись	сдѣлавшихъ
13	— 18	побѣтелю	побѣдителю
17	— 12	это	этотъ
29	— 29	и благодаря	благодаря
30	— 12	себѣ	себѣ, а
39	— 12	посредникомъ	посредникъ.
44	послѣдняя снизу:	съ 50 недѣли	съ мясопустной недѣли
45	— 14	до 50 недѣли	до мясопустной недѣли
46	— 8	на себя	на себя его
50	— 12	съ присоединеніемъ	съ опущеніемъ
54	— 3	ручьевъ, которые	ручьевъ, по случаю островковъ, которые
56	примѣч. 92	Сегрѣй Никаноровичъ Богдановъ Губернаторомъ	былъ Предводителемъ
58	— 14	за всякую	за всякую потерю
59	— 26	рѣки	рѣдки
64	— 6	стѣнамъ	ступенямъ
—	— 8	открымы	открытыми
66	— 12	и протянулъ	а правую протянулъ
73	— 17	на своего Короля и	ни своего Короля, ни
75	— 13	для насъ	для нихъ
79	съ конца 2	такой	толпой
85	— 5	по тому что всѣ	всѣ
91	— 14	легкій	мелкій
97	— 1	Но думая	Не думая
112	— 23	по тому что эта	эта
116	— 23	слѣдующее ей	должное правдѣ
119	— 20	заключающіяся	области, заключающіяся
125	— 24	земледѣльческаго	земледѣльческаго народа
156	— 19	Княжеское	Княжество
157	— 20	звѣролы	звѣроловы
167	— 25	по тому	хотя
174	— 6	барину	баранину
179	— 27	состоить	состоитъ тутъ

V

СМѢСЬ

ЦАРСКАЯ ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА

ДУМНОМУ ДЬЯКУ ЕМЕЛЬЯНУ ИГНАТЬЕВИЧУ УКРАИНЦОВУ,

ПО ЗАКЛЮЧЕНІИ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМАГО, „ВѢЧНАГО МИРА“ СЪ ПОЛЬШЕЮ ВЪ 1687 ГОДУ.

Бога въ трехъ присносіятельныхъ ипостасехъ Единосущнаго, Пребезначальнаго, благъ всѣхъ виновнаго, Свѣтодавца, имъ же вся быша, человѣческому роду миръ дарующаго милостію, и сіе благодѣяніе повсюду извѣствующе, Мы, Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи, Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и Великая Государыня, Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцы, Московскіе, Кіевскіе, Владимирскіе, Новгороцкіе, Цари Казанскіе, Цари Астраханскіе, Цари Сибирскіе, Государи Псковскіе, и Великіе Князи Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе, Вятскіе, Болгарскіе, и иныхъ Государи, и Великіе Князи Новагорода Низовскіе земли, Черниговскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлоезерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, Кондинскіе, и всеа Сѣверныя страны Повелители, и Государи Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ многихъ государствъ и земель, Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ Отчичи, и Дѣдичи, и Наслѣдники, и Государи, и Обладатели, по своему, Царскому, милосердому призрѣнію и осмотрѣнію, пожаловали Думнаго Нашего Дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова, для нынѣшняго вѣчнаго учиненнаго мирнаго съ братомъ Нашимъ съ Великимъ Государемъ, съ Его Королевскимъ Величествомъ Польскимъ, при дворѣ Нашего Царскаго Величества, постановленія, и за службы предковъ и отца его и его, которые службы, и ратоборство, и храбрость, и мужественное ополченіе, и крови и смерти, предки и отецъ его и онъ показали въ прешедшую войну въ Корунѣ Польской и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, до перемирнаго, учиненнаго во Андрусовѣ, постановленія 175 (1667)

году, отъ начала нарушенія прежнихъ Поляновскихъ договоровъ, которые во многихъ разрушительныхъ письмахъ тогда вѣчному миру, съ стороны Королевскаго Величества противенствомъ, учинены, за которые досадительства, при помощи Божіи и надежды Христіанскія, Пресвятыя Богородицы, молитвою, взявъ непобѣдимое оружіе, Святый и Животворящій Крестъ Господень, отецъ Нашъ, Государевъ, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, своею, Государскою, особою, съ подданными Царевичи, и съ Бояры, и Воеводы, и со многочисленными своими ратьми, ходилъ на Польское и Литовское Королевство и отмщеніе учинилъ, и Смоленскъ, и Кіевъ и всю Малую Россію, и иные многіе городы и мѣста, войною поималъ. А когда въ прошломъ во 175 (1697) году, у отца Нашего, Государева, блаженныя памяти, у Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, учинено было съ Польскимъ Яномъ Казимеромъ Королемъ перемиріе на тринатцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ, а потомъ у брата Нашего, Государева, блаженныя памяти у Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, учинено было съ Польскимъ, Яномъ Третіемъ Королемъ перемиріе же на другія на тринатцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ, и въ тѣ перемирные лѣта постановлено, при помощи Божіи, Намъ, Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству, съ Королевскимъ Величествомъ Польскимъ, искать вѣчнаго мира, и въ надежду того перемирія отецъ Нашъ, Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, Его Царское Величество, во всякой государственной помощи противъ бусурмановъ, съ Королевскимъ Величествомъ изволилъ учинить тогда союзъ, и на тѣ перемирные лѣта уступлены съ Нашей, Великихъ Государей, Нашего Царскаго Величества, стороны Королю Польскому и Рѣчи Посполитой, городы: Полоцкъ, Витепскъ, Динаборокъ, Лютикъ, Режица, Марнау, со всѣми Лифлянтами полуденными, Велижъ, Невль, Сѣбежъ, со всѣми Уѣздами и землями, а Смоленскъ съ пригороды, и Черкаскіе городы оставлены были въ сторонѣ Нашего, Царскаго Величества, только на тѣ перемирные лѣта, до выхожденія ихъ, также и городъ Кіевъ по первому перемирію удержанъ былъ въ державѣ Нашего Царскаго Величества только на два года, а по выхожденіи дву лѣтъ договоренось его отдать Королю Польскому и Рѣчи Посполитой,

на чемъ и обѣщаніе предъ Святымъ Евангеліемъ было учинено. А что въ тое прешедшую войну съ Королевствомъ Польскимъ и Княжествомъ Литовскимъ Нашего, Царскаго Величества, будучіе въ Польшѣ и въ Литвѣ ратные люди поимали въ полонъ и вывезли въ Россійскіе Наши Государства Польскаго и Литовскаго народа мужеска и женска полу шляхецкаго и служилаго чина и пашенныхъ крестьянъ многіе миліоны, также и костелныхъ всякихъ утварей, и украшеній, и колоколовъ, и изъ городовъ и на бояхъ пушекъ и всякихъ воинскихъ припасовъ въ тѣ времена взяли же, и то все по тѣмъ выше помянутымъ перемирнымъ договорамъ оставлено было въ сторонѣ Нашего Царскаго Величества только на тѣ перемирные лѣта. И прошлаго 7194 (1686) году къ Намъ, Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, присылалъ Королевское Величество Польской Великихъ и Полномочныхъ Пословъ своихъ, Криштофа Гримултовскаго, Воеводу Познанскаго, да Князя Марціана Огинскаго Канцлера Великаго, Великаго Княжества Литовскаго, съ товарищи, для постановленія между Нами, Великими Государи, Нашимъ Царскимъ Величествомъ, и Его Королевскимъ Величествомъ, вѣчнаго мира, и противъ общаго всѣхъ Христіанъ непріятеля для договору о союзѣ. И по Нашему, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и Великія Государыни, Благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, указамъ, съ тѣми Королевскаго Величества Великими и Полномочными Послы будучи во многихъ отвѣтехъ Нашего Царскаго Величества Ближнія Бояря и Думные люди: Ближній Бояринъ и Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, Царственные Нашея большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ Обѣрегатель и Намѣстникъ Новгородской, Ближній Бояринъ и Намѣстникъ Вятской Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Ближній Бояринъ и Намѣстникъ Суздальской Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ, Ближній Окольничей и Намѣстникъ Шацкой Петръ Димитріевичъ Скуратовъ, Ближній Окольничей и Намѣстникъ Муромской Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, да онъ, Думный Нашъ Дьякъ, Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, и Государственнаго Посольскаго Приказу Дьяки, имѣли разговоры о постановленіи того вѣчнаго мира пространно, желая того, чтобъ тѣ Королевскаго Величества Великіе и Полномочные Послы, по данной себѣ полной мочи, о вѣчномъ ми-

ру и о союзѣ совершенное постановленіе учинили. И въ томъ у нихъ, Ближнихъ Нашихъ Бояръ съ товарищи, заходили великіе трудности и многіе споры, и по многихъ разговорахъ, милостію и благоволеніемъ Всомогущаго, въ Троицѣ Святѣй славимаго, Бога, и предстательствомъ надежды нашея Христіанскія, Пресвятыя Богородицы, и милостію честнаго и животворящаго Креста Господня, и молитвами Московскихъ и Кіевопечерскихъ Чудотворцевъ и всѣхъ Святыхъ, Нашимъ, Великихъ Государей и Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и Великія Государыни, Благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, и всего Нашего Государскаго Дому счастіемъ, онъ, Ближній Нашъ Бояринъ Князь Василій Васильевичъ съ товарищи, съ тѣми, Его Королевскаго Величества, Великими и Полномочными Послы, между Нами, Великими Государи, Нашимъ Царскимъ Величествомъ, и Его Королевскимъ Величествомъ, и обоими Нашими, отъ Господа Бога повѣренными Намъ, Государствы, учинили вѣчный миръ и Христіанскій покой, и противъ общаго всѣхъ Христіанъ непріятеля союзъ, которымъ вѣчнымъ миромъ его, Ближняго Боярина Нашего и Князя Василія Васильевича съ товарищи вѣрною и радѣтельною службою учинено Нашего Царскаго Величества преславному имяни многое повышеніе, а Государствамъ Нашего Царскаго Валичества разширеніе и пространство, и учиненъ такой вѣчный миръ Російскому Нашему Царствію прибыльной и хвальной, каково напередъ сего при предкахъ Нашихъ Государскихъ не бывало. И во всемъ учинена Нашихъ, Великихъ Государей, Нашего Царскаго Величества, преименитой Державѣ, Россійскому Нашему Царствію, великая прибыль и по всему свѣту вѣчная слава и хвала, а имянно: тѣ Полскіе Послы, по договору съ Ближнимъ Нашимъ Бояриномъ съ товарищи, имянемъ Королевскаго Величества и всеа Рѣчи Посполитой обоего народу Коруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго, уступили и въ договорныхъ вѣчнаго мира записяхъ написали и вѣрою утвердили, Намъ, Великимъ Государемъ и Нашему Царскому Величеству, многіе прибыльные, у всѣхъ Христіанскихъ Государей славные на свѣтѣ титла, то есть, писати Насъ, Великихъ Государей, Пресвѣтлѣйшими и Державнѣйшими, и Кіевскими, и Черниговскими, и Смоленскими Великими Государи вѣчно. А Королевскому Величеству Кіевскимъ, и Черниговскимъ, и Смоленскимъ и всѣхъ городовъ титламъ, которые Намъ, Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству, по

тому мирному договору Княжства и городы отдалъ, не писатися вѣчно же, и на маестатовыхъ печатехъ, какъ на Корунной, такъ и на Литовской, тѣхъ тителъ ему не изображати, и въ Канцеляріяхъ, въ Корунной и въ Литовской, тѣ титла оставить вовсе, а Благочестивой нашей Христіанскаго Греческаго закона Вѣрѣ, которая обрѣтается у Русскихъ народовъ въ Державѣ Его Королевскаго Величества, въ Корунѣ Польской и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, пребывающихъ, быти во всякой вольности, безъ всякаго утѣсненія, и духовнымъ Греко-Россійской Вѣры людемъ приходити къ благословенію и посвященію въ Нашу, Царскаго Величества, отчину, въ Богоспасаемый градъ Кіевъ, къ Преосвященному Митрополиту Кіевскому и Галицкому. Да Королевское жъ Величество Польской и вся Рѣчь Посполитая отдали тѣмъ вѣчнымъ миромъ въ сторону Нашего Царскаго Величества, къ Россійскому Нашему Царствію, вѣчно городы, которые оставлены были въ Нашей, Царскаго Величества, сторонѣ только на перемирные лѣта, то есть, Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлое, Рославль съ Уѣздами и со всѣми къ тѣмъ городамъ принадлежащими землями и угодьи, какъ въ прешедшія перемирные лѣта тѣ городы и земли въ странѣ Нашего Царскаго Величества во владѣніи и въ державѣ обрѣтались, также и съ другіе страны въ Нашу Царскаго Величества сторону къ Россійскому Нашему Царствію отдалъ Королевское Величество и Рѣчь Посполитая городы жъ вѣчно же: Черниговъ, Стародубъ, Почепъ, Новгородъ Сѣверской, Глуховъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Переяславль, Гадичь, Полтаву и всѣ Черкаскіе сея стороны Днѣпра городы и мѣста, которые какъ имяна и прозваніе себѣ имѣютъ, и всю Малую Россію съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ купецкимъ и пашеннымъ народомъ, а на той сторонѣ рѣки Днѣпра Богоспасаемый градъ Кіевъ съ городами же, съ Стайками, съ Трепольемъ, съ Васильковымъ, съ Вышьгородомъ и съ мѣстечкомъ Демидовкою, и съ служилыми и всякаго чина людьми и со всѣми, къ нимъ принадлежащими, землями и Уѣзды, также и внизъ рѣкою Днѣпромъ отъ Кіева до Кадака, и тотъ градъ Кадакъ и Запорожской Кошъ, городъ Сѣчю, и живущіе въ нихъ Казаки, служилыя и всякаго чина жителей, и даже до Чернаго Лѣсу, со всѣми землями и рѣками и рѣчками и со всякими принадлежащими угодьи, чѣмъ владѣли изстари Запорожцы, которые всѣ тѣ выше имянованные городы и земли, и войско Запорожское, и весь Малороссійской народъ, въ Нашей Царскаго Величества преславной и преимянитой Державѣ вѣчно оставатися и быти имѣютъ непо-

движно. А что въ прешедшую же войну Нашего Царскаго Величества всякихъ чиновъ ратные люди Польскаго и Литовскаго народа, шляхты и войсковыхъ всякаго чина людей и пашенныхъ крестьянъ плѣномъ поимали и въ Росскійское Наше Государство вывезли, и костельныхъ утварей, и украшеній, и колоколовъ, и пушекъ и всякихъ воинскихъ припасовъ взяли, и тому всему выше упомянутому полону, мужеска и женска пола шляхтѣ, и мѣщаномъ, и пашеннымъ крестьяномъ, которые нынѣ у Бояръ Нашихъ, и у Окольничихъ, и у Думныхъ, и у Ближнихъ людей, и у всякихъ чиновъ людей въ помѣстьяхъ и въ отчинахъ поселены во крестьянѣхъ и въ задворные люди и во дворехъ въ холопствѣ, симъ вѣчнымъ мирнымъ договоромъ постановлено и укрѣплено остатися въ Нашихъ, Царскаго Величества, Государствахъ при тѣхъ же помянутыхъ чинѣхъ вѣчно же, и впредь тому всему быти забвенну и непамятну, и тѣми договорными записьми они, Нашего Царскаго Величества, Ближніе Бояре и Думные люди, съ тѣми Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой, Великими и Полномочными Послы, размѣнилися и вѣрою утвердили. И Мы, Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ-Алексѣевичъ, и Великая Государыня, Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцы, для того вѣчнаго мира и святаго покоя, пожаловали Думнаго Нашего Дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова, за службы предковъ и отца его и за его, которые службы, ратоборство, и храбрость и мужественное ополченіе, и крови и смерти, предки и отецъ его, и сродники, и онъ показали въ прешедшую войну въ Корунѣ Польской и въ Княжествѣ Литовскомъ, похваляя милостиво тое ихъ службу и промыслы и храбрость въ родъ и роды, изъ его помѣстья въ отчину, въ Шацкомъ Уѣздѣ, за Шацкимъ городомъ, селомъ Рожественнымъ, что прежде сего была деревня Островка на рѣчкѣ на Островкѣ, со крестьяны и со всѣми угодьями, а въ урочищахъ того села земля по обѣ стороны рѣчки Островки и около Синитера и Серпа и по Крымскую дорогу, и Крымскою дорогою къ дикимъ спорнымъ гребнямъ, и по вольновскимъ вершинамъ, что дано ему, Думному Нашему Дьяку Емельяну Игнатьевичу, сверхъ старыхъ его дачь. А по дачѣ и по отказнымъ книгамъ отказу Печерниковскоій площади и Подъячего Клима Духина прошлаго 192 году, и по дачѣ нынѣшняго 195 году, что у него осталось за вотчинною дачею, написано пашни четыреста тритцать девять четвертей съ полуосминою, изъ

той земли въ вотчину ему, Думному Нашему Дьяку Емельяну Игнатьевичу, двѣсти тритцать четвертей въ полѣ а въ дву по тому жъ, а двумя сты девятью четвертьми съ полуосьминою, да что по ево жъ, Думнаго Нашего Дьяка Емельяна Игнатьевича, челобитью грамота послана въ Шацкой къ писцу пятьдесятъ четвертей, всего двѣсти пятьдесятъ четвертей съ полуосминою, вѣчно владѣть ему, Думному Нашему Дьяку Емельяну Игнатьевичу, по прежнему въ помѣстье со всѣми угодьями, и на ту вотчину повелѣли Мы, Великіе Государи, дать ему сію Нашу, Царскаго Величества, милостивую свидѣтельствованную, жалованную грамоту за Нашею Царскою печатію. И по Нашему, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и Великія Государыни, Благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, Царскому жалованью, та вотчина ему, Думному Нашему Дьяку Емельяну Игнатьевичу, и его дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ, въ роды ихъ неподвижно, чтобъ Наше Царское жалованье и ихъ выше упомянутая служба, и храбрость, и мужественное ополченіе за Благочестивую нашу Христіанскую Вѣру и за Насъ, Великихъ Государей, и за свое отечество, послѣднимъ родомъ было на память, и на ихъ бы службы дѣти ево, и внучата и правнучата и кто по немъ рода его будетъ, взирающе, также за Вѣру Христіанскую, и за святыя Божія церкви, и за Насъ, Великихъ Государей, и за свое отечество, тщались стояти мужественно со усердіемъ. А въ той вотчинѣ онъ, Думной Нашъ Дьякъ Емельянъ Украинцевъ, и дѣти его, и внучата, и правнучата, по Нашему Царскому жалованью, по сей Нашей Царской милостивой жалованной грамотѣ, вольны ее продать, и заложить и въ приданые дать, а въ монастырь тоѣ вотчины не отдать; а буде продастъ въ чужой родъ, а кто будетъ рода его, похочетъ ту вотчину выкупить, и ему ту вотчину выкупить по Уложенію; а буде у него рода не останетца, и та вотчина останетца непродана и незаложена и въ приданые не отдана, и та вотчина взять и приписать къ Нашимъ, Великихъ Государей, волостямъ. Дана печатная сія Наша Царская милостивая жалованная грамота Нашего Государства въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданія мира 7195, а отъ воплощенія Сына Слова Божія 1687, мѣсяца Генваря 31 дня, государствованія Нашего 5 году.

Назади у подлинной Великихъ Государей жалованной грамоты пишетъ:

По Указу Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и Великія Государыни, Благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, подписалъ Дьякъ Василій Мануйловъ. Справа Подъячаго Клима Кирилова.

Сообщ. Архимандритъ Леонидъ.

Новый Іерусалимъ.
Октября 1873 года.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА

ЦАРЕЙ ІОАННА И ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧЕЙ И ЦАРЕВНЫ СОФІИ

НАМѢСТНИКУ НОВГОРОДСКОМУ, КНЯЗЮ ВАСИЛІЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОЛИЦЫНУ. [1]

Божіею милостію Мы, Великіе Государи, Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и Великая Государыня, Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцы, по своему Государскому милосердному осмотрѣнію, [2] пожаловали Нашіе Царственные большіе печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ Обѣрегателя, Ближняго Нашего Боярина и Намѣстника Новгороцкаго, Князя Василья Васильевича Голицына, за ево къ Намъ, Великимъ Государемъ, многіе и вѣрные службы, повелѣли ему, Боярину Нашему и Обѣрегателю, Князю Василью Васильевичу Голицыну, дать въ вотчину въ Московскомъ Уѣздѣ, въ Замыцкой волости, что было приписано къ Домодѣдовской волости, деревню, что было селище Ѳилиповка; селище, что было село Бочарники. Да къ тому жъ селищу селище-что была деревня Никиѳорово; селище, что былъ починокъ Алексѣевъ; селище, что была пустошь Урядина; селище, что была деревня Боравлево; селище, что была деревня Лутовиново; селище, что была деревня Малые Завалы; селище, что была деревня Большіе Завалы; селище Неѳедово; селище, что была пустошь Савино; селище Найденово; селище, что была пустошь Быково, да пустоши: Бухарково, Хмелники на враге, Пригоны на рекѣ на Треснѣ. Да въ Ратуеве стану: села Ермолина (!), две трети сельца Новаго, деревню Прудище, деревню Тимохово со крестьяны и съ бобыли, сколько ихъ дворовъ въ тѣхъ деревняхъ нынѣ на лицо есть, и съ пашнею, и съ лѣсомъ, и съ сенными покосы, и

---

[1] Во время двудержавія Голицынъ сдѣлался любимцемъ и главнымъ совѣтникомъ Правительницы Софіи. По паденіи Софіи, онъ сосланъ былъ Петромъ, сперва въ Яренскъ Вологодской Губерніи, потомъ въ Пустозерскъ и наконецъ въ городъ Пинегу, Архангельской Губерніи, гдѣ и умеръ 1713 г., Марта 13, и похороненъ въ Красногорскомъ монастырѣ, въ 16 верстахъ отъ Холмогоръ.

[2] Вниманію.

со всеми, къ той вотчинѣ надлежащими угодьи. А та выше писанная вотчина во 184-мъ году, по Указу Брата Нашего, блаженные памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, дана была Боярину Дворецкому и Оружейничему Богдану Матвѣевичу Хитрову, а послѣ ево смерти, [3] во 188 году справлена за женою ево, Боярынею, вдовою, Марьею Ивановною въ пожить. [4] А по книгамъ продажныхъ земель 136-го году въ деревнѣ Ѳилиповкѣ и въ селищи, что было село Бочарниково съ селищи, [5] пашни сто тридцать девять четвертей съ осминою; въ пустошахъ: въ Бухарковѣ, въ Хмельникахъ, въ Пригонахъ, по описнымъ книгамъ Помѣстнаго Приказу [6] Подъячихъ Ивана Давыдова, Григорья Богданова, 156-го и 157-го годовъ, по пятнатцати четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; а въ дву третяхъ сельца Новаго, въ деревнѣ Прудищахъ, въ деревнѣ Тимоховѣ, по описнымъ книгамъ Ивана Ододурова да Подъячего Казарина, Макарьева, [7] 143-го году, пашни восемьдесятъ четыре четверти безъ полуосьмины. А по отказнымъ книгамъ Сытного Двора [8] Стряпчего Никиты Шевелѣва, 184-го году, какъ та вотчина отказана была Боярину и Дворецкому и Оружейничему Богдану Матвѣевичу, въ тѣхъ деревняхъ крестьянъ, въ Ѳилиповкѣ пять, въ Прудищахъ осмнадцать, въ Тимоховѣ девять, всего тритцать два двора, а четвертные пашни въ тѣхъ деревняхъ, въ двухъ третяхъ и въ селищахъ и въ пустошахъ, сто сорокъ одна четверть съ полуосьминою въ поле, а въ дву по тому жъ; да къ деревнѣ Ѳилиповке и къ селищу, что было село Бочарниково, и къ приписнымъ одиннатцати селищамъ и къ тремъ пустошамъ сена сто восемьдесятъ одна копна, лѣсу непашеннаго девять десятинъ; къ деревнѣ жъ Прудищамъ и Тимоховой и къ двумъ третямъ сельца Новаго, сена триста семнатцать копенъ безъ трети, лѣсу непаженного десять десятинъ, да лѣсу жъ чернаго [9] Юрьевская роща. И на ту выше писанную вотчину пожаловали Мы, Великіе Го-

---

[3] Ум. 1680 г.

[4] Въ пожизненное пользованіе.

[5] Приписныя селища.

[6] Главное Присутственное Мѣсто въ Москвѣ завѣдывавшее помѣстными дѣлами.

[7] Есть фамилія Казариныхъ.

[8] Дворцовый запасный дворъ, гдѣ хранились съѣстные припасы.

судари, Цари и Великіе Князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и Великая Государыня, Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, ему, Боярину Нашему і Обѣрегателю, Князю Василью Васильевичу, сію Нашу Царскую жалованную милостивую грамоту, за Нашею Государскою печатью, во свидѣтельство ему и преемникамъ [10] ево, и по Нашей, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и Великія Государыни, Благовѣрныя Царевны и Великіе Княжны Софіи Алексѣевны, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, милости, та вотчина ему Боярину Нашему и Обѣрегателю, Князю Василью Васильевичу, и ево женѣ и дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ и въ родъ ихъ неподвижно, и въ той вотчинѣ онъ, Боярinъ Нашъ і Обѣрегатель, Князь Василій Васильевичъ, и дѣти ево, и внучата и правнучата, по Нашей, Государской, милости, вольны продать и заложить и въ приданое дать, только въ монастырь [11] той вотчины не давать. Дана сія Наша, Великихъ Государей, жалованная грамота въ Нашемъ царствующемъ великопреимянитомъ градѣ Москвѣ лѣта 7195-го, [12] Ноября въ 5 день.

У подлинной Великихъ Государей грамоты назади пишет(ся).

По Ихъ, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и Великіе Государыни, Благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, Указу, подписалъ сію Ихъ, Государскую, жалованную грамоту Дьякъ Артамонъ Тимофѣевъ.

Справилъ Любимко Улановъ.

У той Великихъ Государей грамоты печать красная, на золотомъ шнурѣ съ ворворки [13] и съ кистьми, объерь [14] золотная

(Копія хранится въ Высокопетровскомъ монастырѣ.)

Сообщ. **Архимандритъ Григорій.**

---

[9] Лѣсъ казенный, ни въ чьемъ частномъ владѣніи не состоящій.

[10] Наслѣдникамъ.

[11] Въ какой бы ни было.

[12] 1687 г.

[13] Ворворка—нить канительная съ жемчугомъ или бисеромъ у кистей и завязокъ.

[14] Объярь.

ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА

ВЪ

АЛЕКСАНДРОВОЙ СЛОБОДѢ И УСПЕНСКІЙ ДѢВИЧЬ МОНАСТЫРЬ ВЪ ТО ВРЕМЯ.

I.

Сельское приволье и деревенская простота манили прелестную Цесаревну Елисавету Петровну, преслѣдуемую дозоромъ Долгорукихъ, остудившихъ ее съ очарованнымъ ею Императоромъ, Петромъ II, и мечтавшихъ даже заточить ее въ монастырь. [1]

Разгулъ тогдашняго Двора, съ влюбившимся въ нее 13-лѣтнимъ племянникомъ-Императоромъ, хотя и былъ по душѣ Цесаревнѣ, но томительное въ своихъ видахъ преслѣдованіе его любимца, Князя И. А. Долгорукаго, спѣшившаго породниться съ Петромъ II, охладили будущую нашу Царь-Дѣвицу, [2] и она стала искать развлеченій въ безмятежной тиши подмосковныхъ дворцовыхъ селъ, предавшись тамъ вполнѣ влеченіямъ своей страстной, пылкой, исторусской натуры, жаждавшей и сердечныхъ треволненій, и бойкаго раздолья во всю ширь тогдашней жизни.

Среди этихъ мирныхъ уголковъ подъ шумными столицами: Измайлово, Перово, Покровское, также Сарское, навѣщаемыхъ Цесаревною, вдали тревожнаго Двора, Александрова Слобода, ея

---

[1] Памятники новой Русской исторіи: сборникъ статей и матерьяловъ Кашперова. Спб. 1870 г.; въ немъ статья: Судьба Князей Долгорукихъ при Императрицѣ Аннѣ.—Показаніе Князя И. А. Долгорукаго, въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1864 г., книга I.—Арсеньевъ, Царствованіе Екатерины I, стр. 130—135.—Примѣчанія Болтина—1788 г., т. II, стр. 516.

[2] По выраженію Державина, описавшаго превосходно бытъ Императрицы Елисаветы Петровны въ стихотвореніи: «Царь-Дѣвица.» См. его сочин., изд. Я. К. Грота, III, стр. 122—130.

вотчина, была чаще ихъ временнымъ пребываніемъ своей помѣщицы-Цесаревны.

Государева Дворцовая Александрова Слобода была искони ея вотчиной и, съ «приписными» своими смежными Государевыми волостями и дворцовыми селами, составляла «Слободской станъ Переславскаго Залѣсскаго Уѣзда и, при первомъ раздѣленіи Россіи на Губерніи Указомъ Петра Великаго, въ 1708 г., Декабря 18 дня, вошла въ составъ того же Переяславскаго Залѣсскаго Уѣзда Провинціи, приписанной къ Московской Губерніи, и стала, какъ бы его «пригородъ,» вѣдаться тамошними Воеводами.

Но въ Слободѣ были и свои власти. На торговой площади, въ средоточіи посада, стояла Изба Земская, строенная на мірской счетъ, съ подклѣтомъ: она вѣдала хозяйственной судной и полицейской частью въ извѣстныхъ предѣлахъ тогдашняго чиноначалія; въ ней засѣдалъ Земскій Староста, два Цѣловальника или присяжные и Земскій, выбираемые на годъ посадскими людьми Слободы изъ лучшей своей среды, при чемъ Дьякъ могъ служить и болѣе, вмѣстѣ съ подчиненными ему Подьячими, завѣдывавшими письменными дѣлами. Земской избѣ подчинялись: Сотскій, Пятидесятской, Десятской. Кромѣ того въ Слободѣ была Съѣзжая Изба или Приказная, съ площадными Дьяками. Все это подчинялось, по разнымъ своимъ дѣламъ, вѣдомству Московскихъ Приказовъ: Суднаго, Большаго Дворца и Большой Казны.

Общій Указъ для Россіи Царя Петра Алексѣевича въ 1700 г. переименовалъ Земскую Избу въ Ратушу, а Земскаго Старосту въ Земскіе Бургомистры, Цѣловальниковъ въ товарищи Бургомистровъ или Ратмановъ, и въ Слободѣ стала Ратуша, которая тоже вѣдала хозяйственную часть Слободы, но въ 1727 году въ Слободѣ учреждена была Крѣпостная Контора съ надсмотрщикомъ-писцомъ, и Слобода въ то время управлялась Городовымъ Прикащикомъ, какъ представителемъ помѣстной власти (отправлявшимъ, по роду ихъ должности, тѣ же обязанности, что въ Провинціяльныхъ городахъ несли Воеводы, при коихъ они были какъ бы ихъ товарищи), при чемъ и Слобода стала въ то время уже вотчиною Ея Высочества Цесаревны Елисаветы Петровны, наслѣдовавшей [3] ее послѣ

---

[3] Кириловъ, Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства. М. 1831 г., кн. I,

смерти матери, Императрицы Екатерины I (6 Мая, 1727 г.), какъ равно и другое Село Сарское (Царское Село), каковыя обѣ вотчины съ 1728 г. и стали числиться приписанными къ «Комнатѣ Ея Высочества,» [4] которой, [5] въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны, и разрѣшено было, для управленія ея имѣніями только, учрежденіе особой своей Вотчиной Канцеляріи. [6] Отчеты оной, свидѣтельствуя о дворцовомъ хозяйствѣ Цесаревны, упоминаютъ о нѣкоторыхъ доходныхъ статьяхъ и отъ Слободы. Такъ, въ счетахъ съ 7 по 14 Іюля, 1741 г., значится полученными 2 р. 25 к. за отпускъ въ замужество Александровой Слободы крестьянской дѣвки выводныхъ и пошлинъ; каковые документы, разумѣется, по тогдашнему времени, не миновали выше упомянутой Слободской Крѣпостной Конторы; Вотчинная же Канцелярія Цесаревны съ Слободы черезъ прикащика собирала Цесаревнѣ доходы съ рыбныхъ ловель, мельницъ, табаку, картъ, кожъ, съ пивной продажи, главное съ кружечнаго двора, и оттуда продажи вина по кабакамъ, отдававшимися большею частію Слободскимъ посадскимъ людямъ на откупы, и подъ непосредственнымъ его смотрѣніемъ вела сельское хозяйство въ Слободѣ на искони заведенной Государевой десятинной пашнѣ, произведеніями котораго поддерживалось отчасти довольство Цесаревны по съѣстному харчу и припасу, въ бытность ея и ея штата въ Слободѣ.

Слобода [7] же съ начала XVIII в. не смотря на вотчинныя отношенія, дѣлилась, по «мірскому званію», на двѣ стороны: Монастырскую и Торговую. Монастырской называлась отъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря, по той сторонѣ рѣки Сѣры, которая при-

---

стр. 111—112. – Энциклопедическій Словарь, составл. Русск. учеными и литер. Спб. 1861 г., томъ III, стр. 100.

[4] Семевскій, Русское Слово. 1859 г., Февраль, стр. 229: Духовное завѣщаніе Екатерины I.

[5] Царскосельскій лѣтописецъ въ журналѣ Благонамѣренный, 1835 г., № 30. Mémoires de Prince Pièrre Dolgorouk off tome I, pag. 481.

[6] Архивъ Князя Воронцова т. I, стр. 4 и 17.

[7] Сообщаемое и излагаемое здѣсь о Слободѣ извлечено изъ нашего архива актовъ и документовъ XVII и XVIII в., какъ памятей, указовъ, грамотъ, списковъ и столбцовъ, такъ и выписокъ, касающихся Успенскаго монастыря, равно же и самаго экономическаго состоянія Слободы въ то время.

легая къ дворцовымъ Государственнымъ волостямъ и древнему среди ихъ поселенію, Старой слободѣ (нынѣ село), тоже подъ Сѣрой, извѣстна была въ документахъ и актахъ этого же XVIII в. подъ именемъ «Старой Александровской Слободы.» Торговая же сторона, какъ наиболѣе всего соотвѣтствовала разселившемуся на противоположной сторонѣ посаду, съ торговыми посреди рядами, гостинымъ дворомъ, кружаломъ и Избами: Съѣзжей или Приказной, въ послѣдствіи Ратушей, и красовавшимся посреди этого и прилегающихъ къ нему слободъ населеніемъ служилаго сословія, деревяннымъ храмомъ, главнымъ въ Слободѣ, Рожества Христова, нынѣ великолѣпнымъ соборомъ г. Александрова,—эта Торговая сторона, по актамъ прошлаго вѣка, значилась «Новой Александровой Слободой», и кромѣ сосредоточья управленія, являвшаго, по обширности Слободы, городовой характеръ, имѣла, среди своихъ приземистыхъ и уютныхъ домиковъ, и помѣщенія «фатерныя» для чиновнаго люда, во главѣ котораго являются сначала ключники да стряпчіи то Сытнаго, то Кормоваго, Дворовъ, по концу описываемаго времени превращенныхъ въ одноличную власть въ лицѣ Городоваго Прикащика, заправлявшаго и унадавшимъ хозяйствомъ на той сторонѣ Слободы, раскинутомъ около монастыря на искони Государевой десятинной пашнѣ, обработываемой крестьянами Старослободской и смежныхъ волостей, приписанныхъ къ слободѣ, также какъ они вѣдавшихся Вотчинной Канцеляріей Цесаревны.

Елисавета Петровна, полюбя свою вотчину, Александрову Слободу, приказала въ ней выстроить себѣ для пріѣзду по плану общаго тогдашняго домоваго и теремнаго строенія, просторныя хоромы на каменномъ низѣ, противъ нынѣшняго Христорождественскаго собора, искони главнаго храма въ Слободѣ, на торговой ея сторонѣ

Торговая площадь ея видна была изъ дворца; на ней, по базарнымъ и праздничнымъ днямъ, шумѣлъ разгульный людъ около изстари стоявшаго тутъ кружала, а по буднямъ мимо него тянулся вереницей рядъ просителей въ около него стоявшую въ то время Ратушу, извѣстную въ послѣдствіи подъ именемъ «Приказа».

Около дворца (такъ стали называться Цесаревнины для пріѣзда хоромы), стоявшаго на горѣ, высясь, при красивомъ мѣстоположеніи, раскинуты были по взгорью хоромныя пристройки для домашнихъ службъ, гдѣ и кишѣла въ пріѣздъ Царевны дворовая челядь служилая, а также и для хозяйственнаго назначемія; словомъ

сказать, въ нихъ сосредоточивался весь немалочисленный составъ всего тогдашняго разнообразнаго домоводства и сельской экономіи: тамъ погребъ съ Фряжскими винами и разными домашними напитками: водянка-холодянка, бархатное пивцо и сладенькій медокъ; тамъ липовая мыльня (баня). Ближе къ дворцу высились жилыя горницы съ обширными въ каменномъ низу подвалами со сводами—помѣщенія для служилой челяди, при чемъ лучшіе, но также въ одно жилье, маленькіе низменные, занималъ ея штатъ дворцовой свиты, сопутствовавшей ей въ Слободу.

Составъ этой свиты былъ не малочисленъ.[8] Гофмейстеръ или, какъ тогда величали, Майордомъ, Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ, Гофмейстерина Салтыкова (вышедшая въ послѣдствіи за Фельдмаршала Миниха); Статсъ-дама Г. Румянцева (дочь Андрея Матвѣева, Марія, супруга Графа Александра Ивановича Румянцева); Лейбъ-Хирургъ Лестокъ; Фрейлины: Аграфена Васильевна Салтыкова и старшая дочь Фельдмаршала Миниха, Софья (вышедшая послѣ за Полковника Барона Мальцмана); нѣсколько кавалеровъ изъ родственныхъ ей по матери фамилій: Скавронскихъ, Ефимовскихъ, Гендриковыхъ и т. д. Посреди этихъ кавалеровъ придворной ея свиты чувствительно выдѣлялись, по сердечному своему положенію къ ихъ хозяйкѣ-Цесаревнѣ красавцы-гвардейцы: сначала Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, по отзывамъ современниковъ, «рабъ ея сердца» и приревнованный къ ней юношей-Императоромъ, даже будто бы предлогъ его къ ней охлажденія, а потомъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ—жертва еще болѣе злополучной доли, но въ дни царствованія Елисаветы щедро ею вознагражденной; далѣе неотлучный служитель ея Василій Ивановичъ Чулковъ, будущій счастливецъ ея времени; за этимъ рядомъ грядущихъ случайныхъ людей ея царствованія слѣдуютъ: Возжинскій, Лялинъ, а тамъ далѣе вереница гофъ-курьеровъ, камеръ-пажей, камеръ динеровъ, камеръ-юнфровъ, музыкантовъ, бандуристовъ и, по строю тогдашнихъ дворовъ, нѣсколько карлицъ и карликовъ, шутовъ и шутихъ, инородцевъ: калмыковъ, калмычекъ.

---

[8] Семевскій, Фрейлина Гамильтонъ. От. Зап. 1860 г. № 9, стр. 243 и 246.—Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, т. VII и VIII.—Корниловичъ, Петерб. Старина, 97—111.—Исторія Петра I, Бергмана. 1837 г., Бергольцъ, Дневникъ, часть I, стр. 301.—Записки о Петрѣ I, Вильямса. Спб. 183, стр. 44 и 60. Записки Дюка

За дворцомъ, какъ обыкновенно во всѣхъ тогдашнихъ дворцовыхъ усадьбахъ, по горѣ тянулись остатки нѣкогда Царскаго роскошнаго хозяйства Царя Ѳедора Алексѣевича, посѣщавшаго ежегодно Александрову Слободу своимъ богомольнымъ шествіемъ во всѣ года своего царствованія, тамошній Успенскій монастырь, и полюбившаго Слободу, какъ его родитель, Царь Алексѣй Михайловичъ, свое любимое Измайлово. Не смотря на упадокъ хозяйства во время Цесаревны, все таки къ ея услугамъ существовали: и Конюшенная Слобода, [9] съ незначительнымъ количествомъ стадныхъ лошадей, дававшихъ средство воспользоваться ими для забавы, рядомъ съ ней стоявшему Охотному двору съ Сокольней и немалой Псарней. Передъ всѣмъ этимъ разстилался цвѣтистый лугъ, окаймленный извилистымъ теченіемъ р. Сѣры, за которой, на той сторонѣ, подъ горою внизу, отражалась зеркальная зыбь двухъ обширныхъ прудовъ, извѣстныхъ и въ то время подъ названіемъ зорныхъ, но въ описяхъ значащихся подъ именемъ Государева пруда. Наконецъ, всѣ эти стройки Царской усадьбы завершились рядомъ житницъ, такъ называемымъ Житнымъ дворомъ, съ приспѣшнями кормоваго, хлѣбеннаго и сытнаго дворовъ, уже далеко не столь обильно наполненныхъ, какъ въ прошлые годы при ревнителяхъ хоства, особенно при Царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, въ концѣ XVII в. Но обратимся къ пріѣздамъ Цесаревны. Записки иностранцевъ повѣствователей о Россіи, современниковъ-очевидцевъ, отчасти Манштейна, равно и Маньяна, Дюка же Лирійскаго особенно, свидѣтельствуютъ, и именно подробно веденный Дюкомъ Дневникъ объ отъѣздахъ Цесаревны въ любезную ей Слободу и о пребываніи въ ней преимущественно въ тѣ времена, когда, въ силу тогдашняго придворнаго этикета и происковъ его свѣтилъ, она должна была покидать очарованнаго ею племянника-Императора, притворявшагося, въ угожденіе Долгорукимъ, въ своемъ къ ней охлажденіи (съ Сентября 1728 г.), или когда интриги Верховниковъ ей не благопріятствовали, по крайнему соображенію ея безпечнаго характера, наконецъ дерзкіе виды молодаго, Долгорукаго, а особенно надоѣд-

---

Лирійскаго 2 и 3 книги Осьмнадцатаго вѣка. Сборникъ Бартенева;—Архивъ Князя Воронцова, книга 1;—Лестокъ, статья Хмырова въ Отечественныхъ Запискахъ, и Цесаревна Анна Петровна, статья Петрова въ Памятникахъ новой Руской Исторіи, сборникѣ Кашперова.

[9] См. Петръ въ Александровой Слободѣ (1689 г.), моя статья въ Вѣстникѣ Политехнической выставки въ Москвѣ за 1872 г., № 46.

ливыя искательства ея руки Нѣмецкими Принцами-авантюристами заставляли ее искренно спѣшить удалиться отъ этихъ противныхъ намековъ ненавистнаго ей брака; словомъ сказать, эти отмѣтки отъѣздовъ представляютъ цѣлый рядъ нелишенныхъ любопытства извѣстій, сообщеніе которыхъ въ извлеченіи еще подробнѣе разъяснитъ побудительныя причины нерѣдкихъ пребываній въ Слободѣ.

«Всѣ благонамѣренные люди радуются уменьшенію Царскаго фаворитизма Принцесы Елисаветы, которая, четыре дня тому назадъ, отправилась пѣшкомъ за десять, или двѣнадцать, миль на богомолье, только въ сопровожденіи одной дамы и Бутурлина, занесъ въ свой Дневникъ Дюкъ Лирійскій [10] отъ 5 Августа, 1728 г., и далѣе продолжаетъ отъ 30 Августа: «Принцеса Елисавета возвратилась съ богомолья, три дня тому назадъ, и теперь лежитъ въ постелѣ, нѣсколько нездоровая отъ дорожнаго утомленія». Тамъ же, [11] отъ 16 Іюня (27) 1729, г., встрѣчаемъ: «Что Принцеса Елисавета не была на похоронахъ Графа Скавронскаго (своего по матери дяди) и она не пріѣзжала ни разу съ своей дачи повидаться съ нимъ.» Далѣе: «Елисавета не пріѣзжала съ своей дачи на имянины въ городъ на 5 Сентября того же 1729 г., и «продолжаетъ упорно» какъ замѣчаетъ Дюкъ Лирійскій [12] въ своемъ Дневникѣ, отъ 10 Октября (29 Сентября) 1729 г. «Елисавета вотъ уже четыре мѣсяца жить безвыѣздно на своей дачѣ.» Но наконецъ «послано Принцесѣ Елисаветѣ, которая у себя въ деревнѣ, приказаніе возвратиться въ столицу, и ея ждуть завтра», сообщаетъ Дюкъ въ своемъ Дневникѣ, отъ 20 Ноября (1 Декабря), 1729 г., и дѣйствительно, ожиданія были не безплодны, и 22 Ноября Цесаревна была и лобзала руку у Государыни-Невѣсты Императора Петра II, Княжны Екатерины Долгорукой, оставшись присутствовать и 30 Ноября—день ихъ обрученія.

Объ этомъ времени уединенія и безвыѣздномъ пребываніи весьма не лестно отзывается Саксонскій Посланникъ, Лефортъ, [13] отъ

---

[10] Осьмнадцатый вѣкъ, Сборникъ Бартенева, книга II. Письма о Россіи Дюка Лирійскаго, стр. 97, 98 и 99.

[11] Тамъ же, стр. 169 и 180.

[12] Тамъ же, стр. 181, 186 и 187, а равно 188.

[13] La cour de Russie il y a cent ans. Berlin, 1858, page 8.—Семевскій, Русское Слово 1859 г., Февраль, примѣч. 31 къ статьѣ: Елисавета Петровна.

10 Октября, 1729: «Cette Princesse vit dans une obscurité incroyable, et peu considérée est fort derangée.»

Безпечность характера не вызвала въ Цесаревнѣ охоту воспользоваться, быть можетъ и поблагопріятствовавшими ей обстоятельствами при выборѣ Государя, по смерти Петра II. Маньянъ, [14] въ своихъ депешахъ, отъ 3 Апрѣля, 1730 г., пишетъ: «Цесаревна Елисавета не проявилась никакимъ образомъ при этомъ случаѣ: она наслаждалась въ это время деревенскою жизнію, и тѣмъ, кто охлопоталъ здѣсь въ ея интересахъ, не удалось добиться даже того, чтобы она прибыла въ Москву ради такой конвюнктуры.» И такъ держала себя въ далекѣ, что, со смерти Петра II до избранія Анны Ивановны на престолъ Русской Имперіи, и даже до самаго прибытія ея Елисавета не покидаетъ своего Слободскаго затишья, вдали смутнаго Двора, къ которому и возвратилась только привѣтствовать свою кузину, Императрицу Анну Ивановну. Въ первый годъ ея царствованія, бывшій еще при ней Посломъ Испанскимъ, Дюкъ Лирійскій, [15] упоминаетъ о пріѣздѣ въ Россію Инфанта Португальскаго, и между прочимъ сообщаетъ, отъ 17 Августа (28); 1730 г.: «Третьяго дня Принцесса Елисавета отправилась на одну изъ своихъ дачъ, отстоящую отъ этой столицы (Москвы) на 30 миль, [16] съ намѣреніемъ остаться тамъ на цѣлый мѣсяцъ, и всѣ того мнѣнія, что она отправилась изъ столицы въ атомъ случаѣ по убѣжденію Ея Царскаго Величества, дабы она (Елисавета) еще больше не разожгла сердца Сеньора Инфанта на канунѣ его отъѣзда.»

Перечень этотъ свидѣтельствуетъ о причинахъ удаленія Це-

[14] La cour de Russie il y a cent ans. Berlin, 1858, page 8.—Памятники новой Русской исторіи, Сборн. Кашперова, статья: Событія 1730 г., стр. 275.—Семевскій, Русское Слово 1859 г., № 2: Елисавета Петровна, стр. 235—236.

[15] Осьмнадцатый вѣкъ, Сборн. Бартенева, книга III: Записки Дюка Лирійскаго: Письмо о Россіи, стр. 109.

[16] Испанская миля равно $3^1/_2$ Русскимъ верстамъ, что и составитъ 30 миль — 105 верстъ (см. Осьмнадцатый вѣкъ, Сбор. Бартенева, книга II, Письма о Россіи Дюка, стр. 98, внизу примѣчаніе переводчика). А разстояніе 105 верстъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному разстоянію Александровой Слободы (нынѣ г. Александрова) по большой трактовой дорогѣ отъ Москвы (см. Мѣсяцесловъ Академическій, именно отъ Москвы до Троицы—65, отъ Троицы до Александрова 40 верстъ, до 1850 года).

саревны въ Слободу, близость которой отъ Двора, переѣхавшаго, съ Императоромъ Петромъ II, въ Февралѣ, 1729 г., въ Москву, еще болѣе способствовала къ частому ея посѣщенію, и къ концу этого года почти къ полному переселенію въ Слободу, которую не миновалъ, вѣроятно, и Императоръ—юноша, въ своихъ разъѣздахъ для охоты, для каковой цѣли приготовлялись всѣ подмосковныя Царскія дачи, [17] въ ихъ вотчинахъ, и не только подъ столицей, но и далѣе къ Ростову, отъ дороги, въ который недалека была и Слобода, и даже на самомъ пути; [18] да не она ли и упоминается Дюкомъ Лирійскимъ въ его Дневникѣ подъ именемъ Sathuna, [19] куда Царь ѣздилъ охотиться въ Августѣ 1729 г., а въ Ростовъ, въ Маѣ того же года? Дозоръ Долгорукихъ не допускалъ, безъ сомнѣнія, совмѣстнаго пребыванія Царя съ теткой, но, не сморя на это, свиданія ихъ были, [20] и по всему, какъ надобно полагать, самыя искреннія, съ полною и пылкою откровенностью воспріимчивой души юноши-Императора и страстной Цесаревны.

Любимою потѣхою Цесаревны, по примѣру Царствующихъ особъ тогдашней Европы, а тѣмъ болѣе въ виду пристастившагося къ ней Царствующаго своего племянника-Императора Петра II, была охота, во всѣхъ ея видахъ, ставшая, такъ сказать, современной модой. Ей-то она и посвящала все свое время въ Слободѣ, будучи въ душѣ страстной охотницей до псовой охоты за зайцами. Статная красавица, она выѣзжала верхомъ въ мужскомъ платьѣ и на Соколиную охоту, [21] для каковой забавы въ Слободѣ и имѣли Охотный дворъ на окраинѣ Слободы, къ лугу, порѣкѣ Сѣрой, который до

---

[17] Осьмнадцатый вѣкъ, Сборникъ Бартенева, книга II, Письмо о Россіи Дюка Лирійскаго, стр. 64.

[18] Тамъ же, стр. 165. Черезъ нее шелъ древній путь въ Переяславль и далѣе въ Ростовъ.

[19] Тамъ же, стр. 180.

[20] Тамъ же, стр. 191.

[21] Выѣздъ на Соколиную охоту въ то время изображенъ на современномъ очень интересномъ рисункѣ, помѣщенномъ въ Русской Старинѣ, изданіи А. А. Мартынова и И. М. Снегирева. Годъ 4-й (Москв. 1854), работы извѣстнаго соременнаго гравера Русскаго, Зубова, посыланнаго Петромъ I учиться этому искуству въ Голландію, уже успѣвшаго въ своемъ Вѣнценосномъ покровителѣ возбудить вполнѣ заслуженное вниманіе (См. Русскіе граверы, Ровинскаго.

сего времени называется Охотнымъ (нынѣ отчасти застроеннымъ фабрикою купца Н. И. Баранова), гдѣ и тѣшилась Цесаревна напускомъ соколовъ, въ вышитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками бархатныхъ клобучкахъ съ бубенчиками на шейкахъ, мигомъ слѣтавшихъ съ кляпышей, прикрѣпленныхъ къ пальцамъ ловчихъ, сокольничихъ, подсокольничихъ и кречетниковъ, жившихъ на томъ охотномъ дворѣ, гдѣ и содержались принаровленные сокола, нарядные сибирскіе кречета и ученые ястреба, такъ что этотъ Охотный дворъ былъ скорѣе Сокольней. Около нея стояла и Конюшенная Слобода, съ жившими въ ней стадными конюхами, у Государева Конюшеннаго двора, съ котораго, для Цесаревниного дворца и поставлялись лошади, заводъ [22] которыхъ въ Слободѣ славился еще при Петрѣ Великомъ, ея отцѣ, наслѣдовавшемъ все это отъ своего державнаго брата, Царя Ѳедора Алексѣевича, во все свое царствованіе неусыпно радѣвшаго о благосостояніи Слободы.

Псовую охоту Царевна предпочитала выѣздамъ на шалаши или чучела, словомъ, птичьей или вообще, такъ называемой, егерской, около Слободы въ пригородныхъ селахъ, окруженныхъ густыми лѣсами, было гдѣ потѣшиться въ отъѣзжемъ полѣ; и отсутствуя изъ своей Слободы, въ окрестныхъ ея селахъ и деревняхъ, она имѣла также въ нихъ свои станы (ставки) — хоромы для своего ночлега, а близъ нихъ и охотные дворы.

Верстахъ въ 6-ти отъ Слободы, въ сельцѣ Курганихѣ, [23] какъ повѣствуетъ преданіе, Цесаревна имѣла свои хоромы для пріѣзда, и около него охотный дворъ—большую псарню; на этомъ мѣстѣ теперь, по сказанію сторожилъ, пашня; при сельцѣ этомъ есть роща Волчья (Волковойна), гдѣ жили и выли, волки, и Цесаревна ѣзжала

М. 1870), и представившаго на своей гравюрѣ выѣздъ Петра II на Соколиную охоту въ подмосковномъ Измайловѣ.

[22] Миллеръ, Лексиконъ Географическій. М. 1773, стр. 6-я, и моя статья: Петръ въ Александровой Слободѣ (1689 г.).

[23] Сообщено мѣстными старожилами крестьянами сельца Курганихи, которой послѣ Шубина И. А. владѣлъ И. И. Огаревъ, взявъ за женой, М. В. Акинфовой, въ приданое, у нихъ купилъ Генералъ Ладыженскій, а у него нынѣшній владѣлецъ В. Л. Катынскій.

на травлю ихъ. Въ этой рощѣ до сихъ поръ есть поляна, извѣстная по урочищу Костянная Сѣча, гдѣ постоянно попадаются кости, вѣроятно, отъ притравы. Сельцо Кургапиха, по имѣющимся у насъ документамъ, значилось принадлежащимъ, въ 70 годахъ прошлаго вѣка, гвардіи Капитану Ивану Алексѣевичу Шубину, именно сыну извѣстнаго любимца Цесаревны Елисаветы Петровны Алексѣя Яковлевича Шубина; вѣроятно, Кургапиха была его родовая вотчина, какъ надобно полагать не въ числѣ пожалованныхъ въ послѣдствіи; ибо въ имѣющихся у насъ жалованныхъ грамотахъ она не упоминается; къ тому же повѣствуютъ, что А. Я. Шубинъ былъ сынъ бѣднаго помѣщика Владимирской Губерніи изъ окрестностей Александровой Слободы, съ каковою мѣстностью, въ послѣдствіи черезъ него Елисавета познакомилась и очень полюбила Слободу, вотчину еще тогда ея матери. Что полюбила она Слободу, это несомнѣнно. Дальнѣйшее изложеніе очертитъ ея тамъ жизнь, и что Шубинъ, служа при ней, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, оберегателемъ ея скудной казны, т. е., казначеемъ, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и обладателемъ ея страстно предавшейся ему души, это тоже вѣрно; ея влеченіемъ такъ сладостно и манило Цесаревну на раздолье въ родные края милаго сердцу.

Шубинъ А. Я. [24] (какъ намъ извѣстно) также былъ страстный охотникъ, и вотъ онъ, Цесаревна, неразлучный съ ней служитель, В. И. Чулковъ, [25] тоже уроженецъ изъ подъ Слободы, и также псовой охотникъ, наконецъ пристрастившійся къ ружейной охотѣ и едва ли не влюбленный въ Цесаревну; ея Лейбъ-Хирургъ, Лестокъ: вся эта компанія ревностно забавлялась охотой во всѣхъ ея видахъ, большую часть времени пребыванія въ эти дни Цесаревны [26] въ Слободѣ, куда, для этого рода развлеченія, ей положительно необходимо было удаляться, въ виду Царскаго Указа, 1728 г., Петра II, воспрещавшаго, въ личныхъ видахъ, охотиться около Москвы, на разстояніи 30 верстъ во всѣ стороны, подтвержденнаго и въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны (2 Апрѣля, 1730) по которому также воспрещалась охота за какими

[24-25] Шубинъ А. Я. и Чулковъ В. И. будутъ предметомъ особыхъ очерковъ по матерьяламъ и документамъ изъ семейныхъ ихъ архивовъ.

[26] Относимъ это время къ концу 1728 и 1729 г. и далѣе до 1732 г.

бы то ни было звѣрями, кромѣ волковъ и медвѣдей, на разстояніи 20 верстъ отъ Москвы во всѣ стороны,[27] а Цесаревна была страстная охотница травить зайцевъ, и предпочитала это невинное удовольствіе всѣмъ прочимъ охотничьимъ вкусамъ.

«Атту его! Атту его!» съ пронзительнымъ свистомъ, дикимъ гиканьемъ, звучнымъ тявканьемъ гончихъ, вытянувшихся въ струну рѣзвыхъ борзыхъ, и оглушительнымъ грохотомъ арапника, мчалась, съ замираніемъ сердца, шумная ватага рьяныхъ охотниковъ, молодцовъ-удальцовъ, оглашая затишье дворцовыхъ волостей Слободы, представлявшихъ широкій разгулъ для утѣхи Цесаревны, скакавшей на ретивомъ конѣ всегда съ неустрашимымъ быстролетомъ впереди всѣхъ; рядомъ несся любимый ея стремянный, Гаврила Матвѣевичъ Извольскій, а за нимъ доѣзжачіе, стаешники со сворами собакъ борзыхъ и гончихъ, въ причудливыхъ ошейникахъ, далѣе, кречетники, сокольники, ястребинники, съ своей птичьей охотой, всѣ на горскихъ коняхъ, со всѣмъ охотнымъ нарядомъ по росписи: ястребами, соколами и кречетами. Охотничій уборъ служителей былъ: мундиръ сукна зеленаго съ подбоемъ стамеднымъ, а для полевой ѣзды изъ сермяжнаго сукна, лосинныя по локоть рукавицы, у каждаго на груди перекрещивались два перевяза черезъ плечо; на смычкахъ одной егозили собаки, а на другой, смотря по званію, если волторнистъ, то висѣлъ серебрянный голосистый рогъ, а если былъ по егорской охотѣ, то мѣткое ружье; если же изъ птичьей охоты, то на клепышахъ держалъ нарядную сибирскую пернатую тварь. Всю эту шумную вереницу гульливаго люда, среди котораго блистали: красавецъ Шубинъ, весельчакъ Лестокъ, замыкалъ длиннымъ хвостомъ фурманскій обозъ съ вьючниками.[28] Такъ полевала она около дворцоваго своего села Андреевскаго (въ 17 верстахъ отъ Слободы, по Юрьевской дорогѣ), гдѣ и указываютъ въ немъ мѣсто хоромъ, а близъ и любезный Охотный дворъ, для ея пріѣзда на охоту; память объ этомъ подъ дворцовымъ селомъ Ивановскимъ, Холуденевымъ тожь, доселѣ сохранилась въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ угодій—Царскими

---

[27] Осьмнадцатый вѣкъ, Сборникъ Бартенева. М. 1869 г., книга II: Записки Дюка Лирійскаго за 1728 г., № 30.

[28] Росписи охоты Царской времени Петра II (1729 г.), въ Русскомъ Архивѣ 1869 г., № 10.

мѣстами, все по пути переѣзжала она въ Опольщину, къ городу Юрьеву Польскому, на поле-гладь, гдѣ тѣшилась выпускомъ живыхъ или, какъ выражались тогда, саженныхъ зайцевъ, которыхъ и изволила осаживать борзыми, травя около него въ монастырскомъ селѣ Кучкахъ и въ сельцахъ Шетневѣ и М. Кузминскомъ, вотчинахъ участника въ ея охотѣ, тамошняго помѣщика, лихаго Петровскаго гвардейца, преданнаго его дочери, Лаврентія Никифоровича Стромилова.[29] Въ Кузминскомъ народное преданіе сохраняетъ память о томъ родникѣ на ключѣ, гдѣ Цесаревна пила воду: мѣсто это доселѣ осѣняется иконою Св. Елисаветы Мученицы, поставленной помѣщикомъ сельца, Н. Г. Стромиловымъ, отъ чего и родникъ названъ Святымъ Колодцемъ.

Дочь Екатерины непомнящей родства, возросшая среди птенцовъ Великаго Петра, выводившаго ихъ изъ пирожниковъ и гостинодворцевъ, сама дитя любви, Елисавета Петровна, была чужда родовыхъ предразсудковъ и чванливыхъ понятій, вела себя просто, не гнушалась простолюдья: вечеръ у ней начинался шумнымъ весельемъ съ Слободскими дѣвушками, приходившими къ ней на посѣдки: онѣ ей играли простонародныя пѣсни, до которыхъ Цесаревна была страстная охотница,[30] будучи сама

---

[29] Лаврентій Никифоровичъ Стромиловъ, говорятъ (семейное преданіе, которое слышалъ отъ П. П. Стромилова своего дяди, а отъ своего дяди Н. Г. Стромилова, современника его сына, Александра Лаврентьевича, и отъ И. Н. Косогова, ближайшаго Стромиловыхъ сосѣда) служилъ при ней Егермейстеромъ и былъ истый охотникъ, равно и дальнѣйшее потомство его, и вообще Стромиловы извѣстны по Владимирской Губерніи какъ записные охотники псовые, отъ чего собаки Стромиловскія и Бабкинскія въ Губерніи въ славѣ. Говорятъ, что онѣ велись отъ взятыхъ съ Царской охоты. Сынъ его, Александръ Лаврентьевичъ Стромиловъ, въ чинѣ Поручика, въ 1782 г., въ городѣ Юрьевѣ Польскомъ былъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства.

[30] Цесаревнѣ приписываютъ всѣ о ней писатели (Снегиревъ въ Русской Старинѣ Покровское, Семевскій въ Русскомъ Словѣ, Любецкій въ Отголоскахъ Старины, а за ними повѣствователей того времени, и даже въ Собраніи Русскихъ народныхъ пѣсенъ, Ив. Прача, во 2 изд. части 2), что будто ею даже сочинена пѣсня: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы большой, разыгралась, расплясалась красна дѣвица душа, но наше мнѣніе и болѣе вѣрное изложеніе въ нашей же статьѣ (Ссыльныя монахини Александровскаго Успенскаго монастыря), по сочетанію въ ней словъ: «Покровское, Дуняша пріѣзжаетъ изъ Санктъ-Питера,» наводитъ невольно на Покровскую обитель, Царицу Авдотью, а «пріѣзжаетъ изъ Санктъ-Питера» на Глѣбова. Должно

прекрасная голосистая пѣвица; запѣвалой у ней была извѣстная въ то время по Слободѣ пѣвица Марѳа Чегаиха (потомство ея до сихъ поръ проживаетъ въ г. Александровѣ); за это Царевна ихъ угощала разными лакомствами и сластями: пряниками-жмычками, цареградскими стручками, калеными орѣхами, маковой избойной и другими вкусными заѣдками, а сама иногда тутъ съ ними на посидкахъ, когда онѣ работали, занимались рукодѣльями, пряла шелкъ, ткала холсты; зимою же объ Святкахъ собирались къ ней ряженные Слободскіе парни и дѣвки, и тутъ разливался простодушный разгулъ: начинались пляски, присядки, веселыя и удалыя пѣсни, гаданья съ подблюднымъ припѣвомъ, словомъ, шелъ, такъ сказать, пиръ горой. Сама Царевна, подъ вліяніемъ бархатнаго пивца, да сладкаго медку, да праздничной бражки, бойко и мастерски отдѣлывала съ ними всѣ Русскія пляски, до которыхъ она всю жизнь свою была большая охотница; а на масляницѣ у своего дворца (противъ церкви Рождества) собирала Слободскихъ дѣвушекъ и парней кататься на салазкахъ, связанныхъ ремнями, съ горы, названной по дворцу Царевниному—Царевою, съ которыми и сама каталась первая; на житномъ дворѣ въ Слободѣ (около Староконюшенной, гдѣ нынѣ домъ купца А. М. Зубова) хранились долго длинныя сани, на 4 человѣка, Царевны Елисаветы Петровны. Той же широкой мясляницей вдругъ вихремъ мчится по улицамъ ликующей Слободы тройка удалая: лѣвая кольцомъ, правая еле духъ переводитъ, а коренная на всѣхъ рысяхъ съ пѣной у рта: то тѣшится любезная матушка, хозяйка Слободы, Цесаревна, покрикивая удалому гвардейцу красавцу-возницѣ Русскую охотничью присказку: «Машу не кнутомъ, а голицей». Словомъ сказать, раздолье, удальство и молодечество не слось за Елисаветой вездѣ по Слободѣ.

До какихъ предѣловъ доходило это веселье, не безъ ревностнаго чествованія Бахуса, стойко внѣдрившагося въ Русскомъ быту со временъ Петра, введшаго его во всѣ слои тогдашняго общества, вѣроятно, слѣдуя въ этомъ случаѣ Европейской тогда модѣ «натянуться», словомъ, какъ была заражена этимъ общественнымъ недугомъ Елисавета, съ своимъ придворнымъ людомъ, правдиво и откровенно свидѣтельствуетъ Дюкъ Лирійскій, въ своихъ

думать, что они полны позднѣйшей передѣлки. Она напечатана во 2 изданіи пѣсенъ Ив. Прача, 1815 г., съ нотнымъ напѣвомъ.

до мелочи подробныхъ запискахъ: «Истребленіе вина, которое дѣлается въ домѣ Царевны Елисаветы, такъ велико, и такъ обходится дорого, что когда Верховный Совѣтъ въ прошедшіе дни увидѣлъ счеты, то нашелъ нужнымъ приказать, чтобы впредь въ счетахъ было больше благоразумія, и рѣшилъ не отпускать ничего безъ требованій Майордома Принцессы, Нарышкина (Гофмейстеръ Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ). А этотъ, видя безпорядокъ въ домѣ и невниманіе хозяйки къ его представленіямъ, не хочетъ ни во что вмѣшиваться.» Вотъ что пишетъ Дюкъ, [31] отъ 19 (30) Августа, 1728 г., именно вскорѣ, или тотчасъ «по возвращеніи изъ Слободы Елисаветы, которая, нѣсколько нездоровая отъ дорожнаго утомленія, лежитъ теперь въ постелѣ». Вообще Дюкъ рисуетъ ея нравственный характеръ черными красками, изображая ее падкой на всѣ возможныя и непозволительныя удовольствія для нея, тѣмъ болѣе, какъ дѣвицы, а особенно какъ Царевны. «Предаваясь наединѣ (въ Слободѣ) собственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, дѣлаетъ это съ такою ужасною публичностью, что доходитъ до безстыдства»; онъ же продолжаетъ: «съ каждымъ днемъ поведеніемъ все дѣлается хуже и хуже: она безъ стыда дѣлаетъ вещи, которыя заставляютъ краснѣть даже наименѣе скромныхъ». Словомъ, поведеніе Цесаревны было на столь предосудительно, если не сказать болѣе, что невольно вызвало въ наблюдательномъ Дюкѣ столь правдивый отзывъ.

Пьянство и развратъ, овладѣвшія тогда всѣми Дворами Европы, а тѣмъ болѣе достигшія гнуснѣйшаго развитія при Дворѣ Петра II-го, хотя и юноши, но не по лѣтамъ страстнаго, ободряемаго яростными подвигами своего любимца-куртизана, не могли не подѣйствовать на впечатлительную Елисавету.

Еще при жизни матери, распаляемая постоянными сватовствами, какъ къ ней, такъ и объ ней, преслѣдуемая видами на нее Князя Меньшикова за сына, Князя И. Долгорукаго лично, и Императора Петра II, по уши влюбившагося въ нее; словомъ, вся эта возбуждающая обстановка не могла не повліять на нравственную сторону добраго характера Цесаревны, и роскошная ея натура страстно ринулась предвкусить прелести брачной жизни, и въ

---

[31] Записки Дюка Лирійскаго. Осьмнадцатый вѣкъ, Сборникъ Бартенева, книга II, стр. 42, 80, 99, 147, 151, 152.

этомъ-то уединенномъ наслажденіи съ «возлежащими» и летѣло въ Слободѣ житье-бытье Цесаревны, ясно выражающее беззаботный строй жизни, преобладавшій въ ней до заката ея дней.

Обратимся къ дальнѣйшему повѣствованію мѣстнаго преданія.

Цесаревна любила смотрѣть на игры Слобожанъ, метала изъ окна Дворца пригоршнями деньги, поднимаемыя на расхватъ, забавлялася хороводами, которые водила красная сѣнная дѣвушка, съ шумными припѣвами круговыхъ пѣсенъ на широкомъ лугу, на которомъ высилась и качель (мѣсто это доселѣ называется Царскимъ лугомъ, противъ дома Н. М. Соколова), отъ близъ стоявшаго тутъ нѣкогда дворца Царскаго, [32] видавшаго въ своихъ стѣнахъ чаще всего Царя Ѳедора Алексѣевича, а также Царя Алексѣя, и другого его сына, Петра, по Указу котораго онъ и переданъ, вмѣстѣ съ бывшимъ тутъ издавна, едва ли не со временъ Грознаго, садомъ, по чему и нынѣ эта часть города называется Садовней, сосѣднему съ нимъ монастырю Успенскому. Каталась Царевна по рѣкѣ Сѣрой, зимой на конькахъ, а лѣтомъ на лодкѣ. Эти два «Государева пруда», нынѣ извѣстные подъ названіемъ Зорныхъ, обмелѣли, и теперь луговина позади кузницъ по дорогѣ изъ г. Александрова въ г. Киржачъ.

Ходила Цесаревна въ любимой и такъ бывшей къ лицу мужской одеждѣ, также и въ сарафанѣ: шилъ на нее посадскій житель Слободы, извѣстный тамъ портной, какъ искусникъ по своему мастерству, такъ и пьяница-гуляка, Алексѣй Ѳедоровъ Санковъ, [33] и когда онъ приходилъ снимать съ нея мѣрку, то робѣлъ и руки дрожали, а Цесаревна приговаривала: «не робѣй, не робѣй!» Посѣщала Слобожанъ, крестила у нѣкоторыхъ изъ обывателей дѣтей, мѣняла, за разныя оказанныя ими услуги, ихъ прозвища, такъ: Жихаревыхъ на Первушиныхъ, Курсиныхъ на Люби-

---

[32] См. мою статью: Петръ въ Александровой Слободѣ (1689 г.), въ Вѣстникѣ Политехнической Выставки за 1872 г. № 46, и Цѣнинныя печки, бывшія въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Александровой Слободѣ; см. въ Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, неоффиц. часть, 1863 г., № 48.

[33] Его потомства Орина Герасимовна Санкова (или, какъ звали, Санчиха, старуха 85 л. († 1852 г.), передавала своимъ дѣтямъ всѣ эти, дошедшіе до нея преемственно, разсказы своего предка, а намъ ими сообщено и мною изложено въ этомъ очеркѣ, исправляющемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ разсказа, напечатаннаго въ Молвѣ 1857 г., № 18.

мовскихъ. Пріѣзжая въ Слободу, Цесаревна навѣщала и ближнихъ Бояръ, сосѣдей-помѣщиковъ, проживавшихъ въ своихъ вотчинахъ подъ Слободою. Въ смежномъ съ Слободою с. Крутцѣ (въ 2-хъ верстахъ) жилъ его опальный помѣщикъ, знаменитый птенецъ ея Великаго отца, достойный его подвижникъ и сторонникъ ея матери, обязанной ему вмѣстѣ, съ Меньшиковымъ, своимъ возведеніемъ на престолъ, доблестный Петровскій Генералъ, маститый Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, [34] сосланный въ эту родовую свою вотчину, съ Мая 1727 г., неблагодарной Императрицей Екатериной I, уступившей настоянію, въ своихъ видахъ, К. Меньшикова, по Царскому ея Указу, 6 Мая, 1727 г., вѣроятно, также какъ и прочіе Указы и государственные акты, подписанному Елисаветой, [35] слѣдовательно, уже знавшей о своемъ знаменитомъ сосѣдѣ. Интересна должна быть ихъ первая встрѣча: быть можетъ, горечь ея была смягчена совмѣстнымъ посѣщеніемъ доблестнаго старца, Цесаревны Елисаветы, съ ея тогда «рабомъ», А. Б. Бутурлинымъ, приходившимся по родству Ив. Ив. Бутурлину троюроднымъ братомъ, и спѣшившимъ утѣшить опальнаго героя своимъ родственнымъ пріѣздомъ въ сельскій храмовой праздникъ, посвященный Успенію Богоматери, тщаніемъ прадѣда Ивана Ивановича Бутурлина, Боярина Окольничаго Андрея Васильевича, построенный въ с. Крутцѣ. [36] Въ старину эти посѣщенія, въ особенности къ такому дорогому дню, цѣнились глубоко съ неподдѣльной теплотой души, а тѣмъ болѣе роднымъ, бывшимъ при Дворѣ «въ случаѣ». Старецъ съ замираніемъ сердца встрѣчалъ дочь своего обожаемаго благодѣтеля, каковую радость спѣшила раздѣлить съ нимъ и его почтенная супруга (урожд. Савелова), нерѣдко навѣщавшая Слободу, ея Цесаревну-хозяйку и тамошній монастырь, гдѣ жила ея родственница, привлекшая вниманіе къ нему какъ самого Ивана Ивановича, такъ и всей его семьи. Старецъ не думалъ о мірѣ семъ и не льстилъ себя надеждою вернуться къ его суетамъ; напротивъ, какъ истинный вотчинникъ-

---

[34] Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей. М. 1836 г., т. I-й.

[35] Семевскій, Царевна Елисавета Петровна, Русское Слово 1859 г., Февраль, стр. 227-228.—Бантышъ-Каменскій Словарь достоп. людей. М. 1836 г., часть I.—Долгорукаго Россійской Родословной книги часть 2.

[36] Замѣчательна подпись на храмоздательномъ крестѣ деревянной церкви с. Крутца.

помѣщикъ предался, въ очаровательномъ по мѣстоположенію Крутцѣ, глубокому раздумью о своихъ былыхъ дняхъ, завершивъ все неусыпнымъ благоговѣніемъ къ святынѣ сосѣдней обители Успенской, и раченіемъ о благосостояніи своего скуднаго имѣнія, недоставававшаго для поддержанія значительнаго семейства, состоявшаго изъ сыновей: Юрія, Николая, Аркадія и Сергѣя, служившихъ уже въ то время въ полкахъ и требовавшихъ подмоги родительской, да дочери Анны, бывшей въ замужствѣ за Сергѣемъ Автономовичемъ Головинымъ.

Другой, гораздо именитѣе, сосѣдъ былъ второй и послѣдній Князь-Кесарь Петра I, Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, пріобрѣтшій женитьбою на Анастасьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой, родной сестрѣ Царицы Прасковьи, супруги Ивана Алексѣевича, въ приданое за нею с. Рюминское, со всѣмъ пятисоткомъ, какъ тогда выражались, число душъ мужескаго пола въ приписанныхъ къ нему деревняхъ, доставшихся отцу Анастасіи, Александру Ѳедоровичу Салтыкову изъ дворцовыхъ подслободскихъ волостей, тянувшихся приписныхъ къ Слободѣ, изъ каковыхъ Салтыковъ, ради счастливаго событія въ его семействѣ, выхода замужъ его дочери за Царя, и былъ, въ 1688 году, Царской жалованной грамотой верстанъ оными помѣстьемъ, перешедшимъ въ вотчину къ единственной дочери Князя Ромодановскаго, Екатеринѣ Ивановнѣ, почти сверстницѣ Цесаревны Елисаветы, веселой подругѣ въ ихъ нерѣдкихъ свиданіяхъ у тетки Елисаветы, Царицы Прасковьи, въ Измайловѣ.

Князь-Кесарь Иванъ Ромодановскій, также, по духу времени, страстный охотникъ, какъ и его отецъ, удивлявшій всю тогдашнюю Русь своею соколиною охотою, ѣзжалъ нерѣдко въ свое помѣстье потѣшиться на раздольѣ любезною забавою, изъ Москвы, своей резиденціи, гдѣ, управляя Преображенскимъ Приказомъ, вѣдалъ ею первопрестольной, какъ ея Генералъ-Губернаторъ, выбывъ изъ каковой должности по прошенію, 4 Апрѣля, 1729 г., предался положительно своей любезной утѣхѣ, звѣриной травлѣ, псовой охотѣ и напуску соколиному, въ ближней подмосковной своей вотчинѣ, с. Рюминскомъ [37] (отъ Слободы въ 15 верстахъ), куда ему сопутствовали нерѣдко и дочь, Екатерина Ивановна, съ мужемъ, Графомъ Михайломъ Григорьевичемъ Головинымъ. Пріѣз-

[37] На большой дорогѣ искони древней въ г. Переяславль, тянувшейся изъ

ды дочери, на пути заѣзды въ Слободѣ къ Цесаревнѣ, вызывали взаимно и Елисавету на посѣщеніе маститаго старца, Князя-Кесаря,—оригинальную забаву Петра, ея Великаго отца, въ разрядѣ «птенцовъ» котораго не были чуждыми и Князья Ромодановскіе.

По сосѣдству съ Княземъ Ромодановскимъ живалъ по временамъ тоже истый «птенецъ» Петра, извѣстный дѣлецъ своего времени, знаменитый его Кабинетъ-Министръ, Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, въ своемъ помѣстьѣ, сельцѣ Балакиревѣ, [38] ставшемъ, съ сосѣднимъ, ему же принадлежащимъ, с. Жилинымъ, родовою вотчиною его многочисленнаго потомства, [39] сохранившаго, какъ родовую святыню, благословеніе Великаго Петра, своего любимца Кабинетъ-Министра Макарова, древній замѣчательной по искусству филигранной работы серебряный крестъ съ финифтивыми, вдѣланными въ него, досками съ изображеніями угодниковъ Божіихъ, коихъ части мощей помѣщены въ оном. [40] Чествованіе этого драгоцѣннаго креста мѣстными жителями еще болѣе увеличилось въ дни общественныхъ бѣдствій, какъ то: хо-

---

Москвы черезъ Слободу. Между старожилами с. Рюминскаго и деревень его прихода, намъ удалось слышать интересные разсказы (нами записанные) изъ преданій о житьѣ-бытьѣ ихъ господъ, и въ статьѣ нашей о А. Я. Шубинѣ сообщены будутъ ихъ воспоминанія о барской охотѣ, Княжьей важности и Царской милости.

[38] С. Балакирево сомненно знаменитому И. Е. Балакиреву, шуту придворному отъ Петра до Елисаветы, принадлежало тоже Балакиреву, не этому, а другому, «Ивану Васильевичу Балакиреву, Переславля Залѣсскаго вотчиннику, явившемуся собою, въ 1717 г., въ Спб. для опредѣленія въ войска Финляндскаго корпуса.» (Дѣло о приговор. Сената по разрядному столу 1715—1719 гг., книга № 4 (644). Настоящему помѣщику А. Н. Красюку досталось оно отъ дальней его родственницы, Н. С. Макаровой, по мужу Ник. Никол. Макарову, прямому потомку А. В. Макарова, а также и рожденной Макаровой, тоже отрасли того же рода. См. мою статью: «Сельцо Балакирево», во Владимірск. Губ. Вѣдом. за 1872 г. Неоффиц. часть.

[39] Потомство это проживаетъ доселѣ въ Переславскомъ и Юрьевскомъ Уѣздахъ въ своихъ имѣніяхъ; отъ нихъ нами пріобрѣтено много важныхъ документовъ и свѣдѣній для біографіи А. В. Макарова и его рода. Собиралъ тоже матеріялы для біографіи А. В. и покойный Сенаторъ М. И. Топильскій, предки котораго находились въ родственныхъ отношеніяхъ къ А. В. Макарову, и объ немъ у него было собрано немало данныхъ, а пора бы появиться обстоятельному жизнеописанію объ такомъ дѣятелѣ своего времени и эпохи Петра Великаго.

[40] Крестъ этотъ, по замѣчательности его рисунка, желательно было бы видѣть

леры 1831 и 1848 г.: тогда служили ему молебны, и почтенный наслѣдникъ этой святыни, настоящій помѣщикъ сельца Балакирева, А. Н. Красюкъ, свято чтя эту драгоцѣнную родовую святыню, хранитъ ее благовѣйно въ своемъ домѣ въ оном имѣніи.

Алексѣй Васильевичъ навѣщалъ свои помѣстья, изрѣдка проживая то въ Балакиревѣ, около Слободы (въ 10 верстахъ), то въ с. Богословскомъ, деревенькѣ тожъ, на пути изъ Слободы въ г. Юрьевъ. Сюда удалялся онъ не для страстнаго разгула, а отдохнуть отъ неусыпныхъ государственныхъ подвиговъ, отдохнуть душевно и тѣлесно и, какъ благовѣйный чтитель своего благодѣтеля, разумѣется, сердечно радовался посѣщеніямъ его дочери, заѣзжавшей на краткій отдыхъ въ его семьѣ съ отъѣзжаго поля, изъ своихъ близкихъ къ нему дворцовыхъ вотчинъ. Принимая Цесаревну Елисавету Петровну, Макаровъ вспоминалъ о своей единственной дочери, Елисаветѣ, [41] быть можетъ и названной этимъ именемъ «въ честь» дочери своего благодѣтеля, да къ тому же, можетъ быть, и сверстницѣ по годамъ съ Цесаревной, во всякомъ случаѣ извѣстной Елисаветѣ Петровнѣ, въ царствованіе которой А. В. и кончилъ жизнь свою († 1750 г.). Вотъ плеяда тѣхъ птенцовъ Петра Великаго, дочь котораго въ Слободѣ, ея вотчинѣ, они, быть можетъ и не безъ внутренняго негодованія, видали вдали отъ престола, похищеннаго у ней злополучной интригой и собственною безпечностью, не смотря на горячія убѣжденія искреннихъ поклонниковъ, друзей, въ средѣ которыхъ А. Я. Шубинъ,

---

помѣщеннымъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ изданій, или Археологическихъ сборниковъ.

[41] Елисавета Алексѣевна († Мая 1782 г.), единственная дочь Алексѣя Васильевича Макарова, была замужемъ за Княземъ Михайломъ Никитичемъ Волконскимъ (1713—1788 гг.), Главнокомандующимъ въ Москвѣ при Екатеринѣ II (см. о немъ и перепискѣ его съ Екатериной въ ст. Бартенева: «Люди и дѣла прежняго времени по автографамъ», въ жур. Зритель 1863 г. № 12 и слѣдующія). Единственный сынъ Князя Волконскаго и Елисаветы Алексѣевны, урож. Макаровой, былъ Князь Павелъ († 1808 г.) бездѣтный; онъ былъ очень любимъ своими крестьянами с. Раменскаго (Калязинскаго Уѣзда Тверской Губ.); есть даже о томъ особая книжка: «Благодѣтельный помѣщикъ Князь Павелъ Михайловичъ Волконской (М. 1808 г.). Дочь Князя М. Н. Волконскаго и Елисаветы Алексѣевны, Княжна, Анна Михайловна, вышла замужъ за Фельдмаршала Князя Прозоровскаго, современника Екатерины II, Главнокомандующаго въ Москвѣ, и отъ нея произошли нынѣшніе Князья Голицыны-Прозоровскіе.

по сердечному своему въ то время положенію, едва ли не больше всѣхъ могъ разсчитывать на довѣріе своей обожаемой Цесаревны, таинственно вліявшей на его товарищей гвардейцевъ, между которыми неосторожно имъ пророненное слово дало пищу языку, ужасному «языку» того времени, по чину еще ужаснѣйшему, «слово и дѣло», за которымъ слѣдовали застѣнокъ, пытка, опала и ссылка.

Довело это слово и Шубина до безвѣстной ссылки въ почти непроницаемую глушь отдаленнѣйшей части Сибири.

II.

Горестная судьба Шубина, ссылка въ Сибирь, въ 1731 году, и постигшая съ нимъ разлука на первыхъ порахъ глубоко запечатлѣлась въ воспріимчивой душѣ искренно его любившей Цесаревны Елисаветы Петровны. По своему характеру, набожному до крайности и крайне суевѣрному, она спѣшитъ въ свою Слободу, въ тамошній, ей извѣстный, Успенскій дѣвичій монастырь, въ теплой мольбѣ излить свою скорбь, думая даже и окончательно отрѣшиться отъ суетнаго свѣта, принявъ иноческій санъ, въ этомъ монастырѣ [42] любезной ей Слободы, который и прежде, въ бытность свою въ ней, нерѣдко посѣщала, и даже нарочно отправлялась изъ Москвы на богомолье, къ его главному празднику, Успенія Богоматери, что вполнѣ подтверждается и дневникомъ Дюка Лирійскаго, отмѣчавшаго отъѣзды Елисаветы въ слободу, всегда совпадавшія съ этимъ праздникомъ. [43]

Быть можетъ, эту мысль породили, кромѣ горестнаго чувства, и внѣшнія обстоятельства, личныя недоброжелательства Императрицы Анны Ивановны, какая-то фальшивость положенія отно-

---

[42] Mémoirs du prince Pièrre Dolgoroukoff. Genéve, 1867, t. I, chapitre 1, page 47—49, откуда дословно извлечено Васильчиковымъ въ его статью: Семейство Разумовскихъ, стр. 267. Осьмнадцатый вѣкъ, Сборникъ Бартенева, кн. II.

[43] Осьмнадцатый вѣкъ, Сборн. Бартенева, книга II, стр. 98, въ 1728 г.; далѣе стр. 169—180, въ 1729 г.; книга 3 стр. 109, въ 1730 г., Поѣздки въ Слободу къ Успенью.

сительно ея, въ виду послѣдовавшихъ событій по ссылкѣ ея любимца Шубина, даже предполагавшей заточить ее въ монастырь, [44] но только ревностное, не безкорыстное, впрочемъ, заступничество Бирона спасло Елисавету отъ тѣснаго заточенія въ монастырѣ, но далеко не при свободѣ дѣйствій: безъ зову не являться къ Императрицѣ, предваряя ее просьбой о пріемѣ, воспрещалось ей дѣлать у себя ассамблей; [45] словомъ, жизнь полная стѣсненій, огорченій и вообще того натянутаго положенія, которое дѣлало ее не лучше монастыря.

Монастырь въ жизни Елисаветы, при всѣхъ переворотахъ тогдашняго Двора, являлся всегда для нея грозой, [46] при каждой перемѣнѣ правленія: при восшествіи матери на престолъ (1725 г.), составлялся заговоръ заключить ее съ матерью въ монастырь; при Петрѣ II Долгорукій, а преимущественно любимецъ его, Князь Иванъ Алексѣевичъ, неудачный искатель руки и сердца Елисаветы, мстилъ ей угрозой посадить въ монастырь (1729 г.), «ради, будто бы, ея непотребностей и безстыднаго поведенія»; при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ (1731 г.) та же доля; словомъ сказать, монастырь сталъ для нея какъ бы «предѣломъ, его же не прейдеши.»

И вотъ въ Слободу, не той уже развязной Елисаветой прибыла Цесаревна: теперь все пошло у ней тишь да гладь, да Божья благодать. Вдали отъ козней злополучнаго Двора и суетныхъ неистовствъ столицы, Цесаревна коротала дни свои, посвящая большую часть времени, подъ вліяніемъ грустнаго чувства, услаждающей мольбѣ: слушала заутрени, обѣдни и вечерни, ежедневно въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, монахини котораго [47] тогда были извѣстны, какъ и нынѣ, своимъ стройнымъ пѣніемъ и согласною службою; сама пѣвала тамъ дискантомъ, имѣя при

---

[44] Манштейнъ, перев. Мальгина. М. 1823 г., часть I, стр. 77.

[45] Семевскій, Елисавета Петровна до воцаренія. Русское Слово, 1859 г., Февраль, стр. 240—241.

[46] Тамъ же, стр. 223, 224 и 240.—Осьмнадатый вѣкъ, Сборн. Бартенева, книг. II: Записки Дюка Лирійскаго, стр. 111, 161, 186.

[47] Географическій Лексиконъ Россійскаго Государства, Миллера. Москва, 1773 г., стр. 6.

себѣ [48] въ бытность свою, онаго монастыря монахиню, старицу уставщицу Александру. Изъ ближняго къ монастырю дворца, извѣстнаго подъ именемъ Стараго (современника Царямъ Петру, Ѳедору и Алексѣю и т. д.), преданіе повѣствуетъ, что для нея въ оградѣ монастыря была пробита дверь, какъ видно нынѣ заложенная, и къ ней вела отъ дворца торная тропа черезъ, такъ называемый, Царскій лугъ. За церковью Богоявленія, Дьяконъ Христо-Рождественскаго Собора, О. Александръ, дѣдъ нынѣшняго Дьякона, Ѳедора Петровича, имѣющаго 80 лѣтъ, передавалъ внуку своему, что «онъ самъ нерѣдко видалъ въ обители, горячо молившуюся предъ образомъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, грустную Цесаревну.»

Такое душевное настроеніе побуждало Цесаревну и дома заниматься [49] чтеніемъ духовныхъ книгъ и бесѣдами съ сосѣдями обители, искренно радовавшейся ея посѣщеніямъ, памятуя вниманіе ея отца къ монастырю, облагодѣтельствованному многими его милостивыми Указами о хозяйственныхъ нуждахъ монастыря. Трудилась она и въ рукодѣліяхъ, вышиваніи разной церковной утвари, пряла шелкъ, ткала холсты. Къ тому ли времени, или гораздо позднѣе, послѣ ея вступленія на престолъ, принадлежатъ ризы шелковыя съ травами и золотыми оплечьями, съ таковымъ же стихаремъ и воздухами, хранящіяся въ церкви села Андреевскаго-Государева, [50] въ 17 верстахъ отъ Слободы Александровой, по большой Юрьевской дорогѣ и, какъ говоритъ мѣстное преданіе, еще въ тогдашнюю деревянную церковь онаго села пожертвованныя Цесаревною Елисаветою Петровною. Нѣтъ сомнѣнія, это вкладъ Цесаревны, и тщаніемъ ея, тѣмъ болѣе, что, даже во время своего царствованія, она была щедра для такихъ приношеній. [51]

Ходила она въ то время въ одеждѣ темнаго цвѣта и покрывалась таковаго же цвѣта шапочкой. Такъ коротала дни свои Цеса-

---

[48] Архивъ Кн. Воронцова. М. 1870, книга I, стр. 26 и 60.

[49] О пребываніи въ это время сообщено по разсказамъ монахини Успенской обители, Аполлинаріи, умершей, на 110 году отъ рожденія, назадъ тому 30 лѣтъ (это было въ 1857 г.).

[50] Сообщено Священникомъ онаго села, О. Авраамiемъ Аедоницкимъ.

[51] Семевскій, Елисавета Петровна до воцаренія. Русское Слово, 1859 г., Февраль, стр., 334, и Августъ 324.

ревна, и Елисавету узнать нельзя было: куда дѣвались и разгулъ и удальство!

Успенскій дѣвичій монастырь въ Александровой Слободѣ съ возникновеніемъ своимъ сталъ Государевымъ моленіемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ его неоднократно, какъ нарочно, такъ и по пути; объ этомъ свидѣтельствуютъ «Царскіе выходы». Тоже извѣстно и объ сынѣ его, Царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, во все время своего царствованія ежегодно посѣщавшемъ своимъ богомольнымъ шествіемъ эту любимую имъ обитель; послѣ него бывали въ ней и Царевна Софья съ Царемъ Иваномъ Алексѣевичемъ и сестрами, навѣщая ее на пути своихъ богомольныхъ поѣздокъ въ Переславль Залѣсскій, Суздаль, Ростовъ, куда постоянно шествовали и ея державные предки, равно дѣдъ, отецъ, братъ, обогащая обитель, какъ и всѣ Царевны и Царицы, своими Царскими вкладами. И такъ монастырь Успенскій гордился своими державными богомольцами и слылъ уже тогда подъ именемъ «Царскаго монастыря, Государева моленія». Но вотъ Царь Петръ Алексѣевичъ, [52] которому онъ извѣстенъ съ дней ранней его юности, когда онъ въ Александровой Слободѣ упражнялся съ Гордономъ и потѣшными въ конныхъ экзерциціяхъ, даетъ ему, въ началѣ своего царствованія, другое назначеніе, изъ почтеннаго молитвеннаго и съ вкладами по немъ его матери, Государева моленья, дѣлаетъ его Государевымъ заточеніемъ, мѣстомъ ссылки повинныхъ инокинь, и то, такъ сказать, именитыхъ по времени, или изъ особъ Царскаго семейства: ссылаетъ сестру свою инокиню Маргариту (Царевну Марѳу Алексѣевну), и ею открываетъ рядъ ссыльныхъ монахинь, во все свое царствованіе, изъ, такъ называемыхъ, секретныхъ, требовавшихъ крѣпкаго караула и строгаго дозора, какъ то: Варсонофію Казанскую, изъ Покровскаго дѣвичьяго монастыря въ Суздалѣ, Игуменью Марѳу и старицу Каптелину; но, не смотря на это, монастырь не лишенъ былъ особаго Царскаго вниманія, «состоя», въ царствованіе Петра Великаго, «особливо подъ собственнымъ призрѣніемъ Ея Величества, Императрицы Екатерины Алексѣевны, и безъ ея Указу, хотя бы и изъ монахинь, никого туда опредѣлить вновь не возможно». Петръ самъ, памятуя обитель, которую, разумѣется, навѣщалъ неоднократно въ

---

[52] См. мою статью: Петръ въ Александровой Слободѣ, въ Вѣстникѣ Политехнической выставки за 1872 г.

свое царствованіе, посылалъ милостивые указы и памяти, касающіеся хозяйственныхъ нуждъ монастыря, бывшаго при томъ все же въ значеніи ссыльнаго монастыря.

Современно посѣщеніямъ Елисаветы своей Слободы, была заточена, съ 15 Октября, 1727 г., по 18 Мая, 1728 г., въ этомъ монастырѣ именитая свояченица Князя Меньшикова, Варвара Михайловна Арсеньева, несчастная жертва паденія Меньшикова, ея давнишняя знакомая а, быть можетъ, и воспитательница, вмѣстѣ съ сестрой своей, Дарьей Михайловной, бывшей за Княземъ и наблюдавшей, по порученію Петра и Екатерины, за ихъ первородками-дочерьми, и, памятуя это, Цесаревна, бывая въ Слободѣ, навѣщала Арсеньеву, къ которой въ монастырь ѣзжала и жена Ивана Ивановича Бутурлина, урожденная Савелова, пріѣзжавшая туда изъ подъ Слободской вотчины тамъ жившаго своего мужа, с. Крутца, къ одной ближайшей своей родственницѣ. Состояніе монастыря въ то время, когда Слободу навѣщала Елисавета; наконецъ, когда часы скорби возбудили ревностное почитаніе ея святыни; словомъ, весь періодъ Елисаветина времени до ея кончины, постараемся изложить по найденнымъ документамъ въ монастырскомъ архивѣ, а главное по уцѣлѣвшимъ Описямъ за тѣ годы.

Успенскій дѣвичій монастырь, по Описи 1727 г., Мая 30 дня, обнесенный высокой каменной оградой, мѣрою 100 саж. въ длину и поперечья каждой изъ 4-хъ сторонъ, съ 4 по угламъ такими же башнями, изъ коихъ 3 съ деревянными ветхими кровлями, а одна не покрытая вовсе, вмѣщалъ въ себѣ 6 каменныхъ, крытыхъ тесомъ, церквей, съ десятью въ нихъ престолами, именно: 1) Успенская, съ главнымъ престоломъ во имя Успенія и придѣлами въ честь: Іоанна Предтечи и Маріи Египетской; 2) Живоначальной Троицы, съ предѣлами Сергія Радонежскаго и Симеона Богопріимца; 3) Покрова Богоматери; 4) Срѣтенская; 5) Ѳеодоровская на Святыхъ вратахъ, и 6) Распятская, съ высокой съ часами колокольней своеобразнаго рисунка по зодчеству.

Ни древность обители, ни прочный, въ обширныхъ размѣрахъ, стиль зодчества, далеко не возбуждали рачительнаго вниманія начальства обители къ внѣшнему благолѣпію: все было ветхо, начиная съ кровель, изъ коихъ одна только и была желѣзная; да и самое желѣзо обломалось, кирпичъ обвалился, камень тоже по стѣнамъ далъ разсѣлины отъ течи; словомъ сказать, обитель далеко была не въ цвѣтущемъ состояніи, обличавшемъ, напротивъ,

полную небрежность къ этому, нѣкогда въ исторіи достопамятному, мѣсту.

Подъ церквами, въ обширныхъ каменныхъ подвалахъ, нѣкогда темницахъ Грознаго, помѣщались хозяйственныя потребности обители; такъ, подъ Успенской была квасная, подъ Покровской трапеза, хлѣбенная и поваренная, а при Срѣтенской и больница для сестеръ, которыя и размѣщались по обители въ 50-ти каменныхъ и 10 деревянныхъ, крытыхъ тесомъ, кельяхъ, стоявшихъ глаголемъ, подъ прямымъ угломъ въ двухъ линіяхъ, въ которыхъ нѣкоторыя имѣли свое особенное назначеніе, на примѣръ: были кельи житныя, строителева, духовникова, игуменьина, черпальная (красильня для монашеской одежды), келарская; сзади ихъ нѣсколько деревянныхъ житницъ и скотный дворъ, въ описываемое время, на которомъ было 3 жеребца стоялыхъ, 52 рабочихъ лошадей и мереновъ, 60 кобылъ, подростковъ 22, и того 137 головъ, да рогатаго, крупнаго и мелкаго, скота 86 головъ, овецъ 34, и того 120 головъ; удобреніе его давало возможность вести сельское хозяйство на пожалованной оному монастырю пашни и съ пустошью 75 десятинъ «въ полѣ, а въ дву по тому жъ», тѣмъ болѣе, что оброчнаго хлѣба не было.

Пашня съ воздѣлываніемъ своимъ и уборкою произраставшихъ по ней хлѣбовъ, скудностью своихъ урожаевъ, далеко не удовлетворяла нужды обители.

Перечневая вѣдомость о посѣвѣ и приплодѣ разныхъ хлѣбовъ, съ 1721 по 1726 г. включительно, свидѣтельствуетъ, что сѣялось ржи 150 четвертей, овса 248 четвертей, пшеницы 4 четверти, ячменя 18 четвертей, гороху 3 четверти, сѣмя конопляного 1 четверть, гречи 1 четверть, и того 425 четвертей, а въ чистомъ приплодѣ въ обильный изъ этого 5-ти лѣтія, по урожаю, года, бывало 214 четвертей, а при неурожаѣ спускалось до 172 четвертей. Кромѣ того имѣлось ручное хлѣбное жалованье, по Указу, изъ Приказа Большаго Дворца, откуда и отпускалось ежегодно: ржи 1201 четверть, да за пшеницу и за ячмень и коноплю выдавалось рожью, четверть въ четверть, 87 четвертей и 4 четверика, да овса 368 четвертей и 4 четверика, всего разнаго хлѣбеннаго ручнаго жалованья 1656 четвертей. Сѣна накашивалось по 209 копенъ, кладя примѣрно каждую волоковую копну въ 5 пудъ съ небольшимъ тысяча пудъ, употреблявшаяся на кормъ содержимыхъ монастыремъ лошадей, и достаточнаго не бываетъ.

По этому производятся наемки сѣнныхъ покосовъ у сосѣднихъ владѣльцевъ, каковые покосы, равно и принадлежащіе монастырю, косятся наемными людьми; на остающійся въ приплодѣ скотъ и идущій въ бракъ покупается хлѣбъ въ недородные годы; къ тому же въ обыкновенный по урожаю благопріятный годъ расходъ обширенъ, кромѣ сестеръ обители, былъ: для работниковъ годовыхъ, понедѣльныхъ, поденныхъ, на кормъ до 283 четвертей ржи, на церковное обѣтованіе: просвиры, артосы, благословенные хлѣбы, пшеницы 8 четвертей; для сестеръ обители, для священства, живущаго при обители, на ея застольной (Дьяконовъ, Поповъ бѣлыхъ), для монашескаго чина, Строителя, Духовника, израсходывалось въ годъ ржи и всякаго яроваго хлѣба, 1427 четвертей и 4 четверика; на кормъ монастырскимъ лошадямъ употреблялось 134 четверти; а всего, какъ видно, расходовалось ежегодно 1852 четверти и 4 четверика; при такомъ расходѣ, разумѣется, въ остаткѣ ничего не имѣлось.

Въ уваженіе исключительнаго своего положенія, подъ покровительствомъ Екатерины Алексѣевны, обитель, кромѣ хлѣбнаго жалованья, по Указу Его Императорскаго Величества, со временъ Петра, 1711 г., изъ Камеръ-Коллегіи получала опредѣленное денежное жалованье, а равно за помолъ хлѣба, на своихъ мельницахъ для Государевыхъ въ Александровой Слободѣ кружечнаго двора, также и за пропускъ воды на тамошнія винокурню и пивоварню, ежегодно 1469 руб. и 10 коп. съ половиной; за рыбныя ловли по 2 руб., за пролубное мѣсто 10 руб., а всего 1481 руб. 10 коп. съ половиной. Этимъ денежнымъ окладомъ удовлетворялся слѣдующій расходъ: духовнымъ чинамъ на всякую потребу и одежду 43 р. 81 к. жалованья Духовнику 18 руб., Строителю 10 руб., бѣлымъ Попамъ и Дьяконамъ 56 руб., при чемъ какъ Попамъ, такъ и Дьяконамъ, равное, сестрамъ на пищу 244 руб. 85 коп., на церковныя потребы 226 руб. 88 коп., на церковные починки и на монастырское строеніе 77 руб. 26 коп. съ половиной, на покупку дровъ 298 руб. 88 коп., 82 человѣкамъ работниковъ годовыхъ, недѣльныхъ, поденныхъ, жалованья 165 р. 60 коп., на наемку покосовъ 100 руб., и на прочіе монастырскіе всякіе расходы 239 руб. 88 коп.; а изъ расходовъ этихъ тайныхъ и дававшихся слишкомъ явно разнымъ кормилицамъ отъ обители, приказному люду при духовныхъ Конторахъ, Синодальныхъ Правленіяхъ, почестье, памяти, посулы и поклоны знатному

Боярству, покровительствующему обители. Все чествовалось, разумѣется, исправно, а въ итогѣ всѣхъ расходовъ и выходили всѣ денежные оклады и доходы съ оброчныхъ статей, 1481 р. 16 коп. При монастырѣ Стряпчаго и слугъ не имѣлось; кромѣ Духовника былъ Строитель, отправлявшій обязанность Стряпчаго, а вмѣсто слугъ было приписано къ монастырю мужеска пола 113 душъ, пожалованныхъ въ 1716 г. для монашескихъ нуждъ Великою Княгинею Натальею Алексѣевною, сестрою Петра Великаго: они, исполняли разныя надворныя обязанности при обители и содержались на застольной отъ монастыря. Но обратимся къ самой обители.

Правила въ 1727 г. ею дряхлая Игуменья Евфросинія, съ соборомъ старицъ, изъ коихъ извѣстны: казначея старица Евсевія, уставщица Александра, головщица Августа, которыя и учиняли сію Опись 1727 года. Кромѣ того былъ рядъ старицъ, старѣйшихъ рядовыхъ сестеръ, каковыхъ съ монахинями крылошанками было, по Описи, 64 человѣка, бѣлицъ свѣщеносицъ 4 человѣка, монахинь простыхъ 296 человѣкъ, непостриженныхъ дѣвицъ, непостриженныхъ вдовъ, всего 33 человѣка, и того монахинь и бѣлицъ 399 человѣкъ. При обители, для нуждъ духовныхъ, былъ Духовникъ Іеромонахъ Паисій, а для требъ монастырскихъ и руководства монастырской экономіи и веденія разныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и переписокъ, Строитель Іона, оба взятые въ таковыя званія изъ сосѣдней Лукіяновой пустыни, имѣвшей, въ лицѣ Преп. Лукіяна, общаго основателя и даже какъ первоначальника для обѣихъ обителей. Для отправленія же церковныхъ службъ состояло при монастырѣ бѣлыхъ Поповъ 7, и Дьяконовъ 2.

Обозрѣвая матеріяльное благосостояніе монастыря укажемъ, что при обители было приписано крестьянъ въ Нижегородской Губерніи 105 дворовъ, оброку съ нихъ 204 рубля, да во Владимирскомъ Уѣздѣ съ 52 дворовъ 80 рублей, имѣнье для рыбной ловли въ близости Александровой Слободы, озера: Дичковское да Каринское, да въ рѣкахъ: Серѣ, Нюнчѣ, Печкурѣ по малому числу; мельницы двѣ: одна въ самой Слободѣ на каменной плотинѣ, а другая выше деревни Сноповой, пролубное по рѣкѣ Серѣ въ Слободѣ мѣсто, да разныя земельныя угодія. Всѣмъ этимъ владѣлъ монастырь безоброчно, пользуясь милостивыми Указами Царя Ѳедора, утвержденными, ради покровительства этой обители Екатерины, братомъ перваго и супругомъ второй, Петромъ Великимъ.

Монастырь, какъ видимъ, былъ обезпеченъ содержаніемъ, и многіе почитатели его святыни завѣщали погребать себя подъ его сѣнью; такъ въ концѣ 1727 г. подъ Троицкимъ его Соборомъ была погребена Казначея Царевны Маріи Алексѣевны, дѣвица Евѳимія Андреевна Львова, скончавшаяся 1727 г., Декабря 12 дня и, какъ надобно полагать, жившая въ обители, столь ревностно одаренной кладами ея Цесаревны.

Но Игуменьи Евфросиньи не стало; старица Казначея Евсевія, за ветхостью лѣтъ, отказалась, и сестры обители «излюбили» изъ своей среды въ Игуменьи монахиню Митрополію, и стала она Игуменьей съ 1729 г.

Любимецъ Царя Ѳедора Алексѣевича, благодѣтеля этой обители, просвѣщенный по времени его, Окольничій, Алексѣй Тимоѳѣевичъ Лихачовъ, памятуя своего Царя благодѣтеля, ревностно навѣщалъ сію обитель, столь имъ любимую, изъ своей Переславля-Залѣсскаго вотчины, въ память о себѣ пожертвовалъ Успенскому монастырю, въ 1729 и 1730 годахъ, въ настоятельство Митрополіи, древнія рукописи (уцѣлѣвшія и до сего времени), замѣчательныя какъ по историческому (лѣтописи, хронографы, повѣсти), такъ и по богословскому содержанію. Митрополія, какъ видно, на первыхъ порахъ ревностно относилась къ своему сану и соединеннымъ съ нимъ обязанностямъ и, блюдя нужды монастыря, доносила о ветхости кровель на его церквахъ, кельяхъ и башняхъ, и вотъ Коллегія Экономіи шлетъ 2660 рублей съ Указомъ изъ Синодальнаго Правленія, отъ 17 Сентября, 1731 г., за № 1007, на имя ея и того же Строителя Іоны, перекрыть ихъ въ два теса со скалою, а старое съ сихъ зданій употребить на отопленіе, а за стройкою надзирать Строителю. Въ слѣдствіе этого Указа приступлено было на означенную сумму къ работамъ, выполнить каковыя подрядился Ея Высочества Цесаревны Елисаветы Петровны Переславскаго Уѣзда Залѣсскаго оброчный крестьянинъ, Яковъ Буевъ, по предварительно заключенному съ Игуменьей и Строителемъ обители договору, взявъ новый подрядъ 28 Августа, 1731 г., «съ публичнаго по Адмиралтейскому Регламенту при горѣніи свѣчи торгу», перестроить вновь и покрыть противъ прежняго въ два теса съ скалою своими припасами и работными людьми да въ чернильной келіи (красильнѣ для монастырской одежды) бревенчатый потолокъ перестроить своимъ лѣсомъ и учинить конечно (т. е., окончить), въ нынѣшнемъ

1731 году, цѣною за 2660 рублевъ». Эта Игуменья была свидѣтельницей посѣщеній обители Цесаревной Елисаветой Петровной, и быть можетъ обязанъ и успѣхъ о просимыхъ нуждахъ пребывавшей около обители сокрушенной Цесаревнѣ, къ которой инокини обители, ободренныя ея добродушнымъ снисхожденіемъ, обращались за ходатайствомъ въ своихъ нуждахъ. Одно изъ таковыхъ ходатайствъ очерчиваетъ состояніе обители за это время. 26 Іюня, 1735 г., Императрица Анна Ивановна, въ бытность свою въ лѣтнемъ Царскомъ домѣ Троицко-Сергіевой Лавры, повелѣла ея Архимандриту, Варлааму, объявить Московскому Губернатору, Графу Семену Андреевичу Салтыкову, чтобы онъ кого пристойно послалъ въ Новой Александровой Слободѣ, въ Успенскій дѣвичій монастырь, взять изъ лампады, что есть надъ гробомъ тамъ почивающей Государыни Цесаревны, инокини Маргариты Алексѣевны, своей тетки, деревяннаго масла, которое повседневно горитъ, наливъ бутылку за печатью ея, Игуменьи, и прислать къ Ея Императорскому Величеству немедленно. Графъ Салтыковъ, по полученіи письма [53] о семъ отъ Архимандрита Лавры, Варлаама, съ изложеніемъ сего изустнаго приказанія Императрицы, немедленно послалъ въ Александрову Слободу, въ Успенскій дѣвичій монастырь, къ Игуменьѣ за масломъ сержанта Преображенскаго полка Петра Лакостова, который того же года 4 Іюля и явился въ монастырь къ Игуменьѣ Митрополіи.

Привезя бутылку съ масломъ, Лакостовъ доносилъ Графу Салтыкову слѣдующее: «Сего Іюля 4 пріѣхавъ я въ тотъ Успенскій дѣвичій монастырь, и того же времени со Игуменью Митрополіею пошли подъ церковь Стрѣтенія Господня, гдѣ гробъ блаженныя памяти Государыни Царевны, инокини Маргариты Алексѣевны, и сколько засталъ надъ гробомъ вмѣсто лампады, въ хрустальномъ стаканѣ, наложеннаго деревяннаго масла, оное вылилъ въ бутылку за печатью ея, Игуменьи, и при семъ и Вашему Высокографскому Сіятельству всепокорнѣйше объявляю. А оное масло, какъ я пришелъ подъ реченную церковь, не горѣло, а обрѣтающаяся въ томъ монастырѣ Игуменья Митрополія объявила, что масло не всегда горитъ, а зажигаютъ въ каждые буд-

[53] Изъ переписки Императрицы Анны Ивановны съ Московскимъ Губернаторомъ, Графомъ Семеномъ Андреевичемъ Салтыковымъ, въ Русскомъ Архивѣ 1873 г., № 9, стр. 1651—1652.

ніе дни въ обѣдню, въ праздникъ и въ Воскресные дни во всенощную и въ обѣдню, въ памяти Государскія во всѣ сутки, въ родительскія суботы во всѣ жъ сутки.»

6 Іюля Графъ Салтыковъ отправилъ бутылку эту при письмѣ къ Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ съ Кабинетъ-курьеромъ Мазолевскимъ. Упоминаемъ объ этомъ, какъ о событіи въ настоятельство Митрополіи.[54] Митрополія была, какъ видно изъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ повѣствованія, женщина сердитая, своенравная, корыстолюбивая, дѣлала только въ пользу себѣ, да кто при ней, «заодно обирала обитель съ Казначеей», которая у себя имѣла дѣвку-племянницу, «что много казны ею тратится во всякіе случаи», морила сестеръ обители съ голоду, утаивая часть оклада ихъ содержанія. Недовольныя сестры заявляли ей о перемѣнѣ Казначеи, но она того не учинила, а еще только пуще стала ругаться. Пошла смута. Сестры раздѣлились на партіи, за Игуменью Митрополію была слабѣйшая числомъ, но сильнѣйшая нахальствомъ дѣйствій, на противуположной сторонѣ все остальное число сестеръ обители, которыя, послѣ разныхъ безплодныхъ ходатайствъ, и порѣшили обратиться къ Цесаревнѣ, въ Москву, и тамъ подали ей, въ 1737 г., прошеніе.

Долго ли продолжалась скорбь Цесаревны, не извѣстно, но, по живому и легкому своему характеру, а, вѣроятно, съ появленіемъ новаго красавца, пѣвчаго Алексѣя Григорьевича, въ послѣдствіи переименованнаго въ Разумовскаго, вскорѣ замѣнившаго и Шубина, горе ея остыло, и Цесаревна возвратилась опять въ столицу, ко Двору, гдѣ жила крайне стѣснительно, въ виду подозрѣній Императрицы Анны Ивановны, навѣщая Слободу Александрову и Москву, а подъ нею свое Покровское, гдѣ, вѣроятно, и была принята эта просьба смятѣвшихся инокинь:[55]

«Всемилостивѣйшая и Превысочайшая, Всепресвѣтлѣйшая, Великая Государыня наша, Цесаревна Елисавета Петровна. Въ

---

[54] Что за побудительная причина руководила Императрицей Анной въ вытребованіи масла изъ лампады надъ гробомъ своей по отцу тетки, личная ли благоговѣйная память по усопшей, или внезапное освѣдомленіе о чествованіи памяти ея тетки въ обители, для изслѣдователя пока остается загадочнымъ, тѣмъ болѣе, что въ архивѣ монастыря о семъ затребованіи свѣдѣній не имѣется.

[55] Извлекаемъ это прошеніе изъ книги 1-й замѣчательнаго Архива Князя

милости превысокаго и всещедраго Бога желаемъ Вашему Государскому Высочеству въ благополучномъ пребываніи здравствовать въ предыдущія многія лѣта.

Общая наша надежда и радость и благоутробная мати! Просимъ твое богоподобное милосердіе Успенскаго дѣвичья монастыря, что въ Александровой Слободѣ, Вашего пресвѣтлаго Царскаго Высочества всенижайшія рабы и послѣднія сироты и богомолицы. Призри на наше убогое и бѣдное прошеніе, даруй намъ милостивое разсужденіе, о чемъ во истинну предлагаемъ, что мы Вашимъ Государскимъ жалованіемъ непремѣнно повсегодно пожалованы, и получаемъ на четыреста сестеръ, а насъ не имѣется столько, всѣхъ триста обрѣтается, и въ нынѣшнемъ 1737 годѣ съ великимъ трудомъ получили, и то Вашимъ равнобожескимъ милосердіемъ защищаеми; а въ синодствѣ увѣдомились, что не имѣется у насъ толикаго числа сестеръ и нынѣ для утайки; во истинну, ежели будутъ слѣдовать, за сколько лѣтъ не было вѣдѣнія о умершихъ монахиняхъ, то во истинну, вмѣсто жалованія, оштрафятъ, а насъ, убогихъ сиротъ, уморятъ, и Игуменья съ Казначеею будутъ всегда въ покоѣ. О чемъ, Всемилостивѣйшая Государыня наша, слезно просимъ: не остави насъ, бѣдныхъ и безпомощныхъ сиротъ, дабы и Игуменію въ томъ допросить, для чего она по Указу Императорскаго Величества не объявляла умершихъ монахинь и получала жалованіе девять лѣтъ на четыреста, гдѣ и куда употребляла четвертую ста часть, а насъ, бѣдныхъ сиротъ, съ голоду моритъ и до сего времени, что всѣ сторонніе окрестные жители слышавши, дивятся, что толикое число жалованья, а намъ во всемъ нужда и недостатки, что и въ Свѣтлую Недѣлю другой трапезы не велѣла поставить, о чемъ и Духовникъ ей говорилъ, что сестрамъ такая обида, и она сказала: Ежели, де, хочешь жить въ покоѣ и довольствѣ, то немного говори, и онъ нынѣ ни въ чемъ не воспрещаетъ. То мы, бѣдныя, видя такую неправду и конечное разореніе, стали говорить, что Строителя три года нѣтъ, а оный умеръ, и неволею за правду, и сыскали

Воронцова, стр. 59—62, слово въ слово, для пополненія его примѣчаніями, столь необходимыми для документальнаго значенія этого прошенія, особенно въ исторіи монастыря, а тѣмъ болѣе въ описываемую пору. Надѣемся, что на это извлеченіе не посѣтуютъ ни просвѣщенный владѣлецъ его, ни издатель.

монаха, который бы могъ управить нужды монастырскія, но Преосвященнѣйшій [56] долго удержалъ, и мы сокровеннымъ согласіемъ написать дерзнули къ Госпожѣ Аннѣ Ивановнѣ Головиной, [57] чтобы пособіе явила, а слышно намъ, что знаема къ Преосвященнѣйшему, и оное письмо (не допустило наше нещастіе, или воля Божія), до Игуменьи получилось, а писала старица Александра, которая, въ бытность Вашего Высочества, была при Вашей Превысокой Милости. И какъ прочитала оное письмо Варсонофія Ефимовна, [58] вельми на нее гнѣвалась, и такъ насъ всѣхъ устрашила, что хотя всѣ слышали, что правда писана, но всѣ отъ страха ея не могли и единаго слова вымолвить. И во истинну, Всемилостивѣшая Государыня, не токмо что въ томъ часѣ жалостно на нее было смотрѣть, которая писала, и нынѣ слезно помянуть, что всѣ роптали о неправдѣ, а едину страдать оставили; только Пульхерія по прочтеніи выдернула письмо, и госпожа Варсонофія Ефимовна, [59] безъ милости во истинну била ее по лицу и

---

[56] Безъ сомнѣнія, одинъ изъ Архіереевъ, правившихъ Московской Епархіяльной каѳедрой, къ которой принадлежала, въ духовномъ отношеніи, Переславль-Залѣсскаго провинція, какъ часть Московской Губерніи, вѣроятно, одинъ изъ преемниковъ Стефана Яворскаго, быть можетъ, Митрополитъ Сарскій и Подонскій, или Епископъ Коломенскій. Перечень Епархіяльныхъ Архіереевъ Московской каѳедры въ интересномъ очеркѣ въ исторіи, составленной Секретаремъ Московской Духовной Консисторіи, Н. П. Розановымъ.

[57] Анна Ивановна Головина, жена Сергѣя Автономовича Головина, дочь Генералъ-Аншефа Ивана Ивановича Бутурлина, жившаго еще въ то время, какъ прежде было сказано, въ своей вотчинѣ, с. Крутцѣ, подъ Слободою, и благодѣтельствовавшаго Успенской обители, будучи на столь ей преданы, что даже оба Головины, т. е., супругъ съ супругой, погребены въ Александровскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ, рядомъ съ ними, и погребенъ тесть перваго и отецъ второй, самъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. См. Село Новоспаское и родословная Головиныхъ, сочин. П. С. Казанскаго. М. 1847 г., стр. 132. Россійская родословная книга Князя П. В. Долгорукаго, часть вторая, стр. 159, 160, и часть третья, стр. 108.

[58] Объ ней въ моей статьѣ: «Ссыльныя монахини Александровскаго Успенскаго женскаго монастыря», къ которой, въ виду этихъ новыхъ данныхъ о характерѣ и роли госпожи Варсонофіи Ефимовны Казанской, нельзя не добавить слѣдующаго: Варсонофія пережила своего гонителя, Царевича Алексѣя Петровича, сославшаго ее въ Успенскій дѣвичій монастырь въ 1708 г., гдѣ она, какъ видимъ изъ этого документа, пребывала еще въ 1737 г. и въ продолженіи 30-лѣтняго въ немъ житія, какъ видно, не была чужда вліянія на монастырскій обиходъ, пользуясь даже значеніемъ, что стано-

по головѣ посохомъ своимъ. А случилось сіе, Государыня, въ соборной церкви, да и въ цѣпи морили [59] ихъ двои сутки и плѣтьми били Пульхерію, да еще Варсонофія Ефимовна стала грозить Князь Иванъ Юрьевичемъ, [60] чтобъ [61] намъ, Милостивая Государыня,

---

вится понятнымъ, тѣмъ болѣе, что Варсонофія «грозитъ Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ», слѣдовательно, была извѣстнымъ сильнымъ въ мірѣ семъ въ тогдашнюю пору. Существующій въ прошеніи пропускъ (что и заявляетъ издатель) не убѣждаетъ насъ въ одномъ, что можно легко предположить: не была ли Варсонофія и Игуменьей? И такимъ образомъ изъ опальной старицы стала «излюаленной самой обителью Игуменьею-госпожею! Съ гибелью ли гонителя перевернулось и ея житье бытье? Или, быть можетъ, Игуменья, выбранная дѣйствительно по актамъ, какъ видно, бывшая въ то время Митрополія, была подъ вліяніемъ Варсонофіи, застращавшей ее своими именитыми знакомцами, благодѣтелями въ то же время и монастыря; а по тому она такъ самоуправно и роспоряжается въ обители, не щадя своихъ рукъ и клюки. Игуменья надменно встрѣчаетъ замѣчаніе Духовника, вмѣшательство канцеляриста духовныхъ дѣлъ, словомъ, даетъ произвольнымъ дѣйствіямъ своимъ, какъ въ пищѣ сестрамъ обители, такъ и въ казнѣ монастырской, полнѣйшій просторъ. На сколько имѣли значеніе Варсонофія и Митрополія не только въ Успенскомъ монастырѣ, но и въ сосѣднемъ—Лукіановой пустыни, назначавшей изъ среды своей сестрамъ Успенской обители Духовниковъ и Строителей, а также въ то же время и Стряпчихъ, видно изъ того, что въ Синодикѣ Лукіяновой пустыни на поминъ души изъ старицъ и Игуменій Успенской обители, ни кто не внесены, кромѣ Митрополіи и Варсонофіи Ефимовны Казанской. См. о ней въ статьѣ Семевскаго: Сторонники Царевича Алексѣя Петровича, въ Библіот. для чтенія 1861 г. №№ 5 и 6.

[59] Въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ были темницы для ссыльныхъ монахинь, которыя, безъ сомнѣнія, въ подвалахъ были, до сихъ поръ цѣлыхъ, въ два яруса подъ Успенской церковью; сложены онѣ изъ бѣлаго камня съ темными узкими камерами, по которымъ и днемъ пройти нельзя иначе, какъ со свѣчой; въ одномъ изъ нихъ стоитъ стулъ, къ которому приковывали желѣзной цѣпью съ такимъ же ошейникомъ. Мѣстное преданіе, быть можетъ и шаткое, относитъ ко временамъ Грознаго обитателя Слободы, Царя Ивана Васильевича, этотъ стулъ, пребыванію котораго дѣйствительно современны эти подвалы - темницы, въ которыхъ онъ находится, но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ имѣть въ виду, что во всѣхъ почти монастыряхъ, а тѣмъ болѣе женскихъ, въ XVII и XVIII в., были заведены такія стулья съ желѣзною цѣпью и ошейниками, на которыхъ строгія Настоятельницы обители смиряли строптивыхъ своихъ инокинь, повинныхъ не въ обыденныхъ грѣхахъ ихъ отшельнической жизни. (Памятники древняго художества въ Россіи, изд. А. А. Мартынова, текстъ И. М. Снегирева. 1854 г., т. I, стр. 17 и 18). И вотъ въ какихъ желѣзахъ цѣпи морила двое сутокъ смятѣвшихся инокинь!!...

[60] Князь Иванъ Юрьевичъ, безъ сомнѣнія, Генералъ-Фельдмаршалъ Трубецкой,

во истинну Князь Иванъ Юрьевичъ обители весьма благодѣтельствуетъ, а ежели бъ и онъ слышалъ подлинно, то бы разсудилъ, что куды такая казна употребляется. Мы, Всемилостивѣйшая Государыня, выбирали ее въ общую пользу всѣ, а она только себѣ, да кто при ней, тѣ по вся дни во истинну прохладны, и просто явить, чтобъ она и мы говорили, чтобы Казначею перемѣнить, что Казначея имѣетъ у себя дѣвку племянницу, что много ею казны тратится во всякія случаи, и того не учинитъ, только ругается пуще, и мы просимъ, Всемилостивѣшая Государыня, чтобы намъ, бѣднымъ сиротамъ, не помереть только съ голоду. А о четвертой части соизволь, Государыня, досмотръ учинить и слѣдствіе, и ежели соизволишь допросу быть, то яви равнобожескую милость, чтобы безъ подкупу и правду разсмотрѣть, и чтобы насъ Варсонофія Ефимовна всѣхъ также не стала бить своею клюкою, что и Пульхерію, или, какъ лучше соизволитъ твое Царское Величество, одну Александру старицу допросить, хотя въ Москву взявши, что свободнѣе станетъ правду доносить, и ни что же ложно явится, что мы всѣ видимъ и слышимъ, а говорить не смѣемъ ничего, но дерзнули нынѣ просить мы обще вси бѣдныя сироты, кромѣ тѣхъ, которыя при нихъ довольны. Не презри, Премилосердая, не остави, Милостивая Государыня, что негдѣ намъ, бѣднымъ сиротамъ, милости просить и получить кромѣ единаго Бога и твоего равнобожескаго милосердія. И о томъ приходилъ въ трапезу канцеляристъ духовныхъ дѣлъ, Гаврило Ивановъ, чтобы слѣдствіе учинить въ такой полученной излишней казнѣ, и Игуменья съ будильщицами только подсмѣяла его, что у насъ никому казны не счести. Всемилостивѣйшая Государыня, не яви наше бѣдное прошеніе и не прогнѣвайся на наше дерзновеніе, во истинну что въ самой горести и бѣдѣ просимъ твое Высочество убогія старицы и всенижайшія рабы ваши и

вліятельное лице царствованія Императрицы Анны. Родной его братъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Юрій Юрьевичъ былъ женатъ на Ольгѣ Ивановнѣ Головиной, двоюродной сестрѣ Сергѣя Автономовича Головина, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ родственныхъ отношеній, совмѣстно съ Головиной, урожденной Бутурлиной, Анной Ивановной, благодѣтельствовалъ. Родословная Головиныхъ, стр. 131. Село Новоспасское, стр. 127.

[61] Въ подлинникѣ на этомъ мѣстѣ оканчивается вторая страница и начинается третья; очевидно, тутъ пропускъ. См. Архивъ Князя Воронцова книга I, стр. 60, примѣчаніе внизу.

всегдашнія богомолицы: Августа головщица, Евграфа, Есфирь, Пульхерія, Аѳанасія, Епифанія и прочія не именованныя и отъ старѣйшихъ рядовыхъ сестеръ бывшая Казначея Евсевія, Пелагея, Варсонофія, Инокентія, Таисія, Иринарха, и вси о семъ прошеніи на твои предражайшія Государскія ножки со слезами припадаемъ.»

Внявшая ихъ слезному прошенію, Царевна дала ему должное движеніе, и оно безъ подкупа и по правдѣ досмотрѣно, и по тому не осталось безъ послѣдствій. Московская Синодальнаго Правленія Канцелярія затребовала Опись, и вотъ она является отвѣтомъ, хотя и черезъ два года, но достаточно выражающимъ состояніе обители за смутное время, изложенное въ просьбѣ монахинь. Упоминаемый въ прошеніи умершій Строитель въ 1733 г., или 34 г., былъ значащійся въ этомъ званіи, какъ видно въ Описи 1727 и 1731 гг., котораго, вѣроятно, и замѣнилъ Строитель Трифилій, являющійся въ Описи 1739 г., а Духовникомъ видимъ уже Виктора, а не Паисія, упоминаемаго въ 1727 г.

Вѣдомость затребованная составлена въ Октябрѣ 1739 г. Игуменьей Митрополіей съ сестрами о Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Александровой Слободѣ, «противъ присланной изъ Коллегіи Экономіи ѳормы въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію», и въ ней значится: Игуменья 1, Казначея 1, а всѣхъ съ ними монахинь 252, изъ коихъ 3 схимонахини, 52 бѣлицы, а всего 312 человѣкъ; Духовникъ Викторъ получаетъ жалованія 15 рублей, Строитель монахъ Триѳилій, отправляющій монастырскія и стряпческія дѣла—10 рублей, и оба пищу повсядневно получаютъ изъ монастыря; Поповъ 7, каждому по 7 рублей и по 7 четвертей ржи и овса; Дьяконовъ 2, и каждому тоже жалованіе, а Пономарей 5 человѣкъ изъ Поповскихъ дѣтей; служителей при монастырѣ 113, церквей каменныхъ 6 съ 10 престолами, 42 каменныхъ келіи, и 5 деревянныхъ, и такихъ же 5-ть житницъ; далѣе прописаны жалованные пашни, покосы, руга и денежное жалованіе— тѣже, что и по Описи 1727 г., и наконецъ двѣ мельницы, «и на этихъ Слободскихъ мельницахъ — въ Александровской слободѣ на каменной плотинѣ и повыше на Сноповской» Опись заявляетъ, что «мелются припасы Царевны Елисаветы Петровны, въ той Слободѣ къ винному куренію и пивному варенію, и причтено за оный помолъ и за пропускную воду на винокуренный дворъ по сту рублей намъ выдавать,» и на Соповской тоже въ томъ же числѣ, и на Старо-Сло-

бодской на монастырской обиходъ.» Во всемъ прочемъ опись эта является почти точною копіею съ таковой въ 1727 г.

Однако же, Опись во всякомъ случаѣ должна была убѣдить въ правотѣ челобитія; но подкупы, которыхъ такъ боялись просительницы, должно быть взяли верхъ, или Цесаревна мирволила за что либо, и Игуменья Митрополія осталась еще надолго настоятельствовать съ надеждою на еще большее самовластье въ добрѣ и «казнѣ,» обители.

Въ этотъ промежутокъ челобитія смятѣвшихся инокинь и учиненія Описи, по требованію Московскаго Синодальнаго Правленія, Успенская обитель, въ настоятельство той же Игуменьи Митрополіи, погребла въ стѣнахъ своихъ, подъ сѣнью Троицкаго собора, прахъ ближайшаго сосѣда монастыря, его благодѣтеля, именитаго птенца Петра, I-го, а тогда опальнаго Генералъ-Аншефа, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Подполковника, Ивана Ивановича Бутурлина, мирно скончавшагося въ родовой своей, сосѣдней съ Слободою, вотчинѣ, с. Крутцѣ, 31 Декабря, 1738 г., гдѣ онъ въ опалѣ проводилъ закатъ дней своихъ.

Вѣчная память запечатлѣлась о немъ въ обители нѣкоторыми вкладами: въ ризницѣ до сего времени уцѣлѣло серебренное большое съ фамильнымъ гербомъ блюдо съ вырѣзанною монограммою: И. И. Б. Нѣтъ сомнѣнія, что былъ присланъ «для покормки» обычный харчъ на поминъ души новопреставленнаго, былъ данъ богатый покровъ и ризы, которыхъ въ ризницѣ въ достаточномъ числѣ, и особенно немало замѣчательныхъ по изяществу рисунка, богатству украшенія и памяти замѣчательныхъ вкладчиковъ.

Денежнаго вкладу не было, а по тому больше Митрополіи не чѣмъ поживиться; и вотъ она, ободренная благопріятствующими обстоятельствами, молчаніемъ Канцеляріи Московскаго Синодальнаго Правленія, быть можетъ, ублаженной ея посулами и поклонами съ почестьями, затормозившими правдивый голосъ челобитія, подаетъ, въ 1741 г., отъ себя опять Доношеніе въ Правительствующій Сенатъ о ветхостяхъ тѣхъ же кровель церквей, крытыхъ, однако же, тесомъ, а иныхъи вовсе не покрытыхъ храмахъ, что видно по одновременно при ней же составленной въ Іюнѣ 1741 года, Описи монастыря и его зданій, именно: церквей, и колокольни, и всему ветхому строенію каменному и деревянному; въ ней перечислены церкви и зданія, въ подробности каждое, сопровож-

даемое таковою о немъ отмѣткою: Крыша деревянная, ветха, желѣзо обломилось, кирпичь обвалился, камень тоже, на стѣнахъ разселины (трещины) отъ течи, а все больше отъ давности лѣтъ.»Вообще состояніе монастыря описано въ отношеніи его стройки, снаружи, въ жалкомъ ветхомъ видѣ. Эта Опись, вмѣсто съ обычною «противъ присланной формы» въ сихъ случаяхъ вѣдомостью о монастырѣ, учиненною въ томъ же Іюнѣ, того же 1741 г., представлены отъ Игуменьи Митрополіи и сестеръ въ Московскую Духовную Декастерію, для подкрѣпленія настоятельныхъ нуждъ по ея доношенію, о назначеніи «кошта» на возобновленіе и исправленіе рухнувшейся обители.

Не смотря на то, что странно, какъ могли въ 10-ть лѣтъ сгнить кровли, доношеніе осталось небезплоднымъ: черезъ два года изъ Коллегіи Экономіи выслано 4000 руб. на починку ветхостей, для коихъ, прежде высланныхъ въ 1731 году, 2660 рублей не оказалось и счету. Разумѣется, эти присылки Игуменьѣ Митрополіи, все еще настоятельствовавшей, были на руку, которую, вѣроятно, поддерживала Елисавета, такъ какъ назначеніе и присылка послѣдовали въ первый же годъ ея царствованія, именно: 25 Генваря, 1743; на второй же годъ она сама поспѣшила навѣстить монастырь: «1744 г., 6 числа Марта, т. е., во вторникъ, Ея Императорское Величество, во 2-мъ часу по полудни, изволила изъ Троицкаго монастыря путь воспринять въ Александрову Слободу, въ разстояніи 40 верстъ отъ Троицкаго монастыря, при пушечной пальбѣ, въ провожаніи Преосвященнаго Архіерея Крутицкаго, Платона, и оного монастыря Архимандрита (извѣстнаго ея любимца, Арсенія Могилянскаго [62] и Наслѣдника (вѣроятно, Ѳеодосія Янковскаго [63] и, прибывъ, въ 6-мъ часу на исходѣ по полудни въ ту Слободу, изволила кушать во дворцѣ; 7-го числа Ея Императорское Величество изволила, со всею своею свитою, изъ дворца шествовать въ имѣющійся при той Слободѣ, Успенскій дѣвичь монастырь, гдѣ встрѣчена отъ Игуменьи, съ прочими монахинями, предъ святыми воротами, изволила быть въ Успенскомъ соборѣ, прикладываться къ иконамъ и слушать литургію въ Троицкомъ соборѣ и послѣ нея жаловала Игу-

[62] Историческое описаніе Св. Троицкой Сергіевой Лавры. М. 1865 г., стр. 140.

[63] Лѣтопись Намѣстниковъ, Келарей, Казначеевъ, Ризничихъ, Экономовъ, Библіотекарей Св. Троицкой Сергіевой Лавры, составленная Библіотекаремъ Св. Троицкой Сергіевой Лавры Іеромонахомъ Арсеніемъ. Сбп. 1868 г., стр. 4.

менью и монахинь къ рукѣ. Послѣ того изволила ходить въ келью къ Игуменьѣ и возвратилась во дворецъ кушать, и послѣ кушанья изволила паки возвратиться въ Троицко-Сергіевской монастырь.» [64] Обитель вновь увидѣла свою благодѣтельницу, уже не ищущей въ стѣнахъ ея пріюта, а со славою грядущей Императрицею, принимать которую выпало опять на долю Игуменьѣ Митрополіи, видѣвшей ее въ злополучные дни. Митрополію обласкала Императрица, допустила къ рукѣ, и это лобзаніе, вѣроятно, еще надолго закрѣпило ихъ приязнь. Митрополія торжествовала; къ тому же обители предстояло, въ слѣдствіе посѣщенія Императрицы, сдѣлаться извѣстной, стать «въ случаѣ» для богомольныхъ путей и доброхотныхъ вкладовъ благодѣтелей той поры. Ожиданія оправдались Одинъ изъ близкихъ къ Императрицѣ Елисаветѣ вельможъ ея царствованія, Баронъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, почтилъ обитель богатымъ вкладомъ въ 1753 году, именно: далъ большое Евангеліе въ доскахъ, облаженное серебряннопозлащеннымъ окладомъ изящной работы.

Но и Митрополіи не стало, и старицы обители стосковались о забвеніи къ нимъ Императрицы, и стали молить о своей скудности, прося разрѣшить сестрамъ обители «излюбить изъ своей среды достойную Игуменью.»

Скорбь инокинь услышана. Императрица, къ облюбованному ею еще въ горкіе дни ея жизни монастырю, въ любезной для нея вотчинѣ Слободѣ шлетъ ея Царскій Указъ, отъ 16 Мая, 1754 года, [65] изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, за подписью сво-

---

[64] Камеръ-фурьерскіе журналы. Отрывки 1744 г., статья Петрова въ Осьмнадцатомъ вѣкѣ, Сборникѣ Бартенева, книга I, стр. 55 и 56, и Камеръ-Фурьерскіе журналы за 1744 г., печатный экземпляръ Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ.

[65] Дѣйствительно Кабинетная записка была собственноручно подписана 16 Мая, 1754 г., Министромъ Кабинетъ-Секретаремъ Императрицы, Барономъ Иваномъ Антоновичемъ Черкасовымъ. Дѣлаемъ эту оговорку въ виду того что всѣ біографы его и составители родословныхъ: (Князь Долгорукій, Россійск. Родосл. книги II, 279; Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятн. людей, М. 1836 г., т. V, стр. 260; Рубанъ, Описаніе С.-Петербурга съ 1703 по 1751 г., Спб. 1799 г., на стр. 406, 407 и 412,) называютъ днемъ и годомъ его кончины 21 Ноября, 1752 годъ. Этотъ же годъ изъ сочиненія Рубана перешелъ подъ № 30, стр. 92, и въ Хронологическій списокъ, приложенный къ Описанію Александроневской Лавры. Спб. 1842 г. Между тѣмъ изъ

его довѣреннаго Министра, Кабинетъ-Секретаря, Барона Ивана Черкасова слѣдующаго содержанія: «Изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, Успенскаго дѣвичьяго монастыря, что въ Александровской Слободѣ, Игуменьѣ съ сестрами, или кто Игуменьино мѣсто содержитъ. Сего Мая 13 дня Ея Императорское Величество, при отсутствіи своемъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, пожаловала въ оный монастырь на милостыню вамъ съ сестрами двѣ тысячи рублевъ, которыя при семъ и посланы. Того ради имѣете вы оныя деньги у посланнаго принять съ роспискою. Что же онаго монастыря монахини просили о Игуменьѣ, и о томъ Ея Императорское Величество указала быть по ихъ прошенію, и выбрать по своему произволенію, и кто выбрана будетъ, о томъ прислать извѣстіе для доложенія Ея Императорскому Величеству.»

Обрадованныя сестры обители, не столько денежному вкладу, столь крупному по времени, сколько праву излюбленія изъ своей среды Игуменьи, что на соборномъ сходѣ, и поспѣшили выполнить, избравъ изъ своей среды монахини этой же обители, старицу Есѳирь, и едва ли не ту, которая подписала къ Елисаветѣ, еще Цесаревнѣ, прошеніе, поданное въ 1737 году. О выбранной Игуменьѣ дано знать, согласно Указу Кабинетной записки, Ея Император-

---

дѣлъ Государственнаго Архива видно, что лѣтъ пять спустя, т. е., въ 1757 г., Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ не только былъ въ живыхъ, но еще завѣдывалъ Кабинетомъ. О раздѣлѣ его имущества между дѣтьми имѣются свѣдѣнія въ томъ же Архивѣ за 1761 г.. И такъ (и это очень важно для занимающихся историческими розысканіями) опечатка у Рубана, перешедшая въ біографіи и генеалогіи о Черкасовѣ, несомнѣнна. Быть можетъ, онъ умеръ въ 1759 г. и, по ошибкѣ, или по неясности цифры, принимали 9 за 2. Въ 1757 г., именно 12 Ноября, составлена была при немъ опись казенныхъ вещей, взятыхъ изъ дому его и состоящихъ изъ вещей фарфороваго завода по Шлиссельбургской дорогѣ, доселѣ находящейся въ завѣдываніи Кабинета, который И. А. Черкасовъ сдавалъ А. В. Олсуфьеву, заступившему, по его убѣжденію, его мѣсто Кабинетъ-Министра. Въ Іюнѣ 1757 г. онъ велъ переписку съ Кондоиди, Президентомъ Медицинской Коллегіи, о своей болѣзни, о которой присылала нарочныхъ справляться Императрица Елисавета Петровна. Годъ рожденія Ивана Антоновича показывается біографами и генеологами тоже несогласно съ надгробной надписью, гласящей 1692 г., а у нихъ 1690 г. См. изслѣдованіе его біографа, Барона Бюлера, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1870 г. № 1, стр. 19 — 21, въ его статьѣ: «Два эпизода изъ царствованія Екатерины II,» столь обильной рядомъ знаменательныхъ указаній на сочиненія, доступныя ограниченному кругу воздѣлывателей отечественной исторіи.

скому Величеству, около которой обитель нашла уже заступника и въ нуждахъ ходатая, новаго помѣщика близъ Слободы, вотчинной жалованнаго Камергера и Кавалера, Василія Ивановича Чулкова, знакомаго, еще въ малыхъ придворныхъ должностяхъ: истопника, тафель-декера, метръ де гардеропа, съ Слободою и ея обителью.

Сказано — сдѣлано, и новый Владыка Переславскій, красавецъ и любимецъ Императрицы Елисаветы, Арсеній (Могилянскій), Епископъ Переславскій и Дмитровскій и Архимандритъ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря,[66] до сего Архимандритъ Троице-Сергіевой Лавры, въ семъ званіи посѣщавшій съ Императрицей въ 1744 г. Слободу и ея обитель, рукоположилъ Успенскому монастырю, выбранную его сестрами Игуменью Есѳирь, 23 Генваря, 1755 года, въ чемъ и выдана ей ставленная грамота, въ коей, между прочимъ, значится слѣдующее: «благословили мы избранную и утвержденную, въ силу имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго Указа, объявленнаго черезъ Дѣйствительнаго Камергера и Кавалера Василія Ивановича Чулкова, Епархіи нашей Александровскаго Успенскаго дѣвичьяго монастыря, монахиню Есѳирь, въ оный же дѣвичь монастырь во Игуменьи, въ который игуменства чинъ нами оная монахиня Есѳирь Маія 13 дня, 1754 года, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ церкви Воскресенія Христова, на подворьѣ нашемъ, что слыветъ Ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новаго Іерусалима именуемаго, монастыря, и произведено....» при чемъ ей, Есѳири, этой грамотой предоставлялось: «имѣть въ хожденіи въ церковь, въ трапезу и по монастырю, гдѣ приличествуетъ, посохъ игуменскій и стоять во

---

[66] Объ Арсеньѣ Могилянскомъ и Переславской Епархіи въ древней Руси и о возстановленіи ея въ царствованіе Елисаветы Петровны см. Древнюю Русскую Виѳліофику, Новикова, изданіе 2, томъ XIX. М. 1791 г., стр. 407—411, статью. Историческое извѣстіе о Переславской Залѣсской Епархіи. — О Переславлѣ Залѣсскомъ,сочин. Гр. Хвостова, изданіе 2. М. 1823 г.—Древній и нынѣшній Переславль Залѣсскій, статья Савельева-Ростиславича, въ Сынѣ Отечества 1848 г. Іюнь. Сообщены также нѣкоторыя свѣдѣнія въ О. Іоасафа Церковно-Историческомъ описаніи Владимирскихъ достопамятностей. Владимиръ, 1857 г., и въ статьѣ Ранга: Хронологическій списокъ Архіереевъ, управлявшихъ Суздальскою и Владимирскою Епархіями отъ водворенія Христіянства въ Россіи до настоящаго времени, во Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, неоффиц. части 1867 г. № 40, и 1868 г. № 15, тоже въ VI выпускѣ Трудовъ Владимирскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

время молитвословія соборнаго въ отлику и предпочтеніе передъ другими Епархіи нашея Игуменьями, на коврѣ, и тѣмъ довольствоватися»; и далѣе: «Вручися ей сія наша Настоятельская грамота, рукою нашею написанная и печатью запечатанная, въ Ставропигіальномъ Воскресенскомъ, Новымъ Іерусалимомъ именуемомъ, монастырѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7263, а отъ Рождества Христова 1735 г., мѣсяца Генваря 23 дня.» [67] Сталъ монастырь съ излюбленной Игуменьей еще болѣе подъ непосредственнымъ покровительствомъ Императрицы, наслѣдовавшей его въ свое вѣдѣніе совмѣстно съ вотчиной отъ матери Императрицы Екатерины, по волѣ Петра, имѣвшей обитель эту, какъ видѣли мы выше, «подъ особливымъ собственнымъ призрѣніемъ Ея Величества.»

Ставленіе Есѳири во Игуменье—послѣднее событіе, завершающее современную Елисаветѣ хронику Успенскаго дѣвичьяго монастыря; по крайней мѣрѣ ни печатанные источники въ исторической литературѣ, и ни какіе документы въ архивѣ обители, не заявляютъ ничего такого, что́ бы касалось до монастыря въ остальное время царствованія Елисаветы, обратившей въ ту пору свою державную милость на украшеніе Слободы новымъ обширнымъ зданіемъ и памятникомъ благочестія.

III.

Александрова Слобода не была забыта Елисаветой Петровной въ счастливые дни ея царствованія: такъ, черезъ два года послѣ вступленія ея на престолъ, Елисавета вспомнила о Слободѣ, и въ огромной линеѣ, [68] съ мѣстами и столомъ внутри, обитой зеленымъ сукномъ, съ пышной свитой, въ составѣ которой ей сопутствовали: Преосвященный Архіерей Крутицкій Платонъ, Св.-Троицкой Сергіевой Лавры Архимандритъ, извѣстный въ послѣдствіи ея любимецъ, Арсеній Могилянскій, Намѣстникъ его и Лавры, вѣроятно, Ѳеодосій Янковскій, счастливецъ А. Г. Раз-

---

[67] Кабинетная записка и ставленная грамота хранятся въ архивѣ монастыря и напечатаны съ сохраненіемъ по возможности правописанія подлинника.

[68] Московская Оружейная Палата. М. 1850, стр. 261, подобная для поѣзда въ Москву на коронацію употребленной. См. Спб. Вѣдомости 1742 г. № 20.

умовскій, Воронцовъ и прочій случайный людъ ея великолѣпнаго двора и начинавшагося царствованія. Съ блестящею роскошью выѣзжала Императрица во главѣ этого громаднаго поѣзда, во вторникъ, 6 числа Марта, 1744 г., въ 2 часа по полудни, или, какъ выражается современный Камеръ-Фурьерскій журналъ, [69] «изволила имѣть шествіе» изъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Александрову Слободу, по древней еще прежде коротко извѣстной ей, дорогѣ, у которой прилегающихъ деревень жители чрезвычайную радость выражали: всякъ спѣшилъ взглянуть на желанную матушку-Царицу и принарядить ея торжественный путь въ свою вотчину. Молодые елки, поставленныя по обѣимъ сторонамъ зимняго пути, представляли подобіе аллей, въ селеніяхъ же мужчины становились по одной сторонѣ дороги, а женщины по другой, а отъ церквей въ селахъ Дерюзинѣ, Слотинѣ и Коринскомъ, въ преднесеніи хоругвей, выходившее на встрѣчу къ ней духовенство, повсемѣстно оглашавшіе крики ликующаго народа, терявшіеся въ оглушительномъ трезвонѣ колоколовъ; словомъ, все это неслось за Императрицей на всемъ ея пути въ Слободу, куда она и прибыла «по полудни, въ исходѣ 6 часа», сдѣлавъ, такимъ образомъ, въ 4 часа времени 42-хъ верстный путь, перемежавшійся привѣтомъ народа и встрѣчами духовенства, а въ Слободѣ, ознаменовавшійся восторгомъ всѣхъ ея жителей и молебнымъ пѣніемъ духовенства и Игуменьи съ сестрами Успенской обители, выступившихъ по Московской дорогѣ на встрѣчу Императрицѣ при въѣздѣ въ свою Слободу, по большой Московской улицѣ.

Императрица, какъ повѣствуетъ Камеръ-Фурьерскій журналъ, [70] изволила вступить въ началѣ въ церковь Рождества Христова, тогда еще деревянную, но все таки главную въ Слободѣ, на торговой ея сторонѣ, гдѣ нынѣ стоитъ великолѣпный Христо-Рождественскій соборъ, въ коемъ, въ благодарственномъ молебствіи, какъ Царица, такъ и жители Слободы, въ большинствѣ

---

[69] Камеръ-фурьерскіе журналы, отрывки 1744 г., стр. 67, статья Петрова въ Осьмнадцатомъ вѣкѣ, Сборникѣ Бартенева, книга 1-я, стр. 55 и 56, и Камеръ-фурьерскіе журналы за 1744 г, стр. 9.—Лѣтопись Намѣстниковъ и т. д. Св. Троицкой Лавры, состав. Библіотекаремъ оной Іеромонахомъ Арсеніемъ. Спб. 1868 г., стр. 4.—Историческое описаніе Св. Троицкой Сергіевой Лавры. М. 1855 г., стр. 140.

[70] Камеръ-фурьерскіе журналы, отрывки 1744 г., статья Петрова въ XVIII вѣкѣ, стр. 9.

видцы ея прежняго пребыванія въ Слободѣ, приносили теплыя молитвы ко Всевышнему за помощь «на сопротивныя», радуясь въ душѣ, что видятъ свою матушку-Царицу не одной лишь хозяйкой Слободы, но Повелительницей всей уже матушки Россіи. Восторженные крики, ликованіе, народныя толпы, сопровождали шествіе ея въ противостоящій дворецъ (гдѣ теперь на этомъ мѣстѣ домъ Протоіерея онаго собора, Іякова Миловскаго), знакомый ей дворецъ, скромный свидѣтель горести былаго.

Во дворцѣ ожидали ее хлѣбъ-соль отъ жителей Слободы, поднесенная старшимъ Бургомистромъ Слободской Ратуши, а около дворца кишѣла любопытная толпа посадскихъ молодцовъ и молодокъ, ждавшихъ только милостиваго слова отъ бывалой ихъ собесѣдницы, чтобъ, не смотря на дни поста и молитвы, утѣшить ее по прежнему, грянувъ пѣсню удалую про Матушку Царицу да про Русь Святую, сторонку родную. Принявъ радостный поклонъ отъ Слобожанъ, Елисавета изволила кушать вечернее кушанье со своею свитою, къ которой уже въ Слободѣ примкнулъ и, такъ еще недавно возвратившійся изъ Камчатки, нѣкогда счастливецъ, затаенный другъ сердца ея, теперь повелительницы и благодѣтельницы, вновь пожалованный Генералъ-Поручикъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, получившій подъ Слободою бывшую вотчину Князя Ромодановскаго, доставшуюся, послѣ Князя, его дочери, Екатеринѣ Ивановнѣ, по мужѣ Графинѣ Головкиной, по которому у нея конфискованной и ему Царскою милостью пожалованной, по особой грамотѣ. [71] Худой, блѣдный и изнуренный мученическими лишеніями, Шубинъ своимъ видомъ помрачалъ только блескъ великолѣпной свиты Императрицы и, сознавая всю тягость своего положенія, послѣ колѣнопреклоненнаго благодаренія передъ Елисаветой, спѣшилъ изъ дворца домой въ стародавшее ему любезное Горьево. [72] Шумное столованье, разнообразность

[71] Эта, имѣющаяся у меня, грамота будетъ напечатана въ Очеркѣ жизни А. Я. Шубина.

[72] Отъ Александровой Слободы въ 12 вер., въ приходѣ с. Рюминскаго. До днесь великолѣпная усадьба съ домомъ, обширными барскими хоромами, строенія конца XVIII в., и чуднымъ тѣнистымъ паркомъ. Домъ носитъ какъ по архитектурѣ снаружи, такъ и отдѣлкою внутри, слѣды величія вельможнаго барина прошлаго вѣка. Къ Горьеву мы возвратимся въ статьѣ нашей объ А. Я. Шубинѣ.

«кумпаніи», Архіерей, и Архимандритъ, подгулявшіе придворные: слегка Разумовскій, съ сватомъ и другомъ, Отцомъ Дубянскимъ [73] Духовникомъ Императрицы; словомъ сказать, весь дворцовый людъ не слыхалъ ужь голосистыхъ пѣвицъ, ретиво выводившихъ свои трели подъ окнами дворца во время Царицынаго вечерняго кушанья.

Слѣдующій день, [74] начиная съ утра, былъ посвященъ посѣщенію Успенскаго монастыря. 7-го числа, повѣствуетъ Камеръ-Фурьерскій журналъ, въ 11 часу по полуночи, Ея Величество изволила, со всею своею свитою, изъ дворца шествовать въ оный монастырь. Время, въ немъ проведенное, описано въ предшествовавшей главѣ; но великолѣпіе выхода Императрицы, между восторженными привѣтствіями, громкими ура ликовавшихъ жителей Слободы, въ большинствѣ очевидцевъ ея былаго житья-бытья, между ними сановитость красавицы Царицы, очаровательный видъ молодцовъ изъ ея свиты, въ родѣ черноокаго дивной красоты Разумовскаго, предшествіе ей маститаго Архіепископа, съ двумя красавцами Архимандритами въ полномъ торжественномъ облаченіи, громогласное пѣніе Рожественскаго клира, роскошь наряда придворнаго штата, шествіе по широкой Московской улицѣ, запруженной народомъ изъ окрестностей Слободы, не говоря уже объ ея жителяхъ, всѣ эти блестящія обстановки жаждали только кисти художника. Таже картина предстала вновь при обратномъ шествіи Императрицы изъ монастыря во дворецъ, съ добавленіемъ только сопутствія ей сестеръ съ Игуменьей обители на малое разстояніе. Во дворцѣ изволила кушать обѣденное кушанье со всею свитою, разгулявшеюся не нашутку, забывъ уставъ поста, подъ бойкій напѣвъ удалой пѣсни голосистаго хора Слободскихъ пѣвицъ, заводившихъ уже по прежнему хороводы въ глазахъ Царицы, выглядывавшей изъ окна, и тѣмъ какъ бы поощрявшей ихъ восторгъ свиданія съ нею. Хмѣльное винцо да Мартовское пивцо кружала Слободскаго, щедрою рукою, по Царской милости, разносилось ликующей толпѣ, среди которой уже слышались зычные крики, дикіе возгласы... и все это только и утихало при плѣнительномъ взглядѣ матушки-Царицы, спѣшившей въ Лавру. Того же числа по полудни, въ 3 часу, въ ис-

[73] Осьмнадцатый вѣкъ, кн. II, стр. 275—276.

[74] Камеръ-Фурьерскіе журналы 1744 г.

ходѣ, повѣствуетъ Камеръ-Фурьерскій журналъ, [75] Ея Величество изволила шествовать изъ Александровой Слободы, и въ 8 часу, въ половинѣ, при тѣхъ же проводахъ народа по пути, освѣщенному ночью горѣвшими смоляными бочками, возвращалась въ Троицкій монастырь.

Это шествіе было, какъ видно изъ Камеръ-Фурьерскаго журнала и другихъ источниковъ, первое и послѣднее въ ея царствованіе, тѣмъ болѣе, что мѣстное преданіе не сохранило въ памяти своей никакой другой еще ея поѣздки, за все время ея царствованія, которое для Слободы не осталось безслѣднымъ. Быть можетъ, не въ это ли посѣщеніе были заложены тѣ памятники ея Царскаго вниманія къ Слободѣ, которые до нынѣшнихъ дней являются свидѣтелями въ бывшей ея вотчинѣ.

Въ первые годы своего царствованія Царица украсила Слободу построеніемъ около монастыря каменнаго храма, тезоименитаго своему Ангелу, Захарія и Елисаветы, что нынѣ придѣлъ у церкви Преображенія, до сего времени стоящій въ Слободѣ, причетъ которой, состоя, въ родѣ придворнаго, на ругѣ, съ царствованія Елисаветы Цесаревны до 1818 г., получалъ жалованье изъ Конюшеннаго Вѣдомства, въ вѣдѣніи котораго до того состоялъ построенный, также ея повелѣніемъ, Конный заводъ, окончательно отстроенный въ 1745 г. и принадлежавшій, по своему составу, внѣшнему виду и удобству размѣщенія, какъ отзывались современники и знатоки коннозаводства, «къ первѣйшимъ въ Европѣ.» [76]

Въ двадцатилѣтнее царствованіе Елисавета оказала много милостей Слободскимъ обывателямъ, которые, ободренные ея былой лаской и добродушнымъ обхожденіемъ, въ своихъ нуждахъ прямо относились къ ней. Въ послѣдніе его годы родился въ Слободѣ Александровой Михаилъ Матвѣевичъ Снегиревъ, [77] извѣстный Про-

---

[75] За 1744 г. по отрывкамъ, сообщ. Петровымъ и по экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

[76] Описаніе Коннаго завода будетъ предметомъ особой статьи

[77] Михаилъ Матвѣевичъ Снегиревъ, отецъ извѣстнаго Профессора Императорскаго Московскаго Университета, Ивана Михайловича Снегирева. Къ крайнему сожалѣнію, намъ не извѣстенъ годъ рожденія его и на какомъ году скончался, 16 іюня, 1821 г., а погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ въ Москвѣ. Свѣдѣній о томъ не имѣется ни въ Библіографическомъ Словарѣ Имп. М. Университета 1855 г., часть 2, стр. 420, ни въ Воспоминаніяхъ Снегирева, въ Русскомъ Архивѣ ва

фессоръ Императорскаго Московскаго Университета, котораго она даже была воспріемницей. На ряду съ этой извѣстностью Слободы въ дни ея царствованія Слобода была родиной двухъ, въ послѣдствіи знаменитыхъ, Іерарховъ нашей Церкви: такъ у Дьякона Александровой Слободы, Пономарева (въ бытность его Пономаремъ, вѣроятно, при Захарьевско-Елисаветинской церкви) родился, въ 1747 г.,[78] сынъ Петръ, въ послѣдствіи Павелъ Пономаревъ, Архіепископъ Ярославскій († 1824 г.);[79] а у Священника Успенскаго дѣвичьяго монастыря въ Слободѣ, Сергія Логиновскаго, 22 Іюня, 1747 г., родился сынъ Стефанъ, въ послѣдствіи извѣстный Серапіонъ Александровскій, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій († 1814.) Въ окрестностяхъ Слободы, въ ближнихъ селахъ, также въ ея царствованіе, родились не менѣе извѣстные представители Церкви: въ 1742 г., 30 Ноября, въ погостѣ Стоговѣ, у Священника Іоанна Подобѣдова, родился сынъ Андрей, въ послѣдствіи извѣстный Амвросій Подобѣдовъ, Митропо-

---

1866 г., стр. 559 и 516, гдѣ сказано только: «батюшка увидѣлъ свѣтъ въ Александровѣ, въ то время, когда тамъ, въ Успенскомъ монастырѣ, пребывала Царевна Елисавета Петровна, крестная отца моего.» Между тѣмъ какъ въ Словарѣ сказано, что онъ родился въ послѣдніе годы ея царствованія, что и вѣроятнѣе. Ни объ годѣ рожденія и возраста, ни этого недоумѣнія, не могъ намъ ни сообщить, ни разъяснить, біографъ и библіографъ Снегирева, А. Д. Ивановскій, бывшій библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки и издатель его сочиненій.

[78] Владимирскія Епархіяльныя Вѣдомости, 1871 г., № 16, неоффиц. часть, стр. 350. Есть свѣдѣніе, что онъ родился въ 1749 г., именно въ Лѣтописи Намѣстниковъ, Келарей, Казначеевъ, Ризничихъ, Экономовъ и Библіотекарей Сергіевой Лавры, стр. 9.

[79] Павелъ Пономаревъ изъ Александровой Слободы, Дьяконовъ сынъ, род. въ 1749 г., учился въ Троицкой Семинаріи и былъ потомъ въ ней Учителемъ; постриженъ въ монашество въ Іюнѣ 1775 г., а 28 Августа того же года опредѣленъ Намѣстникомъ Лавры. Бывши Намѣстникомъ, составилъ подробное и первое печатное историческое описаніе Троицко-Сергіевой Лавры (Спб. 1782 г. въ 8), имѣвшее нѣсколько изданій. Въ 1782 г. опредѣленъ Ректоромъ Московской Академіи и Архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря, въ 1783 г., Ноября 27, переведенъ, въ качествѣ Настоятеля, въ Симоновъ монастырь, откуда 13 Октября, 1785 г., въ Воскресенскій, а 14 Генваря, 1786, въ Новоспасскій; 20 Марта, 1794 г., рукоположенъ во Епископа Нижегородскаго; 26 Октября, 1798 г., переведенъ въ Тверскую Епархію, а въ Маѣ 1799 г. пожалованъ Архіепископомъ; далѣе, 15 Генваря, 1800 г., переведенъ въ Ярославль, гдѣ и скончался 19 Марта, 1806 г. Въ Настоятельскихъ покояхъ Новоспасскаго монастыря сохраняется портретъ Преосвящ. Павла Пономарева (Лѣтопись Намѣстниковъ и т. д. стр. 9).

литъ Новогородскій и С.-Петербурскій († 21 Мая, 1818),[80] а въ селѣ Алексинѣ, у Священника Смирнова, въ 1759 г., родился сынъ Михаилъ Смирновъ, въ послѣдствіи Архіепископъ Псковскій († 2 Февраля, 1851 г.).[81]

Подъ Слободою, въ царствованіе Елисаветы, разселился новый помѣщичій людъ: изъ потомковъ же древняго боярства, въ родѣ Бутурлиныхъ, остались, послѣ злополучнаго отца, Ивана Ивановича Бутурлина, его дѣти: Юрій, Николай, Сергій и Аркадій,[82] послѣдній любимецъ Елисаветы, счастливыхъ дней ея, пожалованный ею въ Дѣйствительные Камергеры и Кавалеры ордена Св. Анны, словомъ, взысканный всѣми ея милостями преимущественно передъ прочими братьями. Они всѣ рѣдко навѣщали опальное село Крупецъ, гдѣ короталъ такъ безропотно дни свои ихъ маститый старецъ-отецъ. Елисавета, награждая сына, хотѣла изгладить изъ памяти его ошибку матери своей, въ семъ дѣлѣ подчинившейся исключительно вліянію Меньшикова, тѣмъ болѣе, что они были близкіе родные Александру Борисовичу Бутурлину, пользовавшемуся исключительною ея милостью, нечуждой непосредственнаго вліянія этого нѣкогда раба ея сердца, на закатѣ дней своихъ стяжавшему отъ Елисаветы Графство

---

[80] Превосходно составленная біографія его Профессоромъ Чистовичемъ напечатана, съ его портретомъ, въ Странникѣ, духовно-учено-литературномъ журналѣ за 1860 г., въ книжкѣ за Май, отд. 1, стр. 149, за Іюнь, отд. 1, стр. 217, но требуетъ она нѣкоторыхъ дополненій, которыя и надѣемся со временемъ напечатать.

[81] Меѳодій Смирновъ, Архіепископъ, уроженецъ Владимирской Губерніи, воспитанникъ Троицкой Семинаріи, въ послѣдствіи Ректоръ Московской Академіи и Архимандритъ, сначала Заиконоспасскаго монастыря, потомъ Новоспаскаго съ 1794 г. Членъ Святѣйшаго Синода, съ 1795 г. Епископъ Воронежскій, съ 1799 г. Тульскій, съ 1803 г. Архіепископъ Тверской; переведенъ въ 1814 г., въ Псковъ, гдѣ и скончался 21 Февраля, 1815 г., погребенъ подъ Соборомъ (Святыни и древности Пскова, Графа М. Толстого. М. 1861 г. Приложенія, стр. 18). Въ этой книгѣ онъ ошибочно названъ уроженцемъ Владимирской Губерніи, села Кожанки, такъ какъ такого названія во всей Владимирской Епархіи не имѣлось и не имѣется.

[82] Родословная книга, Кн. Долгорукаго, часть II. Спб. 1855 г., стр. 159—160, №№ 168—171. Добавимъ въ ней генеологическія свѣдѣнія слѣдующими-Дѣйствительный Камергеръ и Кавалеръ Св. Анны, Аркадій Ивановичъ Бутурлинъ (№ 170) † 28 Апрѣля, 1775 г.; дочь его, Настасья Аркадьевна, Бутурлина—дѣвица † 12 Декабря, 1807 г.; оба погребены въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ подъ холоднымъ Троицкимъ Соборомъ, рядомъ съ отцомъ перваго и дѣдомъ второй, Иваномъ Ивановичемъ Бутурлинымъ.

и званіе даже Генералъ-Фельдмаршала, не смотря, по отзывамъ современниковъ, на всю неспособность его къ ратному дѣлу.

Макарова же съ восшествія на престолъ Елисаветы уже не было на свѣтѣ († 28 Ноября, 1740 г.), а оставшееся по немъ потомство заключалось, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, въ единственномъ сынѣ, Петрѣ, по инымъ же, и въ другомъ, Михаилѣ. Петръ Алексѣевичъ род. 1718 г., крестникъ Петра Великаго, и въ честь его тезка, служилъ въ полку, заболѣлъ и, въ чинѣ Подполковника, получилъ оставку больной (31 Марта) и вскорѣ, 7 Мая, 1759 г., отдалъ Богу душу, оставивъ взрослыхъ сыновей: Николая и Алексѣя, значительное состояніе и домъ въ Петербургѣ, откуда рѣдко ѣздилъ навѣщать свою вотчину и роскошную усадьбу Балакирево, а также с. Богословское. [83]

Дѣйствительно, подъ Слободой не осталось въ дни царствованія Елисаветы никого изъ тѣхъ птенцовъ ея отца, съ которыми она, въ бытность еще Цесаревной, съ полнымъ восторгомъ вспоминала объ ихъ благодѣтелѣ. Появился рядъ новыхъ помѣщиковъ въ конфискованныхъ вотчинахъ, рядъ тѣхъ случайныхъ людей, которыми такъ богато ея царствованіе: въ усадьбѣ именитаго Князя-Кесаря Ромодановскаго жилъ уже Генералъ-Поручикъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, счастливецъ царственныхъ дней Елисаветы, выѣзжавшій оттуда въ другія свои вотчины для любезной только охоты; въ вымороченомъ достояніи древней отрасли угасшаго Княжескаго рода Гагиныхъ и Велико-Гагиныхъ,[84] селѣ Тимоѳѣевскомъ, проживалъ нерѣдко новый владѣлецъ вотчины, тоже случайный человѣкъ царствованія Елисаветы, вышедшій изъ истопниковъ въ Генералъ-Аншефы, дряхлый Василій Ивановичъ Чулковъ, со смертью своей благодѣтельницы рѣже навѣщавшій Петербургъ, а съ кончиною Петра III окончательно поселившійся въ свой усадьбѣ, селѣ Яковлевѣ, гдѣ предавался страстно любимой имъ псовой

---

[83] Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія, не извѣстныя до сего времени, именно: фамильныя бумаги, проливающія новый свѣтъ на происхожденіе А. В. Макарова и его семейства, даютъ намъ возможность со временемъ сообщить много важныхъ документовъ, какъ о немъ, такъ и объ его родѣ, пользуясь переданнымъ семейнымъ архивомъ.

[84] Смотри о Гагиныхъ и Велико-Гагиныхъ въ Россійской Родословной книгѣ, Кн. Долгорукаго, часть IV, стр. 356—357. Въ нашемъ собраніи имѣется интересная выпись изъ писцовыхъ книгъ 1629 о вотчинахъ одного изъ Князей Велико-Гагиныхъ, именно Князя Степана Ивановича Велико-Гагина, въ числѣ коихъ упоминаются и выше означенныя имѣнія.

охотѣ и матеріяльнымъ заботамъ по устройству имѣнія и немалочисленной родни, какъ своей, такъ и женниой. Около этихъ двухъ, такъ сказать, свѣтилъ, какъ около кометы ея спутники, гнѣздились въ своихъ деревенькахъ людишки той поры, выведенные въ таковые вліяніемъ либо сильнаго ходатая, либо личною службою. Вся эта придворная челядь запасалась клочкомъ земли въ окрестностяхъ Слободы, изъ подвѣдомственныхъ дворцовыхъ вотчинъ которой и вели свой несановитый родъ. И до сего времени въ тѣхъ мѣстахъ (въ Александровскомъ Уѣздѣ) уцѣлѣли, на ряду съ потомствомъ Чулкова и Шубина, также Нестеровы—потомки въ царствованіе Елисаветы Камеръ Фурьера Сергѣя Нестерова, и Редриковы—потомки Капитана Редрикова, удостоившагося, въ царствованіе Елисаветы, пировать свою свадьбу во дворцѣ ея, въ Петербургѣ, 13 числа Ноября, 1756 г., съ придворною дѣвушкой Императрицы, находившейся у шитья Ея Величества кружевъ.[85]

Хотя смилостивившаяся Елисавета и возвратила бывшую дочь Князя-Кесаря изъ вольной ссылки, Графиню Екатерину Ивановну Головкину, послѣ смерти ея мужа въ Сибири (10 Ноября, 1755 г.), но твердая супруга возвратилась уже не въ прежнюю свою приданную вотчину, гдѣ, на радушныхъ обѣдахъ своего отца, Князя Ромодановскаго, нерѣдко встрѣчалась съ Елисаветой, еще Цесаревной, съѣзжавшейся съ Княземъ послѣ удачнаго отъѣзжаго поля, на которомъ тѣшился теперь уже новый владѣлецъ, А. Я. Шубинъ, пожалованный Императрицей той вотчиной послѣ конфискаціи его, до ссылки еще Гр. Головкина. И эта прежняя знакомая Императрицѣ, даже нѣкоторымъ образомъ въ свойствѣ съ нею въ своемъ помѣстьѣ, не могла болѣе встрѣтиться съ нею, а поселилась въ Москвѣ, на Никитской, въ обширномъ домѣ, растворявшемся нѣкогда Петру и такъ долго запертымъ въ отсутствіи родовой почтенной хозяйки своей. [86]

Дворцовыя подъ Слободою волости, какъ ближнія, такъ и дальнія, что нынѣ Александровская и Андреевская волости, поступили, съ учрежденіемъ Коннаго Завода, изъ Вотчинной Канцеляріи Цесаревны въ вѣдѣніе Конюшеннаго Управленія онаго, въ непосредственное распоряженіе Шталмейстера, подъ вѣдомствомъ Дворцовой

---

[85] Камеръ-Фурьерскіе журналы, веденные Камеръ-Фурьеромъ Сергѣемъ Нестеровымъ: въ нихъ въ 1745, стр. 233, упомнается онъ, а Редриковъ въ 1756 г.

[86] Графиня Головкина, соч. Хмырова. Спб, 1867 г., стр. 233–234.

Конюшенной Канцеляріи; Государева же десятинная пашня обработывавшаяся на обиходъ Цесаревны, со вступленіемъ на престолъ, перешла на довольствіе фуражемъ Коннаго Завода, которому изъ оной часть земли была обращена непосредственно въ собственность для подножнаго корму и водопоя; въ послѣдствіи же часть оной десятинной пашни, по приказанію Императрицы Елисаветы, была роздана дворцовымъ крестьянамъ, до уничтоженія завода (1817 г.) слывшимъ подъ именемъ Конюшенныхъ и извѣстныхъ подъ этимъ именемъ до и сего времени въ народѣ, хотя на офиціяльномъ языкѣ по вѣдомостямъ и значатся подъ именемъ дворцовыхъ, удѣльныхъ, крестьянъ-собственниковъ: крестьяне, за таковую прибавку, повышены были наложеніемъ на нихъ денежнаго оброка, кромѣ издѣльныхъ работъ, соединенныхъ съ исполненіемъ нуждъ заводскаго хозяйства. Слободской дворецъ Цесаревны [87] запустѣлъ послѣ посѣщенія, въ 1744 г., своей царственной хозяйки, и долго, долго стоялъ ни кѣмъ не занятой, пригодившись, съ учрежденіемъ въ Александровой Слободѣ города Александрова, въ 1778 г., Сентября 1-го дня, подъ квартиру высшему представителю правительственной власти въ городѣ, первому Городничему, Осипу Яковлевичу Ильину. [88]

Но это случилось уже послѣ смерти Императрицы Елисаветы († 25 Декабря, 1761 г.), отъ которой Александрова Слобода, какъ бы по наслѣдству, перешла къ ея племяннику и стала значиться вотчиной Императора Петра III, [89] одновременно со вступленіемъ его на Всероссійскій Престолъ.

Н. С. Стромиловъ.

Александровъ
Владимирской Губерніи.

---

[87] Mémoires du Prince Pièrre Dolgoroukoff, t. 1, page 48, повѣствуютъ, яко бы Шубинъ получилъ себѣ въ подарокъ отъ Императрицы домъ, который она себѣ выстроить велѣла, т. е., дворецъ. Это ошибочное извѣстіе. У Шубина (по преданію) былъ свой домъ въ Слободѣ; большое мѣсто его, какъ указываютъ, нынѣ принадлежитъ купцамъ Барановымъ, около казеннаго зданія Присутственныхъ Мѣстъ, на главной площади, противъ дворца Цесаревны, можетъ быть своей усадьбой занимавшей и это мѣсто.

[88] Полное собраніе Россійск. Государ. Законовъ т. XX, №№ 14787 и 14790. Портретъ О. Я. Ильина сохраняется въ имѣніи его родной внуки, Г. П. Изъѣдиновой (урожд. Ильиной), въ Селѣ Давыдовскомъ, Юрьевъ-Польскаго Уѣзда Владимирской Губерніи.

[89] Въ 1762 г. таковою вотчиною Петра III значится Слобода Александрова по архивнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ М. Д. Хмыровымъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

I.

Какъ жили прежніе богатые помѣщики?

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія жилъ въ Москвѣ отставной Премьеръ-Маіоръ Екатерининскихъ временъ, Петръ Александровичъ Собакинъ, 75-тилѣтній старикъ, владѣлецъ 12-ти т. душъ крестьянъ въ Нижегородской и частію Орловской Губерніяхъ, старинный столбовой Дворянинъ, родословная котораго начиналась со временъ Ивана IV. * Онъ былъ въ родствѣ, по первой супругѣ своей, Княжнѣ Голицыной, съ Князьями этой фамиліи, а по своему родословію, съ Князьями Шаховскими, Сибирскими, Хилковыми и Кропоткиными, съ тогдашнимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Козодавлевымъ, съ Дворянами: Соковнины-ми, Барноволоковыми и Мещериновыми, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойными Князьями: Юсуповымъ и Кольцовымъ-Масальскимъ, также съ богатымъ Саратовскимъ помѣщикомъ Лихачовымъ; имѣлъ характеръ сильный, твердый, неуступчивый и гордый, съ привычками и обычаями временъ Императрицы Екатерины II; одѣвался въ костюмы ея временъ: Французскіе кафтаны, камзолы, штаны и шелковые чулки; обувался въ башмаки съ дорогими пряжками, пудрился и носилъ косу на затылкѣ. У него былъ домъ на Кузнецкомъ мосту (что нынѣ Горлецкаго); тогда тутъ былъ господскій трехъ-этажный домъ съ двумя одноэтажными флигелями и съ огромнымъ пустыремъ, обнесеннымъ каменнымъ заборомъ, выходившимъ на двѣ улицы, Рождественку и Софійку. Два этажа этого дома, средній и верхній, были великолѣпно убраны, особенно средній или, такъ называемый, бель-этажъ,

* Это подтверждается Исторіею Карамзина, изъ которой извѣстно, что супруга Царя Ивана Васильевича Грознаго, Царица Марѳа Васильевна Собакина, скончалась въ Александровской Слободѣ и погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

въ комнатахъ котораго были камины разныхъ родовъ мрамора, и на нихъ и на стѣнахъ помѣщались богатые разныхъ видовъ стѣнные и столовые, бронзовые и иные, дорогіе часы; множество дорогихъ мраморныхъ статуй и бюстовъ, старинная золоченная мебель, поверхности которой: шкафы, комоды и столы, во вкусѣ того времени, украшались отличными разноцвѣтными мраморными досками; картинъ хотя было немного, но онѣ были отличныхъ Итальянскихъ художниковъ, а окна были драпированы богатыми разноцвѣтными шелковыми занавѣсами, величиною своею доходившими до полу. Но лучшее и богатѣйшее украшеніе противъ всего этого былъ фамильный образъ Спаса Нерукотвореннаго, въ поларшина вышины и полторы четверти ширины, отличной иконописи на доскѣ, украшенный брильянтами и разными драгоцѣнными камнями, помѣщавшійся въ литомъ изъ серебра кіотѣ, вышиною въ два аршина и шириною въ аршинъ, изображавшемъ золотое вокругъ его сіяніе и поддерживаемый многими ангелами, который цѣнили, даже по тогдашнему времени, болѣе нежели во сто тысячь рублей ассигнаціями. Въ кладовой хранилось, въ трехъ огромныхъ сундукахъ, нѣсколько десятковъ пудовъ фамильнаго столоваго и чайнаго серебра. У него былъ великолѣпный оркестръ музыки, которымъ славился онъ въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, имѣлъ отличный хоръ пѣвчихъ, была огромная дворня и было прекрасное подмосковное селеніе, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ столицы, съ отличнымъ Англійскимъ садомъ, хорошими оранжереями, каменною церковію и колокольнею, совершенно похожими по архитектурѣ на Каменноостровскую въ С. Петербургѣ, и съ множествомъ въ саду и рощѣ изящной архитектуры зданій, храмовъ и храмиковъ въ честь миѳологическихъ боговъ, бесѣдокъ, кіосковъ и гротовъ, называемое «Тишково», а въ упомянутыхъ имѣніяхъ своихъ, въ трехъ селахъ: Воскресенскомъ, Богородскимъ и Владимирскомъ, и по преимуществу въ первомъ, самъ Собакинъ жилъ истинно барски. Такъ, въ праздники: Св. Пасхи, Троицы и въ день своихъ имянинъ—Петра и Павла, на канунѣ вечеромъ, предъ всенощною, иллюминовалъ онъ двѣ огромныя тамъ деревянныя церкви плошками съ низу до верху, такъ что весь фасадъ ихъ былъ буквально въ огнѣ, на верху же, противъ главъ, устанавливались двѣ огромныя, досчатыя, выкрашенныя подъ малиновый бархатъ, короны, съ изображеніемъ въ срединѣ ихъ вензелевыхъ его имени и фамиліи буквъ и иллюминованныхъ ослѣпительнымъ огнемъ; въ Троицынъ же день эти

церкви, образа и стѣны въ нихъ убирались съ низу до верху гирляндами и вѣнками изъ цвѣтовъ и множествомъ деревьевъ разныхъ названій, разставленныхъ внутри ихъ, весь полъ былъ изобильно усыпанъ цвѣтами; а передъ начатіемъ благовѣста ко всенощной и заутрени, въ эти праздники происходила пальба изъ пушекъ, и дѣлано было 101 выстрѣлъ, и, тогда только ударяли въ колоколъ, и крестьяне какъ перваго села, такъ и двухъ другихъ, а равно изъ ближайшихъ деревень обоего пола, были собраны и находились уже въ этихъ двухъ церквахъ. Божественная служба была торжественная: ее совершали соборнѣ Протопопъ и три Священника, при двухъ Дьяконахъ; пѣвчіе пѣли великолѣпно, исполняя произведенія Бортнянскаго и другихъ лучшихъ композиторовъ, а самъ Собакинъ любилъ пѣвать на одномъ крылосѣ съ Дьячками. На утро, послѣ совершенія литургіи, опять то же число выстрѣловъ изъ пушекъ, и также за обѣдомъ, во время котораго пѣвчіе пѣли разные концерты, при окончаніи коего, по пропѣтіи ему многолѣтія, опять тѣ же выстрѣлы, равно въ Крещенье и въ Спасъ-Нерукотворенный, въ которые строилась въ селѣ Воскресенскомъ, на рѣкѣ Ветлухѣ, красивая Іордань, гдѣ происходило торжественное водоосвященіе, на коемъ онъ самъ присутствовалъ.

Во всѣ названные праздники онъ принималъ, предъ обѣдомъ, молодыхъ сыновей Священниковъ и Дьяконовъ, прибывшихъ къ своимъ отцамъ изъ Семинаріи, подносившихъ ему рацѣи или поздравительныя рѣчи, которыя они произносили ему, за что награждалъ ихъ деньгами; а по выходѣ изъ за обѣденнаго стола вступалъ на обширнѣйшій дворъ, на которомъ и окрестъ его собраны были всѣ крестьяне, въ числѣ болѣе нежели 11 т. душъ одного только мужескаго пола, а потомъ женщинъ и дѣвокъ, включительно Нижегородской Губерніи, Семеновскаго Уѣзда, но не было лишь, по отдаленности, нѣсколькихъ сотенъ Орловской Губерніи, при чемъ каждое лицо подходило къ нему, окруженному Бурмистрами трехъ названныхъ селъ, Сотскими, Десятскими и Окладчиками, и цѣловало у него руку, а отойдя получали мужчины крупичатую сайку, 10 к. мѣдью и были угощаемы изъ огромныхъ чановъ водкою и пивомъ, а равно и женщины дѣлали тоже, которымъ, вмѣсто сайки, давалось каждой по красному бумажному платку; тѣже деньги и угощенье медомъ, и таковыя угощенье и пріемы, по многочисленности личностей, въ первые

сказанные выше три праздника, сопровождались цѣлую недѣлю; въ случаѣ же ненастной погоды въ эти праздники онъ принималъ и угощалъ ихъ въ особомъ, построенномъ на этомъ же дворѣ, домѣ, въ коемъ было всего только двѣ комнаты, похожія болѣе по величинѣ своей на манежъ. Съ нѣкоторыми изъ мужчинъ онъ милостиво разговаривалъ. Въ этихъ же обоихъ мѣстахъ раздачи милостей происходили иногда палками, или розгами, если онъ замѣчалъ крестьянина, или крестьянку, неряху, или въ какомъ ни будь безобразномъ видѣ; вообще Собакинъ былъ къ нимъ строгъ, но оброкъ бралъ съ нихъ незначительный, всего только пять рубл. ассигнац. съ тягла, кромѣ подушныхъ. Многіе крестьяне были богатые: такъ нѣкто Лещовъ, который имѣлъ въ наличности 100 т. рубл. ассигнац., что, по тогдашнему времени, былъ значительный капиталъ. Они производили исключительно торговлю: хлѣбомъ въ зернѣ, рогожами, лубьями и лыкомъ. Ремеслъ у нихъ не было замѣтно, кромѣ токарнаго, которое производили они въ совершенствѣ: такъ, дѣлали изъ березоваго дерева двѣ дюжины чашекъ, постепенно укладывавшихся одна съ другою до послѣдней, и эти двѣ были столь малы, что въ діаметрѣ имѣли менѣе вершка, всѣ покрытые лакомъ, а обративъ первыя двѣ самыя большія днами вверхъ, вмѣстѣ съ остальными двадцатью двумя, они запирались и можно было безпрепятственно всѣ ихъ нести, или везти, куда угодно.

Порядокъ въ управленіи имѣніями заведенъ былъ у него отличный. Такъ главные правители были: три Бурмистра трехъ селъ, нѣсколько Старостъ, Сотскихъ и Десятскихъ и болѣе двадцати пяти человѣкъ Окладчиковъ, которые собирали съ крестьянъ подушные и оброкъ помѣщику и съ торговцовъ деньги за пользованіе лавками и ларями въ базарные дни. И всѣ эти начальствующія личности имѣли каждая особого вида на груди кафтана жестяные значки, изображающіе ихъ должности, внутреннее же управленіе сосредоточивалось въ Приказѣ, помѣщавшемся въ большомъ домѣ, на одномъ дворѣ съ помѣщичьимъ, гдѣ присутствовали означенные три Бурмистра; во главѣ ихъ, въ видѣ предсѣдателя, дворовый Петръ Балахнинъ, * который былъ вмѣстѣ и до-

* Личность, замѣчательная тѣмъ, что, по тогдашнему времени, онъ былъ хорошій математикъ и отличный архитекторъ.

кладчикъ дѣлъ и обо всемъ, происходившемъ въ Приказѣ, помѣщику, велъ дѣла и занимался письмоводствомъ въ немъ, а писцами были два дворовыхъ человѣка. Здѣсь велись ревизскія сказки, окладныя книги, всѣ счеты и росписанія подушнымъ, оброчнымъ и вырученнымъ отъ найма лавокъ и прочаго на базарѣ деньгамъ, и дневное росписаніе крестьянъ, назначаемыхъ на денной и ночной караулы: кругомъ дома помѣщика, у церквей, въ селѣ и у двухъ съѣздовъ въ него. Иногда, но весьма, рѣдко заходилъ помѣщикъ въ Приказъ, для предсѣдательствованія.

Пріѣзжавшихъ къ нему по дѣламъ, касавшимся до его имѣній, Уѣздныхъ и Земскихъ властей, принималъ онъ съ важностію, выслушавъ ихъ объявленія, и удовлетворялъ самъ, не допуская касаться имъ сельскихъ властей и крестьянъ, но приказывалъ въ отводимыхъ имъ квартирахъ угощать роскошно, а предъ отъѣздомъ награждалъ ихъ деньгами.

Вообще до прибытія его въ свои имѣнія, были въ нихъ: совершенная дичь, грабежи, неповиновеніе и разбои. Онъ все это уничтожилъ, завелъ строгій, твердый порядокъ, украсилъ села, соорудилъ въ нихъ новые храмы и устроилъ базары, построивъ для этого на площадяхъ оныхъ лавки и лари, выстроилъ во всѣхъ названныхъ селахъ запасные хлѣбные магазины, наполнивъ ихъ изобильно.

А въ настоящее время, по печатнымъ отзывамъ одного журнала, въ этихъ имѣніяхъ нѣтъ уже тѣхъ стройности и порядка, и опустѣло: цивилизація не повліяла на крестьянъ: они огрубѣли, и тамъ нѣтъ никакой школы, между тѣмъ какъ въ обоихъ селахъ, Воскресенскомъ и Богородскомъ, съ прилежащими къ нимъ деревнями, получили вольность, еще до освобожденія 19 Февраля, 1861 года, и тамъ какъ-то пусто и скучно; единственное разнообразіе какая-то фабрика, да и то одного Нѣмца.

Собакинъ, такъ хорошо живя въ почести и славѣ и разумно распоряжаясь всю жизнь своими дѣлами, подъ конецъ оной впалъ въ непростительную ошибку, которая и погубила его: онъ имѣлъ особенную страсть къ женскому полу. Увидѣвъ однажды въ маленькой Французской церкви трехъ особъ женскаго пола, изъ коихъ одна отличалась поразительно замѣчательною красотою, правильными чертами лица, высокимъ античнымъ и прекраснымъ станомъ, увлекся ею, и вскорѣ узналъ, что эти особы были Фа-

миліи умершаго Польскаго Графа Бѣлинскаго, состоящія изъ матери вдовы покойнаго и двухъ дочерей: старшей Юліи и младшей Викторіи, познакомился съ ними и изъ разговора ихъ открылъ, что онѣ недавно прибыли въ Москву и живутъ на Тверскомъ бульварѣ, у Римскаго-Корсакова, въ его домѣ, пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ, гдѣ онѣ разсказали ему, что болѣе десяти лѣтъ какъ лишились главы ихъ семейства, Графа Станислава Бѣлинскаго, бывшаго Хранителя Государственной Печати Царства Польскаго, который перешелъ на сторону Россіи, за что и былъ вознагражденъ хорошимъ пенсіономъ въ нѣсколько тысячь рубл. ассигнаціями и что онъ, какъ отвергнутый Польшею и ненавидимый Поляками, велъ долгое время съ семействомъ своимъ кочевую жизнь въ Губерніяхъ: Витебской, Минской и Могилевской, а по смерти его, мать этихъ двухъ дочерей и сына Станислава, какъ супруга покойнаго, получаетъ половину оклада его пенсіона, что она, познакомившись въ послѣдней Губерніи съ Римскимъ-Корсаковымъ, прибыла съ дочерьми въ Москву къ нему, пособіемъ котораго и живетъ.

Собакинъ, сообразивъ все это и небогатое положеніе ихъ, хотѣлъ вовлечь Юлію не болѣе, какъ только въ короткія отношенія, но она, подмѣтивъ его чрезмѣрную страсть, отвѣчала ему, что если онъ хочетъ обладать ею, пусть женится на ней, и съ умѣла, какъ истая Полька, завлечь его въ свои сѣти, а онъ, какъ окончательно влюбленный, не смотря на свои 75-ть лѣтъ и семейство свое, состоящее изъ совершеннолѣтнихъ сыновей, служившихъ въ лучшихъ мѣстахъ въ Петербургѣ, изъ коихъ одинъ былъ женатъ на Француженкѣ, Графинѣ Полиньякъ, и двухъ дочерей: старшей за мужемъ за Генералъ-Маіоромъ Бѣлоградскимъ, жившей, по службѣ его, въ главной квартирѣ 1-й Арміи, находившейся тогда въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, и младшей, фрейлинѣ при Дворѣ въ Петербургѣ, сталъ усердно хлопотать жениться на ней и просилъ на то разрѣшенія тогдашняго достопамятнаго Митрополита Московскаго, который, коротко его зная и семейное его положеніе, и бывъ письменно предувѣдомленъ тогдашнимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Козодавлевымъ, котораго просили сыновья и дочери Сабакина, о воспрещеніи этого брака, положительно воспротивился совершенію онаго, и предписалъ по всей Московской Епархіи не вѣнчать его.

Но, не смотря на такое строгое воспрещеніе, онъ женился

на Юліи, обвѣнчавшись Гродненской Губерніи, въ недальнемъ разстояніи отъ г. Бѣлостока, въ уединенной, бѣдной деревенской церкви, и бракосочетаніе происходило ночью, въ противность духовныхъ правилъ и постановленій, воспрещающихъ совершать это священное таинство: во Вторникъ подъ Среду, въ Четверкъ подъ Пятницу, и въ Субботу подъ Воскресенье, а онъ былъ обвѣнчанъ въ одинъ изъ этихъ дней, и свидѣтели, какъ по немъ, такъ и по ней, были подкупные и на его же деньги, всѣ подставленные матерью Юліи, военные Инженеры, Штабъ и Оберъ-Офицеры, перестраивавшіе тамошній дворецъ, между коими главную роль игралъ у ней Полковникъ, Полякъ Малиновскій, съ которымъ, по словамъ знавшихъ короче вдову, Графиню Бѣлинскую, она была въ крайне короткихъ отношеніяхъ, и ему-то непосредственно эта фамилія обязана успѣхомъ бракосочетанія Юліи съ Собакинымъ и своимъ счастіемъ.

Собакинъ, возвратясь съ молодою женою въ Москву, жилъ не болѣе года, такъ какъ онъ, вмѣсто признательности со стороны ея за его благодѣяніе, испытывалъ почти ежедневно отъ ней чрезвычайную холодность и безпрестанныя обиды; послѣднія дѣлались еще ему, пріѣхавшимъ на жительство къ нему, братомъ ея, отставнымъ Штабъ-Ротмистромъ Графомъ Станиславомъ Бѣлинскимъ. И тогда-то, понявъ всю важность своей ошибки и уничтоженія древней своей фамиліи, сталъ тосковать и чрезъ недолгое время заболѣлъ, получивъ чахотку, въ соединеніи съ сухоткою, пролежалъ на одрѣ болѣзни почти полгода и умеръ въ страшныхъ мукахъ и страданіяхъ.

А Юлія, такъ сказать, взлелѣянная своимъ успѣхомъ и счастіемъ, не удовлетворилась ими, пошла далѣе и сдѣлала еще лучшую и важнѣйшую партію.

Получивъ, по смерти Собакина, по раздѣлу его имѣнія между сыновьями и дочерьми его, на свою часть болѣе 1500 душъ и выше сказанный домъ его въ Москвѣ, и такимъ способомъ сдѣлавшись въ весьма короткое время, изъ бѣдной дѣвицы, Польской Графини, достаточною столбовою Русскою Дворянкою, она, по происхожденію своему и характеру, жаждѣ къ богатству и честолюбію, не удовлетворялась этимъ, а искала еще большаго счастія. И въ1822, или 1823, году плѣнила собою одного молодого красиваго Графа, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Офицера, который, не смотря на строгое запрещеніе своей матери, женился на ней.

Этотъ шагъ въ ея жизни тѣмъ болѣе важенъ и замѣчателенъ, что она возвращала чрезъ него прежнее Графское достоинство свое и дѣлалась большою богачихою, такъ какъ этотъ Графъ былъ владѣлецъ 12-ти тысячъ душъ крестьянъ.

Вотъ какъ она его обворожила. Бывъ охотницею до верховой ѣзды, и выѣзжая нерѣдко въ Москвѣ на гулянья въ нарядѣ Амазонки, однажды встрѣтила на одномъ изъ нихъ этого Графа, не задолго пріѣхавшаго предъ этимъ изъ Петербуга въ отпускъ. Съѣхавшись вмѣстѣ, заинтересовала его собою, бесѣдуя съ нимъ; а потомъ повела нападеніе на него еще иначе: узнавъ, чрезъ сказаннаго своего брата, что этотъ Графъ весьма часто посѣщаетъ одного бѣднаго, раненаго Офицера и матеріяльно ему помогаетъ, развѣдала, въ какіе именно дни и часы пріѣзжаетъ онъ къ нему, и сама она стала въ то же время посѣщать этого Офицера, и также оказывать ему вспомоществованіе. Отъ этой встрѣчи ихъ у кровати больнаго, нечувствительно болѣе и болѣе завязывалось и утверждалось ихъ знакомство, Графъ, ни мало не подозрѣвая ея козней, счелъ ее за отлично-рѣдкую филантропку, будучи самъ весьма мягкаго и чувствительнаго сердца; при частыхъ же разговорахъ съ нею окончательно влюбился въ нее и далъ ей слово жениться на ней. Но его мать, вдова Графиня, узнавъ, чрезъ приближенныхъ своихъ, объ этомъ знакомствѣ его съ Юліей и, слышавъ всю исторію ея съ несчастнымъ покойнымъ Собакинымъ, и о намѣреніи сына жениться на ней, воспротивилась этому, рѣшительно воспретивъ ему вѣнчаться съ нею, постоянно сторожила ихъ, чтобы они какъ ни будь не обвѣнчались, но, не смотря на всѣ хитрости и бдительность ея, они перехитрили ее: молодой Графъ, въ одинъ день, распустивъ въ Москвѣ молву, что онъ ѣдетъ въ парадной каретѣ жениться на Собакиной, собралъ множество гостей и избралъ по ней и по себѣ дружка и дружку, изготовивъ торжественный огромный свадебный поѣздъ, но, вмѣсто того, чтобы сѣсть самому съ невѣстою въ ту карету, насажалъ въ нее полную охотничьихъ своихъ собакъ и, опустивъ въ ней со всѣхъ сторонъ занавѣси, велѣлъ везти ее по Москвѣ и слѣдовать за нею, какъ водится, всей свадебной процессіи, между тѣмъ въ то же время, нанявъ простую ямскую карету, самъ съ Юліей сѣлъ въ нее, отправился за городъ и обвѣнчался гдѣ-то въ окрестностяхъ Москвы, а его мать, услыхавъ распущенную имъ фальшивую молву объ его поѣздкѣ вѣнчаться, и подъ-

ѣхавъ къ парадной его каретѣ, остановила ее, кинулась къ дверямъ оной и, отворивъ ихъ, къ великому ея и другихъ смѣху, нашла въ ней множество собакъ, которыя, само собою разумѣется, привѣтствовали ее громкимъ лаемъ. Зная своего сына съ дѣтства за большаго проказника, она повѣрила этой хитрости его и сочла это за выходку, ни мало не заподозривъ, что это былъ чистый обманъ, которой оставила безъ преслѣдованія и возвратилась, спокойная и довольная своимъ дѣломъ, домой; а онъ, по обвѣнчаніи съ Юліей, вскорѣ пріѣхалъ къ ней съ молодою женой и испросилъ у нея прощеніе.

Послѣ женитьбы Графъ недолго служилъ въ гусарскомъ полку, вышелъ въ отставку и вскорѣ уѣхалъ съ Юліей за границу и, путешествовавъ по Европѣ около 7-ми, или 8-ми, лѣтъ, кончилъ тамъ жизнь несчастливо, поссорившись съ кѣмъ-то изъ ревности къ ней, слѣдствіемъ чего была между ними дуэль, на которой онъ былъ убитъ, а она вскорѣ послѣ этого возвратилась счастливою Русскою Графинею въ Россію. У нея много было отъ него дѣтей, большею частію мужескаго пола.

II.

Замѣчательная просьба.

Въ 1811 году отставной артиллеріи Штабсъ-Капитанъ поднесъ Государю Александру I всеподданнѣйшую просьбу о прощеніи и освобожденіи отъ каторжной работы отца его, бывшаго Томской Губерніи Кузнецкаго Капитанъ-Исправника, сужденнаго за лихоимство, лишеннаго за это всѣхъ правъ состоянія и сосланнаго въ рудники въ городъ Нерчинскъ. Вотъ содержаніе этой просьбы:

«Ваше Императорское Величество,

Всемилостивѣйшій Государь!

Исполнивъ долгъ мой служеніемъ въ арміи Вашего Императорскаго Величества, пройдя опасности сраженій, проливъ кровь свою отъ сквозной раны картечью въ ногу, получивъ, при увольненіи отъ службы: чинъ, мундиръ и полный пенсіонъ, мнѣ оставалось бы наслаждаться милостями Вашими, Государь, за службу ранеными Офицерами при отставкѣ получаемыми, сдѣлать со-

участниками этого послѣдняго чувства престарѣлаго отца, многолюднаго и малолѣтнаго моего семейства, къ коему я поспѣшилъ пріѣздомъ моимъ въ Сибирь, въ Томскую Губернію. По прибытіи моемъ туда постигло меня несчастіе, превосходящее всѣ мученія и всѣ раны. Вотъ краткая исторія онаго: въ то время, какъ я и старшіе два брата мои раздѣляли славу оружія Вашего Императорскаго Величества, съ храбрыми войсками Вашими, не щадя жизни, отецъ мой впалъ въ преступленіе, былъ судимъ и въ 1809 году приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ отсылкѣ на каторжную работу.

Онъ былъ Кузнецкій Капитанъ-Исправникъ, опредѣленъ въ сію должность послѣ воинской службы, съ переименованіемъ въ Титулярные Совѣтники. Преступленіе его было—лихоимство.

Возбужденный сыновнею любовью, я готовъ былъ жертвовать всѣмъ, что только могъ предпринять къ облегченію участи отца моего, презрѣлъ рану, безпрестанно меня утомляющую, не устрашился разстоянія, которымъ Нерчинскъ удаленъ отъ Сибири, я посѣтилъ изъ Томска отца моего, и наконецъ имѣлъ горесть увидѣть этого 67-милѣтняго старика, отягченнаго ужаснымъ бѣдствіемъ, раздѣлилъ съ нимъ горесть и раскаяніе, но не могъ, въ утѣшеніе его, ничего болѣе сдѣлать, какъ оставить надежду на великодушіе и милость нашего Монарха. Надежда сія привлекла меня въ столицу. Государь! онъ преступникъ, но онъ мой отецъ! Не дерзаю оправдывать его. Законы правды наказуютъ преступниковъ, но Твое милосердіе, Монархъ, превышаетъ ихъ строгости. По уваженію къ законамъ, я не смѣю просить совершеннаго прощенія отцу моему, но лишь только облегченія его участи. Употребите сіе Божеское право, принадлежащее Вамъ по сердцу и по величію! Дайте помереть ему, освобожденному отъ оковъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже, томясь два года, какъ испытуетъ тягости наказанія. Молю о семъ именемъ братьевъ, готовыхъ загладить кровію преступленіе отца ихъ. Умоляю Тебя, Государь, дозволить мнѣ, по день его смерти, занять его мѣсто въ тѣхъ пропастяхъ, гдѣ онъ оканчиваетъ бѣдственные, горестнѣйшіе, ужасные дни свои! Увѣренъ будучи, что молодыя лѣта мои могутъ быть полезными болѣе, нежели 67-милѣтній старикъ, дозволь, по долгу сына, принести въ жертву, за свободу отца, мой чинъ, мой орденъ, мой пенсіонъ и мою вольность! Дай от-

раду горестному, и новый слуга Твой, вѣрноподданный, будетъ прославлять опытъ безконечнаго Твоего милосердія!

Вашего Императорскаго Величества,

Всемилостивѣйшаго Государя,

нижайшій вѣрноподданный,

Отставной артиллеріи Штабсъ-Капитанъ Годлевскій.»

Резолюція Императора:

«Простить и избавить отъ каторжной работы, но не возвращая ни чиновъ, ни дворянства.»

III.

Дѣло о богатомъ помѣщикѣ Курской Губерніи, Ѳедорѣ Ширковѣ.

Въ 1820, или 1821, годахъ производилось въ Санктъ-Петербургскомъ Правительствующемъ Сенатѣ дѣло о страшномъ, кровавомъ событіи, ужасный дѣятель коего долго, до окончанія изслѣдованія и рѣшенія надъ нимъ, содержался въ Петропавловской крѣпости, откуда его водили въ Сенатъ разъ въ недѣлю для допроса. Дѣло объ немъ производилось по Высочайшему повелѣнію. Вотъ его исторія:

Курской Губерніи, Льговскаго Уѣзда, богатый, семейный помѣщикъ, имѣвшій до тысячи душъ крестьянъ, Губернскій Секретарь Ѳедоръ Ширковъ, отличавшійся необыкновенною жестокостію въ обращеніи съ своими подданными, и надобно, чтобъ такъ случилось, что на его границѣ, такъ сказать, его мѣстопребыванія, жила, на небольшомъ участкѣ собственной земли, не задолго предъ 1796 годомъ овдовѣвшая, бѣдная Дворянка Марья Алтухова, принесла на свѣтъ дочь, къ своему и рожденной великому несчастію, и пригласила Ширкова, по богатству его, быть воспріемникомъ этой дочери, который и исполнилъ это священное таинство. Новорожденную наименовали Ольгою. Ширковъ былъ пѣстуномъ духовной своей дочери, для чего и для утѣшенія своихъ дѣтей,

бралъ еженедѣльно отъ матери ея, присылая за нею линѣйку съ кучеромъ и лакеемъ.

Такъ тянулось время до совершеннолѣтія Ольги Алтуховой, къ ея несчастію созданной на свѣтъ замѣчательной красавицей, когда Ширковъ, возымѣвъ къ ней страсть, лишилъ ее дѣвства и сдѣлалъ своею наложницею, что продолжалось много лѣтъ. Между тѣмъ супруга его, узнавъ о томъ, чрезвычайно роптала и заявляла объ этой беззаконной и оскорбляющей супружескую связь страсти своимъ родителямъ и роднымъ, и Ширковъ поклялся предъ ними оставить эту позорную страсть, но не сдержалъ своей клятвы, продолжая любовную связь съ павшей Ольгой.

Но надо, на бѣду ея, чтобъ проходившій, для перемѣны своего квартированія, гусарскій полкъ случайно остановился на нѣкоторое время въ этомъ его селеніи, а одинъ изъ Офицеровъ полка, увидѣвъ ее, влюбился, и послѣ нѣсколькихъ свиданій съ нею, объявилъ ей рѣшительное намѣреніе жениться на ней. Бѣдная Ольга, обрадованная этимъ неожиданнымъ для нея счастіемъ, въ первое же посѣщеніе своего крестнаго отца, разсказала ему объ этомъ счастливомъ переходѣ ея изъ настоящаго своего положенія и, чтобъ прикрыть свой проступокъ, какъ невинно потерявшая чрезъ него, самое драгоцѣнное, составляющее лучшее украшеніе и богатство для дѣвицы, непорочность, а съ тѣмъ вмѣстѣ, желая показать себя предъ женихомъ не совсѣмъ бѣдной, обратилась къ нему, убѣждая его загладить общій ихъ грѣхъ, пожертвовавъ ей нѣсколько душъ крестьянъ, на что Ширковъ тогда и согласился. Ольга, удовлетворенная, успокоенная и утѣшенная такимъ обѣщаніемъ его, отправилась съ полною, радужною, сладкою надеждою домой и, свидясь съ женихомъ, объявила ему, что она имѣетъ небольшое имѣніе.

Не прошло и нѣсколько дней, какъ Ширковъ послалъ за ней линѣйку, какъ и всегда, съ кучеромъ и лакеемъ, по усвоенной своей привычкѣ и какъ бы по праву своей любовницы. Ольга, явившись, въ короткомъ своемъ обращеніи съ нимъ, напомнила ему объ его обѣщаніи, но Ширковъ (какъ это объяснить, былъ ли тогда не въ духѣ, или раздумалъ о своемъ обѣщаніи?) отвѣтилъ ей, что вовсе не желаетъ исполнить его. Озадаченная и обиженная такимъ отвѣтомъ, эта бѣдная дѣвушка, какъ бы по праву concubinae и крестной дочери, требовала, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, исполненія отъ него обѣщанія; но Ширковъ, разсвирѣ-

пѣвъ, сталъ ругать ее неприличными словами и бросилъ въ нее, лежавшее на письменномъ его столѣ, тяжелое мраморное пресъпанье, отъ удара коего она уклонилась и продолжала съ большею силою обременять его упреками за нарушеніе обѣщанія, въ особенности же за все сдѣланное имъ ей важное зло, а Ширковъ, потерявъ окончательно всякое сознаніе и, схвативъ, висѣвшій надъ его постелею, кинжалъ, обнажилъ его и бросился за несчастною. Ольга, зная дикій, необузданный и жестокій его характеръ и, желая спасти себя отъ неминуемой гибели, въ безпамятствѣ кинулась на половину его супруги, крича и прося ея защиты, но та, ненавидя ее, съ негодованіемъ вытолкала вонъ изъ своихъ комнатъ, и на порогѣ послѣдней изъ нихъ, Ширковъ, встрѣтя ее, отрубилъ ей уши и носъ, и когда она упала, залившись вся кровью, перерѣзалъ ей ротъ и животъ. Несчастная умерла въ страшныхъ мученіяхъ и страданіяхъ, а онъ, взявъ ея трупъ и, призвавъ привезшихъ ее людей, велѣлъ имъ отвезти его въ отъѣзжее поле, и тамъ бросить, при чемъ далъ имъ хорошее вознагражденіе, а тѣ, ослѣпленные этимъ, и какъ крѣпостные его, исполнили приказаніе его.

Но Ширковъ, чтобъ удачнѣе скрыть и вполнѣ отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе въ этомъ ужасномъ преступленіи, въ тотъ же день, расчитавъ, отпустилъ находившагося у него въ услуженіи по найму камердинера, Венгерца, съ уговоромъ, чтобы онъ немедленно уѣхалъ за границу, что тотъ дѣйствительно такъ и сдѣлалъ.

Чрезъ нѣсколько сутокъ Земская полиція наѣхала на брошенное тѣло несчастной Ольги Алтуховой, безъ всякой дальней мысли и подозрѣнія кого либо въ этомъ убійствѣ, а зная по слухамъ о преступной связи Ширкова съ нею, привязалась прямо къ нему, но онъ оправдывался, слагая вину на внезапно скрывшагося и пропавшаго безъ вѣсти сказаннаго камердинера своего, и тѣмъ маскировалъ дѣло.

По обыкновенію, дѣло началось въ низшей судебной инстанціи, перешло въ высшую и такъ далѣе, а Ширковъ, съ помощію денегъ и хорошаго адвоката, находилъ вездѣ оправданіе себѣ, успѣвъ въ томъ и въ Губерніи, въ Уголовной палатѣ, гдѣ всѣ члены, кромѣ одного, оправдали его, основываясь на скрывшемся камердинерѣ Вингерцѣ и на повинившихся въ участіи убійства съ нимъ Ольги, кучерѣ и лакеѣ, подкупленныхъ Ширковымъ зи

10 тысячъ рублей ассигнаціями, которые, во всякомъ случаѣ, виноваты и подлежали наказанію уже по тому, что согласились отвезть и бросить трупъ, и скрыть такимъ способомъ преступленіе своего господина, не давъ знать о томъ кому слѣдовало. Получивъ наказаніе кнутомъ, они сосланы въ Сибирь; но достойно замѣчанія, что когда имъ объявлялся приговоръ объ этомъ, они отреклись отъ принятія на себя убійства Ольги, сказавъ, что согласились на то, бывъ подкуплены Ширковымъ, который, кромѣ того, обѣщалъ имъ оправдать ихъ предъ судомъ; но законъ руководствуется первымъ показаніемъ, пріемля его за истинное, отвергая другія, которыя могутъ давать преступники по своему произволу.

А несчастная мать Ольги, Марья Алтухова, напрасно подавала просьбы и хлопотала объ открытіи и наказаніи виновника смерти ея дочери; голосъ ея былъ безсиленъ, какъ крикъ чайки на океанѣ, вездѣ получала одни лишь отказы, и она обезнадеженная, убитая несчастіями, утомленная этимъ дѣломъ и доведенная до крайней нищеты, оставила его наконецъ на произволъ судьбы.

Выше замѣчено, что одинъ изъ Членовъ Курской Уголовной Палаты былъ противъ оправданія Ширкова, и когда дѣло перешло на утвержденіе Гражданскаго Губернатора, Нелидова, послѣдній возсталъ противъ общаго мнѣнія Палаты и присоединился съ своимъ мнѣніемъ къ таковому жь того Члена, въ слѣдствіе чего, по разногласію, дѣло поступило въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ также большее число Сенаторовъ оправдывало Ширкова, а меньшее обвиняло его, а по этому перешло въ Общее Собраніе, но и тамъ послѣдовало разногласіе, откуда уже поступило, на окончательное рѣшеніе и утвержденіе, въ Государственный Совѣтъ, гдѣ, въ продолженіе разсматриванія его, въ слѣдствіе молвы, сильно и громко говорившей о виновности Ширкова, Императору Александру I-му благоугодно было поручить обслѣдовать изъ подъ руки это дѣло, на мѣстѣ происшествія, испытанному въ вѣрности и непоколебимости, извѣстному славному и знаменитому ветерану 1812 и 1814 годовъ, С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору, Графу Милорадовичу, который довѣрилъ произвести изслѣдованіе тоже извѣданному въ честности и добросовѣстности, Директору своей Канцеляріи, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Гетунгу, и этотъ послѣдній, прибывъ на мѣсто событія и произведя слѣдствіе, несомнѣнно узналъ истину,

но, какъ видно изъ дѣйствій его, былъ купленъ Ширковымъ, пріобрѣвъ отъ него, въ видѣ покупки, сто душъ крестьянъ, и по тому хотя не оправдалъ, но и не обвинилъ его, оставивъ только въ подозрѣніи, а въ послѣдствіи времени, когда онъ оправдался по Суду, доставилъ еще ему мѣсто въ Петербургѣ Слѣдственнаго Пристава, рѣдкое по тогдашнему времени, такъ какъ ихъ было тогда два, или три, и Ширковъ, прослужа нѣсколько лѣтъ на этой должности, поправилъ свои финансовыя дѣла, выкупивъ изъ залога въ Опекунскомъ Совѣтѣ въ 200 тысячъ рублей ассигнаціями имѣніе, употребленныхъ для оправданія своего въ убійствѣ Ольги Алтуховой.

Возвращаясь къ дѣлу объ немъ, разсматриваемому въ Государственномъ Совѣтѣ, Ширковъ умѣлъ чрезъ своего адвоката и съ помощію большихъ денегъ, найти и тамъ себѣ защиту и оправданіе, которое и было поднесено на утвержденіе Императора Александра I, и онъ утвердить его соизволилъ.

Послѣ этого Ширковъ восторжествовалъ и, по возвращеніи своемъ въ имѣніе, чрезвычайно зазнался предъ равными себѣ помѣщиками, такъ что они стали опасаться его, имѣя въ глазахъ чрезвычайный примѣръ оправданія его въ ужасномъ убійствѣ Ольги Алтуховой. Но здѣсь готовилось для него паденіе, причиною котораго, однако, было маловажное обстоятельство:

Ширковъ имѣлъ Адвоката, который велъ съ начала и до конца его дѣло, и къ удивленію такъ счастливо кончилъ оное въ его пользу. Ему-то онъ, чтобъ болѣе расположить къ себѣ, въ началѣ дѣла подарилъ двухъ крѣпостныхъ своихъ мальчиковъ, но по скорости времени и заботамъ по своему дѣлу, не далъ на нихъ крѣпостнаго акта, а тотъ, полагаясь на совѣсть и чувство признательности ему Ширкова, не спѣшилъ обезпечить себя имъ, въ томъ убѣжденіи, что всегда можетъ получить его отъ него. Такъ время, годъ за годомъ, и шло; между тѣмъ Адвокатъ отдалъ этихъ мальчиковъ въ Москву учиться поваренному ремеслу. Послѣ этого прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ они, отлично выученые этому дѣлу, взяты были имъ; изъ нихъ одного онъ пустилъ по оброку, давъ ему для этого пашпортъ, а другого оставилъ при себѣ. Ширковъ, прибывъ въ свое имѣніе, былъ встрѣченъ имъ и привѣтствованъ съ счастливымъ и благополучнымъ окончаніемъ дѣла и приглашенъ къ нему на обѣдъ. Надо замѣтить, столъ былъ изысканно и

великолѣпно приготовленъ однимъ изъ двухъ находившихся при Адвокатѣ поваромъ, бывшимъ мальчишкою Ширкова, что хоть бы у богатаго столичнаго вельможи. Ширковъ услаждался обѣдомъ и невольно предложилъ Адвокату вопросъ: «Кто именно приготовлялъ ему его?» Тотъ, безъ всякаго замѣшательства, не нескрываясь, отвѣчалъ ему: «Твои люди,» и при этомъ разсказалъ объ нихъ все, какъ было. Ширковъ, какъ человѣкъ дурного сердца, воскипѣлъ къ нему завистію, а вспомнивъ, что онъ не далъ ему на нихъ крѣпостнаго акта, напомнилъ ему о томъ и сталъ требовать ихъ отъ него. Адвокатъ, по нѣкоторомъ колебаніи, согласился на его требованіе, но при этомъ сказалъ Ширкову, что возвратъ ему этихъ людей поведетъ его къ погибели по дѣлу Алтуховой, но тотъ былъ такъ твердо увѣренъ въ своемъ оправданіи, при томъ Высочайше утвержденномъ, что, отбросивъ всякое опасеніе, отвѣчалъ ему крайне презрительнымъ смѣхомъ, и окончательно разсорился съ нимъ.

Адвокатъ Ширкова, горя праведнымъ негодованіемъ и мщеніемъ къ нему, вскорѣ бросился къ несчастной матери убитой Ольги, Маріи Алтуховой, сильно возбудилъ ее противъ Ширкова и, увѣривъ, что дѣло ея можетъ быть выиграно, составилъ ей, для приложенія къ всеподданнѣйшей просьбѣ, краткую записку изъ дѣла, и столь удовлетворительную, что изъ нея легко и безошибочно можно усмотрѣть всю виновность Ширкова въ убійствѣ своей крестной дочери Ольги, далъ ей денегъ на дорогу, и отправилъ ее въ Петербургъ къ тогдашнему военному писателю и ветерану 1812 года, Ѳедору Николаевичу Глинкѣ, прося его написать ей всеподданнѣйшую просьбу Государю.

Ободренная имъ и обезпеченная всѣмъ нужнымъ, Марья Алтухова пустилась въ Петербургъ пѣшкомъ, пришла туда, пройдя, какъ сама она говоритъ въ просьбѣ къ Государю, 1,200 верстъ, чтобы пасть съ благовѣніемъ къ священнѣйшимъ стопамъ Его. Она получила отъ Глинки всеподданнѣйшую просьбу, начинавшуюся такими словами:

«Царь Небесный, Христосъ, Сынъ Божій, взывалъ ко Отцу: «Вся сохранихъ, яже далъ ми еси, и ни кто же погибе. Царь Небесный, Христосъ, Сынъ Божій, искалъ единую овцу заблудшу, и обрѣтши ю, радуясь, воспріялъ на рамена свои. Ты, Царь земной, взыщи овцу стада Твоего, дочь мою, погибшую отъ руки убій-

цы, Губернскаго Секретаря Ѳедора Ширкова». Далѣе говоритъ, что онъ, «ведя дѣло въ разныхъ Судебныхъ инстанціяхъ, довелъ до того, что увеличилъ его такъ, что оно заключаетъ въ себѣ до 20-ти тысячь листовъ, и тѣмъ запуталъ и, во тьмѣ запутанности скрылся отъ справедливаго наказанія, и гласъ истины наконецъ умолкъ; а когда дѣло достигло до Государственнаго Совѣта, Ты, Государь, соизволилъ утвердить оправданіе Ширкова. Рано, или поздно, мы предстанемъ обои предъ престоломъ Всевышняго, и я буду вопить къ Нему о неправосудіи Твоемъ!»

За тѣмъ проситъ: «дать Ширкову и женѣ его очистительную въ церкви присягу въ томъ, что онъ неповиненъ въ крови ея дочери», и заключаетъ: «Кровь вопіетъ къ Богу и проситъ отмщенія! Я, мать угнетенная, пѣшая шла 1,200 верстъ пасть съ благоговѣніемъ къ стопамъ Твоимъ.»

При чемъ подиесла сказанную записку изъ дѣла, замѣчательную тѣмъ, что она вся изложена на листѣ. *

Императоръ Александръ Благословенный, принявъ отъ Маріи Алтуховой эту просьбу и, прочитавъ ее, глубоко былъ тронутъ, такъ, что прослезился и тотчасъ же передалъ ее Графу А. А. Аракчееву, повелѣвъ С.-Петербускому Правительствующему Сенату судить Ширкова, въ слѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе дать Ширкову и женѣ его очистительную въ церкви присягу, въ неповинности первымъ въ крови своей крестной дочери, и Ширковъ соглашался, но жена его торжественно отреклась отъ этого страшнаго обряда, и тѣмъ утвердила виновность его. За тѣмъ вытребованы были изъ Сибири и привезены несправедливо наказанные и по глупости своей изъ корысти принявшіе на себя вину въ участіи съ камердинеромъ Венгерцомъ будто бы убійства имъ Ольги Алтуховой, кучеръ и лакей, которымъ были даны такіе вопросы: «Кто именно виновникъ въ этомъ убійствѣ?» чтобъ они показали на судѣ всю правду, не опасаясь никакихъ послѣдствій, такъ какъ уже разъ наказанные, вторично не наказываются, а по этому не было имъ никакихъ причинъ лгать: и они показали и уличали въ глаза Ширкова, что онъ есть дѣйствительный убій-

* Прошеніе это уже помѣщено мною еще въ 1-й книгѣ «Чтеній» 1873 года отд. V, стр. 266 и 267, но безъ «Записки», которую желательно было бы тоже напечатать, если бы кто ее доставилъ намъ. О. Б.

ца, а не кто другой, несчастной Ольги Алтуховой; что когда, убивъ ее, призвалъ ихъ къ себѣ въ комнаты и, указавъ имъ на трупъ ея, приказалъ имъ поднять его, вынести, положить на линѣйку, отвезти и бросить въ отъѣзжее поле, и, что если они и приняли на себя вину его, то были подкуплены имъ на то за большія деньги, и при томъ согласились еще и по тому, что онъ обѣщалъ имъ выхлопотать ихъ отъ суда и избавить отъ наказанія.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Ширковъ, по Высочайшему повелѣнію, обвиненъ и, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на каторжную работу; но онъ былъ закоренѣлый и нераскаянный злодѣй, не сознался, сваливая вину на бывшаго своего камердинера Венгерца, и даже когда садился уже въ арестантскую повозку въ Сибирь, утверждалъ, что онъ невиненъ.

А кучеру и лакею дарована свобода.

IV.

Главная военная администрація 1820—1823 годовъ и одинъ изъ примѣчательныхъ дѣятелей ея.

Тогда особенно замѣчательны были: Начальникъ Главнаго Штаба, называвшагося въ то время Его Императорскаго Величества, Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, пользовавшійся особымъ довѣріемъ и расположеніемъ Императора Александра I-го; Директоръ Канцеляріи Начальника Штаба Князь А. С. Меньшиковъ (тогда Генералъ Маіоръ), и Дежурный Генералъ этого Штаба, А. А. Закревскій (также Генералъ-Маіоръ, и еще не Графъ), а Военнымъ Министромъ былъ Генералъ отъ Артиллеріи Баронъ Меллеръ-Закомельскій, власть котораго не имѣла вліянія на Главный Штабъ и его начальство, а подчинялась Начальнику Главнаго Штаба, чрезъ руки котораго непосредственно шелъ докладъ его Государю, такъ что онъ былъ полный хозяинъ Военнаго Министра и Арміи.

Въ то время было еще особое Управленіе поселенныхъ войскъ съ ихъ Штабомъ, Главнымъ Начальникомъ коихъ былъ тогдашній временщикъ Графъ А. А. Аракчеевъ, которому не нравился этотъ, такъ сказать, тріумвиратъ, съ его властію и управленіемъ,

тѣмъ болѣе, что благорасположеніе и довѣріе Государя, раздвоялось на него и Князя Волконскаго, въ противность ревности его, желавшаго безраздѣльно и исключительно пользоваться ими одному, а по тому онъ хотѣлъ сбыть Князя Волконскаго, для чего искалъ только случая отдалить своего соперника съ его партіею отъ Государя, который и представился ему.

Въ Канцеляріи Начальника Главнаго Штаба служилъ, въ 1822 году, Начальникомъ 2-го Отдѣленія оной, Коллежскій Совѣтникъ И. А. Кремповскій, извѣстный Графу, человѣкъ отличныхъ способностей, ума, познаній, крайне самолюбивый, честолюбивый, искательный и интригантъ. Онъ, получивъ однажды отъ Князя Волхонскаго и Меньшикова по службѣ выговоръ, вздумалъ мстить имъ, воспользовавшись происшедшею тогда перемѣною въ Военномъ Министерствѣ. въ 1823 году умеръ Военный Министръ, на мѣсто коего, по желанію Графа Аракчеева, назначался, бывшій тогда Генералъ-Кригсъ-Коммисаромъ, А. И. Татищевъ Генералъ-Лейтенантъ (въ послѣдствіи Графъ), что вовсе не согласовалась съ видами и намѣреніями Князя Волконскаго. Кремповскій, бывъ хорошо знакомъ съ Татищевымъ, которому особенно благоволилъ Графъ Аракчеевъ и, зная тайное нерасположеніе его къ Волконскому, въ угожденіе ему, а болѣе изъ расчета своихъ выгодъ и въ удовлетвореніе своего желанія мстить, воспользовался этимъ стеченіемъ обстоятельствъ, и написалъ доносъ на Волконскаго и Меньшикова вообще по управленію ими Главнымъ Штабомъ, указывая всего болѣе на какую-то издержку въ суммѣ по Военному Департаменту. Доносъ этотъ подъ сказыванье его писалъ на почтовой бумагѣ Винницкій: Кремповскій передалъ его А. И. Татищеву, для представленія Графу Аракчееву; послѣдній, чрезвычайно обрадовавшись этому, доложилъ его Императору, слѣдствіемъ чего было смѣщеніе Князя П. М. Волконскаго съ должности Начальника Главнаго Штаба и назначеніе Чрезвычайнымъ Посломъ во Францію, Князь же А. С. Меньшиковъ отставленъ отъ должности Директора Канцеляріи Штаба, съ причисленіемъ по Арміи, и поѣхалъ, какъ всегда жаловавшійся на слабость своего здоровья, для пользованія за границу къ Минеральнымъ Водамъ; также отставленъ былъ отъ должности Дежурнаго Генерала А. А. Закревскій. Кремповскій былъ переведенъ изъ Канцеляріи Начальника Главнаго Штаба въ Военное Министерство, съ назначеніемъ къ новому Министру, А. И. Татищеву ,Старшимъ Чиновникомъ Осо-

бых Порученій. Здѣсь-то онъ сталъ особенно замѣтенъ по отличному довѣрію и расположенію къ нему Министра, который, чтобъ болѣе отличить и возвысить его, исходатайствовалъ для его особое важное Высочайшее назначеніе: произвести ему слѣдствіе надъ Провіянтскимъ Коммисіонеромъ, Военнымъ Совѣтникомъ Посниковымъ, по поданному доносу Государю Александру I-му Масальскимъ мѣщаниномъ Безсоновымъ въ томъ, что онъ, служа прикащикомъ на баркахъ, на коихъ препровождался разнаго рода хлѣбъ для Гвардейскаго Корпуса и попутныхъ магазиновъ, купленный этимъ Коммисіонеромъ на 12 милл. рубл. ассигнац., усмотрѣлъ, что этотъ послѣдній воспользовался, существовавшимъ тогда въ коммерческомъ оборотѣ, лажемъ или промѣномъ, отъ 8-ми до 10 и даже 12-ти коп. на рубль, что составило утайки имъ и непредставленія въ казну примѣрно 1 милліонна 200 т. рубл. ассигнаціями.

Кремповскій производилъ это слѣдствіе въ Губерніяхъ: Новгородской, Тверской, Московской, Костромской, Ярославской, Орловской, Нижегородской и Казанской, на пристаняхъ коихъ покупался хлѣбъ тѣмъ Коммисіонеромъ, болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и справедливость доноса подтвердилась вполнѣ; но онъ, въ огромномъ рапортѣ своемъ, съ представленіемъ подлиннаго слѣдствія Военному Министру, такъ сказать, схитрилъ въ пользу Коммисіонера Посникова, сказавъ что главнѣйше виновны въ неоткрытіи Правительству существованія лажа Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, а за тѣмъ Генералъ-Провіянтмейстеръ, знавшіе объ оном, эгидою коихъ Коммисіонеръ пользовался онымъ; слѣдовательно, менѣе виновенъ: онъ и судился до конца своей жизни, а дѣло это поступило на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и осталось безъ послѣдствій. Кремповскій за отличіе былъ награжденъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, съ назначеніемъ Членомъ Совѣта Военнаго Министра, а Безсоновъ, какъ говорится, остался ни при чѣмъ, не смотря на то, что донось его твердился. Это дѣло его было не болѣе, какъ предметъ личностей его съ Коммисіонеромъ Посниковымъ.

Когда, же, въ концѣ 1825 года, было получено изъ Таганрога печальное извѣстіе, поразившее всю Россію, о кончинѣ Императора Александра I-го, Кремповскій, выходя изъ Совѣта Военнаго Министра и, идя дорогою домой горько плакалъ, какъ бы предчувствуя, что съ кончиною этого Государя кончится и его

счастіе, что дѣйствительно и случилось, такъ какъ чрезъ два, три года по восшествіи на престолъ Императора Николая I-го, и за тѣмъ скоро по вступленіи на должность Военнаго Министра Генералъ-Адъютанта Чернышова (тогда еще не Графа и не Князя), его, вѣроятно, по настоянію Волконскаго, Меньшикова и другихъ значительныхъ лицъ враждебной Графу Аракчееву, который тогда сошелъ уже съ своего высокаго мѣста, былъ не у дѣлъ и уволенъ въ отставку, найдя для этого слѣдующій предлогъ:

Кремповскій, хотя вполнѣ заслуживалъ уваженіе за его особенную дѣятельность, свѣдѣнія и глубокое, всестороннее знаніе Военнаго Департамента, въ которомъ онъ почти одинъ работалъ за весь Военный Совѣтъ, былъ, въ противоположность этимъ хорошимъ свойствамъ своимъ, до крайности самолюбивъ, и по тому считалъ вообще товарищей своихъ, тоже членовъ: двухъ братьевъ, Артиллеріи, Генералъ-Лейтенантовъ Апрѣлевыхъ, двухъ братьевъ, Генераловъ Княжниныхъ, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Ноинскаго и Директоровъ Департаментовъ Военнаго Министерства, только что не глупцами и людьми пустыми, былъ грубъ съ ними, чѣмъ и вооружилъ ихъ противъ себя, а они, мстя ему за это, нашли случай оговорить его предъ новымъ Военнымъ Министромъ, передавъ ему секретно странную (по тогдашнему новому времени, когда стала выходить изъ обычая, усвоенная прежними дѣловыми людьми, Мольеровская привычка имѣть у себя экономку) домашнюю его жизнь, отозвавшись объ оной, съ нѣкотораго рода отвращеніемъ, говоря, что, помимо домашнихъ хозяйственныхъ его дѣлъ, въ Государственныя дѣла, производимыя Кремповскимъ, сильно вмѣшивается эта его экономка. Генералъ Чернышовъ, предупрежденный уже этими навѣтами, пожелалъ его видѣть, для чего посѣтилъ Совѣтъ, гдѣ, въ общемъ разговорѣ съ Первоприсутствующимъ, тогдашнимъ Комендантомъ С.-Петербургской крѣпости, Генераломъ отъ Инфантеріи Сукинымъ, о дѣлахъ, услышалъ самохвальство Кремповскаго, который, желая выказаться предъ нимъ, утверждалъ, что онъ одинъ работаетъ за всѣхъ членовъ, занимаясь для этого по ночамъ,» на что Министръ, съ нѣкотораго рода неудовольствіемъ, замѣтилъ ему, что и онъ самъ тоже занимается дѣлами, просиживая цѣлыя ночи. Съ этого времени поднято на него преслѣдованіе, для чего съ начала постарались разобщить его съ экономкой, взявъ его изъ собственнаго его дома и отдавъ на медицинское испытаніе въ умствен-

ныхъ способностяхъ къ одному чиновнику Канцеляріи Военнаго Министра, за тѣмъ передали подъ надзоръ одному изъ сотоварищей по службѣ, личному его врагу, Члену Совѣта, Генералу Апрѣлеву, уволили отъ службы и наконецъ учредили надъ нимъ опеку, продолжавшуюся до конца его жизни. И дѣйствительно, онъ, какъ говорится, чудилъ отъ скуки, живя въ совершенномъ бездѣйствіи, и умеръ, въ 1836 году, принадлежа къ числу тайныхъ масоновъ, такъ какъ въ духовномъ завѣщаніи своемъ назначилъ похоронить себя въ гробѣ, съ изображеніемъ на немъ двѣнадцати крестовъ.

Личность его была замѣчательная: это былъ человѣкъ небольшаго роста, приземистый, толстенькій, лицомъ сильно рябъ, съ чрезвычайно узкимъ лбомъ и блистающими карыми глазами, сынъ сельскаго Священника Харьковской Губерніи Ахтырскаго Уѣзда; учился сначала въ тамошней Семинаріи или Коллегіумѣ; кромѣ наукъ, хорошо объяснялся по Нѣмецки, чему, вѣроятно, выучился въ двѣ поѣздки съ Канцеляріею Начальника Главнаго Штаба, въ Отечественную войну 1812 и 1814 годовъ; прибылъ въ Петербургъ въ байковомъ или фризовомъ сюртукѣ, безъ всякаго покровительства опредѣлился на службу, на коей былъ всегда изъ первыхъ, какъ видно то изъ его послужнаго списка, съ перваго до послѣдняго чина, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, коими награждался все за отличіе по Высочайшему повелѣнію, имѣлъ ордена: Анны 3-й и 2 степеней, послѣдній брильянтами украшенный, былъ въ почести, славѣ и извѣстности, нажилъ хорошее состояніе, имѣлъ прекрасную большую дачу на Петербургской сторонѣ, со многими на ней домами, стоившую тысячъ осьмнадцать серебромъ, далѣе крестьянъ, кромѣ дворовыхъ, въ С.-Петербургской Губерніи около ста душъ, наличныхъ денегъ 12,000 рублей серебр., хорошіе экипажи и лошадей и, въ заключеніе всего, получалъ, по тогдашнему времени, большое содержаніе: разныхъ окладовъ, вмѣстѣ съ съ пенсіономъ, 13,500 рубл. ассигнац.; славился умомъ и отличной способностью писать превосходнымъ слогомъ бумаги, въ особенности проекты, что было его конькомъ; такъ онъ, между прочимъ, проектировалъ объ отпускѣ нижнихъ чиновъ войскъ въ безсрочные, что исполнено послѣ него черезъ тридцать только лѣтъ. Проектъ этотъ написанъ имъ для бывшаго тогда Корпуснаго Командира гвардейскаго корпуса, Генерала Вои-

нова, который долженъ былъ представить оный покойному Государю Императору Николаю I-му, въ началѣ 1826 года, и врученъ Кремповекимъ Коллежскому Совѣтнику Свѣчину, для передачи Воинову.

Къ нему нерѣдко ѣзжали за совѣтами: Министры и великіе значительные люди, какъ, на примѣръ, покойный Е. Ф. Канкринъ (тогда еще не Графъ), Военный Министръ А. И. Татищевъ, Графъ Е. Ѳ. Комаровскій, Главный по арміи Медицинскій Инспекторъ Баронетъ Вилліе, и многіе другіе.

V.

Личность, о которой въ свое время много говорили и рядили въ гостиныхъ, какъ о необыкновенной.

Это 1820 годовъ Генералъ-Провіянтмейстеръ А. И. Абакумовъ, въ послѣдствіи Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ двухъ звѣздъ, котораго называли о сьмымъ чудомъ въ свѣтѣ, восклицая: «О чудо изъ чудесъ, и Абакумовъ съ звѣздою!» Онъ, по происхожденію, изъ слаточныхъ рекрутъ: имѣя хорошій почеркъ и бывъ отъ природы бойкій, смѣтливый, попалъ сначала въ полковые, потомъ бригадные, за тѣмъ дивизіонные, и въ послѣдствіи корпусные писаря, и при томъ гвардейскіе, выдержавъ тутъ экзаменъ, получилъ вожделѣнный 14-й классъ, и съ этимъ-то чиномъ поступилъ въ одну изъ Провіянтскихъ Коммисій класснымъ чиновникомъ, гдѣ служа, хорошо понялъ Провіянтскую часть, а занимая разныя должности и подымаясь все выше и выше, достигъ наконецъ, чрезъ недолгое время, званія Управляющаго Коммисіей, и на этой-то должности былъ замѣченъ за рѣдкую исправность и расторопность, а по смерти Генералъ-Провіянтмейстера Ламба назначенъ Исправляющимъ должность его, а въ 1821 году былъ уже полнымъ Генералъ-Провіянтмейстеромъ и Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ, съ звѣздою Анны 1-й степени. Тогда ему было около 50-ти лѣтъ, но на видъ онъ былъ моложавъ. Фигура его весьма противорѣчила духовнымъ способностямъ его: это былъ маленькій, худенькій и вертлявый человѣчекъ, съ небольшою головкой и не совсѣмъ пріятною физіономіею, характера вспыльчиваго. Онъ любилъ чисто и красиво одѣваться.

VI.

Наводненіе 7 Ноября, 1724 года, въ Петербургѣ.

Это страшное, поразительное явленіе, опустошило преимущественно Части столицы: Петербургскую, Выборгскую, частію дальнія линіи Васильевской, въ особенности Галерную гавань, которую почти всю разрушило, отъ чего много утонуло людей, погибло домашняго скота, разрушено до основанія и унесено домовъ.

Вода въ этихъ Частяхъ подымалась выше двухъ саженъ, а въ Галерной еще болѣе. Вѣтеръ былъ столько силенъ, что ни какъ нельзя было устоять на ногахъ: большія деревья гнуло до земли, при чемъ одновременно дулъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, съ моря и Ладожскаго озера, и гналъ воду, отъ чего рѣка Нева, переполнившись, хлынула вся на Петербургъ, и затопила его.

Поразительно страшно было смотрѣть на эти бурныя, разъяренныя стихіи, а для человѣка, не видавшаго подобныхъ ужасовъ природы, могло показаться всеобщимъ разрушеніемъ міра, и онъ терялся отъ страха.

Вода начала выступать изъ береговъ около 12-ти часовъ полудня и стала съ необыкновенною быстротою и силою прибывать все болѣе и болѣе, ломая и разрушая все, встрѣчавшееся ей на пути, вливалась въ улицы широкими рѣками, отъ чего площади казались озерами, по тѣмъ и другимъ плавали обломки хижинъ, бревна, кровли, разный товаръ, бѣдное имущество небогатыхъ людей, мосты, барки и гальеты, снесенные и сорванные бурей, и гробы съ размытаго кладбища, и все это мчалось въ море! Такое состояніе продолжалось до трехъ съ половиной часовъ, когда вѣтеръ примѣтно началъ стихать и замѣтно было, что вода остановилась на одной точкѣ, стоя такъ нѣсколько минутъ. Этотъ переломъ встрѣченъ былъ съ неописанною радостію многими и многими несчастными; потомъ стала она постепенно сбывать, сначала медленно, за тѣмъ все скорѣе и скорѣе, и наконецъ быстро ушла въ свои предѣлы, вѣтеръ совершенно унялся и сдѣлалось спокойно, но такъ спокойно, какъ въ странѣ, опустошенной дыханіемъ язвы. Повсюду представлялись глазамъ страшныя, пора-

жающія ужасомъ, опустошенія: на улицахъ тамъ и сямъ валялись огромными грудами исковерканныя и изломанныя бревна и доски. поломанная и перековерканная мебель и кирпичи отъ печей и трубъ, множество снесено и разрушено домовъ и разныхъ строеній, унесено водой пожитковъ и погибло домашняго скота.

Разсказываютъ, что когда вода, выступивъ изъ береговъ, стала вливаться въ улицы рѣками, обращая площади въ озера, и поднялась уже высоко, покойный Императоръ Александръ I-й, выйдя на балконъ печальный и смущенный и, глядя на злое бѣдствіе, сказалъ: «Царямъ не совладѣть съ Божіей стихіей!» и тотчасъ же повелѣлъ Графамъ Милорадовичу и Бенкендорфу взять изъ Адмиралтейства два большіе катера и ѣхать спасать испуганныхъ, тонущихъ людей; вечеромъ же, посѣтивъ на дрожкахъ Петербургскую и Выборгскую стороны, Васильевскій Островъ и Галерную Гавань, съ глубокою скорбію и грустію обозрѣвалъ ихъ, видя такія бѣдствія, разрушенія и опустошенія.

Послѣдствіемъ этого обозрѣнія было учрежденіе особыхъ Комитетовъ, и для пособія несчастнымъ Высочайше повелѣно отпустить изъ Государственнаго Казначейства милліонъ рубл. ассигнац., ввѣривъ его въ учрежденный на этотъ предметъ Центральный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Князя Куракина. Въ частныхъ же Комитетахъ, въ четырехъ Адмиралтейскихъ и другихъ Частяхъ, предсѣдателями были другіе Генералы, какъ-то: въ Выборгской Графъ Бенкендорфъ, въ Петербургской Графъ Комаровскій, избравшій себѣ въ сотрудники Генералъ-Контролера Лагоду и Кремповскаго, и т. д. Всѣ эти учрежденія, хорошо обслѣдовавъ и узнавъ насчастія, потери и убытки пострадавшихъ, немедленно выдавали имъ, чрезъ своихъ членовъ, пособіе, и тѣмъ отерли слезы многимъ несчастнымъ.

VII.

Чудесный аферистъ.

Офицеръ лейбъ-гвардіи кирасирскаго Ея Величества полка, по происхожденію своему Грекъ, по фамиліи же Чивеничи, хотя и исправно служилъ въ полку, но жилъ всегда аферами: то игрою въ карты, то покупкою, мѣною и продажею лошадей,

велъ жизнь открытую, и если не богатую, то весьма достаточную, былъ коротко знакомъ съ Московскимъ Грекомъ богачомъ Сивеніусомъ, обладателемъ неимовѣрной величины жемчужиной, которую нерѣдко бралъ у него тогдашній Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Князь Голицынъ, показать, какъ необыкновенную рѣдкость, пріѣзжавшимъ къ нему иногороднымъ гостямъ. Чивеничи, воспользовавшись происшедшимъ наводненіемъ въ Петербургѣ, сочинилъ Высочайшій рескриптъ на имя этого богача, мастерски точь въ точь подписавшись подъ руку Императора Александра I-го, коимъ Высочайше повелѣвалось Сивеніусу ссудить Его Величество полумилліономъ рублей ассигнаціями, для вспомоществованія пострадавшимъ отъ этого несчастнаго событія, вручивъ эту сумму Высочайше командированному названному Офицеру, а съ тѣмъ вмѣстѣ довѣрить ему и свою драгоцѣнную жемчужину, которую Государю благоугодно показать прибывшимъ тогда заграничнымъ Августѣйшимъ Особамъ, при чемъ вмѣнялось ему обо всемъ этомъ хранить величайшую тайну. Чивеничи, отпросившись отъ полка въ отпускъ въ Москву и явясь къ Сивеніусу, вручилъ ему поддѣльный рескриптъ, а этотъ богачъ, обрадованный такимъ милостивымъ Высочайшимъ вниманіемъ, поспѣшилъ выдать Чивеничи жемчужину и требуемыя деньги, который немедленно возвратился съ тою и съ ними въ Петербургъ и затѣялъ чрезъ нѣсколько дней свадьбу съ классною дамой Смольнаго дѣвичьяго Института (любимицей покойной Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны), съ которою онъ предъ этимъ былъ уже засватанъ, намѣреваясь вскорѣ послѣ брака уѣхать съ нею за границу. Но случилось, что почти одновременно съ его свадьбой былъ у Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора балъ, на которомъ новопріѣхавшія иногородныя значительныя особы, наслышавшись объ упомянутой драгоцѣнной жемчужинѣ, пожелали видѣть ее и неотступно просили Князя послать попросить Грека Сивеніуса прислать ее показать имъ. Князь, удовлетворяя ихъ желаніе, послалъ къ нему за нею одного изъ своихъ Адъютантовъ, но Грекъ отказалъ въ просьбѣ Князю, который повторилъ его уже съ старшимъ своимъ Адьютантомъ, но и опять получилъ тотъ же отказъ. Князь Голицынъ, видимо огорченный и оскорбленный подобнымъ неудовлетвореніемъ его желанія, рѣшился на другой день видѣться лично съ нимъ и узнать причину отказа имъ въ его просьбѣ. Прибывъ къ нему, просилъ подать жемчужину, но Си-

веніусъ мялся и отказывался отъ исполненія просьбы подъ разными предлогами: то потерялъ, де, ключъ отъ футляра, въ которомъ хранится эта драгоцѣнность, то замочекъ въ немъ поврежденъ, желая какъ ни будь отдѣлаться и скрыть настоящую причину отъ Князя; наконецъ, въ слѣдствіе неотступнаго, настоятельнаго требованія его, открылъ ему тайну, показавъ Высочайшій рескриптъ. Князь, усомнясь въ подлинности онаго и заподозривъ въ этомъ дѣлѣ подлогъ и обманъ, взялъ отъ Грека рескриптъ и немедленно всеподданнѣйше донесъ объ этомъ непонятномъ для него случаѣ Императору, представивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и самый рескриптъ. Государь, получивъ донесеніе и подложный рескриптъ, разгнѣванный такой неслыханной дерзостью Чивеничи, повелѣлъ въ самый день свадьбы его схватить и посадить въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ и содержался почти до половины 1826 года; жемчужина же и деньги, за исключеніемъ немного истраченныхъ изъ нихъ, вскорѣ были отобраны отъ него и возвращены по принадлежности Сивеніусу. Виновный освобожденъ былъ уже покойнымъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, по сильному ходатайству Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и изгнанъ, вмѣстѣ съ женою, за границу, въ Турцію, въ Іюнѣ 1826 года, гдѣ онъ, какъ слышно было, чрезвычайно что-то напроказилъ, и едва ли избѣгъ смертной казни.

VIII.

Заговоръ и мятежъ 14 Декабря, 1825 года.

Декабря 14 дня еще до полудни начали показываться на Петровской площади отдѣльныя части разныхъ гвардейскихъ полковъ, и прежде всѣхъ, во всемъ своемъ составѣ, полкъ экипажъ-гвардіи, возбужденный къ возстанію сильною рѣчью, сказанною въ казармахъ того полка Поручикомъ Александромъ Бестужевымъ, извѣстнымъ литераторомъ въ послѣдствіи подъ именемъ «Марлинскій». Приведенный имъ на площадь экипажъ построился кругомъ монумента Петра I-го. Послѣ него возмутилось нѣсколько ротъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, но были удерживаемы командиромъ своимъ, Генераломъ Стюрлеромъ, и Полковникомъ, баталіоннымъ командиромъ этого полка: «успокоиться, оставить мя-

тежъ и не ходить на площадь», за что, возмутившіе ихъ, отставной Поручикъ Каховской и этого полка Поручикъ Пановъ (послѣдній, для уничтоженія въ себѣ всякаго чувства человѣческаго сознанія, воспламенилъ себя, выпивъ предъ этимъ цѣлый штофъ водки), изрубили ихъ шашкою, послѣ чего вышли изъ казармъ, такъ называемыхъ, Глѣбовыхъ, и направились по Гороховой улицѣ къ условленному мѣсту, къ тому же монументу Петра Великаго. Идя дорогой, встрѣтили они отставнаго Квартальнаго Надзирателя А. И. Лефебра, въ послѣдствіи Старшаго Чиновника Особыхъ Порученій III Отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества, и спросили его: «Кому онъ присягалъ?» и получивъ отвѣтъ: «Государю Николаю I-му», Московцы, поднявъ его на штыки, сильно изранили, послѣ чего продолжали ити на Петровскую площадь. Но одна рота изъ числа ихъ, подъ предводительствомъ того же Панова, отдѣлившись отъ прочихъ и, назначенная для смѣны караула въ Петропавловской крѣпости, миновавъ названную площадь, Адмиралтейскую и Дворцовую, пустилась бѣгомъ чрезъ рѣку Неву къ ней, намѣреваясь прежде всего, завладѣвъ тамошнимъ арсеналомъ, всѣми боевыми снарядами и крѣпостными орудіями, направить ихъ на Зимній Дворецъ, разбить его и уничтожить всю Императорскую фамилію; но Комендантъ крѣпости, Генералъ отъ Инфантеріи А. Я. Сукинъ, бывшій въ то время на стѣнахъ ея, усмотрѣвъ эту безпорядочную пьяную толпу бѣгущихъ солдатъ, съ ихъ предводителемъ, заподозрилъ ихъ въ неблагонамѣренности, приказалъ запереть крѣпость и не впустилъ ихъ въ оную. Такъ какъ они потерпѣли здѣсь неудачу, то, возвращаясь назадъ, предприняли смѣнить караулъ въ Зимнемъ Дворцѣ, съ упомятою же цѣлію, но встрѣчены были вѣрными Финлядцами, занимавшими тамъ караулъ и не допустившими ихъ до этого. Испытавъ и тутъ неуспѣхъ, Поручикъ Пановъ, съ этою толпою примкнулъ къ образовавшемуся каре вокругъ монумента Петра I, а вскорѣ за ними прибылъ изъ казармъ Аптекарскаго Острова почти цѣлый баталіонъ лейбъ-гвардіи гренадеръ, и также присоединился къ каре, сильно увеличивъ его, въ срединѣ коего были Штабъ и Оберъ-Офицеры и гражданскіе чины, а командовалъ онымъ отставной Поручикъ Рылѣевъ, одѣтый въ партикулярное платье, съ треугольною революціонною шляпой на головѣ. Чтобъ еще болѣе усилить свою партію, они возбудили къ мятежу рабочихъ строившагося тогда Исаакіевскаго Собора, коихъ было нѣсколько сотенъ, жившихъ какъ разъ противъ монумента, въ сараяхъ, а для успѣха

въ этомъ разбили погребъ, помѣщавшійся въ старомъ зданіи Сената, находившагося съ одного бока того монумента, выкативъ оттуда бочки съ рейскими винами, водкою и другими напитками и, разбивъ ихъ, окончательно споили и тѣмъ расположили этихъ темныхъ людей въ свою пользу. Зрѣлище было весьма отвратительное. Изъ погреба лились большими потоками: водка, вина, портеръ и пиво, и все это смѣшавшись; туда безпрестанно ходили напиваться эти рабочіе и обулявшіе и разъяренные солдаты, составлявшіе каре, черпая напитки, кто киверами, кто шайками, кто шапками, а многіе, не брезгая, пили эту отвратительную смѣсь наклонившись ртомъ съ земли, уподобляясь животнымъ, лакающимъ пойло. Тѣ и другіе были въ какомъ-то остервенѣломъ состояніи, страшно буйствовали и неистово ревѣли: солдаты, что они, присягавъ на вѣрноподданство Цесаревичу Константину Павловичу, не хотятъ присягать Николаю I-му, а рабочіе, всѣ вооруженные желѣзными сверлами, величиною съ ломы, которыми они просверливали колонны Собора, по наущенію предводителей мятежа, грозя этими орудіями, кричали: «Ура, Константинъ и жена его конституція!»

А такъ какъ это буйство было въ недальнемъ разстояніи отъ казармъ лейбъ-гвардіи конно-гвардейскаго полка, то командиръ онаго, Генералъ-Маіоръ А. Ѳ. Орловъ, выѣхалъ оттуда противъ бунтующихъ съ эскадрономъ и пустился въ атаку, желая смять и разсѣять ихъ; но это дѣйствіе его не имѣло успѣха, такъ какъ изъ каре отвѣчали противъ нихъ батальныхъ огнемъ настоящими боевыми зарядами, а Исакіевскіе рабочіе пустили въ то же время въ конно-гвардейцевъ, свои страшныя, съ острыми стальными наконечниками, сверла, по чему многіе изъ нападающихъ солдатъ были побиты на смерть, а болѣе всего ранено, и отступили назадъ. Надо замѣтить, что каре, кромѣ того, что было велико, сильно и крѣпко, еще хорошо устроено и искусно управляемо.

Такъ было въ началѣ и народъ, обступившій ихъ и сновавшій по Петровской и Адмиралтейской площадямъ, а также по всему Адмиралтейскому бульвару, былъ въ полномъ невѣдѣніи о причинѣ возстанія, но изъ любопытства и суетливости, какъ обыкновенно бываетъ, жадно глядѣлъ на все происходившее, желая окончательно увидѣть конецъ этой исторіи, за что многіе изъ него жестоко поплатились.

Между тѣмъ, пока все это тутъ происходило, въ Генеральномъ Штабѣ, находившемся въ зданіи Главнаго Штаба, всѣ значительныя лица, какъ военныя, такъ и гражданскія, присягали, своимъ порядкомъ, на вѣрноподданство Императору Николаю I-му, такъ какъ для исполненія этого для послѣднихъ Сенатъ въ этотъ день былъ запертъ, и тамъ не было никакого засѣданія.

Императоръ Николай Павловичъ, не придавая сначала важнаго политическаго значенія этому волненію, хотѣлъ успокоить возмутившихся мирными средствами, для чего былъ посланъ къ нимъ тогдашній С. Петербургскій Митрополитъ Серафимъ съ крестомъ надъ главою, чтобъ убѣдить ихъ, но эта мѣра не имѣла успѣха: изъ каре отвѣчали ему насмѣшками и совѣтовали убраться пока цѣлъ.

Но чтобъ болѣе повліять на нихъ и получить успѣхъ въ усмиреніи, посланъ былъ еще къ нимъ, показавшійся важно верхомъ, бывшій Корпусный Командиръ гвардейскаго корпуса и С. Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, славный сподвижникъ 1812 года, Графъ Милорадовичъ, который, участвуя въ 50-ти слишкомъ сраженіяхъ, не былъ ни разу раненъ, но, при переговорахъ съ этими мятежниками, получилъ смертельную рану изъ пистолета отъ Коллежскаго Ассесора Кюхельбекера, который, въ слѣдъ за этимъ, схватилъ было у лейбъ-гвардейскаго гренадера ружье и, ударивъ имъ Графа въ бокъ, сшибъ его съ лошади: послѣ чего, для оказанія медицинскаго пособія, раненаго отвезли въ конно-гвардейскій манежъ, гдѣ онъ и скончался. Въ то же время одинъ изъ мятежниковъ, отставной Поручикъ Каховской, цѣлился изъ большаго пистолета въ покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича, но, стоявшій возлѣ него рядовой гренадерскаго полка, вышибъ изъ рукъ его пистолетъ прикладомъ ружья, ударивъ его онымъ по рукѣ, и тѣмъ отвратилъ злое намѣреніе его.

Тогда-то, понявъ всю важность и опасность этого возмущенія, покойный Государь Николай Павловичъ, вышедъ изъ Зимняго Дворца съ первымъ баталіономъ Преображенскаго полка, смѣло сталъ въ головѣ его противъ нихъ, положивъ въ умѣ своемъ личнымъ своимъ присутствіемъ возстановить спокойствіе и уничтожить это безумное и беззаконное дѣло, какъ въ это время подъѣхали къ нему верхами двое изъ стоявшихъ въ срединѣ каре,

именно: прибывшій въ Петербургъ на короткое время въ отпускъ, 6 числа Декабря, и тотчасъ же завлеченный Рылѣевымъ въ заговоръ, Командиръ одного изъ армейскихъ егерскихъ полковъ, Полковникъ Булатовъ, сдѣлавшійся ревностнымъ послѣдователемъ увлекшаго въ оный, и пріѣхавшій тоже не задолго до этого кроваваго происшествія изъ Закавказа, тогдашняго Нижегородскаго драгунскаго полка Капитанъ Якубовичъ, замѣчательный по простръленной у него головѣ и неизлѣчимой отъ того широкой ранѣ на лбу, для прикрытія коей онъ носилъ кругомъ головы серебряный обручъ, оба вооруженные заряженными пистолетами и намѣревавшіеся лишить жизни Императора, но, приблизившись къ нему и разговаривая съ нимъ, не осмѣлились рѣшиться на цареубійство, такъ какъ, по собственному ихъ выраженію, «не поднялись руки.»

А какъ мятежъ продолжался и усиливался все болѣе и болѣе, то, по совѣту одного изъ числа окружавшихъ Государя, сподвижника 1812 года, бывшаго тогда Генералъ-Квартирмейстеромъ большой дѣйствующей Арміи, въ послѣдствіи Главноуправляющимъ Путями Сообщеній, Графа Толя, послано было за гвардейскою артиллеріею, по прибытіи коей сдѣлано по тому каре изъ орудій три холостые выстрѣла, но изъ каре, однако, отвѣтили убійственнымъ батальнымъ огнемъ съ градомъ пуль.

Государь, намѣреваясь принять противъ нихъ рѣшительныя уже мѣры, обратился къ зрителямъ съ предупрежденіемъ, что тутъ будетъ нѣчто весьма недоброе, предлагая имъ разойтись, но немногіе воспользовались благимъ повелѣніемъ его, большая же часть осталась, безъ всякой для себя надобности, глазѣть, и за то были наказаны.

Въ слѣдъ за тѣмъ, по повелѣнію Императора, сдѣлано по тому каре еще три выстрѣла изъ орудій, но уже настоящими боевыми зарядами, картечью: по первому оно заколебалось, по второму растроилось, а по третьему разбѣжалось, кто куда попалъ, и на мѣстѣ его остались только лишь убитые, обезображенные трупы, оторванные члены и огромныя лужи крови, а окрестъ, тамъ и сямъ, послышались крики и стоны; орудія же тотчасъ поставлены были предъ входами въ улицы: Большую Милліонную, Гороховую, Вознесенскую и Галерную, вдоль Англійской набережной, противъ Исакіевскаго моста и на

Неву рѣку, противъ 1-й линіи Васильевскаго острова, стрѣльба изъ коихъ продолжалась боевыми же зарядами вдоль тѣхъ улицъ и названныхъ мѣстъ. Много было убито нижнихъ чиновъ, составлявшихъ каре и ранено бѣжавшихъ и спасавшихся послѣ разбитія его, а также людей изъ числа праздно глядѣвшихъ на это ужасное происшествіе. На стѣнахъ Сената въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись прилипшіе человѣческіе мозги и запекшаяся кровь, а на Петровской площади, гдѣ разыгрывалась эта кровавая драма, крови было до того много, что и на другой день, сколько ни засыпали ее, то снѣгомъ, то пескомъ, она все таки продолжала выступать.

Въ ночь 14 Декабря и послѣ того днемъ и по ночамъ долгое время стояли у Зимняго Дворца, на площади и вокругъ его, словно какъ въ военное время, пикеты съ орудіями, боевыми патронами и съ зажженными фитилями, а съ тѣмъ вмѣстѣ патрули изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ днемъ и ночью разъѣжжали по улицамъ столицы ежедневно болѣе года.

Въ эти же вечеръ и ночь начались розыски и аресты мятежниковъ, продолжавшіеся долго послѣ того: ихъ набрали и навезли изъ разныхъ городовъ Россіи, многихъ по подозрѣнію, столь много, что въ Петропавловской крѣпости не было мѣста для содержанія ихъ, а по тому нѣкоторые содержались въ зданіи Главнаго Штаба, но изъ числа ихъ въ тотъ же день нѣкоторые скрылись, какъ то: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Тургеневъ ушелъ въ Америку въ Соединенные Штаты, гдѣ и находился все царствованіе покойнаго Государя Николая I-го, и показался въ Россіи уже при нынѣшнемъ Императорѣ; Коллежскій Ассесоръ Кюхельбекеръ пробрался было въ Варшаву замаскированный, одѣвшись въ кучерской армякъ и привязавъ себѣ фальшивую бороду, гдѣ пойманъ и сосланъ съ прочими мятежниками въ Сибирь; и Командиръ корабля Николай Бестужевъ, старшій братъ Александра Бестужева, успѣвшій, вечеромъ 14 Декабря, пробраться даже за Кронштадтъ, на тамошнюю косу, противъ Швеціи, переодѣтый матросомъ, но, какъ весьма уставшій и иззябшій, вздумалъ зайти на перепутьи въ находившійся на льду кабакъ, чтобъ нѣсколько отдохнуть и отогрѣться, а за тѣмъ уйти въ Швецію, потребовалъ себѣ водки, редьки, квасу и хлѣба; сидя тамъ, теръ на теркѣ редьку, но въ это время былъ взятъ и также сосланъ въ Сибирь.

Изъ числа невинно пострадавшихъ 14 Декабря, любопытствовавшихъ видѣть это печальное событіе, памятенъ мнѣ, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, отставной Штабъ-Офицеръ, Экзекуторъ Сената, семейный человѣкъ, съ совершенно выбитымъ однимъ глазомъ, закрытымъ черною тафтяною повязкой: онъ лишился этого органа, стоя съ боку окна въ Сенатѣ и смотря на происходившее на Петровской площади, но въ это время картечь, летѣвшая въ окно, выбила стекла и осколками ихъ вышибла ему глазъ: къ счастію еще, что онъ не стоялъ противъ окна, а въ такомъ случаѣ картечь попала бы ему въ лицо, и онъ былъ бы убитъ на повалъ.

А въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1826 года, въ слѣдствіе состоявшагося рѣшенія Верховнаго Уголовнаго Суда участи мятежниковъ и утвержденнаго Государемъ Императоромъ, утромъ рано, на зарѣ, происходила казнь ихъ за крѣпостью, на валу, гдѣ нынѣ Петровскіе парки, изъ числа коихъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сто человѣкъ, раздѣленные на нѣсколько разрядовъ, сосланы, одни на долгіе сроки въ Сибирь, на каторгу, другіе на меньшіе, нѣкоторые на нѣсколько лѣтъ въ разныя крѣпости, въ томъ числѣ нѣкто Поручикъ одного изъ гвардейскихъ полковъ Тюриковъ содержался въ Шлиссельбургской крѣпости не менѣе 15-ти, въ послѣдствіи былъ освобожденъ съ ссылкою рядовымъ въ г. Тифлисъ, въ одинъ изъ нестроевыхъ батальоновъ, откуда, по ходатайству своихъ родныхъ, Московскихъ жителей, Высочайше уволенъ, съ отдачею его на попеченіе ихъ, но безъ права именоваться какимъ либо званіемъ; менѣе же виновные сосланы въ Сибирь на поселеніе, а пять важнѣйшихъ и главнѣйшихъ тамъ же повѣшены. Замѣчательно, что у двоихъ изъ нихъ петли обрывались: у Полковника Муравьева-Апостола одинъ разъ, а у Поручика Рылѣева два раза.

IX.

Командующій на Кавказѣ и въ Черноморіи Генералъ-Лейтенантъ Вельяминовъ.

Этотъ славный сподвижникъ войнъ 1812 и 1814 годовъ, жилъ, во время управленія Кавказскимъ и Закавказскимъ краемъ Генераломъ А. П. Ермоловымъ, въ городѣ Ставрополѣ со всѣмъ Штабомъ; у него были нѣкоторыя странности въ характерѣ. Такъ

онъ имѣлъ привычку говорить почти всѣмъ: «Дражайшій!» и его видали только тогда, когда онъ отправлялся въ экспедицію противъ Горцевъ, иначе онъ не выходилъ изъ комнатъ занимаемаго имъ дома. Отправляясь ежегодно туда, когда спрашивали его подчиненные Генералы: «Куда?» онъ отвѣчалъ имъ: «Дражайшій! барабанщикъ вамъ это укажетъ!» Въ походѣ онъ ходилъ, подобно Наполеону I-му, сверхъ мундира, въ сѣромъ короткомъ сюртукѣ. У него былъ открытый столъ, къ которому сходились небогатые Офицеры и Чиновники Штаба, а онъ самъ никогда не выходилъ къ оному и кушаньевъ съ этого стола не кушалъ, а ему подавали въ его кабинетъ одно особое кушанье—змѣя, такъ называемаго, желтопуза, подъ желтымъ соусомъ, откормленнаго прежде молокомъ. и это кушанье онъ чрезвычайно любилъ. Онъ былъ одинокъ и умеръ, говорятъ, отъ безстрастія (апатіи) ко всему.

X.

Нѣчто о Генералѣ отъ Артиллеріи А. П. Ермоловѣ.

Этотъ знаменитый герой войнъ 1812 и 1814-го годовъ, по увольненіи его отъ управленія Кавказомъ и Закавказскимъ краемъ и командованія Кавказскимъ Отдѣльнымъ Корпусомъ, въ концѣ Апрѣля, 1826 года, ѣхалъ въ Россію, вмѣстѣ съ славнымъ партизаномъ Отечественной войны, Генералъ-Маіоромъ Д. В. Давыдовымъ, испытавшимъ неудачу отъ новаго Главнокомандующаго тѣмъ краемъ, Генерала Паскевича, въ намѣреніи участвовать въ Персидской войнѣ, и по тому возвращавшимся въ полуколяскѣ. Позади Алексѣя Петровича ѣхала любимая имъ женщина, Лезгинка, отъ коей онъ имѣлъ троихъ дѣтей: двухъ сыновей и дочь, находившихся при ней, въ закрытой коляскѣ, а за нею обозъ съ его имуществомъ. Его сопровождало сильное военное прикрытіе: рота пѣхоты, нѣсколько десятковъ Линѣйныхъ Казаковъ, съ тремя Урядниками огромнаго роста и при одномъ орудіи, по чему весь этотъ поѣздъ двигался довольно медленно до крѣпости Владикавказъ, останавливаясь для ночлеговъ въ Казачьихъ укрѣпленныхъ станицахъ съ закатомъ солнца и выѣзжая изъ нихъ съ восходомъ онаго. Проѣхавъ такъ полдороги до Владикавказа, около полудня онъ остановленъ былъ быстро подъѣхавшимъ къ нему переметчикомъ изъ Горцевъ, съ объявленіемъ, что одно горское племя, узнавъ о смѣнѣ его съ

должности Главнокомандующаго краемъ и возвращеніи въ Россію, и полагая, что онъ ѣдетъ съ значительнымъ богатствомъ, намѣрено вскорѣ напасть на него. Генералъ Ермоловъ, отблагодаривъ его нѣсколькими серебряными рублями (весьма чествуемыми Горцами), тотчасъ же приготовился встрѣтить непріятеля: устроивъ изъ пѣхоты каре, впереди его поставилъ пушку, помѣстивъ весь свой поѣздъ въ срединѣ его, послалъ по обѣимъ сторонамъ для развѣдыванія Казаковъ, а самъ, вмѣстѣ съ Генераломъ Давыдовымъ, вышелъ изъ своего экипажа и поставилъ возлѣ себя и Давыдова трехъ Казачьихъ Урядниковъ, съ рѣшительною готовностію хорошо наказать Горцевъ. Такъ простояли съ полчаса, въ ожиданіи непріятеля, но, вмѣсто его, увидѣли быстро скачущихъ къ каре четырехъ Кабардинскихъ начальниковъ, которые, подъѣхавъ, спѣшились, снявъ свои папахи * (чего Горцы ни передъ кѣмъ не дѣлаютъ, и по тому это была особая честь Алексѣю Петровичу), просили позволенія представиться Его Высокопревосходительству, который, дозволивъ имъ это, спросилъ ихъ на Кабардинскомъ нарѣчіи о причинѣ ихъ явки? Они, почтительно подойдя къ нему, объявили, что пріѣхали засвидѣтельствовать ему въ послѣдній разъ свое уваженіе. Выслушивая, онъ узналъ ихъ, и въ особенности одного, замѣчательнаго тѣмъ, что у него была, въ родѣ родимаго пятна, звѣзда на лбу; въ заключеніе сказали они, чтобъ онъ былъ спокоенъ, не тревожился и не страшился, что слухъ о нападеніи на него есть чистая ложь, основаніемъ коей послужила, ведущаяся не вдалекѣ, драка двухъ враждующихъ племенъ между собою. Генералъ Ермоловъ, поблагодаривъ ихъ за память о себѣ, милостиво простился съ ними, отпустивъ ихъ. За тѣмъ поѣздъ тронулся, поѣхалъ далѣе и чрезъ нѣсколько дней, по пріѣздѣ въ Владикавказъ, Алексѣй Петровичъ остановился у Коменданта этой крѣпости. Онъ былъ тогда въ полномъ развитіи своихъ силъ, съ полнымъ румянымъ лицомъ, съ прекрасными голубыми глазами, орлинымъ носомъ, и въ густыхъ, почти сѣдыхъ, нахмуренныхъ его бровяхъ, было истинно нѣчто грозное, а во всей колоссальной его фигурѣ что-то величественное и важное; при взлядѣ же на его голову, съ бѣлыми волосами, это былъ герой, «какъ лунь, во браняхъ посѣдѣлый!»

---

* Мѣховая шапка.

XI.

Генералъ-Маіоръ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Этотъ чудный гусаръ-рубака, появлявшійся на своемъ ухарскомъ конѣ неожиданно передъ Французами и, какъ тѣнь, мгновенно ускользавшій отъ нихъ, разставшись съ Генераломъ А. П. Ермоловымъ, пріѣхалъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, 1826 года, на Кавказскія Минеральныя Воды и прожилъ тамъ весь курсъ. Около него всегда составлялся большой кружокъ кавалеровъ и дамъ: послушать разсказы объ его военныхъ подвигахъ въ 1812 и 1814 годахъ. И дѣйствительно, любопытны и занимательны были рѣчи объ его боевой тогдашней жизни, его внезапное нападеніе на непріятеля, откуда тотъ вовсе не ожидалъ его, и быстрое изчезновеніе его, веселыя, удалыя его военныя пѣсни и стихи, въ которыхъ онъ восторженно вспоминаетъ то время, товарищей своихъ гусаровъ и разныхъ воякъ той поры. Это былъ прирожденный кавалеристъ-рубака, какъ выражался онъ о сотоварищахъ своихъ, горячо любившій службу, военныя молодецкія схватки и полную разгула жизнь. Но всего забавнѣе его слова, въ шутку, или въ дѣйствительности, высказанныя, когда онъ пилъ воду изъ источника: «Нарзанъ», что онъ во всю свою жизнь не пилъ воды, а здѣсь пришлось ему пить ее и въ такомъ изобиліи! При этомъ вырвалось съ языка его безъ приготовленія четверостишіе:

«Вода мнѣ вовсе не вкусна,
А есть напитокъ благородной,
Сліянье рома и вина,
Безъ примѣси воды негодной!»

XII.

Странная и удивительная личность.

Это Русскій Докторъ, начавшій свою профессію въ Петербургѣ съ 1823 года, продолжавшій практику около сорока лѣтъ и нажившій, посредствомъ своего способа лѣченія, около 200 т. рубл. ассигн., бывъ прежде того бѣднымъ человѣкомъ. Онъ игралъ важную роль между знатью и пользовалъ безпрепятственно во

всѣхъ лучшихъ и богатѣйшихъ домахъ особъ обоего пола. Способъ пользованія его былъ весьма простъ и несложенъ: онъ бралъ отъ лампады, сколько можно влить въ пригоршню руки, деревяннаго масла, съ помощью коего сильно гладилъ и теръ обѣими руками голое тѣло, преимущественно всю спину, водя по нимъ крѣпко пальцами до разгоряченія, * что само по себѣ есть родъ магнетизма, которымъ, вѣроятно, онъ обладалъ въ сильной степени, что подтверждается еще и тѣмъ, что, послѣ каждой подобной, такъ сказать, операціи, онъ впадалъ въ утомленіе, и такимъ способомъ излѣчивалъ отъ многихъ болѣзней, въ особенности же отъ простуды, ломоты и ревматизма, и весьма часто удачно, вылѣчивая многихъ важныхъ особъ изъ дамъ и отъ другихъ болѣзней, между прочимъ отъ водяной. Онъ былъ популяренъ у весьма значительныхъ особъ, какъ, на примѣръ, у Графа А. А. Аракчеева, который любилъ и жаловалъ его, въ особенности за свою любовницу, извѣстную «Настасью», столь счастливо пользованную этимъ докторомъ, что она была починальницею его счастія, обогативъ его на сумму около 50-ти т. рубл. ассигнац. и накупивъ ему дорогой мебели болѣе нежели на три большія комнаты. Вслѣдствіе такой популярности своей, онъ пользовался расположеніемъ и довѣріемъ знати, а пользуя дамъ, зналъ многія семейныя тайны въ лучшихъ домахъ.

По происхожденію своему, онъ незначительный человѣкъ, Олонецкій купеческій сынъ, по имени, отчеству и фамиліи Терентій Трифоновичъ Трифоновъ; при вступленіи его на Докторское поприще, ему было около 27-ми лѣтъ, втайнѣ Старообрядецъ, человѣкъ болѣе нежели средняго роста, съ тонкими чертами и съ весьма желтоватымъ лицомъ, замѣчательный въ особенности тѣмъ, что у него была длинная, но жиденькая, борода, доходившая почти до полу, которую онъ свертывалъ и засовывалъ за шейный платокъ.

Замѣчательно, когда онъ сталъ входить болѣе и болѣе въ славу и богатѣть, и его не пощадилъ червь честолюбія. Ему

---

* Во время моего пребыванія въ Грефенбергѣ у извѣстнаго Присница, 1840—1842 г., также славился подобнымъ способомъ лѣченія, въ ближнемъ селеніи Lange Lindewiese, нѣкто Шротъ, который своихъ больныхъ обоими руками долго и сильно растиралъ по нѣсколько разъ, предписывая при томъ имъ строгое въ пищѣ воздержаніе, и многихъ вылѣчивалъ удачно. О. Б.

хотѣлось втереться съ своимъ лѣченіемъ къ покойному Императору Николаю Павловичу, * что обѣщалъ ему приближенный Его Величества Генералъ Кошелевъ; но это не состоялось только по недоброжелательству къ нему покойнаго Главноначальствующаго надъ Почтовою Частію, Князя А. Н. Голицына, который, по дружбѣ съ Кошелевымъ, хотя сначала и уступилъ ему въ этомъ намѣреніи его, по чему Трифоновъ и былъ приглашенъ ими обоими, по случаю лѣтняго времени, въ Царское Село, во дворецъ, гдѣ Генералъ Кошелевъ имѣлъ особое помѣщеніе, а съ нимъ проживалъ иногда и Князь; но прибывъ къ нимъ и пробывъ у нихъ цѣлый день, онъ былъ въ полной надеждѣ на свое счастіе, между тѣмъ какъ въ теченіи дня имъ ни какъ не удалось представить его къ Государю, а по тому отложено было это до слѣдующаго дня, и Трифоновъ все надѣялся. Въ этомъ убѣжденіи онъ, послѣ вечерняго чая и закуски, отпущенъ былъ ими на покой въ сосѣднюю комнату, въ коей, спустя нѣкоторое время, услышалъ ихъ обоюдный о себѣ споръ: Кошелевъ настаивалъ представить его Императору, а Князь противился тому, доказывая, что «Трифоновъ, по простотѣ своей, можетъ понравиться Государю, но при болтливости своей скажетъ, пожалуй, ему что ни будь на счетъ ихъ, и этимъ повредитъ имъ!» Кошелевъ на это не возражалъ. И такъ, на другой день, утромъ, послѣ кофею и чаю, они, обласкавъ его, отпустили въ Петербургъ, объявивъ ему, что въ этотъ разъ, за множествомъ докладовъ Императору особенныхъ дѣлъ и чрезвычайнаго занятія его, нѣтъ времени представить его къ Его Величеству, но что они исполнятъ то въ другой разъ, въ чемъ разсыпались ему въ краснорѣчивыхъ увѣреніяхъ. Между тѣмъ послѣ, при многократныхъ своихъ приглашеніяхъ его потереться отъ простуды, они болѣе никогда уже не заводили съ нимъ объ этомъ предметѣ разговора.

XIII.

Нѣсколько словъ о Губернской администраціи 1830-хъ годовъ.

Богатый человѣкъ, чиновникъ въ отставкѣ и природный дворянинъ, Винницкій, живя въ Петербургѣ, въ 1831 году, имѣлъ на-

---

* Вѣроятно, Александру Павловичу. О. Б.

добность быть въ г. Херсонѣ, куда и пріѣхалъ безъ подорожной, а съ однимъ лишь аттестатомъ о службѣ, вмѣстѣ съ знакомымъ ему Провіянтскимъ Коммисіонеромъ Лоренценомъ, ѣхавшимъ по службѣ въ г. Симферополь, и по тому, разставшись съ послѣднимъ, понадобилось ему, какъ для взятія себѣ подорожной до г. Одессы, которую онъ хотѣлъ видѣть, а равно и обратнаго слѣдованія въ Петербургъ, достать на эти предметы денегъ. Вынувъ изъ своего бумажника одинъ изъ билетовъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта въ 150 руб. ассигнац., отправился онъ съ нимъ, въ слѣдствіе Субботняго дня, и какъ время было уже болѣе полудня и нельзя было предъявить его въ тамошній Приказъ Общественнаго Призрѣнія, въ Гостинный дворъ, гдѣ обратился съ онымъ къ богатому купцу Еврею, который, усомнясь въ дѣйствительности значенія таковаго, для удостовѣренія, попросилъ его сходить вмѣстѣ съ нимъ къ Уѣздныхъ дѣлъ Стряпчему, что онъ охотно и исполнилъ; а какъ Стряпчій разрѣшилъ его сомнѣнія, то Еврей, взявъ отъ него билетъ, согласился выдать ему желаемую сумму, съ уступкою только процентовъ, и пригласилъ его для этого къ себѣ въ домъ. Идя дорогой, Винницкій неосторожно проговорился ему, что онъ богатый человѣкъ, при чемъ показалъ ему всѣ свои банковые билеты, болѣе нежели на 83-ри т. рубл. ассигнаціями. Весьма естественно, что Еврей, по своей природной жадности къ деньгамъ, возъимѣлъ сильное намѣреніе пріобрѣсть его капиталъ, для чего предлагалъ ему купить имѣвшіеся у него векселя, на сумму болѣе нежели 150 т. рубл. ассигнац.; но какъ тотъ, не бывъ знакомъ съ исковою частію и, не желая промѣнять вѣрное на невѣрное, на отрѣзъ откалалъ, то Еврею это видимо не понравилось; по чему онъ задумалъ повести противъ него атаку другимъ способомъ. За тѣмъ Винницкій дошелъ до его дома, довольно большаго, по тогдашней постройкѣ въ г. Херсонѣ. Взойдя съ нимъ во второй этажъ, гдѣ встрѣтили ихъ жена и дочь его, взрослая молодая дѣвушка; Еврей для сдѣланія расчета въ процентахъ, попросилъ его нѣсколько подождать, и удалился въ другія комнаты; но не прошло и четверти часа, какъ вдругъ является въ гостинную уланскій Штабъ-Офицеръ, называя себя ремонтёромъ, только что прибывшимъ въ г. Херсонъ и отыскивающимъ приличную себѣ квартиру: осматриваясь вокругъ, быстро подошелъ къ нему съ вопросомъ: «Кто онъ такой и откуда?» Показавъ при этомъ ему билетъ, данный имъ Еврею для размѣна, спросилъ: «Его ли это?» Само сомою раз-

умѣется, что эта выходка чрезвычайно его поразила, и онъ, ни мало не потерявшись и не смѣшавшись, отвѣчалъ утвердительно, на прочіе же вопросы не далъ ему ни какого отвѣта. Еврей же болѣе уже не являлся. А уланъ объявилъ ему, что онъ Полиціймейстеръ г. Херсона и приглашалъ его въ Полицейское Управленіе, спрашивая, не имѣетъ ли онъ еще другихъ подобныхъ билетовъ и какихъ либо бумагъ? на что тотъ не счелъ нужнымъ отвѣчать ему. Между тѣмъ, какъ все это происходило, на порогѣ этой комнаты незамѣтно появился и Квартальный Надзиратель съ нижними Полицейскими служителями, а уланъ-Полиціймейстеръ продолжалъ настаивать приглашать его въ Управленіе Полиціи, и Винницкій, какъ правый и уступая силѣ, пошелъ съ нимъ туда, гдѣ, за Зерцаломъ, уланъ по прежнему подтвердилъ ему, что онъ Полиціймейстеръ г. Херсона, Полковникъ Лобасевичъ, и настоятельно просилъ его показать ему всѣ имѣвшіеся при немъ банковые билеты и бумаги, что тотъ безъ всякаго опасенія и исполнилъ, вынувъ ихъ изъ боковаго кармана своего сюртука, а съ ними аттестатъ о своей службѣ, послѣдняго мѣста служенія своего Отдѣленія Духовныхъ Дѣлъ Греко-Россійскаго Исповѣданія. Лобасевичъ, увидя тѣ билеты его на столь значительную сумму, какъ выше сказано, былъ чрезвычайно удивленъ, что онъ при молодыхъ лѣтахъ имѣетъ такой капиталъ; за тѣмъ спросилъ его: «Откуда онъ пріобрѣлъ такое состояніе?» и съ тѣмъ вмѣстѣ видимо заронилась у него злая мысль, признавъ для этого, какъ казалось, соотвѣтственнымъ, по его понятіямъ, недавній случай, бывшій въ Херсонѣ, что какой-то аферистъ, посѣтившій этотъ городъ, обманулъ многихъ жителей его подъ разными видами, а Винницкій какъ будто нарочно подъѣхалъ въ слѣдъ за нимъ. А какъ Винницкій отвѣчалъ ему насмѣшливо, то Лобасевичъ сдѣлалъ придирку, за чѣмъ онъ размѣнивалъ на торгу билетъ. Разсматривая же аттестатъ о службѣ его, усомнился въ подлинности его, назвавъ фальшивымъ, основавшись въ этомъ на томъ только, что нашелъ въ исчисленіи времени прохожденія имъ службы, въ цыфрѣ 8 хвостикъ, который въ сущности былъ не что иное, какъ росчеркъ писца, писавшаго его; по чему сталъ предлагать ему неумѣстные вопросы: «За чѣмъ онъ появился въ г. Херсонѣ, откуда, за чѣмъ и куда ѣдетъ?» и въ слѣдъ за тѣмъ отобралъ отъ него всѣ банковые билеты, аттестатъ, послалъ на квартиру взять чемоданъ его и задержалъ оный при Полицейскомъ Управленіи.

Пока все это происходило, незамѣтно появился тутъ Штабъ-Офицеръ Корпуса Жандармовъ, Полковникъ Ожигинъ, который, отведя Винницкаго въ особую комнату, сталъ спрашивать о томъ же, что и Лобасевичъ, на что тотъ отвѣчалъ ему, что состояніе его есть наслѣдственное и что онъ недавно оставилъ службу, въ чемъ свидѣтельствуется аттестатомъ своимъ. За тѣмъ Ожигинъ присовокупилъ: «Не Полякъ ли онъ? не похитилъ ли это состояніе у родныхъ, уѣхавъ тайно отъ нихъ? Не ѣдетъ ли изъ Вильны, гдѣ въ 1830-хъ годахъ было волненіе Студентовъ тамошняго Университета, и не принадлежитъ ли и онъ къ числу тамошнихъ возмутителей?» Винницкій на всѣ эти вопросы отвѣчалъ ему отрицательно, прибавивъ, что о безпокойствѣ Студентовъ Виленскаго Университета впервые отъ него слышитъ; но Ожигинъ настойчиво отъ него требовалъ въ этомъ сознанія, а тотъ все таки оставался при справедливомъ своемъ убѣжденіи. По чему Ожигинъ, испытавъ неудачу въ своихъ гадательныхъ заключеніяхъ о немъ и, такъ какъ онъ не просилъ его защиты себѣ, остался примѣтно недоволенъ имъ; возвратясь же вмѣстѣ въ Присутствіе Полицейскаго Управленія, съ сердцемъ сказалъ, обратясь къ Лобасевичу: «Арестовать его и предложить ему по формѣ письменные вопросы,» и за тѣмъ немедленно удалился. Лобасевичъ, въ слѣдствіе этого, пригласилъ Письмоводителя Полиціи написать вопросные пункты, который, составивъ ихъ, предложилъ Винницкому написать на оные отвѣты; въ вопросахъ же исключительно настаивали и добивались все одного и того же, что сказано выше. Этотъ послѣдній, удивленный такими неосновательными и неумѣстными требованіями ихъ, естественно пришелъ на всѣхъ ихъ въ негодованіе, и съ желчью письменно отвѣчалъ на ихъ вопросы насмѣшливо—стихами!

Послѣ этого отвели его тамъ же, въ особую комнату, къ дверямъ коей, по приказанію Ожигина, приставлены были два жандарма съ скрещенными обнаженными палашами, которые и сопровождали его такъ, когда нужно ему было куда либо выйти.

Тутъ онъ переночевалъ, а на другой день, въ полдень, Лобасевичъ, повезъ его на своихъ дрожкахъ въ Губернское Правленіе, гдѣ собраны были всѣ Члены всѣхъ Губернскихъ и Уѣздныхъ Присутственныхъ Мѣстъ, и въ числѣ ихъ Предсѣдатель Врачебной Управы съ Членами, всѣ возсѣдавшіе за огромнымъ сто-

ломъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, а во главѣ ихъ находился тамошній Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ганскау, который и представилъ его Присутствію.

Губернаторъ и нѣкоторые Члены повторили ему на словахъ тѣ же вопросы, что и Лобасевичъ, и онъ отвѣчалъ имъ одно и то же, выпустивъ изъ виду, по молодости и неопытности своей, что здѣсь онъ имѣлъ для себя защитника въ лицѣ Губернскаго Прокурора, къ которому ему слѣдовало обратиться въ этомъ непріятномъ для него случаѣ. Они же, въ слѣдствіе однообразныхъ отвѣтовъ его, остались недовольны, при чемъ исключительно настаивали на одномъ обстоятельствѣ: «За чѣмъ, де, онъ размѣнивалъ у Еврея свой именной Банковый билетъ?» утверждаясь въ мысли, что онъ вовсе не то лицо, которое значится въ аттестатѣ, а похититель чужой собственности, да и самый аттестатъ есть, де, чужой. За тѣмъ повели его къ мѣрѣ, и вымѣряли его ростъ.

Послѣ этого Лобасевичъ, пригласивъ его ѣхать съ собою, привезъ въ тамошній тюремный замокъ, гдѣ и содержался онъ, какъ уголовный, опасный, важный преступникъ, болѣе девяти мѣсяцевъ, на самобѣднѣйшемъ суточномъ содержаніи, ѣлъ все сухое, не имѣвъ ни одного раза горячей пищи, помѣщаясь одинъ въ казаматѣ, всегда подъ запоромъ, лишенный, для развлеченія и утѣшенія, книгъ; изъ окна его жилища не видно было даже свода небеснаго, но только одна бѣлая высокая стѣна каменнаго забора.

Изъ этого само собою разумѣется, что такимъ ужаснымъ и безчеловѣчнымъ стѣсненіемъ Винницкаго, имѣлось въ виду, вѣроятно, что онъ, по молодости лѣтъ своихъ, не перенесетъ тяжелаго, ужаснаго истязанія ихъ надъ нимъ, но можетъ лишить себя жизни, либо же сойдетъ съ ума, или же, какъ говорится, нечувствительно угаснетъ, зачахнетъ и умретъ въ продолжительное время содержанія своего въ тюремномъ замкѣ. Но какъ разочаровались они, когда увидѣли, что онъ ни мало не упалъ духомъ, а, съ твердой увѣренностію въ чистотѣ своей, принялся дѣйствовать противъ нихъ, пославъ письмо къ послѣднему начальнику своему, хорошо и коротко его знавшему, тогдашнему Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, Тайному Совѣтнику С. Д. Нечаеву, въ которомъ описалъ яркими красками этотъ несчастный случай съ нимъ и всѣ дѣйствія Губернскаго Начальства, въ слѣдствіе чего Г. Нечаевъ немедленно отнесся къ Губернатору Ганскау, раз-

увѣривъ его и все Губернское Начальство въ ошибочности и ложности ихъ заключеній о немъ, и при томъ, съ замѣчаніемъ имъ, что: «увольняемому отъ службы чиновнику выдается только одинъ аттестатъ, и не требуется ничего болѣе.»

Тогда-то освободили его и отдали ему чемоданъ съ платьемъ и другими вещами, но банковыхъ билетовъ и аттестата не возвратили, опасаясь (заключая изъ бумагъ его и долговыхъ документовъ ему разныхъ значительныхъ лицъ), что онъ, имѣя большія знакомства въ Петербургѣ, съ полученіемъ капитала и своего документа, не завелъ бы съ ними большаго дѣла; а, чтобъ вовсе избавиться отъ такого, по ихъ мнѣнію, проходимца, да при томъ и совѣсть говорила противъ ихъ, равно и городская молва громко и сильно объ ихъ несправедливомъ поступкѣ противъ него, распорядились, списавшись съ Окружнымъ Генераломъ Корпуса Жандармовъ, Ноженомъ, отправить его, не извѣстно на какомъ основаніи, въ Петербургъ, не въ родѣ арестанта, но съ жандармомъ и на его же счетъ, гдѣ и сдать въ Управу Благочинія. Во исполненіе чего, Губернское Начальство, взявъ одинъ изъ мелкихъ билетовъ его С.-Петербургской Сохранной Казны въ 500 руб. ассигнац. и, размѣнявъ его, деньги эти дало на руки жандарму, съ шнуровою тетрадью на записку прогоновъ на курьерскую тройку и за продовольствіе его въ пути. Его везли безостановочно день и ночь, а кормилъ жандармъ весьма скудно и ни одного разу въ дорогѣ не напоилъ его чаемъ; капиталъ же, аттестатъ и другія бумаги, вмѣстѣ съ дѣломъ о немъ, препровождены въ С.-Петербургскую Управу Благочинія.

Такъ онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, поздно вечеромъ, и, такъ сказать, брошенъ въ общую арестантскую Управы Благочинія, гдѣ находился три дня, потомъ былъ приглашенъ въ Присутствіе Управы, члены коей, конечно, немало были удивлены самоуправствомъ Херсонской администраціи.

Но и тутъ не обошлось безъ непріятностей и безъ неудовольствій: такъ какъ Стряпчій Управы медлилъ пропустить журналъ о выдачѣ Винницкому всего достоянія его, ожидая, безъ сомнѣнія, отъ него, прежде всего, за то благодарности, то по этому онъ жаловался на Стряпчаго бывшему тогда Шефу Корпуса Жандармовъ, Генералъ-Адъютанту Графу Бенкендорфу, который, чрезъ сношеніе съ тогдашнимъ С.-Петербургскимъ Оберъ-Полиціймейстеромъ, Генераломъ Кокошкинымъ, приказалъ выдать ему капиталъ, аттестатъ и всѣ бумаги его.

Но продолжительное содержаніе его въ Херсонскомъ тюремномъ замкѣ съ его послѣдствіями сильно повліяло на его, и онъ сдѣлался несчастливъ: измѣнился совершенно въ характерѣ, впалъ въ равнодушіе ко всему (апатію), и потерялъ все состояніе свое.

XIV.

Удивительная, загадочная и непонятная личность.

Въ концѣ 1820-хъ и 1830-хъ годовъ проживала въ Петербургѣ весьма вредная личность, особенно для молодыхъ людей: то былъ самый искуснѣйшій изъ бильярдныхъ игроковъ, обыгрывавшій своихъ жертвъ на большія тысячи рублей, не только не уступавшій въ искусствѣ игры извѣстному маркёру «Тюрѣ», но въ умѣньи мистифироваться, маскироваться и держать себя бариномъ, одѣваясь всегда отлично и имѣя богатую и хорошо убранную квартиру, болѣе выигрывалъ и даже превосходилъ его. Онъ называлъ себя Фридрихсгамскимъ первостатейнымъ купцомъ, по происхожденію былъ яко бы Бѣлевскимъ мѣщаниномъ, Алексѣемъ Герасимовымъ Долгашовымъ, но въ послѣдствіи жилъ подъ названіемъ С-Петербургскаго 1-й гильдіи купца, во всѣхъ же ресторанахъ, гостинницахъ и трактирахъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Смоленскаго».

При такой мистификаціи, иногда проявлялось въ немъ хорошее знаніе Нѣмецкаго языка, на которомъ онъ объяснялся свободно; но это знаніе онъ тщательно скрывалъ, а всего болѣе поражали странныя, но случайно вырывавшіяся у него, выходки: такъ онъ въ просонкахъ командовалъ подобно полковому командиру, а на обѣихъ ногахъ его, на щиколоткахъ, были глубокіе слѣды оковъ.

И такъ, по всѣмъ этимъ даннымъ, его ни какъ нельзя понимать тѣмъ, кѣмъ онъ всячески старался представлять и выдавать себя: это не былъ ни мѣщанинъ, ни купецъ и вообще не простолюдинъ. Это была личность весьма загадочная, таинственная, непонятная. А и того болѣе должно было считать его такимъ по тому, что онъ имѣлъ большія знакомства; такъ къ нему хаживали очень часто и дружили съ нимъ: Командиръ всей Морской

артиллеріи въ г. Кронштадтѣ, полный Генералъ Смирницкій, и Инспекторъ тамошней артиллеріи, Генералъ-Лейтенантъ Примо, у которыхъ онъ бралъ, для представленія въ залогъ на взятіе съ публичныхъ торговъ по питейнымъ откупамъ городковъ въ Польскихъ Губерніяхъ, ломбардные билеты на сумму около 80 тысячь рублей ассигнаціями, и возвратилъ ихъ имъ исправно.

Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ характерѣ его были рѣзкія, крайне выдающіяся, противоположности: онъ не пренебрегалъ никакими незаконными средствами: такъ, въ лѣтнее время привозили къ нему въ квартиру контрабанду, при вскрытіи коей онъ бралъ себѣ какую ни будь хорошую вещь, и за тѣмъ отправлялъ контрабанду по назначенію; а въ послѣдствіи выманилъ на равную сумму, что у Гг. Смирницкаго и Примо, у Полковника Морской Артиллеріи С. З. Остапова и Дежурнаго Штабъ-Офицера Морскаго Штаба Веселаго, также, будто бы, для названной операціи, и, обманувъ ихъ, разыгралъ роль несчастнаго банкрота.

Такъ, въ теченіи своего болѣе полутора десятка лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ, Долгашовъ обманулъ и обыгралъ многихъ, богатыхъ и посредственныхъ; но есть одно чрезвычайно важное и замѣчательное происшествіе, сбывшееся тамъ, между тѣмъ никѣмъ не раскрытое и оставшееся до сихъ поръ покрытое мракомъ неизвѣстности, которое, въ свое время, надѣлало много шума, подавало поводъ долгое время къ разговорамъ въ лучшихъ домахъ столицы, и въ которомъ онъ былъ непосредственнымъ дѣятелемъ, а, разыгравъ его весьма искусно и удачно, остался, такъ сказать, въ сторонѣ, незамѣченный.

Это было въ 1835 году, въ Августѣ мѣсяцѣ, предъ выступленіемъ изъ лагеря Гвардейскаго Корпуса. Какой-то молодой человѣкъ, прекрасно одѣтый, пріѣхавъ съ лихачомъ извощикомъ на Никольскій рынокъ, къ извѣстиому тогда мѣняйлѣ Яковлеву, назвалъ себя Управляющимъ Корпуснаго Командира Гвардейскаго Корпуса, Генерала Бистрома, объявляя ему, что его господину нужно ассигнапій на 80 тыс. рублей, въ обмѣнъ на эту сумму, имѣющихся у Генерала, серебряныхъ денегъ, прося, чтобъ Яковлевъ привезъ ихъ въ такіе-то часы того дня на квартиру его, находящуюся въ домѣ, бывшемъ Брискорна, а въ настоящее время Хрущова, что на Англійской Набережной. Мѣняйла, вмѣстѣ съ другимъ, завязавъ въ чайную салфетку названную сумму, отпра-

правился въ назначенные часы туда. Квартира въ этомъ домѣ, дѣйствительно, не задолго до этого происшествія, была нанята сказаннымъ молодымъ человѣкомъ на имя Генерала Бистрома и данъ задатокъ, въ которую онъ привезъ мебели на двѣ, или на три, комнаты и меблировалъ ее съ чернаго хода. Яковлевъ, съ товарищемъ своимъ, прибывъ по назначенію, нашли домъ и, не осмѣливаясь войти парадными ходомъ, пошли на задній, въ намѣреніи навѣдаться и дать знать о своемъ прибытіи прислугѣ. Поднявшись на верхъ, на порогѣ оттворенной комнаты встрѣтилъ его тотъ самый молодой человѣкъ, что пріѣзжалъ къ нему и, быстро обратившись съ словами, что «Генералъ давно его ожидаетъ и нездоровъ», схватилъ изъ рукъ его салфетку съ ассигнаціями и поспѣшно ввелъ въ квартиру, гдѣ Яковлевъ увидѣлъ на полу много мѣшковъ, правильно сложенныхъ одинъ на другой, изъ которыхъ молодой человѣкъ, взявъ одинъ и высыпавъ изъ него, какъ бы на удачу, весьма много серебряныхъ рублей, поручилъ ему считать ихъ и продолжать пересчитывать слѣдующія, находящіяся въ прочихъ мѣшкахъ деньги, до послѣдняго, а между тѣмъ самъ ушелъ въ сосѣднюю комнату, считать, вмѣстѣ съ Генераломъ, ассигнаціи, откуда дѣйствительно былъ слышенъ разговоръ двухъ человѣкъ, умолкшій чрезъ нѣкоторое время. Яковлевъ, пересчитавъ данную ему сумму, взялъ другой мѣшокъ, развязалъ его, но, къ удивленію своему, увидѣлъ въ немъ одни только кремни, и сколько ни трудился надъ развязываніемъ и разсматриваніемъ другихъ остальныхъ, находилъ въ нихъ все такіе же камышки.

Озадаченный этою продѣлкой, онъ пошелъ въ ту комнату, въ которую скрылся молодой человѣкъ съ его ассигнаціями, но не нашелъ тамъ никого, а увидѣлъ, что это были пустыя, не меблированныя парадныя комнаты, съ ходомъ на улицу, который былъ оттворенъ. Возвратясь назадъ, взялъ мѣшокъ со считанными имъ деньгами, на которыя онъ такъ несчастливо и забавно обмѣнялъ свои 80 тыс. рублей ассигнаціями, спустился въ низъ на дворъ, обратился къ домовому дворнику съ вопросомъ: «Кто нанимаетъ эту квартиру?» и узналъ, что квартира нанята, нѣсколько дней назадъ, дѣйствительно на имя Генерала Бистрома, полученъ задатокъ и привезена частію мебель, но что онъ самъ не пріѣзжалъ еще изъ лагеря и не показывался въ оной, а кто такой молодой человѣкъ, ему не извѣстно.

Тогда-то Яковлевъ, понявъ хитрый и ловкій обманъ, обра-

тился съ объявленіемъ объ этомъ случаѣ къ бывшему тогда Оберъ-Полиціймейстеру, Генералу Кокошкину, но сколько ни разыскивали этого мошенника, онъ, какъ говорится, словно канулъ въ воду, и исчезъ. Осталось только одно объявленіе о немъ въ С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ. А въ домахъ столицы, какъ обыкновенно водится, сначала долго говорили объ этомъ происшествіи, потомъ замолкли, а далѣе и совсѣмъ забыли объ немъ.

А зимою того года Долгашовъ, однажды поздно вечеромъ, нанявъ четвероместную ямскую карету съѣздить повеселиться въ Царское Село, взялъ съ собою любимицу свою, чиновницу А. А. Пирогову, и, пригласивъ для компаніи Г. Винницкаго и отставнаго кирасирскаго Поручика, помѣщика Александра Яновскаго,* отправился въ четверомъ туда и, прибывъ, остановился тамъ въ лучшей гостинницѣ. Войдя въ бильярдную комнату, Долгашовъ потребовалъ для всѣхъ чаю, и пока пили его безъ него (такъ какъ онъ въ это время куда-то вышелъ), не прошло и получаса, какъ онъ влетаетъ въ эту комнату съ огромнымъ узломъ старой красной салфетки и, развязавъ его, сталъ выбрасывать на бильярдъ множество пачекъ ассигнацій различнаго достоинства, говоря, что это онъ выигралъ у одного Графа, и просилъ названныхъ своихъ спутниковъ пересчитать всю сумму, чѣмъ они и занялись, и по пересчетѣ оказалось какъ разъ 80 тысячъ руб. ассигнаціями.

Долгашовъ, уложивъ и увязавъ ихъ по прежнему въ ту же салфетку, немедленно отправился съ тѣми же приглашенными обратно въ Петербургъ, куда прибывъ, вскорѣ всѣ легли спать, а на другой день онъ задалъ великолѣпный пиръ, на которомъ были названные выше Генералы: Смирницкій и Примо, Адъютантъ перваго, другъ и пріятель Долгашова, Лодыгинъ, и многіе Морскіе Офицеры.

Если это чудное дѣло Долгашова, по чрезвычайно разительному сходству своему съ происшествіемъ мѣняйла Яковлева, оставлено было безъ вниманія и не оглашено Винницкимъ и Яновскимъ, то это весьма неудивительно, такъ какъ первый былъ весьма удрученъ своими несчастіями и не могъ слѣдить за посторонними дѣлами, а второй былъ вѣрный поклонникъ Долгашова.

---

* Жена котораго была главною виновницей, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, отставнымъ Поручикомъ Виссаріономъ, убійства своего отца, Курскаго помѣщика Оловенкова, въ первой половинѣ 1830-хъ годовъ.

XV.

Крутая мѣра, употребленная противъ неповиновенія крестьянъ, и послѣдствія ея.

Въ Кизлярскомъ Уѣздѣ Ставропольской Губерніи, въ 1850 году, разыгралась чрезвычайно кровавая драма.

Помѣщикъ этого Уѣзда, отставной лейбъ-гвардіи Уланскаго полка Ротмистръ Калантаровъ, владѣя имѣніемъ, въ числѣ тысячи душъ, имѣлъ двухъ братьевъ, не пользовавшихся, по званію своему, правомъ на владѣніе этимъ имѣніемъ, между тѣмъ желавшихъ по этой, или по какой-либо другой, причинѣ, раздѣлиться съ нимъ и получить отъ него каждый, за свою часть, деньги. Исполняя это, Калантаровъ, не желая продавать имѣнія, наложилъ на крестьянъ большій противъ прежняго оброкъ и умножилъ работы столь обременительныя, что они отказались отъ выполненія, съ угрозою, что вовсе не хотятъ повиноваться ему, что пусть лучше обратятъ ихъ въ казну и, чтобъ онъ выѣхалъ изъ имѣнія и никогда не показывался въ немъ, а то убьютъ его. Въ такомъ положеніи дѣла онъ обратился съ жалобой къ бывшему тогда Командующему войсками на Кавказской Линіи и Черноморіи и Управляющему также гражданскою частію, Генералъ-Лейтенанту Завадовскому, прося его защиты, усмиренія непокорныхъ и приведенія ихъ въ повиновеніе ему. Въ слѣдствіе сего Генералъ этотъ, призвавъ тогдашняго Начальника Ставропольской Губерніи, Генералъ-Маіора Волоцкаго, приказалъ ему взять значительное число Линѣйныхъ Казаковъ и артиллерію, расположенную въ верстахъ двадцати отъ Ставрополя, въ селеніи Пелагіадѣ, отправиться съ ними въ имѣніе помѣщика Калантарова и, въ случаѣ сопротивленія крестьянъ повиноваться помѣщику и ослушанія высшей власти, командированной для убѣжденія ихъ «признавать власть своего господина», употребить вооруженную силу, однимъ словомъ— стрѣлять въ нихъ. Но Генералъ Завадовскій, посылая туда Губернатора, схитрилъ: не далъ ему на этотъ предметъ предписанія, ограничиваясь словеснымъ приказаніемъ, а Волоцкой, зная суровый и строптивый характеръ его, не рѣшился напомнить ему объ этомъ, тѣмъ болѣе, что это было дѣло спѣшное. Взявъ Казаковъ и артиллерію, Волоцкой отправился и, прибывъ къ возмутившимся крестьянамъ, занявшимъ площадь, на которой стояла сельская церковь, съ оградою вокругъ ея, окружилъ ее, гдѣ стоявшіе сильно

волновались, шумѣли и кричали. Волоцкой, войдя въ ограду и ставъ посреди ихъ, уговаривалъ прекратить возмущеніе, разойтись и повиноваться своему помѣщику, но никакія кроткія мѣры не имѣли успѣха, а по тому онъ, выйдя отъ нихъ, послалъ въ среду ихъ Казаковъ, желая смять и разсѣять; крестьяне же, въ отвѣтъ на это, стали бросать въ Казаковъ камни и дубье и многихъ поранили. Губернаторъ, видя безуспѣшность этой мѣры, приказалъ стрѣлять по нимъ изъ ружей холостыми зарядами; но и этотъ способъ былъ неуспѣшенъ: крестьяне продолжали дѣлать то же, что и противъ Казаковъ, а по тому тотъ велѣлъ стрѣлять противъ нихъ боевыми зарядами и, убивъ на мѣстѣ около двухъ сотъ человѣкъ, привелъ этою мѣрой въ повиновеніе ихъ, и возвратился въ Ставрополь къ Завадовскому съ донесеніемъ объ исправномъ исполненіи своего порученія, чѣмъ тотъ и остался доволенъ.

Но помѣщикъ Калантаровъ вскорѣ явился къ Командующему Завадовскому съ жалобой на многое число убитыхъ крестьянъ его, прибавляя, что онъ будетъ безпокоить за такую жестокую мѣру Государя, а тотъ отвѣчалъ ему, что это все сдѣлалъ Губернаторъ безъ его приказанія, по чему онъ жаловался бы на него. За тѣмъ, призвавъ Волоцкаго, потребовалъ отъ него объясненія, какъ бы въ самоуправномъ распоряженіи, но этотъ сослался на словесное его приказаніе: однако Завадовскій отрекся отъ этого, возразивъ ему, что онъ не давалъ ему письменнаго приказанія, чѣмъ и поставилъ его въ отвѣтственное положеніе. Губернаторъ, испросивъ отпускъ, отправился въ Тифлисъ и, явясь тамъ къ Намѣстнику, Князю Воронцову, доложилъ ему объ этомъ случаѣ, разсказавъ все, какъ было, а Князь, взявъ его подъ свою защиту, призналъ его справедливость, донеся объ этомъ происшествіи Императору, и тѣмъ только Генералъ Волоцкой отдѣлался отъ непріятностей.

Ѳ. Н. Виницкій.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ЗНАЧЕНІИ ИМЕНИ

РЯЗАНЬ.

Между подлежащими разрѣшенію вопросами, по предмету вообще старины Рязанской, не можетъ не обращать на себя ближайшаго вниманія всякаго, занимающагося, или сколько ни будь любопытствующаго ею, самое имя Рязань, происхожденіе и значеніе котораго до сихъ поръ не объяснены положительно изслѣдователями. Касательно этого загадочнаго имени извѣстны, высказанныя печатно, два предположенія: Макарова и Черткова.

Макаровъ, производя названіе рѣки Рясы (текущей, съ нѣсколькими соименными ей притоками, по Ряжскому и Раненбургскому Уѣздамъ Рязанской Губерніи) отъ слова «ряса», которое, по его истолкованію, означаетъ «грязную, топко-болотистую землю», или просто «топь» (именно, толкуя слово ряса такъ: «ря» у Мордвы, Шведовъ и Финновъ значитъ сырость, болото, а «са» у Тунгусовъ и Татаръ—земля, мѣстность), дошелъ до мысли, что и имя Рязань происходитъ отъ того же слова «ряса». [1] Принимая эту мысль, Иловайскій, въ своей «Исторіи Рязанскаго Княжества», объясняетъ, что въ словѣ ряса», которое, говоритъ онъ, добавляя отчасти толкованіе Макарова, означаетъ топкое, нѣсколько болотистое, мѣсто, обыкновенно заросшее мелкимъ кри-

---

* Изслѣдованіе это, первоначально напечатанное въ Рязанскихъ Епархіяльныхъ Вѣдомостяхъ за 1872 г. № № 10, 11 и 12, вновь перепечатывается по сдѣланномъ исправленіи.

[1] Чтенія въ Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1841 г. № 1, см. «Замѣчанія Макарова о земляхъ Рязанскихъ», стр. 8, и того же 1841 г. № 3, въ «Добавленіи», Макарова къ тѣмъ же «Замѣчаніямъ», стр. 96.

вымъ лѣсомъ или кустарникомъ, прежде всего сказалась характеристическая черта мѣстной природы, а потомъ названіе страны перешло къ первому появившемуся здѣсь городу. [2] Но, во первыхъ, ни древнее, ни позднѣйшее словоупотребленіе имени Рязани, на языкѣ письменномъ и устномъ, не доказываетъ однородства этого имени съ корнемъ «ряса»: въ большинствѣ лѣтописей оно, съ самаго перваго и изначальнаго въ нихъ упоминовенія, пишется «Резань» (въ Воскресенской, Кіевской, Никоновской, Густинской и Столярной лѣтописяхъ, [3] также въ лѣтописныхъ спискахъ Ермоловскомъ и Хлѣбниковскомъ, приведенныхъ въ разночтенія къ Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтопис.) [4] и «Рѣзань» (въ Воскрес. и Царственной лѣт.), [5] въ нѣкоторыхъ же другихъ лѣтописяхъ значится и «Рязань» (въ Лаврент. и Ипат. лѣт.), [6] а въ иныхъ приводится двояко,

---

[2] Исторія Рязанскаго Княжества, Иловайскаго. Москва. 1858 г., стр. 23.

[3] Воскр. л. ч. 1, стр. 24—30. Кіевск. по Карамз. III, прим. 89. Никон. по Кар. V, пр. 214 и XII, пр. 433. Густинск. въ прибавл. къ Ипат. л., стр. 281. Столярн. по Карамз. XII, пр. 64.

[4] См. Ипат. л. стр. 26, въ подстроч. замѣч. подъ букво щ.

[5] Воскр. л. ч. 1, стр. 24, Царств., стр. 14, также въ Росписи крѣп. и воеводамъ. Карамз. IX, пр. 452. Здѣсь не излишнимъ считаемъ коснуться вопроса о первомъ упоминовеніи въ лѣтописяхъ имени Рязань. Обыкновенно относятъ то къ 1096 г. (Карамзинъ, Иловайскій), когда Олегъ Святославичъ, изгнанный изъ Чернигова и не принятый Смольнянами, «иде къ Резаню». Но лѣтописное указаніе сего имени можно найти и опредѣлить ранѣе. Сынъ Ярослава В., Святославъ, въ 1054 г., по завѣщанію отца, получилъ себѣ въ удѣлъ вмѣстѣ съ Черниговомъ «и всю страну восточную до Мурома» (въ одной лѣт. XV стол., хранящейся въ Синод. Библ. № 349, л. 227, и въ Новгород. стр. 311): здѣсь нѣтъ именнаго упоминовенія Рязани, но она несомнѣнно включалась сюда. Въ указываемомъ тутъ мѣстѣ Воскрес. лѣт. замѣчается: «Святославъ сѣде на Черниговѣ. Отъ того пошли Муромскіе и Рязанскіе князи. За Олгомъ былъ Муромъ да Рѣзань, а за Ярославомъ Черниговъ. «Когда это было?» Безъ сомнѣнія, еще при жизни самаго Святослава, и именно съ вступленіемъ послѣдняго на Великокняжескій Кіевскій престолъ, т. е., въ 1070 году, такъ какъ это единственно и могло быть только въ указанное время, и больше ни въ какое другое. Ярославъ былъ меньшимъ изъ братьевъ и находился первоначально при отцѣ въ Черниговѣ, гдѣ онъ естественно и остался княжить съ переходомъ отца въ Кіевъ, подъ ближайшимъ его наблюденіемъ и руководствомъ. Къ этому-то времени, т. е., ко времени княженія Святослава въ Кіевѣ, съ 1070 по 1076 г., и относится приведенное свидѣтельство Воскр. лѣт., а вмѣстѣ и первое упоминовеніе о Рязани, именно съ 1070 г. Замѣтимъ при этомъ, что въ сказанномъ мѣстѣ Воскр. лѣт. имя Рязани значится «Рѣзань.»

[6] Лаврент. лѣт.; см Полн. Собр. Русск. лѣтоп. т. I, а Ипатьев. того же собр. томъ II.

и Резань и Рязань» (въ Троицк. лѣт.),[7] употребляемое при этомъ сначала лѣтописями преимущественно въ мужескомъ родѣ (на пр., «изъ Резаня и Рязаня;[8] къ Резаню и къ Рязаню;[9] у Рязаня.[10] у Рязань и у Резань»),[11] Позднѣе же это имя стало больше употребляться, и нынѣ вообще употребляется, въ правописаніи Рязань, произносится же въ обыкновенной разговорной рѣчи, по древнелѣтописному, Рѣзань, но нигдѣ и никогда не измѣняется ни въ Ресань, ни въ Рясань, и этотъ корневой характеръ имени Рѣ(е)зани или Рязани неизмѣнно удерживается въ производныхъ отъ него словахъ и названіяхъ, также встрѣчающихся въ старолѣтописныхъ памятникахъ, какъ-то: Рѣзаньстій и Рязаньстій,[12] Резаньскій и Рязаньскій,[13] Рѣзанецъ, и Рязанецъ,[14] Резаничь и Рязаничь,[15] Рѣ(е)зановъ и Рязановъ,[16] и проч. Замѣтимъ, что имя Рязань оставалось, и доселѣ остается, неизмѣннымъ въ своемъ основномъ типѣ и съ перенесеніемъ за предѣлы собственно Рязанской области, подъ вліяніемъ чуждой власти и иной народности, какъ, на пр., деревня Рязанцы, въ 7 верстахъ

---

[7] Троицк. лѣт. см. въ Полн. Собр. Русск. лѣт. т. I, стр. 215, 221—222.

[8] Ипат. стр. 29. Лавр., стр. 107.

[9] Ипат. стр. 21, 29. Лавр. 98, 164. Густ. стр. 281. Воскр., II, 145.

[10] Лавр. стр. 183.

[11] Ипат. стр. 26. Также Ермол. и Хлѣбн. сп. въ разночтеніяхъ къ Ипат. лѣт на той же 26 стр.

[12] Троицк. стр. 210, 221. Также въ современной припискѣ къ Рязанскому сп. Кормчей Кн. 1284 г. См. Обозр. Корм. Кн. Барона Розенкампфа, стр. 61.

[13] Густ. стр. 301. Троиц. стр. 221. Въ Сказ., издан. Ундольскимъ (Временникъ Имп. Общ. Истор. и Древн. Рос. кн. 15, 1852, Смѣсь, стр. 11—21). «О приходѣ чудотв. Николина образа Зарайскаго въ предѣлы Резанскіе».

[14] Столяр. стр. 544. По Карамз. XII, пр. 185. Лавр., стр. 183. Акты Арх. Эксп. III, № 206.

[15] Резаничъ или Рязаничъ, т. е., родомъ изъ Рязани: такъ называется въ лѣт. и таковымъ былъ извѣстный въ сказкахъ Русскихъ витязь или богатырь Добрыня Никитичъ, по прозванію «Златый Поясъ,» который дѣйствительно историческое лицо, убитый Татарами въ сраженіи при Калкѣ въ 1224 г.: «убиша Татары Александра Поповича, и съ слугою его Торопомъ, и Добрыню Рязанича Златаго Пояса» (Цар. л. стр. 98); онъ же въ другомъ мѣстѣ называется и Резаничемъ (Карамз. III, пр. 168). О происхожденіи Добрыни изъ Рязани говорится и въ народныхъ былинахъ (см. Др. Росс. Стихотв., собр. Киршею Даниловымъ. Москва. 1818, стр. 345).

[16] Карамз. IX, пр. 541; X, пр. 170, 291.

отъ Троицкой Сергіевой Лавры, и деревни Резанка, по Писц. книг. Суздальскаго Спасо-Евѳиміева мон. 1628—29 и—30 гг., а по Окладн. кн. 1701 г. Рязанка, значащаяся по этимъ книгамъ въ Суздал. У., въ Польскомъ стану, при с. Лучкинѣ, между вотчинами сказаннаго монастыря, деревня Резанова или Порязаново, упоминаемая между вотчинами того же мон. въ данной, отъ 1565 г., Сузд. У., при селѣ Свѣтиковѣ. Эти селенія—памятники ссылки и разсѣянія жителей Рязани Великимъ Княземъ Суздальско-Владимирскимъ Всеволодомъ Юрьевичемъ III, за непокорность ихъ сыну его, Ярославу; [17] также село Рязанцы или Резанцево Калужской Губерн. отъ Уѣзднаго города Мещовска въ 7 верстахъ. У Латинскихъ писателей имя Рязань переводится Rhezan, [18] т. е., согласно съ нашимъ древнелѣтописнымъ и устнымъ употребленіемъ; у Греческихъ же писателей — Ρωζάνη и Ραζάνη (см. въ сп. Русск. Епископій Андроника Старшаго, приведенномъ въ Memoriae popul. Stritteri, t. II, p. 1037, подъ 1292 годомъ). Во вторыхъ, имя Рѣ(е)зань или Рязань есть древнѣйшее въ краѣ, являющееся, изначала образованія его, съ первенствующимъ и преобладающимъ значеніемъ, усвояемое и городу—первому и главному средоточію страны и вмѣстѣ цѣлой странѣ, тогда какъ мѣстногеографическое названіе ряса встрѣчается, по крайней мѣрѣ, по историческимъ извѣстіямъ, не ранѣе начала XVI-го столѣтія, въ малонаселенномъ и неудобопроникаемомъ до того времени, по причинѣ доселѣ существующихъ непроходимыхъ грязей и топей, отдѣлѣ Рязанской области, гдѣ этимъ именемъ тогда означалась рѣка, т. е., теперешняя Становая Ряса и соприкасающаяся къ ея верховьямъ степная мѣстность—Рясское Поле (нынѣ Красная степь): тутъ, какъ видно изъ наказа Великаго Князя Московскаго Ивана III отъ 1502 г. Великой Княгинѣ Рязанской Агриппинѣ, лежалъ прежде путь изъ Старой Рязани къ Дону, шедшій, какъ означается въ семъ наказѣ, по рѣкамъ, сначала вверхъ Пронею, изъ Прони по Рановой, а изъ Рановой Хупгою, вверхъ до переволоки, до Рясскаго поля, за тѣмъ переволокою, т. е., сухимъ путемъ, Рясскимъ полемъ до рѣки Рясы, гдѣ путники снова садились на суда и по рѣкамъ Рясѣ и Воронежу спускались въ Донъ. [19] Отъ р. Рясы заимствовали соименныя прозванія притоки

---

[17] Лавр. л. стр. 183. Троиц. стр. 211. Воскр. II, 148.

[18] Russia seu Moscovia itemque Tartaria, p. 15.

[19] Карамз. VI, пр. 563. Приводимый наказъ данъ былъ по случаю отправле-

ея: Московская, Ягодная, Малая, Говенная и Раковая Рясы; также въ окрестномъ ея пространствѣ десятина Рясская, значащаяся по Окладн. кн. Рязанской Епархіи отъ 1676 г.; въ тѣхъ же Окл. кн. упоминаемыя села: Пиковы, Ягодныя и Раковы Рясы и д. Рясы при с. Просѣчьѣ, Уѣздъ Рясскій по гражд. раздѣлу Рязанской области; наконецъ самый городъ Рясской, Расской или Разской, упоминаемый въ первый разъ въ 1565 г., въ числѣ устроенныхъ Грознымъ пограничныхъ украинскихъ укрѣпленій, [20] названный еще потомъ Ряжскъ, какъ полагаютъ, отъ другого особаго корня ряжъ. [21] Жители Рясскіе, по Разр. кн. 1623 и 1628 гг., называются Ряшени и Ряшане (также см. Акты Арх. Эксп. III, № 239). Нѣтъ сомнѣнія, что рѣки вообще играютъ важнѣйшую роль въ отношеніи мѣстногеографическомъ, какъ первые проводники распространяющагося народонаселенія, берега которыхъ служатъ обыкновенно и первыми привалами осѣдлости. Отсюда рѣки найпервѣе получаютъ отъ населенцевъ названія и, что подтверждается живыми данными, названія рѣкъ часто принимаютъ и самыя мѣстныя населенія: деревни, села, города, цѣлые окрестные округи и даже сами же, давшіе рѣкамъ названія, поселенцы. Примѣры подобныхъ по рѣкамъ проименованій многочисленны. Такъ отъ р. Полоты произошло названіе города Полотска или Полоцка, народа Полочанъ, Княжества Полоцкаго; отъ р. Москвы города Москвы, народа Москвитянъ или Москвичей и Княжества Московскаго; въ нашемъ Рязанскомъ краѣ отъ р. Прони города Пронска, Княжества Пронскаго и жителей Пронянъ. Такъ Зыряне, населяю-

---

нія изъ Москвы Турецкаго Посла обратно въ свою землю судоходнымъ путемъ. При чемъ наказывалось Вел. Княгинѣ Рязанской: «и ты послала бъ 130 человѣкъ его (посла) проводити до переволоки, да переволокою Рясскимъ полемъ до рѣки до Рясы, а деверю твоему, Князю Ѳеодору, велѣли есми послать 70 человѣкъ». Стало быть, означаемый путь въ бассейнѣ Рясскомъ въ началѣ XVI-го стол. былъ не безопасенъ отъ грабежа, по причинѣ ненаселенности того края, который потомъ сталъ заселяться первоначально чрезъ устройство сторожевыхъ карауловъ и укрѣпленій.

[20] Карамз. IX, пр. 268.

[21] Ряжами назывались деревянные, наполненные пескомъ, срубы, которые устроены были вдоль берега р. Хупты для защиты, опоясываемаго ею съ юга, Рясска отъ нападенія непріятелей, отъ чего онъ, полагаютъ, и сталъ называться Ряжскъ. Въ гербѣ Ряжска изображается р. Хупта съ таковыми ряжами, въ означеніе, какъ объясняется въ Географ. Словарѣ Щекатова, происхожденія имени сего города.

щіе теперь правый берегъ Сѣверо-Двинскаго и Верховье-Печерскаго бассейновъ, называются, съ принадлежащими имъ городами, по именамъ побочныхъ рѣкъ: Вычегжане, Вымычи, Удорцы, Ижемцы, Сысоличи и проч. Подобнымъ образомъ и въ бассейнѣ р. Рясы и ея притоковъ, какъ мы видѣли, возникли, съ распространеніемъ и утвержденіемъ здѣсь съ XVI-го столѣтія народонаселенія, мѣстныя, соименныя ей, прозванія. Допустимъ, что самое имя р. Рясы уже существовало и ранѣе XVI-го столѣтія; но какъ согласиться, чтобы это имя могло усвоиться Рязани, мѣстности совершенно отдаленной и не принадлежащей къ ея бассейну, а тѣмъ болѣе сдѣлаться общимъ для цѣлаго края Рязанскаго, когда оно еще не имѣло никакого историческаго и мѣстногеографическаго значенія даже въ ближайшемъ окрестномъ пространствѣ? Не естественнѣе ли было бы тогда основаться Рязани на самой р. Рясѣ, какъ это повсюду замѣчается въ подобныхъ случаяхъ, напр., Пронскъ на самой же р. Пронѣ, Сапожокъ на р. Пожвѣ, отъ которой онъ заимствовалъ свое имя, и др.? Рязань, какъ извѣстно, искони существовала на берегу Оки, этой главнѣйшей артеріи для всего туземнаго края: не ближайше ли было бы заимствовать Рязани свое имя отъ сей послѣдней, или даже отъ рѣки Прони, тутъ же вблизи впадающей въ Оку? Въ бассейнѣ Рясъ, съ утвержденіемъ здѣсь населенности, упоминается, по Оклад. кн. 1676 г., при с. Новомъ Урусовѣ, деревня Резанка (въ нынѣшнемъ Раненбург. У.), т. е., выселокъ изъ подъ Рязани, или собственно, такъ называемой, Рязанской стороны,[22] по чему она и назвалась, по имени Резани или Рязани, Резанка или Рязанка, а никакъ не Рясанка. Явно, стало быть, что имя Рязань чуждо корня ряса. Такимъ образомъ слѣдуетъ, что Рязань и Ряса суть два особыя мѣстногеографическія названія, совершенно различныя одно отъ другого и въ отношеніи филологическомъ, и по времени ихъ исторической извѣстности, и по обозначаемому ими мѣстному пространству. Макаровъ истолковываетъ имя р. Рясы, видимо, самъ отъ себя, выискавши на языкахъ нѣкоторыхъ народовъ тождественныя съ составными этого имени слогами корневыя слова, т. е., «ря и са.» Тѣ же корни можно найти въ языкахъ и другихъ народовъ, даже

[22] Стороною Рязанскою по преимуществу называлось и называется, пространство нынѣшней Рязанской Губерніи между Окою и Пронею, составлявшее нѣкогда основное и коренное ядро древняго Княжества Рязанскаго.

на сѣверѣ же Россіи и Азіи;[23] но будетъ ли это настоящее толкованіе и производство, а не одинъ безосновательный подборъ словъ? А по тому, какъ истолкованіе Макаровымъ имени р. Рясы есть произвольное, такъ и производство имъ имени Рязани отъ слова ряса есть тоже произвольное, ничѣмъ не подтверждающееся. На югѣ Россіи тоже указывается рѣка съ именемъ Рясы: это ведетъ къ предположенію, не по образцу ли послѣдней названа Ряса Рязанская, и это имя не есть ли Русское.[24] Извѣстный ученый Надеждинъ относитъ р. Рясу къ Русско-Славянскимъ названіямъ, подобно какъ другія рѣки Рязанской Губерніи: Осетръ, Проню, Вожу, Мечу[25] и проч.

---

[23] На пр., мы можемъ указать, что «с а» съ Мордовскаго языка значитъ, «въ» (см. Памятники Мордов. старины, Діякона Орлова, напеч. въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. XXXIII, кн. 3, 1851 г.). Замѣтимъ также: не знаемъ, есть ли дѣйствительно на Финнскомъ языкѣ слово «р я,» и точно ли оно означаетъ болото, но изъ положительныхъ свѣдѣній намъ извѣстно, что топь или болото по Финнски называется н е в а (Renvall, Lexicon linguae, II, 9).

[24] По Раненбургскому Уѣзду Ряз. Губ. р я с а м и называются въ простонародіи мелководныя, поросшія извѣстною травою, мѣста въ рѣкахъ и озерахъ. Въ Настольномъ Словарѣ, подъ словомъ р я с а означается особый родъ растенія, употребляемаго въ Медицинѣ. Къ Полоцкому Княжеству въ древности принадлежалъ городъ Р я с н а, который потомъ подчинился Литвѣ, съ усиленіемъ ея. Рясна нынѣ село между Могилевымъ и Мстиславлемъ. Приводимъ названіе этого города не съ цѣлію какъ бы предполагаемаго производства отъ сего названія р. Рясы, а единственно для соображенія о томъ, что составные имени р я с и слоги не имѣютъ ли какого либо сходственнаго Русско-Славянскаго отзвука. Еще замѣтимъ: въ древнихъ лѣтописяхъ упоминается доселѣ существующая, р. Р с а, Р ш а, Р с я и также Р о с ь (тек. Кіев. Губ. и впад. въ Днѣпръ съ западной стороны), съ названіемъ которой не имѣетъ ли тоже корневаго соотношенія имя р. Рясы? Какъ въ другихъ языкахъ, такъ и въ Русскомъ, стеченіе буквы *р* съ другою согласною, особенно свистящею, не терпится, а или придается этой буквѣ гласный звукъ сначала, на пр., она сама выговаривается не «р ц ы», а «а р ц ы,» или ставится гласная по срединѣ, на пр., корневое слово имени Руси «Р с ь» разбавляется гласною въ Р о с ь, Р у с ь, Reussen у Нѣмцевъ и Ryssa у Шведовъ. Такъ, по физіологическому свойству выговора, вмѣсто Р с а, могло произойти Р я с а, вмѣсто Р ш а—Р я ш а, а оттуда Р я ш а н е, подобно какъ отъ Рши или Роси—Р ш а не, Поршане. Звукъ «р с» ономатопически близко выражаетъ журчаніе текущей воды. Въ Калуж. Губ. есть также р. Р ѣ (е) с а, впадающая въ Серпею—притокъ Угры.

[25] Опытъ исторической географіи Русскаго міра, Н. И. Надеждина, напеч. въ Библ. для чтенія 1837 г. т. XXII, отд. III, стр. 27—79.

Предположеніе Черткова слѣдующее: «Въ первоначальныхъ поселеніяхъ Южныхъ Славянъ мы можемъ, замѣчаетъ онъ, найти прототипы всѣхъ нашихъ географическихъ названій, перенесенныхъ, вѣроятно, нашими праотцами изъ Придунайскихъ странъ, гдѣ еще и теперь находимъ: Novigrud (Новгородъ), Libeten (Лебединъ), Rojan и Rezan (Рязань)» и т. д. [26] Дѣйствительно, связь Русскихъ Славянъ съ Придунайскими была близкою еще до основанія Руси: это доказывается тождественностію названій Славянскихъ поселеній во внутренней части Задунавья съ внутреннею глубиною собственно земли Русской, какъ-то: Другувиты (тоже, что Дреговичи), Кривитены (Кривичи), Смолены (Смоляне), Сѣверы (Сѣверяне) въ Македоніи, Предслава или Преславль (Переславль), Плискова (Плесковъ, Псковъ) въ Булгаріи, и т. п. Но какъ примѣнить эту связь Придунайскихъ Славянъ собственно къ Рязанскому краю, гдѣ искони жившіе народы Финнскаго или Чудскаго племени долго продолжали еще обитать въ своей неприкосновенности и по основаніи Руси? Какъ можно заключать изъ мѣстныхъ географическихъ названій, обрусѣлость и населенность проникали въ Рязанскій край изъ ближайшаго юга собственно Русскаго, откуда, на пр., перешли названія городовъ: Переяславль (Резанскій), Торческъ, Воинъ, Зарѣческъ, Ижеславль, Бѣлгородъ, рѣкъ: Трубежъ, Лыбедь, Проня, Быстрица, Осетръ и многихъ др. Отсюда же естественнѣе было бы предположить и происхожденіе имени Рязани, а не изъ отдаленнаго Придунавья. Вообще, на основаніи одного приблизительнаго сходства въ именахъ, безъ другихъ прямыхъ и положительныхъ данныхъ, предположеніе Черткова о происхожденіи имени Рязани нельзя еще признать сколько ни будь допустимымъ и вѣроятнымъ.

Здѣсь представляется особое, отличное отъ приведенныхъ преположеній, мнѣніе о происхожденіи имени Рязани, какъ, по видимому, ближайшее къ предмету и болѣе естественное. Всѣ мѣстно-географическія названія, по своему происхожденію, сводятся главнымъ образомъ къ двумъ родамъ: они или домашнія, мѣстно-

[26] См. Русск. Истор. Сборн., изд. Погодинымъ, VI, с. 124, прим. 104. Шафарикъ, въ своихъ «Слав. Древн.» (т. II, кн. 2, стр. 97 и 107), также указываетъ въ сѣверо-восточномъ углу Фурлянiи, за рѣкой Сочей, мѣстность, которая называется Резянскою, а жители ея—Резянами или Розянами.

народныя, своеязычныя, т. е., составленныя и приданныя самими обитателями и старожилами страны, или пришлыя, наданныя, чужеродныя, т. е., составленныя и приданныя либо сосѣдями, либо завоевателями, или вторичными населенцами, либо наконецъ и самими старожилами, но заимствовавшими эти названія отъ другихъ народовъ. Изъ постояннаго свидѣтельства исторіи всѣхъ странъ и народовъ видно, что новые поселенцы или возобладатели, водворяясь въ той или другой странѣ, обыкновенно даютъ новыя своеязычныя названія тѣмъ мѣстамъ, которыя они нашли еще не наименованными; но тамъ, гдѣ уже опередили ихъ туземцы, они большею частію удерживаютъ и оставляютъ безъ перемѣны данныя названія, особенно если эти названія именныя, народныя, этнографическія, которыя нерѣдко они же сами и принимаютъ, отнимая такимъ образомъ у старожиловъ и землю и имя. Иногда совсѣмъ исчезаетъ историческая жизнь народа, но имя его, усвоенное ихъ преемниками, долго не перестаетъ существовать, переживая иногда цѣлые вѣка и смѣняющіяся поколѣнія. Такъ прозвались нѣкоторые изъ теперешнихъ народовъ Западной Европы: Италіянцы, Испанцы, Португальцы. Такъ Чехи приняли имя Богемцевъ, завѣщанное странѣ ихъ Боями или Боіоварами. * То же можно встрѣтить и у насъ, въ землѣ Русской, напр., народъ Мурома скоро исчезъ безслѣдно, но имя его продолжало существовать въ названіи Княжества Муромскаго и доселѣ живетъ въ названіи города Мурома, и под. Спрашивается теперь: имя Рѣзань или Рязань есть ли свое, домашнее, мѣстонародное, или пришлое, наданное? По нашему разумѣнію и признанію, имя это не заимствовано откуда либо, и не придано сосѣдними инородцами, или самими Русскими, съ водвореніемъ ихъ въ край, а есть свое, мѣстнонародное, туземное, принадлежавшее старобытнымъ обитателямъ края, отъ которыхъ оно, оставшись, перешло къ городу, главному средоточію края, а отъ него и къ самой странѣ. Отъ имени какого же старобытнаго народа осталось и удержалось имя Рязань?

---

* Вовсе не Чехи сами, но сосѣди Чеховъ называютъ такъ Чеховъ. Что до названій народовъ Европы, то надобно замѣтить, что нѣтъ почти ни одного изъ нихъ, названіе котораго вполнѣ принадлежало бы ему въ той собственно мѣстности, въ коей онъ нынѣ обитаетъ. Таковы, на примѣръ, имена: Англичане, Французы, Испанцы, Итальянцы, Португальцы, разныя названія Нѣмцевъ, Прусаки, Угры или Венгры (Мадьяры), Руссы или Русскіе, Булгары, Греки, Татары, Турки и имъ под. О. Б.

Для объясненія имени Рязань, согласно изложенному нами взгляду, требуется напередъ указать древнихъ обитателей Рязанскаго края. По историческимъ, мѣстногеографическимъ, свидѣтельствамъ, кореннымъ старобытнымъ населеніемъ Рязанскаго края, простиравшагося во времена оныя на весьма обширное пространство (именно, включавшаго въ себѣ, въ періодъ найбольшаго расширенія своихъ предѣловъ, кромѣ собственно Рязанской Губерніи, еще: Тульскую, Тамбовскую, съ болѣе или менѣе обширными отдѣлами Владимирской, Московской, Калужской, Орловской, Воронежской, и захватывая отчасти Нижегородскую, Пензенскую и Саратовскую), было, до обрусѣнія этого края, Финское или Чудское, что наглядно доказывается самымъ именемъ Оки, главнѣйшаго и средоточнаго пункта мѣстоосѣдлости туземнаго народонаселенія, въ которомъ явственно отзывается Чудское «йокки» или «йокъ», означающее доселѣ во многихъ языкахъ Чудскаго племени «рѣку» или вообще «воду». [27] * Именно, согласно съ свидѣтельствомъ Нестора и другими историческими указаніями, во времена, предшествовавшія основанію Руси, при Рюрикѣ, тамъ обитали Финскія племена: Мурома, Мещера, отчасти Меря и Черемиса, сидѣвшія, главнымъ образомъ, по лѣвую сторону Оки, и найбольшею своею частію Мордва, имѣвшая свои жилища и по лѣвую, но преимущественно по правую сторону Оки. [28] Сказаннымъ племе-

[27] Жители Оки называютъ и доселѣ эту рѣку просто «рѣкою», рѣкою по преимуществу. Муромскаго Уѣзда на Окѣ, на соприкосновеніи древнихъ обитателей края Муромы, Мещеры, Мордвы и отчасти Черемисы, существуетъ село, упоминаемое въ Окл. кн. 1676 г., подъ именемъ «Чудь», которое своимъ названіемъ прямо свидѣтельствуетъ о Чудской стихіи старобытнаго туземнаго населенія; въ тѣхъ же Окл. кн. и того же Муром. Уѣзда при селѣ Гришинѣ значится еще д. Чуцкая; далѣе, Ряз. Губ. Спасск. Уѣзда, въ старинномъ Мещерскомъ стану, близъ с. Терехова находится озеро Чудино, опоясывающее съ юга и востока остатки запустѣлаго городища.

* Да и вообще названія рѣкъ, при ближайшемъ изслѣдованіи значенія ихъ на доступныхъ намъ языкахъ, почти всегда означаютъ просто «воду, рѣку»; таковы названія «іока,» откуда (Ока), нева, уда, упа, ака (aqua), идра истра, дана, дона, дуна, и т. п. Сербы въ своихъ пѣсняхъ часто рѣку называютъ и теперь еще просто вода, а въ Черногоріи есть рѣка съ именемъ рѣка, равно какъ и въ другихъ Славянскихъ земляхъ много подобнаго. Сюда же относится названіе города Fiume (Flumen), который Славяне зовутъ именно Рѣка. О. Б.

[28] Въ Лавр. л. (стр. 5) говорится: «на Ростовскомъ... на Клещинѣ озерѣ Меря, по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома, языкъ свой, и Черемиси свой

намъ или народамъ въ лѣтописи приписывается каждому «свой особый языкъ,» отличный отъ Русскаго; но, не смотря на то, какъ отрасли одного этнографическаго семейства, они болѣе или менѣе были сродны и сходственны между собою и, находясь въ близкомъ сосѣдствѣ, жили и селились совмѣстно другъ съ другомъ, такъ что жилища одного народа перекрещивались съ жилищами другого. Одни изъ этихъ народовъ: Мордва, Черемиса и отчасти Мещера, существуютъ донынѣ, только уже не на самой Окѣ, а далѣе къ юговостоку; другіе же: Мурома и Меря, давно утратили свое бытіе, оставивъ по себѣ память въ лѣтописяхъ и въ сохраняющихся доселѣ мѣстныхъ названіяхъ.

Имя Муромы явственно сохраняется въ названіи донынѣ существующаго города Мурома Владимирской Губерніи, на лѣвой сторонѣ Оки, откуда она распространялась далѣе вверхъ по той же сторонѣ въ нынѣшнюю Рязанскую Губернію, мѣшаясь съ Мещерою и переходя, нераздѣльно отъ послѣдней, на правую сторону Оки. [29] Меря, по Іордану Merens, [30] которой главныя средоточія находились на озерахъ: Ростовскомъ, иначе Неро, и Клещинѣ иначе Переяславскомъ или Плещеевѣ, въ нынѣшнихъ Губерніяхъ Владимирской и Ярославской, примыкая къ Окѣ, въ сопри-

---

языкъ, Моръдва свой языкъ и (по Воскр. л. и Соф. Врем.) Мещера свой... А се суть иніи языцы», т. е., инородцы, не принадлежащіе къ Руси.

[29] На это указываютъ соименными названіями рч. Мурома, впад. въ Оку съ правой стороны, ниже погоста Сѣтчина; въ Мур. У. сц. Муромское, упом. въ дух. грам. В. К. Моск. Вас. Вас. отъ 1462 г. между Владим. волостями (на ряду съ Шатуромъ и Вышелѣсомъ, нынѣ сс. Егор. У.); оз. Муромское Егор. У.;—с. Муромино, упом. въ Окл. кн. 1676 г., въ произн. Мурмино, на лѣвой сторонѣ Оки, близъ с. Казари, въ прежнемъ Мещерскомъ станѣ, теперь Ряз. Уѣз., въ 18 в. отъ Рязани; тутъ же: рч. Мурминка, выт. съ Мещ. стороны изъ оз. Велье и впад. въ Оку; перевозъ черезъ Оку наз. Мурминскій, и мель на ней, наз. тоже Мурминскою; д. Муромка при с. Юштѣ, прежде въ Мещер. станѣ, а нынѣ Спасск. У., на лѣвой сторонѣ Оки; дд. Муромки и Муромскій хуторъ Данк. У.; д. Муромская, по Окл. кн. 1676 г., въ Кадомской десятинѣ при с. Богородицкомъ; с. Муромка, Пенз. Губ., въ верховьяхъ р. Мокши, между Ниж.-Ломовымъ и Мокшанскомъ, съ Мордовскимъ населеніемъ, и под. Муромъ у Латинскихъ писателей приводится Murina (Russia seu Moscovia itemque Tartaria, p. 9), съ чѣмъ сходно приведенное Мурмино, сокращенное изъ Муромино.

[30] Jordanes, De rebus Geticis, p. 103. Здѣсь Меря упоминается въ числѣ народовъ, покоренныхъ въ IV стол. Готскимъ завоевателемъ Ермунарихомъ.

косновеніи съ соплеменною Мещерою, оставила географическіе слѣды своего присутствія на лѣвой сторонѣ Оки въ мѣстахъ, принадлежавшихъ Рязани, начиная съ Мещерской стороны нынѣшней Рязанской Губерніи и далѣе до Калужской, а также отчасти и на правой сторонѣ Оки, гдѣ собственно жила Мордва. [31] Мещерою и Мещерскою стороною до сихъ поръ называется вся

---

[31] Живыя о Мери свидѣтельства въ указанныхъ мѣстахъ представляютъ своими названіями: р. Нерль, въ Касим. У., впад. въ Оку съ лѣвой стороны (ср. р. Нерль Влад. Губ., начинающуюся въ сосѣдствѣ оз. Клещина—средоточія Мери, и впад. въ Клязьму, и другую Нерль, вытекающую изъ самаго этого озера и впад. въ Волгу, ниже Калязина); рч. Нарма, Нармачъ, Нарiса, впад. въ Гусь—притокъ Оки; с. Нарма; д. Нармучи и с. Нармуше (а) дь на рч. Нармачи, тамъ же, въ Касим. У.; д. Тамерево и рч. Кмеровка въ Егорьев. У.; р. Мерьская, упом. въ лѣт. (Лавр. стр. 161 и 183 подъ 1176 и 1207 гг.) между пограничными Ряз. мѣстами на сѣверѣ, нынѣ Нерская, вытек. изъ пограничныхъ мѣстъ Владим., Моск. и Егор. У. (въ сосѣдствѣ оз. Святаго) Рязанской Губерніи и впад. въ р. Москву съ лѣвой стороны, въ Бронн. У.; Усть-Мерьска, издревле упом. въ грамотахъ между Колом. волостями, нынѣ пог. Усмерскій, при впад. рч. Нетынки въ Нерскую; с. Марчуки или Марчуги при впад. Малой Сѣверки въ Сѣверку—притокъ Москвы съ правой стороны, прежде Марчюково, упом. тоже въ числѣ Колом. волостей; Ратмери, селеніе при впад. рч. Березинки въ Москву съ лѣвой стороны; Меря, селеніе Колом. У.; р. Нара, при впаденіи которой въ Оку стоитъ Серпуховъ, и древняя волость Нарьская; Нериньскъ—древній Рязанскій городъ, и оз. Нериньское съ притокомъ Нериньскимъ Кашир. У. Тул. Г.; д. Мерьлино въ старин. Тѣшиловскомъ станѣ; дд. Мерка Старая, Малая Мерка и двѣ Мери около болотца Мерскаго на границѣ Звенигородской, близъ р. Истрицы, въ сосѣдствѣ съ древнею Ряз. землею; с. Немерьски Калуж. Губ. Серп. Уѣз.; и рч. Мерея, на которой находится г. Мещовскъ, впад. въ Серену — притокъ Жиздры; на Серенѣ же, близъ Мещовска, находился, упомин. въ лѣт. подъ 1147 и 1231 гг., древн. Ряз. г. Серенскъ (нынѣ с. того же имени); рч. Нерехта Калуж. Губ. въ бассейнѣ Угры (ср. р. Нерехту Костр. Г., берущую начало Яросл. Г. къ сѣверу отъ оз. Неро); по правую сторону Оки въ Ряз. Губ. с. и д. Меретино или Неретино, Ряжск. Уѣз. упом. въ Окл. кн. 1676 г.; с. Марчуки или Марчуково, и д. Мары,—тамъ же; с. Немерево, Софьино т., и д. Морчуки въ Скоп. У.; с. Мерьгутово, Позное т., съ Мерьгутовскимъ лѣсомъ, упом. въ Припр. кн. 1616 г. Михайл. У.; Мерьвино Ряз. У.; въ Тамб. Губ. д. Мерьлино Елат. У. при с. Кусморѣ по Окл. кн. 1676 г.; р. Мердушъ въ Темник. У.; с. Меравкино Кадом. У.; с. Нарутанбовъ (Нару-танбовъ) и рч. Нарутанбова по Окл. кн. 1676 г.; Тамб. Г. и У.; также замѣтимъ: д. Марцы, упом. по Окл. кн. 1676 г. при с. Мещерахъ Влад. Г. Мур. У. (ср. д. Марцово Сузд. У. при с. Переборовѣ, на р. Нерли, упом. въ Писц. кн. 1628—30 гг.) и т. п.

лѣвая сторона Оки въ теперешней Рязанской Губерніи, а жители ея, хотя уже обрусѣлые, зовутся Мещеряками: здѣсь средоточіемъ Мещеры былъ Городецъ—Мещерскій (нынѣ Касимовъ). Отсюда Мещера, подаваясь среди болотъ и лѣсовъ на сѣверъ, въ нынѣшней Владимирской Губерніи, къ р. Клязьмѣ, въ сосѣдство Мери, раскидывалась также своими отлучами далѣе по теченію Оки: вверхъ, на лѣвой ея сторонѣ достигая, неотлучно отъ Мери, до Калужской и даже Смоленской Губерній, съ которой тоже соприкасалась древняя область Рязанская въ крайнихъ своихъ границахъ на западѣ, и внизъ по обѣимъ сторонамъ Оки, особенно по правой, простираясь, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Муромою, Мордвою, Черемисою, и въ предѣлы теперешней Губерніи Нижегородской. [32] Сохраняющаяся до настоящаго времени отрасль

---

[32] Слѣды Мещеры, въ протяженіи ея по лѣвой сторонѣ Оки отъ нынѣшней Ряз. Губ. далѣе вверхъ, ближайше указываются по р. Москвѣ: въ дух. грам Вв. Кк. Московскихъ упоминается между Колом. волостями с. Мещерна или Мещерка у Коломны; также есть историческое указаніе, что въ 1536 г. сдѣланъ былъ градъ древянъ въ Мещерѣ, на рѣцѣ на Москвѣ (Ист. Росс Татищева V, стр. 227). Изъ предыдущаго примѣчанія видно, что по р. Москвѣ обитало еще другое Финнское племя—Меря. Это показываетъ, что первоначальное населеніе этой рѣки было, до ея обрусѣнія, Финнское, какъ-то подтверждаетъ и самое имя Москвы, которое есть не Русское, а приданное, безъ сомнѣнія, первыми ея означенными поселенцами, вообще Финнскаго или Чудскаго происхожденія, подобно какъ и названіе Оки; Русское же названіе Москвы есть другое—Смородина: такъ она зовется мѣстонародно и означается подъ этимъ именемъ въ древнихъ Русскихъ былинахъ (см. Древн. Росс. Стихотвор., собр. Киршею Даниловымъ, №№ XXV и XXXI); взялось, говорятъ, это имя отъ того, что Москва имѣетъ истокъ изъ подъ куста смородиннаго. Далѣе по Окѣ встрѣчается д. Мещерино Кашир. У. Тул. Г. подлѣ с. Липицъ; г. Мещовскъ Калуж. Г. назывался въ старину Мещерскъ (въ дух. завѣщ. Грознаго ок. 1572 г., по Карамз. IX, пр. 849); по Воскр. сп. Русскихъ городовъ между Залѣсскими значится Мещерское, Камена Могила на Деснѣ (Воскр. л. ч. 1). О распространеніи Мещеры отъ теперешней Ряз. Г. на сѣверъ къ р. Клязьмѣ свидѣтельствуетъ, упоминаемое въ грам. В. К. Ивана Вас. отъ 1504 г. (Акты Арх. Эксп. 1, № 139), с. Мещерка Владим. У. Мелехоцкаго стана; о Мещерскомъ станѣ въ уст. грам. Соловецк. мон. упоминается въ Бѣжецкомъ Верху (тамъ же № 17), изъ чего видно, что Мещера, въ соприкосновеніи съ Мерею, забрасывалась на сѣверъ дальше нынѣшней Влад. Губ., въ сосѣдство Веси, тоже Финнскаго населенія. Отъ Рязанской Мещеры внизъ по лѣвой сторонѣ Оки находимъ с. Мещеры, упомин. въ Окл. кн. 1676 г., нынѣ Влад. Губ. Муром. У., что приходится въ средоточіи древней Муромы; значитъ, какъ Мурома входила въ

Мещеры, которая извѣстна подъ именемъ Мещеряковъ, живетъ теперь очень далеко отъ Оки и даже Волги, почти подъ самымъ Ураломъ, разбрасываясь небольшими отрывками на пространствѣ нынѣшней Оренбургской Губерніи. Что касается до Черемисы, то она въ настоящее время, примыкая къ Окѣ, въ Нижегородской Губ., главнымъ образомъ имѣетъ свои жилища далѣе къ юговостоку, разсыпаясь по лѣвой сторонѣ Волги; въ прежнее же время Черемиса, согласно съ свидѣтельствомъ Нестора, несомнѣнно простиралась отъ устья Оки далѣе вверхъ по ея теченію, за р. Клязьму, въ сосѣдство Муромы, Мордвы и Мещеры, т. е., въ пространство

жилища Мещеры, такъ и послѣдняя взаимно мѣшалась съ Муромою. Ниже на той же сторонѣ Оки въ Судогод. Уѣз. течетъ рч. Колпь, впад. въ Унжу, и въ Мещерѣ Рязанской Касим. У. есть тоже рч. Колпь, впад. въ р. Гусь: это ведетъ къ естественному предположенію, что тамъ и здѣсь было въ древности одно населеніе, т. е., Мещера. На правой сторонѣ Оки, въ нынѣшней Ряз. Губ. Мещера, какъ видно, болѣе сосредоточенно жила въ сѣверовосточной ея части въ Уу. Спасскомъ и Касимовскомъ, на сѣверовостокъ отъ старой Рязани, куда простирался съ лѣвой стороны Оки, такъ называвшійся въ старину, Мещерскій станъ, * а также слѣды ея остались и въ другихъ Уу., какъ-то: с. Мещерское, Молвино тожь, Прон. У., Мещерскіе Выселки (Гладкіе) Мих. У., сц. Мещера (Малый Снежетокъ) Ранен. У. и двѣ дд. Мещерскія Данк. У. (по Окл. кн. 1686 г.). Изъ Ряз. Губ. Мещера далѣе тянулась въ нынѣшнюю Тамбовскую Губернію, развѣтвляясь, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Мордвою, по Уу. Елатомскому, Шатскому, Кадомскому и Темниковскому, гдѣ изъ за ней бывали споры между Москвою и Рязанью, и далѣе въ Нижегородскую. Въ послѣдней, въ Нижегород. У., по Писц. кн. 1628—30 гг., значатся, насупротивъ устья р. Клязьмы, сс. слободка—Мещерская и Горбатово, Мещерская Поросль тожь (въ послѣдствіи городъ Горбатовъ) съ д. Мещерскою же Слободкою, на Окѣ и на, такъ называвшейся, Мещерской Заводи. Въ актахъ перечисляются вмѣстѣ Арзамасцы, Мещеряне и пр., т. е., видно, что Мещера находилась въ сосѣдствѣ Арзамаса (Акт. Арх. Эксп. I, № 206).

---

* Въ составѣ Мещерскаго стана, по Описнымъ Книгамъ 1731 года, значатся села и монастыри: Долгинино, Казарь, Ярустово, Агламазово (ср. сс. Агламазово Ряж. и Шацк. Уу.), Петровичи, Селезнево, Михали, Городецъ, Хрипенки, Ѳедотьево, Зарѣцкое, Киструсъ, Деревенскъ, Выжелѣсъ, Иванково, Дехтяное, Ѳедосѣева Пустынь, Санское, Юшта, Тереховъ монастырь (нынѣ с. Терехово), Илебники (Илемники), Салауръ, Свинчусъ, Малышево, Ижевскъ, Веретье, Кидусоль, Урожъ, Городня, Воловое, Городковичи, Лакашь, Титово, Курша, Великой Дворъ, Чарусы, Барснево, Гусь, Екшуръ, Клепики, Ушморъ, Стружане, Купля, Слободка, Радовицы, Нудогша, Ибердусъ, Никиткино, Татариново, Горицы.

древняго Рязанскаго края, на что есть историческія и мѣстно-географическія указанія. [33]

Остается сказать о Мордвѣ, которая собственно и имѣетъ отношеніе къ разсматриваемому нами предмету. Древность Мордвы свидѣтельствуется извѣстностію ея еще съ первыхъ вѣковъ Христіянства. Въ значеніи народа, подъ именемъ Mordens, она упоминается, вмѣстѣ съ Мерею, у Готскаго историка (половины VI вѣка), Іордана, при исчисленіи народовъ, подвластныхъ Готамъ въ IV столѣтіи, [34] и въ значеніи страны, подъ именемъ Mordia, приводится, въ половинѣ X вѣка, у Константина Багрянороднаго, которую онъ полагаетъ отъ Печенѣжской земли на десять дней пути. [35] Подъ тѣмъ же именемъ она означается у перваго нашего лѣтописца, Нестора, въ числѣ инородцевъ и данниковъ Руси, и за тѣмъ во всѣхъ нашихъ послѣдующихъ лѣтописныхъ памятникахъ. Рубруквисъ, писатель XIII столѣтія, называетъ Мордвовъ Merdas. [36] По Карамзину (I, прим. 73), сама Мордва еще называетъ себя Мари; имя это упоминается и въ лѣт., именно въ Ростов. л. (по Кар. V, прим. 106) говорится, что въ 1374 г. Новгородскіе набѣжчики, грабя по Волгѣ и на пути отъ Булгара (столицы Волжскихъ Булгаръ, находившейся Казан. Г. Спасскаго У. на лѣвомъ берегу Волги) вверхъ по ея теченію, «дошедше Обухова, пограбиша все Засурье и Маръ-Квашъ». Что подъ именемъ

---

[33] Въ 1184 г. Всеволодъ Юрьевичъ III, идя на Булгаръ, переходилъ чрезъ Черемису по дорогѣ къ Нижнему Новгороду (Лавр. л. стр. 164). Въ дух. гр. В. К. Моск. Ив. Вас. отъ 1504 г. значится: «Муромъ... и съ Черемисами, что къ Мурому потягло». По Писц. кн. 1628—60 гг. при с. Горбатовѣ (см. предыд. прим.), близъ границы Влад. и Нижегор. Гг., указывается д. Поярково, Черемиса или Черемисина тожь, что была, говорится тамъ, за новокрещенными. По Окл. кн. 1676 г. упоминается въ Муромской десятинѣ д. Черемисина, при с. Стригинѣ, нынѣ Мур. Уѣзда.

[34] Jordanes, De rebus Geticis, apud Muratori, t. I, p. 202.

[35] Constant. Porphyrogen. apud Stritter, t. II, p. 986—987. «Distat autem Patzinacia a Mordia dierum decem itinere». Печенѣги, по нашимъ лѣт., представляются ближе къ Мордвѣ и древнему Рязанскому краю, даже въ соприкосновеніи съ послѣднимъ; но сюда они придвинулись потомъ, между тѣмъ какъ царственный историкъ застаетъ ихъ въ отдаленномъ Черноморьѣ: «Patzinacia Russiam universam et Bosphorum complectitur.... ad septentrionem habet Danaprim fluvium,» et cet.

[36] Карамз. IV, пр. 69.

Маръ-Квашъ, которое, безъ сомнѣнія, есть то же, что Мари только съ прибавленнымъ окончаніемъ, разумѣется Мордва, это видно изъ того, что она въ бассейнѣ Суры и прежде жила, и теперь живетъ. Въ означенномъ бассейнѣ находится нѣсколько селеній съ названіями: Маресево (таковыхъ три), Морги и Морки, которыя указываютъ на мѣстное древнелѣтописное Маръ-квашъ или Мари.

О Мордвѣ вообще должно замѣтить, что она, какъ открывается по новѣйшимъ розысканіямъ, составляла въ до историческія времена Руси обширный отдѣлъ изъ всего Финнскаго населенія. [37] Не вдаваясь въ подробнѣйшее разслѣдованіе о Мордвѣ, мы, по крайней мѣрѣ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, не можемъ не заключить, что, въ отношеніи къ населенности древняго Рязанскаго края, она изъ прочихъ туземныхъ старобытныхъ племенъ имѣла найбольшее и преимущественное значеніе. Это доказывается, во первыхъ, тѣмъ, что подъ общимъ именемъ Мордвы, въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ, совокупляются и означаются иногда сказанныя племена, какъ-то: Меря, Мурома и Мещера. [38] Что же касается до Черемисы, то, какъ свидѣтельствуютъ, она называетъ сама себя одноименно съ Мордвою «Мари» (Карамз. V,

---

[37] Касательно этого предмета см. указанную выше (прим. 23) любопытную статью Діякона В. Орлова: «Памятники Мордовской старины», гдѣ сочинитель, по личному его наблюденію и изученію живущей доселѣ въ Нижегородской Губ. Мордвы, производя съ Мордовскаго языка многія мѣстныя названія въ этой Губ., какъ-то: городовъ, селъ и рѣкъ, приводитъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, названія нѣкоторыхъ городовъ въ краяхъ, весьма отдаленныхъ отъ мѣстъ нынѣшняго пребыванія Мордвы, объясняя эти названія съ Мордовскаго языка, какъ, на пр., Керчь городъ—отъ Морд. слова керче или керже, лѣвый, или керчь, дергунъ (птица), Кіевъ, отъ Мордовскаго слова кіявъ, многодорожный, и друг. *

[38] О Муромѣ, на пр., такъ означается въ Новгор. л. (стр. 3.): «семъ же (1103) лѣтѣ побѣдиша Ярослава Святославича Мордва Муромѣ» (этотъ Ярославъ былъ первый отдѣльный Муромо - Рязанскій Князь). О Мещерѣ—въ лѣт. среднихъ временъ (по Карамз. I, прим. 73) и въ Ист. Росс. Татищева (ч. II, прим. 22); о Мери—въ той же Ист. (ч. I, стр. 521, и ч. II, прим. 22), также въ Полн. Геогр. Словарѣ Щекатова (т. IV, подъ словомъ Меря).

---

* Но Кіевовъ и производныхъ отъ него чрезвычайное множество встрѣчается во всѣхъ Сьвянскихъ земляхъ, гдѣ никогда не только Мордвы, но и вообще никакого Чудскаго народца не было, и быть не могло. О. Б.

пр. 73), изъ чего видно, что всѣ эти племена были какъ бы части одного обширнаго племени Мордвы, или относились къ ней, какъ виды къ своему роду. Дѣйствительно, близкое соплеменное сродство Мери, Муромы, Мещеры и Черемисы съ Мордвою, указывающее на ихъ начальную нераздѣльность съ нею, видно изъ того, что они, какъ мы видѣли выше, разселялись и жили въ средѣ Мордвы, совершенно свободно и безпрепятственно, съ которою потомъ совсѣмъ сливались. Этимъ не отвергается особность, приписываемая означеннымъ племенамъ по указанію, на пр., Іордана, который различаетъ отъ Мордвы Мерю, и по свидѣтельству Нестора, который порознь поименовываетъ Мерю, Мурому, Черемису; Мещеры, замѣтимъ при этомъ, не упоминается особо въ древнѣйшихъ спискахъ Несторовой лѣтописи; въ лѣтописяхъ же среднихъ временъ Мещерою называются Мокшане, [39] поколѣніе Мордвы доселѣ обитающее по р. Мокшѣ въ Тамб. и Пензен. Губерніяхъ, но показывается, что племена эти, первоначально, въ пору доисторическую, составляя съ Мордвою одно цѣлое, одинъ народъ, раздробились потомъ, въ слѣдствіе историческихъ, географическихъ и племенныхъ условій, на отрасли, не прерывая, однако, за тѣмъ связи съ прежнимъ своимъ родоначальнымъ племенемъ. Черемисы, входившіе, впрочемъ, въ пространство древняго Рязанскаго края небольшою своею частію, до сихъ поръ сохраняютъ весьма близкое сходство съ Мордвою. Относительно единоплеменности Мери и Муромы съ Мордвою Карамзинъ тоже не полагаетъ сомнѣнія (I, пр. 76). Даже въ самыхъ названіяхъ племенъ ощутительно филологическое сходство и сродство съ именемъ Мордвы, какъ будто корневымъ для нихъ. [40] Во вторыхъ, нѣкоторыя изъ оставшихся мѣстногео-

[39] Карамз. I, прим. 73. Вообще о Мещерѣ нельзя сказать опредѣленно, была ли она изначала образованія Руси особое поколѣніе, или потомъ образовалась изъ смѣси Мери, Мордвы и Муромы, изъ коихъ послѣдняя скоро и исчезаетъ въ Исторіи, какъ бы уступивъ свое мѣсто Мещерѣ.

[40] Мордъва, Mordens, Mordia, Merdas, Мари, Маръкваш—разнорѣчія имени Мордвы. Извѣстно, что гласныя въ словѣ суть элементъ измѣняемый, случайный; сущность слова заключается въ основѣ согласныхъ, которую произношеніе перетыкаетъ гласными по произволу, примѣняясь къ физіологическимъ удобствамъ выговора. Эта корневая основа въ имени Мордва очевидно состоитъ изъ двухъ звуковъ: «м р,» которая, разбавляемая разными гласными, переходитъ въ «м о р, м е р, м а р,» и къ которой, сверхъ того, по свойству или языковъ, или мѣстнаго выговора и значенія, при-

графическихъ названій въ прежнихъ селитьбахъ этихъ племенъ оказываются одноименными съ Мордовскими, или же объясняются съ Мордовскаго языка, на пр., р. Пара въ нын. Ряз. Губ., на правой сторонѣ Оки, гдѣ собственно жила Мордва: имя это, какъ увидимъ ниже, и объясняется съ Мордовскаго языка, и р. Пара или Пра въ Мещерской сторонѣ той же Губ., гдѣ по преимуществу жила Мещера; р. Цна въ Тамб. Губ., гдѣ доселѣ существуетъ Мордва, и р. Цна тоже въ Мещерской сторонѣ Ряз. Губ., с. Агламазово Шатск У. Тамб. Губ., и с. Агламазово Ряжск. У. Ряз. Губ., и т. п. Вообще, языки ихъ, какъ можно судить по сохраняющимся доселѣ слѣдамъ и признакамъ въ устномъ произношеніи обрусѣлыхъ туземцевъ, на пр., Рязанскихъ Мещеряковъ, были сходны съ

бавляются разныя окончанія, на пр., въ Лат. языкѣ d e n s, d i a, d a s, а по разнообразію Мордовскаго выговора или мѣстнаго значенія «д в а и к в а ш ъ,» и выходитъ: Моръ-д в а, Мяри, Маръ-к в а ш ъ, Mor-d e n s, Mer-d a s, Mor-d i a. То же самое филологическое соотношеніе съ означеннымъ основнымъ корнемъ имени Мордвы примѣчается и въ именахъ прочихъ, единоплеменныхъ съ нею, указанныхъ населеній; въ этихъ именахъ основные звуки «м р» также разставляются гласными, на пр., «м е р, м а р, м у р, м ю р,» и также усложняются то въ началѣ, то въ концѣ, то въ срединѣ, съ перестановкою ихъ при томъ. Вообще усматриваемыя въ сихъ именахъ нѣкоторыя филологическія измѣненія, по отношенію къ корню «мр», произошли естественнымъ образомъ, въ слѣдствіе образовавшагося различія говоровъ или нарѣчій племенъ, при ихъ раздробленіи отъ главнаго племени Мордвы, а также, конечно, для выраженія при семъ особаго мѣстнаго ихъ отличія отъ послѣдней, и такимъ образомъ объясняются: М е р-я и Mer-d e n s: здѣсь прибавляется къ «м е р.» окончаніе «я» по Русско-Славянски, и «d e n s» по Латыни; М у р о м а, по Ипат. лѣт. (стр. 10) М ю р о м а, и по Татищеву (Росс. ист. V, стр. 322) М о р о м а: здѣсь корень «м р» разставляется гласными «у, ю» и «о» съ прибавкою окончанія «м а.» М е щ е р а усложняется, по видимому, въ срединѣ звуковъ чрезъ «щ е.» Ч е р е м и с а: здѣсь, по видимому, усложняются основные звуки въ началѣ чрезъ «ч е,» а въ концѣ чрезъ «с а,» и при томъ, въ срединѣ переставляются, вм. «м е р»—«р е м.» Въ этомъ имени замѣтно значительное видоизмѣненіекорня «м р.» Черемиса, впрочемъ, какъ указано, называетъ еще сама себя, тождественно съ Мордвою, М а р и, гдѣ основные звуки «м р» остаются безъ перемѣны. Вообще, значитъ, нельзя не заключать о дѣйствительномъ происхожденіи названій Мери, Муромы, Мещеры и Черемисы отъ корневыхъ звуковъ имени—Мордвы, т. е., «м р» неизмѣнно удержавшихся въ именахъ этихъ, сродныхъ съ Мордвою, племенъ. Того же корня и названіе М о р ш и: прежде было с. М о р ш а, какъ значится въ Окл. кн. 1676 г., а нынѣ Тамб. Губ. У. г. М о р ш а н с к ъ на р. Цнѣ; этнографически Моршею также называется мѣстное населеніе, принадлежащее къ Мордовскому племени.

языкомъ Мордовскимъ, составляя, по отношенію къ нему, какъ бы отродившіяся отъ него вѣтви или мѣстныя нарѣчія. Таковъ, по крайней мѣрѣ, при относительномъ различіи, наличный языкъ теперешнихъ Черемисъ. Правда, въ нынѣшнихъ Заволжскихъ Мещерякахъ вообще свой народный характеръ едва примѣтенъ, подъ преобладаніемъ другой стихіи, пришедшей въ Европу изъ Средней Азіи, изъ подъ Алтая, стихіи Турецко-Татарской. Но такъ какъ присутствіе той же стихіи ощутительно въ Черемисахъ и даже въ Мордвѣ, отодвинувшихся въ сосѣдство съ тѣмъ краемъ, то весьма вѣроятно, что Оренбургскіе Мещеряки представляютъ собою Мещеру, точно также отатарившуюся, какъ соименные имъ Мещеряки Рязанскіе представляютъ Мещеру обрусѣлую. Такое явленіе, весьма естественно, могло произойти на юговостокѣ Европы, гдѣ стихія Турецко-Татарская господствуетъ со временъ незапамятныхъ, и, чѣмъ ближе къ чертѣ Азіи, тѣмъ могущественнѣе. Въ третьихъ, Мордва имѣла предъ другими соплеменными народами, жившими на пространствѣ, вошедшемъ потомъ въ составъ древняго Рязанскаго края, перевѣсъ по численности и обширности своего населенія и обнаруживала также больше силы и значительности въ краѣ, продолжая, въ борьбѣ съ чуждыми элементами, до настоящаго времени сохранять свою этнографическую особность, тогда какъ Меря, Мурома и Мещера, особенно два первыя племени, почти съ самаго начала ускользаютъ отъ вниманія Исторіи, теряя потомъ и свою народную особность. Нѣкоторое понятіе о Мордвѣ даетъ, въ своемъ описаніи, въ первой половинѣ XVI стол., Герберштейнъ, который говоритъ, что она, при своей дикости, народъ мужественный и воинственный, храбро отбивающій отъ себя Татарскихъ хищниковъ; почти всѣ пѣшіе вооружены длинными луками и превосходные стрѣлки, богаты дорогими мѣхами, занимаются хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ и звѣроловствомъ, питаясь также мясомъ дикихъ животныхъ, живутъ разбросанными селеніями, перемѣшиваясь отчасти съ Черемисами, говорятъ своимъ особымъ языкомъ, частію идолопоклонники, а частію Магометане (также см. въ Russia seu Mosc. item que Tart. p. 36). Замѣчательно при этомъ, что Герберштейнъ касаясь тоже Черемисовъ, не упоминаетъ объ отдѣльности ихъ языка. Это описаніе можетъ отчасти объяснять и древнѣйшій бытъ Мордвы.

Мордва до настоящаго времени представляетъ собою одно изъ значительнѣйшихъ и многочисленныхъ инородныхъ племенъ

въ составѣ Русскаго Государства. Держась налично въ Тамбовской Губерніи, она продолжаетъ въ большомъ числѣ существовать въ Губерніяхъ Нижегородской и Пензенской, въ предѣлы которыхъ, какъ замѣчено выше, простирался, чрезъ Тамбовскую, древній Рязанскій край, раскидываясь далѣе густыми массами по Волжскому низовью, преимущественно на правой сторонѣ Волги (которая, замѣтимъ, по Мордовски называется словомъ «Рава», напоминающимъ древнѣйшее ея названіе «Ра», и показывающимъ, что Мордва при Волгѣ обитала еще въ глубокой древности). [41] Такъ, впрочемъ, это теперь; въ древности же въ пору, предшествовавшую основанію Руси, Мордва, отъ границъ нынѣшней Тамбовской Губерніи на обширное пространство простиралась далѣе вверхъ по Окѣ, по обѣимъ ея сторонамъ.

По лѣвую сторону Оки, въ мѣстахъ, принадлежавшихъ къ древнему Рязанскому краю, которыя первоначально простирались по р. Клязьмѣ, Мордва соприкасалась съ Муромою, Мещерою, Мерею и Черемисою. Изъ сказанія о водвореніи Христіянства въ Муромѣ Благовѣрнымъ Княземъ Константиномъ Святославичемъ видно, что Мордва въ то время имѣла тамъ большую силу. Первый Муромо-Рязанскій Князь Ярославъ Святославичъ, котораго признаютъ за одно лицо съ означеннымъ Константиномъ Святославичемъ, по историческому свидѣтельству, дѣйствительно воевалъ съ Муромскою Мордвою и былъ побѣжденъ отъ ней (см. прим. 39). Шлецеръ даже называетъ Муромъ столицею Мордвы, которая, и по лѣтописнымъ указаніямъ, поставляется въ ближайшей съ нимъ смежности, на пр., говорится, что въ 1239 г. «взяша Татарове Мордовскую землю и Муромъ пожгоша.» [42] Это показываетъ, что Мордва простиралась далѣе Мурома къ р. Клязьмѣ. Памятникомъ распространенія Мордвы и за р. Клязьму доселѣ остается с. Мордошъ Владимирской Губерніи Суздальскаго Уѣзда на р. Нерли, принадлежавшее въ старину къ вотчинамъ Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря, о которомъ (селѣ) упоминается въ жалованной грамотѣ Великихъ Князей Московскихъ, Ивана Васильевича III и Василья

---

[41] См. Памятники Мордовской старины, Орлова.

[42] Лавр. л. стр. 201. Также въ Никон. л. (по Кар. IV, пр. 182) замѣчается, что въ 1288 г. Князь Ордынскій, Елортей, сынъ Темировъ, опустошилъ земли Рязанскую, Мордовскую и Муромскую, и под.

Васильевича и въ разъѣзжей отъ 1500 года. [43] Замѣтимъ при этомъ, что самое имя р. Клязьмы объясняется съ Мордовскаго языка: «куля»—вѣсть и «съ»—въ, т. е., рѣка, служившая для переношенія вѣстей или проводница вѣстей; она, какъ увидимъ ниже, была въ древности проводникомъ Волжско-Булгарской торговли, въ которой участвовала Мордва. Въ духовной грамотѣ Великаго Князя Московскаго Ивана Васильевича отъ 1504 г., между Московскими владѣніями значится «Муромъ... и съ Мордвами и съ Черемисами, что къ Мурому потягло,» изъ которой видно, что Мордва на лѣвой сторонѣ Оки находилась въ соприкосновеніи съ Черемисою. По Окладной книгѣ 1676 г. въ Муромской десятинѣ значатся: дд. Мордвиново, при с. Урвановѣ (н. Меленк. Уѣзда), Мордвинова при с. Булатниковѣ (н. Муром. Уѣзда), Мордовская при с. Мартовѣ въ Ярымовской волости (н. Горбат. Уѣзда, Нижег. Губ.). Собственно въ Рязанской Губерніи въ Мещерской сторонѣ, т. е., гдѣ въ особенности жила Мещера, извѣстны также дд.: Мардасово и двѣ Мордвиновы. Въ 2 верстахъ отъ с. Ижевска (Спасск. Уѣзда) на сѣверовостокъ, за озеромъ Ижево, по Касимовской дорогѣ, находится гора, на которой, по преданію, жила Мордва и которая называется Мордовскою; тамъ отыскиваются серебряныя деньги съ дырочками, которыя также называются Мордовскими. Мордва, особенно изъ женскаго пола, по своему обычаю, любитъ привѣшивать деньги къ извѣстному роду одежды, считая то особеннѣйшимъ украшеніемъ. По правой сторонѣ Оки Мордва раскидывалась далеко на западъ, даже переступая, вѣроятно, на лѣвую ея сторону, въ нынѣшнюю Калужскую Губ., куда простиралась и западная граница древняго Рязанскаго Княжества до верховьевъ Жиздры и Угры и даже до Смоленской Губерніи. Здѣсь было соприкосновеніе Мордвы съ Мерею и Мещерою, достигавшими сюда преимущественно по лѣвой сторонѣ Оки, а, можетъ быть, и съ другими нерусскими племенами, проникавшими сюда съ юговостока и сѣверозапада. Въ водораздѣлѣ Оцкаго и Днѣпровскаго бассейновъ вообще встрѣчаются нерусскія мѣстныя названія, и примыкающая сюда р. Неруса (впад. въ Десну) своимъ названіемъ ясно показываетъ, что орошаемая ею земля признавалась въ древности нерусскою. Трудно, по тому, при смѣше-

[43] Значится о томъ въ описи Спасо-Евѳ. мон. отъ 1660 г., хранящейся въ библ. сего монастыря.

ніи племенъ, опредѣлить въ точности, какія именно изъ мѣстныхъ названій по лѣвую сторону Оки въ Калужской Губ. остались отъ Мордвы, которой участія въ здѣшнемъ населеніи нельзя отвергать по сродству съ Мерею и Мещерою. [44] Ограничиваясь собственно правою стороною Оки, поищемъ болѣе ясныхъ слѣдовъ Мордовскаго населенія въ сопредѣльной, съ Калужскою, Тульской Губ. Здѣсь встрѣчаются съ нерусскими названіями нѣкоторыя изъ подобныхъ рѣкъ Оки, на пр., Оптуха, Зуша, Иста, Упа, Вошана, и изъ притоковъ послѣднихъ—Шиворонь, Шатъ и др. Что указанныя названія рѣкъ могли принадлежать жившей здѣсь Мордвѣ, это подтверждаетъ своимъ названіемъ вливающаяся, на ряду съ ними, въ Оку рч. Мордовка, на которой стоитъ городъ Алексинъ; также замѣтимъ при этомъ, что соименно съ помянутою р. Шатъ называется р. Шатъ или Шадъ, на которой находится городъ Шатскъ, въ нынѣшней Тамбовской Губ. между Мордвою. Составитель статьи о «Тульской Губерніи», въ Геогр. словарѣ Щекатова, признаетъ положительно Мордву старобытнымъ туземнымъ населеніемъ, указывая на ближайшее съ нею сходство жителей этой Губерніи въ чертахъ лица, цвѣтѣ волосъ (рыжемъ), одеждѣ, обычаяхъ, и под. Въ нынѣшней Рязанской Губерніи, на правой сторонѣ Оки, гдѣ находилась среда древняго Рязанскаго Княжества, отпечатокъ Мордовской стихіи явственно ощутительнымъ остается доселѣ въ неизглаживающихся слѣдахъ и признакахъ. На это прямо и положительно указываютъ мѣстногеографическія названія, упоминаемыя въ грамотѣ Великаго Князя Рязанскаго Олега монастырю Ольгову Мордовской поселокъ, д. Мордвинова и пустошь Мордвиновская, означаемыя въ Припр. Кн. 1616 г. въ Кобыльскомъ станѣ (въ Мих. и Зарайск. Уѣздахъ; упоминается въ тѣхъ же кн. урочище Мордвиновъ врагъ ок. д. Ильясова близъ рѣки Осетра Зар. Уѣзд.); рч. Мордвесъ, впад. въ Осетръ; рч. Мордвника, при впаденіи которой въ Проню находится село Мещерское, Молвино тожъ (Прон. Уѣзд.); село Мордвино и д. Мордвиновскіе выселки (Ряжск. Уѣзда); село Мордово (Сапожк. Уѣзда), и не вдалекѣ отъ него врагъ (т. е., оврагъ) Мордовской и рч. Мордовка; въ самомъ нынѣшнемъ Рязанскомъ Уѣздѣ не очень далеко отъ Рязани двѣ деревни Мардасово и Мардосово. Въ селѣ Путятинѣ (Сапожк. Уѣзда) сѣ-

---

[44] Подтвержденіемъ сему можетъ служить то, что далѣе въ юговосточномъ концѣ Смоленск. Губ. есть р. Мора, впад. въ Сожъ.

верная часть его называется Мордовскою, а жители ея Мордвою, по тому что прежде дѣйствительно тамъ жила Мордва. Также находится множество селеній, рѣкъ и урочищъ съ нерусскими названіями, изъ коихъ нѣкоторыя объясняются изъ Мордовскаго языка, на пр.: двѣ рѣки Верды, одна въ Скоп. и Ряжск. Уѣздахъ, а другая въ Сапожк., отъ Мордовска го слова «верде,» что значитъ сверху; рѣка Пара, протекаетъ Сапожк. и Спасскій Уѣзды, отъ Мордовскаго слова «пара», добрый, хорошій; село Крутицы (Спасскаго Уѣда) однозначительно съ Мордовскимъ словомъ «кирцима», удерживать, оставлять, * [45] и под. Есть еще мѣстныя названія, одинаковыя съ мѣстными названіями въ Тамбовской и Пензенской Губерніяхъ, гдѣ доселѣ живетъ Мордва, на примѣръ: извѣстная рѣка Мокша въ Тамбовской Губерніи, и Мокша въ Рязанской Губерніи Скоп. Уѣзда, впадаетъ въ рѣку Ранову; рч. Парца, Тамбовской Губерніи Спасскаго Уѣзда, впадаетъ въ Вадъ, притокъ Мокши, соимянная помянутой рѣкѣ Парѣ Рязанской Губерніи; рѣка Исья или Иса Пензенской Губерніи Инсарскаго Уѣзда впадаетъ въ Мокшу, и рѣка Исья Рязанской Губерніи, текущая Пронскимъ и Спасскимъ Уѣздами и впадающая въ Оку и под. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ Уѣздахъ: Спасскомъ, Пронскомъ, Ряжскомъ, Михайловскомъ, и особенно Сапожковскомъ, въ мѣстахъ, прилежащихъ къ Тамбовской Губерніи, можно находить у поселянъ остатки и слѣды Мордовской стихіи въ носимой одеждѣ, обычаяхъ и особенностяхъ домашняго быта, говорѣ, наружныхъ чертахъ, и т. п., даже въ правительственныхъ извѣстіяхъ показывается, что во многихъ мѣстахъ южной части Рязанской Губерніи обитаетъ Мордва, занимающаяся хлѣбопашествомъ и пчеловодствомъ (обычныя занятія Мордвы, на которыя указываетъ въ описаніи ея еще Герберштейнъ въ первой половинѣ XVI вѣка); но число ея, замѣчается въ тѣхъ же извѣстіяхъ, заподлинно не извѣстно, по тому что обрусѣвшіе Мордвины ни вѣрою, ни управленіемъ, не отличаются уже отъ природныхъ Русскихъ. [46]

---

[45] См. Памятники Мордовской старины.

* Но Крутицы чисто Славянское слово, отъ «круть», откуда крутизна, тѣмъ болѣе, что и мѣстность, имъ означаемая, соотвѣтствуетъ своему названію. О. Б.

[46] См. Матеріалы для статистики Росс. Имп. 1841 г., отд. II, стр. 17. Въ нѣкоторыхъ Уѣзд. по правую сторону Оки, особенно въ Спасск. и Сапожк., на слѣдъ Мордовщины, между прочимъ, указываютъ доселѣ употребляемые въ домашнемъ

Прим. На томъ основаніи, что Мордва, какъ выше указано, называется еще Мари, отчасти можно относить къ ней нѣкоторыя, сходныя съ этимъ послѣднимъ названіемъ, селенія, приведенныя выше (см. прим. 31) въ числѣ оставшихся памятниковъ отъ Мери, на пр.: деревни Марцы, Марцово, и др., которыя, по именословію, могутъ причитаться и къ Мери и къ Мордвѣ.

Приведенныя географическія и этнографическія указанія объ изначальномъ населеніи Рязанскаго края Мордвою подтверждаются историческими извѣстіями. Мордва, какъ уже было замѣчено, встрѣчается въ краѣ при отдѣльномъ образованіи Муромо-Рязанскаго Княжества въ началѣ XII столѣтія первыми мѣстными Князьями, которые борются съ нею. Они же продолжаютъ борьбу съ Мордвою и далѣе, по утвержденіи Княжества, для распространенія предѣловъ его на востокъ; такъ, въ первой половинѣ XIII столѣтія, они, въ соединеніи съ Князьями Владимиро-Суздальскими, дѣлаютъ походы на Мордву въ нынѣшней Нижегородской Губерніи. [47] Земля Мордовская, въ которой за тѣмъ упоминается, между прочимъ, о своихъ мѣстныхъ Князьяхъ, [48] т. е., конечно, родовыхъ начальникахъ или старшинахъ, поставляется, при дальнѣйшемъ упоминовеніи въ лѣтописяхъ, въ смежности съ Рязанскими мѣстами. [49] Въ 1534 г., уже по паденіи Княжества Рязанскаго, въ войскѣ Московскомъ противъ Сигизмунда означаются Мордвичи Рязанскіе. [50] Мордва, вообще надобно замѣтить, туго поддавалась вліянію Русской гражданственности и принятію Христіянства, называясь, по тому, въ лѣтописныхъ памятникахъ Морд-

---

ту исключительно жителями нѣкоторыхъ селеній, принадлежащихъ, какъ усматривается, къ старобытному мѣстному населенію, такъ называемые, о д р ы, т. е., двуколесныя телѣги. Замѣчательно, что послѣднія тоже употребляются въ Финляндіи и въ С.-Петербургской Губ. Чухонцами или вообще Финнами, съ коими Мордва принадлежитъ къ одному этнографическому семейству. Любопытный также памятникъ Мордвы представляютъ въ разныхъ мѣстахъ сельскіе женскіе костюмы.

[47] Лавр. л. стр. 160 подъ 1226 г., стр. 191—192 подъ 1228 г., стр. 196 подъ 1232 г.

[48] Никон. л. по Карамз. IV., прим. 317., также въ дух. грам. Великаго Князя Моск. Ивана Вас. отъ 1504 г.

[49] Лавр. л. стр. 201 подъ 1239 г.; Никон. л. по Карамз. IV., пр. 182; Карамз. V., прим. 321.

[50] Псков. лѣт. Графа Толстого, по Карамз. VIII, пр. 30.

вою поганою.» [51] Извѣстно, что въ половинѣ XVII столѣтія апостольскій подвигъ, подъятый Архіепископомъ Рязанскимъ Мисаиломъ, для просвѣщенія Мордвы Христіянскою Вѣрою въ нынѣшней Тамбовской Губ., запечатлѣнъ былъ кончиною сего Святителя отъ рукъ невѣрныхъ. Дѣло обращенія тамъ къ Вѣрѣ Мордвы продолжалось даже въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія.

Сказанное ведетъ къ заключенію, что исконнымъ населеніемъ древняго Рязанскаго края было вообще Финское или Чудское, найбольшею же частію, и по преимуществу на правой сторонѣ Оки, Финско-Мордовское, которое имѣло, по своему значенію, перевѣсъ надъ прочими, соплеменными съ нимъ, туземными населеніями, и которое, въ слѣдствіе движенія Русской стихіи съ югозапада, или постепенно здѣсь исчезало, сливаясь съ Русскою населенностію, или, тѣснимое, отодвигалось далѣе на юговостокъ, [52] гдѣ теперь существуетъ. О другихъ народахъ, только временно соприкасавшихся къ древнему Рязанскому краю, на пр., Хазарахъ или Казарахъ, Печенѣгахъ и Половцахъ, какъ не относящихся прямо къ изслѣдуемому предмету, мы здѣсь не упоминаемъ. Какимъ же образомъ приведенное о старобытномъ населеніи Рязанскаго края, исключительно же о Мордвѣ, съ которою связывается нами имя Рязань, можетъ служить къ объясненію сего послѣдняго, къ чему, по видимому, не усматривается здѣсь близкаго повода или соотношенія?

Для исхода въ нашемъ историческомъ розыскѣ, обращаемся къ Арабскимъ писателямъ: послѣдніе, сами лично посѣщавшіе Булгаръ (древнюю столицу Волжскихъ Булгаръ и средоточіе Булгаро-Азіятской торговли, нынѣ село Болгары или Богородско-Успенское, Казанской Губ., Спасскаго Уѣзда, на лѣвомъ берегу Волги, напротивъ города Тетюшъ), оставили вообще любопытныя извѣстія о древней сѣверо-восточной Руси, по ея близкому участію

---

[51] Въ Нижег. л. говорится, что, до заложенія въ 1212 г. Нижняго Новгорода, на мѣстѣ его жили и владѣли землею и п о г а н а я М о р д в а,» также замѣчается, что въ 1377 г. п о г а н а я М о р д в а «ударища на Уѣздъ» (Нижегор.). Карамз. V, прим. 45.

[52] Такъ, на пр., было, по свид. Нижегор. лѣт., при основаніи Князьями Суздальскими Нижняго Новгорода, изъ окрестностей котораго они отогнали жившую тамъ Мордву, земли ея отняли и населили Р у с ь ю (см. Карамз. V. прим. 322).

въ Булгаро-Восточной торговлѣ, извѣстія, тѣмъ болѣе примѣчательныя, что нѣкоторыя изъ нихъ предшествуютъ, по времени, первому нашему лѣтописцу. Въ сообщаемыхъ ими о народахъ на сѣверо-востокѣ Русскомъ извѣстіяхъ, они вовсе не упоминаютъ о Мордвѣ, а говорятъ о народѣ Эрза, Арза или Эрзань: правописаніе и произношеніе этого слова объяснимъ ниже. Именно касательно этого послѣдняго народа Арабы пишутъ: «Никто (изъ нихъ, Арабовъ) не ѣздитъ въ землю Эрза, по тому что туземцы, какъ увѣряютъ Булгары, убиваютъ (и даже, будто бы, съѣдаютъ) иностранцевъ, а сами они (Эрзы) пріѣзжаютъ (въ Булгаръ) для торговли внизъ по рѣкѣ (т. е., Волгѣ), привозя черный соболь, лисицъ и свинецъ, только не любятъ разсказывать о своихъ дѣлахъ и товарахъ, что чрезъ землю Эрза идетъ путь въ Кіевъ, съ которымъ они (Эрзы) имѣютъ торговыя сношенія и сопровождаютъ (слѣдовательно, не убиваютъ, или не съѣдаютъ) туда иноземныхъ купцовъ». Причисляя Эрзовъ къ племенамъ Руси, Арабы прибавляютъ, что они имѣютъ своего Князя или Старѣйшину, и городъ, гдѣ находится пребываніе послѣдняго. Этому городу Арабы, по своему обычаю, придаютъ названіе, соименное народу и странѣ, т. е., Арза, Эрза, или Эрзань. Что же это былъ за народъ Эрза или Эрзань? [53] По мнѣнію Оріенталистовъ [54] и по всѣмъ соображеніямъ, подъ именемъ Эрзы или Эрзань у Арабовъ разумѣлась Мордва, располагавшаяся, какъ мы видѣли, въ первобытныя времена, отъ нынѣшнихъ ея жилищъ изъ лѣваго Приволжья, выше по Прioцкому бассейну, въ пространствѣ, вошедшемъ потомъ въ составъ древняго Рязанскаго края, гдѣ она отчасти и до нынѣ удерживается (въ Гг. Тамбовской и Нижегородской). На Мордву, въ означаемомъ древнемъ ея мѣстожительствѣ, ближайшимъ и прямымъ образомъ падаютъ приведенныя Арабскія указанія объ Эрзѣ или Эрзани:

---

[53] Изъ Арабскихъ писателей, у которыхъ заимствованы приведенныя свидѣтельства объ Эрзѣ или Эрзани, суть: Ибнъ-Фодланъ, находившійся въ 922 г. при Калифскомъ посольствѣ въ Булгаръ и описавшій обстоятельства этого посольства (у Френа въ Ibn-Foszl. S. 168); Эль-Истахри, Персеполитанецъ, писав. ок. 925 г. (ар. Moller, Lib. Clim. p. 97); Ибнъ—Хаукалъ, процвѣтавшій 943—976 г., былъ въ Булгарѣ, по разореніи его Руссами въ 968 или 969 г.; у Френа (въ Ibn.-Foszl. S. 258).

[54] См. Мухамед. Нумизм. въ отношеніи къ Русской исторіи, соч. Павла Савельева Спб. 1847, стр. CXVI.

а) Эрзы, по свидѣтельству Арабскихъ писателей, слѣдуя изъ своихъ жилищъ, пріѣзжали въ Булгаръ внизъ по рѣкѣ Волгѣ, т. е., съ запада или сѣверозапада, а въ этомъ направленіи отъ Булгара, какъ мы знаемъ несомнѣнно, прежде жила, и доселѣ живетъ, Мордва, которая, спускаясь съ Оки или сосѣднихъ Приволжскихъ мѣстъ, должна была достигать Булгара по теченію Волги внизъ. Замѣтимъ при этомъ, что Арабскіе писатели, говоря о сосѣдствовавшихъ съ Мордвою другихъ Приволжскихъ народахъ, на пр., о жившихъ внизъ по Волгѣ Буртасахъ, которые признаются учеными за одно съ Мокшею, особымъ поколѣніемъ Мордвы, [55] и выше по Волгѣ о народѣ Веси, проходятъ молчаніемъ о находившейся въ среднемъ пространствѣ между этими народами Мордвѣ, о которой они, по видимому, не могли бы не слышать и не знать, какъ по неотдаленному ея разстоянію, сравнительно съ другими, упоминаемыми у нихъ, народами и странами (на пр., Варягами, Кривичами, собственно Чудью, Югрою, Біарміею и др.), отъ Булгаріи, и удобству сообщенія съ послѣднею, такъ и по тому, что Булгары, отъ которыхъ они получали свѣдѣнія о разныхъ мѣстныхъ народахъ, находились, какъ укажется, съ Мордвою и вообще съ Приокимъ Рязанскимъ краемъ въ близкихъ сношеніяхъ. Изъясняемое мѣстногеографическое сближеніе Мордвы съ Арабскою Эрзанью ведетъ къ естественному заключенію, что подъ именемъ Эрзы или Эрзани означается у Арабовъ не иной народъ, какъ Мордва, и что подъ тѣмъ же именемъ, вѣроятно, совмѣщаются у нихъ Мурома, Мещера, Меря и Черемиса, о которыхъ они не упоминаютъ особо, какъ бы сходно съ тѣмъ, какъ въ Русскихъ лѣтописяхъ народы эти приводятся иногда подъ общимъ именемъ Мордвы.

б) Народъ Эрза или Эрзань, какъ видно изъ приведенныхъ Арабскихъ извѣстій, еще съ доисторическаго времени Руси, принималъ участіе въ Булгаро-Восточной торговлѣ. Не отличая Эрзы отъ Мордвы, мы имѣемъ непререкаемые и, такъ сказать, осязательные памятники относительно издревней торговой дѣятельности послѣдней и участія ея въ сказанной Булгаро-Восточной

---

[55] См. тамъ же, с. LXIV—LXVII. Буртасы, согласно съ указаніями Арабовъ, занимали нынѣшнія Губерніи Саратовскую, часть Симб. и Казан. по Волгѣ Пензенскую и часть Тамбовской по рр. Сурѣ и Мокшѣ, гдѣ доселѣ сохраняютъ названіе б у р т а с ъ многія мѣстности, т. е., то пространство, которое населяетъ и теперь по преимуществу Мордва-М о к ш а.

торговлѣ. Этими памятниками служатъ Куфическія монеты VIII, IX и X столѣтій, отыскиваемыя на всемъ протяженіи бассейна Оки, въ Рязанской и Тульской Губ., [56] а также найденныя Арабскія же монеты тѣхъ же столѣтій (одна изъ нихъ даже VII стол. отъ 699 г.) Владимирской Губерніи близъ Владимира на Клязьмѣ, [57] которыя представляютъ собою историческія данныя, въ указываемый ими періодъ времени, торговыхъ отношеній туземной Мордвы съ Булгарами и Арабами. Кромѣ того, указанія на торговую связь Волжскихъ Булгаръ съ Приокою или (по мѣстнообластному означенію) древне-Рязанскою Мордвою мы находимъ и въ нашихъ отечественныхъ лѣтописяхъ. Булгары, извѣстные своею торговою предпріимчивостію, издревле были главными дѣятелями мѣстной торговли по Окѣ и Волгѣ и вмѣстѣ проводниками Восточно-Азіятской торговли съ Сѣверо-Восточною и Юго-Западною Русью. Полною свободою торговаго производства Булгары пользовались по Окѣ и Волгѣ до проникновенія сюда Русскихъ и до утвержденія здѣсь послѣдними своего владычества; тѣмъ не менѣе Булгары и послѣ этого не прерывали мѣстныхъ торговыхъ сношеній, съ тѣмъ различіемъ, что тогда они стали находиться, по своимъ дѣйствіямъ, въ зависимости отъ Князей Русскихъ. Походъ Великаго Князя Владимира на Булгаръ, бывшій въ 985 г., [58] видимо послужилъ къ первому ограниченію ихъ мѣстной торговли. Съ цѣлію, безъ сомнѣнія, расположить послѣдняго для выгодъ торговли въ свою пользу, они присылали въ слѣд. 986 г. въ Кіевъ миссіонеровъ для обращенія Великаго Князя въ Мусуль-

---

[56] Тамъ же, отд. II, стр. 17—18, NN° 2, 3, 4 и 5. Прибавимъ, что въ Рязанской Губ. еще отысканы Арабскія монеты въ нагорномъ прибрежьѣ Оки, съ правой ея стороны, при с. Конищевѣ, отъ нынѣшней Рязани въ 6 верстахъ, кои хранятся не разслѣдованными у ревностнаго любителя и собирателя древностей, потомственнаго почетнаго гражданина г. Рязани, А. В. Антонова. Куфическими называются Арабскія монеты по имени города Куфы, гдѣ онѣ были биты и гдѣ установлено старинное Арабское письмо, употребленное для ихъ надписей. Многія Куфическія монеты отыскиваются проткнутыми или съ придѣланными ушками, какъ употреблявшіяся, вѣроятно, въ качествѣ амулетовъ у Мусульманъ, которымъ священна всякая вещь съ именемъ Аллаха, и простымъ украшеніемъ мужескаго и женскаго наряда у не Мусульманскихъ народовъ Руси.

[57] Тамъ же, стр. 18, и дал. №№ 6 и 7.

[58] Лавр. л. стр. 36.

манскую Вѣру. [59] Не достигнувъ тогда своей цѣли, въ 1006 г. они опять присылали къ Владимиру (уже по принятіи имъ Христіянства) пословъ съ многими дарами, дабы имъ позволено было въ городахъ по Окѣ и Волгѣ торговать безъ опасенія, на что Владиміръ охотно согласился и далъ имъ во всѣ города печати, дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали, Русскіе купцы съ печатьми отъ Намѣстниковъ въ Булгары ѣздили безъ опасенія, а Булгарамъ всѣ ихъ товары продавать во градахъ купцамъ, и отъ нихъ купить, что потребно, а по селамъ не ѣздить Тіуномъ, Вирникомъ, Огневтинѣ и Смердинѣ продавать и отъ нихъ же не купить. [60] Эти, данныя Владиміромъ преимущества, очевидно, ограничивали торговлю Булгаръ, которымъ разрѣшалось вести ее не всюду съ туземцами, а только съ купцами, и при томъ въ городахъ. Спустя послѣ того 80 лѣтъ, Булгары жаловались Олегу и Ярославу Святославичамъ, коими тогда управлялась чрезъ Намѣстниковъ Муромо-Рязанская земля, на грабежъ Муромскою вольницею судовъ ихъ по Окѣ и Волгѣ, и, не получивъ удовлетворенія, въ 1088 г. взяли и ограбили Муромъ и села пожгли. [61] Въ сказаніи о просвѣщеніи Мурома Княземъ Константиномъ Святославичемъ (онъ же, какъ полагаютъ, помянутый Ярославъ Святославичъ) говорится также, что въ то время Булгары, вмѣстѣ съ Мордвою, имѣли большую силу въ Муромѣ: «да постыдятся Болгарстіи Агаряне... да постыдится Мордовская прелесть...»). Въ 1164 и 1172 годахъ Андрей Боголюбскій, въ соединеніи съ Князьями Рязанскимъ и Муромскимъ, нападалъ на Болгарскую землю. [62] Въ 1183 г. Булгары опять жаловались дважды Всеволоду, брату Боголюбскаго, на разореніе, чинимое ихъ купцамъ, селамъ и городамъ по Окѣ и Волгѣ; грабителями по розыску оказались Рязанцы, Муромцы и друг. городовъ невѣдомые люди. Всеволодъ приказалъ ловить грабителей, но нарочныхъ для того людей не наряжалъ. Булгары, недовольные Княжескимъ распоряженіемъ, разорили землю отъ Мурома до Рязани. Тогда Всеволодъ, въ свою очередь, съ совокупными силами напалъ на Булгаръ, и разорилъ ихъ землю. Мордва, замѣчается въ описаніи этого похода, на границахъ зем-

---

[59] Тамъ же.

[60] Ист. Росс., Татищева, кн. II, стр. 88—89.

[61] Тамъ же, стр. 140.

[62] Лавр. л., стр. 150 и 155.

ли Булгарской, заключивъ съ Всеволодомъ миръ, доставляла въ Русское войско всякіе запасы; но какъ она въ то же время причиняла на пути вредъ войску, то Всеволодъ, на возвратномъ пути, отрядилъ отъ р. Суры съ конницею Воеводъ, которые разорили Мордовскую область до р. Цны. Очевидно, что Мордва склонялась на сторону Булгаръ, по продолжавшейся изстари торговой съ ними связи, отъ которой получала выгоды. Въ 1209 г. Булгары еще дѣлали нападеніе на Рязанскую область, но, настигнутые у Кадома, разбиты были Рязанскимъ Тысяцкимъ Андреевымъ, а въ слѣдующемъ 1210 г. Всеволодъ посылалъ на Булгаръ Воеводу своего Козму Радшича или Ратишича. [63] Изъ сказаннаго видно, что торговыя сношенія, искони существовавшія между Булгарами и Рязанскою Мордвою, въ слѣдствіе этой издревле утвердившейся международной связи, не прерывались долгое время съ Приоцкимъ краемъ и при начавшемся обрусѣніи его, хотя уже съ меньшею для Булгаръ свободою, и что эти сношенія, болѣе и болѣе тѣснимыя подъ преобладаніемъ Русскихъ, повлекли къ взаимнымъ столкновеніямъ и несогласіямъ, обратившись наконецъ въ открытыя непріятельскія нападенія, въ слѣдствіе которыхъ, въ соединеніи съ другими обстоятельствами, пришли въ упадокъ и торговля и могущество Булгаръ. Замѣчательно при этомъ, что Арабскіе писатели (напр., Идриси, географъ XII стол.) до конца описанныхъ событій не перестаютъ употреблять имени Эрзы или Эрзани.

в) Объ Эрзахъ замѣчаютъ Арабы, что чрезъ ихъ землю (Эрза) идетъ торговый путь изъ Булгара до Кіева, съ которымъ и они сами (Эрзы) тоже имѣютъ торговыя сношенія и сопровождаютъ туда иноземныхъ купцовъ. Ближайшій путь изъ Булгара въ Кіевъ лежалъ по Волгѣ, потомъ Окою до притоковъ ея Угры, или Жиздры, а изъ послѣднихъ волокомъ до притоковъ Днѣпра, Десны или Сожи, или прямо въ Днѣпръ. Этотъ-то путь и разумѣли Арабскіе писатели, говоря, что купцы изъ Булгара доходили до Кіева чрезъ землю Эрза, т. е., Мордовскую. [64] Мордва,

---

[63] Ист. Росс., Татищева, кн. III, стр. 248, 253, 265, 368.

[64] Р. Угра, притокъ Оки, начинаясь при верховьяхъ Десны, притока Днѣпра, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи близко подходитъ къ самому Днѣпру. Также Жиздра, другой притокъ Оки, берется возлѣ теченія Болвы, притока Десны; Болва же своими верховьями примыкаетъ еще къ верховьямъ Угры.

по своему древнему географическому положенію въ нижнемъ и среднемъ бассейнахъ Оки, приходилась на самой срединѣ означеннаго торговаго пути, примыкая къ бассейну Днѣпровскому. На этомъ соприкосновеніи бассейновъ Оцкаго и Днѣпровскаго, именно по Сожѣ и въ верховьяхъ самаго Днѣпра, и открыты клады съ Арабскими монетами IX и X вѣка, [65] что также подтверждается и помянутыми выше кладами съ Арабскими монетами VIII, IX и X вѣковъ, вырытыми въ Тульской Губерніи. [66] Изъясняемымъ путемъ, прямо шедшимъ чрезъ всю средину древняго Рязанскаго края, который (путь) прилично назвать Запольскимъ (такъ какъ онъ лежалъ за полемъ или польскою стороною, какъ обыкновенно называется въ лѣтописяхъ правая или южная сторона Оцкаго бассейна), какъ ближайшимъ, естественно ѣздили для торговли и Кіевскіе Руссы въ Булгаръ, и купцы Булгарскіе въ Кіевъ, а также и Мордва-Эрза, какъ мѣстные жители означеннаго пути, имѣли всю возможность вести торговыя

Водяной путь по этимъ рѣкамъ въ древности, безъ сомнѣнія, былъ способнѣе, при прежнемъ возвышеніи уровня волы. Даже въ позднее уже время былъ проектъ о соединеніи Оки съ Десною посредствомъ Жиздры и Болвы. (см. Полн. геогр. слов. Щекатова подъ словомъ Десна). Съ сѣвера, чрезъ Алаунскую возвышенность, не могли, разумѣется, приходить Восточно-Булгарскіе товары въ Кіевъ: этотъ путь слишкомъ отдаленный, трудный и неестественный, подыматься отъ Булгара противъ теченія по всей Волгѣ, и потомъ спускаться по Днѣпру до Кіева. Былъ еще особый путь изъ Кіева въ Булгаръ, который описываетъ Константинъ Багрянородный (De admin. imperii, cap. XLII). Вступая изъ Днѣпра въ Черное море и обогнувъ Таврическій полуостровъ, изъ Азовскаго моря подымались въ Донъ, откуда волокомъ втягивались въ Волгу, которая открывала свободный путь и въ Итиль (подлѣ нынѣшней Астрахани) и въ Булгаръ. Очевидно, что этотъ путь не могъ проходить чрезъ землю Эрза или Мордовскую; его и сами Арабы отличаютъ отъ послѣдняго, т. е., по Окѣ чрезъ Эрзу.

[65] См. Мухам. Нумизматику, отд. II, стр. 25—28, №№, съ 16 по 20.

[66] Въ Тульской же Губ., близъ г. Бѣлева, въ курганѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, находимы были древнія монеты Греческія и Римскія, изъ коихъ одна мѣдная монета Греческая съ изображеніемъ Царя Константина и съ надписью (см. Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. по отд. Русск. и Слав. Археол. I, 1851, въ ст Сахарова: «Памятн. Тул. Губ.», стр. 65). Трудно предположить, чтобы эти монеты зашли сюда изъ Кіева, или Востока путемъ Булгароэрзанской торговли, восходящей къ VIII столѣтію; не скорѣе ли допустить, что онѣ достались туземной Мордвѣ чрезъ Готовъ, коимъ она была подвластна въ IV вѣкѣ?

сношенія съ Кіевомъ, сами бывать тамъ и провожать туда изъ Булгара и обратно иноземныхъ купцовъ, особенно при торговой связи съ Булгарами, которые были, какъ выше изъяснено, распорядителями мѣстной торговли по Окѣ и Волгѣ и вмѣстѣ посредниками торговыхъ сношеній между Азіятскимъ Востокомъ и Сѣверо и Юго-Западными народами Руси и вообще Европейскимъ Западомъ. Какъ видно, въ началѣ IX вѣка существовали два торговыхъ союза: Восточный или низовый, который составляли Булгары, Мордва-Эрза, съ соплеменными народами Муромою, Мещерою, Черемисою и отчасти Мерею, и хозяевами котораго были Булгары, и Западный, состоявшій отчасти изъ Мери, Веси, Словѣнъ, Кривичей и Чуди, душею котораго были Новгородцы. [67] Новгородскій союзъ передавалъ за море товары, привозимые съ Востока Булгарами и Эрзою, и взаимно послѣдніе препровождали съ Запада на Востокъ товары, которые получались ими отъ Новгородцевъ. Монополія Восточно-Азіятской торговли держалась вообще въ рукахъ Булгаръ, которые, какъ искусные торговцы, одни старались пользоваться выгодами торговаго посредничества, не допуская до прямыхъ сношеній самихъ Азіятцевъ, напр., Арабовъ. Послѣдніе, какъ видно изъ собственныхъ ихъ извѣстій, не простирались дальше Булгара, и почерпали свѣдѣнія о разныхъ мѣстныхъ народахъ изъ того, что слышали отъ Булгаръ. Этимъ, между прочимъ, объясняются сообщаемыя Арабами извѣстія о дикости и даже людоѣдствѣ Мордвы-Эрзани, которыя Булгары нарочно распространяли между Арабами, чтобы отклонить ихъ, какъ опасныхъ для себя соперниковъ, отъ личнаго участія въ торговлѣ. Народъ, т. е., Эрза, участвовавшій въ производствѣ и выгодахъ торговли, знавшій судоходство и привозившій свои произведенія на Булгарскую ярмарку, не могъ быть совершенно дикимъ; да и сами Арабскіе писатели, въ своихъ извѣстіяхъ объ Эрзахъ, видимо противорѣчатъ себѣ, говоря, что послѣдніе сопровождаютъ въ Кіевъ купцовъ, а слѣдовательно не съѣдаютъ. Впрочемъ, нельзя отвергать того, что Мордва, доселѣ не отличающаяся успѣхами развитія, въ древности не чужда была извѣстной степени дикости, хотя для этого не нужно непремѣнно съѣдать людей.

г) Изъ страны Эрза, говорятъ Арабы, вывозились черный

---

[67] См. Мухамед. Нумизматину, стр. CLXIII.

соболь, черныя лисицы и свинецъ. Что дѣйствительно Мордовская страна, въ нынѣшнихъ городахъ Рязанской, Тамбовской, Нижегородской и далѣе на юговостокъ, изобиловала въ древности дорогими мѣхами, это подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами. Герберштейнъ, описывая Рязанскую область въ первой половинѣ XVI стол., еще указываетъ по берегамъ Оки на лѣса, изобиловавшіе бѣлками, горностаями и куницами, и вмѣстѣ въ частности замѣчаетъ о Мордвѣ, что онѣ «pellibus pretiosis imprimis abundant». [68] Вывозъ же свинца изъ Эрзы, который не находится ближе нынѣшнихъ Олонецкихъ горъ, указываетъ на сношенія Мордвы съ Сѣверомъ посредствомъ соплеменной Веси и Новгородцевъ, къ коимъ обоимъ народамъ она могла имѣть отношенія чрезъ Булгаръ, Мерю и даже Мещеру, отбрасывавшуюся, какъ мы видѣли, въ сосѣдство Веси. [69] Въ Алексинскомъ Уѣздѣ Тульской Губерніи найдены монеты Ганзейскаго Союза, [70] что указы-

---

[68] Въ Rerum Moscoviticarum commentarii. Замѣтимъ объ обиліи пушныхъ звѣрей въ старину собственно въ мѣстахъ нынѣшней Рязанской Губерніи: по Дополн. о Ряз. Епар. свѣд., 1371 г., Епископу Рязанскому Василію Великимъ Княземъ Владиміромъ Дмитр. Рязанскимъ дано мѣсто на Дону съ бобровыми гонами. По грам. Олега, Великаго Князя Рязанскаго, бобры водились въ р. Кишнѣ и Хмелевѣ болотѣ около с. Селезенова и также въ У. Воинскомъ, гдѣ упоминается оз. Воинское, около с. Санскаго (Ряз. дост. § 67). По грам. того же Олега водились лоси и лисицы на островѣ Присномъ близъ с. Санскаго, а въ рч. Штекѣ бобры, которыхъ били Ижевляне (тамъ же § 72). По грам. Великаго Князя Рязанскаго Михаила Ярославича отъ 1403 г., бобры водились въ р. Пронѣ, озерахъ и болотахъ около селъ Столбцевъ и Лучинска по Толпинскую дорогу (§ 85, «да на Пронѣ же отъ устья Рановы по Курино и по Толпинскую дорогу» (§ 78). Олегъ придалъ Солотч. мон. Савицкой островъ съ бобровыми гонами, при чемъ упоминается о бобровникахъ (§ 97). Вел. Кн. Ряз. Агрипина придала въ 1505 г. Духову монастырю свои села и деревни: Затишье, Дурилово, Спаскій Клинъ Утѣшинскій, и др. съ бобры (§ 95). Въ наказѣ Архіеп. отъ 1621 г. упоминается о выводной куницѣ, за которую должно было поступать по гривнѣ въ Архіеп. казну (§ 143). Бобры также значатся по грамотамъ въ качествѣ особаго сбора Архіерейскаго. Урочище Бобровка доселѣ называется въ окрестностяхъ села Бѣлоомута и т. п.

[69] См. выше, прим. 32, гдѣ упоминается о Мещерскомъ станѣ въ Бѣжецкомъ Верху (нынѣ Тверской Губ.), въ соприкосновеніи съ древнею Весью. Равно и сама Весь опускалась внизъ по р. Клязьмѣ въ срединѣ Мери и въ соприкосновеніи съ Мордвою: по нынѣ существуетъ село Весь Владимирской Губ. Суздальскаго Уѣзда.

[70] См. Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. въ ст. Сахарова: «Нам. Тул. Губ.», стр. 60.

ваетъ на сношенія жившей тутъ Мордвы съ Новгородцами, находившимися въ тѣсной связи съ Ганзейскими городами. На тоже указываетъ старинное народное сказаніе о Новгородскомъ богатырѣ или удальцѣ Акундинѣ, который изъ Новгорода приплылъ на судахъ по Окѣ въ Рязанскую область къ городу Ростиславлю. [71]

д) Очевиднѣйшимъ доказательствомъ тождества Арабской Эрзы съ Приокско-Рязанскою Мордвою служитъ то, что одно изъ поколѣній Мордвы понынѣ называетъ само себя Эрзя или Эрзянь, и такъ оно зовется отъ Мокши, другого поколѣнія Мордвы, и отъ сосѣдей Черемисъ и Чувашъ. Въ тождествѣ названій и племенномъ однородствѣ между Арабскою Эрзанью и нынѣшнею Эрзанью—поколѣніемъ Мордвы, Оріенталисты не полагаютъ сомнѣнія. [72] Замѣтимъ при этомъ, что у Арабскихъ писателей X вѣка и далѣе, упоминающихъ объ Эрзѣ, встрѣчается слово: «хеленджъ или хеленгъ», мѣстное названіе березы, перешедшее къ нимъ отъ Мордвы-Эрзани, у которой береза до сихъ поръ зовется киленгъ. [73] Обстоятельство это, по видимому, не особенно важное, несомнѣнно указываетъ на древнія соотношенія Мордвы-Эрзы съ Арабами, и вмѣстѣ подтверждаетъ, что извѣстная имъ Эрза не что иное, какъ нынѣшняя Мордва-Эрза или Эрзань.

Остается, по видимому, разнорѣчіе въ томъ, что Арабы причисляютъ Эрзу къ племенамъ Руси, тогда какъ Мордва неоспоримо Финскаго или Чудскаго происхожденія; но здѣсь указывается ими на то, что Эрзы были данниками Руси, что подтверждается и свидѣтельствомъ Нестора: «а се суть инїи языцы (т. е., не принадлежащіе къ Руси), иже дань даютъ Руси: Чудь, Весь, Меря, Мурома, Мордва», и пр. [74] Обстоятельство это должно было облегчать взаимныя отношенія Мордвы, какъ съ Русскими Славянами и Кіевомъ, такъ и съ сопле менными народами: Весью, Мерею и Муромою, о конхъ двухъ послѣднихъ не говорятъ Арабы или по тому, что относили ихъ, какъ и Эрзу, къ Руси, или, вѣроятнѣе, какъ выше нами замѣчено, включали ихъ

---

[71] Русск. народн. сказки, издан. Ив. Сахаровымъ, ч. I, 1841 г., стр. 96—97.

[72] Мухамед. Нумизм., стр. CXVI.

[73] Тамъ же, стр. CCXVIII—CCXIX.

[74] Лавр. лѣт., стр. 5.

подъ общимъ именемъ Эрзы. Если Несторъ не приводитъ имени послѣдней, то оно не включалось ли у него подъ именемъ Мордвы, которое, можно предполагать, въ его время, какъ и теперь, было у насъ общимъ наименованіемъ всего племени, такъ какъ о Мокшѣ, другомъ поколѣніи Мордвы (Арабскихъ Буртасахъ), лѣтопись Несторова тоже вовсе не упоминаетъ. Могло быть и то, что мѣстнонародное имя Мордвы-Эрза и было не извѣстно Нестору, какъ Арабамъ имя Мордвы. Имя Мещеры также не упоминается въ древнѣйшихъ спискахъ Несторовой лѣтописи.

Въ Скандинавскихъ сагахъ говорится о неизвѣстной странѣ «Ризовъ, Rysaland», въ краю Финнскомъ. Географы ходятъ съ этимъ именемъ по всей нынѣшней Россіи, предполагая оное однозначительнымъ съ именемъ Руси. Мальтебрюнъ искалъ его, между прочимъ, въ Рязани. [75] Подъ означеннымъ словомъ Rysaland нельзя ли разумѣть Арабской Эрзы или Мордвы-Эрзань, дѣйствительно примыкающей къ краю Финнскому? Г. Савельевъ представляетъ другую догадку: по его предположенію, упоминаемые у Птолемея, Тацита и Страбона «Aorsi» не суть ли тоже Арзы или Эрзы, настоящее народное имя Мордвы? [76] Съ послѣднимъ не имѣетъ ли также какого либо соотношенія упоминаемая въ нашихъ лѣтописныхъ памятникахъ и зависѣвшая нѣкогда отъ Булгаръ, древняя область «Арская или Арзкая», съ городомъ «Арскомъ или Арескомъ», простиравшаяся на лѣвой сторонѣ Волги, въ нынѣшнихъ Губерніяхъ Казанской и Вятской, въ смежности съ Черемисами и Чувашами? [77] Указываемыя предположенія приводятъ къ соображенію или заключенію о томъ, что Мордва, подъ именемъ Арзы, Эрзы или Эрзани, не упоминается ли, кромѣ Арабскихъ писателей, еще въ другихъ свидѣтельствахъ древности?

Чрезъ изложенное доселѣ въ настоящемъ изслѣдованіи, мы несомнѣнно нашли: 1) что первобытное коренное населеніе древняго Рязанскаго края, до его обрусѣнія, составляло, наибольшею своею частію, и преимущественно по правую сторону Оки, Финнское племя Мордва; 2) что Мордва издревле имѣла особое мѣстнонародное имя—Эрза или Эрзань, упоминаемое Арабскими пи-

---

[75] Geograph. t. VI, p. 296, по новому изданію, дополненному Huot'омъ.

[76] Мухамед. Нумизм. стр. CXIX, прим. 219.

[77] Карамз. V, прим. 106;—IV, 138; VII, прим. 303; VIII, прим. 346.

сателями IX и X вѣка и доселѣ неизмѣнно удерживающееся въ названіи налично существующаго поколѣнія Мордвы. На основаніи этихъ добытыхъ положительныхъ данныхъ, мы считаемъ теперь возможнымъ сдѣлать переходъ къ разрѣшенію заданнаго нами вопроса о происхожденіи имени Рязани. Говоримъ: имя Рязань или Рѣзань осталось и сохранилось отъ старобытнаго туземнаго населенія Мордвы—Эрзы или Эрзань, усвоившееся сперва начальному средоточію страны—городу Рязани и, съ расширеніемъ за тѣмъ областныхъ предѣловъ, сдѣлавшееся общегеографическимъ и этнографическимъ для всего края, подобно тому, какъ многіе изъ древнихъ городовъ и Княжествъ Русскихъ заимствовали свои названія отъ своемѣстныхъ старожиловъ-народовъ, на пр., отъ Сѣверянъ Новгородъ Сѣверскій и Княжество Сѣверское, Полочанъ—городъ Полоцкъ и Княжество Полоцкое, отъ Мурома городъ Муромъ и Княжество Муромское, отъ Мещеры—Городецъ Мещерскій и сторона Мещерская, отъ Мери—городъ Галичъ Мерьскій, отъ Веси—городъ Весьегонскъ, и т. п. Этотъ-то именно этнографическій переходъ мѣстныхъ названій въ особенности примѣчается на всемъ Сѣверовостокѣ Русскомъ, съ незапамятныхъ временъ заселенномъ народами, извѣстными подъ общимъ таинственнымъ именемъ Чуди. Въ раскрытіе и подтвержденіе излагаемаго производства имени Рязани не излишнимъ считаемъ указать:

а) На ближайшее филологическое сродство того и другого имени. Наше—Рязань или Рѣ(е)зань и Арабское или Мордовское Эрзань имѣютъ явственное сходство въ буквахъ, словоударенiи и произношеніи. Начальную гласную букву слова Эрзань Оріенталисты пишутъ какъ *А* и какъ *Э*, на пр., Арза, Эрза и Эрзань; но здѣсь нѣтъ различія, по тому что въ Арабскомъ письмѣ гласныя Русскія *А* и *Э* выражаются одною и тою же буквою, которая, впрочемъ, должна правильнѣе произноситься по Русски не *а* и, какъ стали было употреблять, не *іе*, или старинное двойное *е*, а какъ чистое *э*, [78] на пр., Эрзань, чѣмъ, конечно, объясняется болѣе употребительное въ древнихъ лѣтописяхъ и въ обыкновенномъ нашемъ разговорномъ языкѣ Рѣ(е)зань, а не Рязань, въ которомъ, послѣднемъ, т. е., Рязань, гласная *я*, вѣроятно, есть умягченное *а* или иначе *я*, *я*, подобно какъ употребляется по Славянски: азъ и язъ. Впрочемъ, гласный звукъ въ словѣ есть

[78] Мухамед. Нум., стр. CXX и CXVII, прим. 215.

вообще элементъ, измѣняемый между основными согласными. Согласная свистящая Арабская буква *cce* по Арабски произносится какъ Англійское *th*, ближе къ *з* и *т*, нежели къ *с*;[79] по тому и по Русски слѣдуетъ писать и произносить Эрза, Эрзань, а не Эрса и Эрсань, а оттуда не Рясань и не Рѣ(е)сань, а Рязань, Рѣ(е)зáнь. Стеченіе двухъ согласныхъ, какъ въ Русскомъ, такъ равно и въ Восточныхъ языкахъ, вообще неохотно терпится, особенно стеченіе твердой согласной *р* съ другою согласною свистящею или зубною въ началѣ слова, какъ это уже и объяснялось нами (см. выше прим. 24). По этому Восточные народы, на пр., наше отечественное корневое имя Русь (Русь) не только разбавляютъ гласною въ срединѣ, но и придаютъ еще ему съ начала звукъ гласный: нынѣшніе Персіяне употребляютъ это имя Урусъ, Монголы Оросъ,* Китайцы картавя *р* какъ *л*, Улусъ и под. У Арабовъ въ словѣ Эрза или Эрзань гласная помѣщена въ началѣ, а наше произношеніе, по свойству физіологическаго выговора, поставило ее въ срединѣ согласныхъ: не Эрзань, а Рѣ(е)зань или Рязань.**

б) Имя Рѣ(е)зань или Рязань въ тѣсномъ смыслѣ прилагается сначала нашими древними лѣтописями къ городу, первоосновному средоточію Рязанской области, и въ такомъ значеніи

---

[79] Тамъ же. Вообще въ отношеніи къ правописанію Арабское Арза, Эрза или Эрзань употребляется писателями неодинаково: у Миллера (Saml. Russ. Gesch. III, 335) Erse, у Рычкова (Оренбург. Топографія т. 1) Эрза, у Палласа (Reise durch versch. prov. des Russ. Reichs I, 64) Ersad, у Лепехина (Дневн. зап. пут. III) Эрзань и Эрзани, у Георги (Bemerk. einer Reise im Russ. Reichs, II, 857) Ersand, въ «Описаніи всѣхъ обитающихъ въ Росс. Госуд. народовъ» (I, 44) Эрзанъ и Эрзанъ, у Френа (въ Ibn Foszlan) Ersa, Ersä, Ersania, у Шлецера въ Несторѣ (I, стр. 67) Ерсань.

* Мадьяры, племя также Восточное (Сѣверно-Азіятское въ Азіи и Европѣ), называютъ Русскихъ Orosz, Татары, Турки и т. п. тоже такъ. О. Б.

** Здѣсь тотъ же наблюдается законъ, какой и въ произношеніи словъ: Великорусскомъ *ладонь*, Церковно-Славянскомъ *длань*, и Малорусскомъ *долоня*, Комлыкъ, ВР. Калмыкъ, или *мраморъ*, Лат. *martor*, *Краль* (откуда Король), Западно-Европейское *Carolus*, и т. п. Что до обращенія *э*, *а* въ *е*, *ъ*, *я*, то и это слѣдуетъ своему закону, по коему Церковно-Славянск. *льзѣ*, *нельзѣ* произносятся нами *льзя*, *нельзя*, *Евдокія*, ВР. *Авдотья*, МР. *Явдоха*. Іоакимъ, ВР. *Акимъ*, МР. *Якимъ*, *Іоаннъ*, И. и Ч *Янъ*; ВР. спасе*ніе*, сча*стіе*, МР. спасень*я*, сча*стья*, и т. п. Въ первомъ перестановка въ началѣ и срединѣ гласной съ согласной или обмѣнъ своими мѣстами, либо согласной съ гласной, а во второмъ смягченіе гласной твердой, даже стяженіе со вставкой и т. п. О. Б.

сначала употребляется ими большею частію въ мужескомъ родѣ, а за тѣмъ стало употребляться, и доселѣ употребляется, въ женскомъ. О времени основанія города Рязани, или вообще объ основаніи ея, при обрусѣніи края, не осталось памяти ни въ лѣтописяхъ, ни въ преданіяхъ народныхъ: но нельзя ли допустить, что на мѣстѣ ея, раньше утвержденія Русскихъ, было уже прочное и сосредоточенное населеніе Эрзани (какъ, на пр., и указываютъ Арабскія извѣстія на существованіе Эрзанскаго стольнаго города туземнаго края), послужившее, при выгодномъ мѣстоположеніи, къ заведенію тутъ же Русскими своего города, удержавшаго прежнее народное наименованіе Эрзы? Не на это ли первоначальное образованіе города Рязани изъ прежняго туземнаго Эрзанскаго населенія намекается въ одномъ старинномъ мѣстномъ сказаніи:

«Доселѣва Рязянь она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.» [80]

Или по другому разночтенію:

«А попережъ Рязань селомъ была,
А потомъ Рязань городомъ прослыла?»

Въ обширномъ смыслѣ имя Рязани, съ самаго начала Княжества Рязанскаго, придается нашими лѣтописями всему туземному краю, въ пространствѣ котораго оно располагалось; по преимуществу же въ этомъ краѣ Рязанью называется въ лѣтописяхъ правая сторона Оки, гдѣ находилась и древняя столица Княжества—Рязань (нынѣ село Старая Рязань, Спасскаго Уѣзда, близъ впаденія Прони въ Оку). Такъ въ лѣтописяхъ приводятся на это слѣдующія мѣста: Въ Царственной Лѣтописи, подъ 1147 г., значится:

---

[80] Древн. Росс. Стих., собр. Киршею Даниловымъ, стр. 345. А что въ этой былинѣ говорится о Рязани въ древнѣйшее время ея существованія, видно изъ того, что, въ слѣдъ за приведенными словами, идетъ рѣчь о старинномъ богатырѣ Добрынѣ Никитичѣ:

«А жилъ во Рязани тутъ богатой гость,
А гостя-то звали Никитою,
Живучи-то Никита состарѣлся, перестарѣлся,
Осталось чадо милое,
Какъ молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,» и т. д.

«Великій Князь Кіевскій Изяславъ Мстиславичъ сотвори миръ съ Половцы у града Войня въ Рязани»; [81] и въ той же лѣтописи, подъ тѣмъ же годомъ: «и тако совѣщавше, снидошася въ Москву... Князь Великій Святославъ Ольговичъ съ Рязани изъ Тѣшилова». [82] Въ Никон. л., подъ 1146 г., замѣчается, что Андрей Ростиславичъ (сынъ Князя Рязанскаго Ростислава Ярославича) прибылъ тогда въ Черниговъ изъ «Рязани съ Ельца,» [83] и въ той же лѣтописи, подъ 1147 годомъ: «въ Рязани, во градѣ Казари, отъ иконы Св. Пятницы быша чудеса и исцѣленія многа»; [84] въ Царств. лѣт., подъ 1454 г., говорится, что Царевичъ Татарскій Мустафа былъ тогда «въ Рязани въ градѣ Переславлѣ». [85] На колоколѣ въ Ольговомъ Рязанскомъ монастырѣ (въ 11 вер. отъ нынѣшней Рязани) сохраняется надпись: «Лѣта 7153 (6145) Князь Михайла Щетининъ приложилъ сій колоколъ въ Ольговъ монастырь на Рязани». Частнѣе Рязанскою стороною называлось, и доселѣ называется, пространство собственно въ нынѣшней Рязанской Губерніи, между рѣками Окою и Пронею, составлявшее нѣкогда основное и средоточное ядро древняго Рязанскаго Княжества, вокругъ котораго то расширялась, то сокращалась его подвижная окружность. Старинныя народныя сказанія съ именемъ Рязани соединяютъ въ краѣ и общегеографическое и вмѣстѣ этнографическое значеніе: въ приведенномъ выше сказаніи или былинѣ о Новгородскомъ богатырѣ Акундинѣ говорится, что онъ, приплывъ къ Рязанскому городу Ростиславлю, спрашивалъ: «а что то за сторона? а и что то за городъ? а и что то за люди.»

---

[81] Царств. лѣт. стр. 62. Сравн. Уѣздъ Воинскій и озеро Воинское, упом. въ грам. Великаго Князя Рязанскаго Олега Ив., близъ села Санскаго (Рязанск. Дост. § 67).

[82] Царств. лѣт., стр. 61. Нынѣ с. Тѣшилово Тул. Губ. Кашир. Уѣзда, при впаденіи рѣчки Хохлы въ Оку, въ 40 верстахъ отъ Каширы. Городъ Тѣшиловъ принадлежалъ къ Рязанскому Княжеству и, по паденіи послѣдняго, оставался въ вѣдомствѣ Рязанскихъ Святителей. Здѣсь была родина Митяя, любимца Донскаго: «бѣ же Митяй единъ отъ Коломенскихъ поповъ, сынъ Тѣшиловскаго попа Ивана, иже на Оцѣ рѣцѣ».

[83] По Карамз. II, прим. 306. Нынѣ Уѣзд. Городъ Орловской Губ. на р. Быстрой Соснѣ, въ древности принадлежалъ къ Рязани.

[84] Ник. л. стр. 137. Также Ряз. Дост. § 18. Нынѣ с. Казарь въ 20 верстахъ отъ нынѣшней Рязани, на лѣвой сторонѣ Оки.

[85] Царств. лѣт, стр. 259—261.

И молвитъ количище: сторона то широкая, что отъ Оки рѣки потянула до Дона глубокаго, зовутъ Рязанью». [86] Въ Рязанской Губерніи жители лѣвой стороны Оки, гдѣ жила въ старину Мещера, по нынѣ зовутъ правую сторону Оки Рѣзанью, а жителей ея Рѣзанцами и Рѣзанками; [87] между тѣмъ жители правой стороны Оки, гдѣ въ древности по преимуществу имѣла жилище Мордва-Эрзань, зовутъ лѣвую Мещерою, а жителей ея Мещеряками. То есть, видно, что двѣ, разноименныя прежде, по своему населенію, рѣчныя стороны, до сихъ поръ не перестаютъ звать одна другую такъ, какъ онѣ знали и звали другъ друга въ старину, при тогдашнемъ живомъ сознаніи своей относительной особности. На именную этнографическую особность жителей Рязанской Губерніи указываетъ также прозвище, которое придается имъ простонародіемъ другихъ Губерній: «Рязань пузатая» или «кособрюхая.» Сошлемся еще на прилагаемыя лѣтописями, въ частности къ происхожденцамъ изъ Рязанскаго края, наименованія, которыми онѣ выражаютъ ихъ мѣстногеографическую и, такъ сказать, генерически этнографическую именную связь съ своимъ старобытнымъ туземнымъ населеніемъ—Эрзанью или Рѣзанью, на пр., на приведенное выше наименованіе Добрыни богатыря, происходившаго изъ Рязанской области, Рязаничемъ и Резаничемъ; также въ Ростов. лѣт. упоминается Рязянъ, Воевода Новгородскихъ хищниковъ, грабившихъ по Приволжью: «того же лѣта (1379) Вятчане ходиша ратію на Арьскую землю, и избиша разбойниковъ ушкуйниковъ (отъ ушкуй, лодка), и воеводу ихъ Рязана изъимавше убиша». [88] Что имя это здѣсь не есть собственное, а мѣстнообластное или этнографическое, означающее происхожденіе изъ Рязанской области, это видно изъ того, что у нихъ же, ушкуйниковъ, подъ 1375 г., означается и другой Вое-

---

[86] Русск. народн. сказки, изд. Сахаровымъ, ч. I, 1841 г., стр. 96—97.

[87] Жители Мещерской стороны, отправляясь за Оку, на Рязанскую сторону, обыкновенно говорятъ: «Ѣдемъ на Рѣзань», далѣе же за Рязанскую Губернію—«за Рѣзань», или возвращаясь оттуда: «съ Рѣзани,» или: «изъ за Рязани». О томъ, кто жилъ долго на Рязанской сторонѣ, говорятъ: «орѣзанился». Замѣтимъ при этомъ, что жители Мещеры доселѣ питаютъ къ жителямъ Рязанской стороны какое-то нерасположеніе и чуждаются ихъ, особенно дѣти Мещеряковъ имѣютъ какую-то боязнь къ «Рѣзанцамъ и Рѣзанкамъ».

[88] Въ Ростов. лѣт., по Карамз. V, пр. 106.

вода просто мѣстнообластнымъ своимъ названіемъ: «Воевода же бѣ у нихъ другій Смолнянинъ»,[89] т. е., родомъ изъ Смоленской области. Такимъ образомъ находимъ, что имя Эрзы или Эрзани сходно съ тѣмъ, какъ Арабы соединяютъ съ нимъ значеніе города, страны и народа, перешло также, съ обрусѣніемъ туземнаго края, во первыхъ, къ первоосновному его городу, во вторыхъ, къ цѣлой области и, въ третьихъ, къ самому народонаселенію, и при томъ по преимуществу оставило свои слѣды въ правомъ бассейнѣ Оки, такъ какъ по преимуществу здѣсь жила Мордва-Эрзань. Въ слѣдствіе этого неодинаковаго значенія имени Рязани, вѣроятно, и родъ его первоначально не вдругъ опредѣлился.

б) Кромѣ изъясненнаго, укажемъ еще на другія мѣстности въ Рязанскомъ краѣ и въ сосѣдствѣ съ нимъ, въ названіяхъ которыхъ болѣе или менѣе ощутительно имя Эрзы или Эрзани. Израемъ, напр., называется въ народныхъ были нахъ самая рѣка Ока (такъ какъ здѣсь говорится о рѣкѣ, текущей подъ Рязанью);[90] рч. Зарѣзанка (впад. въ Раку близъ устья послѣдней въ Оку, около села Вышгорода, вверхъ по Окѣ за Старую Рязань, въ 20 верст.); д. Рѣзанка Раненб. Уѣзда; д. Рязанова или Юрловская въ Касим. Уѣздѣ; Заразескъ или Заразскъ (такъ по лѣтописному называется городъ Зарайскъ; имя это какъ будто выражаетъ за Арзою; другое имя его, по мѣстному преданію, есть Красный);[91] Арзамасъ Уѣздный городъ Нижегородской Губерніи (въ первой половинѣ слова прямо содержится народное имя Арза, а вторая «маси» съ Мордовскаго значитъ красный, красивый;[92] р. Аржа, впадающая въ Тёшу, ниже Арзамаса (Тёша съ Мордовскаго тысяча); рч. Арзязовка и Рязня въ Моршан. Уѣздѣ Тамб. Губ.;

---

[89] Тамъ же.

[90] Въ Древнихъ Россійскихъ Стихотвореніяхъ, Кирши Данилова, стр. 346. Говорила мать Амелфа Тимоѳѣевна Добрынѣ:

«Пойдешь ты, Добрыня, на Израй на рѣку,
Въ Израѣ рѣкѣ станешь купатися,
Израй рѣка быстрая,
А быстрая она, сердитая» и т. д.

[91] Нельзя ли сюда же отнести и названіе города Ряжска Разской и Расской, какъ онъ значится въ старинныхъ памятникахъ?

[92] У Френа, въ Ibn Foszl. S. 168.

рч. Арзима въ Лукоян. Уѣздѣ Нижегородской Губерніи; село Арзатино тоже Лукоян. Уѣзда; Сызрань Уѣздный городъ Симбирской Губерніи, и другія. [93] И приведенныя мѣстныя названія указываются исключительно по правую сторону Оки, т. е., въ главныхъ мѣстожилищахъ Мордвы. Замѣтимъ при этомъ, что не должно полагать того, чтобы имя Эрзань или Рѣзань было придано Мордвѣ самими Арабами, которые одни первоначально и исключительно приводятъ это имя. Подобнаго рода имена, т. е., даваемыя другими народами, обыкновенно отвергаются тѣмъ самымъ народомъ, для котораго они составлены. Такъ имя «Нѣмцы», которое мы изстари дали западнымъ нашимъ сосѣдямъ, не принимается ни ими самими, ни другими, соприкосновенными народами не нашего племени и языка. Эрзою или Эрзанью называетъ донынѣ сама себя Мордва, [94] и такъ зовется, какъ мы выше указали, отъ своихъ сосѣдей, Черемисъ и Чувашъ. [95]

Общій итогъ нашего изслѣдованія слѣдующій: Имя Рязань или Рѣзань не есть наданное, или пришлое, а свое, природное при Оцко-Рязаискомъ краѣ, именное народное или этно-

---

[93] Присовокупимъ къ этому, что имя Эрзы или Эрзани встрѣчается еще далѣе на востокѣ, сливаясь съ помянутою выше Арскою или Арзкою землею и забрасываясь въ Зауралье до сѣверныхъ приморскихъ тундръ и въ Закаспій, откуда, какъ надо полагать, и былъ первобытный доисторическій исходъ Мордвы-Эрзани. Такъ, рѣка Арзасъ (по разнорѣчію Арза, Арзасъ, Азаръ, Арзанъ, Арзаръ), по Кн. Бол. Черт. (стр. 27 и см. прим. на той же стр. и на 75 стр.), вытекла изъ Синяго, т. е., Аральскаго моря и потекла въ Хвалимское, т. е., Каспійское море, а протоку ея 1060 верстъ; Рѣка Юрезань въ Оренбургскомъ краѣ, къ сѣверу отъ верховьевъ Урала, и рч. Арзина въ сѣверномъ Бѣломорьѣ (Кн. Бол. Черт. стр. 193).

[94] Мордва въ настоящее время дѣлится на два поколѣнія: Эрзань или Эрзянь и Мокшу. Мордвинъ Эрзанскаго поколѣнія, на вопросъ: «Кто ты такой?» всегда отвѣтитъ: «Я Эрзинъ», а Мокшанскаго: «Я Мокшинъ». Впрочемъ, эти поколѣнія весьма различаются между собою языкомъ, религіею, одеждою, домашнимъ бытомъ и обычаями. До распространенія у нихъ Христіанской Вѣры даже почиталось преступленіемъ брать жену изъ другого колѣна.

[95] Также замѣтимъ, что у Чувашъ Ирзямъ называется особенно устроенное для жертвоприношенія мѣсто, т. е., по имени Эрзы, отъ которой имя то заимствовано. Сама же Эрзань называетъ сказанное мѣсто Кереметь (см. Пол. Геогр. Словарь Щекатова подъ словомъ Ирзямъ).

графическое, наслѣдованное отъ имени туземнаго старобытнаго населенія Мордвы-Эрза или Эрзань.

Нельзя ли, въ заключеніе, доискаться, или приблизительно объяснить, что значитъ самое имя Арза́, Эрза́ или Эрзань? Есть особаго рода народныя имена, такъ называемыя, патрономическія или лицепроизводныя, т. е., заимствованныя отъ лицъ, игравшихъ памятную роль въ ихъ исторіи, которыя иногда, раскрашиваемыя въ послѣдствіи народною фантазіею, восходятъ до обоготворенія, обращаются въ миѳы. Подобнаго рода названія новѣйшая критика не безосновательно приписываетъ фигуральному языку древности, любившему замѣнять сухія понятія живыми миѳическими олицетвореніями. Такъ, народы иногда заимствуютъ свое имя отъ лица «родоначальника,» на пр., Израильтяне отъ Патріарха Іякова Израиля, которые называются еще Іудеями, опять по имени же Іуды, одного изъ сыновей Израилевыхъ, Еллины отъ Еллина, и под. Иногда народы удерживаютъ имя не собственно родоначальника, а «вождя», который привелъ выселенцеовъ въ землю, сдѣлавшуюся ихъ отчиною; «героя», который въ своихъ сродичахъ возбудилъ первое живое чувство самобытной народности, сдѣлалъ имя свое залогомъ народной гордости; «правителя», утвердившаго особую форму политическаго быта для своихъ подданныхъ, которая сообщила имъ характеръ этнографической особности, и проч., на пр., въ Сѣверной Америкѣ народъ Пенсильванцевъ заимствовалъ свое имя на нашей памяти отъ Уильяма Пена, учредителя поселенія, которое было его сѣменемъ; Чаганьтай, сынъ завоевателя Темудцина Чингисхана, далъ свое имя Монголо-Татарской Ордѣ, выдвинутой ими на сцену исторіи; часть народонаселенія нынѣшней Франціи зовется Лоренцами или Лотарингами, по имени Императора Лотаря, котораго нѣкогда была удѣломъ, а Нѣмецкіе подданные Западныхъ Цесарей, по ихъ титулу, называются донынѣ Цесарцами. Всего чаще, въ подобныхъ случаяхъ, имена лицъ сообщаются прежде главному поселенію, или столицѣ, потомъ переносятся на весь край, и наконецъ дѣлаются народными, на пр., отъ Ромула—городъ Римъ, страна Римская и народъ Римляне; отъ Аѳины—городъ Аѳины и народъ Аѳиняне, и др. Въ Мордовской языческой Миѳологіи обращаетъ на себя вниманіе имя «Азаръ,» что значитъ «владыка, господинъ», названіе главнаго верховнаго божества, которое есть корневое въ именахъ прочихъ Мордовскихъ божествъ, раз-

дѣляемыхъ Мордвою по отраслямъ и потребностямъ быта житейскаго и признаваемыхъ ею въ обоихъ полахъ, на пр., Азаръ и Азарава (владычица), Ведьазаръ и Ведьазарава (вѣдь—на Морд. языкѣ—лѣсъ, слѣдовательно Ведьазаръ и Азарава значатъ владыка и владычица лѣса), Юртазаръ и Юртазарава (юртъ—домъ; слѣдовательно владыка и владычица дома), Вирьазаръ и Вирьазарава, Лугазаръ и Лугазарава, Паксязаръ и Паксязарава и под. [96] Народное Мордовское имя Арза, Эрза, Эрзань и под. видоизмѣненія этого слова не указываетъ ли на названіе племеннаго бога, родоначальника Азаръ, не произошло ли отъ сего послѣдняго, и въ такомъ случаѣ имя Арзы или Эрзы не означаетъ ли народъ или въ смыслѣ религіозномъ миѳическомъ, почитающій божество Азаръ, или въ смыслѣ генетическомъ, происходящій отъ своего родоначальника и главы—Азара, или же то и другое вмѣстѣ? Короче, не есть ли оно свое патрономическое, лицепроизводное, отечное, миѳически родословное? Такъ какъ народы образуются изъ семей, которыя, нерѣдко, смыкаясь въ непроницаемыя касты, отвергаютъ постоянно всякую чуждую примѣсь и продолжаютъ существовать фамиліями чрезъ цѣлые ряды вѣковъ, то патрономическія имена, весьма естественно, удерживаются и, когда фамилія разростается въ народъ, само собою переходятъ въ народныя; увеличиваемыя же народнымъ суевѣріемъ и разцвѣтляемыя дѣвственною фантазіею, обращаются нерѣдко въ предметъ вѣрованія—въ имена народныхъ божествъ.

Священникъ Николай Любомудровъ.

---

[96] См. Памятники Мордовской старины, стр. 13.

ЦЕРКОВЬ

СВ. ПРОРОКА ИЛИИ ОБЫДЕННАГО, ЧТО НА ОСТОЖЕНКѢ, ВЪ МОСКВѢ.

Церковь Св. Пророка Божія Иліи, что слыветъ Обыденный, находится въ Москвѣ, на Остоженкѣ, между двумя (1-мъ и 2-мъ) Ильинскими переулками, и состоитъ въ Пречистенскомъ сорокѣ.

По своему названію «Обыденною» она представляетъ немалый интересъ для изученія ея исторіи.

Сколько намъ извѣстно, церквей съ такимъ названіемъ у насъ въ Россіи немного. Слову «Обыденный,» въ отношеніи Свято-Ильнскаго храма, даютъ не одно объясненіе. Одни говорятъ, что церковь, слывущую «Обыденною,» не слѣдуетъ такъ называть, что нужно правильнѣе именовать ее «Обойденною,» отъ разрушенія или истребленія, что, по ихъ понятіямъ, легко могло случиться во время нашествія непріятелей, или во время пожара. Но такое объясненіе, во первыхъ, противорѣчитъ лѣтописямъ, [1] въ которыхъ нигдѣ церковь Иліи Обыденнаго не называется Обойденною, и во вторыхъ, сторонники такого объясненія слову «Обыденный» въ отношеніи Свято-Ильинскаго храма, не могутъ подтвердить, кѣмъ же изъ непріятелей эта церковь была обойдена? И въ какое время сіе могло случиться? Другіе говорятъ, что слово «Обыденный» при храмѣ не слѣдуетъ понимать въ томъ значеніи, какое даютъ этому реченію въ просторѣчіи, что едва ли возможно построить церковь обыденкою, въ одинъ день. Они утверждаютъ: очень легко могло случиться, что чрезвычайно скоро былъ выстроенъ храмъ (но не въ одинъ день), его всѣ и приняли называть выстроеннымъ, какъ бы обыденкою, Обыденнымъ. Но и такое объясненіе едва ли стоитъ опровергать. Оно противорѣчитъ лѣтописному сказанію о построеніи храмовъ въ

---

[1] См. Выходы Царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, и Дворцовые Разряды. Не приводится изъ сихъ книгъ указаній по тому, что сіе будетъ видно ниже.

Россіи обыденкою, въ одинъ день. Такъ въ одинъ день сооружена и освящена церковь Спаса по случаю покоренія Казани. [2] Это было желаніемъ и личнымъ распоряженіемъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, въ 1552 году, Октября 2 дня. Въ одинъ день была выстроена церковь Спаса Обыденнаго въ Вологдѣ. Объ этой церкви вотъ что повѣствуетъ одна старинная рукопись: [3] Сентября 1-го дня, 1655 года, открылась въ Вологдѣ и ея окрестностяхъ моровая язва. Семь недѣль она продолжалась, и истребила великое множество народа. Всѣ усилія, какія были возможны человѣческому искуству, были употреблены Вологжанами, для пресѣченія сей болѣзни, но ни что не помогало. Но вотъ граждане Вологды 18 Октября по обѣту строятъ въ одинъ день храмъ Богу Спасителю, и съ сего времени язва прекратилась. Въ глубокою ночь было приступлено къ постройкѣ обыденной церкви, а къ утру она уже была готова. Иконы и вся утварь, потребная для служенія, были принесены изъ сосѣднихъ церквей. Тогдашній Вологодскій Архіепископъ Маркеллъ освятилъ ее во имя Всемилостиваго Спаса. [4] Въ Костромѣ была обыденная церковь посвященная Великомученику Ѳеодору Стратилату. Въ эту церковь была, по явленіи, внесена чудотворная икона Божіей Матери, именуемая по ней Ѳеодоровскою. [5] Вообще церкви, построенныя въ одинъ день, упоминаются въ лѣтописяхъ нерѣдко. [6] Онѣ были деревянныя и весьма вмалыя, строились по обѣту, или при какомъ либо общенародномъ бѣдствіи, или по случаю какихъ либо радостныхъ событій, въ благо-

---

[2] Душеполезное Чтеніе, Сент. 1871 г., стр. 12, Извлеченія и замѣтки.

[3] Она хранится въ ризницѣ Вологодскаго Софійскаго Собора.

[4] Описаніе Спасо-Обыденной Всеградской, что въ Вологдѣ, церкви. Вологда, 1860 г., сочиненіе Н. Суворова, стр. 7, 8 и 9. Былъ въ Вологдѣ моръ великъ и по обѣщанію града, ко отвращенію и избавленію, поставленъ бысть храмъ единодневно во имя Всемилостиваго Спаса, который начали рубить въ 6 часу ночи, и для сего были свѣточи и зажигали смолы на батогахъ, и срубили за два часа дня, сомшили въ 2 часа, а святить начали въ 5 часу дня и освятили въ послѣднемъ часу дня, и того дни преста моровая язва. См. Историческо-топографическія извѣстія о Вологдѣ, Засѣцкаго, стр. 48, Москва, 1782 года.

[5] Нынѣ эта икона находится въ Костромскомъ Успенскомъ Соборѣ, въ которомъ есть придѣлъ Великомученика Ѳеодора Стратилата. Нива, 1874 г. № 15, стр. 235.

[6] Смотри Указатель къ книгѣ Строева: Выходы Царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, подъ словами: Пророкъ Илія.

дарность Господу Богу за ниспосланныя имъ благодѣяніи. Первое было въ Вологдѣ, второе случилось въ Казани, когда была взята Русскими столица Козанскаго Царства.

По какому случаю была построена въ Москвѣ Обыденная церковь во имя Пророка Св. Иліи нельзя опредѣлить съ точностію, по недостатку о семъ историческихъ извѣстій. Но догадку о семъ по чему не сдѣлать? Можно думать, что сію церковь создало усердіе Москвичей по случаю долгой засухи. Св. Пророкъ Илія издавна считался у нашихъ предковъ надѣлающимъ дождемъ. Народъ Русскій, особенно въ средѣ простой, всегда вѣрилъ, и доселѣ еще вѣруетъ, что Пророкъ Илія, по своемъ чудномъ восшествіи на небо, получилъ отъ Бога власть распоряжаться небомъ. Идетъ ли сильный дождь, стоитъ ли засуха, сверкаетъ ли молнія, или разражаются страшные раскаты грома, буря, градъ, всѣ сіи явленія природы приписываются дѣйствію Пророка Божія. Это, впрочемъ, имѣетъ основаніе и въ словѣ Божіемъ. Въ 3-й книгѣ Царствъ говорится, что, по слову Пророка, небо заключалось и отверзалось, три года не давало дождя и проливало цѣлыя рѣки (гл. 17, 18). Къ Пророку Иліи въ особенности, болѣе чѣмъ къ другимъ Угодникамъ Божіимъ, православный народъ Русскій привыкъ обращаться съ молитвою о ниспосланіи дождя Господомъ въ случаѣ долгой засухи, и вотъ могло случиться, что въ благодарность къ Господу и его Угоднику, за ниспосланіе во время дождя послѣ засухи, строился по обѣту обыденный храмъ во имя Пророка Иліи. Отъ того, можетъ быть, и крестные ходы, которые были совершаемы въ Иліе-Обыденскую церковь въ 17 и 18 столѣтіяхъ, и о которыхъ будетъ рѣчь впереди, были совершаемы для моленія о дождѣ. Въ семъ случаѣ храмъ Пророка Иліи какъ бы призывался въ свидѣтели предъ Богомъ дѣла вѣры и благочестія православныхъ Москвичей.

Мѣстность, какая была избрана для Обыденной Ильинской церкви есть самая лучшая въ отношеніи достиженія способовъ къ построенію храма въ одинъ день. Мѣсто къ лѣсному ряду, на лѣво отъ Остоженки, и именно, гдѣ церковь Иліи Обыденнаго, именовалось прежде Скородомомъ. Прежде тутъ особенно строились послѣ пожаровъ, по тому что водою пригонялся сюда лѣсъ, слѣдовательно было болѣе удобности строиться. Здѣсь строились, такъ сказать, на скоро, дабы потомъ перестроиваться на другихъ

стахъ города, и отъ того сіе мѣсто названо Скородомомъ [7] и въ данномъ случаѣ, нужно было построить въ 1 день храмъ, и вотъ, чѣмъ лѣсъ возить съ берега Москвы рѣки въ другую часть города, лучше, для скорости дѣла, строитъ, такъ сказать, въ средѣ продажи лѣснаго матеріяла. Здѣсь, вѣроятно, и плотниковъ скорѣе, чѣмъ гдѣ либо, можно достать. Принимая все сіе во вниманіе, дѣлается удобопонятнымъ, по чему именно берегъ Москвы рѣки, близъ Пречистенскихъ воротъ, украсился храмомъ, и по чему сей храмъ былъ посвященъ святому и Славному Пророку Божію Иліи.

Время первоначальнаго построенія обыденной Ильинской церкви нельзя, къ сожалѣнію, опредѣлить съ точностію, по недостатку историческихъ свидѣтельствъ. Въ Синодальномъ мѣсяцесловѣ говорится, что храмъ Иліи Обыденнаго выстроенъ въ 1702 году. Но сіе говорится о храмѣ Иліи Пророка, въ настоящее время существующемъ. На мѣстѣ настоящей церкви былъ еще до 1702 года храмъ, отъ котораго первая получила свое названіе. Въ 1612 году она уже существовала. Это видно изъ составленнаго Келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ сказанія объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. Оно говоритъ, что на томъ самомъ холмѣ, гдѣ стоитъ Обыденный храмъ, было расположено земское ополченіе Князя Пожарскаго, пришедшаго изъ Нижняго Новгорода для изгнанія изъ Москвы Поляковъ, заключившихся въ Кремлѣ. И когда у Русскихъ открылось сраженіе 24 Августа выше сказаннаго года съ явившимся на помощь осажденнымъ Полякамъ войскомъ Гетмана Ходкевича, то Келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ, «молебная совершающе предъ образомъ Святыя и Живоначальныя Троицы, и Пречистыя Богородицы, и великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона, молящеся о побѣжденіи на враги на мѣстѣ, идѣже былъ обыденный храмъ во имя Святаго Пророка Иліи.» [8]

Какова, по своей архитектурѣ и устройству внутреннему и наружному, была Обыденная церковь Иліи Пророка въ 17 столѣтіи, къ сожалѣнію, не извѣстно. Вѣроятно, простота въ ея отдѣлкѣ составляла ея отличіе и характеръ. Но судя по тѣмъ иконамъ,

---

[7] Москва или историческій путеводитель, ч. 3, стр. 323.

[8] Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря отъ Поляковъ и Литвы, стр. 238. Москва, 1784 г.

которыя остались до нашего времени, можно думать, что иконостасъ древней Обыденной Ильинской церкви былъ немалый. Сіе доказываютъ иконы, принадлежавшія древнему Обыденному храму и сохранившіяся до нашего времени. Мѣстная Св. Пророка Иліи икона нынѣшняго иконастаса, написанная, какъ увѣряютъ знатоки древняго церковнаго писанія, не позднѣе 16 вѣка и составлявшая одну изъ главныхъ принадлежностей древняго Обыденнаго храма, очень немала: вышина ея 1 арш. 10 вер., ширина 1 арш. 6 верш. То же должно сказать и объ иконѣ Нерукотвореннаго образа Спасителя, написанной въ 1674 году, Симономъ Ушаковымъ, изографомъ Царя Алексѣя Михайловича. Она имѣетъ 1 арш. 5 вѣроятно верш. вышины и 1 аршинъ ширины. Этотъ образъ былъ въ иконостасѣ прежней церкви и составлялъ первую ею мѣстную икону. Съ давнихъ поръ онъ находится въ иконостасѣ холодной церкви, нынѣ существующей и, можно думать, поставленъ на томъ мѣстѣ, которое онъ занималъ въ прежней Обыденной церкви. Утварью тоже была достаточна. Нѣкоторыя вещи, какъ, на пр., два напрестольныхъ серебряныхъ креста, плащаница, шитая серебромъ и шелками, запрестольный воздвизальный крестъ, свидѣтельствуютъ о достаткѣ церковномъ.

Къ сей обѣтной церкви Москвичи, искони славившіеся своимъ благочестіемъ, всегда имѣли почтеніе и усердіе. Въ нее, какъ и въ другіе, по какимъ лило историческимъ воспоминаніямъ, важные монастыри и церкви Московскіе, были совершаемы съ давнихъ поръ крестныя хожденія изъ Большаго Успенскаго Собора. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, по его «Выходамъ», не видимъ крестныхъ ходовъ къ Иліи Обыденному, но они бывали. Въ Сказаніи дѣйственныхъ чиновъ Св. Соборныя и Апостольскія великія церкви Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы.... матере церквамъ града Москвы, составленномъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7135 (1627 г. отъ Рождества Христова), Индикта 5, въ царствованіе Государя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, повелѣніемъ Патріарха Филарета, подъ 20 числомъ Іюля написано: «на вечерни и утрени Патріарху облаченія не бываетъ. Въ 4 часу дня бываетъ ходъ къ Пророку Ильи Обыденному: Государь пойдетъ отъ Лобнаго Мѣста, пойдетъ къ празднику, а Патріархъ служитъ у Иліи, что за вѣтошнымъ рядомъ.» [9] Выходы Государей

[9] Древн. Русс. Вивліоѳ., изд. Ник. Новикова, часть VIII. Спб., 1775 г.

и Великихъ Князей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича всея Русіи Самодержцевъ, и Дворцовые разряды полны извѣстій объ этихъ крестныхъ хожденіяхъ, составлявшихъ характерическую сторону 16 и 17 столѣтія.

Всѣ подлинныя мѣста, въ которыхъ говорится о крестныхъ ходахъ къ Ильи Обыденному, приведу въ хронологическомъ порядкѣ.

Отд. II, кн. XVII, Выходы Царя Алексѣя 1652 г., стр. 259: «Іюня въ 11 день Государь ходилъ за кресты къ Пророку Ильи къ Обыденному, что за Чертольскими вороты. [10] А на Государѣ было платье: зипунъ [11] атласъ червчатъ, [12] обнизъ съ городы, [13] кафтанъ становой, [14] камка [15] куфтеръ [16] желтъ, тесма [17], опашень, [18] объярь, [19] зелена, съ кружевомъ, шапка гор-

---

[10] Ворота Чертольскія (Черторыя, оврагъ), Указомъ 1658 года, Апрѣля 17, приказано называть Пречистенскіе, вѣроятно по тому, что чрезъ нихъ необходимо изъ Кремля проѣзжать въ Новодѣвичій монастырь—домъ Пречистыя Богородицы.

[11] Исподняя, короткая одежда по сорочкѣ, иногда безъ рукавовъ, иногда съ рукавами другой ткани зимою на мѣху.

[12] Багровый, красный, малиноваго цвѣта.

[13] Городы, узоръ. У зипуна ожерелье называется обнизъ, по тому что всегда обнизано жемчугомъ. Съ городы въ одно зерно, въ три, въ четыре, съ канителью.

[14] Вторая одежда сверхъ зипуна на него надѣвался опашень, зимою шуба, въ торжествѣ платно. Кафтаны Государевы были становые и ѣздовые. Становые кафтаны (станъ значитъ домъ) раздѣлялись на наряды, Царскіе, перваго наряду, были великолѣпны, съ богатымъ кружевомъ, запястьемъ. Кафтанъ не всегда употреблялся, иногда на зипунъ прямо надѣвался опашень, или шуба.

[15] Ткань—разныхъ узоровъ съ золотомъ и серебромъ; куфтерь—родъ камки гладкой безъ узоровъ.

[16] Нѣчто въ родѣ пояса. Тесмою Цари опоясывались по кафтану.

[17] Верхняя третья одежда, лѣтняя (отъ дня Благовѣщенія до осени употреблялась), носилась на опашь, безъ пояса.

[18] Плотная, шелковая ткань съ струею золотою и серебряною, съ травками, цвѣтками, кругами и другими узорами цвѣтовъ наиболѣе яркихъ.

[19] Государь всегда и вездѣ былъ въ шапкѣ (Котоших. 28), кромѣ церкви; шапки дѣлались бархатныя, суконныя, мѣховыя (горлатныя, черевьи). Онѣ согласовались нарядамъ: 1-я, 2-я 3-я большая, меньшая. Въ случаяхъ торжественныхъ

латная, съ колпакомъ перваго наряду, подножіе суконное [20] стулъ.»

Отд. III, кн. XXVI, Выходы Царя Алексѣя Михайловича 1665 г., стр. 441: «Мая въ 28 день ходилъ Великій Государь въ ходъ, за кресты, къ Св. Пророку Ильѣ, о дождѣ, за Пречистенскими вороты. А на Государѣ было платья: опашень зуфь [21] малинова, ферези холодные [22] тафта червчата, зипунъ съ обнизью съ городы, шапка съ душкою, посохъ [23] Индѣйской съ костьми, подножье суконное.»

Отд. III, кн. XXVI, Выходы Царя Алексѣя Михайловича 1665 года: «Іюня въ 4 день ходилъ великій Государь въ ходъ за кресты, къ Св. Пророку Ильѣ Обыденному, что за Пречистенскими вороты, молилъ о дождѣ. А на Государѣ было платья опашень, зуфь (недописано).»

Выходы Царя Алексѣя, стр. 528 1670 г.: «Іюля въ 3 день праздновалъ Великій Государь Пророку Ильи о дождѣ и ходилъ въ ходъ, за кресты, за Пречистенскіе вороты, къ церкви Ильи Обыденному. А на Великомъ Государѣ было платья: опашень зуфь малинова, ферези тафта червчата безъ подкладки; зипунъ тафта бѣла, обнизь съ городы, и четоги [24] и башмаки сафьянъ жолтъ, подножье суконное.»

Дворцовые Разряды, столпъ 2-й, стр. 216: «7191 (1683) года, Мая въ 14 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, изволилъ, для празднества Пророку Ильи, прійтить изъ своихъ Государскихъ хоромъ въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы. А во время его, Государскаго, пришествія

на мѣховую шапку наставляли колпакъ, низанный жемчугомъ съ каменьи. Онѣ хранились въ Казенномъ дворѣ (съ регаліями).

[20] Подстилка подъ ноги Государя, въ родѣ ковровъ, нынѣ для сего употребляемыхъ.

[21] Камлотъ.

[22] Въ малыхъ выходахъ Государей ферези замѣняли кафтанъ, поверхъ зипуна. На нихъ надѣвался опашень или однорядка. Ферези шились изъ тафты,.... камки, объяри. Были теплые на мѣху.

[23] Жезлъ, трость.

[24] Чулки упоминаются только при нарядной одеждѣ вмѣстѣ съ башмаками. Въ обыкновенныхъ выходахъ о нихъ умолчано.

въ соборной церкви были Великій Господинъ, Святѣйшій Іоакимъ Патріархъ Московскій и всея Русіи со всѣмъ священнымъ Соборомъ. А изъ соборныя церкви изволилъ онъ, Великій Государь, итить въ ходъ за честными кресты и за святыми иконы къ церкви Св. Пророка Ильи, что за Пречистенскими воротами, а за нимъ, Великимъ Государемъ, Бояре и Окольничіе, и Думные ближніе люди.»

По Дворцовымъ Разрядамъ: «7195 (1689) года, Іюня въ 20-й день, Великая Государыня, Благовѣрная Царевна, Великая Княгиня Софья Алексѣевна, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержица, изволила, для моленія о дождѣ, итить къ церкви Св. Пророка Иліи, по прозванію Обыденнаго, что за Пречистенскими ворота, близъ Москвы рѣки, и въ той церкви слушать всенощнаго пѣнія. А Іюня въ 21 день Великій Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Алексѣевичъ, и Великая Государыня, Благовѣрная Царевна и Великая Княгиня Софія Алексѣевна, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержица, изволила притить въ Соборную и Апостольскую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и изъ той церкви изволила быть въ ходу за святыми иконами и честными кресты къ церкви выше упомянутаго Пророка Божія Иліи, и въ той церкви слушать божественные литургіи.»

«7200 (1692) года, Іюля въ 3 день, въ недѣлю, въ праздникъ.... Святителя Филиппа Митрополита Московскаго.... Царь и Великій Князь Іоаннъ Алексѣевичъ изволилъ притить въ Соборную и Апостольскую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и въ той церкви слушать молебнаго пѣнія о дождѣ и потомъ Божественныя литургіи.... Да въ тотъ же день до литургіи изъ Соборныя церкви Успенія Пресвятыя Богородицы былъ ходъ съ честными кресты и со святыми иконами къ церкви Св. и Славнаго Пророка Божія Иліи, что за Пречистенскими воротами, по прозванію Обыденнаго. А въ томъ ходу былъ Преосвященный Иларіонъ, Митрополитъ Суздальской и Юрьевской, и иные власти.»

Въ Дворцовыхъ Разрядахъ, изъ которыхъ взято выше приведенное извѣстіе, въ семъ же году 20 числомъ Іюля записано: «А къ церкви же Пророка Иліи, по прозванію Обыденнаго, что за Пречистенскими воротами, со святыми иконами, противъ прежняго, хода не было, что былъ ходъ прежъ того Іюля 3 числа.»

Изъ сего, равно и изъ другихъ мѣстъ Разрядовъ, видно, что крестные ходы къ Иліи Пророку Обыденному были постоянны и совершались именно 20 Іюля. Исключеніе, вѣроятно, было только въ тѣ годы, когда совершался кресный ходъ къ сей церкви прежде 20 Іюля. [25]

«7204 (1696), Августа въ 26 день, къ церкви Пророку Божію Иліи, что за Пречистенскіе ворота, было крестное хожденіе о моленіи ведра, или дождя (?), и при чемъ назначено было Приказомъ Большаго Дворца провожать Боярину Петру Ивановичу Хованскому, Окольничему Алексѣю Прокофьевичу Соковнину, Думному Дьяку Протасею Никифорову.»

Изъ Разрядовъ видно, что въ 7206 (1698), въ Іюнѣ мѣсяцѣ, стояла великая засуха. Назначено было всеобщее молебствіе по всему городу. Іюня 17 дня было крестное хожденіе къ церквамъ Пророка Иліи, что въ Китаѣ, за ветошнымъ рядомъ, и на Воронцовомъ полѣ. «Іюня 26 числа, въ недѣлю первую Петрова поста, былъ крестный ходъ отъ Москворѣцкихъ воротъ по Срѣтенскія ворота, дакъ церкви Пророка Иліи Обыденнаго, что за Пречистенскіе вороты. А по Указу Великаго Государя въ томъ ходу были къ церкви Пророка Иліи съ Митрополитомъ Нижегородскимъ Трифиліемъ Бояринъ Князь Юрей Семеновичъ Урусовъ, Окольничей Ѳедулъ Ѳедоровичъ Волконскій, Думный Дьякъ Протасей Ивановъ сынъ Никифоровъ.»

«7207 (1699) года, Іюля въ 20 день, въ четвертокъ, за Пречистенскіе ворота (къ церкви Иліи Обыденнаго) въ ходу былъ Архимандритъ, а литургію служилъ Сергій, Архіепископъ Тверской и Кашинской.»

Что касается вкладовъ въ церковь, состоявшихъ изъ церковныхъ вещей, то они были, вѣроятно, немалы, хотя и не всѣ намъ извѣстны. О нихъ отчасти мы знаемъ изъ двухъ Синодиковъ, хранящихся въ церковномъ книгохранилищѣ до сего времени. Они оба писаны полууставомъ. Хотя въ сихъ Синодикахъ не означены годы написанія ихъ, но, судя по почерку руки, писавшей ихъ, можно

---

[25] Въ Дворцовыхъ Разрядахъ каждогодно упоминаются крестные ходы къ церквамъ Пророка Иліи въ Китаѣ городѣ, что за Ветошнымъ рядомъ, и на Воронцовомъ полѣ.

съ достовѣрностію отнести написаніе ихъ къ половинѣ 17 столѣтія. Такое, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ заключеніе о нихъ покойный Профессоръ Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ. [26]

---

[26] Въ 1-мъ Синодикѣ, сохранившемся до насъ въ цѣлости, записаны роды слѣдующихъ лицъ: родъ Ивана Семеновича Поливанова, Дмитрія Булгакова, Думнаго Діяка Михайла Даніилова, Андрея Селина; роды: Игнатія Ѳедорова сына Недвѣскова, Приказу Большаго Дворца Подъячаго Андрея Яковлева, вдовы Евфросиньи Іевлевы дочери торговки кишново ряду, Ивана, а по прозвищу, Богдана Еремѣева сына Федосѣева; родъ Михайла Семенова сына Дмитріева, родъ Любима Асманова, родъ Государева крѣчатника Бориса Алексѣева сына Гребенкина, родъ Семена Никитина сына Рудакова, роды Іосифа Дудакова, Мартина да Ивана Протасовыхъ, Діяка Ивана Селецына, Филиппа Сергіева сына Ѳедорова, родъ Діяка Ивана Протасова, родъ Марыгина Ивана, родъ Ивана Юрьева, Государева колымажника, родъ Ильинскаго Попа Симеона Ѳеодосіева, родъ Тимоѳея Васильева сына садовника, родъ Трехъ-Святскаго Попа Кирика, изъ старыхъ огородниковъ.

Въ семъ же Синодикѣ, послѣ предисловія, составленнаго изъ ряда выписокъ изъ разныхъ, въ то время извѣстныхъ, сочиненій (на пр., отъ Слова Св. Леонтія Пресвитера Царяграда, о поминовеніи умершихъ, поученіе отъ Слова Дороѳеева о нашемъ житіи) объ обязанности Священниковъ поминать записанныхъ въ Синодикѣ, перечисляются для поминовенія даже имена тѣхъ, которые съ давнихъ поръ признаны Св. Церковію Святыми, какъ, на пр., Московскіе Святители: Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ, и Св. Князь Владиміръ, блаженная Княгиня Ольга и Св. Благовѣрный Князь Александръ Невскій. За ними слѣдуютъ записанными всѣ Русскіе Князья, Княгини и нѣкоторыя изъ Княженъ, Цари, Царицы и Святители Моѣковскіе и Кіевскіе.

Имена и фамиліи, упоминаемыя во 2-мъ Синодикѣ, сохранившемся въ отрывкѣ. Верхніе углы его, вѣроятно, отъ сырости, оказались въ настоящее время истлѣвшими, и по этому многихъ словъ нельзя найти, нѣкоторы имена сохранились въ полусловахъ: Родъ Діяка Артемія сына Возницына (смотр. Дворц. Разряды 1690 г., стр. 549).

Родъ Соборнаго Спасскаго Попа Ѳеодота.

— Подъячаго Ивана Еремѣева.

— Думнаго Діяка Александра Стефанова.

— Подъячаго Ивана Григорьева сына Яковлева.

— Вдовы Татьяны Ивановны Тимоновы, постельницы верхо.... На полѣ написано около поминаемыхъ: «ϛπѕ (1678), Декабря въ 20 день.»

Родъ вдовы Ѳотиніи Стефановны дочери Діяка Борисовской жены Ертуланова.

Родъ больничнаго старца Іева Чудовскаго.

— Подъячаго Алексѣя Васильева сына Чулкова.

Около 1677 [26] вдова Татьяна Ивановна Тимонова, верховая

Родъ Вдовы Ульяны Петровы дочери.... чьей жены Герасима Сергѣевича Долгова.

Родъ Дьяка Тимоѳея Ѳедорова сына Саблукова.

— Василія Бѣликова.

— Моисѣевской жены Беклемишева Ѳеодосіи Симоновой.

— Алексѣевскаго монастыря старицы Вѣры Вяльцевы.

— Ильинскаго Попа Іоанна Борисова.

— Ирины вдовы Самсоновой дочери.

— Іосифа Григорьева сына Татарова.

— Діонисія Ѳедорова сына.

— Аѳанасія Филиповича Пашкова.

— Самуила Ивановича Биркина.

— Думнаго Дьяка Михаила Волоша (Думный Дьякъ Михайла Дмитріевъ Волошениновъ встрѣчается въ Дворцовыхъ Разрядахъ около 1644 г.; см. т. 2, стр. 730 и 750).

Родъ Силы Бахтѣева.

— Ивана Ушакова.

— Стольника Ларіона.... ьева сына Сокольникова.

Родъ.... вы Домники Ивановой дочери.

— Стрешневыхъ.

— Чикаревыхъ.

— Ларіоновыхъ.

— Путнаго Ключника Ивана.... нова сына Болкунова (Домъ Болкуновыхъ существовалъ въ приходѣ Иліи Обыд. въ половинѣ 18 столѣтія; (см Архивъ Моск. Консисторіи, дѣло 1751 г.).

Родъ Стольника Князя Михаила Лавреньевича Дулова (Домъ сего вельможи въ приходѣ Ильинскомъ былъ въ 1716 г.; (см. Вѣдомость домамъ въ Москвѣ, составленная по Высоч. Указу 1716 г. и сообщенная въ «Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древн. Росс. 1865 г. Онъ могъ существовать и гораздо ранѣе сего года).

Родъ.... му Прокоѳія Богдановича Возницына человѣка ево Максима Кирилова.

Родъ Іоанна Ѳедоровича Гущина.

— Подъячихъ Михайла, Василья Симоновыхъ.

— Подъячихъ тѣхъ же (имена тѣже).

— Монастырскаго Приказу Подъячаго Симона Тимоѳеева сына Дмитріева.

Родъ солдата Ѳедора Дороѳеева.

— Вдовы дворянской жены Ачны Ивановой Лятаряновой (1768 года).

— Церкви Иліи Пророка Обыденнаго Попа Іоанна Кирилова. Вверху надъ родомъ симъ значится: «Писано 1771 года.»

[26] Годъ сей означенъ на полѣ Синодика противъ поминанья.

постельница [27] вкладу дала въ нашу церковь по своихъ родителяхъ ризы маусинныя [28] да стихарь камчатой, камка рудожелта.

Вдова Ульяна Петрова дочь Подъячаго жена Герасима Сергѣева Долгова пожертвовала по своемъ мужѣ и по сродникахъ, скончавшихся, ризы атласныя цвѣтныя, земля алая, травы желтыя, и стихарь бѣлый тафтяный, оплечье атласное цвѣтное, а у ризъ оплечье атласное золотое, травчатое.

Въ Синодикѣ противъ Рода Стольника Ларіона ...ьева сына Сокольникова написано, что (кѣмъ либо изъ сей фамиліи) въ 1694 году даны были ризы атласныя бѣлыя, оплечье золотныя травы. [29]

По выше названной верховой постельницѣ Татьянѣ Тимоновой [30] данъ вкладу сребропозлащенный напрестольный крестъ значительной величины. Онъ—осмиконечный, чеканной работы. По правой и лѣвой сторонамъ Распятія изображены Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ. Вверху—Сошествіе Христово во адъ, а внизу Адамова голова. На рукояти, съ наружной стороны, сдѣлано подобіе древесныхъ листьевъ. Судя по надписямъ съ исподней стороны, въ крестѣ семъ находятся части Св. мощей: Преподобнаго Даніила, Андрея Первозваннаго, Василія Великаго, Спиридона Чудотворца, Пимена Великаго, Ефрема Сирина, Великомученицъ Варвары и Анастасіи, Великомучениковъ Прокопія и Евстаѳія Плакиды, Великомучениковъ Меркурія и Георгія Побѣдоносца. На крестѣ съ низу сдѣлана слѣдующая надпись: «Св. сей Крестъ данъ вкладу къ Иліе Пророку Обыденному по рабѣ Божіи Татіане Тимоновѣ.» Вѣсу въ крестѣ 89 золотниковъ съ половиною.

Евдокія Ивановна Протасова [31] пожертвовала прекрасной работы большой напрестольной сребропозлащенный осмиконеч-

---

[27] Почетная по тому времени служба находиться въ опочиваньи Царицы, или Царевенъ.

[28] Таусинный цвѣтъ—темновишневый.

[29] Тѣхъ и другихъ ризъ и стихарей нынѣ въ ризницѣ церковной не существуетъ.

[30] Родъ Татьяны Тимоновой записанъ въ Синодикѣ.

[31] Родъ Дьяка Ивана Протасова, вѣроятно, родителя сей благотворительницы, тоже записанъ въ Синодикѣ.

ный крестъ. Онъ—чеканной работы, а Распятіе накладное слитое, около Распятія устроены слѣдующія накладныя изображенія: вверху Сошествіе Христово во адъ, а по бокамъ:—снятіе Спасителя съ Креста и положеніе его во гробъ, внизу Тайная вечеря, подъ нею вылита икона Пророка Иліи. На нижней дскѣ вырѣзана надпись: «Авдотье Ивановни Протасовы дано вкладу по родителѣ своемъ.» Вѣсу въ крестѣ 2 фунта 14 ¼ золот.

Изъ другихъ благотворителей древнему Ильинскому Обыденному храму извѣстенъ Дьякъ Ѳедоръ Максимовъ. Имъ устроена плащаница, изображающая положеніе во гробъ Спасителя нашего Іисуса Христа. Она шита по малиновому атласу серебромъ и шелками. Работа прекрасная. По краямъ, вокругъ всей плащаницы, на зеленомъ атласѣ вышитъ также серебромъ тропарь «Благообразный Іосифъ». На шелковой ея подкладкѣ написано полууставомъ: «р҃ѵ҃ѕ Марта к҃д д. далъ вкладу сію плащаницу въ церковь Св. Пророка Иліи Обыденнаго діакъ Ѳедоръ Максимовъ по своихъ родетеляхъ.»

Не извѣстно, кѣмъ пожертвована икона Нерукотвореннаго образа Христа Спасителя. Но сей образъ былъ достояніемъ еще прежней Обыденной церкви. Онъ написанъ, какъ гласитъ надпись на сей иконѣ, въ 1674 году Симономъ Ушаковымъ, изографомъ Царя Алексѣя Михайловича. На поляхъ иконы находятся 12 изображеній явленій воскресшаго Господа. Содержаніе для сихъ иконъ взято изъ утреннихъ стихиръ всѣхъ 8 гласовъ Октоиха. Съ достовѣрностію можно указать, какъ на древность, при надлежавшую первоначальной Обыденной Ильинской церкви, на мѣстную храмовую икону Св. Пророка Иліи. Знатоки древностей Русскихъ говорятъ, что она несомнѣнно принадлежитъ 16 вѣку. Въ серединѣ сей иконы изображены: насыщеніе Пророка Ангеломъ, переходъ его чрезъ рѣку Іорданъ, и вохожденіе его на небо на колесницѣ огненной. На поляхъ ея написаны 20 изображеній всѣхъ важныхъ обстоятельствъ жизни сего Святаго и Славнаго мужа.

Въ книгохранилищѣ церковномъ самую важную древность составляетъ Четвероевангеліе, печатанное при Патріархѣ Іосифѣ и Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ 7156 (1648). Это видно изъ послѣсловія къ православному читателю. Оно пріобрѣтено въ церковь при Священникѣ Іоаннѣ Борисовѣ, подписавшемъ въ началѣ Евангелія по листамъ свое имя, годъ, мѣсяцъ и число покупки книги. Свя-

щенникъ Іоаннъ (Борисовъ вѣроятно) служилъ въ Иліе-Обыденной церкви съ 1652 года по 1684 годъ. Родъ его записанъ въ Синодикѣ церковномъ.

Прихожане церкви 17 столѣтія не извѣстны всѣ. Въ первый разъ они упоминаются въ Строительныхъ книгахъ 1657 года. На Діяконской огородной землѣ изъ оброку жили: Стряпчій конюхъ Алексѣй Провосницевъ и Рейторскаго строю Василій Березковъ. Близъ церковнаго кладбища находились дворъ Бѣломѣсцовъ, дворъ Казеннаго Приказу Подъячего Антона Рукина, дворъ Стрѣлецкаго Приказу Подъячего Василія Черткова, дворъ Новые Чети Подъячего Алексѣя Иванова, купившаго оный за 25 рублевъ у Алексѣя Мелентьева сына Посникова для своей своячены (жены) Намѣстнаго Приказу Подъячего Мирона Болтова, дворъ, за смертію владѣльца его, Ѳедора Андреева сына Соболь-щикова, бывшій во владѣніи у дяди его, Андреева, Соболинаго ряду торговца, по прозванію Бычка. Всѣ сіи дворы находились отъ церкви въ разстояніи не болѣе 11 саженъ и, вѣроятно, окружали церковь, какъ и нынѣ окружаютъ ее нѣсколько обывательскихъ и причтовыхъ домовъ. Въ 1698 году въ приходѣ дворовъ было: 1 Окольническій дворъ Думнаго Дьяка, вѣроятно, Гавріила Ѳедоровича Деревника, приснопамятнаго создателя настоящаго каменнаго Иліе-Обыденнаго храма, 24 Стольническихъ, въ томъ числѣ 16 пустыхъ, [32] 1 Дьячій, 21 Подъяческихъ, дворъ Дворянской, 3 двора Стряпческихъ, 2 двора конюха да иконописца, 2 двора трубниковъ. И того 56 дворовъ. При этомъ перечнѣ [33] прихожанъ Ильинскихъ нельзя не замѣтить, что они всѣ почти состояли изъ служилыхъ людей при Дворѣ Государевомъ. Вѣроятно, близость къ Кремлю мѣстности сей, гдѣ находился Обыденной храмъ, была тому причиной.

Причтъ при храмѣ Иліи Обыденнаго въ 17 столѣтіи былъ полный и состоялъ изъ Священника, Діякона, Дьячка и Пономоря.

---

[32] Т. е., свободныхъ, вѣроятно, отъ того, что владѣльцы ихъ не жили въ Москвѣ, а имѣли постоянное пребываніе въ своихъ отчинахъ, въ Москвѣ же, можетъ быть, были выстроены дома для временнаго пріѣзда ихъ въ столицу.

[33] Перечисленіе сіе взято изъ Сенатскаго Архива за сей годъ, вязка № 96, листъ 153.

Священники того времени въ большей части намъ извѣстны, такъ какъ они упоминаются въ Приходныхъ книгахъ Патріяршаго Приказа, куда Священники вносили по окладу дани отъ своихъ церквей. Извѣстіе сіе, впрочемъ, ограничивается только одними именами. О происхожденіи Священниковъ того времени, образованіи и дѣятельности ихъ для Ильинской церкви, ничего не извѣстно. Равно также прослѣдить хронологически полное время ихъ служенія при церкви мы не имѣли возможности.

Въ 1625 году былъ Священникъ Игнатій. Чрезъ него было внесено отъ Иліе-Обыденской церкви дань въ количествѣ 12 алтынъ съ деньгою (Приходная книга Патр. Приказа 1625 года). Этотъ Священникъ значится въ приходныхъ книгахъ по 1629 годъ включительно. Съ сего года по 1641 годъ не объяснено, кто изъ настоятелей вносилъ деньги по окладу, а писалось просто, что взяты деньги, и указано ихъ количество. Въ 1631 году взносъ таковыхъ денегъ увеличенъ до 1 рубля 19 алтынъ и 3 денегъ.

Въ 1642 году былъ Священникъ Иванъ (по Приходн. книг. 1642 г). Съ 1643 года по 1653 годъ былъ Священникъ Семенъ (см. Приходн. кн. этихъ лѣтъ).

Священникъ Иванъ служилъ при нашей церкви весьма долго. Въ Приходныхъ книгахъ онъ упоминается Настоятелемъ съ 1652 года по 1684 годъ. Онъ же, вѣроятно, упоминается и въ Строильныхъ книгахъ 1657 года. Къ старому кладьбищу, вѣроятно, уже переполненному покойниками, нужна была новая прирѣзка земли. Между прочимъ изъ Попова двора для этого дѣла было взято двѣ сажени безъ чети на длинникѣ.

Въ 1686 году былъ Священникъ Иродіонъ Аѳанасьевъ (по Приход. книгамъ того же года).

Въ 1687 Иванъ Іосифовъ (Приходн. кн. того года).

Иродіонъ былъ Священникомъ въ 1686—1689 г.* Василій въ 1702 году. При немъ, вѣроятно, начала строиться настоя-

---

* См. «Списки Настоятелей Высокопетровскаго монастыря, Архимандрита Григорія» (въ 1-й книгѣ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1874 г., Отд. V, стр. 177), гдѣ говорится, что на книгѣ «Бесѣды Св. Іоанна Златоустаго на Апостола и Евангелиста Матѳея и прочихъ», имѣется надпись о томъ, что она «въ 1687 г., Августа 6, положена въ

щая каменная церковь на иждивеніе Думнаго Дьяка Гавріила Ѳедоровича Деревника. Въ сіе время былъ Діяконъ Іоаннъ. Онъ упоминается по Приходнымъ Патріяршаго Приказа книгамъ 1694 г., 1701 и 1704 года.

Строильныя книги 1657 года, переписывая дворы Московскихъ обывателей, упоминаютъ дворы и причта Иліе-Обыденной церкви, какъ то: дворъ Поповъ, дворы Діякона Ивана Іевлева и Просвирницы Ефимьи, и дворы, что бывали Пономаря Гришки Васильева, и дворъ Дьяковъ.

Въ 1698 году причтъ Иліе-Обыденской церкви состоялъ изъ Священника, Діякона, Дьячка и Пономаря.

Всѣ они, кромѣ того, что получали, по давнему обычаю, содержаніе отъ прихожанъ за требоисправленіе, пользовались ругою отъ казны. Въ расходной ружной книгѣ за 1698 годъ, хранящейся въ Сенатскомъ Архивѣ, № 96, листъ 153, описанъ размѣръ сей руги. Было выдаваемо: Попу 4 рубля 7 алтынъ полъ 3 деньги, сукно въ 2 рубли, ржи 3 чети съ осьминою, и полъ-четверика овса тожъ. Дьякону—3 рубли 5 алтынъ полъ 5 денегъ, сукно въ 2 рубли, ржи 2 чети съ осминою, овса тожъ. Дьячку—26 алтынъ 1 деньга, сукно въ 2 рубли, ржи 2 чети безъ полуосмины, овса тожъ. Просвирнѣ—26 алтынъ 2 деньги, на просвиры ржи четь и полъ 2 четверика. Пономарю 5 алтынъ. И того девять рублевъ 4 алтына. Суконъ по деньгѣ на 6 рублевъ даютъ чрезъ годъ. Ржи девять четь и полъ 2 четверика, овса восема четь. Не извѣстно, съ какого времени и по чему была выдаваема сія «милостинная Государева дача». Но съ 1698 года, всѣмъ церквамъ, у которыхъ были какія ни будь угодья и приходскіе дворы, прекращена была казенная руга по случаю Шведской войны; а тѣмъ, у которыхъ вовсе не было приходовъ и угодій, эту ругу велѣно выдавать только на половину [34] съ этого же года не была даваема руга и причту Иліе-Обыденному. Въ выше изложенномъ и приведенномъ съ буквальною точностію документѣ,

---

церковь Иліи Обыденнаго за Пречистенскими вороты Священникомъ Иродіономъ Аѳанасьевымъ по обѣщанію вѣчно», которую онъ купилъ 1667, Августа 5, «изъ книжнаго ряду у Ивана Ѳокина за чисто (за чистыя деньги)». О. Б.

[34] Описаніе Петровскаго монастыря Архим. Григорія. Москва, 1873 г., примѣч. подъ буквой *и*, стр. 48.

на поляхъ его, другимъ почеркомъ написано: «Оставить всю дачу, а кормиться прихожаны.» Каково было содержаніе тогдашняго причта, до руги и послѣ отнятія ея, не извѣстно. Судя по перечисленію того времени домовъ приходскихъ, изъ которыхъ нѣкоторые показаны принадлажащими людямъ, по тому времени состоятельнымъ, можно думать, что духовенство Иліе-Обыденское было не бѣдное. Дома у причта были собственные, и стояли на церковной землѣ. За излишествомъ земли церковной, нѣкоторые изъ членовъ причта отдавали ее въ арендное содержаніе, или какъ говорили въ старину, изъ оброку.

Вотъ новый источникъ доходовъ для Священно-церковнослужителей. На Дьяконской огородной землѣ стояли три оброчныя избы съ сѣнми «всего дьяконовъ дворъ и съ огородною землею, что жили на немъ изъ оброку, занималъ вдоль двора 23 сажени, поперекъ, по воротамъ, десять сажень съ получетью.» Дворъ Просвирницы Ефимьи и дворъ, что бывалъ Пономаря Гришки Васильева, имѣли длиннику по десяти саженъ и поперечнику по четыре сажени. Дворъ Священника и съ огородною землею— «38 саженъ съ четью длины, и 10 саженъ ширины». [35]

Симъ очеркомъ, хотя, къ сожалѣнію, очень еще неполнымъ оканчивается I-й періодъ историческаго существованія Обыденной церкви Иліи Пророка въ Москвѣ; за этимъ имѣетъ быть начатъ II-й періодъ ея существованія, отъ времени построенія каменной церкви, нынѣ существующей съ 1702 года по 1812 годъ; свѣдѣнія же о дальнѣйшей судьбѣ Иліи-Обыденнаго храма составятъ предметъ III-го періода, отъ разоренія Москвы Наполеономъ до настоящаго времени.

Діяконъ А. Пшеничниковъ.

---

[35] Строильн. книга 1657 г. Архив. Министр. Юстиціи.

СПИСКИ

НАСТОЯТЕЛЕЙ МОСКОВСКАГО ВЫСОКОПЕТРОВСКАГО МОНАСТЫРЯ СЪ 1379 ГОДА.

Высокопетровскій монастырь, въ старину «Петровскій Высокій», основанъ въ XIV вѣкѣ, въ честь Первосвятителя Московскаго и Чудотворца Петра,[1] и уже существовалъ въ 1379 г. Въ Лѣтописяхъ подъ этимъ годомъ упоминается «Іоаннъ Архимандритъ Петровскій, первый общему житію начальникъ на Москвѣ»,[2] т. е., онъ первый изъ Настоятелей Московскихъ ввелъ въ своей обители уставъ общежитія, взявъ, конечно, въ руководство, кромѣ правилъ соборныхъ, правила и наставленія древнихъ Св. Отцевъ Василія Великаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Ѳеодора Студита и другихъ.[3] Въ Іюлѣ того же года онъ отправился въ Константинополь съ Спасскимъ Архимандритомъ[4] Михаиломъ Митяемъ, избраннымъ въ Митрополита Всероссійскаго и вынужденнымъ искать посвященія въ Царьградѣ. Михаилъ умеръ на пути въ Царьградъ. Спутники его (ихъ было много) позволили себѣ самовольный поступокъ: они сами вздумали избрать для Россіи Митрополита изъ числа трехъ, находившихся въ свитѣ Архимандритовъ. Мнѣнія оказались несогласными: одни желали Іоанна, Настоятеля Петровскаго монастыря въ Москвѣ, другіе Пимена Переяславскаго. Бояре приняли сторону послѣдняго и немедленно на-

---

[1] Святитель Петръ былъ торжественно признанъ въ ликѣ Святыхъ при его преемникѣ, Митрополитѣ Ѳеогностѣ, 1226—1353.

[2] Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 31. Никон. Лѣт. IV, 73. Съ XIV стол. стали умножать число Архимандритовъ и Протопоповъ. Исторія Русской Церкви, Филарета Архіеп. Черниговскаго, періодъ 2-й, § 27, стр. 98, по IV изд. 1862.

[3] Въ необщежительныхъ монастыряхъ каждый самъ заботился о себѣ и своей кельѣ, также о пищѣ и объ одеждѣ, особо державъ правило въ своей кельѣ, и въ ней же трапезовалъ. Акт. Эксп. I, 462.

[4] Монастырь Спасскій основанъ былъ въ Кремлѣ Іоанномъ Калитою, перенесенный при Іоаннѣ III на Крутицы, высокое мѣсто на берегу р. Москвы, и названъ по новому мѣсту Новоспасскимъ.

писали о поставленіи его посланіе къ Греческому Императору и Патріарху на одной изъ неписанныхъ грамотъ, скрѣпленныхъ Княжескою печатью, а Іоанна, грозившаго открыть ихъ обманъ, заключили въ оковы. [5] Онъ былъ «первый общему житію начальникъ на Москвѣ», былъ поборникъ и страдалецъ за истину. Память о немъ дорога для обители Петровской.

Ближайшіе преемники Іоанна не извѣстны. Съ XV вѣка встрѣчаются

ИГУМЕНЫ: [6]

Петръ, Іовъ, при Всероссійскомъ Митрополитѣ Іонѣ Чудотворцѣ, между 1437 — 1461 г. Оба извѣстны по Актамъ.

Сергій 1506.

Іона 1535 — 1544.

Въ періодъ Патріаршества, 1588 — 1720, когда монастырь Петровскій находился подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ Святѣйшаго Патріарха Московскаго, занимая 14 степень въ лѣствицѣ монастырей Патріаршей области, [7] были Игумены:

Петръ II 1597 — 1600.

Александръ 1634 — 1637.

Евѳимій 1641—1642.

Пафнутій 1644 — 1645.

Галактіонъ 1647 — 1648.

№ 1654 г. [8]

Въ послѣдней половинѣ XVII в., въ ряду Настоятелей были не одни Игумены, но и

---

[5] Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 31-32. Ник. Лѣт. IV, 75, 76. Ист. Русск. Церкви, Архіеп. Макарія, т. IV, стр. 68—69. «Азъ не обинуяся глаголю на вы,» грозилъ Іоаннъ, «и яко не истинствуете ходяще». См. Ист. Карамзина V, прим. 59.

[6] Списки Іерарховъ и Настоятелей рукопись П. М. Строева. Съ XV в. начинается его списокъ Петровскихъ Настоятелей.

[7] Всѣхъ монастырей 55. Рукоп. Синод. Биб. Исторія Русской Іерархіи II, 569.

[8] Дворцовыя Записки II, 219.

АРХИМАНДРИТЫ:

Моисей 1655 г. [9]

Ѳеодоритъ въ 1664 — 1668. На Московскомъ Соборѣ, 1667 г., Архимандритъ Петровскій внесенъ былъ въ лѣствицу или степенный списокъ Настоятелей, пользовавшихся правомъ присутствованія на Соборахъ и занимавшихъ здѣсь мѣста по установленному порядку. [10]

ИГУМЕНЪ:

Схимонахъ Паисій. Такъ именованъ въ Синодикѣ Петровскаго монастыря.

АРХИМАНДРИТЫ:

Сергій въ 1673 до 1675.

Моисей II 1676—1682. [11] Онъ, вмѣстѣ съ другими властями, сопровождалъ Патріарха Іоакима въ Успенскій Соборъ, 25 Іюня, 1682, въ день коронованія Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. [12]

ИГУМЕНЪ:

Аѳанасій. [13] Послѣ него до 1862 г. настоятельствовали.

АРХИМАНДРИТЫ:

Іосифъ въ 1685 — 1688.

Іовъ 1689 — 1694, а со 2 Мая сего года управлялъ Троиц-

---

[9] Древность Москвы, П. В. Хавскаго. Изд. 1854, стр. 32. Пропущенъ въ спискѣ Строева.

[10] Ист. Рос. Іерархіи ч. II, стр. LXXIII. Архимандритъ Высокопетровскій степенію подъ Казанскимъ. Подъ 1668 годомъ упоминается въ Дворцовыхъ Разрядахъ II, 770.

[11] Въ Синодикѣ записаны два Архимандрита съ этимъ именемъ.

[12] Древн. Росс. Вивліоѳ. VII, 413 — 414. Здѣсь Моисей названъ Игуменомъ Петровскаго монастыря. Онъ, значитъ, въ послѣдствіи получилъ санъ Архимандрита.

[13] По указанію Синодика послѣ Архим. Ѳеодорита слѣдовалъ Игуменъ Паисій-схимникъ, а послѣ Моисея 2-го Игуменъ Аѳанасій. Какъ Синодикъ начатъ съ имени Ѳеодорита, то и внесены въ него два только Игумена, бывшіе послѣ Ѳеодорита.

кимъ Сергіевымъ монастыремъ, [14] гдѣ былъ и постриженъ въ монашество. [15] Въ 1697, Іюня 6, Патріархомъ Адріяномъ посвященъ въ Митрополита Новгородскаго. Онъ былъ одинъ изъ любимыхъ Петромъ Великимъ пастырей Русскихъ, сочувствовавшихъ водворенію въ обществѣ Русскомъ полезныхъ учрежденій. Скончъ. 1716 года, Февраля 3. [16]

Іосифъ II, 1694 — 1699, изъ дворянскаго рода Римскихъ-Корсаковыхъ Въ 1699, Сентября 17, Патріархомъ Адріяномъ хиротонисанъ въ Митрополита Псковскаго, [17] а 1-го Генваря, 1417, удалился на покой во Владычній монастырь въ Серпуховѣ, [18] гдѣ и скончался въ Іюнѣ того же года. [19]

Іоасафъ 1699 — 1708, изъ Лихвинскаго Добраго мон., Калужской Епархій, переведенъ въ Петровскій, 2 Февраля, 1699. Въ Декабрѣ 1702 г., «по благословенію Преосвященнаго Стефана, Митрополита Резанского и Муромского, [20] а по прошенію Боярина Льва Кириловича, матери ево, Боярыни Анны Леонтьевны Нарышкиной, [21] ѣздилъ Архимандритъ Іоасафъ во градъ Перемышль, въ Николаевскій монастырь, [22] для освященія новопостроенныя каменные церкви во имя Николая Чудотворца, которую строила она, Боярыня Анна Леонтьевна, по обѣщанію своему.» [23] Въ 1708, Сен-

---

[14] Съ 1744 г. Лавра. Строевъ. 28 Апрѣля переведенъ туда.

[15] Краткое историч. опис. Свято-Троицкія Сергіевы Лавры. М. 1818, стр. 111.

[16] Ист. Росс. Іерар. I, 80—81. Странникъ 1861, кн. 2, статья И. А. Чистовича: Новгородскій Митрополитъ Іовъ. Жизнь его и переписка съ разными лицами. Уцѣлѣвшія письма Высочайшихъ особъ и Меньшикова къ нему, 1713—1715 г., напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1860, кн III, Смѣсь, стр. 123—132.

[17] Новолѣтіе до 1700 г. начиналось съ Сентября.

[18] Въ 1806 г. преобразованъ изъ мужскаго въ дѣвичій.

[19] Ист. Росс. Іерархіи I, 127.

[20] Съ 1702 г. Администраторъ, Екзархъ и Блюститель Патріаршаго престола, скончался 27 Ноября, 1722.

[21] Супругъ ея Бояринъ Кириллъ Полуехтовичъ ум. 1691, а она 1706, и погребены въ Петровскомъ мон. Левъ Кирил. Нарышкинъ, родной братъ Царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I, сконч. въ 1705 г.

[22] Упраздненъ въ 1764 г., съ обращеніемъ въ приходскую церковь.

[23] Расходная книга Петровскаго мон. за 1702 г., хранится въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

тября 14, [24] переведенъ въ Троицкій Сергіевъ мон., которымъ управлялъ онъ «2 года 2 мѣсяца и 2 дня.» [25] Сконч. предположительно въ 1711 г. [26]

Игнатій упоминается въ Генварѣ и Декабрѣ 1709 года, [27] записанъ и въ Синодикѣ. Не былъ ли онъ прежде Архимандритомъ Горицкаго Успенскаго монастыря, Владимирской Епархіи, упраздненнаго въ 1764 г., когда введены штаты по духовному вѣдомству? По листамъ одной Отеческой книги, хранящейся въ библіотекѣ Высокопетровскаго монастыря, читаемъ слѣдующую надпись: «Книга, глаголемая Бесѣды Святаго Іоанна Златоустаго на Святаго Апостола и Евангелиста Матѳея и протчихъ, [28] Переяславля Залѣского Пречистые Богородицы Горицкого монастыря Архимандрита Игнатія келейная. Куплена на Москвѣ, въ книжномъ ряду, у сидѣльца у Івана Максимова сына Бадѣева. Подписалъ і я Архимандритъ Ігнатій своею рукою, лѣта Господня 1702 г., Октоврия въ 23 день.» Надо замѣтить, что по листамъ этой же книги имѣется другая болѣе древняя надпись: «Лѣта 7195 (1687) года, Августа въ 6 день, церкви Святаго Пророка Иліи Обыденного, что за Пречистенскими вороты, Священникъ Иродионъ Аѳанасьевъ. І положилъ книгу сию, нарицаемую Бесѣды Апостольския, въ вышепомянутую церковь Пророка Илиі по обѣщанію своему вѣчно Подписалъ сию книгу, по ево Иродионову повелѣнію, Приказу Большаго Дворца Подъячей Василей Плѣнжинъ (?).» Въ концѣ книги написано: «175 (1667) г., Августа въ 5 день, продалъ сию книгу Бесѣды Евангильские изъ книжнаго ряду Иванъ Ѳокинъ зачисто, [29] а потписалъ своею рукою, Попу Родиону Аѳанасьеву, а сея рука ево попова.»

Леонидъ 1711 — 1722, родомъ изъ Мещовска, Калужской Губерніи, церковническій сынъ, съ Марта 11-го, 1711 г., Архимандритъ Петровскій. [30] Въ 1720 подписалъ съ прочими Духов-

---

[24] Строевъ: 22 Сентября.

[25] Краткое истор. описаніе Троицкой Лавры, стр. 111.

[26] Значится въ Синодикѣ Петровскаго монастыря.

[27] Дѣла монаст. архива, пропущенъ въ спискѣ Строева.

[28] Изданіе 1664 г.

[29] За чистыя деньги.

[30] 1711 г. Генваря съ 1 числа, между архимандричества, а съ Марта съ 11

ный Регламентъ; съ 1721 года, Генваря 25, Совѣтникъ Синода, къ вѣдомству коего былъ причисленъ Петровскій монастырь. Въ томъ же году представленъ вторымъ кандидатомъ на Архіерейскую каѳедру въ Кіевъ. [31] Въ Архіепископа Кіевскаго хиротонисанъ Тихвинскій Архимандритъ Варлаамъ Ванатовичъ 1722, Мая 14, а Леонидъ въ Архіепископа Сарскаго и Подонскаго, [32] того же года 18 Февраля, съ оставленіемъ Синодальнымъ Совѣтникомъ по прежнему. Велѣно ему служить въ саккосѣ. [33] Того же года, 10 Апрѣля, поручена ему въ управленіе Московская Синодальная Область или Епархія, но и послѣ того, по титулу каѳедры Крутицкой, онъ именовался еще Сарскимъ и Подонскимъ. Въ 1723 назначенъ Первоприсутствующимъ Московской Дикастеріи, образовавшейся изъ Патріаршихъ Приказовъ — Духовнаго и Церковныхъ дѣлъ, [34] хотя въ то же время, какъ Членъ Св. Синода, былъ и Членомъ Московской Синодальной Канцеляріи. [35] Назначенъ, 21 Іюля 1730, въ составъ Конференціи Сената съ Синодомъ объ устроеніи Синода. [36] Въ 1731 Членъ Московскаго Синода; 1742, Сентября 1-го, уволенъ «на обѣщаніе» въ Новоспасскій монастырь».[37] Сконч. 1743 года, Февраля 18-го. [38]

числа при Архимандрите Леониде книги приходные и росходные монастырской денежной казны.

[31] Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода. Спб. 1868, стр. 768.

[32] На Крутицахъ въ Москвѣ была отдѣльная отъ Московской Епархія. До 1764 г. Владыки ея удерживали названіе Сарскихъ и Подонскихъ, которое съ того времени замѣнено наименованіемъ ихъ Крутицкими и Можайскими. Епархія сія, существовавшая 527 лѣтъ, упразднена въ 1788 г.; см. Ист. Росс. Іерархіи I, 233.

[33] Московскій Любопытный мѣсяцесловъ на 1776, стр. 141. До Петра В. саккосъ былъ принадлежностію собственно Патріаршаго облаченія, а также послѣ Митрополичьяго. Нынѣ каждый Архіерей облачается въ саккосъ, вмѣсто фелони.

[34] Съ 1744 года Консисторія.

[35] Съ 9 Ноября, 1731, она называлась Св. Синодомъ въ Москвѣ; съ 1734, Іюня 25, по прежнему Канцеляріей; съ 1742 Московская Синодальная Контора.

[36] Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, Илар. Алексѣев. Чистовича, 280, сн. стр. 90.

[37] Ист. Росс. Іерархіи I, 238.

[38] Списки Архіереевъ, Юрія В. Толстого, стр. 6. Ист. Моск. Епар. Управленія. Н. Розанова, ч. I, стр. 8, 18, 22 24, 30, прим. къ II части 38.

Сергій II Бѣлоградскій, 1722 — 1731, изъ Іеромонаховъ неизвѣстнаго монастыря, [39] Архимандритъ Петровскій 1722 г. Съ 1724 Ассессоръ Св. Синода, 1727 опредѣленъ Судьею въ С.-Петербургское Тіунское Духовное Правленіе, которое, кромѣ надзора за благочиніемъ Священно и церковнослужителей, разсматривало Исповѣдныя росписи, дѣла о раскольникахъ, взыскивало съ нихъ установленные сборы и т. п. [40] 1730, Мая 25, назначенъ въ составъ Конференціи Сената съ Синодомъ объ устроеніи Синода. [41] Въ 1731, Декабря 9, хиротонисанъ во Епископа Великоустюжскаго. Сконч. 1735, Октября 6-го. [42]

Аввакумъ 1731—1735, въ мірѣ Алексѣй Львовъ, изъ Протопоповъ. Съ 1724 былъ Игуменомъ Николо-Угрѣшскаго монастыря [43] и Протоинквизиторомъ по духовному вѣдомству въ Москвѣ 1725—1727. [44] Съ 1731 Членъ Московской Дикастеріи. Въ Декабрѣ того же года переведенъ Архимандритомъ въ Петровскій монастырь Онъ продолжалъ быть Судьею въ Дикастеріи, не разъ и самъ былъ подъ судомъ, на пр., по дѣлу Саровскаго старца Іосіи, котораго Духовная Дикастерія опредѣлила въ Строители Берлюковской пустыни, безъ надлежащихъ справокъ объ немъ и о прежнемъ бѣжавшемъ Строителѣ. Въ другой разъ попалъ подъ судъ за медленное производство дѣла о Воскресенскомъ Архимандритѣ. [45] Отъ управленія монастыремъ былъ уволенъ въ 1735, а въ слѣдующемъ году, 23 Іюня, лишенъ монашества и съ мірскимъ именемъ отправленъ въ Тайную Канцелярію. Три года его мучили допросами и очными ставками, наконецъ, разобравши дѣло, рѣшили,

---

[39] Въ Декабрѣ 1721, передъ поступленіемъ въ Петровскій монастыря, онъ послалъ доношеніе въ Св. Синодъ о выдачѣ ему и двумъ его служителямъ паспорта въ Москву, куда указано было ему отправиться (за чѣмъ, изъ дѣла не видно) и явиться въ Св. Синодъ. Описаніе документовъ и дѣлъ Синода, т. I, стр. 743.

[40] Ист. Моск. Епар. Управленій, ч. I, § 38.

[41] Ѳеофанъ. Прокоповичъ и его время, стр. 281, 42; сн. 112.

[42] Ист. Росс. Іерархіи I, 253.

[43] Историческій очеркъ этого монастыря, соч. Димитрія Благово. М. 1872, стр 102. Угрѣшскій монастырь въ 15 верстъ отъ Москвы.

[44] Протоинквизиторъ — главный Фискалъ. Въ 1727 г. Инквизиторы во всѣхъ Епархіяхъ отрѣшены отъ дѣлъ.

[45] Мелхиседекъ Борщовъ, 25 Іюня, 1735, взятъ по какому-то дѣлу въ С.-Петербургъ.

1739 года, Августа 8: «сослать его въ монастырское братство, куда Синодъ назначитъ.» [46]

Пахомій 1735 — 1757. Въ 1727 г. пріѣхалъ въ Устюгъ съ Епископомъ Лаврентіемъ, перемѣщеннымъ изъ Астрахани 7 Сентября, [47] и того же года произведенъ въ Архимандрита Великоустюжскаго [48] Архангельскаго монастыря. Переведенъ въ Высокопетровскій Марта 17-го, 1735; былъ Присутствующимъ въ Дикастеріи 1735—1737, а потомъ въ Синодальной Экономической Канцеляріи. Въ Іюлѣ 1754 ѣздилъ онъ въ Кіевопечерскую Лавру на богомолье, и въ томъ же году, съ 16 Сентября по 1 Октября, болѣлъ отъ подагры. [49] Скончался 1757 г.

Іоасафъ II Хотунцевичъ или Хотунцевскій 1757 — 1758. Въ 1739 г. Іеродіяконъ и Проповѣдникъ Московской Академіи; съ 1741 Іеромонахъ и Экзаменаторъ Крутицкой Епархіи. Въ концѣ 1742 избранъ въ Начальника Миссіи, отправлявшейся въ Камчатку, съ возведеніемъ въ санъ Архимандрита. Въ Камчаткѣ, куда прибылъ 13 Августа, 1745, онъ нашелъ 6,067 человѣкъ крещенныхъ туземцевъ; потомъ самъ окрестилъ около 2000, построилъ нѣсколько новыхъ церквей, завелъ школы, въ коихъ обучалось болѣе 200 мальчиковъ, и сочинилъ Краткій Катихизисъ подъ названіемъ: «Сила божественнаго ученія.» [50] Въ Декабрѣ 1749 получилъ вызовъ въ Санктпетербургъ, для хиротоніи во Епископа Иркутскаго, [51] но, по пріѣздѣ туда, не былъ хиротонисанъ, а опредѣленъ въ 1754 Ректоромъ Московской Академіи и Наставникомъ Богословія. Отъ Наставнической должности освобожденъ въ Сентябрѣ 1755, «за немаловременные труды въ Камчаткѣ», и продолжалъ быть Ректоромъ до 12 Мая, 1757. [52] Состоя потомъ Настоятелемъ

---

[46] Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 565, 663 и 664.

[47] Въ 1722—1723 былъ Настоятелемъ Воскресенскаго монастыря и Духовникомъ Екатерины I. Скончался Вятскимъ Епископомъ 1737,

[48] Описаніе этого монастыря сост. И. В. Савваитовымъ Спб. 1848, стр. 30.

[49] Изъ дѣлъ монастырскаго архива.

[50] Библотека Демидова, № 580.

[51] Изъ Камчатки отплылъ въ 1750, оставивъ по себѣ благословенную память. Путевыя Записки Архіеп. Нила. Ярославль, 1871, ч. 2, стр. 60—67.

[52] Исторія Московской Академіи, Сергія Конст. Смирнова, стр. 201.

Высокопетровскаго Ставропигіяльнаго монастыря, [53] онъ, по Указу Св. Синода, отъ 13 Мая, того же года, пользовался правомъ отправлять священнослуженіе съ осѣняльными свѣчами, рипидами и проч. [54] Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Св. Синоду 17 Апрѣля, 1758, назначенъ Епископомъ Кексгольмскимъ, Викаріемъ Новгородскимъ; хиротонисанъ 24 Мая, а 6 Іюня, того же года, скончался. [55] Погребенъ въ Юрьевскомъ монастырѣ. [56]

Іосифъ III 1758 — 1761, въ мірѣ Іоаннъ Золотовъ, родомъ изъ Москвы, Большаго Успенскаго Собора звонаря сынъ, обучался въ Московской Академіи. Въ концѣ 1744 г. опредѣленъ Учителемъ Грамматики и Инфимы въ той же Академіи; по постриженіи въ монашество, въ 1745, преподавалъ Синтаксиму. Проповѣдникомъ опредѣленъ въ 1748. [57] Въ Ноябрѣ 1750 Преосв. Иларіономъ, Епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ, произведенъ во Игумена Серпуховскаго Владычняго монастыря съ тѣмъ, чтобы «онъ, Золотой, надлежащія по проповѣдническому своему званію Слова Божія проповѣди сказывалъ всегда безъ всякихъ отговорокъ, и въ томъ бы никакой остановки никогда отнюдь не было.» [58] Въ 1755, Іюля 30, въ Александроневскомъ монастырѣ [59] поставленъ въ Архимандрита Великоустіанискаго Архангельскаго монастыря, [60] которымъ управлялъ недолго. Переведенъ Коломенской Епархіи [61] въ Тульскій Предтечевъ монастырь Указомъ Св. Синода, отъ 21 Апр., 1758 г., [62] именованъ Высокопетровскимъ Архимандритомъ: въ то время находился въ Санктпетербургѣ. Въ 1760, Окт. 25, назначенъ на

---

[53] Такъ именовался монастырь съ 1745 г. Въ 1764 причисленъ къ Ставропигіяльнымъ второго класса монастырямъ.

[54] Исторія Росс. Іерархіи II, 569.

[55] Списки Архіереевъ, стр. 14.

[56] Исторія Росс. Іерархіи I, 86.

[57] Исторія Моск. Академіи, стр. 214.

[58] Протоколъ Моск. Дух. Консисторіи отъ 2 Ноября, 1750. Здѣсь онъ безразлично прозывается то Золотовъ, то Золотой, и опять Золотовъ.

[59] Съ 13 Декабря, 1797 Лавра.

[60] Описаніе этого мон. стр. 30.

[61] Указомъ 16 Окт., 1799, упразднена и, вмѣсто ея, открыта Тульская.

[62] Копія съ Указа, мной сообщенная, помѣщена въ Вологодскихъ Епарх. Вѣд. 1873, № 22.

Вологодскую каѳедру, [63] но рукоположенъ во Епископа не раньше 16 Дек., 1761, въ С.-Петербургѣ, куда прибылъ изъ Москвы 6 Декабря. Сконч. 1774, въ праздникъ Рождества Христова. [64]

Сильвестръ I 1760, въ мірѣ Симеонъ Страгородскій, [65] сынъ придворнаго Царскосельскаго Священника Иліи Гаврилова и крестникъ Великой Княжны (Императрицы) Елисаветы Петровны, [66] родился въ 1725 г. Въ 1736 былъ отданъ въ Александроневскую Семинарію и, по смерти родителя, содержался на скудныя средства матери, получая небольшую помощь отъ Префекта Амвросія Зертисъ-Каменскаго. [67] Къ этой скорби присоединилась глазная болѣзнь, которая заставила его, въ 1743 году, до окончанія курса выйти изъ Семинаріи. [68] Получивши малое облегченіе, онъ опять вступилъ въ Семинарію, окончилъ курсъ наукъ и былъ въ ней Учителемъ низшихъ классовъ. Въ 1748, при постриженіи въ Александроневскомъ монастырѣ, названъ Сергіемъ, но перемѣнилъ имя, въ честь своего благодѣтеля. Архіепископа С.-Петербургскаго, Сильвестра Кулябки. [69] Въ 1753 опредѣленъ Префектомъ Семинаріи, Учителемъ Философіи, вмѣсто Риторики, которую преподавалъ съ поступленія въ монашество, а въ 1756 — Ректоромъ и Богословіи Учителемъ. Въ слѣдующемъ году представленъ былъ къ сану Архимандрита, съ настоятельствомъ Высокопетровскаго монастыря, и Св. Синодомъ утвержденъ въ этомъ назначеніи, но не былъ посвященъ за болѣзнію, и въ Іюнѣ того же года, съ Высочайшаго соизволенія Императрицы, отправился на годъ въ Москву, для поправленія здоровья, разстроеннаго постоянными школьными трудами, получивъ изъ суммъ Синодальнаго хозяйства 300 р. на путевыя издержки; но это путешествіе едва возстановило его силы. По возвращеніи онъ взялъ отпускъ еще

---

[63] Въ Генварѣ 1761 онъ еще писался Архимандритомъ Петровскимъ.

[64] Историческія свѣдѣнія объ Іерархахъ Древне-Пермской и Вологодской Епархіи, соб. Н. Суворовымъ. Вологда, 1869, стр. 206—245.

[65] Пропущенъ у Строева.

[66] Списки Архіереевъ, Юрія Толстого, стр. 15, прим.

[67] Съ 1768 Архіепископъ Московскій, убіенъ во время моровой язвы 16 Сент., 1771 г.

[68] Прошеніе его объ увольненіи изъ Семинаріи у Чистовича въ Исторіи С.-Петер. Академіи, стр. 37.

[69] Съ 1750 г. С.-Петербурскій. Скончался 1761, Апр. 17.

на два года, съ тѣмъ, чтобы быть и въ Кіевѣ; но, по приглашенію своего благодѣтеля, Амвросія Зертисъ-Каменскаго, бывшаго Епископомъ Переяславскимъ, остался въ его Епархіи, и въ 1760 г., 5 Марта, произведенъ въ Архимандрита Высокопетровскаго мон. Въ томъ же году переведенъ въ Переяславскій Никитскій мон.; въ 1176, Декабря 23, рукоположенъ въ Епископа Переяславскаго и, по Высочайшему повелѣнію, участвовалъ, 1762—1763, въ Коммисіи о составленіи штатовъ для духовенства и духовныхъ училищъ, [70] въ 1763 пожалованъ Членомъ Синодальной Конторы. Въ 1768, Февраля 4, переведенъ въ Крутицкую Епархію, [71] а въ 1771, Февраля 24, по прошенію, уволенъ на покой (по ипохондріи) и «опредѣленъ для жительства въ Николаевскій Угрѣшскій монастырь, съ управленіемъ онымъ»; [72] потомъ вскорѣ, по причинѣ чумы, обратившей Угрѣшу въ госпиталь, переведенъ въ Воскресенскій Ново-Іерусалимскій мон., которымъ управлялъ по 3 Октября, 1785, а за тѣмъ на покоѣ жилъ въ семъ монастырѣ [73] до 1788 года, 22 Февраля, когда послѣдовалъ именной Высочайшій Указъ о назначеніи его, по собственному его желанію, Настоятелемъ Московскаго Андроникова монастыря, съ отчисленіемъ монастыря, на время его настоятельства, къ непосредственному вѣдомству Св. Синода и Московской Синодальной Конторы. Скончался 19 Окт., 1802, и похороненъ въ томъ же монастырѣ. [74]

Сильвестръ II. Юницкій 1761 — 1775, родомъ изъ Польской Украйны, обучался въ Кіевской Академіи. Въ 1740 постриженъ въ монашество въ Кіевопечерской Лаврѣ, и тогда же, по Указу Св. Синода, присланъ въ Александроневскій монастырь, проходилъ разныя послушанія, между прочимъ сдѣлалъ двѣ ком-

---

[70] Исторія С-Петер. Акад., стр. 34-35, 37—38.

[71] Въ правленіе Переяславскою Епархіею увеличилъ Семинарскую библіотеку книгами, обратилъ вниманіе на физическій Семинарскій кабинетъ, умножилъ его инструменты.

[72] Списки Архіереевъ, стр. 15 Дѣла. Консист. Архива.

[73] Краткое историч. описаніе Воскрес. мон., 1862, стр. 28.

[74] Имъ сдѣлано Описаніе Воскресенскаго мон., напечатанное въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, ч. IV, 1786; написаны Правила монашескаго житія. Спб. 1805. Въ концѣ нашей статьѣ прилагаемъ его духовное завѣщаніе.

паніи во флотѣ; [75] послѣ былъ въ томъ монастырѣ Экономомъ, 11 Ноября того же года, по Высочайшему Именному Указу отъ 4 Ноября, Преосвященнымъ Веніяминомъ, Архіепископомъ Санктпетербургскимъ, произведенъ въ Архимандрита въ Ставропигіяльный Высокопетровскій монастырь. [76] Скончался въ 1775, на 66 году отъ рожденія.

Ѳеофилактъ 1775—1776, Великороссіянинъ, изъ монастырскихъ служителей, постриженъ въ Ниловой пустынѣ Тверской Епархіи 1742 г., былъ въ ней Ризничимъ, а съ 1743 въ Тверскомъ Архіерейскомъ домѣ Ризничимъ, въ 1749 Игуменомъ Ивановскаго монастыря, потомъ, съ 1760, годъ и два мѣсяца въ Малицкомъ монастырѣ той же Епархіи. Въ Іюлѣ 1761 переведенъ Архимандритомъ въ Отрочь монастырь, и съ той поры до 1768 былъ Присутствующимъ въ Тверской Консисторіи; настоятельствовалъ съ 1768 въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Въ Маѣ 1775, при Московскомъ Архіепископѣ Платонѣ, прежде управлявшемъ Тверскою Епархіей, [77] перемѣщенъ въ Высокопетровскій, въ томъ же году 20 Апрѣля причисленный къ Епархіяльному вѣдомству, вмѣсто Синодальнаго, и назначенъ Членомъ Московской Консисторіи. [78] Въ 1776 наблюдалъ за постройкой палатъ въ Чудовомъ монастырѣ. [79] Того же года, 15 Сентября, переведенъ въ Саввино-Сторожевскій первокластный монастырь [80] и, состоя по прежнему Членомъ Консисторіи, жилъ въ Москвѣ въ Петровскомъ же монастырѣ по 1786 годъ включительно. Скончался въ Саввинѣ 1788, Іюня 2, на 65 году отъ рожденія. Митрополитъ Платонъ, въ письмѣ къ Архіепископу Казанскому, Амвросію, такъ отзывается о немъ: «Вчера скончался Саввинскій Архимандритъ Ѳеофилактъ, человѣкъ столько же вамъ извѣстный по имени и лицу, сколько по добро-

---

[75] Былъ флотскимъ Іеромонахомъ.

[76] Сообщено изъ Александроневской Лавры.

[77] Съ 22 Сент., 1770, по 21 Генв., 1775. Въ санъ Митрополита возведенъ 29 Іюня, 1787 г.

[78] Исторія Моск. Епар. Управленія ч. III, кн. 1, § 14, прим. 64.

[79] Дѣла монаст. архива, но какихъ палатъ? Изъ документа не видно. Архіерейскій двухъэтажный домъ, достопамятный рожденіемъ въ немъ, 1818 г., Апрѣля. 17, нынѣ царствующаго Императора Александра II, сооруженъ Преосвящ. Платономъ, при Чудовомъ мон., въ 1786 г.

[80] Въ 50 верс. отъ Москвы къ западу и въ $1^1/_2$ отъ Звенигорода.

дѣтели и простосердечію. [81] И этотъ случай поразилъ меня скорбію.» [82]

Сергій III 1776—1787, сынъ церковника Тверской Епархіи, Каширскаго Уѣзда, обучался въ Тверской Семинаріи и въ Московской Академіи. По окончаніи курса наукъ былъ, съ 1756 г. Учителемъ низшаго Латинскаго класса въ Тверской Семинаріи. Въ 1759, Мая 2, постриженъ въ монахи, за тѣмъ вскорѣ рукоположенъ въ Іеромонахи и находился при Архіерейскомъ домѣ Экзаменаторомъ ставленниковъ. Въ началѣ 1760 опредѣленъ Строителемъ Старицкаго Успенскаго монастыря. Въ 1765 переведенъ въ Кашинскій Дмитровскій монастырь и былъ Присутствующимъ въ Духовныхъ Правленіяхъ: Старицкомъ и потомъ въ Кашинскомъ. Въ Декабрѣ 1766, «по сообщенію Св. Правительствующаго Синода Члена, Его Императорскаго Высочества Богословія Учителя, Троицкія Лавры Высопреподобнѣйшаго Господина, Отца Священно-Архимандрита Платона,» [83] уволенъ изъ Тверской Епархіи въ Сергіеву Лавру, гдѣ проходилъ должность Казначея. [84] Указомъ Св. Синода, отъ 15 Сентября, 1776, назначенъ Настоятелемъ Высокопетровскаго монастыря. Въ Архимандрита посвященъ слѣдующаго года, 5 Марта. Скончался 1787, Марта 15, на 60 году отъ рожденія и, по резолюціи Преосвященнаго Платона, погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ. [85]

Мельхиседекъ 1787—1788, въ мірѣ Михаилъ Заболотскій, села Махры Дьяконовъ сынъ, родился въ 1750, учился въ Троицкой Семинаріи. Въ началѣ 1775 опредѣленъ въ ней Учителемъ низшаго класса, въ 1776 высшаго. Постриженъ въ монашество 5 Ав-

---

[81] Амвросій съ 1774 г. былъ Ректоромъ Московской Академіи, съ 1778 г. Викаріемъ Московскій; въ 1781 г. переведенъ на Крутицкую Епархію и жилъ въ Москвѣ до 1785 г., когда пожалованъ Архіепископомъ Казанскимъ. Въ Октябрѣ 1799 г. именованъ Архіепископомъ Санктпетербургскимъ. Съ 1801 года Митрополитъ Новгородскій.

[82] Письма Митрополита Платона, 1870, стр. 15.

[83] Въ послѣдствіи Митрополитъ Московскій. Онъ былъ въ 1763 г. избранъ въ Законоучители къ Наслѣднику Престола, Великому Князю, Павлу Петровичу; 1766 г., Іюля 16, Архимандритъ Лавры.

[84] Сообщено изъ Троицкой Сергіевой Лавры.

[85] Дѣла монастырскаго архива. Въ настоятельскихъ келіяхъ Петровскаго монастыря сохранился вензель изъ буквъ А и С (т. е., А Сергій).

густа, 1777; въ Іюлѣ слѣдующаго года назначенъ Префектомъ Семинаріи; съ 12 Декабря, 1783, Ректоръ и Намѣстникъ Лавры. Въ 1785 г. отъ должности Ректора уволенъ и оставленъ въ должности Намѣстника. [86] Въ 1787, Мая 2, опредѣленъ въ Архимандрита Высокопетровскаго монастыря, и въ концѣ того года вызванъ на чреду служенія въ С.-Петербургъ, гдѣ находился по 1789 г. Въ семъ году, Іюня 14, переведенъ Настоятелемъ въ Саввинъ монастырь, а 18 Декабря, назначенъ Ректоромъ Московской Академіи и Архимандритомъ Заиконоспасскаго Училищнаго Ставропигіяльнаго монастыря, съ удержаніемъ за собою степени Саввинскаго Архимандрита. Въ Октябрѣ 1791, по болѣзни, отъ должности уволенъ съ пенсіею 250 р. въ годъ и пребывалъ временно въ Петровскомъ монастырѣ, но въ Мартѣ 1792 опять назначенъ въ Настоятели Саввина монастыря и Членомъ Консисторіи. [87] Въ журналѣ Консисторскомъ 1793, Генваря 21, значится, что Митрополитъ Платонъ вызвалъ его въ Лавру для отправленія должности Намѣстника. Скончался въ Москвѣ 1794 г., Августа 13; [88] отпѣтъ въ Высокопетровскомъ, а погребенъ въ Саввинѣ, какъ Настоятель.

Въ Петровскій монастырь на мѣсто Мельхиседека, переведеннаго 1788 въ Саввинъ, первоначально опредѣленъ Андрониковскій Архимандритъ [89] Іосифъ, но, за слабостію здоровья и изне-

---

[86] Письма Митрополита Платона, стр. 10, прим. 33.

[87] Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи, С. К. Смирнова, стр. 486—489, 496 Ист. Моск. Академ., стр. 356. Въ послужномъ спискѣ за 1788 г., хранящемся въ Архивѣ Московской Семинаріи, показанъ 40 лѣтъ.

[88] О смерти его репортовалъ Преосвященному Сераѳиону Викарію Крестовоздвиженскій Игуменъ Сергій.

[89] Іосифъ Быковъ, Великороссіянинъ, сынъ церковника, по окончаніи курса наукъ, постриженъ въ монашество 1757 года; потомъ былъ Учителемъ Философіи и Богословія въ Тверской Семинаріи, да, сверхъ того, по воскреснымъ днямъ изъяснялъ Павловы Посланія. Въ 1761 г. произведенъ въ Иванишескій (Иваницкій) монастырь во Игумена и опредѣленъ Префектомъ Семинаріи, преподавалъ Философію. Въ 1763 г. исправлялъ только одну настоятельскую должность въ монастырѣ, а по упраздненіи Иваницкаго монастыря, въ 1764 году, опять былъ Префектомъ и Учителемъ Философіи; въ томъ же 1764 г. опредѣленъ членомъ Тверской Консисторіи. Указомъ Святѣйшаго Синода, от 12 Декабря, 1766 г., переведенъ Игуменомъ въ Архангельскій Юрьева Польскаго монастырь, Владимирской Епархіи. Съ 1 Мая, 1768, былъ Ректоромъ Семинаріи (Владимирской?) Учителемъ Философіи и Богословія; съ 4 Іюня того же года по 3 Марта, 1769 г., Членомъ Суздальской Консисторіи. Произведенъ

моженіемъ, онъ испросилъ себѣ увольненіе въ Сергіеву Лавру на покой, съ пенсіею 150 р. въ годъ.[90] Въ 1793, Мая 23, сдѣланъ Настоятелемъ Ростовскаго Богоявленскаго Аврааміева монастыря, гдѣ и скончался въ 1798, Генваря 9, и погребенъ при церкви Іоанна Богослова.[91]

Іоанникій I, 1788—1816, въ мірѣ Іоаннъ Гавриловичъ,[92] въ 1770 г. поступилъ въ Ставропигіяльный Симоновъ монастырь, и тамъ же постриженъ въ монашество, а послѣ былъ Іеромонахомъ и Намѣстникомъ. Въ 1776, Окт. 6, переведенъ въ Троицкую Сергіеву Лавру на вакансію Казначея. Въ 1788, Августа 28, опредѣленъ Настоятелемъ Высокопетровскаго мон.; 21 Ноября, въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ Митрополитомъ Платономъ посвященъ въ Архимандрита. Платонъ писалъ къ Преосв. Амвросію, отъ 3 Ноября, 1796: «Петровскаго Архимандрита весьма утѣшите, когда будетъ отъ Симонова уволенъ: онъ было ужь сбирался, ежели бъ то послѣдовало, и отъ Петровскаго[93] отказаться и жить на обѣщаніи. Поистинѣ старъ и немощенъ, добрый старецъ. А что сообщаете мнѣ по секрету о томъ, кто будетъ въ Симоновѣ монастырѣ,[94] объ этомъ уже давно прошелъ слухъ по Москвѣ и до меня онъ дошелъ раньше письма Вашего.» Въ письмѣ, отъ 5 Марта, 1800 г. Платонъ замѣчаетъ: «Здѣсь Симоновскій Петровскій едва ли не

въ Архимандрита Троицкаго Данилова монастыря 1769, Апрѣля 16; опредѣленъ членомъ Переяславской Консисторіи Сентября 1, того же года, Ректоромъ Переяславской Семинаріи 1771, Сентября 21. Съ 20 Апрѣля, 1785, по 22 Февраля, 1788 г., Андроніковскій Архимандритъ въ Москвѣ (аттестатъ его 1785 года). Послѣ него Андроніковымъ монастыремъ управлялъ бывшій Крутицкій Епископъ Сильвестръ. Изъ за него и переведенъ Іосифъ.

[90] Указъ Св. Синода отъ 28 Августа, 1780 г. Андроникъ по степени выше Петровскаго.

[91] Историч. описаніе Спасо-Андроникова мон., сочин. Архимадрита Сергія. М. 1855 г. Приложенія, стр. 17.

[92] Родной братъ его, Михаилъ Гавриловичъ, Московскій купецъ, жилъ, въ своемъ домѣ, на Вороновой улицѣ, близъ Андроникова мон. Ист. Моск. Епарх. Упр., ч. III, кн. 2, прим. 308.

[93] Монастыря.

[94] Іоаннъ Терячковъ, Архимандритъ Ниловой пустыни, Тверской Епархіи, поступилъ въ Симоновъ 14 Іюня, 1797 г. Переведенъ въ Донской, съ тою же степенью, 1810 г., Фев. 15, въ Кіево-пустынно-Николаевскій 1814 г., Авг. 12, но того же года, 23 Окт., уволенъ по прошенію на покой.

лучше для управленія монастырей паче ученыхъ; хотя проповѣдей и не говорятъ словомъ, но дѣломъ то исполняютъ.» [95] Въ 1800 г. отецъ Іоанникій назначенъ Членомъ Консисторіи. Онъ участвовалъ въ священнослуженіи при коронованіи Государя Императора Александра Павловича, 15 Сентября, 1801, и въ тотъ же день Высочайше пожалованъ золотымъ крестомъ, украшеннымъ алмазами и яхонтами. [96] Скончался Апрѣля 9, 1816 г.

Лаврентій 1816—1819 г., въ мірѣ Лука Николаевичъ Бакшевскій, сынъ Священника села Ивановскаго, Владимирской Епархіи. По окончаніи воспитанія въ Троицкой Лаврской Семинаріи, [97] опредѣленъ Учителемъ низшаго грамматическаго класса, въ Перервинскую Семинарію 1799 г., Сент. 6. Постриженъ въ монашество 2 Марта, 1800 г., того же мѣсяца 25 числа посвященъ во Іеродіякона; 7 Августа переведенъ Учителемъ въ высшій синтаксическій классъ. Въ 1801 г., Декабря 6, посвященъ въ Іеромонаха. Черезъ два года съ половиною, именно, въ 1804 г., Апр. 29, сдѣланъ Префектомъ Семинаріи [98] и Учителемъ Риторики и Поэзіи; потомъ вскорѣ Соборнымъ Іеромонахомъ. Въ 1806 г., Генваря 6, посвященъ во Игумена Перервинскаго монастыря, въ день Св. Пятидесятницы награжденъ палицей. Въ 1808 г., 25 Генваря, ввѣрено ему и настоятельство въ Николаевскомъ Угрѣшскомъ монастырѣ, впрочемъ, на короткое время. Того же года, 14 Окт., возведенъ въ санъ Архимадрита Златоустова монастыря, съ оставленіемъ при немъ прежнихъ должностей, такъ что онъ одновременно управлялъ двумя монастырями, Златоустовскимъ и Перервинскимъ. По должности Префекта Семинаріи, жилъ на Перервѣ. Въ 1815 г.,

---

[95] Письма М. Платона, стр. 36—37, 46.

[96] Ист. Русс. Іерархіи V, 533. Крестъ и теперь цѣлъ. Сохранился и живописный поясной портретъ Іоанникія, снятый не раньше 1801 г. При немъ, въ 1803 г. слитъ большой колоколъ, вѣсомъ въ 311 п., 30 ф., по звуку одинъ изъ найлучшихъ въ Москвѣ.

[97] Въ 1814 г. на мѣсто ея переведена въ Лавру Московская Академія.

[98] Префектъ (Инспекторъ) Семинаріи на Перервѣ имѣлъ главную власть надъ Семинаріей, былъ тотъ же Ректоръ. Въ Исторіи Московской Семинаріи можно различать три періода: Перервинскій, когда Семинарія была верстахъ въ семи отъ Москвы, при Николоперервинскомъ мон.; періодъ пребыванія ея (съ 1-го Сентября 1823 г.) при Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ центрѣ города; и послѣдній періодъ (съ 1 Ноября, 1844 г.) на настоящемъ ея мѣстѣ т. е., въ домѣ бывшемъ Графа Остермана, въ Каретномъ ряду.

не задолго до вступленія въ Москву непріятеля, имущества обоихъ монастырей онъ отправилъ на 10-ти подводахъ въ Вологду, и самъ черезъ нѣсколько дней отправился туда же. Возвратясь въ Москву, 31-го Декабря, съ драгоцѣнностями подвѣдомыхъ монастырей, «явился я (пишетъ онъ) къ Преосвященному Викарію (Августину), который, увидѣвъ мена, сказалъ твердымъ голосомъ: «Христосъ воскресе!»—«Во истину воскресе!» отвѣчалъ я.» [99] Въ 1813 г., 19 Марта, перемѣщенъ Настоятелемъ въ Боговленской второклассной мон., съ увольненіемъ отъ учительской должности; 1 Декабря утвержденъ Членомъ Московской Консисторіи; въ 1815 г., Апрѣля 30, уволенъ отъ управленія Перервинскимъ мон. и отъ должности Префекта; за то назначенъ Членомъ Московскаго Комитета Духовной Цензуры. Указомъ Св. Синода, отъ 26 Іюня, того же года, поручено ему возобновить, послѣ войны Французской, Каѳедральный Архангельскій Соборъ, съ употребленіемъ на этотъ предметъ 40,000 руб. асс. Въ 1816, Іюня 26, переведенъ изъ Богоявленскаго въ Высокопетровскій мон. [100] и Августа 29 награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст., при слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ:

«Высокопетровскаго второкласснаго монастыря Господинъ Архимадритъ Лаврентій!

Отличное усердіе, по засвидѣтельствованію Управляющаго Московскою Митрополіею, Архіепископа Августина, оказанное вами при возстановленіи духовной части въ Москвѣ. [101] послѣ нашествія непріятельскаго, и другіе благочестивые подвиги для назиданія вашея паствы, обращаютъ на васъ особенное наше благо-

---

[99] Маякъ 1842 г., т. II, стр. 53 и др. Здѣсь напечатаны любопытныя записки его о 1812 г. Истор. описана Моск. Златоустова мон. М. 1871 г., стр. 26—28.

[100] На вакансію Настоятеля, открывшуюся въ Петровскомъ мон., Преосв. Августинъ рекомендовалъ его, «по тому наипаче, что онъ долгое время находился Учителемъ и Префектомъ въ бывшей Перервинской Семинаріи, много трудился при исправленіи зданій въ оной Семинаріи какъ прежде, такъ и тогда, когда (въ 1814) открывалась вмѣсто ея (опять на Перервѣ) Московская Семинарія, при которой, подъ его надзоромъ, производимо было строеніе новаго огромнаго деревяннаго дома, предположеннаго для помѣщенія нѣкоторыхъ Профессоровъ и учениковъ; такъ же поручено ему смотрѣніе за обстройкою каменнаго корпуса въ Андроніевѣ монастырѣ для бурсаковъ.»

[101] При возобновленіи трехъ монастырей (кромѣ Петровскаго), Архангельскаго Собора и по Комитету золоченія главъ на Кремлевскихъ Соборахъ.

воленіе. Въ ознаменованіе коего Мы всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена Нашего Святыя Анны второй степени, и прилагаемъ при семъ знаки онаго для ношенія по установленію. Пребываемъ къ вамъ благосклонны

Александръ.»

Въ 1817 г., Марта 13, назначенъ Благочиннымъ надъ мужскими монастырями Московской Епархіи; 2 Декабря вызванъ въ С.-Петербугъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія. Когда Преосвященный Августинъ именованъ Архіепископомъ Московскимъ и Коломенскимъ, тогда, по представленію Св. Синода, въ 1819 г., 4 Генваря, къ Московской Епархіяльной каѳедрѣ назначенъ въ Викарія бывшій въ С.-Петербургѣ Высокопетровскій Архимадритъ Лаврентій, и 19 Генваря хиротонисанъ въ Петербургскомъ Казанскомъ Соборѣ въ Епископа Дмитровскаго, Викарія Московскаго. По Указу Св. Синода предоставленъ ему въ управленіи Саввино-Сторожевскій монастырь. Того же года, Марта 8 дня, вмѣстѣ съ Преосвященными Грузинскими отпѣвалъ въ Чудовѣ монастырѣ Преосвященнаго Августина, и три мѣсяца управлялъ Московскою Епархіей, до прибытія Высокопреосвященнаго Митрополита Серафима, за что, въ слѣдующемъ году, награжденъ Орденомъ Св. Анны 1 ст., а 26 Сентября того года Высочайше повелѣно быть ему Епископомъ Черниговскимъ. Въ 1826, Августа 22, въ день коронованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича, возведенъ въ санъ Архіепископа. Въ 1831 г., Апрѣля 12, по разстроенному здоровью, отъ управленія Епархіею уволенъ, съ назначеніемъ мѣстопребыванія въ Переяславскомъ Даниловомъ монастырѣ, гдѣ велъ самую строгую подвижническую жизнь и скончался въ ночь на 17 число Декабря, 1837 года. [102]

Никаноръ 1819—1826 г., въ мірѣ Николай Стефановичъ Клементьевскій, сынъ Священника Успенской церкви, что въ Клементьевѣ, въ Сергіевомъ Посадѣ. Получивъ образованіе въ Троицкой Лаврской Семинаріи, былъ въ ней Учителемъ: съ 1809 г., Генв. 8, Греческаго и Еврейскаго языковъ, съ 1811 г., Сент. 6,

---

[102] Жизнеописаніе его см. въ Странникѣ 1862 г., Ноябрь, а къ Декабрьской книгѣ приложенъ портретъ его. Нѣсколько свѣдѣній взяты изъ дѣла Архива Моск. Консисторіи.

высшаго Латинскаго грамматическаго квасса и Еврейскаго языка, съ 1812 г., Генв. 10, высшаго Краснорѣчія и Риторики. Того же года, 9 Апрѣля, постриженъ въ монашество; 21 Апр., Митр. Платономъ рукоположенъ во Іеродіякона; 16 Ноября, въ день погребенія М. Платона, во Іеромонаха Преосв. Августиномъ, Епископомъ Дмитровскимъ. Указомъ Св. Синода, отъ 19 Іюня, 1813 г., переведенъ Проповѣдникомъ въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую Академію и причисленъ къ Соборнымъ Іеромонахамъ Ставропиг. Донскаго монастыря. [103] Въ 1814, Авг. 19, утвержденъ въ должности Баккалавра Церковной Исторіи при новооткрытой въ Лаврѣ Московской Академіи; [104] Окт. 31, сдѣланъ Намѣстникомъ Троицкой Лавры, Архимандритомъ Виѳанскаго мон. Ноября 8, [105] и Членомъ Цензурнаго Комитета при Академіи. Дек. 22, за ревностные труды свои Всемилостивѣйше, 12 Генваря, 1818 г., награжденъ наперснымъ крестомъ, драгоцѣнными камнями украшеннымъ; Апр. 27 сдѣланъ Дѣйствит. Членомъ Конференціи и внѣшняго Правленія Академіи, [106] и эти почетныя званія удержалъ за собой и по назначеніи его Ректоромъ Виѳанской Семинаріи, Настоятелемъ Новоголутвина мон. въ Коломнѣ; 18—19 Августа былъ уволенъ только отъ должности Намѣстника Лавры. Въ 1819 г., Апрѣля 17, получилъ въ управленіе Высокопетровскій монастырь гдѣ проповѣдью его не разъ оглашались своды храмовъ. [107] Продолжая быть и Ректоромъ Семинаріи, онъ въ 1820 г., Іюля 24, награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст., а 17 Декабря, за обозрѣніе Семинарій Рязанской и Туль-

---

[103] Для ученыхъ трудовъ положено въ Кіевопечерской и Александроневской Лаврахъ и Донскомъ монастырѣ быть по 10-ти Соборныхъ Іеромонаховъ Указъ въ. Собр. Зак. № 18, 273, п. 3 (1796 г.).

[104] Предметъ свой преподовалъ первому курсу студентовъ въ 1816—1818 г. въ старшемъ отдѣленіи М. Академіи.

[105] Въ Архимадрита посвященъ въ Моск. Архангельскомъ Соборѣ. Указомъ Императора Павла, 1797 г., предписано: «Архимадритомъ Виѳанскаго мон. быть всегда Намѣстнику Лавры.»

[106] Въ проектѣ Устава Дух. Академіи, 1814 г., сказано: «Троякій есть предметъ установленія Дух. Академій: 1, образованіе духовнаго юношества къ высшимъ должностямъ; 2, распространеніе и поощреніе учености въ духовенствѣ, и 3, управленіе Дух. училищъ, Академіи подчиненныхъ. Для первой цѣли въ Академіи существуетъ внутреннее Академическое Правленіе; для второй — Академическая Конференція; для третьей — Академическое Правленіе внѣшнее.»

[107] Слова и рѣчи его, изд. Спб. 1857.

ской, объявлена ему признательность Комиссіи Духовныхъ Училищъ. [108] Въ Генварѣ 1826 г., по докладу Св. Синода, Высочайше утвержденъ Епископомъ Ревельскимъ, Викаріемъ С.-Петербургскимъ, съ порученіемъ въ управленіе его Сергіевой пустыни; хиротонисанъ въ Александроневской Лаврѣ 28 Марта. Самостоятельное Архипастырское служеніе началъ съ Калужской Епархіи, въ которую назначенъ былъ въ Августѣ 1831 г. Въ санѣ Архіепископа Минскаго, съ 1834 г., Сент. 5, оказалъ ревность къ возсоединенію Уніятовъ съ Православною Церковью. Въ 1840, Генв. 28, переведенъ въ Волыно-Житомирскую Епархію, съ назначеніемъ Архимадритомъ Почаевской Успенской Лавры. Въ 1842 г., Мая 17, вызванъ въ С.-Петербургъ, для присутствованія въ Св. Синодѣ, а 17 Генваря, 1843 г., назначенъ Архіепископомъ Варшавскимъ, Новогеоргіевскимъ и Членомъ Св. Синода, съ оставленіемъ въ званіи Священно-Архимандрита Почаевской Лавры и при управленіи Волынскою Епархіею. Въ 1844 г. Всемилостивѣйше пожалованъ ему алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ, въ 1847 г. алмазные знаки ордена Св Александра. Невскаго. Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ въ 4—20 день Ноября, 1848 г., повелѣно быть ему Митрополитомъ Новгородскимъ, С.-Петербургскимъ, Эстляндскимъ и Финляндскимъ, и Священно-Архимандритомъ Александроневскія Лавры. Въ Апрѣлѣ 1851 г. сопричисленъ къ ордену Св. Апостола Андрея Первозваннаго и къ Греческому ордену Спасителя 1 ст., черезъ что Король Греческій желалъ выразить удовольствіе свое по случаю установленія сношеній между Святѣйшимъ Всероссійскимъ Синодомъ и Синодомъ Еллинскимъ. Митрополитъ Никаноръ участвовалъ въ священномъ коронованіи Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, 1856 г., Августа 26, въ тотъ же день Всемилостивѣйше пожалованъ знаками ордена Св. Владиміра 1 ст. и вскорѣ, 17 Сентября, скончался. [109]

Платонъ 1826—1828 г., въ мірѣ Павелъ Березинъ, сынъ Священника, съ 1805 г. обучался во Владимирской Семинаріи, а съ 1814 г., по окончаніи въ ней Философскаго курса, въ Московской Академіи. Онъ, 27 Авг., 1818 г., возведенъ на степень Магистра перваго курса и опредѣленъ въ Академію Инспекторомъ и

---

[108] Послужной списокъ 1825 г.

[109] Въ Ноябр. кн. Христ. Чтенія 1856 г. напечатанъ «Очеркъ жизни Преосв. Митр. Никанора,» стр. 289—323.

Баккалавромъ Богословскихъ наукъ еще до постриженія, которое принялъ 20 Октября того года; Дек. 6 рукоположенъ во Іеромонаха. Въ 1820, Іюня 30, Дѣйств. Членъ Академической Конференціи. «За прилежаніе въ должности и преспѣяніе въ познаніяхъ», получилъ одобреніе отъ Коммиссіи Дух. Училищъ, Іюля 31; утвержденъ Членомъ Цензурнаго Комитета Ноября 2; посвященъ въ санъ Игумена Угрѣшскаго мон. 1821 г., Сент. 25, въ Архимандрита Дмитровскаго Борисоглѣбскаго мон. 1822 г., Февраля 10. Того же года, Авг. 28, присвоено ему званіе Экстраординарнаго Профессора Богословскихъ наукъ. Высочайше награжденъ наперснымъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями Дек. 22, а въ слѣдующемъ году, 15 Февраля, перемѣщенъ на должность Ректора Виѳанской Семинаріи; 19 Марта данъ ему въ управленіе Высокопетровскій мон. [110] Въ 1828 г., Мая 2—24, назначенъ Ректоромъ Кіевской Академіи, Настоятелемъ Кіевобратскаго мон, но, слѣдуя къ новой своей должности, заболѣлъ въ Калугѣ, прославъ о семъ въ Академію увѣдомленіе отъ 19 Іюня; не смотря, однако жь, на это, онъ прибылъ въ Кіевъ 7 Іюля и, по принятіи присяги, вступилъ въ отправленіе служебныхъ своихъ обязанностей. Но разстроенное болѣзнію и частію путешествіемъ здоровье не отвѣчало благородной ревности его. Напрасно лучшіе врачи Кіева истощали надъ умирающимъ свои усилія и медицинскія пособія: Ректоръ Платонъ скончался того же Іюля 23 дня, въ 11 часовъ по полуночи, а 25 погребенъ былъ Викаріемъ Кирилломъ въ Кіевобратскомъ училищномъ монастырѣ, въ великой Богоявленской церкви. [111]

Смарагдъ 1828 г., въ мірѣ Александръ Крыжановскій, изъ Малороссіянъ, Кіевской Епархіи Священническій сынъ. По окончаніи учебнаго курса въ Кіевской Академіи 1815 года и, слѣдовательно, еще до преобразованія оной въ 1819 г., отправленъ въ С-Петербугскую Академію, гдѣ получилъ онъ высшія научныя свѣдѣнія и между прочимъ изучилъ Англійскій языкъ. Въ 1819 г. Авг. 9, возведенъ на степень Магистра и опредѣленъ въ ту же Академію Баккалавромъ Богословскихъ наукъ; 29 Августа постриженъ въ монашество въ Александроневской Лаврѣ; 8 Сент. рукопол. во Іеродіякона, а 20 во Іеромонаха. Переведенъ въ Кіевскую Акаде-

---

[110] Послуж. списокъ 1827 г., гдѣ показанъ 39 лѣтъ отъ роду.

[111] Исторія Кіевской Дух. Акад., В. Аскоченскаго, стр. 113—114. Преосв. Кириллъ сконч. Епископомъ Чигиринскимъ, Викаріемъ Кіевскимъ.

мію Инспекторомъ и Баккалавромъ Богосл. наукъ, 1821, Іюня 30. Съ 11 Окт. былъ Членомъ Комитета по постройкѣ Академическихъ зданій. Обозрѣвалъ Семинаріи: Черниговскую, Минскую и Волынскую въ 1822 г., Каменецъ-Подольскую 1823 г., и въ томъ же году утвержденъ Дѣйств. Членомъ Академической Конференціи; въ 1824 г. Экстраординарный Профессоръ и Членъ Цензурнаго Комитета, произведенъ въ санъ Архимандрита Ноября 2. За отбытіемъ Ректора Кіевской Семинаріи въ С.-Петербургъ, на чреду священнослуженія, исправлялъ его должности, съ 14 Дек., 1825 г., оставаясь по прежнему Инспекторомъ Академіи; 30 Ноября, 1826 г., опредѣленъ Ректоромъ Кіевской Семинаріи, Настоятелемъ Кіево-Выдубицкаго Кирилловскаго мон. 31 Декабря и, въ слѣдъ за тѣмъ, Присутствующимъ Кіевской Духовной Дикастеріи; былъ съ 31 Мая, 1827 г., Членомъ Коммиссіи для построенія вновь Кіевской Семинаріи. Въ началѣ 1828 г. обозрѣвалъ Орловскую Семинарію и низшія подвѣдомыя ей Училища, Мая 8 перемѣщенъ Ректоромъ въ Виѳанскую Семинарію на мѣсто Платона, и по Указу Св. Синода, отъ 24 Мая, опредѣленъ Настоятелемъ Высокопетровскаго мон. [112] Съ 23 Авг. того же года Ректоръ Кіевской Академіи послѣ Платона, и Архимандритъ Кіевобратскаго мон. Въ 1830 г., 27 Августа, переведенъ Ректоромъ въ С.-Петербургскую Академію, и въ Декабрѣ сдѣланъ Настоятелемъ первокласснаго Пинскаго мон. Съ 1831, Сент. 20, Епископъ Ревельскій, Викарій С.-Петербургской Митрополіи; 1833, Мая 14, Епископъ Полоцкій; 1834, Іюня 15, Архіепископъ; 1837, Іюня 15, Могилевскій; 1840, Апр. 6, Харьковскій; 1841, Дек. 31, Астраханскій; 1844, Ноября 12, Орловскій; 1858, Іюня 5, Рязанскій. Скончался 1863, Ноября 11, на 69 году отъ рожденія. [113]

Анастасій 1828 — 1830, въ мірѣ Аѳанасій Воскресенскій, сынъ Священника. По окончаніи Философскаго курса въ Костромской Семинаріи, онъ, по Указу Св. Синода, отъ 14 Сент., 1811, обучался въ Троицкой Лаврской Семинаріи, для приготовленія къ учительской должности. Въ 1814, для дальнѣйшаго образованія,

---

[112] Послужной списокъ 1828 г. сообщенъ изъ Виѳанской Семинаріи.

[113] Списки Архіереевъ, стр. 35. О происхожденіи своемъ онъ никогда не говорилъ и избѣгалъ этого разговора. Но разъ онъ рѣзко сказалъ: «А вотъ мой дѣдъ былъ Еврей, отецъ Іерей, а я Архіерей.» Русская Старина, 1874 г., Февраль, стр. 210.

поступилъ въ новоучрежденную въ Лаврѣ Москов. Академію. Возведенъ на степень Магистра перваго курса 1818, Марта 27; тогда же опредѣленъ Инспекторомъ Вятской Семинаріи и Профессоромъ Церковной Исторіи и Еврейскаго языка. Постриженъ въ монашество въ Вятскомъ Троицкомъ Каѳедр. Соборѣ 1818 г., 21 Ноября; рукоположенъ 24 Ноября во Іеродіякона, 6 Дек. во Іеромонаха. Награжденъ бедреникомъ 1820, Авг. 16. Помѣщенъ въ число Соборныхъ Іеромонаховъ Донскаго мон. 1821, Дек., 19. Въ продолженіи 1822—1823 учебнаго года публично преподавалъ Христіянское ученіе. За ревностную и исправную службу получилъ одобреніе Коммисіи Дух. Училищъ, 1823, Іюля 4, и въ томъ же году, 13 Іюля опредѣленъ Ректоромъ Вятской Семинаріи и Профессоромъ Богословія, Сент. 12 Членомъ Консисторіи, Дек. 21 Цензоромъ проповѣдей. Произведенъ въ Архимандрита Вятской Епархіи Слободскаго Крестовоздвиженскаго мон. 1824 г., Ноября 23. Въ слѣдующемъ году, Окт. 8, согласно прошенію, уволенъ отъ должностей и опредѣленъ въ число братства Троицкой Сергіевой Лавры, но въ 1826, Сент. 6, назначенъ Ректоромъ въ Пензенскую Семинарію, переведенъ въ Вяѳанскую 1828, Авг. 23, и сдѣланъ, 7 Сент., Настоятелемъ Высокопетровскаго мон., Окт. 29 Дѣйствит. Членомъ Конференціи Моск. Академіи и (вскорѣ) Членомъ Цензурнаго Комитета. По засвидѣтельствованію Преосвященнаго Иринея, Епископа Пензенскаго, объ особенныхъ трудахъ его при управленіи Пензенскою Семинаріею, получилъ отъ Коммиссіи Дух. Училищъ признательность, 1829, Фев. 3, и того же года, Сент. 17, за болѣзнію, отъ занимаемыхъ имъ должностей уволенъ, впредь до выздоровленія. [115] По Указу Св. Синода, отъ 18 Марта, 1830, «по ипохондрическимъ припадкамъ,» совсѣмъ уволенъ отъ должностей и отправленъ во Владимирскую Епархію для помѣщенія въ какой либо монастырь. Скончался на покоѣ въ Боголюбовѣ монастырѣ близъ Владимира.

Гавріилъ 1830—1845, сынъ Углицкаго Священника, обучался въ Ярославской Семинаріи Піитикѣ и Риторикѣ. Въ монашество постриженъ въ первоклассномъ Толгскомъ мон. 1813, Іюня 25, и вскорѣ потомъ, 17 Іюля, опредѣленъ въ должность Казначея; 27 Іюля посвященъ во Іеродіякона, въ 1814 г., Генв. 6, во Іеромонаха. Переведенъ Казначеемъ въ Ростовскій Богоявленскій Авраамі-

[115] Въ Послужномъ Спискѣ 1828 г. показанъ 38 лѣтъ и рекомендованъ такъ: «способенъ, хотя и слабаго здоровья».

евъ мон. того же года, 19 Августа въ Ярославскій Архіерейскій домъ Экономомъ переведенъ 1818 года, Іюня 27. [115] Опредѣленъ Строителемъ Ростовскаго Варницкаго мон., съ оставленіемъ въ прежней Экономской должности, 1819, Мая 16; въ слѣдующемъ году, 26 Іюня, награжденъ набедренникомъ. Съ Декабря 1820 былъ Экономомъ въ С. Петербургѣ на Ярославскомъ подворьѣ, при Архіепископѣ Ярославскомъ Филаретѣ, [117] а съ 1821, Іюня 21, на Троицкомъ подворьѣ въ С.-Петербургѣ, съ причисленіемъ къ братству Троицкой Сергіевой Лавры. Опредѣленъ Намѣстникомъ Каѳедральнаго Чудова мон. 1823, Ноября 12, возведенъ въ санъ Игумена 1824, Мая 4, въ Архимандрита Московскаго третьекласнаго Знаменскаго мон., 1825, Марта 4. По хозяйственнымъ обстоятельствамъ сего монастыря, [118] отъ должности Намѣстника уволенъ съ благодарностію за услуги, 1826, Апр. 20. По Указу Консисторіи, отъ 24 Окт., 1827, исправлялъ должность Благочиннаго монастырей. Въ слѣдующемъ году, Генв. 28, пожалованъ орденомъ Св. Анны 3 ст. и опредѣленъ Благочиннымъ 24 Мая. Былъ, съ 1829, Марта 14—16, Членомъ Комитетовъ для исправленія ветхостей въ Саввинѣ мон. и для построенія Уѣзднаго Звенигородскаго Училища въ томъ же мон. Переведенъ Настоятелемъ въ Высокопетровскій мон. 1830, Марта 18. Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 2 ст., 1832, Генв. 23. Былъ, съ 1834, Авг. 7, Членомъ Комитета по возобновленію въ Саввинѣ мон. Соборной Богородице-Рождественской церкви; съ 1837, г. Апр. 15, Членомъ Коммисіи о перемѣщеніи Моск. Алексѣевскаго дѣвичьяго мон. въ Красное Село, [119] при чемъ оказалъ «необыкновенную тщательность и благоуспѣшность»; съ 1839, Іюля 30, Членомъ Церемоніяльной Коммисіи по случаю открытія памятника на Бородинскомъ полѣ. [120] Въ томъ

---

[116] Архіепископъ Ярославскій Антоній (Знаменскій), 1820 г., Іюля 12, уволенъ на покой въ Новгородскій Деревяницкій монастырь, и скончался 1824 года, Августа 10.

[117] Съ 1820 г., Сентября 26, Ярославскій, съ 1821, Іюля 3, Московскій Архіепископъ, 1826 г., Августа 22, Митрополитъ.

[118] Въ 1825—1827 г. построены два подворья на задней сторонѣ монастыря, служащія весьма важною поддержкою къ содержанію его. См. Историческое описаніе монастыря, Архимандрита Сергія, стр. 34.

[119] На старомъ мѣстѣ монастыря воздвигается громадный храмъ Спасителя, въ память незабвенныхъ 1812 и 1814 годовъ.

[120] Вотъ резолюція Митрополита Филарета отъ 30 Іюля: «Какъ мѣсто отдален-

же году, Ноября 11, объявлена ему совершенная благодарность Митрополита Филарета «за дѣятельное участіе, усердный трудъ и вѣрную распорядительность» относительно украшенія пещеры Гроба Господня въ Новомъ Іерусалимѣ. [121] Въ 1840, Февр. 19, назначенъ Членомъ Комитета по постройкѣ зданій для Московской Семинаріи. [122] Въ томъ же году, 25 Іюля, по случаю дороговизны хлѣба, выдана ему изъ Консисторіи значительная сумма денегъ — 6,000 р. асс., на раздачу тѣмъ изъ Священно и церковнослужителей Коломенскаго и Бронницкаго Уѣздовъ, кои не могли воспользоваться заимообразнымъ пособіемъ изъ кошельковой суммы на обсѣмененіе полей своихъ, и это порученіе исполнилъ съ свойственною ему тщательностію, заслуживъ благодарность Начальства. По случаю уплаты въ Коммисію Строеній, по ссудѣ 20,000 долга, лежавшаго на Петровскомъ монастырѣ, [123] также получилъ благодарность Его Высокопреосвященства «за успѣшно произведенную операцію къ пользѣ обители;» 1840, Сентября 16, былъ Членомъ Комитета, учрежденнаго 18 Октября, 1843, для раздачи въ Москвѣ сиротамъ неимущимъ и болящимъ, 3000 р. сер., Всемилостивѣйше пожало-

---

но, и не все потребное можно имѣть на мѣстѣ: то нужнымъ признается составить по сему предмету, для лучшаго соблюденія порядка, церемоніяльную коммисію изъ Петровскаго Архимандрита и Протоіереевъ Каѳедральнаго (Арсенія Тяжелова) и Богоявленскаго (Александра Покровскаго). Коммисія имѣетъ: 1) составить списокъ 4 Архимандритовъ, 6 Протоіереевъ, 24 Священниковъ и 20 Діаконовъ, долженствующихъ быть въ церемоніи; 2) собрать для сего духовенства единообразное облаченіе праздничное и на случай панихиды по воинахъ траурное, и устроить доставленіе онаго на мѣсто и возвращеніе въ свои мѣста въ порядкѣ и съ сохранностію; 3) составить подробное росписаніе крестнаго хода, и распорядиться на мѣстѣ такъ, чтобы онъ могъ совершиться съ точнымъ соблюденіемъ порядка и безъ всякаго замѣшательства».

[121] Въ посѣщеніе сея обители, въ 1837 г., 30 Іюля, Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, нынѣ Его Величества Государя Императора, было объяснено Его Высочеству, посѣтившимъ Палестину А. Н. Муравьевымъ (сконч. 18-го Августа текущаго года въ Кіевѣ), что Іерусалимская часовня Гроба внутри всмраморная, и тогда же повелѣно отъ Его Высочества устроить и здѣсь мраморную внутренность. А 1839 г., Августа 18, дня, Митрополитомъ Филаретомъ освящена новая часовня. См. Краткое историческое описаніе Воскресенскаго монастыря, стр. 16.

[122] См. прим. 87.

[123] На эту сумму построено большое подворье, почти противъ самаго монастыря.

ванныхъ по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени Государыни Цесаревны Маріи Александровны. За ревностные труды свои Высочайше награжденъ орденами Св. Анны 2 ст. съ Императорскою короною 1838, Апр. 18, и Св. Владимира 3 ст., 1844, Апр. 12. Въ 1845, Авг. 17, объявлена ему благодарность Епархіяльнаго Начальства за успѣшное и тщательное дѣйствованіе по возобновленію въ Чудовѣ монастырѣ Благовѣщенской церкви. Указомъ Св. Синода отъ 15 Сент., того же года, переведенъ Настоятелемъ въ Спасо-Андрониковъ монастырѣ, гдѣ и скончался 13 Августа, 1848. «Въ отцѣ Гавріилѣ Андроніевскомъ понесъ я (писалъ Владыка), большую потерю. Человѣкъ былъ кроткій, послушный, дѣятельный, вѣрный. Миръ душѣ его!» [124]

Евсевій 1845 — 1847, въ мірѣ Евѳимій Орлинскій, сынъ Діякона Поликарпа Евѳиміева, родился Тульской Губерніи, Бѣлевскаго Уѣзда въ селѣ Черномъ Верхѣ. Обучался сперва (съ 1822 г.) въ Тульской Семинаріи, а потомъ въ Московской Академіи съ 1828 по 1832; кончилъ курсъ наукъ со степенью Магистра. Постриженъ въ монашество 1832 года, Мая 29, посвященъ во Іеродіякона Іюля 1-го, во Іеромонаха Іюля 3. Того же года, 29 Августа, опредѣленъ въ Виѳанскую Семинарію Инспекторомъ и Профессоромъ по классамъ Церковной Исторіи и Греческаго языка; 2 Сент. возложенъ на него Магистерскій крестъ. Причисленъ къ Соборнымъ Іеромонахамъ Ставропигіяльнаго Донскаго мон. 1833, Сентября 15. Перемѣщенъ съ Греческаго языка на классъ Еврейскій въ той же Семинаріи Ноября 20. Переведенъ въ Московскую Семинарію Инспекторомъ и Профессоромъ по классу Философіи 1834, Ноября 25. Награжденъ набедренникомъ 1835, Авг. 19. За ревность въ неусыпномъ надзорѣ за нравственностію воспитанниковъ Виѳанской Семинаріи получилъ одобреніе Коммисіи Дух. Училищъ 1830, Авг. 26. За труды въ надзорѣ за исправленіемъ зданія для вновь открытыхъ въ Москвѣ Донскихъ Училищъ объявлена ему отъ Коммисіи Дух. Училищъ признательность 1837, Февр. 21. Опредѣленъ къ должности Инспектора и Баккалавра Бого-

---

[124] См. Письма къ Игуменіи Спасо-Бородинской Маріи (Тучковой). П., отъ 3 Сен., тября, 1848, а не 1838 г. Къ Игуменіи Московскаго Зачатіевскаго монастыря Апполинаріи (Шуваловой) Митрополитъ писалъ Августа 15, 1848: «Правду говорите, что лишеніе о. Архимандрита Гавріила для меня трудно. Что же однако, дѣлать? Кто можетъ пререкать волѣ Божіей? Падемъ предъ Нею, и помолимся о мирѣ души его, и о дарованіи намъ сотрудника вмѣсто его!»

словскихъ наукъ въ Московскую Академію 1838, Авг. 31. Произведенъ въ санъ Архимандрита Окт. 15, того же года. Опредѣленъ Дѣйств. Членомъ Академической Конференціи Окт. 28. По порученію Начальства, обозрѣвалъ Нижегородскую и Саратовскую Семинаріи, въ Іюнѣ и Іюлѣ 1840. Возведенъ на степень Экстраординарнаго Профессора Богосл. наукъ 1841, Мая 30. Съ Сентября 1841 г. исправлялъ должность Ректора Академіи. Опредѣленъ Ректоромъ Моск. Академіи, Ноября 25, и Настоятелемъ второклассnаго Богоявленскаго мон. 1842, Апр. 9. За усердіе, способности и нравственный характеръ, [125] по случаю обозрѣнія Академіи, Высопреосв. Митр. Филаретомъ, удостоенныя полнаго одобренія, преподано ему благословеніе Св. Синода, Сент. 18 — Окт. 10. Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 2 ст., 1845, Апр. 14. Переведенъ изъ Богоявленскаго Настоятелемъ Высокопетровскаго второклассnаго мон., съ присвоеніемъ ему лично степени Архимандрита первоклассnаго монастыря, 1845, Авг. 31. По порученію Начальства, обозрѣвалъ Семинаріи: Рязанскую, Тульскую и Калужскую въ 1843, Костромскую и Вологодскую въ 1845, Виѳанскую въ 1846. Высочайшимъ Указомъ назначенъ Епископомъ Винницкимъ и вмѣстѣ Ректоромъ С.-Петербургской Академіи и Настоятелемъ Шаргородскаго Николаевскаго первоклассnаго монастыря, [126] 1847, Генв. 17. Во Епископа хиротонисанъ въ С.-Петербургѣ, въ Казанскомъ Соборѣ, Марта 9. Во исполненіе Высочайшей воли, возложена на него обязанность наблюденія за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, Марта 18. Назначенъ Предсѣдателемъ Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія конспектовъ о преподаваніи учебныхъ предметовъ въ Духовныхъ Семинаріяхъ, Апр. 7. Въ возмездіе заслугъ его по управленію преемственно двумя Дух. Ака-

---

[125] Сочинитель «Исторической записки о Московской Духовной Академіи, по случаю празднованія ея 50-лѣтія въ 1854 году», на стр. 14 пишетъ: «Съ благодарностію воспоминаемъ имена Ректоровъ: Евсевія, дѣятельнаго и опытнаго въ управленіи, писателя плодовитаго и популярнаго,.... Евгенія, талантливаго и строгаго Богослова, отличавшагося чистосердечіемъ и простотою въ обхожденіи; Сергія и Савву, извѣстныхъ своими учеными трудами и умѣвшихъ въ трудное время поддержать духъ уваженія въ подчиненныхъ». Всѣ они настоятельствовали въ Высокопетровскомъ монастырѣ.

[126] Въ 1836 г. Высочайше повелѣно быть Священно-Архимандритомъ сего монастыря Викарію Подольской Епархіи, Епископу Винницкому.

деміями и приготовленію образуемаго въ нихъ юношества къ достойному прохожденію священнаго сана, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 1 ст., 1849, Апр. 3. По порученію Начальства обозрѣвалъ Семинаріи Псковскую, Могилевскую, Смоленскую и Тульскую, въ Іюнѣ и Іюлѣ того же года. Высочайше повелѣно ему быть Епископомъ новоучрежденной Самарской Епархіи, 1850, Дек. 10. Во вниманіе къ неусыпнымъ трудамъ о благоустройствѣ Самарской Епархіи и просвѣщенной заботѣ объ успѣшномъ назиданіи паствы, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 2 ст. большаго креста, 1856, Авг. 25. Высочайше повелѣно ему быть Епископомъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ, 1856, Ноября 3. Во вниманіе къ отлично-усердному служенію и ревностнымъ пастырскимъ трудамъ, Всемилостивѣйше пожалованъ въ санъ Архіепископа, 1858, Марта 31. Въ слѣдствіе представленія Конференціи С.-Петербургской Академіи., Св. Правит. Синодомъ утвержденъ въ званіи Почетнаго Члена Конференціи, 1859, Марта 8. Высочайше повелѣно ему быть Архіепископомъ Могилевскимъ, и Мстиславскимъ 1860 Авг. 29. По Высочайшему повелѣнію вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Правит. Синодѣ, 1862. Мая 8. Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія къ полезному и многотрудному служенію, всегда отличавшемуся примѣрнымъ самоотверженіемъ, любвеобильною дѣятельностію и непоколебимою преданностію Церкви, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, 1863, Марта 31. Въ ознаменованіе благодарнаго вниманія Его Величества къ отличной дѣятельности, Всемилостивѣйше пожалованъ алмазными знаками того же Императорскаго ордена 1868, Марта 31. Высочайшимъ рескриптомъ, 8 Апр., 1873, Всемилостивѣйше пожалованъ алмазнымъ крестомъ для поношенія на клобукѣ, въ знакъ особаго Монаршаго благоволенія за многолѣтнюю непрестанную благотворную для Церкви дѣятельность, почечительное, съ отеческою любовію и Христіянскою кротостію соединенное управленіе, за просвѣщенные труды въ назиданіи паствы и неослабную пастырскую ревность о благѣ ея, и вообще за достойное и отличное служеніе. [127]

---

[127] Послужной Списокъ за 1873 г. сообщенъ изъ Могилевской Дух. Консисторіи.

Филоѳей 1847—1849, въ мірѣ Тимоѳей Успенскій, сынъ Діякона Ярославской Епархіи. По окончаніи курса въ Московской Академіи, со степенью Магистра, былъ въ ней, съ 29 Августа 1832, Баккалавромъ Церковной Словесности. Въ томъ же году, 13 Ноября, постриженъ въ монашество; посвященъ во Іеродіякона 19 числа, на другой день во Іеромонаха. Въ 1833 г., 21 Іюня, сопричисленъ къ Соборнымъ Іеромонахамъ Ставропиг. Донскаго монастыря. 20 Іюля опредѣленъ Библіотекаремъ Академіи; 12 Октября поручено ему преподаваніе Герминевтики и Библейской Археологіи. Награжденъ набедренникомъ 1834, Іюня 5. Въ Іюлѣ 1836 обозрѣвалъ Семинаріи Тамбовскую и Пензенскую; въ 1838 Нижегородскую и Казанскую. Того же года, 8 Августа, опредѣленъ исправляющимъ должность Инспектора и Баккалавромъ Богословскихъ Наукъ въ С.-Петербскую Академію. Въ 1839, Мая 30, произведенъ въ санъ Архимандрита; 28 Августа утвержденъ въ должности Инспектора; 30 Октября сдѣланъ Членомъ Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры. За трехлѣтнюю отлично ревностную и полезную службу при С.-Петербургской Академіи, засвидѣтельствованную покойнымъ Митрополитомъ Серафимомъ и обозрѣвавшимъ Академію Преосвященнымъ Гавріиломъ, Архіепископомъ Рязанскимъ, преподано ему (дважды) благословеніе Св. Синода 1841, Августа 20, и Октября 6. Въ слѣдующемъ году, 24 Мая, утвержденъ въ званіи Ординарнаго Профессора Богослов. Наукъ; 1-го Іюля назначенъ Ректоромъ Харьковской Семинаріи, съ порученіемъ ему въ управленіе второкласснаго Куряжскаго Старохарьковскаго монастыря. Сентября 1-го перемѣщенъ въ Виѳанскую Семинарію, съ присвоеніемъ ему лично степени Настоятеля второкласснаго монастыря; Декабря 9 опредѣленъ Дѣйствительнымъ Членомъ Конференціи Московской Академіи и Членомъ Московскаго Комитета Дух. Цензуры. По Указу Св. Синода, отъ 24 Декабря, 1845, предоставлено ему управленіе Златоустовымъ монастыремъ. Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 2 ст., 1846, Апрѣля 17; въ Іюлѣ обозрѣвалъ Ярославскую Семинарію. переведенъ на должность Ректора въ Московскую Семинарію, 1847, Февраля 13, и на вакансію Настоятельскую въ Высокопетровскій монастырь 22 Мая. За отличное устройство Виѳанской Семинаріи во всѣхъ ея частяхъ, объявлено ему благословеніе Св. Синода, 29 Октября того же года. Въ 1849, Декабря 18, хиротонисанъ во Епископа Дмитровскаго, Викарія Московскаго, и былъ Настоятелемъ Саввино-Сторожевскаго монастыря. Всемилостивѣйше

пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-ой ст. Переведенъ на Епископскую каѳедру Костромской Епархіи 1853, Августа 19. Онъ участвовалъ при коронованіи нынѣ царствующаго Государя Императора, и въ тотъ же день Высочайше награжденъ панагіею, осыпанною драгоцѣнными камнями. Переведенъ въ Тверскую Епархію, 1857, Февраля 15. Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ 23 Апрѣля, 1861, возведенъ въ санъ Архіепископа. Въ 1869, Апрѣля 20, Всемилостивѣйше пожалованъ ему алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ, а въ нынѣшнемъ, 1874, году алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго.

Евгеній 1849—1857, въ мірѣ Макарій Дмитріевичъ Сахаровъ-Платоновъ, сынъ причетника Костромской Епархіи. По окончаніи научнаго образованія въ Московской Академіи, [128] былъ въ ней, съ 8 Августа 1838 Баккалавромъ Герминевтики; 29 Августа постриженъ въ монашество, 3—4 Сентября произведенъ во Іеродіякона и Іеромонаха. Награжденъ набедренникомъ, 5 Іюля, 1840. Въ слѣдующемъ году, 31 Іюля, поручено ему преподаваніе Патристики; 22 Сентября помѣщенъ въ число Соборныхъ Іеромонаховъ Александроневской Лавры. Въ 1842, Апрѣля 21, опредѣленъ Библіотекаремъ; въ Іюлѣ обозрѣвалъ Семинаріи Вятскую и Пермскую; съ 24 Сентября Инспекторъ Академіи; 10 Октября, по представленію обозрѣвавшаго Академію Митрополита Филарета, объявлено ему «за усердіе, способности и нравственный характеръ», благословеніе Св. Синода. Возведенъ въ санъ Архимандрита, 1843 Февраля 28, и на степень Экстраординарнаго Профессора Богословія Наукъ, Марта 21; въ Іюлѣ ревизовалъ Владимирскую Семинарію. Опредѣленъ Ректоромъ Виѳанской Семинаріи 1847, Февраля 13, и въ томъ же году, 10 Мая, Высочайше награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст.; 22 Мая Настоятель Златоустова монастыря.; съ 4 Іюля Членъ Комитета Духовной Цензуры и Дѣйствительный Членъ Академической Конференціи; съ 11 Декабря былъ Членомъ и внѣшняго Академическаго Правленія. Перемѣщенъ въ Московскую Семинарію Ректоромъ и на вакансію Настоятеля въ Высокопетровскій монастырь, 1849, Декабря 19—20. Того же мѣсяца 30

---

[128] Прибавочную фамилію онъ получилъ въ Московской Академіи, какъ лучшій студентъ и сынъ бѣднаго родителя, при чемъ дано ему и денежное вспоможеніе изъ процентовъ съ капитала Митрополита Платона. См. Исторію Троицкой Семинаріи, стр. 202.

числа опредѣленъ Членомъ Строительнаго Комитета по возобновленію Заиконоспасскихъ училищныхъ зданій. Съ 1853, Августа 31, Ректоръ Московской Академіи. Опредѣленіемъ Св. Синода, 16 Декабря, присвоена ему лично степень первокласснаго Архимандрита. Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Владимира 3 ст. 1855, Апрѣля 16. Въ Іюлѣ обозрѣвалъ Калужскую Семинарію съ находящимся при ней Училищемъ; въ 1857 Московскую. По докладу Св. Синода, Высочайше повелѣно ему быть Епископомъ Дмитровскимъ, Викаріемъ Московской Епархіи, 1857, Сентября 14; хиротонисанъ въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ Октября 6, и 10 числа переименованъ Настоятелемъ Саввино-Сторожевскаго монастыря; Высочайше утвержденъ въ званіи Директора Московскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, Ноября 10. Переведенъ, 13 Октября, 1858, на Епископскую каѳедру Симбирской Епархіи, которою управляетъ до нынѣ.

Сергій IV 1858—1859, въ мірѣ Николай Ляпидевскій, сынъ Протоіерея Іакова Коркодиновскаго, [129] родился въ г. Тулѣ при Богородице-Рождественской церкви. [30] Обучался въ Тульской Семинаріи съ 1836 по 1840, а потомъ въ Московской Академіи съ 1840 по 1844. Въ слѣдствіе прошенія его, предъ окончаніемъ Академическаго курса, постриженъ въ монашество, 1844, Іюня 24; рукоположенъ во Іеродіакона Іюля 20, во Іеромонаха Августа 6. По окончаніи курса, съ причисленіемъ къ первому разряду, опредѣленъ въ Московскую Академію Баккалавромъ по классу Нравственнаго и Пастырскаго Богословія, 30 Октября того же года. Возведенъ на степень Магистра, 1845, Октября 26, а Декабря 3 возложенъ на него Магистерскій крестъ. Въ 1847 г., 22 Іюня, награжденъ набедренникомъ; 26 Августа опредѣленъ Помощникомъ Библіотекаря. Въ 1848, Апрѣля 23, опредѣленъ Инспекторомъ Академіи, съ увольненіемъ отъ должности Помощника Библіотекаря. Членомъ Академической Конференціи и Комитета для Цензуры Духовныхъ Книгъ опредѣленъ Іюня 23—Августа 13. Причисленъ къ Соборнымъ Іеромонахамъ Ставропиг. Донскаго монастыря 1849, Апрѣля 18. Въ слѣдующемъ году, 15 Генваря, возве-

---

[129] Протоіереемъ былъ при Тульскомъ Каѳедральномъ Успенскомъ Соборѣ.

[130] Съ 1834 по 1836 г. обучался въ Виѳанской Семинаріи; жилъ у дяди, Профессора Словесности, Павла Стефановича Ляпидевскаго, нынѣ Московскаго Протоіерея Скорбященской, на Ордынкѣ, церкви.

день въ санъ Архимандрита, 1851, Марта 20, въ званіе Экстраординарнаго Профессора Богословскихъ Наукъ. Опредѣленъ Членомъ Редакціоннаго Комитета по изданію Твореній Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ, 1853, Февраля 16. Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст., въ 1855, Апрѣля 16. Опредѣленъ Ректоромъ и Профессоромъ Богословскихъ Наукъ Московской Академіи 1857, Октября 4. Съ принятіемъ Ректорской должности, вступилъ 10 Октября, въ должность Предсѣдателя Комитета по изданію Твореній Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. Опредѣленъ Настоятелемъ второкласснаго Высокопетровскаго монастыря, съ присвоеніемъ ему лично степени Настоятеля первокласснаго монастыря, 1858 Апрѣля 8. За отлично-усерную службу его, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 3 ст., 1859, Мая 2. По опредѣленію Св. Синода обозрѣвалъ Семинаріи съ находящимися при нихъ Училищами: Владимирскую 1850, Ярославскую и Костромскую 1856, Виѳанскую 1857 и Вологодскую 1854 и 1859. Перемѣщенъ на вакансію Настоятеля Ставропигіяльнаго Заиконоспасскаго монастыря, съ оставленіемъ на службѣ въ Академіи, 1859, Августа 8. Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Св. Синоду въ 3 день Декабря, 1860, Всемилостивѣйше повелѣно быть ему Епископомъ Курской Епархіи. Въ Епископа хиротонисанъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ Большомъ Соборѣ, въ 1 день новаго 1861 года. По прибытіи на Курскую паству, вступилъ въ должность Вицепрезидента Курскаго Тюремнаго Комитета, въ каковой должности Высочайше утвержденъ Марта 24. Объявлена ему Высочайшая Его Императорскаго Величества благодарность за заботы о духовноучебныхъ заведеніяхъ Курской Епархіи, 1866, Декабря 12. Сопричисленъ къ ордену Св. Анны 1 ст., 1867, Апрѣля 16.

Іоанникій II 1859—1861 г., въ мірѣ Иванъ Петровичъ Холуйскій, [131] сынъ причетника. По окончаніи курса во Владимирской Семинаріи со степенью Студента, поступилъ въ Спасо-Виѳанскій мон., 1824, Сент. 22. Постриженъ въ монашество 1827 г., Апрѣля 30, того же года, 15 Мая, посвященъ во Іеродіякона, и съ той поры до Іюля 1839 г. находился въ свитѣ Митрополита Московскаго, исправляя Иподіяконскую должность и за-

[131] Во Владимирской Губерніи, Вязниковскомъ Уѣздѣ, слобода Холуйская—родина его.

нимаясь обученіемъ малолѣтныхъ пѣвчихъ Чудовскаго Архіерейскаго хора Свящ. Исторіи, Катихизису и др. предметамъ. Переведенъ Иподіякономъ изъ Виѳанскаго въ Каѳедральный Чудовъ мон. 1828 г., Сент. 14. Въ слѣд. году, 2 Іюня, рукоположенъ во Іеромонаха, 6 числа сдѣланъ Ризничимъ, а 1830 г., Іюля 26 Экономомъ Чудова мон.; награжденъ набедренникомъ 1831 г., Апр. 25. Съ 1834, Марта 12 Намѣстникъ Чудова монастыря. 1837 г., Генваря 19, Членъ Комитета для разработки и приведенія въ порядокъ дѣлъ Архива Консисторскаго. Въ 1839 г., Апрѣля 22, награжденъ наперснымъ крестомъ; Іюня 15 посвященъ въ Архимандрита Златоустовскаго мон., съ оставленіемъ при немъ должности Намѣстника. Былъ Членомъ Комитетовъ: а) по возобновленію главъ на Архангельскомъ Соборѣ, съ 1840 г., Окт. 9; б) по устройству комнатъ въ Чудовомъ мон., для помѣщенія Архива Кансисторскаго, за что объявлена ему признательность Епарх. Начальства, 1843 года. Вторично получилъ признательность Начальства, въ 1844 г., Августа 7, за труды по возобновленію въ Чудовомъ мон. Благовѣщенской церкви. Съ 1845 г., Декабря 3, Настоятель Знаменскаго мон., что на Старомъ Государевомъ Дворѣ; 5 Декабря Членъ Консисторіи. Въ 1848, Апр. 25, Высочайше награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст. Будучи Настоятелемъ Богоявленскаго мон. съ 1851, Генв., 11, получилъ тотъ же орденъ съ Императорскою короною, 1854 г., Апрѣля 17. Отъ должности Намѣстника уволенъ въ Іюлѣ 1857 г. Переведенъ въ Высокопетровскій мон. 1859 г., Августа 10. Съ 1861 г., Марта 2, управляетъ Ставропигіяльнымъ Заиконоспасскимъ второкласснымъ монастыремъ.

Епископы:

Савва 1861—1866 г., въ мірѣ Иванъ Михайловичъ Тихомировъ, сынъ причетника. По окончаніи курса во Владимирской Семинаріи со степенью Студента, опредѣленъ Учителемъ перваго класса Муромскаго Приходскаго Училища, 1851 г., Декабря 11. Произведенъ во Священника къ Муромскому Богородицкому Собору, съ оставленіемъ при учительской должности, 1852 г., Генв. 25. Опредѣленъ Учителемъ по классу Катихизиса, Церковнаго Устава, Ариѳметики и Греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи Муромскаго Уѣзднаго Училища, 1843 г., Фев. 24. По вдовству и собственному желанію, поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ Моск. Академію. Постриженъ въ монашество 1 Окт. 1848 г., на 29 году отъ

рожденія. По окончаніи въ ней курса, опредѣленъ въ должность Синодальнаго Ризничаго, 1850 г., Августа 22. Возведенъ на степень Магистра и возложенъ на него Магистерскій крестъ 1851 г., Іюня 13—Іюля 23. Награжденъ набедренникомъ 1852, Мая 25. Возведенъ въ санъ Архимандрита 1855 г., Мая 15. Того же года, Декабря 10, избранъ въ Члены Соревнователи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Присутствовалъ при священномъ коронованіи Государя Императора, и награжденъ большою серебряною медалью, 1857 г. Генв. 8. За поднесеніе Его Величеству экземпляра составленнаго имъ «Указателя для обозрѣнія Московской Патріяршей Ризницы и Библіотеки», [132] награжденъ Высочайшимъ подаркомъ въ 429 р. сер. изъ Духовно-Учебныхъ капиталовъ, 1858 г., Окт. 23. Ту же книгу имѣлъ счастіе поднести Государынѣ Императрицѣ и другой экземпляръ Государю Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу, за что отъ имени Ея Величества и Его Высочества, чрезъ Митрополита Филарета, объявлена ему благодарность, Ноября 6 — 10. Состоя, съ 1859 г., Мая 18, Ректоромъ Московской Семинаріи и Профессоромъ Богословскихъ Наукъ, за то же сочиненіе удостоенъ Демидовской преміи въ 714 рублей, 27 Іюля. Избранъ Членомъ, Корреспондентомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, 22 Марта, 1860 г. Въ вознагражденіе полезныхъ трудовъ по Патріяршей Ризницѣ и Библіотекѣ, [133] по Указу Св. Синода, согласно съ ходатайствомъ Московской Синодальной Конторы, выданы ему 1000 рубл. сер., того же года, 18 Апрѣля. Въ 1861 г., Генв. 21, опредѣленъ Ректоромъ Моск. Академіи, Настоятелемъ Высокопетровскаго мон., 7 Марта, и Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ ордена Св. Анны 2 ст., 22 Апрѣля. Въ Іюлѣ 1861 и 1862 г. обозрѣвалъ Семинаріи Ярославскую и Владимирскую съ находящимися при нихъ Училищами. Въ

---

[132] Изданъ въ свѣтъ въ 1855 г.

[133] Въ должности Синодальнаго Ризничнаго онъ, по Указу Московской Синодальной Конторы, былъ членомъ Коммисіи по составленію новыхъ описей церковному имуществу Синодальной 12 Апостоловъ церкви и Патріяршей Ризницы, съ 16 Іюля и 16 Декабря 1853 г., и членомъ Комитета, учрежденнаго для разбора рукописей и книгъ Московской Синодальной Типографской Библіотеки, съ 25 Іюля, 1856 г. Кромѣ того, былъ съ 1857 г., Февраля 27, Членомъ ревизіоннаго Комитета для провѣрки ежегодныхъ отчетовъ въ штатной суммѣ по всѣмъ Ставропигіяльнымъ монастырямъ.

1862 г. въ монастырѣ Высокопетровскомъ назначено мѣстопребываніе Епископа Можайскаго, втораго Викарія Московскаго, и Архимандритъ сего монастыря Савва, Высочайше утвержденный Викаріемъ въ 14 день Октября, хиротонисанъ во Епископа въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ, Ноября 4. Въ Мартѣ 1863 г. назначенъ Предсѣдателемъ Моск. Комитета по разсмотрѣнію трудовъ С.-Петербугскаго Комитета относительно преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Въ Іюнѣ 1864 г. обозрѣвалъ Московскую Академію. Избранъ въ званіе Дѣйствительнаго Члена Моск. Археологическаго Общества, въ Октябрѣ того же года, и Древле-Русскаго Искуства, 2 Генв., 1865 г. Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Владимира 3 ст., того же года, 4 Апрѣля. Вторично обозрѣвалъ Моск. Академію 1866 г., въ Іюнѣ. По Высочайше утвержденному докладу Св. Синода, перемѣщенъ на Полоцкую Епископскую каѳедру, 1866 г., Іюня 17. Избранъ Почетнымъ Членомъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, Окт. 12. Избранъ Почетнымъ Членомъ Московскаго Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1866 г., Октября 15; Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Ноября 30. На основаніи Устава Общества Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, зачисленъ въ званіе Вице-Президента Комитета, 1866 г., Дек. 24. За неутомимые труды и попечительную заботливость о благоустройствѣ Епархіи и мѣстныхъ духовныхъ учрежденій, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 1-й ст., 1868 г. Марта 31. Избранъ Почетнымъ Членомъ Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, 1870 г., Фев. 3. Въ слѣдствіе ходатайства Предсѣдателя Общества возстановленія Православнаго Христіянства на Кавказѣ, по представленію Кавказскаго Комитета, Высочайше удостоенъ званія Дѣйствительнаго Члена (2 разряда) онаго Общества, съ присвоеніемъ особаго знака для ношенія, 1870 г., Окт. 17. Избранъ Почетнымъ Членомъ Московскаго Братства Св. Петра Митрополита, 1872 г., Дек. 12. За отлично-усердное служеніе, неутомимые труды по приведенію въ благоустройство ввѣренной ему возсоединенной паствы и постоянную заботливость объ окончательномъ сліяніи ея съ Древне-Православною, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ Императорскому ордену Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 2 ст. большаго креста, 1873 г., Апрѣля 8.

Игнатій 1866—1873 г., въ мірѣ Николай Дмитріевичъ Рож-

дественскій, сынъ Священника Георгіевской въ Москвѣ церкви. [135] Будучи Студентомъ Московской Академіи, постриженъ въ монашество 1850 г., Мая 21. Рукоположенъ въ Троицкомъ Соборѣ Сергіевой Лавры во Іеродіакона Мая 28, въ день Ангела; во Іеромонаха Іюня 29-го. По окончаніи, въ 1-мъ разрядѣ, опредѣленъ Инспекторомъ Московской Семинаріи и Учителемъ Словесности и Латинскаго языка въ низшемъ отдѣленіи, Декабря 13—29. Перемѣщенъ на классъ Свящ. Писанія въ высшемъ и Греческаго языка въ среднемъ отдѣленіи, 1851 г., Генв. 9. Возведенъ на степень Магистра и возложенъ на него Магистерскій крестъ Іюля 13—23, награжденъ набедренникомъ Окт. 28. Вмѣсто класса Греческаго языка, поручено ему преподаваніе Церковно-Библейской исторіи въ среднемъ отдѣленіи, 1852, Ноября 6. За ревностную службу причисленъ къ Соборнымъ Іеромонахамъ Ставропигіяльнаго Донскаго монастыря 1853. Посвященъ въ санъ Архимадрита 1855, Генв. 1. По случаю присутствованія при священномъ короноваціи и помазаніи на царство Государя Императора, пожалована ему серебряная медаль съ портретомъ Его Величества, 1857, Генваря 8. Опредѣленъ Ректоромъ и Профессоромъ Богословскихъ Наукъ въ Виѳанскую Семинарію, того же года, Окт. 25. По званію Ректора Семинаріи, поступилъ Членомъ въ Моск. Дух. Консисторію. Кромѣ того, былъ Членомъ Московскаго Комитета для Цензуры духовныхъ книгъ, [136] Конференціи и внѣшняго Правленія Академіи, съ 1858 г., Генв. 29. Всемилостивѣйше, 14 Апр., сопричисленъ къ ордену Св. Анны 3 ст. Съ 1859 г., Авг. 7. Настоятель Знаменскаго мон. Перемѣщенъ на должность Ректора въ Москов Семинарію. 1861 г., Генваря 10. За оказанное имъ при годичныхъ испытаніяхъ воспитанниковъ 2 Московскаго и Александровскаго Сиротскаго Кадетскихъ Корпусовъ, участіе въ дѣлѣ духовнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей, объявлена ему благодарность отъ Его Император-

---

[135] Бывшій Георгіевскій монастырь. Родитель скончался въ Августѣ 1848 года, мать Анна Иродіоновна въ прошломъ году. За дѣдомъ, Иродіономъ Степановичемъ Сергіевскимъ, была родная сестра Митрополита Филарета, Ольга Михайловна.

[136] Онъ цензировалъ Слова и Рѣчи Митрополита Филарета, ч. 3, изд. 1861 г. Владыка подарилъ ему экземпляръ этой книги съ слѣдующею на концѣ ея надписью: «Предлагающій ученіе отдаетъ себя на судъ слушающему: но для слушающаго ученіе полезнѣе судить себя, нежели учащаго. Генваря 22, 1862 года.»

скаго Высочества, Великаго Князя Михаила Николаевича, Главнаго Начальника Военно-учебныхъ заведеній, 1862 г., Іюля 11. Назначенъ Настоятелемъ Богоявленскаго второкласснаго мон. 1863 г., Окт. 25. По случаю празднованія 50-лѣтія Москов. Семинаріи, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 2 ст., Императорскою короною украшенному, 1864 г., Окт. 29; преподана ему Высочайшая благодарность и благословеніе Св. Синода за изъявленную готовность ежегодно жертвовать 150 р. сер. изъ неокладныхъ суммъ ввѣреннаго его управленію Богоявленскаго мон. въ пользу бѣдныхъ учениковъ Семинаріи, 1866 г., Іюля 18. Высочайше утвержденъ Епископомъ Можайскимъ, Викаріемъ Московскимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ ему въ управленіе Высокопетровскій мон., того же года, Іюля 26; хиротонисанъ во Епископа Можайскаго въ Успенскомъ Соборѣ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, Авг. 7. Объявлена ему благодарность Митр. Филарета за трудъ дѣятельнаго посѣщенія и внимательное обозрѣніе церквей и служеніе, 1867 г., Сент. 10. Въ Іюнѣ 1868 обозрѣвалъ Моск. Академію, а въ Ноябрѣ поручено ему завѣдываніе дѣлами Правленій Московской и Виѳанской Семинарій и Духовныхъ Училищъ. Награжденъ орденомъ Св. Владимира 3 ст., 1869 г., Апр. 20, и того же года, Сентября 10, избранъ Почетнымъ Членомъ Моск. Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія. Опредѣленіемъ Св. Синода, Высочайше утвержденнымъ 30 Генв., 1871 года, поручено ему исправленіе обязанностей Его Высокопреосвященства, Митрополита Московскаго, Иннокентія, по званію Члена Моск. Синодальной Конторы, на время присутствованія Его Высокопреосвященства въ Синодѣ. Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 1 ст., 1872, Апр. 16; Указомъ Св. Синода, отъ 6 Іюня, 1873 г., помѣщеніе для Епископа Можайскаго назначено въ Богоявленскомъ мон., съ предоставленіемъ сего монастыря въ его управленіе.

Архимандритъ

Григорій съ 1873 года, въ мірѣ Иванъ Воиновъ, сынъ Московскаго Протоіерея Іоанно-Воинской церкви, что у Калужскихъ воротъ, Іоанна Борзецовскаго. Будучи Студентомъ Московской Академіи, постриженъ въ монашество 1857 г., Марта 3; [137] рукоположенъ во Іеродіакона 10 Марта, во Іеромонаха уже по-

[137] Постригалъ Высокопетровскій Архимандритъ Евгеній.

окончаніи курса наукъ, 1858 г., Іюня 20. Съ 9 Сентября преподавалъ въ Виѳанской Семинаріи Св. Писаніе въ высшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ, Герменевтику въ среднемъ и Греческій языкъ въ высшемъ. Въ 1859 г., Марта 5, опредѣленъ Помощникомъ Инспектора и Членомъ Семинарскаго Правленія; Марта 21 возложенъ на него Магистерскій крестъ. Опредѣленъ Инспекторомъ Вологодской Семинаріи и Профессоромъ Богословскихъ Наукъ 1860 г., Генваря 8, награжденъ набедренникомъ Мая 8. Въ 1862 г., Генв. 18, помѣщенъ въ число Соборныхъ Іеромонаховъ Ставропиг. Донскаго монаст., 12 Февраля утвержденъ Инспекторомъ Виѳанской Семинаріи и Профессоромъ Свящ. Писанія и Греческаго языка въ высшемъ отд., а 6 Сентября, вмѣсто Греческаго языка, поручено ему преподаваніе Катихизиса и ученія о богослужебныхъ книгахъ въ низшемъ отдѣленіи. Въ 1863 г., Окт. 16, перемѣщенъ въ Московскую Семинарію на должность Инспектора и Профессора по классу Св. Писанія въ высшемъ отд. По порученію Начальства, обозрѣвалъ Перервинскія Дух. Училища, въ Іюнѣ 1864 г. Возведенъ въ санъ Архимандрита, на Троицкомъ подворьѣ, того же года, Августа 6. По случаю празднованія 50-лѣтія Московской Семинаріи, преподано ему, 27 Октября, благословеніе Св. Синода. За труды по обозрѣнію Коломенскихъ Дух. Училищъ, объявлена ему благодарность Московскаго Семинарскаго Правленія, 1866 г., 26 Сент. Опредѣленъ Настоятелемъ третьеклассnаго Златоустовскаго мон., съ увольненіемъ отъ духовно-училищной службы по разстроенному здоровью, 1867 г., Мая 11. Избранъ Дѣйствительнымъ Членомъ Московскаго Общества Люб. Дух. Просвѣщенія, Окт. 16; опредѣленъ въ Члены Консисторіи Ноября 17. Высочайше пожалованъ орденомъ Св. Анны 3 ст., въ 12 день Апрѣля, 1870 г. За пожертвованіе денегъ изъ неокладныхъ суммъ ввѣреннаго его управленію монастыря на устройство Дома Призрѣнія бѣдныхъ изъ духовенства въ селѣ Островѣ, изъявлена ему благодарность Московскаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, 22 Декабря, 1870 г., и преподано благословеніе Св. Синода 1872 г., Апр. 11. Съ 5 Генваря, 1873 г., исправляетъ должность Благочиннаго необщежительныхъ монастырей. По засвидѣтельствованію Св. Синода объ отлично-усердной службѣ его, Всемилостивѣйше, Апр. 8, сопричисленъ къ ордену Св. Анны 2 ст., а 13 Іюля переведенъ Настоятелемъ въ Высокопетровскій второклассный монастырь.

Архимандритъ Григорій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Выписка изъ расходной монастырской книги 1701 года.

Того жъ Декабря въ розныхъ числехъ приходили въ Петровской высокой монастырь ко Архимандриту Іоасафу Христа славить:

Большаго Успенского Собору Протопопъ з братіею, дано имъ рубль.

Того жъ Собору предѣльнымъ Петра Митрополита Священникомъ съ причетники 6 ал. 4 д. [1]

Великого Государя Уставщику [2] Степану Иванову рубль, да пѣвчимъ два рубли.

Да людемъ ихъ, которые съ ними были, 5 ал.

Государыни Царевны Татіяны Михайловны [3] крестовымъ [4] 8 ал. две д.

Государыны Царицы Марѳы Матвѣевны [5] пѣвчимъ 10 ал.

Государыни Царевны Наталіи Алексѣевны [6] пѣвчимъ 16 ал. 4 д.

Отъ Стретенія сверху [7] Священникомъ 4 ал.

Патріаршимъ:

Ризничему рубль.

Крестовымъ Священникомъ и Дьякономъ четыремъ человѣкомъ 16 ал. 4 д.

Келейникомъ монахомъ дву человѣкомъ 16 ал. 4 д.

Подьякономъ, пѣвчимъ и Подьякомъ [8] рубль 16 ал. 4 д.

---

[1] Въ Петропавловскомъ придѣльномъ храмѣ Успенскаго Собора почиваютъ Св. мощи Петра Митрополита.

[2] Уставщикъ завѣдывалъ порядкомъ въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ.

[3] Покойной, скончавшейся 1698 г. Это дочь Царя Михаила Ѳеодоровича.

[4] Священникамъ при крестовой или домовой церкви.

[5] Вторая жена Царя Ѳеодора Алексѣевича, ум. 1715 г.

[6] Сестра Петра I, скончалась 1716. г.

[7] Соборъ Срѣтенія Господня, что во Дворцѣ, разобранъ въ 1801 г.

[8] Подъякъ церковный причетникъ, ниже Дьяка, не то Дьячекъ.

Истопникомъ четыремъ человѣкомъ 6 ал. 4 д.

Успенскаго Большаго Собору Пономарямъ 3 ал. 2 д.

Соборнымъ сторожамъ 5 ал.

Сибирского Митрополита [9] пѣвчимъ и Подьякомъ 8 ал. 2 д.

Крутицкого Митрополита [10] пѣвчимъ и Подьякомъ 16 ал. 4 д.

Боярина Льва Кириловича [11] рубль пѣвчимъ.

Думного [12] Артамона Ивановича Иванова крестовому Священнику съ причетники 6 ал. 4 д.

Дьяка [13] Никиты Пояркова дѣтемъ 8 ал. 2 д.

Кадашевскимъ Священникомъ [14] съ причетники 5 ал.

Петровского Высокого монастыря Священникомъ и Дьякомъ рубль.

Да они жъ славили въ казенной келье, [15] дано имъ 5 ал.

Села Преображенскаго [16] Священнику Алексѣю съ причетники 6 ал. 4 д.

II.

Духовное завѣщаніе Преосвященнаго Сильвестра, бывшаго Епископа Крутицкаго, скончавшагося на покоѣ въ Спасо-Андроникомъ монастырѣ, 19 Октября, 1802 года. [17]

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Понеже, по Высокомонаршему благоволенію, имѣемъ мы полное надъ своимъ имѣніемъ властительство, относительно къ отказу онаго по кончинѣ нашей, кому, или куда, что при жизни разсудится: [18] то,

---

[9] Св. Димитрій Туптало, переведенъ въ Ростовъ 1702 г., Генваря 4.

[10] Трифилій покойный, скончался въ 1701 г., Іюня 28.

[11] Нарышкина, дяди Петра I.

[12] Думный Дворянинъ, младшій членъ Царской Думы, засѣдывавшій ниже Бояръ и Окольничихъ.

[13] Дьякъ, письмоводецъ, былъ Думный Дьякъ.

[14] Воскресенской, въ Кадашевѣ, церкви, за Москвой рѣкой.

[15] Въ кельѣ Казначея.

[16] Подмосковное, по коему названъ полкъ Преображенскій. Въ этомъ селѣ проводилъ время юный Петръ I, обновитель Петровскаго монастыря, гдѣ похоронены его родственники Нарышкины.

[17] Копія съ завѣщанія найдена въ Архивѣ Московской Духовной Консисторіи.

[18] Св. Зак. т. 9. Зак. сост. 267.

памятуя неизбѣжный рокъ смерти, а имѣя достовѣрное оной предвозвѣстіе, параличную немощь, судилъ завремянно остатки моего имущества, за уничтоженіемъ прочихъ излишествъ, распорядить слѣдующимъ краткимъ завѣщаніемъ:

1.

1. Книги, главное мое имущество, Латинскіе и Греческіе, и вообще школьныя, отказываю Его Преосвященству сей Епархіи Митрополиту, [19] по резону, что въ вѣдомствѣ его имѣются въ разныхъ мѣстахъ дѣтскія училища, для употребленія оныхъ гдѣ и какія по его благоразсмотренію потребны будутъ въ пользу учащихся. Россійскія жъ церковной и гражданской печати книги въ сей монастырь, въ пользу преемниковъ по мнѣ настоятельства и братіи, равно какъ и для молитвеннаго о мнѣ поминовенія. [20]

2. Другое мое имущество, духовные картины, оставляю въ семъ же монастырѣ на всегдашнее время.

3. Крестъ серебряной съ распятіемъ позолоченой [21] въ монастырскую ризницу. О прочемъ, что и кому къ отказу слѣдуетъ, подъ № 2-мъ значится. [22]

4. Денегъ на похороны отлагаю самонужное число, двѣсти рублей, изъ коихъ, ежели будетъ при отправленіи погребенія Архіерейская особа, за труды ему 50 р., и при томъ панагіа съ изображеніемъ нерукотвореннаго Спасителева образа на прозрачномъ камнѣ. [23] Двумъ Архимандритамъ по 25-ти рублей, на пѣвчихъ Архіерейскихъ съ Подьяки [24] и прочихъ при немъ 25 р., служителямъ за

---

[19] Платону.

[20] Оставшаяся послѣ него значительная библіотека по всѣмъ отраслямъ знанія раздѣлена Митрополитомъ Платономъ, согласно завѣщанію покойнаго, между монастыремъ Андрониковымъ и Семинаріями: монастырь получилъ 83 экземпляра книгъ, а въ Семинаріи отправлено 426 экземпляровъ.

[21] Крестъ Архимандричій, съ камнями на рогахъ.

[22] Ниже, во 2 отдѣлѣ завѣщанія.

[23] Андроникова основанъ во имя Всемилостиваго Спаса, въ честь нерукотвореннаго его образа.

[24] Лампадщикъ, книгодержецъ, посошникъ.

могилу 15 р., братіи на столъ 10 р., на нищихъ, при похоронахъ обыкновенно случающихся, 10 р., на прочія мелочныя потребности, каковыя обыкновенно при похоронахъ случаются, 40 р.

5. Буде жъ бы, сверхъ прописанныхъ, остались еще какіе изъ моихъ деньги, оные употребить на содержаніе бывыхъ при кельи моей во услуженіи, и на другія потребности, какіе встрѣчатся, по разсужденію Казначея, [25] или кому приказанъ будетъ похоронной обрядъ отъ Конторы Святѣйшаго Синода.

6. Чрезъ кого жъ погребсти тѣло, ничего предзначить не могу, какъ о обстоятельствѣ, зависящемъ отъ разсужденія живыхъ; а желательно, чтобъ въ томъ трудъ возъимѣли Его Преосвященство здѣшней Митрополіи Викарій, [26] Отецъ Архимандритъ Симоновскій, [27] и Отецъ Архимандритъ Высокопетровскій, [28] коихъ и прошу покорно передать земли, отъ нея взятое.

Въ прочемъ усердно прошу, 1) чтобъ погребсти не въ иномъ одѣяніи, какъ которое мною изготовлено, [29] коимъ образомъ и предки наши того жъ званія были погребаемы. 2) Не индѣ, какъ въ устроенномъ мною предъ церковію Знаменія Пресвятыя Богородицы мѣстѣ въ палаткѣ, гдѣ и надпись мною изготовленную велѣть на стѣнѣ прибить, единственно для молитвеннаго мнѣ пособія отъ вхолящихъ на молитвословіе церковное. [30]

2.

Касательно прочей собственности моей отказывается слѣдующее:

1. Часы карманные позолоченые съ переворотною на ней страстей Христовыхъ штукою Отцу Архимандриту Новоспасскому. [31]

2. Секретарю Ивану Петровичу [32] купленной мною домъ у бы-

---

[25] Казначей монастыря Іеромонахъ Виталій.

[26] Преосв. Серафимъ, въ 1819 г. Митрополитъ Московскій.

[27] Іоаннъ Терликовъ.

[28] Іоанникій I.

[29] Архіерейское облаченіе.

[30] Онъ еще при жизни написалъ себѣ эпитафію, которая помѣщена въ «Историческомъ описаніи Спасо-Андроникова монастыря», стр. 69.

[31] Варлаамъ Головинъ, Членъ Святѣйшаго Синода Конторы, скончался 1811 г., Марта 20.

[32] Домашній вольнонаемный Секретарь Преосв. Сильвестра.

ваго штатнаго [33] служителя Алексѣя Батарина, коему и купчую отдать.

3. Находившемуся при мнѣ во услуженіи долговременно и безпорочно, Подъячему [34] Павлу Александрову, книги и рисовальные куншты, [35] на ево имя надписанные, за моею печатью; футляръ большой съ математическими инструментами и другими при томъ самонужными вещами, въ коемъ и опись всему подробная имѣется подъ моею печатью. Приборъ къ изобрѣтенію на каждомъ мѣстѣ меридіана, какъ то: вартерпасъ [36] и циркуль Англинской работы, магнитъ и прочіе мелочи, до того принадлежащіе. [37] Часы серебреные малые съ трехгранною на цѣпочкѣ печатью. Подголовокъ и сундукъ съ разными сортами лаковъ, и при томъ сто рублей денегъ.

4. Изъ платья лучшее Отцу Казначею съ Духовникомъ, изъ коихъ послѣднему и постеля съ приборомъ, а расхожее исправлявшимъ при кельи моей церковное славословіе послушникамъ, и кому что еще разсудится по разсмотрѣнію Казначея съ Духовникомъ. 1802 года Іюля 12 дня.

III.

Письмо Высокопетровскаго Архимандрита Никанора 38 къ Ректору Московской Семинаріи Архимандриту Феоктисту. [39]

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Ректоръ и Архимандритъ,
Милостивый Государь!

Въ слѣдствіе резолюціи Его Высокопреосвященства касательно Петровскихъ зданій, [40] честь имѣю симъ сообщить Вамъ, что монастырь не находитъ съ своей стороны никакого препятствія отдать

---

[33] Монастырскаго

[34] Монастырскому.

[35] Гравированныя картины.

[36] Вартерпасъ.

[37] Преосвященный любилъ заниматься физическими опытами, и чрезъ нихъ повредилъ себѣ лицо.

[38] Собственноручное, найдено въ Архивѣ Московской Духовной Семинаріи.

[39] Феоктистъ Орловскій, скончался въ 1829 г. въ санѣ Архимандрита Владимирскаго Боголюбова монастыря.

[40] Резолюція Архіепископа Филарета, 29 Марта, 1822 г.: «Касательно Петров-

подъ училища, какъ неосвященную церковь, [41] съ принадлежащими къ ней покоями, въ которыхъ жилъ покойный О. А. Ивановичь, [42] такъ и мѣсто, занимаемое нынѣ конюшнею монастырскою. Но какъ подъ церковію Преподобнаго Сергія находятся подвалы и погреба, съ которыхъ монастырь получаетъ значительный доходъ, то, дабы не стѣснить проѣзда къ онымъ, и тѣмъ не отдалить отъ себя нанимающихъ, необходимо нужно предоставить монастырю то мѣсто, которое теперь лежитъ праздно между церковію и конюшнею.

Что жъ касается до конюшни, то по плану, здѣланному для построенія ограды и лавокъ, предположено построить ее за Настоятельскими покоями. Мѣсто тѣсновато, но выгоднѣе его нѣтъ по монастырю.

Вотъ мое мнѣніе, каковое могъ составить изъ соображенія мѣстныхъ обстоятельствъ и выгодъ монастыря.

Съ истиннымъ моимъ почитаніемъ честь имѣю быть,

Вашего Высокопреподобія,

Милостиваго Государя,

покорнѣйшій слуга

Высокопетровскій А. Никаноръ.

Апр. 18,
1822.
Виѳанія.

скихъ зданій Ректору снестись съ Настоятелемъ, не представится ли препятствія со стороны монастыря, или инаго, болѣе удобнаго, помѣщенія?» Требовалось новое помѣщеніе для Заиконоспасскихъ Училищъ, по случаю переведенія въ Заиконоспасскій монастырь изъ Перервы Московской Семинаріи.

[41] Церковь Преподобнаго Пахомія Великаго, построена «на заднихъ вратахъ, по Указу Святѣйшаго Синода отъ 13 Марта, 1753 г., при Архимандритѣ Пахоміѣ. Послѣ нашествія Французовъ она оставалась не освященною.

[42] Церковь и покои, гдѣ жилъ Отецъ Архимандритъ Ивановичь (поселился еще до 1812 г., но не былъ Настоятелемъ), требовались, сверхъ занимаемыхъ уже въ монастырѣ классами Заиконоспасскаго Уѣзднаго Училища и Смотрительскими покоями комнатъ.

IV.

донесеніе Святѣйшему Синоду Филарета, Митрополита Московскаго.

На открывшуюся кончиною Московскаго второклассnаго Спасоандроньева монастыря Архимандрита Гермогена вакансію Настоятеля сего монастыря, достойными къ перемѣщенію кандидатами усматриваются: первый, Благочинный Московскихъ монастырей, второклассnаго Высокопетровскаго монастыря Архимандритъ Гавріилъ, и второй, второклассnаго Богоявленскаго монастыря Архимандритъ, Академіи Ректоръ, Евсевій.

При семъ благопопечительному вниманію и благоусмотрѣнію С. Синода обязываюсь представить, что Андроніевъ монастырь имѣетъ нужду въ наличномъ Настоятелѣ: во первыхъ, по тому, что въ немъ иногда полагаются усопшіе, и тѣмъ доставляется ему пособіе, но къ сему обыватели охотнѣе располагаются тогда, когда личнымъ присутствіемъ Настоятеля почитаютъ вѣрнѣе обезпеченнымъ точное совершеніе церковныхъ поминовеній; во вторыхъ, по тому, что въ семъ монастырѣ открывается потребность исправленія значительныхъ ветхостей, и особенно предстоитъ немалоцѣнная перестройка тѣсной и ветшающей около Соборной церкви галереи. Архимандритъ Гавріилъ, по службѣ прежде въ Знаменскомъ, а потомъ въ Высокопетровскомъ монастыряхъ, опытомъ доказалъ свою хозяйственную распорядительность, выведшую сіи монастыри изъ затрудненій, безъ обремененія Начальства испрошеніемъ пособій отъ казны.

Естьли бы Св. Синоду благоугодно было перевесть Архимандрита Гавріила въ Андроніевъ монастырь: на сей случай къ занятію вакансіи Настоятеля въ Петровскомъ монастырѣ усматриваются достойными: первый, Богоявленскій Архимандритъ, Академіи Ректоръ, Евсевій; вторый, третьеклассnаго Знаменскаго монастыря Архимандритъ Митрофанъ.

При семъ долгомъ поставляю изъяснить, что перемѣщеніе Архимандрита Евсевія, жительствующаго въ Лаврѣ, при Академіи, въ Петровскій монастырь, представляетъ ту сообразность съ обстоятельствами монастырей, что Высокопетровскій, нѣсколько лѣтъ имѣвшій наличнаго Настоятеля, удобнѣе можетъ на нѣкоторое время быть предоставленъ отсутствующему, а Богоявленскій, нѣсколько лѣтъ управляемый отсутствующимъ Настоятелемъ, имѣетъ нужду получить на-

личнаго, для употребленія ближайшаго и непрерывнаго дѣйствованія къ его благоустройству.

Пріемля же въ разсужденіе службу и достоинство Архимандрита Евсевія, и то, что ему, какъ Ректору Академіи, приличествуетъ старшинство предъ Ректоромъ Семинаріи, занимающимъ первое мѣсто между второклассными Архимандритами, справедливымъ признаю представить на благоусмотреніе Св. Синода, не благоугодно ли Архимандриту Евсевію предоставить лично степень Архимандрита первокласснаго.

На случай соизволенія Св. Синода перемѣстить Архимандрита Евсевія въ Высокопетровскій, на вакансію Настоятеля Богоявленскаго монастыря достойные кандидаты суть: первый, третьекласснаго Знаменскаго монастыря Архимандритъ Митрофанъ, вторый, третьекласснаго же Златоустова монастыря Архимандритъ Іоанникій.

Донося о семъ Святѣйшему Синоду, съ приложеніемъ послужныхъ списковъ, благопочтеннѣйше испрашиваю въ разрѣшеніе Указа.

Вашего Святѣйшества, и проч.

Филаретъ М. Московскій.

№ 377.

21 Августа, 1845.

V.

Письмо ко мнѣ моего товарища и друга, отъ 18 Марта, 1858 г.

Усерднѣйше благодарю Васъ, достолюбезнѣйшій Отецъ Григорій, за Ваше благорасположеніе ко мнѣ, покоторому Вы не преминули быть при моемъ рупоположеніи. [43] Я вполнѣ увѣренъ, что не праздное любопытство, а искреннее сочувствіе ко мнѣ, привлекло Васъ туда, гдѣ совершалось мое посвященіе. Вамъ, какъ возлюбленному брату о Господѣ, всегда готовому радоваться моей радости, я передамъ все, что происходило со мной на сихъ дняхъ.

---

[43] Во Іеродіякона. Былъ тогда Студентомъ Академіи.

Отъ Преосвященнаго Викарія, [44] у котораго мы видѣлись, я отправился на Троицкое подворье, и когда Владыка [45] возвратился изъ Чудова монастыря домой, я, вмѣстѣ съ моимъ родителемъ, [46] благодарили Его Высокопреосвященство за Архипастырскую его милость. Владыка, преподавъ мнѣ благословеніе, спросилъ меня (зная напередъ, что я живу у его Економа, по тому что на канунѣ Вербнаго Воскресенья, во время всенощной, я читалъ, въ его крестовой церкви, шестопсаліе и 1-й часъ, и удостоился изъ его рукъ получить вербу), «Хочешь ли побыть здѣсь?» Я отвѣчалъ: «Какъ благоугодно будетъ Вашему Высокопреосвященству.»—«Служи завтра здѣсь», былъ отвѣтъ Владыки. Такимъ образомъ первую утреню и литургію Богъ привелъ мнѣ отслужить въ присутствіи Владыки, съ О. Економомъ, подъ руководствомъ О. Нестора Протодіякона. [47] На другой день послѣ обѣдни я лично представлялся Владыкѣ. Онъ спросилъ меня о томъ, гдѣ я буду жить, до возвращенія въ Академію, и нашелъ неудобнымъ для монаха, недавно постриженнаго, жить въ мірскомъ домѣ, хотя и родительскомъ, и совѣтовалъ имѣть постоянное пребываніе или на его подворьѣ, или въ какомъ либо монастырѣ, у знакомаго Настоятеля; дозволилъ, впрочемъ, бывать и дома, и служить, когда мнѣ будетъ угодно, съ моимъ родителемъ. Послѣ этого распоряженія далъ мнѣ «Поученія Аввы Дороѳея», сказавъ: «Вотъ тебѣ монашеская книга». За тѣмъ снялъ съ своей руки четки и, давъ мнѣ, сказалъ: «Вотъ тебѣ Іерусалимскія четки мои: поминай меня въ молитвахъ своихъ»; потомъ снялъ съ себя поясъ и, подавъ мнѣ; сказалъ: «Возми и поясъ мой, и донашивай его послѣ меня.» За тѣмъ благословилъ меня, и я отъ него отправился къ О. Леониду, [48] который преложилъ мнѣ жить вмѣстѣ съ нимъ, въ его Ректорскихъ покояхъ, въ Семинаріи. Не знаю, когда найду свободное время побывать у Васъ, а во всякомъ случаѣ постараюсь. Впрочемъ, прошу Васъ, не медля увѣдомить меня на сихъ дняхъ письмомъ (которое адресуйте въ Моск. Семинарію) о томъ, въ какіе часы намъ должно будетъ отправляться въ среду Св. седмицы въ Академію. Касательно экипажа и лошадей, по моему, всего лучше и удобнѣе распорядиться

---

[44] Викарій Московскій Евгеній, нынѣ Епископъ Симбирскій.

[45] Митрополитъ Филаретъ.

[46] Священникъ Московскій.

[47] Іеродіякона.

[48] Нынѣ Преосвященный Викарій Московскій.

такъ: мой батюшка наймет извощика, и назначитъ ему время, въ которое онъ долженъ явиться въ Матросскую Богадѣльню; я въ среду пріѣду домой по утру, или во вторникъ вечеромъ. Вы потрудитесь пріѣхать ко мнѣ, и отправимся чрезъ Сокольничью заставу, которая недалеко отъ дома моего родителя. Заѣзжать же за Вами, или съ Вами за мной, не согласится извощикъ и за порядочную плату. Если Вы на это согласны, назначьте часъ Вашего ко мнѣ пріѣзда; если нѣтъ, дайте Ваше мнѣніе. За симъ прощайте: желаю Вамъ въ радости и мирѣ встрѣтить наступающій праздникъ и прошу Вашихъ молитвъ о мнѣ.

Преданный Вамъ

Іеродіаконъ Корнилій. [49]

Архимандритъ Григорій

---

[49] **Нынѣ Архимандритъ и Ректоръ К—ой Семинаріи.**

НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ВЪ

МОСКОВСКОМЪ ВЫСОКОПЕТРОВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Въ 1771 году, въ видахъ прекращенія чумы въ Москвѣ, обращено было вниманіе, между прочимъ, на мѣста погребенія. Указомъ Правительствующаго Сената, 24-го Марта, для погребенія умершихъ отъ заразительной болѣзни отведены особыя загородныя мѣста, а для погребенія умершихъ отъ обыкновенныхъ болѣзней, или, какъ въ Указѣ сказано, «натуральною смертью», назначены отдаленныя отъ среды города церкви и монастыри, именно для лицъ мужскаго пола: Новоспасскій, Донской, Андрониковъ, а для женскаго пола Новодѣвичій; Симоновъ же, Даниловъ и Покровскій монастыри заняты были карантинами, или больницами, для зараженныхъ язвой. При прочихъ церквахъ и монастыряхъ похоронять совсѣмъ запрещено. [1]

О лицахъ, погребавшихся въ Высокопетровскомъ монастырѣ до 1771 года, печатныя свѣдѣнія слишкомъ скудны. Въ «Путеводителѣ къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ», 1792 г., говорится, что въ Боголюбской церкви такого-то монастыря изъ фамиліи Г. Нарышкиныхъ погребены такія-то лица и тогда-то, при чемъ дни кончины выдаются за дни погребенія, да и не всѣ лица исчислены (не болѣе 13). За исключеніемъ потомъ сочиненія И. З. Крылова, изданнаго въ 1841 г. подъ заглавіемъ: «Достопамятныя могилы въ Московскомъ Высокопетровскомъ монастырѣ», мы не встрѣчаемъ въ нашей письменности [2] ничего другого

---

[1] «О Московскихъ городскихъ кладбищахъ», Н. П. Розанова, 1868, стр. 4. Сочинитель Исторіи Росс. Іерархіи, въ V части, стр. 532 несправедливо утверждаетъ, что Архимандритъ Высокопетровскій Сильвестръ погребенъ въ семъ монастырѣ Нѣтъ, онъ скончался въ 1775 г.

[2] Ни въ Древней Россійской Вивліотикѣ Новикова, ни у Троминина въ «Достопамятностяхъ Москвы», изд. 1845.

въ этомъ родѣ. Къ брошюрѣ Г. Крылова, состоящей изъ 32 страницъ и довольно рѣдкой нынѣ, приложенъ рисунокъ каменныхъ гробницъ въ Боголюбской монастырской церкви, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ церковной трапезы въ три ряда. Надписи на этихъ гробницахъ показываютъ, что на одной сторонѣ погребены лица мужскаго пола, на другой, лѣвой—женскаго пола, и все, родные Петра Великаго по матери его, Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ—Нарышкины. [3] Въ названной книжечкѣ сообщены объ нихъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, чѣмъ преимущественно задался сочинитель; надписи, изсѣченныя на памятникахъ, напечатаны краткія, и то не всѣ и со многими ошибками. Упоминается, что одинъ изъ Нарышкиныхъ погребенъ около храма Боголюбскаго, а о прочихъ лицахъ этой фамиліи, погребенныхъ въ томъ же монастырѣ, внѣ Боголюбской церкви, Г. Крыловъ совсѣмъ умалчиваетъ. Не одни при томъ Нарышкины въ монастырѣ погребались, а и другія достопамятныя фамиліи, о коихъ извѣстно также изъ надписей на ихъ могильныхъ памятникахъ, но и объ нихъ ничего не говоритъ онъ. Книжечка его не дѣлаетъ, сдѣдовательно, излишнимъ нашъ трудъ по приведенію въ извѣстность всѣхъ надгробныхъ памятниковъ, существующихъ въ настоящее время въ Высокопетровскомъ монастырѣ, частію и прежде существовавшихъ, въ XVIII вѣкѣ.

Жаль, что и на уцѣлѣвшихъ памятникахъ не всѣ надписи сохранились. Французы въ 1812 г. истребили надписи на 4 гробницахъ въ Боголюбской церкви, три изъ нихъ, на лѣвой женской сторонѣ. Кромѣ того, по свидѣтельству монастырской вѣдомости 1763 г., «по сторонамъ большаго крыльца и площадки соборной (Боголюбской) церкви придѣланы каменные, съ одной стороны: гробница длиною на 2 саж. и на 2¼ арш., шириною на 2 саж., покрыта лещедью; съ другой (лѣвой) стороны небольшой погребъ, покрытъ черепицей». Склепъ и теперь сохранился съ низменною дверью и двумя оконцами, у коихъ затворы и рѣшетки желѣзные. Надъ кровлей каменная глухая труба съ колпакомъ. Войдя внутрь зданія, имѣющаго видъ домика и достойнаго вниманія археологовъ, я увидѣлъ квадратной формы кладку изъ кирпича, мѣрой въ

[3] Мать Петра и сестры его покоятся въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, а родитель, Царь Алексѣй Михайловичъ, и братья, Ѳеодоръ и Іоаннъ—въ Архангельскомъ Соборѣ.

/4 саж., вышиною 1 1/2 арш. Кирпичъ, сложенный въ 8 рядовъ, на подобіе Русской простой печи, покрытъ сверху известковымъ камнемъ, выдающимся съ двухъ сторонъ, лицевой и правой боковой, и опирающимся на колонки. Цѣль подобнаго устройства, разумѣется, та, чтобы по обѣимъ сторонамъ, открытымъ для зрителя, образовать отдѣлы, въ родѣ квадратныхъ рамъ, по числу покойниковъ, должно быть изъ фамиліи Бояръ Нарышкиныхъ. На этихъ квадратцахъ были съ какой ни будь стороны надписи, не извѣстно когда утраченныя, и соединенныя гробницы, не болѣе трехъ, покрывались краснымъ или другого цвѣта сукномъ. Такъ мы полагаемъ.

Надъ могилами Господъ Нарышкиныхъ уцѣлѣли слѣдующія надписи:

I. Лѣта 7199 (1691), Апрѣля въ 30-й день, преставися рабъ Божій, боляринъ Кирила Полуехътовичь Нарышъкинъ, [4] і положенъ здѣ.

II. 1706 году, Іюня въ 2 день, преставися раба Божия, боларина Кирила Полуехтовича Нарышкина, жена ево, вдова болярыня Анна Леонтьевна. [5]

III. Лѣта 7190 (1682), Маия въ 15 день, убиенъ бысть рабъ Божіи, Стольникъ [6] Афанасей Кириловичь Нарышъкинъ.

IV. Лѣта 7190 (1682), Мая въ 15 день, убиенъ бысть [7] рабъ Божіи, боляринъ і Оружейничій [8] Іванъ Кириловичь Нарышкинъ.

V. Лѣта 7190 (1682), Августа въ 19 день, преставися раба Божия дѣвица Евъдокея Кириловна, дочь боляріна Кирила Полуехтовича Нарышкина.

VI. Лѣта 7199 (1691), Августа въ 1 день, преставися рабъ Божіи Кравъчей [9] Федоръ Кириловичь Нарышкинъ.

---

[4] Родитель Царицы Натальи Кирилловны и дѣдъ Петра Великаго.

[5] Бабка Петра Великаго.

[6] Стольникъ обязанъ былъ смотрѣть за Царскимъ столомъ. Комнатный Стольникъ отправлялъ сію должность во внутреннихъ комнатахъ Государя.

[7] Убитъ во время Стрѣлецкаго бунта, Мая 17, а не 15-го.

[8] Завѣдывалъ Оружейною Палатою.

[9] Кравчій завѣдывалъ напитками Царскаго стола.

VII. Лѣта 7205 (1697), Марта въ 4 дн., на память Преподобнаго Отца нашего Герасима, иже на Іордані, преставися рабъ Божіи боляринъ Мартиніанъ Кириловичь Нарышкинъ і погребенъ того жъ числа.

VIII. Лѣта 7199 (1691), Апрѣля въ 11 день, преставися раба Божия, боярина Мартеяна Кириловіча супруга его, бояроня Евдокея Васильевна.

IX. 1705 году, Генваря противъ 28-го числа, въ 4-мъ часу нощи, преставися рабъ Божіі боляринъ Левъ Кириловичь Нарышкинъ.

X. 1701 году, Августа противъ 2 числа, въ ночи въ 3 часу, на память Святаго Мученика Архидиакона Стеѳана, преставися раба Божия, болярина Льва Кириловича Нарышкина, жена ево бояроня Праскѣва Ѳедоровна.

XI. 1705 года, Октября въ 31 день, преставиза рабъ Божіі младенецъ Евгравъ Львовичь Нарышкинъ. [10]

XII. 1710 г., Ноября въ 5 число, на память Святаго Мученика Галактиона, преставіся раба Божия, болярина Льва Кириловича Нарышкина дочь ево, дѣвица Параскева Львовна, і погребена на семъ месте въ 7 числе.

XIII. 1734 году, Іюля 11 дня, по полуночи въ 6-мъ часу выходе, на память Святыя Мученицы і Прехвалныя Еѳимиі, преставися рабъ Божіі, отъ флота Капитанъ Іоаннъ Львовичь Нарышкинъ, і погребено тело ево на семъ месте; а отъ рожьдения лѣтъ житія ево было 34 года і 6 мѣсяцовъ і 11 дней.

XIV. Лѣта отъ Рожества Христова 1730 году, Маія 19 дня, преставися раба Божіия, Ивана Львовича Нарышкина жена ево Дариа Кириловна; отъ рожденія своего поживѣ 21 лѣто, 2 мѣсяца, 13 дней, і погребѣна того жъ Маія 21 дня на семъ месте.

---

[10] Сочинитель книжки: «Достопамятныя могилы», прочиталъ: «Евграфъ Ѳедоровичъ», и сталъ разсуждать: «Вѣроятно это сынъ Ѳеодора Кириловича, а названъ младенцемъ по ошибкѣ: онъ умеръ, по крайней мѣрѣ, четырнадцати нѣтъ.» Еще: «Могила младенца Евграфа Ѳеодоровича показываетъ, что Ѳедоръ Кириловичь былъ женатъ, а могилы жены его мы не нашли. Вѣроятно, одна изъ безвѣстныхъ могилъ принадлежитъ ей.» Очень странно!

XV. На мѣдной дскѣ, прибитой къ гробницѣ, вырѣзана слѣдующая рацея:

Б. П. П.
Внемли, мимоходяй!
Есть бо чудно,
Внегда сияющу полуденному солнцу свѣтъ сокрыся.
Ибо
Первый часъ пополудни изъяви человѣческаго жития западъ.
О печальныя нощи!
Государственныхъ премудръ сый въ совѣтѣхъ,
Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ
Отъ временнаго совѣта прѣйде.
Что жъ весело?
Въ горній совѣтъ внидѣ,
Обоихъ Россійскихъ орденовъ бывъ кавалеръ.
Но что жъ вѣчно?
Житіе и добродѣтель достопамятная.
Сенаторъ Россійскій
Отъ славна рода,
Александръ Львовичь Нарышкинъ
Въ вышнемъ присудствовати нача чертозѣ.
Который
Житія своего возимѣ начало
1694 года, Апрѣля 26 дня;
Преукрасивъ сіе добродѣтелію и заслугами преизящными,
Оконча достопамятно въ Санктпетербургѣ.
Духъ предаде въ руцѣ Богу,
Тѣло же погребенію на семъ оставивъ местѣ
1746 года, Генваря въ двадесятъ пятый день.
Всехъ же лѣтъ жития его пятдесятъ едино бе лето.
О, коль краткіи дніе лѣтъ нашихъ!
Яко кринъ увядаютъ.
Обаче добродѣтель его и слава вѣчно пребудутъ,
Ибо незабвенны.
Самая же краткость житія его показа безсмертие,
Понеже
Образъ всемъ остави,
Како вѣчно жити. [11]

[11] Супруга его, Елена Александровна, похоронена въ Боголюбской же церкви, но не знаю, гдѣ именно. Путевод. къ древн. и достопам. Моск. 1792, стр. 9.

XVI. 1710 г., Генваря въ 10 день, въ 4 часа дня, преставися раба Божія, болярина Кондрата Ѳомича Нарышкина жена его, боляроня вдова Акилина Семеновна. [12]

XVII. 1735 году, Ноября 26 дня, на память Преподобнаго Отца нашего Алимпія Столпника, пополудни въ 6 часу, преставися рабъ Божій Комнатной Стольникъ Иванъ Ивановичь Нарышъкинъ. А жития ево было отъ роду 67 лѣтъ, 7 мѣсяцовъ и 15 дней, и погребено тѣло ево подъ симъ камнемъ на семъ мѣсте 29 дня, на память Святаго Мученика Парамона.

XVIII. 1744 года, Марта 3 дня, пополудни въ 3 часу, на память Святыхъ Мучениковъ Евтропія и дружины его Клеоника, преставися рабъ Божі Каморъ геръ [13] Михаило Григорьевичь Нарышкинъ. Жития его было 73 года, 4 мѣсяца и три дни, а тезоимянитство его Ноября 8 дня, и погребенъ подъ симъ камнемъ.

XIX. 1738 года, Маія противъ 10 числа, въ нощи пополудни въ 11 часу, представися раба Божія Каморъ Гера Михаилы Григорьевича Нарышкина супруга ево Ульяна Андреевна. Жития ея было 62 года, 4 мѣсяца и 19 дней, и погребено тело ея подъ симъ камнемъ.

XX. 1759 года, Августа противъ 14 числа, по полуночи въ 3 часу, представися рабъ Божій, Стацкой Совѣтникъ і Правительствующаго Сената Канторы Членъ и Главной Соляной Канторы главноі присудствующіі Иванъ Михаиловичь Нарышкинъ. Родился 1717 года, Декабря 27 дня, тезоименитство его Генваря 7 дня. Житія ево 43 года, 7 месяцовъ и 18 дней, и погребенъ на семъ месте.

XXI. Подъ симъ камнемъ погребено тело господина Генералъ Маіора Сергія Михаиловича Нарышкина; отъ рожденія ему

---

[12] Надпись на столбѣ Боголюбской церкви, съ лѣвой стороны, возлѣ окна, слѣдующаго за послѣднимъ рядомъ памятниковъ. Подобныхъ надписей на камняхъ въ стѣнахъ было еще двѣ, три, но онѣ уничтожены при поправкѣ храма (Достопамятныя могилы, стр. 3). Слѣдующія надписи XVII—XXII сдѣланы на гробницахъ, находящихся на пространствѣ между церквами Боголюбской и Петра Митрополита.

[13] Камергеръ—придворное почетное званіе, степенью выше Камеръ-Юнкера.

59 лѣтъ. Преставися 1765 году, Августа 10 дня, въ оди-11 часовъ по полуночи, погребенъ [14] Августа 14 дня.

XXII. 1752 года, Маія 17 дня, [15] Святаго Апостола Андраника і иже съ нимъ, въ первомъ часу пополудни, претстася раба Божія лейбъ-гвардіи Изъмайлавскаго полку Капитана [16] Сергія Михаиловича Нарышкина супруга его Александра Владимировна. [17] Отъ рожденія ей 39 летъ, а въ супружистви жила 18 летъ и три мѣсяца, и погребено оное тело потъ симъ камнемъ того жъ месеца 20 числа.

XXIII. 1758 году, Генваря 18 дня, преставіся рабъ Божій Опсервацыоннаго [18] корпусу, 3 мушкатерскаго полку Маэоръ Иванъ Ивановічъ Нарышкінъ, въ местечке въ Алмерахъ; а рожденія его 1731 году, Августа 16 дня, а тезоіменіство того жь Августа 30 дня, а житія его было 26 лѣтъ, 4 мѣсяца, 18 днеі, и погребѣно тело его Ѳевраля 11 дня, 1758 году, противъ сей табліцы. [19]

XXIV. Сей хладный памятникъ [20] скрываетъ въ нѣдрахъ земныхъ тѣло въ Бозѣ почивающаго Генераль Порутчика Дѣйствителнаго Каммеръ-Гера Петра Кириловича Нарышкина, родившагося 1713 года, Іюня 10 дня, скончавшагося 1770 года, Іюля 4 дня. Житія его было 57 лѣтъ, 4 мѣсяца и 3 дня.

Подъ симъ же памятникомъ погребена сестра его, дѣвица Наталья Кириловна Нарышкина. Родилась 1716 года, Сентября 12 дня; скончалась 1770 года, Маія 15 дня. Житія ея было 52 года, 9 мѣсяцовъ и 7 дней.

Господи! пріими духъ ихъ съ миромъ.

---

[14] На гробницѣ: «погребено».

[15] «На память».

[16] Въ послѣдствіи Генералъ-Маіоръ.

[17] Нарбекова.

[18] Наблюдательнаго.

[19] Надпись эта на южной стѣнѣ Толгской церкви.

[20] Памятникъ возлѣ Боголюбской церкви, пирамидальный и обнесенный желѣзной рѣшеткой, устроилъ въ 1838 г. престарѣлый сынъ надъ могилой родителя, въ замѣнъ старой гробницы. См. «Достопамятныя могилы», стр. 32.

Гробница Отяевой. [21]

На боковыхъ сторонахъ гробницы изображено слѣдующее:

1.

Когда представишъ, человѣче, предъ взоръ свой сіи два вырезаные на семъ камне герба, [22] то представъ і вообрази въ мысли своей две ноіпочтениши ѳамиліи Нарышкиной і Отяевой, которая подъ симъ камнемъ, ноіпочтенишей госпожи Анны Міхайловны Отяевой лежащѣе заключаетъ тело отъ высокородной ѳамили господіна Камегера Михайла Григорьевича Нарышкина [23] рожденное въ 1715 году, Декабря 7 дня, а день Ангела ее Декабря жъ 9 дня; въ замужство вышла і ѳамилію [24] благородныхъ господъ Отяевыхъ 1742 году, Сентября 1 дня, і по кончине супруга ея Подпорутчіка Ніколая Ивановича Отяева, осталась вдовствующей 1756 году, Августа 23 дня. Преставилась къ вечному блаженству 1767 году, Декабря 21 дня, по полуночи часъ, на день Великомученицы Анастасіи. [25] Жития ее было 52 года и полъмесица.

2.

1 Здесь вечность общая являетъ ко Отцу,
Для жертви всехъ сердца возносятся Творцу.
2 Здесь тѣло верния рабы его лежитъ,
Которая всегда хотела [26] съ Богомъ быть.
3 . . . . Спасителю сама....
И Бога всякой часъ на помощь призывала.
4 Когда у ніи душа отъ тела разлучалась,
Ні робка ко Христу она тогда являласъ.

---

[21] Около Боголюбской церкви.

[22] Надъ ними вензель изъ буквъ А. и С.

[23] См. XXI надпись.

[24] За фамилію.

[25] Память ея 22 Декабря.

[26] На камнѣ: «хотѣло». Камень по мѣстамъ отбитъ.

5 . . . . . на векъ съ свѣтомъ прощаласъ,
Съ поспѣшностію [27] она з друзьями разставаласъ.
6 По добродѣтелемъ ее знаки тѣ явл(яютъ),
Аньгелы венъцы ей тамъ пріуготовляютъ.
7 Была раба Христу и церкви по свой векъ,
Почтенная была любима (ото) всехъ.
8 Съ младенчества расла г... пачтенна,
Какъ верная раба ко Господу усердна.
9 Душа ея всегда къ радне сваей стремиласъ.
Теп.... на векъ съ ними прастиласъ.
10 Внемли и ты всегда, верный Християнинъ,
Погибшый здѣшный свѣтъ... намъ пріятинъ,
11 За доброе добромъ платить намъ обещаетъ,
За хуждшее тебе Онъ слухъ свой (отвращаетъ).
12 Во гробе тело здесь Отяевой лежитъ,
Простертымъ сердцемъ вдругъ ко Господу спежитъ. [28]

Позади гробницы стихъ:

Леті время часами, во дни і въ нощи, яко крылами.

Гробница Мещерской. [29]

На мѣстѣ семъ лежитъ Мещерская Княгиня.
Скончалась въ горести супруга, [30] дочь покіня.
И горести сама не знаетъ никакой:
И смертныхъ участь всѣхъ, и общій всѣхъ покой.
Когда бъ ты видѣла твоихъ домашнихъ слѣзы,
Расторгла бъ тяжкія ты смертныя железы.
Сама бъ ты въ ихъ тоскѣ участіе взяла,
И съ ними горькихъ слезъ потоки пролила:
Но знать уставлено то щедрою судьбиной,
Чтобъ наши горести всѣ кончились кончиной.

---

[27] Съ поспѣшностью.

[28] Спѣшитъ?

[29] Возлѣ Отяевой.

[30] Въ Августѣ 1743 г. принято вкладныхъ денегъ у Князь Василья Алексѣевича Мещерскаго 15 руб. (Приходная тетрадь). Не онъ ли супругъ?

На камень сей взгляни, прохожій, и прочти,
Подъ нимъ лежащую Княгипю тѣмъ почти.
Она во дни свои любила добродѣтель.
Кто въ свѣтѣ зналъ ея, тотъ былъ тому свидѣтель.
Въ цвѣтущи дни ея покрыла вѣчна ночь,
Оставила въ слезахъ она любезну дочь.
Оставила по ней рыдающа супруга,
А онъ лишился въ ней помощницы и друга.
Оставила въ тоскѣ и ближнихъ и друзей:
Весь домъ рыдалъ по ней.
Колико горестей живущимъ смерть наноситъ:
Но всѣ мы жертва ей: и насъ подобно скосітъ.

Остальныя надписи. [31]

I. Лѣта 7207 (1698), Маія въ 18 день (преставися) младенецъ Княжна Елена, прапо(рщика Владиме)ра дочь Васильевича Долго-р(уко)ва. [32]

II. Лѣта 7208 (1700), мѣсяца Іюня въ 27 день, преставися раба Божія Княгиня Марія Григорьевна, Столника Князя Андрѣева жена Семеновича Друцкова.

III... ....евна Столника Гри(горья Михай)ловича Неело(ва). [33]

IV. Подъ симъ знакомъ погребена раба Божия вдова Наталія Ивановна, жена Столника Ѳёдора Петро(вича Дубровского.) [34]

V. 1736 году, Іюля 30-го числа, предъставился рабъ Божіі Капітанъ Иванъ Михаиловічъ Чемодановъ. Отъ рождения жития ево было 52 года, и погребенъ на семъ мѣсте.

---

[31] Первыя три и послѣдняя XII-ая на известковыхъ камняхъ, открытыхъ недавно (22 Мая сего года) подъ колокольней, въ аркѣ, по правую сторону Св. воротъ; четвертая на бѣломъ дикомъ камнѣ, лежащемъ на косякѣ у праваго окна западной стѣны Боголюбской церкви, а прочія на гробницахъ, находящихся на пространствѣ между церквами Боголюбскою и Петра Митрополита.

[32] За тѣмъ еще одно слово по срединѣ строки сбито. Князь В. В. Долгорукой скончался въ чинѣ Фельдмаршала 1746 г., Февраля 6.

[33] Дополняемъ по указанію монастырскаго Синодика.

[34] Тоже.

VI 1738 году, Іюля 25 дня, пополудни въ 6 часу, преставися рабъ Божій Лейбъгварди коннаго полку Капралъ Князь Петръ Алексѣевичъ Путятинъ. А жития ево было 21 годъ и 27 дней, і погребено тело ево подъ симъ камнемъ.

VII. 1747 году, Ноября противъ 15 числа, предъставися раба Божия, Полковника Петра Петровича Воейкова супруга его Прасковья Михаиловна. Жития ее было 38 летъ, погребено тѣло ея подъ симъ камнемъ,

VIII. 1760 году, Августа 3 числа, на память Преподобныхъ Отецъ Ісакія, Долмата, і Ѳаиста и Онтония Римлянина, Новогородцкаго Чудотворца, преставися рабъ Божій, Статцкой Советникъ Ѳедоръ Александровичь Нащокинъ, по полуночи въ 4 часу, въ перьвой четверьти. Житія ево было отъ роду 68 лѣтъ і 9 месицовъ, и тѣло ево погребено подъ сію цкою на семъ мѣсте.

Позади гробницы:

Человѣкъ на мертвыхъ взираетъ,

Смертный часъ поминаетъ.

IX. Здѣ погребенъ Маэоръ Николай Ивановичь Бутурлинъ. Жилъ въ сѣмъ светѣ 73 года, преставился 1761 году, Декабря 18 числа.

X. 1744 года, Апрѣля 26 числа, 2 часа по полуночі, на память Священномученика Василія, Епископа Амасискаго, преставися раба Божія Марія Володимеровна, жена Маэора Николая Ивановича Бутурлина. Жития ея было 48 лѣтъ, 9 мѣсяцовъ, 11 дней; рожденія ея 7203 (1695 г.), Іюля 8 числа, а тезоимянитство Іюля 22 числа, [35] Святыя Мироносицы и Равноапостольныя Маріі Магдалини; въ супружестве жила 26 лѣтъ и 11 мясецовъ.

XI. 1766 году, Марта 9 дня, на память Святыхъ 40 Мучениковъ, по полуночи въ 8 часу, преставися рабъ Божій, Статской Советникъ Іванъ Алексѣевичь Горчаковъ, которой родился 1704 году, Маия 19 дня, а тезоименитство его Іюня 24 дня, а жития его всего было 61 годъ, 9 мѣсяцевъ и 20 дней, і погребенъ подъ симъ камнемъ.

---

[35] На память.

И XII. Предпразнество Рождества Христова..... рабъ Божи іноkъ схімникъ Іос.... [36]

Въ монастырской Описи, составленной по Указу Петра I, отъ 27 Февраля, 1699 года, и хранящейся въ Архивѣ Министерства Юстиціи, замѣчено, что въ Боголюбской церкви, на южной сторонѣ трапезы, «у четырехъ гробницъ поставленъ иконостасъ. Гробницы Болярина Кирила Полиектовича, Болярина и Оружейничего Ивана Кириловича, Столника Аѳанасія Кириловича, Кравчаго Ѳедора Кириловича Нарышкиныхъ. Покровъ изъ краснаго сукна, обшитый кругомъ серебрянымъ галуномъ; на немъ противъ гробницъ нашиты 4 креста съ степенями. На сѣверной сторонѣ у двухъ гробницъ иконостасъ. Гробницы Мартемьяна Кириловича Нарышкина жены его Боярыни Евдокіи Васильевны, [37] да дѣвицы Евдокіи Кириловны. Два покрова... Въ возглавіи техъ гробницъ у стѣны гробница небольшая, [38] красный покровъ.»

Въ той же Описи, на другихъ страницахъ, встрѣчаемъ слѣдующій перечень покрововъ отъ гробницъ, существовавшихъ въ ту пору:

«Покровъ отъ гробницы Боярина Кирила Полиектовича Нарышкина.

Покровъ тройной отъ гробницъ Боярина и Оружейничего Ивана Кириловича, Столника Аѳанасія Кириловича, Кравчего Ѳедора Кириловича Нарышкиныхъ.

Покровъ отъ гробницы Боярина Мартемьяна Кириловича Нарышкина, жены его Боярыни Евдокіи Васильевны.

Покровъ отъ гробницы Боярина Кирила Полиектовича Нарышкина дщери его, дѣвицы Евдокіи Кириловны.

Покровъ отъ гробницы Боярина Матвѣя Филимоновича Нарышкина.

Покровъ отъ гробницы Думнаго Дворянина [39] Ѳедора Полиектовича Нарышкина.

---

[36] Въ числѣ монастырской братіи былъ схимонахъ Іосифъ.

[37] Другая гробница.

[38] Не извѣстно чья, нынѣ не существуетъ.

[39] Младшій членъ Царской Думы.

Покровъ отъ гробницы Окольничаго [40] Ивана Ивановича Нарышкина.

Покровъ отъ двухъ гробницъ дѣтей Боярина Льва Кириловича Нарышкина, Іоанна Львовича, да дѣвицы Ѳеодоры Львовны.

Покровъ отъ гробницы Кравчего Кирила Алексѣевича Нарышкина сына его Ивана Кириловича.

Покровъ отъ гробницы Боярина Кондратія Ѳомича Нарышкина.

Покровы бархатные и суконные.

Въ монастырской Описи 1774 г. подробно описаны покровы отъ гробницъ Бояръ Нарышкиныхъ: 1) Кирила Полуехтовича; 2) Мартиніана Кириловича; 3) Ивана, Аѳанасія и Ѳедора Кириловичей; 4) Льва Кириловича, 5) Ивана Львовича; 6) покровъ двойной отъ гробницъ Александра Львовича и супруги его Боярыни Елены Александровны; [41] 7) дѣвицы Евдокіи Кириловны; 8) Кирила Аѳанасьевича, и 9) покровъ отъ гробницы Графини дѣвицы Дарьи Кириловны Разумовской, дочери Графа Кирила Григорьевича Разумовскаго. [42]

Архимандритъ Григорій.

---

[40] Окольничій чиновникъ второй степени въ Россіи, по старинному ея чиноположенію.

[41] Есть и отдѣльные покровы.

[42] Графъ скончался въ 1803 г. и погребенъ въ Батуринѣ.

НѢСКОЛЬКО ПИСЕМЪ

ІЕРОСХИМОНАХА СЕРГІЯ, ИЗВѢСТНАГО ПОДЪ ИМЕНЕМЪ СВЯТОГОРЦА, И ДРУГИХЪ КЪ ИГУМЕНУ АНТОНІЮ БОЧКОВУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

12 Декабря, 1853 года, скончался въ Русскомъ Аѳонскомъ монастырѣ Іеросхимонахъ Сергій, извѣстный подъ именемъ Святогорца. Письма его читались многими, были напечатаны многими изданіями, привлекли на Аѳонъ множество Русскихъ и сблизили многихъ съ Аѳономъ. Кто зналъ лично добраго и простодушнаго Отца Сергія, тотъ увѣренъ, что онъ никогда не искалъ той извѣстности, которая временно досталась ему въ удѣлъ. «Прославляющыя мя прославлю:» это слово Господне надъ нимъ совершилось. Онъ прославилъ Господа своего не столько своими писменами, сколько дѣлами своими, исполненіемъ его святыхъ заповѣдей. «Любяй мя, заповѣди моя сохранитъ.» Онъ былъ братомъ и ближнимъ всѣхъ Христіанъ; непритворный, веселый нравомъ, какъ Евангельское дитя, послушный отцамъ своимъ духовнымъ по глубокому смиренію, исполнитель монашескихъ обѣтовъ, постникъ при слабости своего сложенія и даже противу своей природы, отшельникъ при своей живости и любви ко всему человѣчеству, слуга всѣхъ братій, страннопріимецъ всякаго, кто заходилъ въ его Козмодаміанскую келью, гдѣ хозяинъ тогда дѣлался служителемъ, а гость домовладыкою.

Въ сорокъ лѣтъ съ небольшимъ Отецъ Сергій совершилъ все свое житейское поприще. Былъ Священникомъ, Іеромонахомъ, Экономомъ Вятскаго Архіерейскаго дома, потомъ странникомъ по Россіи изъ любви ко Св. Мѣстамъ своей обширной родины и Схимонахомъ Аѳонскимъ. Онъ прошелъ дважды и пѣшій всю Россію отъ Вятки до Одессы, былъ въ Іерусалимѣ, потомъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь и Россію изъ Аѳона, не по своей волѣ, а по просьбамъ братій, которыхъ онъ сдѣлался

благодѣтелемъ, такъ сказать, нечаянно посланный Руссику, какъ Ангелъ утѣшитель. Литературная извѣстность слова и громкое имя благотворителя ни сколько не измѣнили простаго его свойства онъ писалъ, вовсе не думая о своемъ слогѣ, не выправляя своихъ писемъ, какъ внушалось ему, какъ умѣлъ. Трудился для другихъ, забывая себя вовсе: забывая свои болѣзни, неусыпныя ночи, неоставляя своихъ монашескихъ правилъ. Ему каждый человѣкъ казался добрымъ, по тому что доброта и любовь къ ближнимъ обитали въ его безмятежной душѣ; каждый монахъ, особливо общежительный, казался Ангеломъ, по тому что его довѣрчивость была безгранична, и на немъ исполнилось это изреченіе Апостольское: «Любовь не мыслитъ зла.»

Передъ кончиною онъ страдалъ водяною болѣзнію, и въ послѣднюю недѣлю своей жизни ежедневно пріобщался Св. Таинъ. Вмѣсто всѣхъ похвалъ, скажу одно только о другѣ нашемъ: его любили Аѳонскіе монахи, какъ дѣти любятъ старшаго брата, утѣшающаго ихъ привѣтливостью и дарами, а оплакали, какъ благодѣтеля и примѣрнаго подвижника. Потеря его для Аѳона въ настоящую годину испытанія не вознаградима: но яко же Господеви изволися, тако и бысть.

Антоній Бочковъ. *

I.

Возлюбленнѣшій Батюшка Отецъ Антоній!

Лобзаемся о Господѣ лобзаніемъ любви!

Ваше письмо насъ чрезвычайно и утѣшило и удивило. Сердечно благодаримъ Васъ за память о насъ и за чувства искренности, и не можемъ ни какъ вѣрить, что Вы въ половинѣ Сентября были уже дома. Такое путешествіе, яко на крилу вѣтреню, истинно пріятное и въ иноческомъ духѣ, по тому что чѣмъ скорѣе къ дому, тѣмъ покойнѣе. Слава Богу, что Вы мирно и легко воротились въ свой родственный край и въ иноческій затворъ. Не знаю, слышали ли Вы, что Вашъ товарищъ, и общій нашъ зна-

---

* Игуменъ Черемицкаго Богословскаго монастыря (С.-Петербургской Епархіи), умершій на покоѣ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ Апрѣля 5, 1872 года.

комецъ, Авва Никонъ, разставшись съ Вами, недолго погостилъ въ земной юдоли: въ Берутѣ онъ скончался, послѣ четырехдневной, кажется, болѣзни. Вотъ жребій страннической жизни! Еще бы день, два, и нашъ Авва палъ къ подножію Голгофы и увидѣлъ бы Св. Землю; но Богъ судилъ иначе, и судъ его неизъяснимъ для нашей мысли! Жаль, крайне жаль бѣднаго, впрочемъ, только по тому, что недостигъ своей священной цѣли. Чудны и дивны пути Промысла, располагающаго судьбами нашего сердца и жизни, не такъ какъ намъ, а какъ ему угодно, и съ нашей стороны только и остается благоговѣть, о всемъ славить и за все любить и бояться спасающаго насъ Господа.

Послѣ Вашего отбытія у насъ аскетическое однообразіе въ жизни и во всемъ; корпусъ братскихъ келій уже готовъ вчернѣ и, если Богъ благоволитъ, лѣтомъ начнется штукатурка Покровскаго храма. Богъ вѣсть, кто изъ насъ удостоится быть на его освященіи, и кто первый принесетъ въ немъ Господу Богу жертву спасенія о всѣхъ насъ.... Я начинаю чувствовать, по временамъ, крайнее изнеможеніе и слабость; силы жизненныя день ото дня слабѣютъ, такъ что все говоритъ и напоминаетъ, что послѣдній вздохъ не за горами. А надобно признаться, иногда очень хочется отдыхать смертнымъ сномъ и видѣть то, что ждетъ всѣхъ насъ за гробомъ, по предназначенію творческой любви; сердце тихо ноетъ и боится грядущихъ событій и переворотовъ таинственной судьбы Востока: умереть нигдѣ бы не хотѣлось, какъ только здѣсь, въ любимой моей пустынѣ и въ виду спасающейся братіи. Впрочемъ, яко же хощетъ, да сотворитъ Господь не по нашей собственной, а по святой его волѣ. Молитесь о мнѣ, возлюбленный Авво: взаимность молитвенныхъ отношеній и чувство любви много можетъ и въ жизни и въ особенности въ предсмертныя минуты и за гробомъ. Съ своей стороны мы искренно привязались къ Вамъ, и Ваше имя входитъ теперь въ составъ прочихъ при исключительныхъ молитвахъ нашей церкви. Вы теперь наши.

А скажите, пожалуйста, что Ваша настоящая жизнь? Не думаю, чтобъ, при всевозможныхъ условіяхъ къ безмолвію и затворническимъ подвигамъ, Вы могли быть вполнѣ довольны своимъ строгимъ уединеніемъ, по тому что необходимость требуетъ и Вамъ быть, по временамъ, въ Вашемъ иноческомъ братствѣ, а иногда и въ родственныхъ связяхъ. О ежели будетъ Вамъ грустно,—

пріѣзжайте умирать къ намъ! Мы вмѣстѣ полетимъ въ невѣдомый путь и, въ чаяніи свѣтлыхъ дней райской жизни, тихо и мирно вздохнемъ здѣсь въ послѣдній разъ!

— Александръ, таскавшійся у насъ по Горѣ, и вмѣстѣ съ Вами уѣхавшій въ Палестину, тамъ изволилъ болтать непріятныя рѣчи и хульные отзывы о нашемъ странноприимствѣ. Удивительно, что подобные пройдохи, вкравшись какими ни будь путями въ знакомство мишурныхъ знаменитостей свѣта, требуютъ, чтобъ всюду имъ раболѣпствовали и, ради ихъ знакомыхъ, угождали имъ и ухаживали, для того, чтобъ въ послѣдствіи они могли сказать доброе слово. Между тѣмъ по долгу все было и Александру доставлено: покой, пища и спокойствіе кельи, и всего этого мало: онъ, кажется, въ капризѣ, по чему и онъ не раздѣлялъ съ нами пустыннаго безмолвія. Да проститъ Господь обидящихъ насъ!

Послѣ Васъ вдолгѣ получено письмо, которое, по ошибкѣ и по единству имени, передано старцу нашему Антонію, а оказалось, что оно принадлежитъ Вамъ. Я видѣлъ только подпись, но нечиталъ его: кажется, оно отъ Софіи Фитингофъ. Препровождать, или нѣтъ, къ Вамъ это письмо, я не знаю, тѣмъ болѣе, что О. Антоній ни слова не говоритъ о немъ, а только проситъ поклониться Вамъ.

Что Вашъ Павелъ: миренъ ли и покоенъ ли? О, юность, юность! Это кипятокъ жизни, и жизнь, кажется, безъ цѣли для вѣчности, а со всевозможными посягательствами на земныя утѣшенія и радостм! Поклонитесь Павлу отъ всѣхъ насъ!

Въ настоящее время я остаюсь въ монастырѣ: въ пустынѣ очень холодно и съ 24 Ноября по Декабрь лежалъ тамъ снѣгъ въ аршинъ глубины. Теперь тамъ безмолвствуютъ коты, которое были при Васъ котенками, а теперь тучными и рѣзвыми котами. Послушникъ мой выучилъ ихъ стоять на заднихъ лапкахъ, и это иногда, въ минуту келейной хандры, доставляетъ невинное удовольствіе. И теперь на горахъ многу снѣгу, а у насъ умѣренный холодъ, такъ что въ полдень мы открываемъ окно для свѣжести воздуха. Я съ недавняго времени перебрался и живу въ Вашей выспренней кельѣ, которую прежде занималъ старецъ Антоній: онъ спустился въ мою, по тому что ноги и силы уже измѣняютъ ему и не таскаютъ на верхній этажъ.

Духовникъ, по прежнему, очень бываетъ иногда слабъ и

хворъ, а отецъ Григорій Лисянскій, кажется, уже одною ногою въ гробу: чахотка у него въ послѣдней степени своего убійственнаго развитія, такъ что едва ли онъ дотянется до пріѣзда своего брата, который, по прибытіи изъ Англіи, обѣщается прибыть для свиданія съ нимъ. Впрочемъ, кто вѣсть, чья череда теперь отходить въ вѣчность; иногда и Вашъ ниже подписавшійся уже чувствуетъ зовъ загробный въ путь нашихъ отцовъ! ..... Молитесь, Авво! Мы молимся за Васъ и о Васъ; всѣ кланяются и просятъ Вашихъ молитвъ и памяти, въ числѣ коихъ и грѣшный Святогорецъ, Космодоміановскій отшельникъ

І. Сергій.

1851 г., Декабря 20 ч.
Русикъ.
Св. Гора Аѳонская.

II.

Возлюбленнѣйшій о Господѣ Авво Антоній,

Лобзаемся о Господѣ!

Давно я не писалъ къ Вамъ, и мнѣ грустно, а писать-то надобно бы почаще, по тому что это, съ одной стороны, утѣшаетъ, а съ другой поддерживаетъ связь духовныхъ отношеній и искренней взаимности.

Прошедшее письмо Ваше много утѣшило и меня и все братство; мы молимся, чтобъ Господь хранилъ Васъ, и рано ли, поздно ли, снятъ соединилъ, если ужъ не здѣсь, такъ за гробомъ. А думается, что уже недолго остается намъ влачить здѣсь скитальническіе дни и болѣзненные годы! Пора бы, судя по немощамъ плоти, уже на покой; но сердце еще боится грядущаго суда! Не помню, писалъ ли я Вамъ, что О. Григорій (Лисянскій) 2-го Февр., въ мое отсутствіе, мирно и тихо вздохнулъ въ послѣдній разъ послѣ полугодичныхъ чахоточныхъ страданій и каждодневнаго почти Причащенія. Грѣшный я человѣкъ, завидую его кончинѣ. Вмѣсто предсмертныхъ страховъ въ послѣднюю минуту, онъ извѣстилъ служившаго ему старца, что за нимъ пришли и говорятъ, что пора ужъ домой. Кто жъ пришли? спросилъ старецъ. А ты не видишь развѣ? говоритъ Григорій. Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ. Такъ

послѣ скажу.... И въ это мгновеніе онъ тихо закрылъ глаза. Такъ-то отходятъ избранники въ путь отцевъ своихъ! Такъ ли намъ прійдется? Богъ вѣсть!

Васъ влечетъ иногда мысль къ намъ, но путевыя непріятности и столкновенія съ людьми тяжелы: что жъ дѣлать! Иначе, кажется, и нельзя чувствовать цѣны безмолвія и пустынной тишины, если прежде не испытаешь мірскихъ огорченій. Полно-те думать, пріѣзжайте опять къ намъ, и если захотите умереть въ невозмутимой тишинѣ пустыни, только Ангели будутъ пѣть надгробныя и погребальныя Вамъ пѣсни, а рука дружеская засыплетъ прахъ вашъ, не допустивъ ни молвы Серайской, ни почести Архіерейскаго присутствія, всегда смутнаго. Признаюсь искренно, всегда у меня было желаніе, даже когда былъ еще мірянином, постоянно просилъ, и прошу, Господа, чтобъ мнѣ умереть въ пустыни: я боюсь и по смерти людей. Мнѣ бывало слишкомъ грустно, когда инокъ умретъ среди міра, и толпы народа, особенно женъ, идутъ посмотрѣть на его безжизненный трупъ.... Это тяжело, и молюсь Богу, подобно Вамъ, чтобъ никто не потревожилъ послѣднихъ минутъ, и чтобъ смертный вздохъ передать Богу развѣ только въ присутствіи духовника, или какого ни будь старца! А у насъ это не рѣдкость! Пріѣзжайте умирать, и мы умремъ, какъ и прочіе изъ нашихъ возлюбленныхъ братій, въ сладкомъ чувствѣ мира и тишины сердечной. Если Богъ и для міра милостивъ, тѣмъ болѣе Онъ, всеблагій, милостивъ для забытыхъ всѣми чадъ пустыни.

Въ самомъ дѣлѣ, кто жъ пріѣдетъ съ иконостасомъ, если не Вы сами? Кто его передастъ съ Вашихъ рукъ церкви Богоматерней? Пріѣзжайте сами; мы умоляемъ, просимъ и ожидаемъ: Вы должны быть еще у насъ, по тому что и Павла надобно свозить въ Палестину, и самимъ уложить кости въ пустыни, или нашей, или Сирійской. Мы теперь разсуждаемъ, соображаемъ, и Вашъ прошедшій пріѣздъ не считаемъ паломничествомъ Вашимъ, а посольствомъ. Васъ Богоматерь привела сюда только для своей церкви: Вы сняли мѣру для иконостаса, и такъ какъ Вамъ еще не время умретъ (иначе иконостасу намъ не видать бы), Вы не поѣхали и въ Іерусалимъ. Когда исполните порученіе Божіей Матери, просите, чего желаетъ душа Ваша, и Вамъ будетъ по вѣрѣ. О, вѣра много и въ насъ можетъ!

У насъ одинъ изъ братій, на возвратномъ пути изъ Іерусалима, утонулъ: бурею его схватило съ корабля, въ первую ночь,

когда отбыли изъ Яфы, и не было возможности спасти его. Видите судьбы спасающаго насъ Бога! Конечно, вѣрить въ сны нельзя, но и отвергать ихъ тоже. Когда мы совершали канонъ, въ теченіе 40 дней, по умершемъ братѣ, онъ являлся одному старцу, и на вопросъ: «Вѣдь ты утонулъ?»—«Да», отвѣчалъ онъ: «Богу было угодно такъ со мною сотворить за одинъ грѣхъ предъ Нимъ?» За какой грѣхъ, утопшій не открылъ, но видѣлся въ спокойномъ духѣ и во храмѣ. Говорятъ, въ предчувствіе нельзя вѣритъ: не всегда. Когда Духовникъ сталъ этого брата посылать за переводчика съ пѣвчими, онъ, прежде настоятельно просившій благословенія ѣхать въ Палестину, вдругъ измѣнился и говорилъ нѣкоторымъ, что ему что-то такъ грустно, и что хочется и не хочется быть въ Іерусалимѣ, и даже одному изъ старцевъ сказалъ на прощаніи: «Чувствуется, что чуть ли я возвращусь сюда!» Но все это сторона.

Пріѣзжайте же. Моя пустыня аки рай. Тогда какъ въ Русикѣ жаръ сильный, здѣсь прохлада и покой. Только касатки и коты бунтуютъ между собою. Разбойники коты стараются ловить пташекъ, а тѣ такъ бойки, что нерѣдко съ налету бьютъ ихъ криломъ, когда тѣ забудутся. Черешки у насъ довольно уже; виноградъ обѣщаетъ обиліе, а крины разливаютъ чудный ароматъ. Когда Богъ дастъ, настанетъ 6 Авг., я вспомню Васъ: безъ Васъ мнѣ не дадутъ нынѣ винограду ранѣе 15 Августа. Не напрасно говоритъ пословица: «Съ гостемъ и хозяину хорошо.» Мы и еще вкусимъ иногда новаго винограда зеленаго, а наши спостники, Авва Никонъ и братъ Григорій, уже піютъ вино новое въ Царствіи Божіи и, можетъ быть, любовнѣ ходатайствуютъ, чтобъ и насъ поскорѣе туда же взялъ Господь. Да будетъ же во всемъ Его всеблагая воля! Да будетъ Ему и честь, и слава, во вѣки!

Поручая себя Вашимъ св. молитвамъ, остаюсь истинно и братски любящій Васъ Козмодоміановскій лѣнивецъ грѣхолюбовый

І. Сергій.

Брату Павлу любовь, почтеніе и спасибо за хлопоты для нашей Покровской церкви.

1852 г. Іюня 10 ч.

Козмодаміанская пустыня близъ Русика.
Св. Гора Аѳонская.

III.

Милостивѣйшій Государь,

Прокопій Ивановичъ!

Благодать Вамъ и миръ и милость отъ Господа Бога, и спасеніе и благословеніе!

Драгоцѣнная жертва нашему Покровскому храму, посвященная отъ Отца Антонія, въ которой и Вы со своей стороны приняли живое участіе, иконостасъ, нами уже полученъ и, что замѣчательно—въ самый день Покрова Божіей Матери. Чтобъ понять наши иноческія чувства и тихій восторгъ и утѣшеніе при полученіи столь священной вещи, надобно было видѣть это: единодушныя молитвы, усердныя выраженія признательности и Вамъ и Отцу Антонію даже по нынѣ не умолкли и, конечно, не умолкнутъ на земли, въ нашей обители долго, а въ небесахъ, можетъ быть, на цѣлую вѣчность, наши смиренныя о Васъ молитвы останутся залогомъ блаженствъ и райскихъ вѣнцовъ. И, разумѣется, это мы полагаемъ, не уповая на наше о Васъ ходатайство предъ Богомъ, но въ надеждѣ на державный покровъ и заступленіе Царицы Небесныя, храмъ который Вы и Отецъ Антоній такъ великолѣпно украсили. Хотя и есть люди, которые умствуютъ и говорятъ, что въ пустыни неумѣстенъ подобнаго блеска и великолѣпія иконостасъ, но это не иное что, какъ демонскій прилогъ завистливаго врага—діавола, который не терпитъ того, что люди украшаютъ божественные храмы, достойно существа, имени котораго они посвящаются. Въ лѣсу ли, или въ городѣ, но храмъ Богоматери всегда достоинъ въ высшей степени украшеній и великолѣпія, свойственныхъ лицу Царицы Небесной. Съ нашей стороны вотъ бы что непохвально было, если бы, не имѣя собственныхъ средствъ, не имѣя и сторонних благотворителей, стали бы мы входить въ долги, таскаться по міру и сбирать милостиню для того, чтобъ украсить въ пустынѣ нашей храмы золотомъ и серебромъ; а когда вызываются добрые люди, любящіе Царицу Небесную, и благолѣпіе Ея храма, и высылаютъ къ намъ въ пустыню драгоцѣнныя церковныя вещи: наше дѣло благодарить Бога и благотворителей, и тихо ликовать и радоваться, взирая на красоту Церковную. Если и величіе земныхъ Царей требуетъ того, чтобъ дворцы ихъ, въ столицѣ ли, или въ лѣсныхъ и загородныхъ дачахъ, были достойны ихъ Царственаго имени, не то же ли надобно сказать и

о святилищахъ Божіихъ? Уже ли въ столицахъ и городахъ Русскихъ украшаютъ храмы Божіи златомъ, сребромъ и алмазами, только изъ человѣкоугодія, чтобъ любовались этимъ люди и хвалили людей за украшенія? Если же украшаются Ваши столичные храмы изъ одного усердія къ Богу, и ради величія Божія: а въ нашихъ пустынныхъ храмахъ развѣ нѣтъ присутствія Божія? Если же оно есть, значитъ, въ лѣсу ли пустынномъ, въ городѣ ли, но церковь, если есть средства со стороны людей, должна быть украшена достойно имени и величія Божія.... Но простите за подобныя рѣчи. Всѣмъ этимъ хотѣлось намъ высказать только то, что жертва Ваша и Отца Антонія храму Богоматернему достойна своего назначенія. И хотя для насъ блескъ золота, право, ничего не значитъ, но когда нашъ взоръ поражается этимъ блескомъ, и приходитъ на мысль, что этотъ блескъ составляетъ украшеніе внѣшнее Богоматерьняго храма, сердце волнуется радостными чувствами, и мы невольно себя спрашиваемъ: если и земной блескъ и слава въ честь Богоматери такъ радуютъ взоръ, что жъ будетъ, когда мы увидимъ Ее въ полнотѣ Ея небеснаго величія?...

И такъ, милостивѣйшій Государь, Прокопій Ивановичъ, примите нашу искреннюю и сердечную благодарность за доставленіе къ намъ иконостаста въ совершенной цѣлости, и за самое участіе, которое Вы съ своей стороны приняли въ его сооруженіи. Не ради насъ, но ради Царицы Небесныя, которой мы и поручаемъ Васъ, смиренно ходатайствуя и немолчно вопія, да Она Сама воздастъ Вамъ, не столько здѣсь, сколько за гробомъ, тѣмъ паче, что здѣсь Вы благословенны отъ Бога и отъ людей благословеніями земными. Кромѣ изъявленія словесной благодарности и молитвъ о Васъ, мы ничѣмъ другимъ не можемъ Вамъ воздать. Богъ видитъ, какъ это, такъ и сердца и сердечныя чувства въ отношеніи къ Вамъ; и по тому ничего и не остается намъ, какъ поручить Васъ Его благодати и щедротамъ, быть навсегда Вашими усердными Богомольцами.

Св. Горы Аѳонскія, Русскаго Пантелеимова монастыря

Ὁ Αρχιμανδρίτης Γεράσιμος.

Русской Духовникъ Іеросхимонахъ Іеронимъ.

Святогорецъ Іеромонахъ имъ. Серафъ

1852 г. Окт. 15 д.
Русскій Пантелеимоновъ монастырь.
Св. Гора Аѳонская.

IV.

Возлюбленнѣйшій о Господѣ О. Антоній!

Лобзаемся о Господѣ!

Откуда это набрались Вы такихъ мрачныхъ мыслей, что въ послѣднихъ письмахъ Вашихъ я не узнаю Васъ? Если это отъ не людимости затворническаго безмолвія, отчасти извиняю Васъ, зная, что много значитъ общительность, уравнивающая чувства всѣхъ, чрезъ постоянныя столкновенія одного съ другимъ; но если это слѣдствіе впечатлѣній внѣшнихъ—удивляюсь. Ужъ право, братски, или дружески, объясняясь, скажу, что Вы справедливо о себѣ замѣтили, что вы видите черно. А мы, по пустынной простотѣ, по общежительской бойкости, все видимъ иначе, и думаемъ, не такъ какъ Вы. Все, что Вы ни писали въ послѣднихъ письмахъ, я принялъ за шутку, а по тому шуткою и думаю отдѣлаться отъ Вашихъ мыслей и взглядовъ на наши пустынныя вещи, или жизнь.

Васъ, на примѣръ, пугаютъ политическіе перевороты Востока. И сами знаемъ мы, что, можетъ быть, они не за горами: но что намъ до нихъ? Если эта каша уже заваривается, уже ли намъ ее раскушивать? Одинъ вздохъ молитвенный, — и мы за гробомъ, подъ криломъ Царицы Небесныя! А если бы и суждено было намъ видѣть переворотъ Восточной судьбы: уже ли на насъ обрушится этотъ переворотъ? Тяжело будетъ, конечно, но съ внѣшней стороны; за то сердцу будетъ просторъ для воспріятія залоговъ спасенія, для тѣсноты и скорби, которыми выкупаются радости загробной жизни. Нѣтъ, возлюбленный; что будетъ далѣе, а насъ будущее ни мало не страшитъ. Можетъ быть, подумаете, что намъ достанется мученическій конецъ, или вѣнецъ: сладка мысль, но, кажется, надобно много пролить подвижническаго поту, чтобъ вымолить у Бога эту милость. Вѣнецъ страдальческій дается достойнымъ, а мы на Аѳонъ убрались только грѣшные: грѣшнымъ нѣтъ части въ райскомъ вѣнцѣ!... И такъ, право, по милости Божіей, мы смотримъ на будущее веселыми очами, зная и твердо вѣруя, что ежели мы пожертвовали для Царицы Небесной родиною и всѣмъ,—и Она, со своей стороны, не останется у насъ въ долгу. Можетъ быть, подобная мысль Вамъ покажется очень дерзкою, но мы привыкли къ ней, сроднились съ нею, и

она доставляетъ намъ много утѣшенія. Что жъ касается до Царицы Небесныя, Ее не оскорбитъ подобнаго рода дерзость: къ матери надобно имѣть и любовь и доступъ дѣтскій, и мы чаемъ для себя такой милости предъ Царицею Небесною. А если такъ дѣтски, съ такимъ простосердечіемъ ребяческимъ, мы привыкли смотрѣться въ будущее: что жъ намъ до переворотовъ политическихъ? Ей, право, когда потребуетъ нужда, мы на крыльяхъ полетимъ туда, гдѣ долженъ быть рѣшенъ намъ жизненный жребій. Такъ и я думаю, вѣрую, желаю вѣрить, и буду вѣрить, и никогда, во вѣки, не постыжусь вѣрою въ заступленіе Божіей Матери, которая вотъ недавно, очень недавно еще, мѣсяца полтора назадъ тому, трогательно и поразительно оправдала мою надежду на Ея всесильную помощь. Въ слѣдствіе вотъ такой-то нашей вѣры мы заботимся и о устроеніи храмовъ Божіихъ и нашихъ иноческихъ хатъ. Въ разсужденіи храмовъ, нечего бояться: ихъ красоту не расхитили враги Аѳона въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Вы видѣли, что у насъ на Горѣ иконостасы всѣ цѣлы, и драгоцѣнности тоже: Богъ свое сохранилъ и хранитъ; а когда Онъ восхощетъ покарать людей своихъ,—и Россія не защититъ отъ него церковныхъ драгоцѣнностей. Развѣ не расхищаются въ Россіи церковныя сокровища? Развѣ не превращаются въ прахъ отъ пожара и другихъ случайностей? А если и въ Россіи видаютъ такія вещи, какихъ нѣтъ на Св. Горѣ, подъ чуждымъ игомъ: не явно ли тутъ особенное попеченіе Божіе и промыслъ о всемъ и о всѣхъ? Что жъ касается до блеска нашихъ церковныхъ вещей, иконостасовъ и прочаго, насъ могли бы Вы винить, если бы мы сами домогались, просили и христорадничали о драгоцѣнностяхъ церковныхъ. Насъ совѣсть не упрекаетъ въ томъ; и когда Русскіе сами украшаютъ наши храмы драгоцѣнностями, что намъ до того? Наше дѣло радоваться ихъ усердію и благодаритъ Бога. А что любоваться красотою храмовъ: этого не отрекаемся, и считаемъ это не за грѣхъ, а за чувство особенной милости Божіей. Развѣ украшаютъ храмы ради насъ? Не ради ли Бога и Богоматери? А ежели ради Бога: въ лѣсу ли храмъ, или въ Питерѣ, и онъ долженъ быть по своимъ украшеніямъ достоинъ существа, которому посвященъ храмъ, по тому что черезъ то проявляется особенное благоговѣніе человѣка, его усердіе и любовь къ Тому, Кто присутствуетъ въ храмѣ. Если мы рады блеску и красотѣ Вашего иконостаса, уже ли мы рады собственно самому блеску, а не тому, что этого блеска достоинъ храмъ Царицы Небесной? Въ

этомъ-то отношеніи и молится Церковь о любящихъ благолѣпіе дому Божія, и по тому-то мы любуемся великолѣпіемъ церковныхъ украшеній, что въ нихъ проглядываетъ душа людей, жертвующихъ эти украшенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ проявляются залоги ихъ вѣчнаго воздаянія въ небесахъ. Вотъ мы какими глазами смотримъ на благолѣпіе храмовъ. Обвините ли Вы насъ послѣ этого? А что Вамъ иконостасъ стоилъ многихъ хлопотъ и даже неудовольствія отъ начальства: да скажите, пожалуйста, какое истинно доброе дѣло достается легко? То и не доброе дѣло, гдѣ чувствуетъ человѣкъ внѣшнія утѣшенія и легкость. Если золото требуетъ горнила для очищенія, не то же ли нужно и для всякаго добраго дѣла, чтобъ очистить и отнять отъ него все человѣческое, суетное и ложное? Вы спрашиваете: гдѣ Аѳонство, если будутъ Аѳонцы выписывать такія тяжести, какъ Вашъ иконостасъ? Въ Вашихъ мысляхъ много мрачности, и въ подобныхъ отвѣтахъ и совопрошеніяхъ проявляется духъ совершенно чуждый Вамъ. Развѣ мы выписываемъ эти вещи? Развѣ монашество должно быть чуждо красоты церковной, или въ правѣ пренебрегать его? Нѣтъ! Если бы вы знали, какое впечатлѣніе производятъ на умы и сердца Грековъ подобныя присылки изъ Россіи, Вы бы не такъ стали смотрѣть на вещи.

Не менѣе всего этого удивляетъ насъ Ваше сужденіе о пѣвчихъ. Нашихъ нельзя равнять съ пѣвчими Русскихъ обителей: тамъ пѣвчимъ, и вообще клиросным, дѣлаются важныя исключенія изъ общихъ правилъ, и это влечетъ непріятныя за собой слѣдствія и разстройства. А этого у насъ и нѣтъ, и быть не можетъ, по тому что ни одному изъ пѣвчихъ и клиросныхъ нѣтъ поблажки: они тѣмъ же и питаются, тѣ же исправляютъ внѣ церковныхъ службъ послушанія, какъ и прочіе братія; и если они поютъ партесно, такъ собственно въ свое утѣшеніе и въ утѣшеніе Русскихъ, привыкшихъ къ хоральности пѣнія. Значитъ, Вы не должны ставить въ уровень нашихъ пѣвчихъ съ пѣвчими Русскихъ обителей: это двѣ противуположности! Что жъ касается до внѣшняго положенія Русика, и на это Вы смотрите съ мрачной стороны. Миръ у насъ еще не такой, какого бояться бы можно. Прежде всего надобно узнать внутреннюю сторону нашего Русика: тогда можно судить и о внѣшней судьбѣ его. Если Вы слишкомъ высоко цѣните опытность О. Макарія Оптинскаго: мы не ниже ставимъ и нашихъ вождей на крестныхъ путехъ сердеч-

ной дѣятельности. А вотъ свойства и характеръ, развитіе и успѣхи этой дѣятельности, и могутъ только открывать нашимъ духовнымъ старцамъ тайныя судьбы Русика и залоги его будущаго положенія. Да и внѣшній миръ нашъ развѣ таковъ, какъ Вы думаете? Охъ, нѣтъ, Авво! Необходимы въ общежитіи столкновенія, прираженія и пробный камень для сердца: и это все бываетъ, но такъ, что вечеръ, или каждый часъ, благодатію Божіею для братства бываетъ и поприщемъ искуса, и вѣнцомъ мира и любви. Между тѣмъ эти-то самыя столкновенія въ братствѣ и доставляютъ всѣмъ и каждому опытность, такъ что въ общежитіи инокъ бываетъ какъ бы круглымъ, тогда какъ пустынники, безъ внѣшнихъ прираженій къ людямъ, всего чаще бываютъ костоваты и имѣютъ слабость на все смотрѣть свысока въ отношеніи къ себѣ, и слишкомъ угрюмо на тернистый путь общежительныхъ подвиговъ. И Вы уже теперь перестали вѣрить въ святость и подвиги монашескіе даже Аѳона? Да кто же Вамъ хвалился святостію и подвигами нашей жизни? Если Вы укажете на мою книгу, гдѣ превознесена Св. Гора: на это скажу, что насъ учили, и учатъ, наши Аѳонскіе старцы смотрѣть на всѣхъ, какъ на Ангеловъ, а на себя, какъ на сволочь какую ни будь; и слѣдствіемъ подобныхъ уроковъ, видя внѣшніе подвиги здѣшнихъ иноковъ, какъ прежде, такъ и нынѣ, я скажу, что святость Аѳона несомнѣнна. Съ другой стороны Анд. Н. Муравьевъ, разъѣзжая по Востоку, искалъ святыхъ, и на Аѳонѣ, къ счастью, не нашелъ. Муравьевъ, какъ типъ міра и его суеты, искалъ святыхъ, чудотворцевъ, которые бы за нимъ ухаживали, выказывая свою святыню въ наружныхъ формахъ; а насъ учили, и учатъ, старцы, что святость иноческая состоитъ собственно въ томъ, чтобъ видѣть и глубоко чувствовать свои грѣхи, и на всѣхъ смотрѣть Ангельскими глазами, то есть, считая себя отребіемъ, другихъ и звать и называть совершенными. Поищите послѣ этого Вы святости на Аѳонѣ! Да уже ли Вы не слыхали общихъ отзывовъ Аѳонскихъ, что на Аѳонъ влечетъ Божія Матерь только для покаянія; что Господь, поручая Св. А. Петру овецъ и агнцевъ, своей Пречистой Матери вручилъ козлищъ, чтобъ она изъ нихъ творила агнцами и овцами, кто захочетъ того изъ нихъ: гдѣ жъ Вы найдете на Аѳонѣ святость, или кротость овчую и незлобіе агнчее?... Но вспомнивъ А. Н. Муравьева, я исповѣдуюсь Вамъ, что, при всемъ моемъ уваженіи и любви къ О. Макарію Оптинскому, я съ нѣкотораго времени остаюсь къ нему съ предъубѣжденіемъ. Вы знаете, что А. Н.

Муравьевъ расхвалилъ иноковъ Палестинскихъ за то, что тамъ за нимъ ухаживали раболѣпно, а Аѳонцевъ разбранилъ за то, что его не очень жаловали, даже грубили, особенно въ Протатѣ. Ухаживать за А. Ник. простительно и нашимъ Аѳонцамъ, и Іерусалимскимъ, по тому что и тѣ и другіе подъ игомъ, рады случаю получить или защиту, или лепту для насущнаго куска хлѣба и харача; но то, что простительно на Востокѣ, въ Оптинѣ ни подъ какимъ видомъ не извинительно, особенно въ скиту для О. Макарія. Вы, конечно, читали описаніе Оптиной пустыни, А Н. Муравьева. Является Г. Муравьевъ туда, и дѣлается кометою, такъ что отецъ Макарій, этотъ пресловутый старецъ (прости, Господи, если скажу) изъ человѣкогодія, дѣлается, со своими Скитянами, длиннымъ иноческимъ хвостомъ для мірской кометы. Читая описанія Муравьева, какъ раболѣпствовалъ предъ нимъ Скитъ и Оптина пустыня, признаюсь, сердчалъ на О. Макарія, или просто скорбѣлъ: онъ не оправдалъ собою Скитскаго самоотверженія, сталъ ниже своего пустыннаго положенія и мертвенности иноческой... Можетъ быть, я, какъ человѣкъ, и ошибаюсь въ дѣйствіяхъ О. Макарія, но мы видимъ внѣшнее, по внѣшнему говоримъ и разсуждаемъ. А если бы я былъ знакомъ съ О. Макаріемъ, я бы ему высказалъ свои мысли на счетъ его поведенія въ присутствіи литературной мірской знаменитости. Кстати объ О. Макаріѣ: Вы положительно пишите: Послѣ О. Макарія не останется старцевъ.» Ахъ, Авва! не обижайте Бога, и не ограничивайте Его благодати и силы только О. Макаріемъ! Вы погрѣшаете, такъ думая. По моему, иногда и теперь въ Россіи есть десятки подобныхъ О. Макарію старцевъ, но они неявны, по тому что чреда служенія спасенію человѣческому состоитъ еще за О. Макаріемъ. А будутъ иногда и его выше въ подвигахъ старцы въ послѣдствіи! Отойдетъ къ Богу О. Макарій, возстанутъ изъ среды тѣхъ самыхъ иноковъ, которые теперь не имѣютъ никакого значенія въ виду міра, какъ свѣтильники, и свѣтъ ихъ прольется иногда обильнѣе другихъ. Съ нашей стороны не возможны подобныя вещи, а Бога нельзя ограничивать ни временемъ, ни мѣстомъ, ни людьми: сила Его благодати изъ мытарей возводила въ божественное званіе Апостольства, изъ хульниковъ и гонителей въ достоинство Учителя языковъ, уже ли эта сила уже истощилась? Уже ли изсякла и благодать Св. Духа? Если Богъ неизмѣнимъ и непреложенъ, вѣрно и слово его, что сила Его въ немощи совершается. Когда была нужда, и Саулъ являлся во

пророцѣхъ, и Раавъ блудница была дивнымъ орудіемъ Промысла Божія. И отъявленные иногда грѣшники творили чудеса. Не правда ли? Если во дни Пророка Иліи, отъ его пророческаго предвѣдѣнія утаилъ Богъ семь тысячь, не преклонившихъ колѣна своего предъ Ваалomъ: не тотъ ли и нынѣ Богъ по своей силѣ и благодати? Правда, что наше время бѣдно явными чудесами, но если слѣдить за движеніями собственнаго сердца и мыслей, въ теченіе всей жизни, право, чудесъ бездна въ нихъ самихъ! А если бы хорошо ознакомиться съ Аѳономъ, то есть, съ его тайными подвижниками и сокровенными отшельниками, и вызнать всѣ событія ихъ жизни, ни чѣмъ бы не хуже онъ былъ древняго иноческаго поколѣнія. При постоянномъ общеніи кой съ кѣмъ изъ старцовъ и въ недолгое время, по чрезвынайно много, дается слышать и даже видѣть преславная и предивная таинства иноческой жизни. Нѣтъ, возлюбленный Авво, признаюсь отъ души: думаю и говорю, и на Аѳонѣ и въ Россіи чрезвычайно много есть потаенныхъ любимцовъ Божіихъ, невѣдомыхъ намъ, по тому, что взглядъ нашъ душевный еще не такъ хорошо очищенъ, чтобъ видѣть ихъ во всей красотѣ ихъ внутренняго достоинства. Надобно много учиться и изучать характеръ подвижнической жизни, чтобъ имѣть чистый взглядъ и вѣрныя сужденія о тѣхъ, кто стоитъ близко къ небу и таитъ уже въ своемъ сердцѣ радости царствія Божія; а если смотрѣть на все вашими очами, я первый признаю Вашъ взглядъ слишкомъ строгимъ, отрекаюсь отъ Вашихъ сужденій, и поставляю себѣ за правило: лучше ошибаться во всемъ, особенно въ людяхъ, но обо всемъ судить любовію и во всѣхъ видѣть совершенство святости и чистоты. За это не осудитъ Богъ, а за мрачныя мысли и мнѣнія въ разсужденіи другихъ, не диво потревожать насъ. Можно дурно судить о мірѣ, который во злѣ лежитъ, но объ обществахъ, составляющихъ красоту Церкви, нельзя сказать слова сомнительнаго; тоже и о прочихъ вещахъ, входящихъ въ составъ міра Христіянскаго. Если я высказалъ Вамъ, на перекоръ моимъ теперешнимъ словамъ, мое предъубѣжденіе противъ старца Макарія, такъ это только по тому, что я о немъ слишкомъ высоко думалъ и не чаялъ въ немъ видѣть немощи человѣческой, а кромѣ того желалъ чрезъ это показать, что наши мнѣнія о людяхъ всегда различны. Кого я считаю святымъ, другой его презираетъ, а чрезъ то самое и выказывается общее несовершенство нашего сердца, тогда какъ Вы его искали и ищете на Аѳонѣ, гдѣ только мѣсто плакать о грѣ-

хахъ, видѣть свои грѣхи и чувствовать загробную изъ за нихъ пустоту и страхованія. Желалъ бы я, чтобъ Вы, если переживете меня, пріѣхали прочитать мои келейныя записки: ихъ не перешлютъ къ Вамъ, если я и умру, по тому что на то нѣтъ моей грѣхолюбивой воли. Въ этихъ запискахъ я помѣщаю многія случаи дивныхъ аскетическихъ событій, которыя доказываютъ, что сила Божія и понынѣ совершается поразительнымъ образомъ въ немощи Аѳонскихъ отцевъ. Такъ какъ многія изъ случаевъ передаются тайно, подъ условіемъ, по этому и говорить о нихъ нельзя до времени. О, Аѳонъ! Аѳонъ! Безцѣнный Аѳонъ! Не всуе и не по напрасну сатана не любитъ Аѳонскихъ иноковъ и оглаголуетъ предъ святымъ своимъ и безгрѣшнымъ міромъ! Надобно хорошо знать Аѳонъ, чтобъ говорить о немъ; а то можно погрѣшить. Не оспариваю, что и Ваша Ладога прекрасна; но все же не Аѳонъ! Ладога, просто — Ладога! Въ Ладогѣ Св. Николай Чудотворецъ, а на Аѳонѣ Царица Небесная: превосходство очевидное! Но простите, возлюбленный. Вы не хотите ѣхать къ намъ: уединяйтесь въ своемъ келейномъ затворѣ. Богъ дастъ, увидимся въ райскихъ красотахъ, предъ Царицею Небесною, и тамъ ужъ поликуемъ и нарадуемся досыта!... И у Васъ и съ Вами Богъ, и здѣсь тоже; значитъ, спорить нечего, а только надобно радоваться радостію спасенія!...

Павла жаль съ одной стороны; впрочемъ, за его простосердечіе не оставитъ его Господь. Вы знаете, что когда человѣкъ не слушаетъ старческихъ совѣтовъ, не столько по небреженію къ нимъ, сколько по своей какой ни будь страсти, Богъ отпускаетъ таковаго преслушника по начинаніямъ сердца его, и заставляетъ его нести многоразличные кресты, часто невольные, до тѣхъ поръ, пока, убѣдившись опытомъ въ справедливости старческихъ словъ, не обратится снова на тотъ путь, по которому желаетъ его вести благодать Божія. Дай Богъ, чтобъ свихнувшійся Павелъ исправился! Передайте ему это желаніе моего сердца.

Нынѣшнее лѣто и осень у насъ очень жарки. Съ половины Августа и доселѣ въ нашемъ Русикѣ почти повальная лихорадочная болѣзнь. Смертности, однако же, нѣтъ особенной. Начиная съ Героиты и Духовника мы всѣ почти перехворали. И я съ 17 Августа почти до Октября очень былъ нездоровъ; теперь—слава Богу! Будущимъ Богъ владѣетъ.

Вы скучаете слабостью силъ: до кто изъ иноковъ здоровъ?

Я по Вашему крайне безсиленъ; для меня бдѣнія утомительныя; пища не по вкусу, но что же дѣлать? Хоть по малу до терпѣть: инаго нѣтъ рецепта! За наше киновіатское терпѣніе, право, братія завидною смертію отходятъ въ вѣчность. Нынѣ одинъ старецъ, Вятчанинъ, умирая, за день жаловался Духовнику, что его одолѣла молитва, такъ что даже заснуть не можетъ. И въ этой силѣ благодатной молитвы старецъ мирно отошелъ къ Богу! Другой новоначальный, былъ просто дивомъ, и въ немногіе дни своего подвижничества и въ смерти такъ, что, смотря на такіе образцы тихой кончины, по неволѣ стараешься кое-какъ тянуться наровнѣ съ другими. Охъ, молитесь, Авво, да милостивъ будетъ Богъ и намъ и всѣмъ! Богъ дастъ, когда свершится освященіе нашего Покровскаго храма, надѣюсь писать къ Вамъ, аще живы будемъ. Слышно было, что Вы сбирались къ намъ на зиму, но вѣрно непріязненный духъ позавидовалъ Вашему желанію и разстроилъ Ваше намѣреніе. Что дѣлать! И Св. А. Павелъ жаловался на подобныя козни сатаны, и хотѣлъ бы прійти, но возбрани сатана; а намъ и подавно вредитъ этотъ завистникъ. Если ужъ не захотѣли видѣть нашихъ пустынь, по крайней мѣрѣ, не смотрите на нихъ такими мрачными очами, какъ было доселѣ; а то, правопогрѣшите предъ Царицею Небесною и предъ Аѳонскими отцами. Предоставьте міру и литературнымъ его клевретамъ и прочимъ врагамъ Св. Горы чернить ее и клеветать: мы иноки, и намъ грѣшно смотрѣть сквозь ихъ сатанинскіе очки. Прощайте. Лобзаемся о Господѣ, мой искренній и другъ и братъ о Господѣ, О. Антоній! Не забывайте иночески и братски любящаго Васъ

Сергія.

Св. Гора Аѳонская.
Козмодаміанская пустыня близъ Русика.
1852 г., Октября 16 дня.

V.

Высокопреподобнѣйшій Батюшка, О. Антоній!

Христосъ посреди насъ!

Съ сердечнымъ удовольствіемъ и радостію имѣемъ честь извѣстить Васъ, что наконецъ, по милости Божіей, совершилось 10 Генваря, сего 1853 г., освященіе нашего новаго Покровскаго храма, при многочисленномъ собраніи и Аѳонскихъ иноковъ и мірянъ. Освященіе совершалъ Архіепископъ Софійскій, Макарій, пре-

бывающій на покоѣ въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей. Хотя Вы, по иноческой скромности, и уклоняетесь отъ принятія чувствъ нашей сердечной признательности за Вашъ прекрасный иконостасъ, на который и Греки любуются съ восторгомъ, какъ на типъ священной Христіанской старины, но мы все таки благодаримъ Васъ паки и паки за Вашу драгоцѣнную жертву. Какъ Вы ни скромничайте, а мы въ раю не дадимъ Вамъ покоя: и тамъ, Богъ дастъ, предъ Царицею Небесною будемъ благодарить Васъ за иконостасъ, и хвалить предъ Нею Вашу любовь и внимательность къ намъ. Вы знаете, что чувство признательности чувство высокое, достойное Ангельскаго сердца и человѣческой мысли. Какъ же намъ не благодарить Васъ? Нуте-ка напишите, попробуйте, что Вы не ищете отъ насъ благодарности, мы и еще тысячу разъ поблагодаримъ Васъ! И Спаситель запрещалъ хвалить Его за чудеса: а кто не хвалилъ Его? И, однако же, Всеблагій не огорчался такимъ усердіемъ и теплотою хвалебныхъ чувствъ. Не такъ ли и мы должны поступать?

Паки, по милости Божей, у насъ тихо и мирно; будущее въ волѣ Божіей. Зима быта очень на Аѳонѣ тепла; до 13 Генваря термометръ восходилъ до восьми и болѣе градусовъ теплоты, такъ что въ теченіе всего Декабря, и въ началѣ Генваря сего года собирали наши братія по пустыннымъ лѣсамъ грибы-рыжики. И теперь погода καλὰ!

Вся братія усердно кланяются Вамъ и благодарятъ Васъ за любовь. О томъ, что мы молимся за Ваше спасеніе, нечего говорить: это знаетъ и видитъ Богъ; узнаете и Вы цѣну, или безцѣнность, нашего о Васъ ходатайства въ послѣднія минуты жизни, когда каждый изъ насъ вполнѣ возчувствуетъ необходимость взаимныхъ молитвенныхъ отношеній. Помолитесь и о насъ!

Поручая Васъ благодати Божіей, и заступленію и покрову Божіей Матери, имѣемъ честь быть навсегда, съ чувствами братскаго уваженія, признательности и искренней любви, Вашими смиренными и усердными богомольцами, Святыя Горы Аѳонскія, Русскаго Пантелеимонова Монастыря.

Ὁ Ἀρχιμανδρίτης Γεράσιμος.

Русской Духовникъ Іеронимъ.

Святогорецъ І. Сергій.

1853 г., Генв. 15 д.
Русикъ. Св. Гора Аѳонская.

VI.

М. С. О. Н. Г. І. Х. Б. Н. П. Н.

Ваше Преподобіе,

Достопочтеннѣйшій о Господѣ

Отецъ Антоній!

Слава премилосердому Господу, даровавшему Вамъ обрѣсти пристанище благоутишное подъ кровомъ Пречистыя Дѣвы Богородицы, во Святой Ея обители Тихвинской! Да приличествуютъ къ Вамъ слова Св. Пророка Давида: «Ибо птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя.» Благіе помыслы обрѣтаемые сердечнымъ вниманіемъ и храненіемъ. Первый входъ Вашъ во врата обители встрѣченъ крестнымъ ходомъ съ святыми иконами, съ ликомъ священнослужителей и иноковъ, пріемлющихъ Васъ въ сожитіе свое, по благословенію Божію и благоволенію Матери Божіей принять Васъ подъ кровъ свой и заступленіе. Вамъ дано послушаніе, сродное Вашему настроенію—книгохранилище, духовная пища, избавляющая отъ глада слышанія слова Божія.

Замѣчанія Ваше о нынѣшнемъ образѣ жизни монашества, хоть и справедливы, но хотящему спастися истинно, ничто не воспрепятствуетъ итить путемъ, указаннымъ отъ Отцевъ: терпѣніемъ, и смиреніемъ, и памятію смертнаго часа. А отъ мірскаго прогресса да сохранитъ Господь всѣхъ, и ихъ и насъ! Куда онъ идетъ? Подробно о семъ разсуждать не моего ума. Міръ дошелъ до такой дерзости, что духовнымъ сталъ преподавать наставленія Богомудрія, и просвѣщенный Архипастырь нашъ Московскій Владыка Митрополитъ въ словѣ своемъ къ Преосвященному Леониду, послѣ рукоположенія его, выразился такъ: «Труденъ подвигъ (тебѣ), особенно когда овцы бодущія и противъ пастырей обращаютъ роги; когда больныя овцы, не пріемля врачеванія, думаютъ сами врачевать пастырей; когда и у тѣхъ, которые должны быть не отъ міра, міръ уже нынѣ вынудилъ слишкомъ много снисхожденія къ нему, и даже преклонилъ ихъ иное заимствовать отъ него. Послѣднее относится не къ монахамъ, а благочестиво мнящимся быть въ подражаніи міру въ обычаяхъ людей и въ прочемъ. Думаю, Вы читали статью Погодина: «Троицкая

дорога,» какъ онъ дерзко выражается о Лаврѣ и монахахъ и преподаетъ свою мораль на иноземный манеръ. Все это хорошо по ихъ мысли и что нужна гласность; да сами-то они о себѣ гласности не допускаютъ, и напиши-ка кто, то тотчасъ острыя перья полетятъ ко отмщенію. Какъ же поступилъ Господь, когда приведена была къ нему жена, ятая въ прелюбодѣйствѣ? «И же не имать въ васъ грѣха, да верзетъ камень на ню.» И не нашлось никого къ исполненію по закону Моисееву. Нѣтъ, больныя овцы не излѣчатъ пастыря, а самъ Господь силенъ исправить это дѣло намъ недовѣдомымъ образомъ.

На сихъ дняхъ посѣтилъ нашу обитель Югской Игуменъ Отецъ Варѳоломей: возвращаясь изъ Петербурга паки въ свою обитель, заѣхалъ и къ намъ, послѣ 22-хлѣтняго отбытія изъ нашихъ мѣстъ. Пріятно было свиданіе послѣ такъ долгаго времени; не пропустилъ случая побывать и въ Бѣлобережской пустынѣ—мѣстѣ своего духовнаго возрожденія.

А нашъ Отецъ Леонидъ еще не возвращался изъ Петербурга. Ожидаемъ въ половинѣ сего мѣсяца.

Прошу Васъ не оставлять меня въ молитвахъ Вашихъ, желающаго вамъ мира, здравія и спасенія, и смолитвенника Вашего многогрѣшнаго

Іеромонаха Макарія.

О. Архимандритъ и О. Игуменъ Антоній изъявляютъ Вамъ свои почтенія и Васъ благодарятъ за память объ нихъ.

7 Ноября,
1859 года.

Сообщ. Д. Д. Б....во.

СМѢСЬ.

Стран.

Царская жалованная грамота Думному Дьяку Емельяну Украинцову по заключеніи мира съ Польшею 1687 года. Сообщилъ Д. Членъ Архимандритъ Леонидъ ..... 1 — 8

Жалованная грамота Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и Царевны Софіи Алексѣевны Намѣстнику Новгородскому Князю В. В. Голицыну. Сообщилъ Архимандритъ Григорій ..... 9 — 11

Царевна Елисавета Петровна въ Александровой Слободѣ и Успенскій дѣвичій монастырь въ то время. Н. С. Стромилова ..... 12 — 62

Разсказы изъ былого времени. Ѳ. Н. Винницкаго... 63 — 111

Исльдованіе о происхожденіи и значеніи имени Рязань. Священника Николая Любомудрова ..... 112 — 155

Церковь Иліи Обыденнаго на Остоженкѣ въ Москвѣ. Діякона Александра Пшеничникова ..... 156 — 172

Списки Настоятелей Московскаго Высокопетровскаго монастыря съ 1379 года. Архимандрита Григорія ..... 173 — 220

Надгробные памятники въ Московскомъ Высокопетровскомъ монастырѣ. Его же ..... 221 — 233

Нѣсколько писемъ Іеросхимонаха Сергія, извѣстнаго подъ именемъ Святогорца, и другихъ къ Игумену Антонію Бочкову. Сообщ. Д. Д. Б....во ..... 234 — 253

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00046099103